

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

№ 1

Редакторъ-Издатель

Профессоръ .

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

Русскій Колоколъ

— есть журналъ національной и патріотической волевой идеи. Его цѣль — служеніе самобытной и великой Россіи. Его задача — глубокое и всестороннее обновленіе духа въ русскомъ образованномъ слоѣ, укрѣпленіе русскаго самосознанія и отборъ качественныхъ силъ. Мы исповѣдуемъ родину, какъ священное начало. Мы осуждаемъ революцію; мы отрицаемъ соціализмъ и коммунизмъ; но мы не ищемъ возстановленія дореволюціонныхъ порядковъ. Мы вѣримъ въ величіе новой, грядущей Россіи; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. Мы крѣпко вѣримъ въ государственную одаренность русскаго народа и знаемъ, что Россія возстановится на путяхъ религіознаго очищенія и самобытнаго творчества. Мы не связаны ни съ какими партіями и организаціями. Но мы ищемъ и зовемъ единомышленниковъ по всему свѣту. Мы ждемъ идейнаго и волевого отклика отъ всякой живой души, умѣющей ставить Россію выше всего.

Да поможетъ намъ Господь!

РЕДАКЦІЯ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 1

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

CERCLE RUSSA

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

„РУССКІЙ КОЛОКОЛЬ“.

Послѣ долгихъ униженій и страданій пробуждается духомъ національная Россія. Съ нею наши помыслы. Ей отдана наша воля; ей посвящено наше служеніе. Ей навстрѣчу звучитъ нашъ Колоколъ.

Проходятъ годы великаго смятенія и крушенія, годы, полные грозныхъ, пророческихъ событій. Мы видѣли эти событія и уразумѣли ихъ; они были явлены намъ, но не только намъ однимъ: неисповѣдимымъ промысломъ Божиимъ Россія первая вступила на путь изживанія мірового соблазна. Десять лѣтъ длится это хожденіе по мукамъ. И вотъ, гдѣ-то впереди забрежжилъ конецъ его.

Сколько разъ за эти годы содрогалось наше сердце до самой глубины!.. Сколько разъ изнемогалъ умъ, сисясь охватить законы совершающагося!..

Но воля, напрягаясь, закалялась въ суровыхъ рѣшеніяхъ и страшныхъ клятвахъ... Но, не колеблясь, вѣдала наша вѣра, что жива попрежнему святая Русь; что не развѣяна ея духовная сила, укрѣпленная и взрожденная русскимъ Православіемъ; что, какъ встарь, отъ татарской погони, ушелъ нашъ священный Кремль на дно таинственного озера и дивно всплыветъ въ предназначенный часъ; что въ зримомъ умирانی незримо возрождается наша Россія, да славится въ ней Воскресеніе Христово!

Пробьетъ этотъ желанный часъ и начнется исцѣленіе. Россіи понадобятся всѣ ея вѣрные сыны, гдѣ бы они ни были и подъ какимъ бы бременемъ они ни изнывали. Всѣ, кто огнемъ своей любви скажутъ «я — русскій!..» Всѣмъ бу-

детъ мѣсто и дѣло въ ея обновленной жизни; она всѣхъ спаяетъ новымъ примиреніемъ и новымъ братствомъ.

Къ этому великому часу мы должны неутомимо готовиться. Всѣ мы, кто любимъ Россію, гдѣ бы мы ни были и подѣ какимъ бы бременемъ мы ни изнывали. И нынѣ же мы должны сказать себѣ и другъ другу, въ чемъ нуждается наша родина? чего она потребуетъ отъ насъ? въ чемъ мы видимъ ея спасеніе? и что мы должны дѣлать въ будущемъ для того, чтобы никогда болѣе не повторились эти годы смятенія и крушенія?

И вотъ, первое, въ чемъ нуждается Россія, есть религіозная и патріотическая, національная и государственная идея.

Мы должны увидѣть идеальную Россію, нашу родину въ ея возможномъ и грядущемъ совершенствѣ; увидѣть — священною мечтою нашего сердца и огнемъ нашей живой воли. И увидѣвъ ее такъ, и увидѣвъ ее такою, создать тѣ силы, которыя осуществятъ ее, — Россію природныхъ и национальных дарованій; Россію великихъ залоговъ и завѣтовъ; Россію святителей, геніевъ и поэтовъ; Россію передъ лицомъ Божиимъ...

Каждому русскому, кто бы онъ ни былъ, необходима эта священная идея его родины, какъ руководящая цѣль, какъ живой источникъ его земного міровоззрѣнія, какъ движущій мотивъ, какъ критерій для провѣрки всѣхъ его поступковъ; и болѣе того: какъ предметъ, о которомъ онъ молится всегда и прежде всего, и за который онъ способенъ умереть.

Эта священная идея Россіи указываетъ намъ цѣль всей нашей борьбы и всего нашего служенія; и не только на ближайшіе сроки, а на цѣлыя вѣка впередъ. Она охватываетъ всѣ силы Россіи и все ея достоинство: отъ вѣры до быта, отъ пѣсни до труда, отъ духа до природы, отъ языка до территории, отъ подвига до учрежденій. Въ этой идеѣ мы видимъ все Русское сбереженнымъ и взлелѣяннымъ, обогащеннымъ и расцвѣтшимъ; и тысячами голосовъ самобытно хвалящимъ Творца.

Стоитъ ли намъ жить безъ этой идеи? И не изъ нея ли всегда рождались тѣ усилія и взлеты, та преданность и то терпѣніе, тѣ мечты и тѣ прозы, которыя создали Россію въ исторіи?

Безъ этой идеи все скудно и половинчато; все безцѣльно; все безъ руля и безъ вѣтриль: — и культура, и искусство; и хозяйство, и политика; и война, и миръ. Вредна безъидейная программа; нелѣпа безъидейная борьба, — нелѣпа и обречена. Ибо только священная идея даетъ силы для борьбы; только она даетъ настоящую побѣду.

Эта идея зоветъ къ созданію великой Россіи. Духовно великой; и вслѣдствіе этого — великой и государственной; великой и оправданной передъ лицомъ Божиимъ; а потому великой въ людяхъ и для людей. Ибо земное и человѣческое величіе — или освящено и благотно; или есть тлѣнь и прахъ.

Россія должна обрѣсти глубокія и животворящія, но развѣянныя и утраченныя основы своей вѣры и освятить ими свое земное бытіе. Она должна раскрыть міропріемлющія силы православнаго христіанства, освящающія и природу, и трудъ, и искусство, и науку, и государственность; — и освятить ими себя.

Это есть идея великодержавной Россіи, воздвигнутой на основахъ подлинно христіанской, волевой и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и потому священной родины.

Въ этой идеѣ, христіанской и милосердной, и, въ то же время, государственной и грозной, — высказана наша цѣль, наше будущее, наше величіе. Она отвергаетъ раба и хама; и утверждаетъ брата и рыцаря. Она учитъ чтить божественное въ человѣкѣ; и потому требуетъ для него духовнаго воспитанія. Она даетъ человѣку свободу для духа, для любви и для творчества; но не даетъ ему свободы для лжи, для ненависти и для злодѣйства. Она учитъ принимать право, законъ и дисциплину доброю волею; и требуетъ, чтобы мы заслуживали себѣ свободу духовнымъ самообладаніемъ. Она зоветъ къ братству; но выражаетъ братство не въ равенствѣ, а въ справедливости и въ справедливомъ рангѣ. Она зоветъ къ творческому труду, ограждая собственность; но самую собственность освѣщаетъ, какъ отвѣтственную обязанность и какъ призывъ къ щедрости. Она утверждаетъ бракъ, какъ таинство; и семью, какъ школу любви, вѣрности и повиновенія. Она учитъ строить государство не на выгодѣ и про-

изволеніи, а на долгѣ и вѣрности; не на интригѣ и подозрѣніи, а на уваженіи и довѣріи; не на честолюбіи и заговорѣ, а на дисциплинѣ и преданности вождю за совѣсть. И потому она зоветъ насъ воспитывать въ себѣ монархическіе устои правосознанія.

Эта идея есть древняя и исконная русская идея. Она предносилась нашимъ подвижникамъ и лѣтописцамъ; нашимъ государямъ и полководцамъ; и простымъ людямъ, и образованнымъ; и разумнымъ, и юродивымъ. Она національна по происхожденію. Но она національна и по цѣли. Ибо она утверждаетъ, что русскій народъ уже доказалъ и утвердилъ свое право на существованіе, создавъ великую, духовную и державную культуру; и что потому онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ, отстаивая свое бытіе и свои права. «Россія» есть имя великой національной культуры и великой государственной организаціи; это есть имя того духовнаго лона, созданнаго русскимъ народомъ, въ которое сто сорокъ различныхъ племенъ сдѣлали свой бытовой, а иногда и духовный вкладъ, и въ которомъ они нашли свою родину. Созданіямъ этого творческаго лона нынѣ изумляются другіе народы; а впереди его ждетъ грядущій творческій расцвѣтъ и величіе. И потому Россія должна не служить другимъ народамъ, жертвуя собою, сокрушаясь отъ непосильныхъ напряженій и поучая ихъ своимъ крушеніемъ, но беречь свои силы и воспитывать своихъ сыновъ къ духовнымъ достиженіямъ и подвигамъ.

Расцвѣтъ русскаго духа и русскаго творчества есть цѣль, вѣрная и цѣнная сама по себѣ. Всякій, борющійся за нее, правъ передъ лицомъ Божиимъ и передъ всѣмъ человечествомъ; и недалекъ тотъ часъ, когда другіе народы научатся чтить насъ и перестанутъ дѣлать изъ насъ простое орудіе для своихъ цѣлей. Но для этого мы сами должны познать и признать свою міровую цѣнность; мы должны научиться чтить въ себѣ свое національное достоинство, не переоцѣнивая другихъ народовъ и не подражая имъ; мы должны спокойно и увѣренно внять инстинкту нашего національнаго самосохраненія.

Такова наша религіозная и патріотическая, національная и государственная идея. Она есть то первое, въ чемъ нуждается Россія. — —

Второе, что необходимо ей — есть воля и характеръ.

Не выдумывать, не мечтать, не вздыхать призваны современные поколѣнія русскаго народа въ цѣломъ и русской интеллигенціи въ особенности; — но видѣть и разумѣть; разумѣть и рѣшать; рѣшать и осуществлять. Россія требуетъ отъ всѣхъ насъ воли и дѣла. Не легкомысленныхъ толчковъ; не короткихъ порывовъ; не безотвѣтственныхъ эксцессовъ. Но — глубокихъ, выдержанныхъ и властныхъ рѣшеній, изливающихся въ систему организаци и въ систему организованныхъ дѣйствій.

Это нужно не на «завтра» и не на «послѣзавтра»; это нужно на нѣсколько поколѣній. Россіи нужны люди, умѣющие любить и притомъ любить самоотверженно; умѣющие желать и притомъ изъ глубокой и сильной воли; умѣющие поступать и брать на себя отвѣтственность за свой поступокъ. Россіи необходимы не растерянные и напуганные обыватели, но люди съ гражданскимъ мужествомъ; не слабые, а сильные; не гнущіеся, а ведущіе; — люди съ крѣпкимъ національнымъ характеромъ; русскіе адаманты. Они необходимы ей не только для того, чтобы совершить ея освобожденіе и возстановить ее; но еще для того, чтобы воспитать въ ней новыя поколѣнія съ пражданскимъ мужествомъ и съ характеромъ.

Воспитаніе характера — вотъ великое національное заданіе Россіи; вотъ ея волевая идея на вѣка. Русскому человѣку необходимъ характеръ, религіозно укорененный, патріотически накаленный, способный къ дѣяніямъ долгаго замысла и медленнаго, выдержаннаго исполненія.

Отъ расовыхъ кровей и отъ внѣшней природы русскій человѣкъ получилъ много даровъ; но это свойство онъ долженъ выстрадать и пріобрѣсти самъ. Русская душа дышетъ легкостью и внутренней свободой; — и нуждается въ волевой дисциплинѣ. Она богата талантомъ; — и нуждается въ трудолюбіи. Она глубока и темпераментна; — и нуждается въ волевомъ и разумномъ трезвеніи. Она добра и гостепріимна; — но не проработана чувствомъ долга. Она религіозна по природѣ; — но нуждается въ зоркомъ очищеніи и въ выдержанной борьбѣ съ соблазнами. Она мечтательна, созерцательна и

въ чувствахъ своихъ неуравновѣшена; — но именно поэтому она нуждается въ самообладаніи и въ силѣ характера.

Эта сила не дана русскому человѣку, а задана ему; и вся наша исторія, начавшаяся съ разочарованій татарскаго ига, исполненная непрерывныхъ военныхъ напряженій и гражданскихъ жертвъ, не облегчала намъ это самовоспитаніе, а затрудняла его: сильные гибли въ героической борьбѣ, а слабые привыкали къ пассивному терпѣнію.

Россія нуждается въ сильныхъ людяхъ. Чтобы вести другихъ, надо самому умѣть стоять и умѣть идти. Слабые ничего не возглавлять, никого не поведутъ и никого не воспитаютъ. Воспитывать могутъ только сильные: только мужественный можетъ взростить мужественныхъ; только трудолюбивый можетъ приучить къ трудолюбію; только добросовѣстный можетъ воспитать добросовѣстныхъ. Только честный и грозный страшенъ злодѣямъ. Въ русской исторіи перевернута страница безотвѣтственной мечтательности и пассивной критики. Суровое и трудное время требуетъ твердой воли и трезвой, желѣзной работоспособности. Пусть это будетъ меньшинство: всякую страну всегда ведетъ меньшинство; но это меньшинство должно быть качественно на высотѣ — оно должно быть религіозно идейнымъ, организационно умѣлымъ и технически знающимъ. И тогда въ отвѣтъ на качественный зовъ — народъ начнетъ выдѣлять изъ себя качественныхъ людей и развернетъ свои лучшія и благороднѣйшія свойства.

Это второе, въ чемъ нуждается Россія.

И третье, что ей необходимо — это свободный и спокойный патріотическій реализмъ для мирнаго и творческаго выхода изъ революціи.

Мы знаемъ и понимаемъ, что революція была духовною болѣзью, великимъ всенароднымъ несчастьемъ, отъ котораго всѣ русскіе люди безконечно много потеряли: одни потеряли все и даже возможность жить у себя на родинѣ; другіе потеряли очень много, гораздо больше, чѣмъ они приобрѣли, и чѣмъ они, можетъ быть, нынѣ сознаютъ это; — ибо тотъ, кто въ революціи приобрѣталъ для себя, тотъ терялъ вмѣстѣ со всею страной безконечно больше приобретеннаго.

Нынѣ мы всѣ ищемъ духовнаго и политическаго выздоровленія отъ этой болѣзни. Мы знаемъ и понимаемъ, что впредь въ Россіи многое будетъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ было раньше; и никто изъ насъ не желаетъ возстановить все по старому. Мы видимъ впереди новую Россію, лучшую, въ исторіи еще не бывалую. Правда, она сначала будетъ несравненно болѣе бѣдна и слаба, и несравненно менѣе образована; но мы принимаемъ всѣ эти тяжелыя послѣдствія революціонной бѣды и готовы нести ихъ бремя жизнью и волею. Ни къ кому изъ русскихъ людей, любящихъ Россію, какъ свою родину, мы не питаемъ ни злобы, ни мстительныхъ чувствъ; напротивъ, выше всего ставя благо Россіи, мы желаемъ одного, чтобы она была избавлена отъ новаго, повальнаго, имущественнаго передѣла и, слѣдовательно, отъ новой гражданской войны...

Реальное благо Россіи — стоять для насъ выше всего; ему должны быть подчинены всѣ частныя, групповыя и классовыя интересы. Трезво и честно, отвѣтственно и по совѣсти опредѣлить самъ русскій народъ въ лицѣ своихъ лучшихъ людей; что нужно для его умиротворенія и творческаго труда; и да будетъ все согласно этому опредѣленію! Мы свободны отъ всякихъ дореволюціонныхъ, классовыхъ и сословныхъ предразсудковъ; мы ищемъ для Россіи — величія, а для себя только одного: счастья идейно и честно служить ей до гроба!

Совѣтская власть обречена; и она падетъ. Она должна быть свергнута; и будетъ свергнута. И кто бы изъ русскихъ патріотовъ, свергнувшихъ ее, ни взялъ въ свои руки власть, — пусть только онъ реально ведетъ и блюдетъ благо Россіи, — мы готовы помогать ему трезво и честно, идейно и отвѣтственно. Да свершится русское національное дѣло! А мы ищемъ для себя одного: счастья вѣрно служить величію Россіи...

Вотъ въ чемъ нуждается наша родина. Вотъ чего она требуетъ отъ насъ. Вотъ въ чемъ мы видимъ ея спасеніе.

Россіи нуженъ идейный волевой и творческій кадръ: рыцарственный кадръ. И она уже готовитъ его для себя въ лишеніяхъ и испытаніяхъ. Онъ мученически томится внутри страны; онъ героически ведетъ борьбу въ лѣсахъ и въ тюрьмахъ; онъ изнываетъ въ непосильной работѣ по всему

міру. Пусть же онъ знаетъ и твердо вѣритъ, что въ немъ, въ его духовной силѣ и зрѣлости — залогъ нашего національнаго спасенія!..

И Россія скоро позоветъ его. Ибо близятся историческіе сроки; и народъ нашъ, потрясенный и отрезвленный, возвращается къ своимъ національнымъ алтарямъ, къ священнымъ истокамъ своей жизни...

Да звучитъ же нашъ Русскій Колоколъ!..

Съ нами Господь нашего Китежа!!!

Редакторъ.

О СВЯЩЕННОМЪ.

Грозная бѣда постигла человѣчество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовныя основы своего бытія. Его жизнь стала безцѣльна; его творчество — безсмысленно; его благія силы стали скудны и немощны; его влеченія — низменны и необузданны. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе становится оно слабымъ въ добрѣ и сильнымъ во злѣ. Есть ли предѣль этому паденію и гдѣ онъ?

Это паденіе прекратится и этотъ предѣль установится; но не ранѣе, чѣмъ въ сердцахъ возродится живое и глубокое чувство священнаго, — живая и подлинная религіозность. Въ душахъ изсякли благодатные источники богосозерцанія; они должны вновь забить ключомъ. Современные люди какъ бы ослѣпли для Божіихъ лучей, пронизывающихъ міръ; имъ предстоитъ вновь прозрѣть. Самодовольный и плоскій разсудокъ возсталъ противъ живой тайны Божіей; ему предстоитъ смириться и преобразиться въ вѣрующій разумъ. Божіи лучи опять засіяютъ человѣку съ очевидностью; но до этого и для этого ему предстоитъ очиститься въ глубокихъ страданіяхъ и униженіяхъ... И изъ этой глубины онъ опять воззоветъ къ своему Господу!

Человѣчество растеряло свои святыни. Онѣ не исчезли и не перестали быть; онѣ попрежнему реальны. Но человѣкъ не видитъ ихъ, не испытываетъ ихъ, не трепещетъ и не ликуетъ отъ духовнаго прикосновенія къ нимъ, не загорается и не горитъ, не любитъ ихъ и не рвется къ нимъ, не борется за нихъ и не ищетъ ихъ осуществленія. То, къ чему тянется масса современнаго человѣчества — то не священно; а мимо священнаго она проходитъ — равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кощунствующая. И судьба ея въ томъ, что тѣ, кто сегодня равнодушны — завтра будутъ

враждебно буйствовать; а тѣ, кто вчера были безразличны — сегодня уже изрыгаютъ хулу...

Въ горнемъ планѣ реально все попрежнему. Святъ и дивенъ Господь — и въ небесахъ, и въ Сынѣ Своемъ, и въ вѣяніи Своего Духа, и въ таинствахъ благодати, и въ тайнахъ созданнаго міра. Попрежнему все насыщено священной значительностью. Попрежнему славить Творца — и величіе торъ, и взволнованное море; и мертвый кристалль, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговѣйно вопрошающая мысль; и пѣніе птицъ, и закатные лучи, и молчаніе ночи. Попрежнему намъ дается болѣе, чѣмъ мы умѣемъ взять, и прощается болѣе, чѣмъ мы этого стоимъ.

Но съ каждымъ поколѣніемъ становится все больше и больше людей, которые не живутъ въ горнемъ планѣ, не видятъ его, не знаютъ о немъ и не знаютъ вообще, что онъ есть. Міръ, который они видятъ, — вещественъ и случаенъ; мысли, которыя они накапливаютъ о немъ, — плоски и мертвящи; чувства, которыми они обращаются къ нему, — мелки и похотливы; цѣли, которыя они себѣ ставятъ — коротки и себялюбивы. И вся жизнь ихъ — безблагодатна, безъидейна и безкрыла. И сами они — остаются игралищемъ собственныхъ страстей и чужихъ вліяній. Они лишены хребта, но не лишены жаднаго напора. И если ихъ еще сдерживаетъ страхъ, то идея давно уже не ведетъ ихъ. Ими править не духъ, а вождетѣніе. Каждый изъ нихъ имѣетъ «существованіе», но рѣдко кто изъ нихъ причастенъ благодатному бытію и выстраданной, священной, благодарованной силѣ.

По силамъ ли имъ соблазны разнузданныхъ страстей, прикрытыхъ окаменѣвшимъ безбожіемъ? Какія священные начала они могутъ противопоставить паѳосу отрицанія? Никакихъ. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни тѣлеснымъ ощущеніямъ, ни разсудку, ни животнымъ чувствамъ, ни пустопорожней волѣ. Что можетъ возразить нигилисту тотъ, кто не испытываетъ и не знаетъ ничего священнаго? Практическій матеріалистъ, съ плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими цѣлями, — что можетъ онъ противопоставить теоретическому матеріалисту, утверждающему, что такимъ и надо быть не стыдясь? Богопустынная душа безсильна передъ напо-

ромъ діавола: ибо діаволъ есть лишь вѣрный идеологъ для безблагодатности и безъидейности.

Религіозно слѣпая и безкрылая поколѣнія нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсѣмъ не неожиданно: это плодъ, давно завязавшійся и долго зрѣвшій. За этимъ умонастроєніемъ, за этимъ душевно-духовнымъ укладомъ лежить исторія нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ укладъ возникъ изъ того, что человѣкъ ослѣпился закономѣрностью матеріи и стройностью разсудка; и отдалъ имъ центральное чувствилище своего духа; а душевная инерція додѣлала остальное. Человѣкъ зажилъ такими органами души, которые безсильны въ обращеніи къ священному, которые берутъ только внѣшнюю поверхность предметовъ и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его въ этомъ укладѣ: любопытствующій наблюдатель сталъ успѣшно обслуживать прозаическаго корыстолюбца и оба вмѣстѣ, соединенными усиліями воспитали самодовольнаго резонера. И когда привычный резонеръ и плоскодумъ обернулся назадъ и увидѣлъ внѣшніе покровы заброшенныхъ имъ святынь — онъ иронически и кощунственно засмѣялся.

Вмѣстѣ съ Вольтеромъ и вслѣдъ за Вольтеромъ европейское человѣчество высмѣяло и просмѣяло свои святыни. Эта слѣпая, самодовольная и легкомысленная иронія выдавала себя и принималась за проявленіе свѣта, за высшую зрѣлость. А на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла въ душахъ слѣпоту и религіозную немощь. Это былъ не только отказъ отъ священнаго; это былъ отказъ отъ серьезнаго и благоговѣйнаго подхода къ священному. Эта иронія не только отрѣзала религіозныя крылья у человѣка, но какъ бы прижигала еще своимъ ѣдкимъ ядомъ урѣзанныя мѣста: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала міръ и душу. И, слѣдуя за нею, человѣкъ привыкалъ считать откровеніе вымысломъ, догматъ — предразсудкомъ, молитву — чудачествомъ или ханжествомъ. Мало того, онъ привыкалъ издѣваться надъ молитвою, надъ собою, прежде молившимся, но болѣе не молящимся, и надъ самымъ Предметомъ своей бывшей молитвы. Религіозная слѣпота становилась критеріемъ просвѣщенности; а жизнь, опустошенная отъ

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTAIGNE

святѣни, становилась подлиннымъ царствомъ пошлости.

Солнце не померкло въ небесахъ. Но ослѣпшіе глаза утратили его образъ. Душа повѣрила, что солнца нѣтъ; и погрузилась во внутренній мракъ.

Отъ насъ зависитъ выйти изъ этого мрака на подобіе того, какъ вышелъ изъ него евангельскій слѣпорожденный: ибо цѣлительная грязь уже возложена на наши глаза и намъ остается промыть ихъ и видѣть. Въ этомъ религіозный смыслъ нашего революціоннаго крушенія.

Безъ священнаго человѣка нѣтъ жизни на землѣ, а есть только прозябаніе, круженіе въ порочныхъ страстяхъ, униженіе и гибель. Что мы безъ святѣни? — прожорливые черви, хищные звѣри или испуганныя овцы... Живое отношеніе къ святѣнѣ впервые дѣлаетъ человѣка — ч е л о в ѣ к о м ъ ; служеніе ей — строить его личность и созидаетъ его характеръ.

Воспріятіе священнаго — пробуждаетъ душу къ жизни отъ соннаго прозябанія; и тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ пусть считаетъ себя духовно спящимъ. Испытать священное и узнать его — значитъ пережить главное въ жизни, такое, чѣмъ воистину стоить жить и за что воистину стоить бороться и умереть. Этимъ воспріятіемъ душа бываетъ потрясена и какъ бы ранена; ранена — божественнымъ совершенствомъ; но не къ болѣзни, а къ исцѣленію, радости и любви. Въ этотъ моментъ, если онъ состоялся впервые, въ ней совершается какъ бы нѣкая завязь духа, личности и характера; въ этотъ моментъ въ ней какъ бы небо отдѣляется отъ земли; или въ жилищѣ ея какъ бы воздвигается алтарь; или въ градѣ ея какъ бы возносится на горѣ Кремль съ его святѣнями. Въ человѣкѣ возникаетъ его священный центръ, къ которому отнынѣ все должно стекаться и отъ котораго все должно исходить. Отсюда онъ будетъ впредь обращать свой взоръ къ Божественному и здѣсь онъ будетъ искать вдохновенія и умудренія; отсюда будутъ возноситься его молитвы; здѣсь будутъ даваться его страшныя и ненарушимыя клятвы; здѣсь будутъ приниматься жизненныя и смертныя волевыя рѣшенія. Пребывать въ этомъ центрѣ и жить его откровеніями составляетъ смыслъ жизни; оберегать его въ себѣ и укрѣплять — есть пожизненное заданіе; служить ему есть вѣчное призваніе человѣка и источникъ бла-

женства. Ибо блаженство — въ вѣрности: въ вѣрности Божественному зову и указанію.

Гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его (Матѣ. VI. 21); и именно поэтому цѣнность человѣка опредѣляется цѣнностью его сокровища. Тотъ, кто вздыхаетъ о ничтожномъ. — тотъ самъ ничтоженъ; поклоняющійся пустому — пусть въ своей душѣ. Пороченъ человѣкъ, поскольку онъ мечтаетъ о порочномъ; и золъ тотъ, чья воля тянется къ злодѣйству. Но тотъ, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Богу — тотъ таинственно и реально пріобщается Его правдѣ и Его силѣ. Онъ уже не пусть и не ничтоженъ; въ его личности есть не только земное, но и твердь небесная; его алтарь становится главнымъ центромъ его души, а сама душа его уподобляется Кремлю. Попрежнему его душа, какъ у всѣхъ, имѣетъ свои слабости и страсти, а, можетъ быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезаетъ въ человѣкѣ, пока онъ живетъ на землѣ. Но личность его уже не сводится къ его страстямъ и слабостямъ; напротивъ: утвердившись въ священномъ и создавъ въ себѣ алтарь живого Бога, она вышла изъ своихъ страстей и противопоставила себя имъ. Она не исключила ихъ изъ себя; это не удалось ей; и не можетъ удался, пока она живетъ на землѣ. Но владычеству ихъ пришелъ конецъ. Она пріобрѣла власть надъ ними; она уже можетъ не подчиняться и не предаваться имъ. Въ любой мигъ она можетъ сосредоточить свою энергію у алтаря, загорѣться и воззвать о помощи; и въ этотъ мигъ она уже осилила и превозмогла. Ибо въ ней есть источникъ высшей силы; и страсти уже не ведутъ ее къ паденію съ той неотвратимой необходимостью, съ которой течетъ вода и осыпается песокъ.

Священное зиждетъ въ душѣ человѣка алтарь, этотъ источникъ священнаго горѣнія и священной силы. Отсюда власть человѣка надъ самимъ собою; власть дарующая ему внутреннюю увѣренность и свободу. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть путь къ праведности. Ибо праведность достигается именно черезъ упражненіе, укрѣпленіе и осуществленіе этой свободы. Бытіе человѣка начинается именно съ этой внутренней власти и свободы; то бытіе, котораго нельзя ни разло-

жить, ни извратить, ни сломить, которое дѣлаетъ изъ чело-
вѣка при его жизни — живой очагъ духовной
силы; и которое свѣтитъ другимъ, и ведетъ другихъ — и
послѣ самой смерти его.

И вотъ, избытокъ этого духовнаго самообладанія помазуетъ
человѣка — къ вѣрной власти надъ другими, къ
властному веденію и воспитанію ихъ во имя Божіе. И люди
сами чуютъ и чувствуютъ это; и съ облегченіемъ приѣмлютъ
такую власть, зная, что источникъ ея — въ служеніи
священному. Вотъ глубокій смыслъ этого труднаго и
таинственнаго слова: «нѣтъ власти не отъ Бога» (Римл. XIII. 1);
и напрасно думать, что это слово зоветъ насъ — повиноваться
дьявольской власти только потому, что она «успѣшно» воздвиг-
лась на злыхъ страстяхъ.

Что есть челоѣкъ безъ святыни?.. Пустая видимость чело-
вѣка; обманная личина личности, не болѣе. Къ чему способенъ
онъ, служа своимъ страстямъ и прихотямъ? Къ слишкомъ
«многому», — но именно потому, что онъ не способенъ къ гла-
вному. Можно ли вѣрить ему, если онъ самъ не вѣритъ Богу,
и если онъ черезъ эту вѣру не научился еще — вѣрить себѣ
самому? Оставаясь одинъ на одинъ, передъ лицомъ Божіимъ,
онъ отвертывается отъ Бога и измѣняетъ себѣ. Какъ же мо-
гутъ вѣрить ему другіе? Что можетъ онъ противопоставить
хладному и темному духу соблазна? Какъ противостанетъ
онъ ему, не имѣя ни священнаго знамени, ни священной идеи?
Ибо если онъ нынѣ отводитъ соблазнъ только потому, что онъ
сейчасъ не сулитъ ему выгоды, то завтра соблазнъ при-
детъ къ нему въ обличіи выгоды и разсчета; и увлечетъ его
на свои пути...

Что противопоставляетъ современное челоѣчество заразѣ
воинствующаго безбожія? Трезвыя соображенія о томъ, что
коммунизмъ и порочность «не выгодны». А если черезъ десять
лѣтъ духовно ослѣпшія массы найдутъ, что коммунизмъ при-
быленъ, а порочность выгодна?.. Тогда онѣ соскользнутъ въ
бездну съ тою необходимостью, съ которою течетъ вода и обсы-
пается песокъ...

Опустошенный и растерянный, современный челоѣкъ не
можетъ и не умѣетъ бороться со стихіею пошлости и съ на-
поромъ дьявольскаго начала. Для этой борьбы необходимъ
религіозный закалъ души; необходима предан-

ность священному и вѣрность алтарямъ. Призрачные люди не могутъ и не должны участвовать въ этой борьбѣ: они всегда будутъ подобны картоннымъ кирпичамъ, заложеннымъ въ стѣну; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ скорѣе обрушится стѣна. Для этой священной борьбы необходимы не оглушенные, не опоминающіеся и не прозрѣвающие; но прозрѣвшіе, окрѣпшіе и закалившіеся; такіе, которые изъ глубины своего духа поняли, что дѣйствительно не стоитъ жить тѣмъ, за что не стоитъ умереть; и которые волею приняли бремя этой великой, міровой борьбы во имя священнаго.

Такіе люди яснымъ и спокойнымъ взоромъ узнаютъ другъ друга при первой же встрѣчѣ; и не ошибаются. Они узнаютъ другъ друга по священному закалу души; и вѣрятъ другъ другу такъ, какъ вѣритъ исконно-свой исконно-своему. Ибо ничто не сближаетъ и не соединяетъ людей такъ, какъ вѣрное стояніе передъ алтаремъ единого Бога.

Отъ союза такихъ людей, отъ ихъ волевого братства въ духѣ и въ дѣлахъ придетъ спасеніе Россіи. И каждый изъ насъ призванъ нынѣ къ тому, чтобы найти въ себѣ свой алтарь; зажечь на немъ неугасимый огонь; закалить въ немъ свое чувство, свою волю и свой разумъ; — и потомъ искать своихъ братьевъ въ духѣ; и найдя ихъ, связаться съ ними священными, закрѣпленными узами на жизнь и на смерть.

Только въ такомъ рыцарственномъ служеніи и союзѣ создастся и выдвинется необходимое Россіи поколѣніе. Поколѣніе людей, способныхъ вести борьбу и строить святую Русь подъ знаменемъ религіозной и національной, — священной идеи; способныхъ подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способныхъ создать власть, подлинно идущую отъ Бога.

Россія спасется и возстановится только черезъ священное служеніе Священному...

И. А. Ильинъ.

КАКЪ НАМЪ БЫТЬ ?

(Изъ писемъ о Россіи).

Иногда я получаю письма, написанныя болью за Россію, всегда волнующія, порой очень горькія, безоглядно указывающія на виновниковъ небывалаго разгрома, полныя убѣжденности, что — «теперь, уцѣлѣвшіе и сохранившіе еще силы бороться за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься въ наше прошлое, рѣшительно покончить съ „идеалами и фетишами” такъ называемой прогрессивной, или передовой русской интеллигенціи, въ сущности безнаціональной, — должны познать подлинное свое, творить и хранить его».

Рѣдкое письмо не заключало въ себѣ вопроса: «какъ намъ быть?» Давались и рѣшенія:

«Надо выработать основы, „заповѣди”, какъ и за что стоять, свято повѣрить въ нихъ и осуществлять только ихъ, чтобы не тратить безплодно силъ».

«Мы должны отбросить вопросы „вѣчные” и „проклятые”, надъ чѣмъ больше вѣка трудилась наша радикальничавшая интеллигенція, требовавшая „прямыхъ отвѣтовъ”; должны покончить со всѣми этими разсужденіями о „правдѣ-истинѣ” и о „правдѣ-справедливости”, чѣмъ щекотали мозги досужливые люди, мучившіе себя вопросомъ — „имѣемъ ли мы право погружаться въ искусства, въ науки... получать образованіе на деньги, выколоченныя съ бѣднаго народа, пребывающаго во тьмѣ?” — это образованіе получавшіе, сидѣвшіе въ редакціонныхъ креслахъ, поджигавшіе на политическія убійства, тайно рукоплескавшіе имъ, изъ безмѣрной „любви къ народу”, будоражившіе „народъ”, толкавшіе молодежь на дѣло смерти и, въ концѣ концовъ, столкнувшіе Россію въ пропасть!...»

«Мы должны рѣшать наши вопросы, близкіе русской жизни, а не весь свѣтъ любить и за него терзаться, — терзается онъ за насъ? — укрѣплять наше, не отдѣлять „народа“ отъ Россіи, принимать всю ее, со всѣми ея классами, не отщелушивая все лучшее, что выдѣляла страна вѣками на всякихъ попрощахъ. Только, укрѣпивъ „поле русское“, попробуемъ засѣвать и „міровое поле“, если сѣмена найдутся, если суждена намъ „миссія“!»

«Наша миссія — возрожденіе Россіи. Снова и снова — подвигъ, подвигъ новаго созиданія Россіи, въ потѣ и крови монаха и солдата, вѣчныхъ русскихъ подвижниковъ! Вотъ наши идеалы. Не самоувѣренность политиковъ съ провалившимися программами, не любованье своимъ идеализмомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, не прикрытыя пафосомъ патриотизма чаянія „вернуть свое“, а великое послушаніе Россіи, великое за нее стояніе!»

«Гдѣ духовные вожди, наши?! Сколько ихъ было у „отцовъ“, и куда привели они!.. Почему не руководили лучшіе? почему осмѣивались достойнѣйшіе? Надо „разрыть могилы“, надо воздвигнуть лучшихъ, услышать непонятый ихъ голосъ. Есть они! Они же Россію создавали, указывали пути свѣтлые. Тихія ихъ лампы манили ее изъ тьмы. „Огни міра“ сожгли ее. Какъ же намъ быть?!»

Я отвѣчалъ вопрошателямъ. Я чувствовалъ, что они мучаются всѣмъ этимъ, что они ждутъ совѣта. Меня смущало, что я не имѣю опыта въ рѣшеніи государственныхъ и исторической важности вопросовъ, да еще при такомъ разгромѣ, при такомъ-то провалѣ идей и идеаловъ!; — что я не мыслитель, не политикъ, не проповѣдникъ и не судья тяжкихъ и роковыхъ ошибокъ поколѣній. И все же я отвѣчалъ по-сильно. Я понималъ, что новое поколѣніе жаждетъ новаго наполненія и новыхъ идеаловъ, что безъ идеаловъ оно существовать не можетъ: оно же русское поколѣніе! Мнѣ было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистовъ политики и «проклятыхъ вопросовъ», что эти специалисты для вопрошателей — банкроты, что иные изъ нихъ какъ бы и виновники разгрома. Я долженъ былъ отвѣчать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающій. Я чувствовалъ иногда по письмамъ, что святой огонь, которымъ горѣли души лучшихъ людей и поколѣній, еще горитъ въ опаленныхъ и

оскорбленныхъ, лишенныхъ родины; что не «прометеевъ» это огонь, а чистый огонь Россіи, огонь жертвы, любви и вѣры, — огонь отъ ея лампадъ. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крикъ страданія. Я начиналъ постигать, что теперь, надъ всѣми «проклятыми» вопросами былого, поднялся — святой вопросъ, что этотъ святой вопросъ — о бытіи Россіи. И, преодолевая сомнѣнія, отвѣчалъ, прислушиваясь къ душѣ Россіи — къ душѣ вопрошателей моихъ.

Чтобы не повторяться, я счелъ полезнымъ выступить какъ бы съ общимъ отвѣтомъ вопрошателямъ. Я не считаю эти мои отвѣты-письма исчерпывающими. Это какъ бы мси бесѣды. Я имѣю передъ собой не искушенныхъ въ «государственныхъ опытахъ» знатоковъ, а искренно мучающагося собесѣдника-друзя, большею частью изъ поколѣнія, выросшаго въ войнѣ и разгромѣ, отдавашаго себя въ жертву за Россію, близкаго мнѣ по духу, — изъ того несчастнаго поколѣнія, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки слонится», воздухомъ чужимъ дышитъ, но которое страстно хочетъ увидѣть лелѣемую въ мечтахъ Россію, хочетъ найти ее и крѣпко ее беречь.

Вотъ для этихъ, сердечно близкихъ, и пишу я, посильно хочу отвѣтить моему многоликому, но единому въ духѣ вопрошателю.

I.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то изступленное мѣстами, — особенно тамъ, гдѣ вы проклинаете «виновниковъ», — взволновало меня искренностью, исканіями и кипѣньемъ души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пылъ раздраженія обрадовали, — далеко не все справедливо въ обвиненіяхъ вашихъ, — а вашъ духовный запасъ обрадовалъ, ваше «не подаюсь!» — ваше страстное чужаніе Россіи и жажда ее познать (пусть пока черезъ изученіе написаннаго о ней) — вѣра въ нее — послѣ всего! — вотъ что меня обрадовало. Этого-то какъ разъ и нехватало огромной части нашей интеллигенціи, въ Россіи жившей и такъ мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько въ васъ пламенной тяги къ ней, любовнаго къ ней горѣнія, словно вы въ

ней одной соединили всѣ чарованія невѣсты, матери и сестры, всѣ восторги, не отданные вами любимой, которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть, должна быть суждена вамъ! Вы ее любите страстно-больной любовью, какою матери любятъ незадачливаго ребенка.

Много больного въ вашихъ словахъ о ней. Много трепета и огня, священнаго, чистаго огня. Вы еще не любили въ жизни. Ваши любви не нашли себѣ выхода, наливались и увядали, сожженные. Именно — чистаго огня, несмотря на всю грязь и кровь, на всѣ ужасы, черезъ которые вы прошли, борясь неустанно и непрестанно, не подаваясь, вѣра. И сохраниться такимъ, какимъ я чувствую васъ въ письмѣ, «дѣвственникомъ», — какъ рыцарь, который «имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму», — сохранить себя при такихъ условіяхъ безпричальной, бродяжной жизни, въ работѣ подъ землею, въ глуши, безъ единственной близкой, живой опоры, при убивающемъ духъ сознаніи, что кругомъ, во всей Европѣ и по всему міру, никому, кромѣ раскиданныхъ соотечественниковъ, нѣтъ никакого дѣла до нашего! Всѣ противъ насъ. Въ нашей даже средѣ — сколько есть противъ нашего, сколько разъединителей и гасителей воли и вѣры нашей! А вотъ, не угасаетъ воля, не умираетъ вѣра. Вы живы и подъ землей, въ черной и душной шахтѣ, и, какъ рыцарь былыхъ эпохъ, вѣрнымъ остались Той, прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, которая ни одной улыбки не подарила вамъ, которая не ваша, за которую вы приняли столько мукъ.

Понимаю васъ, когда вы говорите:

«Если бы не она — мучающій меня такъ сладко ея призракъ, въ которомъ и погубленная моя невѣста, и бѣдная моя мать, и мои пропавшія безъ вѣсти сестры... если бы не послѣдняя моя вѣра, что Россія все еще гдѣ-то есть — и будетъ! — давно бы съ собой раздѣлался!..»

И еще:

«Во имя ея прошлаго, во славу ея будущаго — страдаю. Но дайте, дайте живого дѣла!»

Видите, вотъ ужъ и — идеалы. А вы съ такимъ отчаяніемъ сказали: «Надъ всѣми „идеалами“ — крестъ!» Не обойдетесь безъ идеаловъ. Многое придется отвѣять изъ «идеаловъ», выправить и ввести новые идеалы, придется

и въ самой русской интеллигенціи отборъ сдѣлать и объяснить, чѣмъ была передовая, какъ вы называете ironically, русская интеллигенція, и какою она должна бы быть; но безъ идеаловъ, безъ окрыленія и озаренія жизни — ни жить, ни творить нельзя.

Объ этомъ мы еще побесѣдуемъ. А пока укажу вамъ на авторитетъ, называемый и великимъ, и національнымъ, называемый такъ почти всѣми, даже несхожими съ нами въ отношеніи къ нашему, — чтимый теперь, какъ святыня культуры нашей, — на Пушкина. Приведу чудесную его вѣру, — она-то и въ васъ горитъ:

«Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу —
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человека, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.)»

Правду этой, Пушкинской вѣры вы должны чувствовать очень остро. Развѣ вы чувствуете — пустыню? развѣ ваша душа — безъ божества? Нѣтъ, пока въ душѣ — она, вы можете еще молиться. Вотъ — правда и вѣра Пушкина, заповѣдь его, національнаго, нашего Учителя, котораго мы еще мало знаемъ. Читайте и перечитывайте его. Онъ весь — національный. И, весь національный, полный національнаго, онъ и за-национальный, онъ — всякій, какъ Достоевскій открылъ его. Въ немъ какъ бы знаменіе будущей Россіи, ея возможностей! И вотъ, это его вѣщаніе — главнѣйшая изъ основъ бытія всякаго народа. Это — религіозное. Это — религія, духовная связь съ родиной. Это — національный идеаль. Это гласъ Божій въ насъ. И это онъ въ васъ, съ самаго вашего рожденія, съ первой каплей молока матери, съ первымъ звукомъ родного слова, во всѣхъ чувствованіяхъ вашихъ, во всѣхъ грѣсахъ. Это весь опытъ прошлаго, корни прошлаго, отсвѣты

солнца прошлаго, освѣщающіе намъ путь, съ истоковъ родины нашей, съ первыхъ, дѣтскихъ ея шаговъ — до торжественно-властной поступи въ исторіи народовъ! Это голоса славныхъ гробницъ нашихъ, завѣтовъ и заклинаній тѣхъ, что пали за дѣло родины. Эти голоса наполняютъ духовное наше существо. Въ этихъ беззвучныхъ отзвукахъ слышны и шопоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы изъ сновъ далекихъ, и мудрыя велѣнья... Это — исторія. Это — пѣснь, вѣщая пѣснь Россіи, вѣщій голосъ чудесныхъ ея Пѣвцовъ, ихъ «гласъ пророковъ». Это — мерцающія лампы у гробницъ, опаляющіе огни великихъ испытаній.

Великое богатство предковъ, ихъ опыта, — навѣки связало васъ, и ведетъ, если вы подлинно кровный, ихній. Вы — кровный. Вы чутко слышите зовъ завѣтовъ, вѣщанія толосовъ подземныхъ. Они, эти голоса, слышимые черезъ Великихъ, чуемые инстинктомъ, шумятъ непрестанно въ васъ, стучатъ въ вашемъ сердцѣ кровью, ведутъ на страшныя испытанія, поддерживаютъ вашъ духъ надеждой, шопотомъ въ васъ влюбленной, рвущейся къ вамъ Россіи. Почему — тоска? Да потому, что она, единственная, къ вамъ рвется, болью своею знаетъ, что вы отдали за нее... потому, что она вамъ дороже всѣхъ міровъ. Вы связаны съ ней навѣки, и она съ вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

«И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать!»

Здѣсь — тайна родины, родины; — тайна тайнъ. Съ вами Она, всегда. Беззвучный шопотъ и зовъ ея — на вашемъ бездорожьи, подъ тяжкою землею, въ шахтахъ. Этотъ — родины зовъ беззвучный — и въ вашемъ письмѣ ко мнѣ, и въ трепетѣ вашемъ страстномъ, и въ проклятыяхъ вашихъ, и въ молитвѣ... въ единственной молитвѣ — за Россію!

Ваша неправда мнѣ человѣчески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?.. Оставьте маленькое, не опаляйте духа. Для творческаго дѣла храните святой огонь. Злое коварно прельщаетъ васъ — растратить себя

впустую. Соберите себя, готовьтесь къ выдержанной борьбѣ. Духовно вооружайтесь: придетъ время.

Я понимаю, какъ кровоточить рана...

Съ перваго курса университета — въ войнѣ, три года боевой жизни, раны, опять на фронтѣ, борьба за Москву, два героическихъ года бѣлой борьбы, раны, эвакуація, Галлиполи... Вы все прошли. И столько потеряли!.. Лично потеряли.

Потеряли невѣсту. «Забыла...» — пишете. Отца вашего, скромнаго педагога, разстрѣляли. Вашего брата забрали въ красную армію, — онъ застрѣлился. Мать выгнали съ послѣдняго клочка, и она умерла отъ голода, отъ горя. Сестры не даютъ о себѣ вѣстей... Да, вы мученикъ. И ваши проклятія «отцамъ», не всегда справедливыя, оправдываются тѣмъ «адамъ», который въ вашей душѣ, въ которомъ вы прожили лучшіе годы ваши. Вамъ 32, семь лѣтъ вы въ бояхъ, дважды пробита грудь. Теперь — подъ землею, будете киркою въ черную стѣну шахты, какъ рабъ, работаете на бывшихъ враговъ, близкихъ по прошлому, за чью свободу вашъ дѣдъ проливалъ кровь подъ Плевной! Вы часто бьетесь — пишете вы въ письмѣ — «этой незадачливой головой въ душную стѣну, черную, какъ вся моя жизнь!» И вотъ, послѣ всего такого, вы сохранили любовь къ Единственной, сохранили чудесное — вашу вѣру!..

Вы чудесный идеалистъ. Всей своей героической жизнью — эти тринадцать лѣтъ — больше, чѣмъ жизнь! — вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что съ ними нельзя покончить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцію, и съ ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончитъ. Другой вопросъ, насколько всѣ эти идеалы были необходимы, цѣнны, — насколько связывались они съ главнымъ Идеаломъ. Не было ли пустой работы и, что ужаснѣе, работы во вредъ и гибель — Ему? А безъ идеаловъ... какъ же?..

Вы во многомъ правы, когда такъ страстно вините «отцовъ», «вождей». Но зачѣмъ — огульно? Не вся интеллигенція русская была такою. Были и вѣрныя направленія, законнѣйшія теченія русской мысли, здравыя государственно-національно; но, роковыми путями, не вобрали они въ себя главныя силы русскаго общества и растратили

свой огонь впустую. Нѣтъ, не впустую, впрочемъ: отъ нихъ-то и свѣтится въ васъ огонь; отъ нихъ-то и разгорится пламя! Они не созрѣли къ сроку...

Вы обвиняете «вожаковъ-отцовъ» въ легкомысленномъ отношеніи къ Россіи, въ непониманіи — что есть родина, въ беспочвенности, въ отсутствіи патріотизма, въ рабскомъ подчиненіи «европѣ», въ стыдѣ за отсталость нашу, за нашу исторію, за угнетенія втянутыхъ въ насъ племенъ, за корыстный захватъ пространства, съ которымъ мы не въ силахъ будто бы совладать, за легкомысленныя мечты о «мірѣ», за фальшивое «христіанство» и «богоношеніе», за «мессіанство»... Вы обвиняете ихъ въ стыдѣ за такую, «отсталую», «Великую Россію». Вы обвиняете ихъ, что они отказались отъ наслѣдства, отъ колыбели, качавшей ихъ. Вы обвиняете ихъ въ самолюбованіи и гордынѣ: «на цѣлый міръ замахнулись», — это вы такъ о лѣвой интеллигенціи, — «о внѣнаціонально-міровомъ обществѣ возмечтали, а что дали, что изъ Россіи сдѣлали!» Вы обвиняете ихъ въ корыстномъ захватѣ власти, во властолюбіи, въ безвѣріи, въ рабствѣ мысли, въ поклоненіи «фетишамъ», въ непониманіи національных цѣнностей, въ погонѣ за призраками, за рѣшеніемъ «астрономическихъ» вопросовъ, вмѣсто того, чтобы постигать смыслъ и цѣнность родного «чернохлѣбья». Вы обвиняете ихъ въ трусливости, что не вышли съ вами на Сатану, что оказались терпимыми къ Сатанѣ, признавъ кое-что своимъ изъ его программы, повѣривъ въ добрую его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете ихъ въ ненависти къ ошибкамъ былой власти, которыя они называли «преступленіями». Именуєте ихъ слѣпцами, неспособными видѣть великаго роста родины, которую они проглядели всю, не желая видѣть великихъ достиженій, пугавшихъ и изумлявшихъ міръ.

«Предать — такую!!»

Вы во многомъ правы, частично правы. Не вся наша интеллигенція такова: неоднородна она, разноголоса въ главномъ, безъ скрѣпы «великимъ стержнемъ». Она и теперь разноголоса, она и теперь безъ «стержня», и потому — бессильна. И вы, новое поколѣніе, чудомъ какимъ-то проявившее крѣпость воли, имѣете право обвинять ее въ дряблости. Вы, проявившій чуткость къ беззвучному голосу Россіи, имѣете право

обвинять ихъ въ слѣпотѣ и глухотѣ, въ нечужаши «почвы». Вы имѣете оправданіе: вы показали жертвенность, превыше программъ и разнообразіа поставили вы Россію, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионовъ братьевъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно, — «пустили» — какъ говорите — «на подливку къ чортовой кашѣ, которую приготовили изъ Россіи отцы-вожди, — для кого?!» Не съ «народа» же спрашивать! И мнѣ понятно, что послѣ такихъ-то нечеловѣческихъ страданій, «какъ каторжникъ въ рудникахъ, работая изъ-за горсти бобовъ, стискиваешь безсильно зубы и бьешься незадачливой головой въ душные угольные стѣны!»

«Пусть же раздумаются „отцы“ надъ этимъ!»

Они раздумываются. Лучшіе изъ нихъ уже давно раздумываются, и... — съ вами. Оплакиваютъ, и такъ же безсильно бьются незадачливой головой объ душные стѣны... міра. Они сознаютъ ошибки. Непримиримы къ неисправимымъ будьте.

Вы сильны, и терпѣливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцовъ».

У многихъ изъ нихъ сердце облито кровью: ихъ дѣти — мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку въ моемъ непростеніи и судѣ! Основоположниковъ-то разгромя, пожалуй, и нѣтъ давно. И безлики они, какъ была безлика для нихъ Россія. Останется для суда — камень, разбившій чудесный Ликъ, осквернившій святое въ Ней. А тѣло... сверлятъ и пожираютъ черви. Червей не станешь судить: ихъ растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди»,—эта законная делегація народа, интеллигенція: придется поговорить и о правителяхъ.

Пишу вамъ не для того, чтобы искать виновниковъ: надо познать ошибки и преступленія, чтобы не повторять ихъ.

Вы избрали, по моему, вѣрную дорогу: познать причины, основныя причины «краха» и подвести фундаментъ подъ будущее строеніе. Вы начали съ познаванія Россіи. Необходимо знать исторію Россіи; познать, что не простая это исторія, а какъ бы священная исторія, совершенно осо-

бенная, чѣмъ исторія другихъ европейскихъ народовъ, — вторая священная исторія, какъ была когда-то первая; — исторія со своей Голгоою! Объ этомъ мы побесѣдуемъ особо.

Вы перечитали Ключевского, «Россію и Европу» Данилевскаго, славянофиловъ, Герцена, Константина Леонтьева; — «открытіе»! — говорите, — «все у Достоевскаго, что написано имъ о „русскомъ“...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенціи интересовалось больше исторіей европейскихъ идей и особенно — революцій. Въ мое время исторіей русскихъ идей и идеаловъ интересовались одиночки. Большинство же такъ называемой «революціонной», или, какъ вы иронически называете, — «передовой» интеллигенціи — увлекалось по русской исторіи критикой, стыдилось «взлетовъ двуглаваго русскаго орла» — «хищнаго» орла! — и «шелеста знаменъ русскихъ». Для этой интеллигенціи въ исторіи Россіи пріятнѣйшими страницами были развѣ «вольные Новгородъ и Псковъ»; «Боярская Дума»; споры ученыхъ, — была ли «конституція» при избраніи на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачова, «проявленія массъ»; — и темнѣйшими пятнами являлись эпохи Николаевъ и Александровъ, — расцвѣтъ Россіи. Съ увлеченіемъ остротой, прочитывались книжонки, сработанныя для пропаганды, — о «тайнахъ Россійскаго Двора», о развратѣ Петра, о юбкахъ Елизаветы, о любовникахъ и фавориткахъ, объ интимностяхъ переписокъ, о подробностяхъ умерщвленія царей, о «расхищеніяхъ народнаго достоянія Самодержцами», объ угнетеніи «народа», о подавленіи самостоятельности и независимости племенъ, «стоящихъ на высшей, чѣмъ мы, культурѣ», о пораженіяхъ Россіи... — хулу и пошлость, мелочи историческаго сора. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей — партійной и политической — интеллигенціи, считавшей себя передовою, было недовольно русской исторіей и не сказало бы такъ чудесно, какъ сказалъ когда-то въ письмѣ къ Чаадаеву мудрый и благородный Пушкинъ:

«... Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы ни переимѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какой намъ Богъ ее послалъ».

Вы читали Герцена... Да, онъ очень подчасъ стыдился... и даже извинялся, что онъ — русскій! И очень неприятно извинялся. Мы наклонны къ самооплевыванію. Было и раболѣпство передъ «европейскимъ», и зависть къ европейской исторіи, къ революціямъ и крестьянскимъ войнамъ, къ ея эффектности. Наша исторія... — какая «простота», какая «будничность»! Теперь мы имѣемъ — эффектиѣйшую, наикровавѣйшую изъ всѣхъ исторій...

Вы ознакомились и съ идеологіей русскаго образованнаго слоя. Досадно: въ освѣщеніи пристрастномъ. Покаявшимся «отцамъ» слѣдовало бы самимъ освѣтить «путанныя дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при свѣтѣ полученнаго «эффекта». Вы дѣлаете выводъ: «какое рабство передъ „европой“!» Да, плохо. Плохо, что безъ критики поклонялись, пересаживали, не приготовивъ почвы, въ священномъ восторгѣ пересаживали, упуская изъ вида первѣйшій изъ идеаловъ — идеалъ Родины, знаніе своей почвы, неразрывную связь съ прошлымъ, съ «гробами предковъ», — родину подмѣнивъ отвлеченнымъ понятіемъ «народъ».

Васъ возмущаетъ и «болтовня философовъ», ложныхъ философовъ. И меня возмущаетъ иногда, какъ же не возмущаться вамъ?! Вы — участникъ дѣла, жертва, истекали кровью, борясь со Зломъ, видя его воочию... — а они — «блаженно-самовлюбленно плаваютъ и полощутся въ легкомъ теченьи мыслей... упражняются въ діалектикѣ, словно играютъ въ теннисъ!» Они «играютъ въ мысли». Не обращайтесь вниманія, пусть играютъ. Слушайтесь вашей совѣсти, не спорьте съ ними, не возражайте имъ. Это, своего рода, — спортъ. Не возмущайтесь «куриною слѣпотою» ихъ, ничего не осмыслившихъ, не знавшихъ боя, рассматривающихъ Зло, какъ философскую категорію, и горячо порицающихъ, «съ точки зрѣнія христіанской», сопротивленіе Злу мечомъ.

«Какъ они смѣютъ, — пишете вы, — осуждать мечъ на Сатану, мечъ — Крестъ, когда они ни меча не держали, ни ранъ отъ него не получали, ни Сатаны не видали и даже вѣрятъ въ него, какъ въ „философскую категорію“, а Крестъ для нихъ только условный символъ?!»

Какое до нихъ вамъ дѣло? Пусть себѣ осуждаютъ, пишутъ. Скользьте мимо играющихъ.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось новымъ: — жила импульсами. Она прислушивалась къ «философамъ», принимая «процессъ» за истину, и крики часа сего—за вѣчное. Вдохновенно-страстно бѣжала она по крику и горячо возмущалась, что правители не внимаютъ «мудрецамъ».

Исторія европейскихъ «идей» обильна примѣрами того, какъ возвѣщенное «мудрецами» раскалывало передовыя массы любой страны. Для насъ въ этомъ было роковое. Наша интеллигенція получила въ короткій срокъ множество всякихъ «идей» и «категорій», и, скороспѣлки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнѣе, ибо мы, скороспѣлки, ходомъ нашей исторіи обречены были догнать. На насъ, не имѣвшихъ крѣпкой, національной, почвы, многоплеменныхъ, поставленныхъ судьбою между Западомъ и Востокомъ, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождающуюся единую основу, — помѣшали образованію крѣпкого, національнаго, русскаго ядра. Вотъ тутъ-то, въ несложеніи крѣпкого національнаго ядра, въ расщепленіи силъ лучшей части народа, въ центробѣжности этихъ силъ,—и лежитъ главная причина свалившагося на насъ разгрома. Тысячи «проклятыхъ» вопросовъ раздирали русское образованное общество. Множество силъ ушло на «прямые отвѣты», на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, часто далекихъ намъ, когда требовалось желѣзной жизнью, сущими интересами Россіи ставить единый, святой вопросъ — укрѣпленіе бытія Россіи.

Вы пишете:

«Предали насъ, своихъ дѣтей... уводя отъ Россіи въ міръ, вода по міру, чтобы въ концѣ концовъ пустить и Россію, и всѣхъ насъ — по-міру! Любя всѣхъ, въ сущности не любили никого. Не познали Россіи и не научили и насъ познавать ее. Мы узнали ее сами, да! Мы встали за нее по инстинкту, сохранившемся въ насъ отъ вѣковъ связанности съ нею черезъ предковъ, черезъ ихъ кровь-труды, че-

резъ что-то въ ея исторіи, отъ ея воздуха, отъ ея природы, отъ ея хлѣба, — по инстинкту, въ насъ крикнувшему — спасай! — какъ часто бываетъ въ жизни, когда угрожаетъ любимому смертный часъ, когда любимый гдѣ-то, далеко гдѣ-то, — и вотъ, защемить и захолонеть на сердцѣ. Они, ведущая вѣкъ интеллигенція, любили призракъ, а не живое тѣло, не живую душу Россіи».

Да, вы за нее встали — по инстинкту. Вы почувствовали Россію. Вы не poznали ее реально, любовнѣйшимъ изученіемъ ея, непосредственнымъ прониканіемъ въ нее, — у васъ не было времени на это, — но вы восприняли ее черезъ душу постигшихъ ее творцовъ, великихъ, національныхъ, нашихъ, — Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лѣскова, Тютчева, Мельникова-Печерскаго, Менделѣева, Достоевскаго, Толстого... и многихъ-многихъ, — черезъ истинно полноправныхъ представителей Россіи, слушавшихъ трепетъ души ея. Вы постигли ее черезъ великихъ собирателей ея — отъ Александра Невскаго до Петра, Екатерины, Александровъ, — черезъ сподвижниковъ ихъ, черезъ подлинное національное, а не «европейское», — и вы полюбили Россію дѣтскою чуткостью, взяли ее — инстинктомъ. И за нее боролись. Вы полюбили не «народъ», какъ почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенція, а всю ее, не дѣлимую на сословія и классы, внѣ всего переходящаго, связанную со всѣмъ и всѣми, что въ ней, и на ней, и съ ней, что было у ней, что есть, что будетъ. Полюбили такъ, какъ любили ее Великіе... какъ любили ее и цари... да, цари... какъ любить, не сознавая того совсѣмъ, и весь народъ русскій... и, запоздало, — многіе теперь русскіе интеллигенты, даже съ «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее все, — за свѣтлую, грезящуюся вамъ Россію, за Бѣлую Россію, — не за могильный саванъ ея, а за бѣлыя пелены Рожденія! По вѣрѣ вашей, по мукамъ вашимъ — родится она, должна родиться! И больно, что есть люди, русскіе люди, которые все еще не хотятъ прозрѣть, все еще не хотятъ понять, что ваша борьба за Нее есть жертва за прошлыя ошибки и преступленія, великая жертва необходимости, страшная историческая правда, а не ошибка, или чуть ли не преступленіе!

Русская интеллигенція, роковымъ образомъ, не смогла создать крѣпкаго національнаго ядра, къ которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантамъ изъ всего русскаго, живого. Не было національно воспитанной, сильной, русской интеллигенціи. Былъ великій разноречивой силой, и равнодѣйствующая сила этихъ пошла не по Россіи, а внѣ, — въ «пространство». Русская интеллигенція переоцѣнила это «пространство», сочтя его своимъ. Пространство не отозвалось. Оно показало себя — своимъ, не нашимъ, даже враждебнымъ намъ, оно показало въ себѣ много совсѣмъ чужихъ, национальныхъ ядеръ, которыя охраняли свое, которыя не пожелали принять безродное; — и, откинутая въ пространство, Россія пошла куда-то... — и попала туда, гдѣ принимаютъ безыменныхъ, — въ цѣпкія лапы Интернаціонала, — безроднаго, безгосударственнаго, безбожнаго, алчнаго и завистливаго, умерщвляющаго живое. Попала, несмотря на героическую, — увы! — запоздалую борьбу вашу. «Народъ» безмолвствовалъ. Ибо править жизнью не «почва», а «сѣятели». Вина не въ одномъ моментѣ, какъ и спасеніе: не черезъ моментъ. Вина давно назрѣвала. И освобожденіе — путь величайшихъ напряженій.

Надо къ нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенціи, надо понять свое національное назначеніе, понять Россію, ея пути, — каждый народъ имѣетъ свои пути, — и, понявши, идти покорно, покорно цѣлямъ, указаннымъ Судьбою — Смысломъ исторіи — Богомъ. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблужденія и преклониться передъ Россіей, передъ ея путями. Она пойдетъ. Силы ея велики, и надо умѣть съ ними обращаться.

Ив. Шмелевъ.

Ланды.
Августъ 1927 г.

НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА.

Вотъ уже скоро десять лѣтъ мы спрашиваемъ съ чувствомъ неутолимаго горя и тревоги: какъ могло это случиться? почему не удалось это предотвратить и пресѣчь? гдѣ причины этого невиданнаго въ исторіи крушенія? и что намъ, вѣрнымъ сынамъ Россіи, дѣлать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможнымъ?

Нѣтъ смысла задавать эти вопросы въ пространство; намъ не къ кому обращаться съ ними; мы должны поставить ихъ передъ собою и сами отвѣтить на нихъ. Ибо судьбы Россіи открыты только намъ, русскимъ: міръ не знаетъ Россіи и не понимаетъ ее, и не пойметъ ее даже тогда, когда, наконецъ, догадается, что всякій образованный человѣкъ долженъ знать русскій языкъ. Намъ не отъ кого ждать свѣта и спасенія; мы можемъ разсчитывать только на свои силы. Мы сами призваны къ тому, чтобы понять, рѣшить и свершить. И надѣяться намъ можно только на Божію помощь и на собственную безконечную, религіозную преданность родинѣ: отсюда мы почерпнемъ наше разумѣніе, нашу волю и нашу неустоимимость. И только смерть смѣнитъ насъ на посту...

Не въ матеріальныхъ основахъ жизни, не въ хозяйствѣ и не въ техникѣ надо искать послѣднихъ причинъ нашего крушенія, а въ духовныхъ основахъ: ибо — когда духъ на высотѣ, то онъ овладѣваетъ матеріальными условіями и задачами; тогда онъ подчиняетъ ихъ себѣ, строитъ, создаетъ и совершенствуетъ. Матеріальное важно и существенно; но оно есть лишь продуктъ духа и средство духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный духъ можетъ поставить матерію на высоту.

Наше крушеніе есть прежде всего духовное крушеніе: развалилась наша духовная храмина и возсоздавать намъ надо прежде всего ее. И поскольку мы говоримъ именно

о крушеніи русскаго государства, постольку мы должны начать съ развалившагося русскаго правосознанія.

Правосознаніе всегда живетъ въ насъ, но мы слишкомъ часто не замѣчаемъ его въ себѣ и пренебрегаемъ имъ. И за это бываемъ наказаны. Это оно говоритъ въ насъ, когда мы переживаемъ чувство гражданскаго долга; это оно удерживаетъ насъ отъ захвата и насилія, когда въ насъ просыпается голодъ или гнѣвъ; это оно обуздываетъ наши посяганія и побуждаетъ насъ исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляетъ насъ мечтать о нашемъ національномъ и государственномъ величій; это оно заставляетъ биться наше сердце при видѣ русскаго трехцвѣтнаго флага и сжиматься болью при видѣ нашихъ униженій. Источники правосознанія — патріотизмъ и чувство собственного достоинства, чувство чести. Основныя проявленія его — самообладаніе и братское единеніе съ людьми единой родины. Его стихія — воля. Его орудіе — власть и подчиненіе. Его задача — крѣпкая дисциплина и несломимая организація. Облеките все это въ законъ и порядокъ — и вы создали государство. Осуществите все это силами великаго народа — и вы создадите великую державу. Подточите и разложите все это въ душахъ — и все расплзется въ смуту, хаосъ и позорную хлябь...

И вотъ, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское національное правосознаніе. Это время нынѣ истекаетъ. Оно должно пройти безвозвратно. И на насъ лежитъ священный долгъ помочь нашему народу выйти изъ этой смуты и возстановить свое правосознаніе. Иначе онъ не возстановитъ Россію.

Для того, чтобы мы, русскій народъ, смогли начать новую эпоху въ исторіи Россіи, творческую эпоху достоинства, силы и славы, намъ надо усвоить всей душой основную аксіому политики. Она гласитъ: строить государство значитъ прежде всего и больше всего воспитывать въ народѣ глубокое и сильное правосознаніе.

Правительство, уклоняющееся отъ этой задачи — подтачиваетъ бытіе своего государства. Правительство, развра-

щающее правосознание своего народа — заслуживает самого позорного конца.

Грѣхъ русскаго дореволюціоннаго правительства на протяжении цѣлыхъ десятилѣтій состоялъ въ томъ, что оно уклонялось отъ этой задачи: оно пользовалось правосознаніемъ русскаго народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни собственностью, ни справедливымъ рангомъ, ни вѣрною мѣрою свободы. Злодѣйство же совѣтскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно осуществило въ исторически небывалыхъ размѣрахъ систематическое растлѣніе русскаго національнаго правосознанія: донинѣ сѣетъ оно соблазнъ и насаждаетъ преступность въ благодушной и благородной, но дѣтской душѣ нашего народа; и этимъ оно готовитъ себѣ неизбѣжно жестокой и позорный конецъ.

Если хоть на минуту отрѣшиться отъ микроскопическаго разсматриванія текущихъ политическихъ событій и взглянуть впередъ на вѣка, то надо будетъ установить съ несомнѣнностью: будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. Народы же, захваченные порочной противогосударственностью или отравленные внѣполитической сентиментальностью — будутъ разложены и поглощены; они прекратятъ свое самостоятельное существованіе; и совершится это еще на протяжении ближайшихъ столѣтій.

Вотъ почему русскій человѣкъ, русскій государственно-мыслящій патріотъ имѣетъ передъ собою основную задачу, о которой онъ долженъ думать день и ночь: задачу углубленія и укрѣпленія русскаго національнаго правосознанія.

И посмотрите, какъ исторія идетъ въ этомъ намъ навстрѣчу...

Я имѣю въ виду, конечно, не государственныя и культурныя «завоеванія» революціи, а тотъ отрицательный активъ, который накапливается въ русскихъ душахъ. Пусть глупцы или софисты говорятъ о «завоеваніяхъ революціи». Мы говоримъ о ея урокахъ и обличеніяхъ. Отрицательные уроки революціи велики и глубоки; и проходить

мимо нихъ непростительно даже самымъ легкомысленнымъ обывателямъ.

Такъ, передъ революціей въ умѣ и сердцѣ русской интеллигенціи царилъ хаосъ: добро и зло смѣшались до неразличимости; людямъ видѣлся ликъ «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавшихъ изъ подъ «ангельскаго» хитона, никто не могъ или не хотѣлъ замѣчать. Больная религіозность интеллигенціи тянулась къ эротическому пустословію, а политиканствующая революціонность становилась чѣмъ-то вродѣ религіи. Русская государственная власть поносилась, какъ сущее зло, а ея властныя и необходимо строгія мѣры, ограждавшія бытіе Россіи, обличались, какъ «озлобленное насилие». Политическія и уголовно-политическія преступленія считались доблестью; а вѣрныя слуги Россіи убивались на всѣхъ перекресткахъ. Умъ становился все циничнѣе, а добродѣтель оставлялась на долю наивнымъ «недоумкамъ»...

Въ революціи зло выдѣлилось, обособилось, скинуло всякіе покровы и не стѣсняясь явило міру свою богомерзкую харю... — —

Видѣли ли мы ее? Испытали ли ея окаянную злобу? Поняли? Научились? .. — —

Поистинѣ, никогда еще въ исторіи человѣчества не было дано людямъ такъ и такое для отрицательнаго умудренія. Никогда еще чистое зло не выявляло себя съ такимъ неприкрытымъ, сознательнымъ безстыдствомъ, съ такимъ «пророческимъ» ожесточеніемъ, съ такою навязчивою притязательностью. Здѣсь патріотизмъ и доблестъ были прямо объявлены «преступленіемъ», а цинизмъ сталъ естествомъ ума. Революція попраала живую и чистую религіозность, и провозгласила свою ложь послѣдней и окончательной истиной. Досужее и нечистое пустословіе предреволюціонной публицистики смѣнилось неистовымъ срамословіемъ большевизма. Дьяволь всталъ во весь ростъ и заставилъ русскую интеллигенцію признать, что не все на свѣтѣ «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасеніе наше — въ обращеніи взора и души къ Богу...

Послѣ революціи нельзя шататься въ духовной смутѣ. Нельзя тянуть къ «мистическому анархизму», къ «хлыстовству», къ черной и получерной магіи, къ «аристократическому бунтарству», къ «народническому непротивленству»,

къ «революціонной церковности», къ салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной безпредметности. Въ революціи пришлось научиться — вѣрно и увѣренно отличать, гдѣ въ земной жизни Дѣло Божіе, и гдѣ дѣло діавола. И тотъ, кому революціонная грязь не открыла глаза, того историческій процессъ унесетъ — или въ станъ діавола, или, какъ опавшую листву, въ ворохъ историческаго мусора.

Будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И если мы хотимъ, чтобы Россія имѣла будущее и, притомъ, великое будущее, то мы должны стремиться къ тому, чтобы русское правосознаніе углублялось и крѣпло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означаетъ, что мы должны релігіозно осмыслить право и релігіозно обосновать государство. Осмыслить — не разсудкомъ; и обосновать не въ теоріи. Нѣтъ. Цѣльно, изъ глубины, чувствомъ и волею испытать и принять этотъ смыслъ, и связать нашу государственную жизнь и дѣятельность съ послѣдними основами нашего христіанскаго богосвидѣнія.

Это необходимо не потому, что «релігія нужна государству»; и не потому, что «релігіозность полезна народу въ моральномъ отношеніи». Но потому, что релігіозно неосмысленное и неосвященное — вообще ненужно человѣку въ высшемъ смыслѣ этого слова; и то, что релігіозно необосновано, т. е. не укоренено въ Бого-воспріятіи, — то мертво, безсильно и бесплодно въ духовной жизни.

Но именно поэтому, въ противовѣсъ современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, — я считаю правильнымъ поставить вопросъ такъ: если «православно» вѣрующій человѣкъ, по цѣльной и глубокой, жизненно-искренней вѣрѣ своей, считаетъ право и государство началами христіански грѣховными, злыми, «насилъническими» и неприемлемыми, — то онъ долженъ не только мужественно и честно выговорить свое исповѣданіе, но и реально начать внѣгосударственную и безправную жизнь, къ какимъ бы тягостнымъ или даже трагическимъ послѣдствіямъ это ни привело его. Или же, наоборотъ, онъ долженъ выговорить

и мужественно исповѣдать обратное: онъ долженъ усмотрѣть и признать, что право и государство могутъ быть и должны быть орудіями Дѣла Божьяго на землѣ; что можно осуждать несправедливое право и можно бороться съ государственностью, искаженною или употребленною во зло; но что слѣпо и неумно твердить объ ихъ «насильнической» природѣ. И послѣ этого онъ долженъ реально начать новую, христіански осмысленную, правовую и государственную жизнь.

Послѣ революціи нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и дѣлать другое. Прошла пора салонныхъ фразъ, отвлеченныхъ сентиментальностей и безотвѣтственной критики. Бремя Россіи пало на наши рамена. Намъ нельзя ни уклоняться, ни отказываться. Русская интеллигенція нашихъ дней (готова она къ этому или не готова) должна замѣстить павшихъ, поднять бремя, принять отвѣтственность, и честно, и мужественно осуществить свой долгъ. И помнить, что революція въ Россіи была только первою пробою мірового злодѣйства; что борьба съ ея остатками и послѣдствіями захватить и рядъ послѣдующихъ поколѣній; что оправившись отъ этой революціи, Россія будетъ имѣть за спиною рядъ лѣтъ неистовой, деморализующей пропаганды, а вокругъ себя — зараженные, не переболѣвшія страны...

Надо помнить, что все двоящееся и половинчатое обречено въ начавшейся міровой борьбѣ: для него есть только два пути — въ станъ діавола или въ мусорную яму исторіи...

И потому необходимо, чтобы русское правосознаніе не только углублялось, но и крѣпло.

Религіозная укорененность есть первый залогъ крѣпости: ибо она дѣлаетъ человѣка — Киѳою. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитаніе народа на основахъ собственности, справедливаго ранга и вѣрной мѣры свободы.

Нельзя и неслѣпо думать, что «народъ» воспитается какъ-то «самъ собою». И если эта фраза имѣетъ вообще какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, что народъ выдвинетъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ мыслителей и воспитателей, которые сначала сами въ себѣ откроютъ путь къ вѣрному правосознанію, а потомъ укажутъ его другимъ и по-

будять этихъ другихъ насадить это вѣрное правосознаніе въ массѣ.

Но именно къ этому мы и зовемъ. И такъ оно, конечно, и будетъ: русская интеллигенція пойметъ законы духа и исторіи, встанетъ на вѣрный путь и совершитъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній дѣло національнаго воспитанія. Ибо это дѣло, дѣло національнаго воспитанія, всегда и всюду выполнялось интеллигенціей: монахомъ, пастыремъ церкви, школьнымъ учителемъ, ученымъ, художникомъ, офицеромъ, судьей и чиновникомъ. И эта интеллигенція есть не чуждый, извнѣ приходящій, безнациональный слой, но вышедшая изъ нѣдръ самого народа его собственная сила вѣры, воли и ума. Интеллигенція есть порожденіе народа; народъ есть созданіе интеллигенціи. Это связь глубинная, духовная, органическая. И гдѣ ея нѣтъ, тамъ національное крушеніе у порога.

Горе Россіи, если она въ ближайшія десятилѣтія не найдетъ у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенціи! Горе намъ, если этотъ слой — чувствомъ, волею и разумѣніемъ — окажется опять не на высотѣ; если онъ поддастся вліянію черной или красной полу-интеллигенціи, — черной, съ ея классовыми вожделѣніями, съ ея обскурантизмомъ, съ ея демагогическимъ презрѣніемъ къ русскому простому народу и ея ненавистью справа; и красной, съ ея «классовою борьбою», съ ея безбожіемъ, съ ея «соціалистической» агитаціей, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слѣва!...

Но для того, чтобы воспитывать другихъ, интеллигенція должна сначала воспитать себя: воспитать въ себѣ чувство государственной отвѣтственности и способность къ цѣльнымъ и мужественнымъ поступкамъ.

Воспитаніе совсѣмъ не сводится къ «обученію» и «уговариванію». Нѣтъ, слово есть реальное событіе только тогда, когда за нимъ стоитъ дѣло: во-первыхъ, живой примѣръ, волевой поступокъ, живая система дѣйствій; во-вторыхъ, вѣрная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитанія нужны дѣла. Поддерживать кое-какъ порядокъ въ странѣ можетъ и грубый, и гнусный ре-

жимъ; для воспитанія необходима творческая мѣра собственности, справедливый и подвижной рангъ и вѣрная мѣра свободы.

Интеллигенція нуждается въ силѣ характера. Для того, чтобы вести свой народъ, она должна не только много знать и вѣрно понимать; она должна еще — вѣрно видѣть національныя цѣли и честно служить имъ.

Интеллигенція, состоящая изъ безпринципныхъ карьеристовъ и продажныхъ взяточниковъ — творитъ предательство по отношенію къ родинѣ; государство не можетъ ею строиться; и народъ или выдвинетъ на ея мѣсто новые національныя кадры, или погибнетъ.

Интеллигенція безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная — не можетъ быть ведущимъ слоемъ своего народа; ибо ведетъ сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальнорукость, а не безпомощная слѣпота.

Интеллигенція же, состоящая изъ профессиональных агитаторовъ, поджигателей и ниспровергателей — перестаетъ быть интеллигенціей и становится вреднѣйшей разновидностью черни. Именно черни: ибо душа демагога хранить въ себѣ квинтэссенцію черни; именно вреднѣйшей, ибо — воинствующей, насаждающей зависть и въ честолюбіи своемъ порочной...

Еще въ Россіи, въ періодъ военнаго коммунизма мнѣ не разъ приходилось слышать и отъ коммунистовъ, и отъ заблужденнаго простолюдинъ, и отъ впавшаго въ уныніе, смѣщеннаго интеллигента, — что въ Россіи интеллигенція «не нужна», что «народъ» и безъ нея «управится»... И каждый разъ я съ грустью думалъ, что, дѣйствительно, интеллигенція, не воспитывающая народное правосознаніе или прямо развращающая его — не нужна народу; но не нужна только потому, что она не нужна Дѣлу Божьему на землѣ. Она, поистинѣ, какъ соль, потерявшая свою силу... Но національная, волевая и честная интеллигенція, способная вести и воспитывать свою національную не-интеллигентную, — и вѣрой, и дѣломъ, и реформой, и вырастающимъ изъ всего этого отвѣтственнымъ и мужественнымъ словомъ, — она необходима странѣ, она необходима ей прежде всего и больше всего...

Будущее принадлежит народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И судьба Россіи зависитъ отъ того, найдется ли у нея вѣрующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенція, вѣрная Богу и родинѣ, сильная дѣломъ и словомъ...

И. А. Ильинъ.

МЫ ТРЕБУЕМЪ ПОНИМАНІЯ.

(Открытое письмо къ русской эмиграціи).

Вы не должны судить и осуждать насъ. Вы должны насъ понять. Вы должны признать важность совершаемаго нами дѣла; не мѣшать намъ и молиться за насъ.

Трагедія, переживаемая нами, невидана въ исторіи; и кто въ правѣ судить насъ, не выстрадавъ наши душевныя и тѣлесныя муки? Изъ дня въ день, изъ года въ годъ, вдругъ утративъ все: очагъ, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокругъ низость и свирѣлость; понимая порочность и бессмысленность творимаго; тая про себя любовь и ненависть; все время теряя изнемогшихъ близкихъ; истомивъ свое сердце укорами и страстно любя нашу Россію, — нести ярмо униженій и сыска, блюсти въ себѣ огонь вѣрности и думать... что вы насъ считаете приспособившимися предателями...

Знаете ли вы, что значить не брать совѣтскаго мѣста и ежедневно по нѣсколько разъ перевязывать своимъ дѣвочкамъ туберкулезныя раны? Знаете ли вы, что значить годами носить своему мужу передачу въ тюрьму и на третій годъ узнать, что онъ разстрѣлянъ? Знаете ли вы, что дѣлается въ душѣ профессора, жена котораго стала базарною торговкою для того, чтобы онъ не унижался на кафедрѣ? Знаете ли вы, какъ умерла гениальная Садовская — вся во вшахъ, въ заледенѣлой комнатѣ, освѣщенная лучиною въ рукахъ опоздавшего доктора? Знаете ли вы о безчисленныхъ заговорщикахъ — безвѣстно погибшихъ въ застѣнкѣ только вслѣдствіе своей заговорщической неумѣлости? Знаете ли вы этотъ кошмаръ: жить въ одной комнатѣ со вселѣнными коммунистами? Можете ли вы измѣрить всѣ наши неисчислимыя и неописуемыя муки?

Такъ не судите и не осуждайте насъ. А поймите, что мы должны были здѣсь остаться и вынести все до конца.

Вы уѣхали и эмигрировали; мы понимаемъ тѣхъ изъ васъ, кто уѣхалъ для борьбы; но мы не осуждаемъ и тѣхъ, кто эмигрировалъ отъ робости или изъ инстинкта самосохраненія, — ибо нельзя всѣмъ быть героями.

Но мы остались. Почему? Зачѣмъ?

Начнемъ съ того, что русскій простой народъ, крестьяне и рабочіе, были съ самаго начала обречены на то, чтобы при всѣхъ условіяхъ изжить свою революціонную болѣзнь на мѣстѣ. Рады они были революціи, или не рады, дѣлали ее сами, или только страдали отъ нея, — они не могли эмигрировать въ силу естественныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ законовъ. Осѣдлый народъ не покидаетъ своего мѣста; имъ владѣтъ духовная инерція и спасительный инстинктъ. Мы не номады.

Но если такъ, то правильно ли было бы, цѣлесообразно ли было бы для нашего національнаго дѣла, чтобы мы, русская интеллигенція, духовно созрѣвшая для осмысленнаго политическаго эмигрированія, чтобы мы всѣ до одного оставили нашу страну и нашъ болѣющий революціей простой народъ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выѣхали за границу? Нашъ простой народъ, какъ дитя доврчивъ, какъ дитя поддается дурнымъ вліяніямъ, какъ дитя буянить. Не мы ли виноваты въ томъ, что эти дурныя вліянія проникли къ нему и что онъ пошелъ за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наединѣ съ ними? Нѣтъ. Одни изъ насъ должны были уйти; а другіе — остаться. Мы должны были остаться на мѣстѣ; принять и бунтъ, и напоръ, и ограбленіе; принять травлю отъ большевиковъ, голодъ, тюрьмы и униженіе; все это видѣть, пережить на себѣ и выстрадать — для того, чтобы, идя на растерзаніе и на разстрѣлъ, отстаивать Россію изнутри; чтобы во всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти въ себѣ и въ народѣ вѣру въ Россію, сохранить остатки національнаго чувства, сохранить общеніе съ нашимъ простымъ народомъ, который долженъ же былъ однажды отрезвиться и услышать нашъ зовущій (хотя бы шопотомъ) голосъ...

Мы должны были соблюсти наше мѣсто тамъ — для Россіи, даже цѣною отвратительныхъ политическихъ и духовныхъ компромиссовъ, нравственно насилуя себя, вступая на совѣтскую службу, общаясь съ этими людьми и исполняя ихъ противоестественные декреты. Не думайте, что мы не понимаемъ нравственную и политическую природу этого образа дѣйствій. Нѣтъ, мы додумали здѣсь все до конца. Но мы хотѣли бы, что вы-то поняли его національную необходимость и его политическую непредосудительность!

Покинуло ли православное духовенство Россію, когда ея завладѣли иновѣрные и свирѣпые татары? Эмигрировало ли оно въ наши дни, въ дни торжества воинствующихъ безбожниковъ и растлителей, или въ большинствѣ своемъ осталось на своемъ посту? Правъ ли духовникъ, покидающій пасомага грѣшника? Легко ли было митрополиту Алексѣю ѣздить въ ханскую ставку? Не скончался ли въ наши дни Святѣйшій Патріархъ, нравственно замученный чекистами? Чему же учать насъ священныя традиціи Православія?

Они учать насъ тому, что въ часъ бѣды, соблазна и порабощенія воспитатель не долженъ оставлять своего воспитанника на произволъ судьбы. Ведущему мѣсто тамъ, гдѣ болѣетъ, бунтуетъ, страдаетъ и гибнетъ ведомый. И намъ ли, простымъ смертнымъ, въ эти ужасные годы оскверненія и посямленія всей страны, намъ ли, виновнымъ въ допущеніи и попусценіи этой бѣды — мнительно тревожиться о незапятнанности нашихъ политическихъ одеждъ? Вашъ путь, путь эмиграціи, вель васъ къ борьбѣ посредствомъ выдѣленія и ухода. Эту задачу вы выполняете нынѣ за всю русскую интеллигенцію. А мы, оставшіеся, взяли на себя другую задачу: не оставить нашъ простой народъ на произволъ судьбы, выстрадать все вмѣстѣ съ нимъ и беречь Россію изнутри. И эту задачу мы выполняемъ нынѣ тоже за всю русскую интеллигенцію.

Цѣною личной чистоты и жизни, цѣною тягостныхъ, часто едва выносимыхъ политическихъ компромиссовъ, мы блюдемъ Россію изнутри, блюдемъ все, что можно сохранить отъ нея — ея церковь, ея научныя и художественныя сокровища, живой составъ ея народа, ея природныя и техническія богатства, ея быть, ея вѣру, ея семью, ея душу. Блюдемъ, какъ умѣемъ; бережемъ, какъ удастся. Поддерживаемъ,

собираемъ, спасаемъ; строимъ, уговариваемъ, лѣчимъ, выпрашиваемъ, доказываемъ, отстаиваемъ, требуемъ; — въ твердой увѣренности, что большевизмъ минуетъ и коммунизмъ исчезнетъ, а Россія устоитъ и расцвѣтетъ на основѣ всего своего соблюденнаго достоянія.

У насъ не было въ этомъ никакого стовора и соглашенія. Мы не состоимъ въ заговорѣ; среди насъ нѣтъ никакой соотвѣтствующей организаци. Мы просто слѣдовали и слѣдуемъ патріотическому чувству, здоровому инстинкту осѣдлаго и культурнаго народа, когда-то въ мукахъ переболѣвшаго злую татарщину и нынѣ въ мукахъ изболѣвающего революціонный коммунизмъ. При этомъ мы совсѣмъ не выдаемъ себя за коммунистовъ: и мы сами совсѣмъ не настолько изолгались, да и они не повѣрили бы намъ. Но сила вещей заставила насъ занять «лѣво-либеральную» и «нейтральную» позицію — и такъ служить Россіи, ея живому интересу, ея вѣчному дѣлу, даже и въ тотъ періодъ ея исторіи, который накрывъ ее сумасшедшимъ колпакомъ коммунизма.

Не говорите намъ, что мы тѣмъ самымъ «служимъ коммунизму». Но, если можете, то скажите, возможно ли служить здѣсь Россіи, не состоя на службѣ у коммунистовъ? Вѣрьте намъ: коммунизма спасти нельзя. Коммунизмъ, какъ система, безнадеженъ: онъ таитъ въ себѣ такія внутреннія ошибки и такіе пороки, которые его все равно погубятъ. Онъ падетъ. И падетъ не отъ нашихъ неумѣлыхъ заговоровъ, и не отъ «эволюціи» коммунистовъ, а отъ той внутренней социальной катастрофы, которую онъ самъ вызоветъ, своимъ собственнымъ естествомъ, и которая быть можетъ осложнится и какимъ-нибудь военнымъ столкновеніемъ. Этотъ сумасшедшій экспериментъ не надо было допускать; его можно было прервать; и, если это возможно, то пусть онъ будетъ прерванъ и нынѣ. Но возможно, что онъ будетъ доведенъ до конца, т. е. до самопогубленія; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вмѣстѣ съ нашимъ, нынѣ уже выздоравливающимъ отъ революціи, полуторастамилліоннымъ народомъ. И вся наша «лѣво-либеральная» «служба коммунизму» состоитъ развѣ лишь въ томъ, что мы предоставляемъ ему развертывать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте намъ на то, что это «все-таки компромиссъ». Мы знаемъ это и сами. Но трагедія наша въ томъ-то и со-

стоитъ, что здѣсь нѣтъ исхода, свободнаго отъ компромисса. Работать для Россіи въ Россіи—можно теперь только изъ-подъ коммунистическаго ярма. Лѣчить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армію нельзя помимо этого ярма. Мы понимаемъ это; мы испытываемъ и знаемъ это лучше, чѣмъ вы. Но мы знаемъ и чувствуемъ еще одно: на насъ лежитъ этотъ долгъ и мы выполнимъ его до конца. Это нашъ долгъ передъ грядущими русскими поколѣніями: и за исполненіе этого долга мы расплачиваемся цѣною здоровья и жизни, цѣною лойяльности по отношенію къ нашимъ порабощителямъ и цѣною такихъ моральныхъ напряженій и жертвъ, о которыхъ остальное человѣчество не имѣетъ никакого представленія.

У васъ задаютъ всегда еще вопросъ, почему мы не начинаемъ возстанія изнутри? зачѣмъ и почему мы терпимъ «все это» безмолвно?

Вспомните: революція всѣхъ насъ застала врасплохъ. Кто изъ насъ прозрѣвалъ ея сущность? Кто предвидѣлъ ея будущій ходъ и развитіе? Кто изъ честныхъ русскихъ патріотовъ умѣлъ составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не зналъ, сколь свирѣпы и цѣпки большевики; никто не вѣрилъ, что черный вихрь исторіи будетъ имъ столь попутенъ... Они и сами не ожидали этого.

И тѣмъ не менѣе заговоры и возстанія начались немедленно. Никто изъ васъ и никто изъ насъ не знаетъ ни числа, ни именъ тѣхъ русскихъ патріотовъ, которые погибли въ этихъ заговорахъ. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысячъ, — неосторожные, неумѣлые, неподготовленные, проговаривавшіеся за чашкой чая, неумѣвшіе скрыть свою военную выправку, забывшіе покрыть мозолями бѣлыя руки. И каждая неудача усиливала шпіонажъ и сыскъ, которые нынѣ пропитали собою всю толщу городской жизни насквозь.

Великая война выдѣлила и уложила на полѣ чести первый кадръ активныхъ русскихъ націоналистовъ. Второй—легъ въ гражданской войнѣ. Третій—погибъ въ заговорахъ. Какая страна выдержала бы такое выкачиваніе воли, такое опустошеніе? Не удивляйтесь же, что люди съ волею и съ патріотизмомъ нынѣ ушли въ себя и не повторяютъ безплодныхъ попытокъ. Для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое знаніе коммунистическаго сыска, особая выдержка и без-

ошибочный расчетъ. Мы, рядовая интеллигенція и полунинтеллигенція, измученные и утомленные, мы къ активному героизму не способны; не ждите его отъ насъ; намъ бы лишь справиться съ нашей скромной задачей «пассивнаго» и «лояльнаго» огражденія русской Церкви, русской семьи и оставшагося отъ русской культуры...

У васъ принято еще говорить, что мы здѣсь задавлены и унижены. Мы знаемъ это. Но мы знаемъ также и то, что такого гнета и террора міръ не видѣлъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ; и что въ этомъ гнетѣ и въ этомъ террорѣ, почти каждый изъ насъ, русскихъ патріотовъ, — а я говорю именно про насъ, преданныхъ Россіи, — каждый выноситъ въ себѣ нѣкоторую глубину чувства, которая своевременно принесетъ свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, гдѣ необходимо, произносить слова мертвой лояльности, на которыя вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этотъ гнетъ, ни это униженіе не доходятъ до дна нашихъ душъ; и Богу одному вѣдомо, что каждый изъ насъ думаетъ и о чемъ онъ молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни отъ себя, ни отъ васъ. Мы слишкомъ много пережили... и потеряли. Никто изъ насъ не увѣренъ, проживетъ ли онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но среди тѣхъ изъ насъ, кто выживетъ, вы найдете такихъ закаленныхъ и крѣпкихъ людей, которые на удивленіе міру будутъ строить вмѣстѣ съ вами новую Россію.

Я пишу это для того, чтобы сказать вамъ всѣмъ, русскимъ эмигрантамъ: вы не должны осуждать насъ, несущихъ ярмо въ Россіи. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы вѣрны ей попрежнему. Но форма нашей вѣрности и нашей борьбы иная, чѣмъ у васъ: повидимому, совсѣмъ не свободная и совсѣмъ не активная, но гораздо болѣе тяжелая и мучительная. Мы представляемъ себѣ, что вы дѣлаете за рубежомъ; и знаемъ, что это необходимо. И только иногда сѣтуемъ на легкомысліе вашей печати, неосторожно компрометирующей насъ разными невѣрными сообщеніями; да еще на то, что осуждая насъ, вы не обнаруживаете пониманія нашего дѣла и нашей трагедіи.

Дѣлайте же ваше дѣло и не думайте возвращаться въ Россію преждевременно. Не вѣрьте никакимъ маловѣроятнымъ

«амністіямъ», ни отъ «центра», ни отъ «оппозиціи». Ваше заданіе — быть за предѣлами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцѣните нашу незримую и жертвенную работу здѣсь. Этого требуетъ справедливость.

Прибывшій оттуда.

БЕЗСТРАШНЫЕ ЛЮДИ.

(Историческая справка).

«Безстрашные люди». Эти слова взяты изъ историческаго документа — изъ единственной, дошедшей до насъ, грамоты Патріарха Гермогена, относящейся къ 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпяхъ. Но, будучи немногословной, она содержитъ въ себѣ многоговорящія, огненныя, призывныя слова, обращенныя ко всей національной патріотической Россіи того времени, зовущія къ памятованію своего долга и къ отвѣтственнымъ политическимъ рѣшеніямъ. А заканчивалась эта грамота какъ разъ упоминаніемъ о «безстрашныхъ людяхъ»:

«А прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, свіяже-нина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова...»

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ просилъ нижегородцевъ, къ которымъ онъ обращался съ нею, въ первую очередь прислать къ нему въ Москву, въ Кремль, занятый поляками, державшими въ то время Патріарха въ тюремномъ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, «безстрашныхъ людей» Родіона Мосѣева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде къ нему съ «совѣтными челобитными» изъ Нижняго Новгорода, а, можетъ быть, и изъ другихъ городовъ. Изъ другого документа мы знаемъ, что Родіонъ Мосѣевъ былъ «посадскимъ человѣкомъ», т. е. зауряднымъ городскимъ жителемъ небольшого городка Свіяжска, расположеннаго подъ Казанью; а Романъ Пахомовъ былъ «сыномъ боярскимъ», т. е. военнымъ человѣкомъ, дворяниномъ, по нашему — младшимъ офицеромъ. Такимъ образомъ, эти «безстрашные люди», одинъ штатскій, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содѣйствуя общенію фактически плѣннаго Патріарха

съ его паствой, съ русскими людьми, отрѣзанными отъ него одолѣвшею Русь враждебною силою. —

Какъ разъ въ это время смута и разореніе на Руси достигли наибольшей высоты. Россія переживала ужасы междоусобицъ. Самозванцы бродили по ея просторамъ. Вслѣдъ за Лжедмитріемъ I появились и другіе Лжедмитріи. Долгое время Москвѣ угрожалъ Лжедмитрій II, такъ называемый «Тушинскій Воръ», расположившійся съ своимъ войскомъ лагеремъ въ Тушинѣ, почти подъ самой Москвой, бѣжавшій потомъ въ Калугу и погибшій какъ разъ въ 1611 году, когда Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ ходили тайкомъ къ Патріарху и отъ Патріарха. Въ разныхъ мѣстахъ появлялись все новые Лжедмитріи. Во Псковѣ былъ свой «воръ». Въ другомъ углу на низовьяхъ Волги и на Дону дѣйствовали другіе самозванцы. А надъ остатками «тушинцевъ» все еще парилъ призракъ перваго Лжедмитрія въ лицѣ злосчастной Марины Мнишекъ и прижитого ею въ скитаніяхъ сына ея, такъ называемаго «воренка».

Въ самой Москвѣ бояре, послѣ низложенія Царя Василія Шуйскаго, инсценировали процедуру «всенароднаго» избранія на царскій престолъ католика, королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда, осаждавшаго русскихъ героевъ въ Смоленскѣ, впустили въ Кремль польскіе отряды и отправили къ Сигизмунду, для окончательныхъ переговоровъ о возвращеніи Владислава, свое «великое посольство». Москва незамѣтно оказалась оккупированной польскимъ войскомъ и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правилъ отъ имени «семи бояръ», остававшихся въ Москвѣ, и пытался править также и другими городами и уѣздами — полковникъ Гонсѣвскій, смѣнившій Жолкѣвскаго. Въ то же время Москва была обложена извнѣ. Нѣкоторое время вокругъ нея стояло русское патріотическое ополченіе, которое, въ отвѣтъ на призывы Патріарха Гермогена, сколотилъ изъ разнообразныхъ и, къ несчастью, непримиримыхъ элементовъ, рязанскій патріотъ Прокопій Ляпуновъ, позднѣе тутъ же и погибшій отъ руки Заруцкаго, примкнувшаго къ этому ополченію. Послѣ распада этого ополченія казачьи остатки его — подъ главенствомъ князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго — оставались подъ стѣнами столицы, мѣшая полякамъ дѣйствовать изъ Москвы.

Всюду бродили «литовскіе люди» и «русскіе воры». Набѣгами на окрестное населеніе занимались «сапѣжинцы», подъ командованіемъ польскаго пана Сапѣги, оставшагося безъ дѣла послѣ распада тушинскаго лагеря. Грабили со своими казаками и бывшіе тушинцы, перекрасившіеся было въ патріотовъ-ополченцевъ — Андрей Просовецкій и Заруцкій. Грабили всѣ, кто только могъ!...

Разрозненно, безъ связи другъ съ другомъ и безъ плана дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ и патріоты-партизаны, подбадриваемые вѣстями о твердости и непреклонности Патріарха Гермогена, и призывами, раздававшимися изъ Троицко-Сергіевой лавры, не разъ превращавшейся въ это время въ подлинную крѣпость и переживавшей настоящія осады.

Такъ проходилъ 1611 годъ, омраченный гибелью Прокопія Ляпунова, взятіемъ Смоленска Сигизмундомъ и оккупацией шведами Новгорода Великаго... —

Въ такихъ условіяхъ, въ такой обстановкѣ и совершали свой подвигъ безстрашные люди Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, связывая великаго вдохновителя всей патріотической борьбы Патріарха Гермогена, какъ «тюремнаго сидѣльца», съ русскими людьми, остававшимися на свободѣ и помышлявшими объ освобожденіи и возрожденіи родины.

Имъ не разъ удавалось пробраться въ Кремль. Они присылались къ Патріарху изъ Нижняго Новгорода «съ совѣтными челобитными» и Святитель Гермогенъ имѣлъ уже возможность испытать ихъ въ этомъ патріотическомъ служеніи. Именно къ концу 1610-го и началу 1611 года относятся наиболѣе рѣшительные призывы Патріарха встать на защиту вѣры и готовиться къ освобожденію Москвы отъ иновѣрцевъ-поляковъ. Извѣстно, что какъ разъ въ концѣ декабря 1610 года въ руки Гонсѣвскаго попала грамота Гермогена, написанная въ этомъ духѣ. Нѣсколькими днями спустя — уже въ январѣ — поляками были перехвачены другія такія же грамоты Гермогена; извѣстно даже имя того неудачника, который былъ захваченъ съ этими грамотами, отправленными Патріархомъ въ Нижній Новгородъ или Суздаль: это былъ Василій Чертовъ.

Поляки, распорядившіеся въ Москвѣ, прибѣгли къ репрессіямъ для того, чтобы заглушить призывный голосъ Гермогена и пресѣчь дѣйствіе его грамотъ. Отъ него были убраны «діаки,

подъячіе и всякіе дворовые люди», его дворъ былъ разграбленъ и онъ былъ заточенъ въ келью — «аки птица въ заклепѣ». При такихъ условіяхъ общеніе съ нимъ стало подлиннымъ подвигомъ самоотверженія, находчивости и умѣнія.

Изъ другой, дошедшей до насъ грамоты (уже не Гермогена) мы знаемъ, что 12 января 1611 года, т. е. уже послѣ «заклепа», отъ Патріарха въ Нижній прибыли два человека и привезли отъ него переданныя на словахъ указанія о томъ, что надо дѣлать.

Сношенія продолжались и далѣе.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная имъ нижегородцамъ, но обращенная ко всѣмъ русскимъ людямъ-патріотамъ, писалась уже послѣ всѣхъ этихъ тягостныхъ событій и послѣ обозначившагося крушенія попытки Прокопія Ляпунова — въ моментъ всеобщей растерянности и разброда въ умахъ, въ дни, можетъ быть, наибольшаго отчаянія и упадка духа.

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ увѣщаетъ русскихъ людей оставаться твердыми въ своей борьбѣ за вѣру и родину, предостерегая отъ уклоненія съ прямой и трудной дороги въ дебри соблазновъ и шатаній. Какъ разъ въ это время въ Москву пришелъ слухъ о томъ, что казаки, возглавляемые Заруцкимъ, склонны провозгласить царемъ сына Марины Мнишекъ, и тѣмъ воскресить самозванщину. Отъ этого соблазна Гермогенъ и удерживаетъ русскихъ людей. Онъ пишетъ:

«Благословеніе архимаритомъ и игменомъ и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и діакомъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи. Миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобъ Митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина паньина сына...» (здѣсь дефектъ документа мѣшаетъ прочитатъ написанныя слова) «не благославляю. И на Вологду ко властемъ пишете жъ, такъ же бы писали въ полки. Да и къ Рязанскому пишете тожъ, чтобъ въ полки такъ же писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли

грабежъ, корчму, блядню и имѣли бѣ чистоту душевную и братство, и промышляли бѣ, какъ реклись, души свои положить за Пречистыя Домъ и Чудотворецъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣ города пишите, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманъѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ, проклятъ отъ святого собору и отъ насъ . . .»

Вотъ основная часть этой краткой грамоты Патріарха. Онъ заключаетъ ее словами:

«А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣщѣ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а язъ долженъ за васъ Бога молити». —

Эта грамота содержитъ въ себѣ призывъ стоять крѣпко за національные идеалы и православную вѣру, и заключаетъ въ себѣ, далѣе, опредѣленные директивы поведенія.

Въ моментъ страшнаго моральнаго и политическаго распада Патріархъ Гермогенъ возвышаетъ свой голосъ, призывая всѣхъ русскихъ людей бороться за освобожденіе и воссозданіе Православной Руси, какъ за подлинный и великій Домъ Пречистой Богородицы, и указывая на опасность непродуманныхъ и безотвѣтственныхъ рѣшеній. Онъ предостерегаетъ русскихъ патріотовъ отъ заключенія соблазнительныхъ соглашеній съ невѣрными и опасными союзниками (вродѣ Заруцкаго), отъ самозванщины, безгосударственной идеологіи и воровскихъ авантуръ; и зоветъ ихъ проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линію въ борьбѣ за Россію.

Значеніе этихъ грамотъ въ исторіи преодоленія русской смуты было исключительное. Слова заключеннаго Патріарха пріобрѣтали силу священнаго зова и велѣнія; въ нихъ говорилъ живой духъ Православной Церкви и русской государственности, повелительно указывавшій цѣль и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Пахомова и Родіона Мосѣева. Святѣйшій вѣрилъ своимъ посланцамъ и высоко цѣнилъ ихъ подвигъ. Они были не только носителями его грамотъ, но и передатчиками его устныхъ повелѣній; болѣе того, они были активными пропагандистами его идеи.

Объ этомъ мы читаемъ въ той же грамотѣ. Патріархъ пишетъ о нихъ:

«А имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкинъ сынъ) «отнюдь не надобе... А въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ...»

Патріархъ велитъ нижегородцамъ привлечь Мосѣева и Пахомова къ наиболѣе трудной работѣ, въ качествѣ активныхъ пропагандистовъ по городамъ. Онъ вѣритъ имъ не только какъ храбрымъ посланцамъ, но считаетъ ихъ убѣжденными, прямыми людьми, которымъ довѣряетъ «свое слово»: онъ поручаетъ имъ дѣйственно претворять въ жизнь его велѣнія и полагается на ихъ идейную убѣжденность и стойкій патріотизмъ.

Исторія сохранила намъ имена этихъ доблестныхъ, прямыхъ и бѣлыхъ людей, выводившихъ Россію изъ смуты; и русскій народъ не забудетъ ихъ, пока онъ будетъ жить на землѣ.

Лоллій Львовъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТѢ.

(Посвящается русской національной молодежи).

Первое, что необходимо усвоить, приступая къ политической работѢ, это то, что она требуетъ особой умственной и волевой подготовки. Эта подготовка нужна всегда, при всякихъ условіяхъ; но она пріобрѣтаетъ совершенно исключительное значеніе въ эпоху революціи и борьбы съ нею. Къ сожалѣнію, люди не понимаютъ этого: они обучаются ремесламъ, изучаютъ разныя игры, предаются спортивнымъ упражненіямъ, но къ политикѢ и политической борьбѢ приступаютъ безъ всякой подготовки, какъ если бы тутъ все было ясно, просто и доступно. Какое легкомысліе! И какой вредъ въ результатѢ...

Политика есть, можетъ быть, самое отвѣтственное дѣло человѣческое. Ибо въ религіи, въ наукѢ, въ искусствѢ — человѣкъ, если ошибается, то ошибается самъ и развѣ только уговариваетъ другихъ ошибиться вмѣстѢ съ нимъ; тогда какъ въ политикѢ человѣкъ заставляетъ другихъ поступать именно такъ, а не иначе, и нерѣдко превращаетъ свою ошибку въ судьбу цѣлаго народа. Вотъ почему чувство отвѣтственности и добросовѣстность — суть первыя условія для занятія политикой. Надо прежде всего разобратся въ самомъ себѣ, узнать свои силы и слабости, установить границы своихъ знаній и умѣній — и потомъ рѣшить, можно ли мнѣ, позволительно ли мнѣ съ такимъ личнымъ багажомъ приступать къ политической дѣятельности.

Такъ, для политики нужна прежде всего религіозная сила характера и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Что создастъ въ политикѢ человѣкъ, который ни во что не вѣруетъ, ничего до конца не любитъ и жизнью своею не рискнетъ ни при какихъ условіяхъ? Вѣдь это — готовый

перебѣжчикъ... И что натворить въ политикѣ человѣкъ, который ни въ чемъ не убѣжденъ и потому не отличаетъ честности отъ подлости и добра отъ зла? Вѣдь это — готовый предатель...

Для политики необходима воля, умѣющая рѣшать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать отъ человѣка безвольнаго, нерѣшительнаго, боящагося приказать или «принципіально отрицающаго всякое принужденіе»? Взавшись за власть, онъ становится всенароднымъ обманщикомъ, ибо всѣ съ полнымъ основаніемъ ждутъ отъ него спасительныхъ распоряженій, которыя онъ обязался давать, но не даетъ; онъ становится сѣятелемъ беспорядка и смуты, политической язвой своего государства, погубителемъ своей страны...

Для политики нужно знаніе хозяйственныхъ и социальныхъ законовъ и вѣрное прозрѣніе цѣлей и средствъ, строящихъ мою родину въ данную эпоху. Что же дать наивный невѣжда, ставъ у власти? Рядъ бессмысленныхъ и гибельныхъ распоряженій, вродѣ отмѣны частной собственности или принужденія всѣхъ людей къ физическому труду... Что дать правитель, лишенный политической интуиціи, не видящій національныхъ цѣлей и готовый узаконить самые гибельные пути и самыя ядовитыя средства? Хаосъ и гибель...

Для политики необходимо умѣніе выбирать людей, искусство читать въ сердцахъ, умѣніе довѣрять и не довѣрять, искусство давать каждому работу по силамъ и извлекать изъ всѣхъ самое лучшее; это есть организационный даръ. Что же создастъ политикъ, довѣряющій каждому льстецу, или постоянно окружающій себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человѣка отъ безвольнаго, умнаго отъ глупаго, искренняго отъ провокатора? Онъ подчинитъ себя и свою власть негодяямъ, унизитъ и осрамитъ себя и погубитъ свою страну.

Ясно, что политика требуетъ особыхъ духовныхъ силъ и особой умственной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовныя силы и не такъ легко пріобрѣтается эта подготовка. Можно быть сноснымъ адвокатомъ, усерднымъ ученымъ, способнымъ агрономомъ и храбрымъ офицеромъ, — и ничего не понимать въ политикѣ; и только сила самосознанія, скромность и чувство отвѣтственности могутъ

спасти такого человѣка отъ фальшивыхъ, вредныхъ и постыдныхъ положеній.

Если такъ обстоитъ въ нормальное время, то что же сказать о революціи? Революція есть эпоха, когда въ массахъ заболѣваетъ здоровый инстинктъ общественности; когда люди повертываются другъ къ другу и къ власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякіе правовые уклады нарушаются и всѣ начинаютъ посягать. Тогда политическая дѣятельность становится затруднительною, какъ никогда: нужна особая сила характера и убѣжденій, особая крѣпость воли, особая дальновидность, особая прозорливость по отношенію къ людямъ для того, чтобы быть на высотѣ въ такую эпоху. Но именно въ такіе-то періоды люди подпадаютъ обостренному соблазну политическаго авантюризма; и всѣ начинаютъ тѣсниться къ власти и распоряжаться съ какимъ-то упоеннымъ легкомысліемъ и полной безотвѣтственностью. Исчезновеніе законной власти и спорность всякой незаконной власти развязываютъ своеволіе во всѣхъ душахъ, въ каждой по своему. Рѣдкій человѣкъ остается незатронутымъ этою заразою; и все различіе въ томъ, что у однихъ эта зараза выражается въ чувствѣ «я не обязанъ никому подчиняться», а у другихъ въ чувствѣ «я призванъ всѣми распоряжаться».

Понятно, что въ такіе періоды о реальной подготовкѣ къ политической дѣятельности никто и не думаетъ; всѣ выбѣгаютъ какъ на пожаръ, всѣ говорятъ наобумъ и дѣйствуютъ, какъ попало. А между тѣмъ именно въ такіе періоды, какъ никогда, необходимо объективное наблюденіе, спокойная и замкнутая сосредоточенность, и, главное, внутреннее, духовное подготовленіе себя къ борьбѣ. Это относится особенно къ тѣмъ партіямъ и группамъ, которыя бываютъ вынуждены вести борьбу въ политическомъ подпольѣ или на такъ называемомъ нелегальномъ положеніи.

Человѣкъ всегда имѣетъ извѣстныя основанія не довѣрять каждому случайному собесѣднику и не раскрывать свою душу первому встрѣчному. Недоступность личной души другимъ людямъ есть великое благо, данное намъ отъ природы; и, если бы это благо было отнято у насъ, то мы всѣ навѣрное возненавидѣли бы другъ друга или сошли бы съ ума. Политическая борьба покоится прежде всего на умѣніи довѣрять

кому надо и не до вѣрять кому не надо. Зоркое и вѣрное распознаваніе людей есть азбука политики; и человекъ, раза два крѣпко обманувшійся въ людяхъ, напр., повѣрившій предателю или упустившій вѣрнаго и сильнаго союзника — долженъ признать свое политическое неумѣніе и отойти отъ дѣлъ для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человекъ, желающій заниматься политикой, долженъ выработать въ себѣ прежде всего силу воли.

Прежде всего — силу воли; ибо она нужна не только для того, чтобы дѣйствовать, но уже для того, чтобы подготовить себя къ будущей политической дѣятельности.

Политика есть вообще дѣло воли, такъ, какъ искусство есть дѣло чувства и воображенія, а наука — дѣло мысли и наблюденія. Людямъ нерѣшительнымъ, колеблющимся, робкимъ, склоннымъ къ рефлексіи и самоглотанію — лучше воздерживаться отъ политической дѣятельности за отсутствіемъ у нихъ соотвѣтствующаго органа. И всюду, гдѣ такіе люди, поддаваясь тщеславію и честолюбію, вмѣшиваются въ политику — они приносятъ обычно много вреда. При этомъ волю отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ порывистой эмоціональностью, съ истерической крикливостью и суетливостью или съ хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человека надо разъ навсегда продумать и усвоить, съ тѣмъ, чтобы провѣрить ими сначала себя самого, а потомъ увѣренно распознавать другихъ.

О чемъ бы ни шла рѣчь, каково бы ни было жизненное положеніе, волевой человекъ успокаивается только тогда, когда въ его душѣ сложится отвѣтъ на вопросъ: какъ дальше быть? что дальше дѣлать? Ему мало понять то, что есть; ему неинтересно вообразить то, что могло бы быть; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживаетъ» или «переживалъ»; ему мало сообразить, что «должно» бы было быть въ прошломъ. Онъ смотритъ въ будущее; и не для того, чтобы только предвидѣть его, а для того, чтобы рѣшить, гдѣ и въ чемъ онъ самъ по-вліяетъ на него. Онъ всегда занятъ тѣмъ, чтобы по-вліять на будущее, измѣнить его, заставить его быть такимъ, а не другимъ. Онъ не любитъ того, что ему дано; онъ всегда ищетъ того, что задано; и особенно любитъ то,

что онъ самъ сдѣлаетъ, что онъ совершитъ. И въ маломъ, и въ большомъ — онъ заряженъ всегда своимъ будущимъ дѣйствіемъ.

Волевой человѣкъ чувствуетъ въ самомъ себѣ нѣкую движущую силу; и поэтому ему естественно разсматривать всѣ жизненные вопросы съ точки зрѣнія силовой. Жить значитъ для него бороться и одолевать. Одолѣть — значитъ собирать силы для новаго одолѣнія. Борьба не утомляетъ его. Безъ борьбы онъ томится и тоскуетъ; она ему какъ бы «причитается» въ жизни; и если ея нѣтъ, то онъ замѣняетъ ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданіями, усиліями и одолѣніями.

Волевой человѣкъ упорядочиваетъ. Но не тѣмъ, что приводитъ въ состояніе покоя; онъ упорядочиваетъ движеніе и въ движеніи. Покой гнететъ его. Ему нуженъ не мыслимый порядокъ (логика), и не созерцаемый порядокъ (геометрія), а творимый порядокъ; и притомъ — творимый имъ самимъ. Ему важно двигать, давать мѣру, творить форму, распоряжаться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что онъ и рожденъ для власти.

Волевой человѣкъ можетъ быть въ затрудненіи и даже въ нерѣшительности. Но это рѣдко длится; а если длится, то это никогда не бываетъ безплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо онъ не умѣетъ ни наслаждаться проблематической нерѣшительностью, ни укрываться за нею. Волевой человѣкъ, если онъ не уменъ и морально низокъ — упрощаетъ и огрубляетъ всѣ жизненные проблемы. Но если онъ уменъ и нравственно чутокъ, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная — выходитъ отъ него въ состояніи творчески-спасительной организованности. Это понятно, — потому что нравственность и жизненность суть въ глубокомъ измѣреніи одно и то же.

Но если волевому человѣку не свойственно безплодное колебаніе, то зато ему въ высшей степени естественно и легко держаться однажды избранной линіи и выдерживать ее до конца. Это человѣкъ не короткихъ порывовъ, а долгихъ поворотовъ; не просто человѣкъ поступковъ, а человѣкъ плана, активной системы, выдержаннаго строительства. Это не значитъ, что всякое принятое

рѣшеніе каменѣть въ его душѣ, что онъ становится его послушнымъ механизмомъ или рабомъ. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слѣпая и неразумная настойчивость; тогда какъ къ самой сущности воли относится ея независимость отъ ея собственныхъ рѣшеній. У волевого человѣка — рѣшеніе есть продуктъ воли, а воля остается хозяиномъ рѣшенія; тогда какъ упрямый человѣкъ старается поддержать свою слабую волю механически-непоколебимыми рѣшеніями и самъ незамѣтно становится ихъ рабомъ. Поэтому волевой человѣкъ властенъ надъ своими рѣшеніями: онъ воленъ всегда сохранить ихъ и пересмотрѣть ихъ. Но въ томъ рѣшеніи своемъ, которое онъ не пересмотрѣлъ и которое онъ поддерживаеъ, онъ присутствуетъ всею энергіею своей воли, насыщая его творческою и нерѣдко стремительною динамикою. И эта вѣрность принятому рѣшенію не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человѣка, что можно сказать и обратно: тотъ не волевой человѣкъ, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избраннаго плана или однажды рѣшенной линіи поведенія.

Будучи самъ силою, волевой человѣкъ и другихъ людей воспринимаетъ, какъ извѣстные динамические центры. Иногда онъ, самъ того не замѣчая, въ душѣ слегка презираетъ безвольныхъ людей («кисляевъ»); и можно съ увѣренностью сказать, что онъ практически не признаетъ за ними настоящей реальности. Для него реаленъ тотъ, кто встрѣчаетъ проявленія его силы отвѣтною силою. Онъ можетъ стать его врагомъ или его союзникомъ; но реальностью онъ останется для него до конца. И если онъ найдетъ въ немъ союзника, то главною заботою его будетъ установленіе взаимной субординаціи и координаціи силъ, выясненіе совмѣстнаго будущаго дѣйствія, распредѣленіе полномочій и обязанностей, т. е. созданіе динамической организаціи.

Я описалъ человѣка съ большою и сильною волею. Она не у всѣхъ волевыхъ людей выражена такъ ярко. Но по этимъ яркимъ признакамъ всякій сумѣетъ распознать себя и опредѣлить другихъ.

Большая воля — есть даръ. Если она дана низкому и злему человѣку, то она можетъ стать несчастіемъ окружающихъ или даже цѣлой страны. Но если ею одаренъ человѣкъ

съ творческимъ умомъ и благородною душою, то мы имѣемъ дѣло съ волевою геніальностью, которая можетъ дать счастье цѣлому народу. Всѣ великіе политики были такими людьми, отъ императора Августа и Фридриха Великаго до Петра Великаго, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что въ эпохи смуты и развала вся страна начинаетъ мечтать о такомъ человѣкѣ.

Необходимо однако установить, что вся энергія такого большого политика можетъ разбиться и не принести надлежащаго плода, если онъ останется одинокимъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не можетъ одолжить свою волю другому; никто не можетъ заставить окружающихъ людей стать волевыми и порядочными дѣятелями. Волевою вождю необходимъ волевой кадръ; и если онъ не найдется въ странѣ или будетъ слагаться слишкомъ медленно, то судьба можетъ пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношенія. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана отъ природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди отъ природы лишенные воли совсѣмъ, такъ, что имъ, собственно говоря, ни укрѣплять, ни развивать въ себѣ нечего. Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому — труднѣе. Но наличный запасъ воли можетъ быть укрѣпленъ и развитъ у каждаго человѣка. Это дѣло внутренней работы. Безплодно возражать тому, кто скажетъ, что «для развитія воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это безплодная діалектика; и тотъ, кто къ ней склоненъ, навѣрное имѣетъ слабую волю и большую лѣнь. Ему надо посоветовать — воздерживаться отъ участія въ политикѣ и лѣнливо примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа надъ своею волею возможна и необходима. И каждый русскій патріотъ, понимающій, что нашему поколѣнію не уйти отъ политической работы и государственнаго служенія, долженъ приступить къ этой внутренней работѣ.

Тутъ не надо начинать съ большихъ и трудныхъ задачъ. Лучше начинать съ небольшого. И прежде всего вѣрно распознать самого себя въ смыслѣ волевой силы и научиться

распознавать другихъ. При этомъ хорошо бываетъ провѣрять себя совмѣстно и взаимно съ нѣсколькими друзьями и единомышленниками.

Далѣе, надо твердо усвоить обычай — всегда и во всемъ, во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и бесѣдахъ ставить передъ собою вопросъ о томъ, что же надо дѣлать? Не слѣдуетъ задавать его безпомощно вслухъ, обрекая другихъ своею безпомощностью; но держать его молча передъ своимъ сознаніемъ, самостоятельно, про себя добиваясь отвѣта; и только добившись его для себя и про себя — ставить его вслухъ и обсуждать совмѣстно. Надо приучить себя къ волевому разсматриванію жизненныхъ вопросовъ, но съ тѣмъ, чтобы всегда хотя бы часть своихъ выводовъ непосредственно осуществлять на дѣлѣ.

Затѣмъ надо поставить себѣ нѣсколько реальныхъ жизненныхъ заданій, не безразличныхъ для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранныхъ. Надо взять одно главное заданіе, требующее сроковъ и долгой работы — и спуститься отъ него къ нѣсколькимъ болѣе мелкимъ задачамъ, подчиненнымъ ему такъ, какъ средства подчинены цѣли; и на нихъ сосредоточиться. Главное заданіе должно быть любимымъ и страстно желаннымъ. Этотъ зарядъ желанности естественно перенесется и на подчиненныя задачи. Надо закрѣпить его за ними такъ, чтобы трудное стало легкимъ, горькое — незамѣтнымъ, противное — безразличнымъ; и затѣмъ превращать эти задачи — одну за другой — въ нестрашныя препятствія, преодолеваемые по выработанному плану. Чувство удовлетворенія отъ побѣды надо использовать, какъ благопріятный знакъ и побужденіе къ дальнѣйшему. Задачи могутъ становиться все болѣе сложными. На четвертой задачѣ можно попытаться поставить передъ собою двѣ сразу. И постепенно выдержанная борьба приучитъ душу къ долгому и творческому напряженію.

Для начала очень полезно приучить себя, на примѣръ, къ систематическому и выдержанному блюденію тайны, столь важному и полезному въ политической дѣятельности вообще; и въ этомъ случаѣ было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое

жизненное положеніе, которое дѣйствительно обязываетъ къ блюденію тайны, на примѣръ, изъ соображеній чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя съ большою тайною *).

Это будетъ уже живымъ и творческимъ дѣломъ воспитанія въ себѣ воли и характера, необходимыхъ для политическаго дѣателя.

Старый Политикъ.

*) Отъ редакціи. Одновременно съ этой статьей авторъ ея прислалъ намъ списокъ правилъ о томъ, какъ блюсти тайну, и мы охотно даемъ ему мѣсто во второй части нашей первой книжки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ необходимо знать правду о нашей родинѣ; одну правду и всю правду. Намъ необходимо установить ее, усвоить и продумать; и тогда сдѣлать выводы и принять рѣшенія.

Для освѣщенія этихъ выводовъ намъ важно также имѣть, во-первыхъ, поучительные и точные матеріалы о другихъ странахъ; во-вторыхъ — рядъ ясныхъ и зрѣлыхъ теоретическихъ основоположеній по главнымъ вопросамъ идеологии, политики и хозяйства.

Но помимо выводовъ у насъ будутъ складываться еще и рѣшенія. Для осуществленія этихъ рѣшеній намъ нужна духовная и организаціонная подготовка, имѣющая свои правила и требующая выдержанной работы надъ усвоеніемъ этихъ правилъ.

Вторая часть нашего журнала будетъ обслуживать всѣ эти потребности и запросы. Она будетъ давать только тщательно проверенные матеріалы; только строго продуманныя основоположенія; только практически выношенные правила и со-вѣты. Всѣ эти данныя надо будетъ не читать, а про-работывать и усвоить; они нуждаются въ совмѣстномъ обсужденіи и запоминаніи; они предназначены для педагогическаго использованія и для широкой пропаганды; они должны составить какъ бы умственный и волевой арсеналь русскаго патріота.

Редакція проситъ всѣхъ читателей - единомышленниковъ широко пользоваться всѣми этими данными и обращаться къ ней съ прямыми запросами и пожеланіями, идущими въ томъ же направленіи. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и, такъ или иначе, учтенъ.

І. РОССИЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка Россія переживала періодъ быстроэкономическаго и культурнаго развитія. Заграничныя представленія о Россіи, какъ странѣ якобы пребывавшей въ застоѣ, убѣдительно опровергаются цифрами. Обратимся къ ихъ нелицепріятному свидѣтельству.

Ростъ населенія.

За первыя 20 лѣтъ царствованія Императора Николая II населеніе Россіи увеличивалось ежегодно на цифру, поднимавшуюся постепенно отъ двухъ къ тремъ милліонамъ.

	въ 1894 г.	въ 1914 г.	% увелич.
Населеніе . . .	ок. 122 милл.	ок. 173—174 милл.	ок. 40%

Перепись 1897 г. дала цифру въ 128 милл. По оцѣнкѣ статистическаго комитета, населеніе Россіи на 1 января 1914 г., включая Финляндію, Хиву и Бухару, достигало даже 180 милліоновъ.

Ростъ сельскаго хозяйства.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ Россія переживала полосу неурожаевъ. Послѣ голодныхъ лѣтъ, урожаи 1892 и 1893 г. были хорошими. Однако, и противъ этихъ урожаевъ — послѣдніе годы передъ войной показываютъ разительное увеличеніе.

	Средн. за:		
Урожай хлѣбовъ	1892—93 г.	1911—13 г.	% увелич.
	милл. пуд.		
Въ Европ. Россіи	2 050	3 657	+ 78%
Во всей Имперіи	—	4 861	—

Количество скота также возросло. Россія имѣла:

	въ 1895 г.	въ 1914 г.	% увелич.
	милл. гол.		
Лошадей	25,6	35,0	+ 37%
Рогатаго скота	31,6	52,0	+ 64%

Цѣлый рядъ мѣръ былъ принятъ за этотъ періодъ для поднятія уровня деревни. Наряду съ такими законодательными актами, какъ отмѣна круговой поруки, отмѣна выкупныхъ платежей, законъ 9 ноября 1906 г. о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины, — министерствомъ земледѣлія была развита за послѣдніе годы энергичная дѣятельность по поднятію

уровня сельско-хозяйственной культуры (опытные поля и станции), а кредитная кооперация широко распространилась въ деревнѣ *).

Ростъ промышленности.

Въ области добывающей промышленности, особенно выросла добыча угля, марганца, желѣза и мѣди.

	Средн. за:		% увелич.
	1891—95 г.	1911—14 г.	
Уголь (милл. пуд.)	466	1 983	+ 300%
Марганецъ (милл. пуд.)	12,0	55,7	+ 364%
Мѣдь (выплавка) (тыс. пуд.).	395	1 878	+ 375%
Чугунъ (выплавка) (милл. п.)	73	254	+ ок. 250%

Въ меньшей степени, но все же значительно, выросла добыча другихъ полезныхъ ископаемыхъ:

	1891—95 г.	1911—14	
Нефть (милл. пуд.)	338	560	+ 65%
Золото (пуды)	2 576	3 701	+ 43%
Соль (милл. пуд.)	85	121	+ 42,5%

Изъ видовъ промышленности, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, сильно развились свекло-сахарная, хлопковая и винокуренная. Оставляемъ въ сторонѣ послѣднюю, ростъ которой былъ рѣзко пресѣченъ запрещеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ въ августѣ 1914 г.

Въ области сахарной промышленности наблюдался не простой ростъ, но и ея интенсификація:

	Средн. за:		
	1891—94 г.	1911—14 г.	
Площадь посѣва свекловицы (въ десятинахъ)	289 000	721 000	+ 150%
Выработка сахара (милл. п.).	30,5	104,5	+ 245%

Еще быстрѣе шелъ ростъ хлопководства.

	1894 г.	1914 г.	
Площадь посѣва (дес.)	ок. 150 000	675 000	+ 350%
Сборъ волокна (милл. пуд.).	3,2	15,6	+ 388%

*) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала редація имѣетъ въ виду дать точную и исчерпывающую справку о движеніи крестьянскаго землевладѣнія въ предреволюціонной Россіи. По исчисленіямъ одного изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса въ Россіи профессора В. А. Косинскаго, основаннымъ на данныхъ сельско-хозяйственной переписи 1916 года, скупка земли крестьянами при содѣйствіи правительства продвинулась къ этому году настолько, что изъ земель сельско-хозяйственнаго назначенія въ Европейской Россіи — около 79% принадлежало мелкимъ землевладѣльцамъ (не свыше 50 десятинъ на хозяйство) и только 21% принадлежало болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

Развитіе хлопководства въ Туркестанѣ (далеко обогнавшемъ Закавказье) стало возможнымъ вслѣдствіе производства обширнѣйшихъ ирригаціонныхъ работъ.

Ростъ капитала страны.

Изъ видовъ національнаго достоянія, на первое мѣсто можно поставить пути сообщенія.

Развитіе желѣзнодорожной и телеграфной сѣти показываетъ быстрый ростъ:

	нач. 1895 г.	1. I. 1915 г.	
Желѣзные дороги	31 812 в.	64 547 в.	+ 103%

Въ эти цифры не вошли ни финскія желѣзные дороги, ни Восточно-Китайская. Русскія жел. дор. были значительно дешевле, чѣмъ заграничныя (въ особенности для поѣздовъ на дальнія разстоянія), а также имѣли спальные вагоны и для III-го класса, чего и теперь нѣтъ на большинствѣ заграничныхъ дорогъ.

	1891 г.	1914 г.	
Телеграфная сѣть (длина линій).	133 000	223 000	+ 68%

Ростъ ея приходится на болѣе позднее время; въ 1897 г. длина линій была 143 000.

	1894 г.	1914 г.	
Торговый флотъ	492 000 т.	783 000 т.	+ 59%

Особенное вниманіе обращалось на развитіе сообщеній между Европейскою Россіей и Сибирью и вообще Азіей.

Большое количество вновь возведенныхъ присутственныхъ зданій, вокзаловъ, грандіозные элеваторы для храненія хлѣба, усиленное строительство въ столицахъ и большихъ городахъ быстро увеличивало цѣнность недвижимаго имущества Россіи.

Наконецъ, самый внѣшне-осязательный видъ государственнаго капитала, золотой фондъ, увеличился въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	15. XII. 1894 г.	16. VII. 1914 г.	
Золота въ Гос. Банкѣ (въ милл. рубл.)	648	1 604	+ 146%

Всѣ эти данныя ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что экономическое благосостояніе Россіи — и національный годово́й доходъ, и накопленный капиталъ страны, — не только возросли абсолютно, но въ своемъ ростѣ опередили увеличеніе численности населенія: въ то время какъ оно увеличилось на 40%, всѣ главныя отрасли дохода и капитала страны возросли въ пропорціи много разъ большей.

Народное образованіе.

Народное образованіе въ Россіи не находилось цѣликомъ въ вѣдѣніи министерства Народнаго Просвѣщенія. Большая часть расходовъ падала на земство и города; приходскія школы находились въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода; коммерческія училища (и рядъ высшихъ учебныхъ заведеній) вѣдались министерствомъ Финансовъ (позднѣе — Торговли); наконецъ, многія женскія учебныя заведенія относились къ вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи.

Расходы министерства Народнаго Просвѣщенія являются лишь частью расходовъ на образованіе. Ростъ ихъ однако является показательнымъ особенно въ виду того, что и по другимъ вѣдомствамъ просвѣтительные расходы не сокращались, а наоборотъ, росли.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Бюджетъ Мин. Нар. Просв.	25 200 000 р.	161 600 000 р.	+ 628%

Количество неграмотныхъ, составлявшее все еще большинство населенія, постепенно убывало.

За послѣдніе 20 лѣтъ передъ войной произошли слѣдующія измѣненія въ количествѣ учащихся въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

	на 1. I. 1894 г.	1. I. 1914 г.	% увелич.
Въ университетахъ . . .	13 944	39 027	+ 180%
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	224 179	733 387	+ 227%
Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ Средней Азіи)	3 275 362	6 416 247	+ 96%

Кромѣ того, имѣлись частныя, въ особенности — инородческія (татарскія, и т. д.) школы, съ числомъ около милліона учащихся въ 1912 г. Въ виду усиленнаго расширенія школьной сѣти именно за послѣдніе годы, къ 1914 г. увеличеніе числа учащихся несомнѣнно превысило 100% противъ 1894 г.

Въ этихъ цифрахъ, кромѣ того, изъ высшихъ учебныхъ заведеній не учтены: всѣ спеціальныя (техническія, военныя, музыкальныя и т. д.), женскія (Высшіе курсы), педагогическіе институты и т. д., и вообще всѣ частныя учебныя заведенія.

Болѣе быстрый ростъ средняго образованія легко объясняется необходимостью раньше подготовить кадры учителей, а затѣмъ уже расширять сѣть низшихъ школъ.

Что касается средне-учебныхъ заведеній, то интересно сопоставить число учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ:

	1. I. 1894 г.	1. I. 1914 г.	% увелич.
	число учащихся		
Мужскія гимназіи и реальныя училища	89 411	228 551	+ 155%
Женскія гимназіи	54 102	328 803	+ 420%
Женскіе институты	7 706	9 562	+ 15%
Духовныя учебныя заведенія.	63 257	100 027	+ 58%

Поразительный ростъ средняго женскаго образованія сопровождался такимъ же ростомъ высшаго женскаго образованія за послѣднее десятилѣтіе. По числу женщинъ, получавшихъ высшее образованіе, Россія стояла въ Европѣ на первомъ мѣстѣ.

Изъ внѣшкольных видовъ образованія, отмѣтимъ быстрый ростъ народныхъ библиотекъ и могучій расцвѣтъ издательской дѣятельности, сопровождавшійся огромнымъ удешевленіемъ книги. —

Міровая война, поставившая Россію въ исключительно трудныя условія, вызвала, разумѣется, большія перемѣны въ русской жизни.

Но до революціи государственный организмъ все же преодолевалъ возникшія затрудненія.

Война поставила русской промышленности большія новыя заданія. Она одновременно должна была удовлетворять нуждамъ обороны и возмѣщать прекратившійся подвозъ изъ-за границы. Россія была лишена главныхъ путей сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: сухопутной западной границы, Балтійскаго и Чернаго морей. Все, что приходило извнѣ, должно было проходить либо черезъ замерзающіе порты Бѣлаго моря, либо черезъ Владивостокъ, отстоявшій отъ фронта чуть ли не на 10 000 верстъ. Русская металлургическая промышленность не была настолько развита, какъ западная. И тѣмъ не менѣе, послѣ перваго же года неудачъ, огромными усиліями было достигнуто такое увеличеніе ввоза черезъ Владивостокъ и Бѣлое море, что снабженіе Россіи военнымъ матеріаломъ извнѣ стало реальностью. Была построена ширококолейная дорога отъ Архангельска, и сооружена за время войны новая дорога, Мурманская, выводящая прямо къ незамерзающей бухтѣ Ледовитаго океана. Это преодоленіе блокады, завершенное къ осени 1916 г., было поразительнымъ достиженіемъ.

Въ то же время Россія покрылась цѣлою сѣтью новыхъ металлургическихъ и химическихъ заводовъ. Постройка и переоборудованіе шли «американскимъ» темпомъ, и къ началу 1917 г. русская промышленность давала арміи достаточное количество снарядовъ.

О ростѣ металлургической промышленности цифровыхъ данныхъ не помѣщалось, такъ какъ на нее простира-

лась военная гайна. О немъ ярко свидѣтельствуютъ гѣ огромные запасы руды, полуфабрикатовъ, готоваго снабженія, которые остались къ моменту революціи.

Въ другихъ областяхъ удавалось не только поддержать производство, но подчасъ даже увеличить его.

Такъ, въ области топлива, добычу угля за первые военные годы удалось поддержать почти на прежнемъ уровнѣ, несмотря на то, что огпаль оккупированный съ первыхъ дней войны Домбровскій районъ, поставлявшій свыше 400 милл. пуд. въ годъ:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Добыча угля (милл. пуд.)	1 983	1 905	1 955

Добыча въ Донецкомъ бассейнѣ съ 1 543 милл. пуд. въ 1913 г. повысилась въ 1916 г. до 1 738 милл. пуд.

Добыча нефти повысилась еще болѣе разительно:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Добыто нефти (милл. пуд.)	560	568	602

Рѣзкое повышение дали также сборы хлопка. Въ 1916 г. Россія болѣе чѣмъ на $\frac{2}{3}$ удовлетворялась собственнымъ хлопкомъ, тогда какъ до войны привозный хлопокъ составлялъ болѣе половины.

Въ области сахарной промышленности, несмотря на захватъ непріателемъ въ 1915 г. значительной части районовъ, производящихъ свекловицу, производство поддерживалось:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Площадь посѣва (дес.)	721 000	702 000	670 000
Выработка сахара (милл. п.)	104	113	92

Сельское хозяйство, разумѣется, страдало отъ массовыхъ призывовъ въ армію. Въ 1916 г., по даннымъ министерства Земледѣлія, площадь посѣва хлѣбовъ сократилась на 10%. Это явленіе наблюдалось не только въ Россіи: напр., во Франціи сборъ хлѣбовъ во вторую половину войны составлялъ всего около 50% прежняго; Франція питалась подвозомъ изъ Америки. Что касается скотоводства, то перепись 1916 года установила, противъ цифры 1914 г., уменьшеніе количества лошадей съ 35 милл. до 33 милл., при увеличеніи количества рогатаго скота съ 52 до 56 милл.

Таковы были итоги русскаго хозяйства за предшествовавшіе революціи годы войны: ростъ металлургической и химической промышленности, хлопководства, добычи нефти, угля (въ неоккупированной части страны); слабый уронъ въ сель-

скомъ хозяйствѣ и связанныхъ съ нимъ отрасляхъ промышленности. Наиболѣе тяжело въ области экономики война отразилась на путяхъ сообщенія и связанной съ ними торговлѣ, а также на денежномъ обращеніи.

Послѣ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ огромной и продуктивной работѣ правительства и народа, и о бурномъ, культурномъ и хозяйственномъ ростѣ Россіи, продолжавшемся даже во время такой войны, естественно и неизбежно возникаетъ вопросъ, кому и для чего нужна была революція?...

С. С. Ольденбургъ.

II. РУССКАЯ ТЕРРИТОРІЯ.

(1914 — 1927).

Каждый русскій патріотъ долженъ знать наизусть и, взявши карту, продумать съ исторической и политической точки зрѣнія составъ своей національной территоріи. Онъ долженъ знать, какъ она сложилась въ исторіи; какъ случилось, что къ ней были присоединены такія-то части земной поверхности; нужны ли эти части его родинѣ и за чѣмъ онѣ нужны ей; и сколько борьбы, всенародныхъ жертвъ и страданій потребовало каждое присоединеніе?

Владѣть обширной или огромной территоріей не есть высшая задача народа. Народъ живетъ не для земли и не ради земли. Но онъ живетъ на землѣ и живетъ отъ земли. И потому территорія необходима ему не менѣе, чѣмъ воздухъ и солнце. Народъ безъ опредѣленной и крѣпкой ему территоріи — есть кочевникъ, живущій въ бесплодныхъ, невѣрныхъ и случайныхъ блужданіяхъ; онъ травитъ и грабитъ, но не оплодотворяетъ и не создаетъ; онъ не образуетъ государства; онъ остается проходящимъ странникомъ и опаснымъ сосѣдомъ. Ни одна великая, міровая культура не была создана кочевымъ народомъ. Настоящая культура начинается съ осѣдлости; ибо только осѣдлый человѣкъ перестаетъ брать отъ природы, ничего ей не давая; только осѣдлый человѣкъ отдаетъ себя природѣ цѣльно и творчески — ввѣряетъ ей свои силы и свою судьбу, связывается съ нею морально и духовно; этимъ онъ приобрѣтаетъ ее и начинаетъ считать ее по праву своею. Территорію мало завоевать; ее надо культивировать. Право на нее приобрѣтается не только воинственно пролитію кровью, но и ея хозяйственнымъ и техническимъ приспособленіемъ для жизни и духа. Тогда она становится не только необходимымъ условіемъ народной жизни, но и творческимъ созданіемъ народа. Добытая кровью и тру-

домъ, волею и духомъ, — территорія становится священнымъ достояніемъ націи.

Не жажда воинственного напора создала Россіи ея территорію, но, во-первыхъ, ея открытое, незащищенное положеніе на равнинѣ, во-вторыхъ, необходимость морского пути для земледѣльческаго и торговаго государства. Исторія Россіи есть сначала исторія ея самообороны отъ степныхъ кочевниковъ и отъ равнинныхъ сосѣдей; потомъ — исторія ея борьбы за выходъ къ свободному морю. Россія имѣла только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримыя окраины оружіемъ и государственною властью, и затѣмъ пробиться къ морю. Такъ выросла русская государственная территорія. —

Къ 1914 году Россія была самымъ большимъ континентальнымъ государствомъ въ мірѣ. Не считая внутреннихъ морей, она занимала свыше 22 милліоновъ квадратныхъ километровъ, т. е. одну шестую часть всей суши земного шара; ея площадь была въ два съ половиною раза больше площади европейскаго материка; въ два раза больше Китая; въ три раза больше территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; въ 44 раза больше территоріи Германіи. Она уступала по размѣрамъ только Британской Имперіи, которая покрывала вмѣстѣ съ колоніями свыше 32 милліоновъ квадратныхъ километровъ; но владѣнія Англіи были разбросаны по всѣмъ частямъ свѣта, тогда какъ территорія Россіи представляетъ одну сплошную площадь, нигдѣ не прерываемую владѣніями другихъ государствъ.

Революція, завершившая и проигравшая великую войну 1914 года, внесла въ территоріальное положеніе Россіи рядъ существенныхъ измѣненій. Именно, Россія потеряла территорію въ 908 тысячъ квадратныхъ километровъ (невступно 1 милліонъ), т. е. приблизительно столько, сколько составляютъ площади Франціи и Италіи, взятые вмѣстѣ. По сравненію со всѣмъ пространствомъ Россіи это составляетъ 4 съ небольшимъ процента или $\frac{1}{24}$ всѣхъ русскихъ владѣній. Но если принять во вниманіе только Европейскую Россію, изъ состава которой выпала утраченная территорія и площадь которой приближалась въ 1914 году къ 6 милліонамъ квадратныхъ километровъ (около 5 928 000), то потеря эта составитъ свыше 15 процентовъ.

Территорія, отошедшая отъ Россіи, распредѣлилась слѣдующимъ образомъ. Часть ея отошла ко вновь образовавшимся самостоятельнымъ государствамъ, изъ нихъ: Финляндія владѣетъ нынѣ 388 400 квадр. килом.; Польша получила 262 700 квадр. килом.; Литва — 79 600 кв. кил.; Латвія — 65 800 кв. кил.; Эстонія — 47 600 кв. кил. Другая часть ея отошла къ ранѣе существовавшимъ государствамъ: Румынія,

безуспѣшно воевавшая въ союзѣ съ Россіей, получила Бессарабію — 45 600 кв. килом.; и Турція, безуспѣшно воевавшая противъ Россіи, получила Карскую область — 18 650 квадр. километровъ.

Эти территоріальныя потери, понесенныя Россіей, не только велики количественно, но имѣютъ и иное значеніе. Утрата ихъ отрѣзала Россію отъ ближайшихъ выходовъ къ морю: Россія потеряла почти всю береговую линію по Балтійскому морю (свыше 2 500 клм.) съ портовыми городами Виндавой, Либавой, Ригой, Ревелемъ, Выборгомъ, Гельсингфорсомъ, Ганге, Або, сохранивъ всего около 200 клм. къ сѣверу и югу отъ Петрограда — единственнаго оставшагося порта на Балтійскомъ морѣ. Россія потеряла общую границу съ Германіей, торговля сношенія съ которой стояли у насъ до войны (по ввозу и вывозу) на первомъ мѣстѣ. Наконецъ, изъ состава Россіи вышли культурно - воздѣланныя земли всѣхъ новообразовавшихся государствъ съ ихъ способнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, среди котораго имѣется немалое число русскихъ людей.

Въ будущемъ нѣтъ перспективъ для воссоединенія съ Польшей: она останется самостоятельнымъ государствомъ, отдѣляющимъ насъ отъ Европы и самостоятельно противостоящимъ Германской Имперіи. Что же касается другихъ новообразовавшихся государствъ, то воссоединеніе ихъ съ Россіей, если произойдетъ когда-нибудь, то только по ихъ свободной и доброй волѣ, обусловленной съ одной стороны ихъ собственными, политическими и хозяйственными интересами, съ другой стороны — ихъ культурнымъ довѣріемъ къ исцѣленной и возрожденной Россіи. Во всякомъ случаѣ, національная Россія не будетъ дѣлать насильственныхъ присоединеній и долгое время ей будетъ совсѣмъ не до войнъ.

Послѣ исключенія этихъ утраченныхъ территорій, площадь Россіи исчисляется въ 1927 году въ 21 213 000 квадратныхъ километровъ круглымъ счетомъ. Эта территорія раздѣлена революціонною властью на цѣлый рядъ «федеративныхъ республикъ», формально связанныхъ особою совѣтскою конституціею, а по существу одинаково подчиненныхъ диктатурѣ коммунистической партіи. Большую часть ея занимаетъ такъ назыв. «Россійская соціалистическая федеративная совѣтская республика», а именно 19 683 000 кв. кил., или 92,8%. Остальные 7,2%, составляющіе все же колоссальную площадь въ 1 530 000 кв. килом., заняты вновь образованными «федеративными республиками»: Туркменской (418 560 кв. кил.), Украинской (397 800 кв. кил.), Узбекской (322 000), Закавказской (193 000) и Бѣлорусской (109 800 кв. килом.) Въ свою очередь нѣкоторыя изъ этихъ «федеративныхъ республикъ» распадаются на автономныя республики (въ составѣ РСФСР

ихъ насчитывается 10) и автономныя области (въ составѣ РСФСР — 13 областей).

Такимъ образомъ, Россія, выведенная изъ войны революціей, подверглась внѣшнему и внутреннему территориальному расчлененію.

А. Бунге. И. Ильинъ.

III. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ.

(1897 — 1914 — 1927).

Патріоту необходимо знать племенной составъ своей страны и численность ея населенія. Каждый человѣкъ, входящій въ составъ его страны, есть сынъ одной съ нимъ родины, его соотечественникъ и братъ: онъ связанъ съ нимъ въ счастья и въ несчастьи, въ побѣдѣ и въ пораженіи, въ славѣ и въ униженіи. И всѣ граждане единого государства, — знаютъ они объ этомъ или не знаютъ, — несутъ взаимно и совмѣстно бремя жизни, организованной на землѣ.

Территорія необходима государству; но состоитъ государство не изъ территоріи, а изъ людей. Люди могутъ временно отрываться отъ своей территоріи; и все-таки оставаться въ составѣ своего государственнаго союза. Эта принадлежность человѣка къ его государству опредѣляется не просто закономъ и распоряженіемъ существующей власти, но прежде всего и больше всего внутреннимъ самочувствіемъ человѣка, его патріотическою преданностью, его правосознаніемъ. Интернаціоналистъ и предатель не входятъ въ составъ того государства, въ которомъ они живутъ и которымъ они, можетъ быть, даже управляютъ; а изгнанникъ или эмигрантъ, любящій свою родину, попрежнему остается ея сыномъ и входитъ въ составъ своего народа. Пусть статистикъ, подсчитывая «населеніе» въ данный моментъ, присчитаетъ его, по мѣсту его теперешняго жительства, къ другой странѣ; на самомъ дѣлѣ онъ остается въ національномъ запасѣ живыхъ силъ своей страны.

Этимъ и опредѣляется весь смыслъ вопроса о населеніи: населеніе есть живой составъ и живой запасъ національныхъ и государственныхъ силъ страны. Численный ростъ населенія обозначаетъ здоровье, силу и ростъ націи; причемъ здоровье и сила націи тѣмъ больше, чѣмъ выше стоитъ рождаемость и чѣмъ ниже смертность. Вымирающая нація лишена будущаго; такъ вымерли многіе народы въ древности, вымерли южно-американскіе адтеки, вымираютъ сѣверо-американскіе индѣйцы и нѣкоторыя племена въ Россіи (долгане, чуванцы, алеуты и др.). Нація съ невозрастающимъ населеніемъ переживаетъ критическую эпоху

своей жизни (Франція) и размноженіе сосѣднихъ народовъ реально угрожаетъ ея будущему. Напротивъ, народъ съ возрастающимъ населеніемъ можетъ увѣренно смотрѣть въ будущее, несмотря на то, что ему повидимому грозитъ въ дальнѣйшемъ перенаселеніе, ибо это затрудненіе разрѣшается въ зависимости отъ двухъ свойствъ народа: воли къ труду и способности къ организаціи.

До войны 1914 года средній уровень рождаемости въ Россіи составлялъ 47,0 человѣкъ въ годъ на каждую тысячу населенія (въ Германіи 36,5 чел. на тысячу, — послѣ войны всего 20,6! — во Франціи — 23,0, — послѣ войны 19,6! — въ Англіи — 31,3, въ Швейцаріи — 27,7, въ Италіи — 37,6, въ Венгріи — 42,8). Средній уровень смертности въ Россіи составлялъ 30,0 человѣкъ въ годъ на каждую тысячу населенія (въ Германіи—24,6, во Франціи—22,4, въ Англіи—19,2, въ Швейцаріи—21,4, въ Италіи—26,9, въ Венгріи—32,4). Это составляло чистый приростъ въ годъ 17 человѣкъ на тысячу или въ среднемъ на всю страну полтора процента ежегодно.

Насколько уровень рождаемости въ Россіи утѣшителенъ по своей высотѣ (и самъ по себѣ, и по сравненію съ другими странами), настолько уровень смертности у насъ неутѣшителенъ: онъ показываетъ, какія усилія намъ необходимо еще сдѣлать для того, чтобы поднять гигиеническій, медицинскій, хозяйственный, техническій и организаціонный уровень нашей страны. И въ этомъ отношеніи передъ русскимъ народомъ открыто великое будущее, ибо размѣры нашей территоріи таковы, что она способна при здоровой государственной и хозяйственной политикѣ вмѣстить и прокормить гораздо большее населеніе, чѣмъ то, какое она вмѣщаетъ нынѣ. Передъ войной 1914 года средняя плотность населенія въ Европейской Россіи (составлявшей $\frac{3}{4}$ всей русской территоріи), безъ Польши, — была 25 человѣкъ на 1 кв. километръ, а въ Азіатской Россіи (составлявшей остальныя $\frac{1}{4}$ нашей площади) она равнялась 0,7 человѣкъ на 1 кв. клм. въ Сибири, и 3,0 чел. въ Средней Азіи; тогда какъ въ Европѣ плотность населенія на 1 кв. километръ составляла: въ Германіи—120 чел. (теперь, послѣ отпаденія слабо населенныхъ восточныхъ областей—134 чел.), въ Англіи (Соединенное Королевство)—145 чел., во Франціи,—74 чел., въ Испаніи—39 чел. и въ Норвегіи—7 чел. —

Первая планомѣрная общерусская перепись была осуществлена въ 1897 году. Согласно этой переписи въ Россіи находилось въ то время круглымъ счетомъ 128 милліоновъ жителей (точная цыфра: 128 195 483). На основаніи цыфръ рождаемости и смертности можно было установить, что къ первому января 1914 года населеніе Россіи возросло круглымъ счетомъ

до 173 милліоновъ, а по нѣкоторымъ исчисленіямъ даже до 180 милліоновъ.

Это значитъ, что Россія занимала по численности своего населенія третье мѣсто въ мірѣ, уступая Англійской имперіи, которая вмѣстѣ съ колоніями насчитываетъ 420 милліоновъ жителей, и Китаю, число жителей котораго точно не опредѣлено, но, во всякомъ случаѣ, превышаетъ триста милліоновъ.

Срединное положеніе Россіи между Западной Европой и Азіей, какъ разъ на пути великаго переселенія народовъ, опредѣлившаго, около пятнадцати вѣковъ тому назадъ, судьбу Европы и береговъ Средиземнаго моря, повело къ тому, что на ея поверхности осѣдали остатки почти всѣхъ народовъ, проходившихъ по ней съ востока на западъ. Отсюда большая племенная пестрота, донинѣ сохранившаяся въ Россіи. Перепись 1897 года насчитываетъ 140 племенъ различнаго происхожденія, относящихся къ различнымъ расамъ и входящихъ въ составъ русскаго населенія.

Племенной составъ русскаго населенія былъ исчисленъ въ 1897 году въ общемъ такъ (даемъ круглыя цифры).

Если оставить въ сторонѣ небольшую сравнительно группу палѣазиатовъ или гиперборейцевъ (чукчи, гиляки, коряки, камчадалы, айносы и др.), составлявшихъ вмѣстѣ не болѣе 35 тысячъ душъ, и болѣе крупную группу китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, не превышавшую однако общаго 90 тысячъ, то все населеніе Россіи дѣлилось на четыре большія расовыя группы: 1) индо-европейскую или арійскую; 2) уралто-алтайскую; 3) семитическую, и 4) картвельско-иверскую группу.

1) Подавляющее большинство русскаго населенія, около ста милліоновъ, почти 80%, принадлежало къ индо-европейцамъ. Это означаетъ, что а р і й с к а я р а с а численно опредѣляетъ судьбы и пути Россіи.

Главное ядро этой расы составляли с л а в я н е. Ихъ было немного болѣе 92 милліоновъ или около 72% всего населенія. Это означаетъ, что с л а в я н с к і я п л е м е н а численно преобладали въ Россіи.

Если вычесть изъ этой массы 7,9 милліоновъ поляковъ (около 6,4% всего населенія) и небольшое число другихъ славянъ (болгары и чехо-словаковъ), то мы получимъ основной, исторически ведущій и строящій Россію кадръ русскаго племени — около 84 милліоновъ или 65,6% всего населенія.

Русское племя распадалось на три вѣтви; въ него входили: — в е л и к о р о с с ы — 55,7 милліона, т. е. около 43,5% всего населенія и около 66% всѣхъ русскихъ; м а л о р о с с ы — 22,4 милліона, т. е. около 17,5% всего населенія и около 27% всѣхъ русскихъ; и б ѣ л о р у с с ы — 5,9 милліона, т. е. около 4,6% всего населенія и около 7% всѣхъ русскихъ.

Къ индо-европейской расѣ, помимо славянъ, принадлежали въ Россіи еще слѣдующія племена (переименовываемъ ихъ по численности):

Нѣмцы—1,8 милліона; латыши—1,4 милліона; литовцы—1,2 милліона; армяне—1,2 милліона; молдаване и румыны—1,1 милліона; иранцы (таджики, осетины, курды, таты, талышинцы и персы)—0,784 милліона (т. е. семьсотъ восемьдесятъ четыре тысячи); жмудины—0,448 милліона; греки—0,187 милліона; цыгане—0,045 милліона (т. е. около сорока пяти тысячъ).

На всѣ остальные расы вмѣстѣ взятыя приходилось около 28 милліоновъ или 20% всего населенія.

2) Вторую по численности расою являлись урало-алтайцы. Они составляли около 20 милліоновъ, или около 15,6% всего населенія.

Сюда входили двѣ группы — финская и тюрко-татарская.

Къ финскимъ племенамъ относились (въ круглыхъ числахъ):

Финляндскіе финны—около 2,3 милліоновъ; прибалтійскіе финны (савакоты, эвремейсетъ, водь)—1,4 милліона; мордва—1 милліонъ; эсты—1 милліонъ; вотяки—0,4 милліона; черемисы—0,375 милліона (т. е. триста семьдесятъ пять тысячъ); карелы—0,208 милліона; зыряне—0,153 милліона; пермяки—0,104 милл.; а также численностью менѣе пятидесяти тысячъ каждое племя — чудь, остяки, ижора, вогулы и лопари (около двухъ тысячъ).

Къ тюрко-татарскимъ племенамъ принадлежали:

Киргизъ-кайсаки—4 милліона; татары—3,7 милл.; адейр-беджанцы—1,5 милл.; башкиры—1,3 милл.; сарты—0,968 милл.; чувашы—0,843 милл.; узбеки—0,726 милл.; буряты—0,289 милл.; туркмены—0,281 милл.; якуты—0,227 милл.; турки-османы—0,209 милл.; кара-киргизы—0,201 милл.; калмыки—0,191 милл.; тептяри—0,118 милл.; кара-калпаки—0,104 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя: кумыки, тунгузы, ногайцы, таранчи, мешчеряки, горскіе татары, карапахи, карачаи, самоѣды, кашгарцы, кипчаки и долгане (одна тысяча).

3) Третью по численности расу образовывали семиты. Они составляли немного болѣе 5 милліоновъ или около 3,9% всего населенія.

Если не считать двухъ ничтожныхъ по численности группъ закавказскихъ сиро-халдеевъ (айсоровъ) и дагестанскихъ арабовъ — то все остальное количество 5 064 000 душъ приходилось на евреевъ.

4) Наконецъ, четвертую по численности расовую группу представляли изъ себя картвело-иверійцы. Ихъ на-

считывалось около 2,4 миллионѣ или около 1,9% всего населенія.

Сюда относится цѣлый рядъ кавказскихъ народовъ, изъ которыхъ самые многочисленныя: грузины—0,824 милл. (т. е. около восьмисотъ двадцати четырехъ тысячъ); имеретины—0,273 милл.; ментрельцы—0,239 милл.; чеченцы—0,226 милл.; и нѣкоторые лезгинскія племена: аваро-андійцы—0,212 милл.; кюринцы—0,159 милл.; даргинцы—0,130 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя — кабардинцы, абхазцы, сванеты, лаки, табасаранцы, крызцы, удины и др.

Справедливая исторія когда-нибудь отмѣтитъ ту религіозную, культурную и бытовую свободу, которою пользовались всѣ эти народы и племена подъ властью дореволюціонной Россійской Имперіи; причемъ эта свобода тѣмъ легче принимала и формы общественнаго самоуправленія, чѣмъ лояльнѣе относился данный народъ къ интересамъ Россіи въ цѣломъ и къ ея законамъ. Помимо общей обязательности государственнаго языка (принципъ, проведенный во всѣхъ культурныхъ странахъ), русскій народъ не только не подавлялъ иноплеменныхъ языковъ въ своихъ предѣлахъ, но впервые создавалъ для малыхъ народностей ихъ письмена и не стѣснялъ ихъ культуры и быта. Даровитые люди самыхъ различныхъ племенъ имѣли доступъ — и въ высшія учебныя заведенія, и къ высшимъ государственнымъ и команднымъ должностямъ.

Война и революція сильно повліяли на составъ русскаго населенія и въ племенномъ и въ численномъ отношеніи. Откладывая приведеніе исчерпывающихъ данныхъ на будущее время, укажемъ теперь же, что отъ Россіи отпалъ цѣлый рядъ областей съ населеніемъ, равнымъ приблизительно двадцати девяти миллионамъ душъ, т. е. превышающимъ все населеніе теперешней Польши, которая по числу жителей нынѣ занимаетъ въ Европѣ пятое мѣсто.

Изъ состава русскаго населенія почти совершенно исчезли финляндскіе финны, латыши, литовцы и эсты; мало осталось поляковъ. Значительно уменьшилось число евреевъ, насчитывающихъ въ нынѣшней Россіи около 2,7 миллионъ; евреи отошли главнымъ образомъ къ Польшѣ. Значительная часть молдаванъ отошла къ Румыніи. Число нѣмцевъ также уменьшилось до 1,1 миллионъ.

Потери во время большой европейской войны, потери гражданской войны и число жертвъ коммунистическаго террора мы въ послѣдствіи исчислимъ отдѣльно. Къ этому надо прибавить убыль населенія отъ революціоннаго голода въ городахъ, отъ неурожайнаго голода въ 1920—21 г. и отъ эпидемій. Съ чисто статистической точки зрѣнія сюда надо причислить также эмиграцію.

При такомъ положеніи дѣлъ послѣдняя перепись, произведенная совѣтскою властью дала общее число населенія для

нынѣшней Россіи въ 146 200 000 душъ. Нетрудно исчислить, какое количество населенія потеряла Россія съ 1914 по 1927 годъ (убитыми, умученными, преждевременно умершими, отпавшими и неродившимися),—если принять во вниманіе, что къ 1914 году Россія насчитывала не менѣе 173 милліоновъ и что при нормальныхъ условіяхъ населеніе ея возрастало не менѣе, чѣмъ на два милліона въ годъ.

А. Бунге. И. Ильинъ.

IV. КАКЪ ХРАНИТЬ ТАЙНУ.

(Правила и совѣты).

1. Если у тебя есть тайна и тебѣ надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь только ты самъ; другому придется ее хранить уже тогда, когда ты ему ее выдашь. Не надѣйся на другихъ. Если ты самъ не удержишь свою тайну, какъ можешь ты требовать молчанія отъ другого?

2. Тайна имѣетъ свои законы; кто ихъ нарушаетъ, тотъ ее разрушаетъ. Сущность тайны не въ томъ, что о ней знаютъ, но не говорятъ («секретъ полишинеля»). Сущность ея въ томъ, что люди не знаютъ ни того, въ чемъ она состоитъ, ни того, что вообще что-то скрывается.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имѣй таинственнаго или важнаго вида; не шепчись по угламъ; не роняй многозначительныхъ намековъ; не рассказывай о своихъ знакомствахъ; не сообщай сенсационныхъ новостей. Будь простъ, естествененъ, скромненъ. Умѣй молчать, но безъ загадочности; когда необходимо, умѣй быть разговорчивымъ о постороннихъ предметахъ. Будь какъ всѣ; будь малозамѣтенъ. И прежде всего искорени изъ своего сердца тщеславіе: это главный источникъ болтливости. Приучи себя не дорожить сужденіемъ окружающихъ людей о тебѣ. Судить тебя Господь и ты самъ передъ Его лицомъ; а впечатлѣнія другихъ несущественны: научись ради дѣла спокойно проигрывать въ ихъ мнѣніи.

4. Явная таинственность всегда пробалтываетъ тайну; будь увѣренъ: если люди узнали, что у тебя есть тайна, то они скоро узнаютъ и въ чемъ она; ибо всюду есть много досужихъ и профессиональныхъ слѣдопытовъ. Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцѣхъ, то погаси ее совсѣмъ; и потомъ, если надо, завяжи ее снова.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сдѣлай такъ. Утаи про себя твое первое серьезное огорченіе или первую твою серьезную удачу. Сдѣлай такъ, чтобы никто на свѣтѣ не узналъ о нихъ отъ тебя.

Или еще: если узнаешь какую-нибудь волнующую новость, заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать ее при тебѣ, — слушай и молчи; если невѣрно расскажетъ, — не поправляй; если сочтутъ тебя за неосвѣдомленнаго человѣка, — пусть считаютъ.

Упражняйся въ этомъ; но не говори никому, что ты «упражняешься». Приучись быть наединѣ со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этимъ ты разработаешь себѣ непроницаемость по отношенію къ людямъ. Закрѣпи ее внутренне безусловною прозрачностью души передъ Богомъ и совѣстью.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести самому и одному. Приучи себя къ этому и ты укрѣпишь свой характеръ: ибо сущность характера въ духовной самостоятельности человѣка.

7. Чѣмъ меньшее число людей знаетъ о тайнѣ, тѣмъ она неуязвимѣе; и обратно.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легче. Гораздо труднѣе хранить тѣ тайны, которыя должны быть извѣстны лишь очень немногимъ, но до которыхъ хотѣли бы добраться многіе и притомъ враждебные люди. Начинай свои упражненія съ первыхъ и лишь постепенно переходи ко вторымъ.

9. Сообщать другому тайну слѣдуетъ не тогда, когда это «можно» сдѣлать (онъ не «предатель», онъ не «сплетникъ», онъ «симпатичный»), а тогда, когда это безусловно необходимо для дѣла. Лучше недоговорить, чѣмъ переговорить. Въ сомнѣніи всегда воздержись. Не дѣлай себѣ въ этомъ никакихъ попущений, ни по родству, ни по дружбѣ, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивенъ: не связывай другого «честнымъ словомъ», или «клятвою», или «зарокомъ». Многихъ людей тайна начинается «распирать» именно послѣ того, какъ они дадутъ «честное слово». Не слѣдуетъ обременять другого тайною: она можетъ вырваться у него помимо воли — въ бреду, въ опасности, въ любовномъ утарѣ, въ пьяномъ видѣ. Страхуй свою тайну своимъ молчаніемъ и чужимъ невѣдѣніемъ: ибо только дѣйствительное невѣдѣніе даетъ абсолютную гарантію. Безъ крайней необходимости не обременяй своею тайною и завѣдомаго молчальника: ибо и онъ можетъ учестъ свою освѣдомленность въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ такъ, что наблюдательные люди сумѣютъ вычитать твою тайну изъ его поступковъ.

11. Скупому на слова легче блюсти тайну, чѣмъ говорливому.

12. Человѣкъ неуравновѣшенный, темпераментный, живущій чувствами, вспыльчивый — менѣе подходящъ для блюде-

нія тайны, чѣмъ уравновѣшенный, спокойный, холодный и сдержанный.

13. Развивай въ себѣ вниманіе; способность сосредоточиваться; искусство подвергать свою рѣчь внутренней цензурѣ; умѣніе выбирать слова. Это необходимо для блюденія тайны.

14. Приучи себя не торопиться съ отвѣтомъ на вопросъ: всегда давай себѣ срокъ для выбора отвѣта. Прежде чѣмъ отвѣчать, обрѣжь внутренно всѣ нити ведущія къ тайнѣ.

15. Никогда не записывай ни своей тайны, ни всего того, что съ нею связано; и нигдѣ не храни. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрѣпи свою память мнемоническими упражненіями,

16. Если первое время будутъ неудачи — не унывай. Блюденіе тайны есть дѣло трудное; оно доступно только исключительнымъ людямъ. Научись провѣрять себя послѣ каждого разговора и отмѣчать свои ошибки; и тогда ты самъ скоро дополнишь эти правила. И помни: умѣющій хранить тайну всегда сильнѣе неумѣющаго.

Старый политикъ.

V. ДЕВИЗЫ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ.

Русское бѣлое движеніе имѣетъ свой глубокий и непреходящій смыслъ — религіозный, патріотическій и государственный. Гражданская война противъ интернаціоналистовъ и коммунистовъ была лишь первымъ проявленіемъ его, его героическимъ, военнымъ началомъ; и впереди его ждетъ трудное, но славное будущее. Это есть движеніе національнаго рыцарства — движеніе, не связанное ни съ какимъ сословіемъ и не имѣющее никакой классовой программы; каждый русскій патріотъ можетъ найти въ немъ свое почетное мѣсто. Оно покоится на отборѣ честныхъ и волевыхъ русскихъ гражданъ. Его цѣль — религіозное, государственное и культурное величіе Россіи. Его ближайшая задача — освобожденіе и возрожденіе родины. Его духовныя основы выражаются и закрѣпляются въ такихъ девизахъ.

Господь зоветъ! Сатаны убоюсь ли?

Моя молитва, какъ мечъ. Мой мечъ, какъ молитва.

Служу Россіи. Отвѣчаю Богу.

Всѣ за родину. Все за родину.

Единая. Великая. Примиренная. Возрожденная.

Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

Сыны и братья.
Блаженство въ вѣрности.
Умѣй желать. Умѣй дерзать. Умѣй терпѣть.
Въ борьбѣ закаляюсь, въ лишеніяхъ крѣпну.
Грозная любовь, честная борьба.
Моя святыня, мое слово, мое дѣло.
Владѣю собою.
Съ поднятымъ забраломъ.
Быть, а не казаться.
Честь, а не почести.
Молиться, любить, творить и умереть въ свободѣ.
Силенъ свободнымъ повиновеніемъ.
Въ правотѣ моя побѣда.
Свободный въ жизни, силенъ въ смерти.
Подъемлю доброю волею.
Любовію ведомъ, жертвою очищаюсь.
Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую.
Побѣждаю, но не мщу.
Собственность и творчество; изобиліе и щедрость.
Достоинство въ служеніи.
Власть мое бремя, долгъ мое утѣшеніе.
Дорогу честности и таланту.
Нами править лучшій.
Учись имѣть Царя.
Творю и соблюдаю.
Любовью и кровью спаянные.

И. А. Ильинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. «Русскій Колоколъ». Редакторъ	3
2. О священномъ. И. А. Ильинъ	11
3. Какъ намъ быть. И. С. Шмелевъ	18
4. Наша государственная задача. И. А. Ильинъ	32
5. Мы требуемъ пониманія. Прибывшій оттуда	41
6. Безстрашные люди. Лоллій Львовъ	48
7. О политической работѣ. Старый политикъ	54
<hr/>	
Отъ редакціи	63
I. Россія передъ революціей. С. С. Ольденбургъ	64
II. Русская территорія 1914—1927. А. Бунге. И. Ильинъ	70
III. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. А. Бунге. И. Ильинъ.	73
IV. Какъ хранить тайну. Старый политикъ	78
V. Девизы бѣлаго движенія. И. А. Ильинъ	80

Съ 27 Августа 1927 г.
начала выходить
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА
„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и борьбы,
подъ редакціей
ПЕТРА СТРУВЕ.

Изъ содержанія номеровъ 1 и 2:

Петръ Струве: Дневникъ политика. — С. С. Ольденбургъ: Политическій обзоръ. — По церковному вопросу статьи кн. Гр. Н. Трубецкого, А. В. Карташева, Мірянина, Петра Струве и бесѣда съ Н. Н. Глубоковскимъ. — В. В. Шульгинъ: Смыслъ событій. — Н. Цуриковъ: Генераль Тухачевскій. — К. Зайцевъ: Излишнія надежды и неоправданное уныніе. — Л. Львовъ: Художественныя замѣтки. — Б. Никольскій: О русскихъ меньшинствахъ. — А. Ломейеръ: Финансовая недѣля. — Э. Уоллесъ: Дверь о семи замкахъ (романъ). — Документы объ устраненіи П. Б. Струве изъ „Возрожденія“ и проч.

Цѣна отд. номера во Франціи
50 сант., въ Германіи 20 пф.

Подписная плата до конца года
во Франціи 8 фр., въ Германіи 3 м.

Адресъ Редакціи и конторы:
12, Rue Royer-Collard, Paris (5).

Изданіе Акц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньшиковъ, бар. В. Д. Дризенъ, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливенъ, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Нолькенъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Подъ редакціей А. А. фонъ-ЛАМПЕ

Berlin W 15, Lietzenburger Str. 43^{IV}

выходитъ въ Русскомъ Національномъ Издательствѣ „Мѣдный Всадникъ“ въ Берлинѣ, въ видѣ періодическихъ, законченныхъ отдѣльныхъ сборниковъ, при чемъ сборъ и разработку матеріала приняли на себя: генералъ баронъ П. Н. Врангель, герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій и свѣтл. князь А. П. Ливенъ.

Вышли КНИГИ I, II и III / Намѣчена къ выходу въ декабрѣ 1927 г. — книга ЧЕТВЕРТАЯ

Размѣръ страницъ 19×25 см. Въ количествѣ 14—15 листовъ. Шрифтъ убористый. На плотной бумагѣ. Текстъ снабженъ :: :: схемами. Цѣна каждой книги 1 долл. 75 цент. :: ::

Главный складъ „GRAD KITESCH“

Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Подписка только через редакцію:
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

Цѣна: на три мѣсяца 80 ам. цент.,
шесть мѣс. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ Берлина:
„Градъ Китежъ“ Kleiststr. 21, „Buchhandlung
des Westens“ Passauer StraÙe 3, и др., а также на
GeisbergstraÙe 20 уголъ Fürther StraÙe.

Въ Парижѣ:
въ книжномъ магазинѣ Au vieux Livre
17 rue de l'odéon. Paris 6.

Въ Бѣлградѣ:
въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“
и въ кіоскѣ Н. Д. Мотасова.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Адресъ Редакціи:

Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}.
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“.

Цѣна книжки въ розничной продажѣ

36 ам. центовъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 1

350
4.10.04. по
три
427

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

Русскій Колоколь

— есть журналъ національной и патріотической волевой идеи. Его цѣль — служеніе самобытной и великой Россіи. Его задача — глубокое и всестороннее обновленіе духа въ русскомъ образованномъ слоѣ, укрѣпленіе русскаго самосознанія и отборъ качественныхъ силъ. Мы исповѣдуемъ родину, какъ священное начало. Мы осуждаемъ революцію; мы отрицаемъ соціализмъ и коммунизмъ; но мы не ищемъ возстановленія дореволюціонныхъ порядковъ. Мы вѣримъ въ величіе новой, грядущей Россіи; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. Мы крѣпко вѣримъ въ государственную одаренность русскаго народа и знаемъ, что Россія возстановится на путяхъ религіознаго очищенія и самобытнаго творчества. Мы не связаны ни съ какими партіями и организаціями. Но мы ищемъ и зовемъ единомышленниковъ по всему свѣту. Мы ждемъ идейнаго и волевого отклика отъ всякой живой души, умѣющей ставить Россію выше всего.

Да поможетъ намъ Господь!

РЕДАКЦІЯ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 1

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

„РУССКІЙ КОЛОКОЛЬ“.

Послѣ долгихъ униженій и страданій пробуждается духомъ національная Россія. Съ нею наши помыслы. Ей отдана наша воля; ей посвящено наше служеніе. Ей навстрѣчу звучитъ нашъ Колоколь.

Проходятъ годы великаго смятенія и крушенія, годы, полныя грозныхъ, пророческихъ событій. Мы видѣли эти событія и уразумѣли ихъ; они были явлены намъ, но не только намъ однимъ: неисповѣдимымъ промысломъ Божиимъ Россія первая вступила на путь изживанія мірового соблазна. Десять лѣтъ длится это хожденіе по мукамъ. И вотъ, гдѣ-то впереди забрежжилъ конецъ его.

Сколько разъ за эти годы содрогалось наше сердце до самой глубины!.. Сколько разъ изнемогаль умъ, силясь охватить законы совершающагося!..

Но воля, напрягаясь, закалялась въ суровыхъ рѣшеніяхъ и страшныхъ клятвахъ... Но, не колеблясь, вѣдала наша вѣра, что жива попрежнему святая Русь; что не развѣяна ея духовная сила, укрѣпленная и взрожденная русскимъ Православіемъ; что, какъ встарь, отъ татарской погони, ушелъ нашъ священный Кремль на дно таинственнаго озера и дивно всплыветъ въ предназначенный часъ; что въ зримомъ умирانی незримо возрождается наша Россія, да славится въ ней Воскресеніе Христово!

Пробьетъ этотъ желанный часъ и начнется исцѣленіе. Россіи понадобятся всѣ ея вѣрные сыны, гдѣ бы они ни были и подъ какимъ бы бременемъ они ни изнывали. Всѣ, кто огнемъ своей любви скажутъ «я — русскій!..» Всѣмъ бу-

дѣтъ мѣсто и дѣло въ ея обновленной жизни; она всѣхъ спаяетъ новымъ примиреніемъ и новымъ братствомъ.

Къ этому великому часу мы должны неустойчиво готовиться. Всѣ мы, кто любимъ Россію, гдѣ бы мы ни были и подѣ какимъ бы бременемъ мы ни изнывали. И нынѣ же мы должны сказать себѣ и другъ другу, въ чемъ нуждается наша родина? чего она потребуетъ отъ насъ? въ чемъ мы видимъ ея спасеніе? и что мы должны дѣлать въ будущемъ для того, чтобы никогда болѣе не повторились эти годы смятенія и крушенія?

И вотъ, первое, въ чемъ нуждается Россія, есть религіозная и патріотическая, національная и государственная идея.

Мы должны увидѣть идеальную Россію, нашу родину въ ея возможномъ и грядущемъ совершенствѣ; увидѣть — священною мечтою нашего сердца и огнемъ нашей живой воли. И увидѣвъ ее такъ, и увидѣвъ ее такою, создать тѣ силы, которыя осуществятъ ее, — Россію природныхъ и національных дарованій; Россію великихъ залоговъ и завѣтовъ; Россію святителей, геніевъ и поэтовъ; Россію передъ лицомъ Божиимъ...

Каждому русскому, кто бы онъ ни былъ, необходима эта священная идея его родины, какъ руководящая цѣль, какъ живой источникъ его земного міровоззрѣнія, какъ движущій мотивъ, какъ критерій для проверки всѣхъ его поступковъ; и болѣе того: какъ предметъ, о которомъ онъ молится всегда и прежде всего, и за который онъ способенъ умереть.

Эта священная идея Россіи указываетъ намъ цѣль всей нашей борьбы и всего нашего служенія; и не только на ближайшіе сроки, а на цѣлыя вѣка впередъ. Она охватываетъ всѣ силы Россіи и все ея достояніе: отъ вѣры до быта, отъ пѣсни до труда, отъ духа до природы, отъ языка до территоріи, отъ подвига до учрежденій. Въ этой идеѣ мы видимъ все Русское — сбереженнымъ и взлелѣаннымъ, обогащеннымъ и расцвѣтшимъ; и тысячами голосовъ самобытно хвалящимъ Творца.

Стоитъ ли намъ жить безъ этой идеи? И не изъ нея ли всегда рождались тѣ усилія и взлеты, та преданность и то терпѣніе, тѣ мечты и тѣ грозы, которыя создали Россію въ исторіи?

Безъ этой идеи все скудно и половинчато; все безцѣльно; все безъ руля и безъ вѣтриль: — и культура, и искусство; и хозяйство, и политика; и война, и миръ. Вредна безыдейная программа; нелѣпа безыдейная борьба, — нелѣпа и обречена. Ибо только священная идея даетъ силы для борьбы; только она даетъ настоящую побѣду.

Эта идея зоветъ къ созданію великой Россіи. Духовно великой; и вслѣдствіе этого — великой и государственной; великой и оправданной передъ лицомъ Божиимъ; а потому великой въ людяхъ и для людей. Ибо земное и человѣческое величіе — или освящено и благотно; или есть тлѣнь и прахъ.

Россія должна обрѣсти глубокія и животворящія, но развѣянные и утраченные основы своей вѣры и освятить ими свое земное бытіе. Она должна раскрыть міропріемлющія силы православнаго христіанства, освящающія и природу, и трудъ, и искусство, и науку, и государственность; — и освятить ими себя.

Это есть идея великодержавной Россіи, воздвигнутой на основахъ подлинно христіанской, волевой и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и потому священной родины.

Въ этой идеѣ, христіанской и милосердной, и, въ то же время, государственной и грозной, — высказана наша цѣль, наше будущее, наше величіе. Она отвергаетъ раба и хама; и утверждаетъ брата и рыцаря. Она учитъ чтить божественное въ человѣкѣ; и потому требуетъ для него духовнаго воспитанія. Она даетъ человѣку свободу для духа, для любви и для творчества; но не даетъ ему свободы для лжи, для ненависти и для злодѣйства. Она учитъ принимать право, законъ и дисциплину доброю волею; и требуетъ, чтобы мы заслуживали себѣ свободу духовнымъ самообладаніемъ. Она зоветъ къ братству; но выражаетъ братство не въ равенствѣ, а въ справедливости и въ справедливомъ рангѣ. Она зоветъ къ творческому труду, ограждая собственность; но самую собственность освѣщаетъ, какъ отвѣтственную обязанность и какъ призывъ къ щедрости. Она утверждаетъ бракъ, какъ таинство; и семью, какъ школу любви, вѣрности и повиновенія. Она учитъ строить государство не на выгодѣ и про-

изволеніи, а на долгѣ и вѣрности; не на интригѣ и подозрѣніи, а на уваженіи и довѣріи; не на честолюбіи и заговорѣ, а на дисциплинѣ и преданности вождю за совѣсть. И потому она зоветъ насъ воспитывать въ себѣ монархическіе устои правосознанія.

Эта идея есть древняя и исконная русская идея. Она предносилась нашимъ подвижникамъ и лѣтописцамъ; нашимъ государямъ и полководцамъ; и простымъ людямъ, и образованнымъ; и разумнымъ, и юродивымъ. Она національна по происхожденію. Но она національна и по цѣли. Ибо она утверждаетъ, что русскій народъ уже доказалъ и утвердилъ свое право на существованіе, создавъ великую, духовную и державную культуру; и что потому онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ, отстаивая свое бытіе и свои права. «Россія» есть имя великой національной культуры и великой государственной организаціи; это есть имя того духовнаго лона, созданнаго русскимъ народомъ, въ которое сто сорокъ различныхъ племенъ сдѣлали свой бытовое, а иногда и духовный вкладъ, и въ которомъ они нашли свою родину. Созданіямъ этого творческаго лона нынѣ изумляются другіе народы; а впереди его ждетъ грядущій творческій расцвѣтъ и величіе. И потому Россія должна не служить другимъ народамъ, жертвуя собою, сокрушаясь отъ непосильныхъ напряженій и поучая ихъ своимъ крушеніемъ, но беречь свои силы и воспитывать своихъ сыновъ къ духовнымъ достиженіямъ и подвигамъ.

Расцвѣтъ русскаго духа и русскаго творчества есть цѣль, вѣрная и цѣнная сама по себѣ. Всякій, борющійся за нее, правъ передъ лицомъ Божиимъ и передъ всѣмъ человечествомъ; и недалекъ тотъ часъ, когда другіе народы научатся чтить насъ и перестанутъ дѣлать изъ насъ простое орудіе для своихъ цѣлей. Но для этого мы сами должны познать и признать свою міровую цѣнность; мы должны научиться чтить въ себѣ свое національное достоинство, не переоцѣнивая другихъ народовъ и не подражая имъ; мы должны спокойно и увѣренно внять инстинкту нашего національнаго самосохраненія.

Такова наша религіозная и патріотическая, національная и государственная идея. Она есть то первое, въ чемъ нуждается Россія. — —

Второе, что необходимо ей — есть воля и характеръ.

Не выдумывать, не мечтать, не вздыхать призваны современные поколѣнія русскаго народа въ цѣломъ и русской интеллигенціи въ особенности; — но видѣть и разумѣть; разумѣть и рѣшать; рѣшать и осуществлять. Россія требуетъ отъ всѣхъ насъ воли и дѣла. Не легкомысленныхъ толчковъ; не короткихъ порывовъ; не безотвѣтственныхъ эксцессовъ. Но — глубокихъ, выдержанныхъ и властныхъ рѣшеній, изливающихся въ систему организаціи и въ систему организованныхъ дѣйствій.

Это нужно не на «завтра» и не на «послѣзавтра»; это нужно на нѣсколько поколѣній. Россіи нужны люди, умѣющие любить и притомъ любить самоотверженно; умѣющие желать и притомъ изъ глубокой и сильной воли; умѣющие поступать и брать на себя отвѣтственность за свой поступокъ. Россіи необходимы не растерянные и напуганные обыватели, но люди съ гражданскимъ мужествомъ; не слабые, а сильные; не гнушіеся, а ведущіе; — люди съ крѣпкимъ національнымъ характеромъ; русскіе адаманты. Они необходимы ей не только для того, чтобы совершить ея освобожденіе и возстановить ее; но еще для того, чтобы воспитать въ ней новыя поколѣнія съ гражданскимъ мужествомъ и съ характеромъ.

Воспитаніе характера — вотъ великое національное заданіе Россіи; вотъ ея волевая идея на вѣка. Русскому человѣку необходимъ характеръ, религіозно укорененный, патріотически накаленный, способный къ дѣяніямъ долгаго замысла и медленнаго, выдержаннаго исполненія.

Отъ расовыхъ кровей и отъ внѣшней природы русскій человѣкъ получилъ много даровъ; но это свойство онъ долженъ выстрадать и пріобрѣсти самъ. Русская душа дышитъ легкостью и внутренней свободой; — и нуждается въ волевой дисциплинѣ. Она богата талантомъ; — и нуждается въ трудолюбіи. Она глубока и темпераментна; — и нуждается въ волевомъ и разумномъ трезвеніи. Она добра и гостепріимна; — но не проработана чувствомъ долга. Она религіозна по природѣ; — но нуждается въ зоркомъ очищеніи и въ выдержанной борьбѣ съ соблазнами. Она мечтательна, созерцательна и

въ чувствахъ своихъ неуравновѣшена; — но именно поэтому она нуждается въ самообладаніи и въ силѣ характера.

Эта сила не дана русскому человѣку, а задана ему; и вся наша исторія, начавшаяся съ разочарованій татарскаго ига, исполненная непрерывныхъ военныхъ напряженій и гражданскихъ жертвъ, не облегчала намъ это самовоспитаніе, а затрудняла его: сильные гибли въ героической борьбѣ, а слабые привыкали къ пассивному терпѣнію.

Россія нуждается въ сильныхъ людяхъ. Чтобы вести другихъ, надо самому умѣть стоять и умѣть идти. Слабые ничего не возглавлять, никого не поведутъ и никого не воспитаютъ. Воспитывать могутъ только сильные: только мужественный можетъ взростить мужественныхъ; только трудолюбивый можетъ приучить къ трудолюбію; только добросовѣстный можетъ воспитать добросовѣстныхъ. Только честный и грозный страшенъ злодѣямъ. Въ русской исторіи перевернута страница безотвѣтственной мечтательности и пассивной критики. Суровое и трудное время требуетъ твердой воли и трезвой, желѣзной работоспособности. Пусть это будетъ меньшинство: всякую страну всегда ведетъ меньшинство; но это меньшинство должно быть качественно на высотѣ — оно должно быть религіозно идейнымъ, организационно умѣлымъ и технически знающимъ. И тогда въ отвѣтъ на качественный зовъ — народъ начнетъ выдѣлять изъ себя качественныхъ людей и развернетъ свои лучшія и благороднѣйшія свойства.

Это второе, въ чемъ нуждается Россія.

И третье, что ей необходимо — это свободный и спокойный патріотическій реализмъ для мирнаго и творческаго выхода изъ революціи.

Мы знаемъ и понимаемъ, что революція была духовною болѣзнью, великимъ всенароднымъ несчастьемъ, отъ котораго всѣ русскіе люди безконечно много потеряли: одни потеряли все и даже возможность жить у себя на родинѣ; другіе потеряли очень много, гораздо больше, чѣмъ они приобрѣли, и чѣмъ они, можетъ быть, нынѣ сознаютъ это; — ибо тотъ, кто въ революціи приобрѣталъ для себя, тотъ терялъ вмѣстѣ со всею страню безконечно больше приобрѣтеннаго.

Нынѣ мы всѣ ищемъ духовнаго и политическаго выздоровленія отъ этой болѣзни. Мы знаемъ и понимаемъ, что впредь въ Россіи многое будетъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ было раньше; и никто изъ насъ не желаетъ возстановить все по старому. Мы видимъ впереди новую Россію, лучшую, въ исторіи еще небывалую. Правда, она сначала будетъ несравненно болѣе бѣдна и слаба, и несравненно менѣе образована; но мы принимаемъ всѣ эти тяжелыя послѣдствія революціонной бѣды и готовы нести ихъ бремя жизнью и волею. Ни къ кому изъ русскихъ людей, любящихъ Россію, какъ свою родину, мы не питаемъ ни злобы, ни мстительныхъ чувствъ; напротивъ, выше всего ставя благо Россіи, мы желаемъ одного, чтобы она была избавлена отъ новаго, погубительнаго, имущественнаго передѣла и, слѣдовательно, отъ новой гражданской войны...

Реальное благо Россіи — стоитъ для насъ выше всего; ему должны быть подчинены всѣ частныя, групповыя и классовыя интересы. Трезво и честно, отвѣтственно и по совѣсти опредѣлить самъ русскій народъ въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, что нужно для его умиротворенія и творческаго труда; и да будетъ все согласно этому опредѣленію! Мы свободны отъ всякихъ дореволюціонныхъ, классовыхъ и сословныхъ предразсудковъ; мы ищемъ для Россіи — величія, а для себя только одного: счастья идейно и честно служить ей до гроба!

Совѣтская власть обречена; и она падетъ. Она должна быть свергнута; и будетъ свергнута. И кто бы изъ русскихъ патріотовъ, свергнувшихъ ее, ни взялъ въ свои руки власть, — пусть только онъ реально ведетъ и блюдетъ благо Россіи, — мы готовы помогать ему трезво и честно, идейно и отвѣтственно. Да свершится русское національное дѣло! А мы ищемъ для себя одного: счастья вѣрно служить величію Россіи...

Вотъ въ чемъ нуждается наша родина. Вотъ чего она требуетъ отъ насъ. Вотъ въ чемъ мы видимъ ея спасеніе.

Россіи нуженъ идейный волевой и творческій кадръ: рыцарственный кадръ. И она уже готовитъ его для себя въ лишеніяхъ и испытаніяхъ. Онъ мученически томится внутри страны; онъ героически ведетъ борьбу въ лѣсахъ и въ тюрьмахъ; онъ изнываетъ въ непосильной работѣ по всему

міру. Пусть же онъ знаетъ и твердо вѣритъ, что въ немъ, въ его духовной силѣ и зрѣлости — залогъ нашего національнаго спасенія!..

И Россія скоро позоветъ его. Ибо близятся историческіе сроки; и народъ нашъ, потрясенный и отрезвленный, возвращается къ своимъ національнымъ алтарямъ, къ священнымъ истокамъ своей жизни...

Да звучитъ же нашъ Русскій Колоколъ!..

Съ нами Господь нашего Китежа!!!

Редакторъ.

О СВЯЩЕННОМЪ.

Грозная бѣда постигла человѣчество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовныя основы своего бытія. Его жизнь стала безцѣльна; его творчество — безсмысленно; его благія силы стали скудны и немощны; его влеченія — низменны и необузданны. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе становится оно слабымъ въ добрѣ и сильнымъ во злѣ. Есть ли предѣлъ этому паденію и гдѣ онъ?

Это паденіе прекратится и этотъ предѣлъ установится; но не ранѣе, чѣмъ въ сердцахъ возродится живое и глубокое чувство священнаго, — живая и подлинная религіозность. Въ душахъ изсякли благодатные источники богосозерцанія; они должны вновь забить ключомъ. Современные люди какъ бы ослѣпли для Божіихъ лучей, пронизывающихъ міръ; имъ предстоитъ вновь прозрѣть. Самодовольный и плоскій разумъ возсталъ противъ живой тайны Божіей; ему предстоитъ смириться и преобразиться въ вѣрующую разумъ. Божіи лучи опять засіяютъ человѣку съ очевидностью; но до этого и для этого ему предстоитъ очиститься въ глубокихъ страданіяхъ и униженіяхъ... И изъ этой глубины онъ опять воззоветъ къ своему Господу!

Человѣчество растеряло свои святыни. Онѣ не исчезли и не перестали быть; онѣ попрежнему реальны. Но человѣкъ не видитъ ихъ, не испытываетъ ихъ, не трепещетъ и не ликуетъ отъ духовнаго прикосновенія къ нимъ, не загорается и не горитъ, не любитъ ихъ и не рвется къ нимъ, не борется за нихъ и не ищетъ ихъ осуществленія. То, къ чему тянется масса современнаго человѣчества — то не священно; а мимо священнаго она проходитъ — равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кощунствующая. И судьба ея въ томъ, что тѣ, кто сегодня равнодушны — завтра будутъ

враждебно буйствовать; а тѣ, кто вчера были безразличны — сегодня уже изрыгаютъ хулу...

Въ горнемъ планѣ реально все попрежнему. Святъ и дивенъ Господь — и въ небесахъ, и въ Сынѣ Своемъ, и въ вѣяніи Своего Духа, и въ таинствахъ благодати, и въ тайнахъ созданнаго міра. Попрежнему все насыщено священной значительностью. Попрежнему славить Творца — и величіе горъ, и взволнованное море; и мертвый кристалль, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговѣйно вопрошающая мысль; и пѣніе птицъ, и закатные лучи, и молчаніе ночи. Попрежнему намъ дается болѣе, чѣмъ мы умѣемъ взять, и прощается болѣе, чѣмъ мы этого стоимъ.

Но съ каждымъ поколѣніемъ становится все больше и больше людей, которые не живутъ въ горнемъ планѣ, не видятъ его, не знаютъ о немъ и не знаютъ вообще, что онъ есть. Міръ, который они видятъ, — вещественъ и случаенъ; мысли, которыя они накапливаютъ о немъ, — плоски и мертвящи; чувства, которыми они обращаются къ нему, — мелки и похотливы; цѣли, которыя они себѣ ставятъ — коротки и себялюбивы. И вся жизнь ихъ — безблагодатна, безъидейна и безкрыла. И сами они — остаются игралищемъ собственныхъ страстей и чужихъ вліяній. Они лишены хребта, но не лишены жаднаго напора. И если ихъ еще сдерживаетъ страхъ, то идея давно уже не ведетъ ихъ. Ими править не духъ, а вождельніе. Каждый изъ нихъ имѣетъ «существованіе», но рѣдко кто изъ нихъ причастенъ благодатному бытію и выстраданной, священной, благодарованной силѣ.

По силамъ ли имъ соблазны разнузданныхъ страстей, прикрытыхъ окаменѣвшимъ безбожіемъ? Какія священныя начала они могутъ противопоставить паѳосу отрицанія? Никакихъ. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни тѣлеснымъ ощущеніямъ, ни разсудку, ни животнымъ чувствамъ, ни пустопорожней волѣ. Что можетъ возразить нигилисту тотъ, кто не испытываетъ и не знаетъ ничего священнаго? Практическій матеріалистъ, съ плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими цѣлями, — что можетъ онъ противопоставить теоретическому матеріалисту, утверждающему, что такимъ и надо быть не стыдясь? Богопустынная душа безсильна передъ напо-

ромъ діавола: ибо діаволъ есть лишь вѣрный идеологъ для безблагодатности и безъидейности.

Религіозно слѣпая и безкрылая поколѣнія нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсѣмъ не неожиданно: это плодъ, давно завязавшійся и долго зрѣвшій. За этимъ умонастресненіемъ, за этимъ душевно-духовнымъ укладомъ лежитъ исторія нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ укладъ возникъ изъ того, что человѣкъ ослѣпился закономъ брностью матеріи и стройностью разсудка; и отдалъ имъ центральное чувствилище своего духа; а душевная инерція додѣлала остальное. Человѣкъ зажилъ такими органами души, которые безсильны въ обращеніи къ священному, которые берутъ только внѣшнюю поверхность предметовъ и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его въ этомъ укладѣ: любопытствующій наблюдатель сталъ успѣшно обслуживать прозаическаго корыстолюбца и оба вмѣстѣ, соединенными усиліями воспитали самодовольнаго резонера. И когда привычный резонеръ и плоскодумъ сбернулся назадъ и увидѣлъ внѣшніе покровы заброшенныхъ имъ святынь — онъ иронически и кощунственно засмѣялся.

Вмѣстѣ съ Вольтеромъ и вслѣдъ за Вольтеромъ европейское человѣчество высмѣяло и просмѣяло свои святыни. Эта слѣпая, самодовольная и легкомысленная иронія выдавала себя и принималась за проявленіе свѣта, за высшую зрѣлость. А на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла въ душахъ слѣпоту и религіозную немощь. Это былъ не только отказъ отъ священнаго; это былъ отказъ отъ серьезнаго и благоговѣйнаго подхода къ священному. Эта иронія не только отрѣзала религіозныя крылья у человѣка, но какъ бы прижигала еще своимъ ѣдкимъ ядомъ урѣзанныя мѣста: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала міръ и душу. И, слѣдуя за нею, человѣкъ привыкалъ считать откровеніе вымысломъ, догматъ — предразсудкомъ, молитву — чудачествомъ или ханжествомъ. Мало того, онъ привыкалъ издѣваться надъ молитвою, надъ собою, прежде молившимся, но болѣе не молящимся, и надъ самымъ Предметомъ своей бывшей молитвы. Религіозная слѣпота становилась критеріемъ просвѣщенности; а жизнь, опустошенная отъ

СВЯТЫНИ, СТАНОВИЛАСЬ ПОДЛИННЫМЪ ЦАРСТВОМЪ ПОШЛОСТИ.

Солнце не померкло въ небесахъ. Но ослѣпшіе глаза утратили его образъ. Душа повѣрила, что солнца нѣтъ; и погрузилась во внутренній мракъ.

Отъ насъ зависитъ выйти изъ этого мрака на подобіе того, какъ вышелъ изъ него евангельскій слѣпорожденный: ибо цѣлительная грязь уже возложена на наши глаза и намъ остается промыть ихъ и видѣть. Въ этомъ релігіозный смыслъ нашего революціоннаго крушенія.

Безъ священнаго человѣку нѣтъ жизни на землѣ, а есть только прозябаніе, круженіе въ порочныхъ страстяхъ, униженіе и гибель. Что мы безъ святыни? — прожорливые черви, хищные звѣри или испуганныя овцы... Живое отношеніе къ святынѣ впервые дѣлаетъ человѣка — ч е л о в ѣ к о м ъ ; служеніе ей — строить его личность и созидаетъ его характеръ.

Воспріятіе священнаго — пробуждаетъ душу къ жизни отъ соннаго прозябанія; и тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ пусть считаетъ себя духовно спящимъ. Испытать священное и узнать его — значитъ пережить главное въ жизни, такое, чѣмъ воистину стѣитъ жить и за что воистину стѣитъ бороться и умереть. Этимъ воспріятіемъ душа бываетъ потрясена и какъ бы ранена; ранена — божественнымъ совершенствомъ; но не къ болѣзни, а къ исцѣленію, радости и любви. Въ этотъ моментъ, если онъ состоялся впервые, въ ней совершается какъ бы нѣкая завязь духа, личности и характера; въ этотъ моментъ въ ней какъ бы небо отдѣляется отъ земли; или въ жилищѣ ея какъ бы воздвигается алтарь; или въ градѣ ея какъ бы возносится на горѣ Кремль съ его святынями. Въ человѣкѣ возникаетъ его священный центръ, къ которому отнынѣ все должно стекаться и отъ котораго все должно исходить. Отсюда онъ будетъ впредь обращать свой взоръ къ Божественному и здѣсь онъ будетъ искать вдохновенія и умудренія; отсюда будутъ возноситься его молитвы; здѣсь будутъ даваться его страшныя и ненарушимыя клятвы; здѣсь будутъ приниматься жизненныя и смертныя волевыя рѣшенія. Пребывать въ этомъ центрѣ и жить его откровеніями составляетъ смыслъ жизни; оберегать его въ себѣ и укрѣплять — есть пожизненное заданіе; служить ему есть вѣчное призваніе человѣка и источникъ бла-

женства. Ибо блаженство — въ вѣрности: въ вѣрности Божественному зову и указанію.

Гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его (Матѣ. VI. 21); и именно поэтому цѣнность человѣка опредѣляется цѣнностью его сокровища. Тотъ, кто вздыхаетъ о ничтожномъ — тотъ самъ ничтоженъ; поклоняющійся пустому — пусть въ своей душѣ. Пороченъ человѣкъ, поскольку онъ мечтаетъ о порочномъ; и золь тотъ, чья воля тянется къ злодѣйству. Но тотъ, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Богу — тотъ таинственно и реально пріобщается Его правдѣ и Его силѣ. Онъ уже не пусть и не ничтоженъ; въ его личности есть не только земное, но и твердъ небесная; его алтарь становится главнымъ центромъ его души, а сама душа его уподобляется Кремлю. Попрежнему его душа, какъ у всѣхъ, имѣетъ свои слабости и страсти, а, можетъ быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезаетъ въ человѣкѣ, пока онъ живетъ на землѣ. Но личность его уже не сводится къ его страстямъ и слабостямъ; напротивъ: утвердившись въ священномъ и создавъ въ себѣ алтарь живого Бога, она вышла изъ своихъ страстей и противопоставила себя имъ. Она не исключила ихъ изъ себя; это не удалось ей; и не можетъ удался, пока она живетъ на землѣ. Но владычеству ихъ пришелъ конецъ. Она пріобрѣла власть надъ ними; она уже можетъ не подчиняться и не предаваться имъ. Въ любой мигъ она можетъ сосредоточить свою энергію у алтаря, загорѣться и воззвать о помощи; и въ этотъ мигъ она уже осилила и превозмогла. Ибо въ ней есть источникъ высшей силы; и страсти уже не ведутъ ее къ паденію съ той неотвратимой необходимостью, съ которой течетъ вода и осыпается песокъ.

Священное зиждетъ въ душѣ человѣка алтарь, этотъ источникъ священнаго горѣнія и священной силы. Отсюда власть человѣка надъ самимъ собою; власть дающая ему внутреннюю увѣренность и свободу. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть путь къ праведности. Ибо праведность достигается именно черезъ упражненіе, укрѣпленіе и осуществленіе этой свободы. Бытіе человѣка начинается именно съ этой внутренней власти и свободы; то бытіе, котораго нельзя ни разло-

жить, ни извратить, ни сломить, которое дѣлаетъ изъ человѣка при его жизни — живой очагъ духовной силы; и которое свѣтитъ другимъ, и ведетъ другихъ — и послѣ самой смерти его.

И вотъ, избытокъ этого духовнаго самообладанія помазуетъ человѣка — къ вѣрной власти надъ другими, къ властному веденію и воспитанію ихъ во имя Божіе. И люди сами чувтъ и чувствуютъ это; и съ облегченіемъ пріемлютъ такую власть, зная, что источникъ ея — въ служеніи священному. Вотъ глубокій смыслъ этого труднаго и таинственнаго слова: «нѣтъ власти не отъ Бога» (Римл. XIII. 1); и напрасно думать, что это слово зоветъ насъ — повиноваться дьявольской власти только потому, что она «успѣшно» воздвиглась на злыхъ страстяхъ.

Что есть человѣкъ безъ святыни?.. Пустая видимость человѣка; обманная личина личности, не болѣе. Къ чему способенъ онъ, служа своимъ страстямъ и прихотямъ? Къ слишкомъ «многому», — но именно потому, что онъ не способенъ къ главному. Можно ли вѣрить ему, если онъ самъ не вѣритъ Богу, и если онъ черезъ эту вѣру не научился еще — вѣрить себѣ самому? Оставаясь одинъ на одинъ, передъ лицомъ Божіимъ, онъ отвертывается отъ Бога и измѣняетъ себѣ. Какъ же могутъ вѣрить ему другіе? Что можетъ онъ противопоставить хладному и темному духу соблазна? Какъ противостанетъ онъ ему, не имѣя ни священнаго знамени, ни священной идеи? Ибо если онъ нынѣ отводитъ соблазнъ только потому, что онъ сейчасъ не сулитъ ему выгоды, то завтра соблазнъ придетъ къ нему въ обличіи выгоды и разсчета; и увлечетъ его на свои пути...

Что противопоставляетъ современное человѣчество заразѣ воинствующаго безбожія? Трезвыя соображенія о томъ, что коммунизмъ и порочность «не выгодны». А если черезъ десять лѣтъ духовно ослѣпшія массы найдутъ, что коммунизмъ прибыленъ, а порочность выгодна?.. Тогда онѣ соскользнутъ въ бездну съ тою необходимостью, съ которою течетъ вода и обсыпается песокъ...

Опустошенный и растерянный, современный человѣкъ не можетъ и не умѣетъ бороться со стихіею пошлости и съ напоромъ дьявольскаго начала. Для этой борьбы необходимъ религіозный закалъ души; необходима предан-

ность священному и вѣрность алтарямъ. Призрачные люди не могутъ и не должны участвовать въ этой борьбѣ: они всегда будутъ подобны картоннымъ кирпичамъ, заложеннымъ въ стѣну; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ скорѣе обрушится стѣна. Для этой священной борьбы необходимы не оглушенные, не опоминающіеся и не прозрѣвающие; но прозрѣвшіе, окрѣпшіе и закалившіеся; такіе, которые изъ глубины своего духа поняли, что дѣйствительно не стоитъ жить тѣмъ, за что не стоитъ умереть; и которые волею приняли бремя этой великой, міровой борьбы во имя священнаго.

Такие люди яснымъ и спокойнымъ взоромъ узнаютъ другъ друга при первой же встрѣчѣ; и не ошибаются. Они узнаютъ другъ друга по священному закалу души; и вѣрятъ другъ другу такъ, какъ вѣрять исконно-свой исконно-своему. Ибо ничто не сближаетъ и не соединяетъ людей такъ, какъ вѣрное стояніе передъ алтаремъ единого Бога.

Отъ союза такихъ людей, отъ ихъ волевого братства въ духѣ и въ дѣлахъ придетъ спасеніе Россіи. И каждый изъ насъ призванъ нынѣ къ тому, чтобы найти въ себѣ свой алтарь; зажечь на немъ неугасимый огонь; закалить въ немъ свое чувство, свою волю и свой разумъ; — и потомъ искать своихъ братьевъ въ духѣ; и найдя ихъ, связаться съ ними священными, закрѣпленными узами на жизнь и на смерть.

Только въ такомъ рыцарственномъ служеніи и союзѣ создастся и выдвинется необходимое Россіи поколѣніе. Поколѣніе людей, способныхъ вести борьбу и строить святую Русь подъ знаменемъ религіозной и національной, — священной идеи; способныхъ подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способныхъ создать власть, подлинно идущую отъ Бога.

Россія спасется и возстановится только черезъ священное служеніе Священному...

И. А. Ильинъ.

КАКЪ НАМЪ БЫТЬ ?

(Изъ писемъ о Россіи).

Иногда я получаю письма, написанныя болью за Россію, всегда волнующія, порой очень горькія, безоглядно указывающія на виновниковъ небывалаго разгрома, полныя убѣжденности, что — «теперь, уцѣлѣвшіе и сохранившіе еще силы бороться за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься въ наше прошлое, рѣшительно покончить съ „идеалами и фетишами” такъ называемой прогрессивной, или передовой русской интеллигенціи, въ сущности безнаціональной, — должны познать подлинное свое, творить и хранить его».

Рѣдкое письмо не заключало въ себѣ вопроса: «какъ намъ быть?» Давались и рѣшенія:

«Надо выработать основы, „заповѣди”, какъ и за что стоять, свято повѣрить въ нихъ и осуществлять только ихъ, чтобы не тратить безплодно силъ».

«Мы должны отбросить вопросы „вѣчные” и „проклятые”, надъ чѣмъ больше вѣка трудилась наша радикальничавшая интеллигенція, требовавшая „прямыхъ отвѣтовъ”; должны покончить со всѣми этими разсужденіями о „правдѣ-истинѣ” и о „правдѣ-справедливости”, чѣмъ щекотали мозги досужливые люди, мучившіе себя вопросомъ — „имѣемъ ли мы право погружаться въ искусства, въ науки... получать образованіе на деньги, выколоченныя съ бѣднаго народа, пребывающаго во тьмѣ?” — это образованіе получавшіе, сидѣвшіе въ редакціонныхъ креслахъ, поджигавшіе на политическія убійства, тайно рукоплескавшіе имъ, изъ безмѣрной „любви къ народу”, будоражившіе „народъ”, толкавшіе молодежь на дѣло смерти и, въ концѣ концовъ, столкнувшіе Россію въ пропасть!..»

«Мы должны рѣшать наши вопросы, близкіе русской жизни, а не весь свѣтъ любить и за него терзаться, — терзается онъ за насъ? — укрѣплять наше, не отдѣлять „народа“ отъ Россіи, принимать всю ее, со всѣми ея классами, не отщелушивая все лучшее, что выдѣляла страна вѣками на всякихъ поприщахъ. Только, укрѣпивъ „поле русское“, попробуемъ засѣвать и „міровое поле“, если сѣмена найдутся, если суждена намъ „миссія“!»

«Наша миссія — возрожденіе Россіи. Снова и снова — подвигъ, подвигъ новаго созиданія Россіи, въ потѣ и крови монаха и солдата, вѣчныхъ русскихъ подвижниковъ! Вотъ наши идеалы. Не самоувѣренность политиковъ съ провалившимися программами, не любованье своимъ идеализмомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, не прикрытыя паѳосомъ патриотизма чаянія „вернуть свое“, а великое послушаніе Россіи, великое за нее стояніе!»

«Гдѣ духовные вожди, наши?! Сколько ихъ было у „отцовъ“, и куда привели они!.. Почему не руководили лучшіе? почему осмѣивались достойнѣйшіе? Надо „разрыть могилы“, надо воздвигнуть лучшихъ, услышать непонятый ихъ голосъ. Есть они! Они же Россію создавали, указывали пути свѣтлые. Тихія ихъ лампы манили ее изъ тьмы. „Огни міра“ сожгли ее. Какъ же намъ быть?!»

Я отвѣчалъ вопрошателямъ. Я чувствовалъ, что они мучаются всѣмъ этимъ, что они ждуть совѣта. Меня смущало, что я не имѣю опыта въ рѣшеніи государственныхъ и исторической важности вопросовъ, да еще при такомъ разгромѣ, при такомъ-то провалѣ идей и идеаловъ!; — что я не мыслитель, не политикъ, не проповѣдникъ и не судья тяжкихъ и роковыхъ ошибокъ поколѣній. И все же я отвѣчалъ по-сильно. Я понималъ, что новое поколѣніе жаждетъ новаго наполненія и новыхъ идеаловъ, что безъ идеаловъ оно существовать не можетъ: оно же русское поколѣніе! Мнѣ было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистовъ политики и «проклятыхъ вопросовъ», что эти специалисты для вопрошателей — банкроты, что иные изъ нихъ какъ бы и виновники разгрома. Я долженъ былъ отвѣчать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающій. Я чувствовалъ иногда по письмамъ, что святой огонь, которымъ горѣли души лучшихъ людей и поколѣній, еще горитъ въ опаленныхъ и

оскорбленныхъ, лишенныхъ родины; что не «прометеевъ» это огонь, а чистый огонь Россіи, огонь жертвы, любви и вѣры, — огонь отъ ея лампадъ. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крикъ страданія. Я начиналъ постигать, что теперь, надъ всѣми «проклятыми» вопросами былого, поднялся — святой вопросъ, что этотъ святой вопросъ — о бытіи Россіи. И, преодолевая сомнѣнія, отвѣчалъ, прислушиваясь къ душѣ Россіи — къ душѣ вопрошателей моихъ.

Чтобы не повторяться, я счелъ полезнымъ выступить какъ бы съ общимъ отвѣтомъ вопрошателямъ. Я не считаю эти мои отвѣты-письма исчерпывающими. Это какъ бы мси бесѣды. Я имѣю передъ собой не искушенныхъ въ «государственныхъ опытахъ» знатоковъ, а искренно мучающагося собесѣдника-друга, большею частью изъ поколѣнія, выросшаго въ войнѣ и разгромѣ, отдавшаго себя въ жертву за Россію, близкаго мнѣ по духу, — изъ того несчастнаго поколѣнія, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки слонится», воздухомъ чужимъ дышитъ, но которое страстно хочетъ увидѣть лелѣемую въ мечтахъ Россію, хочетъ найти ее и крѣпко ее беречь.

Вотъ для этихъ, сердечно близкихъ, и пишу я, посильно хочу отвѣтить мсему многоликому, но единому въ духѣ вопрошателю.

I.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то изступленное мѣстами, — особенно тамъ, гдѣ вы проклинаете «виновниковъ», — взволновало меня искренностью, исканіями и кипѣньемъ души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пылъ раздраженія обрадовали, — далеко не все справедливо въ обвиненіяхъ вашихъ, — а вашъ духовный запасъ обрадовалъ, ваше «не подаюсь!» — ваше страстное чуяніе Россіи и жажда ее познать (пусть пока черезъ изученіе написаннаго о ней) — вѣра въ нее — послѣ всего! — вотъ что меня обрадовало. Этого-то какъ разъ и нехватало огромной части нашей интеллигенціи, въ Россіи жившей и такъ мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько въ васъ пламенной тяги къ ней, любовнаго къ ней горѣнія, словно вы въ

ней одной соединили всѣ чарованія невесты, матери и сестры, всѣ восторги, не отданные вами любимой, которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть, должна быть суждена вамъ! Вы ее любите страстно-больной любовью, какою матери любятъ незадачливаго ребенка.

Много больного въ вашихъ словахъ о ней. Много трепета и огня, священнаго, чистаго огня. Вы еще не любили въ жизни. Ваши любви не нашли себѣ выхода, наливались и увядали, сожженные. Именно — чистаго огня, несмотря на всю грязь и кровь, на всѣ ужасы, черезъ которые вы прошли, борясь неустанно и непрестанно, не подаваясь, вѣря. И сохраниться такимъ, какимъ я чувствую васъ въ письмѣ, «дѣвственникомъ», — какъ рыцарь, который «имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму», — сохранить себя при такихъ условіяхъ безпричальной, бродяжной жизни, въ работѣ подъ землею, въ глуши, безъ единственной близкой, живой опоры, при убивающемъ духъ сознаніи, что кругомъ, во всей Европѣ и по всему міру, никому, кромѣ раскиданныхъ соотечественниковъ, нѣтъ никакого дѣла до нашего! Всѣ противъ насъ. Въ нашей даже средѣ — сколько есть противъ нашего, сколько разъединителей и гасителей воли и вѣры нашей! А вотъ, не угасаетъ воля, не умираетъ вѣра. Вы живы и подъ землей, въ черной и душной шахтѣ, и, какъ рыцарь былыхъ эпохъ, вѣрнымъ остались Той, прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, которая ни одной улыбки не подарила вамъ, которая не ваша, за которую вы приняли столько мукъ.

Понимаю васъ, когда вы говорите:

«Если бы не она — мучающій меня такъ сладко ея призракъ, въ которомъ и погубленная моя невеста, и бѣдная моя мать, и мои пропавшія безъ вѣсти сестры... если бы не послѣдняя моя вѣра, что Россія все еще гдѣ-то есть — и будетъ! — давно бы съ собой раздѣлался!..»

И еще:

«Во имя ея прошлаго, во славу ея будущаго — страдаю. Но дайте, дайте живого дѣла!»

Видите, вотъ ужъ и — идеалы. А вы съ такимъ отчаяніемъ сказали: «Надъ всѣми „идеалами“ — крестъ!» Не обойдетесь безъ идеаловъ. Многое придется отвѣять изъ «идеаловъ», выправить и ввести новые идеалы, придется

и въ самой русской интеллигенціи отборъ сдѣлать и объяснить, чѣмъ была передовая, какъ вы называете иронически, русская интеллигенція, и какою она должна бы быть; но безъ идеаловъ, безъ окрыленія и озаренія жизни — ни жить, ни творить нельзя.

Объ этомъ мы еще побесѣдуемъ. А пока укажу вамъ на авторитетъ, называемый и великимъ, и національнымъ, называемый такъ почти всѣми, даже несхожими съ нами въ отношеніи къ нашему, — чтимый теперь, какъ святыня культуры нашей, — на Пушкина. Приведу чудесную его вѣру, — она-то и въ васъ горитъ:

«Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу —
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человека, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.)»

Правду этой, Пушкинской вѣры вы должны чувствовать очень остро. Развѣ вы чувствуете — пустыню? развѣ ваша душа — безъ божества? Нѣтъ, пока въ душѣ — она, вы можете еще молиться. Вотъ — правда и вѣра Пушкина, заповѣдь его, національнаго, нашего Учителя, котораго мы еще мало знаемъ. Читайте и перечитывайте его. Онъ весь — національный. И, весь національный, полный національнаго, онъ и за-национальный, онъ — всякій, какъ Достоевскій открылъ его. Въ немъ какъ бы знаменіе будущей Россіи, ея возможностей! И вотъ, это его вѣщаніе — главнѣйшая изъ основъ бытія всякаго народа. Это — религіозное. Это — религія, духовная связь съ родиной. Это — національный идеаль. Это гласъ Божій въ насъ. И это онъ въ васъ, съ самаго вашего рожденія, съ первой каплей молока матери, съ первымъ звукомъ родного слова, во всѣхъ чувствованіяхъ вашихъ, во всѣхъ грезахъ. Это весь опытъ прошлаго, корни прошлаго, отсвѣты

солнца прошлаго, освѣщающіе намъ путь, съ истоковъ родины нашей, съ первыхъ, дѣтскихъ ея шаговъ — до торжественно-властной поступи въ исторіи народовъ! Это голоса славныхъ гробницъ нашихъ, завѣтовъ и заклинаній тѣхъ, что пали за дѣло родины. Эти голоса наполняютъ духовное наше существо. Въ этихъ беззвучныхъ отзвукахъ слышны и шопоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы изъ сновъ далекихъ, и мудрыя велѣнья... Это — исторія. Это — пѣснь, вѣщая пѣснь Россіи, вѣщій голосъ чудесныхъ ея Пѣвцовъ, ихъ «гласъ пророковъ». Это — мерцающія лампы у гробницъ, опаляющіе огни великихъ испытаній.

Большое богатство предковъ, ихъ опыта, — навѣки связало васъ, и ведетъ, если вы подлинно кровный, ихній. Вы — кровный. Вы чутко слышите зовъ завѣтовъ, вѣщанія толосовъ подземныхъ. Они, эти голоса, слышимые черезъ Великихъ, чуемые инстинктомъ, шумятъ непрестанно въ васъ, стучатъ въ вашемъ сердцѣ кровью, ведутъ на страшныя испытанія, поддерживаютъ вашъ духъ надеждой, шопотомъ въ васъ влюбленной, рвущейся къ вамъ Россіи. Почему — тоска? Да потому, что она, единственная, къ вамъ рвется, болью своею знаетъ, что вы отдали за нее... потому, что она вамъ дороже всѣхъ міровъ. Вы связаны съ ней навѣки, и она съ вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

«И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать!»

Здѣсь — тайна родины, родины; — тайна тайнъ. Съ вами Она, всегда. Беззвучный шопотъ и зовъ ея — на вашемъ бездорожьи, подъ тяжкою землею, въ шахтахъ. Этотъ — родины зовъ беззвучный — и въ вашемъ письмѣ ко мнѣ, и въ трепетѣ вашемъ страстномъ, и въ проклятыяхъ вашихъ, и въ молитвѣ... въ единственной молитвѣ — за Россію!

Ваша неправда мнѣ человѣчески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?... Оставьте маленькое, не опаляйте духа. Для творческаго дѣла храните святой огонь. Злое коварно прельщаетъ васъ — растратить себя

впустую. Соберите себя, готовьтесь къ выдержанной борьбѣ. Духовно вооружайтесь: придетъ время.

Я понимаю, какъ кровоточить рана...

Съ перваго курса университета — въ войнѣ, три года боевой жизни, раны, опять на фронтѣ, борьба за Москву, два героическихъ года бѣлой борьбы, раны, эвакуація, Галлиполи... Вы все прошли. И столько потеряли!.. Лично потеряли.

Потеряли невѣсту. «Забыла...» — пишете. Отца вашего, скромнаго педагога, разстрѣляли. Вашего брата забрали въ красную армію, — онъ застрѣлился. Мать выгнали съ послѣдняго клочка, и она умерла отъ голода, отъ горя. Сестры не даютъ о себѣ вѣстей... Да, вы мученикъ. И ваши проклятія «отцамъ», не всегда справедливыя, оправдываются тѣмъ «адамъ», который въ вашей душѣ, въ которомъ вы прожили лучшіе годы ваши. Вамъ 32, семь лѣтъ вы въ бояхъ, дважды пробита грудь. Теперь — подъ землею, бьете киркою въ черную стѣну шахты, какъ рабъ, работаете на бывшихъ враговъ, близкихъ по прошлому, за чью свободу вашъ дѣдъ проливалъ кровь подъ Плевной! Вы часто бьетесь — пишете вы въ письмѣ — «этой незадачливой головой въ душную стѣну, черную, какъ вся моя жизнь!» И вотъ, послѣ всего такого, вы сохранили любовь къ Единственной, сохранили чудесное — вашу вѣру!..

Вы чудесный идеалистъ. Всей своей героической жизнью — эти тринадцать лѣтъ — больше, чѣмъ жизнь! — вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что съ ними нельзя покончить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцію, и съ ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончитъ. Другой вопросъ, насколько всѣ эти идеалы были необходимы, цѣнны, — насколько связывались они съ главнымъ Идеаломъ. Не было ли пустой работы и, что ужаснѣе, работы во вредъ и гибель — Ему? А безъ идеаловъ... какъ же?..

Вы во многомъ правы, когда такъ страстно вините «отцовъ», «вождей». Но зачѣмъ — огульно? Не вся интеллигенція русская была такою. Были и вѣрныя направленія, законнѣйшія теченія русской мысли, здравыя государственно-національно; но, роковыми путями, не вобрали они въ себя главныя силы русскаго общества и растратили

свой огонь впустую. Нѣтъ, не впустую, впрочемъ: отъ нихъ-то и свѣтитъ въ васъ огонь; отъ нихъ-то и разгорится пламя! Они не созрѣли къ сроку...

Вы обвиняете «вожаковъ-отцовъ» въ легкомысленномъ отношеніи къ Россіи, въ непониманіи — что есть родина, въ беспочвенности, въ отсутствіи патріотизма, въ рабскомъ подчиненіи «европѣ», въ стыдѣ за отсталость нашу, за нашу исторію, за угнетенія втянутыхъ въ насъ племенъ, за корыстный захватъ пространства, съ которымъ мы не въ силахъ будто бы совладать, за легкомысленныя мечты о «мірѣ», за фальшивое «христолюбіе» и «богоношеніе», за «мессіанство»... Вы обвиняете ихъ въ стыдѣ за такую, «отсталую», «Великую Россію». Вы обвиняете ихъ, что они отказались отъ наслѣдства, отъ колыбели, качавшей ихъ. Вы обвиняете ихъ въ самолюбованіи и гордынѣ: «на цѣлый міръ замахнулись», — это вы такъ о лѣвой интеллигенціи, — «о внѣнаціонально-міровомъ обществѣ возмечтали, а что дали, что изъ Россіи сдѣлали!» Вы обвиняете ихъ въ корыстномъ захватѣ власти, во властолюбіи, въ безвѣріи, въ рабствѣ мысли, въ поклоненіи «фетишамъ», въ непониманіи національныхъ цѣнностей, въ погонѣ за призраками, за рѣшеніемъ «астрономическихъ» вопросовъ, вмѣсто того, чтобы постигать смыслъ и цѣнность родного «чернохлѣбья». Вы обвиняете ихъ въ трусливости, что не вышли съ вами на Сатану, что оказались терпимыми къ Сатанѣ, признавъ кое-что своимъ изъ его программы, повѣривъ въ добрую его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете ихъ въ ненависти къ ошибкамъ былой власти, которыя они называли «преступленіями». Именуєте ихъ слѣпцами, неспособными видѣть великаго роста родины, которую они проглядели всю, не желая видѣть великихъ достиженій, пугавшихъ и изумлявшихъ міръ.

«Предать — такую!!»

Вы во многомъ правы, частично правы. Не вся наша интеллигенція такова: неоднородна она, разноголоса въ главномъ, безъ скрѣпы «великимъ стержнемъ». Она и теперь разноголоса, она и теперь безъ «стержня», и потому — безсильна. И вы, новое поколѣніе, чудомъ какимъ-то проявившее крѣпость воли, имѣете право обвинять ее въ дряблости. Вы, проявившій чуткость къ беззвучному голосу Россіи, имѣете право

обвинять ихъ въ слѣпотѣ и глухотѣ, въ нечутяніи «почвы». Вы имѣете оправданіе: вы показали жертвенность, превыше программъ и разнообразія поставили вы Россію, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионовъ братьевъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно, — «пустили» — какъ говорите — «на подливку къ чортовой кашѣ, которую приготовили изъ Россіи отцы-вожди, — для кого?!» Не съ «народа» же спрашивать! И мнѣ понятно, что послѣ такихъ-то нечеловѣческихъ страданій, «какъ каторжникъ въ рудникахъ, работая изъ-за горсти бобовъ, стискиваешь безсильно зубы и бьешься незадачливой головой въ душные угольные стѣны!»

«Пусть же раздумаются „отцы“ надъ этимъ!»

Они раздумываются. Лучшіе изъ нихъ уже давно раздумываются, и... — съ вами. Оплакиваютъ, и такъ же безсильно бьются незадачливой головой объ душные стѣны... міра. Они сознаютъ ошибки. Непримиримы къ неисправимымъ будьте.

Вы сильны, и терпѣливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцовъ».

У многихъ изъ нихъ сердце облито кровью: ихъ дѣти — мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку въ моемъ непростеніи и судѣ! Основоположниковъ-то разгрома, пожалуй, и нѣтъ давно. И безлики они, какъ была безлика для нихъ Россія. Останется для суда — камень, разбившій чудесный Ликъ, осквернившій святое въ Ней. А тѣло... сверлятъ и пожираютъ черви. Червей не станешь судить: ихъ растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди», — эта законная делегація народа, интеллигенція: придется поговорить и о правителяхъ.

Пишу вамъ не для того, чтобы искать виновниковъ: надо познать ошибки и преступленія, чтобы не повторять ихъ.

Вы избрали, по моему, вѣрную дорогу: познать причины, основныя причины «краха» и подвести фундаментъ подъ будущее строеніе. Вы начали съ познания Россіи. Необходимо знать исторію Россіи; познать, что не простая это исторія, а какъ бы священная исторія, совершенно осо-

бенная, чѣмъ исторія другихъ европейскихъ народовъ, — вторая священная исторія, какъ была когда-то первая; — исторія со своей Голгоѳой! Объ этомъ мы побесѣдуемъ особо.

Вы перечитали Ключевскаго, «Россію и Европу» Данилевскаго, славянофиловъ, Герцена, Константина Леонтьева; — «открытіе»! — говорите, — «все у Достоевскаго, что написано имъ о „русскомъ“...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенціи интересовалось больше исторіей европейскихъ идей и особенно — революцій. Въ мое время исторіей русскихъ идей и идеаловъ интересовались одиночки. Большинство же такъ называемой «революціонной», или, какъ вы иронически называете, — «передовой» интеллигенціи — увлекалось по русской исторіи критикой, стыдилось «взлетовъ двуглаваго русскаго орла» — «хищнаго» орла! — и «шелеста знаменъ русскихъ». Для этой интеллигенціи въ исторіи Россіи пріятнѣйшими страницами были развѣ «вольные Новгородъ и Псковъ»; «Боярская Дума»; споры ученыхъ, — была ли «конституція» при избраніи на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачова, «проявленія массъ»; — и темнѣйшими пятнами являлись эпохи Николаевъ и Александровъ, — расцвѣтъ Россіи. Съ увлеченіемъ остротой, прочитывались книжонки, сработанныя для пропаганды, — о «тайнахъ Россійскаго Двора», о развратѣ Петра, о юбкахъ Елизаветы, о любовникахъ и фавориткахъ, объ интимностяхъ переписокъ, о подробностяхъ умерщвленія царей, о «расхищеніяхъ народнаго достоянія Самодержцами», объ угнетеніи «народа», о подавленіи самостоятельности и независимости племенъ, «стоящихъ на высшей, чѣмъ мы, культурѣ», о пораженіяхъ Россіи... — хулу и пошлость, мелочи историческаго сора. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей — партійной и политической — интеллигенціи, считавшей себя передовою, было недовольно русской исторіей и не сказало бы такъ чудесно, какъ сказалъ когда-то въ письмѣ къ Чаадаеву мудрый и благородный Пушкинъ:

«... клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы ни перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какой намъ Богъ ее послалъ».

Вы читали Герцена... Да, онъ очень подчасъ стыдился... и даже извинялся, что онъ — русскій! И очень неприятно извинялся. Мы наклонны къ самооплевыванію. Было и раболѣпство передъ «европейскимъ», и зависть къ европейской исторіи, къ революціямъ и крестьянскимъ войнамъ, къ ея эффектности. Наша исторія... — какая «простота», какая «будничность»! Теперь мы имѣемъ — эффектнѣйшую, наикровавѣйшую изъ всѣхъ исторій...

Вы ознакомились и съ идеологіей русскаго образованнаго слоя. Досадно: въ освѣщеніи пристрастномъ. Покаявшимся «отцамъ» слѣдовало бы самимъ освѣтить «путанныя дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при свѣтѣ полученнаго «эффекта». Вы дѣлаете выводъ: «какое рабство передъ „европой“!» Да, плохо. Плохо, что безъ критики поклонялись, пересаживали, не приготовивъ почвы, въ священномъ восторгѣ пересаживали, упуская изъ вида первѣйшій изъ идеаловъ — идеалъ Родины, знаніе своей почвы, неразрывную связь съ прошлымъ, съ «гробами предковъ», — родину подмѣнивъ отвлеченнымъ понятіемъ «народъ».

Васъ возмущаетъ и «болтовня философовъ», ложныхъ философовъ. И меня возмущаетъ иногда, какъ же не возмущаться вамъ?! Вы — участникъ дѣла, жертва, истекали кровью, борясь со Зломъ, видя его воочию... — а они — «блаженно-самовлюбленно плаваютъ и полощутся въ легкомъ теченьи мыслей... упражняются въ діалектикѣ, словно играютъ въ теннисъ!» Они «играютъ въ мысли». Не обращайтесь вниманія, пусть играютъ. Слушайтесь вашей совѣсти, не спорьте съ ними, не возражайте имъ. Это, своего рода, — спортъ. Не возмущайтесь «куриною слѣпотою» ихъ, ничего не осмыслившихъ, не знавшихъ боя, рассматривающихъ Зло, какъ философскую категорію, и горячо порицающихъ, «съ точки зрѣнія христіанской», сопротивленіе Злу мечомъ.

«Какъ они смѣютъ, — пишете вы, — осуждать мечъ на Сатану, мечъ — Крестъ, когда они ни меча не держали, ни ранъ отъ него не получали, ни Сатаны не видали и даже вѣрятъ въ него, какъ въ „философскую категорію“, а Крестъ для нихъ только условный символъ?!»

Какое до нихъ вамъ дѣло? Пусть себѣ осуждаютъ, пишутъ. Скользьте мимо играющихъ.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось новымъ: — жила импульсами. Она прислушивалась къ «философамъ», принимая «процессъ» за истину, и крики часа сего — за вѣчное. Вдохновенно-страстно бѣжала она по крику и горячо возмущалась, что правители не внимаютъ «мудрецамъ».

Исторія европейскихъ «идей» обильна примѣрами того, какъ возвѣщенное «мудрецами» раскалывало передовыя массы любой страны. Для насъ въ этомъ было роковое. Наша интеллигенція получила въ короткій срокъ множество всякихъ «идей» и «категорій», и, скороспѣлки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнѣе, ибо мы, скороспѣлки, ходомъ нашей исторіи обречены были догнать. На насъ, не имѣвшихъ крѣпкой, національной, почвы, многоплеменныхъ, поставленныхъ судьбою между Западомъ и Востокомъ, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождавшуюся единую основу, — помѣшали образованію крѣпкаго, національнаго, русскаго ядра. Вотъ тутъ-то, въ несложеніи крѣпкаго національнаго ядра, въ расщепленіи силъ лучшей части народа, въ центробѣжности этихъ силъ, — и лежитъ главная причина свалившагося на насъ разгрома. Тысячи «проклятыхъ» вопросовъ раздирали русское образованное общество. Множество силъ ушло на «прямые отвѣты», на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, часто далекихъ намъ, когда требовалось желѣзной жизнью, сущими интересами Россіи ставить единый, святой вопросъ — укрѣпленіе бытія Россіи.

Вы пишете:

«Предали насъ, своихъ дѣтей... уводя отъ Россіи въ міръ, вода по міру, чтобы въ концѣ концовъ пустить и Россію, и всѣхъ насъ — по-міру! Любя всѣхъ, въ сущности не любили никого. Не познали Россіи и не научили и насъ познавать ее. Мы узнали ее сами, да! Мы встали за нее по инстинкту, сохранившемся въ насъ отъ вѣковъ связанности съ нею черезъ предковъ, черезъ ихъ кровь-труды, че-

резъ что-то въ ея исторіи, отъ ея воздуха, отъ ея природы, отъ ея хлѣба, — по инстинкту, въ насъ крикнувшему — спасай! — какъ часто бываетъ въ жизни, когда угрожаетъ любимому смертный часъ, когда любимый гдѣ-то, далеко гдѣ-то, — и вотъ, защемишь и захолонетъ на сердцѣ. Они, ведущая вѣкъ интеллигенція, любили призракъ, а не живое тѣло, не живую душу Россіи».

Да, вы за нее встали — по инстинкту. Вы почувствовали Россію. Вы не познали ее реально, любовнѣйшимъ изученіемъ ея, непосредственнымъ прониканіемъ въ нее, — у васъ не было времени на это, — но вы восприняли ее черезъ душу постигшихъ ее творцовъ, великихъ, національныхъ, нашихъ, — Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лѣскова, Тютчева, Мельникова-Печерскаго, Менделѣева, Достоевскаго, Толстого... и многихъ-многихъ, — черезъ истинно полноправныхъ представителей Россіи, слушавшихъ трепетъ души ея. Вы постигли ее черезъ великихъ собирателей ея — отъ Александра Невскаго до Петра, Екатерины, Александровъ, — черезъ сподвижниковъ ихъ, черезъ подлинное національное, а не «европейское», — и вы полюбили Россію дѣтскою чуткостью, взяли ее — инстинктомъ. И за нее боролись. Вы полюбили не «народъ», какъ почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенція, а всю ее, не дѣлимую на сословія и классы, внѣ всего переходящаго, связанную со всѣмъ и всѣми, что въ ней, и на ней, и съ ней, что было у ней, что есть, что будетъ. Полюбили такъ, какъ любили ее Великіе... какъ любили ее и цари... да, цари... какъ любить, не сознавая того совсѣмъ, и весь народъ русскій... и, запоздало, — многіе теперь русскіе интеллигенты, даже съ «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее все, — за свѣтлую, грезящуюся вамъ Россію, за Бѣлую Россію, — не за могильный саванъ ея, а за бѣлыя пелены Рожденія! По вѣрѣ вашей, по мукамъ вашимъ. — родится она, должна родиться! И больно, что есть люди, русскіе люди, которые все еще не хотятъ прозрѣть, все еще не хотятъ понять, что ваша борьба за Нее есть жертва за прошлыя ошибки и преступленія, великая жертва необходимости, страшная историческая правда, а не ошибка, или чуть ли не преступленіе!

Русская интеллигенція, роковымъ образомъ, не смогла создать крѣпкаго національнаго ядра, къ которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантамъ изъ всего русскаго, живого. Не было національно воспитанной, сильной, русской интеллигенціи. Былъ великій разнородіе силъ, и равнодѣйствующая сила этихъ пошла не по Россіи, а внѣ, — въ «пространство». Русская интеллигенція переоцѣнила это «пространство», считая его своимъ. Пространство не отозвалось. Оно показало себя—своимъ, не нашимъ, даже враждебнымъ намъ, оно показало въ себѣ много совѣтъ чужихъ, національныхъ ядеръ, которые охраняли свое, которые не пожелали принять безродное; — и, откинутая въ пространство, Россія пошла куда-то... — и попала туда, гдѣ принимаютъ безыменныхъ, — въ щѣпкія лапы Интернаціонала, — безроднаго, безгосударственнаго, безбожнаго, алчнаго и завистливаго, умерщвляющаго живое. Попала, несмотря на героическую, — увы! — запоздалую борьбу вашу. «Народъ» безмолвствовалъ. Ибо править жизнью не «почва», а «сѣятели». Вина не въ одномъ моментѣ, какъ и спасеніе: не черезъ моментъ. Вина давно назрѣвала. И освобожденіе — путь величайшихъ напряженій.

Надо къ нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенціи, надо понять свое національное назначеніе, понять Россію, ея пути, — каждый народъ имѣетъ свои пути, — и, понявши, идти покорно, покорно цѣлямъ, указаннымъ Судьбою — Смысломъ исторіи — Богомъ. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблужденія и преклониться передъ Россіей, передъ ея путями. Она пойдеть. Силы ея велики, и надо умѣть съ ними обращаться.

Ив. Шмелевъ.

Ланды.
Августъ 1927 г.

НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА.

Вотъ уже скоро десять лѣтъ мы спрашиваемъ съ чувствомъ неутолимаго горя и тревоги: какъ могло это случиться? почему не удалось это предотвратить и пресѣчь? гдѣ причины этого невиданнаго въ исторіи крушенія? и что намъ, вѣрнымъ сынамъ Россіи, дѣлать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможнымъ?

Нѣтъ смысла задавать эти вопросы въ пространство; намъ не къ кому обращаться съ ними; мы должны поставить ихъ передъ собою и сами отвѣтить на нихъ. Ибо судьбы Россіи открыты только намъ, русскимъ: міръ не знаетъ Россіи и не понимаетъ ее, и не пойметъ ее даже тогда, когда, наконецъ, догадается, что всякій образованный человѣкъ долженъ знать русскій языкъ. Намъ не отъ кого ждать свѣта и спасенія; мы можемъ рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны къ тому, чтобы понять, рѣшить и свершить. И надѣяться намъ можно только на Божію помощь и на собственную безконечную, религіозную преданность родинѣ: отсюда мы почерпнемъ наше разумѣніе, нашу волю и нашу неустойчивость. И только смерть смѣнитъ насъ на посту...

Не въ матеріальныхъ основахъ жизни, не въ хозяйствѣ и не въ техникахъ надо искать послѣднихъ причинъ нашего крушенія, а въ духовныхъ основахъ: ибо — когда духъ на высотѣ, то онъ овладѣваетъ матеріальными условіями и задачами; тогда онъ подчиняетъ ихъ себѣ, строитъ, создаетъ и совершенствуетъ. Матеріальное важно и существенно; но оно есть лишь продуктъ духа и средство духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный духъ можетъ поставить матерію на высоту.

Наше крушеніе есть прежде всего духовное крушеніе: развалилась наша духовная храмина и возсоздавать намъ надо прежде всего ее. И поскольку мы говоримъ именно

о крушеніи русскаго государства, постольку мы должны начать съ развалившася русскаго правосознанія.

Правосознаніе всегда живетъ въ насъ, но мы слишкомъ часто не замѣчаемъ его въ себѣ и пренебрегаемъ имъ. И за это бываемъ наказаны. Это оно говоритъ въ насъ, когда мы переживаемъ чувство гражданскаго долга; это оно удерживаетъ насъ отъ захвата и насилія, когда въ насъ просыпается голодъ или гнѣвъ; это оно обуздываетъ наши посятанія и побуждаетъ насъ исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляеть насъ мечтать о нашемъ національномъ и государственномъ величій; это оно заставляеть биться наше сердце при видѣ русскаго трехцвѣтнаго флага и сжиматься болью при видѣ нашихъ униженій. Источники правосознанія — патріотизмъ и чувство собственного достоинства, чувство чести. Основныя проявленія его — самообладаніе и братское единеніе съ людьми единой родины. Его стихія — воля. Его орудіе — власть и подчиненіе. Его задача — крѣпкая дисциплина и несломимая организація. Облеките все это въ законъ и порядокъ — и вы создали государство. Осуществите все это силами великаго народа — и вы создадите великую державу. Подточите и разложите все это въ душахъ — и все расползется въ смуту, хаосъ и позорную хлябь...

И вотъ, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское национальное правосознаніе. Это время нынѣ истекаетъ. Оно должно пройти безвозвратно. И на насъ лежитъ священный долгъ помочь нашему народу выйти изъ этой смуты и возстановить свое правосознаніе. Иначе онъ не возстановитъ Россію.

Для того, чтобы мы, русскій народъ, смогли начать новую эпоху въ исторіи Россіи, творческую эпоху достоинства, силы и славы, намъ надо усвоить всей душой основную аксіому политики. Она гласитъ: строить государство значитъ прежде всего и больше всего воспитывать въ народѣ глубокое и сильное правосознаніе.

Правительство, уклоняющееся отъ этой задачи — подтачиваетъ бытіе своего государства. Правительство, развра-

щающее правосознаніе своего народа — заслуживаетъ самаго позорнаго конца.

Грѣхъ русскаго дореволюціоннаго правительства на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій состоялъ въ томъ, что оно уклонялось отъ этой задачи: оно пользовалось правосознаніемъ русскаго народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни собственностью, ни справедливымъ рангомъ, ни вѣрною мѣрою свободы. Злодѣйство же совѣтскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно осуществило въ исторически небывалыхъ размѣрахъ систематическое растлѣніе русскаго національнаго правосознанія: донынѣ сѣетъ оно соблазнъ и насаждаетъ преступность въ благодушной и благородной, но дѣтской душѣ нашего народа; и этимъ оно готовитъ себѣ неизбѣжно жестокій и позорный конецъ.

Если хоть на минуту отрѣшиться отъ микроскопическаго разсматриванія текущихъ политическихъ событій и взглянуть впередъ на вѣка, то надо будетъ установить съ несомнѣнностью: будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. Народы же, захваченные порочной противогосударственностью или отравленные внѣполитической сентиментальностью — будутъ разложены и поглощены; они прекратятъ свое самостоятельное существованіе; и совершится это еще на протяженіи ближайшихъ столѣтій.

Вотъ почему русскій человѣкъ, русскій государственно-мыслящій патріотъ имѣетъ передъ собою основную задачу, о которой онъ долженъ думать день и ночь: задачу углубленія и укрѣпленія русскаго національнаго правосознанія.

И посмотрите, какъ исторія идетъ въ этомъ намъ навстрѣчу...

Я имѣю въ виду, конечно, не государственныя и культурныя «завоеванія» революціи, а тотъ отрицательный активъ, который накапливается въ русскихъ душахъ. Пусть глупцы или софисты говорятъ о «завоеваніяхъ революціи». Мы говоримъ о ея урокахъ и обличеніяхъ. Отрицательные уроки революціи велики и глубоки; и проходить

мимо нихъ непростительно даже самымъ легкомысленнымъ обывателямъ.

Такъ, передъ революціей въ умѣ и сердцѣ русской интеллигенціи царилъ хаосъ: добро и зло смѣшались до неразличимости; людямъ видѣлся ликъ «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавшихъ изъ подъ «ангельскаго» хитона никто не могъ или не хотѣлъ замѣчать. Больная религіозность интеллигенціи тянулась къ эротическому пустословію, а политиканствующая революціонность становилась чѣмъ-то вродѣ религіи. Русская государственная власть поносилась, какъ сущее зло, а ея властныя и необходимо строгія мѣры, ограждавшія бытіе Россіи, обличались, какъ «озлобленное насилие». Политическія и уголовно-политическія преступленія считались доблестью; а вѣрныя слуги Россіи убивались на всѣхъ перекресткахъ. Умъ становился все циничнѣе, а добродѣтель оставлялась на долю наивнымъ «недоумкамъ»...

Въ революціи зло выдѣлилось, обособилось, скинуло всякіе покровы и не стѣсняясь явило міру свою богомерзкую харю... — —

Видѣли ли мы ее? Испытали ли ея окаянную злобу? Поняли? Научились? .. — —

Поистинѣ, никогда еще въ исторіи человѣчества не было дано людямъ такъ и такое для отрицательнаго умудренія. Никогда еще чистое зло не выявляло себя съ такимъ неприкрытымъ, сознательнымъ безстыдствомъ, съ такимъ «пророческимъ» ожесточеніемъ, съ такою навязчивою притязательностью. Здѣсь патріотизмъ и доблесть были прямо объявлены «преступленіемъ», а цинизмъ сталъ естествомъ ума. Революція попрадала живую и чистую религіозность, и провозгласила свою ложь послѣдней и окончательной истиной. Досужее и нечистое пустословіе предреволюціонной публицистики смѣнилось неистовымъ срамословіемъ большевизма. Дьяволъ всталъ во весь ростъ и заставилъ русскую интеллигенцію признать, что не все на свѣтѣ «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасеніе наше — въ обращеніи взора и души къ Богу...

Послѣ революціи нельзя шататься въ духовной смутѣ. Нельзя тянуть къ «мистическому анархизму», къ «хлыстовству», къ черной и получерной магіи, къ «аристократическому бунтарству», къ «народническому непротивленству»,

къ «революціонной церковности», къ салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной безпредметности. Въ революціи пришлось научиться — вѣрно и увѣренно отличать, гдѣ въ земной жизни Дѣло Божіе, и гдѣ дѣло діавола. И тотъ, кому революціонная грязь не открыла глаза, того историческій процессъ унесетъ — или въ станъ діавола, или, какъ опавшую листву, въ ворохъ историческаго мусора.

Будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И если мы хотимъ, чтобы Россія имѣла будущее и, притомъ, великое будущее, то мы должны стремиться къ тому, чтобы русское правосознаніе углублялось и крѣпло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означаетъ, что мы должны религіозно осмыслить право и религіозно обосновать государство. Осмыслить — не разсудкомъ; и обосновать не въ теоріи. Нѣтъ. Цѣльно, изъ глубины, чувствомъ и волею испытать и принять этотъ смыслъ, и связать нашу государственную жизнь и дѣятельность съ послѣдними основами нашего христіанскаго богосвѣдѣнія.

Это необходимо не потому, что «религія нужна государству»; и не потому, что «религіозность полезна народу въ моральномъ отношеніи». Но потому, что религіозно неосмысленное и неосвященное — вообще ненужно человѣку въ высшемъ смыслѣ этого слова; и то, что религіозно необосновано, т. е. не укоренено въ Бого-воспріятіи, — то мертво, безсильно и бесплодно въ духовной жизни.

Но именно поэтому, въ противовѣсъ современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, — я считаю правильнымъ поставить вопросъ такъ: если «православно» вѣрующій человѣкъ, по цѣльной и глубокой, жизненно-искренней вѣрѣ своей, считаетъ право и государство началами христіански грѣховными, злыми, «насильническими» и непріемлемыми, — то онъ долженъ не только мужественно и честно выговорить свое исповѣданіе, но и реально начать внѣгосударственную и безправную жизнь, къ какимъ бы тягостнымъ или даже трагическимъ послѣдствіямъ это ни привело его. Или же, наоборотъ, онъ долженъ выговорить

и мужественно исповѣдать обратное: онъ долженъ усмотрѣть и признать, что право и государство могутъ быть и должны быть орудіями Дѣла Божьяго на землѣ; что можно осуждать несправедливое право и можно бороться съ государственностью, искаженною или употребленною во зло; но что слѣпо и неумно твердить объ ихъ «на- сильнической» природѣ. И послѣ этого онъ долженъ реально начать новую, христіански осмысленную, правовую и государственную жизнь.

Послѣ революціи нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и дѣлать другое. Прошла пора салонныхъ фразъ, отвлеченныхъ сентиментальностей и безотвѣтственной критики. Бремя Россіи пало на наши рамена. Намъ нельзя ни уклоняться, ни отказываться. Русская интеллигенція нашихъ дней (готова она къ этому или не готова) должна замѣстить павшихъ, поднять бремя, принять отвѣтственность, и честно, и мужественно осуществить свой долгъ. И помнить, что революція въ Россіи была только первою пробою мірового злодѣйства; что борьба съ ея остатками и послѣдствіями захватить и рядъ послѣдующихъ поколѣній; что оправившись отъ этой революціи, Россія будетъ имѣть за спиною рядъ лѣтъ неистовой, деморализующей пропаганды, а вокругъ себя — зараженные, не переболѣвшія страны...

Надо помнить, что все двоящееся и половинчатое обречено въ начавшейся міровой борьбѣ: для него есть только два пути — въ станъ діавола или въ мусорную яму исторіи...

И потому необходимо, чтобы русское правосознаніе не только углублялось, но и крѣпло.

Религіозная укорененность есть первый залогъ крѣпости: ибо она дѣлаетъ человѣка — Киѳою. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитаніе народа на основахъ собственности, справедливаго ранга и вѣрной мѣры свободы.

Нельзя и неслѣпо думать, что «народъ» воспитается какъ-то «самъ собою». И если эта фраза имѣетъ вообще какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, что народъ выдвинетъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ мыслителей и воспитателей, которые сначала сами въ себѣ откроютъ путь къ вѣрному правосознанію, а потомъ укажутъ его другимъ и по-

будять этихъ другихъ насадить это вѣрное правосознаніе въ массѣ.

Но именно къ этому мы и зовемъ. И такъ оно, конечно, и будетъ: русская интеллигенція пойметъ законы духа и исторіи, встанетъ на вѣрный путь и совершитъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній дѣло національнаго воспитанія. Ибо это дѣло, дѣло національнаго воспитанія, всегда и всюду выполнялось интеллигенціей: монахомъ, пастыремъ церкви, школьнымъ учителемъ, ученымъ, художникомъ, офицеромъ, судьей и чиновникомъ. И эта интеллигенція есть не чуждый, извнѣ приходящій, безнаціональный слой, но вышедшая изъ нѣдръ самого народа его собственная сила вѣры, воли и ума. Интеллигенція есть порожденіе народа; народъ есть созданіе интеллигенціи. Это связь глубинная, духовная, органическая. И гдѣ ея нѣтъ, тамъ національное крушеніе у порога.

Горе Россіи, если она въ ближайшія десятилѣтія не найдетъ у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенціи! Горе намъ, если этотъ слой — чувствомъ, волею и разумѣніемъ — окажется опять не на высотѣ; если онъ поддастся вліянію черной или красной полу-интеллигенціи, — черной, съ ея классовыми вождельніями, съ ея обскурантизмомъ, съ ея демагогическимъ презрѣніемъ къ русскому простому народу и ея ненавистью справа; и красной, съ ея «классовою борьбою», съ ея безбожіемъ, съ ея «соціалистической» агитаціей, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слѣва!...

Но для того, чтобы воспитывать другихъ, интеллигенція должна сначала воспитать себя: воспитать въ себѣ чувство государственной отвѣтственности и способность къ цѣльнымъ и мужественнымъ поступкамъ.

Воспитаніе совсѣмъ не сводится къ «обученію» и «уговариванію». Нѣтъ, слово есть реальное событіе только тогда, когда за нимъ стоитъ дѣло: во-первыхъ, живой примѣръ, волевой поступокъ, живая система дѣйствій; во-вторыхъ, вѣрная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитанія нужны дѣла. Поддерживать кое-какъ порядокъ въ странѣ можетъ и грубый, и гнусный ре-

жимъ; для воспитанія необходима творческая мѣра собственности, справедливый и подвижной рангъ и вѣрная мѣра свободы.

Интеллигенція нуждается въ силѣ характера. Для того, чтобы вести свой народъ, она должна не только много знать и вѣрно понимать; она должна еще — вѣрно видѣть національныя цѣли и честно служить имъ.

Интеллигенція, состоящая изъ безпринципныхъ карьеристовъ и продажныхъ взяточниковъ — творитъ предательство по отношенію къ родинѣ; государство не можетъ ею строиться; и народъ или выдвинетъ на ея мѣсто новые національные кадры, или погибнетъ.

Интеллигенція безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная — не можетъ быть ведущимъ слоемъ своего народа; ибо ведетъ сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальнорукость, а не безпомощная слѣпоты.

Интеллигенція же, состоящая изъ профессиональных агитаторовъ, поджигателей и ниспровергателей — перестаетъ быть интеллигенціей и становится вреднѣйшей разновидностью черни. Именно черни: ибо душа демагога хранитъ въ себѣ квинтэссенцію черни; именно вреднѣйшей, ибо — воинствующей, насаждающей зависть и въ честолюбіи своемъ порочной...

Еще въ Россіи, въ періодъ военнаго коммунизма мнѣ не разъ приходилось слышать и отъ коммунистовъ, и отъ взбаламученнаго простонародья, и отъ впавшаго въ уныніе, смѣщеннаго интеллигента, — что въ Россіи интеллигенція «не нужна», что «народъ» и безъ нея «управится»... И каждый разъ я съ грустью думалъ, что, дѣйствительно, интеллигенція, не воспитывающая народное правосознаніе или прямо развращающая его — не нужна народу; но не нужна только потому, что она не нужна Дѣлу Божьему на землѣ. Она, поистинѣ, какъ соль, потерявшая свою силу... Но національная, волевая и честная интеллигенція, способная вести и воспитывать свою національную не-интеллигенцію, — и вѣрой, и дѣломъ, и реформой, и вырастающимъ изъ всего этого отвѣственнымъ и мужественнымъ словомъ, — она необходима странѣ, она необходима ей прежде всего и больше всего...

Будущее принадлежит народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И судьба Россіи зависитъ отъ того, найдется ли у нея вѣрующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенція, вѣрная Богу и родинѣ, сильная дѣломъ и словомъ...

И. А. Ильинъ.

МЫ ТРЕБУЕМЪ ПОНИМАНІЯ.

(Открытое письмо къ русской эмиграціи).

Вы не должны судить и осуждать насъ. Вы должны насъ понять. Вы должны признать важность совершаемаго нами дѣла; не мѣшать намъ и молиться за насъ.

Трагедія, переживаемая нами, невидана въ исторіи; и кто въ правѣ судить насъ, не выстрадавъ наши душевныя и тѣлесныя муки? Изъ дня въ день, изъ года въ годъ, вдругъ утративъ все: очагъ, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокругъ низость и свирѣпость; понимая порочность и бессмысленность творимаго; тая про себя любовь и ненависть; все время теряя изнемогшихъ близкихъ; истомивъ свое сердце укорами и страстно любя нашу Россію, — нести ярмо униженій и сыска, блюсти въ себѣ огонь вѣрности и думать... что вы насъ считаете приспособившимися предателями...

Знаете ли вы, что значить не брать совѣтскаго мѣста и ежедневно по нѣсколько разъ перевязывать своимъ дѣвочкамъ туберкулезныя раны? Знаете ли вы, что значить годами носить своему мужу передачу въ тюрьму и на третій годъ узнать, что онъ разстрѣлянъ? Знаете ли вы, что дѣлается въ душѣ профессора, жена котораго стала базарною торговкою для того, чтобы онъ не унижался на кафедрѣ? Знаете ли вы, какъ умерла гениальная Садовская — вся во вшахъ, въ заледенѣлой комнатѣ, освѣщенная лучиной въ рукахъ опоздавшего доктора? Знаете ли вы о безчисленныхъ заговорщикахъ — безвѣстно погибшихъ въ застѣнкѣ только вслѣдствіе своей заговорщической неумѣлости? Знаете ли вы этотъ кошмаръ: жить въ одной комнатѣ со вселѣнными коммунистами? Можете ли вы измѣрить всѣ наши неисчислимыя и неопишутельныя муки?

6) Такъ не судите и не осуждайте насъ. А поймите, что мы должны были здѣсь остаться и вынести все до конца.

Вы уѣхали и эмигрировали; мы понимаемъ тѣхъ изъ васъ, кто уѣхалъ для борьбы; но мы не осуждаемъ и тѣхъ, кто эмигрировалъ отъ робости или изъ инстинкта самосохраненія, — ибо нельзя всѣмъ быть героями. Но не надо — трусить.

Но мы остались. Почему? Зачѣмъ?

Начнемъ съ того, что русскій простой народъ, крестьяне и рабочіе, были съ самаго начала обречены на то, чтобы при всѣхъ условіяхъ изжить свою революціонную болѣзнь на мѣстѣ. Рады они были революціи, или не рады, дѣлали ее сами, или только страдали отъ нея, — они не могли эмигрировать въ силу естественныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ законовъ. Осѣдлый народъ не покидаетъ своего мѣста; имъ владѣтъ духовная инерція и спасительный инстинктъ. Мы не номады. (Беллантамбо.)

Но если такъ, то правильно ли было бы, цѣлесообразно ли было бы для нашего національнаго дѣла, чтобы мы, русская интеллигенція, духовно созрѣвшая для осмысленнаго политическаго эмигрированія, чтобы мы всѣ до одного оставили нашу страну и нашъ болѣющий революціей простой народъ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выѣхали за границу? Нашъ простой народъ, какъ дитя доверчивъ, какъ дитя поддается дурнымъ вліяніямъ, какъ дитя буянить. Не мы ли виноваты въ томъ, что эти дурныя вліянія проникли къ нему и что онъ пошелъ за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наединѣ съ ними? Нѣтъ. Одни изъ насъ должны были уйти; а другіе — остаться. Мы должны были остаться на мѣстѣ; принять и бунтъ, и напоръ, и ограбленіе; принять травлю отъ большевиковъ, голодъ, тюрьмы и униженіе; все это видѣть, пережить на себѣ и выстрадать — для того, чтобы, идя на растерзаніе и на разстрѣлъ, отстаивать Россію изнутри; чтобы во всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти въ себѣ и въ народѣ вѣру въ Россію, сохранить остатки національнаго чувства, сохранить общеніе съ нашимъ простымъ народомъ, который долженъ же былъ однажды отрезвиться и услышать нашъ зовущій (хотя бы шопотомъ) голосъ...

7) Садитесь и не забывайте все мирно. Да выживаетъ много друзей.

Мы должны были соблюсти наше мѣсто тамъ — для Россіи, даже цѣною отвратительныхъ политическихъ и духовныхъ компромиссовъ, нравственно насилуя себя, вступая на совѣтскую службу, общаясь съ этими людьми и исполняя ихъ противоестественные декреты. Не думайте, что мы не понимаемъ нравственную и политическую природу этого образа дѣйствій. Нѣтъ, мы додумали здѣсь все до конца. Но мы хотѣли бы, что вы-то поняли его національную необходимость и его политическую непредосудительность!

Покинуло ли православное духовенство Россію, когда ея завладѣли иновѣрные и свирѣпые татары? Эмигрировало ли оно въ наши дни, въ дни торжества воинствующихъ безбожниковъ и растлителей, или въ большинствѣ своемъ осталось на своемъ посту? Правъ ли духовникъ, покидающій пасомага грѣшника? Легко ли было митрополиту Алексѣю ѣздить въ ханскую ставку? Не скончался ли въ наши дни Святѣйшій Патріархъ, нравственно замученный чекистами? Чему же учать насъ священные традиции Православія?

Они учать насъ тому, что въ часъ бѣды, соблазна и порабощенія воспитатель не долженъ оставлять своего воспитанника на произволъ судьбы. Ведущему мѣсто тамъ, гдѣ болѣетъ, бунтуетъ, страдаетъ и гибнетъ ведомый. И намъ ли, простымъ смертнымъ, въ эти ужасные годы оскверненія и посрамленія всей страны, намъ ли, виновнымъ въ допущеніи и попущеніи этой бѣды — мнительно тревожиться о незапятнанности нашихъ политическихъ одеждъ? Вашъ путь, путь эмиграціи, вель васъ къ борьбѣ посредствомъ выдѣленія и ухода. Эту задачу вы выполняете нынѣ за всю русскую интеллигенцію. А мы, оставшіеся, взяли на себя другую задачу: не оставить нашъ простой народъ на произволъ судьбы, выстрадать все вмѣстѣ съ нимъ и беречь Россію изнутри. И эту задачу мы выполняемъ нынѣ тоже за всю русскую интеллигенцію.

Цѣною личной чистоты и жизни, цѣною тягостныхъ, часто едва выносимыхъ политическихъ компромиссовъ, мы блюдемъ Россію изнутри, блюдемъ все, что можно сохранить отъ нея — ея церковь, ея научныя и художественныя сокровища, живой составъ ея народа, ея природныя и техническія богатства, ея бытъ, ея вѣру, ея семью, ея душу¹⁾ Блюдемъ, какъ умѣемъ; бережемъ, какъ удастся. Поддерживаемъ

вы сами погубили себя

1) вы - погубили себя. Но не ха ха ха

собираемъ, спасаемъ; строимъ, уговариваемъ, лѣчимъ, выпрашиваемъ, доказываемъ, отстаиваемъ, требуемъ; — въ твердой увѣренности, что большевизмъ минуетъ и коммунизмъ исчезнетъ, а Россія устоитъ и расцвѣтетъ на основѣ всего своего соблюденнаго достоянія.

У насъ не было въ этомъ никакого стовора и соглашенія. Мы не состоимъ въ заговорѣ; среди насъ нѣтъ никакой ~~со-~~отвѣтствующей ~~организаци~~и. Мы просто слѣдовали и слѣдуемъ патріотическому чувству, здоровому инстинкту осѣдлаго и культурнаго народа, когда-то въ мукахъ переболѣвашаго злую татарщину и нынѣ въ мукахъ изболѣвающаго революціонный коммунизмъ. При этомъ мы совсѣмъ не выдаемъ себя за коммунистовъ: и мы сами совсѣмъ не настолько изолгались, да и они не повѣрили бы намъ. Но сила вещей заставила насъ занять «лѣнистскую» и «нейтральную» позицію — и такъ служить Россіи, ея живому интересу, ея вѣчному дѣлу, даже и въ тотъ періодъ ея исторіи, который накрылъ ее сумасшедшимъ колпакомъ коммунизма.

Не говорите намъ, что мы тѣмъ самымъ «служимъ коммунизму». Но, если можете, то скажите, возможно ли служить здѣсь Россіи, не состоя на службѣ у коммунистовъ? Вѣрьте намъ: коммунизма спасти нельзя. Коммунизмъ, какъ система, безнадеженъ: онъ таитъ въ себѣ такія внутреннія ошибки и такіе пороки, которые его все равно погубятъ. Онъ падетъ. И падетъ не отъ нашихъ неумѣльных заговоровъ, и не отъ «эволюціи» коммунистовъ, а отъ той внутренней социальной катастрофы, которую онъ самъ вызоветъ, своимъ собственнымъ естествомъ, и которая быть можетъ осложнится и какимъ-нибудь военнымъ столкновениемъ. Этотъ сумасшедшій экспериментъ не надо было допускать; его можно было прервать; и, если это возможно, то пусть онъ будетъ прерванъ и нынѣ. Но возможно, что онъ будетъ доведенъ до конца, т. е. до самопогубленія; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вмѣстѣ съ нашимъ, нынѣ уже выздоравливающимъ отъ революціи, полуторастамилліоннымъ народомъ. И вся наша «лѣнистская» «служба коммунизму» состоитъ развѣ лишь въ томъ, что мы предоставляемъ ему развѣртывать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте намъ на то, что это «все-таки компромиссъ». Мы знаемъ это и сами. Но трагедія наша въ томъ-то и со-

стоитъ, что здѣсь нѣтъ исхода, свободнаго отъ компромисса. Работать для Россіи въ Россіи—можно теперь только изъ-подъ коммунистическаго ярма. Лѣчить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армию нельзя помимо этого ярма. Мы понимаемъ это; мы испытываемъ и знаемъ это лучше, чѣмъ вы. Но мы знаемъ и чувствуемъ еще одно: на насъ лежитъ этотъ долгъ и мы выполнимъ его до конца. Это нашъ долгъ передъ грядущими русскими поколѣніями: и за исполненіе этого долга мы расплачиваемся цѣною здоровья и жизни, цѣною лояльности по отношенію къ нашимъ порабощителямъ и цѣною такихъ моральныхъ напряженій и жертвъ, о которыхъ остальное человѣчество не имѣетъ никакого представленія.

У васъ задаютъ всегда еще вопросъ, почему мы не начинаемъ возстанія изнутри? зачѣмъ и почему мы терпимъ «все это» безмолвно?

Вспомните: революція всѣхъ насъ застала врасплохъ. Кто изъ насъ прозрѣвалъ ея сущность? Кто предвидѣлъ ея будущій ходъ и развитіе? Кто изъ честныхъ русскихъ патріотовъ умѣлъ составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не зналъ, сколь свирѣпы и цѣпки большевики; никто не вѣрилъ, что черный вихрь исторіи будетъ имъ столь попутенъ... Они и сами не ожидали этого.

И тѣмъ не менѣе заговоры и возстанія начались немедленно. Никто изъ васъ и никто изъ насъ не знаетъ ни числа, ни именъ тѣхъ русскихъ патріотовъ, которые погибли въ этихъ заговорахъ. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысячъ, — неосторожные, неумѣлые, неподготовленные, проговаривавшіеся за чашкой чая, неумѣвшіе скрыть свою военную выправку, забывшіе покрыть мозолями бѣлыя руки. И каждая неудача усиливала шпіонажъ и сыскъ, которые нынѣ пропитали собою всю толщу городской жизни насквозь.

Великая война выдѣлила и уложила на полѣ чести первый кадръ активныхъ русскихъ націоналистовъ. Второй—легъ въ гражданской войнѣ. Третій—погибъ въ заговорахъ. Какая страна выдержала бы такое выкачиваніе воли, такое опустошеніе? Не удивляйтесь же, что люди съ волею и съ патріотизмомъ нынѣ ушли въ себя и не повторяютъ безплодныхъ попытокъ. Для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое знаніе коммунистическаго сыска, особая выдержка и без-

Ого, 20
и востаніе
и судите

Ну!

Судите
Вы Голуб

Этих
групп
состав
содерж
каждъ и
группа
каждъ
не при
говору

настойчив

Всего можно в розе, но главное видя
латент.

ошибочный расчетъ. Мы, рядовая интеллигенція и полуинтеллигенція, измученные и утомленные, мы къ активному героизму не способны; не ждите его отъ насъ; намъ бы лишь справиться съ нашей скромной задачей «пассивнаго» и «лѣнливаго» огражденія русской Церкви, русской семьи и оставшагося отъ русской культуры...

У васъ принято еще говорить, что мы здѣсь задавлены и унижены. Мы знаемъ это. Но мы знаемъ также и то, что такого гнета и террора міръ не видѣлъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ; и что въ этомъ гнетѣ и въ этомъ террорѣ, почти каждый изъ насъ, русскихъ патріотовъ, — а я говорю именно про насъ, преданныхъ Россіи, — каждый выносилъ въ себѣ нѣкоторую глубину чувства, которая своевременно принесетъ свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, гдѣ необходимо, произносить слова мертвой лѣнливости, на которыя вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этотъ гнетъ, ни это униженіе не доходятъ до дна нашихъ душъ; и Богу одному вѣдомо, что каждый изъ насъ думаетъ и о чемъ онъ молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни отъ себя, ни отъ васъ. Мы слишкомъ много пережили... и потеряли. Никто изъ насъ не увѣренъ, проживетъ ли онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но среди тѣхъ изъ насъ, кто выживетъ, вы найдете такихъ закаленныхъ и крѣпкихъ людей, которые на удивленіе міру будутъ строить вмѣстѣ съ вами новую Россію.

Я пишу это для того, чтобы сказать вамъ всѣмъ, русскимъ эмигрантамъ: вы не должны осуждать насъ, несущихъ ярмо въ Россіи. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы вѣрны ей попрежнему. Но форма нашей вѣрности и нашей борьбы иная, чѣмъ у васъ: повидимому, совсѣмъ не свободная и совсѣмъ не активная, но гораздо болѣе тяжелая и мучительная. Мы представляемъ себѣ, что вы дѣлаете за рубежомъ; и знаемъ, что это необходимо. И только иногда съ-туемъ на легкомысліе вашей печати, неосторожно компрометирующей насъ разными невѣрными сообщеніями; да еще на то, что осуждая насъ, вы не обнаруживаете пониманія нашего дѣла и нашей трагедіи.

Дѣлайте же ваше дѣло и не думайте возвращаться въ Россію преждевременно. Не вѣрьте никакимъ маловѣроятнымъ

13) Вѣрно же то что вы пишете, а
это дѣлаете.

«амнистіямъ», ни отъ «центра», ни отъ «оппозиціи». Ваше задание — быть за предѣлами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцѣните нашу незримую и жертвенную работу здѣсь. Этого требуетъ справедливость.

Благодаря словамъ — жертвенная работа — мы
тѣ, кто раслуемъ тамъ, у насъ, борясь, счи-
мъ свою. Остальное — сдѣлать и забыть.
Опытные же люди — мы же не счи-
мъ за себя: эти фразы и подра-
жательство — это не то, что мы
нуждаемся, и разсудимъ — на-
мѣсто ставимъ какъ можно: глупо, не-
мудро.

Въ будущемъ Россіи кардиналы, католическіе
кардиналы, оспотребуютъ и радиоправомъ аде-
кватно доверенъ у насъ, у насъ, у насъ, у насъ.
Если у насъ, у насъ, у насъ, у насъ, у насъ, у насъ.
Итакъ, сдѣлаемъ и сдѣлаемъ.

А такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же.
Итакъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же.
Итакъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же.
Итакъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же, и такъ же.

БЕЗСТРАШНЫЕ ЛЮДИ.

(Историческая справка).

«Безстрашные люди». Эти слова взяты изъ историческаго документа — изъ единственной, дошедшей до насъ, грамоты Патріарха Гермогена, относящейся къ 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпяхъ. Но, будучи немногословной, она содержитъ въ себѣ многоговорящія, огненные, призывныя слова, обращенныя ко всей національной патріотической Россіи того времени, зовущія къ памятованію своего долга и къ отвѣтственнымъ политическимъ рѣшеніямъ. А заканчивалась эта грамота какъ разъ упоминаніемъ о «безстрашныхъ людяхъ»:

«А прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, свіяже-нина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова...»

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ просилъ нижегородцевъ, къ которымъ онъ обращался съ нею, въ первую очередь прислать къ нему въ Москву, въ Кремль, занятый поляками, державшими въ то время Патріарха въ тюремномъ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, «безстрашныхъ людей» Родіона Мосѣева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде къ нему съ «совѣтными челобитными» изъ Нижняго Новгорода, а, можетъ быть, и изъ другихъ городовъ. Изъ другого документа мы знаемъ, что Родіонъ Мосѣевъ былъ «посадскимъ человѣкомъ», т. е. зауряднымъ городскимъ жителемъ небольшого городка Свіяжска, расположеннаго подъ Казанью; а Романъ Пахомовъ былъ «сыномъ боярскимъ», т. е. военнымъ человѣкомъ, дворяниномъ, по нашему — младшимъ офицеромъ. Такимъ образомъ, эти «безстрашные люди», одинъ штатскій, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содѣйствуя общенію фактически плѣннаго Патріарха

съ его паствою, съ русскими людьми, отрѣзанными отъ него одолѣвшею Русь враждебною силою. —

Какъ разъ въ это время смута и разореніе на Руси достигли наибольшей высоты. Россія переживала ужасы междоусобицы. Самозванцы бродили по ея просторамъ. Вслѣдъ за Лжедмитріемъ I появились и другіе Лжедмитріи. Долгое время Москвѣ угрожалъ Лжедмитрій II, такъ называемый «Тушинскій Воръ», расположившійся съ своимъ войскомъ лагеремъ въ Тушинѣ, почти подъ самой Москвой, бѣжавшій потомъ въ Калугу и погибшій какъ разъ въ 1611 году, когда Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ ходили тайкомъ къ Патріарху и отъ Патріарха. Въ разныхъ мѣстахъ появлялись все новые Лжедмитріи. Во Псковѣ былъ свой «воръ». Въ другомъ углу на низовьяхъ Волги и на Дону дѣйствовали другіе самозванцы. А надъ остатками «тушинцевъ» все еще парилъ призракъ перваго Лжедмитрія въ лицѣ злосчастной Марины Мнишекъ и прижитого ею въ скитаніяхъ сына ея, такъ называемаго «воренка».

Въ самой Москвѣ бояре, послѣ низложенія Царя Василія Шуйскаго, инсценировали процедуру «всенароднаго» избранія на царскій престолъ католика, королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда, осаждавшаго русскихъ героевъ въ Смоленскѣ, впустили въ Кремль польскіе отряды и отправили къ Сигизмунду, для окончательныхъ переговоровъ о воцареніи Владислава, свое «великое посольство». Москва незамѣтно оказалась оккупированной польскимъ войскомъ и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правилъ отъ имени «семи бояръ», остававшихся въ Москвѣ, и пытался править также и другими городами и уѣздами — полковникъ Гонсѣвскій, смѣнившій Жолкѣвскаго. Въ то же время Москва была обложена извнѣ. Нѣкоторое время вокругъ нея стояло русское патріотическое ополченіе, которое, въ отвѣтъ на призывы Патріарха Гермогена, сколотилъ изъ разнообразныхъ и, къ несчастью, непримиримыхъ элементовъ, рязанскій патріотъ Прокопій Ляпуновъ, позднѣе тутъ же и погибшій отъ руки Заруцкаго, примкнувшаго къ этому ополченію. Послѣ распада этого ополченія казачьи остатки его — подъ главенствомъ князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго — оставались подъ стѣнами столицы, мѣшая полякамъ дѣйствовать изъ Москвы.

Всюду бродили «литовскіе люди» и «русскіе воры». Набѣгами на окрестное населеніе занимались «салѣжинцы», подѣ командованіемъ польскаго пана Салѣги, оставшагося безъ дѣла послѣ распада тушинскаго лагеря. Грабили со своими казаками и бывшіе тушинцы, перекрасившіеся было въ патріотовъ-ополченцевъ — Андрей Просовецкій и Заруцкій. Грабили всѣ, кто только могъ!..

Разрозненно, безъ связи другъ съ другомъ и безъ плана дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ и патріоты-партизаны, подбадриваемые вѣстями о твердости и непреклонности Патріарха Гермогена, и призывами, раздававшимися изъ Троицко-Сергіевой лавры, не разъ превращавшейся въ это время въ подлинную крѣпость и переживавшей настоящія осады.

Такъ проходилъ 1611 годъ, омраченный гибелью Прокопія Ляпунова, взятіемъ Смоленска Сигизмундомъ и оккупаціей шведами Новгорода Великаго... —

Въ такихъ условіяхъ, въ такой обстановкѣ и совершали свой подвигъ безстрашные люди Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, связывая великаго вдохновителя всей патріотической борьбы Патріарха Гермогена, какъ «тюремнаго сидѣльца», съ русскими людьми, остававшимися на свободѣ и помышлявшими объ освобожденіи и возрожденіи родины.

Имъ не разъ удавалось пробраться въ Кремль. Они присылались къ Патріарху изъ Нижняго Новгорода «съ совѣтными челобитными» и Святитель Гермогенъ имѣлъ уже возможность испытать ихъ въ этомъ патріотическомъ служеніи. Именно къ концу 1610-го и началу 1611 года относятся наиболѣе рѣшительные призывы Патріарха встать на защиту вѣры и готовиться къ освобожденію Москвы отъ иновѣрцевъ-поляковъ. Извѣстно, что какъ разъ въ концѣ декабря 1610 года въ руки Гонсѣвскаго попала грамота Гермогена, написанная въ этомъ духѣ. Нѣсколькими днями спустя — уже въ январѣ — поляками были перехвачены другія такія же грамоты Гермогена; извѣстно даже имя того неудачника, который былъ захваченъ съ этими грамотами, отправленными Патріархомъ въ Нижній Новгородъ или Суздаль: это былъ Василій Чертовъ.

Поляки, распоряжавшіеся въ Москвѣ, прибѣгли къ репрессіямъ для того, чтобы заглушить призывный голосъ Гермогена и пресѣчь дѣйствіе его грамотъ. Отъ него были убраны «діаки,

подъячіе и всякіе дворовые люди», его дворъ былъ разграбленъ и онъ былъ заточенъ въ келью — «аки птица въ заклепѣ». При такихъ условіяхъ общеніе съ нимъ стало подлиннымъ подвигомъ самоотверженія, находчивости и умѣнія.

Изъ другой, дошедшей до насъ грамоты (уже не Гермогена) мы знаемъ, что 12 января 1611 года, т. е. уже послѣ «заклепа», отъ Патріарха въ Нижній прибыли два человѣка и привезли отъ него переданныя на словахъ указанія о томъ, что надо дѣлать.

Сношенія продолжались и далѣе.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная имъ нижегородцамъ, но обращенная ко всѣмъ русскимъ людямъ-патріотамъ, писалась уже послѣ всѣхъ этихъ тягостныхъ событій и послѣ обозначившагося крушенія попытки Прокопія Ляпунова — въ моментъ всеобщей растерянности и разброда въ умахъ, въ дни, можетъ быть, наибольшаго отчаянія и упадка духа.

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ увѣщаетъ русскихъ людей оставаться твердыми въ своей борьбѣ за вѣру и родину, предостерегая отъ уклоненія съ прямой и трудной дороги въ дебри соблазновъ и шатаній. Какъ разъ въ это время въ Москву пришелъ слухъ о томъ, что казаки, возглавляемые Заруцкимъ, склонны провозгласить царемъ сына Марины Мнишекъ, и тѣмъ воскресить самозванщину. Отъ этого соблазна Гермогенъ и удерживаетъ русскихъ людей. Онъ пишетъ:

«Благословеніе архимаритомъ и игменомъ и протопопомъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и діакомъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи. Миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобъ Митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина паңына сына...» (здѣсь дефектъ документа мѣшаетъ прочитать написанныя слова) «не благославляю. И на Вологду ко властемъ пишите жъ, такъ же бы писали въ полки. Да и къ Рязанскому пишите тожъ, чтобъ въ полки такъ же писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли

грабежъ, корчму, блядню и имѣли бѣ чистоту душевную и братство, и промшляли бѣ, какъ реклись, души свои положить за Пречистыя Домъ и Чудотворецъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣхъ городахъ пишете, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманъѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ, проклятъ отъ святаго собору и отъ насъ...»

Вотъ основная часть этой краткой грамоты Патріарха. Онъ заключаетъ ее словами:

«А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣщѣхъ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а язь долженъ за васъ Бога молити». —

Эта грамота содержитъ въ себѣ призывъ стоять крѣпко за національные идеалы и православную вѣру, и заключаетъ въ себѣ, далѣе, опредѣленные директивы поведенія.

Въ моментъ страшнаго моральнаго и политическаго распада Патріархъ Гермогенъ возвышаетъ свой голосъ, призывая всѣхъ русскихъ людей бороться за освобожденіе и воссозданіе Православной Руси, какъ за подлинный и великій Домъ Пречистой Богородицы, и указывая на опасность непродуманныхъ и безотвѣтственныхъ рѣшеній. Онъ предостерегаетъ русскихъ патріотовъ отъ заключенія соблазнительныхъ соглашеній съ невѣрными и опасными союзниками (вродѣ Заруцкаго), отъ самозванщины, безгосударственной идеологіи и воровскихъ авантуръ; и зоветъ ихъ проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линію въ борьбѣ за Россію.

Значеніе этихъ грамотъ въ исторіи преодоленія русской смуты было исключительное. Слова заключеннаго Патріарха пріобрѣтали силу священнаго зова и велѣнія; въ нихъ говорилъ живой духъ Православной Церкви и русской государственности, повелительно указывавшій цѣль и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Пахомова и Родіона Мосѣева. Святѣйшій вѣрилъ своимъ посланцамъ и высоко цѣнилъ ихъ подвигъ. Они были не только носителями его грамотъ, но и передатчиками его устныхъ повелѣній; болѣе того, они были активными пропагандистами его идеи.

Объ этомъ мы читаемъ въ той же грамотѣ. Патріархъ пишетъ о нихъ:

«А имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкинъ сынъ) «отнюдь не надобе... А въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ...»

Патріархъ велитъ нижегородцамъ привлечь Мосѣева и Пахомова къ наиболѣе трудной работѣ, въ качествѣ активныхъ пропагандистовъ по городамъ. Онъ вѣритъ имъ не только какъ храбрымъ посланцамъ, но считаетъ ихъ убѣжденными, прямыми людьми, которымъ довѣряетъ «свое слово»: онъ поручаетъ имъ дѣйственно претворять въ жизнь его велѣнія и полагается на ихъ идейную убѣжденность и стойкій патріотизмъ.

Исторія сохранила намъ имена этихъ доблестныхъ, прямыхъ и бѣлыхъ людей, выводившихъ Россію изъ смуты; и русскій народъ не забудетъ ихъ, пока онъ будетъ жить на землѣ.

Лоллій Львовъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТѢ.

(Посвящается русской національной молодежи).

Первое, что необходимо усвоить, приступая къ политической работѢ, это то, что она требуетъ особой умственной и волевой подготовки. Эта подготовка нужна всегда, при всякихъ условіяхъ; но она пріобрѣтаетъ совершенно исключительное значеніе въ эпоху революціи и борьбы съ нею. Къ сожалѣнію, люди не понимаютъ этого: они обучаются ремесламъ, изучаютъ разныя игры, предаются спортивнымъ упражненіямъ, но къ политикѢ и политической борьбѢ приступаютъ безъ всякой подготовки, какъ если бы тутъ все было ясно, просто и доступно. Какое легкомысліе! И какой вредъ въ результатѢ...

Политика есть, можетъ быть, самое отвѣтственное дѣло человѣческое. Ибо въ религіи, въ наукѢ, въ искусствѢ — человѣкъ, если ошибается, то ошибается самъ и развѣ только уговариваетъ другихъ ошибиться вмѣстѢ съ нимъ; тогда какъ въ политикѢ человѣкъ заставляетъ другихъ поступать именно такъ, а не иначе, и нерѣдко превращаетъ свою ошибку въ судьбу цѣлаго народа. Вотъ почему чувство отвѣтственности и добросовѣстность — суть первыя условія для занятія политикой. Надо прежде всего разобратъ въ самомъ себѣ, узнать свои силы и слабости, установить границы своихъ знаній и умѣній — и потомъ рѣшить, можно ли мнѣ, позволительно ли мнѣ съ такимъ личнымъ багажомъ приступать къ политической дѣятельности.

Такъ, для политики нужна прежде всего религіозная сила характера и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Чтò создастъ въ политикѢ человѣкъ, который ни во что не вѣруеть, ничего до конца не любитъ и жизнью своею не рискнетъ ни при какихъ условіяхъ? Вѣдь это — готовый

перебѣжчикъ... И что натворить въ политикѣ человѣкъ, который ни въ чемъ не убѣжденъ и потому не отличаетъ честности отъ подлости и добра отъ зла? Вѣдь это — готовый предатель...

Для политики необходима воля, умѣющая рѣшать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать отъ человѣка безвольнаго, нерѣшительнаго, боящагося приказать или «принципially отрицающаго всякое принужденіе»? Взявшись за власть, онъ становится всенароднымъ обманщикомъ, ибо всѣ съ полнымъ основаніемъ ждутъ отъ него спасительныхъ распоряженій, которыя онъ обязался давать, но не даетъ; онъ становится сѣятелемъ безпорядка и смуты, политическою язвою своего государства, погубителемъ своей страны...

Для политики нужно знаніе хозяйственныхъ и социальныхъ законовъ и вѣрное прозрѣніе цѣлей и средствъ, строящихъ мою родину въ данную эпоху. Что же дастъ наивный невѣжда, ставъ у власти? Рядъ бессмысленныхъ и гибельныхъ распоряженій, вродѣ отмѣны частной собственности или принужденія всѣхъ людей къ физическому труду... Что дастъ правитель, лишенный политической интуиціи, не видящій національныхъ цѣлей и готовый узаконить самые гибельные пути и самые ядовитыя средства? Хаосъ и гибель...

Для политики необходимо умѣніе выбирать людей, искусство читать въ сердцахъ, умѣніе довѣрять и не довѣрять, искусство давать каждому работу по силамъ и извлекать изъ всѣхъ самое лучшее; это есть организационный даръ. Что же создастъ политикъ, довѣряющій каждому льстецу, или постоянно окружающій себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человѣка отъ безвольнаго, умнаго отъ глупаго, искренняго отъ провокатора? Онъ подчинитъ себя и свою власть негодяямъ, унизитъ и осрамитъ себя и погубитъ свою страну.

Ясно, что политика требуетъ особыхъ духовныхъ силъ и особой умственной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовныя силы и не такъ легко пріобрѣтается эта подготовка. Можно быть сноснымъ адвокатомъ, усерднымъ ученымъ, способнымъ агрономомъ и храбрымъ офицеромъ, — и ничего не понимать въ политикѣ; и только сила самосознанія, скромность и чувство ответственности могутъ

спасти такого человѣка отъ фальшивыхъ, вредныхъ и постыдныхъ положеній.

Если такъ обстоитъ въ нормальное время, то что же сказать о революціи? Революція есть эпоха, когда въ массахъ заболѣваетъ здоровый инстинктъ общественности; когда люди повертываются другъ къ другу и къ власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякіе правовые уклады нарушаются и всѣ начинаютъ посягать. Тогда политическая дѣятельность становится затруднительною, какъ никогда: нужна особая сила характера и убѣжденій, особая крѣпость воли, особая дальновидность, особая прозорливость по отношенію къ людямъ для того, чтобы быть на высотѣ въ такую эпоху. Но именно въ такіе-то періоды люди поддаются обостренному соблазну политическаго авантюризма; и всѣ начинаютъ тѣсниться къ власти и распоряжаться съ какимъ-то упоеннымъ легкомысліемъ и полной безотвѣтственностью. Исчезновеніе законной власти и спорность всякой незаконной власти развязываютъ своеволіе во всѣхъ душахъ, въ каждой по свѣдому. Рѣдкій человѣкъ остается незатронутымъ этою заразою; и все различіе въ томъ, что у однихъ эта зараза выражается въ чувствѣ «я не обязанъ никому подчиняться», а у другихъ въ чувствѣ «я призванъ всѣми распоряжаться».

Понятно, что въ такіе періоды о реальной подготовкѣ къ политической дѣятельности никто и не думаетъ; всѣ выбѣгаютъ какъ на пожаръ, всѣ говорятъ наобумъ и дѣйствуютъ, какъ попало. А между тѣмъ именно въ такіе періоды, какъ никогда, необходимо объективное наблюденіе, спокойная и замкнутая сосредоточенность, и, главное, внутреннее, духовное подготовленіе себя къ борьбѣ. Это относится особенно къ тѣмъ партіямъ и группамъ, которыя бываютъ вынуждены вести борьбу въ политическомъ подпольѣ или на такъ называемомъ нелегальномъ положеніи.

Человѣкъ всегда имѣетъ извѣстныя основанія не довѣрять каждому случайному собесѣднику и не раскрывать свою душу первому встрѣчному. Недоступность личной души другимъ людямъ есть великое благо, данное намъ отъ природы; и, если бы это благо было отнято у насъ, то мы всѣ навѣрное возненавидѣли бы другъ друга или сошли бы съ ума. Политическая борьба покоится прежде всего на умѣніи до вѣрять

кому надо и недовѣрять кому не надо. Зоркое и вѣрное распознаваніе людей есть азбука политики; и человѣкъ, раза два крѣпко обманувшійся въ людяхъ, напр., повѣрившій предателю или упустившій вѣрнаго и сильнаго союзника — долженъ признать свое политическое неумѣніе и отойти отъ дѣлъ для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человѣкъ, желающій заниматься политикой, долженъ выработать въ себѣ прежде всего силу воли.

Прежде всего — силу воли; ибо она нужна не только для того, чтобы дѣйствовать, но уже для того, чтобы подготовить себя къ будущей политической дѣятельности.

Политика есть вообще дѣло воли, такъ, какъ искусство есть дѣло чувства и воображенія, а наука — дѣло мысли и наблюденія. Людямъ нерѣшительнымъ, колеблющимся, робкимъ, склоннымъ къ рефлексіи и самоглотанію — лучше воздерживаться отъ политической дѣятельности за отсутствіемъ у нихъ соотвѣтствующаго органа. И всюду, гдѣ такіе люди, поддаваясь тщеславію и честолюбію, вмѣшиваются въ политику — они приносятъ обычно много вреда. При этомъ волю отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ порывистой эмоціональностью, съ истерической крикливостью и суетливостью или съ хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человѣка надо разъ навсегда продумать и усвоить, съ тѣмъ, чтобы провѣрить ими сначала себя самого, а потомъ увѣренно распознавать другихъ.

О чемъ бы ни шла рѣчь, каково бы ни было жизненное положеніе, волевой человѣкъ успокаивается только тогда, когда въ его душѣ сложится отвѣтъ на вопросъ: какъ дальше быть? что дальше дѣлать? Ему мало понять то, что есть; ему неинтересно вообразить то, что могло бы быть; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживаетъ» или «переживалъ»; ему мало сообразить, что «должно» бы было быть въ прошломъ. Онъ смотритъ въ будущее; и не для того, чтобы только предвидѣть его, а для того, чтобы рѣшить, гдѣ и въ чемъ онъ самъ повліяетъ на него. Онъ всегда занятъ тѣмъ, чтобы повліять на будущее, измѣнить его, заставить его быть такимъ, а не другимъ. Онъ не любитъ того, что ему дано; онъ всегда ищетъ того, что задано; и особенно любитъ то,

что онъ самъ сдѣлаетъ, что онъ совершить. И въ маломъ, и въ большомъ — онъ заряженъ всегда своимъ будущимъ дѣйствиємъ.

Волевой человѣкъ чувствуетъ въ самомъ себѣ нѣкую движущую силу; и поэтому ему естественно разсматривать всѣ жизненные вопросы съ точки зрѣнія силовой. Жить значитъ для него бороться и одолевать. Одолевать — значитъ собирать силы для новаго одолеванія. Борьба не утомляетъ его. Безъ борьбы онъ томится и тоскуетъ; она ему какъ бы «причитается» въ жизни; и если ея нѣтъ, то онъ замѣняетъ ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданіями, усиліями и одолеваніями.

Волевой человѣкъ упорядочиваетъ. Но не тѣмъ, что приводитъ въ состояніе покоя; онъ упорядочиваетъ движеніе и въ движеніи. Покой гнететъ его. Ему нуженъ не мыслимый порядокъ (логика), и не созерцаемый порядокъ (геометрія), а творимый порядокъ; и притомъ — творимый имъ самимъ. Ему важно двигать, давать мѣру, творить форму, распоряжаться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что онъ и рожденъ для власти.

Волевой человѣкъ можетъ быть въ затрудненіи и даже въ нерѣшительности. Но это рѣдко длится; а если длится, то это никогда не бываетъ безплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо онъ не умѣетъ ни наслаждаться проблематической нерѣшительностью, ни укрываться за нею. Волевой человѣкъ, если онъ не уменъ и морально низокъ — упрощаетъ и огрубляетъ всѣ жизненные проблемы. Но если онъ уменъ и нравственно чутокъ, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная — выходитъ отъ него въ состояніи творчески-спасительной организованности. Это понятно, — потому что нравственность и жизненность суть въ глубокомъ измѣреніи одно и то же.

Но если волевому человѣку не свойственно безплодное колебаніе, то зато ему въ высшей степени естественно и легко держаться однажды избранной линіи и выдерживать ее до конца. Это человѣкъ не короткихъ порывовъ, а долгихъ поворотовъ; не просто человѣкъ поступковъ, а человѣкъ плана, активной системы, выдержаннаго строительства. Это не значитъ, что всякое принятое

рѣшеніе каменѣтъ въ его душѣ, что онъ становится его послушнымъ механизмомъ или рабомъ. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слѣпая и неразумная настойчивость; тогда какъ къ самой сущности воли относится ея независимость отъ ея собственныхъ рѣшеній. У волевого человѣка — рѣшеніе есть продуктъ воли, а воля остается хозяиномъ рѣшенія; тогда какъ упрямый человѣкъ старается поддержать свою слабую волю механически-непоколебимыми рѣшеніями и самъ незамѣтно становится ихъ рабомъ. Поэтому волевой человѣкъ властенъ надъ своими рѣшеніями: онъ воленъ всегда сохранить ихъ и пересмотрѣть ихъ. Но въ томъ рѣшеніи своемъ, которое онъ не пересмотрѣлъ и которое онъ поддерживаетъ, онъ присутствуетъ всею энергіею своей воли, насыщая его творческою и нерѣдко стремительною динамикою. И эта вѣрность принятому рѣшенію не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человѣка, что можно сказать и обратно: тотъ не волевой человѣкъ, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избраннаго плана или однажды рѣшенной линіи поведенія.

Будучи самъ силою, волевой человѣкъ и другихъ людей воспринимаетъ, какъ извѣстные динамические центры. Иногда онъ, самъ того не замѣчая, въ душѣ слегка презираетъ безвольныхъ людей («кисляевъ»); и можно съ увѣренностью сказать, что онъ практически не признаетъ за ними настоящей реальности. Для него реаленъ тотъ, кто встрѣчаетъ проявленія его силы отвѣтною силою. Онъ можетъ стать его врагомъ или его союзникомъ; но реальностью онъ останется для него до конца. И если онъ найдетъ въ немъ союзника, то главною заботою его будетъ установленіе взаимной субординаціи и координаціи силъ, выясненіе совмѣстнаго будущаго дѣйствія, распредѣленіе полномочій и обязанностей, т. е. созданіе динамической организаціи.

Я описалъ человѣка съ большою и сильною волею. Она не у всѣхъ волевыхъ людей выражена такъ ярко. Но по этимъ яркимъ признакамъ всякій сумѣетъ распознать себя и опредѣлить другихъ.

Большая воля — есть даръ. Если она дана низкому и злему человѣку, то она можетъ стать несчастіемъ окружающихъ или даже цѣлой страны. Но если ею одаренъ человѣкъ

съ творческимъ умомъ и благородною душою, то мы имѣемъ дѣло съ волевою геніальностью, которая можетъ дать счастье цѣлому народу. Всѣ великіе политики были такими людьми, отъ императора Августа и Фридриха Великаго до Петра Великаго, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что въ эпохи смуты и развала вся страна начинаетъ мечтать о такомъ человѣкѣ.

Необходимо однако установить, что вся энергія такого большого политика можетъ разбиться и не принести надлежащаго плода, если онъ останется одинокимъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не можетъ одолжить свою волю другому; никто не можетъ заставить окружающихъ людей стать волевыми и порядочными дѣятелями. Волевому вождю необходимъ волевой кадръ; и если онъ не найдется въ странѣ или будетъ слагаться слишкомъ медленно, то судьба можетъ пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношенія. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана отъ природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди отъ природы лишенные воли совсѣмъ; такъ, что имъ, собственно говоря, ни укрѣплять, ни развивать въ себѣ нечего. Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому — труднѣе. Но наличный запасъ воли можетъ быть укрѣпленъ и развитъ у каждаго человѣка. Это дѣло внутренней работы. Безплодно возражать тому, кто скажетъ, что «для развитія воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это бесплодная діалектика; и тотъ, кто къ ней склоненъ, навѣрное имѣетъ слабую волю и большую лѣнь. Ему надо посоветовать — воздерживаться отъ участія въ политикѣ и лѣнливо примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа надъ своею волею возможна и необходима. И каждый русскій патріотъ, понимающій, что нашему поколѣнію не уйти отъ политической работы и государственнаго служенія, долженъ приступить къ этой внутренней работѣ.

Тутъ не надо начинать съ большихъ и трудныхъ задачъ. Лучше начинать съ небольшого. И прежде всего вѣрно распознать самого себя въ смыслѣ волевой силы и научиться

распознавать другихъ. При этомъ хорошо бываетъ провѣрять себя совмѣстно и взаимно съ нѣсколькими друзьями и единомышленниками.

Далѣе, надо твердо усвоить обычай — всегда и во всемъ, во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и бесѣдахъ ставить передъ собою вопросъ о томъ, что же надо дѣлать? Не слѣдуетъ задавать его безпомощно вслухъ, обременяя другихъ своею безпомощностью; но держать его молча передъ своимъ сознаніемъ, самостоятельно, про себя добиваясь отвѣта; и только добившись его для себя и про себя — ставить его вслухъ и обсуждать совмѣстно. Надо приучить себя къ волевому разсматриванію жизненныхъ вопросовъ, но съ тѣмъ, чтобы всегда хотя бы часть своихъ выводовъ непосредственно осуществлять на дѣлѣ.

Затѣмъ надо поставить себѣ нѣсколько реальныхъ жизненныхъ заданій, не безразличныхъ для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранныхъ. Надо взять одно главное заданіе, требующее сроковъ и долгой работы — и спуститься отъ него къ нѣсколькимъ болѣе мелкимъ задачамъ, подчиненнымъ ему такъ, какъ средства подчинены цѣли; и на нихъ сосредоточиться. Главное заданіе должно быть любимымъ и страстно желаннымъ. Этотъ зарядъ желанности естественно перенесется и на подчиненныя задачи. Надо закрѣпить его за ними такъ, чтобы трудное стало легкимъ, горькое — незамѣтнымъ, противное — безразличнымъ; и затѣмъ превращать эти задачи — одну за другой — въ нестрашныя препятствія, преодолеваемые по выработанному плану. Чувство удовольствія отъ побѣды надо использовать, какъ благопріятный знакъ и побужденіе къ дальнѣйшему. Задачи могутъ становиться все болѣе сложными. На четвертой задачѣ можно попытаться поставить передъ собою двѣ сразу. И постепенно выдержанная борьба приучитъ душу къ долгому и творческому напряженію.

Для начала очень полезно приучить себя, на примѣръ, къ систематическому и выдержанному блюденію тайны, столь важному и полезному въ политической дѣятельности вообще; и въ этомъ случаѣ было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое

жизненное положеніе, которое дѣйствительно обязываетъ къ блюденію тайны, напимѣрь, изъ соображеній чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя съ большою тайною *).

Это будетъ уже живымъ и творческимъ дѣломъ воспитанія въ себѣ воли и характера, необходимыхъ для политическаго дѣятеля.

Старый Политикъ.

*) Отъ редакціи. Одновременно съ этой статьей авторъ ея прислалъ намъ списокъ правилъ о томъ, какъ блюсти тайну, и мы охотно даемъ ему мѣсто во второй части нашей первой книжки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ необходимо знать правду о нашей родинѣ; одну правду и всю правду. Намъ необходимо установить ее, усвоить и продумать; и тогда сдѣлать выводы и принять рѣшенія.

Для освѣщенія этихъ выводовъ намъ важно также имѣть, во-первыхъ, поучительные и точные матеріалы о другихъ странахъ; во-вторыхъ — рядъ ясныхъ и зрѣлыхъ теоретическихъ основоположеній по главнымъ вопросамъ идеологии, политики и хозяйства.

Но помимо выводовъ у насъ будутъ складываться еще и рѣшенія. Для осуществленія этихъ рѣшеній намъ нужна духовная и организаціонная подготовка, имѣющая свои правила и требующая выдержанной работы надъ усвоеніемъ этихъ правилъ.

Вторая часть нашего журнала будетъ обслуживать всѣ эти потребности и запросы. Она будетъ давать только тщательно проверенные матеріалы; только строго продуманныя основоположенія; только практически выношенные правила и со-вѣты. Всѣ эти данныя надо будетъ не читать, а проработывать и усвоить; они нуждаются въ совмѣстномъ обсужденіи и запоминаніи; они предназначены для педагогическаго использованія и для широкой пропаганды; они должны составить какъ бы умственный и волевой арсеналъ русскаго патріота.

Редакція проситъ всѣхъ читателей - единомышленниковъ широко пользоваться всѣми этими данными и обращаться къ ней съ прямыми запросами и пожеланіями, идущими въ томъ же направленіи. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и, такъ или иначе, учтенъ.

I. РОССИЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка Россія переживала періодъ быстрого экономическаго и культурнаго развитія. Заграничныя представленія о Россіи, какъ странѣ якобы пребывавшей въ застоѣ, убѣдительно опровергаются цифрами. Обратимся къ ихъ нелицепріятному свидѣтельству.

Ростъ населенія.

За первыя 20 лѣтъ царствованія Императора Николая II населеніе Россіи увеличивалось ежегодно на цифру, поднимавшуюся постепенно отъ двухъ къ тремъ милліонамъ.

	въ 1894 г.	въ 1914 г.	% увелич.
Населеніе . . .	ок. 122 милл.	ок. 173—174 милл.	ок. 40%

Перепись 1897 г. дала цифру въ 128 милл. По оцѣнкѣ статистическаго комитета, населеніе Россіи на 1 января 1914 г., включая Финляндію, Хиву и Бухару, достигало даже 180 милліоновъ.

Ростъ сельскаго хозяйства.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ Россія переживала полосу неурожаевъ. Послѣ голодныхъ лѣтъ, урожаи 1892 и 1893 г. были хорошими. Однако, и противъ этихъ урожаевъ — послѣдніе годы передъ войной показываютъ разительное увеличеніе.

	Средн. за:		
Урожай хлѣбовъ	1892—93 г.	1911—13 г.	% увелич.
	милл. пуд.		
Въ Европ. Россіи	2 050	3 657	+ 78%
Во всей Имперіи	—	4 861	—

Количество скота также возросло. Россія имѣла:

	въ 1895 г.	въ 1914 г.	% увелич.
	милл. гол.		
Лошадей	25,6	35,0	+ 37%
Рогатаго скота	31,6	52,0	+ 64%

Цѣлый рядъ мѣръ былъ принятъ за этотъ періодъ для поднятія уровня деревни. Наряду съ такими законодательными актами, какъ отмѣна круговой поруки, отмѣна выкупныхъ платежей, законъ 9 ноября 1906 г. о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины, — министерствомъ земледѣлія была развита за послѣдніе годы энергичная дѣятельность по поднятію

уровня сельско-хозяйственной культуры (опытные поля и станции), а кредитная кооперация широко распространилась въ деревнѣ *).

Ростъ промышленности.

Въ области добывающей промышленности, особенно выросла добыча угля, марганца, желѣза и мѣди.

	Средн. за:		% увелич.
	1891—95 г.	1911—14 г.	
Уголь (милл. пуд.)	466	1 983	+ 300%
Марганецъ (милл. пуд.)	12,0	55,7	+ 364%
Мѣдь (выплавка) (тыс. пуд.).	395	1 878	+ 375%
Чугунъ (выплавка) (милл. п.)	73	254	+ ок. 250%

Въ меньшей степени, но все же значительно, выросла добыча другихъ полезныхъ ископаемыхъ:

	1891—95 г.	1911—14	
Нефть (милл. пуд.)	338	560	+ 65%
Золото (пуды)	2 576	3 701	+ 43%
Соль (милл. пуд.)	85	121	+ 42,5%

Изъ видовъ промышленности, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, сильно развились свекло-сахарная, хлопковая и винокуренная. Оставляемъ въ сторонѣ послѣднюю, ростъ которой былъ рѣзко пресѣченъ запрещеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ въ августѣ 1914 г.

Въ области сахарной промышленности наблюдался не простой ростъ, но и ея интенсификація:

	Средн. за:		
	1891—94 г.	1911—14 г.	
Площадь посѣва свекловицы (въ десятинахъ)	289 000	721 000	+ 150%
Выработка сахара (милл. п.).	30,5	104,5	+ 245%

Еще быстрѣе шель ростъ хлопководства.

	1894 г.	1914 г.	
Площадь посѣва (дес.)	ок. 150 000	675 000	+ 350%
Сборъ волокна (милл. пуд.).	3,2	15,6	+ 388%

*) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала редакція имѣетъ въ виду дать точную и исчерпывающую справку о движеніи крестьянскаго землевладѣнія въ предреволюціонной Россіи. По исчисленіямъ одного изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса въ Россіи профессора В. А. Косинскаго, основаннымъ на данныхъ сельско-хозяйственной переписи 1916 года, скупка земли крестьянами при содѣйствіи правительства продвинулась къ этому году настолько, что изъ земель сельско-хозяйственнаго назначенія въ Европейской Россіи — около 79% принадлежало мелкимъ землевладѣльцамъ (не свыше 50 десятинъ на хозяйство) и только 21% принадлежало болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

Развитіе хлопководства въ Туркестанѣ (далеко обогнавшемъ Закавказье) стало возможнымъ вслѣдствіе производства обширнѣйшихъ ирригаціонныхъ работъ.

Ростъ капитала страны.

Изъ видовъ національнаго достоянія, на первое мѣсто можно поставить пути сообщенія.

Развитіе желѣзнодорожной и телеграфной сѣти показываетъ быстрый ростъ:

	нач. 1895 г.	1. I. 1915 г.	
Желѣзныя дороги	31 812 в.	64 547 в.	+ 103%

Въ эти цифры не вошли ни финскія желѣзныя дороги, ни Восточно-Китайская. Русскія жел. дор. были значительно дешевле, чѣмъ заграничныя (въ особенности для поѣздовъ на дальнія разстоянія), а также имѣли спальные вагоны и для III-го класса, чего и теперь нѣтъ на большинствѣ заграничныхъ дорогъ.

	1891 г.	1914 г.	
Телеграфная сѣть (длина линій).	133 000	223 000	+ 68%

Ростъ ея приходится на болѣе позднее время; въ 1897 г. длина линій была 143 000.

	1894 г.	1914 г.	
Торговый флотъ	492 000 т.	783 000 т.	+ 59%

Особенное вниманіе обращалось на развитіе сообщеній между Европейскою Россіей и Сибирью и вообще Азіей.

Большое количество вновь возведенныхъ присутственныхъ зданій, вокзаловъ, грандіозные элеваторы для храненія хлѣба, усиленное строительство въ столицахъ и большихъ городахъ быстро увеличивало цѣнность недвижимаго имущества Россіи.

Наконецъ, самый внѣшне-осязательный видъ государственнаго капитала, золотой фондъ, увеличился въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	15. XII. 1894 г.	16. VII. 1914 г.	
Золота въ Гос. Банкѣ (въ милл. рубл.)	648	1 604	+ 146%

Всѣ эти данныя ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что экономическое благосостояніе Россіи — и національный годовой доходъ, и накопленный капиталъ страны, — не только возросли абсолютно, но въ своемъ ростѣ опередили увеличеніе численности населенія: въ то время какъ оно увеличилось на 40%, всѣ главныя отрасли дохода и капитала страны возросли въ пропорціи много разъ большей.

Народное образование.

Народное образование въ Россіи не находилось цѣликомъ въ вѣдѣніи министерства Народнаго Просвѣщенія. Большая часть расходовъ падала на земство и города; приходскія школы находились въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода; коммерческія училища (и рядъ высшихъ учебныхъ заведеній) вѣдались министерствомъ Финансовъ (позднѣе — Торговли); наконецъ, многія женскія учебныя заведенія относились къ вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи.

Расходы министерства Народнаго Просвѣщенія являются лишь частью расходовъ на образованіе. Ростъ ихъ однако является показательнымъ особенно въ виду того, что и по другимъ вѣдомствамъ просвѣтительные расходы не сокращались, а наоборотъ, росли.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Бюджетъ Мин. Нар. Просв.	25 200 000 р.	161 600 000 р.	+ 628%

Количество неграмотныхъ, составлявшее все еще большинство населенія, постепенно убывало.

За послѣдніе 20 лѣтъ передъ войной произошли слѣдующія измѣненія въ количествѣ учащихся въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

	на 1. I. 1894 г.	1. I. 1914 г.	% увелич.
Въ университетахъ	13 944	39 027	+ 180%
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	224 179	733 387	+ 227%
Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ Средней Азіи)	3 275 362	6 416 247	+ 96%

Кромѣ того, имѣлись частныя, въ особенности — инородческія (татарскія, и т. д.) школы, съ числомъ около милліона учащихся въ 1912 г. Въ виду усиленнаго расширенія школьной сѣти именно за послѣдніе годы, къ 1914 г. увеличеніе числа учащихся несомнѣнно превысило 100% противъ 1894 г.

Въ этихъ цифрахъ, кромѣ того, изъ высшихъ учебныхъ заведеній не учтены: всѣ спеціальныя (техническія, военныя, музыкальныя и т. д.), женскія (Вышіе курсы), педагогическіе институты и т. д., и вообще всѣ частныя учебныя заведенія.

Болѣе быстрый ростъ средняго образованія легко объясняется необходимостью раньше подготовить кадры учителей, а затѣмъ уже расширять сѣть низшихъ школъ.

Что касается средне-учебныхъ заведеній, то интересно сопоставить число учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ:

	1. I. 1894 г.	1. I. 1914 г.	% увелич.
	число учащихся		
Мужскія гимназіи и реальныя училища	89 411	228 551	+ 155%
Женскія гимназіи	54 102	328 803	+ 420%
Женскіе институты	7 706	9 562	+ 15%
Духовныя учебныя заведенія.	63 257	100 027	+ 58%

Поразительный ростъ средняго женскаго образованія сопровождался такимъ же ростомъ высшаго женскаго образованія за послѣднее десятилѣтіе. По числу женщинъ, получавшихъ высшее образованіе, Россія стояла въ Европѣ на первомъ мѣстѣ.

Изъ внѣшкольных видовъ образованія, отмѣтимъ быстрый ростъ народныхъ библиотекъ и могучій расцвѣтъ издательской дѣятельности, сопровождавшійся огромнымъ удешевленіемъ книги. —

Міровая война, поставившая Россію въ исключительно трудныя условія, вызвала, разумѣется, большія перемѣны въ русской жизни.

Но до революціи государственный организмъ все же преодолевалъ возникшія затрудненія.

Война поставила русской промышленности большія новыя заданія. Она одновременно должна была удовлетворять нуждамъ обороны и возмѣщать прекратившійся подвозъ изъ-за границы. Россія была лишена главныхъ путей сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: сухопутной западной границы, Балтійскаго и Чернаго морей. Все, что приходило извнѣ, должно было проходить либо черезъ замерзающіе порты Бѣлаго моря, либо черезъ Владивостокъ, отстоявшій отъ фронта чуть ли не на 10 000 верстъ. Русская металлургическая промышленность не была настолько развита, какъ западная. И тѣмъ не менѣе, послѣ перваго же года неудачъ, огромными усиліями было достигнуто такое увеличеніе ввоза черезъ Владивостокъ и Бѣлое море, что снабженіе Россіи военнымъ матеріаломъ извнѣ стало реальностью. Была построена ширококолейная дорога отъ Архангельска, и сооружена за время войны новая дорога, Мурманская, выводящая прямо къ незамерзающей бухтѣ Ледовитаго океана. Это преодолѣніе блокады, завершенное къ осени 1916 г., было поразительнымъ достиженіемъ.

Въ то же время Россія покрылась цѣлой сѣтью новыхъ металлургическихъ и химическихъ заводовъ. Постройка и переоборудованіе шли «американскимъ» темпомъ, и къ началу 1917 г. русская промышленность давала арміи достаточное количество снарядовъ.

О ростѣ металлургической промышленности цифровыхъ данныхъ не помѣщалось, такъ какъ на нее простира-

лась военная гайна. О немъ ярко свидѣтельствуяють тѣ огромные запасы руды, полуфабрикатовъ, готоваго снабженія, которые остались къ моменту революціи.

Въ другихъ областяхъ удавалось не только поддержать производство, но подчасъ даже увеличить его.

Такъ, въ области топлива, добычу угля за первые военные годы удалось поддержать почти на прежнемъ уровнѣ, несмотря на то, что отпаль оккупированный съ первыхъ дней войны Домбровскій районъ, поставлявшій свыше 400 милл. пуд. въ годъ:

	Среднее за 1911—14 г.		1915 г.	1916 г.
Добыча угля (милл. пуд.)	1983	1905	1955	

Добыча въ Донецкомъ бассейнѣ съ 1543 милл. пуд. въ 1913 г. повысилась въ 1916 г. до 1738 милл. пуд.

Добыча нефти повысилась еще болѣе разительно:

	Среднее за 1911—14 г.		1915 г.	1916 г.
Добыто нефти (милл. пуд.)	560	568	602	

Рѣзкое повышеніе дали также сборы хлопка. Въ 1916 г. Россія болѣе чѣмъ на $\frac{2}{3}$ удовлетворялась собственнымъ хлопкомъ, тогда какъ до войны привозный хлопокъ составлялъ болѣе половины.

Въ области сахарной промышленности, несмотря на захватъ непріателемъ въ 1915 г. значительной части районовъ, производящихъ свекловицу, производство поддерживалось:

	Среднее за 1911—14 г.		1915 г.	1916 г.
Площадь посѣва (дес.)	721 000	702 000	670 000	
Выработка сахара (милл. п.)	104	113	92	

Сельское хозяйство, разумѣется, страдало отъ массовыхъ призывовъ въ армію. Въ 1916 г., по даннымъ министерства Земледѣлія, площадь посѣва хлѣбовъ сократилась на 10%. Это явленіе наблюдалось не только въ Россіи: напр., во Франціи сборъ хлѣбовъ во вторую половину войны составлялъ всего около 50% прежняго; Франція питалась подвозомъ изъ Америки. Что касается скотоводства, то перепись 1916 года установила, противъ цифры 1914 г., уменьшеніе количества лошадей съ 35 милл. до 33 милл., при увеличеніи количества рогатаго скота съ 52 до 56 милл.

Таковы были итоги русскаго хозяйства за предшествовавшіе революціи годы войны: ростъ металлургической и химической промышленности, хлопководства, добычи нефти, угля (въ неоккупированной части страны); слабый уронъ въ сель-

скомъ хозяйствѣ и связанныхъ съ нимъ отрасляхъ промышленности. Наиболѣе тяжело въ области экономики война отразилась на путяхъ сообщенія и связанной съ ними торговлѣ, а также на денежномъ обращеніи.

Послѣ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ огромной и продуктивной работѣ правительства и народа, и о бурномъ, культурномъ и хозяйственномъ ростѣ Россіи, продолжавшемся даже во время такой войны, естественно и неизбежно возникаетъ вопросъ, кому и для чего нужна была революція?..

С. С. Ольденбургъ.

II. РУССКАЯ ТЕРРИТОРІЯ.

(1914 — 1927).

Каждый русскій патріотъ долженъ знать наизусть и, взявши карту, продумать съ исторической и политической точки зрѣнія составъ своей національной территоріи. Онъ долженъ знать, какъ она сложилась въ исторіи; какъ случилось, что къ ней были присоединены такія-то части земной поверхности; нужны ли эти части его родинѣ и за чѣмъ онѣ нужны ей; и сколько борьбы, всенародныхъ жертвъ и страданій потребовало каждое присоединеніе?

Владѣть обширной или огромной территоріей не есть высшая задача народа. Народъ живетъ не для земли и не ради земли. Но онъ живетъ на землѣ и живетъ отъ земли. И потому территорія необходима ему не менѣе, чѣмъ воздухъ и солнце. Народъ безъ определенной и крѣпкой ему территоріи — есть кочевникъ, живущій въ бесплодныхъ, невѣрныхъ и случайныхъ блужданіяхъ; онъ травитъ и грабитъ, но не оплодотворяетъ и не создаетъ; онъ не образуетъ государства; онъ остается проходящимъ странникомъ и опаснымъ сосѣдомъ. Ни одна великая, міровая культура не была создана кочевымъ народомъ. Настоящая культура начинается съ осѣдлости; ибо только осѣдлый человѣкъ перестаетъ брать отъ природы, ничего ей не давая; только осѣдлый человѣкъ отдаетъ себя природѣ цѣльно и творчески — ввѣряетъ ей свои силы и свою судьбу, связывается съ нею морально и духовно; этимъ онъ пріобрѣтаетъ ее и начинаетъ считать ее по праву своею. Территорію мало завсевать; ее надо культивировать. Право на нее пріобрѣтается не только воинственно пролитой кровью, но и ея хозяйственнымъ и техническимъ приспособленіемъ для жизни и духа. Тогда она становится не только необходимымъ условіемъ народной жизни, но и творческимъ созданіемъ народа. Добытая кровью и тру-

домъ, волею и духомъ, — территорія становится священнымъ достояніемъ націи.

Не жажда воинственного напора создала Россіи ея территорію, но, во-первыхъ, ея открытое, незащищенное положеніе на равнинѣ, во-вторыхъ, необходимость морского пути для земледѣльческаго и торговаго государства. Исторія Россіи есть сначала исторія ея самообороны отъ степныхъ кочевниковъ и отъ равнинныхъ сосѣдей; потомъ — исторія ея борьбы за выходъ къ свободному морю. Россія имѣла только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримыя окраины оружіемъ и государственною властью, и затѣмъ пробиться къ морю. Такъ выросла русская государственная территорія. —

Къ 1914 году Россія была самымъ большимъ континентальнымъ государствомъ въ мірѣ. Не считая внутреннихъ морей, она занимала свыше 22 милліоновъ квадратныхъ километровъ, т. е. одну шестую часть всей суши земного шара; ея площадь была въ два съ половиною раза больше площади европейскаго материка; въ два раза больше Китая; въ три раза больше территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; въ 44 раза больше территоріи Германіи. Она уступала по размѣрамъ только Британской Имперіи, которая покрывала вмѣстѣ съ колоніями свыше 32 милліоновъ квадратныхъ километровъ; но владѣнія Англіи были разбросаны по всѣмъ частямъ свѣта, тогда какъ территорія Россіи представляетъ одну сплошную площадь, нигдѣ не прерываемую владѣніями другихъ государствъ.

Революція, завершившая и проигравшая великую войну 1914 года, внесла въ территоріальное положеніе Россіи рядъ существенныхъ измѣненій. Именно, Россія потеряла территорію въ 908 тысячъ квадратныхъ километровъ (невступно 1 милліонъ), т. е. приблизительно столько, сколько составляютъ площади Франціи и Италіи, взятые вмѣстѣ. По сравненію со всѣмъ пространствомъ Россіи это составляетъ 4 съ небольшимъ процента или $\frac{1}{24}$ всѣхъ русскихъ владѣній. Но если принять во вниманіе только Европейскую Россію, изъ состава которой выпала утраченная территорія и площадь которой приближалась въ 1914 году къ 6 милліонамъ квадратныхъ километровъ (около 5 928 000), то потеря эта составитъ свыше 15 процентовъ.

Территорія, отошедшая отъ Россіи, распредѣлилась слѣдующимъ образомъ. Часть ея отошла ко вновь образовавшимся самостоятельнымъ государствамъ, изъ нихъ: Финляндія владѣетъ нынѣ 388 400 квадр. килом.; Польша получила 262 700 квадр. килом.; Литва — 79 600 кв. кил.; Латвія — 65 800 кв. кил.; Эстонія — 47 600 кв. кил. Другая часть ея отошла къ ранѣе существовавшимъ государствамъ: Румыніа,

безуспѣшно воевавшая въ союзѣ съ Россіей, получила Бессарабію — 45 600 кв. килом.; и Турція, безуспѣшно воевавшая противъ Россіи, получила Карскую область — 18 650 квадр. километровъ.

Эти территоріальныя потери, понесенныя Россіей, не только велики количественно, но имѣютъ и иное значеніе. Утрата ихъ отрѣзала Россію отъ ближайшихъ выходовъ къ морю: Россія потеряла почти всю береговую линію по Балтійскому морю (свыше 2 500 клм.) съ портовыми городами Виндавой, Либавой, Ригой, Ревелемъ, Выборгомъ, Гельсингфорсомъ, Ганге, Або, сохранивъ всего около 200 клм. къ сѣверу и югу отъ Петрограда — единственнаго оставшагося порта на Балтійскомъ морѣ. Россія потеряла общую границу съ Германіей, торговыя сношенія съ которой стояли у насъ до войны (по ввозу и вывозу) на первомъ мѣстѣ. Наконецъ, изъ состава Россіи вышли культурно - воздѣланныя земли всѣхъ новообразовавшихся государствъ съ ихъ способнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, среди котораго имѣется немалое число русскихъ людей.

Въ будущемъ нѣтъ перспективъ для воссоединенія съ Польшей: она останется самостоятельнымъ государствомъ, отдѣляющимъ насъ отъ Европы и самостоятельно противостоящимъ Германской Имперіи. Что же касается другихъ новообразовавшихся государствъ, то воссоединеніе ихъ съ Россіей, если произойдетъ когда-нибудь, то только по ихъ свободной и доброй волѣ, обусловленной съ одной стороны ихъ собственными, политическими и хозяйственными интересами, съ другой стороны — ихъ культурнымъ довѣріемъ къ исцѣленной и возрожденной Россіи. Во всякомъ случаѣ, національная Россія не будетъ дѣлать насильственныхъ присоединеній и долгое время ей будетъ совсѣмъ не до войнъ.

Послѣ исключенія этихъ утраченныхъ территорій, площадь Россіи исчисляется въ 1927 году въ 21 213 000 квадратныхъ километровъ круглымъ счетомъ. Эта территорія раздѣлена революціонною властью на цѣлый рядъ «федеративныхъ республикъ», формально связанныхъ особою совѣтскою конституціею, а по существу одинаково подчиненныхъ диктатурѣ коммунистической партіи. Большую часть ея занимаетъ такъ назыв. «Россійская социалистическая федеративная совѣтская республика», а именно 19 683 000 кв. кил., или 92,8%. Остальные 7,2%, составляющіе все же колоссальную площадь въ 1 530 000 кв. килом., заняты вновь образованными «федеративными республиками»: Туркменской (418 560 кв. кил.), Украинской (397 800 кв. кил.), Узбекской (322 000), Закавказской (193 000) и Бѣлорусской (109 800 кв. килом.) Въ свою очередь нѣкоторыя изъ этихъ «федеративныхъ республикъ» распадаются на автономныя республики (въ составѣ РСФСР

ихъ насчитывается 10) и автономныя области (въ составѣ РСФСР — 13 областей).

Такимъ образомъ, Россія, выведенная изъ войны революціей, подверглась внѣшнему и внутреннему территориальному расчлененію.

А. Бунге. И. Ильинъ.

III. НАСЕЛЕНІЕ РОССИИ.

(1897 — 1914 — 1927).

Патріоту необходимо знать племенной составъ своей страны и численность ея населенія. Каждый человѣкъ, входящій въ составъ его страны, есть сынъ одной съ нимъ родины, его соотечественникъ и братъ: онъ связанъ съ нимъ въ счастья и въ несчастія, въ побѣдѣ и въ пораженіи, въ славѣ и въ униженіи. И всѣ граждане единого государства, — знаютъ они объ этомъ или не знаютъ, — несутъ взаимно и совмѣстно бремя жизни, организованной на землѣ.

Территорія необходима государству; но состоитъ государство не изъ территоріи, а изъ людей. Люди могутъ временно отрываться отъ своей территоріи; и все-таки оставаться въ составѣ своего государственнаго союза. Эта принадлежность человѣка къ его государству опредѣляется не просто закономъ и распоряженіемъ существующей власти, но прежде всего и больше всего внутреннимъ самочувствіемъ человѣка, его патріотическою преданностью, его правосознаніемъ. Интернаціоналистъ и предатель не входятъ въ составъ того государства, въ которомъ они живутъ и которымъ они, можетъ быть, даже управляютъ; а изгнанникъ или эмигрантъ, любящій свою родину, попрежнему остается ея сыномъ и входитъ въ составъ своего народа. Пусть статистикъ, подсчитывая «населеніе» въ данный моментъ, присчитаетъ его, по мѣсту его теперешняго жительства, къ другой странѣ; на самомъ дѣлѣ онъ остается въ національномъ запасѣ живыхъ силъ своей страны.

Этимъ и опредѣляется весь смыслъ вопроса о населеніи: населеніе есть живой составъ и живой запасъ національныхъ и государственныхъ силъ страны. Численный ростъ населенія обозначаетъ здоровье, силу и ростъ націи; причемъ здоровье и сила націи тѣмъ больше, чѣмъ выше стоитъ рождаемость и чѣмъ ниже смертность. Вымирающая нація лишена будущаго; такъ вымерли многіе народы въ древности, вымерли южно-американскіе ацтеки, вымираютъ сѣверо-американскіе индѣйцы и нѣкоторыя племена въ Россіи (долганы, чуванцы, алеуты и др.). Нація съ невозрастающимъ населеніемъ переживаетъ критическую эпоху

своей жизни (Франція) и размноженіе сосѣднихъ народовъ реально угрожаетъ ея будущему. Напротивъ, народъ съ возрастающимъ населеніемъ можетъ увѣренно смотрѣть въ будущее, несмотря на то, что ему повидимому грозитъ въ дальнѣйшемъ перенаселеніе, ибо это затрудненіе разрѣшается въ зависимости отъ двухъ свойствъ народа: воли къ труду и способности къ организаціи.

До войны 1914 года средній уровень рождаемости въ Россіи составлялъ 47,0 человѣкъ въ годъ на каждую тысячу населенія (въ Германіи 36,5 чел. на тысячу, — послѣ войны всего 20,6! — во Франціи — 23,0, — послѣ войны 19,6! — въ Англіи — 31,3, въ Швейцаріи — 27,7, въ Италіи — 37,6, въ Венгріи — 42,8). Средній уровень смертности въ Россіи составлялъ 30,0 человѣкъ въ годъ на каждую тысячу населенія (въ Германіи—24,6, во Франціи—22,4, въ Англіи—19,2, въ Швейцаріи—21,4, въ Италіи—26,9, въ Венгріи—32,4). Это составляло чистый приростъ въ годъ 17 человѣкъ на тысячу или въ среднемъ на всю страну полтора процента ежегодно.

Насколько уровень рождаемости въ Россіи утѣшителенъ по своей высотѣ (и самъ по себѣ, и по сравненію съ другими странами), настолько уровень смертности у насъ неутѣшителенъ: онъ показываетъ, какія усилія намъ необходимо еще сдѣлать для того, чтобы поднять гигиеническій, медицинскій, хозяйственный, техническій и организаціонный уровень нашей страны. И въ этомъ отношеніи передъ русскимъ народомъ открыто великое будущее, ибо размѣры нашей территоріи таковы, что она способна при здоровой государственной и хозяйственной политикѣ вмѣстить и прокормить гораздо большее населеніе, чѣмъ то, какое она вмѣщаетъ нынѣ. Передъ войной 1914 года средняя плотность населенія въ Европейской Россіи (составлявшей $\frac{1}{4}$ всей русской территоріи), безъ Польши, — была 25 человѣкъ на 1 кв. километръ, а въ Азіатской Россіи (составлявшей остальныя $\frac{3}{4}$ нашей площади) она равнялась 0,7 человѣкъ на 1 кв. клм. въ Сибири, и 3,0 чел. въ Средней Азіи; тогда какъ въ Европѣ плотность населенія на 1 кв. километръ составляла: въ Германіи—120 чел. (теперь, послѣ отпаденія слабо населенныхъ восточныхъ областей—134 чел.), въ Англіи (Соединенное Королевство)—145 чел., во Франціи,—74 чел., въ Испаніи—39 чел. и въ Норвегіи—7 чел. —

Первая планомѣрная общерусская перепись была осуществлена въ 1897 году. Согласно этой переписи въ Россіи находилось въ то время круглымъ счетомъ 128 милліоновъ жителей (точная цыфра: 128 195 483). На основаніи цыфръ рождаемости и смертности можно было установить, что къ первому января 1914 года населеніе Россіи возросло круглымъ счетомъ

до 173 миллионѣвъ, а по нѣкоторымъ исчисленіямъ даже до 180 миллионѣвъ.

Это значитъ, что Россія занимала по численности своего населенія третье мѣсто въ мірѣ, уступая Англіійской имперіи, которая вмѣстѣ съ колоніями насчитываетъ 420 миллионѣвъ жителей, и Китаю, число жителей котораго точно не опредѣлено, но, во всякомъ случаѣ, превышаетъ триста миллионѣвъ.

Срединное положеніе Россіи между Западной Европой и Азіей, какъ разъ на пути великаго переселенія народовъ, опредѣлившаго, около пятнадцати вѣковъ тому назадъ, судьбу Европы и береговъ Средиземнаго моря, повело къ тому, что на ея поверхности осѣдали остатки почти всѣхъ народовъ, проходившихъ по ней съ востока на западъ. Отсюда большая племенная пестрота, донинѣ сохранившаяся въ Россіи. Перепись 1897 года насчитываетъ 140 племенъ различнаго происхожденія, относящихся къ различнымъ расамъ и входящихъ въ составъ русскаго населенія.

Племенной составъ русскаго населенія былъ исчисленъ въ 1897 году въ общемъ такъ (даемъ круглыя цифры).

Если оставить въ сторонѣ небольшую сравнительно группу палѣазиатовъ или гиперборейцевъ (чукчи, гиліаки, коряки, камчадалы, айносы и др.), составлявшихъ вмѣстѣ не болѣе 35 тысячъ душъ, и болѣе крупную группу китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, не превышавшую однако сообщая 90 тысячъ, то все населеніе Россіи дѣлилось на четыре большія расовыя группы: 1) индо-европейскую или аріійскую; 2) урало-алтайскую; 3) семитическую, и 4) картвельско-иверскую группу.

1) Подавляющее большинство русскаго населенія, около ста миллионѣвъ, почти 80%, принадлежало къ индо-европейцамъ. Это означаетъ, что арііакая раса численно опредѣляетъ судьбы и пути Россіи.

Главное ядро этой расы составляли славяне. Ихъ было немного болѣе 92 миллионѣвъ или около 72% всего населенія. Это означаетъ, что славянскія племена численно преобладали въ Россіи.

Если вычестъ изъ этой массы 7,9 миллионѣвъ поляковъ (около 6,4% всего населенія) и небольшое число другихъ славянъ (болгары и чехо-словаковъ), то мы получимъ основной, исторически ведущій и строящій Россію кадръ русскаго племени — около 84 миллионѣвъ или 65,6% всего населенія.

Русское племя распадалось на три вѣтви; въ него входили: — великороссы — 55,7 миллионѣвъ, т. е. около 43,5% всего населенія и около 66% всѣхъ русскихъ; малороссы — 22,4 миллионѣвъ, т. е. около 17,5% всего населенія и около 27% всѣхъ русскихъ; и бѣлороссы — 5,9 миллионѣвъ, т. е. около 4,6% всего населенія и около 7% всѣхъ русскихъ.

Къ индо-европейской расѣ, помимо славянъ, принадлежали въ Россіи еще слѣдующія племена (переименовываемъ ихъ по численности):

Нѣмцы—1,8 милліона; латыши—1,4 милліона; литовцы—1,2 милліона; армяне—1,2 милліона; молдаване и румыны—1,1 милліона; иранцы (таджики, осетины, курды, таты, талышцы и персы)—0,784 милліона (т. е. семьсотъ восемьдесятъ четыре тысячи); жмудины—0,448 милліона; греки—0,187 милліона; цыгане—0,045 милліона (т. е. около сорока пяти тысячъ).

На всѣ остальные расы вмѣстѣ взятыя приходилось около 28 милліоновъ или 20% всего населенія.

2) Вторую по численности расою являлись урало-алтайцы. Они составляли около 20 милліоновъ, или около 15,6% всего населенія.

Сюда входили двѣ группы — финская и тюрко-татарская.

Къ финскимъ племенамъ относились (въ круглыхъ числахъ):

Финляндскіе финны—около 2,3 милліоновъ; прибалтійскіе финны (савакоты, эвремейсетъ, водь)—1,4 милліона; мордва—1 милліонъ; эсты—1 милліонъ; вотяки—0,4 милліона; черемисы—0,375 милліона (т. е. триста семьдесятъ пять тысячъ); карелы—0,208 милліона; зыряне—0,153 милліона; пермяки—0,104 милл.; а также численностью менѣе пятидесяти тысячъ каждое племя — чудь, остяки, ижора, вогулы и лопари (около двухъ тысячъ).

Къ тюрко-татарскимъ племенамъ принадлежали:

Киргизъ-кайсаки—4 милліона; татары—3,7 милл.; адейр-беджанцы—1,5 милл.; башкиры—1,3 милл.; сарты—0,968 милл.; чувашы—0,843 милл.; узбеки—0,726 милл.; буряты—0,289 милл.; туркмены—0,281 милл.; якуты—0,227 милл.; турки-османы—0,209 милл.; кара-киргизы—0,201 милл.; калмыки—0,191 милл.; тептяри—0,118 милл.; кара-калпаки—0,104 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя: кумыки, тунгузы, ногайцы, таранчи, мещеряки, горскіе татары, карапалахи, карачаи, самоѣды, кашгарцы, кипчаки и долгане (одна тысяча).

3) Третью по численности расу образовывали семиты. Они составляли немного болѣе 5 милліоновъ или около 3,9% всего населенія.

Если не считать двухъ ничтожныхъ по численности группъ закавказскихъ сиро-халдеевъ (айсоровъ) и дагестанскихъ арабовъ — то все остальное количество 5 064 000 душъ приходилось на евреевъ.

4) Наконецъ, четвертую по численности расовую группу представляли изъ себя картвело-иверійцы. Ихъ на-

считывалось около 2,4 милліоновъ или около 1,9% всего населенія.

Сюда относится цѣлый рядъ кавказскихъ народовъ, изъ которыхъ самые многочисленныя: грузины—0,824 милл. (т. е. около восьмисотъ двадцати четырехъ тысячъ); имеретинны—0,273 милл.; ментрельцы—0,239 милл.; чеченцы—0,226 милл.; и нѣкоторые лезгинскія племена: аваро-андійцы—0,212 милл.; кюринцы—0,159 милл.; даргинцы—0,130 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя — кабардинцы, абхазцы, сванеты, лаки, табасаранцы, крызцы, удины и др.

Справедливая исторія когда-нибудь отмѣтитъ ту религіозную, культурную и бытовую свободу, которою пользовались всѣ эти народы и племена подъ властью дореволюціонной Россійской Имперіи; причемъ эта свобода тѣмъ легче принимала и формы общественнаго самоуправленія, чѣмъ лояльнѣе относился данный народъ къ интересамъ Россіи въ цѣломъ и къ ея законамъ. Помимо общей обязательности государственнаго языка (принципъ, проведенный во всѣхъ культурныхъ странахъ), русскій народъ не только не подавлялъ иноплеменныхъ языковъ въ своихъ предѣлахъ, но впервые создавалъ для малыхъ народностей ихъ письмена и не стѣснялъ ихъ культуры и быта. Даровитые люди самыхъ различныхъ племенъ имѣли доступъ — и въ высшія учебныя заведенія, и къ высшимъ государственнымъ и команднымъ должностямъ.

Война и революція сильно повліяли на составъ русскаго населенія и въ племенномъ и въ численномъ отношеніи. Откладывая приведеніе исчерпывающихъ данныхъ на будущее время, укажемъ теперь же, что отъ Россіи отпалъ цѣлый рядъ областей съ населеніемъ, равнымъ приблизительно двадцати девяти милліонамъ душъ, т. е. превышающимъ все населеніе теперешней Польши, которая по числу жителей нынѣ занимаетъ въ Европѣ пятое мѣсто.

Изъ состава русскаго населенія почти совершенно исчезли финляндскіе финны, латыши, литовцы и эсты; мало осталось поляковъ. Значительно уменьшилось число евреевъ, насчитывающихъ въ нынѣшней Россіи около 2,7 милліона; евреи отошли главнымъ образомъ къ Польшѣ. Значительная часть молдаванъ отошла къ Румыніи. Число нѣмцевъ также уменьшилось до 1,1 милліона.

Потери во время большой европейской войны, потери гражданской войны и число жертвъ коммунистическаго террора мы впослѣдствіи исчислимъ отдѣльно. Къ этому надо прибавить убыль населенія отъ революціоннаго голода въ городахъ, отъ неурожайнаго голода въ 1920—21 г. и отъ эпидемій. Съ чисто статистической точки зрѣнія сюда надо причислить также эмиграцію.

При такомъ положеніи дѣлъ послѣдняя перепись, произведенная совѣтскою властью дала общее число населенія для

нынѣшней Россіи въ 146 200 000 душъ. Нетрудно исчислить, какое количество населенія потеряла Россія съ 1914 по 1927 годъ (убитыми, умученными, преждевременно умершими, отпавшими и неродившимися),—если принять во вниманіе, что къ 1914 году Россія насчитывала не менѣе 173 милліоновъ и что при нормальныхъ условіяхъ населеніе ея возрастало не менѣе, чѣмъ на два милліона въ годъ.

А. Бунге. И. Ильинъ.

IV. КАКЪ ХРАНИТЬ ТАЙНУ.

(Правила и совѣты).

1. Если у тебя есть тайна и тебѣ надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь только ты самъ; другому придется ее хранить уже тогда, когда ты ему ее выдашь. Не надѣйся на другихъ. Если ты самъ не удержишь свою тайну, какъ можешь ты требовать молчанія отъ другого?

2. Тайна имѣетъ свои законы; кто ихъ нарушаетъ, тотъ ее разрушаетъ. Сущность тайны не въ томъ, что о ней знаютъ, но не говорятъ («секретъ полишинеля»). Сущность ея въ томъ, что люди не знаютъ ни того, въ чемъ она состоитъ, ни того, что вообще что-то скрывается.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имѣй таинственнаго или важнаго вида; не шепчись по угламъ; не роняй многозначительныхъ намековъ; не рассказывай о своихъ знакомствахъ; не сообщай сенсационныхъ новостей. Будь простъ, естествененъ, скромненъ. Умѣй молчать, но безъ загадочности; когда необходимо, умѣй быть разговорчивымъ о постороннихъ предметахъ. Будь какъ всѣ; будь малозамѣтенъ. И прежде всего искорени изъ своего сердца тщеславіе: это главный источникъ болтливости. Приучи себя не дорожить сужденіемъ окружающихъ людей о тебѣ. Судить тебя Господь и ты самъ передъ Его лицомъ; а впечатлѣнія другихъ несущественны: научись ради дѣла спокойно проитрывать въ ихъ мнѣніи.

4. Явная таинственность всегда пробалтываетъ тайну; будь увѣренъ: если люди узнали, что у тебя есть тайна, то они скоро узнаютъ и въ чемъ она; ибо всюду есть много досужихъ и профессиональныхъ слѣдопытовъ. Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцѣхъ, то погаси ее совсѣмъ; и потомъ, если надо, завяжи ее снова.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сдѣлай такъ. Утаи про себя твое первое серьезное огорченіе или первую твою серьезную удачу. Сдѣлай такъ, чтобы никто на свѣтѣ не узналъ о нихъ отъ тебя.

Или еще: если узнаешь какую-нибудь волнующую новость, заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать ее при тебѣ, — слушай и молчи; если невѣрно расскажетъ, — не поправляй; если сочтутъ тебя за неосвѣдомленнаго человѣка, — пусть считаютъ.

Упражняйся въ этомъ; но не говори никому, что ты «упражняешься». Приучись быть наединѣ со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этимъ ты разработаешь себѣ непроницаемость по отношенію къ людямъ. Закрѣпи ее внутренно безусловною прозрачностью души передъ Богомъ и совѣстью.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести самому и одному. Приучи себя къ этому и ты укрѣпишь свой характеръ: ибо сущность характера въ духовной самостоятельности человѣка.

7. Чѣмъ меньшее число людей знаетъ о тайнѣ, тѣмъ она неуязвимѣе; и обратно.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легче. Гораздо труднѣе хранить тѣ тайны, которыя должны быть извѣстны лишь очень немногимъ, но до которыхъ хотѣли бы добраться многіе и притомъ враждебные люди. Начинай свои упражненія съ первыхъ и лишь постепенно переходи ко вторымъ.

9. Сообщать другому тайну слѣдуетъ не тогда, когда это «можно» сдѣлать (онъ не «предатель», онъ не «сплетникъ», онъ «симпатичный»), а тогда, когда это безусловно необходимо для дѣла. Лучше недоговорить, чѣмъ перетоворить. Въ сомнѣніи всегда воздержись. Не дѣлай себѣ въ этомъ никакихъ попущеній, ни по родству, ни по дружбѣ, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивенъ: не связывай другого «честнымъ словомъ», или «клятвою», или «зарокомъ». Многихъ людей тайна начинается «распирать» именно послѣ того, какъ они дадутъ «честное слово». Не слѣдуетъ обременять другого тайною: она можетъ вырваться у него помимо воли — въ бреду, въ опасности, въ любовномъ утарѣ, въ пьяномъ видѣ. Страхуй свою тайну своимъ молчаніемъ и чужимъ невѣдѣніемъ: ибо только дѣйствительное невѣдѣніе даетъ абсолютную гарантію. Безъ крайней необходимости не обременяй своею тайною и завѣдомаго молчальника: ибо и онъ можетъ учесть свою освѣдомленность въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ такъ, что наблюдательные люди сумѣютъ вычитать твою тайну изъ его поступковъ.

11. Скупому на слова легче блюсти тайну, чѣмъ говорливому.

12. Человѣкъ неуравновѣшенный, темпераментный, живущій чувствами, вспыльчивый — менѣе подходящъ для блюде-

нія тайны, чѣмъ уравновѣшенный, спокойный, холодный и сдержанный.

13. Развивай въ себѣ вниманіе; способность сосредоточиваться; искусство подвергать свою рѣчь внутренней цензурѣ; умѣніе выбирать слова. Это необходимо для блюденія тайны.

14. Приучи себя не торопиться съ отвѣтомъ на вопросъ: всегда давай себѣ срокъ для выбора отвѣта. Прежде чѣмъ отвѣчать, обрѣжь внутренно всѣ нити ведущія къ тайнѣ.

15. Никогда не записывай ни своей тайны, ни всего того, что съ нею связано; и нигдѣ не храни. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрѣпи свою память мнемоническими упражненіями,

16. Если первое время будутъ неудачи — не унывай. Блюденіе тайны есть дѣло трудное; оно доступно только исключительнымъ людямъ. Научись провѣрять себя послѣ каждого разговора и отмѣчать свои ошибки; и тогда ты самъ скоро дополнишь эти правила. И помни: умѣющій хранить тайну всегда сильнѣе неумѣющаго.

Старый политикъ.

V. ДЕВИЗЫ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ.

Русское бѣлое движеніе имѣетъ свой глубокий и непреходящій смыслъ — религіозный, патріотическій и государственный. Гражданская война противъ интернаціоналистовъ и коммунистовъ была лишь первымъ проявленіемъ его, его героическимъ, военнымъ началомъ; и впереди его ждетъ трудное, но славное будущее. Это есть движеніе національнаго рыцарства — движеніе, не связанное ни съ какимъ сословіемъ и не имѣющее никакой классовой программы; каждый русскій патріотъ можетъ найти въ немъ свое почетное мѣсто. Оно покоится на отборѣ честныхъ и волевыхъ русскихъ гражданъ. Его цѣль — религіозное, государственное и культурное величіе Россіи. Его ближайшая задача — освобожденіе и возрожденіе родины. Его духовныя основы выражаются и закрѣпляются въ такихъ девизахъ.

Господь зоветъ! Сатаны убоюсь ли?

Моя молитва, какъ мечъ. Мой мечъ, какъ молитва.

Служу Россіи. Отвѣчаю Богу.

Всѣ за родину. Все за родину.

Единая. Великая. Примиренная. Возрожденная.

Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

Сыны и братья.
Блаженство въ вѣрности.
Умѣй желать. Умѣй дерзать. Умѣй терпѣть.
Въ борьбѣ закаляюсь, въ лишеніяхъ крѣпну.
Грозная любовь, честная борьба.
Моя святыня, мое слово, мое дѣло.
Владѣю собою.
Съ поднятымъ забраломъ.
Быть, а не казаться.
Честь, а не почести.
Молиться, любить, творить и умереть въ свободѣ.
Силенъ свободнымъ повиновеніемъ.
Въ правотѣ моя побѣда.
Свободный въ жизни, силенъ въ смерти.
Подъеблю доброю волею.
Любовію ведомъ, жертвою очищаюсь.
Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую.
Побѣждаю, но не мщу.
Собственность и творчество; изобиліе и щедрость.
Достоинство въ служеніи.
Власть мое бремя, долгъ мое утѣшеніе.
Дорогу честности и таланту.
Нами править лучшій.
Учись имѣть Царя.
Творю и соблюдаю.
Любовью и кровью спаянные.

И. А. Ильинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. «Русскій Колоколъ». Редакторъ	3
2. О священномъ. И. А. Ильинъ	11
3. Какъ намъ быть. И. С. Шмелевъ	18
4. Наша государственная задача. И. А. Ильинъ	32
5. Мы требуемъ пониманія. Прибывшій оттуда	41
6. Безстрашные люди. Лоллій Львовъ	48
7. О политической работѣ. Старый политикъ	54
<hr/>	
Отъ редакціи	63
I. Россія передъ революціей. С. С. Ольденбургъ	64
II. Русская территорія 1914 — 1927. А. Бунге. И. Ильинъ	70
III. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. А. Бунге. И. Ильинъ	73
IV. Какъ хранить тайну. Старый политикъ	78
V. Девизы блага движенія. И. А. Ильинъ	80

Съ 27 Августа 1927 г.

начала выходить

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и борьбы,
подъ редакціей
ПЕТРА СТРУВЕ.

Изъ содержанія номеровъ 1 и 2:

Петръ Струве: Дневникъ политика. — С. С. Ольденбургъ: Политическій обзоръ. — По церковному вопросу статьи кн. Гр. Н. Трубецкого, А. В. Карташева, Мірянина, Петра Струве и бесѣда съ Н. Н. Глубоковскимъ. — В. В. Шульгинъ: Смыслъ событій. — Н. Цуриковъ: Генераль Тухачевскій. — К. Зайцевъ: Излишнія надежды и неоправданное уныніе. — Л. Львовъ: Художественныя замѣтки. — Б. Никольскій: О русскихъ меньшинствахъ. — А. Ломейеръ: Финансовая недѣля. — Э. Уоллесъ: Дверь о семи замкахъ (романъ). — Документы объ устраненіи П. Б. Струве изъ „Возрожденія“ и проч.

Цѣна отд. номера во Франціи
50 сант., въ Германіи 20 пф.

Подписная плата до конца года
во Франціи 8 фр., въ Германіи 3 м.

Адресъ Редакціи и конторы:
12, Rue Royer-Collard, Paris (5).

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньщиковъ, бар. В. Д. Дризенъ, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливень, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Нолькенъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Подъ редакціей А. А. фонъ-ЛАМПЕ

Berlin W 15, Lietzenburger Str. 43^{IV}

выходитъ въ Русскомъ Національномъ Издательствѣ „Мѣдный Всадникъ“ въ Берлинѣ, въ видѣ періодическихъ, законченныхъ отдѣльныхъ сборниковъ, при чемъ сборъ и разработку матеріала приняли на себя: генераль баронъ П. Н. Врангель, герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій и свѣтл. князь А. П. Ливень.

Вышли КНИГИ I, II и III / Намѣчена къ выходу въ декабрѣ 1927 г. — книга ЧЕТВЕРТАЯ

Размѣръ страницъ 19×25 см. Въ количествѣ 14—15 листовъ. Шрифтъ убоистый. На плотной бумагѣ. Текстъ снабженъ :: :: схемами. Цѣна каждой книги 1 долл. 75 цент. :: ::

Главный складъ „GRAD KITESCH“

Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Подписка только через редакцію:
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

Цѣна: на три мѣсяца 80 ам. цент.,
шесть мѣс. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ Берлина:
„Градъ Китежъ“ Kleiststr. 21, „Buchhandlung
des Westens“ Passauer StraÙe 3, и др., а также на
GeisbergstraÙe 20 уголъ Fürther StraÙe.

Въ Парижѣ:
въ книжномъ магазинѣ Au vieux Livre
17 rue de l'odéon. Paris 6.

Въ Бѣлградѣ:
въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“
и въ кіоскѣ Н. Д. Мотасова.

50

Адресъ Редакціи:

Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}.
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“.

Цѣна книжки въ розничной продажѣ

36 ам. центовъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 2

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Мы вѣримъ въ величіе новой, грядущей Россіи: ея занята наша мысль; ей отдана наша воля. И журналъ нашъ обращается къ тѣмъ, кто хочетъ служить ей любовью, словомъ и дѣломъ.
2. Россіи нужна прежде всего — національная интеллигенція, религіозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей можетъ открыться великая — христіанская и патріотическая идея Россіи; только она сможетъ воспитать въ народѣ ту великую силу воли, которая необходима для осуществленія этой идеи.
3. Каждый изъ насъ долженъ работать надъ собою въ этомъ направленіи: вынашивать вѣрную, глубокую и ясную идею и готовить въ себѣ сильную, гибкую и умѣлую волю. Основная задача «Русскаго Колокола» состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать этому драгоценному, творческому процессу.
4. Для этого нашъ журналъ даетъ статьи и матеріалы. Эти статьи и матеріалы нельзя «просматривать»; ихъ не стоитъ «пробѣгать глазами»; напрасно искать въ нихъ развлеченія и «легкаго чтенія». Въ нихъ нѣтъ случайнаго и безотвѣтственнаго; въ нихъ прочувствовано каждое слово; въ нихъ продумано каждое утвержденіе. Они требуютъ вниманія и, главное, разсмотрѣнія и рѣшенія каждаго отдѣльнаго вопроса по существу.
5. Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно, вдвоемъ, втроемъ или въ кружкѣ единомышленниковъ. Почти каждая статья можетъ замѣнить очередной рефератъ; и почти каждая статья требуетъ принципиальнаго рѣшенія, которое лучше всего принимать совместно.
6. Особаго вниманія требуютъ матеріалы и инструкціи, помѣщаемыя во второй части журнала. Ихъ назначеніе — вооружить мысль и волю русскаго патріота. На какомъ бы посту онъ ни оказался вполнѣдствіи въ грядущей Россіи — учителя, журналиста, офицера, агронома, кооператора, чиновника — онъ найдетъ здѣсь необходимые для него свѣдѣнія, совѣты и формулы.
7. Крайне стѣсненная объемомъ журнала и учитывая размѣры своего заданія, редакція не можетъ помѣщать ни обширныхъ фактическихъ описаній, ни корреспонденцій съ мѣстъ. Это — дѣло газетъ. Нашъ журналъ можетъ говорить только о главномъ, только по существу и сжато.
8. Редакція ждетъ отъ всѣхъ читателей - единомышленниковъ прямыхъ откликовъ, запросовъ и пожеланій, идущихъ въ томъ же направленіи. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и такъ или иначе учтенъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 2

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 7

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

«Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на поправленіе людямъ».

Еванг. отъ Мте. V. 13.

Русская интеллигенція стоитъ на великомъ, идейномъ и волево́мъ распутии. У обрыва, у бездны пресѣклась ея прежняя дорога: нельзя идти далѣе въ томъ же направленіи. Есть лишь крутой поворотъ въ сторону, на новые, спасительные пути; и есть скользкія, обрывающіяся тропинки — на дно... Надо понять и выбрать; рѣшить и идти. Но нельзя выбирать долго: сроки коротки, а время идетъ. Или вы не слышите, какъ зоветъ Россія? Или вы не видите, какъ разворачивается и назрѣваетъ міровой кризисъ? Поймите же: Россія должна быть освобождена и очищена до того, какъ міровой кризисъ назрѣетъ и разразится!..

Не раздумье опасно, а безволие; не самоуглубленіе, а нерѣшительность. Русской интеллигенціи есть надъ чѣмъ задуматься; и безъ религіознаго и духовнаго самоуглубленія ей не найти вѣрнаго исхода. Честно и мужественно она должна сказать себѣ, что революціонное крушеніе русскаго государства есть прежде всего ея собственное крушеніе: это она вела и она привела Россію къ революціи. Одни вели сознательною волею, агитаціей и пропагандой, покушеніями и экспроприаціями. Другіе вели проповѣдью непротивленчества, опрощенія, сентиментальности и равенства. Третьи — безъидейною и мертвящею реакціонностью, умѣніемъ интриговать и давить, и неумѣніемъ воспитывать, нежеланіемъ духовно вскармливать, неспособностью зажигать свободныя сердца... Одни разносили и вливали

ядь революціи; другіе готовили для него умы; третьи не умѣли (или не хотѣли) — растить и укрѣплять духовную сопротивляемость въ народѣ...

Здѣсь все должно быть мужественно додумано до конца и честно выговорено. Горе упрямымъ и трусливымъ! Позоръ самодовольнымъ лицемѢрамъ! Безпристрастная исторія заклеить ихъ, какъ слѣпцовъ и разрушителей, а восстановленіе Россіи будетъ обусловлено вымираніемъ ихъ поколѣнія...

Нынѣ русская интеллигенція или задавлена и обезсилена въ странѣ, или извергнута изъ Россіи, или погублена революціонерами. Не въ судѣ надъ нею дѣло; хотя каждый изъ насъ всегда призванъ къ суду надъ самимъ собою. Не обвинять намъ надо другъ друга; хотя прозрѣть и обновиться сможетъ лишь тотъ, кто сумѣетъ найти и свою собственную вину въ событіяхъ. Мы не ищемъ «обвиненія»; но мы не можемъ замалчивать правду, ибо правда необходима сейчасъ Россіи, какъ свѣтъ и воздухъ...

Зоркій и честный діагнозъ есть первая основа лѣченія. Но этотъ діагнозъ долженъ быть не клеймящій, а объясняющій. И тѣ, кто нынѣ особенно склонны къ клейму и злопыхательству, пусть помнятъ, во-первыхъ, что они сами пребываютъ на скамьѣ подсудимыхъ; во-вторыхъ, что умственные и духовныя теченія слагаются медленно и бываютъ устойчивы, какъ психозъ, такъ, что не подчиняться имъ и плыть противъ теченія могутъ только исключительно сильныя натуры; и въ-третьихъ, что нынѣ намъ данъ новый историческій опытъ, котораго не имѣли наши отцы. Отвергать людей надо не за ихъ прошлыя неудачи или заблужденія, а за ихъ нынѣшнее злостное нежеланіе прозрѣть...

Я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ». И передъ революціей были мудрые и сильные отцы; они имѣются у насъ и теперь, — это нашъ кладязь государственнаго опыта, залогъ и гарантія того, что мы идемъ по вѣрному пути. А молодежь и передъ революціей вопила, что она «понимаетъ все лучше отцовъ»; и вотъ—довопилась... Только ослѣпленные и одержимые не мудрѣютъ съ годами; только генію дается сразу, отъ молодыхъ ногтей, семь пядей во лбу. И всегда такъ было, и всегда такъ будетъ, что юная самоувѣренность чревата бѣдою.

Итакъ, я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ» . . . —

Да, одна изъ причинъ революціи — въ настроеніи ума и въ направленіи воли русской интеллигенціи. Вся бѣда въ томъ, что русская интеллигенція невѣрно поняла свое предназначеніе и свою задачу въ жизни Россіи, и потому не нашла своего органическаго мѣста и не дѣлала своего органическаго дѣла въ странѣ. Мы говоримъ не о служиломъ, военномъ и гражданскомъ кадрѣ, который всегда былъ богатъ сильными и вѣрными людьми, а о партійныхъ (лѣвыхъ и правыхъ) «политикахъ» и о заражавшейся отъ нихъ обывательской массѣ. Эта интеллигенція дѣлала обратное своему призванію и не только не строила здоровый духъ русской государственности, но вкладывала свои усилія и свой паѳосъ въ его разложеніе. Отсюда ея органическое безсиліе въ часъ испытанія и бѣды, ея растерянность, ея пораженіе и крушеніе.

Въ часъ испытанія и бѣды, въ часъ изнеможенія, унынія и соблазна масса простого русскаго народа пошла не за русской интеллигенціей, а за международной полунинтеллигенціей; пошла не спасать Россію, а губить ее; пошла не къ національно-государственной цѣли, а къ частному обогащенію; измѣнила русской и православной идеѣ и предалась нелѣпой и кощунственной химерѣ. Это есть историческій фактъ, котораго нельзя вытравить изъ исторіи Россіи, но который наше поколѣніе обязано осмыслить до конца; осмыслить и сдѣлать изъ него волевые выводы для будущаго . . .

Этотъ неоспоримый историческій фактъ есть самъ по себѣ приговоръ. Совсѣмъ не потому, что простой народъ будто бы «всегда и во всемъ правъ», или — что дѣло интеллигенціи только прислушиваться къ его желаніямъ и угождать ему; все это лживыя и льстивыя, растлѣнные слова, извращающія дѣло въ самомъ корнѣ; но потому, что задача интеллигенціи состоитъ именно въ томъ, чтобы вести свой народъ за національной идеей и къ государственной цѣли; и образованный слой, неспособный къ этому, всегда будетъ исторически приговоренъ и свергнутъ. Но при этомъ интеллигенція не смѣетъ слагать съ себя вину и возлагать ее на простой народъ. Ибо если народъ «темень» — то это не его «вина», это творческая, но еще не разрѣшенная задача

національної інтеллигенції; и если въ народѣ живутъ и вскипають дурныя страсти, то къ облагороженію и направленію ихъ и призванъ національный образованный слой. Воспитатель, жалующійся на своего воспитанника, долженъ начать съ самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя бы въ раздраженіи и растерянности, поносить добрую, терпѣливую и даровитую душу русскаго простаго человѣка...

Если масса простаго русскаго народа пошла не за своимъ національнымъ образованнымъ слоемъ, а за чужеродными, интернаціональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенція должна искать прежде всего въ себѣ самой. Это значить, что она не была на высотѣ и не справилась со своею задачей. Пусть лѣвыя и правыя партіи взаимно обвиняють теперь другъ друга; пусть они спорять о томъ, кто погубилъ больного — экономъ-управитель, заставлявшій его перенапрягаться въ работѣ при дурномъ питаніи. или недоучка-фельдшеръ, отравлявшій его ядами и заражавшій его бактеріями. Намъ, ищущимъ правды и вѣрныхъ рѣшеній для будущаго, надо установить, что обѣ стороны шли по ложнымъ путямъ, обѣ вели къ гибели; и что впредь необходимо дѣлать обратное въ обоихъ отношеніяхъ.

Русская интеллигенція не справилась со своею задачей и довела дѣло до революціи потому, что она была безпочвенна и лишена государственнаго смысла и воли.

Эта безпочвенность была одновременно и соціальною, и духовною: интеллигенція не имѣла здоровыхъ и глубокихъ корней въ русской народной толщѣ, но она не имѣла ихъ потому, что ей нечего было сказать русскому простонародью, такого, что могло бы зажечь его сердце, увлечь его волю, озарить и покорить его разумъ. Русская интеллигенція въ своей основной массѣ была религіозно мертва, національно-патріотически холодна и государственно безъидейна. Ея «просвѣщенный» разсудокъ, вольтеріански опустошавшійся и матеріалистически отравлявшійся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, тянулъ къ отвлеченному доктринерству и отвращался отъ религіи; онъ разучился видѣть Бога, онъ не умѣлъ находить Божественное въ мірѣ и именно потому онъ пересталъ видѣть Божественное въ своей родинѣ, въ Россіи. Россія стала для русской интеллигенціи нагро-

мождениемъ случайностей, народовъ и войнъ; она перестала быть для нея историческою національною молитвою, или живымъ домомъ Божиимъ. Отсюда это угасаніе національнаго самочувствія, эта патріотическая холодность, это извращеніе и оскудѣніе государственнаго чувства и всѣ связанныя съ этимъ послѣдствія — интернационализмъ, социализмъ, революціонность и пораженчество. Русская интеллигенція перестала вѣрить въ Россію; она перестала видѣть Россію въ Божіемъ лучѣ, Россію, мученически выстрадававшую свою духовную самобытность; она перестала слышать священные глаголы Россіи, ея священное пѣніе въ вѣкахъ. Россія перестала быть для нея религіозною проблемою, религіозно-волевымъ заданіемъ. Кого же она могла воспитывать и куда она могла вести? Утративъ вѣру и Бога, она утратила священный смыслъ своей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую родину въ ея истинномъ и великомъ значеніи; отъ этого ея государственное разумѣніе стало пустымъ, плоскимъ и безъидейнымъ. Она утратила религіозный смыслъ государственнаго строительства и тѣмъ въ корнѣ извратила свое правосознаніе. Ея душа стала духовно безпочвенною.

Но именно отсюда возникло ея безпочвенное положеніе въ предѣлахъ ея собственнаго народа.

Отъ Бога и отъ природы русскій народъ одаренъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и могучимъ политическимъ инстинктомъ. Богатства его духовныхъ нѣдръ могутъ сравниться только съ богатствами его внѣшней природы. Но эти духовныя богатства его остаются подспудными, нераскрытыми, какъ бы неподнятою и незасѣянною цѣльною. На протяженіи вѣковъ Русь творилась и строилась инстинктомъ, во всей его безсознательности, неоформленности и, главное, удобосовратимости. Страсть, незакрѣпленная силою характера, всегда способна всколыхнуться, замутиться, соблазниться и рвануться на ложные пути. И спасти ее только и можетъ, по глубокому слову Патріарха Гермогена, «неподвижное стояніе» въ правдѣ народныхъ вождей.

Русскій народъ, по заряду данныхъ ему страстей и талантовъ и по неукрѣпленности своего характера, всегда нуждался

въ сильныхъ и вѣрныхъ вождяхъ, религіозно почвенныхъ, зоркихъ и авторитетныхъ. Эту особенность свою онъ самъ всегда смутно чужалъ и потому всегда искалъ себѣ сильныхъ вождей, вѣрилъ имъ, обожалъ ихъ и гордился ими. Въ немъ всегда жила потребность найти себѣ опору, предѣлъ, форму и успокоеніе въ сильной и благой волѣ призваннаго къ власти повелителя. Онъ всегда цѣнилъ сильную и твердую власть; онъ никогда не осуждалъ ее за строгость и требовательность; онъ всегда умѣлъ прощать ей все, если здоровая глубина политическаго инстинкта подсказывала ему, что за этими грозами стоитъ сильная патріотическая воля, что за этими суровыми понужденіями скрывается большая національно-государственная идея, что эти непосильныя подати и сборы вызваны всенародною бѣдою или нуждою. Нѣтъ предѣловъ самопожертвуемости и выносливости русскаго чело-вѣка, если онъ чувствуетъ, что его ведетъ сильная и вдохновенная патріотическая воля; и обратно — онъ никогда не шелъ и никогда не пойдетъ за безволіемъ и пустословіемъ, даже до презрѣнія, до соблазна шарахнуться подъ власть волевого авантюриста.

Русская предреволюціонная интеллигенція не имѣла за душою того, что могло пробудить и повести за собою этотъ здоровый государственный инстинктъ простого народа. Лишенная въ самой себѣ духовной почвы, она не могла пріобрѣсти и общественно-политической почвы въ массахъ; оторвавшаяся отъ Бога, разучившаяся строить и поддерживать монархическое правосознаніе, примѣнившаяся къ классовымъ интересамъ и утратившая отъ этого національно-государственный смыслъ, — она не имѣла великой національной идеи, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умѣла вѣрно стоять, бодро идти и крѣпко вести; она утратила доступъ къ святилищу народной совѣсти и народнаго патріотизма; и, суетясь на «политической» поверхности, она была способна только подрывать вѣру народа въ спасительность монархіи, правопорядка и частной собственности. Передъ революціей у насъ не было интеллигенціи, способной къ волевому воспитанію народа; у насъ были только «обучавшіе учителя», снабжавшіе учениковъ «свѣдѣніями»; и наряду съ этимъ — демагоги слѣва, успѣшно мобилизовавшіе

вокругъ себя чернь для переворота, и демагоги справа, неумѣвшіе сдѣлать даже и этого.

То, что интеллигенція говорила простому народу, будило въ немъ не совѣсть, а безсовѣстность; не патріотическое единеніе, а духъ раздора; не правосознаніе, а духъ произвола; не чувство долга, а чувство жадности. И могло ли быть иначе, когда у интеллигенціи не было религіознаго воспріятія родины, не было національной идеи, не было государственнаго смысла и воли. Ключъ къ глубокому и здоровому инстинкту русскаго простого народа, ключъ къ его живому духу — былъ потерянъ; а доступъ къ его низкимъ, жаднымъ и свирѣпымъ влеченіямъ былъ открытъ и легокъ.

Такъ случилось это, что инстинктъ національнаго самосохраненія изсякъ въ русской интеллигенціи и потому она оказалась неспособною будить инстинктъ національнаго самосохраненія въ русскихъ массахъ и вести ихъ за собою. Русскій образованный слой глоталъ европейскую культуру не провѣряя ея выдумки и «открытія» — ни глубиною религіозной, христіанской совѣсти, ни глубиною національнаго инстинкта самосохраненія. Умственные химеры и противоестественныя утопіи Запада плѣняли его безпочвенную душу, не сдержанную спасительнымъ внутреннимъ упоромъ здороваго инстинкта, этого великаго учителя въ вопросахъ жизненнаго реализма и политической цѣлесообразности; а слѣпое довѣріе къ разсудку и освободившійся въ безрелигіозной душѣ запасъ фанатизма — превращали эти утопіи и химеры въ какое-то противоестественное и безбожное «евангеліе» для массы. И весь этотъ блудъ и бредъ нуждался только въ волѣ, чтобы возникла волевая одержимость большевицкой революціи.

Въ такомъ состояніи русская интеллигенція не могла вести русское дѣло, не могла строить Россію.

Потерявъ живое отношеніе къ Богу, она исказила свое пониманіе христіанства, сведя все къ животной сентиментальности, къ социализму и отрицанію національнаго начала. Этимъ она потеряла органъ для русскаго дѣла, ибо русское дѣло есть сразу дѣло религіозное, націо-

нальное и государственное; и тотъ, кто упускаетъ хотя бы одну изъ этихъ сторонъ, тотъ упускаетъ все сразу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя разсудку, материализму и западнымъ теоріямъ, она извратила свое пониманіе человѣческой природы и народной жизни. Она какъ бы ослѣпла и оглохла для того, что говорить голосъ инстинкта, голосъ органической цѣлесообразности, голосъ духа, голосъ личности, голосъ національности. Все распалось для нея на механическія составныя части и на механическіе законы. Тайна живого, органическаго единенія и творчества ушла отъ нея, стала ей недоступна: народъ распался для нея на своекорыстные «атомы» и «классы», на «угнетателей» и «угнетенныхъ»; и смыслъ великой, національной, органической и духовной совокупности, строившей себя въ вѣкахъ и именуемой Россіей — сталъ для нея мертвымъ звукомъ...

Такъ случилось это, что русская интеллигенція инстинктомъ и разумѣніемъ своимъ отдѣлилась отъ русскаго простого народа и сознательно противопоставила себя ему. Она перестала чувствовать его — своимъ народомъ, а себя — его интеллигенціей. Она перестала ощущать свое единое съ нимъ національное мы; она разучилась видѣть въ себѣ національно-волевой органъ единого русскаго народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измѣрила и оцѣнила плоскимъ мѣриломъ социалистической морали и, измѣривъ, осудила; она увѣровала въ физическій трудъ и потеряла вѣру въ святыню духовнаго творчества; и, почувствовавъ свою мнимую «вину» передъ простымъ народомъ, пошла «вѣщать» ему трупную «мудрость» безбожія и социализма. Она понесла ему начала духовнаго тлѣнія и разложенія, религію раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этотъ бредъ и блудъ ждалъ только сильной воли для того, чтобы большевицкая революція завладѣла страной...

Сущность русской революціи состоитъ въ томъ, что русская интеллигенція выдала свой народъ на духовное растлѣніе, а народъ выдалъ свою интеллигенцію на поруганіе и растерзаніе. И конецъ революціи придетъ тогда, когда русская интеллигенція и русскій народъ возродятъ въ себѣ вѣрную глуп-

бину религиозно-національнаго инстинкта и воссоединятся: когда интеллигенція докажетъ, что она не только не измѣнила волею національной идеѣ, но что она умѣетъ умирать за нее и за національную власть; а народъ убѣдится въ томъ, что интеллигенція необходима ему именно какъ носительница національной идеи, какъ строительница здоровой и великой національной государственности.

Видимъ и вѣримъ, что часъ этотъ близится. Вѣримъ и знаемъ, что кончены духовныя блужданія русской интеллигенціи; что ей предстоятъ впереди волевыя свершенія и духовныя достиженія: ибо великій народъ великъ прежде всего въ своихъ вождяхъ и творцахъ. Въ беззавѣтной любви къ національной Россіи найдутъ другъ друга русскіе люди; по этой любви они узнаютъ другъ друга и восстанавливаютъ свое довѣріе и единство...

Редакторъ.

ЛИЦОМЪ КЪ РОССИИ !

Тяжелые, долгіе годы, прожитые въ томительномъ ожиданіи — не прошли безъ внутренней пользы для русской эмиграціи и постоянныя разочарованія, послѣ неоднократныхъ надеждъ на избавленіе Россіи отъ большевизма при помощи иностраннаго оружія, открыли ей глаза на самую сущность и на глубокое значеніе происходящаго въ Россіи процесса. Эмиграція все болѣе и болѣе отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что лишь великая духовная сила, духовное возрожденіе самого Русскаго народа въ состояніи обезпечить исцѣленіе Россіи и возстановить ея національную мощь...

Зарубежная Россія ежегодно празднуетъ день русской культуры; это ея свѣтлый праздникъ на чужбинѣ. Она хорошо знаетъ, что въ этой области ей необходимо духовное единеніе, необходима связь съ Россіей прошлаго и Россіей будущаго, съ вѣчною Россіей. И во всѣхъ странахъ своего временнаго пребыванія русская эмиграція связала этотъ день духовнаго сосредоточенія, день, когда обновляется клятва вѣрности Россіи, — съ именемъ великаго русскаго поэта; ибо въ твореніяхъ Пушкина она находитъ ту спасительную силу, которую она всей душою ищетъ: гордый, созидательный, вѣрующій патріотизмъ. Подъ сѣнь его утѣшительной и бодрящей силы приходитъ вся Зарубежная Русь — безъ различія ея политическихъ программъ и раздѣленій. Здѣсь выше поднимаются сердца, ярче горитъ надежда. Злоба дня отходитъ отъ насъ и мы восходимъ на должную высоту.

На тотъ же самый путь вѣры въ созидательную силу генія русскаго народа, намъ слѣдуетъ вступить и въ области политической. Русская эмиграція должна спокойно и увѣренно повернуться лицомъ къ Россіи и «платформа» ея должна стать выше всякихъ партійныхъ комбинацій. Наше политическое умонастроеніе должно всецѣло исходить изъ вѣры въ геній Русскаго народа (Пуш-

кинскій патріотизмъ); изъ непоколебимой вѣры въ то, что подъ ударами судьбы и въ итогѣ испытаній въ сердцѣ и въ умѣ великаго народа происходитъ эволюція чувства и пониманія, ведущая къ національному подъему, къ сверженію большевицкаго ига усиленіемъ самого народа и къ рожденію Націи въ полномъ смыслѣ этого слова. Вѣрна лишь одна ставка: на свой собственный народъ, на Россію!

Мы уже въ состояніи прослѣдить какъ борется и побѣждаетъ Геній русскаго народа, пока въ оборонительной борьбѣ. Наступленіе большевиковъ на религію отбито; хотя борьба съ вершиною церковной организаціи еще продолжается. Но вѣра уже углубилась, стала болѣе правдивой, непосредственной, прямой. Походъ противъ семьи также окончился пораженіемъ. И здѣсь восторжествовала охранительная сила... Въ области народнаго хозяйства крестьянинъ послѣ многихъ весьма ощутительныхъ предметныхъ уроковъ понялъ, что простое владѣніе землей само по себѣ не предрѣшаетъ вопроса его благополучія: что для этого необходимо наличіе извѣстныхъ общихъ благопріятныхъ условій. На живомъ опытѣ онъ постигъ смыслъ права собственности, необходимость твердыхъ законовъ и сильной національной власти, которая была бы въ состояніи всесторонне обезпечить ему тотъ основной порядокъ вещей, значеніе и необходимость котораго онъ уразумѣлъ на пути переживаній послѣднихъ лѣтъ. Но вопросы религіи, семьи и собственности суть лишь разныя стороны единаго жизненнаго опыта, который дѣйствуетъ на всѣ извилины народной души и постепенно объединяетъ всѣ народныя элементы Россіи въ общей ненависти къ нынѣшнимъ ея поработителямъ.

Даже рабочій классъ, бывшая «гвардія октябрьской революціи», начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ безвыходности нынѣшняго положенія вещей, въ духовной скудости революціонныхъ вождей и въ невозможности для совѣтскаго правительства обезпечить рабочимъ достаточный заработокъ или хотя бы простую возможность работы. Въ арміи съ каждымъ приходомъ новобранцевъ усиливается идейная связь съ деревней, все сгущается и все ярче отражается непріязнь къ совѣтской власти. Съ другой стороны память героическихъ усилій, проявленныхъ при защитѣ родной земли отъ иностраннаго на-

шества, это чувство патриотической гордости, которым большевицкая власть такъ долго и успѣшно пользовалась для того, чтобы самой укрѣпиться въ сѣдлѣ, — теперь уже наполняетъ армію драгоцѣннымъ сознаніемъ отвѣтственности за судьбу Россіи. Это уже идея служенія Родинѣ, національная идея; и тотъ фактъ, что армія пока еще служитъ подъ красными знаменами, не мѣняетъ существа дѣла. Въ ней съ каждымъ днемъ усиливается жажда увидѣть во главѣ Россіи болѣе достойное правительство, — въ ней растетъ требованіе качества. Каждое поражение совѣтской власти въ области иностранной политики — ощущается въ арміи особенно болѣзненно, какъ національное оскорбленіе, отвѣтственность за которое естественно и всецѣло возлагается на совѣтское правительство. Съ каждымъ новымъ ударомъ по этому чувствительному мѣсту крѣпнуть въ арміи элементы рѣшимости, дѣйственности и качества, и мы съ увѣренностью можемъ предвидѣть, что въ рѣшительный моментъ вооруженная сила страны будетъ стоять на сторонѣ народа противъ его угнетателей, и притомъ не только изъ чувства презрѣнія и ненависти къ врагу религіи, семьи и собственности, но и благодаря окрѣпшему въ ней здоровому національному самочувствію.

Захватчикамъ въ Кремлѣ все это въ общемъ хорошо извѣстно, но они также сознаютъ свое безсиліе измѣнить это настроеніе въ массѣ, а затѣмъ и ходъ событій — въ свою пользу. Они пришли къ концу комбинаціонныхъ возможностей. Ихъ внутренняя творческая слабость передъ всѣми вскрыта, также какъ и безнадежность ихъ принципіальныхъ и личныхъ споровъ между собою. Страхъ передъ грядущей расплатой и неразборчивость въ средствахъ борьбы спаиваетъ ихъ еще, но агонія ихъ владычества близится; и всѣмъ въ странѣ это ясно. Масса народа знаетъ, что будущее принадлежитъ ей, — будущее обезпеченности и прогрессирующаго благополучія. Въ совѣтской власти она видитъ единственное препятствіе на пути къ настоящей «обѣтованной» землѣ, ко всѣмъ тѣмъ великимъ, манящимъ возможностямъ, которыя открылись передъ ея глазами и къ которымъ она теперь тянется всѣми своими фибрами. Страшное землетрясеніе прошедшее по Россіи расшевелило ее до самой глубины, пробудило и раскачало русскій народъ. Жизнь, несмотря на лише-

нія и тяжелыя испытанія, стала для него захватывающе интересною; и нѣтъ тѣхъ фокусовъ и обѣщаній, нѣтъ той силы, которая могла бы теперь еще затемнить его сознаніе или парализовать его неорганизованный, правда, и медленный напоръ. Онъ чувствуетъ и видитъ, какъ его силы растутъ и какъ нажимъ врага слабѣетъ. Онъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Въ этой великой борьбѣ Россія можетъ рассчитывать только на свои собственные духовныя и физическія возможности. Европа нынѣ не располагаетъ тѣми духовными силами, которыя безусловно необходимы для волевого и активнаго вмѣшательства иностраннаго міра въ процессъ внутреннихъ переживаній и событій въ Россіи. Поддавшись соблазну наживы, привѣтствуя въ близорукомъ расчетѣ политическое ослабленіе Россіи, — большинство европейскихъ странъ и правительствъ капитулировало передъ большевизмомъ. Правительства и народы, вступивъ по собственному выбору на путь «признанія большевиковъ» и совѣтской власти, тѣмъ самымъ отказались отъ основныхъ принциповъ, на которыхъ покоится и выросла вся истинная культура, все человѣческое достоинство. Отсюда происходитъ общій недугъ нашего времени, наблюдаемый въ большинствѣ европейскихъ странъ, а именно — состояніе разслабленности и растерянности, духовное оскудѣніе и несостоятельность. Такое патологическое явленіе въ области народной нравственности, парализуетъ и даже исключаетъ всякую послѣдовательную, сознательную государственную дѣятельность. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительства, убѣдившись на горькомъ опытѣ въ томъ, что признаніе совѣтской власти приносить имъ лишь ущербъ и потери всякаго рода вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, порываютъ формальныя узы признанія, — такой шагъ самъ по себѣ еще не можетъ помочь. Путаница въ основныхъ понятіяхъ уже слишкомъ далеко распространилась. Позднее стремленіе къ исправленію допущеннаго промаха, конечно, не въ состояніи пополнить нравственное оскудѣніе — безъ глубокаго раскаянія, безъ новаго духовно-обновляющаго теченія.

Въ противоположность такому состоянію разслабленія, въ Россіи, благодаря тягчайшимъ испытаніямъ, медленно, но не-

уклонно начало слагаться и будетъ крѣпнуть обратное явленіе: состояніе повышеннаго самочувствія у перестрадавшаго и одолѣвшаго народа, процессъ духовнаго обогащенія и чувство духовной состоятельности. Въ немъ вѣрный залогъ будущей духовной послѣдовательности, созидательной силы и предстоящаго государственнаго возрожденія Россіи усиліями самого русскаго народа. Въ послѣднемъ итогѣ — это предметный урокъ космическихъ размѣровъ, который учитъ первенству духовнаго начала и обѣщаетъ ему побѣду надъ матеріализмомъ. Въ этомъ смыслѣ великій русскій вопросъ лежитъ въ корнѣ всѣхъ главнѣйшихъ міровыхъ сплетеній переживаемаго времени... —

Русская эмиграція должна понять всю глубину, все значеніе и всѣ необходимыя послѣдствія этого противопоставленія и найти въ себѣ абсолютную вѣру въ творческій геній русскаго народа и въ предстоящее воскресеніе Россіи. Только на этомъ пути она соединится духовно и даже органически съ внутренней Россіей въ одно неразрывное цѣлое, несмотря на временныя условія географической отдаленности. Только такъ зарубежная Россія безошибочно сольется душою съ настроеніями борющагося Русскаго народа, сможетъ дѣйствительно участвовать въ его переживаніяхъ и раздѣлять его стремленія. Тогда возникнетъ увѣренность въ благопріятномъ и единственно достойномъ разрѣшеніи важнѣйшаго вопроса: чтобы въ часъ освобожденія — Россія внутренняя и Россія зарубежная понимали другъ друга, говорили на одномъ языкѣ, были духовно объединены. Историческая задача зарубежной Россіи — быть готовой къ этому моменту; иначе она окажется, несмотря на всѣ свои цѣнныя качества, частью, отпавшей отъ своего живого организма. И именно элементъ качественности, которымъ такъ богата эмиграція, долженъ облегчить ей пониманіе внутренней русской динамики и предостеречь ее отъ всякаго малодушія и колебанія, за которое ей въ будущемъ можетъ стать стыдно передъ лицомъ русской исторіи.

На этомъ основномъ идейномъ лозунгѣ, — разъ живая вѣра стала главной движущей силой, — должна открыто объединиться вся національно и патріотически чувствующая зару-

бежная Россія, несмотря на политическое разномысліе въ ея средѣ. Только такъ она пріобрѣтетъ дѣйствительное значеніе и цѣнность въ своей совокупности — и по отношенію къ внутренней Россіи, и въ глазахъ иностраннаго міра.

Программы политическія, болѣе узкія, партійныя, — непригодны при данныхъ условіяхъ, ибо онѣ всѣ въ той или другой мѣрѣ предрѣшаютъ извнѣ такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ пожеланій самой освободившейся и воссоединившейся Россіи, сбросившей большевицкое иго собственными духовными и физическими усиліями. Россія со дня своего воскресенія будетъ сознавать за собой неоспоримое право и неотъемлемую возможность установленія у себя такихъ условій, которыя для нея явятся вѣрнѣйшимъ залогомъ наиболѣе надежнаго огражденія ея духовныхъ цѣнностей, которыя она познала и пріобрѣла путемъ долгихъ страданій и испытаній подъ большевицкимъ засиліемъ.

Всѣ имѣющіяся между зарубежной и внутренней Россіей связи должно всемѣрно развивать и использовать къ тому, чтобы внутри Россіи знали, что патріотическая эмиграція живетъ со своими страдающими въ Россіи братьями единой мыслью, единымъ порывомъ и главное — единой, абсолютной вѣрой въ грядущее воскресеніе и величіе Родины; — чтобы въ Россіи знали, что несмотря на все наше нетерпѣніе и всю горечь пережитого, мы на чужбинѣ поняли, что основная динамическая сила, необходимая для освобожденія Россіи отъ большевицкаго ига, набирается въ самой Россіи русскимъ народомъ для непреходящей его славы, и что мы, всемѣрно усиливаясь помочь ему въ его борьбѣ, сами не переоцѣниваемъ ни нашей роли, ни нашихъ заслугъ.

Мы увѣрены въ томъ, что именно такова въ общемъ и цѣломъ основа грядущаго всероссійскаго единенія и воссоединенія; что пострадавшій до него, русскій народъ впредь будетъ вдумчиво и бережно обращаться съ національными цѣнностями своего духовнаго и матеріальнаго достоянія; и что на органическомъ фундаментѣ своего великаго прошлаго онъ будетъ строить свое великое будущее совмѣстною дружною работою всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, гдѣ бы они теперь ни находились.

Г. Г. Бахъ.

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА.

Постойте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ...
Пушкинъ.

Мечты людей, какъ сны больного, дики.
Тютчевъ.

Современное искусство переживаетъ глубокий и длительный кризисъ. Разложились его подпочвенныя основы; замутились его источники; оскудѣлъ его духъ. Оно перестало быть источникомъ жизненнаго воздуха и свѣта. Оно не можетъ уже ни строить душу, ни вести ее. Оно уже не призвано къ духовной власти; и если оно проявляетъ еще какую-нибудь силу, то это есть сила паденія и распадѣнія, сила бродящаго гнѣенія и обсыпанія, сила темной магіи и гибели. Поколѣнію, ищущему духовнаго подъема, расцвѣта и созиданія — это искусство не можетъ ничего сказать, ибо это искусство движется внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, въ бездну. Творческое поколѣніе отвергнетъ его, и найдетъ себѣ, и создастъ себѣ иное искусство, магическое по благодати, строящее духъ и ведущее душу. —

Есть въ человѣкѣ безмолвная, темная глубина — таинственное жилище его инстинкта и его страстей. Тамъ нѣтъ словъ и мыслей; и произвольнаго дневнаго сознанія тамъ не властенъ. Именно тамъ укрываются первоначальныя, стихійныя силы человѣка, жаждущія простора, но непризванныя къ власти; и именно тамъ зарождаются и отстаиваются основныя содержанія человѣческой жизни въ видѣ безформенныхъ глыбъ и неопредѣлимыхъ, безгранныхъ помысловъ. Безпомощно терпя, томясь и страдая, носить человѣкъ въ своемъ безсознательномъ эти силы и вынашиваетъ эти содер-

жанія, смутно ощущая въ себѣ ихъ присутствіе, но не зная, какъ къ нимъ подступиться и что съ ними начать, не умѣя ихъ очистить, оформить, взростить и одухотворить... — и именно поэтому слишкомъ часто самъ становясь ихъ слѣпымъ орудіемъ и жертвою. Безвластный и неумѣлый передъ ними, человѣкъ самъ подпадаетъ ихъ власти и вовлекается ими въ ихъ самовольные вихри и бури. И только искусство можетъ помочь ему въ этой бѣдѣ, ибо оно создаетъ творческій исходъ для этихъ содержаній, рождая ихъ изъ глубины, прожигая ихъ зрѣлымъ духомъ и облакая ихъ въ вѣрную форму; и только религія можетъ окончательно вывести человѣка изъ этой беспомощности и этого рабства, вручая ему черезъ молитву подлинную и благодатную власть надъ этими силами.

Въ послѣднемъ и глубокомъ измѣреніи искусство и религія дѣлаютъ единое и главное дѣло: дѣло одухотворенія безсознательнаго, дѣло его обращенія къ Божественному, дѣло его преображенія. Но религія не останавливается подобно искусству на извлеченіи и одухотвореніи отдѣльных, бременящихъ душу содержаній; и воплощеніе ихъ въ звукъ, въ словъ, въ жестъ и въ матеріи не составляетъ ея высшей задачи; нѣтъ, религія ищетъ завладѣть самыми истоками безсознательной жизни, ея первоначальнѣйшими силами и имъ придать благодатную одухотворенность; она прямо и непосредственно вызываетъ къ духовному естеству человѣческаго инстинкта и стремится увести его на новые пути жизни. И если религіи это не удастся, если инстинктъ и его страстные порывы перестаютъ отзываться на религіозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), если безсознательное упорно утверждаетъ себя въ безбожіи и противодуховности, — тогда наступаетъ религіозный кризисъ въ исторіи человѣчества; тогда жизнь людей постепенно, но неизбежно вырождается вся, сверху до низу, и въ этомъ процессѣ всегда, рано или поздно, обнаруживается безсиліе одинокаго безрелигіознаго искусства: вслѣдъ за религіозностью и оно вступаетъ въ періодъ кризиса и разложенія. Ибо изъ религіозно мертвенныхъ и безбожныхъ нѣдръ безсознательнаго — никогда еще не возникало и никогда не возникнетъ истинное, художественное искусство.

Именно въ такой періодъ вступило европейское искусство во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка и атмосфера этого кризиса и разложенія захватила и русское искусство (преимущественно поэзію и музыку) четверть вѣка тому назадъ.

Можетъ ли и могло ли быть иначе, если давно уже скудѣетъ, мутится и разлагается безсознательная духовность въ современномъ человѣкѣ?.. — Напрасно думать, что духовность есть нѣчто сознательное; нѣтъ, глубочайшіе и драгоцѣннѣйшіе истоки духовности лежатъ глубоко въ безсознательномъ; и горе человѣку, въ которомъ воспитатель не сумѣлъ оживить эти источники, очистить ихъ и укрѣпить! Живая духовность есть чувство священнаго и любовь къ Божественному. И если это чувство и эта любовь мертвенно молчатъ въ ирраціональной глубинѣ души, то человѣкъ никогда не испытаетъ ни вѣры, ни молитвы, ни очевидности, ни убѣжденія, ни совѣсти, ни чести, ни патріотизма, ни духъ захватывающей радости отъ воспріятія художественной красоты... Онъ останется за пределами художественнаго, мимоидущимъ слѣпцомъ; онъ не восприметъ его и не создастъ его самъ. А то, что онъ создастъ, будетъ жалкой и растлѣнной пародіей на искусство...

Искусство рождается въ глубинѣ безсознательнаго, тамъ, гдѣ самъ человѣкъ теряетъ грани своей личности, уходя въ темень первозданнаго инстинкта, въ таинственное жилище своихъ страстей. И если это жилище не прожжено молніей духа; и если потокъ инстинкта течетъ однѣми черными, духовно не сверкающими водами, — тогда рождается не художественное, а больное искусство. Ибо страсти безъ духа не зрѣтельны, а разрушительны; и содержанія ихъ, по самому ихъ естеству, враждебны всѣмъ началамъ художественности.

Бездуховная страсть болѣетъ своею собственной несытостью; она своекорыстна, необуздана, чувственна и извращенна. Она ищетъ наслажденія и бѣжитъ отъ напряженія, труда и муки творчества. Она не желаетъ восходить къ зрѣлой художественности по линіи наибольшаго сопротивленія, но самодовольно и шумливо течетъ внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. И въ этомъ разнузданномъ и разнуздывающемъ потокѣ своемъ она смызаетъ и уноситъ изъ самаго сознанія — волю къ художествен-

ности, дисциплинирующую энергію, героическую силу отбора и самокритики.

И вотъ, ея безграничныя содержанія перестаютъ стремиться къ зрѣлой формѣ и начинаютъ чуждаться ея; ея страстные, безформенные помыслы уже не желаютъ знать ни мѣры, ни зиждущаго ритма, ни цѣльности; законъ имъ отвратителенъ; къ органичности ихъ не влечетъ; къ строительству они неспособны; завершенность имъ недоступна. Дѣти хаоса, они тянутъ къ вѣчному броженію и хаотическому распыленію, — въ бездну...

То «искусство», которое слагается на этомъ пути и выбрасывается изъ нѣдръ бездуховной души, — есть ничтожное, пошлое, мнимо е искусство: это — пестрые и безвкусные, праздные обрывки несостоявшагося творенія; это больные выкрики, несущіеся изъ разлагающагося безсознательнаго; это нечистые слѣды нечистаго опьяненія, — явные знаки духовнаго безволія, немощи и распущенности... И сквозь всю эту, обычно напыщенную и самодовольную, претенціозную смуту — лишь тамъ и сямъ всплываютъ безобразные обломки безобразныхъ замысловъ: какія-то безначальныя чудовища, безстыдные уроды, неестественные выверты и противоестественныя химеры, еще неродившіеся или полураздавленные слизняки...

Искусство это или скверный бредъ? Художественное творчество или растлѣніе духа? Культура или гніеніе?

Не душевная ли болѣзнь?!

Вслушивались ли вы въ то, о чемъ вопить и вскрикиваетъ музыка Рихарда Штрауса, Скрябина и заразившихся отъ нихъ «новаторовъ», куда она васъ тянетъ и чѣмъ она васъ заражаетъ? Слѣдили ли вы за тѣмъ, въ какую духовную смуту, въ какое религіозное растлѣніе вели насъ русскіе предреволюціонные поэты, начиная отъ Блока, Бѣлаго, Вяч. Иванова и кончая постыдными именами современной совѣтчины? Вдумывались ли вы въ то мучительное разложеніе живописнаго образа, которое началось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ во Франціи, которое достигло своего апогея въ бредѣ Пикассо и медленно отравляло молодое поколѣніе русскихъ живописцевъ? Всмотривались ли вы въ современные танцы, гдѣ чело-вѣкъ выплясываетъ въ ритмахъ негритянской оргіи безвольную растлѣнность своего безсознательнаго? Что это все — искусство или гніеніе? Что дѣлается въ безсознательномъ у лю-

дей, которые э т о м у предаются и э т и м ъ наслаждаются? Какія судорожныя и отвратительныя, кощунственныя и сатанинскія гримасы вызываютъ они э т и м ъ въ себѣ? Не духовный ли это недугъ и не душевная ли болѣзнь?

И то, и другое...

Можетъ быть, люди, творящіе «современное» искусство, характерное для нашей эпохи, специфически дразнящее и плѣняющее «современнаго» человѣка съ его религіозной мертвостью, съ его духовнымъ худосочиємъ, съ его нервною развѣченностью и чувственной возбужденностью, — можетъ быть, люди, творящіе это искусство («модернизмъ»), сами по себѣ, въ обыденной жизни и не помѣшаны; и можетъ быть ихъ, какъ обывателей, и нѣтъ основаній лѣчить въ домѣ умалишенныхъ. Но, какъ «творцы» «искусства», — они усвоили себѣ установку и укладъ духовно недугующихъ и душевно больныхъ людей; и «искусство», создаваемое ими, есть именно душевно больное искусство; и именно потому оно безпомощно бредитъ на языкѣ больныхъ страстей и безцензурно извергаетъ сырой матеріаль безсознательнаго, самочинно поднявшійся кверху. Это есть искусство . п о м ѣ ш а н н о е , х у д о ж е с т в е н н о с у м а с ш е д ш е е , но выдающее себя за нормальное и терпимое проявленіе культуры; болѣе того — за высшее и «пророческое» достиженіе. Но сумасшествіе заразительно: больной или вывихнутый душевный механизмъ передается отъ человѣка къ человѣку на путяхъ незамѣтнаго воспроизведенія и произвольнаго подражанія (напр., «нервныя» подергиванія, пляска св. Витта, или всенародное плясовое бѣшенство въ средніе вѣка); и если сумасшедшій обезвреживается именно діагнозомъ и изоляціей, — «это болѣзнь, это опасно, этого не надо воспроизводить!» — то наивно-довѣрчивое восприниманіе сумасшедшаго искусства, какъ «замѣчательнаго» и «высшаго» «художественнаго» «достиженія», дѣлало и дѣлаетъ его истиннымъ орудіемъ духовнаго разложенія. Это искусство д у х о в н о р а с т л ѣ н н о е и п о т о м у р а с т л ѣ в а ю щ е е . . .

Вывѣтрилась религіозность и оскудѣла духовность въ безсознательной глубинѣ современнаго человѣка. И потому въ творчествѣ его обезсилѣлось и исчезло в д о х н о в е н і е . Но люди продолжаютъ нуждаться въ искусствѣ и «дѣлать» его. А вдохновенія нѣтъ; и вотъ мѣсто его занимаетъ или нечистымъ опьяненіемъ, создающимъ помѣшанное «искусство»,

или разсудочною выдумкою, создающею мертвое, трупное «искусство». Вотъ почему, когда «современное» «искусство» насыщено, то оно насыщено больною нечистью, тою самою нечистью, которая въ политикѣ создала большевизмъ; а когда оно пусто — то эта пустота проникнута запахомъ тлѣнія и гнили, явнымъ свидѣтельствомъ того творческаго безсилія, надъ которымъ такъ легко торжествуетъ міровая смута. Это уже не языкъ озаренія и боговъ, но или языкъ нестыдящейся животности, или языкъ произвольно изобрѣтающаго и безвдохновенно выдумывающаго разсудка; или вопли и судороги больныхъ страстей, или пустой трескъ изощренной и сознательно, нарочно бьющей на эффектъ выдумки.

«Современное» «искусство» перестало быть служеніемъ и притомъ священно-служеніемъ; оно стало забавою, созданною для возбужденія и раздраженія, — не то развратною потѣхою, не то безпринципнымъ промысломъ. Оно творится и расцвѣтаетъ въ атмосферѣ художественной безсовѣстности и духовной безотвѣтственности: здѣсь все позволено, что тѣшитъ несытую страстность или извращенный капризъ автора; здѣсь все допускается, что можетъ ослѣпить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...

Въ этой атмосферѣ безпредметнаго «дерзанія» и безпринципной вседозволенности (подлинная стихія міровой смуты!) — слабѣетъ и угасаетъ великое начало художественнаго Вкуса. Не того «вкуса», который присущъ каждому обывателю, когда онъ для себя безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что ему сегодня, сейчасъ и здѣсь нравится, и что ему вдругъ почему-то разонравилось... Но того Вкуса, который равносильнъ въ искусствѣ голосу совѣсти; который отвѣтственно ищетъ совершеннаго, и именно потому властно отмечаетъ случайное и несовершенное, какъ бы «пріятно», льстиво и эффектно оно ни было; того Вкуса, который ищетъ во что бы то ни стало точнаго и прекраснаго воплощенія для духовно значительной темы; который есть самъ по себѣ явленіе живой религіозности въ человѣкѣ; который, какъ властелинъ, стоитъ на стражѣ поднимающихся снизу воспареній, отдаваясь однимъ и отсылая другія назадъ въ темную глубину...

Этот Вкусъ есть самъ по себѣ и трибуналъ безсознательной духовности, и религіозное вдохновеніе, и напряженно-требовательная воля, и творчески выбирающая цензура, и по-нуждающая сила, и художественная прозорливость, и чувство прекраснаго. И если онъ есть воля, — то воля къ духовной значительности создаваемаго творенія, къ его органическому единству, къ его естественности, и художественной законченности. И если трибуналъ — то это тотъ самый трибуналъ, передъ лицомъ котораго чувствовалъ себя двадцатичетырехлѣтній Пушкинъ, когда онъ, негодуяще отвергая грубую поправку цензора, восклицалъ: такъ «я не вѣстенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать!..» —

Гдѣ эта совѣсть у современныхъ «искусителей» и «искусниковъ»? Гдѣ эта вѣрность художественному долгу, это острое чувство своей художественной власти и ея предѣловъ, это сознаніе того, что эстетически-несовершенное — преступно передъ голосомъ нѣкоего судіи?! Такъ, художественный геній — есть сразу подсудимый и судія, «всѣхъ строже» умѣющій цѣнить свой трудъ... И его творчество есть служеніе; а его служеніе есть «священная жертва» зовущему Богу... И именно поэтому его искусство не знаетъ ни личной похоти, ни холодно кощунственной выдумки... Гдѣ это все въ «искусствѣ» модернизма?..

Кризисъ «современнаго» «искусства» состоитъ въ томъ, что оно утратило доступъ къ главнымъ, священнымъ содержаніямъ жизни и погасило въ себѣ художественную совѣсть. О главномъ, о священномъ, о мудромъ — современному искусству нечего сказать; ибо тѣ, кто его «творятъ», — не испытываютъ, не воспринимаютъ, не видятъ этого Главнаго. Но именно поэтому «современное» «искусство» — или просто удовлетворяется ничтожнымъ и пошлымъ (модернистическая живопись, французскіе романы, поэзія Сѣверянина, беллетристика Бѣлаго, новая архитектура южно-германскихъ городовъ, подавляющее большинство кинематографическихъ пьесъ, музыка Стравинскаго и Прокофьева), или же пытается выдать свои созданія за какія-то высшія «пророческія» прозрѣнія и достиженія, по хлыстовски смѣшивая блудъ и религію (поэзія Блока и Иванова,

«экстазы» и «мистерій» Скрябина и другое). Читая это, слушая это, видя это — нельзя не испытывать чувства стыда и тоски: мучительно стыдно, что они не стыдятся «творить» такъ и такое, что они сознательно и открыто не постѣснились погасить въ искусствѣ тотъ священный трибуналъ Духа и Вкуса, который въ душѣ помѣшаннаго угасаетъ невольно, катастрофически, вслѣдствіе напора безвыходно кипящихъ страстей...

Поистинѣ большевицкая революція осуществила въ имущественныхъ, государственныхъ и общекультурныхъ отношеніяхъ, именно то самое упоеніе вседозволенностью, именно тотъ самый бредъ страстей и похоти, именно ту самую идеализацію грѣха, именно то самое разнузданіе инстинкта, которое въ искусствѣ осуществляло у насъ это предреволюціонное поколѣніе «модернистовъ». И большевицкое искусство, начиная отъ Мейерхольда и кончая Шершеневичемъ и Маяковскимъ — только довершило по своему все это разложеніе и проявило этотъ кризисъ съ вызывающимъ безстыдствомъ сущаго помѣшательства.

Быть можетъ весь этотъ разливъ предреволюціоннаго модернизма, дѣйствительно «пророчески» предвосхищавшаго грядущее всеобщее революціонное разложеніе страны, не достигъ бы такого размѣра и глубины, если бы у насъ стояла на высотѣ художественная критика. Но художественная критика или отсутствовала, или страдала тою же духовною слѣпотою и тѣмъ же извращеніемъ вкуса: не было мужественныхъ прозорливцевъ, не было сильныхъ и глубокихъ судей, которые вскрыли бы этотъ недугъ, разоблачили бы его опасную и гибельную сущность, пригвоздили бы всю нецензурность и соблазнительность этого мнимаго, этого помѣшаннаго «искусства». И понятно, что слѣпота или потаканіе профессиональной критики оставляла въ безпомощности или повергала въ прямой соблазнъ читающаго и слушающаго обывателя. Въ искусствѣ царилъ своего рода психозъ безвкусія, извращенія и претенціозности; и этотъ психозъ, предвыявляя ближайшія судьбы Россіи, распространялся безпрепятственно, постепенно приучая людей не поддерживать своего духовнаго хребта и не дорожить имъ, предаваться всѣмъ соблазнамъ, принимать въ серъезъ всѣ свои

капризы и выверты, и, осыпаясь въ бездну по линіи наименьшаго сопротивленія, наслаждаться этой «художественной» психастеніей, т. е. душевнымъ разслабленіемъ...

Всякое произведеніе искусства — указываетъ людямъ извѣстный путь; оно ведетъ и учитъ. Такъ обстоитъ всегда, независимо отъ того, хотѣлъ самъ художникъ кого-то «вести» и чему-то «учить», или не хотѣлъ; и это «ученіе» и «водительство» обычно осуществляется тѣмъ вѣрнѣе и проникаетъ тѣмъ глубже, чѣмъ меньше оно входило въ намѣренія художника, чѣмъ меньше нарочитости и тенденціозности, чѣмъ больше самозабвенности и непосредственности отразилось въ самомъ произведеніи. Изобразилъ ли авторъ прозрачность и покой, или тревогу и смятеніе; пропѣлъ ли онъ о цѣломудріи и любви, или объ утратѣ и скорби — онъ вдвинулъ этимъ въ душу зрителя и слушателя, въ его воображеніе, въ его чувство, въ его внутренній опытъ вмѣстѣ со словами, образами и звуками — и самый предметъ свой (покой, или смятеніе, или цѣломудріе, или скорбь). Онъ какъ бы влилъ ихъ въ его душу, приобщилъ ее къ нимъ, заставилъ ее зажить ими; онъ какъ бы научилъ душу стать прозрачной или смятенной, онъ какъ бы повелъ ее къ утратѣ и скорби. Чѣмъ художественнѣе произведеніе, тѣмъ больше его покоряющая и заражающая, его ведущая и учительная власть. И понятно, что духовно значительное искусство воспитываетъ человѣка и строить его духъ, а духовно ничтожное и растлѣнное искусство — развращаетъ человѣка и разлагаетъ его духъ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ угодливѣе и льстивѣе, чѣмъ эффектиѣе и «опьянительнѣе» его проявленія...

По сказанію древнихъ грековъ, музыка Орфея была такъ прекрасна и гармонична, она обладала такою логическою и зиждущею силою, что отъ звуковъ ея сами собою сложились стѣны его города. Истинное искусство всегда подобно музыкѣ Орфея: ибо ему присуща магическая и благодатная сила, строящая духъ, а не разлагающая его. Художественное искусство, заслуживающее своего имени, есть нѣчто отъ духа и для духа; а духъ имѣетъ свой ликъ, свои грани и стѣны, свои законы и ритмы, свои требованія, свою силу и свою мудрость. Пока человѣкъ будетъ скитаться по землѣ, любить и

страдать, трудиться и бороться, онъ будетъ закрѣплять въ искусствѣ тайныя мечты и прозрѣнія своего сердца, и искать въ художественныхъ образахъ — радости, цѣленія и умудренія. Но только духовная мечта будетъ давать ему радость и цѣленіе; и только духовное прозрѣніе будетъ его цѣлить и умудрять. Ибо бездуховное и противоположное искусство сѣетъ лишь соблазнъ, разслабленіе и заразу. И когда мы видимъ нынѣ, какъ пали на нашихъ глазахъ градскія стѣны русскаго духа, какъ исказился ликъ Россіи, какъ извратились законы и ритмы ея жизни — мы должны видѣть и разумѣть, что произошло это отъ разложенія и разслабленія въ насъ безсознательной духовности.

Русскій художественный геній не угасалъ и не переставалъ творить за эти годы предреволюціонной и революціонной смуты. Съ нами вмѣстѣ, и здѣсь, въ зарубежьи, и тамъ, въ подъяремьи — онъ продолжалъ жить, страдать и творить на всѣхъ путяхъ и языкахъ искусства. Но слышимъ ли мы его? Узнаемъ ли мы его? Научились ли мы отличать художественное отъ гнилостнаго, великое отъ пошлаго, цѣлительное отъ погибельнаго, мудрость отъ соблазна? Или намъ нужны еще очистительныя испытанія и страданія?

Умудримся же и научимся! Россіи нуженъ духъ чистый и сильный, огненный и зоркій. Пушкинымъ опредѣляется онъ въ нашемъ великомъ искусствѣ; и его завѣтами Россія будетъ строиться и дальше.

И. А. Ильинъ.

ВЫ НАШИ БРАТЯ!

(Открытое письмо къ оставшимся русскимъ патріотамъ *).

Мы не судимъ васъ и не осуждаемъ. Мы знаемъ, какое бремя вы несете и знаемъ, что исторія оцѣнитъ ваши заслуги передъ Россіей. Вы любите родину, вы страдаете отъ ея разложенія и униженія, и служите ей; — съ насъ этого довольно, мы вѣримъ вамъ. Вы наши братья! И никто не поставилъ насъ судьями, чтобы судить васъ, нашихъ братьевъ...

Историческая трагедія, разложившая и унижившая нашу родину, разлучила насъ съ вами и разметала насъ по всему міру. Вы правы:—нельзя было, не надо было всѣмъ покидать свое мѣсто, уходить на окраины или эмигрировать. Наивно думать, что всѣ люди способны къ активному героизму, къ мечу, къ заговору, къ исповѣдничеству. Каждому свое дѣло; съ каждаго по способностямъ. И устарѣвшій укоръ, обращенный къ «оставшимся» («зачѣмъ не ушли»), относится къ эпохѣ минувшей гражданской войны. Надо было не только уходить; надо было и оставаться. И вѣрьте, что мы научились цѣнить вашъ пассивный героизмъ, реально, изо дня въ день изживающій въ лишеніяхъ и униженіяхъ вынужденной терроромъ лойяльности — тотъ строй, который намъ не удалось доселѣ сбросить.

Но поймите и вы насъ. Не думайте о насъ того, что внушаютъ вамъ наши враги. Вѣрьте намъ такъ, какъ мы вѣримъ вамъ. И тогда намъ будетъ легче переносить нашу жизнь среди чужихъ народовъ и легче будетъ бороться за Россію.

Да, намъ не удалось доселѣ сбросить этотъ строй. Но исторія еще движется и время работаетъ на Россію и на насъ. Мы не сложили руки; мы не забыли

*) Отвѣтъ на письмо «Прибывшаго оттуда», см. «Русскій Колоколъ», № 1.

свой долгъ. Насъ не тридцать тысячъ. Насъ около милліона. Мы разбросаны и разсѣяны; мы въ огромномъ большинствѣ нуждаемся, даже бѣдствуемъ, прокармливаемся съ трудомъ и ведемъ чернорабочую жизнь. Среди насъ есть и утомленные обыватели; есть и малодушные; есть и отдѣльные перебѣжчики; гдѣ и когда ихъ не было? Но въ общемъ и цѣломъ мы живемъ однимъ — Россією, ея освобожденіемъ, нашимъ грядущимъ возвращеніемъ и нашей будущей совмѣстной съ вами работой надъ ея возсозданіемъ.

Намъ тяжело жить на чужбинѣ. Труденъ заработокъ; трудно воспитывать дѣтей; трудна и горька всяческая личная зависимость; но тяжеле всего и горше всего — чувство нашего національнаго униженія и сознаніе того, что именно наши поколѣнія не сумѣли уберечь Россію...

Мы не «бѣженцы» и не «конченные люди»; мы не потеряли сердца и воли, и не разложились духовно. Наше пребываніе въ эмиграціи имѣетъ государственнй и духовнй смыслъ и мы сознаемъ это; оно служитъ Россіи и мы всегда это помнимъ.

Въ своей борьбѣ съ коммунистическимъ порабощеніемъ Россія нуждается въ свободномъ дыханіи, въ непорабощенныхъ силахъ, въ независимомъ голосѣ, въ активномъ и инициативномъ зарубежномъ меньшинствѣ. Россія нуждается въ культурномъ, духовномъ и политическомъ представительствѣ среди другихъ народовъ, которые должны имѣть передъ собою ея истинный національно-государственный ликъ и помнить о томъ, что «союзъ социалистическихъ республикъ» не есть Россія и никогда ею не станетъ!

Мы блюдемъ здѣсь русскую вѣру, русскій бытъ, русскій духъ, русскій кадръ. Мы растимъ и обучаемъ новое поколѣніе вѣрныхъ и національно мыслящихъ русскихъ патріотовъ. Мы сами многое передумали и во многомъ до глубины обновились. Мы уже не прежніе, заносчивые и радикальные интеллигенты, безвѣрные и безнаціональные, отравленные республиканствомъ, социализмомъ и интернаціонализмомъ, — честолобивые въ личныхъ дѣлахъ и сентиментально-безвольные въ государственныхъ... Но мы также и не прежніе жадные и озлобленные реакціонеры, боящіеся за свое имущество и пре-

зирающіе русскій простой народъ... Мы выше всего ставимъ родину, ея духовное величіе и ея хозяйственный расцвѣтъ. Страданіями, вѣрностью и служеніемъ мы искупаемъ свои ошибки. И за вѣрность, и за служеніе — мы съ своей стороны готовы забыть всѣмъ всѣ прошлыя ошибки и паденія...

Съ кѣмъ бы мы ни соприкасались изъ иностранцевъ, мы считаемъ своею обязанностью разяснять имъ сущность русской революціи, ея противорелигіозную и разрушительную природу, ея духовную и хозяйственную противоестественность, ея заразительность, ея міровую опасность; и побуждать ихъ къ тому, чтобы они никакъ и ничѣмъ не содѣйствовали работодателямъ Россіи. Не думайте, что это дѣло легкое и спорое. Въ большинствѣ странъ, какъ всегда послѣ трудной войны, имѣется утомленіе, безволіе, политическая близорукость, узкій эгоизмъ и какая-то легкомысленная безпечность. Каждая страна ограждаетъ себя и лишь съ трудомъ разумѣетъ международную солидарность. И ни одна не заинтересована по настоящему въ возрожденіи Россіи... Всѣ признають нашу культуру... и почти всѣ опасаются нашей грядущей силы!...

Все это мы видимъ и понимаемъ. Но это вызываетъ въ насъ не уныніе и не растерянность, а лишь болѣе отчетливое, болѣе острое сознаніе лежащихъ на насъ обязанностей. Мы русскіе должны помочь себѣ сами; тогда намъ помогутъ и другіе. Мы знаемъ, что сильному часто помогаютъ охотнѣе, чѣмъ слабому: ибо имущему дается, а у неимущаго отнимается...

Но понимая нашъ долгъ, мы понимаемъ и наши опасности. Ихъ три.

Первая — отрывъ отъ внутренней русской жизни: намъ грозитъ неосвѣдомленность, непониманіе, утрата чувства реальности, оперированіе съ воображенными величинами. Мы постоянно помнимъ эту опасность, боремся съ нею и боремся успешно. Недаромъ наши экономическіе и политическіе анализы вызываютъ гнѣвъ коммунистовъ: эти анализы вѣрны и точны, хотя мы упорно избѣгаемъ переписываться съ тѣми, кто внутри Россіи, и не пользуемся «экономическимъ шпионажемъ»...

Вторая опасность — это смѣшеніе Россіи съ ея совѣтски-коммунистическимъ строемъ: изъ-за вражды къ коммунистамъ

мы не можемъ и не должны упускать изъ вида національные, вѣчные интересы самой Россіи. Для погубленія ея враговъ нельзя губить ея собственную сущность и естество; нельзя безоглядно усвоивать принципъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»; нельзя впадать въ плоское и злорадное пораженчество. Напротивъ, ударяя по коммунистамъ, мы всегда должны помнить и ограждать интересъ нашей родины. Мы знаемъ эту опасность и, помня о ней, мы всегда провѣряемъ свои сужденія и рѣшенія.

И третья опасность наша — это озлобленіе и жажда мести, чувства, которыя казалось бы могли бы быть столь естественными у все потерявшихъ изгнанниковъ. Но и эта опасность преодолѣна нами. Испытанія были слишкомъ велики; крушеніе Россіи было слишкомъ трагично; любовь къ родинѣ и тоска по ней слишкомъ глубоки въ насъ для того, чтобы въ душахъ удержались мелкая злоба и мстительныя намѣренія. Есть среди насъ озлобленные; но они одиноки. Есть, можетъ быть, и мстительныя натуры; но эти люди никого за собою не ведутъ и вѣса не имѣютъ. Мы, зарубежные русскіе патріоты — не живемъ злобою и о мести не мечтаемъ.

Да, мы враги коммунизму и коммунистамъ; враги до конца. Между нами и ими не можетъ быть ни компромисса, ни примиренія. Ибо мы считаемъ весь замыселъ ихъ и всю ихъ дѣятельность — кощунственными, противоестественными и для Россіи гибельными; мы считаемъ, что они во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ приносятъ русскій національный, всенародный и простонародный интересъ въ жертву темнымъ и порочнымъ цѣлямъ враждебныхъ нашей родинѣ организацій. Исторія однажды раскроетъ корни этихъ организацій и назоветъ ихъ по имени. А мы за эти десять лѣтъ измѣрили до дна ихъ свирѣпую ненависть къ Россіи.

Но мы остро и зорко отличаемъ соблазнителя отъ соблазненнаго, свирѣпаго вожака отъ довѣрчиваго слѣпца, сильнаго злодѣя отъ слабаго обывателя, интернаціоналиста отъ патріота. Мы хорошо знаемъ съ кѣмъ мы боремся; мы знаемъ, кто заслуживаетъ непримиримости, кто — прощенія, а кто — братскаго состраданія и уваженія. Мы освѣдомлены больше, чѣмъ кто-нибудь думаетъ. И если мы ведемъ нещадную борьбу съ

коммунистами, то всей некоммунистической Россіи мы несемъ миръ, прощеніе личныхъ обидъ, забвеніе личныхъ потеръ и искреннее, патріотическое братство: примиреніе и воссоединеніе. Но и рядовыхъ коммунистовъ нещадная борьба ждетъ лишь до тѣхъ поръ, пока они будутъ отстаивать свою безумную и преступную затѣю, пока они не одумаются, не отрываются и не вольются покаянно въ русское національное дѣло. Въ Россіи есть мѣсто и будетъ мѣсто всѣмъ ея сынамъ — и обратившимся, и передумавшимъ, и научившимся въ суровомъ опытѣ. Нѣтъ мѣста только ея врагамъ; нѣтъ — и не будетъ.

Мы хотимъ вернуться въ Россію не «революціонерами» и не «контръ-революціонерами»: а просто ея вѣрными сынами, ея строителями и блюстителями. Мы не «революціонеры», которые изъ честолюбія и вздорной химеры разрушаютъ и разлагаютъ страну; и отъ этого ожидаютъ «всеобщаго счастья». Но мы и не «контръ-революціонеры», одержимые жадностью и злобою, которые только и думаютъ о томъ, чтобы поставить все на старое мѣсто, возстановить разрушенное, взыскать убытки и отомстить всѣмъ бунтовавшимъ. Такъ рисуютъ насъ коммунисты. Не вѣрьте имъ! Это клевета, которая нужна имъ для того, чтобы напугать васъ и раздѣлить насъ съ вами. Намъ дорога Россія, ея величіе и ея расцвѣтъ, а не «старые порядки». Мы твердо знаемъ, что время уноситъ все безвозвратно; что исторія не повторяется; что замученные и умершіе не встанутъ изъ гробовъ и что въ Россіи только и можетъ быть новый порядокъ. Но пусть же онъ будетъ лучшимъ и справедливымъ порядкомъ, который освобождаетъ всѣ благія силы народа и сковываетъ всѣ его злыя силы!..

Передъ лицомъ нашей національной трагедіи, передъ лицомъ нашего грядущаго возрожденія мы твердо и честно выговариваемъ: ни сословные и классовые предрассудки, ни партійныя пристрастія не владѣютъ нами! Россія нуждается не въ новой гражданской войнѣ и не въ новомъ — имущественномъ передѣлѣ. Россія нуждается въ томъ, чтобы возникла новая національная и патріотическая власть, которая положила бы конецъ всяческому коммунизму и очистила бы страну отъ ея враговъ и вредителей; которая покрыла бы всеобщей амнистіей преступления и ошибки революціоннаго вре-

мени; положила бы въ основу новой Россіи начала чести, справедливости, заслуги и собственности; закрѣпила бы твердой рукой законный порядокъ и возсоздала бы духовное, хозяйственное и военное могущество нашей родины.

Это задача не «революціонная» и не «контръ-революціонная»; это задача органическая, строительная и національная. И ей мы хотимъ служить патріотически и за совѣсть. И во имя ея мы желаемъ сверженія коммунистическаго ига.

Такъ мы судимъ и отвергаемъ коммунистовъ. Но мы не судимъ и не осуждаемъ никого изъ васъ, оставшихся въ Россіи русскихъ патріотовъ; мы знаемъ, къ какимъ компромиссамъ вы были вынуждены, и горько скорбимъ о томъ, что намъ не удалось своевременно избавить васъ отъ этихъ компромиссовъ. Мы знаемъ, что вы были вынуждены стать въ отношеніе «лояльности» къ совѣтской власти, не судимъ и не осуждаемъ васъ и за это. Мало того; мы хотѣли бы, чтобы вы знали, что мы любимъ васъ какъ братьевъ и страдальцевъ; и что мы мечтаемъ о нашей грядущей совмѣстной съ вами работѣ въ Россіи.

Одно важно: вы должны сами знать и помнить, что ваша лояльность — недобровольная, а вынужденная; вынужденная голодомъ, моральною пыткой и прямыми угрозами. За изъясненіе такой лояльности — нельзя судить и осуждать; но ей нельзя придавать и связующаго значенія! Въ послѣднемъ, религіозномъ и совѣстномъ измѣреніи — она не имѣетъ ни вѣса, ни цѣны. Она — нравственно и патріотически ничтожна! Она не связываетъ васъ. Внутри, наединѣ съ собою, передъ лицомъ Божиимъ — не вѣрьте ей! Подумайте только — ужели вы предъ Богомъ обязались сочувствовать всѣмъ свирѣпостямъ, всѣмъ низостямъ, всѣмъ преступленіямъ коммунистовъ? ужели вы предъ совѣстью вашею дали клятву содѣйствовать распространенію міровой заразы и духовнаго растлѣнія? ужели вы патріотически обязаны губить Россію во имя коммунистической химеры и всеобщаго грабежа? Нѣтъ, нѣтъ! Слова и «служба» — одно; а святилище сердца и совѣсти — другое. Берегитесь же, чтобы звуки вынужденныхъ словъ не осѣдали въ вашемъ сердцѣ; чтобы формальная

служба не превращалась въ служеніе; чтобы совѣтскія «подписки» и «анкеты» не полонили незамѣтно ваше чувство чести, къ которому онѣ не имѣютъ никакого отношенія! Блюдайте въ вашей душѣ священную увѣренность въ томъ, что совѣтское правительство никогда не станетъ вашимъ, русскимъ правительствомъ; что его интересъ, противоположный интересу Россіи — никогда не станетъ вашимъ за совѣсть.

Мы знаемъ, сколь мучительна эта систематическая ложь и какъ опасно не выдержать ее, согнуться, привыкнуть и начать примиряться съ властью сатаны. Но это бремя есть необходимая часть того бремени, которое вы несете для Россіи и за Россію. Разъ пойдя на вынужденную ложь, помните, что это — ложь; не вѣрьте ей сами. Помните: разъ повѣривъ ей — вы неизбежно повѣрите всей той сатанинской лжи, въ которой нынѣ задыхается національная Россія; и тогда ложь сатаны неизбежно поглотитъ васъ. Несите это бремя раздвоенія личности; и ищите укрѣпленія и утѣшенія въ религіи. Исторія заставляетъ васъ стать непроницаемыми по отношенію къ злодѣямъ. Берегите эту непроницаемость; не бойтесь этой «неискренности»: она служить Россіи. Пусть душа ваша будетъ безусловно прозрачна передъ Богомъ и искренна со своей совѣстью; но пусть замкнется она отъ Божіихъ враговъ. Помните: спасти Россію смогутъ только неповѣрившіе до конца!

Крѣпитесь же до конца. Не удручайте себя безплодными угрызеніями и не затѣвайте неумѣлыхъ и безнадежныхъ заговоровъ. Да, для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое техническое умѣніе, твердость воли и безошибочный расчетъ. Для этого нужна особая подготовка. И это дѣло своевременно сдѣлаютъ тѣ, кто къ нему подготовился. А вы храните живую готовность поддерживать сочувствіемъ и хотя бы душевнымъ откликомъ всякое благое начинаніе.

Будьте увѣрены въ томъ, что исторія оцѣнитъ пассивный героизмъ вашей лойяльности. А мы останемся до конца нелойяльными, свободными и непримиримыми; пока не придетъ день сверженія.

И. А. Ильинъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

Старая жизнь Москвы, какъ государства, имѣла свой крѣпкій, русскій укладъ, въ которомъ были заложены опредѣленные идеи и въ которомъ жили и дѣйствовали живые люди. Вскрывая эти идеи и возстановляя жизнь этихъ людей, историкъ даетъ матеріалъ, въ который долженъ всматриваться строитель новой жизни, отдѣляя въ этомъ матеріалѣ то, что отжило, какъ пожелтѣвшій осенній листъ, и запоминая то, что и впредь должно жить какъ необходимый элементъ самаго «древа» народной и государственной жизни, исторически выросшаго изъ своихъ корней. Настоящіе очерки должны дать читателю частицу такого матеріала, сосредоточивая его около именъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей нашего родного историческаго прошлаго.

1. Митрополитъ Макарій.

Передъ нами Москва середины XVI столѣтія. Процессъ собиранія отдѣльных, не объединенныхъ, или еще слабо соединенныхъ съ Литвою, русскихъ земель закончился, и передъ Москвою вставала задача объединенія всего русскаго міра, а уже не разрозненныхъ княжествъ и земель. Московскій князь-вотчинникъ выступаетъ, какъ нарождающійся носитель національной властью надъ Русью, освобождающейся отъ татарскаго ига и какъ обладатель наслѣдія «царя»-императора Византіи, Новаго Рима, какъ глава Третьяго Рима, послѣ котораго «четвертому не быть» по ученію московскихъ идеологовъ. Наслѣдникъ «пращура» своего св. Владиміра, московскій князь, со временъ Ивана III и Василія III, уже заявлялъ: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Москва, какъ рождающееся государство всего русскаго народа, начинала выходить и на арену европейской политики въ своихъ иностранныхъ сношеніяхъ.

Въ то же время Русская Церковь завершала выработку своей самостоятельности и мірового значенія, приближаясь къ формальному ихъ признанію провозглашеніемъ Московскаго и всея Россіи патріархата, совершившимся черезъ нѣсколько десятилѣтій, въ 1589 году. Русская Церковь именно въ эту эпоху сознавала, опредѣляла и закрѣпляла свои русскія особенности. Задачи власти, государственной и церковной, становились громадными и сложными, вырастая естественно, эволюціонируя въ развивавшейся и осложнявшейся жизни Московскаго княжества, которое превращалось уже въ «государства Россійскаго Царствія». Эти разрастающіяся задачи требовали дѣятелей, способныхъ подняться на ихъ высоту. И старая Москва смогла выдѣлить такихъ дѣятелей изъ богатыхъ запасовъ силъ русскаго народа. Однимъ изъ нихъ былъ митрополитъ Макарій.

Гдѣ, въ какомъ городѣ или селеніи Русской Земли, онъ родился и чѣмъ сыномъ былъ? Этого мы не знаемъ, какъ не знаемъ точно и времени его рожденія—вѣроятно въ 1481 или 1482 году. Какъ очень большое число русскихъ дѣятелей стараго времени, онъ является для потомства просто русскимъ человекомъ, простымъ «трудникомъ» Русской земли, безъ того себялюбиваго интереса къ своей личности, который копить притязанія на память потомства данныя и переживанія личной жизни. Макарій принялъ монашество въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ, въ нынѣшней Калужской губерніи. Позднѣе — онъ архимандритъ Можайскаго Лужковскаго монастыря, извѣстный какъ знатокъ Св. Писанія — «дана ему бысть отъ Бога мудрость въ божественномъ Писаніи». Въ 1526 году возведенъ на Новгородскую архіепископскую кафедру, на которой проявилъ себя выдающимся пастыремъ, организуя церковную жизнь и бывъ тамъ «людямъ заступленіе веліе». Уже тогда «многіа ради его добродѣтели въ всей Россіи слава о немъ происходила».

Въ срединѣ марта 1542 года архіепископъ Макарій былъ нареченъ соборомъ епископовъ въ митрополита и поставленъ на митрополию «матери градовъ Москвы». Это совершилось въ годы боярскаго правленія за малолѣтствомъ Ивана IV, когда шла борьба за власть среди окружавшихъ юнаго великаго князя бояръ, послѣ низложенія одного за другимъ двухъ митрополитовъ (Даніила и Іоасафа), когда колебался самый авто-

ритетъ носителя высшей церковной власти, когда центръ Московскаго государства являлъ собою арену интригъ неразборчивыхъ въ средствахъ властолюбцевъ, а московскія области отдавались произволу ихъ «клеветовъ», и когда не только окраины, но и не такъ далекія отъ самой Москвы земли, были подъ угрозою внѣшнихъ враговъ, особенно татаръ, со всѣмъ ужасомъ татарскихъ набѣговъ, съ ихъ опустошеніями и пожарами, съ продажею въ далекое рабство тысячъ полоненныхъ русскихъ людей.

Совершенно ясно, что первою заботою Макарія и въ интересахъ Церкви, и въ интересахъ Земли, былъ великій князь, вотчинникъ Московскаго государства, и охрана «православнаго христіанства», — его народа. Иванъ IV погибалъ, какъ чловѣкъ, въ грубыхъ забавахъ того суроваго вѣка, толкаемый въ нихъ правившими его именемъ властолюбцами, ради отвлеченія его вниманія отъ своихъ дѣлъ. 12 декабря 1546 года шестнадцатилѣтній Иванъ вернулся въ Москву изъ поѣздки по селамъ, послѣ развлеченій, которыхъ онъ тамъ искалъ. И 13-го уже декабря Макарій имѣетъ совѣщаніе съ великимъ княземъ. Его результаты: рѣшеніе Ивана вступить въ бракъ, а предварительно вѣнчаться на царство. Съ этого момента Макарій на все время своей дальнѣйшей жизни, всталъ за Иваномъ IV, за своимъ «о Святѣмъ Дусѣ сыномъ и господиномъ», какъ крѣпкая опора въ его внутренней борьбѣ съ самимъ собою, какъ его совѣтникъ въ дѣлахъ жизни и правленія.

Зачѣмъ и почему Макарій выдвинулъ царское вѣнчаніе, рядомъ съ бракомъ Ивана IV? Не только потому, что Московское княжество уже выросло къ этому времени въ своемъ внѣшнемъ могуществѣ и идейномъ содержаніи, и стало царствомъ, но и для того, чтобы спасти юнаго великаго князя какъ чловѣка, поднять его на такую высоту, которая заставитъ его самого подняться на нравственную «степень»: ибо Богъ освятитъ его санъ и власть, но даруя ему ихъ, возложитъ на него за нихъ и отвѣтственность, какъ за врученные ему Богомъ.

16 января 1547 года въ Московскомъ Кремлѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, «первопрестольной великой соборной апостольской церкви Пречистыя Богородицы», празднично украшенной, впервые совершилось царское вѣнчаніе, съ возложеніемъ «царскаго сана» (бармы, вѣнецъ, скипетръ), вмѣстѣ со

«святымъ животворящимъ крестомъ», на «великаго государя», съ молитвою митрополита, начинавшеюся словами: «Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже Самоиломъ Пророкомъ избра раба Своего Давыда и помазавъ того во цари надъ людьми Своими израильтяны...»

Ко вновь явленному русскому царю Макарій обратился съ назидательнымъ словомъ, и это слово стало основою, изъ которой исходили всѣ послѣдующія поученія русскихъ іерарховъ вѣнчаемымъ царямъ «Превеликой Россіи». «Се отъ нынѣ поставленъ еси, Князь Великій, Боговѣнчанный Царь правити хоругви и содержати скипетръ великаго Царства Россійскаго и вѣнчанъ еси симъ царскимъ вѣнцемъ по благодати Святаго Духа и милости Пресвятыя Богородицы...», говорили эти слова. Какія же требованія предъявляла Русская Церковь къ царю? Первое изъ нихъ: «имѣй страхъ Божій, то бо есть начало всему благу... Таже, сохрани вѣру христіанскую греческаго закона чисту и непоколебиму и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зѣницу ока». За этимъ слѣдуетъ второе: люби «братію свою по плоти»: бояръ «помилуй и береги», къ своему «христолюбивому воинству буди приступенъ и милостивъ и привѣтенъ по царскому своему сану и чину; всѣхъ православныхъ христіанъ блюди и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; за обидимыхъ стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидити ихъ не по суду и не по правдѣ — сего бо ради, царю, пріять еси правити хоругви великаго Царства Россійскаго, и разсуди и прави люди твоя въ правду».

Царь получаетъ «державу» и «силу» отъ Бога, но самъ онъ имѣетъ надъ собою Царя, «иже на небеси». И этотъ Царь говоритъ словами Писанія поставляемому Имъ земному царю: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради, не сотвори неправду въ судѣ, яко судъ Божій истиненъ есть... Вамъ глаголю, цари, утѣшайте скорбящихъ, избавляйте обидимаго отъ сильныя руки, сіи бо отъ богатыхъ подавляемы притекаютъ къ вамъ, яко къ заступникамъ». Обращаясь къ царю, Русская Церковь вызываетъ: «возмогай, о православный царю, и паки возмогай, да наслѣдникъ будеши Небеснаго Царствія со всѣми святыми православными цари, да возможеши со дерзновеніемъ рещи во

второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: се азъ, Господи, и люди Твоя, яже ми еси далъ, великаго Твоего Царства Россійскаго».

Пусть всѣ эти святые мысли и поученія Русская Церковь уже давно хранила въ своихъ нѣдрахъ; пусть они были сведены въ систему къ этому времени такъ называемыми «осифлянами» и ихъ главою, преп. Іосифомъ Волоцкимъ; — въ торжественной обстановкѣ царскаго вѣнчанія они были высказаны митрополитомъ Макаріемъ и стали съ тѣхъ поръ завѣтомъ, который Русская Церковь бережно передавала всѣмъ послѣдующимъ царямъ «Превеликой Россіи», хотя и не въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя сошли съ устъ Макарія.

Что долженъ былъ пережить Иванъ IV во время своего царскаго вѣнчанія! Здѣсь былъ переломъ въ его личной жизни и начало того блага, которое было принесено имъ русскому народу въ первую половину его царствованія, когда онъ не сталъ еще «Грознымъ», въ томъ смыслѣ, который обычно придается этому обозначенію со времени «злой опричнины». Но она была введена уже послѣ смерти митрополита Макарія, о которомъ самъ царь потомъ вспоминалъ такими словами: «о Боже! коль бы счастлива Русская Земля была, коли бы владыки таци были, яко преосвященный Макарій!» Величавый и строгій образъ Макарія стоитъ около Ивана IV со времени его вѣнчанія, стоитъ на стражѣ Русской Церкви и «возлюбленнаго ему земного отечества Россіи», въ событіяхъ царствованія, пока живъ Макарій. Онъ питаетъ добрую волю царя, который «совѣтуетъ» съ нимъ во всемъ сколько-нибудь важномъ — своемъ, личномъ, и земскомъ, народномъ. Онъ сдерживаетъ приступы страстнаго гнѣва Ивана IV, «печалуя» за осужденныхъ и ихъ «отпрашивая отъ смерти». Походы на Казань для избавленія русскаго народа отъ постоянной опасности со стороны этого разбойничьяго гнѣзда, взятіе ея — все это проходило при молитвѣ митрополита за Россію и при постоянной духовной поддержкѣ имъ ея молодого царя. Казань взята; но «здержать» ли ее въ своихъ рукахъ русскій царь? А дальше — присоединеніе Астрахани, борьба съ Крымомъ, Ливоніей, Литвою. Сколько требовалось внутренней силы, чтобы не дать воли малодушію въ это тяжелое время! И митрополитъ Макарій эту силу хранилъ и ве-

ликою мощью Русской Церкви, и своимъ личнымъ авторитетомъ . . .

Время, въ которое жилъ Макарій, выдвигало передъ нимъ, какъ первосвятителемъ Русской Церкви, съ особою настойчивостью задачу утвердить міровое значеніе и высоту ея на святыхъ костяхъ и подвигахъ русскихъ чудотворцевъ, молитвенно «предстоящихъ Престолу Всевышняго». Уже въ домакарьевскую эпоху Русская Церковь имѣла 67 святыхъ общерусскаго или мѣстнаго признанія. На созванныхъ Макаріемъ Соборахъ 1547 и 1549 годовъ были канонизованы еще 39 «новыхъ чудотворцевъ», изъ которыхъ большая часть уже чтилась на мѣстахъ, но не во всемъ Московскомъ царствѣ. Святыхъ русская не только выросла теперь въ своемъ сокровищѣ, но и получила общерусское признаніе: общими для всей Руси святыми стали тѣ, которые раньше, какъ святые мѣстные, вѣрою русскаго народа признавались защитниками и покровителями отдѣльныхъ частей Русской Земли и которые теперь стали молитвенниками за всю «Землю Святорусскую».

Но части Россіи имѣли и свои чтимыя мѣстные иконы, въ которыхъ видѣли «святые щиты» для частей Русской Земли, а не для нея всей. И эти иконы собираются въ Москвѣ, въ оригиналахъ или точныхъ спискахъ — московскіе храмы стали хранить и мѣстную святыню всѣхъ «государствъ Россійскаго Царствія». Въ обновленіи иконъ и писаніи копій съ чтимыхъ на мѣстахъ, митрополитъ Макарій трудился и какъ «иконный писецъ», какъ «иконному писанію наученый сей хитрости». Москва, центръ «Великой Россіи», была хранилищемъ общерусской святыни, а ея храмы были мѣстомъ молитвы за всю Землю Русскую. Въ этихъ храмахъ—«иконы, велелѣпно украшенныя золотомъ и серебромъ и драгоценнымъ каменьемъ», съ горящими передъ ними лампадами и паникадилами, въ нихъ—«красногласныя пѣнія благолѣпныхъ священниковъ» и «кадила съ благовоннымъ уханіемъ»; на ихъ звонницахъ—«доброгласныя свѣтошумные колоколы». Благолѣпіе богослуженія украшало московскіе храмы; и его красоту, уставную строгость и значеніе такъ понималъ и чувствовалъ митрополитъ Макарій... Онъ усердно заботился о ней какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ градахъ и весяхъ. Онъ освятилъ и длинный рядъ новыхъ храмовъ, и въ ихъ числѣ: храмъ «Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честный Покровъ», построенный

«о Казанской побѣдѣ»; при Макаріи же былъ замѣненъ каменнымъ «о девяти верхахъ» и освященъ — храмъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Василія Блаженнаго», близъ Флоровскихъ (теперь Спасскихъ) воротъ.

Особой заботой митрополита пользовался Успенскій Соборъ, главный храмъ «Царства Московскаго», возобновленный послѣ пожара 1547 года, хранившій въ себѣ главную святыню сѣверо-восточной Руси, Владимірскую икону Божіей Матери, и мощи Св. Петра Митрополита. Его купола были покрыты вызолоченною мѣдью, а внутри его поставленъ пятиярусный иконостасъ съ иконами, подобранными по днямъ замѣчательныхъ событій исторіи «Превеликой Россіи». Онъ не только служилъ молитвѣ русскаго человѣка, но и запечатлѣлъ въ себѣ воспоминанія русской славы и собиранія Руси.

Русская Церковь требовала не одного благолѣпія своего богослуженія, но и внутренняго порядка и благочинія. Стоглавый соборъ 1551 года ставилъ своею задачею ихъ создать. Духовная жизнь «православнаго христіанства» нуждалась въ духовной пищѣ «ч то м ы х ъ к н и г ѣ», и Макарій постарался ихъ собрать въ единомъ собраніи. Такъ возникъ величайшій памятникъ старой русской письменности,—Макарьевскія Минеи-Четви, въ 12-ти громадныхъ томахъ, изъ которыхъ каждый съ трудомъ поднимаютъ руки ихъ читающаго и въ которыхъ по днямъ мѣсяцевъ собраны всѣ творенія евангелистовъ, апостоловъ, отцовъ и учителей Церкви, житія святыхъ и поученія — «всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской Землѣ обрѣтаются». Самъ Макарій объ этомъ своемъ трудѣ говоритъ: «а писалъ есми и събиралъ и въ едино мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя серебра и всякихъ почастей».

Собравшіяся въ «Россійское Царствіе» части Русской Земли и русскаго народа должны были знать и свое историческое прошлое, чтобы уяснить себѣ свое настоящее и опредѣлять задачи своего будущаго. Рядомъ съ мѣстными лѣтописями и ихъ сводами, на Руси, около митрополіи уже давно вырабатывались общерусскіе «митрополичьи», лѣтописные своды. И именно при митрополитѣ Макаріи совершилось завершеніе этой работы составленіемъ самаго полнаго общерусскаго лѣтописнаго свода, случайно только не получившаго его имени и извѣстнаго подъ именемъ Никоновскаго, какъ на-

печатаннаго въ XVIII столѣтіи со списка, принадлежавшаго патріарху Никону. При Макаріи же было закончено и составленіе такъ называемой «Книги Степенной Царскаго Родословія», въ которой впервые дано изложеніе русской исторіи на основѣ ея единства, понятаго въ смыслѣ ея единенія съ ея историческою властью, «отъ варяга Рюрика» до «царя и великаго князя Ивана». Съ именемъ Макарія связано и устройство Печатнаго Двора, типографіи. «Изыскивати мастерства печатныхъ книгъ» въ Москвѣ стали не только «повелѣніемъ» царя Ивана IV, но и «благословеніемъ» митрополита Макарія.

Конечно, и распространеніе христіанства среди язычниковъ Московскаго государства было дѣланіемъ Макарія. Еще въ бытность свою архіепископомъ Великаго Новагорода онъ организовалъ миссію въ Водской пятинѣ (части нынѣшнихъ Петроградской и Новгородской губерній, а также Финляндіи). Какъ митрополитъ, онъ ее ведетъ среди лопарей (у Бѣлаго моря) черезъ приснопамятнаго преподобнаго Трифона Печенгскаго и его сотрудниковъ. Завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго возложило на русскую православную миссію новую задачу. Но какую инструкцію далъ Макарій первому Казанскому архіепископу Гурію въ 1555 году? — «Всякими обычаями, какъ возможно, приучать ему татаръ къ себѣ и приводить ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводить».

Такова была дѣятельность митрополита Макарія, если мы на нее посмотримъ въ тѣхъ, только главнѣйшихъ ея проявленіяхъ, которыя доступны короткому очерку. Но гдѣ же его личная жизнь? — можетъ спросить читатель. Она цѣликомъ въ его дѣлѣ, въ его служеніи Церкви и Землѣ. Лишь въ предсмертной своей болѣзни, въ исходѣ 1563 года, восьмидесятилѣтній старецъ-митрополитъ, вспомнилъ о ней, когда уже «изнемогалъ» въ своей тяжелой «немощи». Онъ молилъ царя: «отпусти меня въ мое постриженіе», т. е. въ Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ онъ юношею позналъ впервые сладость иноческой молитвы, и, какъ человѣкъ, хранилъ воспоминаніе этого момента своего личнаго счастья во всю свою долгую жизнь. Царь отказалъ: Макарій былъ слишкомъ великъ въ своемъ санѣ и значеніи для Земли, чтобы глава ея могъ

позволить ему окончить свою жизнь въ монастырскомъ уединеніи. И митрополитъ подчинился царской волѣ. Для себя онъ привыкъ не искать личныхъ утѣхъ. Себя онъ признавалъ простою и неотдѣлимою частицею двухъ великихъ силъ, которымъ имя Русская Церковь и Русская Земля. О себѣ онъ писалъ въ своихъ Минеяхъ-Четьяхъ: «всѣхъ молю и колѣнома касаюся..., да воспоминають смиренную и грѣшную мою душу въ святыхъ своихъ ко всемогущему Богу молитвахъ».

И. И. Лаппо.

ПРАВОСЛАВІЕ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

Ходячая фраза, утверждающая, что «церковь аполитична», требует внимательнаго и отвѣтственнаго анализа. Въ ней заключается цѣлый рядъ историческихъ ошибокъ, религіозныхъ соблазновъ и государственныхъ опасностей.

Въ словѣ «а-политична» — первое «а» равносильно отрицанію (= не). Что же отрицается имъ? Партийность ли церкви? Или призваніе церкви къ завладѣнію свѣтскою властью? Или ея живое и творческое отношеніе къ государственному строительству вообще? — Съ самаго начала ясно, что на эти различные вопросы могутъ и должны быть даны совершенно различные отвѣты.

Церковь, конечно, не есть политическая партія. Она вообще не «партія», т. е. (буквально) не часть: она призвана не къ дѣленію и раздѣленности, а къ міровому единству и всецѣлости (= «каѳоличности»). Православная Церковь утверждаетъ за собою религіозную истину о бытіи Божіемъ, о смыслѣ мірозданія и о спасеніи человѣческой души; другія религіозныя ученія и исповѣданія — суть для нея не равноправныя церковныя «партіи», а неистинныя ученія и невѣрныя исповѣданія. Юриспруденція и политика могутъ условно признавать «множество» разныхъ «церквей»; но религіозно-вѣрующій знаетъ одну, единственную, истинную церковь, истина которой (согласно его вѣрѣ) свободно озаритъ и соединитъ однажды всѣ человѣческія души.

Итакъ, церковь не можетъ признать себя религіозной партией. Тѣмъ болѣе она не есть политическая партія.

Церковь есть религіозный союзъ. Политическая партія не есть религіозный союзъ.

Церковь имѣть догматы, таинства и каноны. Политическая партія ихъ имѣть не можетъ и не смѣетъ.

Церковь исходитъ изъ вѣры и ею строить духъ человѣка. Политическая партія исходитъ изъ соображеній государственной цѣлесообразности и хозяйственной пользы и ими направляетъ внѣшнее поведеніе человѣка.

Церковь по установленію своему благодатна; она есть орудіе Царства Божія. Политическая партія устанавливается человѣческимъ произволеніемъ и есть порожденіе земной государственности.

Церковь ищетъ перерожденія души и духа. Политическая партія ищетъ государственныхъ и хозяйственныхъ реформъ.

Церковь не ищетъ свѣтской, государственной власти. Политическая партія добивается именно свѣтской, государственной власти.

Церковь не борется силою и понужденіемъ. Политическая партія добивается для себя именно права бороться понужденіемъ и силою.

Итакъ по самому существу своему и по всему существу своему церковь не можетъ и не должна становиться политической партіей; а политическая партія не можетъ и не смѣетъ становиться церковью. Церковь, становящаяся политическою партією, унижаетъ и извращаетъ свою природу.

Но этого мало: церковь не можетъ и не должна связывать себя ни съ какою бы то ни было политическою партією, ограничивая доступъ къ себѣ другимъ партіямъ. Въ каждой партіи могутъ участвовать люди разныхъ исповѣданій; а въ каждую церковь могутъ входить люди разныхъ партій. Принадлежность къ политической партіи сама по себѣ не можетъ быть тѣмъ смертнымъ грѣхомъ, за который слѣдуетъ церковное отлученіе. Связанность церкви съ одною партією дѣлаетъ ее партійною церковью; этимъ она низводитъ свое представленіе о Царствѣ Божіемъ до уровня политической цѣлесообразности и измѣняетъ своей каѳоличности; въ то же время она придаетъ данной политической партіи значеніе благодатной исключительности и тѣмъ сѣетъ величайшій соблазнъ въ душахъ.

Точно также Церковь не призвана къ свѣтской власти, къ ея захвату и подчиненію. Церковь и государство взаимно инородны, подобно тому, какъ инородны церковь и политическая

партія: по установленію, по духу, по достоинству, по высшей цѣли и по способу дѣйствія. Государство, пытающееся присвоить себѣ силу и достоинство церкви, творить кощунство, грѣхъ и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себѣ власть и мечъ государства, утрачиваетъ свое достоинство и измѣняетъ своему назначенію. Государство не можетъ дѣйствовать благотно: устанавливать догматы, совершать таинства, растить Царство Божіе. Церковь не должна брать меча — ни для насажденія вѣры, ни для казни злодѣя, ни для войны. Безспорно, государство выше политической партіи такъ, какъ родина въ цѣломъ выше всѣхъ своихъ частей; но и партія и государство остаются учрежденіями человѣческаго порядка и земного ранга.

Въ этомъ смыслѣ Церковь «а-политична»: задача политики — не есть ея задача; средства политики — не суть ея средства; рангъ политики — не есть ея рангъ.

Но означаетъ ли это, что Церковь не должна стоять въ живомъ и творческомъ отношеніи къ государственному строительству и къ бытію Родины?

Отнюдь нѣтъ. И русская Православная Церковь въ исторіи всегда поддерживала и впредь будетъ поддерживать это отношеніе къ русскому государству.

Церкви есть дѣло до всего, чѣмъ живутъ или не живутъ люди на землѣ. Ибо живая религія есть не одна сторона жизни, а сама жизнь и вся жизнь. Все, чѣмъ живутъ или не живутъ люди — или уводитъ ихъ отъ Царства Божія, или ведетъ ихъ къ нему; и церковь обо всемъ этомъ можетъ и должна имѣть свое сужденіе, — открытое, авторитетное, одобряющее или осуждающее. Но это сужденіе должно имѣть своимъ мѣриломъ именно законъ Божій и Царство Божіе; а отнюдь не политическую цѣлесообразность и не хозяйственный или партійный интересъ. И это сужденіе никогда не должно проводиться въ жизнь на путяхъ свѣтской государственности. Церковь въ правѣ благословить и не благословить; она въ правѣ анаѳематствовать. И въ сужденіяхъ своихъ она должна блюсти свою полную религіозную свободу и независимость, не угождая и не приспособляясь, а если надо, то пріемля и гоненія (Іоаннъ Златоустъ, Филиппъ Митрополитъ, Патріархъ Тихонъ).

Члены церковнаго союза подчинены государственнымъ законамъ въ своемъ внѣшнемъ поведеніи; но совѣсть ихъ не подчинена никакимъ государственнымъ велѣніямъ. И произнося свои сужденія и осужденія, Церковь этимъ отнюдь не вмѣшивается въ политику, но пребываетъ въ предѣлахъ созидаемаго и блюдомаго имъ Царства Божія. Церковь призвана, церковь обязана указывать людямъ, — и царю, и чиновникамъ, и гражданамъ, то въ личной бесѣдѣ, то въ проповѣди, то во всенародномъ воззваніи, — гдѣ именно ихъ дѣла, ихъ установленія или страсти вредятъ дѣлу Царства Божія. Въ этомъ ея учительная власть, отъ которой ее ничто и никакъ освободить не можетъ. И вторженіемъ въ политику это стало бы только тогда, если бы Церковь подмѣнила свое религіозное мѣрило — земнымъ, или обратилась бы къ земнымъ, политическимъ средствамъ.

При такомъ, подлинно православномъ пониманіи дѣла, церкви никакъ не можетъ быть безразличнымъ, что именно дѣлается въ народѣ и что именно творитъ государственная власть. Промолчить ли она, если въ народѣ возникнуть кровавыя и жестокия игрища? или если распространятся формы публичнаго разврата? или если черная месса войдетъ въ погибельную «моду»? Промолчить ли она, если правительство узаконить многобрачіе? или разрѣшить торговлю гашишомъ? или отмѣнить преподаваніе Закона Божія? или установить избирательную систему, при которой право голоса будетъ принадлежать только удостовѣреннымъ святотатцамъ? или введетъ декретомъ новую обязательную религію — магометанство, католицизмъ? И если не промолчить — то это будетъ тоже «вторженіе въ политику», въ «царство кесаря»?

Государственная власть не судья въ догматахъ, таинствахъ и канонахъ. Зато вопросы правопорядка рѣшаетъ она; и члены всѣхъ церковныхъ союзовъ подчиняются ея законамъ. Но Церковь — судья во всемъ, на что падаютъ лучи Царства Божія, не исключая и самыхъ вопросовъ государственнаго устройства.

Государство править. Церковь учить. Во внѣшнемъ и земномъ — государство повелѣваетъ и церкви. Во внутреннемъ и благодатномъ — церковь учить и государство. Государство не покушается на учительную и спасающую власть Церкви.

Церковь не покушается на учреждающую и упорядочивающую власть государства. Но государство есть оборона и опора независимой Церкви. А Церковь есть духовникъ и ангель-хранитель христіанскаго государства. Обоюдная формальная независимость обѣихъ властей; взаимное не-посягание и невмѣшательство; и взаимная помощь: каждая власть помогаетъ другой по свѣдѣнію, въ ту мѣру, въ какую другая нуждается въ этой помощи...

Вотъ древнее, исконное, русское-православное разрѣшеніе вопроса. Церковь отнюдь не была «отдѣлена» отъ государства; напротивъ: пеклась о немъ, помогала, учила, совѣтовала, благословляла, ободряла, осуждала и отстаивала. И государство отнюдь не было отдѣлено отъ Церкви; напротивъ ограждало, поддерживало, облегчало, жертвовало, «вкладывало», совѣтовалось и принимало благословеніе, освященіе и благодать.

Церковь отнюдь не была ни безгосударственна, ни противогосударственна. Царство «кесаря» стремилось по свѣдѣнію служить Царству Божію; а Церковь учила, какъ надлежитъ лучше вести это служеніе.

Не благословили ли епископы Владиміра Святого казнить разбойниковъ по суду? И не на Посланіе ли Апостола Павла къ Римлянамъ они ссылались при этомъ? Не вдохновилъ ли Преп. Сергій Радонежскій Дмитрія Донскаго къ кровавому по-боищу съ татарами? Не помогали ли великимъ князьямъ освобождать Русь отъ татаръ и собирать ее — всея Россіи Чудотворцы Петръ и Алексій? Не митрополитъ ли Макарій ввелъ первое царское коронованіе? Не митрополитъ ли Филиппъ обличалъ Грознаго Царя до самой своей мученической смерти? Не Гермогенъ ли поднялъ православную и патріотическую Русь на поляковъ и разбойниковъ? Не Митрополитъ ли Ростовскій Кириллъ строилъ и велъ ополченіе вмѣстѣ съ княземъ Пожарскимъ? Не Патріархъ ли Филаретъ Романовъ устроилъ патріаршее вѣдомство для борьбы съ гражданскою неправдою на Руси?

Что же, православно ли мыслятъ тѣ, кто требуютъ «отдѣленія Церкви отъ государства» и настаиваютъ на томъ, что всѣ политическія событія и явленія должны быть «безразличны» Православной Церкви? Не ересь ли пытаются они навязать намъ?

Два раза изнемогала Русь въ своей исторіи отъ порабощенія иноземцами и иновѣрцами. Преподобный Сергій воззвалъ къ ней въ первый разъ и вдохновилъ ее къ освобожденію. Святѣйшій Гермогенъ воззвалъ къ ней во второй разъ и вдохновилъ ее къ очищенію и воссоединенію.

Нынѣ Россія изнемогаетъ въ третій разъ, порабощенная безвѣрнымъ и безбожнымъ, инороднымъ и международнымъ скопищемъ. И нынѣ, какъ и встарь, она ждетъ, что прозвучать зовущіе и вдохновляющіе голоса ея святыхъ и святителей?

Церковь не можетъ и не должна быть партійною и мѣрить политическимъ мѣриломъ. Но развѣ «третій интернаціональ» есть политическая партія? Но развѣ безбожное кощунство, религіозное совращеніе и нравственное растлѣніе цѣлаго народа, великаго народа и православнаго народа, развѣ дѣло посягающаго антихриста не вѣситъ на священныхъ вѣсахъ Царства Божія, не взываетъ къ Церковному осужденію, не побуждаетъ благословить тотъ мечъ, который нѣкогда благословили Сергій и Гермогенъ?!

Господи! Возроди въ Православной Церкви духъ пророческій и водительный!

Господи! Спаси Россію!

Православный.

ПАΘОСЪ ГЕРОИЗМА И ИДЕИ СОВРЕМЕННОСТИ.

Среди многихъ легендъ о неукротимомъ Роландѣ *) есть одна, исполненная глубокаго смысла и символическаго содержанія. Ея фабула такова.

Однажды друзья рассказали Роланду, что гдѣ-то, неподалеку, посреди глубокаго озера, на пустынномъ островѣ — возвышается мрачный, неприступный замокъ, а въ немъ живетъ злой, старый волшебникъ. Еще никому не удавалось проникнуть внутрь замка, ибо волшебникъ убивалъ своихъ враговъ на разстояніи — чѣмъ-то невидимымъ: блеснетъ огонь, грянетъ громъ и нападающій падаетъ пораженнымъ.

Не задумываясь, Роландъ рѣшилъ, что онъ долженъ сразиться со злодѣемъ и избавить отъ него міръ. Онъ находитъ озеро, садится въ лодку и безстрашно ѣдетъ одинъ, къ чуть виднѣющейся съ берега громадѣ замка, какъ бы поднимающейся прямо изъ воды. И вотъ, когда онъ былъ уже совсѣмъ близко и все кругомъ было такъ тихо, что казалось, будто замокъ необитаемъ и какъ бы умеръ, — вдругъ блеснулъ огонь, что-то загремѣло и ударило въ воду рядомъ съ лодкой... Еще и еще разъ... Но чудомъ невидимый, рыцарь съ однимъ мечомъ въ рукахъ, добрался до острова, ворвался въ замокъ и убилъ волшебника: маленькаго, тщедушнаго старика. А на полу, рядомъ съ нимъ, онъ нашелъ его таинственное, злое оружіе... Это была какая-то странная палка, съ механизмомъ посрединѣ, кончавшаяся длинной, желѣзной трубкой. Роландъ взялъ его съ собой, отѣхалъ на самое глубокое мѣсто, съ презрѣніемъ разломалъ это подлое оружіе на куски и выбросилъ въ воду.

*) Въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ XIX вѣкѣ онъ названъ «неистовымъ» Роландомъ, не истовымъ (?!).

Но, совершивъ свой подвигъ, Роландъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что побѣда не дала ему радости. Глубокая тоска охватила его душу.

— Вотъ, — думалъ онъ, — я убилъ этого гнуснаго старика и уничтожилъ его злое дѣло; но я не спасъ этимъ міра отъ коварства и хитрости. Наступитъ когда-нибудь время, когда кто-нибудь другой придумаетъ такое же оружіе и когда каждый сможетъ его имѣть. И это будетъ означать, что пришла смерть рыцарству. Ибо если каждый, самый ничтожный и робкій, прячась, не въ открытомъ и честномъ бою, не осмѣливаясь даже подойти къ своему врагу, сможетъ поразить издалека самага храбраго и самага сильнаго, — рыцарство умретъ: это будетъ днемъ смерти героизма и доблести, мужества и отваги. Это будетъ означать, что міромъ начнутъ править не самые прямые, благородные и доблестные, а самые коварные, расчетливые и хитрые... —

Таково содержаніе этого прекраснаго, пророческаго сказа.

Меня не смущаетъ наивность этой легенды. Она придаетъ ей только особую прелесть и не мѣшаетъ ощутить всю глубину ея содержанія. Мнѣ не важно сейчасъ: «правъ» ли былъ храбрый и не мудрствовавшій рыцарь? Правъ ли онъ былъ, думая, что до него міромъ правила отвага и доблесть, и не ошибался ли онъ, боясь, что какое бы то ни было изобрѣтеніе сможетъ хоть когда-нибудь устранить героизмъ, сможетъ потушить извѣчную и неугасимую человѣческую потребность. Мнѣ не это важно. Говоря «по современному», мы сейчасъ пожалуй даже упрекнули бы Роланда въ преувеличенномъ представленіи о значеніи «матеріальныхъ факторовъ». Но за всѣмъ этимъ въ легендѣ остается яркое изображеніе столкновенія двухъ извѣчно борющихся началъ, двухъ человѣческихъ типовъ и психологій; въ ней остается и элементъ подлиннаго пророчества. Ибо несомнѣнно, что та эпоха, о которой съ такимъ ужасомъ, тоской и омерзеньемъ, по разсказу легенды, думалъ Роландъ — уже наступила; въ эту эпоху жили наши отцы, а мы сейчасъ доживаемъ и изживаемъ ее...

Въ чемъ же выразилась эта новая эпоха и что же измѣнилось въ судьбахъ героизма?..

— Не въ могучемъ ли и безпредѣльномъ ростѣ техники? Но мы-то знаемъ теперь, что «съ появленіемъ ружья» — героизмъ не умеръ; что вообще нельзя матеріально умертвить того, что бессмертно...; и что съ новыми техническими достиженіями люди лишь углубляютъ, разнообразятъ и расширяютъ способы проявленія извѣчной человѣческой потребности и страсти, — виды человѣческаго героизма...

Можетъ быть иная, новыя условія жизни (соціально экономическій факторъ) породили иные нравы, иная потребности, въ результатѣ которыхъ умеръ герой и родился новый «средній человѣкъ»? Да, конечно, душа каждой эпохи неотрываема отъ ея тѣла. Но мы какъ разъ отрицаемъ неизбывную зависимость человѣческаго духа отъ его тѣла и отъ соціального фактора...

Или, быть можетъ, все сводится къ тому «движенію» въ безконечномъ «историческомъ пространствѣ», которое даже движеніемъ можетъ быть названо лишь въ смыслѣ смѣны поколѣній и которое почему-то называютъ «прогрессомъ»? Но я думаю, что историческое «движеніе» совсѣмъ не есть еще тѣмъ самымъ движеніе впередъ и что не всякое развитіе есть уже прогрессъ. Мнѣ чуждъ этотъ наивный позитивистическій мистицизмъ, эта «религія» самодовлѣющаго «движенія» или «прогресса».

И именно поэтому я думаю, что объективная историческая справедливость легенды заключается не въ томъ, что «героизмъ умеръ», а въ томъ, что онъ угашался и погашался тѣми идеями, которыя господствовали въ изживаемую нами эпоху. Идеи вообще имѣютъ свою жизнь и свое движеніе; онѣ не зависятъ въ конечномъ счетѣ ни отъ технически-матеріальныхъ, ни отъ соціальныхъ факторовъ; онѣ не зависятъ и отъ мнимо новыхъ и мнимо «прогрессивныхъ» условій жизни. Онѣ изживаются и теряютъ свою жизненную силу.

И вотъ, господствовавшія идеи нынѣ уже уходящей эпохи— въ своихъ умыслахъ и намѣреніяхъ «отмѣняли» героизмъ, или въ лучшемъ случаѣ «устраняли» и отстраняли его за ненужностью. А люди этой эпохи, тѣ, которые эти идеи восприняли, «растлѣнные» этими идеями, всѣми силами психически отталкивались отъ героизма. Закоренѣлые и вѣрные сторонники этихъ идей, пропитавшіе ими свои вкусы, на-

выки и эмоціи, не могли не ощущать героизмъ, какъ пережитокъ стараго, въ лучшемъ случаѣ наивнаго и «глуповатаго» времени; въ худшемъ случаѣ они относили нѣкоторыя проявленія его прямо къ эпохѣ господства грубой силы; это еще ничего, если они считали его только смѣшнымъ («ридикюль»), чаще — варварскимъ, низменнымъ, не «прогрессивнымъ», признавая и «легализуя» лишь нѣкоторыя его формы, не понимая, что стихія его всегда и во всемъ едина; — ибо, конечно, Роландъ и Галилей, Колумбъ и Гусь, и всѣ тѣ безчисленные «маленькіе герои», творцы жизни на всѣхъ ея путяхъ и во всѣхъ ея областяхъ, — суть братья по духу. И если, въ изживаемую нами эпоху, одни изъ нихъ признавались, а другіе отрицались, то это показываетъ только, что признавалась не стихія героизма, а лишь та (своя) область, въ которой данный человѣкъ дѣйствовалъ, хотя бы и героически. Это показываетъ, что самого героизма, какъ вѣрнаго жизненнаго метода, какъ нормальнаго творческаго начала — не воспринимали, отрицали его, чурались.

Но о какихъ же именно идеяхъ идетъ рѣчь?

Культь большинства, поиски «средняго ариѳметическаго», неизбѣжное стремленіе все с низ ить, а иногда и с р ѣ з а т ь возвышающіяся надъ толпой головы, тяга къ срединности, страсть уравниательства, «сладострастіе уравниенія», — таковъ тотъ еще недавно безраздѣльно господствовавшій комплексъ идей и чувствованій, изъ подъ власти котораго мы еще только начинаемъ высвободяться *).

Культь и паѳосъ героизма предѣльно эти идеи исключаютъ. Они абсолютно съ ними несоединимы и даже прямо имъ противоположны. Культь героизма есть культь исключительной личности; тѣмъ самымъ онъ утверждаетъ неравенство, какъ нѣкую неизбывную стихію жизни, какъ суровый и жестокий законъ самой жизни, какъ источникъ творчества и движенія. Неравенство есть предпосылка героизма. Болѣе того: если такъ обстоитъ въ логической плоскости, то еще разительнѣе психологическое взаимоотталкиваніе между культомъ невыдѣляющагося и паѳосомъ выдающагося.

*) Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить только о проявленіяхъ героизма въ общественной и государственной жизни.

Представимъ себѣ на минуту, что тотъ прѣсный «земной рай», тотъ «истинный прогрессъ», неосуществимыми идеями осуществленія котораго бредятъ «властители вѣка сего», — когда-нибудь наступить... Въ этомъ мірѣ, представляющемъ изъ себя комбинацію сѣраго острога съ прекраснодушно-слащавой сектантской молельней, — не оказался ли бы герой въ положеніи Потока-Богатыря, попавшаго въ анатомическій театръ (см. у графа А. К. Толстого)? Но и болѣе того, — герой былъ бы помѣхой, врагомъ этого «рая», ибо онъ даже не борясь съ нимъ, однимъ своимъ присутствіемъ — опрокидывалъ бы его. Въ этомъ раю герой навѣрное былъ бы объявленъ «врагомъ народа» и «соціально опаснымъ элементомъ»...

Послѣдовательное, до конца додуманное философское оправданіе и пріятіе героизма, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ подлинной и живой жизни, есть признаніе и пріятіе неравенства. И еще болѣе, — это есть признаніе того, что міръ лежитъ во злѣ, которое неустранимо никакимъ «общественнымъ договоромъ», или «истиннымъ прогрессомъ», или «деклараціей Вильсона»; во злѣ, борьба съ которымъ требуетъ непрерывнаго индивидуальнаго подвига...

Все, чему «хозяева положенія», «люди вѣка сего» настойчиво учатъ довѣрчивыя массы и низы народа, есть призывъ къ умерщвленію героя. Ибо они говорятъ народу, что онъ самъ можетъ и долженъ устранивать свою судьбу; они прививаютъ ему вредныя и усыпительныя грѣзы «ни-въ-комъ-ненуждаемости», самонадѣянной горделивости и всяческаго «анти-водительства». Они говорятъ ему неправду о мірѣ и жизни, неправду о законахъ, управляющихъ жизнью обществъ.

«Тебѣ не нужны вожди, тебѣ не нужны герои! Ни за кѣмъ не иди! Веди и приказывай самъ! Ты — хозяинъ, а мы твои слуги!...»

А съ этимъ неизбежно связано и отвращеніе народнаго взора отъ неба...

«... И сладкій горошекъ достанется намъ!
А царство небесное мы воробьямъ
И ангеламъ Божьимъ уступимъ...»

Такъ нѣкогда аргументировалъ Бебель свою социальную утопію — стихами Гейне. —

Въ каждомъ народѣ всегда есть элементъ «дѣтства» и святой дѣтскости, — грубаго, жестокаго, наивнаго, но довѣрчиваго и ищущаго. И эту его тягу ввысь и вверхъ, всѣ его неизбѣжныя тяготы и бремена, и поиски того, кто бы вывелъ его изъ нихъ, повелъ и помогъ, — они пытаются замѣстить самоудовольствомъ «сладкаго горошка» и культивированіемъ его собственныхъ слабостей и пороковъ.

Образно выражаясь, можно сказать, что на окна его дома, въ которыя народъ можетъ видѣть небо, они вѣшаютъ зеркала, въ которыя онъ не долженъ видѣть ничего, кромѣ самого себя...

Героя, подвижника, личнымъ напряженіемъ и усиліемъ ведущаго и спасающаго народъ, всегда вдохновленнаго идеей жертвы и служенія — они всегда старались оттѣснить и заслонить, или, въ лучшемъ случаѣ «ощипать». Для себя же они придумали званіе «народныхъ слугъ» и «исполнителей его воли». И какъ часто здѣсь совершается тотъ самый обманъ, который произошелъ въ извѣстной, поистинѣ символической сказкѣ Пушкина о «работникѣ Балдѣ»: ибо они нерѣдко «служать» народу такъ же, какъ Балда «пронесъ» лошадь... сѣвъ на нее верхомъ...

Средній человѣкъ, если онъ утверждаетъ свою «средность», какъ цѣнную и должную, — не можетъ не бояться и не ненавидѣть героя. Для людей съ бѣдной эстетикой и съ обильной завистью — герой есть конкуррентъ, помѣха и «затмитель»: изъ-за него можно остаться незамѣченнымъ и забытымъ. Средній человѣкъ, которому его собственная базкрасочность не внушаетъ естественнаго чувства скромности, а «носится» имъ, какъ нѣкій единственно приличный современный мундиръ и даже, какъ нѣкое идейное знамя, долженъ чувствовать себя въ присутствіи героя примѣрно такъ, какъ почувствовали себя два полячка послѣ появленія въ «Мокромъ» Дмитрія Карамазова: не у дѣлѣ!...

Нужны ли республикѣ герои? Французская революція, умертвившая короля, королеву и королевство (правда, чтобы создать вскорѣ имперію!), быть можетъ впервые за все исторически обозримое время создавшая идейно насыщенную и напоенную духомъ республиканизма — рес-

публику, — та, по началу, думала даже, что «республика не нуждается» и «въ ученыхъ». Это, конечно, было «нѣкоторое» преувеличеніе. Но что господствующія идеи современности учать и убѣждаютъ, что республика не нуждается въ герояхъ — это несомнѣнно; онѣ могли бы свободно сказать толпѣ, что герой — «герой не ея романа...»

Если человѣкъ хочетъ узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и даже познать себя, кто онъ самъ, то самымъ вѣрнымъ способомъ является осознать и прочувствовать, не чтѣ онъ думаетъ и говоритъ, а къ чему его тянетъ, чтѣ его привлекаетъ и притягиваетъ къ себѣ, чтѣ онъ считаетъ красивымъ, какъ о в а его «эстетика». И вотъ какъ разъ эстетика подлиннаго героизма прямо противоположна эстетикѣ «героя современности». Къ чему копья и шлемы, когда есть векселя и биржа? Къ чему Наполеонъ и Великая Армія, когда есть Вильсоны, 11 пунктовъ и Лига Націй?!

Такъ называемая «передовая демократія Европы» ведетъ сейчасъ послѣдовательную и упорную борьбу съ «военной психологіей». Но въ чемъ существо этой борьбы? Есть ли это только борьба за мирный трудъ, борьба противъ страшнаго и кроваваго времени, противъ новаго возможнаго кровопролитія, матеріальнаго разоренія, соціальныхъ взрывовъ и культурнаго оскудѣнія? Если бы мы вообразили, что этотъ разумный и законный мотивъ является единственнымъ, — мы бы глубоко ошиблись. Можетъ быть въ гораздо большей степени это есть попытка со стороны довоенныхъ людей произвести нѣкую духовную и идейную реставрацію; ибо это есть борьба противъ всего того, что рождено во время войны и благодаря ей; это есть борьба свѣтской и обезцерковленной Франціи съ тою Франціей, которая пошла во время войны въ храмы, фигурально выражаясь, это есть борьба «Комбовъ» съ «Фошами». И если современная Франція попрежнему празднуетъ, какъ національный (!) праздникъ, 14-ое іюля, то война, быть можетъ, уже возродила и оживила подлинно-национальный образъ Жанны Д'Аркъ, — образъ не раздѣленія, а единства, образъ національнаго освобожденія, а не образъ взятія пустой Бастиліи...

Я могъ бы выразить это по-русски именами Златовратскаго и Гумилева, — не давая какого-либо догматическаго изложенія сущности героизма. Ибо «смазать» противоположность

этихъ человѣческихъ образовъ невозможно: между ними надо выбирать. Кто теперь читаетъ Златовратскаго и не знаетъ Гумилева? Но этотъ вопросъ неизбежно вызываетъ другой, общій: всегда ли живой ткани народной духовной жизни соотвѣтствуютъ тѣ идеи, которыя почитаются данной эпохой и входятъ въ ея канонъ? .. — Можно отвѣтить: почти никогда! Ибо жизнь движется быстрѣе; идеи консервативнѣе, чѣмъ дѣйствительность. Тотъ въ сущности довоенный, «антигероическій» канонъ, повидимому, все еще является официальной «религіей»; и въ то же время довоеннымъ жрецамъ уже приходится реставрировать его съ огромными усиліями. Онъ уже не соотвѣтствуетъ духу новой современности, онъ высвобождается изъ подъ него, подобно тому, какъ живая ткань тѣла заставляетъ медленно отсыхать покрывающій ее струпъ. Ибо духъ современности, имѣя опытъ великой войны, неприемлетъ довоеннаго «канона», онъ уже напитанъ инымъ паѳосомъ.

Война — это не только бичъ человѣчества, наряду съ голодомъ, моромъ и землетрясеніемъ; но это есть то время, когда меркнуть «Блоки» и расцвѣтаютъ «Гумилевы»; когда господиномъ положенія становится не Парисъ, а Гекторъ... Это не только господство грубой силы и злобы, время, когда замолкаетъ поэтъ и ученый, артистъ и художникъ; но это также и время, когда рождается доблесть и мужество, отвага и честь, любовь и самоотверженность; — время появленія новыхъ людей съ новой психологіей, тѣхъ, кто привыкъ быть хозяиномъ своей жизни и смерти, —

Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстремы и мель...,

— время, когда рождаются герои. —

Я хотѣлъ бы быть до конца понятымъ. Все, здѣсь высказанное не есть только личное измышленіе. Я готовъ утверждать, что также думаютъ и чувствуютъ многіе и многіе, даже безотносительно къ странамъ и національностямъ, особенно люди извѣстнаго поколѣнія: и мои сверстники, и люди моложе меня. Въ этомъ смыслѣ все изложенное есть какъ бы и нѣкое свидѣтельское показаніе. Иллюстрируя это русскими примѣрами и образами, можно сказать, что люди этого поколѣнія, искренно отдавая должное образу честнаго и либеральнаго предсѣдателя земской управы, весь паѳосъ котораго ис-

черпывался «аптечками и библиотечками», впервые нашли, поняли и до конца возлюбили образ рядового Архипа Осипова, во всей его патриотической красотѣ и простотѣ...

Когда волей исторіи они, молодыми студентами, или даже юными мальчиками вошли въ казарму, черезъ которую (хвала Богу!) почти всѣ они прошли, — они съ удивленіемъ увидели на ея стѣнахъ рядъ (пусть и лубочныхъ!) картинъ героическаго и патриотическаго содержанія. Это было для большинства изъ нихъ ново... И они прежде всего не могли не задуматься надъ тѣмъ, почему въ кабинетѣ ихъ отца висѣлъ портретъ какого-то господина съ бородой, росшей откуда-то изъ шеи, и почему тамъ не было ни одного изъ тѣхъ, которые висѣли въ казармѣ, которые говорили о чемъ-то новомъ и совсѣмъ другомъ...

Въ своемъ подавляющемъ большинствѣ люди этихъ поколѣній дошли до своего міровоззрѣнія и до своей «эстетики», увы, безъ помощи предыдущаго поколѣнія, дошли самостоятельно, сами; они — самоучки. Въ этомъ, можетъ быть, и ихъ слабость; но отсюда, какъ всегда это бываетъ, и твердость ихъ убѣжденія. —

Все мною сказанное здѣсь, по своимъ цѣлямъ, не есть скрытая «филиппика» противъ ортодоксальныхъ идей демократіи или завуалированное опороченіе республики, какъ формы правленія — во что бы то ни стало... Но духъ, «религія» демократизма и республиканизма — мнѣ дѣйствительно глубоко чужды; и притомъ именно потому, что я воспринимаю этотъ духъ, какъ отвращающій взоръ человека отъ Бога на небѣ и отъ героя на землѣ. Я знаю однако, что среди республиканцевъ и демократовъ есть люди, не считающіе это ни для себя, ни вообще обязательнымъ. Тѣмъ лучше... Моя борьба «не противъ плоти и крови». Я не сектантъ. Я самъ измѣряю тѣ или иныя формы только ихъ большей или меньшей способностью вмѣщать въ себя — духъ героизма, соціально облагораживающаго и заразительно возвышающаго, духъ національнаго горѣнія, безраздѣльный пафосъ Родины, пафосъ долга и жертвы, водительства и служенія. Люди, единожды ощутившіе ихъ и возлюбившіе — до конца дней своихъ имъ обречены.

При рѣшеніи вопроса о формѣ правленія, конечно, огромную роль играютъ традиціи и то или иное отношеніе къ своему историческому прошлому. Но мнѣ думается, что для Россіи вопросъ стоитъ глубже. Въ тотъ моментъ, когда съ нея спадетъ, вѣрнѣе будетъ снята интернаціональная кора, — это есть первая и ничѣмъ незамѣнимая задача, — встанетъ вопросъ не о формѣ правленія, а о томъ, чтобы эта форма была наполнена и напоена подлинно творческимъ и творчески-патріотическимъ содержаніемъ.

Волевая личность, годная и лично-отвѣтственная, способная увлекать и вести, водить, водительствовать и служить, подчинять и жертвовать, все требовать, но и все отдавать — должна быть восстановлена въ своихъ правахъ. Россія и не освободится, и не возродится безъ героев! Герои нужны ей и для освобожденія и для восстановленія!

Героизмъ долженъ быть введенъ въ государство, какъ нѣкое творческое и животворное начало.

Н. Цуриковъ.

ЖИВОЙ ОПЫТЪ КОММУНИЗМА.

(Къ десятилѣтію русской революціи).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ коммунисты начали свой хозяйственный опытъ въ Россіи. И теперь мы можемъ подвести трезвые и беспощадные итоги ихъ затѣѣ. Впервые въ исторіи человѣчества былъ осуществленъ такой опытъ — съ такимъ зарядомъ рѣшимости, въ такомъ размѣрѣ, съ такимъ использованіемъ всѣхъ средствъ, съ участіемъ знающихъ и опытныхъ специалистовъ.

Что далъ этотъ опытъ? Чему должны были научиться въ немъ всѣ русскіе люди? Какіе уроки несетъ онъ всему человечеству?

«Старый міръ» въ Россіи разрушенъ. Но не восторжествовали ли въ этомъ разрушеніи, не реабилитированы ли его экономическія основы: частная собственность и свобода хозяйствованія? Удалось ли и можетъ ли удасться созданіе «новаго міра» на противоположныхъ основахъ? Постигъ ли русскій народъ, пользуясь этимъ дорогимъ, но вѣрнымъ способомъ «нагляднаго обученія», что есть такія основы хозяйства и права, которыя безнаказанно нарушать нельзя? Явится ли это просвѣтленное опытомъ народное сознаніе источникомъ будущаго хозяйственнаго возрожденія Россіи? —

Говоря о томъ, что пытались создать и чего не создали большевики за эти годы въ Россіи, необходимо всегда тщательно различать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что создано ими, и что создано или восстановлено помимо нихъ и даже вопреки имъ.

Хозяйственная жизнь великаго народа не могла остановиться совершенно — какъ бы ни насилывала ее коммунистическая власть. Нужно было какъ-нибудь жить, нужно было удовлетворять насущныя потребности. Относительно быстрое восстановленіе сельско-хозяйственнаго производства (въ нату-

ральных формахъ) является въ этомъ отношеніи особенно показательнымъ. Ясно, что если со времени «Нэпа» крестьяне значительно увеличили свои посѣвы и оправились хозяйственно (по сравненію съ голодными годами «военнаго коммунизма»), то произошло это не только помимо власти, но и вопреки ей, ибо она не снабжала крестьянъ, въ достаточномъ количествѣ, ни земледѣльческими орудіями, ни другими средствами производства, ни просто товарами; а если и снабжала, то по чудовищнымъ цѣнамъ и плохого, часто негоднаго качества.

До «Нэпа», т. е. до 1921 года, большевики думали осуществить въ Россіи коммунистическій строй въ полномъ объемѣ. Программа ихъ была такова: «Продразверстка», т. е. принудительное и безвозмездное отчужденіе у крестьянъ всѣхъ продовольственныхъ «излишковъ»; распредѣленіе всѣхъ продуктовъ въ городахъ по карточкамъ; управленіе фабриками и заводами при посредствѣ коллегіальныхъ рабочихъ органовъ; безвозмездность государственныхъ и коммунальныхъ услугъ (даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, даровое пользованіе почтой, электричествомъ и т. п.); и все это увѣнчанное отмѣной всѣхъ налоговъ и денегъ! И эту программу, большевики осуществляли четыре года на русскомъ опытномъ полѣ, съ настойчивостью и послѣдовательностью маниаковъ.

Когда этотъ опытъ послѣдовательнаго осуществленія коммунистическаго (соціалистическаго тожъ) ученія привелъ къ вымиранію милліоновъ людей отъ голода въ деревнѣ и въ городѣ, къ небывалому въ исторіи параличу всей промышленности (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея производство упало до 3—5% дореволюціоннаго уровня) и всей хозяйственной жизни страны, — тогда большевики не только пошли на «уступки» (Нэпъ!), но и поспѣшили заявить, что все, что они до сихъ поръ дѣлали, было лишь «военнымъ коммунизмомъ», что они «вынуждены» были къ этимъ мѣрамъ, къ этой политикѣ тѣмъ, что на всѣхъ фронтахъ шла гражданская война.

Въ дѣйствительности это былъ вовсе не «военный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ, отъ котораго большевики вынуждены были отречься, ибо не только всей странѣ грозила гибель, но въ общей катастрофѣ и они были бы сметены изнутри. Пришлось уступать.

«Требованіе свободы торговли вооружило форты Кронштадта», — писала недавно «Экономическая Жизнь».

Во всякомъ случаѣ, важно разъ навсегда твердо установить и запомнить, что въ 1921—22 г. потерпѣлъ крушеніе не какой-нибудь «военный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ.

Послѣ этого пораженія большевики отступили на свои «командныя высоты». Они волей-неволей отказались отъ мысли насадить коммунизмъ въ 120-тимилліонной крестьянской массѣ, но они удержали за собой тѣ экономическія позиціи, опираясь на которыя они рассчитывали построить грандіозную систему экономической эксплуатаціи этой крестьянской массы. Они оставили за собой тѣ экономическія позиціи, безъ которыхъ они не могли бы удержать своей политической власти. Ибо большевицкая власть держится въ Россіи десять лѣтъ не только терроромъ, но такъ же и тѣмъ, что она въ исторически невиданныхъ размѣрахъ сумѣла использовать средства экономического принужденія какъ орудіе политическаго господства.

Опираясь на эти тыловыя позиціи, совѣтская власть стала осуществлять «куцый» социализмъ, поставивъ себѣ главными конкретными задачами: 1) подчиненіе всей хозяйственной жизни страны единому плану; 2) созданіе новаго капитала въ порядкѣ «соціалистическаго» накопленія; и 3) осуществленіе на основѣ этого новаго капитала — «индустриализаціи» страны въ американскомъ масштабѣ.

Все это должно закрѣпить за коммунистами «русскій плацдармъ» для подготовки міровой революціи. —

Итакъ, первая задача состояла въ томъ, чтобы, опираясь на экономическія командныя высоты (націонализованную крупную и среднюю промышленность, монополію внѣшней торговли, государственный торговый аппаратъ и монополію кредита и транспорта) — управлять всею хозяйственной жизнью страны согласно единому, вырабатываемому въ центрѣ плану и тѣмъ подчинить «анархическую» хозяйственную стихію 150-тимилліоннаго народа единой волѣ политической и хозяйственной диктатуры.

Для осуществленія этой цѣли, московскія совѣтскія учрежденія, съ затратой невѣроятнаго количества силъ, времени

и бумаги, вырабатываютъ ежегодно народно - хозяйственный планъ, называемый «Контрольныя цифры народнаго хозяйства» на такой-то годъ; кромѣ того, недавно законченъ разработкой (и уже признанъ самими большевиками совершенно неудовлетворительнымъ!) пятилѣтній планъ, такъ назыв. «пятилѣтка»; на ряду съ этимъ идетъ разработка такого же плана — уже на . . . пятнадцать лѣтъ . . .

Впервые детальныя «контрольныя цифры» были разработаны на 1925—26 годъ и опубликованіе ихъ было торжественно отпраздновано, какъ одно изъ самыхъ крупныхъ «достиженій» послѣднихъ лѣтъ въ области социалистическаго строительства.

«Контрольныя цифры» должны были явиться не только «прогнозомъ», но и «директивой». Въ развитіе ихъ составлялись уже операціонные планы по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства.

Первыя «контрольныя цифры» стремились «объять необъятное». Такъ они устанавливали общій уровень товарныхъ цѣнъ на каждый мѣсяць наступающаго года. Устанавливался за годъ впередъ не только точный размѣръ будущаго экспорта, но и размѣры денежной эмиссіи, кредитныхъ операцій и т. п.

Но первый же годъ этого торжества планового хозяйства былъ и годомъ перваго планового провала. Совѣтскіе планы потерпѣли жестокое крушеніе не только потому, что это было покушеніемъ съ негодными средствами, что планы были составлены плохо, но и потому, что хозяйственная жизнь сама по себѣ такой рационализациі не поддается. Тамъ, гдѣ дѣло касалось производственныхъ плановъ казенной промышленности, приближеніе плановъ къ дѣйствительности было наибольшимъ. Здѣсь вопросъ шелъ лишь объ установленіи производственной способности фабрикъ и заводовъ при данныхъ условіяхъ; о сбытѣ при наличности товарнаго голода беспокоиться пока не приходилось. Но зато наибольшія расхожденія плановъ съ дѣйствительностью получались тамъ, гдѣ дѣло шло о планированіи такихъ «стихійныхъ» элементовъ хозяйства, которые по существу своему вообще планированію не поддаются. Въ Россіи такова была, конечно, прежде всего, вся область крестьянскаго (теперь фактически совпадающаго съ сельскимъ) хозяйства. Какія тяжелыя разочарованія пришлось испытать большеви-

камъ въ этой области, это они не разъ высказывали сами въ минуту отчаянія.

Столь же сильные «просчеты» оказались въ области внѣшней торговли, въ выпускѣ денегъ и въ сферѣ кредита. Это заставило составителей «контрольных цифръ» въ слѣдующемъ, 1926—27 году, проявить значительно большую умѣренность и скромность. Теперь они уже не предсказываютъ и не предписываютъ движенія цѣнъ по мѣсяцамъ и вообще снабжаютъ свою экономическую астрологию цѣлымъ рядомъ оговорокъ.

Но и въ болѣе узкой области своего собственного, казеннаго, совѣтскаго хозяйства, большевики не могутъ добиться осуществленія и проведенія своихъ плановъ. Почти каждый день приходится читать о томъ, что совѣтскіе планы запаздываютъ и нерѣдки случаи, когда они утверждаются по окончаніи отчетнаго года, при этомъ они безконечно передѣлываются и перекраиваются, и это вноситъ огромную путаницу и анархію въ производство.

Такимъ образомъ, въ этомъ основномъ своемъ программномъ требованіи — планового хозяйства, подчиненія стихіи хозяйственной жизни планамъ экономической диктатуры, большевики потерпѣли самое серьезное поражение. «Жизнь идетъ мимо насъ», — сказалъ въ своей предсмертной рѣчи Дзержинскій. —

Какъ неоднократно признавались въ этомъ сами большевики, все совѣтское хозяйство, вся ихъ экономическая система была построена на «проживаніи», «проѣданіи», «растратѣ» — таковы ихъ подлинныя выраженія — полученныхъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя, отъ дореволюціонной Россіи капиталовъ — будь то капиталъ денежный, или вещный (машины, желѣзно-дорожный подвижной составъ, дома и т. п.), или «живой» капиталъ, заключающійся въ накопленныхъ десятилѣтіями знаніяхъ и опытѣ инженеровъ, рабочихъ и т. д.

Еще «контрольныя цифры» на 1925—26 г. ставили задачу: «прекратить растрату основного капитала во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, гдѣ этотъ процессъ еще имѣетъ мѣсто».

Что эта цѣль и сейчасъ — въ 1927 г. — не достигнута, объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы передовая «Экономической Жизни» отъ 17 августа 1927 года: «Можно считать установлен-

нымъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ транспортъ хронически проѣдалъ свой основной капиталъ».

Но когда послѣ всѣхъ произведенныхъ разрушеній большевикамъ пришлось въ интересахъ самосохраненія и удержанія власти подумать о возстановленіи разрушеннаго, передъ ними всталъ роковой вопросъ о необходимости громадныхъ капиталовъ, исчисляемыхъ милліардами золотыхъ рублей.

Откуда же взять капиталъ въ странѣ, гдѣ не только «рас-траченъ» и «проѣденъ» старый капиталъ, но гдѣ старательно уничтожены самыя побужденія и отсутствуютъ правовыя предпосылки—для накопленія новаго капитала?

Дѣйствительно, единственная область, гдѣ происходитъ реальное накопленіе капитала въ совѣтской Россіи, это — сфера крестьянскаго хозяйства. Но здѣсь это накопленіе происходитъ почти исключительно въ формахъ натуральныхъ (увеличеніе количества скота, новыя постройки и т. п.), а поскольку происходитъ нѣкоторое накопленіе и въ денежной формѣ, крестьяне всего менѣе склонны довѣрять свои сбереженія совѣтской власти. Объ этомъ свидѣлствуетъ статистика совѣтскихъ сберегательныхъ кассъ.

Другой теоретически возможный источникъ капитала это сама казенная промышленность. Это то «соціалистическое накопленіе» — о которомъ такъ много говорятъ большевики. Но здѣсь, какъ извѣстно, за немногими исключеніями, происходитъ не накопленіе новыхъ, а растрата старыхъ капиталовъ.

При такихъ условіяхъ, большевикамъ ничего не оставалось, какъ искать суррогатовъ накопленія капитала.

Сначала — въ 1925—26 г. — они рассчитывали получить большія суммы, необходимыя въ этомъ году для возстановленія разрушенной промышленности, однимъ смѣлымъ ударомъ, одной удачной спекуляціей: скупить задешево крестьянскій хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты, использовавъ свое монопольное положеніе на рынкѣ, и продать этотъ хлѣбъ съ прибылью за границей.

Но тутъ-то на первыхъ порахъ оказалось, что «регулировать» мужика не такъ просто. Крестьяне хлѣбъ продавали неохотно; и чтобы побудить ихъ усилить продажу, совѣтскимъ закупочнымъ органамъ пришлось сильно поднять цѣны. Въ резуль-

татѣ, вмѣсто спекулятивнаго «заработка» въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, пришлось приплачивать по убыточному хлѣбному экспорту.

Тогда обратились къ другому источнику — выпуску денегъ. По тѣмъ же контрольнымъ цыфрамъ на 1925—26 г. выпускъ новыхъ денежныхъ знаковъ долженъ былъ достигнуть за годъ 830 милл. рублей и дать, такимъ образомъ, новыя значительныя средства на возстановленіе разрушенной промышленности. Но уже въ первые мѣсяцы, когда новая эмиссія едва достигла 200 милл. рубл., обнаружались явные признаки новой инфляціи (т. е. чрезмѣрности выпуска), со всѣми ея опасными для совѣтскаго хозяйства послѣдствіями. Большевикамъ пришлось быстро затормозить дальнѣйшій выпускъ. Такимъ образомъ, и этотъ суррогатъ реального накопленія капитала не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ.

Тогда обратились къ третьему, наиболее реальному и дѣйствительному суррогату свободного накопленія капитала. Всѣ виды налоговъ — въ первую очередь единый сельскохозяйственный налогъ и всѣ косвенные налоги были рѣзко повышены; и отнынѣ почти вся тяжесть финансированія новаго промышленнаго строительства была перенесена на государственныя бюджеты.

По признанію Рыкова и другихъ большевицкихъ главарей и этотъ источникъ использованъ почти до предѣла возможнаго; между тѣмъ, изношенность стараго оборудования фабрикъ и заводовъ достигла такихъ размѣровъ, что и средствъ, добываемыхъ въ порядкѣ усиленнаго обложенія населенія — въ первую очередь крестьянства — не хватаетъ.

Такимъ образомъ, попытка замѣны свободного творчества и свободного сбереженія, творческаго образованія капиталовъ, которое во всѣхъ странахъ даетъ средства для возстановленія и расширенія промышленности, замѣны ихъ социалистическими и спекулятивными суррогатами — потерпѣла полную неудачу. Этотъ вопросъ и не можетъ быть разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ возстановлены въ Россіи хозяйственныя и правовыя предпосылки накопленія капиталовъ и вообще сбереженія: производительное частное, а не паразитическое казенно-социалистическое хозяйство, и основанный на частной соб-

ственности прочный гражданскій порядокъ. —

Но далѣе можно было бы привести сотни свидѣтельствъ самихъ совѣтскихъ хозяйственниковъ, что совѣтская власть и при расходованіи собранныхъ денегъ оказывается расточителемъ и сквернымъ хозяиномъ.

Всѣ эти свидѣтельства и сейчасъ покрываются той характеристикой совѣтскаго хозяйствованія, которая болѣе года тому назадъ была дана Рыковымъ въ бюджетной рѣчи, произнесенной въ союзномъ ЦИК'ѣ:

«Капиталистъ, начинавшій лишь свою капиталистическую карьеру, сначала пѣшкомъ ходилъ нѣсколько лѣтъ, отказывая себѣ иногда въ самомъ необходимомъ, а потомъ уже покупалъ себѣ автомобиль, а у насъ часто начинаютъ съ автомобиля» («Экономическая Жизнь», 15 апрѣля 1926 г.).

За послѣдніе два мѣсяца опубликованы результаты цѣлаго ряда обследованій «капитального строительства», произведенныхъ, главнымъ образомъ, Рабоче-Крестьянской Инспекціей.

Выводы ихъ—съ небольшими отклоненіями и варіаціями—сводятся къ тому, что строительство ведется нерационально и дорого и что поэтому затраченныя суммы не даютъ того экономическаго эффекта, который они должны были бы дать въ нормальныхъ условіяхъ. И здѣсь Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, представляя Совѣту Труда и Оборонныя очередной докладъ по этому вопросу, счелъ нужнымъ избрать для него въ видѣ эпиграфа, слова того же Рыкова, сказанныя имъ почти годъ тому назадъ: «Мы строили не то, что надо, не тамъ, гдѣ надо, и не такъ, какъ надо» («Торгово-Промышленная Газета», 27 іюля 1927 г.).

Большевики одинаково не умѣютъ ни создавать новое, ни использовать имѣющееся. Безошибочный критерій въ данномъ случаѣ — высокая себѣстоимость издѣлій совѣтской промышленности. При этомъ всѣ категорическія приказанія и директивы, исходящія изъ центра, о сниженіи себѣстоимости, оказываются бессильными и недѣйствительными.

Не скрываютъ большевики и причинъ этой высокой себѣстоимости: «Высокій индексъ вздорожанія самъ по себѣ обусловливается скверной работой предпріятій», — читаемъ мы въ передовой «Экономической Жизни» отъ 14 ав-

густа с. г. А болѣе глубокая причина этой «скверной работы» совѣтской промышленности заключается, во-первыхъ, въ ея монопольномъ положеніи, при которомъ исключается важнѣйшій стимулъ къ удешевленію и улучшенію производства; и, во-вторыхъ, — въ замѣнѣ живительной частной инициативы и личной отвѣтственности предпринимателя инертностью, безличіемъ и безотвѣтственностью громадной бюрократической машины.

Такимъ образомъ, ни одна изъ поставленныхъ большевиками задачъ, въ порядкѣ осуществленія «куцаго» социализма, не была осуществлена. Хозяйственная «стихія» отказывается подчиняться совѣтскимъ планамъ. Въ казенной промышленности осуществленію ихъ мѣшаетъ безхозяйственность собственнаго аппарата. Проблема замѣны свободнаго образованія капиталовъ социалистическими суррогатами оказалась еще менѣе разрѣшимой. «Индустриализація» сводится, по утвержденію самихъ большевиковъ, къ безхозяйственному распыленію средствъ, не дающему надлежащаго экономического эффекта.

И только въ одномъ отношеніи—но совсѣмъ не «социалистическомъ»! — большевики имѣли успѣхъ: имъ въ общемъ удалось создать аппаратъ «перекачки» средствъ изъ крестьянскаго хозяйства въ свое, совѣтское хозяйство въ размѣрахъ, обеспечивающихъ непосредственныя потребности самой власти. Достигнуто это было, главнымъ образомъ, возстановленіемъ старой финансовой системы.

Можно было бы привести множество эпизодовъ изъ совѣтской печати, подтверждающихъ, что живой опытъ коммунистическаго хозяйничанья или, вѣрнѣе, совѣтской безхозяйственности изжить и продуманъ въ Россіи до конца. Иллюзіи, если они и были внушены коммунистической пропагандой русскимъ рабочимъ и крестьянамъ въ первые годы совѣтскаго господства, вывѣтрились. Истинная сущность совѣтской экономики, какъ системы небывалой экономической эксплуатаціи, ведущейся въ интересахъ коммунистической партіи и ея заправиль, выявилась во всей своей наготѣ.

Но этотъ опытъ, за который заплачено страшной цѣной разрушенія всего народнаго хозяйства Россіи, не только отрицательный. Доказательствомъ «отъ обратнаго» онъ выявилъ и

положительную цѣнность тѣхъ основъ, на которыхъ будетъ строиться Новая Россія — и имя которымъ частная собственность и свобода хозяйствованія.

Въ горнилѣ коммунизма народное сознаніе созрѣло въ ожиданіи того часа, когда вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политической власти коммунизма «совѣтское хозяйство» завершить начертанный ему кругъ.

В. Гефдингъ.

I. ИСТОРИЧЕСКОЕ БРЕМЯ РОССИИ.

Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!

Тютчевъ.

Наша патріотическая скорбь о революціонномъ крушеніи Россіи не должна оставаться простымъ, томительнымъ и безплоднымъ чувствомъ: она должна быть претворена — сначала въ историческое разумѣніе путей и судебъ нашей родины, потомъ въ систему волевыхъ рѣшеній и дѣйствій. Россія ждетъ отъ насъ не унынія, а духовной зоркости; не утомленной растерянности, а волевой идеи; не обывательскихъ слезъ, а гражданственныхъ поступковъ. И главное: непоколебимой вѣры въ духовныя силы и въ грядущее величіе русскаго народа.

Революціонное крушеніе настигло Россію не просто потому, что кто-то изъ современниковъ «не справился» и «надѣлалъ ошибокъ»; и не только потому, что русская интеллигенція шла сама и вела народъ по невѣрнымъ путямъ; — но прежде всего потому, что бремя, исторически возложенное на русскій народъ было чрезвычайно велико. Оно было гораздо болѣе тяжкимъ, чѣмъ бремя западно-европейскихъ народовъ; а сроки, необходимые для того, чтобы управиться съ этимъ бременемъ, были исторически урѣзаны и сокращены. На протяженіи своей исторіи русскій народъ жилъ въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ западные народы; его задачи были болѣе велики, сложны и трудны; онъ сформировался и выступилъ позднѣе другихъ народовъ; его развитіе было прервано и задержано близостью къ Азіи; онъ съ самаго начала «опаздывалъ» и долженъ былъ все время «догонять»; и потому его хозяйство, его гражданская цивилизація и его умственная и волевая культура были менѣе укоренены, менѣе интенсивны, менѣе организованы. Народъ, духовно одаренный, самобытный и глубокій, не успѣлъ еще проработать земную кору своего существованія, овладѣть своей матеріальной и душевной природой и развернуть свои силы. Въ этомъ и состоитъ основная задача нашего будущаго.

Нижеслѣдующія соображенія, подкрѣпленные статистическими данными (въ круглыхъ цифрахъ) должны быть продуманы до конца каждымъ русскимъ патріотомъ.

1. Во время великаго переселенія народовъ (100 г. до Р. Х. — 1000 г. послѣ Р. Х.) славянскія племена пришли въ Европу позднѣе другихъ (въ частности, германскихъ) племенъ и на долю имъ достались восточно-европейскія земли, гораздо менѣе благопріятствующія расцвѣту хозяйственной и государственной культуры.

а) К л и м а т ъ западной Европы — уравниженный, морской и теплый (вліяніе Гольфштрома); страна открыта для западныхъ и юго-западныхъ, теплыхъ и влажныхъ вѣтровъ; среднее годовое количество осадковъ отъ 60 до 150 сантиметровъ; зима короче и теплѣе, лѣто длиннѣе и менѣе жгуче; обиліе горъ и непересыхающихъ рѣкъ; въ общемъ — природа поощряетъ культуру, не затрудняя человѣка.

Климатъ Россіи — неуравниженный, континентальный и суровый; вліяніе Гольфштрома слабо; западные вѣтры теряютъ свою влажность; появляются сухіе вѣтры — сѣверные, сѣверо-восточные, восточные; среднее годовое количество осадковъ отъ 30 до 60 сантиметровъ, а къ востоку ниже 30-ти; чѣмъ далѣе на востокъ и сѣверо-востокъ, тѣмъ сильнѣе колебанія температуры; зима длиннѣе и холоднѣе, лѣто короче и суше; горы маячатъ только по краямъ; равнина не защищена ни отъ сѣверныхъ вѣтровъ, ни отъ дыханія средне-азіатскихъ пустынь; въ общемъ — природа затрудняетъ человѣка и недостаточно благопріятствуетъ развитію культуры.

б) Россія, какъ страна, есть огромный массивъ суши. Природа лишила ея всѣхъ даровъ открытаго моря. Правда, на 70 000 километровъ ея государственныхъ границъ приходилось 46 000 кил. морской границы. Однако, болѣе половины этой морской линіи выходитъ въ Сѣверный океанъ; Балтійское море и Тихій океанъ не даютъ ей незамерзающихъ портовъ; а прямыхъ выходовъ не открываетъ ей ни Черное, ни Балтійское море. Въ торговомъ отношеніи страна задыхается безъ моря. Соотношеніе же береговой линіи и размѣровъ территоріи таково: въ Греціи 1 : 3; въ Европѣ 1 : 37; въ Россіи 1 : 101. Выходъ къ морю есть величайшее и труднѣйшее національное заданіе Россіи. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ въ сравнительно менѣе благопріятномъ положеніи находились развѣ только Австро-Венгрія и Швейцарія.

с) Роковое значеніе для Россіи имѣетъ незащищенность ея границъ. Ея равнина открыта для нападений съ сѣверо-запада, съ запада, съ юго-запада, съ юга и съ юго-востока. Все великое переселеніе народовъ шло черезъ ея просторы; и именно на нее обрушилась послѣдняя, татарская волна изъ Азіи. Возникая и слагаясь, Россія не могла опереться ни на какіе естественные рубежи; она имѣла только два исхода: или завоевывать всю равнину и оружіемъ защищать и замирать свои окраины, или гибнуть

подъ ударами восточныхъ кочевниковъ и западныхъ завоевателей. Вотъ почему наша исторія есть исторія непрерывнаго военнаго напряженія, исторія самообороны и осады; отъ Дмитрія Донского до смерти Петра Великаго Россія провела $\frac{5}{6}$ своей жизни; издревле русскій пахарь погибалъ безъ меча, а русскій воинъ кормился косою и сохою. Такъ возникъ въ Россіи и сословно-крѣпостной строй — изъ необходимости все учесть и все использовать для обороны страны. Исторія русскаго народа есть исторія его самоотверженнаго служенія; и забота нашихъ предковъ была всегда не о томъ, какъ лучше устроиться или какъ легче прожить, а о томъ, какъ вообще прожить, продержаться хоть какъ-нибудь, справиться съ очередною опасностью.

Итакъ, исторія возложила на насъ борьбу съ суровымъ климатомъ и природой, и борьбу за открытое море; она затруднила намъ борьбу съ сосѣдями за наше мѣсто подъ солнцемъ и борьбу съ пространствомъ за естественные рубежи. Этимъ предопредѣляется, но далеко не исчерпывается то историческое бремя Россіи, которое отъ времени до времени (въ среднемъ разъ въ сто лѣтъ) вызываетъ колебаніе и смуту въ русской душѣ.

2. Необходимо признать, что хозяйственная, государственная и культурная организація народной жизни тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше территория страны и чѣмъ многочисленнѣе ея населеніе (конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ). Большое государство должно прежде всего подчинить себѣ пространство, эту разбрасывающую, разъединяющую и выводящую изъ подчиненія силу; и затѣмъ вовлечь въ свою жизнь, — взимая и давая, служа и заставляя служить, обороняя и воспитывая, — несмѣтное множество человѣческихъ душъ. Чѣмъ обширнѣе территория и населеніе страны, — тѣмъ болѣе укорененнымъ должно быть правосознаніе, тѣмъ болѣе сильной должна быть патріотическая спайка народа, тѣмъ болѣе авторитетною и крѣпкою должна быть волевая сила центральной власти. Малое государство несравненно легче строить, чѣмъ большое.

До войны 1914 г. Россія занимала свыше 22 милліоновъ квадр. километровъ въ одномъ кускѣ безъ колоній. Метрополіи другихъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ составляли: Германія 540 тысячъ квадр. кил.; Франція 536 тысячъ кв. кил.; Австро-Венгрія 300 тысячъ кв. кил.; Италія 286 тысячъ кв. кил.; Великобританія (съ Шотландіей и Ирландіей) 230 тысячъ кв. кил.; Швейцарія 41 тысячу и Бельгія 29 тысячъ кв. кил.

До войны 1914 года населеніе Россіи составляло около 173 милліоновъ людей. Населеніе Германіи приближалось къ 65 милліонамъ; Франціи — къ 40 милліонамъ; Австро-Венгріи — къ 50 милліонамъ; Италіи — къ 35 милліонамъ; Ве-

ликобританіи (съ Ирландіей) — къ 43 милліонамъ; Швейцаріи — къ $3\frac{1}{2}$ милліонамъ; Бельгіи — къ $7\frac{1}{2}$ милліонамъ.

По массиву своей территоріи Россія превосходила всѣ государства всего свѣта и бремя ея было наибольшимъ. По массиву населенія она уступала только Британской Индіи (320 милліоновъ людей на 4,8 милліонахъ кв. кил.) и Китаю (около 420 милл. людей на $8\frac{1}{2}$ милліонахъ кв. кил.).

3. Необходимо признать, что недостаточная плотность населенія въ высокой степени затрудняетъ дѣло хозяйственной и государственной организаціи жизни. Она ведетъ къ тому, что разъединяющая сила пространства ослабляетъ центростремительную силу національнаго тяготѣнія; государственная спайка не пріобрѣтаетъ настоящей прочности; интенсивное хозяйство не слагается; торговый оборотъ является вялымъ; культура проникаетъ медленно и быстро вывѣтривается (ср. Германію въ началѣ девятнадцатаго вѣка).

Данныя о плотности населенія приведены въ первой книжкѣ «Русскаго Колокола». Достаточно сказать, что Европейская Россія съ ея 25 жителями на 1 кв. километръ занимала въ Европѣ 20-е мѣсто; меньшей плотностью обладали въ Европѣ только Швеція (12 чел. на 1 кв. кил.), Норвегія (7), Андорра (11) и мало обитаемые острова. Наибольшую плотность въ Европѣ имѣли Бельгія (253), Голландія (176), Великобританія (145) и Германія (120).

4. Далѣе, надо имѣть въ виду, что государственное и культурное строительство бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ разнообразнѣе и пестрѣе національный составъ государства; и, наоборотъ, — тѣмъ легче, чѣмъ болѣе расовой единственности и племенного единенія въ народѣ.

Нація опредѣляется: расой и племенемъ (кровь); роднымъ языкомъ; религіознымъ укладомъ души; историческимъ самосознаніемъ, вынесеннымъ изъ прошлаго; и вырастающей изъ всего этого духовной культурой.

Въ смыслѣ племеніи Европа знаетъ страны съ совершенно однороднымъ населеніемъ германскаго племени — Швеція, Норвегія, Данія, Голландія. Сравнительно одородны также романскія государства — Франція, Италія, Испанія, Португалія. Въ Англіи 89% составляютъ англосаксы и 11% кельты. Въ довоенной Германіи имѣлось 92% германцевъ, 6% поляковъ и 2% датчанъ, французовъ и евреевъ. Въ Австро-Венгріи насчитывалось 46% славянъ, 25% германцевъ, 18% венгровъ, 7% румынъ и 2% итальянцевъ. Ни одна страна не имѣла той расовой и племенной пестроты, какую имѣла Россія (см. первую книжку «Русскаго Колокола»). Въ настоящее время Академія Наукъ насчитываетъ до 165 народностей, живущихъ въ Россіи.

Также обстоитъ дѣло и съ роднымъ языкомъ. Въ довоенной Европѣ наибольшей пестротой языка отличались Австро-

Венгрія; Швейцарія, въ которой 70% считали роднымъ нѣмецкій языкъ, 22% — французскій и 7% — итальянскій; и Бельгія, гдѣ 41% населенія говоритъ на фламандскомъ языкѣ, 37% — на французскомъ и 12% на обоихъ языкахъ.

Въ дѣлѣ религіи государства Западной Европы почти свободны отъ нехристіанскаго элемента: такъ, Болгарія насчитывала турокъ и евреевъ 1,5%; Германія насчитывала евреевъ и «внѣ-исповѣдныхъ» 0,8%; Франція — 0,15. Въ Россіи же насчитывалось почти 16% нехристіанъ: 4,2% евреевъ; 11,1% магометанъ; 0,3% буддистовъ и ламаитовъ; и 0,2% иныхъ.

Ясно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческое бремя Россіи было наибольшимъ.

5. Установимъ, наконецъ, что въ каждомъ государствѣ національная, хозяйственная, правовая и умственная культура должна была и могла проникнуть тѣмъ глубже въ народную толщу, чѣмъ болѣе времени прошло съ послѣдняго переселенія народовъ. И обратно: чѣмъ короче срокъ, протекшій послѣ вторженія пришельцевъ, тѣмъ труднѣе и неблагопріятнѣе положеніе всей національной культуры.

Уже къ концу восьмого вѣка въ Западную Европу вторглась вся основная масса переселявшихся народовъ (готовъ, гунновъ, бургундовъ, аллемановъ, франковъ, вандаловъ, лангобардовъ, баваровъ, аваровъ и славянъ); это были не кочевники, а осѣдлые народы, искавшіе себѣ мѣста и осѣдлости и добивавшіеся у римлянъ именно прочнаго поселенія. Два, три вѣка продолжалась еще борьба съ ними; племена разсаживались, утрясались, принимали христіанство, ассимилировались и замирялись (эпоха Карла Великаго, конецъ восьмого и начало девятого вѣка). Въ девятомъ и десятомъ вѣкахъ Европа боролась еще съ норманскими вторженіями. Въ концѣ десятого вѣка Испанія пережила нашествіе мавровъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ норманны завоевали Англію. И, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, процессъ новаго національнаго формированія, необходимаго для культурнаго строительства, ведетъ въ Европѣ свое начало отъ девятого вѣка. При этомъ великое переселеніе народовъ не сломило, а породило и оплодотворило этотъ процессъ: новыя націи и новая культура родились изъ него и благодаря ему. Совсѣмъ иначе обстояло въ Россіи.

За девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый вѣкъ восточное славянство успѣло расселиться, утрястись, противостать кочевникамъ, принять христіанство, заложить основы государственнаго быта и правопорядка, и приступить къ созиданію той дивной и самобытной культуры (религіозный бытъ, школа, дружина, пѣсня, былина, живопись, архитектура, лѣтопись, право), слѣды которой уцѣлѣли донинѣ и донинѣ вол-

нують душу своею духовною — христіанскою и общечеловѣческою значительностью. Вторженіе татаръ началось въ XIII вѣкѣ, съ 1237 года; это были не осѣдлыя племена, а кочевники; они грабили, разрушали и жгли; они пришли на готовую завязь культуры и на три четверти смыли ее; они облагали данью и уходили, съ тѣмъ, чтобы придти опять и закрѣпить огнемъ и кровью свое иго. Татарское иго длилось формально 250 лѣтъ. Куликова битва (1380) не покончила съ нимъ; за нею послѣдовалъ еще вѣкъ погромовъ: 1381 (Тохтамышъ), 1395 (Тамерланъ), 1408 (Едигей), 1439 (Махметъ), 1445 (Махметъ), 1451 (Мазовша) и т. д. Іоаннъ III свергъ иго, но не избавилъ Русь отъ татаръ. Послѣдній разъ Москва была сожжена при Іоаннѣ Грозномъ въ 1571 году, крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и обложена Казы-Гиреемъ въ 1591 году.

Здоровый ростъ и развитіе Россіи были прерваны и искажены татарскимъ игомъ и задержаны имъ не менѣе, чѣмъ на 300 лѣтъ. Героическій отпоръ, которымъ мы встрѣтили татаръ, не избавилъ отъ ига Россію, но спасъ отъ вторженія Западную Европу: ея спокойный ростъ былъ огражденъ и обезпеченъ несчастіемъ и страданіями русскаго народа. Съ тѣхъ поръ вся исторія Россіи состояла въ томъ, что она отстаивала свою самобытность отъ вторженія обогнавшихъ насъ западныхъ народовъ и догоняла ихъ въ дѣлѣ цивилизаціи и культуры. Всѣ великіе русскіе люди понимали, что если мы не «догонимъ» Запада, то мы будемъ имъ завоеваны и порабощены. И событія послѣднихъ лѣтъ были столь тягостны для Россіи именно потому, что въ данные намъ историческіе сроки догнать западную цивилизацію намъ еще не удалось.

Правда, Россіи удалось достигнуть очень многого въ эти урѣзанные сроки. Такъ, крѣпостное право, отмѣненное въ Германіи всего лишь въ 1809—1832 г.г. на условіяхъ весьма невыгодныхъ для крестьянъ, было отмѣнено въ Россіи черезъ 50 лѣтъ (1861) на условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ («Русскій Колоколь» дастъ объ этомъ особую справку). Такъ, Италія создала свой первый университетъ въ XI вѣкѣ, то-есть черезъ два или три вѣка послѣ переселенія народовъ; а Германія — въ XIV вѣкѣ, т. е. почти черезъ шесть вѣковъ послѣ побѣдъ Карла Великаго. Россія же основываетъ свой первый университетъ всего черезъ 275 лѣтъ послѣ того, какъ Іоаннъ III растопталъ регаліи татарскаго хана. Такъ, первая желѣзная дорога въ Россіи (между С.-Петербургомъ и Царскимъ Селомъ) была построена въ 1838 г., всего черезъ 13 лѣтъ послѣ открытія первой желѣзной дороги въ Англіи; а къ 1914 году общее протяженіе желѣзнодорожной сѣти въ Германіи и въ Россіи было приблизительно одинаково. Однако, размѣры Россіи требовали, чтобы это протяженіе было не «одинаково», а въ 12 разъ больше, чѣмъ въ Германіи.

Всѣ эти достиженія Россіи *), при всемъ ихъ размѣрѣ, при всей даровитости русскаго народа и при всѣхъ его напряженіяхъ — обнаруживали всегда его сравнительную отсталость, въ которой никто не «виновать», но которая опредѣляется всецѣло даннымъ намъ историческимъ бременемъ.

Для того, чтобы справиться съ этимъ бременемъ, Россіи нужно время, воздержаніе отъ войнъ и внутренній расцвѣтъ на основахъ религіи, просвѣщенія, правопорядка и свободной собственности.

Редакція.

II. РУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ ВЪ ЦЫФРАХЪ.

Трудно сейчасъ найти страну, въ которой бы не находилось «въ разсѣяніи сущихъ» или «неукротимыхъ», какъ назвала русскихъ бѣженцевъ въ своей великолѣпной книгѣ наблюдавшая ихъ въ Константинополѣ писательница-англичанка. Объ ихъ повсемѣстномъ распространеніи показательно говорить хотя бы то, что международное соглашеніе относительно предоставленія русскимъ эмигрантамъ особаго удостовѣренія для проживанія за границей принято сейчасъ 49 государствами изъ общаго числа немногимъ свыше 50 въ обоихъ полушаріяхъ. И все-таки даже столь невиданнаго количества подписей подъ международной конвенціей оказалось недостаточно. На-дняхъ объ этомъ напомнилъ одинъ изъ «неукротимыхъ», удачно устроившійся въ далекомъ Гондурасѣ, возбуждивъ ходатайство о выдачѣ ему бѣженскаго паспорта. На его бѣду оказалось, что у Гондураса до сихъ поръ не было основаній интересоваться упомянутой конвенціей. Всѣ почти остальные цивилизованныя страны очевидно уже имѣли дѣло съ такими ходатайствами, иначе имъ было бы не къ чему вводить у себя бѣженскія удостовѣренія.

На вопросъ объ общей численности русскаго разсѣянія точнаго отвѣта дать нельзя. Нѣтъ такой статистики, которая бы позволяла произвести точный ихъ учетъ. И не можетъ ея быть, пока не существуетъ единаго формально однообразнаго признака бѣженства (бѣженскія удостовѣренія не вездѣ обязательны); пока и эмигранты и власти въ нѣкоторыхъ случаяхъ заинтересованы не давать яснаго отвѣта на подобный вопросъ.

Но существуетъ рядъ довольно надежныхъ данныхъ, позволяющихъ все же составить вѣрную общую характеристику эми-

*) Къ ихъ статистической характеристикѣ «Русскій Колоколъ» будетъ постоянно возвращаться.

граціи. Самыми свѣжими и достовѣрными изъ нихъ являются тѣ, что собраны бѣженской секціей междунагоднаго бюро труда на основаніи особой анкеты, на которую большинство правительствъ сообщило цыфровыя данныя по ряду пунктовъ. На основаніи этихъ данныхъ, приведенныхъ въ послѣднемъ докладѣ верховнаго комиссара по бѣженскимъ дѣламъ Лигѣ Націй и дополненныхъ нѣкоторыми подсчетами съ мѣстъ, численность и разселеніе эмигрантовъ по странамъ въ настоящее время таковы:

С т р а н ы	Всего русскихъ бѣженцевъ	Въ томъ числѣ:		Учащихся въ в. у. з.
		безработныхъ (къ труду способныхъ)	не способныхъ къ труду	
Австрія	2 465	250	320	50
Англія	3 000 *)	д а н н ы х ъ н ѣ т ѣ .		
Бельгія	5 000 *)	д а н н ы х ъ н ѣ т ѣ .		
Болгарія	26 494	5 500	3 838	256
Венгрія	5 294	—	1 901	71
Германія	150 000 *)	д а н н ы х ъ н ѣ т ѣ .		
Греція	2 075	881	134	25
Данія	300 *)	—	—	—
Испанія	500	—	—	—
Италія	1 154	427	203	71
Китай	76 000	17 000	10 917	380
Латвія	40 000	3 000	11 500	25
Литва	10 000	1 500	3 500	140
Польша	90 000	40 000	—	108
Королевство С. Х. С. .	35 350	6 488	2 470	4 200
Турція	3 000	2 879	538	—
Финляндія	18 000	4 000	6 000	1 130
Франція	400 000 *)	д а н н ы х ъ н ѣ т ѣ .		
Швейцарія	2 268	—	220	—
Швеція	1 000 *)	—	—	—
Чехословакія	30 000	3 600	4 500	6 500
Всего русскихъ бѣженцевъ, включая и другія страны	919 000 *)	99 706	47 000	14 000

Въ общемъ можно установить, не впадая въ большую ошибку, что всего по бѣлу свѣту въ настоящее время бѣженствуетъ около м и л л і о н а душъ, не по своей волѣ оторвавшихся отъ

*) Всѣ данныя, отмѣченныя звѣздочкой, приблизительны. Въ главныхъ странахъ разселенія бѣженцевъ (Германія, Франція, Бельгія) правительственныя власти сообщили все-таки данныя о бѣженцахъ, въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, онѣ оказались не въ состояніи сдѣлать это. Румынія ограничивается упоминаніями, что у нея имѣется бѣженцевъ «нѣсколько десятковъ тысячъ», — не приводя никакихъ пояснительныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что нѣкоторое количество тѣхъ, кто въ общежитіи слыветъ «русскимъ бѣженцемъ», — формально относится къ числу армянскихъ (всего около 170 000 не включенныхъ въ таблицу), для которыхъ установлено совершенно сходное, но особое удостовѣреніе.

Россіи. Среди нихъ насчитывается около 22 000 студентовъ (14 000 учащихся еще и свыше 7 500 окончившихъ уже высшую школу за рубежомъ).

Распредѣленіе эмигрантовъ по отдѣльнымъ странамъ носить, конечно, временный характеръ, хотя и менѣе случайный, чѣмъ въ первые года. Главнымъ пріемникомъ бѣженскихъ волнъ послѣ Германіи и Константинополя оказалась теперь Франція, гдѣ, можно думать, большинство осядетъ. Послѣ критическихъ 1922—23 г.г., когда въ Константинополѣ, а потомъ на Балканахъ образовались пробки, — распредѣленіе эмигрантовъ въ послѣдніе годы идетъ медленнѣе. Ему препятствуетъ экономическій кризисъ Европы. Иначе бы русскимъ, показавшимъ себя повсюду съ хорошей стороны и огульныхъ упрековъ нигдѣ не вызвавшимъ, было бы много легче обосноваться. За океанъ пока удалось перебраться сравнительно очень немногимъ. На первомъ мѣстѣ по числу бѣженцевъ стоятъ тамъ Аргентина, Парагвай и нѣкоторые западные штаты Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Трудна, непосильна для слабыхъ борьба за устройство на чужбинѣ. Но зато великъ тотъ жизненный опытъ, который однажды принесутъ на родину сильные, одолѣвшіе въ этой борьбѣ. А ихъ сотни тысячъ, — даже если увеличить въ нѣсколько разъ приведенную выше, завѣдомо уменьшенную, цифру неспособныхъ къ труду.

Б. Никольскій.

III. О ПРИЗНАНИИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

(Правила и совѣты).

Вопросъ о признаніи совѣтской власти — не новый вопросъ: онъ всталъ передъ сознаніемъ cadaго русскаго гражданина съ самаго момента октябрьскаго переворота въ 1917 году. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. За эти десять лѣтъ природа совѣтской власти, сущность ея цѣлей и ея образа дѣйствій—проявились съ полною и окончательною наглядностью. И теперь, когда и въ Западной Европѣ начинаютъ вѣрно разумѣть и оцѣнивать это явленіе, — русскому человѣку трудно и стыдно ссылаться на свою «неосвѣдомленность» и «непониманіе». Мы можемъ отправляться отъ того, что всѣ русскіе (за исключеніемъ дѣтей) знаютъ и понимаютъ природу совѣтской власти (обязаны знать! не смѣютъ не понимать!); и все же мы считаемъ необходимымъ практически допустить возможность того, что есть люди не все знающіе или не все додумавшіе до конца (особенно среди наивныхъ «возвращенцевъ»). Для бесѣдъ съ ними, а также для борьбы со всевозможными соблазнами—большеви-

ками, «смѣновѣховцами», «засыпателями рва», членами «республиканско-демократическаго объединенія» и другими недругами національной Россіи, — считаемъ полезнымъ высказать слѣдующія разъясненія, обобщенія и совѣты.

1. Понятіе «признанія» можетъ употребляться въ нѣсколькихъ различныхъ значеніяхъ (не менѣе, чѣмъ въ четырехъ) и всѣ соблазнитель пользуются этимъ обстоятельствомъ для своего дѣла. Такъ, слова «я признаю» могутъ означать слѣдующее:

- I. я считаю, что ты въ дѣйствительности существуешь, какъ фактъ: дѣйствуешь, посягаешь, называешь себя «всесоюзнымъ правительствомъ», собираешь налоги, мученіями и страхомъ навязываешь свою волю русскому народу и стараешься использовать всѣ его силы для осуществленія міровой революціи; или —
- II. я считаю тебя субъектомъ права, который за совѣсть чтитъ законы; который добросовѣстно желаетъ соблюдать свои обязательства, уважаетъ чужія права и не считаетъ, что «все дозволено»; съ которымъ поэтому имѣетъ смыслъ заключать договоры и распредѣлять права и обязанности; или же —
- III. я считаю тебя законною властью моею родины; властью, которая добросовѣстно служить національно-патріотической цѣли и для которой благо Россіи есть дѣйствительно высшая цѣль; именно поэтому я могу, я хочу, я обязанъ поклясться тебѣ въ вѣрности передъ лицомъ Божіимъ и передъ лицомъ моей совѣсти (присяга!); я обязуюсь въ случаѣ надобности умереть за тебя и за торжество твоего дѣла (воинская повинность!).

Въ первомъ смыслѣ — «ты еси фактъ» — весь міръ вотъ уже десять лѣтъ «признаетъ» совѣтскую власть: одни наблюдаютъ этотъ фактъ; другіе борются съ нимъ; третьи поддерживаютъ его; четвертые — наши братья въ Россіи — вынуждены даже исполнять предписанія этой власти и отъ времени до времени (анкеты!) свидѣтельствовать ей о своемъ повиновеніи и, можетъ быть даже — о «сочувствіи».

Во второмъ смыслѣ — «ты еси субъектъ права» — совѣтская власть «признана» цѣлымъ рядомъ государствъ, которыя съ тѣхъ поръ постоянно имѣютъ возможность на суровомъ опытѣ провѣрять, дѣйствительно ли она чтитъ за совѣсть законы международнаго и торговаго общенія, отвергаетъ ли она вседозволенность, уважаетъ ли верховныя права признавшихъ ее правительствъ и т. д. На самомъ дѣлѣ совѣтская власть съ самаго начала всею своею теоріею и практикою отрицала право и правосознаніе; вся ея работа

направлена на то, чтобы побудить къ этому и другіе народы; причемъ она всегда открыто высказывала это. Сѣв.-Амер. Соединенные Штаты поняли это давно; Англія постигла это на опытѣ недавно.

Въ третьемъ смыслѣ — «ты еси законная патріотически-національная власть моей родины» — совѣтская власть не можетъ быть «признана» ни однимъ русскимъ человѣкомъ: и притомъ потому, что она сама открыто отрицаетъ и свою законность, и свою патріотичность, и свою національную природу. Поэтому тотъ, кто говоритъ о такомъ своемъ признаніи — тотъ лжетъ и притомъ лжетъ завѣдомо; и всѣхъ такихъ «признавателей» совѣтская власть всегда презирала и издѣвалась надъ ними, называя ихъ въ глаза лжецами.

2. Совѣтская власть добивается отъ русскихъ людей совсѣмъ иного «признанія» (четвертое значеніе): стать ея «гражданиномъ» значить отречься отъ родины и національности (интернаціонализмъ), отречься отъ Бога (атеизмъ), отречься отъ духа, отъ совѣсти и чести (матеріализмъ), отречься отъ принципа собственности (коммунизмъ), и посягнуть на эти начала во всемъ мірѣ посредствомъ пропаганды, подкупа, лжи и террора (революціонность).

Именно поэтому обязательство «всѣми силами содѣйствовать распространенію міровой революціи» было включено въ уставъ всѣхъ совѣтскихъ профессиональных союзовъ; а въ красно-армейской присягѣ говорится объ обязательствѣ не щадить «самой жизни» за дѣло «соціализма», «братства народовъ» и «освобожденія всѣхъ трудящихся».

Посему «признающій» совѣтскую власть — или лжетъ себѣ, Богу, людямъ и коммунистамъ; или отрекается отъ Бога и родины, и посягаетъ на всю міровую духовную культуру.

3. Во всѣхъ возможныхъ спорахъ совѣтуемъ прежде всего устанавливать, понимаютъ ли присутствующіе, что значитъ «признать» совѣтскую власть.

Если они не понимаютъ, то надо разяснить, что признающій—или ставитъ себя въ глупое положеніе завѣдомаго и презираемаго лжеца, или добросовѣстно обязуется служить дѣлу безбожія и міровой гибели.

Если же присутствующіе понимаютъ смыслъ своего поступка и уже примирились съ нимъ, то совѣтуемъ спора не продолжать: это — люди, уже соскользнувшіе въ пропасть, и если они могутъ поумнѣть, то только отъ личнаго опыта страданій и униженій. Ихъ не слѣдуетъ отговаривать отъ возвращенія въ Россію; напротивъ, пусть они не засоряютъ собою рядовъ патріотической эмиграціи, пусть скорѣе идутъ навстрѣчу своей судьбѣ.

4. Русскимъ людямъ, еще не поддавшимся соблазну, необходимо разъяснять и сообщать еще слѣдующее:

- а) Нелѣпо думать, что «сильный всегда правъ». Насильникъ, обидѣвшій ребенка, заслуживаетъ строгой кары, а не сочувствія; римскія власти, убивавшія христіанскихъ мучениковъ, творили злое и безцѣльное дѣло; татары терзавшіе Русь триста пятьдесятъ лѣтъ (1237 г. битва на Калкѣ — 1591 г. обложеніе Москвы Казы-Гиреемъ), заслуживали меча, а не «признанія»; люди, похищающіе дѣвушекъ и продающіе ихъ въ дома разврата заслуживаютъ висѣлицы. Только низкія натуры «сочувствуютъ» всегда «побѣдившему». Право никогда не родится изъ голой силы, но всегда изъ правовой совѣсти (правосознаніе!), поддержанной силою. Благородный побѣждаетъ уже однимъ тѣмъ, что онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ: сила же придетъ къ нему, когда онъ создастъ волевою организацію.
- б) Нелѣпо думать, что «долгій срокъ дѣлаетъ любую власть государственною». Въ жизни великаго народа десять лѣтъ есть не «долгій», а весьма короткій срокъ; это всего одна четверть срока, необходимаго для смѣны одного поколѣнія. Срокъ самъ по себѣ не создаетъ ни права, ни государства: давнишній разбойникъ — есть лишь закоренѣлый разбойникъ, а не честный гражданинъ; давнишній тиранъ — есть лишь ловкій тиранъ, а не законный правитель. Власть становится государственною — черезъ свою преданность родинѣ, черезъ отказъ отъ партійнаго интереса, черезъ насажденіе правопорядка, черезъ свою законную форму, черезъ признаніе ея за совѣсть со стороны правосознанія гражданъ.
- в) Нелѣпо думать, что «большой размахъ и большая территория дѣлаютъ власть національною». Злодѣйство, принявшее міровой размахъ — не создаетъ ни родины, ни государственности; непріятель, оккупировавшій на войнѣ большую территорию, не есть тѣмъ самымъ національная власть. Национальная природа власти опредѣляется не размахомъ и не территоріей, а тою цѣлью, на которую направлены ея усилія. Власть, высасывающая русскаго крестьянина, русскаго рабочаго и русскую интеллигенцію ради добыванія средствъ на міровую революцію — никогда національною не будетъ.
- г) Кошунственно думать, что «все совершающееся на свѣтѣ, совершается по волѣ Божіей». Это значило бы

утверждать, что всѣ человѣческія злодѣйства совершаются по волѣ Божіей — всѣ предательства, замучиваніе героевъ, всякое кощунство, развращеніе дѣтей, ложь, развратъ и насиліе. Если сатана захватилъ власть, то это совершается не волею Божіею, а попущеніемъ Его, и это попущеніе возлагаетъ на насъ прямую задачу борьбы съ сатанинской властью.

- е) Нелѣпо говорить, что «отрицающій совѣтскую Россію, отрицаетъ и самую Россію». Мы отвергаемъ не Россію, а коммунистическіе совѣты въ Россіи. Россія дорога намъ и въ бѣдѣ, и въ стыдѣ, и въ страданіяхъ, и въ соблазнахъ; но именно поэтому мы хотимъ освободить ее отъ бѣды, отъ стыда, отъ соблазна и страданій. Отецъ отвергаетъ не «больную дочь», а болѣзнь дочери; и потому лѣчитъ ее. Сынъ пытается устранить не «огорченную мать», а горе матери; и потому заботится о ней и утѣшаетъ ее. Именно борясь съ совѣтскою властью, — самою борьбою нашею — мы бережемъ Россію.

5. Всѣмъ наивнымъ возвращенцамъ и колеблющимся отъ слабости — слѣдуетъ указывать и разъяснять слѣдующее:

- а) всякій эмигрантъ, открыто возвращающійся въ Россію изъ эмиграціи, долженъ быть твердо увѣренъ, что онъ значится въ скорбныхъ листахъ большевицкой полиціи;
- б) по прибытіи въ совѣтскую Россію онъ окажется, такимъ образомъ, въ положеніи человѣка, который, отдавшись во власть коммунистамъ, самъ на себя подалъ имъ доносъ о своей политической неблагонадежности; онъ не долженъ сомнѣваться въ томъ, что такой доносъ будетъ непремѣнно и во всю использованъ большевиками;
- с) поэтому онъ не сможетъ ни служить русскому дѣлу, ни бороться за него; какъ патріотъ, онъ будетъ тамъ безсиленъ, бесплоденъ и ненуженъ; коммунисты — или замучаютъ его, заставляя его въ доказательство его вѣрности» служить имъ въ доносчикахъ, или же замучаютъ его за то, что онъ не захочетъ нести такую службу; въ обоихъ случаяхъ скорый разстрѣлъ будетъ для него лучшимъ исходомъ;
- д) и при всемъ томъ возвращающійся самымъ возвращеніемъ своимъ выдаетъ коммунистамъ публичное удостовѣреніе въ томъ, что они «исправились», — ибо къ нимъ можно вернуться; — себѣ же онъ обезпечиваетъ навсегда волчій паспортъ въ ГПУ.

Въ итогѣ: себѣ — униженіе и гибель; людямъ — ложь; коммунистамъ — прямая помощь.

5. Во всѣхъ этихъ спорахъ мы должны всегда имѣть подъ рукою конкретныя данныя и статистическіе матеріалы для нагляднаго обличенія совѣтской власти: по вопросамъ церкви, хозяйства, народнаго образованія, суда, о безпризорныхъ дѣтяхъ, о террорѣ и о коммунистической пропагандѣ. Редакція «Русскаго Колокола» будетъ систематически сообщать эти данныя во второмъ отдѣлѣ журнала.

6. Мы должны также помнить, что тяга къ «признанію» совѣтской власти проистекаетъ нерѣдко не изъ логическихъ ошибокъ мысли, а изъ смутныхъ душевныхъ настроеній, которыя отчасти являются естественными и понятными (например, тоска по родному быту, по роднымъ, наивная довѣрчивость, отсутствіе непосредственнаго опыта въ совѣтской Россіи). Всему этому слѣдуетъ противопоставлять здоровые духовные мотивы — углубленный патріотизмъ, религіозное осмысленіе событій, повышенную нравственную зоркость, чувство личной чести и отвѣтственности, чувство національнаго достоинства и показанія правовой совѣсти.

Труднѣе бороться со слабостью воли, общей усталостью и проистекающими отсюда уныніемъ и безразличіемъ. Здѣсь необходимо укрѣпленіе характера, религіозное сосредоточеніе и созданіе общей бодрой и дѣловитой атмосферы. Рѣшающее значеніе могли бы здѣсь имѣть кружки для духовнаго общенія и самообразованія и подготовительныя работы по созданію будущаго русскаго патріотическаго ордена.

Только наличность у «возвращенцевъ» полной безпринципности, моральной тупости, циничнаго карьеризма и прямой тяги къ большевицкой вседозволенности — можетъ заставить насъ сложить оружіе и прекратить нашу бѣлую работу по отношенію къ такимъ людямъ. Такихъ людей слѣдуетъ уговаривать какъ можно скорѣе и цѣною любыхъ подписокъ возвращаться въ Россію.

И. А. Ильинъ.

IV. О СОПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ СИЛОЮ.

(Для памяти).

«Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ».

Еванг. отъ Іоанна. XV. 13.

«Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, — какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи».

Первое Посланіе Ап. Петра. II. 15—16.

«Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо начальникъ есть Божій слуга тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носить мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое».

Посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ. XIII. 3—4.

«Кто защититъ обиженнаго, тотъ поборникомъ себѣ обрѣтетъ Бога».

Исаакъ Сиріяннинъ.

«Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ? Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовалъ тому, что случилось, а это достойно осужденія. Такія же слова мы услышимъ и отъ Бога, если будемъ молчать въ то время, когда противъ Него раздаются хулы и поношенія».

Св. Іоаннъ Златоустъ.

«Ибо ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня и злословія злословящихъ Тебя падаютъ на меня».

Псалтирь. 68. 10.

«Живите мирно не только съ друзьями, но и съ врагами; однако только со своими врагами, а не съ врагами Божіими».

Св. Θεодосій Печерскій.

«Ревность есть не что иное, какъ глубокая любовь въ сердцѣ чловѣка справедливаго, который не остается бездѣятельнымъ, но постоянно стремится къ устраненію всего того, что онъ находитъ несоотвѣтственнымъ славѣ горячо любимаго имъ Господа».

Саванаролла.

«Все великое въ мірѣ совершилось черезъ страсть, когда личность жертвовала собою до конца».

Гегель.

«Часто совершаетъ несправедливость и воздерживающійся отъ какого-либо дѣйствія, а не только дѣйствующій».

Маркъ Аврелій.

«Кто не наказываетъ зла, тотъ приказываетъ, чтобы оно совершалось».

Леонардо да Винчи.

«Потворствовать грѣху есть то же преступленіе, Карая одного, спасаю многихъ я».

Пушкинъ.

«Когда милосердіе не дѣйствуетъ, то строгость тоже есть милосердіе».

Льсковъ.

«Прося за недостойнаго, ты поступаешь безчестно».

Публилій Сиріецъ.

«Вора помиловать — добраго погубить».

Русская пословица.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. О русской интеллигенціи. Редакторъ	3
2. Лицомъ къ Россіи! Г. Г. Бахъ	12
3. Кризисъ современнаго искусства. И. А. Ильинъ	18
4. Вы наши братья! И. А. Ильинъ	28
5. Великіе строители Россіи. 1. Митрополитъ Макарій. И. И. Лаппо	35
6. Православіе и государственность. Православный	44
7. Паѳосъ героизма и идеи современности. Н. А. Цуриковъ	50
8. Живой опытъ коммунизма. В. Ф. Гефдингъ	60
<hr/>	
I. Историческое бремя Россіи. Редакція	70
II. Русская эмиграція въ цыфрахъ. Б. А. Никольскій	76
III. О признаніи совѣтской власти. И. А. Ильинъ	78
IV. О сопротивленіи злу силой	84

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 65 95

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Издание Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньшиковъ, бар. В. Д. Дризенъ, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливень, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Нолькенъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиричъ, А. Салтыковъ, Аріадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Годъ Изданія 52-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Подъ редакціей **А. А. фонъ-ЛАМПЕ**

Berlin W 15, Lietzenburger Str. 43^{IV}

выходить въ Русскомъ Национальномъ Издательствѣ „Мѣдный
Всадникъ“ въ Берлинѣ, въ видѣ періодическихъ, закончен-
ныхъ отдѣльныхъ сборниковъ, при чемъ сборъ и разработку
матеріала приняли на себя: генераль баронъ **П. Н. Врангель**,
герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій** и свѣтл. князь **А. П. Ливень**.

Вышли **КНИГИ I, II и III** / Намѣчена къ вы-
ходу въ декабрѣ 1927 г. — книга **ЧЕТВЕРТАЯ**

Размѣръ страницъ 19×25 см. Въ количествѣ 14—15 листовъ.
Шрифтъ убористый. На плотной бумагѣ. Текстъ снабженъ
:: :: схемами. Цѣна каждой книги 1 долл. 75 цент. :: ::

Главный складъ „**GRAD KITESCH**“

Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: на три мѣсяца 80 ам. цент.,
на шесть мѣс. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

5-

Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :
Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}.
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.

Buchdruckerei Sinaburg u. Co., Berlin SW 68.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 3

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю . . .
Догни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!
Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прожати.
И выжги ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!
Да вспряну я, тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ ! . .

Графъ А. К. Толстой.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 3

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

ИЗЪ КНИГЪ

Н.Н. ИЛЬИНОЙ
и
И.А. ИЛЬИНА

ПОБѢДИТЬ ПРАВОЕ ДѢЛО.

Сколь бы ни было вамъ трудно въ жизни и тяжело на душѣ, — вамъ беззавѣтно любящимъ Россію, — вѣрьте: *побѣдитъ правое дѣло!* И потому никогда не смущайтесь засиліемъ зла: — оно временно и преходяще. Но ищите прежде всего и больше всего *правоты*: только она воистину *жизненна*; и только въ ней зародится и изъ нея возстанетъ *новая сила*, ведущая, спасающая и направляющая...

Побѣдить правое дѣло. Это совсѣмъ не означаетъ, что оно ограждено отъ земныхъ неудачъ, отъ временныхъ испытаній, отъ періодовъ, сочетающихъ подлинное страданіе съ видимымъ униженіемъ. Нѣтъ, все это не только возможно, но прямо неизбежно. И неисчислимое множество разъ люди, идущіе по правому пути, явно страдая и по видимости униженные, молились и еще будутъ молиться вослѣдъ за Сыномъ Божіимъ — и о томъ, чтобы чаша сія миновала ихъ, и о томъ, зачѣмъ покинулъ ихъ Господь... Но именно въ этихъ молитвахъ — *послѣ Голгофы* — всегда будетъ жить глубочайшая увѣренность, что *правотѣ суждена побѣда*, и что въ зримомъ «умираніи», въ «явной» неудачѣ — незримо готовится и творится *воскресеніе*.

Да, носителямъ вѣрной идеи и праваго дѣла суждены часы неудачъ и страданій. Но всѣ эти неудачи и страданія образуютъ лишь *чистилище* для *будущаго подвига*, лишь *школу грядущей побѣды*. Ибо никто изъ людей не готовъ къ подвигу отъ самаго своего рожденія; но всякій нуждается въ долгомъ искуствѣ, въ испытаніи и закаленіи. И среди другихъ народовъ, быть можетъ, больше всѣхъ нуждаемся въ этомъ закаленіи мы, русскіе, — съ нашей безхарактерной страстностью и съ нашей мечтательной безпечностью. Въ этой безхарактерности и съ этой безпечностью, въ хаотическомъ смѣшеніи добра и зла — *нельзя было далье строить Россію*: ни ея церковь, ни ея госу-

дарство, ни ея хозяйство, ни ея духовную культуру. Война и революція съ наглядностью доказали это; и доказавъ, ввели насъ въ періодъ суровыхъ испытаній и нещаднаго закаленія.

Вотъ уже десять лѣтъ длится этотъ періодъ. За это время намъ было показано обнаженное зло, для того, чтобы мы обратились къ Богу. Намъ были явлены безсовѣстность и безчестіе для того, чтобы мы утвердились въ совѣсти и чести. Изъ нашей среды выдѣлились величайшіе въ мірѣ предатели для того, чтобы мы сами укрѣпили свою вѣрность. Мы переживаемъ неслыханное безправіе и порабощеніе для того, чтобы научиться цѣнить справедливое право и вѣрную мѣру свободы. У насъ отняли всякое имущество и ввели коммунизмъ для того, чтобы мы поняли необходимость собственности, ея смыслъ и предназначеніе. У насъ погасили семью и родину, у насъ извратили естество солдата и арміи для того, чтобы мы постигли святость очага и Кремля, и священный смыслъ воина. Въ нищетѣ и черной работѣ, въ уплотненіи, въ ссылкѣ или изгнаніи, окруженные соблазнами и опасностями — выстрадаваемъ мы *новое воспріятіе Бога, новое національное самочувствіе, новый укладъ характера, новое правосознаніе, новое отношеніе къ арміи и къ собственности*. Въ этомъ великій смыслъ нашего испытанія и закаленія. Въ этомъ наше служеніе Россіи — и внутри, подъ ярмомъ, и внѣ страны, въ зарубежномъ разсѣяніи. Мы должны принять эту чашу и испить ее до конца; мы не смѣемъ молиться, чтобы она миновала насъ; и мы должны быть твердо увѣрены, что на этомъ пути *мы не покинуты Богомъ*.

Дѣло не въ томъ, кто сейчасъ временно одолѣлъ; а въ томъ, кто *правъ* по самому существу, передъ лицомъ Божіимъ. Ибо существенная работа — вѣрна не только на небѣ, но и на землѣ; она не есть отвлеченная отъ жизни и ненужная міру «праведность»; но она есть *необходимая міру творческая жизненность*; она источникъ не слабости, а силы, не пораженія, а побѣды.

Дѣло обстоитъ не такъ, что міру нуженъ изворотливый инстинктъ, не вѣдающій добра и зла, а духъ — міру не нуженъ. Напрасно думать, что «добродѣтель мѣшаетъ жизни», что «честность есть достояніе глупцовъ», что «святость есть проявленіе слабости», что «сила всегда на сторонѣ беззастѣнчиваго порока»... Нѣтъ. Инстинктъ безъ духа есть разнузда-

ніе и извращеніе, раздоръ и гибель. Гнусна и обречена та жизнь, которая видитъ въ добродѣтели помѣху. Отнимите отъ ума честность, и умъ станетъ подлой, растлѣнной хитростью, любимымъ орудіемъ глупца. Святость всегда была великимъ источникомъ *жизнеустроенія*, зарядомъ творческой энергіи. А беззастѣнчивый порокъ можетъ импонировать только *слабымъ* людямъ: ибо только они воображаютъ, будто разнузданіе инстинкта дѣлаетъ человѣка сильнымъ; и именно потому они, вяло мечтая разнуздать свою слабость — идутъ въ узду къ беззастѣнчивымъ и въ ярмо къ порочнымъ...

На самомъ дѣлѣ все обстоитъ какъ разъ обратно: земная жизнь невозможна безъ преданности, безъ вѣрности и безъ благородства; честность есть опора и проявленіе настоящаго ума; и права была древняя мудрость, утверждавшая, что всякій городъ держится своими праведниками. *Совѣстный человекъ есть очагъ жизненнаго здоровья и жизненной силы*, ибо онъ излучаетъ изъ себя *душевное равновѣсіе и справедливость*, и сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее *уваженіе и довѣріе*. Напротивъ, злодѣй всегда будетъ началомъ общественно-организаціоннаго распада: ибо честные ненавидятъ и презираютъ его; соперники начинаютъ ему подражать, а слабые вступаютъ на путь пресмыкательства. Вотъ почему *правое дѣло* всегда имѣетъ въ самомъ себѣ залогъ своего будущаго роста и расцвѣта; а *неправое дѣло* остается всегда внутренне обреченнымъ. Ни въ личной душѣ, ни въ общественно-государственномъ дѣлѣ — *реальное, жизненное творчество не терпитъ злодѣйства*...

Злое начало *не жизненно*, ибо оно *безблагодатно* и *богоотверженно*; и его мнимое «творчество» есть на самомъ дѣлѣ *разложеніе*. Оно таитъ въ самомъ себѣ, въ своей душеразрушительной и духрастлѣвающей порочности — зерно гибели. Раскрываясь, оно само день и ночь работаетъ надъ приближеніемъ и ускореніемъ своего конца; и чѣмъ ожесточеннѣе его напоръ, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ позорнѣе будетъ его конецъ. Можетъ ли быть иначе?

Что создано на свѣтѣ злобою, ненавистью, ожесточенной свирѣпостью? Ничего. — Отъ злобы душа каменѣетъ; отъ ненависти она слѣпнетъ; свирѣпость раскалываетъ душу и истощаетъ ее. И вотъ, власть, проповѣдующая злобу и насаждающая ненависть, — истощаетъ и растрчиваетъ энергію *своего*

собственного правящаго слоя и сама себѣ готовить озлобленнаго и свирѣпаго мстителя.

Какой общественный строй можетъ держаться на классовомъ своекорыстіи, на жадной склокѣ, на проповѣди мірового грабежа? Такая власть, *развязывая порочнаго лѣнтяя и запугивая трудолюбиваго* — мертвитъ жизнь страны и сама себя подрываетъ.

Зависть не строить, а губить и разрушаетъ. Ложь накапливаетъ разочарованіе и презрѣніе. Насаждающій сыскъ и предательство самъ будетъ однажды преданъ. Насиліе вызываетъ къ противонасилію. А безбожіе всегда вело массу только къ безстыдству и вседозволенности: и въ этомъ его рокъ.

Въ чемъ же можетъ выразиться «побѣда» злого начала? Только во всеобщемъ душевномъ, государственномъ и хозяйственномъ распадѣ. Но распадъ есть именно не здоровье, а зараженность и болѣзнь; не побѣда, а поражение.

Только правое дѣло — творчески жизненно! *Побѣдить можетъ только правда.*

И потому тамъ, гдѣ мы видимъ «побѣду» злого начала, мы говоримъ объ обманчивой видимости, о временномъ засиліи, скрывающемъ подлинную и обреченную слабость. Мы не отрицаемъ исторически даннаго факта; но мы отрицаемъ его творческую, его плодотворность, его *жизнеспособность*; мы отрицаемъ его *благодатность*, а потому мы не вѣримъ ни въ его силу, ни въ его *грядущее*. Мы признаемъ, что въ часъ всенародной смуты можетъ возникнуть злое засиліе. Но мы утверждаемъ, что оно продержится лишь до тѣхъ поръ, *пока въ души народа не зазвучитъ зовъ и звонъ благодатныхъ силъ духа*: религіознаго патріотизма, національнаго единенія и самоотверженнаго служенія...

Тотъ, кто ищетъ настоящей и подлинной побѣды, *побѣды отъ благодати*, а не отъ коварства, предательства и насилія, — тотъ долженъ идти по бѣлому пути: сначала утвердить въ себѣ *религіозно-вѣрное воленавращеніе*, этимъ обезпечить себѣ *немнимую, непреходящую побѣду*, и потомъ *накапливать для нея земныя силы*. Да, жизнь изобилуетъ такими положеніями, въ которыхъ слѣдуетъ становиться на сторону временно-слабѣйшую и идти по линіи *наибольшаго сопротивленія*, по такой линіи, видимая, земная перспектива которой не сулитъ ни легкаго, ни быстрого успѣха. Почему? Потому, что именно эта

линія *ведетъ дѣло Божіе на землю*; и потому, что всѣ остальные лініи *исключаютъ побѣду по благодати*.

Пусть твердятъ намъ, что черный вихрь исторіи будетъ еще долго бушевать надъ Россіей... Мы отвѣчаемъ увѣренно и спокойно: онъ будетъ бушевать лишь до тѣхъ поръ, пока не проснутся въ душѣ нашего народа благодатныя силы его духа. Но пусть не пугаютъ насъ сроками: что есть срокъ, когда смерть всегда сторожить cadaго изъ насъ у порога? что есть срокъ, когда подлинная побѣда религіозной и національной Россіи уже обезпечена нашей вѣрностью, нашей идеей, нашимъ служеніемъ, — нашимъ *знаменемъ, не нами воздвигнутымъ и не нами освященнымъ?* и что есть срокъ десяти лѣтъ въ тысячелѣтней жизни великаго народа?

Прежде всего и больше всего мы должны искать *правоты*; въ ней — *сила*; и сила соберется подъ ея знамя. Надо *служить дѣлу Божіему, не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божіихъ сроковъ*. И вѣрить: проснется здоровая духовная глубина Россіи, умолкшая отъ военнаго утомленія, замутившаяся въ революціи и засыпанная мусоромъ пропаганды. Проснется, и застонетъ, и замолится о томъ, о чемъ стонуть и молятся наши души уже десять лѣтъ. И тогда нашъ народъ пойметъ, что мы не враги его и не изгои, но и не льстецы и не растлители: что мы — его старшіе братья, насмерть борющіеся за его душу и за его разумъ, непоколебимо вѣрящіе въ его Православіемъ взрожденную совѣсть и въ его исконный государствен- ный смыслъ.

И тогда правое дѣло побѣдитъ.

Редакторъ.

АРМІЯ.

Существует мнѣніе, — въ наше время оно стало очень распространеннымъ, — будто послѣ великой войны, когда «народы устали», достаточно собрать молодыхъ людей (мужчинъ или женщинъ, все равно), дать имъ оружіе, обучить ихъ, какъ имъ владѣть, — и армія готова...

Въ наши дни военная техника стала весьма совершенна. Изобрѣтено множество машинъ для истребленія людей: пулеметы, дальнобойныя тяжелыя пушки, аэропланы, газы, танки... Но (хотя это и кажется неправдоподобнымъ) научить солдата владѣть сложными современными орудіями войны — легче и скорѣе, чѣмъ грошевымъ орудіемъ далекой старины.

Это не парадоксъ. Пулеметь состоитъ изъ сотни мелкихъ частей, гаекъ, винтовъ, пружинъ и колець; а шашка — изъ рукоятки, клинка и ножонъ. Но управлять пулеметомъ легче, чѣмъ рубить шашкой. Чтобы хорошо рубить, горцы и казаки съ дѣтства обучаются этому искусству: рубятъ лозу, глину, солому; рубятъ по водяной струѣ — по водѣ, такъ, чтобы она не давала всплесковъ; по бараньей тушѣ, по свободно повѣшенному арбузу... И точно такъ же — научиться управлять мудренымъ танкомъ или броневикомъ легче, чѣмъ научиться ѣздить верхомъ на самой немудреной лошади.

Машина упростила и облегчила участіе въ войнѣ. Отсюда соблазнъ — сократить сроки службы. Отсюда соблазнъ — *учить солдата, но не воспитывать его*. Отсюда соблазнъ — дѣлать солдатомъ *всякаго* (и антимилитариста, и врага націи и родины — коммуниста)...

Армію называютъ великой молчальницей — «*la grande muette*». Ибо армія есть только покорное орудіе въ рукахъ правительства, слѣпо и безотговорочно исполняющее всѣ его предписанія. Но эта великая молчальница говоритъ самымъ

громовымъ голосомъ: голосомъ пушекъ и пулеметовъ; самымъ страшнымъ языкомъ — языкомъ смерти. Она убѣждаетъ самымъ жестокимъ способомъ — способомъ крови.

Какъ же высоко должно быть *воспитаніе* Арміи, изъ какихъ *рыцарственныхъ* элементовъ она должна состоять — для того, чтобы *имѣть право переступить черезъ кровь*; для того, чтобы быть готовой *отдать все*, — покой и уютъ, семейное счастье, силы, здоровье, и самую жизнь во имя Родины, во имя ея спасенія и блага.

Армія должна защищать Родину отъ враговъ, отъ *всякихъ* враговъ — «внѣшнихъ и внутреннихъ». Она должна отстаивать *неприкосновенность* границъ государства, обеспечивать въ странѣ *мирную жизнь*, оборонять Родину отъ порабощенія извнѣ и отъ униженія и разоренія изнутри. Если минувшая война была сурова — если она поставила подъ ударъ милліоны людей, никогда не готовившихся къ войнѣ, то грядущая война (а она придетъ, рано или поздно!) будетъ еще болѣе жестока...

Сильно развившаяся военная техника дастъ непріятелю возможность перенести войну за войсковой фронтъ, — глубоко въ тылъ, черезъ «позицію», устроенную арміей. Соблазнъ поколебать умы, вызвать у враждебнаго народа «пораженческую психологію» и тѣмъ принудить его къ сдачѣ — вызоветъ попытки разрушить жизненные, питающіе армію центры. Дальнобойныя пушки будутъ направлены на города съ мирнымъ населеніемъ. Аэропланы будутъ сбрасывать бомбы съ удушливыми газами и микробами, будутъ стремиться достигнуть центровъ управленія страной — столицъ, промышленныхъ и фабричныхъ районовъ, чтобы внести панику среди служащихъ, разрушить чиновничій, бюрократическій аппаратъ страны, прекратить работу заводовъ, разогнать рабочихъ. Спеціальныя арміи агитаторовъ и пропагандистовъ заблаговременно направятся въ тылъ, чтобы сѣять смуту. Забастовки, рабочіе беспорядки, митинги протеста противъ войны, пораженческая литература, — все это будетъ мутить и отравлять внутреннюю жизнь страны.

«Внутренній врагъ» не всегда различаемъ, плохо осязаемъ, трудно уловимъ. Онъ искусно прячется въ лукавыхъ сердцахъ. Онъ ходитъ въ овечьей шкурѣ социализма. Онъ соблазняетъ ложными посулами. Бороться съ нимъ тогда, когда онъ уже развернулъ красные флаги мятежа и вышелъ на улицу —

поздно. Жертвы въ столкновѣніяхъ вызываютъ жалость и смутное сочувствіе къ бунтовщикамъ, и не ослабляютъ, но разжигаютъ и расширяютъ мятежное движеніе. Бороться съ погромами, когда они уже начались и пошли, какіе бы они ни были, — погромы ли усадебъ, торговыхъ лавокъ и рядовъ, или еврейскихъ предмѣстій, — есть очень трудная задача. Поэтому Армія должна *умѣть предупредить* эти болѣзненные вспышки: она должна имѣть такое вліяніе на народъ, чтобы одна *мысль о существованіи Арміи* — не допускала въ душахъ и желанія безпорядковъ.

И вотъ, во время войны Армія будетъ защищать страну свою грудью отъ вторженія враговъ; она близко подойдетъ къ гражданскому населенію, и отъ ея поведенія и настроенія, отъ ея духа будетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ, побѣда или пораженіе.

А въ мирные годы, не угрожаемые внѣшнимъ врагомъ, на Армію ляжетъ тяжелый и отвѣтственный трудъ такого *воспитанія* народа, чтобы никакіе безпорядки, никакіе погромы не были возможны. Это будетъ дѣломъ не только Арміи, но прежде всего Арміи, какъ *живого средоточія волевой дисциплины* . . . —

Можетъ ли Армія, при такомъ своемъ назначеніи, быть только *толпой*, обученной владѣть орудіями войны? Можетъ ли она представлять изъ себя только вооруженную массу, не *объединенную общими, великими, религіозными и государственными идеями*?

Чѣмъ лучше будетъ вооружена такая толпа и чѣмъ она лучше будетъ владѣть своимъ оружіемъ, тѣмъ *опаснѣе она будетъ для самого государства*. Не воспитанная заранѣе въ духѣ самоотреченія и жертвы, — въ пору войны, ея опасностей и страховъ она дрогнетъ передъ врагомъ. Въ ней встанетъ *свое, личное*. Она до ужаса осознаетъ силу военнаго оружія, — не своего для непріятеля, а непріятельскаго для себя, — и побѣжитъ, все разрушая на своемъ пути. Въ пору мирной жизни не воспитанная въ духѣ дисциплины и повиновенія, она забудетъ свое призваніе къ «великому молчанію», и, отдаваясь различнымъ теченіямъ, сама внесетъ въ государство кровавый бунтъ — военный мятежъ . . . —

Армія есть какъ бы *лицо государства*. Армія есть то открытое, по чему сосѣди судятъ о его силѣ, мощи и значеніи.

Воспитана Армія, дисциплинирована, отлично вооружена, хорошо одѣты ея солдаты, сыты, здоровы и сильны, — и сдержаннѣе языкъ ея сосѣдей, скромнѣе ихъ притязанія.

Армія есть *школа для народа*. Не только потому, что черезъ ея ряды при всеобщей воинской повинности проходитъ почти все мужское населеніе націи и учится въ ней долгу, мужеству и патріотизму, но еще и потому, что Армія проникаетъ во всѣ слои общества и по ея поведенію на маневрахъ, ученьяхъ, смотрахъ, по *виду* ея офицеровъ и солдатъ, по ихъ *поступкамъ*, по ихъ *разговорамъ* всѣ судятъ о духовной силѣ своего государства, всѣ учатся уважать и любить свое отечество.

Но Армія — не вооруженный народъ; и вооруженный народъ — не Армія. Нельзя воспитать весь народъ, какъ Армію; но надо выдѣлить изъ народа нѣкоторую часть его, сдѣлать изъ этой части офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и кадровый составъ, и сказать про нихъ — *это Армія!* И все, что волеется въ нее, должно быть во всемъ имъ подобно.

Эта кадровая Армія должна блюсти и разумѣть *религіозный смыслъ* своего бытія; она должна быть Арміей *христіанской*, христіолюбивымъ воинствомъ, ибо только заповѣдью Христовой — возлюбить ближняго своего такъ, чтобы положить за него свою душу — могутъ быть обоснованы и пріятіе оружія, и своя и чужая кровь, и муки раненія, и самая смерть.

«Воины благочестивые, славою и честію вѣнчанные!»

Эта Армія должна быть *патріотичной*. Она должна любить Родину, не критикуя ее; она должна умѣть цѣнить ея прошлое, понимать и прощать недостатки этого прошлаго и любить величіе, красоту и славу своихъ предковъ.

«Горжусь, что я — Русскій!»

Армія должна быть *духовно скромна, не стяжательна, гостепріимна, добра*, готова на всякій прекрасный порывъ и на великую жертву.

Армія — *рыцарскій орденъ!* И народу своему она несетъ защиту и помощь, а не обиду и утѣсненіе.

«Обывателя не обижай — онъ насъ кормитъ и поитъ. Солдаты не разбойники».

Въ своей внутренней жизни Армія должна быть *дружна*. Ея члены — братья. Не равные, не товарищи, но *братья*. Ни подкоповъ другъ подъ друга, ни интригъ, ни подсиживанія, ни

карьеризма, ни сплетень, ни наущничанія, ни подлизыванія къ старшимъ, ни амикошонства — въ Арміи быть не должно.

«Зри въ части семью. Въ начальникъ — отца, въ товарищахъ — братьевъ». «Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ». «Чудо богатыри! Богъ васъ водить — Онъ вамъ генераль»..

Этими завѣтами *Суворова* должна жить и дышать Армія.

Всегда и вездѣ она должна быть образцомъ *воинскаго долга* и *самопожертвованія*. Можетъ ли быть воинскій чинъ, — офицеръ или солдатъ, — пьянъ? Можетъ ли онъ непристойно вести себя? — грабить, насильничать, брать «подарки отъ благодарнаго населенія», высказывать паническіе взгляды, поддаваться пораженческому настроенію, критиковать свое начальство и свой полкъ?

«Нашъ полкъ», его Знамя, его прошлое, его традиціи — *святыня* для солдата!

Въ Армію должны идти не только физически наиболѣе крѣпкіе люди, но и *самые сильные духовно*, съ воспитанною, твердою волею. Принадлежностью къ Арміи надо *гордиться*. И весь народъ долженъ любить свою Армію и отдавать ей все лучшее. Семья должна отдать въ Армію лучшаго ребенка; коннозаводчикъ — лучшую лошадь; фабрикантъ — лучшее издѣліе; заводчикъ — лучшую машину; рабочій — самую тщательную свою работу.

Если я въ Арміи — то я горжусь и я счастливъ тѣмъ, что я въ Арміи, что я солдатъ.

«Мы — Русскіе солдаты!»

Если же мнѣ не дана эта высокая честь, то я *горжусь* тѣмъ, что у меня, въ моей Родинѣ, въ моей Россіи — такая прекрасная Армія. Я снимаю шапку передъ ея знаменами. Я съ уваженіемъ смотрю на своего отца, на своего брата, на своего сына въ его военномъ мундирѣ. Онъ — рыцарь! Онъ — лицо нашего народа. По нему судятъ и обо мнѣ. —

Въ прошломъ и Армія грѣшила противъ всего этого, и мы грѣшили противъ нея. Особенно тѣ, кто называется «обществомъ». Развѣ не было въ русскомъ обществѣ, какъ въ сказкѣ про Иванушку-дурачка: «У старинушки три сына. Старшій — умный былъ дѣтина . . .» — и пошелъ въ институтъ инженеровъ путей сообщеній, или на юридическій факультетъ универси-

тета (карьера!... инженеръ!... адвокатъ!... любовь женщинъ... деньги... слава...).

— «Средній былъ и такъ и сякъ...» — и пошелъ на физико-математическій или естественный факультетъ (семья... профессура... учитель... «Хоть денегъ и не много, за то хорошая репутація въ обществѣ...»).

— «Младшій вовсе былъ дуракъ...» — и пошелъ въ юнкерское училище (нищета... казарменная вонь... солдаты... «Мы свою дочь не можемъ за него отдать — онъ офицеръ въ полку...»).

Тяжело было Русской Арміи. Она была изолирована. Но она держалась — Трономъ. Неизмѣнною, традиціонною любовью, милостями и трогательнымъ вниманіемъ Россійскихъ Государей къ Арміи. Мы же, общество, мы если и подходили къ Арміи, то или съ снисходительной насмѣшкой («Полковникъ Скалозубъ, прикажете принять?»), или съ сентиментальнымъ и любопытствующимъ сочувствіемъ (капитанъ Тушинъ, Максимъ Максимычъ, купринскій Ромашовъ). —

Строя великую, могущественную, славную, честную, христіанскую и православную Россію, — мы должны отвѣтственно и заботливо подойти не только къ *вооруженію* и *обученію* ея Арміи, но и къ *отбору* въ эту Армію всего лучшаго, всего благороднаго, прекраснаго въ полномъ значеніи этого слова; — и, далѣе, къ *воспитанію* дѣйствительно *христолюбиваго, побѣдоноснаго Россійскаго Воинства*. Такъ, чтобы съ Русскою Арміей всегда былъ «Богъ крѣпокъ, Властитель, Начальникъ мира». Ибо этотъ необходимый Россіи миръ, миръ прочный, и внѣшній, и внутренній, дастъ ей только такая Армія, которая будетъ покорна сему великому «Начальнику мира»: Онъ — «Богъ крѣпокъ! Чуденъ Совѣтникъ — миру его нѣсть предѣла!...»

Таковы завѣты Суворова. Они указуютъ намъ путь.

П. Красновъ.

Ноябрь. 1927 г.

Отъ редакціи: Въ четвертой книжкѣ «Русскаго Колокола» будетъ помѣщена статья П. Н. Краснова: «Казакі. Ихъ прошлое, настоящее и возможное будущее».

БУДУЩЕЕ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Мы должны вѣрно предвидѣть будущее; знать чего мы хотимъ; и хотѣть только того, что ведетъ къ величію Россіи.

Величіе Россіи требуетъ, во-первыхъ, *духовнаго оздоровленія русской интеллигенціи*, этого служилаго, организующаго и воспитывающаго слоя: національная соль должна возстановить свою силу.

Величіе Россіи требуетъ, во-вторыхъ, подъема русскаго земледѣлія и русской промышленности; и прежде всего — *хозяйственнаго и культурнаго расцвѣта русскаго земледѣльческаго класса, крестьянства*.

Крестьянство составляетъ *количественно основной массивъ* русскаго народа: до трехъ четвертей всего населенія. Такъ было и до революціи: изъ каждаго десяти человѣкъ, самостоятельно зарабатывавшихъ себѣ пропитаніе, отъ семи до восьми человѣкъ работали такъ или иначе на землѣ; и въ этомъ отношеніи всѣ остальные страны уступали Россіи.

Это означаетъ, что въ вопросахъ *физическаго труда, колонизаціи, арміи и рынка* крестьянство являлось въ Россіи главной, — хотя и пассивно-стихійной, — творческой силой. По-прежнему, какъ и сто лѣтъ назадъ, русскій простой человѣкъ въ массѣ былъ проникнутъ «духомъ земли» и внутренне ведомъ «властью земли»: этотъ «духъ» опредѣлялъ собою настроеніе русскихъ рабочихъ массъ; онъ продолжалъ процессъ многовѣковой колонизаціи русскихъ пространствъ; онъ слагалъ весь основной контингентъ арміи; и устанавливалъ уровень русскаго массоваго потребителя.

Въ то же время крестьянство оставалось въ Россіи главнымъ *хранителемъ русскаго національнаго уклада и быта*, — въ этомъ отношеніи являясь сразу и жертвой *инерціи* (въ хозяйствѣ и въ умственной культурѣ), и оплотомъ здороваго *консерватизма* (въ религіи, языкѣ, искусствѣ и государствен-

ности). Крестьянская масса всегда и всюду выступает, какъ сила народно-государственной косности, какъ сдерживающій и уравнивающій соціально - политическій грузъ, какъ стихія почвенности и дѣловитой трезвости. И всегда бываетъ такъ, что эти драгоцѣнныя *консервативныя* свойства его проявляются тѣмъ продуктивнѣе и спасительнѣе, чѣмъ больше оно преодолеваетъ въ себѣ *реакціонную* — умственную и хозяйственную — *косность*.

Нынѣ, послѣ революціоннаго разгрома, уведшаго Россію на пути сознательнаго *разрушенія*, искусственнаго *упрощенія* и *сниженія*, когда всѣ остальные классы и слои населенія или разорились и почти погибли (землевладѣльцы, промышленники), или жестоко пострадали (интеллигенція, торговый слой, обученные рабочіе), — крестьянство, противопоставившее революціоннымъ бреднямъ и наскокамъ свою почвенность и цѣпкую дѣловитость, окажется тѣмъ *неистощимымъ резервуаромъ*, изъ котораго другіе слои и классы будутъ пополнять свои утомленныя и подорванныя силы. Ибо никогда не было и не будетъ государства, состоящаго изъ одного единственнаго класса (все равно — крестьянскаго, или пролетарскаго, или купеческаго); всякое народно - государственное дѣло огромно и сложно; оно можетъ существовать только при пожизненномъ и потомственномъ раздѣленіи труда (*приспособленіе! обученіе! традиція!*). А потому не будетъ и одно-классовой Россіи. И наша страна будетъ расцвѣтать лишь по мѣрѣ того, какъ процессъ революціоннаго упрощенія и сниженія будетъ уступать свое мѣсто новому, органически-здоровому подраздѣленію Россіи на необходимыя ей классы, слои и группы: рано или поздно будетъ *новый* промышленный классъ; будутъ *новые*, менѣе крупные землевладѣльцы; *новый* купеческій слой; *новая* интеллигенція; *новый* квалифицированный рабочій. Все, уцѣлѣвшее послѣ революціи, однажды понадобится Россіи и встанетъ на свое мѣсто; все недостающее — будетъ постепенно восполнено изъ нѣдръ крестьянскаго океана.

При такомъ значеніи крестьянства въ нашемъ прошломъ и въ нашемъ будущемъ, — основной заботой грядущей русской національной власти должно быть *хозяйственное и культурное благосостояніе русскаго земледѣльца*. Это совсѣмъ не значить, что интересы крестьянства должны быть поставлены выше русскаго *всенародно-государственнаго интереса*: требовать этого

значило бы нести крестьянству безчестный демагогическій обманъ, а Россіи — медленное иноземное (торговое, промышленное и культурное) завоеваніе. Часть не можетъ стоять выше цѣлаго; и классъ долженъ служить родинѣ, а не обратно. Но это все же значить, что *будущее нашей родины обусловлено подъемомъ русскаго крестьянства*: если крестьянство будетъ культурно и хозяйственно хирѣть, то будетъ хирѣть и Россія; и расцвѣтъ Россіи возможенъ только при цвѣтущемъ земледѣліи и сознательномъ, богатомъ земледѣльцѣ. Это, конечно, не единственное условіе нашего величія, но условіе необходимое и основное.

Процессъ, который нынѣ совершается въ нѣдрахъ русскаго крестьянства полонъ глубокаго значенія для всего нашего будущаго. Это есть, съ одной стороны, процессъ *инстинктивной индивидуализаціи*, развязанный революціей; съ другой стороны, это есть процессъ *хозяйственного расслоенія*, происходящій вопреки революціи и всѣмъ ея снижающимъ и уравнивающимъ нажимамъ.

Революція прежде всего *развязываетъ* человѣка, ослабляя въ его душѣ всякіе удержки и выталкивая его — и своими потрясеніями, и своею пропагандою — изъ привычнаго и коснаго уклада. Въ революціи ослабѣваютъ всякіе удержки, — и внутренніе (религіозные, нравственные, семейные, связанные съ правосознаніемъ и чувствомъ долга), и внѣшніе (уголовная репрессія, военная дисциплина и т. д.). Это особенно чувствуется, конечно, въ деревнѣ — съ ея разбросанностью и трудной организуемостью. И революціонная пропаганда только додѣлываетъ здѣсь то, что вызывается стихійными потрясеніями.

Такимъ образомъ, революція есть своего рода *распаденіе духовныхъ и общественныхъ узъ*. Въ этомъ распаденіи обостряется борьба всѣхъ противъ всѣхъ; каждый начинаетъ надѣяться только на себя самого; въ душахъ усиливаются соревнованіе и зависть; инстинктъ самосохраненія выступаетъ на первый планъ, ожесточается и *обособляетъ* человѣка; а авторитетъ павшей государственной власти, какъ бы распыляясь и разсасываясь годами въ странѣ, придаетъ личному инстинкту человѣка нѣкій самоувѣренный апломбъ и тягу къ независимости. Люди нерѣдко испытываютъ и обозначаютъ это, какъ «освобожденіе» и «свободу». Точнѣе было бы обо-

значить этот процессъ, какъ инстинктивную индивидуализацію или *усиленіе бытового эгоизма*.

Естественно и понятно, что вовлеченіе въ этотъ процессъ оказывается далеко не для всѣхъ полезнымъ и даже посильнымъ. Всякая бѣда, всякая встряска и обостренная борьба — оказывается по плечу болѣе сильному, изворотливому, напористому и беззаастѣнчивому; и наоборотъ — легко подрываетъ слабого, вялаго и скромнаго. Зажиточный, предприимчивый и прижимистый крестьянинъ всегда сумѣетъ не только пережить тяжелое время, но и нажиться; тогда какъ безлошадный и незапасливый — распродастъ и растеряетъ все вплоть до земельного надѣла. Вотъ почему эпоха инстинктивной индивидуализаціи оказывается въ то же время эпохой хозяйственного разслоенія; и современная русская деревня одновременно выдѣляетъ кверху — растущій кадръ зажиточнаго, богатѣющаго земледѣльческаго слоя, а книзу — армію пролетаризованнаго крестьянства (исчисляемаго уже милліонами); и большинству этой «арміи» предстоитъ, повидимому, пережить на мнимомъ «соціальномъ обезпеченіи» суровые годы безработицы и голода, а впослѣдствіи въ эпоху возсозданія русской промышленности пополнить своими остатками ряды настоящаго промышленнаго пролетаріата.

Все это означаетъ, что коммунистическая революція не только не смогла задержать тотъ великій хозяйственный процессъ въ русской деревнѣ, который въ государственномъ масштабѣ навсегда связанъ со свѣтлымъ именемъ П. А. Столыпина, но только болѣзненно ускорила его темпъ. Этотъ процессъ, сводящійся къ *распаденію сельской общины, къ творческому освобожденію личной инициативы, къ укрѣпленію личной собственности на землю и насажденію хуторского землевладѣнія* (со всѣми благими, хозяйственными и гражданственными послѣдствіями) — былъ грубо прерванъ въ первые годы революціи: и сверху — декретомъ объ отмѣнѣ частной собственности на землю и о «поравнительномъ» передѣлѣ земли среди трудящихся, и снизу — стихійнымъ увлеченіемъ крестьянства на путь всеразоряющаго и всеуравнивающаго «чернаго захвата» и «чернаго передѣла». Но затѣмъ въ низахъ наступило разочарованіе и отрезвленіе: раздѣлъ всей помѣщичьей земли прибавилъ крестьянамъ на кругъ всего около подь-десятины на живую душу (въ великорусскихъ губерніяхъ — около $\frac{2}{5}$ деся-

тины; въ малорусскихъ—больше) *); къ тому же, въ общій котель ушла и масса крестьянской купчей земли; а передраги коммунистическихъ передѣловъ, поравненій, продналоговъ и т. д. вызвали не только обширное сокращеніе засѣва, но и могучую, неудержимую индивидуалистическую реакцію въ крестьянствѣ. Декретъ 1922 года вынужденъ былъ считаться съ этимъ возрожденіемъ *столыпинской стихіи* и дать ей нѣкоторый просторъ.

Этой стихіи принадлежитъ въ Россіи будущее. Революція отнюдь не создала этого движенія; напротивъ, она пыталась его подавить и исказить; но подавить его она не смогла; и все, что ей удалось — это увлечь его на уродливые пути черного захвата, замутить его уравнительнымъ соблазномъ и передѣломъ, судорожно ускорить темпъ его изживанія и тѣмъ придать всему процессу разорительныя для государства и болѣзненно - мучительныя для народа формы... Чѣмъ дольше продержится нынѣ совѣтская власть, тѣмъ болѣе убыточно для государства и тѣмъ болѣе болѣзненно для народа пойдетъ въ Россіи дальнѣйшая аграрная эволюція. Но пути ея — будутъ попрежнему *здоровые пути частной собственности, личной инициативы, гражданского полноправія и интенсивнаго хозяйства.*

Было бы одинаково наивно думать и то, что земля можетъ вернуться къ помѣщикамъ на прежнемъ основаніи и въ прежнемъ размѣрѣ; и то, что состоявшійся раздѣлъ помѣщичьей земли можетъ въ какой бы то ни было степени «разрѣшить» аграрный вопросъ въ Россіи.

Захваченная земля ушла въ общій котель; обычно она по нѣскольку разъ перемѣрена, передѣлена, изрѣзана и запахана; почти на каждомъ клочкѣ ея выросли революціонныя вождедѣнія, обиды и страсти, скопились революціонныя полупритязанія и полу-права; и нѣтъ на историческомъ горизонтѣ вѣроятій, чтобы появилась въ Россіи такая социальная и политическая сила, которая затѣяла бы и провела бы новый, «реставраціонный» черный передѣлъ. И если новая національно-государственная власть въ Россіи будетъ о чемъ-либо помыш-

*) Срв. данныя, приводимыя проф. В. А. Косинскимъ въ его обширномъ трудѣ: «Основныя тенденціи въ мобилизаціи земельной собственности». Обѣщанныя нами статьи В. А. Косинскаго начнутъ печататься съ четвертой книжки журнала.

лять, то не о дореволюціонныхъ правахъ на землю, таящихъ въ себѣ опасность новой гражданской войны, но о послѣ-революціонномъ вознагражденіи за землю, могущемъ упрочить національный миръ и всеобщее благоволеніе.

Аграрный вопросъ вообще нигдѣ и никогда не можетъ быть «разъ навсегда разрѣшенъ»; тѣмъ болѣе — посредствомъ чисто количественной передачи земли изъ однѣхъ рукъ въ другія. Аграрный вопросъ, какъ и всѣ живые общественные вопросы, разрѣшается только изъ вѣка въ вѣкъ черезъ *живое творчество*, которое необходимо будить и поощрять, и черезъ *живое равновѣсіе*, которое необходимо все заново поддерживать и возстановливать. А планы «осчастливить разъ навсегда», — все равно «пожалованіемъ» или «уравненіемъ», всеобщимъ «надѣленіемъ» или всеобщимъ «изъятіемъ», — всегда будутъ наивнымъ ребячествомъ или порочной демагогіей. Нѣтъ и не можетъ быть единого аграрнаго рецепта для всѣхъ временъ и народовъ, своего рода «аграрной панацеи»; и давно уже пора разъ навсегда покончить со всякой аграрной алхиміей — и въ духѣ Маркса, и въ духѣ Генри Джорджа...

То, что нужно великой Россіи, не есть ни аграрная реставрація, ни аграрная утопія. Это есть *живое и творческое равновѣсіе между интенсивно ведущимся земледѣліемъ и интенсивно развертывающейся промышленностью*; то и другое на основѣ *частной собственности и частной инициативы*. И прежде всего — *крестьянинъ долженъ стать полноправнымъ собственникомъ и культурной, гражданственной личностью*. Внѣ этого — великой Россіи не быть.

Только частная собственность на землю — полная, свободная, безсрочная и наследственная — успокоить и удовлетворить русскаго мужика; только она пробудитъ и вызоветъ къ жизни всѣ дремавшія силы Микулы; только она покончитъ разъ навсегда съ тѣми зловердными пережитками татарскаго ига и крѣпостного права, которые подрывали у мужика вѣру въ «труды праведные» и питали его вѣковую неувѣренность и лѣнь. Русскому крестьянину необходимо дать всѣ мотивы и развязать всѣ его силы для того, чтобы *инстинктъ его захотѣлъ работать безъ оглядки и безъ удержа*, — чтобы онъ повѣрилъ наконецъ и людямъ, и землѣ, и вложилъ цѣликомъ въ обработку земли, какъ въ источникъ *своего собственнаго* (а потому и всенароднаго) богатства. А это ему дастъ только

полноправная частная собственность: она и только она научить его *творчески любить* — и землю, и жизнь, и родину. Тогда онъ пойметъ, что богатство добывается напоромъ на природу, а не на богатаго сосѣда; что богатѣють отъ интенсивнаго хозяйства, а не отъ «захвата» и «погрома»; что его личный, шкурный интересъ требуетъ не нарушенія правопорядка въ свою пользу («не пойманъ, не воръ»), а суроваго поддержанія правопорядка во что бы то ни стало. Частная собственность развяжетъ его хозяйственную инициативу, откроетъ ему глаза на «пользу науки», пробудитъ въ немъ правосознаніе и вѣрное чувство свободы, прикрѣпитъ его къ государственности и родинѣ. Россія рухнула прежде всего потому, что этого всего русскому мужику не доставало. Россія будетъ расцвѣтать по мѣрѣ того, какъ русскій крестьянинъ будетъ все это приобрѣтать.

Онъ долженъ стать не «богатѣющимъ мѣщаниномъ», притязательнымъ, самодовольнымъ и пошлымъ; но *личностью* и *гражданиномъ*. Конечно, будетъ и эпоха преобладающаго мѣщанства, особенно послѣ революціи. Но глубина русскаго Православія; но природная мечтательность и даровитость русской души; но патріотическое воспитаніе въ арміи; но облагораживающее вліяніе новой, выздоровѣвшей русской интеллигенціи — могутъ и должны овладѣть этой стихіей мѣщанства и прожечь ее изнутри и снаружи. Здѣсь необходима цѣлая система національнаго воспитанія, пробуждающая въ душѣ идвигающая въ душу *чувство собственного духовнаго достоинства*, — не заносчивости, не гонора и гордости, но *чувство христіанской призванности и рыцарственной чести*.

Да, только началами *собственности* и *чести* будетъ побѣжденъ и искорененъ въ Россіи духъ коммунизма и революціоннаго безчестія. Все будетъ полезно Россіи, что будетъ содѣйствовать этому процессу; и все будетъ ей вредно, что будетъ искажать его или задерживать. Здѣсь дѣло не только въ «народномъ образованіи» — въ двухверстной школѣ, въ дешевомъ обученіи, въ обиліи гимназій, народныхъ «университетовъ» и настоящихъ университетовъ; нѣтъ, ни въ духовнаго, религіозно-волевого и орденскаго *воспитанія* массъ — все это будетъ только разливать ядъ полуобразованности, верхоглядства, претенціозности и пошлости, только подрывать и разлагать бытіе родины. А заваливать народную душу пустыми свѣдѣніями, не строя и не воспитывая народной духъ — значитъ возвращать

поколѣнія ловкихъ и свѣдущихъ безстыдниковъ, достаточно «образованныхъ» только для того, чтобы «нести Русь розно».

Это воспитаніе русскаго крестьянина на началахъ служенія и чести отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ какой-то «прекраснодушной проповѣди» или сентиментальнаго «уговариванія». Нѣтъ, это есть система живого, государственнаго и бытового воздѣйствія. Она должна начаться въ церковномъ приходѣ, который будетъ воздѣйствовать на своихъ порочныхъ членовъ; она должна продолжаться въ мѣстномъ самоуправленіи въ видѣ нещадной и клеймящей борьбы съ безотвѣтственностью, безхозяйственностью, съ хищеніемъ и взяточною; она должна изливаться живыми потоками изъ національной арміи; и культивироваться въ особыхъ, всюду насажденныхъ, независимыхъ судахъ чести. Надо *приняться за всю стихію русскаго безчестія*, съ дѣтства подрывающую въ русскомъ человѣкѣ стыдъ и достоинство: начиная отъ негигіеничнаго жилища (повальное спанье въ избахъ) и матернаго ругательства, и кончая запоемъ и укрывательствомъ краденаго. Русскій крестьянинъ долженъ остро почувствовать, что у него есть *честь, доброе имя и семейное (родовое) достоинство*; что ему *открытъ путь личной заслуги, почета и даже славы*; что онъ сынъ великаго народа, имѣющаго святыхъ и героевъ, и гражданинъ великаго государства, имѣющаго славныхъ царей, артистовъ и ученыхъ. И тогда онъ *возревнуетъ о совершенствѣ* и довершитъ дѣло совершенствующагося хозяйства — дѣломъ крѣпнущаго духа.

Проблема русскаго крестьянства есть проблема самой Россіи: ибо какъ возводить ея великое зданіе, если основной массивъ ея націи пребываетъ въ низинѣ? Не въ «демократіи» дѣло, а въ томъ *духовномъ и хозяйственномъ расцвѣтѣ народной души*, при которомъ даже водвореніе «демократіи» или «республики» не сулило бы странѣ быструю гибель...

Кто поведетъ Россію на этотъ путь? Кто сможетъ и захочетъ дать ей это?.. Будущее таинственно молчитъ.

Но кто бы ни былъ этотъ ведущій и дающій — диктаторъ, цезарь, бонапартъ или избранный законный государь — мы всѣ обязаны помочь ему, грядущему строителю Россіи.

И. А. Ильинъ.

АРІОНЪ ПУШКИНА.

Наперснику боговъ не страшины бури злыя;
Надъ нимъ ихъ промысль высокій и святой.

Пушкинъ.

Къ какимъ дѣламъ благоволитъ Богъ, тѣмъ
и вся тварь содѣйствуетъ; а отъ которыхъ
Онъ отвращается, тѣмъ и вся тварь проти-
вится.

Маркъ Подвижникъ.

Въ далекихъ даляхъ прошлаго, едва доступныхъ пытли-
вости человѣка, великіе маги пѣли свои заклинанія. Они хо-
тѣли воплотить въ звучащихъ словахъ тайную жизнь духовъ,
властителей міра, хотѣли подчинить себѣ самую волю неви-
димыхъ силъ . . .

Маговъ не стало, но пѣсня не умерла. Рожденная стремле-
ніемъ человѣка къ невѣдомому, она вновь расцвѣла у *грече-
скихъ* алтарей. Въ ней душа смертнаго молилась божеству,
просила у него знанія, милости и защиты; и боги открывали
пѣвцамъ свои тайны, оберегали ихъ отъ бѣдъ и зла . . . *Пѣвецъ
есть служитель и любимецъ боговъ*, — такъ думаетъ грекъ въ
миѣ объ Аріонѣ.

Шли времена, — все глубже и богаче становилась природа
пѣсни. Человѣку открылось духовное естество Высшей Силы,
онъ позналъ ея присутствіе въ своей душѣ, и пѣсня зазвучала
для него, какъ *отзукъ божьихъ глаголовъ*, подслушанныхъ въ
глубинѣ поющего сердца, какъ голосъ Вѣчнаго въ шумѣ зем-
ныхъ голосовъ. Духовныя очи пѣвца стали различать незри-
мое: за дымной пеленой повседневнаго бытія имъ явился иной
міръ, подлинный и совершенный; въ простомъ земномъ пред-
метѣ они увидѣли мысль и любовь Творца . . .

Пѣвецъ есть *божье дитя*. Одержимый духомъ, онъ видитъ неизмѣнную правду, о ней поетъ, и пѣсня бережетъ его и спасаетъ.

Такъ думаетъ русскій поэтъ въ поэмѣ объ Аріонѣ. Пѣснею утверждаетъ Пушкинъ *святость пѣсни*. Мистеріей — возвѣщаетъ о мистеріи.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ натягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнѣ;
А я — безпечной вѣры полнѣ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнѣ
Измятъ съ налету вихорь шумный...
Потибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ прозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Въ чемъ же спасающая правда пѣсни Аріона?

Для того, чтобы овладѣть этой правдой, надо помнить, что пѣсни Пушкина, подобно созданіямъ природы, окутаны тѣнями несчетныхъ міровъ и, въ образѣ малой части, говорятъ обо всемъ, обнимающемъ ее, великомъ цѣломъ. «Словъ немного», — пишетъ о Пушкинѣ Гоголь, — «но они такъ точны, что обозначаютъ все. Каждое слово необъятно, какъ поэтъ». Надо помнить, что въ ясной глубинѣ этихъ пѣсенъ обитаетъ *сила, незримо созидаящая жизнь вселенной*.

Эта сила скрыта такъ, что ее не видитъ земное око, не слышитъ слабый и разсѣянный слухъ суетной души. Она тамъ, гдѣ не началось еще и уже кончилось время, гдѣ все старо, какъ вѣчность, и юно, какъ прозябающій подснежный цвѣтокъ. Поэтъ находитъ ее, «въ нѣмой тѣни дубовъ», въ прохладѣ липъ, на берегу пустынномъ, въ заоблачной кельѣ горнаго монастыря. Ея огонь—въ мрачной душѣ демона, впервые умиленной сіяніемъ красоты; она близка и тому, кто томится духовною жаждой. Она вездѣ: она одѣваетъ траву полевую, питаетъ птицъ небесныхъ и *говоритъ устами избранныхъ людей*.

Для того, чтобы понять пѣсни Пушкина, надо помнить, что *надмірною духовною силою* сотканы ткани ея прекрасныхъ одеждъ. Подобно тому, какъ зерно таитъ въ своей простотѣ — и нѣжныя формы, и благоуханное убранство новыхъ цвѣтовъ, такъ лучъ откровенія, зажженный Божіимъ Духомъ въ душѣ поэта, несетъ въ себѣ благодатное цвѣтеніе пѣсни. Озаренная новымъ огнемъ, душа пѣвца такъ находитъ слова и такъ вяжетъ ихъ въ стихи и строфы, что пробужденныя ими мысли, образы и напѣвы — все даетъ отблескъ нездѣшняго свѣта, творить новый міръ на старой землѣ.

Понять пѣсню Пушкина — это значить услышать и уразумѣть въ ея тайной музыкѣ тотъ единый звучащій лучъ, который прожегъ вдохновенное сердце поэта и рассыпался въ стройныхъ видѣніяхъ и окрыленныхъ ритмомъ словахъ.

Божій лучъ, горящій въ «Аріонѣ», есть откровеніе о *спасеніи пѣвца върою*. Пѣвецъ спасенъ потому, что онъ *правъ*, а правъ онъ потому, что *въра* поетъ его пѣсню.

Душа вѣритъ тогда, когда всѣмъ бытіемъ своимъ переживаетъ присутствіе Бога. Въ Немъ ея мысли, отъ Него ея воля, къ Нему ея любовь. Въ единеніи съ Нимъ она не печется о многомъ, ибо одно только ей нужно; и, полная Имъ, она свидетельствуетъ о Немъ.

А я — безпечной вѣры полнь —
Пловцамъ я пѣлъ...

Одинокое божье дитя въ пустынномъ мертвомъ мірѣ... То приобщеніе души вѣчному началу, которое создается опытомъ *въры*, не уводитъ человѣка отъ земного бытія. Душа, исполненная духомъ, все же есть частица земли: она пріемлетъ міръ и живетъ въ немъ, но, живя въ немъ, она часто бываетъ *чужой* другимъ людямъ. Самое существо *въры* дѣлаетъ возможнымъ это *одиночество*. Ни одно слово, возвѣщенное свыше человѣкамъ, не утверждало съ такой силой правоту и трагическое одиночество лучшихъ, какъ слово о верховной цѣнности религіознаго переживанія, доступнаго *не всѣмъ*: оно явило пропасть между тѣми, которымъ дано знать тайны Царства, которые рождены для вдохновенія и молитвъ, и — толпой, падкой на осязаемую пользу и суетный блескъ. Духовное свершеніе имѣетъ цѣну до своего воплощенія въ слова и дѣла. Слово

же и дѣяніе получаютъ свое достоинство и свой смыслъ отъ духовнаго акта, въ нихъ явленнаго. Но души, пустынно-мертвыя, — развѣ воспримутъ онѣ тайны Духа? Онѣ замѣтятъ, можетъ быть, его внѣшнее убранство и отвернутся отъ его глубины.

Одинокое божье дитя въ трезвомъ, дѣловитомъ мірѣ, въ мірѣ холодныхъ интересовъ, безкрылыхъ усилій и резсудочной работы ума... Одинокое потому, что по *инымъ* путямъ направляетъ *вѣра* душу человѣка. Тотъ, кто вѣруетъ, ищетъ основу и содержаніе своего бытія не въ своемъ преходящемъ земномъ опытѣ, но въ томъ духовномъ богатствѣ, которое ему открыто единеніемъ съ Божествомъ. Онъ живетъ не своими силами, не своимъ умомъ: онъ вслушивается въ тотъ тайный голосъ, который шепчетъ въ его совѣсти; онъ съ довѣріемъ внимаетъ священной истинѣ, просвѣтляющей его разумъ, и «въ величавомъ уединеніи» бесѣдуетъ съ «оракулами вѣковъ». Какъ дитя, онъ ищетъ наученія въ благой волѣ Отца. Онъ чуждается корыстнаго земного труда, не засѣваетъ полей, не собираетъ возвращеннаго на нихъ колоса, но беззаботно мнетъ цвѣтуцій лугъ своей «бродящей лѣнью». Его мечты уносятъ его дальше земныхъ цѣлей и, когда вѣра подвигаетъ его на дѣла, когда онъ соединяетъ свою судьбу съ земной борьбой многихъ и «единая» цѣль освѣщаетъ ихъ пути — *не одно и то же* дѣло вершится совмѣстнымъ усиліемъ, и *разные* жребіи ждутъ борцовъ...

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напругали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ...

Пѣснь вѣры несетъ пѣвца отъ одиночества къ *избранности*; — мертвое молчаніе души, далекой Богу, приводитъ ее къ *гибели* въ земной бурѣ.

Спасеніе вѣрою исходитъ изъ самаго опыта вѣры. Въ немъ чудно слиты воедино — и порывъ души къ Божеству, и осѣненность ея Его благодатью: душа хочетъ познать, и уже знаетъ; она предаетъ Ему свою волю и уже слышитъ велѣнія:

она любитъ и уже тѣмъ самымъ любима. *Богъ не покидаетъ своихъ, одинокихъ въ міръ, дѣтей.*

Духъ Божій, овладѣвшій душой человѣка, создаетъ въ ней свое царство: устои и законы его отличны отъ тѣхъ основъ, на которыхъ заблудшіе люди хотятъ строить свою жизнь. Въ этомъ царствѣ столько свѣта, что душѣ пронизанной свѣтомъ кажется сѣрымъ все, что не приобщилось ея сіянію; этотъ свѣтъ, который есть излученіе подлинной природы Сущаго, раскрываетъ разуму такую правду о мірѣ, передъ которой ненужными становятся мелкія «истины» темныхъ людей. Интересы и заботы, удачи и неудачи «дѣтей ничтожныхъ міра» — теряютъ цѣну для духовно перерожденной души, и она живетъ *надъ* тлѣномъ жизни, ему не подвластная. Чуждая мелкимъ желаніямъ и никогда не удовлетворимымъ страстямъ, она становится *неуязвимой* для того, что лишаетъ ее преходящаго блага и невѣрнаго счастья. Когда вихрь разнузданныхъ страстей взмететъ до дна стихію жизни, и рабы конечной мечты, вовлеченные въ бурю, погибнуть въ ней — божье дитя найдетъ себѣ убѣжище въ своемъ царствѣ, предоставивъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Земные вихри, гибельные для тѣла и души, немощны передъ вѣчнымъ духомъ: сила его, побѣждая время и овладѣвая естественной смѣной причинъ и слѣдствій, превращаетъ земную стихію въ орудіе Высшей Воли, и гроза, роковая для смертнаго, спасаетъ божье дитя, хранимое тою Властью, что заклинаетъ вѣтеръ и море.

Духъ Божій, овладѣвшій душою въ пережитомъ ею актѣ вѣры, дѣлаетъ ее самоё *источникомъ* Божіей правды. Ея дѣтское довѣріе къ высшей мудрости преобразуется въ непосредственную очевидность и въ чувство неизмѣнности Божіихъ откровеній. Вѣрная и сильная своей неизмѣнностью, она, какъ и прежде, какъ всегда, поетъ хвалу свѣтлымъ видѣніямъ.

Природа живетъ по законамъ той Силы, которая даетъ ей жизнь и красоту. Душа праведная, сотканная изъ лучей благодати и осознавшая свое единство съ Тѣмъ, Кто посылаетъ ее, *близка природѣ* и влечется къ ней. «Будьте мудры, какъ зміи и просты, какъ голуби». Спокойно и лучезарно божье дитя подъ скалою своей вѣры. Вѣчное солнце горитъ въ его сердцѣ, и, превращая въ невидный паръ послѣдніе слѣды налетѣвшей на него бури, даруетъ ему радостное сознаніе своей правоты. Ибо блаженны избранники.

Вдругъ лоно водъ
Измятъ съ налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Разныя силы направляютъ дѣла человѣка: и силы *души* съ ея думами, страстями и желаніями, и силы внѣшняго, видимаго *міра* вещей.

Но это не все: каждое дѣяніе связано съ *духовнымъ* началомъ жизни; судьбой его вѣдаютъ *вѣчные божественные законы*, которые тайно держатъ въ своей власти весь *міръ*.

Трезвые люди умѣютъ познавать только «реальныя условія» своего начинанія, умѣютъ «хорошо» использовать ихъ; но они не думаютъ объ его *духовномъ смыслѣ* и *духовной правотѣ*, не думаютъ до тѣхъ поръ, пока укоръ совѣсти не сломишь ихъ силы, или *неудача* не скажетъ имъ, что надъ ними есть *рокъ*.

А между тѣмъ во всѣ времена мудрецы и подлинныя поэты общаются съ Тайнымъ, и наполняя имъ свои вѣщія слова, учатъ другихъ идти путемъ вѣчной правды, беззаботно и радостно *вверять Богу свою судьбу*.

Вѣра есть путь къ знанію вѣчнаго. Въ знаніи вѣчной *духовной* основы жизни — мудрость; въ вѣрности ей — правота, сила и спасеніе.

Такъ говоритъ величайшій поэтъ, «таинственный пѣвецъ» Россіи, поэтъ, увидѣвшій русскую душу въ ея совершенной красотѣ и явившій въ пѣснѣ ея образъ — мудрый и величавый.

Да услышать своего пѣвца русскіе люди, оглушенные шумомъ земли. Да будутъ мудры ихъ помыслы, величавы дѣянія! И спасеніе — придетъ.

Наталія Ильина.

БОРЬБА ЗА ДУШУ РУССКАГО НАРОДА.

Въ глубинѣ, въ основѣ всѣхъ событій, свершающихся въ Россіи, за всѣми внѣшними явленіями, за всей внѣшней дѣятельностью, за всѣми усиліями и борьбой, за всѣми переживаніями и за работой каждаго дня — происходитъ сейчасъ нѣкое основное дѣйствіе, нѣкое непрерывное, неослабное напряженіе, процессъ особой важности, особой значительности: борьба за *душу* русскаго народа.

Отъ того или иного исхода этой борьбы зависитъ *судьба* русскаго народа. Мы всѣ призваны участвовать въ этой борьбѣ — какъ живущіе въ разсѣяніи, такъ и находящіеся «тамъ». Болѣе того — это какъ разъ то *основное* дѣло, къ которому мы призваны. Оно должно питать всю нашу дѣятельность, всѣ наши заботы, всѣ наши думы о русскомъ народѣ; оно должно стать той нравственной стихіей, въ которой мы живемъ и которая должна господствовать и въ нашей внутренней жизни. Сознаніе постоянности, неотступности этого дѣла придастъ каждому акту нашей жизни, каждому звену, каждому «кусочку» нашей работы, даже самой будничной, самой обыкновенной — особую интенсивность, глубину и значительность; и отъ этого вся наша борьба выиграетъ и въ *силѣ* воздѣйствія, и во внутренней *цѣнности* своей. Жизнь и работа нашего дня станетъ *религіознымъ* напряженіемъ — во имя любви, призывающей насъ дѣлать *Божіе дѣло*. Ибо борьба за душу русскаго народа есть подлинно Божіе дѣло.

Это призваніе облагораживаетъ насъ и придаетъ смыслъ нашему существованію. Оно есть *высокій даръ*, данный намъ Богомъ. И недооцѣнивать его мы не можемъ, не смѣемъ. Въ томъ даръ Божій намъ, что мы особенно ярко чувствуемъ, что *всѣ мы призваны*: мы призваны служить Ему, отстаивая душу русскаго народа, и притомъ — *начиная съ собственной души*. Но отстаиваніе своей собственной души противъ міроправите-

лей и властей тьмы вѣка сего — крѣпнеть именно въ борьбѣ за душу нашего народа, крѣпнеть въ дѣлѣ любви. Въ томъ сила дѣла любви, что оно возвышаетъ и очищаетъ — и самого дающаго, и предметъ его воздѣйствія. У насъ есть великая возможность: такое поле дѣятельной любви рѣдко кому предлагалось съ такою настоятельностью и убѣдительностью. Самыя событія, самый голосъ исторіи, сами внѣшнія обстоятельства нашей жизни и жизни нашего народа съ незаглушимой настоятельностью говорятъ намъ: «иди и служи на полѣ любви!» Въ этомъ наше богатство, — въ томъ, что голосъ призванія такъ громко, такъ немолчно раздается намъ. Въ этомъ — «обратная сторона медали» всего ужаснаго, что мы переживаемъ: мы особенно ясно сознаемъ, что *мы избраны для служенія*. Всегда, всѣ мы, христіане, были и есьмы избраны для служенія Богу на полѣ любви. Но никогда съ такою силою мы не признавали этого, какъ теперь. Это та радость наша, о которой говоритъ Апостолъ: насъ огорчаютъ, а мы радуемся; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ . . . Т. е., конечно, если осуществляемъ призваніе, а не иначе. Иначе мы жалкій соръ, выброшенный на поприще людямъ; голые внутренно и внѣшне; нищія, не видящія своей нищеты и кичащіяся непринужденнымъ имъ духовнымъ богатствомъ. Ибо если мы не осуществляемъ его, то оно не наше. Если же осуществляемъ наше призваніе, то не имѣемъ времени и возможности кичиться; ибо оно требуетъ отъ насъ, чтобы мы *отдали себя* ему. Ему — Высшему въ насъ и надъ нами, Владыкѣ нашему, которому мы должны покорить свою душу и душу нашего народа, начиная съ нашей собственной души — Ему подобаетъ расти, а намъ умаляться.

Въ этомъ борьба за душу нашего народа: *покореніе ея Высшему содержанію жизни, просвѣтляющему жизнь*. Не для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей, а просто потому, что это *дѣло любви*. Страждетъ и мятется душа русскаго народа и много на ней тяготъ, тяжелое бремя; и жаждетъ она *найти покой*; и много, много сердець и очей, все больше, въ съ большею жаждою обращается къ тому Источнику покоя, который говоритъ про себя: «Придите ко Мнѣ, труждающіеся и обремененные, и Я успокою Васъ».

Двадцать милліоновъ активно вѣрующихъ православныхъ насчитываютъ православные круги въ Россіи, по словамъ

одного иностранца, друга нашей Церкви, бывшего тамъ лѣтомъ 1927 года. «А три-четыре года тому назадъ мы насчитывали лишь шесть милліоновъ», — говорили ему тамъ *). И еще: «намъ тяжеле теперь, чѣмъ три-четыре года тому назадъ, но мы не слабѣе». Церковь обнажена тамъ до основанія, — говорить тотъ же иностранецъ: — лишенная всѣхъ внѣшнихъ данныхъ, лишенная самой элементарной свободы, лишенная даже внѣшняго общенія между своими членами... «И увидѣлъ міръ, что основаніе ея — на скалѣ». «Дѣло Церкви въ надежныхъ рукахъ», — писалъ недавно одинъ священникъ съ юга Россіи (въ началѣ 1927 г.):—«весь народъ церковный бережно охраняетъ Церковь, какъ величайшую святыню свою. Смуты церковныя касаются лишь поверхности».

Правда, епископовъ отрываютъ отъ паствы и ссылаютъ; но, какъ мы знаемъ изъ другого письма, на границѣ вѣчныхъ льдовъ (на 3° сѣвернѣе полярнаго круга!) сосланный епископъ, совершая литургію, имѣетъ передъ умными очами своими всю паству свою, посылаетъ ей благословеніе и молится за нее. И, чтобы и намъ здѣсь, физически отдѣленнымъ отъ Россіи, въ полной мѣрѣ принимать участіе въ этой борьбѣ за душу русскаго народа, — мы должны быть охвачены тѣмъ же *духомъ органическаго, внутренняго единенія съ нашими братьями которые тамъ*.

Потокъ растетъ. Но еще много, много мятущихся, страдающихъ душъ, не могущихъ найти покоя. Ибо вмѣсто души людямъ хотятъ какъ бы «вставить» гайку; то, что цѣннѣе всего міра, хотятъ выбросить вонъ. «Нѣтъ души»,—говорятъ большевики *). И, дѣйствительно, они систематически опустошаютъ душу. Опустошаютъ душу въ городѣ, опустошаютъ ее и въ деревнѣ. Такое опустошеніе души въ цѣломъ округѣ изображаетъ Леоновъ въ своемъ потрясающемъ «Пѣтушихинскомъ проломѣ» (1922); или, напримѣръ, другой писатель совѣтской Россіи, глубоко привлекающій своею чуткостью, — Яковлевъ, въ «Смерти Николина камня». Объ этомъ опустошеніи души большевицкой системой, большевицкой идеологіей съ горечью гово-

*) Эта большая количественная разниа объяснялась церковными кругами не только сильнымъ ростомъ религіозной жизни, но также и лучшей освѣдомленностью теперь, чѣмъ четыре года тому назадъ.

*) Яркія данныя по борьбѣ большевиковъ съ самой идеей души собраны, напр., въ книгѣ René Füllopp-Miller „Der Geist und das Gesicht des Bolschewismus“, 1926.

рить еще одинъ писатель совѣтской Россіи С. Клычковъ въ своей идейно, и художественно замѣчательной книгѣ «Чертухинскій Балакирь» (1926): «Не за горами пора, когда человѣкъ въ лѣсу всѣхъ звѣрей передушить, изъ рѣкъ выморить рыбу... Тогда-то желѣзный чортъ, который только ждетъ этого, ... привертитъ человѣку на мѣсто души какую-нибудь шестерню съ машины, потому что чортъ въ духовныхъ дѣлахъ — порядочный слесарь...» (стр. 158).

Такое опустошеніе души, добровольно продѣланное, пережилъ Есенинъ; — и не вынесъ. Объ этомъ говорятъ и многія изъ его послѣднихъ стихотвореній (срв. его жуткаго «Чернаго человѣка» съ его безотрадно-жестокимъ самоанализомъ). Слѣдующія строки свидѣтельствуютъ о его глубокомъ разочарованіи въ окружающемъ:

«Вотъ такъ страна!
Какого-жъ я роина
Орать въ стихахъ, что я съ народомъ друженъ?
Моя поэзія здѣсь больше не нужна
Да и, пожалуй, самъ я тоже здѣсь не нуженъ».

Повѣсти и очерки изъ совѣтскаго быта рисуютъ намъ такія опустошенныя души и ихъ правдивую психологію. И эти изображенія тѣмъ болѣе убѣдительны, что они большей частью лишены всякой отрицательной тенденціи, ибо сами авторы ихъ не видятъ всего ужаса рисуемаго ими духовнаго состоянія. Законы нравственности отпали, осталась лишь коммунистическая норма поведенія: «что полезно для партіи, то — добро» (слова Ленина). Отсутствіе всякаго нравственнаго идеала, всякаго стержня, на основѣ котораго человѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ самъ судить себя и *знать, что онъ грѣшенъ*, — отсутствіе этого стержня не пугаетъ совѣтскихъ писателей, не изображается ими, какъ нѣчто отрицательное. Для нихъ это — норма; это — должное явленіе. Отсюда огромная показательность ихъ изображеній совѣтской жизни. Особенно много психологическаго матеріала большой цѣнности даютъ въ этомъ смыслѣ рассказы Сейфуллиной.

Дикость, дурная первобытность этихъ людей, управляемыхъ мелкими страстишками, лишенныхъ всякаго сдерживающаго и просвѣтляющаго начала, — представлена здѣсь, такъ сказать, *изнутри*, ибо авторъ чувствуетъ себя близкимъ къ своимъ ге-

роямъ. Особенно показателенъ и типиченъ герой въ рассказѣ Сейфуллиной «Встрѣча», карьеристъ революціоннаго времени. Вообще типы революціоннаго карьериста встрѣчаются на каждомъ шагу въ совѣтской литературѣ (срв., напр., Фильку Великанова въ «Страна родная» Артема Веселаго, 1927). Этому мелкому себялюбію мелкой души совѣтскими писателями противопоставляется «сознательный революціонный паѳосъ», *убивающій въ человѣкѣ все человеческое*, тогда какъ у тѣхъ дикарей встрѣчается по крайней мѣрѣ нѣкоторое добродушіе; — паѳосъ, превращающій человѣка въ бездушную, безжалостную часть огромнаго, стихійно-движущагося потока (срв. «Желѣзный потокъ» Серафимовича, или талантливые, но отвратительные въ своемъ истерическомъ кривляніи и тенденціозности очерки Бабеля «Конармія»), или вѣрнѣе—въ «гайку», винтикъ огромной безпощадной машины, гигантской гильотины, обрушивающейся на цѣлую страну (срв., напр., рассказы Пильняка, или «Города и годы» Федина).

Этотъ «революціонный паѳосъ» увлекаетъ многихъ и является особенно излюбленной темой множества рассказовъ изъ совѣтской литературы. Однако онъ, повидимому, все болѣе отходить на задній планъ передъ страшными, сѣрыми коммунистическими буднями. Ужасно бѣшенство кроваваго звѣря *), но состояніе скота, валяющагося въ грязи, не лучше. Очерки современнаго совѣтскаго быта, особенно быта учащейся молодежи **), даютъ намъ картины полнаго нравственнаго одичанія даже въ мирной обстановкѣ (срв. рядъ рассказовъ Пантелеймона Романова, особенно «Безъ черемухи»; Никандрова «Знакомые и незнакомые»; въ одномъ изъ недавно вышедшихъ рассказовъ имѣется описаніе студенческой вечеринки съ разговорами непередаваемой циничности, которые ведутся между студентами и студентками; срв. «Василій Сучковъ» А. Н. Толстого и многое другое).

А безпризорные? а совѣтская школа? а развратъ среди дѣтей?

*) Съ невыносимымъ реализмомъ рисуется оно намъ въ матеріалахъ, собранныхъ С. Федорченкою, подъ заглавіемъ: «Народъ на войнѣ» (1927). Это не литература, а подлинныя записи, имѣющія характеръ живыхъ документовъ. Отвратителенъ, совершенно невообразимъ тотъ кровавый разгулъ, до котораго можетъ докатиться народная душа, лишенная всякихъ основъ жизни.

**) Еще ярче, чѣмъ въ повѣстяхъ — въ изданномъ въ совѣтской Россіи сборникѣ: «Комсомольскій бытъ», 1927.

Душа тоскуетъ, когда слышишь или читаешь объ этомъ. Становится ясной необходимостью борьбы за народную душу. Тѣмъ болѣе, что даже совѣтская литература не можетъ скрыть отъ насъ тоску этой души *). И эту борьбу — мы видѣли — ведетъ въ Россіи *Православная Церковь*. И эту борьбу можетъ и долженъ вести каждый изъ насъ даже въ разсѣяніи: пока *мистически* и *педагогически* — участвуя въ организаціи Церкви, молитвою и любовью, воспитывая въ себѣ (прежде всего — въ себѣ), а затѣмъ и въ другихъ *духъ служенія* и борясь духовно съ тѣми же началами тьмы, съ которыми и тамъ борется народная душа, — или, вѣрнѣе, борется въ народной душѣ и за народную душу *сила Божія черезъ Церковь*.

Но всякое педагогическое и мистическое дѣланіе есть дѣланіе огромнаго, необъятнаго значенія: изъ малыхъ сѣмянъ, бросаемыхъ въ борозду, вырастаетъ грядущая жатва, а изъ сѣмянъ вѣры, величиною въ зерно горчичное, вырастаетъ мощное древо. «Сіе буди, буди!»

Это не отрицаніе внѣшняго дѣла и борьбы. Сила любви *не можетъ не выражаться въ дѣлѣ*. И здѣсь снимаются рамки: внѣшнее становится внутреннимъ, ибо осмысливается и согрѣвается изнутри. Внутреннее, духовное — творить и преображаетъ всю жизнь. «Сіе есть побѣда, побѣдившая міръ, — вѣра наша».

Николай Арсеньевъ.

*) Срв., напр., «Встрѣчу» и «Каинъ-кабакъ» Сейфуллиной.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

2. Московскіе князья-собиратели.

Величайшій русскій историкъ, С. М. Соловьевъ, писалъ въ срединѣ XIX столѣтія: «громадность Русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія — колоссальное государство, въ родѣ древнихъ Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательно взглядѣться въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе». Россія выросла *органически*, а не случайными завоеваніями болѣе слабыхъ сосѣдей. Уже въ эпоху первоначальнаго объединенія восточныхъ славянъ въ своеобразный государственный союзъ, созданный кievскими князьями, Русская Земля тянулась отъ Азовскаго моря и Подкарпатья къ Финскому заливу. *Природа страны и составъ ея населенія*, а не историческія для нея случайности создали громадность территоріи Русской Земли Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Исторія Россіи есть исторія «колонизирующей страны», и это основное положеніе С. М. Соловьева остается въ силѣ, какъ для Русской Земли стараго времени, такъ и для Россіи времени новѣйшаго. Тутъ заложены различія ея исторіи, задачъ ея государственнаго строительства и ея культурнаго дѣла — отъ положенія западно - европейскихъ государствъ, которыя давно получили возможность сосредоточить свои силы на уже колонизованныхъ территоріяхъ. —

Монгольское завоеваніе XIII столѣтія привело къ разрыву постоянныхъ связей русскаго юга и запада съ сѣверо - востокомъ. Послѣ него, потребность болѣе прочнаго объединенія для защиты своей жизни, вызвала собираніе русскихъ земель въ болѣе организованные государственные союзы. Русскіе югъ и западъ, около маленькой Литвы, сложились въ Литовско-

Русское государство, въ которое вошли старѣйшія и культурнѣйшія русскія территоріи Днѣпра и его притоковъ. Эти земли вышли изъ-подъ татарскаго владычества, принявъ верховную власть литовскаго князя, но сохранивъ свою старую внутреннюю русскую жизнь. Земли же по верхней Волгѣ, Окѣ и ихъ притокамъ еще долго изнывали подъ «агарянскимъ» игомъ. Но потомъ началось и ихъ собираніе, и именно онѣ стали тѣмъ ядромъ національнаго государства, около котораго русскій народъ долженъ былъ собраться *весь* въ его дальнѣйшей исторіи. Какъ же образовалось это ядро? Съ какою идеею началось здѣсь собираніе Руси и во что вылилась эта идея съ его успѣхомъ?

Ко времени нашествія татаръ, въ верхневолжскомъ и приокскомъ краяхъ, на широкомъ просторѣ, раскинулись двѣ русскія земли — Ростово - Суздальская и Муромо - Рязанская, Первая — между Клязьмою и сѣвернымъ загибомъ Волги, вторая — по среднему теченію Оки и въ области ея правыхъ притоковъ, Осетра и Прони. Громадная полоса лѣса отдѣляла Суздальскую Землю отъ Русскаго Юга и дала ей имя Залѣсья. Земля Рязанская, также обильная лѣсами, къ югу переходила въ открытую степь, столь облегчавшую путь кочевникамъ. Рядъ городовъ — одни очень давно, другіе позднѣе — выросъ на территоріи этихъ земель. И изъ всѣхъ нихъ судьбами исторіи выдѣлилась Москва, которая собрала около себя всѣ остальные города, со всѣми тянувшими къ нимъ селами и деревнями. Этого мало. Москва пошла по пути собиранія цѣлой Русской Земли въ единое національное государство русскаго народа.

Археологическія данныя, въ ихъ числѣ арабскіе диргеми середины IX столѣтія, говорятъ, что мѣстность, гдѣ стоитъ городъ Москва, сохранила слѣды очень давней жизни и что она лежала на торговыхъ путяхъ великихъ путешественниковъ первой половины средневѣковья, арабскихъ купцовъ. Но мы не будемъ углубляться въ это слишкомъ далекое время. Для насъ важна Москва какъ возникавшій центръ русскаго національнаго государства.

Подъ 1147 годомъ ее впервые упоминаетъ лѣтопись. Тогда она была крупнымъ дворцовымъ селомъ суздальскаго князя Юрія Долгорукаго. Въ нее онъ звалъ одного изъ своихъ южно-

русскихъ союзниковъ словами: «буди, брате, ко мнѣ къ Москвѣ»; въ ней былъ устроенъ для него «обѣдъ сильный». Черезъ нѣсколько лѣтъ это село обнесено плотнымъ частоколомъ изъ толстыхъ деревьевъ. Оно стало городомъ, т. е. огороженнымъ, укрѣпленнымъ мѣстомъ, и получило княжескій гарнизонъ. Въ дни русскаго горя, въ татарское нашествіе, Москва сожжена татарами въ 1238 году, послѣ геройскаго сопротивленія, руководимаго воеводою Филиппомъ Нянькою. Жители перебиты, и хищники забрали «много имѣнія». Но уже вскорѣ послѣ разгрома въ Москвѣ былъ свой, хотя и кратковременный, князь. Это — Михаилъ, младшій братъ Александра Невского, захватившій и великое княженіе Владимірское, но погибшій въ 1248 году въ бою съ литовцами. Затѣмъ Москва—въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ Александру Невскому, который ее отдалъ въ «удѣлъ» своему «мезинному» сыну Данилѣ. Отъ него и пошла уже непрерывная линія московскихъ князей — Юрій и Иванъ Даниловичи, Семень и Иванъ Ивановичи, Димитрій Ивановичъ и его преемники.

Конечно, мы должны забыть наши современные представленія о городѣ, когда хотимъ себѣ представить Москву того времени. Ея центръ — Кремль или «дѣтинецъ», обнесенный бревенчатою, деревянною стѣной. Онъ на любимомъ мѣстѣ старыхъ русскихъ городовъ-крѣпостей, на крутомъ обрывѣ, при слияніи двухъ рѣкъ, — на Боровицкомъ холмѣ, при впаденіи рѣки Неглимной (Неглинной) въ Москву-рѣку. Въ немъ княжой дворъ, изба съ дворовыми постройками и помѣщеніемъ для гарнизона. А за княжимъ дворомъ — длинный рядъ селъ, которыя постепенно вливались въ становившійся великаномъ городъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія уже имѣвшій въ окружности болѣе 20 верстъ. Старыя села бояръ и князей, городища и урочища — Драчевское, Кучково поле, Напрудское, Семцинское (нынѣшняя Пречистенка), Хвостовское, Кудрино, Дорогомилово и другія — все это мало-по-малу слилось въ громадный городъ, который уже въ XVI вѣкѣ заѣзжіе иностранцы считали равнымъ по величинѣ тогдашнему Лондону. Издревле эти мѣста были покрыты боромъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ цѣломъ рядѣ московскихъ урочищъ. Разбросанныя въ бору села и слободы вбирала въ себя Москва и къ концу XIV столѣтія она раздѣлилась на Кремль, Посадъ, Загородъ и Зарѣчье.

Москва-городъ, съ окрестными селами, и составляла весь «удѣль» основателя линіи московскихъ князей, Данилы Александровича. Но онъ, умѣло дѣйствуя въ обстановкѣ своего времени, въ тяжбахъ и столкновеніяхъ своихъ старшихъ братьевъ, подъ верховнымъ владычествомъ грознаго татарскаго хана, зорко высматривалъ возможности «примыслить» къ своей вотчинѣ новые куски земли и старался охранить ее отъ опасной для нея силы и себялюбивыхъ замысловъ великаго Владимірскаго князя, такого же вотчинника въ своемъ «удѣлѣ». Данило отнялъ Коломну у Рязанскаго князя Константина, а «вотчиною своею Переславлемъ» его «благословилъ» передъ своею смертію его племянникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ. И, умирая въ 1303 году, Данило уже владѣлъ двумя городами кромѣ Москвы — Коломною и Переяславлемъ. Наслѣдовавшій ему его старшій сынъ Юрій захватилъ городъ смоленскаго князя Можайскъ и сталъ обладателемъ всего теченія Москвы-рѣки, отъ ея верховья до низовья, отъ Можайска до Коломны. Юрій сознавалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился на тяжбу за великое княженіе Владимірское съ тверскимъ княземъ, получившимъ его отъ хана. А эта тяжба потребовала не только упорства и рѣшительности, но и силъ для вооруженной борьбы съ соперникомъ и денегъ для задариванія хана и его приближенныхъ, а также большой хитрости и житейской изворотливости, не спасшихъ его, однако, послѣ его торжества, отъ насильственной смерти отъ руки сына погубленнаго имъ тверскаго князя Михаила Ярославича.

Преемникъ Юрія, Иванъ Калита, продолжалъ дѣло, начатое отцомъ и старшимъ братомъ. Послѣ борьбы съ Тверью, ему удалось прочно утвердиться на великомъ княженіи и получить великую милость хана, съ полномочіемъ собирать «выходъ», татарскую дань, съ Русской Земли для передачи ея въ ханскую казну, съ «тишиной» отъ татаръ для Московскаго удѣла. Въ то время, какъ другіе удѣльные князья-вотчинники, нуждаясь въ деньгахъ, продавали свои села, Калита ихъ покупалъ. 16 селъ во Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, волость Кистьма, Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ были его «куплями». Своимъ сыновьямъ онъ оставилъ уже цѣлыхъ пять городовъ, 54 волости и 32 дворцовыхъ села. Но значительные, по представленіямъ того времени, размѣры удѣла Калиты были миниатюрны, если приложить къ

нимъ масштабъ Россіи, выросшей изъ Московскаго княжества. Оно въ Калитино время не охватывало даже нынѣшней Московской губерніи, ибо въ него не входили ея уѣзды Клинскій, Волоколамскій и часть Дмитровскаго. Сыновья Калиты, Семень и Иванъ, продолжали дѣло «примысловъ»: — села въ Переяславскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ уѣздахъ и въ Галицкомъ княжествѣ, земли на лѣвой сторонѣ Оки и при устьѣ Протвы и нѣкоторыя другія были приобрѣтены ими. Калитина вотчина росла, но росла не быстро, безъ спѣху и прочно собирая земли, такъ же постепенно, какъ городъ Москва естественнымъ своимъ развитіемъ понемногу вливалъ въ себя окрестныя села. Создавался тотъ крѣпкій фундаментъ, на которомъ выстроилось позднѣе величественное зданіе Московскаго Царства, а изъ него, еще позднѣе, поднялась Россія, какъ государство мірового значенія.

Съ какою же идеею рождалось Московское княжество? — Оно было *вотчиною, собственностью, наследственнымъ земельнымъ имуществомъ* своего князя. Въ эту вотчину собственникъ ея влагалъ всю *любовь къ своей землѣ*, ту любовь, съ которою теперь *крестьянинъ-землевладелецъ* и болѣе крупный хорошій хозяинъ смотрятъ на свою землю-кормилицу — въ нее вложено столько кровнаго труда и пота, страды и истомы, она по малымъ кускамъ собрана цѣною лишеній и жизненной борьбы. Московскій князь того времени прежде всего *собственникъ, приобрѣтатель*, накаплиющій матеріальное богатство. Оно въ его землѣ, оно и въ собираемыхъ имъ золотыхъ поясахъ, шапкахъ, шубахъ, чашахъ, золотѣ и перлахъ. Стоитъ прочитатъ духовныя грамоты московскихъ князей, чтобы ясно усвоить это. Князь, какъ «грѣшный, худый рабъ Божій», даетъ «рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей» и дѣлитъ между ними свои города и села, одинаково какъ и свои «чумы» (большія ложки или малые ковши), блюда, «чепи (цѣпи) золоты», «шапку золотую», «коробочку золотую», кожухи, «скарлатное портище сажено зъ бармами» и т. д. И имущество князя еще такъ невелико, если мы посмотримъ на него глазами современнаго намъ не только наследственнаго главы государства, но даже богатаго человѣка . . . Онъ помнитъ всѣ свои села, всѣ чаши, блюда, пояса, порты. Его вниманіе отдано почти одинаково накопленію какъ земель, такъ и золота, серебра, кожуховъ и шапокъ.

Собрать всего этого побольше, *копить* — вотъ къ чему стремился князь-вотчинникъ, надъ чѣмъ такъ упорно работала его мысль, къ чему направлена его воля. И все это онъ любитъ какъ *свое*, съ великимъ трудомъ и затратою громаднхъ силъ пріобрѣтенное. Онъ и похоронится въ собственномъ храмѣ Архангела Михаила въ Москвѣ и не завѣщаетъ погребсти свое тѣло въ великокняжескомъ городѣ Владимірѣ, хотя и былъ великимъ княземъ. *Свое* дороже всего, оно его и его семьи, оно *родное*. Передъ нами то самое настроеніе, съ которымъ жили почти *всѣ* создатели старыхъ государствъ Запада и Востока, получившихъ свое начало въ то суровое время.

Чтобы понять князя-вотчинника въ его жизни и дѣятельности, нужно помнить то, что одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскій, такъ ярко зарисовалъ съ именемъ «патріархальной нравственности», наблюдая жизнь народныхъ массъ своего времени. *Чужой* — словно въ другомъ мірѣ, и нѣтъ вниманія къ его жизни, нуждамъ, даже страданіямъ. Все чувство — *своимъ*, о нихъ вся забота. И человѣкъ, не признающій ничего недозволеннымъ по отношенію къ чужому, готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы осушить слезу своего отца или доставить довольство и радость своей семьѣ.

Однако, очень рано для вотчинника-князя намѣтилось и то великое начало корректива, которое, развиваясь, должно было исправить и измѣнить его воззрѣніе. Забота о населеніи удѣла-вотчины исходила еще изъ «патріархальной нравственности» князя и интересовъ хозяина: *его* людямъ должно житься хорошо, они — *его* и потому не чужіе. Но это для него и выгодно, потому что даетъ ему хорошихъ слугъ и плательщиковъ и привлекаетъ въ его вотчину переселенцевъ. Та высокая идея Московскаго Царства, которая одухотворила старую вотчинность, которая какъ живая вода влилась въ московскій удѣлъ и обезпечила ему гигантское развитіе и духовную красоту, дана была лишь *Русскою Церковью*.

Московскій князь былъ набоженъ и преданъ вѣрѣ отцовъ — она была *своя*, предковская, родная. Но не ищите въ немъ высоты и чистоты истиннаго христіанина. Постройка своихъ храмовъ и ихъ украшеніе, схи́ма передъ смертію — еще далеки отъ сущности Христова Ученія. Въ нихъ такъ ясны еще начала себялюбія вотчинника и «патріархальной нравственности». Въ его храмахъ лампада теплится только за него, его

семью и его удѣлъ. А принятіе «иноческаго образа» умиравшими князьями, можетъ быть, въ этомъ отношеніи особенно характерно. Старые назидательные сборники объясняютъ его очень просто: съ принятіемъ новаго, монашескаго имени, грѣхи, совершенные раньше, уже не будутъ отягощать умирающаго при рѣшеніи его судьбы въ загробномъ мірѣ, и ангель скажетъ діаволу: «не сего суть человѣка грѣси, сему есть имя ино, но не се есть, егѡ же ты глаголеши и ищещи».

Русская Церковь сумѣла привить высокія и болѣе широкія начала къ «патріархальной нравственности» московскаго князя, не разрушая старую основу *своего*, родного для него, но *очищая* и *освящая* ее, открывая ему новыя задачи и *новый смыслъ его власти и собиранія имъ Руси*. Населеніе вотчины — «сирѡты» князя; Богъ вручилъ ему о нихъ заботу и обязалъ его охранять и дѣлать счастливою ихъ земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русская Церковь поставила московскому князю задачу обращенія его дворцоваго города Москвы въ *храмъ Россіи*, а его крѣпости, Кремля, — въ ея *алтарь*. Это было дѣломъ одного изъ величайшихъ русскихъ іерарховъ, св. митрополита Петра. Строгій подвижникъ и истинный пастырь, онъ въ то опасное для путника время нелѣбно «прохожаше мѣста же и грады» Русской Земли, «уча и наказуя всѣхъ». Св. Петръ любилъ бывать въ «градѣ» Москвѣ, «еще тогда малу сущу ему и не многонародну», и внушилъ Калитѣ мысль, «да сотворить церковь каменіемъ составленну во имя пречистыя Владычица наша Богородица» — «и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и въздуть руки его на плеча врагъ его, и прославится Богъ въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ». Съ постройкою этого храма, Успенскаго Собора, и началось созиданіе и собираніе въ Москвѣ обще-народной русской святыни, что дѣлало ее центромъ духовной жизни русскаго народа.

Митрополитъ сталъ рядомъ съ княземъ въ Москвѣ на стражѣ Московскаго княжества и собираемой имъ около себя Руси. Митрополитъ «всея Русіи» — совѣтникъ московскаго князя; а въ лицѣ св. Алексѣя въ малолѣтство Дмитрія Донскаго — даже его опекунъ со всею полнотою власти. Русскіе подвижники такой недосягаемой высоты и кристальной чистоты, какъ преп. Сергій Радонежскій, возносятъ за московскаго князя свои молитвы и помогаютъ ему своимъ благословеніемъ

и своимъ дѣланіемъ. Русскіе миссіонеры столь величаваго подвига, какъ святитель Стефанъ Пермскій, обращаютъ язычниковъ, расширяютъ тѣмъ Московскую епархію и насаждаютъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Московскаго княжества *идею Православной Русской Державы*. Митрополитъ становится постояннымъ посредникомъ въ столкновеніяхъ московскаго князя съ другими князьями, склоняетъ ихъ къ примиренію съ нимъ и къ признанію его первенства. Церковь учила населеніе, что оно должно быть вѣрно своему князю: «аще добръ пріяете князю вашему, и обогатѣтъ земля ваша и плодъ добръ объемлете». Отъѣзжающій отъ своего князя къ другому «подобень есть Иудѣ, иже, любимъ Господомъ, умысли продати Юго княземъ жидовскимъ». Русская Церковь бережно хранила идею единства русскаго народа. *На основѣ единства «русской вѣры» и выросло русское національное сознаніе* — всѣ тверичи, москвичи, рязанцы, полочане, новгородцы, черниговцы, кіевляне и т. д. сознали себя единымъ русскимъ народомъ, прежде всего потому, что всѣ они исповѣдывали единую «русскую вѣру».

Національно сознающій себя народъ выдѣляетъ себя изъ общей массы народовъ и противопоставляетъ ихъ себѣ. Русь противопоставляла свою «русскую» вѣру вѣрѣ «латиновъ» — «не примаѣ ученья отъ латынь, ихъ же ученье развращено; и «латинская прелесть» ставила католика въ одинъ рядъ съ «жидовиномъ», «сарациномъ» и «всѣми погаными». Но себя противопоставлялъ русскій народъ и «сыроядцамъ-татарамъ». Власть ихъ надъ нимъ была *чужою*, она подлежала сверженію. И московскій князь сумѣлъ стать во главѣ этого національнаго русскаго дѣла, дѣла народнаго освобожденія. Растущій Московскій удѣлъ уже въ первой половинѣ XIV столѣтія привлекалъ новое населеніе, — въ его составѣ и бояръ съ ихъ «дворами» и слугами-воинами. Сила Москвы ставила ее во главѣ Руси для близившейся борьбы русскаго народа съ проклинаемымъ татарскимъ игомъ, а ея *географическое положеніе* дѣлало ее *военною базой* для этой борьбы. Отдѣленная отъ татаръ землями Нижегородскою, Муромо-Рязанскою и Сѣверскою, Москва могла копить военныя силы, посылать помощь страдающимъ отъ татаръ землямъ и, естественно, получала значеніе руководительницы борьбы и главной въ ней силы. Въ 1367 году былъ поставленъ «городъ

Москва камень». Окруженный каменными стѣнами, московскій Кремль сталъ главною русскою крѣпостію. А борьба съ татарами уже начиналась въ 70-хъ годахъ XIV вѣка. И Куликовская битва 1380 года была оцѣнена старою письменностію какъ кровавый бой «за всю Землю Русскую»: въ немъ «князь великій своею храбростію и дружиною—Мамая поганого побилъ за Землю Русскую и за вѣру крещеную». Пусть это «побоище» еще не освободило Руси отъ «сыродцевъ» и цѣлыхъ сто лѣтъ еще ей пришлось ждать сверженія «агарянскаго» ига, вновь подвергаясь ужасу нашествій хищниковъ, — приближеніе освобожденія сознавалось, и Дмитрій Донской въ старой письменности именуется «царемъ Русскимъ», какъ готовый преемникъ власти хана надъ Русью. Правда, его сыновья, уже вотчинники великаго княженія Владимірскаго, все еще остаются данниками хана, но вѣра въ то, что «перемѣнитъ Богъ Орду» — налицо, и Дмитрій дѣлаетъ въ своей духовной распоряженія на этотъ случай.

Сынъ Донского, Василій I, далеко расширилъ предѣлы своей вотчины. Нижній Новгородъ, Городецъ, Муромъ, Мещера, Таруса, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ, Ржева, Вологда, Козельскъ и Любутскъ вошли въ ея составъ. Продолжалъ присоединенія и его сынъ Василій II, а сынъ и внукъ послѣдняго, Иванъ III и Василій III, dokonчили собираніе всей тогдашней Русской Земли, еще не соединившейся, или слабо соединившейся съ Литвою. Съ нею изъ-за остальныхъ русскихъ земель должна была возникнуть упорная борьба, начавшаяся уже при Дмитріи Донскомъ. Съ развитіемъ процесса собиранія Руси, московскій князь въ этой борьбѣ основывался на томъ же своемъ вотчинномъ, наслѣдственномъ правѣ, подъ покровомъ котораго и вся Русская Земля слагалась около Москвы въ національное русское государство. Въ старой рукописи «Палеи» читаемъ такую приписку къ «Уставу св. князя Володимера, крестившаго Русскую Землю»: «се язъ, князь великій Василей Дмитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ съ Фотѣемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и всей Руси, управили есмы по старинѣ о судѣхъ церковныхъ, взяше старые Номоканунъ, како управилъ *прадѣдъ мой* св. князь великой Володимеръ и сынъ его кн. вел. Ярославъ всея Руси». Это сознаніе *наслѣдственности* власти надъ всею Русскою Землей затѣмъ было отчетливо высказано Иваномъ III и Васиціемъ III въ ихъ перегово-

рахъ съ Литвою: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Эта вотчина должна собраться во-едино — наслѣдственный князь-вотчинникъ ставить своею задачею возстановить ее всю.

Изъ простого вотчинника, ходомъ исторіи и работою русской мысли, онъ превращался въ православнаго «царя», преемника Константина Великаго и византійскихъ императоровъ. Уже Флорентійская Унія 1439 года, когда константинопольскіе «царь» и патріархъ «въ прелести латынскихъ ересей впадоша, въ сѣти злата увязнувше», запечатлѣла въ русской мысли подвигъ московскаго князя Василя II, который не допустилъ «совратити люди Божіа съ истиннаго пути святаго вѣры». Онъ одинъ, когда въ смущеніи растерялись русскіе епископы, мужественно отвергъ постановленія «суемысленаго собора», приказалъ привезшаго въ Москву унію митрополита Исидора «съ митрополскаго престола совреци», какъ «безумна прелестника». И Церковь была «беззавѣтною и безмятежною» сохранена «обличеніемъ Богомъ вразумляемаго великаго державнаго Василя Василевича, въ благочестіи цвѣтущаго царя всея Русіи, емуже о семъ откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати и вся мудрствовать». Въ 1453 году Константиновъ градъ, Второй Римъ, палъ, и «беззаконный Магметъ сѣде на престолѣ царскомъ». Кто же теперь станетъ «православнымъ царемъ» *въ міровомъ значеніи стража православія*, нуждающагося въ защитѣ отъ «волкохищныхъ» враговъ, съ мечомъ, «бѣсованіемъ гордости», «ересью» и «тмою безвѣрія» воинствующихъ? Для русской мысли отвѣтъ былъ готовъ: московскій князь, какъ царь православный. Москва встала на мѣсто Константинограда, Новаго Рима — «два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть».

Такъ «удѣлъ» московскихъ князей-собирателей выросъ въ «Царство Московское — Великую Россію», собравъ и продолжая собирать около Москвы Русскую Землю и засвѣтившись яркою идеею, такою живою и величественною, въ тогдѣшнемъ органически стройномъ, словно литомъ, міросозерцаніи.

И. Лаппо.

СУДЬБЫ РУССКАГО ХОЗЯИНА.

Всѣхъ людей, по тому, какъ они относятся къ собственности, можно раздѣлить на 5 группъ: 4 активныхъ и одну пассивную.

Первая группа — *хозяева* въ душѣ, работающіе, бережливые, дѣловитые. Они — организаторы труда, созидатели цѣнностей, накопители міровыхъ богатствъ.

Вторая группа — *святые*, безкорыстные, неприхотливые, невзыскательные. Для нихъ житейскія блага не имѣютъ никакого значенія.

Третья группа — *завистники*, люди озлобленные и безплодные, типъ, дальнѣйшаго поясненія не требующій.

Четвертая группа — безхозяйственные люди, безалаберные, лишенные дѣлового чутья и пониманія, бездарные, безтолковые, лѣнивые, расточительные. Сюда же нужно отнести фантазеровъ, далекихъ отъ жизни теоретиковъ и наивныхъ мечтателей. Назовемъ эту группу, условно, *неудачниками*.

Означенные 4 основные типа въ чистомъ видѣ рѣдко встрѣчаются, и обыкновенно въ жизни приходится имѣть дѣло съ людьми сложной психики, являющейся смѣшеніемъ этихъ типовъ въ разныхъ сочетаніяхъ и въ разныхъ пропорціяхъ. Возьмемъ, для примѣра, социалистическое настроеніе. Оно получается изъ соединенія *зависти* и *безхозяйственности*; преобладаніе первой даетъ социаль-демократовъ, преобладаніе второй — социалистовъ-революціонеровъ.

Очень рѣдко, но очень цѣнно, сліяніе *святого* и *хозяина* въ одномъ лицѣ. Образцомъ такого сочетанія являются первые игумены старыхъ сѣверно-русскихъ монастырей.

Пятая группа — это *пассивное большинство*, не имѣющее ни опредѣленныхъ мнѣній, ни опредѣленныхъ убѣжденій, совершенно неустойчивое въ своихъ настроеніяхъ. Эта безформенная масса способна примкнуть къ любой изъ вышеупомянутыхъ активныхъ группъ, — сегодня къ одной, завтра къ другой.

Въ Америкѣ сейчасъ господствуетъ идея «хозяина»; въ Россіи — идея «завистника и неудачника». Отчасти это вызвано тѣмъ, что русскій безхозяйственный человѣкъ чрезвычайно самодоволенъ и самовлюбленъ, поэтому часто напористъ въ жизни и энергиченъ въ спорѣ. Талантъ у насъ въ Россіи скромнѣе, чѣмъ бездарность. У европейцевъ—скорѣе наоборотъ: Западный завистникъ тоже менѣе самоувѣренъ, агрессивенъ и нахрапистъ, чѣмъ русскій. Кто, напримѣръ, не знаетъ у насъ одну изъ его разновидностей—«обличителя», вѣчнаго искателя чужихъ ошибокъ и проступковъ, вздорнаго, мелочнаго, придирчиваго, пристрастнаго и всегда безтолковаго. Заграницей этотъ типъ менѣе извѣстенъ. Зато у насъ, какъ бы въ противовѣсъ ему, еще сохранилось пониманіе хозяйственной святости и память о ней. Все это, такъ же, какъ и представленіе о хозяйственномъ грѣхѣ, почти пропало на Западѣ.

Значеніе такихъ воспоминаній очень важно; мы увидимъ это изъ дальнѣйшаго, а пока перейдемъ къ сравненію русскаго типа хозяина съ современнымъ западнымъ. Послѣдній сталъ возникать въ Европѣ послѣ реформаціи, сильно измѣнившей всю психику западныхъ людей.

Извѣстный нѣмецкій соціологъ Максъ Веберъ однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на ту связь, которая существуетъ между духомъ западнаго *капитализма* и *протестантизмомъ*. Онъ указываетъ на слѣдующее. Протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Свѣтскія удовольствія презирались, роскошь изгонялась. Этотъ мірской аскетизмъ выражался хозяйственно въ бережливости, доходящей до скаредности, въ неприхотливости и въ трудолюбіи. Одновременно наблюдалась необычайная преданность тому дѣлу, которымъ человѣкъ занимался. Религіозная подкладка такой добросовѣстности заключалась въ *покорности Волѣ Божіей*, указывающей каждому тотъ жизненный путь, по которому онъ долженъ идти. Вѣра въ предопредѣленіе у очень многихъ соединялась съ увѣренностью въ принадлежности къ числу избранныхъ и съ вынесеннымъ изъ односторонняго чтенія Библии убѣжденіемъ, что *матеріальное благополучіе есть признакъ праведности и угодности Богу*. Въ результатѣ создавалось настроеніе, которое постепенно превратилось въ неудержимое стремленіе къ наживѣ, въ желаніе непременно разбогатѣть. Достиженіе этой цѣли облегчалось все увеличивав-

шимся размахомъ экономической жизни. И здѣсь протестантизмъ сыгралъ большую роль, устранивъ главное препятствіе на пути развитія важнѣйшаго фактора современнаго хозяйственнаго строя — кредита.

Дѣло въ томъ, что средневѣковая католическая церковь считала большимъ грѣхомъ и запрещала давать деньги въ ростъ. Правило это постоянно нарушалось, но организація кредита все-таки тормозилась. Кальвинъ и многіе другіе протестантскіе богословы стали на другую точку зрѣнія и открыто *разрѣшили брать проценты*. Снятіе клейма неблаговидности съ банковской дѣятельности повело къ значительному ея расширенію, и вопросъ о кредитѣ сталъ на твердую и законную почву въ протестантскихъ государствахъ. Оттуда духъ капитализма (въ связи съ отходомъ Римской церкви отъ ея прежней непримиримости по отношенію къ процентамъ) распространился по всему Западу, но съ теченіемъ времени сталъ сильно мѣняться. Еще въ XVII, а въ Америкѣ даже въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX столѣтія западный «хозяинъ» чувствовалъ себя не абсолютнымъ распорядителемъ своего богатства, а *Божіимъ управителемъ*. Очень мало отъ всего этого осталось въ половинѣ XIX вѣка: оболочка еще кое-гдѣ сохранилась, но сердцевина истлѣла. Аскетизмъ замѣнился жаждой наслажденій; чувство отвѣтственности передъ Богомъ пропало; зато еще возросло преклоненіе передъ богатствомъ, и въ такомъ видѣ, рука-объ-руку съ матеріализмомъ, духъ капитализма проникъ въ Россію. Тамъ онъ встрѣтилъ не пустое мѣсто, а историческій, вѣками складывавшійся *типъ «русскаго хозяина»*.

Хозяинъ-православный во многомъ отличается отъ кальвиниста. Мірской аскетизмъ есть и у насъ, но онъ не постоянный, а періодическій, связанный съ *постами*. Отношеніе къ богатству тоже другое. Оно не считается грѣховнымъ, но на бѣдность не смотрятъ какъ на доказательство неугодности Богу. Поэтому, въ Россіи нѣтъ того сухого, презрительнаго отношенія къ бѣднякамъ, которое появилось на Западѣ послѣ реформаціи. Протестанты, конечно, предписываютъ благотворительность, но организовавъ ее очень хорошо формально, они вынули изъ нея душу, осудивъ *личную милостыню*, столь дорогую и близкую русскому человѣку.

Что же касается до сознанія своего положенія, лишь какъ *Божьяго довѣреннаго по управленію собственностью*, то оно

было введено въ православнаго еще прочиѣ, чѣмъ въ пуританина.

По отношенію къ большому вопросу о процентахъ Восточная Церковь держалась слѣдующей практики: осуждая ихъ принципиально, она фактически боролась лишь съ ростовщичествомъ, не налагая огульных каръ на всѣхъ взимателей процентовъ и не прибѣгая къ помощи мірской власти, какъ Католическая Церковь.

Условія русской экономики особенно требовали такого отношенія, ибо *вся колонизація Сѣвера шла на кредитъ*. Въ связи съ этимъ банкирскій классъ Сѣверной Руси, Новгородское боярство, пользовался почетомъ и большимъ политическимъ вліяніемъ; и Церковь отнюдь не причисляла его къ числу отверженныхъ.

Однако, повидимому, въ народной душѣ остался какой-то осадокъ противъ торговли деньгами. Еще на моей памяти, въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ московскомъ купеческомъ кругу держалась своеобразная расцѣнка различныхъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Болѣе всего уважалось занятіе промышленностью: фабриканты и заводчики стояли на первомъ мѣстѣ; за ними шли купцы; а къ лицамъ, занимавшимся коммерческимъ учетомъ, даже безъ всякаго оттѣнка ростовщичества, и изъ самыхъ дешевыхъ % %, — отношеніе было неискреннее: въ глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили «процентчики».

Можетъ быть, здѣсь и нужно искать объясненія, почему у насъ въ 19-омъ вѣкѣ совсѣмъ не существовало старыхъ и крупныхъ, чисто-русскихъ банкирскихъ домовъ, а такихъ же промышленныхъ и торговыхъ фирмъ было очень много.

Возвращаясь къ старинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что смягчающее вліяніе Православія на характеръ дѣловыхъ отношеній хотя и было большимъ въ тѣ времена, но осуществлялось оно не легко, а лишь путемъ упорной борьбы съ человѣческими слабостями. Сложна и полна противорѣчій природа русскаго человѣка, и «хозяинъ» не составляетъ въ этомъ исключенія. Классическій его типъ до сихъ поръ сохраняется въ лицѣ *хозяйственнаго великорусскаго мужика*. Кто знаетъ этого упорнаго стяжателя, прижимистаго, твердаго, настойчиваго въ трудѣ, смекалистаго, ловкаго, часто очень одареннаго, но одновременно обуяннаго большой духовной гордостью, тотъ пой-

метъ, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову передъ заповѣдями Христа.

Таковыми были и наши предки.

Несмотря на постоянные нелады, ссоры и взаимное недоброжелательство между верхами и низами стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, чувствовалось все-таки что-то общее во всѣхъ, отъ именитыхъ людей Строгановыхъ и до мелкихъ торгашей.

Оттѣсненіе, послѣ Петра Великаго, занятія торгово-промышленной дѣятельностью на низшую ступень соціальной лѣстницы въ Имперіи — было ошибкой съ государственной точки зрѣнія; но за то оно сохранило чистоту и единство типа.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока приходъ капитализма и вторженіе новыхъ, соціалистическихъ идей не поставили русскихъ людей передъ лицомъ измѣнившихся отношеній и новыхъ фактовъ.

Завистники получили наконецъ то, чего они такъ долго добивались и отъ чего Церковь ихъ удерживала, а именно: *теоретическое обоснованіе права на зависть*, ея оправданіе.

Безхозяйственность, вмѣсто разбойничьихъ атамановъ и самозванцевъ, нашла новыхъ вождей въ лицѣ соціалистическихъ пророковъ и слилась съ завистью.

Идея святости и идея хозяина, такія различныя по заданію и по осуществленію, обѣ стали подвергаться яростнымъ нападкамаъ.

Началась борьба за массу безразличныхъ. Положеніе «хозяевъ» сразу стало очень тяжелымъ, такъ какъ большая часть «безразличной» интеллигенціи *быстро примкнула къ союзу завистниковъ и неудачниковъ*. Къ этому присоединился еще расколъ въ группѣ хозяевъ, и народная стихія, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе стала уходить изъ-подъ вліянія ихъ идеологіи. Смыслъ раскола заключался въ томъ, что верхи хозяйскаго класса *духовно оторвались* отъ его низовъ, и, переставъ ими идейно руководить, отдали хозяйчиковъ во власть чуждымъ и враждебнымъ вліяніямъ.

Но если во всякой соціальной группѣ верхушка является мѣстомъ, гдѣ идеологія класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданій и духа; разрывъ ду-

ховной связи съ ними лишаетъ верхи притока жизненныхъ соковъ и обрекаетъ ихъ на *увяданіе*. Картину такого увяданія даетъ исторія почти каждаго Московскаго большого купеческаго рода. Обыкновенно она протекала такъ.

Основатель фирмы, выйдя изъ народной толщи, сохранялъ до самой смерти тотъ укладъ жизни, въ которомъ онъ выросъ, несмотря на то, что онъ уже являлся обладателемъ значительнаго состоянія. Конечно, въ его быту все было лучше и обильнѣе, чѣмъ раньше, но, въ сущности, то же самое. Хозяинъ не чувствовалъ себя ни въ бытовомъ отношеніи, ни духовно *инымъ*, чѣмъ рабочіе его фабрики. Но очень гордился тѣмъ, что вокругъ него «кормится много народа». Въ такомъ пониманіи своего положенія бывший крѣпостной, а теперь первостатейный купецъ, совершенно не расходился со средой, изъ которой вышелъ. Всѣ окружающіе, бѣдные и богатые, окрестные мужики и его же фабричные, уважали старика именно за то, что онъ фабрикантъ, дающій заработокъ сотнямъ и тысячамъ рабочихъ. Вотъ почему ему и въ голову не приходило считать себя за свое богатство въ чемъ-то виноватымъ *передъ людьми*. Другое дѣло Богъ: *передъ Нимъ* было *сознаніе вины* въ томъ, что изъ посланныхъ средствъ недостаточно удѣляется бѣднымъ.

Два обстоятельства являются характерными для старыхъ русскихъ купеческихъ фамилій. Во-первыхъ, — ихъ *крестьянское происхожденіе*, во-вторыхъ, — *глубокая религіозность* ихъ основателей. Дѣйствительно, если нѣтъ купеческихъ родовъ изъ духовнаго званія, мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ, однодворцевъ, а всѣ именитые купцы у насъ изъ мужиковъ, то, равнымъ образомъ, всѣ данныя свидѣлствуютъ о томъ, что родоначальники принадлежали какъ разъ къ тѣмъ деревенскимъ семьямъ, которыя отличались *особенной ревностью къ вѣрѣ*; не мало среди нихъ и старообрядцевъ.

Такое настроеніе сохранялось и во второмъ поколѣніи. Сынъ основателя дѣла, обыкновенно, во многомъ походилъ на отца, часто превосходя его, однако, талантливостью, размахомъ и умомъ; онъ-то и выводилъ фирму на широкую дорогу, дѣлая ее извѣстной на всю Россію. При немъ жизненный обиходъ становился, конечно, инымъ; простота исчезала и заводилась роскошь, но зато очень развивалась *благотворительная дѣятельность*: строились церкви, школы, клиники, богадѣльни;

тратились деньги и на поддержку славянофильскихъ изданій. Одновременно сохранялась во всей полнотѣ *профессиональная гордость*; и сынъ былъ такимъ же сознательнымъ и властнымъ хозяиномъ, какъ отецъ; но старой близости съ народомъ и съ мелкимъ хозяйчикомъ уже не было: начинало сказываться различіе въ образѣ жизни и, что еще существеннѣе, въ психологiи. Двѣ причины способствовали измѣненію послѣдней.

Съ одной стороны смерть старика-отца совпадала съ тѣмъ моментомъ, когда духъ капитализма начиналъ прочно утверждаться въ Россіи; можетъ быть, этотъ духъ увеличивалъ дѣловую дисциплину и порядокъ, но зато подсушивалъ отношенія, изгоняя патріархальность изъ амбаровъ и фабрикъ. Верхи видѣли преимущества новаго духа для дѣла; низы жалѣли о старой простотѣ.

Съ другой стороны, увеличивавшееся значеніе въ государствѣ крупной промышленности и торговли стало *приближать большихъ хозяевъ къ правящему классу дворянъ и чиновниковъ*, а маленькіе хозяева даже у себя на мѣстахъ попрежнему испытывали самое пренебрежительное къ себѣ отношеніе со стороны не только *представителей власти*, но и *интеллигенціи*, которая начинала играть большую роль въ Россіи.

Такое нарушеніе единства въ хозяйской средѣ, какъ уже было сказано, постепенно привело къ полному расхожденію верховъ и низовъ. Этотъ гибельный не только для *идеи*, но въ послѣдствіи и для *самаго существованія собственности въ Россіи*, разрывъ завершился при внукѣ основателя рода.

Съ него и съ его сверстниковъ началось *духовное оскудѣніе хозяйской аристократіи*.

Люди двухъ предшествовавшихъ поколѣній учились на мѣдные гроши, но много читали и думали, особенно сынъ. Внукъ кончаетъ университетъ, говоритъ на трехъ иностранныхъ языкахъ, изъѣздилъ весь міръ, уменъ и талантливъ, но душа у него раздвоена. Старый идеаль «благочестиваго богача» — кажется ему наивнымъ; быть богачомъ неблагочестивымъ, сухимъ, жесткимъ, какъ учить Западъ, — душа не принимаетъ; остановиться всецѣло на мірской «святости» гуманизма и социализма — мѣшаетъ знаніе жизни; а все-таки начинаетъ казаться, что другого выхода нѣтъ. Въ результатъ — горькое разочарованіе, ибо унаслѣдованный отъ предковъ без-

пощадный и острый мужичій умъ, несмотря на весь гипнозъ окружающей интеллигентской среды, не можетъ не видѣть того; что въ свѣтской «святости» социализма — мудрости змѣя совсѣмъ нѣтъ, а отъ голубиной кротости остались одни жалкія отребья.

Печаленъ бывалъ иногда конецъ *кающагося купца*.

Сынъ его, правнукъ родоначальника, за отцомъ не идетъ и проникается всецѣло трезвымъ міросозерцаніемъ западнаго капиталиста конца XIX вѣка. Разсуждаетъ онъ такъ: «Я реалистъ, а не мечтатель, какъ бѣдный отецъ; да, чего грѣха таить, и покойный дѣдъ былъ со странностями. Штрафами, неумолимымъ увольненіемъ неспособныхъ рабочихъ—онъ добился того, что нашъ товаръ сталъ почти безпорочнымъ, выше всѣхъ по качеству. Это было очень разумно, совсѣмъ по-европейски, а онъ, чудакъ, часами у себя въ моленной поклоны билъ, каялся, плакалъ, у Бога прощенія за свою строгость просилъ; деньги нищимъ (тѣмъ же прогнаннымъ пьяницамъ) раздавалъ; ясли, санаторіи для рабочихъ строилъ. Непонятно! Чего тамъ заниматься метафизикой: *почему я богатъ, для чего я богатъ?* Богатъ, и дѣло съ концомъ; мое счастье. Теперь нужно только наиболѣе рационально использовать деньги всецѣло и исключительно *для себя*. Конечно, есть недовольные, бѣдные, социалисты, анархисты; но буржуазный строй проченъ; мнѣ самому и защищаться не нужно, на то есть полиція и войска...»

Трезвый умъ обманулъ реалиста: пришли большевики, и его «счастье» превратилось въ миѳъ; это часто бываетъ съ трезвыми умами.

Нельзя сказать, чтобы въ началѣ XX-го столѣтія верхи хозяйскаго класса состояли только изъ *циниковъ* и *кающихся купцовъ*; какъ разъ въ послѣдніе годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшіе въ идеалахъ дѣдовъ—*въру въ идею «хозяина»*; но эти люди опоздали... или пришли слишкомъ рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русскій купецъ хозяйственно погибъ въ революціи такъ же, какъ погибъ въ ней и старый русскій баринъ.

Что же касается до хозяйчика, то онъ еще задолго до воцаренія коммунизма, оплеванный и часто оклеветанный, былъ лишенъ всякаго общественнаго сочувствія. Всѣми фибрами своей души этотъ трудолюбъ чувствовалъ свою *полезность*, а

ему твердили, что онъ — «паразитъ». Немудрено, что во время большевицкаго переворота и непосредственно послѣ него такъ называемый кулакъ соблазнился и лукавилъ.

Разореніемъ, трупами, неслыханнымъ униженіемъ, голодомъ и холодомъ, заплатилъ хозяйственный мужикъ за *временную измѣну идеѣ хозяина*; но, все-таки, *выжилъ*...

Послѣ Нэпа, какъ извѣстно, въ Россіи стала возникать новая буржуазія. Она имѣетъ двоякій характеръ. Городской нэпманъ, очень пестрый по своему племенному и классовому происхожденію: еврей, русскій, бывшій приказчикъ, бывшій баринъ, купецъ, чиновникъ, педагогъ, биржевой дѣлецъ, инженеръ, мелкій лавочникъ, адвокатъ — наживаетъ, главнымъ образомъ, *рвачествомъ*, обходомъ большевицкихъ законовъ, умѣніемъ давать взятки, *пронырствомъ*. Въ сравненіи съ коммунистами и эти люди, конечно, очень цѣнны, но объективно—ихъ общественная польза, какъ класса, не велика, и выдѣляемая ими группа такъ называемыхъ *скоробогачей* (нуворишей) не имѣетъ дѣловой и соціальной устойчивости. Практика Западной Европы показала, что большинство изъ нихъ при возвращеніи нормальныхъ дѣловыхъ условій разоряется. Вотъ почему можно думать, что изъ городскихъ нэпмановъ лишь немногіе уцѣлѣютъ послѣ большевиковъ.

Другой типъ буржуазіи возникаетъ въ деревнѣ. Источникъ ея обогащенія — здоровая, творческая, дѣйствительно полезная хозяйственная дѣятельность. Эта группа очень однородна по составу: ее пополняетъ, главнымъ образомъ, *крестьянство*; *за ней будущее*. Изъ того же корня, изъ котораго въ свое время выросъ верхній слой стараго русскаго торгово-промышленнаго класса, вырастаетъ и новое настоящее русское купечество.

На двухъ фронтахъ бьется оно противъ коммунистовъ: на *дѣловомъ* и на *церковномъ*, ибо и сейчасъ, какъ и встарь, хозяйственный мужикъ — ревнитель благочестія. На религиозномъ фронтѣ побѣда уже обезпечена, хотя частичныя пораженія еще будутъ. На экономическомъ фронтѣ борьба, вѣроятно, затянется, но ея исходъ тоже предрѣшенъ: хозяинъ тѣснить и доконаетъ коммуниста.

Намѣчается еще одно, чрезвычайно большое достиженіе: въ Россіи возрождается не только инстинктивная хозяйская сознательность, но въ умахъ, несомнѣнно, созрѣваетъ и основательная «*теорія хозяина*» и «*оправданіе собственности*». Про-

исходить это при содѣйствіи большевиковъ. Любители словопреній, они, въ сущности говоря, превратили всю Россію въ громадный экономическій семинарій, въ практическія занятія, посвященныя доказательству правильности идей Маркса и Ленина. Не вина совѣтскихъ властей, что работа этого семинарія, несмотря на всѣ ухищренія руководителей, послужила противъ нихъ, воочію доказавъ несостоятельность социализма и коммунизма, значеніе частной собственности и пользу хозяйства.

Особенно поразительнымъ оказался полный провалъ принципа *планомѣрности*. Кризисы не только не пропали, но еще усугубились. Выяснилось, къ великому удивленію коммунистическихъ теоретиковъ, что «анархическій» хозяйскій режимъ въ смыслѣ предвидѣнія событій, парированія неожиданностей, смягченія экономическихъ толчковъ, былъ куда болѣе совершеннымъ, чѣмъ пресловутая социалистическая *планомѣрность*. Въ частности оказалось, что размѣры потребленія при старой формѣ единоличнаго хозяйствованія регулировались гораздо лучше, въ большемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными возможностями и въ то же время много эластичнѣе и гибче, чѣмъ при большевикахъ.

Экономическое просвѣщеніе русскаго народа — единственное, чего достигли большевики, вопреки ихъ собственнымъ намѣреніямъ; и это просвѣщеніе можетъ оказаться много болѣе значительнымъ, чѣмъ мы думаемъ.

Судя по тому, что западная, а особенно англо-саксонская интеллигенція сейчасъ вступаетъ въ полосу переживаній, напоминающихъ наши шестидесятые годы, есть основаніе опасаться, что русскія событія современемъ повторятся въ Англіи и въ Америкѣ. Появленіе тамъ богатыхъ купчиковъ, барчуковъ и барынь, балующихся социализмомъ, въ родѣ сына Балдвина и дочери маркиза Керзона, признакъ очень плохой.

Если когда-нибудь коммунистическій шквалъ налетитъ на Великобританію и Соединенные Штаты, то, можетъ быть, потрясется весь міръ, но и тогда не заколеблется освобожденная отъ большевиковъ Россія. Дорогую цѣну платимъ мы за провѣрку экономическихъ аксіомъ, но усвоиваемъ ихъ теперь твердо: выстраданную идею собственности русскій народъ никогда больше не отдастъ.

В. Рябушинскій.

О РУССКОМЪ ФАШИЗМЪ.

Въ міръ разверзлась бездна безбожія, безчестія и свирѣпой жадности. Современное человѣчество отзывается на это возрожденіемъ рыцарственного начала.

Могло ли быть иначе? Въ какую низину запуганности и рабства оно должно было скатиться для того, чтобы не вступить на этотъ путь? Въ какую религіозную и нравственную фальшь оно должно было выродить духъ христіанскаго ученія для того, чтобы отозваться на возстаніе дьявольскаго начала — не твердымъ намѣреніемъ «заградить уста невѣжеству безумныхъ людей» (I Петра. гл. I. стихъ 15), а умиленнымъ непротивленіемъ? И развѣ мы не захлебнулись бы тогда отъ презрѣнія къ самимъ себѣ и къ человѣческому естеству въ насъ?

Можно представить себѣ, что къ этому возрожденію рыцарственного начала люди будутъ относиться двояко: съ сочувствіемъ и съ осужденіемъ. Но надо признать, что принципиальное осужденіе его, какими бы словами оно ни прикрывалось, — обличаетъ позицію осуждающаго: ибо тотъ, кто противъ рыцарственной борьбы съ діаволомъ, тотъ за діавола. Онъ, можетъ быть, самъ не понялъ еще, что именно онъ дѣлаетъ и изъ какихъ душевныхъ источниковъ родится его осужденіе. Но вѣдь зараза большевизма дѣйствуетъ не только соблазняяще и увлекающе, а еще разслабляюще и обезсиливаетъ; и тотъ, кто извлекаетъ изъ своей души навстрѣчу этой стихіи фальшивыя слова фальшиваго умиленія, тотъ уже находится въ орбитѣ ея вліянія и власти... —

Это не означаетъ, конечно, что въ этомъ рыцарственномъ движеніи невозможны ошибки; что въ немъ не могутъ зародиться опасные оттѣнки и уклоны; что оно свободно отъ всякихъ заблужденій и не подлежитъ критикѣ. Напротивъ:

мы должны все время бодрствовать, провѣрять себя и очищаться. Намъ безусловно необходима зоркая и честная самокритика; но не обезсиливающая, а ободряющая; не разрушительное глоданіе, а творческая ревизія. Мы должны учиться и чиститься на ходу. Мы должны, не прерывая нашего служенія и не прекращая нашей борьбы, осмысливать нашу природу, формулировать наши принципы, закрѣплять наши грани и неустанно ковать и совершенствовать нашу организацию. Впереди у насъ труднѣйшія и отвѣтственнѣйшія задачи; а слово наше не можетъ, не должно и не смѣетъ расходиться съ дѣломъ.

Тотъ не съ нами, кто обижается на слова честной и творческой критики. Передъ лицомъ Россіи и ея трагедіи мы повинны другъ другу правдою, возраженіемъ, а если нужно, то и критикой. Мы уже достаточно цѣнимъ другъ друга и достаточно вѣримъ другъ другу для того, чтобы не только утвердить за собою это право, но и для того, чтобы превратить его во взаимную повинность.

Именно таковъ духовный смыслъ тѣхъ сомнѣній и опасеній, которыя я имѣю здѣсь высказать по вопросу о русскомъ фашизмѣ. —

За послѣдніе десять лѣтъ рыцарственное движеніе, которое во всемъ его міровомъ объемѣ слѣдуетъ обозначить, какъ б ѣ л о е д в и ж е н і е , завязывается, крѣпнетъ и развертывается въ самыхъ различныхъ странахъ и подъ различными наименованіями. Впервые оно началось у насъ въ Россіи (въ концѣ 1917 года), гдѣ оно по необходимости сразу получило военную организацию и вылилось въ форму междуусобной войны. Вслѣдъ затѣмъ оно зародилось въ Германіи, въ Венгріи и въ 1919 году — въ Италіи; здѣсь оно послѣ трехлѣтней организаціонной подготовки и нѣсколькихъ героическихъ столкновеній, овладѣло государственнымъ аппаратомъ и создало такъ называемый «фашистскій» режимъ. Этотъ политическій успѣхъ заставилъ нашихъ современниковъ говорить и думать о фашистскомъ «методѣ» (т. е. о вѣрномъ способѣ) борьбы съ большевицкой заразой, и вызвалъ организаціонныя подражанія въ другихъ странахъ (Франція, Англія, Чехословакія). И, какъ это нерѣдко бываетъ въ человѣческой дѣятельности, случилось то, что одна изъ формъ б ѣ л а г о движенія (именно національно-итальянская), имѣвшая на

мѣстѣ серьезный успѣхъ, заслонила собою другія драгоцѣнныя и необходимыя формы и дала своимъ всему движенію въ цѣломъ.

Я хочу этимъ сказать, что бѣлое движеніе въ цѣломъ—гораздо шире фашизма и по существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: бѣлое движеніе есть родовое понятіе, а фашизмъ есть видовое понятіе; и поэтому мы не должны впадать въ ту распространенную ошибку, при которой человѣкъ упускаетъ изъ-за частнаго, единичнаго видоизмѣненія — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведетъ къ тому, что люди утрачиваютъ духовный смыслъ явленія, не видятъ его исторической перспективы, упускаютъ изъ вида другія, новыя, творческія возможности и начинаютъ подражать ослѣпившему ихъ явленію, воспроизводя его, какъ своего рода спасительное средство.

Бѣлое движеніе шире фашизма потому, что оно можетъ возникать и исторически возникало по совершенно другимъ поводамъ и протекало въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ фашизмъ. Оно глубже фашизма потому, что именно въ фашизмѣ совсѣмъ не проявляется или недостаточно дѣйствуетъ глубочайшій, религіозный мотивъ движенія. —

Всюду, гдѣ въ общественной и государственной жизни люди объединяются на началахъ добровольнаго служенія, качественного отбора, безкорыстія, чести, долга, дисциплины и вѣрности и, движимые патріотизмомъ, начинаютъ на этихъ началахъ служить родинѣ — мы имѣемъ основаніе говорить о наличности бѣлаго движенія. Такое движеніе можетъ быть вызвано не только войною или революціею, но и другими опасностями — голодомъ, моромъ или наводненіемъ. Оно можетъ возникнуть и безъ всякой особой «опасности», напр., въ видѣ движенія за національную духовную культуру, за національное воспитаніе, за отмѣну рабства, или за облагораженіе національной политики. Отсюда уже ясно, что бѣлое движеніе можетъ и не имѣть военнаго характера (какъ было у насъ), и совсѣмъ не связано непременно съ захватомъ власти или съ отверженіемъ парламентаризма (какъ было въ Италіи); напротивъ, оно можетъ имѣть чисто штатскую и совершенно законную форму, и можетъ быть цѣликомъ направлено на поддержаніе и укрѣпленіе существующей власти и налич-

ной формы правленія. Такъ, русское бѣлое движеніе возникло слишкомъ поздно и должно было принять гражданскую войну, начатую большевиками; но итальянское бѣлое движеніе сложилось своевременно и могло избавить свою страну отъ гражданской войны. Однако, бѣлымъ итальянцамъ (фашистамъ) пришлось все же рѣшиться на возстаніе и только благодаря исключительному такту Муссолини и Его Величества Короля это возстаніе не превратилось въ революцію, а стало высочайше узаконеннымъ переворотомъ; напротивъ, бѣлые англичане, во время угольной забастовки 1926 года, не начинали возстанія, но организованно поддерживали наличное парламентское, консервативное правительство.

Изъ этого вытекаетъ, что бѣлое движеніе совсѣмъ не ведетъ непременно ни къ перевороту, ни къ гражданской войнѣ; оно можетъ, напр., сложиться на мирныхъ и законныхъ путяхъ, разлиться по всей странѣ, овладѣть сердцемъ и волею всего, что есть честнаго въ народѣ и положить начало новому національному воспитанію, новой творческой эпохѣ въ жизни страны.

Нѣтъ единой формы бѣлаго движенія, пригодной для всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Каждой странѣ нужно свое. Каждая эпоха предписываетъ другія формы. Нидерландское бѣлое движеніе, руководимое Вильгельмомъ Молчаливымъ, имѣло инныя задачи, чѣмъ бѣлое движеніе Минина и Пожарскаго. Бѣлые германцы въ эпоху Фатера Яна и Фихте Старшаго не могли становиться на путь современныхъ фашистовъ. Бѣлые итальянцы нашихъ дней погубили бы Италію, если бы они, занявъ сѣверную половину страны, начали гражданскую войну съ южной половиной. Какъ и вся политическая жизнь, бѣлое движеніе есть творчество, примѣняющееся къ реальнымъ задачамъ и реальнымъ возможностямъ страны и эпохи. И то, что спасительно въ одномъ случаѣ, можетъ оказаться вреднымъ въ другомъ. Здѣсь невозможно и не нужно слѣпое подражаніе; и въ то же время необходимо зоркое и внимательное изученіе тѣхъ условій и тѣхъ пріемовъ, которые создавали и создали удачу въ другія эпохи и у другихъ народовъ.

Еще одно. Если бѣлое движеніе совсѣмъ не есть непременно фашизмъ, то съ другой стороны возможно, что по-

явятся такіе новыя «фашизмы», въ которыхъ не будетъ ни чего бѣлаго. Сорганизоваться и сдѣлать политическій переворотъ совсѣмъ еще не значить создать бѣлое движеніе, хотя бы при этомъ слово «фашизмъ» было написано на всѣхъ перекресткахъ. Тѣ перевороты, которыми изобилуетъ исторія императорскаго Рима, бывали обычно своекорыстными затѣями легионовъ и полководцевъ; и бѣлаго въ нихъ не было ничего. Таковы же военныя перевороты въ современной Греціи; и мало кто согласится признать «бѣлымъ» — движеніе Гайдъ въ Чехословакии. Здѣсь мало сказать, что такіе-то переворотчики тянутъ «направо» и стоятъ «за порядокъ»; Сулла въ Римѣ стоялъ «за порядокъ» и тянулъ «направо», но о бѣлизнѣ его можно говорить только по недоразумѣнію. И именно съ этой точки зрѣнія было бы очень рискованно поставить наряду съ героическимъ и дѣйствительно бѣлымъ адмираломъ Хорти — проблематическія или прямо порочныя фигуры, тамъ и сямъ поднимающіяся надъ уровнемъ въ другихъ странахъ. —

Именно такое пониманіе вскрываетъ первую опасность, съ которой намъ слѣдуетъ постоянно считаться. Эта опасность состоитъ въ томъ, что у насъ можетъ возникнуть не бѣлый «фашизмъ». По внѣшней видимости все будетъ обстоять, какъ «полагается»: «дисциплинированная» организація, «патріотическія» слова, отстаиваніе порядка, тяга направо, волевой активизмъ... А на самомъ дѣлѣ возникнетъ лишь новый расколъ и новая политическая партія, столь же партійная, какъ и другія, но только съ агрессивными замашками, съ намѣреніемъ непременно устроить переворотъ въ свою пользу, съ готовностью начать гражданскую войну противъ другихъ небольшевицкихъ партій и длить ее вплоть до своей партійной побѣды. Повидимому, это будетъ «фашизмъ»; но бѣлаго въ немъ не будетъ ничего. Можетъ быть это будетъ «розовый», «желтый» или «черный» фашизмъ, т. е. партійное дѣло ради партійныхъ цѣлей, прикрытыхъ патріотической словесностью. А можетъ быть и такъ, что такихъ «фашизмовъ» возникнетъ одновременно нѣсколько: каждая партія послѣ паденія большевиковъ будетъ готовить переворотъ въ свою пользу и вооружаться... пока не начнется общая гражданская война. Тогда (это можно сказать съ увѣренностью) най-

дуются враждебныя Россіи организаціи, которыя начнутъ поддерживать эту гражданскую войну періодическими субсидіями, подогрѣвая и затягивая ее, и превращая Россію въ современный Китай...

Эта опасная перспектива становится особенно вѣроятною, если принять во вниманіе: 1) нашъ русскій равнинный характеръ, всегда склонный къ несогласію, къ раздору, раздѣленію и упрямой неуступчивости; 2) революціонное время, развязавшее въ душахъ честолюбіе, склонность къ авантюризму и ко всевозможнымъ политическимъ «комбинаціямъ» (почти всегда съ негодными средствами); 3) огромные размеры нашей страны въ обычное время, а нынѣ — нашу зарубежную разбросанность по всему міру, которая дѣлаетъ организаціонно невозможнымъ единство «фашистскаго» союза и требуетъ (для активной борьбы) множества параллельныхъ возглавленій. Пока большевицкая власть правитъ Россіей — можетъ быть и окажется возможнымъ добиться того, чтобы политическія разногласія были какъ-нибудь отодвинуты на второй планъ. Но надо заранѣе предвидѣть, что русскій «фашизмъ» изъ каждой страны разсѣянія, въ которой онъ складывается и растетъ — вынесетъ свои характерные уклоны, свою партійную закваску и даже свои «оріентаціонныя» симпатіи, которыя въ дальнѣйшемъ выступятъ на первый планъ съ русскою неуступчивою страстностью, съ послѣдреволюціонною притязательностью и съ настоящею фашистскою агрессивностью.

А между тѣмъ, если что-нибудь можетъ погубить Россію, то это именно новая гражданская война между противобольшевицкими силами. За революцію Россія потеряла очень много, слишкомъ много для того, чтобы потерять еще что-нибудь безнаказанно. И мы, оставаясь за рубежомъ, обязаны постоянно объ этомъ помнить, и все время провѣрять свои замыслы и свои пути въ предвидѣніи ихъ будущихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. —

За послѣдніе годы мнѣ пришлось не разъ быть въ Италіи, видѣть фашизмъ въ реальной жизни, бесѣдовать съ фашистами и съ анти-фашистами, многое понять, провѣрить и продумать. И естественно, что я все время ставилъ передъ собою вопросъ: почему въ Италіи удалось то, что у насъ не удалось?

Помимо чисто стратегическихъ причинъ (второстепенность итальянскаго фронта, его малые размѣры, его горный характеръ, позднее вступленіе въ войну, возможность подвоза амуниціи моремъ и т. д.), на которыхъ я не могу останавливаться, были еще политическія и духовныя условія, которыхъ намъ нельзя упускать изъ вида.

Среди нихъ отмѣчаю: отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго революціоннаго движенія передъ войною; чувство «побѣды», съ которымъ Италія закончила войну; сравнительно очень небольшіе размѣры страны, облегчающіе всякую политическую организацію; своевременное (превентивное) основаніе бѣлаго движенія со стороны Муссолини; единство движенія и единственность вождя; и многовѣковую культуру правосознанія въ народѣ. Всѣ эти условія несказанно облегчили борьбу итальянскаго фашизма. Но именно отсутствіе всѣхъ этихъ условій несказанно затрудняетъ дѣло русскаго фашизма и затуманиваетъ его перспективы. —

Дѣло въ томъ, что фашизмъ есть спасительный эксцессъ патріотическаго произвола. И въ этомъ сразу заложено — и его обоснованіе, и его опасности.

Когда государству грозитъ гибель, особенно отъ моральнаго и политическаго разложенія массы; и когда наличная государственная власть оказывается безвольною, или бездарною, или съ своей стороны дезорганизованною и деморализованною — то спасеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы патріотическое меньшинство въ странѣ, бѣлое по духу и волевое по характеру, сорганизовалось, взяло власть въ свои руки и осуществило бы все то, что необходимо для отрезвленія массы и для спасенія родины. Горе тому народу, который въ критическій моментъ окажется неспособнымъ къ выполненію этого священнаго, почетнаго и въ высшей степени отвѣтственнаго, патріотическаго долга!..

Но этотъ спасительный актъ остается все же актомъ произвола. А судьба всякаго произвола состоитъ именно въ томъ, что онъ однимъ своимъ появленіемъ какъ бы вызываетъ къ новымъ актамъ отвѣтнаго произвола: онъ развязываетъ въ странѣ склонность къ политическимъ посяательствамъ; онъ самъ рискуетъ оказаться первымъ актомъ гражданской войны. И для того, чтобы это не состоялось, не-

обходимо 1) чтобы движеніе было единымъ и единственнымъ въ странѣ; 2) чтобы въ народѣ имѣлось могучее и зрѣлое правосознаніе, съ которымъ движеніе должно быть тѣсно связано; 3) чтобы движеніе, какъ можно скорѣе само ввело себя въ рамки законности и подавило всякія новыя попытки переворота; 4) чтобы оно оправдало свое посвятительство реальною государственною продуктивностью — водвореніемъ настоящаго правопорядка, хозяйственными, социальными и культурными реформами.

Въ настоящее время намъ особенно важно учитывать первыя два условія.

Русскій фашизмъ зарождается не внутри страны, а въ эмиграціи. Отсюда его разбросанность по всему міру, его неизбежная множественность, параллелизмъ и пестрота. Отсюда же основная трудность его развитія, ибо фашизмъ куется и крѣпнеть въ непрестанной и напряженной борьбѣ, ведущейся въ самой странѣ изо дня въ день; эмиграція же, представляя изъ себя несомнѣнную силу, — оторвана самымъ зарубежнымъ существованіемъ своимъ отъ точки для приложенія этой силы. Наконецъ, отсюда же оторванность русскаго фашизма отъ русской народной толщи, съ которою онъ не связанъ, къ которой онъ только еще долженъ прорваться и изъ которой онъ нынѣ не можетъ черпать живыхъ и почвенныхъ силъ для своего пополненія и развертыванія. Однако откуда нибудь онъ долженъ же ихъ все-таки брать... Повидимому онъ можетъ ихъ брать только изъ другихъ, уже имѣющихся въ эмиграціи бѣлыхъ и волевыхъ организацій, т. е. прежде всего и главнымъ образомъ изъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза... Но здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ опасностей и затрудненій. —

И Обще-Воинскій Союзъ, и фашистскія ячейки суть организаціи бѣлыя, волевая и дѣйствительныя. Въ чемъ же ихъ отличіе? Почему русскому патріотически-мыслящему, активно-настроенному и дисциплинированному военному — лучше стать членомъ фашистской ячейки, чѣмъ хранить вѣрность своему военному кадру? Что новаго даетъ ему званіе фашиста? Право ли на активность? Но принадлежность къ Обще-Воинскому Союзу никогда не погашала этого священнаго права активной борьбы за родину... Напротивъ. Но что же даетъ тогда фа-

низмъ? Повидимому два дара: политическую программу и новое возглавленіе. Но это означаетъ, что фашизмъ есть политическая партія (или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ зачаточныхъ политическихъ партій) и что членъ Обще-Воинскаго Союза долженъ, вступая въ фашистскую ячейку, выйти, согласно Приказу 82, изъ этого союза, ибо членамъ его запрещено вхожденіе въ политическія партіи. Это запрещеніе установлено именно для того, чтобы оградить главную активную силу русской эмиграціи, армію — отъ политическаго распада и разброда, чреватаго въ будущемъ гражданскою войною; чтобы удержать русскій военный кадръ въ томъ глубокомъ лонѣ патріотическаго единенія, куда политическая партійность не проникаетъ, гдѣ нѣтъ мѣста политическимъ претензіямъ, треніямъ и неизбѣжнымъ интригамъ, гдѣ въ бѣлой идеѣ родины сливаются всѣ оттѣнки политическихъ окрасокъ. Этимъ оберегается и растится то, что нужнѣе всего и важнѣе всего для Россіи: патріотическій духъ и сверхпартійный военный кадръ — залогъ національнаго единства, якорь спасенія отъ гражданской войны.

Правильно ли, необходимо ли извлекать русскихъ патріотовъ изъ этого духа и изъ этого кадра, и ставить ихъ на распутье политическихъ программъ, политическихъ споровъ и политическихъ дѣленій? Не вѣрнѣе ли, не спасительнѣе ли создавать активныя ячейки въ предѣлахъ самого Обще-Воинскаго Союза? Увлекаетъ ли умы модное слово «фашизмъ» и нетерпѣливое желаніе ввести его у насъ? Но не пора ли намъ перестать предаваться этой торопливой подражательности? Когда мы поймемъ, что вообще нѣтъ спасенія въ заимствованіяхъ,—все равно, заимствуется демократизмъ или фашизмъ? Когда мы поймемъ, что въ частности русское бѣлое движеніе уже идетъ и должно и впредь идти путями самостоятельнаго творчества, и что наша бѣлая организація — это нашъ Обще-Воинскій Союзъ, который надо только тѣснѣе сплочивать и беречь?

Или, быть можетъ, это есть нетерпѣніе — скорѣе перейти изъ внѣполитической атмосферы военнаго служенія въ политическое партизанство, съ его многообразнымъ и разнобразнымъ возглавленіемъ? Но, если желаніе подражать бѣлымъ итальянцамъ такъ сильно, то надо прежде

всего понять, что въ Италіи фашизмъ строился не снизу, не отъ партизанской ячейки, а сверху, отъ Муссолини и его ближайшихъ, строго подчинявшихся ему сотрудниковъ; что Италія спаслась именно своими небольшими размѣрами и безспорной единственностью вождя, въ которомъ соединились патріотическая идейность, замѣчательная политическая интуиція, властная воля, умѣніе выбирать людей и чувство мѣры и такта; что именно это сдѣлало итальянскій фашизмъ не множествомъ безсильныхъ водоворотовъ, а единымъ могучимъ приливомъ, который поднялся по единой волѣ и вновь улегся по ея указу...—

Это было величавое историческое зрѣлище: — соединеніе инициативнаго произвола съ огромной дисциплиной; патріотическаго возстанія съ поддержаннымъ въ странѣ правопорядкомъ; это была армія, побѣдившая одною своею мобилизаціею и распущенная по домамъ безъ генеральнаго сраженія. Напрасно было бы думать, что это «легко повторить» или что это «всѣ могутъ»... Нѣтъ; за этимъ скрывается тысячелѣтнее правосознаніе, воспитанное римскимъ правомъ и римскою церковью, — огромная дисциплина, обратно пропорціональная размѣрамъ страны... Имѣется ли это въ Россіи, въ русскомъ характерѣ, въ русской народной массѣ? Можетъ ли найтись въ Россіи, да еще послѣ такой революціи, правосознаніе, которое не допуститъ до возникновенія множества разныхъ «фашизмовъ»; которое наполнитъ актъ патріотическаго произвола — политическою рыцарственностью, имущественной корректностью и дисциплиной, прямо пропорціональной размѣрамъ нашей страны; которое сумѣетъ найти необходимыя и вѣрныя границы для своего произвола и не превратится въ погромную партизанщину?

Или, еще короче: сумѣетъ ли русскій политическій фашизмъ, ячейкамъ котораго уже нынѣ тѣсно и душно въ свободной формѣ Обще-Воинскаго Союза, сумѣетъ ли онъ остаться бѣлымъ? Тяготясь военной дисциплиной (Приказъ 82!), сумѣетъ ли онъ создать равносильную ей полувоенную или штатскую дисциплину? Не рискуетъ ли онъ незамѣтно промѣнять патріотизмъ на партійность, растерять свою бѣлизну въ чисто политической

борьбѣ и выродить свое служеніе въ исканіе личнаго успѣха? А если возникнетъ не бѣлый фашизмъ, то къ чему приведетъ онъ въ Россіи — къ воссоединенію и возрожденію, или къ новой формѣ гражданской войны?

Бѣлый духъ есть не духъ части, а духъ цѣлаго; онъ ищетъ не власти, какъ всякая политическая партія, а служенія родинѣ, какъ всякая вѣрная армія... —

Таковы тѣ сомнѣнія, которыя я считаю необходимымъ поставить передъ умственнымъ взоромъ русскаго зарубежнаго патріота и фашиста, и тѣ опасенія, которыя я хочу довести до свѣдѣнія его бѣлаго сердца.

Не въ необходимости борьбы я сомнѣваюсь; а въ необходимости переходить къ формамъ политической организаціи. Наша борьба необходима и священна. Но она должна оставаться бѣлой борьбой. Останется ли она бѣлою, вступивъ на партійные пути — въ этомъ мое опасеніе...

Я опасаясь не активизма, направленного противъ врага; напротивъ. Но я опасаясь эмигрантской «политики», которая такъ часто съ трудомъ собираетъ средства лишь для того, чтобы поддерживать нежизненные и раскалывающія организаціонныя формы...

Духъ русскихъ фашистовъ — патріотическій, волевой и активный; не для осужденія этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моимъ бѣлымъ братьямъ, фашистамъ: берегитесь беспочвенной, зарубежной «политики»! Она таитъ въ себѣ опасность разложенія и утраты бѣлаго духа...

И. А. Ильинъ.

I. ВОЙНЫ РОССИИ.

Русскій народъ миролюбивъ. Въ этомъ не приходится убѣждать того, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ внутреннимъ, духовнымъ обликомъ средняго русскаго человѣка. Въ этомъ убѣждаетъ всякаго и прошлое русскаго народа, не знающее ни рыцарства, ни ландскнехтовъ, ни кондотьеровъ, водившихъ наемныя войска на всевозможныя приключенія. Русскому народу всегда было чуждо римское «горе побѣжденнымъ!» О «русскомъ буйствѣ» не было слышно даже на зарѣ исторіи.

И все-таки, несмотря на природное миролюбіе, русскому народу пришлось воевать безъ конца. Съ 1055 года по 1462 Соловьевъ насчитываетъ 245 извѣстій о нашествіяхъ на Русь и внѣшнихъ столкновеніяхъ, при чемъ 200 изъ нихъ приходятся на 1240—1462 г.г., что даетъ въ среднемъ по одному почти на каждый годъ. Въ дальнѣйшемъ, — «съ XIV вѣка, съ котораго можно считать возрожденіе русскаго государства», — говоритъ знатокъ русской военной исторіи, ген. Н. Н. Сухо-тинъ *), — «и до нашихъ дней, въ теченіе 525 лѣтъ (1836—1893) Россія провела въ войнахъ 305 лѣтъ, а считая войну на Кавказѣ, — 329 лѣтъ, т. е. *почти две трети своей жизни*». —

Безсчетны русскія жертвы на поляхъ сраженій. Столѣтіями лились потоки русской крови. — Почему? Зачѣмъ? Что куплено такою дорогою цѣною?

До середины XVIII вѣка, пока Россія не вмѣшивалась въ дѣла Европы, всѣ русскія войны носили характеръ *защиты* собственныхъ интересовъ, разумно и бережно охраняемыхъ. Войнъ «династическихъ», «религіозныхъ» или просто отъ избытка воинственнаго пыла и стремленія господствовать надъ сосѣдями, — Россія *не знала*. Со времени нашествія татаръ и до Петра Великаго Россіи приходилось къ тому же думать *только объ оборонѣ*, сопряженной иногда съ отступленіемъ, иногда же наступательной. Того требовала историческая обстановка, весьма неблагоприятно складывавшаяся для русскаго племени.

Запоздавъ съ появленіемъ на исторической сценѣ, вынужденные двигаться на сѣверо-востокъ съ «общеславянскаго

*) «Война въ исторіи русскаго міра». СПБ., 1894.

гнѣзда», каковымъ явились первоначально Карпаты, славяне, образовавшіе русское государство, зацѣпились за «великій водный путь изъ варягъ въ греки» (Финскій заливъ, Нева, Ладожское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Ловать и черезъ волокъ въ Днѣпръ). Этимъ воднымъ путемъ, который давалъ средства и исходъ для ихъ хозяйственной работы, и служилъ источникомъ торговыхъ выгодъ и культуры — опредѣлилось основное, *сѣверо-южное* направленіе въ развитіи русской государственной жизни. Водная линія: Нева—Днѣпръ стала осью русской исторіи. Но на бѣду количественный недостатокъ живой силы у русскихъ славянъ во времена первоначальнаго расселенія помѣшалъ имъ сразу и цѣликомъ овладѣть этимъ цѣннѣйшимъ изъ всѣхъ природныхъ достояній, выпавшихъ на нашу долю. Устья рѣкъ (Невы, Западной Двины и Днѣпра) остались во вражескихъ рукахъ. Отсюда основное и главное историческое заданіе, поставленное съ первыхъ жѣ дней существованія русскому государству: *овладѣть выходами въ сѣверное и южное море*. Отсюда самые важные «вопросы», поставленные Россіи исторіей: *Прибалтійскій и Южный («проливы»)*.

Слѣдующимъ по времени возникновенія явился *вопросъ Польскій*, а затѣмъ *Литовскій*. Уже съ конца X вѣка пограничныя столкновенія постепенно принимаютъ характеръ натиска со стороны Польши, въ лицѣ которой *латинскій міръ* поднимаетъ упорную борьбу съ *Православіемъ*. «Польскій» и «Литовскій» вопросы, оказываются навязанными исторіей русскому народу не только какъ *политическіе*, но и какъ отголосокъ европейскихъ *религіозныхъ* столкновеній, совершенно чуждыхъ ищущему покоя Православію. Вопросы эти становятся обостренными, роковыми для *независимаго бытія* русскаго государства съ самаго времени татарскаго нашествія. Послѣднее раскололо единое до тѣхъ поръ русское племя, отдавъ западный его отсѣкъ во власть наступающей Польши и Литвы; оно создало тѣхъ, про кого Екатерина II, почти завершившая дѣло собиранія русскихъ славянъ, сказала: «отторгнутыя возвратихъ».

«*Татарскій вопросъ*», возникшій въ XIII вѣкѣ, оказался несомнѣнно первымъ и самымъ важнымъ по грозности. Трудно сомнѣваться въ томъ, что споръ Россіи съ Польшей и Литвой окончился бы совершенно иначе, если бы Русь осталась татарскимъ «улусомъ». Отторгнутые (и сколько?) оказались бы въ такомъ случаѣ навѣки потерянными. Но Россія преодолѣла татарщину. И борьба съ ней, по мѣрѣ ея вѣковыхъ успѣховъ, вовлекала Россію въ наступленіе на юго-востокъ (*Персидское* направленіе) и на *Дальній Востокъ*; она привела ее къ Памиру и Тихому океану. Точно пружина, долго сжимавшаяся натискомъ Азіи, выпрямилась—послѣ взятія въ 1552 г. Казани. Россія, распространившись на 10.000 верстъ, оказалась постав-

ленною передъ новыми сложнѣйшими задачами; онѣ выросли изъ оборонительнаго по началу наступленія, вышедшаго далеко за предѣлы тѣхъ граней, какія до сихъ поръ еще опредѣляютъ великодержавное значеніе Россіи по сѣверо-южной основной исторической линіи «изъ варягъ въ греки».

Важность этого послѣдняго направленія, гениально оцѣненная Петромъ Великимъ, выдвинула въ императорскій періодъ на первое мѣсто—задачу овладѣнія южно-морскимъ выходомъ. Такъ возникъ сначала *вопросъ Турецкій*, ставшій въ послѣдствіи въ глазахъ Европы *восточнымъ*, а съ Русской точки зрѣнія *вопросомъ о проливахъ*.

Итакъ, изъ всѣхъ заданій, или «вопросовъ», которые Россіи пришлось разрѣшать на протяженіи тысячелѣтней своей исторіи, только *Балтійскій* и *южно-морской* были поставлены самимъ русскимъ народомъ; они остаются и понынѣ основной предпосылкой удовлетворенія самыхъ жизненныхъ его потребностей. Всѣ остальные въ той или иной степени вытекали изъ обстановки, созданной помимо воли русскаго народа и въ значительной мѣрѣ въ связи съ невозможностью разрѣшить удовлетворительно ту задачу, которую онъ самъ себѣ поставилъ. Надъ этимъ полезно задуматься тѣмъ, кто забываетъ, что народъ, сумѣвшій вырости въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ до численности русскаго,—*не можетъ быть произвольно тѣснымъ*, безъ того, чтобы не нашла какого-либо выхода его неизжитая энергія. Азія (половцы, потомъ татарщина) оттѣснила было Русь съ «великаго воднаго пути...» И Россія пришла на Тихій океанъ! Европа, преградившая затѣмъ путь къ Прибалтикѣ и проливамъ, уже довела Россію до Памира... А тѣмъ временемъ на мѣстѣ 12 милліоновъ населенія, съ какимъ начинала свой путь Россійская Имперія при Петрѣ, даже за совѣтской колючей проволокой осталось 150 милліоновъ, среди которыхъ около 100 милліоновъ самыхъ настоящихъ, безспорныхъ русскихъ, тѣхъ, усиліями которыхъ творилась, главнымъ образомъ, славная Россійская исторія.

Всѣ эти усилія отнюдь не питали войнъ. Наоборотъ. Задолго до появленія на свѣтѣ Лиги Націй, русская государственная власть знала и примѣняла тѣ способы (разумѣется внѣшне отличные отъ примѣняемыхъ въ XX вѣкѣ), которые нынѣ считаются дѣйственными въ Женевѣ. Россія, какъ уже указывалось, до самаго XVIII вѣка *оборонялась*. И обороняясь, она старалась прежде всего заставить *время* работать въ своихъ интересахъ. Она стремилась *отдалить* столкновенія, если не вовсе устранить кровопролитіе. На это указываетъ Соловьевъ, по подсчетамъ котораго изъ 200 войнъ, съ 1224 по 1462 г., только 61 отмѣчены извѣстіями о сраженіяхъ, остальные же свелись къ *угрозамъ передвиженіями войскъ*. Такъ было при великихъ князьяхъ. Не менѣе осторожно обращалась

съ войной царская и императорская власть. За рѣдкими исключеніями, извѣстными въ позднѣйшее время, — Россія *не шла на войну опрометчиво*, съ легкимъ сердцемъ. Хотя бы уже потому, что давно обозначившееся превосходство европейской техники надъ русскими ополченіями являлось постоянно вѣскимъ предостереженіемъ. (Особенно сильно это неравенство вооруженій сказалось въ борьбѣ Іоанна Грознаго съ Баторіемъ, но оно чувствовалось всегда и позже — до нашихъ дней: примѣръ — Нарва, первое пораженіе Петра, Севастополь и т. д.).

Бережное и отвѣтственное отношеніе русской государственной власти къ объявленію войны постоянно отмѣчаетъ Ключевскій (достаточно вспомнить вопросъ о Ливонскомъ походѣ при Іоаннѣ Грозномъ; вопросъ о войнѣ съ Польшей изъ-за присоединенія Малороссіи по просьбѣ Богдана Хмѣльницкаго при Алексѣѣ Михайловичѣ; уступки Императора Николая I въ переговорахъ передъ Крымской войной; долгія колебанія Императора Александра II передъ объявленіемъ войны Турціи изъ-за славянъ и другое). И если не считать злополучной японской войны, то лишь тѣ немногія войны, въ которыя Россія была втянута различными европейскими коалиціями и комбинаціями послѣ 1756 года, могутъ вызвать сомнѣніе въ смыслѣ ихъ неизбѣжности и соотвѣтствія русскимъ жизненнымъ интересамъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ русское оружіе служило или непосредственно для *самозащиты* или для *закрѣпленія* такихъ государственныхъ граней, которыя отвѣчали *жизненнымъ нуждамъ великой страны* и обезпечивали безопасность для мирнаго и производительнаго труда населенія. —

Изъ 537 лѣтъ, прошедшихъ со времени Куликовской битвы до Брестъ-Литовска, Россія провела въ войнахъ 334 года. Войны эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ, по главнѣйшимъ направленіямъ и воюющимъ странамъ: *)

Западъ	Войнъ	Лѣтъ войны	Югъ	Войнъ	Лѣтъ войны
Швеція	8	81	Турція	12	48
Польша	10	64	Крымъ	8	37
Литва	5	55	Кавказъ	2	66
Ливонія	3	55	Персія	4	28
Франція	4	10	Востокъ		
Германія	1	3	Монголы	?	130
Пруссія	2	8	Сибирь	1	35
Италія	2	4	Амуръ	1	1
Австрія	1	1	Кульджа	1	1
Венгрія	1	1	Хива	4	6
Австро-Венгрія	1	3	Вухара	1	5
Англія	1	3	Кокандъ	3	15
			Теке	1	3
			Афганистанъ . .	1	1
			Японія	1	2

*) Общій итогъ военныхъ лѣтъ по этой таблицѣ составляетъ 666, т. е. почти вдвое болѣе приведенной выше цыфры (334). Объясняется это тѣмъ, что за указанное время Россіи пришлось вести 134 года

Первый выводъ, который напрашивается изъ приведенной таблицы **) тотъ, что нашимъ главнымъ врагомъ, натискъ и преодоленіе котораго потребовали наибольшаго напряженія,— были *азиатскіе кочевники*. Монгольскій погромъ (1240) явился самымъ тяжелымъ ударомъ, какой пришлось когда-либо вынести Россіи, еще не успѣвшей утвердить своей государственности. Но если страшенъ былъ этотъ ударъ, то велики были и силы, собранныя русскимъ народомъ для преодоленія Татарщины. 130 лѣтъ войны послѣ Куликовской битвы на востокъ. да 37 лѣтъ войны съ Крымомъ (не считая отраженія отдѣльных татарскихъ набѣговъ послѣ 1240 года и половецкихъ набѣговъ до того), — такова совокупность неимоверныхъ усилій, приложенныхъ русскимъ народомъ на протяженіи пяти съ лишнимъ столѣтій, — чтобы *не дать Россіи стать улусомъ*.

За татарами на первомъ мѣстѣ по напряженности и продолжительности борьбы идетъ *Швеція*. Правда, по степени опасности ее нельзя сравнить съ татарами. Но нельзя и преуменьшать значенія этого упорнаго и прекрасно подготовленнаго къ войнѣ врага, стремившагося отбросить Россію отъ Балтійскаго моря. Помимо упорства, проявленнаго Швеціей (добившейся захвата Новгорода въ смутное время), она и по численности населенія почти равнялась Петровской Россіи (около 12 милліоновъ). Потребовалась гениальная настойчивость Петра Великаго, чтобы рѣшительными побѣдами въ 20-лѣтней войнѣ окончательно разбить шведскій натискъ. Полтавская побѣда (1709), одержанная Петромъ въ неблагопріятныхъ и очень опасныхъ условіяхъ рѣшила въ пользу Россіи многовѣковой споръ, въ которомъ Швеція, будучи зачинщицей, стремилась къ верховодству въ сѣверной Европѣ, а Россія билась за выходъ къ морю и за возвратъ отнятыхъ Швеціей русскихъ земель. Почти 5 вѣковъ (1240—1721) потребовалось для того, чтобы отстоять эти законнѣйшія и жизненные требованія.

Не менѣе упорной и грозной была борьба съ *Польшей* и *Литвой*, растянувшаяся почти на 7 вѣковъ отъ перваго столкновенія съ «ляхами» при Владимірѣ Святѣмъ (981) до 1667 года, когда Алексѣемъ Михайловичемъ былъ нанесенъ Польшѣ такой же рѣшительный ударъ, какъ Швеціи при Полтавѣ. Особенно яростно насѣдали наши западные сосѣди (Польша, Литва и Ливонія) въ концѣ XVI вѣка, какъ разъ въ то время, когда Россія собралась съ силами для перехода въ наступленіе на востокъ противъ Казани. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ Грозный, справившись, наконецъ, съ Казанью, началъ

войны противъ различныхъ *союзовъ* и *коалицій*, одновременно съ нѣсколькими врагами (въ томъ числѣ одну войну сразу противъ 9 враговъ, 2 — противъ 5, 25 — противъ 3, и 37 войнъ противъ 2-хъ).

**) Она взята изъ упомянутой уже книги Н. Н. Сухотина, появившейся въ 1894 г. (стр. 32 и 33), которая использована въ дальнѣйшемъ.

свою знаменитую Ливонскую войну и одержалъ было нѣсколько успѣховъ. Но вмѣшательство Польши (Стефанъ Баторій) не только свело ихъ на нѣтъ, но причинило Россіи и очень чувствительныя пораженія, причемъ Россіи пришлось вскорѣ вести 20-тилѣтнюю войну противъ союза западныхъ государствъ, по временамъ поддержаннаго набѣгами дикихъ крымцевъ. Напоръ съ запада былъ столь сильнымъ, что въ началѣ XVII вѣка, въ смутное время, Россія снова оказалась въ столь же трудномъ положеніи, какъ и во время монгольскаго нашествія. Русское государство было на краю гибели, а вѣковой врагъ въ Москвѣ. Однако, какъ только удалось изжить смуту,—натиску Польши былъ положенъ конецъ (1667) и въ императорскій періодъ войны велись уже не съ Польшей, а въ Польшѣ.

Войны въ *южномъ* направленіи уступаютъ по своей длительности многовѣковой и тяжелой оборонѣ на западѣ и на востокѣ. И все же это направленіе бесспорно является главнымъ. Ибо здѣсь Россія не оборонялась, а наступала, *пробивая себѣ дорогу къ южному морю*. Заслуживаетъ при этомъ особаго вниманія то, что съ самыхъ первыхъ походовъ варяжскихъ князей и до нашего времени наступленіе на югъ, надолго прерывавшееся самообороной, ведется по *тѣмъ же операціоннымъ линіямъ*. Эти основныя направленія: морской путь отъ Днѣпра и отъ крымскаго участка побережья (походы 860 г., 907, 941 и 988 г. на Византію); путь черезъ долину Дуная и Болгарію (походы 967—972, 1116 г.); путь въ промежутокъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями (походы Святослава. Владиміра и др. на Тмуторокань); и, наконецъ, сочетаніе этихъ путей въ пользованіи ими одновременно (944, 1043 г.).

Продвиженіе къ благодатному югу, стоившее Россіи въ новѣйшее время 18 войнъ, общео продолжительностью въ 142 года,—далось очень не легко. Но за все это время, съ первыхъ Азовскихъ походовъ Петра (1695—96) до взятія Эрзерума въ 1916 г., Россія потерпѣла на этомъ длинномъ пути только два пораженія: на Прутѣ (1711) и въ Крымскую кампанію, когда война велась не съ Турціей только, а со всей Европой. Три раза завѣтная цѣль уже казалась достигнутой: при Екатеринѣ II Суворовскія побѣды поставили на очередь «греческій проектъ», т. е. овладѣніе Константинополемъ; затѣмъ при Николаѣ I удачная война 1829 г. и крупная побѣда русской дипломатіи въ 1833 г. (договоръ Уніаръ Искелесси), сдѣлали Россію, въ качествѣ союзницы и покровительницы Турціи, хозяйкой надъ проливами. И, наконецъ, въ 1878 г. русскія войска стояли въ Санъ-Стефано, въ виду Константинополя. *Европейскіе дипломаты сдѣлали, однако, все, чтобы отложить успѣшное завершеніе этого національно-историческаго русскаго дѣла*. И все же въ 1915 году удалось добиться

отъ главныхъ противницъ появленія Россіи въ южныхъ водахъ: Англіи и Франціи—признанія ея правъ на проливы (Лондонскій договоръ). «Миръ безъ аннексій и контрибуцій» не только разрушилъ это уже подготовленное торжество вѣковыхъ стремленій русскаго народа на югъ, но еще (безъ малѣйшихъ основаній) отдалъ во власть побѣжденной Турціи залитый русскою кровью Карсъ. Вопросъ о южно-морскомъ выходѣ для Россіи и ея вывоза остается, такимъ образомъ, и доселѣ неразрѣшеннымъ.

Тѣ войны Россіи, которыя велись *изъ-за европейскихъ дѣлъ* и стоили ей огромныхъ жертвъ, являются самыми безрезультатными, несмотря на блестящіе успѣхи русскаго оружія, неизмѣнно ихъ сопровождавшія. Въ 1756—60 г.г. впервые европейской дипломатіи (Австріи) удалось втянуть Россію въ семилѣтнюю войну за «австрійское наслѣдство». Но всѣ результаты побѣдъ (даже надъ самимъ Фридрихомъ Великимъ) были добровольно уничтожены Петромъ III, ставшимъ на другую (Прусскую) точку зрѣнія въ указанномъ вопросѣ. Точно также одну только славу принесли русскимъ орламъ блистательные Суворовскіе походы 1798—99 г.г., когда Россія безкорыстно пошла на интервенцію противъ революціонной Франціи *) и затѣмъ вышла изъ коалиціи, убѣдившись въ корыстныхъ замыслахъ *Англіи* и *Австріи*. Тяжелая борьба съ Наполеономъ (1805—1806. 1812—1814), снова во имя «освобожденія Европы отъ тирана» (предупредительно предлагавшаго Россіи раздѣлъ областей вліянія), можетъ быть съ русской точки зрѣнія оправдана развѣ лишь тѣмъ, что безъ нея Наполеонъ окрѣпъ бы такъ, что и Россіи пришлось бы подчиниться его волѣ. Непосредственную же пользу отъ Наполеоновскихъ войнъ извлекла *Англія*. Попутно въ Тильзитѣ Александръ I спасъ Пруссію, которую Наполеонъ хотѣлъ уничтожить, а въ 1814 году, въ Парижѣ — Францію отъ неумѣренныхъ требованій Пруссіи и союзниковъ. Позднѣе въ 1849 году Николай I спасъ Австрію отъ развала. И за все это Европа «отблагодарила» въ Крымскую кампанію: тогда Австрія помѣшала развитію русскихъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, «удививъ міръ неблагодарностью»; Франція, въ лицѣ Наполеона III, мстила за Наполеона I; а вся коалиція открыто или тайно, — *спасала Турцію*, противъ которой Россія шла, какъ освободительница угнетаемыхъ на Балканахъ христіанъ.

Тѣмъ не менѣе эту послѣднюю свою историческую миссію Россія блестяще выполнила, вопреки вооруженному сопротивленію турокъ и дипломатическому препятствованію Европы.

*) Правительственная декларация опредѣляла цѣли войны такъ: «освободить Францію, сохранить ее неприкосновенно въ томъ положеніи, въ какомъ она была до революціи...» Весьма интересная формулировка задачъ *русской интервенціи!*

Еще Адрианопольскій миръ (1829) закрѣпилъ независимость Греціи и автономію княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Освободительная война 1877—1878 г.г. довершила то, чему Россіи помѣшали въ 1854—1855 г.: она обезпечила независимость Сербіи и Болгаріи. Наконецъ, въ 1914 году, когда надъ Сербіей повисла новая и тяжкая угроза, Россія обрекла себя на міровую войну, которой она *не хотѣла и не искала*, къ которой она *не была готова* и которая ей, по ея внутреннему состоянію, въ то время была *абсолютно не нужна и вредна*. Въ итогѣ — малые славянскіе народы раскрѣпощены и возрождаются; а великая славянская страна, — лоно и опора славянства въ мірѣ, — выбыла изъ строя и стала жертвою и орудіемъ чужеродныхъ и гибельныхъ силъ... —

Войны великаго народа вытекаютъ изъ его органическихъ нуждъ и потребностей; отдѣльные правители могутъ, конечно, дѣлать ошибки, но въ общемъ ходѣ исторіи ихъ произволъ не имѣетъ ни послѣдняго, ни рѣшающаго значенія. Россіи, какъ великой странѣ, предуказаны ея историческіе пути, заданія и опасности; и подъ ихъ давленіемъ слагались и *будутъ впредь слагаться* ея войны. А правителямъ надлежитъ только *мудро блюсти соразмѣрность силъ и сроковъ*.

Б. Никольскій.

II. РОССИЯ ВЪ МІРОВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ, было и въ области развитія внѣшней торговли Россіи, какъ и во всѣхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности, періодомъ быстрого развитія и роста. Съ каждымъ годомъ увеличивалось и укрѣплялось значеніе Россіи на міровомъ рынкѣ, какъ продавца и какъ покупателя.

За время съ 1899 по 1913 г. внѣшняя торговля Россійской Имперіи (по всѣмъ границамъ) увеличивалась слѣдующимъ образомъ (годовая средняя по пятилѣтіямъ въ милліонахъ рублей):

	Вывозъ	Ввозъ	Балансъ
1899—1903	793 3	630,2	+ 163,1
1904—1908	1046,0	769,5	+ 276,5
1909—1913	1501,4	1139,6	+ 361,8

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени между первымъ и третьимъ пятилѣтіемъ *русскій вывозъ почти удвоился (возросъ на 89%)*. Соотвѣтственно увеличивался и привозъ ино-

странныхъ товаровъ въ Россію и *улучшался въ ея пользу активный торговый балансъ* (превышеніе вывоза надъ ввозомъ).

Тѣмъ не менѣе, если взять обороты внѣшней торговли *изъ расчета на душу населенія*, то Россія занимала *последнее мѣсто въ Европѣ* (за исключеніемъ одной Болгаріи). Такъ, на примѣръ, если раздѣлить сумму вывоза на число жителей, то для отдѣльныхъ странъ въ 1913 году получались слѣдующія цифры (въ герм. маркахъ на душу): Россія — 23,85 мар., Германія — 150,20 мар., Великобританія — 283,69 мар., Бельгія — 388,83 мар., Соединенные Штаты — 106,77 мар.

Такой относительно низкій размѣръ внѣшней торговли Россіи изъ расчета на душу населенія (въ 12 разъ меньше душевого оборота Великобританіи и въ шесть разъ меньше Германіи), объяснялся, конечно, прежде всего бѣдностью и отсталостью Россіи. Но это не значитъ еще, что Россія должна была ставить себѣ цѣлью обязательно догнать въ этомъ отношеніи такія страны, какъ Англія или Германія. Низкій размѣръ внѣшней торговли изъ расчета на душу населенія является не только недостаткомъ, показателемъ бѣдности, но и преимуществомъ, поскольку онъ отражаетъ тотъ фактъ, что Россія, вслѣдствіе огромнаго своего протяженія, изобилія и разнообразія своихъ естественныхъ богатствъ, *была и особенно будетъ въ состояніи удовлетворять сравнительно очень большую часть потребностей своего населенія внутренней добычей и производствомъ*. Сѣверные лѣса и туркестанскій хлопокъ, сибирскіе мѣха, кавказскій марганецъ и крымскія вина — уже этотъ краткій перечень свидѣтельствуетъ о томъ, какія разнообразныя потребности своего населенія и своей промышленности Россія могла въ прошломъ и сможетъ въ будущемъ удовлетворять *не прибѣгая къ иностранному ввозу*.

Въ этомъ отношеніи по своему экономическому типу Россія ближе всего подходитъ къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, несмотря на свое богатство, Соединенные Штаты по оборотамъ внѣшней торговли на душу населенія стоятъ далеко позади и Англіи и Германіи. Съ точки зрѣнія устойчивости развитія и хозяйственной независимости страны это является огромнымъ преимуществомъ. Такъ Англія переживаетъ послѣ войны хроническій промышленный кризисъ вслѣдствіе того, что цѣлый рядъ странъ, которыя она снабжала раньше своими издѣліями въ качествѣ «мірового фабриканта», во время и послѣ войны усиленно стали развивать собственную промышленность. Въ то же время Америка, опираясь на свой громадный и богатый внутренній рынокъ, переживаетъ періодъ необычайнаго промышленнаго и вообще хозяйственнаго расцвѣта.

Что касается *состава русскаго вывоза* до войны, то Россія какъ страна земледѣльческая, вывозила, главнымъ образомъ,

продукты сельскаго и лѣснаго хозяйства, а также *животноводства*. Поскольку Россія вывозила промышленныя издѣлія, этотъ вывозъ направлялся, главнымъ образомъ, на азіатскіе рынки (Туція, Персія, Китай), гдѣ Россія обладала большими географическими преимуществами.

Въ пятилѣтіе 1909—1913 средній годовой вывозъ распредѣлялся по главнѣйшимъ товарнымъ группамъ слѣдующимъ образомъ:

	Милліоны рублей:	Какой процентъ общаго вывоза:
Продукты земледѣлія	920,4	61,3 %
Животныя и продукты животно- водства	269,1	17,9 %
Лѣсные товары	151,0	10,1 %
Ископаемые	76,1	5,0 %
Издѣлія и прочіе товары	84,8	5,7 %
Общій итогъ	1.501,4	100,0 %

Почти половина всего вывоза Россіи (676,4 милл. р. или 45%) приходилось на вывозъ зерновыхъ хлѣбовъ (включая муку и отруби). Такое огромное преобладаніе зерновыхъ продуктовъ являлось *опаснымъ* и *невыгоднымъ*; опаснымъ потому, что ставило всю внѣшнюю торговлю страны въ очень большую зависимость отъ колебаній урожаевъ, въ Россіи, какъ извѣстно, особенно значительныхъ и рѣзкихъ; невыгоднымъ — потому, что для страны выгоднѣе вывозить зерно въ «облагороженномъ» видѣ, т. е. въ видѣ *продуктовъ интенсивнаго сельскаго хозяйства* (мясо, масло, яйца и т. п.). Но за послѣдніе 10—15 лѣтъ до войны русскій вывозъ быстро измѣнялся именно въ этомъ направленіи — вывозъ такихъ продуктовъ, какъ коровье масло и яйца, увеличивался абсолютно и относительно быстрѣе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ. Если сравнить, такимъ образомъ, трехлѣтіе 1911—13 съ пятилѣтіемъ 1896—1900, то въ среднемъ въ годъ вывозъ масла увеличился по цѣнности съ 7,1 милл. р. до 70,4 милл. р., а вывозъ яицъ — съ 27,7 милл. р. до 85,5 милл. р.

Въ противоположность вывозу, русскій *ввозъ* состоялъ, главнымъ образомъ, изъ *промышленныхъ издѣлій* и *машинъ*, которыя еще не производились въ Россіи, а также изъ тѣхъ видовъ промышленнаго *сырья* (и колоніальныхъ продуктовъ), которые *не* производились въ Россіи *совсѣмъ* (чай, кофе, резина) или производились въ *недостаточномъ количествѣ* (хлопокъ).

Въ распредѣленіи русскаго ввоза и вывоза *по странамъ* отражались какъ характеръ и составъ русскаго внѣшняго товарообмѣна, такъ и географическое положеніе Россіи. Послѣднимъ обстоятельствомъ въ частности объяснялось преобладающее положеніе въ русскомъ ввозѣ и вывозѣ Германіи.

Въ послѣднемъ мирномъ году (1913) изъ общаго *ввоза* въ размѣрѣ 1,374 милл. руб. на долю Германіи приходилось 643 милл. или 47%; второе мѣсто въ русскомъ *ввозѣ* занимала Англія (170 милл. или 12,4%), третье — Соединенные Штаты (74 милл. или 5,4%). Въ нашемъ *вывозѣ* преобладаніе Германіи было нѣсколько меньшимъ — изъ общаго *вывоза* въ 1.520,1 милл. р. въ 1913 г. въ Германію направлялось 453 милл. р. или 30%; соотвѣтственно этому нѣсколько больше была и доля Англіи въ нашемъ *вывозѣ* (267 милл. руб. или 17,5%).

Уже война нанесла внѣшней торговлѣ Россіи тяжелый ударъ. Россія была почти отрѣзана отъ внѣшняго міра. Съ блокадой Балтійскаго побережья и закрытіемъ проливовъ послѣ вступленія въ войну Турціи для *ввоза* и *вывоза* оставались только Владивостокъ съ 10.000 верстнымъ желѣзнодорожнымъ пробѣгомъ грузовъ — съ одной стороны, и Архангельскъ и Мурманскъ — съ другой. При этомъ Архангельская желѣзная дорога обладала ничтожной пропускной способностью и была перешиита на широкую колею уже во время войны, а построенная съ колоссальными трудностями Мурманская желѣзная дорога была закончена незадолго до революціи. Всѣ эти пути были почти исключительно заняты перевозкой военныхъ грузовъ.

Большевицкій переворотъ оборвалъ послѣднія нити, связывавшія Россію во время войны и непосредственно послѣ нея съ міровымъ хозяйствомъ, настолько, что въ 1920—21 г. весь *вывозъ* СССР. равнялся 10 милл. р. или 0,6% *вывоза* Россійской Имперіи въ 1913 г.

Послѣ объявленія Нэпа и постепеннаго возстановленія крестьянскаго хозяйства, внѣшняя торговля СССР. также начинаетъ возрастать, но и сейчасъ она по объему не достигла еще и *половины* довоеннаго оборота внѣшней торговли Россіи.

По современнымъ цѣнамъ (въ червонныхъ рубляхъ) внѣшняя торговля СССР. выражалась за послѣдніе 4 года въ слѣдующихъ цифрахъ (по европейской границѣ):

	Ввозъ	Вывозъ	Балансъ
1923—24 *)	387	480	+ 93
1924—25	644	508	— 136
1925—26	674	589	— 85

Въ истекшемъ 1926—27 хозяйственномъ году *вывозъ* по всѣмъ границамъ составилъ 768 милл. р., *ввозъ* — 712 милл. р. съ активнымъ торговымъ балансомъ въ размѣрѣ 55,9 милл. р.

Если, какъ дѣлаетъ это совѣтская статистика, пересчитать цѣнность *ввоза* и *вывоза* на довоенные рубли (т. е. по довоен-

*) Хозяйственный годъ въ совѣтской Россіи считается съ 1 октября по 1 октября.

нымъ цѣнамъ), то окажется, что вывозъ 1926—27 года составлялъ всего 555 милл. р., что въ свою очередь по исчисленію, приведенному въ статьѣ Наркомторга Микояна («Правда», 3 ноября 1927 г.) составляетъ 42% довоеннаго экспорта.

Этотъ упадокъ внѣшней торговли совѣтской Россіи отразился прежде всего на *рѣзкомъ сокращеніи удѣльнаго вѣса СССР въ міровомъ товарообмѣнѣ* — по сравненію съ тѣмъ вѣсомъ, который имѣла Россія прежде.

По даннымъ, разработаннымъ секретариатомъ Лиги Націй въ связи съ созывомъ міровой Экономической Конференціи въ Женевѣ въ маѣ 1927 г., въ 1913 году на долю Россіи приходилось *почти 4% (точно 3,9%)* всего мірового торговаго оборота, при чемъ Россія по размѣрамъ своей торговли стояла *на шестомъ мѣстѣ* среди другихъ великихъ державъ. Въ 1925 году участіе совѣтской Россіи въ международномъ товарообмѣнѣ составляло всего 1,06%, т. е. *доля ея сократилась въ четыре раза*; при этомъ въ ряду другихъ странъ СССР. *занимаетъ уже 23-е мѣсто* — позади такихъ государствъ какъ Испанія, Швейцарія и Данія и по оборотамъ своей торговли совѣтская Россія сравнялась съ маленькой Кубой. Почти въ тѣхъ же цифрахъ (для 1926 г.—1,14%) исчисляють участіе СССР. въ міровомъ оборотѣ и совѣтскіе статистики (см. статью Ламброва: «СССР. въ міровомъ торговомъ оборотѣ», въ журналѣ «Совѣтская Торговля» отъ 10 ноября 1927 г.).

Сокращеніе территоріи СССР. по сравненію съ территоріей прежней Россійской Имперіей является, конечно, одной изъ причинъ уменьшенія внѣшней торговли, но причиной далеко не главной. По расчету, приведенному въ указанной выше статьѣ Микояна, — расчету, статистическую точность котораго трудно провѣрить, но который повидимому приблизительно соотвѣтствуетъ истинѣ, *на уменьшеніе территоріи прежней Россіи нужно съ общей суммы экспорта скинуть 15%*. Другими словами, при общемъ вывозѣ Россіи въ 1913 г. въ 1.520 милл. р. за вычетомъ 220 милл. на вывозъ въ границахъ СССР приходится 1.300 милл. р. Сокращеніе территоріи является, такимъ образомъ, лишь второстепенной причиной въ ряду причинъ обусловившихъ небывалый упадокъ внѣшней торговли Россіи. Это станетъ особенно яснымъ, если еще принять во вниманіе сокращеніе вывоза по главнѣйшимъ статьямъ русскаго экспорта.

Въ 1909—13 г.г. Россія вывозила въ среднемъ 690 милл. пуд. зерновыхъ продуктовъ; въ 1926—27 (несмотря на третій сряду хорошій урожай) этотъ вывозъ составилъ всего 160 милл. пуд. или 23% прежняго количества. Соотвѣтственно этому сократилась и доля участія СССР въ снабженіи міра главнѣйшими хлѣбами. Для пшеницы эта доля сократилась съ 28,5% (1909—1913) до 6,1% (1926—1927), а для ячменя за то же

время съ 73,2% до 12,2% (по даннымъ журнала «Совѣтская Торговля» отъ 28 іюля 1927 г.).

Вывозъ льна, даже съ учетомъ уменьшенія территоріи Россіи, сократился за то же время съ 12,8 милл. пуд. до 2,2 милл. пуд., т. е. свелся къ 17,2% прежняго размѣра. Вывозъ другихъ основныхъ предметовъ русскаго вывоза составлялъ въ 1926—1927 г. по сравненію съ довоеннымъ временемъ — для масла коровьяго — 48%, для яицъ — 23%, для лѣса — 56%, и т. д.

Въ вопросѣ о сокращеніи хлѣбнаго вывоза до одной четверти прежнихъ его размѣровъ — одной изъ важныхъ причинъ, и при томъ причиной, которая сохранить свое дѣйствіе и послѣ ликвидаціи большевиковъ, — явилось *уничтоженіе помѣщичьяго хозяйства*. Хотя на долю помѣщичьяго хозяйства по всей Россіи приходилось всего около 10% всей посѣвной площади, тѣмъ не менѣе роль помѣщичьяго хозяйства, какъ хозяйства *работающаго на рынокъ*, въ снабженіи внутренняго и внѣшняго хлѣбнаго рынковъ была гораздо большей. На долю помѣщичьяго хлѣба въ общей массѣ товарнаго (т. е. поступавшаго на рынокъ) хлѣба приходилось отъ 30 до 40%.

Какъ ни важна эта причина, она не можетъ одна объяснить рѣзкаго сокращенія русскаго экспорта, ибо сокращеніе этого послѣдняго значительно превышаетъ количество всего помѣщичьяго хлѣба, шедшаго на вывозъ. Нельзя также объяснить сокращеніе вывоза зерна и другихъ продуктовъ однимъ только сокращеніемъ посѣвовъ и уменьшеніемъ производства этихъ продуктовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такъ вывозъ льна составляетъ всего одну шестую прежняго вывоза, а между тѣмъ площадь посѣвовъ *превысила* уже теперь довоенную площадь.

Основная причина упадка и застоя вывозной торговли СССР заключается въ томъ, что *при существующихъ высокихъ цѣнахъ на издѣлія совѣтской промышленности* (которыя большевики вотъ уже нѣсколько лѣтъ тщетно пытаются понизить) *русскій крестьянинъ не заинтересованъ въ увеличеніи своего производства на рынокъ*; онъ фактически возвращается къ натуральному хозяйству. Изъ льна, который онъ прежде продавалъ, чтобы на вырученные деньги купить мануфактуру, онъ теперь вырабатываетъ холстъ; зерно — вслѣдствіе невыгодно-низкихъ цѣнъ, которыя предлагаютъ ему совѣтскіе скупщики-монополисты, онъ скармливаетъ скоту, — отсюда то необычайно быстрое возстановленіе скота, которое наблюдается въ русской деревнѣ за послѣдніе годы. Словомъ, *увеличилось «остѣданіе» продуктовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ*.

Когда съ крестьянскаго хозяйства будутъ сняты путы коммунистическаго ига, оно несомнѣнно быстро начнетъ увеличивать производство и продажу сельско-хозяйственныхъ про-

дуктовъ для рынка, и въ частности, для экспорта. Но тутъ придется преодолѣвать другое препятствіе — наслѣдіе войны и революціи. *За 14 лѣтъ отсутствія Россіи на міровомъ рынкѣ (1914—1917), мѣсто ея было занято другими.* Ея главнѣйшіе конкуренты увеличили производство въ размѣрахъ, иногда превышающихъ дефицитъ, образовавшійся вслѣдствіе исчезновенія Россіи съ мірового рынка.

Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ вывозъ пшеницы изъ СССР за трехлѣтіе 1922—24 составлялъ въ среднемъ въ годъ 193.000 тоннъ противъ прежнихъ 3.300.000 т. (послѣднее трехлѣтіе передъ войной; сокращеніе на 2.100.000 т.), — три главныхъ конкурента Россіи на пшеничномъ рынкѣ, Соединенные Штаты, Канада и Аргентина, — за то же время увеличили свой вывозъ съ 6.840.000 тоннъ до 13.910.000 тоннъ (увеличеніе на 7.000.000 тоннъ).

Вывозъ масла изъ Россіи въ 1924 г. понизился по сравненію съ довоеннымъ временемъ на 46.000 т. (съ 68.000 до 22.000), но за это время три главныхъ конкурента Россіи по вывозу масла — Данія, Новая Зеландія и Аргентина — увеличили свой вывозъ на цѣлыхъ 108.000 тоннъ (съ 109.000 до 217.000).

Это, конечно, не означаетъ, что Россія не сможетъ отвоевать свое старое и принадлежащее ей по праву мѣсто въ міровомъ товарообмѣнѣ, особенно, если принять во вниманіе, что это отвоевываніе будетъ происходить постепенно — вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ міровой потребности въ главныхъ предметахъ русскаго вывоза.

Но это значитъ, что и въ этой области потребуется *полное хозяйственное напряженіе всего народа и мудрое руководство со стороны будущей государственной власти* для того, чтобы залѣчить тяжелыя раны, нанесенныя хозяйству Россіи войной и революціей.

В. Гефдингъ.

III. ЯДЪ ПАРТІЙНОСТИ.

Дѣленіе людей на партіи неизбежно; ибо всюду, гдѣ люди думаютъ, — обнаруживается и разногласіе, и единомысліе; а объединеніе единомышленниковъ даетъ имъ умственную увѣренность и увеличиваетъ ихъ силы въ борьбѣ.

Но *духъ политической партійности* всегда ядовитъ и разлагающъ. Сущность его состоитъ въ томъ, что люди — изъ честолюбія посягаютъ на власть; ставятъ часть выше цѣлаго; соз-

даютъ атмосферу разлагающей нетерпимости; обращаются въ борьбѣ къ самымъ дурнымъ средствамъ; становятся зловредными демагогами; превращаютъ партійную программу въ критерій добра и зла.

Этимъ духомъ заражаются одинаково — какъ лѣвыя партіи, такъ и правыя.

1. Политическая партія всегда добивается верховной власти: это ея основная цѣль; къ этому направлены всѣ ея усилія. Но именно поэтому во главѣ ея оказываются тѣ люди, которые *способны профессионально заниматься захватомъ власти — профессионалы честолюбія*. Обычно бываетъ такъ, что лишь очень немногіе изъ нихъ уже были у власти; почти никто изъ нихъ не провѣрилъ своего умѣнія властвовать; большинство изъ нихъ навѣрное не призвано и не способно править *). Но всѣ они заранѣе, всю жизнь, воображаютъ себя «министрами» или «президентами», примѣриваются, комбинируютъ и посягаютъ, часто безвольные и безхарактерные, дезорганизаторы и политическіе диллетанты.

Итакъ, духъ партійности *выдвигаетъ наверхъ профессиональных честолюбцевъ, непризванныхъ диллетантовъ, политическихъ карьеристовъ*.

2. Всякая партія представляетъ лишь меньшинство людей въ странѣ; противоположное утвержденіе есть ложь, которая всегда можетъ быть опровергнута статистически. Поэтому «побѣда» любой партіи при любой избирательной системѣ *даетъ меньшинству власть надъ большинствомъ*. Это меньшинство, восходящее къ власти снизу и лишенное традицій здоровой государственности, несетъ съ собою интересы того народнаго слоя (класса, сословія, группы), которому его программа «угодила» и который поэтому за него голосовалъ; а это и есть *духъ части* который стремился господствовать надъ *цѣлымъ* и теперь начинаетъ выдавать свой интересъ за интересъ *обще-національный*. Понятно, что партія, которая исходила бы отъ цѣлаго и выдвинула бы истинно-государственную программу — должна была бы потребовать отъ *всѣхъ* классовъ *жертвенности и служенія*; именно поэтому ей было бы особенно трудно собрать «большинство голосовъ».

Итакъ, духъ партійности *разжигаетъ своекорыстіе классовъ и группъ; и тѣмъ искажаетъ и предаетъ государственное дѣло*

3. Всякая партія хотѣла бы имѣть страстныхъ приверженцевъ. Страстность есть залогъ избирательной «побѣды»; бурная пропаганда, настойчивая агитація, темпераментныя рѣчи — все это пріобрѣтаетъ голоса для выборовъ и читателей для партійныхъ газетъ; все это сбиваетъ людей, лишаетъ ихъ собственного мнѣнія и навязываетъ имъ партійный трафаретъ.

*) Срв. въ первой книжкѣ «Русскаго Колокола» статью Старога Политика «О политической работѣ».

Соревнованіе и честолюбіе разжигаютъ эту страстность до фанатизма, а фанатизмъ несетъ съ собою духъ ненависти, ослѣпленія, нетерпимости и исключительности: всѣ несогласные превращаются въ «идіотовъ» или въ «подлецовъ», по отношенію къ которымъ все позволено.

Итакъ, духъ партійности *затемняетъ у людей разумъ и правосознаніе, создавая атмосферу нетерпимости, разъединенія и гражданской войны.*

4. Въ борьбѣ за власть одержимые партійные честолюбцы обычно обращаются ко *всѣмъ* средствамъ и не останавливаются даже передъ самыми *низкими*. Они лгутъ въ доказательствахъ и спорахъ; завѣдомо обманываютъ избирателей; клеветаютъ на конкурентовъ и противниковъ. Одни продаютъ свои «голоса»; другіе ихъ покупаютъ — то за деньги, то за почести, то раздавая мѣста, то устраивая прибыльные или «благотворительныя» дѣла. Одни борются сплетней, инсинуаціей и интригой; другіе, будучи депутатами, берутъ деньги у правительства; третьи организуютъ партійные заговоры и перевороты; четвертые прибѣгаютъ къ ограбленію («экспроприація») и къ политическимъ убійствамъ. Люди начинаютъ думать, что «цѣль оправдываетъ средства»; воцаряются деморализація и авантюризмъ; обликъ политическаго лидера пріобрѣтаетъ черты профессиональнаго лжесвидѣтеля, взяточника и бандита.

Итакъ, духъ партійности *расшатываетъ у людей совѣсть и честь, и незамѣтно ведетъ ихъ на путь продажности и уголовщины.*

5. Въ этой атмосферѣ — и выборы, и партійное правленіе становятся дѣломъ порочной *демагогии*: партіи обращаются къ своекорыстному инстинкту народныхъ массъ, разжигаютъ темныя вожделѣнія, раздаютъ несбыточные обѣщанія, льстятъ толпѣ и, развращая народъ, постепенно доводятъ его до состоянія *черни*. Тогда и выборы, и правленіе пріобрѣтаютъ характеръ *распродажи съ молотка государственной власти*, и во главѣ государства становятся нравственно- и политически-*худшіе* люди.

Итакъ, духъ партійности *развращаетъ народъ и ведетъ государство къ гибели.*

6. При всемъ этомъ партійный духъ создаетъ своего рода *массовый психозъ* въ предѣлахъ самой партіи. Человѣкъ, одержимый этимъ психозомъ, начинаетъ вѣрить въ то, что только его партія владѣетъ *истиной*, и притомъ *всею истиною* и *по всѣмъ вопросамъ*. Постепенно партійное настроеніе становится чѣмъ-то вродѣ «міросозерцанія», партійная програма превращается въ догматъ, а партійная польза — въ критерій добра и зла. Люди проходятъ черезъ стадію партійнаго *оглупнѣнія* и доходятъ до партійнаго *изувѣрства*. Возрѣнія дѣлаются плоскими, скудными, трафаретными; люди живутъ въ партійныхъ

шорахъ и видятъ только то, что предусмотрѣно въ партійныхъ брошюрахъ; всѣ вопросы религіи, совѣсти, искусства и науки разрѣшаются на основѣ постановленій послѣдняго партійнаго «съѣзда», а честолюбивые вожаки почитаются, какъ вожди и пророки. Партійная политика становится единственнымъ источникомъ жизни и свѣта.

Итакъ, духъ партійности *извращаетъ все міросозерцаніе человека, подчиняя все партійной пользѣ и насаждая въ душахъ неискоренимую пошлость.*

Понятно, что въ эмиграціи, гдѣ нѣтъ ни власти, изъ-за которой партіи борются, ни народа, который онѣ стараются увлечь и поднять подъ себя, — вовлеченіе въ партійность является особенно *празднымъ и вреднымъ дѣломъ.* Готовить для будущей Россіи мы должны именно не партійный духъ, а національный, патріотическій и государственный.

И. А. Ильинъ.

IV. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОВОКАЦИИ.

(Правила и совѣты).

1. Если ты ведешь политическую борьбу, то ты долженъ крѣпко и зорко обдумывать свои поступки. Выбирая средства въ борьбѣ, ты долженъ руководиться не чувствами и настроеніями, а наблюденіемъ, анализомъ и волею; *надъ* ними остается только совѣсть и честь, ибо ставъ безсовѣстнымъ и безчестнымъ ты станешь ненуженъ ни своему *дѣлу*, ни своей борьбѣ.

2. Помни всегда, что ты—отвѣтственный «стратегъ» и «тактикъ»; и что стратегія не порывъ, а тактика не эксцессъ. Не обдуманые порывы, легкомысленные эксцессы *всегда вредны дѣлу*; а могутъ и прямо погубить его. Поэтому помни, что такіе эксцессы нужны не твоему *дѣлу*, а твоимъ *врагамъ*.

3. Продумай разъ навсегда, что служба дѣлу добра и духа, ты борешься съ дѣломъ сатаны, и что эти два дѣла противостоятъ другъ другу. Поэтому: все, что вредитъ твоему дѣлу, — полезно сатанѣ; всякая неудача твоя, неосторожность, неразсчетливость, глупость, безтактная выходка, болтовня—все служить ему и его дѣлу. Додумай все это до конца и не ссылайся въ свое оправданіе на то, что тебя «обуреваютъ чувства», что у тебя «темпераментъ», или что ты «усталъ ждать». Умѣй дисциплинировать себя; иначе — ты не годишься для борьбы *).

*) См. мои статьи «О политической работѣ» и «Какъ хранить тайну» въ № 1 «Русскаго Колокола».

4. Помни: врагъ твой золь, коварень, изобрѣтателень; онъ все время *пробирается къ тебѣ въ тылъ* и работаетъ надъ его разложеніемъ. Ему необходимо: распознать твои планы и намѣренія; затруднить тебѣ борьбу за существованіе; замаскировать себя, т. е. внушить тебѣ, что онъ «силенъ», «удачливъ» и имѣетъ «благія намѣренія»; посѣять въ твоихъ рядахъ смуту, уныніе и, особенно, *безцѣльныя распри*; сорвать твою волю и выдержку; завладѣть твоимъ довѣріемъ; и, главное — *вовлечь тебя въ неподготовленныя, неумѣло ведомыя, заранее обреченныя предпріятія*. Онъ всегда *провоцируетъ* тебя; помни это и не поддавайся его провокаціи.

5. Организуя провокацію, врагъ всегда ищетъ людей легко-вѣрныхъ, глупыхъ, неумѣющихъ распознавать другихъ, неопытныхъ въ конспираціи, и особенно *тщеславныхъ и безхарактерныхъ* (одно стоитъ другого). Помни, разъ поддавшись на провокацію, повѣривъ и подчинившись вліянію, — *ты самъ оказываешься въ положеніи провокатора*; правда, не по злой волѣ, а по глупости и легкомыслію; — но дѣлу отъ этого не легче.

6. Провокація всегда зловредна для дѣла, идетъ ли она прямо отъ врага или черезъ неумнаго и тщеславнаго единомышленника. Ея основная задача: *разрядить твою энергію въ условіяхъ невыгодныхъ или гибельныхъ для твоего дѣла* (не тамъ; не тогда; съ вѣдома врага; при невыгодномъ соотношеніи силъ) — и тѣмъ сорвать твою силу и сопротивляемость. Но она вредитъ и послѣ разоблаченія, вызывая уныніе, невѣріе въ свои силы, взаимную подозрительность и *преувеличенную оцѣнку вражьей силы и осведомленности*.

7. Поэтому, если ты дѣйствительно ведешь борьбу — живи бережно; не распускай вниманія; *не довѣрайся зря*; не ходи къ врагу *болтать* и не воображай, что ты легко перехитришь его, ибо, *спровоцировавъ тебя на болтовню*, онъ уже *перехитрилъ* тебя. Зорко береги тылъ своей организаціи и тылъ своей души. Не позволяй людямъ вовлекать тебя и твоихъ единомышленниковъ въ эксцессы. Не позволяй людямъ играть съ твоей совѣстью (укоромъ, подстрекательствомъ, дразнящимъ намекомъ, склоненіемъ къ глупой и вредной откровенности); или зря разжигать твой активизмъ и героизмъ. Владѣй собою. Не растрачивай силъ. Не компрометируй дѣла. Учись обезвреживать провокацію врага; въ этомъ условіе побѣды.

Старый политикъ.

V. О БОРЬБѢ И СМЕРТИ.

(Для памяти).

Думаю, что благодать Духа Божія скорѣе исполняетъ тѣхъ, кои отъ всего сердца вступаютъ въ подвигъ.

Антоній Великій.

Съ раздвоеннымъ сердцемъ никто не можетъ сражаться на войнѣ Господней.

Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ.

Если и умрешь, не будешь побѣжденъ, но тогда-то и одержишь совершенную побѣду. Земля не приняла тебя въ свои граждане, но приметъ небо.

Василій Великій.

Человѣку не слѣдуетъ жаловаться на свое время, изъ этого ничего не выйдетъ. Время плохо, ну что же, для того онъ и живетъ, чтобы сдѣлать его лучше.

Карлейль.

Мужество не въ томъ, чтобы сослѣпу незамѣчать опасность, но въ томъ, чтобы видѣть ее и преодолевать.

Жанъ Поль.

Надо не просто дѣйствовать, но дѣйствовать съ увѣренностью, что успѣхъ зависитъ именно отъ тебя и только отъ тебя самого.

Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Важно, чтобы ты жилъ хорошо; не важно, чтобы ты жилъ долго.

Публилій Сиріецъ.

Жить стоитъ только тѣмъ, за что стоитъ бороться и умереть.

* * *

Тотъ, кто не боится смерти, тотъ ничего не боится.

Джорджъ Эллиотъ.

Меньше всего боятся смерти тѣ, жизнь коихъ наиболѣе драгоценна.

Кантъ.

Вамъ страшнѣе произнести мой смертный приговоръ, чѣмъ мнѣ — выслушать его.

Джордано Бруно (судьямъ инквизиціи).

Кто отрекается отъ самого себя, того всѣ покидаютъ. Если народъ отчаивается въ себѣ самомъ, то въ немъ отчаивается и міръ; исторія хранить о немъ вѣчное молчаніе.

• *Ардтъ.*

Начинай! Только этимъ ты сдѣлаешь невозможное возможнымъ.

Карлейль.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. Побѣдитъ правое дѣло. Редакторъ	3
2. Армія. П. Н. Красновъ	8
3. Будущее русскаго крестьянства. И. А. Ильинъ	14
4. Аріонъ Пушкина. Н. Н. Ильина	22
5. Борьба за душу русскаго народа. Н. С. Арсеньевъ	28
6. Великіе строители Россіи. 2. Московскіе князья собиратели. И. И. Лаппо	34
7. Судьбы русскаго хозяина. В. П. Рябушинскій	44
8. О русскомъ фашизмѣ. И. А. Ильинъ	54
<hr/>	
I. Войны Россіи. Б. А. Никольскій	65
II. Россія въ міровомъ хозяйствѣ прежде и теперь. В. Ф. Гефдингъ	72
III. Ядъ партійности. И. А. Ильинъ	78
IV. О политической провокаціи. Старый Политикъ	81
V. О борьбѣ и смерти	83

Изданіе Акц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньщиковъ, бар. В. Д. Дризенъ, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливенъ, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Нолькенъ, М. Первухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

Вышла изъ печати четвертая книга

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Матеріалы собранные и разработанные Барономъ П. Н. Врангелемъ Герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ и Свѣтл. Княземъ А. П. Ливеномъ

Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе

Содержаніе: Е. К. Миллеръ — Борьба за Россію на Сѣверѣ. Г. Е. Чаплинъ — Два переворота на Сѣверѣ. Н. Бѣлогорскій — Въ дни Каледина. Д. Н. Потоцкій — На Дону. Е. О. Емельяновъ — Воспоминанія добровольца. П. Н. Шатиловъ — Памятная записка о Крымской эвакуаціи. Н. А. Андрушкевичъ — Послѣдняя Россія. И. С. Коноплинъ-Горный — Крестоносцы. В. П. Агапьевъ — Корпусъ генерала Довборъ-Мусницкаго. Н. Д. Нелидовъ — Заговоры въ Петроградѣ. Документы: Объявленія и сообщенія Верховнаго Управленія Сѣверной областью. Переходъ Семеновскаго Полка. Приложение: Указатель книгъ и статей по исторіи Бѣлой Борьбы.

Цѣна книги: 1,75 доллара.

Редакція: Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV

Складъ: „Градъ Китежъ“, Berlin W62, Kleiststrasse 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Изданія Акц.-О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43

„ П Е Р Е З В О Н Ы “

№ 28 — Москвѣ, № 29 — И. Е. Рѣпину, № 31 — Балканской Освободительной Войнѣ, № 32 — Пскову и Новгороду (ко Дню Русской Культуры), № 33 В. Перову и С. Лиссиму, № 34 — Волгѣ, № 35 — Кіеву, № 36 — Сѣрову, № 37 — Венеціанову и Федотову, № 38 — Крыму, № 39 — (гот. къ печ.) Отечественной Войнѣ 1812 г. (къ 115 годовщинѣ). Цѣна номера — Лс. 1,—, заграницей — 25 ам. цент.

КОМПЛЕКТЫ „ПЕРЕЗВОНОВЪ“:

за 1926 г. (№№ 9—27) — Лс. 18,—, заграницей — 4,50 амер. долл.
за 1925 г. (№№ 1—8) — Лс. 6,—, заграницей — 1,50 амер. долл.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 6595

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;
для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :
Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.

Buchdruckerei Sinaburg u. Co., Berlin SW 68.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 4

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Россіи нужна прежде всего національная интеллигенція, религіозно обновленная и государственно мыслящая. Только ей можетъ открыться великая — христіанская и патриотическая идея Россіи; только она сможетъ воспитать въ народъ ту великую силу воли, которая необходима для осуществленія этой идеи.

Каждый изъ насъ долженъ работать надъ собою въ этомъ направленіи: вынашивать вѣрную, глубокую и ясную идею и готовить въ себѣ сильную, гибкую и умѣлую волю. Основная задача «Русскаго Колокола» состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать этому творческому процессу.

Для этого нашъ журналъ даетъ статьи и матеріалы. Ихъ не стоить «просматривать» или «пробѣгать глазами»; напрасно искать въ нихъ развлеченія и легкаго чтенія. Они требуютъ вниманія и, главное, разсмотрѣнія каждого отдельнаго вопроса по существу.

Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно, вдвоемъ, втроемъ или въ кружкѣ единомышленниковъ. Почти каждая статья можетъ замѣнить очередной рефератъ; и почти каждая статья требуетъ принципиальнаго рѣшенія, которое лучше всего принимать совместно.

Особаго вниманія требуютъ матеріалы и инструкціи, помещаемыя во второй части журнала. Ихъ назначеніе — вооружить мысль и волю русскаго патриота. На какомъ бы посту онъ ни оказался впоследствии въ обновленной Россіи, — учителя, офицера, чиновника, агронома, журналиста, кооператора, — онъ найдетъ здѣсь необходимыя для него свѣдѣнія, формулы и указанія.

Редакція ждетъ отъ всѣхъ читателей-единомышленниковъ прямыхъ откликовъ, запросовъ и пожеланій. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и такъ или иначе учтенъ. Всѣ вопросы и обращенія, имѣющіе общій интересъ, будутъ находить редакціонный отвѣтъ во второй части журнала.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 4

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

СПАСЕНИЕ ВЪ КАЧЕСТВѢ.

Вѣримъ и знаемъ: придетъ часъ и Россія возстанетъ изъ распада и униженія и начнетъ эпоху новаго расцвѣта и новаго величія. Но возродится она и расцвѣтетъ лишь послѣ того, какъ русскіе люди поймутъ, что *спасенія надо искать въ качествѣ!*...

Всмотримся въ пути и судьбы Россіи; задумаемся въ ея крушеніе и униженіе... И вы увидите, что всѣ основныя затрудненія ея — были отъ *объема и количества*. На протяженіи вѣковъ вся бѣда наша, вся опасность наша состояла въ томъ, что судьба навязывала намъ *неисчерпаемое обиліе*, — обиліе пространствъ, племенъ и людей, — *и не давала намъ времени* для того, чтобы *проработать* это обиліе, *овладѣть* имъ, *извлечь изъ него скрытыя силы* и *довести ихъ до качественного расцвѣта*... Не мы брали это обиліе; оно само навязывалось намъ, — напирая на насъ угрозами и опасностями, огнемъ и мечомъ, игомъ и голодомъ *). На протяженіи своей исторіи Россія какъ бы задыхается въ этой борьбѣ съ *объемомъ и количествомъ*: начиная отъ южныхъ степей — и кончая сѣверными лѣсами; начиная отъ монгольскихъ нашествій — и кончая небывалымъ фронтомъ послѣдней войны; начиная отъ ста шестидесяти племенъ и нарѣчій, — и кончая аграрнымъ перенаселеніемъ нашихъ дней. Россія могла существовать только втягивая, включая въ себя это обиліе, разбрасывая по нему свои силы и *перенапрягаясь* въ этомъ разбрасываніи; избывая одну бѣду для того, чтобы встрѣчать другую, стучащуюся въ ворота; и вѣчно опаздывая, отставая отъ *сосѣдей*...

Вотъ почему мы всегда были *не готовы* и шли «на авось»: и «авосевы города стояли негорожены...» Вотъ почему мы никогда не могли предусмотрѣть *всѣхъ* опасностей и привыкали

*) См. статьи, помѣщенные въ «Русскомъ Колоколѣ»: въ № 1 «Русская территорія» и «Населеніе Россіи»; въ № 2 — «Историческое бремя Россіи»; въ № 3 «Войны Россіи».

утѣшаться успокоительнымъ и безпечнымъ «небось». Вотъ почему намъ всегда было *не до качества*: хоть «какъ-нибудь» — да «быть бы живу...»

Русская душа и доселѣ еще не поняла и не осмыслила, какой соблазнъ, какую отраву она впитала въ себя вмѣстѣ съ этой идеей *безкачественнаго обилія и объема*. Мы и теперь еще не научились тому, что «много» и «здорово» — не значить *хорошо*; что «вольная волюшка» и «безудержъ» — не то же, что *свобода*; что человѣкъ съ «широкой» и «сильной» натурой — можетъ быть и *золъ*, и *вреденъ*; что не все можно прощать человѣку за «размахъ» и за «удаль»... Кого и когда удалось намъ «закидать шалками»? и почему мы всегда крестимся лишь послѣ того, какъ грянетъ громъ? Гдѣ-то въ глубинѣ души у русскаго человѣка живетъ смутная, но твердая увѣренность, что качество ему «не нужно»; что это — «заморская выдумка»; что при «нашемъ» обиліи и при «нашей» даровитости — мы безъ ученья и безъ старанья, безъ умѣнья и безъ навыка «по свѣду» «справимся» и даже «еще лучше выйдетъ». Вотъ почему и аграрный вопросъ мы все думали разрѣшить количественно, — чтобы у одного стало «больше», а у другого «меньше»... *) Вотъ почему и теперь иные, ослѣпленные «объемомъ» и соблазненные «размахомъ» планетарныхъ коммунистовъ, готовы закрыть себѣ глаза на *сатанинское качество* ихъ работы...

Да, въ нашей прошлой исторіи намъ не хватало ни времени, ни силъ на *качество*: на спокойную и сосредоточенную культуру; на возвращеніе и творческое оформленіе нашей *природной даровитости*; на воспитаніе и укрѣпленіе *національнаго характера*; на созданіе *интенсивнаго*, технически совершеннаго *земледѣлія* и *промысла*; на усовершенствованіе политической и бытовой *организации жизни*. И потому почти все, что мы создавали, мы создавали не культурою, а нашей первобытной, естественной даровитостью. И тамъ, гдѣ западный европеецъ нерѣдко извлекалъ многое изъ малаго дара, въ Россіи и большая одаренность обычно шла прахомъ...

Культивировать наше качество, наши душевные и естественные дары, — мы начали, строго говоря, лишь въ девят-

*) См. статью В. А. Косинскаго «О русскомъ малоземеліи».

надцатомъ вѣкѣ. Сто лѣтъ... Мы только успѣли начать; мы едва приступили къ осмысленію и собиранію нашихъ, какъ бы въ торопяхъ создававшихся сокровищъ; мы только успѣли опомниться и заговорить. И еще не научившись цѣнить качество, еще не осмысливъ ни своего призванія, ни своихъ духовныхъ силъ, мы создали *великое* — и въ словѣ, и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ знаніи; мы начали создавать *превосходное* и въ техникѣ, и въ промышленности, и въ быту; и тутъ же, не умѣя цѣнить эти достиженія, поспѣшили *нигилистически отречься* отъ нихъ въ *толстовствѣ*, и въ *революціи*.

Это не случайно, что именно *нигилизмъ*, отвергнувшій качество, провозгласившій сниженіе, упрощеніе и возвратъ къ первобытности, — что именно онъ вскормилъ и подготовилъ *чисто количественный паѳосъ революціи*. Ибо сущность революціи состоитъ какъ разъ въ *отрицаніи духовнаго качества* и въ *количественномъ* перераспредѣленіи благъ (черный передѣлъ, квартирный передѣлъ, «изъятіе», «пайки», «конфискація»).... Революція есть живой и свирѣпый *врагъ качества*, врагъ «высшихъ способностей», врагъ всякаго превосходства и преимущества; она хочетъ *равенства* и для этого совлекаетъ, снижаетъ, развращаетъ, кощунствуетъ и разрушаетъ. Революція есть *духовное заболѣваніе*: въ этой болѣзни люди слѣпнутъ для *духа* и *качества*, и начинаютъ поклоняться *матеріи*, *грубой силѣ*, *объему*, *числу* и *размаху*. И именно потому они начинаютъ съ вызовомъ *попирать всякое истинное качество*: творятъ зло, насаждаютъ ложныя ученія, создаютъ уродливое и отвратное искусство, и вырабатываютъ въ хозяйствѣ дрянной, никому ненужный продуктъ. И этимъ они только изобличаютъ творческую немощь количественнаго паѳоса и *священную необходимость качества*.

Ясно, что духъ революціи овладѣлъ русскими людьми не случайно: ибо *теоретическій нигилизмъ революціонеровъ имѣлъ свои корни въ душевномъ укладѣ простого народа*. Отъ пренебреженія къ качеству не такъ ужъ далеко до презрѣнія къ нему и *отрицанія* его; и того, кто склоненъ все прощать за «размахъ» и «удаль», того неизбѣжно должны были покорить «удаль» и «размахъ» міровыхъ злодѣевъ. То, что было первоначально *бѣдою*, и что потомъ вызвало народную утомленность, безнадежность и *безпечность* — стало плоскою и ядовитою *идеєю* нигилизма; и на эту идею слетѣлись отовсюду

вѣроны, люди злого паѣоса, для того, чтобы возглавить просто-народную утомленность и безпечность — міровымъ *преступленіемъ* . . .

Всмотритесь же въ пути и судьбы Россіи; вдумайтесь въ ея крушеніе и униженіе! И вы увидите, что русскому народу есть только одинъ исходъ и одно спасеніе — въ возвращеніи къ *качеству* и къ его культурѣ. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены; и количественныя иллюзіи на нашихъ глазахъ изживаются до конца.

Что дала революція русскому народу? Избіеніе и вымираніе лучшихъ людей — самыхъ честныхъ, патріотичныхъ и храбрыхъ; невѣроятное паденіе жизненнаго уровня, — умственнаго, нравственнаго, бытового и трудового; разрушеніе интенсивнаго хозяйства и растрату безчисленныхъ матеріальныхъ сокровищъ. Иными словами: *гибель лучшаго*. И видя это, и разумѣя это, кто изъ насъ не спрашивалъ себя за эти годы: — да могли ли самые лютые, заклятые враги Россіи хотѣть чего-либо иного? и кто эти люди, совершившіе въ Россіи это *качественное опустошеніе*? откуда они? и какъ могъ поддаться ихъ навѣтамъ и соблазнамъ русскій народъ? . . О, этотъ трагическій путь отъ утомленія къ соблазну и отъ безпечности къ преступленію! . . Да будетъ же онъ отмѣченъ въ русской исторіи *въ послѣдній разъ!*

Послѣ революціонной ставки на жадность, на зависть, на слѣпоту, на труса и на подлеца — Россію спасетъ только *ставка на качество*. Изъ хаоса, изъ оскудѣнія, изъ упрощенія, изъ растраты и разложенія — есть одинъ только путь: къ сосредоточенной концентраціи, къ интенсивному труду, къ волевой дисциплинѣ, къ подъему уровня, къ *отбору и выдвигенію лучшихъ силъ*. Чтобы возродить Россію — мало «сбросить большевиковъ»; это элементарно и безспорно; но это близоруко и безъидейно. Надо *творчески развязать качественныя силы Россіи!*

Нынѣ наша родина нуждается прежде всего въ *честной вѣрности*. — Что могутъ построить безчестныя и продажныя руки? Революція уже дала отвѣтъ на это . . .

Россіи нужны *опытъ* и *умѣніе* — во всѣхъ областяхъ: отъ генеральнаго штаба до коопераціи, отъ торговли до полиціи. — Или недостаточна еще была вся наша расплата за безпомощность революціонныхъ самознаекъ? . .

Россія будетъ голодать по *знающимъ и работоспособнымъ* людямъ — на всѣхъ поприщахъ: отъ бухгалтеріи до медицины, отъ агрономіи до профессуры. — Революція сама перевернула страницу невѣжества и трудового обмана...

Россіи необходимы *воля и талантъ*. Ихъ нельзя ничѣмъ замѣнить; ибо талантъ — творить новое, а воля — строить и держать народную жизнь. — Революція навсегда скомпрометировала партійность и партійный отборъ; и новый отборъ долженъ быть *дѣловымъ, предметнымъ, а не партійнымъ!*

Дорогу честности!

Дорогу знанію и таланту!

Дорогу *русскому гению!*

Качество необходимо Россіи: вѣрные, волевые, знающіе и даровитые *люди*; крѣпкая и гибкая *организация*; напряженный и добросовѣстный *трудъ*; выработанный, первосортный *продуктъ*; высокій *уровень жизни*.

Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родинѣ, эпоха, которая довершила бы все, упущенное за время перегруженности и безпечности; которая исцѣлила бы, заростила бы всѣ язвы революціоннаго времени. Эта эпоха близится и настаетъ; въ томъ порукою — природная даровитость и духовная гениальность русскаго народа.

И нынѣ: вѣрить въ русское національное возрожденіе — значитъ вѣрить въ *грядущую побѣду качества*; въ побѣду вѣрности надъ предательствомъ, знанія надъ невѣжествомъ, труда надъ хищеніемъ, воли надъ страстью; — вѣрить въ побѣду *божественныхъ* силъ человѣка надъ *сатанинскими*...

И готовить возстановленіе Россіи — значитъ прежде всего готовить *себя самого къ качественному служенію родинѣ*: готовить свой характеръ, свое разумѣніе, свое чувство, свою *волевою идею*.

Имя этой волевой идеи — **русское качество.**

Вѣримъ и знаемъ: придетъ часъ и. Россія возстанетъ изъ распада и униженія и начнетъ эпоху новаго величія. И эпоха эта будетъ стоять подъ знакомъ нашей волевой идеи!

Редакторъ.

КАЗАКИ, ИХЪ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ.

«И нынѣ-же мы должны сказать себѣ и другъ другу, въ чемъ нуждается наша Родина? Чего она требуетъ отъ насъ»?... «Что мы должны дѣлать въ будущемъ для того, чтобы никогда болѣе не повторились эти годы смятенія и крушенія»...

«Русскій Колоколъ» № 1, стр. 4.

Россія сегодняшняго дня — домъ въ огнѣ, жилище, захваченное умалишенными: все вынесено изъ комнатъ, поломано, истреблено, составлено, какъ не надо. Въ спальную вдвинуть буфетъ, въ прихожей разставлены кровати, кухонная посуда стоитъ на роялѣ... Но хозяева дома не вѣрятъ, что это всегда такъ и останется. Хозяева — Русскіе — знаютъ, что будетъ погашенъ пожаръ, уберутъ, выгонятъ сумасшедшихъ изъ квартиры и можно будетъ приступить къ уборкѣ, къ разстановкѣ мебели и вещей, такъ, какъ слѣдуетъ.

Въ предвидѣніи этого возникаютъ гаданія: — какъ разстановливать? Такъ, какъ было раньше, когда «мы» такъ спокойно жили (реставрація)? Или такъ, какъ было давно, давно, при дѣдушкахъ и бабушкахъ, когда не было ни водопровода, ни электрическаго освѣщенія, ни телефона (евразійцы)? Или совсѣмъ по новому, порвавъ съ укладомъ родителей, создавъ изъ одной большой, общей квартиры нѣсколько самостоятельныхъ, маленькихъ съ общими дверями, а то и безъ дверей, съ глухими переборками (федералисты)?

Что гаданія эти существуютъ, показываетъ, между прочимъ, лежащая передо мною «Анкета о казакахъ», составленная войсковыми атаманами Дона, Кубани и Терека и правленіемъ Казачьяго союза. Въ ней говорится:... «въ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь на Родинѣ и на чужбинѣ, десять лѣтъ — срокъ большой, и на рубежѣ его мысль казаковъ углубляетъ

ся въ прошлое, отдаваясь не только воспоминаніямъ, но и продумывая все до конца, пытаюсь осмыслить минувшее и сдѣлать изъ него правильные выводы, — старается пытливо заглянуть въ будущее, угадать, сохранится ли въ будущей новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь, въ какихъ формахъ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ».

«Какъ расцѣнивается казаками и ихъ соотечественниками неказаками прошлое казачества — и старѣйшаго Юго-Восточнаго, «вольнаго», три вѣка назадъ осуществлявшаго въ своей казачьей жизни широкія начала народоправства, братства и равенства и вернувшася къ этимъ порядкамъ послѣ февральской революціи, — и тѣхъ казачьихъ войскъ, служилыхъ, которыя были образованы въ XIX столѣтіи?»

«Въ чемъ были сильныя и въ чемъ слабыя стороны казачества? Какова его будущность? . . .»

Гадать о будущемъ, заниматься предсказаніями этого будущаго, быть «пророкомъ» — задача неблагодарная и невыгодная. Однако, внимательное изученіе прошлаго казаковъ (да и не однихъ казаковъ, а вообще жизни людей, человѣческихъ обществъ и ихъ взаимоотношеній) и разсмотрѣніе того, что казаки изъ себя въ настоящее время представляютъ, до нѣкоторой степени, даетъ возможность предъугадать, что будетъ съ казаками, если будетъ то, или другое . . . Будущее казаковъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Ихъ судьбы — въ ихъ рукахъ.

Разсмотрѣніе прошлаго, изученіе исторіи казаковъ говорить: — всякія *права* вытекаютъ изъ исполненія тѣхъ или другихъ *обязанностей*. Несеніе этихъ *обязанностей*, принесеніе отъ себя опредѣленной *жертвы* Государству — давало казакамъ большія или меньшія *права*; выдѣляло ихъ изъ общей массы Россійскихъ гражданъ, обособляло ихъ и создавало имъ, съ одной стороны, болѣе тяжелую, чѣмъ у другихъ русскихъ жизнь (*обязанности*), — съ другой стороны дѣлало эту жизнь богаче, обеспеченнѣе, свободнѣе и привольнѣе, чѣмъ жизнь остальной части Русскаго народа (*права*).

Говорить о *правахъ*: — о *народоправствѣ* (т. е. управленіи своимъ кругомъ, или радю при посредствѣ выборнаго атамана), о *братствѣ и равенствѣ*(?), — не вытекающихъ изъ несенія *обязанностей*, подчасъ очень тяжелыхъ и непріятныхъ — это чистая *демагогія*. — Казаки на горькомъ опытѣ 1917 года и своего настоящаго положенія, должны понять въ какой ту-

пикъ, къ какимъ великимъ несчастіямъ эта демагогія приводитъ.

Обратимся къ дальнему, дальнему прошлому казаковъ... Времена легендарныя, богатырскія. Русскій эпосъ... На охранѣ земли Русской (Кіевской), по ея границамъ-украинамъ — стояли богатырскія заставы. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ — герои народного эпоса, защищали Русскую землю отъ несмѣтной силы татарской (*врага внѣшняго*), отъ Соловья Разбойника (*врага внутренняго*), отъ Идолица поганого — (защита быта и вѣры православной). Историкъ Соловьевъ пишетъ: — «быть, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, съ подвигами казаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, разнящіяся только именемъ, но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, наприимѣръ, Илью Муромца старымъ казакомъ» *).

Старинная пѣсня казачья величаетъ Илью Муромца донскимъ атаманомъ:

«Помутился весь тихій Донъ,
Помѣшался весь казачій кругъ,
Что не стало у нихъ атамана,
Что стараго казака, Ильи Муромца»... **).

Былинный эпосъ говоритъ намъ о пирахъ богатырей съ Кіевскимъ княземъ, объ ихъ княжескомъ пожалованіи, о прощеніи «грубостей» пьяному Ильѣ: — *права*; они признаются за великую службу на богатырскихъ заставахъ: — *обязанности*.

Старинная казачья пѣсня про Ермака поетъ о томъ, что за Царемъ служба казачья не пропадаетъ. Описывая взятіе казаками города Казани, она заключаетъ: —

«Ермакъ тремя стами казаками городъ взялъ,
Городъ взялъ онъ Казань и Царю отдалъ,
Избавилъ Ермакъ войско Царское отъ урона,
За то Царь пожаловалъ Ермака княземъ
И наградилъ его медалью именною,
Да подарилъ Ермаку славный, тихій Донъ
Со всѣми его рѣчками и проточками»... ***).

На окраину Русскаго (Московского) государства «полюковать» (отъ «поля») — шли Русскіе люди своею охотою и по са-

*) Соловьевъ, т. XIII, стр. 166.

**) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.

***) Пѣсни, собранныя Пивоваровымъ.

мымъ различнымъ причинамъ. Одни шли потому, что въ нихъ «сила по жилушкамъ живчикомъ переливалась» — надо было въ лихой охотѣ за звѣремъ, въ схваткѣ съ татаринѣмъ или туркомъ дать ей исходъ; или, ища подвига ратнаго, искали и добычи, шли «зипуны добывать . . .»

Другіе шли потому, что ихъ судьба такъ прикрутила, что имъ было: — «либо въ стремя ногой, либо въ пень головой . . .» Шли отъ нищеты, отъ преслѣдованія властей за совершенныя преступленія, бѣжали отъ помѣщиковъ на вольную жизнь. Наконецъ, третьи шли отъ преслѣдованій за «старую» вѣру.

Русскіе разбредались по границамъ и шли за границу: — на югъ, востокъ и сѣверъ, къ Ледовитому океану, неся въ себѣ и продвигая съ собою и царство Русское. — Историкъ «Терскихъ казаковъ» Ив. Попко пишетъ: «куда ни забредутъ Русскіе люди, хотя-бы *«самодурью»*, безъ видимой государственной цѣли, туда придетъ и Русское царство (Иртышъ и Ермакъ, Кубань и Некрасовъ, Терекъ и рязанскіе казаки) . . .» Не даромъ китайцы говорятъ, — что «граница Россійскаго государства лежитъ на арчакѣ казачьяго сѣдла . . .»

Сначала царская, центральная, Русская власть, *терпѣла* — это выдвигеніе въ «поля» и степи охочихъ людей, которые, хотя и дѣлали многія «грубости», творя разбои по рѣкамъ и дорогамъ, но за то и *охраняли государственныя границы*, являясь какъ бы *вольной пограничной стражей*.

Потомъ, разобравшись въ государственной пользѣ отъ существованія этихъ самостоятельныхъ казачьихъ общинъ, управляемыхъ своими выборными атаманами, — общинъ далекихъ отъ понятія «республики», ибо общинъ, исключительно *воинскихъ*, — центральная власть наложила на нихъ *обязанности*, обязала ихъ *службою*: — провожать и охранять пословъ, посылаемыхъ въ Константинополь черезъ степи по Дону, вести развѣдку среди азовцевъ, ногайцевъ, кубанцевъ и калмыковъ и охранять границы Московскаго царства.

За эту службу: — конвойную, развѣдывательную и охранную, — центральная власть сохранила за казаками права ихъ жить по занятымъ ими рѣкамъ (земли), права управляться атаманами и кругомъ («образъ служенія» казаковъ государству), прощало ихъ грабежи и поиски и, наконецъ, жаловало ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

Такъ, при болѣе тѣсномъ строительствѣ, чѣмъ въ Кіевскій періодъ, — съ Московскою властью опредѣлились права казаковъ, вытекшія изъ ихъ обязанностей.

Цари Московскіе сносились съ казаками грамотами: — «.... На Донъ, Донскимъ Атаманамъ и казакамъ, старымъ и новымъ, которые нынѣ на Дону и которые зимуютъ близко Азова». Жалованье посылалось казакамъ за опредѣленную службу: — «... А нынѣ — есмя къ вамъ жалованье которые ходили атаманы і казаки подъ Калміусъ, послали селитру и свинець, а впередъ васъ, своимъ жалованьемъ хотимъ пожаловать» (т. е. за *развѣдку*)... Далѣе: — «дождаться посла изъ Турціи и проводить до Рязскаго города» (*конвойная служба*). «А которые останутца низовые атаманы отъ Азова до Раздоровъ, и вы-бъ ихъ імяна, хто імянемъ атаманъ, и сколько съ которымъ атаманомъ казаковъ останетца, тобъ есте імянно переписавъ, дали писмо посланнику нашему... А мы къ нимъ впередъ, на веснѣ рано, свое жалованье пришлемъ...» *) (*Гарнизонная, пограничная служба*).

Когда, слѣдуя за казаками, *сливаясь съ ними*, Русское государство дошло до естественныхъ рубежей — Азовскаго и Чернаго морей и Кавказскаго хребта — прежняя служба казаковъ должна была измѣниться. Они могли, или слиться съ населеніемъ пришлымъ, сгустившимъ, уплотнившимъ населеніе окраинъ, стать *гражданами*, переставъ нести особыя обязанности и за то утративъ и свои особыя права, какъ то вышло съ Малороссійскими слободскими казаками, или, продолживъ несеніе особыхъ обязанностей, сохранить за собою и особыя казачьи права.

Провожать пословъ не приходилось, развѣдывать дальше было нечего, сторожевая служба отпала. Но по взаимному, *не писанному договору* казаки взяли на себя обязанность *выставлять свои казачьи* (преимущественно конные) *полки въ нужныя государству мѣста*, нести *службу* въ новыхъ краяхъ «по линіи» въ Грузіи, выставлять отъ себя *воинственное населеніе* на новыхъ «линіяхъ» — Сибирской, Оренбургской — рубить тамъ «городки» и *охранять границы* Русской земли. Въ случаѣ же войны, или смуты *подниматься вѣсѣмъ войскомъ* *поголовно* и быть *коннымъ авангардомъ Россійскихъ армій*. На ка-

*) Грамота царя Θεодора Іоанновича 31 авг. 1584 г. — С. Г. Святиковъ «Россія и Донъ» стр. 29, 47 и 48.

заковъ легли сложныя, многотрудныя, требующія пота и крови, полныя тяжелыхъ лишеній *обязанности*.

За несеніе этихъ *обязанностей* казаки получили *подтвержденіе своихъ правъ* въ цѣломъ рядѣ императорскихъ грамотъ.

Императоръ Александръ I послѣ Отечественной войны писалъ въ грамотѣ: «Донское наше войнство въ минувшую съ французами войну усердіемъ, подвижностью и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ нашей арміи было толь поспѣшное и скорое, которое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и cadaго одушевляетъ и движетъ...»

Въ грозную годину вторженія Наполеоновыхъ полчищъ, грозившихъ самой самостоятельности государства, казаки принесли себя въ жертву Россіи: — они выставили «поголовное ополченіе въ знатныхъ силахъ». Эту жертву они принесли *добровольно, съ полною охотою*. Ихъ всѣхъ воодушевляла «ревность къ исполненію долга своего». За эти *жертвы*, за эти ревностно исполненныя передъ Россіей *обязанности* со стороны центральной власти послѣдовало въ той же грамотѣ подтвержденіе за казаками ихъ правъ: — «въ довершеніе всемилостивѣйшаго благоволенія Нашего къ Донскому войску. Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Божѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія *) толикою славою покрытаго; неприкосновенность всей окружности его владѣній со всѣми выгодами и угодіями, грамотами любезнѣйшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія 27 маія 1793 г. и Нами въ 1811 году августа въ 6-й день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровію отцовъ его прибрѣтенную...»

Т. е. права на земли — и не малыя. Тогдашній казачій душевой надѣлъ колебался отъ 24 до 36 десятинъ, при чемъ казаки были свободны, а все остальное земледѣльческое сословіе въ Россіи пребывало въ крѣпостномъ состояніи. Кромѣ того

*) Въ своихъ казачьихъ полкахъ, со своими начальниками, преимущественно конная и поголовная: — тутъ совмѣщались вмѣстѣ и *права*: — сохраненіе своего быта, и *обязанности*: — болѣе тяжелаго чѣмъ для остальнаго населенія воинская повинность.

оставались еще и обширные войсковые земельные запасы. Такъ: ревностное исполненіе казаками своихъ обязанностей передъ центральною властью закрѣпило за ними права на ихъ земли, со всѣмъ, что на нихъ находится: — съ земельными нѣдрами и рѣчными, рыбными промыслами.

Уклонялись казаки отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, несли ихъ небрежно и сейчасъ же это отзывалось на урѣзаніи ихъ правъ, стѣсненіи ихъ свободы.

Въ 1837 году Государь Николай Павловичъ, возвращаясь съ Кавказа изъ Грузіи, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ посѣтилъ войско Донское и произвелъ подъ Новочеркасскомъ смотръ казачьимъ полкамъ. Смотръ былъ неудачный. Дулъ холодный вѣтеръ, поднимая и крутя столбы пыли. Люди полевыхъ полковъ не равнялись, офицеры и урядники не знали своихъ мѣстъ, лошади были очень плохи, казаки скверно ѣздили и были грязно и неряшливо одѣты.

Государь сказалъ атаману Власову — природному донскому казаку: — «я ожидалъ видѣть двадцать два полка казаковъ, а вижу какихъ то мужиковъ! Никто не имѣетъ понятія о фронтѣ. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!»

Правительство усмотрѣло въ этомъ, что казакъ-атаманъ не можетъ заставить казаковъ выполнять ихъ обязанности и лишило ихъ атамановъ-казаковъ. Оно сдѣлало это мягко, тактично, не рѣзко и незамѣтно. Когда въ 1848 году атаманъ Власовъ скончался отъ холеры, на его мѣсто былъ назначенъ атаманомъ генераль Хомутовъ, не изъ донскихъ генераловъ, но изъ генераловъ «Русскихъ», иногороднихъ, и этотъ порядокъ продолжался до послѣдняго времени.

Однако, центральная власть не забывала всякій разъ, какъ казаки особенно, «подчеркнуто», усердно выполняли свои обязанности передъ государствомъ — подтверждать и ихъ права на особый, казачій, бытовой «образъ служенія» въ ихъ полкахъ и на владѣніе казаками всѣми ихъ землями.

Когда во время смуты 1905—06 годовъ казачьи войска были подняты почти поголовно на охрану порядка внутри Россіи — они въ торжественныхъ Императорскихъ грамотахъ опять получили подтвержденіе своихъ бытовыхъ и земельныхъ правъ.

Въ грамотѣ, данной Императоромъ Николаемъ II Донскому войску 24-го января 1906 года говорится, послѣ поминанія прошлыхъ заслугъ донскихъ казаковъ: — «и въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, Донскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества...»

«... За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ, близкому сердцу Нашему, доблестному войску Донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Божѣ почившими Высокими Предками Нашими, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ, какъ ненарушимость настоящего образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу (т. е. неприкосновенность быта казачьяго), — такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, приобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ и утвержденныхъ за войскомъ Монаршими грамотами» — (т. е. душевой надѣлъ отъ 8—12 десятинъ при значительномъ юртовомъ, станичномъ запасѣ, — противъ 2—4 десятинъ крестьянскаго надѣла).

Въ великую Русско-Германскую войну всѣ казачьи войска съ необычайною, небывалою даже въ пору Отечественной войны 1812 года ревностью, ополчившись поголовно, выставивъ больше того, что они обязаны были выставять полковъ, сотенъ и батарей, явились на поле брани и совершили множество подвиговъ.

По примѣрамъ прошлаго нетрудно угадать, что послѣдовало бы для казаковъ, если бы война была доведена до побѣднаго конца и Россія не испытала страшнаго революціоннаго потрясенія: — новыя грамоты, новое закрѣпленіе за казаками ихъ правъ на земли со всѣми угодьями, признаніе за ними ихъ права соблюдать свой казачій бытъ, а можетъ быть — расширение ихъ свободъ...

Но революція все это смѣшала и на смѣну прежняго: — «права вытекаютъ изъ обязанностей»; выдвинула новые революціонные лозунги: — *одни права безъ всякихъ обязанностей.*

Сумасшествіе, охватившее всю Русскую землю весною 1917 года не прошло мимо казачьихъ областей. Въ Донскомъ

войскѣ были выдвинуты лозунги: — народоправства, братства, равенства, былъ наспѣхъ на бумагѣ сколоченъ Юго-Восточный Союзъ изъ Дона, Кубани, Терека и народовъ Сѣвернаго Кавказа. — Много правъ — до права самостоятельно вести переговоры съ иностранными государствами,—и никакихъ обязанностей передъ Русскимъ Государствомъ и передъ центральною Русскою властью, снова, но уже презрительно, названною — «Москва»...

Результаты не замедлили сказаться. Временное Правительство (Керенскаго) потребовало Донского Атамана Каледина въ Москву, и, когда онъ не исполнилъ приказа, объявила его мятежникомъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы борьба войска Донского за свои права (безъ обязанностей) съ Временнымъ Правительствомъ. Временное Правительство было сброшено большевиками и началась борьба казаковъ съ большевиками.

Во время этой борьбы выдвинулась *Обще-Русская*, но по территоріи пока еще мѣстная власть. — На югѣ: — правительство Деникина, на Востокѣ правительство — Колчака. Казаки и тутъ и тамъ заняли по отношенію къ этимъ правительствамъ *неискреннее* положеніе. Много и сильно говоря о своихъ *правахъ* — они часто и почти всегда въ рѣшительные моменты жизни добровольческихъ Русскихъ армій *уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей*.

Мы здѣсь не будемъ касаться очень сложныхъ причинъ крушенія «бѣлаго» движенія. Послѣ трехлѣтней, страшной, кровавой борьбы оно было придавлено, загашено. — Коммунистическая власть вовсе не стала разговаривать съ казаками объ ихъ правахъ. Она предъявила къ нимъ только требованіе: исполнить новыя, возложенныя на нихъ третьимъ интернаціоналомъ обязанности. Казаки, какъ отдѣльное воинское сословіе, были уничтожены. Быть, гдѣ только можно, задавленъ. Сильные, волевые люди, не ушедшіе за границу съ бѣлыми арміями — разстрѣляны или сосланы. Войсковое казачье самоуправленіе уничтожено. Земля раздѣлена между разными губерніями (Украинской республикой, Донецкой и Царицынской). На казачьи земли вселены Русскіе колонисты изъ числа безработныхъ, евреи, нѣмцы и итальянцы. Нѣдра и рыбные промыслы отобраны. «Образъ служенія казакамъ свойственный» нарушенъ — казаки заурядъ съ осталь-

нымъ населеніемъ отбываютъ повинность въ красноармейскихъ пѣшихъ и конныхъ частяхъ. Казачьи традиціи уничтожены. Разгромъ казачьихъ войскъ полный. Самыя имена ихъ стерты . . .

При такихъ-то обстоятельствахъ новой Россіи придется разбирать вопросъ, какъ ей поступить съ казаками. Продолжать ли разгромъ, начатый большевиками, признавъ, что казаки свое отжили, что они отошли въ прошлое и что они не нужны, а, можетъ быть, даже и опасны для Государственной центральной власти, или бережно возстановливать ихъ воинское братство, эту летучую, *вѣрную Россіи* конную силу, живую охрану русскихъ національныхъ границъ и внутренняго государственнаго порядка.

Все будетъ зависѣть отъ самихъ казаковъ. Если они послушаютъ демагоговъ и будутъ настаивать на своихъ правахъ внѣ обязанностей, будутъ желать образованія «автономнаго», или даже самостоятельнаго («федерація») Юговосточнаго союза, который совершенно отрѣжетъ Россію отъ Южныхъ морей и Кавказа, лишитъ ее питательныхъ жизненныхъ частей, если они будутъ талдычить и упрямо, какъ индюки, болботать: «народоправство, братство, равенство» — *никакая центральная власть ихъ не потерпитъ*, но, использовавъ начатое большевиками, она довершитъ «расказаченіе» казаковъ и обратитъ ихъ въ рядовыхъ «гражданъ».

Если казаки, напротивъ, предложатъ Государству снова стать вѣрной конной охраной его національныхъ границъ, образцомъ честной службы и оплотомъ гражданскаго порядка внутри Россіи, они могутъ рассчитывать на то, что государство согласится вернуть имъ ихъ земли и ихъ особый образъ служенія, ибо государство будетъ не менѣе прежняго нуждаться въ надежной, подвижной *конной* силѣ смѣлыхъ, *вѣрныхъ*, государственно мыслящихъ, не поддающихся пропагандѣ людей.

Новыя границы новой Россіи такъ же ненадежны, какъ были въ XVII вѣкѣ. Ихъ придется закрѣплять и отстаивать. Не только всѣ старыя казачьи войска окажутся при дѣлѣ, но возможно возстановленіе слободскихъ полковъ, созданіе въ Малороссіи особаго Малороссійскаго казачьяго войска, для противовѣса самостоятельному украинскому движенію, для борьбы путемъ мирнаго воспитанія съ полонизаціей и католизаціей

этого Русскаго Края. Сѣверный Кавказъ и Закавказье, Туркестанъ съ его басмачами, Монголія, Манчжурія и Китай съ ихъ набѣгами хунхузовъ — это все, какъ разбигравшееся море долго будетъ бить налетами разбойничьихъ шаякъ въ Русскіе берега и ему надо будетъ противопоставить твердый каменный молъ старо-казачьей силы. Казаки будутъ необходимы Россіи.

Внутри Россіи не скоро уgomонится взбаломученное коммунистами народное море. Арміи безпризорныхъ дѣтей и развращеннаго «комсомола» вырастутъ въ цѣлыя разбойничьи банды налетчиковъ, страшныхъ не только крѣпнущему крестьянству, но и городамъ. Руководимые оставшимися коммунистами, вчерашними чекистами, онѣ будутъ стараться терроризировать населеніе и разрушать созидательную работу національнаго правительства. Только легкіе конные казачьи отряды будутъ въ состояніи справиться съ этимъ страшнымъ зломъ. Крѣпкіе духомъ и вѣрою казаки смогутъ внести своею работою успокоеніе по всей Россіи.

Такіе казаки, сознающіе свою обязанность передъ Россіей, готовые ей служить, какъ служили ихъ предки на богатырскихъ заставахъ, ихъ дѣды по окраинамъ Русской земли, ихъ отцы въ легкоконныхъ летучихъ полкахъ — получаютъ отъ правительства новой Россіи и права на земли и самоуправленіе: — это намъ говоритъ вся тысячелѣтняя исторія Государства Россійскаго.

Какъ были казаки необходимо нужны старой Россіи, такъ и новой не обойтись безъ казаковъ.

Казаки же, упрямо болбочущіе: «народоправство, братство, равенство», казачьи «вольности», во имя какихъ-то смутныхъ теорій — *обречены на вымираніе и вытѣсненіе иными общерусскими элементами, на нивелировку со всѣми.*— Это намъ показали послѣдніе десять лѣтъ, прошедшіе на нашихъ глазахъ.

Каковы обязанности — таковы и права.

Заниматься теперь демагогіей — значитъ уничтожать казаковъ.

П. Красновъ.

О ВЛАСТИ И СМЕРТИ.

Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ...
Пушкинъ.

Сомнѣваться въ томъ, сможетъ ли, сумѣетъ ли Россія выдвинуть изъ своихъ нѣдръ религіозную, волевою и государственно - воспитывающую интеллигенцію,—значило бы сомнѣваться въ самой Россіи и ея будущемъ... Сможетъ. Выдвинетъ. И сама возродится, окрѣпнетъ и возрастетъ. Но чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше; тѣмъ быстрѣе пойдетъ ея возстановленіе; тѣмъ меньше будетъ крови, меньше страданія, меньше опасностей и безчестія...

И первое, что должна понять и продумать новая русская интеллигенція, это — *волевою природу государства и государственной власти.*

Государственная власть, по самой существенной идеѣ своей, должна принадлежать *сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ*. Ибо приѣмлющій ее приѣмлетъ и осуществляетъ ее именно *волею* и именно *благородной* волею; онъ становится *во главѣ* и *на стражѣ*: во главѣ народа и на стражѣ его святыни; и потому онъ долженъ подготовить свою волю не только къ водительствоу и понужденію, но и *къ почетной смерти стража и вождя.*

Живя въ государствѣ и строя государство, люди объединяются не просто территоріей или общимъ подчиненіемъ; они объединяются въ *совмѣстномъ волево́мъ напряженіи* и *волево́мъ дѣйстви́и*; они объединяются для того, чтобы выдѣлять *) и признавать тѣхъ благороднѣйшихъ вождей и тѣхъ сильныхъ и вѣрныхъ стражей, которые призваны творить *за нихъ*, *для нихъ* и *черезъ* нихъ дѣло всенароднаго единства и расцвѣта, — которые призваны поддерживать и оборонять это единство и блюсти національныя святыни *хотя бы цѣною своей смерти.*

*) Все равно — идетъ ли окончательное рѣшеніе «сверху» или «снизу».

Вотъ почему государственная власть по самому существу своему являетъ эту драму: *борьбы и смерти лучшихъ людей за бытіе и за святыню ихъ народа*. И эта драма, которая яснѣ всего выражается въ обличіи воина или солдата, дѣлаетъ *каждаго* гражданина, *причастнаго власти* — воиномъ, стоящимъ на своемъ посту, и стражемъ, готовымъ къ смерти.

Намъ надо понять и продумать это разъ навсегда: кто беретъ власть, тотъ беретъ не только полномочіе и не столько полномочіе, сколько *обязанность властвовать*. Онъ принимаетъ тѣмъ самымъ не только высшій *рангъ* и *почетъ*, но и высшую *ответственность* и *опасность*. И тотъ, кто ищетъ ранга и желаетъ почета, но не хочетъ ответственности и боится опасности, — тотъ является *честолюбцемъ, неспособнымъ къ власти*; и его правленіе только и можетъ привести къ общей гибели.

Возлѣ власти — возлѣ смерти. И сколько лучшихъ людей въ исторіи — царей, вождей, полководцевъ и героев — засвидѣтельствовали эту истину своимъ концомъ!..

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать сильнѣйшему и благороднѣйшему.

Сильнѣйшему... Я говорю, конечно, не о мускулахъ, не объ оружіи и не о сплоченной массѣ людей. Я говорю о *волѣ*. Ибо власть есть дѣло воли. Призваніе власти не только въ томъ, чтобы видѣть и понимать; для этого есть люди опыта, люди ума, люди науки, мужи свѣта. Призваніе власти въ томъ, чтобы *выбирать, рѣшать, предписывать, настаивать и понуждать*. Въ этомъ ея дѣло, ея природа, ея назначеніе.

Безвольный или слабовольный властитель — есть внутреннее противорѣчіе, жизненная нелѣпость, духовное погубленіе всего дѣла: онъ подобенъ безрукому, который захотѣлъ бы стать піанистомъ; слѣпому, который рѣшилъ бы писать красками. Здѣсь необходима именно воля и притомъ *сильная воля*: не порывистость, не раздражительность, не истеричность; не суетливое тщеславіе, не крикливость, не вспышkopускательство; но и не упрямство, не ожесточеніе и не жестоковѣйная свирѣпость. Здѣсь необходима способность рѣшать, т. е. сосредоточиваться на *одномъ*, на *лучшемъ* исходѣ; обрывать всѣ другія «возможности», какъ отвергнутыя; и превращать выбранную возможность въ *необходимость* — и для другихъ, и для себя. Здѣсь нужна устойчивость, достаточная и для себя, и для другихъ; нуженъ импонирующій напоръ; колеблющійся автори-

теть; готовность настоять на своемъ и сломить препятствія; способность пересилить — и *чужую волю*, и *чужое безволие*. Словомъ,—нужна воля, способная къ глубокому, сильному и долгому дыханію: къ глубокому замыслу, къ сильному заряду, къ долгому настаиванію...

Нѣтъ этого — и не будетъ власти: будетъ безвластіе, разложение, хлябь. Вотъ почему безвольный, идущій къ власти, творить самообманъ и обманъ. Ведущій же безвольнаго къ власти — или глупо губить дѣло, или лукаво лѣпитъ себѣ маріонетку. Въ обычное время — лучше ошибка сильной власти, чѣмъ вѣрное, но бесплодное мечтаніе слабаго правителя. Въ часъ бѣды — лучше явное и полное отсутствіе власти (спохватятся! создадутъ!), чѣмъ симуляція власти со стороны безвольнаго человѣка или группы безвольныхъ людей.

Понятно, что безвольный царь можетъ стать опаснымъ для своей страны; но именно поэтому *организованное безволие власти*, какъ это бываетъ въ республиканскихъ и парламентарныхъ государствахъ, таитъ въ себѣ не только опасность, но прямую *безвыходность* и *обреченность*. И политическій опытъ русской исторіи давно выразилъ это въ простонародномъ обобщеніи: «лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина»...

Отсюда и смыслъ фашизма, какъ мірового явленія: люди ищутъ *волевого* и *государственного* выхода изъ организованнаго тупика безволія. Но изъ *тупика* выходъ впередъ — добывается только *проломомъ*...

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать благороднѣйшему... Я говорю не о «крови», не о «породѣ», не о «знатности»; тѣмъ болѣе не о богатствѣ. Я знаю цѣну породы, наслѣдственности, преемства и традиціи; и когда все это стоитъ на высотѣ и сочетается съ *личными* качествами души — то достиженіе бываетъ наивысшимъ. Но думаю, что для родины *незнатный герой* драгоцѣннѣе *знатнаго негероя*; и непородистый талантъ выше породистой бездарности; и умъ безъ предковъ способенъ править лучше, чѣмъ тупица съ предками. Что пользы странѣ отъ именитаго глупца или злодѣя? Какого спасенія, какого подвига можно ждать отъ человѣка, «благороднаго» только по имени? Только слѣпой можетъ отрицать духовное значеніе кровной породы и наслѣдственной культуры; но только лукавецъ можетъ утверждать, что порода сама по себѣ есть необходимый «цензъ» или достаточный

«стажъ» для государственнаго строительства и участія во власти.

Къ государственной власти должны восходить *лучшіе* люди. И тотъ, кто требуетъ доказательствъ для этого тезиса, — тотъ однимъ этимъ требованіемъ своимъ обнаруживаетъ упадочность и извращенность современнаго правосознанія. Пусть онъ самъ приметъ на себя бремя доказательства и пусть доказываетъ, что государственная власть должна принадлежать ворами, предателямъ, обманщикамъ, взяточникамъ, насильникамъ, безъидейнымъ и безпринципнымъ карьеристамъ... И когда онъ кончитъ и «докажетъ», — мы будемъ знать, что мы выслушали представителя большевицкой стихіи.

Власть *слабаго* губить авторитетъ власти, растить въ странѣ смуту и разложеніе. Власть *порочнаго* сѣетъ въ странѣ пороки, накапливаетъ вокругъ власти атмосферу презрѣнія, подрываетъ и форму, и содержаніе народной жизни. Всегда и всюду такъ бывало: достаточно порочной власти утвердить «ставку на подлеца» — и подлость становится государственнымъ цензомъ и стажемъ; люди начинаютъ отбираться кверху по степени своей явной низости или скрытой безпринципности; выше всѣхъ становятся отъявленные злодѣи и матерые плуты, а вокругъ нихъ располагаются лагеремъ преуспѣвшіе мошенники и приспособившіеся лукавцы; слагается политическая атмосфера, въ которой *всѣ* оказываются вынужденными судить и поступать примѣнительно къ подлости и въ которой люди, лишенные экзистенцъ-минимума изворотливости и кривизны, — обречены на прямую гибель...

Здоровая государственная власть означаетъ волевою ставку на благородство: на патріотизмъ, на совѣсть, на честь, на вѣрность, на служеніе. Только тотъ государственный строй на высотѣ, который *дѣйствительно организуетъ отборъ такихъ* людей, *лучшихъ* людей—*къ власти*; и *всякій* другой строй (какое бы историческое названіе онъ ни носилъ — «самодержавіе» или «демократическая республика») — обреченъ на разложеніе и крушеніе. Это — духовно и исторически *неоспоримая аксіома*. И если греческій терминъ «*áριστοςъ*» (= лучший) понимать въ его настоящемъ и строгомъ смыслѣ, то естественно поставить вопросъ: послѣ опыта русской революціи — кто можетъ, кто смѣетъ отрицать *аристократическую природу государственности?! ...*

Во главѣ народа и на стражѣ его святыни должны стоять сильнѣйшіе и благороднѣйшіе люди. Это намъ надо принять, именно какъ аксіому. И не надо позволять лукавымъ софистамъ разлагать эту аксіому ссылкой на то, что все на свѣтѣ «относительно», и что для «воли» и «благородства» нѣтъ твердаго и объективнаго мѣрила. Это мѣрило *есть*; его надо только продумать до конца *) и усвоить, какъ ненарушимое правило поведенія: какимъ бы путемъ люди ни выдѣлялись *къ власти* (именно къ власти, а не къ совѣту)—сверху (назначеніемъ) или снизу (выборами)—ни *безвольные добряки*, ни *волевые подлецы* не должны ни выдвигаться, ни поддерживаться. Ни въ силу того, что это люди «моей партіи» или «нашей тайной организаціи»; ни потому, что «иначе они мнѣ навредятъ»; ни отъ того, что «все равно я больше никого не знаю»; ни по какимъ бы то ни было другимъ соображеніямъ... Кто идетъ по этому пути, тотъ *кривитъ душою, нарушаетъ* свою государственную *присягу* и *предаетъ* свою *родину*. Ибо это есть прямое предательство — ставить лукаваго авантюриста во главѣ народа или вручать общее спасеніе безвольному болтуну; и это есть гибельное легкомысліе — выдвигать къ власти слабовольнаго попустителя или ставить завѣдомаго подлеца на стражѣ народной святыни...

И пусть никто не говорить, что это «элементарно» или «общеизвѣстно»; что это якобы «старая пропись»... Ибо изъ за попранія этой аксіомы Россія рухнула на нашихъ глазахъ...

Стать у власти значить стать возлѣ смерти. Но только сильнѣйшіе и благороднѣйшіе способны чувствовать это и осуществлять на дѣлѣ.

Властвующій стоитъ передъ смертью не только въ томъ смыслѣ, что долгъ нерѣдко требуетъ отъ него крайнихъ и непосильныхъ для его здоровья трудовъ и напряженій или участія въ общихъ опасностяхъ. Смерть была близка не только тогда, когда Петръ Великій сражался подъ Полтавой или спасалъ тонущихъ на Лахтѣ; или когда Фридрихъ Великій велъ свои войска въ атаку; или когда Наполеонъ въ Египтѣ навѣщалъ чумные лазареты; или когда Столыпинъ боролся съ революціоннымъ разваломъ и годами работалъ по 18 часовъ въ сутки.

*) См. статью Стараго Политика «О политической работѣ» в № 1 «Русскаго Колокола».

Нѣтъ, идея *борьбы на смерть* сокрыта въ самомъ принципѣ государственной власти . . .

Дѣло въ томъ, что получающій власть (безразлично, въ какомъ объемѣ), получаетъ въ свое распоряженіе часть *драгоценнѣйшаго всенароднаго достоянія*, выношеннаго и выстраданнаго вѣками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными вѣлѣніями — есть общенародное сокровище, плодъ многихъ страданій и долгой культуры. Это есть нѣкое «казенное добро»; и вѣрный часовой охраняетъ его даже цѣною своей жизни, соблюдая ввѣренный ему *государственный авторитетъ* — неумаленнымъ, непопорченнымъ и не растраченнымъ. Напротивъ, проматывая авторитетъ ввѣренной ему власти, властвующій совершаетъ подлинную *растрату національнаго достоянія*, все равно — подрываетъ ли онъ этотъ авторитетъ самъ, своею пассивностью и своими злоупотребленіями, или позволяетъ другимъ захватывать и расхищать ввѣренную ему власть. Исторія взыщетъ съ него, какъ съ нерадиваго часового . . .

Властвующій *призванъ* къ тому, чтобы блюсти ввѣренную ему часть государственной власти, и не можетъ, *не имѣетъ права* погасить эту обязанность одностороннимъ отказомъ. Часовой не можетъ «самъ себя смѣнить» съ поста. Правитель не можетъ произвольно «выйти изъ игры» или предпочесть бездѣйствіе. Односторонне отказываться можно только отъ имущественныхъ полномочій, но не отъ публичныхъ обязанностей. Смѣнить меня можетъ лишь тотъ, кто поставилъ; уволить меня можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ право назначить мнѣ преемника. Для всѣхъ же остальныхъ — въ объемѣ моей обязанности — я авторитетъ. *И борьбу за этотъ авторитетъ я обязанъ вести на жизнь и на смерть.* Штатскій революціонеръ не можетъ смѣнить часового у казеннаго сундука: часовой можетъ быть имъ застрѣленъ, но не смѣненъ. Солдаты не могутъ уволить офицера. Городская дума не въ силахъ «отстранить» командующаго войсками. Чиновники департамента не въ состояніи дать отставку министру. Толпа не можетъ погасить *обязанностей Императора!* . . .

Государственная власть имѣетъ значеніе *рока* для того, кто ее принимаетъ. Берущій ее — связываетъ съ нею свою *судьбу* и остается связаннымъ властью до тѣхъ поръ, пока она не будетъ *правомѣрно и преемственно* сложена съ него. Ведущій ве-

детъ не только на успѣхъ, но и на опасность. Успѣхъ даетъ ему «лавры» . . . А предвидѣніе опасности . . . — даетъ ему основаніе сложить съ себя всѣ обязанности? Повелѣвающій повелѣваетъ не только послушнымъ, но и *непослушнымъ*; и къ этому онъ долженъ быть готовъ заранѣе. Пока ему повинуются добровольно — онъ »силенъ»; но какъ только появляются люди, достаточно дерзкіе для неповиновенія . . . — такъ онъ признаетъ свою «слабость» и слагаетъ власть? . .

Нѣтъ. Въ самой природѣ государственной власти заложена эта обязанность: или понудить и сломить непокорнаго; или *погибнуть на своемъ посту*. И въ этомъ смыслѣ идея *воинскаго* долга и *воинской* чести является глубокимъ и зрѣлымъ прообразомъ *гражданской* чести и гражданского долга: она не знаетъ ни *односторонняго отреченія*, ни *малодушнаго уговариванія*.

Государственная власть есть подлинная и живая *драма*, въ которой рѣшеніе вождя и поступокъ стража опредѣляютъ собою судьбу всего народа. Это есть драма воли, благородства, жизни и смерти.

И пусть грядущія поколѣнія Россіи глубоко продумаютъ и усвоятъ эту истину.

И. А. Ильинъ.

ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

1. О русском малоземеліи.

Характернѣйшей чертою, рѣзко отличающей земельно - хозяйственныя отношенія нашей Родины отъ всѣхъ остальныхъ государствъ цивилизованнаго міра — является своеобразное распредѣленіе земельной площади между различными категориями владѣльцевъ.

По моимъ вычисленіямъ на 1 января 1916 года площадь *частнаго* землевладѣнія въ Европейской Россіи *) составляла 234.258.000 десятинъ, т. е. 63,33% всей земельной территоріи Евр. Россіи. Земли *публично-правового* владѣнія составляли площадь около 150.000.000 десятинъ; но подавляющая масса ихъ находилась подъ лѣсами и свыше 27.000.000 десятинъ было подъ тундрами. За вычетомъ лѣсовъ и неудобныхъ земель, отъ всей площади публично-правового владѣнія оставалось всего 10.497.000 десятинъ, годныхъ для сельскаго хозяйства **), т. е. всего 5,5% сельскохозяйственной территоріи, находившейся въ рукахъ *частныхъ* владѣльцевъ.

Насъ будутъ интересовать здѣсь земли *частнаго* владѣнія. При этомъ подъ *трудовымъ* (крестьянскимъ) владѣніемъ мы будемъ подразумѣвать участки до 50 десятинъ ***). Такіе участки, какъ показываетъ статистика, обрабатываются при русскихъ хозяйственныхъ условіяхъ (по общему правилу) *трусами хозяина и его семьи, безъ обращенія къ наемному труду*. Вла-

*) Въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Финляндіи и Польши. Въ этихъ очеркахъ я вообще имѣю въ виду дореволюціонную Россію.

**) Изъ этихъ 10 497 362 десятинъ *публично-правового* владѣнія, пригодныхъ для сельскаго хозяйства, принадлежало: *государству* и *удѣламъ* 3 693 426 дес.; *монастырямъ* 739 777 дес.; *церквамъ* 1 871 858 дес.; *городамъ* 2 042 570 дес.; *Крестьянскому банку* 2 149 731 дес.

***) Эта квота не одинакова для разныхъ странъ. Въ странахъ съ интенсивнымъ земледѣліемъ она будетъ, конечно, ниже — до 40 и 20 гектаровъ.

дѣнія же и хозяйства свыше 50 десятинъ — мы будемъ называть *капиталистическими*, ибо для обработки такихъ участковъ труда хозяина и его семьи *недостаточно* и приходится *прибѣгать къ наемному труду*.

Обращаясь къ землямъ частнаго владѣнія, мы видимъ, что въ рукахъ трудовыхъ хозяевъ (крестьянъ) было всего 165.786.000 десятинъ, а въ рукахъ капиталистическихъ владѣльцевъ было всего 68.472 000 десятинъ. Въ эту послѣднюю сумму включены земли владѣльцевъ *всѣхъ* категорій: и дворянъ, и купцовъ, и почетныхъ гражданъ, и лицъ крестьянскаго сословія (свыше 50 дес.), и акціонерныхъ компаній, и иностранцевъ и т. д. Такимъ образомъ изъ общей площади *частнаго* землевладѣнія (включая и *лѣса*) на долю *трудового* владѣнія приходилось 70,77%, а на долю капиталистическаго 29,33%.

Но такъ какъ насъ интересуютъ преимущественно земли *сельско-хозяйственнаго* значенія (т. е. за исключеніемъ *лѣсовъ*), то для нихъ исчисленіе будетъ иное. Если исключить *лѣса* изъ капиталистическаго владѣнія (26.704.000 дес.) и изъ трудового-крестьянскаго владѣнія (11.057.000 дес.), то земель *сельско-хозяйственнаго* значенія окажется: въ капиталистическомъ владѣніи 41.768.000 дес., а въ рукахъ крестьянъ 154.729.000 дес. Иными словами: изъ *всей* территоріи сельско-хозяйственнаго значенія (196.497.000 дес.) на долю трудового-крестьянскаго землевладѣнія приходилось 79%, а на долю капиталистическаго 21%. Если же исключить Прибалтійскій и Сѣверо-Западный районъ *), то для *чисто-русскихъ* районовъ общая площадь земель сельско-хозяйственнаго значенія опустится до 173.556.856 дес.; изъ нихъ на долю крестьянскаго землевладѣнія придется 139.549.549 дес., а на долю капиталистическаго 34.007.307 дес. Такимъ образомъ, въ чисто-русскихъ областяхъ процентъ крестьянскаго землевладѣнія достигалъ 80,4%, а процентъ капиталистическаго — доходилъ до 19,6%.

Итакъ *четыре пятыхъ* всѣхъ земель сельскохозяйственнаго значенія Европейской Россіи, находившихся въ частномъ владѣніи принадлежало крестьянамъ и лишь *одна пятая* часть — капиталистамъ всѣхъ сословій, званій и видовъ.

Это — первая и основная черта русскихъ земельно-хозяйственныхъ отношеній.

*) По наименованію официальной статистики довоеннаго времени.

Чтобы оцѣнить значеніе этой процентной величины надо сопоставить ее съ соотвѣтствующими данными для другихъ странъ.

Такъ, въ *Германіи*—земли, находящіяся *подъ капиталистическою обработкою* *) составляли въ 1907 году 51,5% всей площади сельско-хозяйственного значенія (т. е. за исключеніемъ лѣсовъ); а въ крестьянскомъ пользованіи было всего 48,5%. Въ Пруссіи у капиталистовъ было 59,4%, а у крестьянъ 40,6%. Изъ 26 государствъ, входящихъ въ составъ Германіи, только 3 государства даютъ процентъ площадей капиталистическаго хозяйства менѣй, чѣмъ процентъ капиталистическаго *земле-владѣнія* въ Россіи въ цѣломъ **) (а именно: Вюртембергъ — съ 19,6% площади капиталистическаго хозяйства; Баденъ — съ 12,2% и Гессенъ — съ 14,5%). Въ Пруссіи нѣтъ ни одной провинціи съ процентомъ капиталистическаго хозяйства ниже 20,88% (маленькій Гогенцоллернъ; провинція Гессенъ-Нассау—дастъ 22,42%, Рейнская провинція—23,52% и т. д.). Для шести восточныхъ провинцій Пруссіи (въ среднемъ) площадь *подъ капиталистическими хозяйствами* достигаетъ 65,5%; для семи западныхъ провинцій (промышленныхъ) — 46,61%. У насъ ни одинъ районъ не давалъ такого высокаго процента для *площади капиталистическаго владѣнія* ***).

Во *Франціи* — площадь земель, находящихся *подъ хозяйствами*, превышающими 40 гектаровъ (= 36,3 десятины) составляла въ 1892 году 45%; а во Франціи очень развиты арендные отношенія и многія крупныя крестьянскія хозяйства основаны на землѣ, арендованной у крупныхъ владѣльцевъ: очевидно, площадь крупнаго капиталистическаго *владѣнія*

*) Т. е. обрабатываемыя при помощи наемнаго труда. Надо замѣтить, что часть земель крупнаго владѣнія въ Германіи сдается въ крестьянскую (трудовую) аренду и по германской сельскохозяйственной статистикѣ 1907 г. она числилась *подъ трудовыми крестьянскими хозяйствами*. Изъ этого видно, что въ Германіи *подъ капиталистическими владѣніями* земли больше, чѣмъ 51,5%; ибо этотъ процентъ показываетъ не количество *владѣмой* земли, а способъ ея дѣйствительной *обработки* (съ примѣненіемъ наемнаго труда).

**) Попрежнему въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Польши и Финляндіи.

***) См. подробнѣе мою книгу «Основные тенденціи в мобилизаціи земельной собственности и ихъ соціально-экономическіе факторы». Прага, 1925, стр. 307 и слѣд.

значительно больше 45%, т. е. *многимъ больше, чѣмъ въ Россіи* *).

Бельгію принято считать страной съ наиболѣе измельченнымъ землевладѣніемъ. «До сихъ поръ свѣдѣнія о числѣ земельныхъ собственниковъ», говоритъ **Rowntree**, «собирались въ каждой изъ 2.627 общинъ (*communes*) въ отдѣльности и эти данныя посылались ежегодно въ центральное статистическое учрежденіе. Числа земельныхъ собственниковъ, полученные отъ отдѣльныхъ общинъ *суммировались* и *итогъ* опубликовывался бельгійскимъ правительствомъ въ оффиціальныхъ статистическихъ ежегодникахъ, какъ данныя о числѣ земельныхъ собственниковъ въ Бельгіи». Между тѣмъ землевладѣніе въ Бельгіи крайне разбросано очень мелкими кусками (даже 1 гектаръ и меньше) и «земельные собственники въ Бельгіи имѣютъ землю нерѣдко въ двадцати, тридцати, сорока, даже сотнѣ и болѣе коммунъ. Такимъ образомъ, въ указанныхъ статистическихъ ежегодникахъ, земля, принадлежащая одному лицу, владѣющему, скажемъ, по одному акру въ двадцати различныхъ коммунахъ, считалась бы, при описанномъ способѣ исчисленія, за двадцатью различными собственниками, владѣющими каждый по одному акру». Между тѣмъ какъ передъ нами былъ бы *одинъ* собственникъ, владѣющій двадцатью гектарами **).

Не будемъ касаться причинъ, создавшихъ такое своеобразное положеніе въ Бельгіи, въ которой развито арендаторское, преимущественно продовольственно-трудовое хозяйство. **Rowntree** попытался объединить эти разбросанныя владѣнія и оказалось, что площадь земли, находящейся въ собственности у лицъ, владѣющихъ участками до 20 гектаровъ, составляетъ 38,05% всей земельной площади частнаго землевладѣнія безъ лѣсовъ. Если мы отнесемъ ихъ къ категоріи трудовыхъ владѣній, то на долю капиталистическаго землевладѣнія въ Бельгіи придется 61,95%.

Sapienti sat!

Передъ нами несомнѣнный фактъ величайшаго значенія. Ясно, что *государства европейскаго континента раздробили*

*) Французскія данныя включаютъ и лѣсную площадь. Выше мы видѣли, что со включеніемъ лѣсовъ земли капиталистическаго владѣнія въ Россіи достигали 29,33%.

**) B. Seebohm Rowntree „Land and Labour. Lessons from Belgium“. London 1910. p. 44—45.

свою землю въ значительно меньшей степени, чѣмъ это сдѣлала Россія до революціи. Я не говорю уже объ Англіи и странахъ Новаго Свѣта *). Я не касаюсь также и Сибири, этой страны почти исключительно *крестьянскаго* землевладѣнія (наряду съ землями публично-правового владѣнія)...

Читатель согласится со мною, что приведенныя данныя позволяютъ уже сдѣлать заключеніе, что въ Россіи до революціи земель капиталистическаго владѣнія въ процентномъ отношеніи было меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ міра. Я знаю, что этотъ фактъ противорѣчитъ общераспространенному взгляду на Россію, какъ на страну «преимущественно крупнаго землевладѣнія», — и все же это фактъ несомнѣнный! Въ Европейской Россіи $\frac{4}{5}$ всей сельскохозяйственной площади принадлежало передъ революціей крестьянству, также какъ и почти вся частновладельческая земля въ Сибири... Россія «окрестьянила» свое землевладѣніе болѣе, чѣмъ какая-либо другая цивилизованная страна въ мірѣ.

Но наряду съ этимъ, несомнѣннымъ и основнымъ фактомъ, существуетъ еще другой, столь же несомнѣнный и столь же основной фактъ, а именно: несмотря на то, что почти вся сельскохозяйственная территорія Россіи принадлежала крестьянству, въ нашей странѣ несомнѣнно *существовало малоземелье*. Это означаетъ, что *крестьянство на своей землѣ не могло использовать сколько нибудь полно своего труда*: оно было безработно въ своемъ собственномъ хозяйствѣ и не могло добыть въ немъ доходъ, достаточный для безбѣднаго существованія. И это въ Россіи было бѣдствіемъ, объединявшимъ ее съ Румыніей и Восточной Галиціей.

По отношенію къ этому второму факту передъ нами встаетъ рядъ вопросовъ.

Дѣло въ томъ, что во *всѣхъ* странахъ со сколько нибудь развитою хозяйственною жизнью — трудовыя хозяйства *не въ состояніи просуществовать исключительно отъ своего собственного хозяйства на своей землѣ*: ни труда своего сколько нибудь

*) Великобританія является классической страной крупнаго землевладѣнія. Въ 1895 году число всѣхъ землевладѣльцевъ Великобританіи составляло всего 3,3% населенія. 91% всей площади сдавался въ аренду. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1900 году подъ хозяйствами отъ 0 до 40 гектаровъ земли было всего 25,76% всей культурной площади. Всѣ эти и другія статистическія данныя требуютъ обстоятельнаго анализа и комментирования, для котораго здѣсь къ сожалѣнію нѣтъ мѣста.

полно они на своей землѣ занять не могутъ, ни достаточнаго дохода отъ своего хозяйства получить не могутъ. Это имѣетъ мѣсто, на примѣръ, въ Германіи. Но въ этой странѣ «незанятый» въ собственномъ хозяйствѣ трудъ крестьянина *уходитъ на сторону*—въ промышленность, въ крупное сельское хозяйство и т. д. Тамъ незанятые члены крестьянской семьи находятъ себѣ занятіе въ качествѣ наемныхъ рабочихъ; отъ этого они получаютъ доходъ и на полученную заработную плату приобрѣтаютъ тѣ предметы личнаго и хозяйственнаго потребленія, которые не производятся въ ихъ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И потому въ Германіи фактъ невозможности приложить полностью свой трудъ на *собственной* землѣ въ *собственномъ* хозяйствѣ, и недостаточность дохода отъ своего хозяйства для удовлетворительнаго существованія — не являлись ни личнымъ, ни тѣмъ болѣе социальнымъ бѣдствіемъ; ни безработицы, ни отсутствія экзистенцъ-минимума этимъ не создавалось.

Населеніе Россіи къ 1 января 1914 года, по исчисленію Центрального Статистическаго Комитета, во *всей* Имперіи составляло 178.378.800 человекъ; а въ промышленности, въ горномъ и горнозаводскомъ дѣлѣ, въ транспортѣ и строительномъ дѣлѣ было занято всего 5½ миллионовъ наемныхъ рабочихъ. Иными словами: въ указанныхъ внѣземледѣльческихъ отрасляхъ было занято лишь 3,1% *всего населенія*. Ясно, что хозяйствующее населеніе Россіи было, такъ сказать, *сбито* на сельское хозяйство. Но, по исчисленію статистиковъ для 1905 года, если взять *всю* землю сельскохозяйственнаго значенія (включая и надѣльную крестьянскую землю, и землю купленную крестьянами, и арендованную ими, и землю крупныхъ владѣльцевъ, состоявшую въ ихъ собственной капиталистической обработкѣ), — то и *на всей этой землѣ около 62% всего крестьянскаго труда не могло бы найти себѣ занятія*...

Но такъ какъ земля сельскохозяйственнаго значенія на четыре пятыхъ (т. е. почти вся!) принадлежала крестьянству, то крестьянское населеніе вынуждено было хозяйничать главнымъ образомъ на своей собственной землѣ. И очевидно *вся* безработная масса крестьянскаго труда ложилась тяжелымъ бременемъ именно на крестьянскую землю и на крестьянское хозяйство: крестьянство должно было въ подавляющей своей массѣ кормиться на своей собственной землѣ, только ее об-

рабатывать, хотя оно и было *больше чѣмъ на $\frac{2}{3}$ безработно въ собственномъ хозяйствѣ*. Оно должно было существовать только на доходъ отъ хозяйства на своей землѣ, хотя этотъ доходъ былъ недостаточенъ даже для удовлетворительнаго продовольствованія...

Но эта *безработица въ собственномъ хозяйствѣ* была только *выявленіемъ и мѣрою безработицы во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи*; а недостаточность крестьянскаго дохода, не дававшего порою не только культурнаго, но даже и физіологическаго экзистенцъ-минимума, была *выявленіемъ и мѣрою отсутствія экзистенцъ-минимума во всемъ народномъ хозяйствѣ страны*. Крестьянству некуда было «податься» со своего хозяйства и со своей земли и негдѣ было найти себѣ работу и заработокъ во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи; и потому его безработность и недостаточность его дохода въ *собственномъ хозяйствѣ* являлись *бѣдствіемъ* не только *личнымъ*, но и *соціальнымъ*. Все это было выраженіемъ и мѣрою *слабаго развитія производительныхъ силъ страны, не могущей ни занять всѣхъ рабочихъ силъ своего населенія, ни удовлетворительно продовольствовать его*...

Такова сложная природа *русскаго «малоземелья»*, образующаго *центральный пунктъ и основную проблему русскаго аграрнаго вопроса*.

Русское «малоземелье» есть продуктъ и слѣдствіе *всеобщаго* (т. е. не только для сельскаго хозяйства, но и для *всего* народного хозяйства) *относительнаго* (т. е. при *данномъ* уровнѣ развитія народного хозяйства, который можетъ и *измѣниться*) *перенаселенія*. Это значитъ, что *развитіе производительныхъ силъ* всего народного хозяйства *отставало отъ роста населенія*, такъ что это послѣднее (при существовавшихъ хозяйственныхъ условіяхъ) не могло ни занять свой трудъ въ народномъ хозяйствѣ, ни создать себѣ экзистенцъ-минимумъ...

Сообразно съ этой своей природой, русское «малоземелье» и проявлялось въ разныхъ сторонахъ *соціально-экономической жизни*. Напримѣръ: у крестьянства на своей землѣ производилось недостаточно хлѣба для того, чтобы продовольствоваться вволю; заработки же на сторонѣ были скудны и не было достаточныхъ средствъ для того, чтобы прикупить нужное количество продовольствія, хотя хлѣбъ и существовалъ въ странѣ. Поэтому, хотя въ странѣ и достаточно производилось

хлѣба для удовлетворительнаго прокормленія населенія, однако среднія продовольственные нормы крестьянскаго населенія оставались въ Россіи низкими, а хлѣбъ вывозился въ большомъ количествѣ въ городъ и за границу. Само собою разумѣется, что революція только ухудшила и притомъ значительно ухудшила все это положеніе дѣла.

Изъ всего этого мы можемъ уже теперь сдѣлать цѣлый рядъ выводовъ.

Такъ, прежде всего, *количественная теорія русскаго малоземелья и аграрнаго вопроса должна быть оставлена*. Утвержденіе, будто все зло заключалось въ неправильномъ распредѣленіи земли между крупными владѣльцами и крестьянами, и будто достаточно измѣнить это распредѣленіе земли въ Россіи въ смыслѣ большей уравнительности, чтобы все исправилось — эта *количественная теорія малоземелья* и этотъ *количественный* способъ разрѣшенія аграрной проблемы побивается количественными же данными и соображеніями. У крестьянства уже передъ революціей было $\frac{4}{5}$ всей сельскохозяйственной территоріи Россіи и присоединеніе оставшейся $\frac{1}{5}$ части *не могло измѣнить положенія дѣла*. Будемъ помнить о тѣхъ 62% крестьянскаго труда, которые уже въ 1905 году не могли найти себѣ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ: эти 62% остались бы *незанятыми* и *послѣ* передачи *всей* земли крестьянству. Безработица въ собственномъ хозяйствѣ, — а въ сущности во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи, — и неполученіе достаточнаго дохода *остались бы попрежнему* и даже *еще увеличились бы*, такъ какъ современное крестьянское хозяйство *давало бы по прежнему меньшій урожай съ десятины*, чѣмъ тотъ, который давало владѣльческое хозяйство.

Далѣе, выше развитый анализъ показалъ намъ, что «малоземелье» въ Россіи было *продуктомъ и результатомъ* условій *всего народнаго хозяйства* Россіи: въ «малоземельѣ» отображались всѣ *соціально-экономическіе* и *культурно-правовые* недуги нашей страны. Въ чисто экономической сферѣ всѣ эти недочеты сказывались въ *слабомъ развитіи производительныхъ силъ* нашего народнаго хозяйства. Очевидно, для выхода изъ трудностей положенія необходимо было *развитіе производительныхъ силъ всего народнаго хозяйства Россіи*, какъ сельскаго, такъ и *внѣ-сельскохозяйственныхъ областей*. При этомъ землю

слѣдовало разсматривать, какъ *средство производства* и она должна была быть *использована наиболее производительнымъ способомъ*, — безразлично, въ формѣ ли капиталистическаго хозяйства, или хозяйства крестьянско-трудового, какъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, это оказалось бы наиболее рациональнымъ для народно-хозяйственныхъ потребностей и для *интересовъ Россіи въ цѣломъ*. Ни одно изъ нихъ — ни капиталистическое, ни трудовое хозяйство — не являлось въ Россіи совершенствомъ, но каждое изъ нихъ отличалось существенными особенностями и *вполнѣ замѣнить другое не могло*.

Количественная теорія малоземелья и аграрнаго вопроса носить на себѣ печать *классовой односторонности*: дѣло изображалось такъ, будто *страдаетъ только одинъ классъ*, именно крестьянство. Она не учитывала или почти не учитывала *интересы національнаго цѣлаго, Русскаго Государства*. Въ дѣйствительности же страдало *все національное хозяйство*. Страдала вся нація. Болѣло все государство. И эта національная болѣзнь выражалась въ недомоганіи всѣхъ частей, всѣхъ членовъ національнаго, государственнаго организма, *въ томъ числѣ и въ особенности — крестьянства*.

Какое пагубное вліяніе оказывало слабое развитіе производительныхъ силъ на финансы страны, на культуру (взять хотя бы школьное дѣло!), на промышленность (недостаточная емкость громаднаго, по численности населенія, внутренняго рынка!), на крупное сельское хозяйство (отсутствіе капиталовъ въ странѣ для веденія интенсивнаго капиталистическаго хозяйства!) и т. д. и т. д. . . И все это въ свою очередь отзывалось на положеніи крестьянства («некуда податься», безработица, недоѣданіе при наличности достаточнаго количества хлѣба въ странѣ) — и въ сущности вызывало и создавало «малоземелье»! . .

Классовый интересъ, лежавшій въ основаніи «количественной» теоріи и практики аграрнаго вопроса, господствовавшей въ Россіи — былъ *ложнопонятый интересъ крестьянства*. Дѣйствительный же интересъ его — *солидаренъ съ интересомъ національно - государственнаго цѣлаго*. *Нельзя жить только въ классъ, необходимо жить и въ государствѣ!* Надо умѣть сочетать свои классовые интересы съ интересами цѣлаго и, притомъ, — *сочетать черезъ подчиненіе*. Классъ, который поставить

свои интересы прѣвыше всего и выше интересовъ государства, противопоставляя ихъ интересамъ этого послѣдняго, и окажется достаточно сильнымъ для того, чтобы осуществить ихъ на дѣлѣ, — неизбежно *разрушитъ государство, но и самъ погибнетъ* . . .

Разумъ вещей, существо дѣла съ желѣзной необходимостью требуетъ постановки аграрной проблемы — а она несомнѣнно встанетъ передъ Россіей вновь! — на *національную основу*: она должна быть разрѣшена *во имя общаго, національнаго интереса*; и тогда она будетъ разрѣшена *наилучшимъ образомъ и въ интересахъ крестьянства*. Это должно быть основнымъ принципомъ реальной, дѣловой политики въ аграрномъ вопросѣ.

Вотъ тѣ существенные выводы, которые можно сдѣлать уже въ настоящемъ очеркѣ.

Проф. В. Косинскій.

КЪ РАЗУМѢНІЮ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ...

Но какъ они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце;...

То и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла.

Къ Римл. I. 19—24.

На нашу долю выпало жить въ одну изъ кульминаціонныхъ эпохъ матеріализма. Большая часть цивилизованнаго человѣчества зашла глубоко въ этотъ тупикъ вслѣдствіе долготѣшняго упорнаго насажденія въ жизни матеріализма, — отученія и отвычки отъ духовныхъ идеаловъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ современные нравы, искусство, изобрѣтенія ума. Вся энергія людей служить матеріализму и не ищетъ *духовной качественности*.

Золотой телецъ — единственное божество, которое почитаютъ. Его культъ имѣетъ много разновидностей, причемъ служеніе матеріализму часто прикрывается сбивчивыми, обманчивыми лозунгами: *пацифизмомъ*, *интернационализмомъ* и другими ложно человѣколюбивыми объясненіями. Таковъ и *соціализмъ*, соединенный съ ученіемъ о равенствѣ людей, и *демократизмъ* — въ той формѣ, въ которой большинство демократовъ этотъ терминъ сегодня понимаютъ. Но суть вопроса, несмотря на все искусство маскировки, всегда одна и та же: матеріальное благополучіе превращено въ высшее благо, первенство его бдительно и всемѣрно охраняется и для этого блага людей учатъ жертвовать всѣми духовными цѣнностями и идеалами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ жизни происходитъ столкновеніе между матеріальными цѣнностями и духовными.

Мы можемъ прослѣдить, какъ отъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, черезъ ученія позитивистовъ всѣхъ оттѣнковъ,

черезъ блестящія достиженія естествознанія и техники — идетъ восходящая линія матеріализма. Но вершины своей она достигаетъ въ большевизмѣ, съ его механизацией жизни, съ его открытымъ отрицаніемъ духовнаго начала и личности, — въ большевизмѣ, который и является самой конденсированной и открытой формой матеріализма.

Большевизмъ есть дерзкій вызовъ, брошенный міру матеріализмомъ, зарвавшимся и открывшимъ свое лицо; вызовъ основному закону вселенной — закону духовной эволюціи, закону индивидуализма. Весь міръ услышалъ этотъ вызовъ, брошенный поработителями Россіи и отлично понялъ, что это есть посягательство на истинную культуру и достоинство человѣчества; что большевизмъ не совмѣстимъ съ тѣмъ самымъ главнымъ, чему учили и учатъ дѣтей и взрослыхъ въ церквахъ, школахъ и судахъ. И тѣмъ не менѣе, культурный міръ *не выявилъ общаго чувства возмущенія*, духовной реакціи. Сознаніе человѣческаго достоинства не было настолько сильно и живо въ немъ, чтобы поднять народы на общій активный протестъ и борьбу съ большевизмомъ. Напротивъ, почти всѣ народы, капитулировали одинъ за другимъ, *духовно капитулировали* передъ большевизмомъ, поддавшись соблазну матеріализма.

Имъ казалось, что страданія русскаго народа и разруха въ Россіи *открываютъ возможность наживы*; и вотъ, культурный міръ Европы, считавшій себя хранителемъ духовныхъ достижений человѣчества, спасовалъ передъ матеріализмомъ и потерялъ свое лицо. Изъ разслабленныхъ рукъ упали въ прахъ передъ золотымъ тельцомъ — и Крестъ, и скрижали заповѣдей, и свидѣтельства своихъ же духовныхъ вождей минувшихъ эпохъ.

Поистинѣ печальную картину представляетъ сегодня культурное человѣчество, втянувшееся въ тупикъ матеріализма; но выходъ изъ этого тупика оно найдетъ только тогда, когда оно постигнетъ *несостоятельность матеріалистическаго міровоззрѣнія*. Иначе и быть не можетъ. Предстоящій путь еще далекъ; это путь индивидуальной духовной эволюціи; и нѣтъ другого пути впередъ. Такъ ведетъ насъ основной, божественный законъ вселенной.

Цѣлый рядъ предметныхъ уроковъ, обычно очень болѣзненныхъ, открываетъ заблудившимся душамъ всю непрочность

и ненадежность матеріальныхъ цѣнностей по сравненію съ духовными. На путяхъ страданія крѣпнеть духовное начало. Эпохи матеріалистическаго закрѣпощенія предшествуютъ эпохамъ духовной побѣды, эпохамъ, духовно-активнымъ для человечества. Законъ духовной эволюціи предопредѣляетъ побѣду духа надъ матеріей въ процессѣ постояннаго взаимодействія этихъ двухъ началъ. Но законъ этотъ основанъ на принципѣ неравенства, дифференціаціи, и ведетъ онъ насъ не внизъ, по путямъ демократизма, а вверхъ, по путямъ *внутренняго аристократизма*. Отсюда — постоянное возвращеніе къ исканію духовной качественности.

Все въ жизни имѣетъ свою цѣль, ничто не теряется и духовное начало побѣждаетъ. И въ данномъ случаѣ мы уже видимъ и осязаемъ эволюціонные уроки: одни за другими государства и націи капитулировали передъ большевизмомъ въ угоду матеріальнымъ цѣностямъ; и одно за другимъ эти государства ощущаютъ на себѣ и видятъ на сосѣднихъ организмахъ послѣдствія этой сдачи. Капитуляція передъ матеріализмомъ вызываетъ и вызывала повсюду все тѣ же *симптомы разслабленія*: путаницу въ основныхъ понятіяхъ, безпорядки, стачки, матеріальные убытки, утрату лица. Потери все растущія, потери вмѣсто выгодъ... Но, къ сожалѣнію, надо признать, что до сихъ поръ путь къ исцѣленію человечества въ общемъ *все еще идетъ внизъ*, въ направленіи матеріалистическаго тупика. Оно бьется объ его стѣны и не хочетъ или не можетъ еще придти къ сознанію того, что причина переживаемыхъ разочарованій и бѣдствій состоитъ въ *духовномъ оскудѣніи нашей эпохи*, что *никакіе политическіе и соціальные сговоры, «комбинаціи» и «ходы» помочь не могутъ*, какъ бы они ни были съ внѣшней стороны *искусно прикрыты* (ибо представители матеріализма, нынѣ ведущіе большинство цивилизованнаго человечества, не рѣшаются проповѣдовать его открыто и обычно пытаются искусно скрывать свое міропониманіе). И копыта тельца тщательно, но неудачно задрапировываются.

И все же пренебреженіе духовною правдою есть тщетное усиліе, ибо вселенной и міромъ нашимъ, управляютъ не золото, не банкиры, не пресса, не евреи, не франмасоны, не профессиональные союзы и не воля побѣдителя, а управляетъ

одинъ Богъ и Его Премудрость! И Божественная духовная Правда не имѣетъ соперничающей съ ней силы!..

Мы, конечно, можемъ недоумѣвать, почему Она терпитъ существованіе зла... Но дѣло въ томъ, что мы въ самомъ злѣ должны видѣть *постоянный призывъ* къ исполненію поставленной намъ духовной задачи, для борьбы съ нимъ и одолѣнія его. Эта борьба со зломъ, должна укрѣплять нашу духовную жизнь и придавать ей активность; не допуская равнодушія, постоянно вызывать дѣйственную духовную реакцію. Этотъ постоянный призывъ къ одолѣнію зла предохраняетъ насъ отъ застоя, вызываемаго соблазномъ материалистическихъ цѣнностей. Онъ обезпечиваетъ непрерывное дѣйствіе закона эволюціи въ мірѣ.

Соблазнъ, паденіе, разочарованіе, страданіе, раскаяніе и одолѣніе — въ своей послѣдовательности, слагаютъ тотъ постоянный эволюціонный путь, который каждая душа въ отдѣльности и человѣчество въ цѣломъ все снова проходитъ отъ матеріальныхъ къ духовнымъ цѣностямъ. Страницы исторіи хранятъ для назиданія потомства описаніе и смыслъ прохожденія этого пути, раскрываютъ теченіе человѣческой мысли, человѣческихъ стремленій. Передъ нами проходятъ разнообразныя событія, формы политической жизни, эпохи; но мы не въ состояніи исторически прослѣдить главное — *эволюцію отдѣльной души*, сокрытую въ глубинѣ личныхъ переживаній и въ то же время въ пучинѣ жизни вселенной. Эта важнѣйшая реальность не поддается микроскопу исторіи. Онъ не открываетъ намъ постоянной связи малаго съ величайшимъ, переходящаго съ непреходящимъ. А между тѣмъ, всѣ потрясенія на нашей планетѣ, физическія или политическія, могутъ сокрушить лишь матеріальныя цѣнности. Царство духа имъ недоступно. Весь нашъ шаръ земной можетъ распылиться подъ дѣйствіемъ космическихъ силъ, но эта катастрофа не уничтожить ни единой души. Индивидуальная духовная эволюція есть основной принципъ всего, смыслъ и цѣль жизни.

Если бы мы имѣли возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сознательно и конкретно увидѣть и охватить этотъ эволюціонный процессъ, т. е. начало его — когда мы уступаемъ соблазну матеріализма, и конецъ его — когда наши души, рано или поздно, научившись лучшему и одолѣвъ искушеніе зла, опять вступаютъ на путь духовной эволюціи, съ котораго онѣ

сошли, — то намъ стали бы ясны и истинный смыслъ возлагаемой на насъ постоянной борьбы со зломъ, и недостойность безразличія. Мы приблизились бы къ пониманію и нашего призванія, и дѣйствія тѣхъ силъ вселенной, источникомъ которыхъ является Божественная Премудрость.

Но сроки эволюціонныхъ этаповъ часто несоразмѣрно велики по отношенію къ тому времени, которое предоставлено намъ Провидѣніемъ. Намъ не дано видѣть впередъ въ будущее на нѣсколько послѣдующихъ этаповъ сразу. Намъ даны лишь начала дорогъ, и вступая на нихъ, мы не въ состояніи увидѣть, куда онѣ насъ поведутъ.

Путь, ведущій изъ тупика, предначертанъ Божественнымъ Промысломъ по этапамъ разочарованія, страданія, раскаянія, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и въ жизни народовъ. Прохождение этого пути обыкновенно сопровождается чувствительными, иногда жестокими, предметными уроками. Чѣмъ сильнѣе страданіе, причиняемое неизбѣжными послѣдствіями матеріализма — тѣмъ сильнѣе и глубже бываетъ духовная реакція. Она ведетъ на путь вѣры, а вѣра насъ ведетъ отъ вышшаго предѣла знанія на путь Божественной Правды. Благодаря вѣрѣ мы имѣемъ возможность переброситься впередъ, за предѣлы нашихъ физическихъ ощущеній. Вѣра открываетъ тѣсныя границы предоставленнаго намъ пониманія времени. И путь вѣры есть именно путь истинной духовной эволюціи...

Въ переживаемое нами время на русскомъ народѣ сосредоточено сильнѣйшее давленіе, ибо на него обрушились всѣ силы открытаго, откровеннаго матеріализма; онъ проходитъ черезъ совершенно исключительно тяжелыя испытанія; но и духовныя возможности русскаго народа исключительно велики. Онъ никогда не смѣшивалъ понятія *матеріальной полезности* съ понятіемъ о *добрѣ*, что свидѣтельствуешь о его духовной высотѣ. Но именно потому Русскій народъ, при настоящемъ міровомъ засиліи матеріализма, явно избранъ Провидѣніемъ для того, чтобы освободившись *собственными* и прежде всего *духовными* усиліями отъ большевиковъ и большевизма, показать зашедшему въ тупикъ матеріализма человѣку, — что возможна и необходима побѣда духовнаго начала надъ матеріализмомъ.

Предстоитъ генеральное сраженіе; большевики *со всеми ихъ союзниками и явными и тайными покровителями* — *выступаютъ какъ единая армія матеріализма*. Главнымъ борцомъ за

духовное начало въ наши дни является *русскій народъ* и въ его предстоящей побѣдѣ не можетъ быть сомнѣнія. И въ этомъ смыслѣ онъ оправдаетъ вѣру тѣхъ, которые, предвидѣли необходимость духовной реакціи противъ все усиливавшагося матеріализма и, одухотворенные гениемъ своего народа, постигли его великое значеніе и пророчески назвали русскій народъ—«Народомъ Богоносцемъ». Наглядный урокъ торжества духовнаго начала дается въ широкихъ предѣлахъ земли русской, ибо *человѣчество нуждается въ урокъ гигантскихъ размѣровъ*, въ соотвѣтствіи съ глубиною нынѣшняго засилія матеріализма и той ужасающей разрухой, которую это засиліе уже произвело.

Россія, воскресая духовно, воскреснетъ и физически въ новой силѣ и могуществѣ. Такой великій предметный урокъ победы духовнаго начала естественно будетъ имѣть большое значеніе для *всего* человѣчества. Эта побѣда обозначитъ наступленіе новой эпохи — *духовно-активной*. Знаменоносцемъ этой эпохи будетъ Россія въ силу ея духовной побѣды. И всѣ ея страданія послѣднихъ лѣтъ и предстоящее великое одолѣніе составятъ цѣннѣйшій вкладъ, внесенный Россіей въ сокровищницу человѣческой культуры...

Когда это случится, всѣмъ станетъ понятно истинное значеніе идеи «Народа Богоносца»,—носителя Божественнаго духовнаго начала, которое онъ призванъ внести въ среду, нуждающуюся въ этомъ старомъ и все же вѣчно новомъ откровеніи.

Пусть-же тяжелые будни не скроютъ передъ нашими глазами глубокой смыслъ происходящей въ Россіи великой борьбы и не отнимутъ у насъ увѣренности въ предстоящей побѣдѣ русскаго народа!

Г. Г. Бахъ.

О ПОКЛОНЕНИИ ФАКТАМЪ.

«Фактопризнание» и «фактопоклонство»... Если хорошенько вдуматься въ эти термины, то станетъ вполне ясно, чѣмъ наша идейная и политическая позиція отличается — съ одной стороны отъ настроеній реставраторовъ, у которыхъ по выраженію князя П. А. Вяземскаго «глаза на затылкѣ, *) а, съ другой — отъ канона славословящихъ революцію радикаловъ, отъ всѣхъ ея «пріятелей». Учитывая совершающуюся революцію и все то «новое», что въ результатѣ ея появилось, мы рѣшительно отказываемся не только радоваться ей, но и признавать какія то ея миѳическія «завоеванія», ради которыхъ стоило и надо было ее дѣлать. Смѣшно думать, что исторіи можно командовать «отставить!»; но отвратительно лицедрѣть людей, которые на «плевокъ въ глаза» говорятъ, что это де «Божья роса»... Падши, поклониться и возславить позоръ и паденіе Россіи?.. Никогда!.. Но это нежеланіе поклониться идолу революціи и всему тому скудоумному интеллигентскому міровозрѣнію XIX в., которое отчасти и подготовило крахъ исторической Россіи, *ни въ какой мѣрѣ* не противорѣчитъ глубокой и горячей вѣрѣ въ возрожденіе Россіи и въ новую, уже возрождающуюся Россію. И лишь слабой и бездоказательной демагогіей является высказываемое иногда мнѣніе, что рѣшительно отрицать реставрацію можетъ лишь тотъ, кто не только *признаетъ* факты, но кто еще и *поклоняется* имъ (пресловутое «фактопоклонство»!).

Однако эту демагогію очень многіе принимаютъ въ серьезъ. Люди, придерживающіеся дореволюціоннаго трафарета, считаютъ прямо таки логически обязательнымъ то положеніе, что всѣ рѣшительные противники реставраціи тѣмъ самымъ обязаны присягнуть революціонному знамени, обязаны поклониться кумирамъ и идоламъ революціи, принять самую душу ея.

*) Такихъ реставраторовъ у насъ, впрочемъ, *очень мало*...

Мы никогда этой присяги не принесемъ! Мы утверждаемъ безъ всякихъ оговорокъ, что какова бы ни была прежняя Россія, — въ 1917 году надъ нею стряслась величайшая *бѣда*, приведшая ее къ небывалому физическому и моральному *падению*...

Но развѣ это связано непременно съ намѣреніемъ произвести «реставрацію»? Или развѣ противникъ реставраціи долженъ быть непременно поклонникомъ революціи?! Приведу нѣсколько примѣровъ.

Есть ли на примѣръ у японскаго патріота, проклиная землетрясеніе, лишившее его семьи и крова, логическая необходимость — тупо, слѣпо и упрямо направлять свою ладью на мель или на скалу, образовавшуюся *вслѣдствіе* землетрясенія на мѣстѣ прежняго причала? «Проклинаю» моль «землетрясеніе и потому не желаю признавать измѣненій, отъ него происшедшихъ»!...

Или: должны ли всѣ тѣ, кто квалифицируетъ изнасилованіе, какъ актъ уголовный, избивать на этомъ основаніи всѣхъ дѣтей, отъ этого акта происшедшихъ? «Осуждаю актъ, значитъ искореняю и его послѣдствія».

Или обратно: обязаны ли мы логически, мы, не только воспринявшіе всѣ отрицательныя послѣдствія татарскаго ига, но иногда несущіе въ своихъ жилахъ самую кровь монгольскихъ насильниковъ (а таковы многіе изъ насъ, и даже съ чисто русскими именами) — благословлять на этомъ основаніи татарское иго и «отрицать» подвиги Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, Дмитрія Донскаго, Осляби, Пересвѣта и всѣхъ, кто стоялъ за русскую землю?! «Принимаю послѣдствія — значитъ благословляю и причины»...

Казалось бы, все это достаточно безспорно и извѣстно нашимъ противникамъ слѣва... Но если такъ, то почему же они каждый разъ, когда мы по заслугамъ квалифицируемъ «великую» и «безкровную», приписываютъ намъ или стремленіе къ реставраціи или отверженіе послѣреволюціонной Россіи? Почему, когда мы зло называемъ зломъ, а ночь — ночью, когда мы вспоминаемъ, что въ такомъ-то, на примѣръ, году нашъ ребенокъ чуть не умеръ отъ тифа или чумы, насъ увѣряютъ, что мы его, уже оправляющагося послѣ болѣзни — должны ненавидѣть?...

Чтобы понять это, надо слегка видоизмѣнить нашъ вопросъ: надо спрашивать не *почему* это дѣлается, а *для чего*...

Цѣль совершенно ясна: чтобы «спихнуть» насъ въ глазахъ безпартійной массы въ число людей, не считающихся съ фактами, въ число людей, у которыхъ поэтому «нѣтъ будущаго» и которые завѣдомо обречены на неуспѣхъ. Это главный козырь всѣхъ демагоговъ. Но маневръ этотъ слишкомъ ясенъ и наивенъ. И мы неустанно будемъ изобличать его и парировать.

Всѣхъ «пріятелей» революціи можно раздѣлить на удачныхъ и незадачливыхъ, на пользующихся ея взаимностью и «отвергнутыхъ поклонниковъ». Къ первымъ принадлежатъ господа большевики. Они дѣйствительно могутъ говорить о своихъ «завоеваніяхъ»: они «завоевали» *Россію*. Ко вторымъ же относятся всѣ тѣ, кто прославляетъ революцію, очевидно въ надеждѣ — терпѣніемъ заслужить ея будущее расположеніе; кто, сидя не въ Москвѣ, а въ Парижѣ, устраиваетъ въ ея честь «получествованія» и «полупраздники». Именно — *получествованія* и *полу*-праздники. Ибо радоваться безъ всякихъ оговорокъ — ужъ очень невыгодно политически и очень ужъ нелѣпо. И именно потому эти «юбилеи» и справляются въ какихъ то полу-праздничныхъ тонахъ. Съ одной стороны, говорится, что собрались не для скорби и не для радости; а съ другой, что все таки есть чему и радоваться... Такъ же говорится и о томъ, какъ *произошла* революція: не то *они* ее дѣлали, не то она «сама сдѣлалась»... Но если она «сама сдѣлалась», такъ чѣмъ же *они* въ то время занимались? фотографіей? Если это былъ «неизбѣжный процессъ», то для чего же они участвовали въ партіяхъ «содѣйствія неизбежному»? Странная это партія — «партія содѣйствія солнечному затменію»...

У людей не хватаетъ прежде всего мужества для того, чтобы прямо сказать: «мы такъ ненавидѣли прошлое, что лишились разсудка, съ жира бѣсились, ждали революціи, желали ея, содѣйствовали ей; а теперь мы видимъ, что совершили *преступленіе*, каемся въ немъ и ищемъ только способа, какъ бы искупить нашу вину»... Этого они конечно и не скажутъ. Они будутъ восхвалять революцію, не рѣшаясь даже и это сдѣлать открыто; будутъ восхвалять потому, что *восхваленіе революціи есть ихъ личное оправданіе*; а *открытое* восхваленіе и радость — доступны только большевикамъ, подлиннымъ и единственнымъ завоевателямъ.

Жизнь идетъ впередъ; и прошлаго не вернешь.

Но если господа демагоги, спекулирующіе въ политической борьбѣ понятіемъ «реставраціи», *дѣйствительно боятся ея* — то это означаетъ, что они сами *считаютъ ее возможною*. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, бояться призраковъ!... А мы, прежде всего, *не въпримѣ въ ея возможность* и потому отказываемся обсуждать вопросъ: «что бы было, если бы было то, чего не будетъ». И если есть русскіе патріоты, очарованные былой красотой, славой и мощью Императорской Россіи, которые вѣрятъ въ эту возможность, хотятъ устроить все «точь въ точь по прежнему», какъ было, и растрачиваютъ свои силы на эти безплодныя мечтанія, — то только объ этомъ въ сущности и стоить говорить съ ними. Ре-ставрація означаетъ точно — возстановленіе, т. е. поставленіе всего на прежнее мѣсто; полной реставраціи поэтому вообще не бываетъ. Но что же мы видимъ въ Россіи, пережившей десять разрушительныхъ лѣтъ? Вѣдь если мы возвращаемся въ свой домъ тотчасъ же послѣ того, какъ въ немъ побывали воры, то и тогда рѣдко удастся все возстановить и разставить попрежнему; можно поднять опрокинутый столъ, задвинуть ящикъ стола, открыть форточку для провѣтриванія... Но чаще бываетъ такъ, что не только опрокинуть стулъ, но и разбита ваза-уникумъ, какой не купишь въ посудномъ магазинѣ; унесены старинные часы, подарокъ дѣда, которыхъ ничѣмъ не замѣнишь... И это еще лучший исходъ... А теперь, а въ Россіи? Надо же видѣть дѣйствительность, какъ она есть!

Международные воры, собравшись со всѣхъ концовъ міра, какъ мухи облѣпили русскую рану. Квалифицированные специалисты по взлому, грабежу, расхищенію и порчѣ чужого имущества и сбыту краденаго — вотъ уже десять лѣтъ сидятъ въ Кремлѣ, поминутно, еще до всякаго ухода «хлопая дверьми». Они не только уничтожаютъ, продаютъ, расхищаютъ и портятъ національное русское имущество, но еще непрерывно отравляютъ души нашихъ дѣтей, захваченныхъ ими еще въ колыбеляхъ. Десять безумныхъ, «великихъ» по безмѣрности разрушенія лѣтъ!... Вырубленъ садъ, сожженъ домъ, развезенъ по кирпичику фундаментъ, *умерли близкіе*... «Соколъ въ рощу улетѣлъ, на кобылку недругъ сѣлъ»... О какомъ же внѣшнемъ, механическомъ возстановленіи можетъ быть рѣчь?! Исторію нельзя попросить вернуться на десять лѣтъ назадъ и начать вновь двигаться съ того мѣста, которое мы ей укажемъ.

Русскіе патріоты не могут и не должны обманывать себя сказкой. Передъ ними иная задача, — не механической реставраціи, а *возрожденія*.

Быть можетъ кое кому еще и теперь кажется заманчивой сказка о спящей царевнѣ и роль королевича въ этой сказкѣ. Однако, заставить заснувшаго пѣтуха допѣть свое «... ре-ку», продолживъ начатое сто лѣтъ тому назадъ «ку-ка...»,—вѣдь это только сказка. Не говоря уже о томъ, что врядъ ли найдется теперь хоть одинъ «королевичъ», который захотѣлъ бы разбудить *всѣхъ* придворныхъ въ остановившемся царствѣ, особенно тѣхъ, кто по умыслу, или по легкомыслію виновенъ въ томъ, что злая волшебница (революція) проникла въ замокъ и наколола своимъ (коммунистическимъ) веретеномъ прекрасную руку царевны.

Даже на кладбищѣ, этой обители смерти, непрерывно идетъ живая жизнь; даже тамъ, подъ землей, гдѣ для насъ только одна смерть, идутъ неуклонно процессы разложенія стараго, но и *созданія новаго*. А изнемогающая, но борящаяся, поверженная, но живая *Россія* — *не кладбище!*

Если бы даже завтра были свергнуты большевики, то все равно въ *старую*, дореволюціонную Россію, нельзя было бы попасть, сѣвъ на самый скорый поѣздъ. Чтобы «пріѣхать» въ старую Россію, надо было бы сѣсть на фантастическую «машину времени» Уэльса, повернувъ рычагъ назадъ. «Возвратиться» въ нее можно лишь на крыльяхъ воспоминаній (пусть даже благородныхъ!) ...

Что же дѣлать? Примириться со всѣмъ настоящимъ? Не только трезво считаться съ нимъ (фактопріятіе), но и благословлять его (фактопоклонство)? Повторить исторію хама; распахать старое кладбище; истопить послѣдніе кресты съ могилъ павшихъ братьевъ; радоваться «завоеваніямъ» революціи; бормотать что то несвязное о «старомъ режимѣ» и «проклятомъ царизмѣ»; уподобляясь самодовольнымъ евразійскимъ пѣтухамъ, любовно копаться въ коммунистической кучѣ навоза, отыскивая въ ней мнимыя жемчужныя зерна; заколотить осиновый колъ въ свѣжія могилы казненныхъ большевиками безстрашныхъ героевъ, чтобы заслужить отъ палачей званіе «реального политика»?! ...

Нѣтъ! Не такова наша задача!

Проблема познанія дѣйствительности намъ вовсе не чужда. Трезвость и изученіе фактовъ — нашъ долгъ. Но проблема познанія не устраняетъ гораздо болѣе важнаго и существеннаго: *оцѣнки событій и дѣйственныхъ выводовъ*. И здѣсь мы должны сказать, что отъ противника реставраціи не только не требуется прославленія революціи, но наоборотъ: чтобы изжить болѣзнь, надо страстно съ нею бороться. Да, конечно, — бороться *разумно*; но это уже вопросъ о выборѣ средствъ. И этого, повидимому, многіе не понимаютъ.

Докторъ, желающій вывести организмъ изъ болѣзненнаго состоянія, не можетъ быть только діагностомъ; онъ не можетъ быть и безстрастнымъ ея спутникомъ; онъ долженъ быть психологически ея страстнымъ врагомъ и борцомъ съ ней...

Кто думаетъ, что пожаръ всегда «служить къ украшенію Москвѣ», кто не испытываетъ горечи при видѣ зарева Россіи, кто или отъ усталости, или по слѣпотѣ, или для самоутѣшенія принимаетъ «зареву» за «зарю», — тому какъ разъ психологически очень трудно впрячься всѣмъ своимъ существомъ въ строительство новой Россіи, въ дѣло ея возрожденія. Конечно, пепель отъ пожара очень часто служить хорошимъ удобреніемъ и нерѣдко на пожарищѣ гуще зеленѣетъ свѣжая поросль. Пусть такъ. И конечно нелѣпы и просто глупы раздающіеся иногда (и слѣва, и справа) разговоры о томъ, кого «пустятъ», а кого «не пустятъ» въ Россію послѣ ея освобожденія. Но несомнѣнно однако, что *поджигателямъ вообще очень трудно стать пожарными*, а тѣмъ болѣе строителями новаго дома: нужны другіе навыки, другія привычки и иной паѳосъ. Недаромъ въ *новой* Россіи строительство ведется сейчасъ руками не присяжныхъ пиромановъ, а *старыхъ* спецовъ-строителей...

Намъ же, находящимся здѣсь, *всѣмъ*, пора казалось бы помянуть, что вмѣсто дней «полу-радости» намъ нуженъ общій день *покаянія* за все, содѣянное всѣми нами съ Россіей, нелукаваго покаянія за все наше прежнее безуміе. Это, и только это настроеніе есть и субъективное условіе, и объективная предпосылка для дѣйствительнаго служенія Родинѣ.

Н. Цуриковъ.

КОММУНИСТИЧЕСКІЙ ЗАГОВОРЪ ТЫСЯЧА ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Вдохновителемъ и первымъ организаторомъ движенія былъ глазной врачъ Абдалла Ибнъ Маймунъ. Онъ родился въ началѣ IX вѣка по Р. Х. въ Ахвазѣ и происходилъ изъ интеллигентной персидской семьи. Формально Абдалла считался мусульманиномъ, а въ дѣйствительности по своимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ матеріалистамъ и атеистамъ. Ихъ было довольно много въ тѣ времена не только среди арабской и персидской интеллигенціи, но и среди буржуазіи и знати.

Ахвазъ, теперешній Хузистанъ, — страна, находящаяся къ востоку отъ нижняго теченія Тигра, входилъ тогда въ составъ Арабскаго Халифата, однако старыя персидскія традиціи еще крѣпко держались среди его жителей и въ душѣ персы презирали завоевателей — арабовъ.

Кончался первый блестящій вѣкъ владычества арабской династіи Халифовъ-Аббасидовъ, наступали времена упадка. Одной изъ причинъ упадка было *разложеніе правящаго класса* государства, арабскаго военнаго дворянства, потомковъ людей, завоевавшихъ Сирію и Персію. Суровая, фанатичная вѣра, военный складъ ума измельчали, исчезли и перестали быть модными. Багдадъ — столица Арабской Имперіи, напоминалъ собой Парижъ XVII вѣка: люди философствовали, веселились, вольнодумствовали и суевѣрничали. Такъ было на верхахъ; средніе же слои и низы жили, какъ ихъ отцы, въ сферѣ все захватывающаго религіознаго интереса, и раціонализмъ образованныхъ людей доходилъ до нихъ лишь въ формѣ фермента, не уничтожавшаго религіозную жизнь, а заставлявшаго ее только *бурно бродить*.

Больнымъ мѣстомъ господства Аббасидовъ были династическіе споры: ихъ права на Халифатъ оспаривались потомками Али, зятя Магомета; а вокругъ этого запутался цѣлый клубокъ вопросовъ мусульманской догматики и мистики, а также и на-

ціональний вопросъ — персы противъ арабовъ. Конечно, большую роль играли, какъ всегда, и соціальныя проблемы. Населеніе той части Халифата, которая раньше была независимымъ персидскимъ царствомъ, особенно бѣднѣйшее, не было еще тѣхъ уравнительно-коммунистическихъ мѣропріятій (въ томъ числѣ и общности женъ), которыя въ началѣ VI-го столѣтія осуществлялись проповѣдникомъ новой вѣры Мадакомъ съ одобренія царя Кавада изъ національной персидской династіи Сассанидовъ. Правда, эти эксперименты экономически и морально сильно разстроили Персидское государство и были не только прекращены, но и завершились *истребленіемъ* почти всѣхъ мадакистовъ; однако опытъ показываетъ, что мечты о «черномъ передѣлѣ» и «поравненіи имущества», разъ запавшія въ душу крестьянъ, городскихъ низовъ и беспочвенныхъ теоретиковъ, не такъ то легко вывѣтриваются.

Въ описываемое время *) власть Багдадскихъ халифовъ еще производила впечатлѣніе прочности, а страна уже была покрыта *сѣтью тайныхъ обществъ*, политическихъ и религіозныхъ. Онѣ появились еще до выступленія Абдаллы ибнъ Маймуна; но онъ съ бѣсовскою хитростью систематизировалъ пропаганду, обосновавъ ее на *правдоподобномъ и постепенномъ обманѣ*, и далъ ей прочную организацію. Арабскій историкъ XIV в. Макризи даетъ слѣдующую характеристику персидскаго революціонера: «Абдалла прекрасно зналъ всѣ религіи и всѣ секты. Онъ составилъ систему ученія, раздѣливъ ее на семь степеней знанія или посвященія. Прозелитъ долженъ былъ послѣдовательно проходить черезъ нихъ до тѣхъ поръ, пока, сбросивъ иго всякой религіи, онъ не становился настоящимъ матеріалистомъ, не признающимъ ни существованія Бога, ни какихъ-либо законовъ нравственности».

Такъ какъ пропаганда обращалась къ людямъ разныхъ расъ, убѣжденій и религій, то инструкція предписывала агитаторамъ *особый подходъ* при обращеніи къ каждой группѣ населенія. Въ примѣненіи къ мусульманамъ способъ постепеннаго овладѣванія человѣческой душой былъ примѣрно слѣдующій.

*) См. литературу вопроса, особенно: S. de Sacy. Exposé de la religion des Druzes; M. J. de Goge. Carmathes du Bahrain; ero же La fin des Carmathes; ero же Carmathes et Fatimides; T. J. de Boer. Geschichte der Philosophie im Islam; E. G. Browne. Literary History of Persia; M. A. Nicholson. Literary History of the Arabs; а также Nöldeke. Encyclopédie de l'Islam; и др.

Тайный эmissаръ движенія (дай), подходя къ намѣченному имъ лицу, вступалъ съ нимъ въ разговоръ на религіозныя темы, стараясь смутить совѣсть будущаго прозелита всякими каверзными вопросами. Одновременно дай намекалъ, что онъ обладаетъ знаніями, которыя даютъ ему возможность разрѣшить всѣ сомнѣнія собесѣдника.

Такъ шли встрѣчи; потомъ, неожиданно, пропагандистъ замолкалъ и скрывался. Тогда тѣ, для кого все это было не пустымъ разговоромъ, а удовлетвореніемъ глубокой внутренней потребности просвѣщенія, сами отыскивали дая и просили, умоляли, требовали успокоенія. Имъ отвѣчали, что истина открывается не всѣмъ, а только избраннымъ и вѣрнымъ.

Какія нужны доказательства вѣрности? — Присяга и матеріальныя жертвы.

Если искатель истины соглашался, то онъ получалъ посвященіе и принимался въ общество.

Въ началѣ все сводилось къ тому, чтобы заставить адепта *слѣпо вѣрить* только руководителямъ общества и никому другому; но основные догматы Ислама открыто не затрогивались; такимъ образомъ пребываніе на низшихъ степеняхъ тайнаго общества едва-ли болѣе смущало мусульманина IX вѣка, чѣмъ участіе въ тайныхъ «орденахъ» и въ масонскихъ ложахъ соблазняло православнаго русскаго въ XVIII и XIX вѣкѣ. Можно думать, что три первыя степени системы Абдаллы по своей видимой безобидности приблизительно и соотвѣтствовали тремъ общеизвѣстнымъ степенямъ, — ученика, подмастерья и мастера — въ современномъ масонствѣ. Далѣе совершался переломъ.

Четвертая степень уже являла собой начало явнаго отступничества отъ правовѣрнаго мусульманства, такъ какъ въ ней прозелиту открывали, что Магометъ — не послѣдній и не *высшій* пророкъ.

Ученіе *пятой степени* шло еще дальше. Посвященному въ нее внушалось презрѣніе къ общепризнаннымъ толкованіямъ догматовъ и обрядовъ и указывалось на необходимость *исканія вездѣ скрытаго смысла*. Самихъ обрядовъ пока не трогали, но намекали, что правила жизни, установленныя Магометомъ, могутъ быть современемъ отмѣнены. Здѣсь дѣлали остановку.

Если считать, что первыя 3 степени представляли собой группу низшаго, а 4-ая и 5-ая степени — группу средняго вѣ-

дѣнія, то теперь начиналась область высшаго знанія. Допускъ въ нее производился съ большимъ выборомъ.

Шестая степень. Въ ней уже безъ обиняковъ указывалось на ненужность молитвы, постовъ, поломничества, вообще всякихъ догматовъ и обрядовъ, основатели всѣхъ религій объявлялись обманщиками, а «мудрецы» — единственными обладателями истины. Членамъ общества внушалось теперь полагаться лишь на *силу разума* и относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ релігіознымъ преданіямъ.

Въ общемъ можно сказать, что адепты шестой степени по своему міросозерцанію должны были напоминать собой нашихъ атеистовъ и деистовъ XVIII-го вѣка или позитивистовъ XIX-го. Дальше почти никого не пускали. Изъ исторіи общества видно, что даже не всѣ даи имѣли посвященіе выше 6-ой степени и *многіе изъ нихъ думали, что здѣсь конецъ ученія.*

Они ошибались: не вольнодумство было послѣднимъ словомъ тайной мудрости заговорщиковъ. Дѣйствительно, въ *седьмой степени* отъ раціонализма поворачивали назадъ къ *мистикѣ*, но проповѣдывался уже не Единый Богъ, а *дуализмъ*. Этотъ принципъ развивался затѣмъ подробно въ *восьмой* и *девятой степеняхъ*, о существованіи которыхъ мы дополнительно узнаемъ отъ Макризи и его предшественника Новаири. Сообщенія обоихъ арабскихъ историковъ объ этомъ не совпадаютъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но все таки ясно, что дуализмъ верхами общества воспринимался въ формахъ очень близкихъ къ ученію Манихеевъ, т. е. въ сущности утверждалась извѣчность и *принципіальное равенство добра и зла*, Бога и Дьявола. Отъ такого дуализма не трудно перейти къ *чистому сатанизму* и въ послѣдствіи этотъ шагъ часто дѣлался.

Съ точки зрѣнія релігіозной психологіи переходъ отъ невѣрія 6-ой степени къ спутанной, а иногда и прямо *черной вѣрѣ* трехъ высшихъ степеней—является чрезвычайно интереснымъ и знаменательнымъ фактомъ. Онъ указываетъ на ту связь, которая существуетъ въ человѣческой психикѣ между атеизмомъ и какимъ-то страннымъ мистицизмомъ. У одного изъ современныхъ нѣмецко-еврейскихъ вольнодумцевъ, недавно умершаго Ф. Маутнера, мы находимъ въ предисловіи къ его книгѣ «Атеизмъ и его исторія на Западѣ» поразительныя слова: «то, что я, созидая, стараюсь предложить между строкъ моей разрушительной книги, т. е. мое кредо, это — нѣкая *безбожная ми-*

стика, которая, может быть, вознаградить за длинноту сомнѣній».

Съ большой силой и глубже, чѣмъ кто либо, проникаетъ въ эту область Достоевскій, вскрывая бѣсовскій характеръ такого мистицизма. То, что онъ писалъ, не только пророчески объясняетъ намъ настоящее, но и служитъ ключомъ къ пониманію многого въ далекомъ прошломъ. Въ свѣтѣ идей Достоевскаго точно живая встаетъ передъ нами мрачная фигура персидскаго заговорщика. Петръ Верховенскій — мелкій бѣсъ передъ нимъ. Дерзанію Абдаллы нѣтъ предѣловъ, запретнаго для него не существуетъ; для достиженія поставленной цѣли, для овладѣнія властью, для *господства надъ тѣлами и душами людей* приводится въ движеніе и человѣческое благородство, и человѣческая подлость. Нужно использовать вѣрность и преданность — и создается идея *грандіознаго самозванства*: персъ объявляетъ себя арабомъ, потомкомъ Фатимы, дочери Магомета, жены его сподвижника Али. Не всѣмъ и не сразу объ этомъ говорятъ: *таинственность* должна сдѣлать успѣхъ болѣе вѣрнымъ, поэтому открытое выступленіе оттягивается, и Абдалла, не успѣвъ самъ использовать своего плана, умираетъ въ неизвѣстности, но таинственный Обайдалла, царствовавшій потомъ въ Африкѣ, былъ, вѣроятно, его внукомъ.

Для начала и развитія дѣятельности Абдаллѣ нужны были большія средства и ихъ ему дала человѣческая низость, величайшій изъ пороковъ — *зависть*. Была объявлена коммунистическая программа, началось большевицкое движеніе и въ распоряженіе соціальнаго реформатора стали поступать, большія средства отъ dobroхотныхъ, а чаще отъ недobрохотныхъ дателей.

Вотъ что рассказываетъ арабскій писатель, шерифъ Акху Мохсинъ, о коммунистическомъ законодательствѣ одного изъ главарей Хамданъ Кармата. Въ каждомъ поселеніи, гдѣ утверждалась власть секты по его приказанію, все имущество сносилось въ одно мѣсто и устанавливалось общее пользованіе. Дай выбиралъ человѣка, заслуживающаго, по его мнѣнію, довѣрія и послѣдній принималъ въ свое завѣдываніе всю частную собственность жителей: скоть, драгоцѣнности, домашнюю утварь и т. д. На обязанности эконома лежало снабженіе нуждающихся всѣмъ потребнымъ, напрімѣръ, одеждой, изъ этого запаса. Послѣ того, какъ такое устройство жизни прочно уста-

навливалось, Хамданъ Карматъ давалъ даямъ предписаніе въ опредѣленную ночь собрать всѣхъ женщинъ даннаго мѣстечка въ одно зданіе, гдѣ онѣ тоже предоставлялись въ общее пользование всѣхъ мужчинъ. По мнѣнію учителя, это было послѣдней, высшей степенью дружбы и братскаго единенія.

Несмотря на такія крайности, дѣло велось очень тонко. Самъ Абдалла держался въ тѣни и спокойно жилъ у себя на родинѣ, въ Хузистанѣ, тайно руководя оттуда своими послѣдователями. Его роль долгое время не была ясна, но подъ конецъ все-таки обнаружилась и правительство Халифа приказало арестовать вдохновителя смуты. Онъ спасся бѣгствомъ, сначала въ Басру, а потомъ въ сѣверную Сирію, въ городъ Саламію, куда давно уже переѣхалъ его сынъ Ахметъ. Это было около 875 года. Дальнѣйшая судьба революціоннаго вождя окутана туманомъ: какъ и когда онъ умеръ—точно неизвѣстно, но въ 897 году во главѣ движенія стоялъ уже не Абдалла, а Ахметъ.

Послѣ смерти инициатора жизнь его широко задуманнаго предпріятія пошла по тремъ путямъ. Въ Сиріи заговорщики выступили открыто, но успѣха не имѣли. Ахметъ былъ убитъ подъ Дамаскомъ; погибли и другіе вожди, и около 900 года движеніе было тамъ окончательно задавлено.

Иная судьба ждала Африканскую вѣтвь общества. Преемникъ Ахмета, Обайдалла, о которомъ уже упоминалось, спасся послѣ Сирійскаго разгрома и добрался до теперешняго Марокко. Тамъ онъ нашелъ преданныхъ послѣдователей и съ ихъ помощью въ 909 г. занялъ положеніе независимаго монарха. Это былъ первый Халифъ изъ династіи Фатимидовъ. Ей постепенно подчинилось большинство африканскихъ мусульманъ; въ Богдадѣ же усидѣли Аббасиды.

Третій жребій выпалъ на долю революціонеровъ на югѣ. Въ самомъ началѣ X в., выбитые изъ Месопотаміи и Персіи, они подъ начальствомъ главнаго дая Персіи, бывшаго торговца мукой, Абу-Саида, захватили Бахрайнъ, полуостровъ на восточномъ берегу Аравіи. Здѣсь члены Общества образовали государство большевицкаго типа. Ихъ стали называть карматами, по имени одного изъ старыхъ вождей Хамданъ Кармата, хотя послѣдній самъ въ Бахрайнъ не попалъ. Большой силы эта разбойничья община не представляла; едва-ли она когда либо могла выставить въ поле самостоятельно, безъ помощи бедуиновъ, болѣе 2.000 всадниковъ, а между тѣмъ сосѣдъ карматовъ

Багдадскій халифатъ, государство съ миллионами жителей, съ возможностью мобилизовать сотни тысячъ человѣкъ, не только не былъ въ состояніи уничтожить бахрайнскую шайку, но неоднократно ставился ею въ очень тяжелое, почти отчаянное положеніе. Загадка эта для насъ, русскихъ, наблюдающихъ взаимоотношенія Европы и Московскихъ коммунистовъ, затрудненій не представляетъ. Сила большевиковъ всѣхъ временъ и народовъ заключается не въ нихъ самихъ, а лишь въ безволіи или недомыслии ихъ противниковъ и въ поддержкѣ со стороны. Такъ и теперь, въ XX вѣкѣ, третій интернаціональ править Россіей между прочимъ и по милости европейской буржуазіи, ибо большая ея часть, хотя и боится большевиковъ, но страдаетъ безволіемъ, а радикальное меньшинство ея чувствуетъ съ большевиками неизъяснимое сродство душъ.

Нѣчто подобное происходило и въ Западной Азіи въ X вѣкѣ. Весь Багдадскій халифатъ былъ наполненъ *тайными друзьями карматовъ*. Въ городѣ Басрѣ въ это время существовалъ кружокъ философовъ и ученыхъ, извѣстный подъ именемъ: «Братьевъ Чистоты». По своей литературной дѣятельности и по другимъ признакамъ братья напоминали французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія. Они имѣли отдѣлы своего общества во многихъ городахъ и возглавляли радикальную буржуазію страны. И такъ какъ сохранились документы, удостоверяющіе связь, по крайней мѣрѣ, идейную, между «Братями Чистоты» и карматами, то можно думать, что передовая интеллигенція страны скорѣе мѣшала, чѣмъ помогала своему правительству въ его борьбѣ съ послѣдователями Абдаллы. Внѣшнюю поддержку заговорщикамъ оказывали Халифы-Фатимиды. Положеніе ихъ было двойственное: съ одной стороны каждый Халифъ-Фатимидъ былъ главою богобоязненнаго и буржуазнаго государства, съ другой — Гросмейстеромъ атеистическаго и коммунистическаго тайнаго ордена, куда входили и карматы. Второе званіе приходилось держать въ секретѣ отъ своихъ подданныхъ, но отказаться отъ него тоже было невыгодно. Карматы слушались Фатимидовъ, а тѣ тайно поддерживали карматовъ; однако отношенія были слишкомъ сложными для того чтобы можно было избѣжать конфликта. Дѣйствительно въ 917 г. бахрайнскіе большевики обратили оружіе противъ своихъ высокихъ покровителей. Связь порвалась. Къ этому времени измѣнилось и раціоналистическое настроеніе

арабской и персидской интеллигенціи. Слепое преклоненіе передъ разсудкомъ пропало у многихъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ жизненныхъ уроковъ (это мы видимъ и на себѣ). Два раза, въ 920 г. и въ 924 г., городъ Басра, одно время центръ интеллектуальной жизни страны, подвергался жестокому разгрому со стороны карматовъ. Когда они грабили, то едва-ли разбирали, чью собственность социализировали, — обскуранта или своего идейнаго единомышленника, — радикальнаго интеллигента.

Буржуазная сознательность является не сразу, тому примѣръ современная Европа; но подъ конецъ она все-таки возникаетъ. Возникла она и въ халифатѣ. Одновременно происходилъ въ немъ еще одинъ процессъ, неблагоприятный для послѣдователей Абдаллы: расхлябанное арабское дворянство стало вытѣсняться новымъ военнымъ дворянствомъ: грубыми и примитивными, но твердыми офицерами турецкой наемной гвардіи.

Такъ усиливались противники большевицкаго государства; а въ немъ самомъ шелъ неизбежный развалъ. Талантливые вожди вымерли. Ихъ единоначаліе замѣнилось коллективной властью; партійная дисциплина пала, разбойничья солидарность смѣнилась раздорами, коммунистическіе лозунги потеряли свою притягательную силу, а таинственный вождь оказался просто сосѣднимъ монархомъ, халифомъ въ Каирѣ. Къ этому присоединилось еще и то, что экономическая база социалистической общины, а именно эксплуатація примыкающихъ буржуазныхъ государствъ, перешла въ руки конкурентовъ-бедуиновъ: послѣдніе отняли у обезсиленныхъ бахрайнскихъ большевиковъ право взиманія дани. Карматское государство возникло приблизительно въ 900 г., а уже около 980 г. его значеніе было ничтожно, но оно продолжало влачить свое существованіе еще въ теченіе 100 лѣтъ. Въ концѣ XI в. карматы были уничтожены окончательно.

Такъ безславно кончился и этотъ коммунистическій опытъ. Онъ не былъ первымъ въ исторіи человѣчества, а современный намъ московскій не будетъ послѣднимъ. Всѣ они обречены на неудачу, такъ какъ основываются на злобѣ, зависти, ненависти, вообще на злѣ; а зло не созидательно.

Масштабъ безсовѣстнаго русскаго эксперимента неизмѣримо больше арабскаго, но если сравнить замыслы обоихъ идеологовъ, Ленина и Абдаллы, то по широтѣ задачи второй превосходитъ перваго.

Цѣль Ленина (по крайней мѣрѣ видимая) — ввести вездѣ коммунизмъ, а уничтоженіе религіи и морали есть лишь средство для этого; намѣреніе же Абдаллы обратное: онъ хотѣлъ *вытравить вѣру и совѣсть* изъ людскихъ душъ, коммунизмъ же долженъ былъ только облегчать достиженіе главной цѣли.

Абдалла опаснѣе Ленина. Марксистъ изъ Симбирска — человѣкъ определенной эпохи, совратитель худшихъ людей; а персъ своимъ тонкимъ методомъ обволакиванія души, постепеннаго отвода какъ разъ лучшихъ людей отъ добра къ злу, создалъ *школу соблазна универсальнаго значенія*. Имя зловѣщаго врача почти забылось, но ядовитое дыханіе его метода чувствовалось въ теченіе многихъ вѣковъ и у многихъ народовъ. Оно чувствуется и сейчасъ.

Странникъ.

УРОКИ РЕВОЛЮЦІИ.

Урокъ неожиданный и кровавый...

Пушкинъ.

Ошибка не бѣда, если она чему нибудь научаетъ; и бѣда не катастрофа, если она таитъ въ себѣ исцѣляющіе уроки.

Революція застала русскихъ людей въ состояніи политической неопытности, непониманія, безъ идеи и безъ воли. Отсюда — всеобщая растерянность и безпомощность; отсюда же та видимость чуть ли не всеобщей національной «безхарактерности» и почти «предательства», которая навсегда останется загадкою для иностранцевъ. Русскіе люди *не разумѣли* происходящаго и *не умѣли* бороться. А революціонеры явились къ нимъ съ той *организаціонной изощренностью*, которая вынашивалась на западѣ вѣками: ибо большевики сочетали организаціонную технику езуитизма и инквизиціи съ политическою техникою макіавеллизма, тайныхъ орденовъ, полицейскаго сыска и западно-европейскаго революціоннаго пролетаріата.

Этой *соціально-организаціонной изощренности* мы не могли противопоставить ничего равно-сильнаго и въ тоже время *духовно-достойнаго*. Въ этомъ одна изъ самыхъ основныхъ *причинъ* «успѣха» революціи.

Оставаться въ этомъ состояніи наивнаго неумѣнія мы впредь не можемъ и не смѣемъ. Мы должны привыкнуть *учиться у событий* и *строиться на ходу* — одни въ кипящемъ котлѣ большевицкаго ига, другіе въ изгнаніи и нищетѣ. Намъ необходимы *реальные выводы* и *волевыя рѣшенія*. Иначе мы не спасемъ Россію и не возстановимъ ее.

Вотъ нѣкоторые, основные выводы и уроки.

1. Политика не есть что то такое, что дѣлается кѣмъ то «другимъ» — для насъ и за насъ, безъ нашего участія и безъ нашей отвѣтственности. Рады мы или не рады,—но времена, когда люди *такъ* жили и *такъ* думали, прошли безвозвратно.

Это совсѣмъ не значить, что каждый изъ насъ призванъ постоянно во все вмѣшиваться, кипѣть въ несытомъ честолюбіи, все бранить и самовольно командовать. Но это значить, что каждый изъ насъ призванъ *имѣть свое собственное убѣжденіе въ вопросахъ политическаго добра и зла*; и что каждый изъ насъ обязанъ *вкладывать свою волю въ ходъ государственныхъ событий*: то убѣжденнымъ словомъ, то обдуманномъ молчаніемъ (это иногда труднѣе!); то возмущающимъ повиновениемъ, то открытымъ, прямымъ неодобреніемъ; то храбрымъ поступкомъ, то организующей инициативой; то грознымъ обличеніемъ, то участіемъ въ тайномъ, патріотическомъ союзѣ.

Мы обязаны разъ навсегда *повернуться волею къ русскимъ событіямъ* и даже въ вынужденномъ бездѣйствіи *всегда копить волевой зарядъ*.

Если бы враги Россіи заранѣе знали, что мы *такъ* живемъ, тогда они навѣрное и не начали бы вовсе революцію; а если бы они ее все-таки начали, то ихъ попытка была бы быстро и радикально прикончена.

2. Задача этого постоянного волевого напряженія не въ томъ, чтобы «добиваться политическаго успѣха для себя» (какъ дѣлаютъ правые и лѣвые карьеристы), и не въ томъ, чтобы «отстаивать свой классовый интересъ» (какъ учатъ демократы разныхъ толковъ); но въ томъ, чтобы *строить и заряжать центръ національно-патріотической власти*.

Этотъ центръ, оторвавшись отъ нашихъ, заряжающихъ и поддерживающихъ его, волю — становится мнимымъ, безсильнымъ и обреченнымъ. Наоборотъ, вбирая въ себя отовсюду наши волевые лучи, онъ какъ бы накаляется отъ нихъ, и именно благодаря этому становится лучеиспускающимъ политическимъ центромъ страны. Правителю *необходима* воля подчиненныхъ; онъ долженъ чувствовать ее, знать о ней, довѣрять ей, опираться на нее и располагать ею. Тогда только онъ можетъ реально повелѣвать, организовывать и заставлять.

Подданный, не посылающій своего волевого луча правителю — невѣренъ ему, измѣняетъ ему; все равно — изъ лѣни, изъ продажности или по интригѣ. Современный демократически-парламентарный строй съ его партійностью — систематически приучаетъ гражданъ отзывать свои волевые лучи отъ неправошаго правителя и интриговать противъ него.

Подданный, внушающій правителю ложную иллюзію, будто «весь народъ» или опредѣленные сильныя организациі поддерживаютъ его — готовить правителю гибель и предають его; все равно — изъ легкомыслія, изъ лести или ради субсидіи. Именно такъ временщики и льстецы не разъ губили своихъ государей.

Понятно, что первая задача революціонеровъ всегда состоятъ въ томъ, чтобы подорвать довѣріе къ власти: этимъ останавливается посылка волевыхъ лучей; этимъ *прерывается въ человѣческомъ безсознательномъ живое дѣйствіе государственной присяги*. Власть изолируется и дни ея оказываются сочтенными.

Если бы русское Императорское Правительство или революціонное «временное правительство» — пребывали въ фокусѣ этихъ волевыхъ лучей, то паденіе ихъ было бы исключено. И понятно, что члены «временнаго правительства», всю жизнь проработавшіе надъ организацией волевой измѣны Царю, не могли и не умѣли создать новый лучевой фокусъ въ странѣ...

3. Волевая поддержка національнаго правительства есть, такимъ образомъ, священная обязанность гражданъ. Эта поддержка требуетъ прежде всего — *организациі общественнаго мнѣнія* и направленія его въ духѣ *вѣрности, прямоты и энергіи*.

Честолюбцы, желающіе захватить власть, стремятся всегда отравить общественное мнѣніе *недовѣріемъ къ правительству* и *противопоставить власть народу*. При этомъ они стараются сдѣлать это въ формахъ политически- и уголовно-ненаказуемыхъ: насмѣшкой, каррикатурой, салонной сплетней, злостной критикой въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, скрытой клеветой. Они приписываютъ правительству — то эгоистическія, классовыя и противогосударственныя намѣренія; то — безнравственныя и свирѣпыя распоряженія; то глупость, бездарность, продажность и даже измѣну. Обычно это сопровождается цѣлой фалангой обидныхъ кличекъ и намековъ, а иногда и «разоблаченій», выдержанныхъ въ «благородномъ» тонѣ.

Бороться со всѣмъ этимъ можно только при двухъ условіяхъ: при наличности *честной, патріотической печати, абсолютно независимой отъ какихъ бы то ни было правительственныхъ субсидій*; и при наличности *кадра честныхъ, незапятнанныхъ и авторитетныхъ политиковъ, ученыхъ и военныхъ*,

крѣпко доверяющихъ другъ другу, поддерживающихъ власть и способныхъ къ энергичнымъ, рѣшительнымъ выступленіямъ.

Внѣ этихъ условій всякая страна захлебнется въ грязи сплетень, продажности, неизбывныхъ интригъ и всеобщаго взаимнаго недовѣрія; и, рано или поздно, окажется во власти тайныхъ революціонныхъ организацій.

Если бы такая лояльная, непродажная и ненаемная печать и такой политическій кадръ поддерживали русское Императорское Правительство за послѣдніе двадцать лѣтъ передъ европейскою войною, то нынѣшняя революція совсѣмъ не имѣла бы мѣста.

4. Государство держится только *единеніемъ* между властью и народомъ. Кто противопоставляетъ власть — народу, тотъ готовить революцію и гражданскую войну. Именно это то и дѣлали всѣ революціонныя и демократическія партіи въ Россіи.

Вся работа ихъ возбуждала, разъединяла и натравливала: классъ на классъ, невоенныхъ на армію, нечиновниковъ на чиновниковъ, обывателя на полицію и весь народъ на правительство. Онѣ учили народъ недовѣрять никому, кто *имъ* не избранъ и *ему* не угождаетъ; онѣ видѣли все спасеніе въ *выборахъ*, а выборами онѣ углубляли и закрѣпляли классовое и партійное разъединеніе въ странѣ. И все время заранѣе готовили *вторую, новую, революціонную власть* (то «союзъ союзовъ», то «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», то «земсоюзъ» и «земгорь») . . .

Этимъ они давно уже начали и повели гражданскую войну на погибель Россіи.

Въ дѣйствительности же власть и народъ должны быть *живымъ единствомъ*. Только въ этомъ спасеніе. Но этого не обеспечиваетъ *никакая* политическая форма *сама по себѣ*: ни «демократическая», ни «деспотическая»; ни республика, ни самодержавіе. Развѣ народъ не обожалъ Цезаря Августа и Наполеона, и не свергалъ, и не убивалъ византійскихъ царей? И сколько республиканскихъ режимовъ въ исторіи разложилось и погибло отъ народныхъ волненій и непрерывнаго штурма власти?

Въ дѣйствительности прочность и сила государства зависятъ отъ трехъ условій: отъ *воли* и *прозорливости правителя*; отъ *религіозной укорененности* народного характера и правосознанія; и отъ *государственного смысла* и *энергіи національнаго*

интеллигентнаго кадра. При наличности этихъ условій — самая зыбкая и опасная политическая форма (федеративная демократическая республика) не легко и не скоро разложитъ страну; при отсутствіи ихъ — самая достойная и художественная форма (монархія чести) быстро разложится и рухнетъ.

Если бы эти три условія были налицо въ Россіи до революціи, то мы не дожили бы до позорнаго ига коммунистовъ.

5. Политическая жизнь есть не только дѣятельность власти для народа, но и *самодѣятельность народа навстрѣчу власти.*

Государственная жизнь совсѣмъ не сводится къ тому, что власть полицейски опекаетъ толпу политическихъ рабовъ или политическихъ лѣнтяевъ (воззрѣніе крайнихъ правыхъ); но она не состоитъ и въ томъ, что массы, возбужденныя жадностью и честолюбіемъ, то и дѣло «избираютъ себѣ» якобы «большинствомъ голосовъ» угодливыхъ приказчиковъ, именуемыхъ «министрами» и «президентами» (практика лѣвыхъ партій).

Въ каждомъ народѣ къ здоровой политической самодѣятельности способно и предрасположено не большинство, а *меньшинство.* Задача власти въ томъ, чтобы находить это меньшинство, увеличивать его численно и вовлекать его въ государственное строительство. Выдѣленіе этого кадра должно идти и сверху (назначеніемъ), и снизу (выборами). Задача этого кадра въ томъ, чтобы организовывать *самодѣятельность* народа навстрѣчу власти и организовывать *служеніе* власти навстрѣчу народу. И еще въ томъ, чтобы воспитывать въ *народъ* духъ *національнаго консерватизма* и сообщать *власти* духъ *дерзающаго реформаторства.*

Въ Россіи такой кадръ только еще начиналъ слагаться. А широкіе круги интеллигенціи дѣлали какъ разъ обратное: одни раскачивали въ *массѣ* стихію бессмысленнаго и разрушительнаго *дерзанія*; другіе стремились закрѣпить инертный консерватизмъ *власти* и доводили его до *безвольной косности* и *безидейнаго упрямства.*

Вотъ почему русская масса обнаружила въ революціи — пассивность въ добрѣ и активность во злѣ. И вотъ почему предреволюціонная власть была сильна въ обузданіи, а въ творчествѣ — нерѣшительна и лишена великихъ замысловъ (П. А. Столыпинъ былъ исключеніемъ).

6. Эпоха смуты и междоусобицы является всегда суровымъ испытаніемъ въ народной жизни. Здѣсь долженъ заговорить

инстинктъ національнаго самосохраненія; онъ долженъ повести народъ къ *самоорганизаци*и и къ *борьбѣ на жизнь и на смерть* за воссозданіе единой національной власти. Въ такія эпохи народу необходимъ *пчелиный* инстинктъ самопожертвованія и *муравьиный* инстинктъ совокупнаго дѣйствія. А вождемъ его — *воля, идея и гениальная шпага*.

Изъ двухъ борющихся людей — ближе къ побѣдѣ тотъ, кто борется *безъ оговорокъ и на смерть*, а не тотъ, кто «борется» съ оговорками и съ осторожностью (все это, — конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ). Одинъ вкладываетъ въ борьбу *все*; другой опасается вложить въ борьбу слишкомъ много. Одинъ твердо предпочелъ смерть — пораженію; другой готовъ въ любой моментъ предпочесть поражение — смерти. Всѣмъ этимъ исходъ борьбы бываетъ уже предрѣшенъ.

Это освѣщаетъ весь ходъ русской революціи.

Императорское Правительство не рѣшилось бороться съ революціей на смерть; и потому пало. Временное правительство было прямымъ воплощеніемъ всякихъ оговорокъ и осторожностей; и потому было сметено. Большевики побѣждали потому, что по разбойничьи лѣзли на смерть, искусно уговаривая противника не бороться на смерть. Смертная борьба бѣлыхъ армій давала имъ побѣду за побѣдой. Бѣлые *не* побѣдили потому, что ни русскія народныя массы, ни русская интеллигенція — *не созрѣла еще для смертной борьбы съ большевиками*. И нынѣ близится день, когда *изжившіе свой зарядъ большевики не будутъ въ состояніи бороться на смерть, а смертная ненависть къ нимъ поведетъ русскаго крестьянина и русскаго бѣлаго патріота къ борьбѣ безоговорочной и безпощадной*.

Мы должны блюсти въ себѣ эту священную готовность.

Старый Политикъ.

I. СИЛЫ МІРОВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I. Европейскій пролетаріатъ.

Длительность русской революціи объясняется не только особыми *условіями русской исторіи и русской жизни* (размѣры страны; разбросанность населенія; культурная, организаціонная и собственническая отсталость простого народа; волевая растерянность власти и интеллигенціи и др.); и не только *особыми свойствами коммунистовъ* (отборъ хищныхъ, цѣпкихъ и жестокихъ людей, лишенныхъ совѣсти, чести и патріотизма), — но еще и тѣмъ, что въ другихъ странахъ имѣются *интернаціонально - сплоченныя силы міровой революціи* и не имѣется ни организованнаго въ міровомъ масштабѣ *кадра для борьбы* за религію, родину, собственность и культуру, ни сильной и вдохновенной *волевой идеи*. Поэтому русскому патріоту надлежитъ дать себѣ ясный отчетъ въ силахъ міровой революціи, признать необходимость и возможность борьбы съ ними и неутомимо ковать *свою идею и свои силы*. Намъ надо помнить, что русская революція есть *міровая проблема* и что борьба за нее уже ведется въ міровомъ масштабѣ. Чего же мы стоимъ — безъ волевой идеи и безъ организованнаго кадра?

Вотъ краткія свѣдѣнія о силахъ міровой революціи.

Силы міровой революціи состоятъ изъ *соціалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ* — всѣхъ оттѣнковъ и толковъ, независимо отъ того, что одни теченія (коммунисты и анархисты) стремятся осуществить революцію въ кратчайшій срокъ въ видѣ кроваваго переворота, а другія теченія (соціалистическія) хотѣли бы растянуть революцію на болѣе долгое время и осуществить ее въ видѣ нѣсколькихъ не «слишкомъ» кровавыхъ полу-переворотовъ. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ *единое движеніе*, направленное противъ религіи, родины и собственности, а потому и противъ культуры. Авангардъ же этого движенія образуютъ атеисты, анти-націоналисты и политическіе революціонеры всѣхъ странъ, взрыхляющіе почву для соціалистовъ такъ, какъ сами соціалисты готовятъ кадры для торжества коммунизма.

Какими же числами измѣряются силы міровой революціи? Велики ли эти силы? Возможна ли съ ними борьба? Приведемъ близкія къ истинѣ, приблизительныя статистическія данныя.

Все населеніе земного шара опредѣляется за 1923—24 годъ приблизительно въ 1 миллиардъ 820 милліоновъ людей. Изъ нихъ около 780 *милліоновъ* (въ среднемъ 43%) придется на *взрослыхъ* людей (старше 20 лѣтъ). Въ то же самое время (т. е. на 1 января 1923 года) всѣ революціонные рабочіе союзы міра, всѣхъ трехъ партій, насчитывали въ своемъ составѣ около 25 *милліоновъ* людей. Это составляло *не болѣе, чѣмъ 3,2% всего взрослога населенія земли*. При этомъ надо имѣть въ виду, что наряду съ революціонными рабочими союзами, существуютъ и *не-революціонные*, численностью около 16 милліоновъ (на весь міръ) и что эти 41 милліонъ (25 + 16) составляютъ лишь совсѣмъ малую часть всего мірового пролетаріата. Это означаетъ, что «пролетарій» и «соціалистъ», «пролетарій» и «революціонеръ», — *далеко не одно и то же*.

Главнымъ очагомъ соціализма и организованной революціонности является *Европа*. Въ ней живетъ около одной четверти всего человѣчества; и эта четверть человѣчества (25%) даетъ міру свыше 65% всѣхъ имѣющихся организованныхъ силъ рабочей революціи; тогда какъ на остальные три четверти земного населенія приходится всего около одной трети революціоннаго кадра. Это объясняется скученностью европейскаго населенія (плотность его почти въ 9 разъ болѣе, чѣмъ въ Америкѣ и Африкѣ), развитіемъ капиталистической промышленности въ Европѣ и распространеніемъ полуобразованности въ массахъ; ни одна изъ этихъ причинъ сама по себѣ не была бы достаточна для объясненія этого явленія.

Согласно послѣднимъ исчисленіямъ *) 25 европейскихъ государствъ (кончая лимитрофами), при населеніи въ 476 милліоновъ, имѣютъ въ своемъ составѣ около 208 милліоновъ людей (44%) «хозяйственно самостоятельныхъ», т. е. съ самостоятельнымъ источникомъ существованія. Изъ этихъ 208 милліоновъ хозяйственно взрослыхъ людей 92 милліона (тоже около 44%) зарабатываетъ свое пропитаніе продажей своего труда, «нанимаясь» и получая заработную плату или жалованье. Это и есть европейскій пролетаріатъ, *изъ состава коего вербуются основная сила міровой революціи*.

Изъ всей массы европейскаго пролетаріата (92 милліона) организовано въ рабочіе и профессиональные союзы не болѣе 34 милліоновъ (36%). По наиболѣе правдоподобию подсчету это организованное ядро распадалось къ 1 янв. 1923 г. на слѣдующія теченія: 18½ милліоновъ принадлежало къ такъ

*) См. Вл. Войтинскій. «Весь міръ въ цифрахъ». Книга I. Земля. Населеніе. Народное богатство. Кн. II. Трудъ. Подъ ред. проф. Берлинскаго Университета В. I. Борткевича. На нѣм. языкѣ «Die Welt in Zahlen»; вышло пять книгъ: кн. III. Сельское хозяйство. Кн. IV. Промышленность. Кн. V. Транспортъ и торговля. Подготавливаются еще двѣ: кн. VI. Государство. Кн. VII. Данные моральной и политической статистики.

называемому «Амстердамскому Интернационалу» (соціалисты-меньшевики); $5\frac{1}{3}$ милліоновъ принадлежало къ «Третьему Интернационалу» (коммунисты, «Профинтернъ») *); около 825 тысячъ числилось въ анархистахъ; и около 10 милліоновъ не преслѣдовало революціонныхъ цѣлей. Это даетъ на *Европу революціонно - рабочий кадръ въ $24\frac{3}{4}$ милліона*: т. е. почти 12% европейскаго хозяйственно - взрослога населенія; почти 26% европейскаго пролетаріата.

Наиболѣе пролетаризованными европейскими странами являются: Великобританія (77% хозяйственно-взрослога населенія); Бельгія (73%); Данія (71%); Швейцарія (66%); Швеція (64%); Австрія (63%); Нидерланды (62%); Германія (61%); Чехословакія (59%); Финляндія (58%); Венгрія (55%); Норвегія (50%); Франція (48%); Португалія (46%); Италія (45%); Югославія (40%). Наименѣе пролетаризованными странами въ Европѣ являются Болгарія, Литва, Латвія, Эстонія (23%); и Греція (22%). Въ Россіи въ 1921 году на каждые 100 человѣкъ хозяйственно - взрослыхъ приходилось около 13 человѣкъ пролетаріевъ. Этотъ процентъ за послѣдніе годы непрерывно и бурно растетъ, ибо *коммунистическая революція пролетаризуетъ широкіе слои бѣднѣйшаго крестьянства*.

Далеко не весь пролетаріатъ въ Европѣ организованъ. Однако важно отмѣтить, что за время войны и послѣвоенныхъ броженій (1913—1920 гг.) количество организованныхъ рабочихъ въ Европѣ болѣе, чѣмъ утроилось; это относится особенно къ Германіи, Великобританіи, Россіи, Италіи и Франціи. Наиболѣе организованъ европейскій пролетаріатъ въ Германіи (58% общаго количества пролетаріевъ) и въ Австріи (56%)—т. е. *болѣе половины*. Затѣмъ идетъ Италія (42%); Чехія (36%); Бельгія и Великобританія (по 34%); Нидерланды (33%). *Менѣе одной трети* пролетаріевъ организовано въ Польшѣ (32%), въ Даніи (30%), въ Греціи (28%) и въ Швеціи (25%). *Менѣе одной пятой* пролетаріата организовано въ Швейцаріи (18%), въ Испаніи (17%), въ Литвѣ и Эстоніи (по 15%), во Франціи, Венгріи и Норвегіи (по 14%), въ Португаліи и Латвіи (по 13%). Въ самомъ концѣ стоятъ: Болгарія (9%), Финляндія (5,5%), Югославія (3,8%) и Румынія (2,5%).

Само собой разумѣется, что нигдѣ пролетаріатъ не организованъ такъ, какъ въ странѣ коммунистическаго принужденія: совѣтская власть показываетъ для СССР чуть ли не 100% организованныхъ пролетаріевъ...

*) Сами коммунисты исчисляли свои силы, конечно, гораздо выше, насчитывая вмѣстѣ съ «сочувствующими» отъ 10 до 15 милліоновъ.

Все это означает, что основная масса европейского пролетариата (58 миллионов изъ 92) остается *неорганизованной и пассивно предоставляет организованному меньшинству (около 36%) говорить за себя и действовать отъ своего имени.*

Мы видѣли уже, что и въ Европѣ далеко не весь организованный пролетаріатъ — настроенъ революціонно. Цѣлый рядъ союзовъ: христіанскихъ (свыше 3 миллионовъ), національныхъ, чисто-професіональныхъ, союзы «соціального міра», «независимые» и т. д. — насчитываетъ во всей Европѣ около 10 миллионовъ. Ихъ удѣльный вѣсъ является совершенно подавляющимъ въ Италіи послѣ фашистскаго переворота; онъ очень великъ въ Польшѣ и въ Нидерландахъ; онъ замѣтенъ въ Чехословакии, во Франціи, въ Германіи и Великобританіи.

Въ общемъ три красныя теченія распределяются по отдѣльнымъ европейскимъ странамъ такъ. *Соціалисты* Второго Интернаціонала (Амстердамъ) совсѣмъ не имѣютъ рабочихъ союзовъ въ СССР; за то къ нимъ принадлежитъ основная масса организованныхъ рабочихъ въ Великобританіи (4½ миллиона, 78% всѣхъ англійскихъ организованныхъ рабочихъ), и въ Германіи (8½ миллионовъ, 76% всѣхъ нѣмецкихъ организованныхъ рабочихъ). Вліяніе ихъ среди организованныхъ рабочихъ особенно велико въ Даніи (308 тысячъ, 100%), въ Швеціи (293 тысячи, 90%) и въ Австріи (около 1 миллиона, 93%), они имѣютъ также перевѣсъ въ Югославіи, Бельгіи, Венгріи, Швейцаріи и Франціи. Въ Португаліи, Греціи, Финляндіи, Норвегіи, Литвѣ и Эстоніи ихъ вліяніе ничтожно или равно нулю.

Анархисты-синдикалисты владѣютъ въ Европѣ всего — на всего — пятью или шестьюстами тысячами рабочихъ умовъ. Главное гнѣздо ихъ — Испанія (300 тысячъ); 100 тысячъ рабочихъ поддерживаетъ это теченіе во Франціи, 62 тысячи въ Германіи, 50 тысячъ въ Италіи, 32 тысячи въ Швеціи, 22 тысячи въ Нидерландахъ и 7 тысячъ въ Чехіи *).

Коммунисты, помимо своего основного гнѣзда въ Россіи (отъ 4½ до 5 миллионовъ рабочихъ «Профинтерна» **), имѣютъ значительный кадръ въ Чехіи (319 тысячъ, до 21% всѣхъ чешскихъ организованныхъ рабочихъ); до 150 тысячъ во Франціи (до 10% организованныхъ французскихъ рабочихъ); до 84 тысячъ въ Норвегіи (преобладаніе!); до 48 тысячъ въ Финляндіи; до 34 тысячъ въ Болгаріи; до 24 тысячъ въ Румыніи; и около 5 тысячъ въ Латвіи. Въ этомъ кадрѣ, конечно, не сосчитаны всѣ тайныя комъ-ячейки, всѣ «сочувствующіе», всѣ «примкнувшіе» неоткрыто и т. д. Такъ, напр., имѣются свѣдѣнія, что среди нѣмецкихъ металлистовъ до 40% рабочихъ, т. е. свыше 500 тысячъ человѣкъ

*) Въ Европѣ анархисты имѣютъ 143 тысячи рабочихъ въ Аргентинѣ, 80 тысячъ въ Соединенныхъ Штатахъ и 30 тысячъ въ Мексикѣ.

**) По ихъ подсчету до 6½ миллионовъ.

сочувствуютъ коммунистамъ. Сами коммунисты исчисляли свой европейскій кадръ помимо Россіи на 1 января 1921 года въ 1 200 тысячъ примкнувшихъ и въ 4 342 тысячи «сочувствующихъ».

Все это позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Пролетаратъ, самъ по себѣ, не есть революціонный классъ, но при скученности и при тяжелыхъ условіяхъ жизни онъ является средою, легче всего поддающейся революціонной заразѣ.
2. Главнымъ гнѣздомъ революціи на земномъ шарѣ является Европа.
3. Революціонный кадръ рабочихъ составляетъ незамѣтное меньшинство въ составѣ всего человѣчества, чрезвычайное меньшинство въ составѣ европейскаго населенія и значительное меньшинство въ составѣ европейскаго пролетаріата.
4. Революціонный кадръ рабочихъ не имѣетъ ни основанія, ни права говорить отъ лица пролетаріата въ цѣломъ — ни по духу, ни по числу.
5. Ему даетъ «преобладаніе» — во-первыхъ, разрушительная и демагогическая *волевая идея* («революціонный социализмъ»); во-вторыхъ, *организационная сплоченность*; въ третьихъ, *безволіе, безъидейность и распыленность другихъ классовъ*.

Редакція.

II. РУССКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Стихійно возрастала тяга народная къ школѣ въ послѣднія предвоенныя десятилѣтія. Безпрерывно ширившаяся школьная сѣть ломилась подъ ея напоромъ, и все же неизмѣнно оказывалась слишкомъ тѣсной. То были пышные всходы *пятидесятилѣтнихъ поствовъ*; итоги упорной работы друзей просвѣщенія въ раскрѣпощенной Россіи.

Безпрерывно, хотя и незамѣтно, росъ русскій народный учитель. Количественно и качественно. Это наглядно показалъ 1-ый всероссійскій съѣздъ по народному образованію въ Петербургѣ въ декабрѣ 1913 г. Изъ 7000 добровольныхъ участниковъ на немъ оказалось 6000 съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи народныхъ учителей, почему и самый съѣздъ, — прощальный смотръ, — получилъ названіе «Съѣздъ учителя».

Русскій народный учитель, въ лицѣ своихъ руководителей, располагалъ всѣми достиженіями заграничнаго опыта и знаній, до самыхъ смѣлыхъ и передовыхъ. Въ то же время участники съѣзда слишкомъ хорошо отдавали себѣ отчетъ въ от-

личіи условій русской деревенской жизни отъ заграничныхъ. И это обстоятельство, служа препятствіемъ къ использованию педагогическаго опыта другихъ, огорчало. Вызывало досаду и сѣтованія.

Школъ не хватало. Но принятый Государственной Думой законъ о всеобщемъ обученіи обезпечивалъ непрерывный притокъ нужныхъ на постройку средствъ. Не хватало книгъ и пособій. Но и тутъ условія быстро улучшались, а самый недостатокъ объяснялся *не столько скудостью притока, сколько стихійностью роста школы*. Чувствовался недостатокъ подготовки самихъ учителей. Но навстрѣчу этой нуждѣ шли учительскіе сѣзды и поѣздки. Участились даже поѣздки за границу; и русскаго народнаго учителя уже можно было встрѣтить изучающимъ развалины Акрополя или Римскія катакомбы. Не сладко было скудное житіе учителя. Но и тутъ принятый Государственной Думой законъ обезпечивалъ пятилѣтнія прибавки, доводившія жалованье народнаго учителя до 600 рублей въ годъ.

Все это бодрило. А главное, въ русскомъ народномъ учителѣ жила *вѣра въ приносимую имъ пользу*, въ свое дѣло, являвшееся служеніемъ идеаламъ правды и добра. Эту вѣру и идеалы, — душу русскаго народнаго учителя, — передали въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ первые учителя-добровольцы, среди которыхъ были гр. Л. Толстой, бар. Корфъ (основатель земской школы) и лучшіе изъ учащейся молодежи, увлеченные въ 1857—58 гг. преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Эту традицію закрѣпили творцы русской народной школы, у колыбели которой стояли *Пироговъ, Ушинскій, Рачинскій*. Пусть далеко не всѣ изъ почти стотысячной арміи народныхъ учителей были на высотѣ по своей подготовкѣ и склонностямъ. Ядро русскаго народнаго учительства, опредѣлявшее его духовный обликъ, состояло все же изъ самоотверженныхъ подвижниковъ просвѣщенія. Особенно выдѣлялась своими педагогическими качествами получившая доступъ къ преподаванію въ народной школѣ съ 1861 г. русская женщина, *подвижница по природѣ*. Чистая и чуткая, беззавѣтно преданная дѣлу, она стала свѣтильникомъ, направлявшимъ русскую народную школу по пути, который ей указалъ Пироговъ, когда онъ предлагалъ учить ребятъ — «*Быть человекомъ!*»

Совѣтская власть поставила другую задачу. «Быть коммунистомъ», «классовымъ» партійцемъ, шпиономъ, предателемъ. — вотъ чему должна учить народная школа прежде всего. И какъ бы чувствуя, что старый русскій народный учитель на это неспособенъ, она нашла нужнымъ переименовать его въ «школьные работники». Отсюда, по всѣмъ правиламъ совѣтскаго словообразованія вышелъ знаменитый «шкрабъ», какъ

теперь зовутъ школьнаго учителя. О немъ пишетъ въ «Бѣд-
нотѣ» учитель изъ Полтавской губерніи такъ: — «Шкрабъ,
рабъ — народный учитель... У насъ называютъ шкрабовъ
рабами и, пожалуй, есть много истины въ этой игрѣ словъ.
Учитель нашъ рабъ всевозможныхъ начальствъ, которое пла-
титъ ему мизерное жалованье и требуетъ много работы. Учи-
тель рабъ мѣстныхъ «культурно-просвѣтительныхъ» органовъ,
которые «используютъ» его. Учитель рабъ неумѣлыхъ полит-
просвѣтовъ, политпереподготовокъ... Учитель — рабъ въ
своей школѣ съ побитыми, поломанными партами, безъ учеб-
никовъ, безъ литературы...»

Другой учитель, Черниговской губ. («Красное Знамя»), «не
получая всю весну и лѣто жалованья, исчерпавъ всѣ возмож-
ности къ поддержанію существованія вплоть до пастушества
и чтенія псалтиря надъ покойниками, обратился съ просьбой
о выдачѣ содержанія, хотя бы частичнаго. Ему сказали въ
Нѣжинѣ, — и это не было плодомъ уѣзднаго остроумія, но
являлось официальнымъ отвѣтомъ на официальное заявленіе,
— буквально слѣдующее: — теперь вся скотина на пашнѣ,
придется и вамъ до осени побыть на подножномъ корму, — де-
негъ нѣтъ...»

На школу у совѣтской власти *денегъ нѣтъ*. Школы не ре-
монтируются, о новыхъ постройкахъ нечего и говорить. Шко-
ла лишена всего самаго необходимаго. Жалованье учителямъ,
сведенное совсѣмъ на нѣтъ въ пору «интегральнаго комму-
низма», было съ нѣпомъ увеличено примѣрно до 4 руб. въ мѣ-
сяцъ. Когда же въ 1925 г. совѣтская власть рѣшила *купить*
упорно противодѣйствовавшаго разложенію школы народнаго
учителя, ему обѣщано было 28 руб. въ мѣсяцъ. Но это оста-
лось на бумагѣ и сейчасъ, по самымъ новѣйшимъ даннымъ,
жалованье учителямъ едва доходитъ до половины довоеннаго,
и къ тому же часто безнадежно запаздываетъ.

Приниженный, доведенный до крайней нужды, теряющій
вѣру въ свое дѣло, лишенный всякихъ пособій, народный учи-
тель долженъ насаждать въ школѣ «Дальтонъ планы», къ ко-
торымъ, какъ ко всякой «планетарщинѣ» равнодушна совѣт-
ская власть. А наряду съ этимъ, поставленный подъ надзоръ
всякихъ политическихъ соглядатаевъ, пользующихся дѣтьми
для слѣжки, онъ обязанъ учить ребятъ «быть коммунистами»,
онъ долженъ *содѣйствовать ихъ духовному растленію*.

Поистинѣ ужасна трагедія русскаго народнаго учителя, въ
которомъ сохранились свѣтлыя старыя традиціи и не умерла
воля къ противодѣйствию совѣтскому насилию надъ дѣломъ
здороваго воспитанія дѣтей. Только этимъ упорнымъ и само-
отверженнымъ противодѣйствіемъ можно объяснить, что до
сихъ поръ еще уцѣлѣли въ русской народной школѣ здоро-
вые клѣточки и ткани, которыя служатъ залогомъ ея возро-

жденія при перемѣнѣ условій. Но еще ужаснѣе личная драма русской народной учительницы, этой свѣтлой подвижницы, на которую похотливое совѣтское начальство смотритъ не иначе, какъ на доступную наложницу. Сколько случаевъ дикихъ насилій надъ нею можно привести даже изъ совѣтской печати!...

Неудивительно, что всѣ, кто можетъ, бѣгутъ отъ школы, *предпочитая любое занятіе учительству*. И несмотря на громадную нужду въ учителяхъ, среди русскихъ народныхъ учителей, по совѣтскимъ даннымъ этого лѣта, свирѣпствуетъ большая и длительная безработица.

Такъ изуродовала совѣтская власть условія работы русскаго народнаго учителя, которыя передъ самой войной быстро улучшались. Одного не смогла эта власть добиться: совершенно убить живой и свѣтлый духъ русскаго народнаго учителя, растлить и вытравить высокія школьныя традиции, которыя были переданы ему, какъ знамя, прежними поколѣніями строителей великой культурной Россіи.

Б. Никольскій.

III. ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦІЯ РУССКОМУ РАБОЧЕМУ?

Большевицкая революція была не только политическимъ переворотомъ (захватъ государственной власти), но и социальнымъ (передѣлъ имущества) и коммунистическимъ (захватъ пролетаріатомъ всей частной собственности). Поэтому она помимо власти, должна была дать русскимъ рабочимъ всевозможныя матеріальныя блага во всей ихъ полнотѣ. Въ началѣ революціи именно эти посулы имѣли рѣшающее значеніе въ глазахъ одурманенныхъ коммунистической словесностью народныхъ массъ.

Коммунизмъ, уничтожая «капиталистическую эксплуатацію» рабочихъ, долженъ былъ радикально улучшить ихъ матеріальное положеніе, какъ по сравненію съ русскимъ прошлымъ, такъ и по сравненію съ современнымъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ во всемъ остальномъ мірѣ.

Нижеслѣдующія краткія данныя, почерпнутыя исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, должны дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эта цѣль была достигнута за 10 лѣтъ большевицкаго господства и экспериментированія надъ Россіей.

Заработная плата. Первые же годы коммунистическаго хозяйничанья привели къ тому, что заработная плата русскихъ

рабочихъ при «военномъ» (т. е. послѣдовательно и сурово проводимомъ) коммунизмѣ упала до уровня, какого она никогда еще не достигала ни въ одной капиталистической странѣ. Въ январѣ—мартѣ 1921 г. она равнялась въ среднемъ 13% довоенной платы (3 р. 36 к. въ мѣсяцъ въ такъ назыв. бюджетныхъ рубляхъ, изъ которыхъ 23 коп. деньгами, остальные натурой) *).

Въ послѣдующіе годы, по мѣрѣ того, какъ большевики подъ давленіемъ хозяйственной необходимости отказывались отъ демагогической болтовни въ стѣнахъ своихъ предприятий, заработная плата постепенно росла.

Этотъ ростъ — по сравненію съ средней довоенной платой промышленнаго рабочаго и съ учетомъ покупательной способности червоннаго рубля (реальная заработная плата) — совѣтская статистика изображаетъ слѣдующимъ образомъ *):

Заработная плата (мѣсячная) въ %% къ 1913 г.:

1913	100,0
1922—23	49,2
1923—24	67,1
1924—25	82,6
1925—26	93,7
1926—27 (1-е полугодіе)	100,0

Итакъ, по даннымъ самой совѣтской статистики потребовалось 10 лѣтъ для того, чтобы довести заработную плату русскихъ рабочихъ до уровня, на которомъ она находилась въ пору — съ точки зрѣнія большевиковъ — «злѣйшей» эксплуатаціи русскихъ рабочихъ частной промышленностью. Въ то же время сами большевики признаютъ, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ Европы и Америки реальная заработная плата промышленныхъ рабочихъ повысилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ.

Но и эта заработная плата оказывается для коммунистическихъ хозяевъ русской промышленности экономически непосильной. Отсюда постоянные разговоры о томъ, что ростъ заработной платы угрожающе обгоняетъ плановыя предположенія; отсюда же хроническія задержки выплаты заработной платы и т. п.

Рабочее время. Если «мы» и не могли еще поднять заработокъ русскаго рабочаго выше довоеннаго, — говорятъ большевики — зато мы одни во всемъ мірѣ осуществили 8-часовой

*) Ср. Ковалевскій, 10 лѣтъ экономической политики пролетаріата, «Плановое Хозяйство», 1926, X, стр. 27.

*) Рабиновичъ: Движеніе зарплаты и производительности труда. «Эконом. Жизнь», № 179 (9 августа 1927 г.).

рабочій день. Оффіціальная статистика даже указываетъ, что средній рабочій день въ промышленности СССР составлялъ въ 1926 г. 7,6 часовъ въ день.

Но въ эту среднюю не включены сверхурочныя работы, массовымъ примѣненіемъ которыхъ большевики обходятъ 8-часовую норму. Въ своемъ докладѣ на IV пленумѣ ВЦСПС (Всесоюзнаго Центрального Совѣта Профессіональных Союзовъ) Каплунъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о примѣненіи сверхурочныхъ работъ на Украинѣ въ 1926 г. (по отчету «Труда», № 132, 10 іюня 1926 г.):

«На Украинѣ по всѣмъ производствамъ въ мартѣ т. г. 30% рабочихъ работали сверхурочно и на каждого приходилось въ мѣсяцъ 28 сверхурочныхъ часовъ. По металлургіи сверхурочно работало 70% всѣхъ рабочихъ и на каждого рабочаго приходилось 40 часовъ. Положеніе явно неблагоприятное».

О широкомъ примѣненіи сверхурочныхъ работъ имѣются также данныя по горной промышленности («Вопросы Труда», мартъ 1927 г., стр. 86—88), при чемъ авторъ статьи указываетъ на то, что кромѣ «оффіціальныхъ» сверхурочныхъ работъ на совѣтскихъ фабрикахъ и заводахъ широко практикуются и «неоффіціальныя» сверхурочныя работы, никакой статистикой не регистрируемыя: «такія замаскированныя сверхурочныя работы, являясь по существу наихудшимъ видомъ сверхурочныхъ работъ, статистическимъ учетомъ не охватываются. Поэтому цифры, приведенныя выше, нужно считать преуменьшенными».

Несмотря на то, что по признанію самихъ большевиковъ, 8-мичасовой рабочій день на практикѣ не былъ еще вездѣ проведенъ, совѣтская власть объявила въ юбилейномъ октябрьскомъ манифестѣ о предстоящемъ введеніи въ СССР 7-мичасового рабочаго дня (для промышленныхъ рабочихъ). Истинные мотивы этой мѣры были двоякаго рода. Во-первыхъ, какъ это явствуетъ изъ рѣчи, произнесенной Рыковымъ въ Харьковѣ на съѣздѣ украинской коммунистической партіи («Эк. Жизнь», 26 ноября 1927 г.), сокращеніе рабочаго времени и связанный съ нимъ переходъ отъ работы на двѣ смѣны къ работѣ на три смѣны долженъ былъ явиться средствомъ поглощенія хотя бы части той массы безработныхъ, которая доставляетъ все больше заботъ совѣтской власти. Во-вторыхъ, проведеніемъ этой мѣры преслѣдовалась цѣль оживить стынуція симпатіи европейскихъ рабочихъ къ коммунистической диктатурѣ въ Россіи, хотя при этомъ большевики не скрывали отъ самихъ себя, что практическое проведеніе этой демагогической мѣры связано для нихъ съ цѣлымъ рядомъ затрудненій финансоваго и иного свойства (отсутствіе квартиръ для третьей смѣны, тамъ гдѣ она должна быть введена). Объ этомъ прямо заявилъ извѣст-

ный коммунист Манцевъ, предсѣдательствовавшій на посвященномъ этому вопросу собраніи въ Москвѣ 1 декабря 1927 г.: «Семичасовой рабочей день прежде всего является лозунгомъ въ борьбѣ рабочаго класса. Проводимый у насъ практически, онъ вызываетъ большія симпатіи въ пролетариатѣ Запада... Практическое же осуществленіе у насъ 7-мичасового дня, конечно, встрѣчаетъ большія затрудненія». («Эк. Жизнь», 2 декабря 1927 г.).

Первый опытъ проведенія 7-мичасового рабочаго дня на 16 текстильныхъ фабрикахъ московскаго района, произведенный въ январѣ 1928 г., показалъ, насколько значительны эти затрудненія, и уже черезъ нѣсколько дней Народный комиссаръ труда Шмидтъ долженъ былъ заявить, что «опытомъ этихъ нѣсколькихъ предпріятій надо ограничиться въ текущемъ году» («Трудъ», 21 января 1928 г.). Такимъ образомъ, практическое проведеніе этой демагогической мѣры откладывается, повидимому, на неопредѣленное время.

Несчастные случаи. Хотя большевики и утверждали всегда, что частная промышленность не принимала достаточныхъ мѣръ для охраны жизни и здоровья рабочихъ, но въ коммунистической промышленности число несчастныхъ случаевъ (считая на 1000 занятыхъ рабочихъ) больше, чѣмъ въ дореволюціонное время; и кромѣ того оно обнаруживаетъ тенденцію къ росту — по мѣрѣ того какъ все болѣе изнашивается такъ «дешево» доставшееся большевикамъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя оборудование фабрикъ и заводовъ. Каплунъ въ статьѣ «Охрана труда и рационализація производства» («Экон. Жизнь», № 104, 11 мая 1927 г.) приводитъ слѣдующія поквартальные данныя: «Третій кварталъ 1925 г. давалъ на 100 000 проработанныхъ человеко-дней въ среднемъ 30 травмъ съ утратой трудоспособности; четвертый кварталъ—32,5; первый кварталъ 1926 г.—38,8, второй кварталъ—45, третій кварталъ—46,3, а четвертый—48,0. Такимъ образомъ мы видимъ, что за 1½ года число учтенныхъ несчастныхъ случаевъ возросло примѣрно въ 1½ раза».

Жилищныя условія. Въ области жилищныхъ условій коммунистическая власть, наиболѣе нагляднымъ, осязательнымъ образомъ улучшила, казалось бы, условія жизни рабочихъ въ смыслѣ всеобщаго «поравненія»: дома были «націонализированы» или муниципализированы; съ рабочихъ, какъ съ привилегированнаго класса, взималась относительно ничтожная квартирная плата; кромѣ того изъ десятковъ тысячъ домовъ были выселены (или уплотнены «до отказа») ихъ прежніе «буржуазные» обитатели и на ихъ мѣсто вселены были рабочіе.

Результатъ этого «квартирнаго передѣла» былъ одинъ и тотъ же и для старыхъ и для новыхъ рабочихъ жилищъ:

вслѣдствіе отсутствія ремонта и ухода — дома стали разрушаться и жилищная площадь на одного рабочего уменьшаться. Большевики считают минимальной «санитарной» жилищной нормой 8 кв. метров на человека. Между тѣмъ фактическая средняя жилая норма по городамъ СССР составляетъ всего 6 кв. метровъ на человека. Это — въ среднемъ; въ отдѣльныхъ же случаяхъ она уменьшается до «гробовой нормы» (выраженіе, принятое въ совѣтской печати).

Большевики разрабатываютъ грандіозные планы строительства рабочихъ жилищъ. Но произведенныя ими разрушенія таковы, что они сами признаютъ, что даже при условіи осуществленія разработаннаго ими пятилѣтняго плана жилищнаго строительства (т. е. при условіи, какъ показали опыты, весьма мало вѣроятномъ)—жилищная нужда въ русскихъ городахъ можетъ только ухудшаться. Вотъ что писали объ этомъ недавно московскія «Извѣстія» (П. Кожаный, «Борьба за здоровое рабочее жилище», № 148, 2 іюля 1927):

«Для сохраненія жилой нормы въ 6 кв. метровъ (вмѣсто санитарной 8 кв. метр.) пришлось бы въ теченіе нынѣшняго пятилѣтія истратить не менѣе 4½—5 миллиардовъ рублей. По пятилѣткѣ Госплана СССР на рабочее жилищное строительство въ теченіе этого пятилѣтія (1927—1931) можетъ быть отпущено 2 290 милл. рубл. Ясно, что въ ближайшіе годы насъ ожидаетъ дальнѣйшее уменьшеніе фактической душевой жилищной нормы».

Если денежная заработная плата совѣтскаго рабочего, по ея покупательной способности, и приближается къ дореволюционной, то это возможно было до сихъ поръ только благодаря тому, что рабочіе почти ничего не платятъ за свои квартиры, ибо «расходы на квартирную плату составляютъ въ среднемъ по СССР около 4% всего бюджета трудящихся» («Правда», № 178, 7 августа 1927). Это важно запомнить. Это значитъ, что если бы большевики установили квартирную плату, соотвѣтствующую расходамъ по содержанию и восстановленію домовъ, т. е. прекратили бы проѣданіе и расхищеніе доставшагося имъ домового капитала, то автоматически понизилась бы на 20—25% реальная заработная плата.

Безработица. Растущая безработица представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова язву совѣтскаго хозяйства. Дореволюционная Россія не знала безработицы, какъ массоваго и хроническаго явленія. Быстро развивавшаяся промышленность въ періодъ 1900—1914 г.г. съ легкостью поглощала избыточное населеніе деревни. Не то теперь. «Безработица это—огромное зло, которое большой тяжестью виситъ на нашемъ государствѣ»—говорилъ Куйбышевъ въ своемъ докладѣ XV партійной

конференціи. Тотъ же коммунистъ правильно опредѣлялъ въ своемъ докладѣ основную причину этого роста безработицы: «Наша безработица объясняется земельнымъ перенаселеніемъ, объясняется тѣмъ, что новые и новые кадры выталкиваются изъ деревни, благодаря происходящему тамъ разслоенію, благодаря тяжелому положенію, въ которомъ находится крестьянство вообще».

Да, совѣтская безработица это — нашествіе на городъ избыточнаго сельскаго населенія.

Эта армія безработныхъ непрерывно растетъ и насчитываетъ сейчасъ круглымъ числомъ полтора милліона чело-вѣкъ (на 1 октября 1926 г. — 1 070 000, на 1 мая 1927 г. — 1 428 000, см. «Правда», отъ 7 іюня 1927 г.).

Если къ осени 1927 г. безработица («зарегистрированная») нѣсколько сократилась, то это отчасти является слѣдствіемъ «нѣкоторыхъ ограниченій регистраціи въ отношеніи впервые ищущихъ труда», введенныхъ съ весны 1927 г. и имѣвшихъ цѣлью ограничить приливъ новыхъ безработныхъ изъ деревни. (См. Я. Гиндинъ, «Планъ борьбы съ безработицей на 1927—28 г.», «Правда», 23 октября 1927 г.).

Какъ же обезпечиваетъ коммунистическая власть эту массу безработныхъ, которыхъ она безсильна занять производительнымъ трудомъ? Въ своихъ демагогическихъ выступленіяхъ за предѣлами СССР (напр., на состоявшейся въ маѣ 1927 г. въ Женевѣ Міровой Экономической Конференціи) большевики неизмѣнно выставляютъ для другихъ требованіе о томъ, чтобы безработные были обезпечены пособіями: 1) всѣ, 2) въ размѣрѣ полнаго средняго заработка.

Это мѣрка для другихъ. Но сама совѣтская власть далека отъ осуществленія у себя этихъ требованій.

Во-первыхъ, пособіе по случаю безработицы получаютъ менѣе половины зарегистрированныхъ безработныхъ (а это еще далеко не всѣ). Изъ зарегистрированныхъ на 1 мая 1927 г. 1 428 000—пособіе получали около 600 000 («Правда», 7 іюня 1927 г.). По другимъ даннымъ эта пропорція еще меньше. Изъ числившихся въ ноябрѣ 1926 г. 1 254 000 безработныхъ на пособіи состояло всего 330 500 (см. Минцъ, Современное состояніе безработицы въ СССР, «Статистическое Обзорѣніе», 1927 г., мартъ, стр. 33).

Во-вторыхъ, меньшинство безработныхъ, получающее пособіе, далеко не получаетъ его въ размѣрѣ полнаго средняго заработка. Въ началѣ 1927 г. безработные были раздѣлены на 3 категоріи; I категорія получаетъ 33% средняго заработка, II — 25% и III — 20% («Извѣстія», 2 апрѣля 1927 г.). Въ червонныхъ рубляхъ средняя норма пособій составляетъ 18 р. (въ мѣсяцъ) по первой категоріи и 12 р. — по второй.

Кромѣ принимающей все болѣе грозные размѣры безработицы, большевикамъ приходится считаться съ небывалой те-

кучествомъ рабочаго состава. Происходить непрерывное переселеніе рабочихъ съ одного завода на другой. «На нѣкоторыхъ заводахъ Донецкаго бассейна составъ рабочихъ въ теченіе одного года обновлялся три раза» («Экон. Жизнь», 26 августа 1927 г.). На заводахъ Югостали «въ мартеновскихъ цехахъ нѣкоторыхъ заводовъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ составъ рабочихъ мѣнялся три раза» («Эк. Жизнь», 27 августа 1927 г.).

Это массовое пролетарское бродяжничество свидѣтельствуешь, съ одной стороны, о неудовлетворенности русскихъ рабочихъ подѣ совѣтскимъ игомъ, объ ихъ попыткахъ постоянной перемѣной мѣста работы улучшить свое положеніе. Съ другой стороны оно является лишнимъ подтвержденіемъ того, что въ огнѣ «пролетарской» революціи погибъ и разсѣялся старый классъ опытныхъ, квалифицированныхъ рабочихъ, сравнительно осѣдлыхъ, обладавшихъ также извѣстными традиціями и навыками, которыхъ нѣтъ у молодежи коммунистическаго набора. Словомъ подтверждаются слова Дзержинскаго, сказанныя имъ больше года тому назадъ въ его предсмертной «исповѣди»: «у насъ исчерпался запасъ квалифицированной рабочей силы и мы сейчасъ стоимъ вплотную передъ необходимостью его возстановленія».

Революція, произведенная подѣ знаменемъ «рабоче - крестьянской власти» не только растратила доставшіеся ей капиталы, не только хищнически растратила жилищный фондъ, она «растратила» русскаго рабочаго.

В. Гефдингъ.

IV. ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(Историческіе матеріалы *).

1. Если ты ведешь политическую борьбу за поработенную Родину и эта борьба заставляетъ тебя совершать поступки, которые твой врагъ признаетъ политическими преступленіями, то ты долженъ *заранѣе приготовить* къ тюрьмѣ, ссыл-

*) Этотъ документъ былъ доставленъ въ редакцію нашимъ сотрудникомъ при письмѣ:

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

На-дняхъ мнѣ переслали нижеслѣдующую, циркулирующую по рукамъ записку. Не признаете ли возможнымъ напечатать этотъ интересный документъ въ качествѣ историческаго матеріала, столь характернаго и поучительнаго для переживаемаго нами трагическаго времени? Привожу его въ копій.

Съ истиннымъ уваженіемъ

Старый Политикъ.

къ и, можетъ быть, казни. Готовиться *послѣ* ареста будетъ поздно; все должно быть продумано и предусмотрѣнно заранѣе.

2. Съ самаго начала и до конца помни, что арестъ и тюрьма не только не освобождаютъ тебя отъ необходимости соблюдать всѣ правила конспираціи, но *усугубляютъ эту необходимость*. На волѣ подборъ людей — случайный; а въ тюрьмѣ — и тюремщики, и заключенные присутствуютъ *не* случайно. Тюремщики прямо *обязаны* сообщать о тебѣ все, что обнаружится. Среди арестованныхъ же всегда имѣются и неопытные обыватели, и легкомысленные болтуны, и малодушные перебѣжчики (тщательно скрывающіе свою «эволюцію»), и искусно притворяющіеся, мнимо-арестованные агенты.

3. Поэтому *никогда никому* не рассказывай въ тюрьмѣ настоящихъ причинъ и основаній твоего ареста. Не предавайся дешовому тщеславію; не хвастай; какъ бы ни былъ «симпатичень» твой сосѣдь — не признавайся ни въ чемъ, не откровенничай, не изливайся. Будь спокоенъ и уравновѣшенъ. Молчи о твоёмъ дѣлѣ и сочувственно слушай, что говорятъ другіе: скоро вся камера придетъ къ тебѣ съ рассказами и заутѣшеніемъ. А ты будь остороженъ до конца.

4. Пока ты сидишь въ общей камерѣ, — старайся незамѣтно создать вокругъ себя атмосферу корректности, справедливости, чести, организованности. Не подчеркивая, дружелюбно, но твердо — организуй и воспитывай. Никогда не раздражайся; ни съ кѣмъ не ссорься. Подбери себѣ двухъ такихъ же сосѣдей и создай моральный и физическій авторитетъ въ камерѣ. Черезъ нѣсколько дней всѣ будутъ васъ во всемъ слушаться. А ты продолжай блюсти неподчеркнутую замкнутость.

5. Арестованные всегда томятся: обстановкой, вынужденнымъ бездѣліемъ и беспокойными мыслями. Помоги имъ держать хребетъ и создай имъ живое отвлеченіе. Организуй часъ утренней уборки; часъ вольной гимнастики; часъ послѣобѣденной тишины; часъ портняжной взаимопомощи; часъ общеобразовательныхъ лекцій (лучше *не* на общественно-политическія темы); если возможно — часъ хорового пѣнія (хотя бы вполголоса). Непремѣнно проводи систему ранняго ложенія («необходимо беречь нервы!») и часъ молитвенной тишины передъ сномъ. Проведи волевого, тактичнаго, честнаго старосту. Никого не понуждай: быстро вовлечутся сами. И новые сами будутъ примыкать. Самые свирѣпые сторожа быстро начнутъ уважать васъ (ихъ побѣдить инстинктъ порядка). Весь этотъ духъ камеры быстро обозначить *мнимо-арестованныхъ*: изолируй ихъ, не оскорбляя; и они скоро уберутся сами.

6. Не пиши ничего конспиративнаго изъ тюрьмы на волю: перехваченная записка есть неопровержимая улика противъ тебя и противъ адресата. Передавать можно только устно; и

то черезъ людей абсолютнаго довѣрія и конспиративной опытности. Неосторожныя письма погубили не одного борца.

7. Заранѣе внутренне приготовься къ долгому одиночному заключенію, суровому — безъ передачъ, безъ свиданій и безъ денегъ. Для этого научись подолгу молчать и изживать душевныя муки и смятенія *не въ бѣсѣдахъ, а наединѣ съ собою*. Ничто не поможетъ въ этомъ такъ, какъ ежедневная молитва.

8. Одиночное заключеніе содержитъ въ себѣ пытку *пространствомъ и неподвижностью*. Тебѣ поможетъ легкая вольная гимнастика (аккуратно два раза въ день, по полчаса, не до утомленія); и дыханіе (система Кофлера: лежа на спинѣ, съ вытянутыми руками и закрытымъ ртомъ, вдыханіе черезъ носъ до наполненія легкихъ, выдыханіе черезъ сжатые зубы на букву «ссс»; то и другое *какъ можно медленнѣе*, съ перерывами, прибавляя каждый день).

9. Одиночка есть пытка *бездѣйствіемъ*. Создай себѣ внутреннюю занятость: читай наизусть любимыхъ поэтовъ; сочиняй самъ стихи, хотя бы плохіе; рѣшай математическія и шахматныя задачи; отыскивай ко всему родовыя и видовыя понятія; дѣлай мнемоническія упражненія (только легкія). Особенно же: ищи самые чистые моменты твоей жизни и живи въ нихъ воображеніемъ и чувствомъ; подолгу пребывай мыслью съ твоими любимыми Святыми и героями; укрѣпляйся въ мысли о безсмертіи твоей души и о существенной реальности духовнаго начала; постоянно, до самозабвенія, уходи мыслью въ благодать Божию, въ священное естество Россіи и въ безконечность вселенной. Тогда ты быстро научишься совсѣмъ не смущаться при мысли о смерти и казни.

10. Научись заранѣе обходиться безъ *куренія*; иногда курильщики, умные и честные люди, бываютъ готовы на всякое униженіе изъ-за папирсы. Только знутренняя сосредоточенность поможетъ тебѣ легко переносить муки *голода*: вспомни великихъ постниковъ и отшельниковъ.

11. Въ одиночкѣ къ тебѣ придутъ *соблазны*. Первый соблазнъ *страха*: воображеніе начнетъ рисовать тебѣ твои опасности (сцены погони, допроса, казни) — бывшія и будущія, возможныя и невозможныя, заставляя тебя все снова и снова «бороться» и «одолѣвать»; какъ въ кошмарахъ. Останови эту болъную игру усиліемъ воли: манія преслѣдованія таитъ въ себѣ для многихъ сладкую отраву; она можетъ совсѣмъ разложить твою душу; не поддавайся ей. Дай воображенію другую пищу. Не пытайся предрѣшать своихъ отвѣтовъ на допросѣ: въ нужную минуту отвѣты придутъ сами. Отдай на волю Господа и жизнь свою и ея срокъ; и страхъ исчезнетъ.

12. Второй соблазнъ *самоосужденія и сомнѣнія въ избранномъ пути*: ты увидишь тактическія ошибки, сдѣланныя тобою

въ прошломъ, онѣ покажутся тебѣ «роковыми», чуть не «преступленіями»; отсюда родится тоска о томъ, что ты можешь быть уже «погубилъ кого-нибудь», смятеніе и сознаніе, будто ты «не долженъ былъ ввязываться въ борьбу». Оставь это мнительное малодушіе: оно есть дѣйствіе не совѣсти, а *страха и утомленія*. Не ошибается только тотъ, кто не дѣйствуетъ; бездѣйствующій же совершаетъ не ошибку, а преступленіе. Ошибки стоить продумывать не для самотерзанія, а только для того, чтобы ихъ больше не дѣлать. Богъ видитъ огонь твоего сердца и твоей воли; а Родина не судить твои ошибки.

13. Третій соблазнъ *искренности*. Тебѣ, можетъ быть, придется лгать на допросѣ и эта ложь можетъ показаться тебѣ *трусостью и униженіемъ*: вспыхнетъ искушеніе открыто «во всемъ» сознаться. Не поддавайся этому соблазну: врагу твоей Родины ты не повиненъ ни откровенностью, ни искренностью; крѣпко зажди въ душѣ чрезмѣрную впечатлительность; помни, что ты обороняешь не себя, а *дѣло*; будь прозраченъ передъ Богомъ и совѣстью — и загадоченъ передъ лицомъ врага; въ случаѣ же неудачи — предоставь «изобличающему» тебя слѣдователю его дешовое торжество. Спокойно и мужественно обороняй Родину вынужденною ложью.

14. Четвертый соблазнъ — *компромиссъ*. Его предложить тебѣ враги, уговаривая и угрожая; обѣщая «помилованіе» и «спасеніе»; доказывая тебѣ твою мнимую неправоту и изображая *свою* силу, *свою идейность* и *свою справедливость*. Не вѣрь имъ: имъ надо вовлечь тебя въ предательство, унижить, использовать и морально раздавить; а въ случаѣ нужды они все-таки убьютъ тебя. Компромиссъ есть *договоръ*; а тебя завлекаютъ обманомъ въ покорность и гибель. Компромиссъ есть *взаимная* уступка: а тебя увлекаютъ въ одностороннюю сдачу. Обманешь ли ты шуллера, который даже не скрываетъ своего шуллерства? Что можешь ты «уступить» ему изъ дѣла твоей Родины? Спокойно держись до конца; ясно и твердо смотри въ глаза врагу. Все въ волѣ Божіей.

15. Если вернешься съ допроса въ одиночку измученный — не дѣлись ничѣмъ ни съ сосѣдями, которые начнутъ перестукиваться съ тобою, ни съ новымъ «сожителемъ», котораго внезапно подсадятъ къ тебѣ въ камеру: это навѣрное шпіонъ. Одинокое береги свою тайну. У тебя есть исходы: молчаливая молитва и тихія ночныя слезы (закройся съ головою!) облегчать твою душу.

16. Если тебя будутъ подвергать душевнымъ пыткамъ—долго держать подъ револьверомъ, водить на разстрѣлъ и не разстрѣливать, убивать другихъ въ твоёмъ присутствіи, оставлять тебя въ мертвецкой съ трупами и т. д. — то, вернувшись въ одиночку, дай полную волю слезамъ, стонамъ и крику: душевное потрясеніе сломитъ тебя, если ты его не изживешь. Но

помни, что только способность къ высшимъ молитвеннымъ напряженіямъ (до экстаза) можетъ *обезпечить* тебѣ духовную побѣду въ этихъ испытаніяхъ.

17. Въ предвидѣніи всѣхъ возможностей — заранѣе изучи яды: ихъ *добываніе*, ихъ *храненіе*, ихъ *дѣйствіе*: въ любой моментъ тюремнаго заключенія ты долженъ быть *властенъ и надъ своею смертью*.

Копію снялъ
Старый Политикъ.

V. РЕВОЛЮЦІЯ И ВЫХОДЪ ИЗЪ НЕЯ. (ДЛЯ ПАМЯТИ).

О, этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ!

Тютчевъ.

Съ прекращеніемъ страха Божія начинается разнузданіе всѣхъ страстей и господство такого образа мыслей, который затопитъ міръ потоками крови.

Лейбницъ.

Люди нашихъ дней рождены для порицанія: отъ всего Ахиллеса они видятъ одну лишь пяту.

Эбнеръ-Эшенбахъ.

Все разрушать и все опорочивать — легче, чѣмъ самому создавать что-нибудь положительное.

Бисмаркъ.

Добрые болтуны, неряхи словесные!... Вы хуже негодяевъ, вреднѣе.

Льсковъ.

Каждое сословіе имѣетъ свою чернь.

Графъ В. А. Соллогубъ.

Никто не судитъ съ такою рѣзкостью, какъ необразованный; онъ не признаетъ ни доказательствъ, ни опроверженій, и воображаетъ, будто онъ всегда правъ.

Фейербахъ.

Полунаука, самый страшный бичъ человѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука — это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, передъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немыслимымъ, передъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему.

Достоевскій.

На допросѣ онъ несъ свой вздоръ и выставялъ себя предтечей другихъ, сильнѣйшихъ и грозныхъ новаторовъ, которые, воспитываясь на ножахъ, скоро придутъ съ ножами же водворять свою новую вселенскую правду.

Льсковъ.

Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ... Рабы должны быть равны... Не надо образованія, довольно науки!... Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство... Одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вотъ чего надо! А тутъ «еще свѣженькой кровушки», чтобы попривыкъ... Я мошенникъ, а не социалистъ... Мы провозгласимъ разрушеніе... Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ...

Достоевскій.

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда Царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ.

Лермонтовъ.

Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть!..

Пушкинъ.

Воронъ воронѣ въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракистой
Богатырь лежитъ убитый...

Пушкинъ.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны...
На главахъ у насъ,
Затмѣвая звѣзды,
Галокъ стаи вьютъ
Поганыя гнѣзда...

Ой, орелъ, орелъ,
Нашъ отецъ далекій!
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!
Ой, орелъ, орелъ,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ...

Графъ А. К. Толстой.

Если мы сплотимся, то мы выбьемъ и дьявола изъ ада.

Бисмаркъ.

Соборомъ и чорта поборемъ.

Русская пословица.

Спасти русскихъ могутъ только русскіе.

* * *

Честно служи твоему вѣку; но никогда не служи злему
генію твоего времени.

Лафатеръ.

Что самому воровать, что вору стремянку держать — одно.

Русская пословица.

Важнѣе всего того, что нынѣ наполняетъ міръ шумомъ,
было бы вотъ что: вновь пробудить народъ ко всему доброму
и прекрасному, къ вѣрности и усердію, къ чувству родины
и отечества.

Розеггеръ.

Что намъ теперь нужно, какъ хлѣбъ насущный, — это царственное настроеніе ума.

Ліэнгардъ.

Спасеніе отъ гражданской войны — въ забвеніи.

Публилій Сиріецъ.

Справедливая реформа и прямодушный образъ дѣйствій — вотъ наилучшая политика.

Завалишинъ.

Надо открыть дорогу таланту... — это дѣйствительно истина, даже полная истина. Только этимъ можетъ завершиться революція.

Карлейль.

По путямъ жизненныхъ бѣдъ и ужасовъ Господь ведетъ насъ къ новому порядку вещей. Нельзя вернуть событія назадъ. Впередъ же! И пусть рухнетъ все то, что не можетъ долѣе стоять.

Пертесъ.

Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу со своею старою сказкою. Чудная вещь — старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость.

Льсковъ.

VI. ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Среди тѣхъ, кто остался въ Россіи, есть много именно такихъ, которые «сознательно готовились къ подвигу», и еще больше такихъ, чья жизнь сама развернулась въ подвигъ, помимо ихъ изначальнаго намѣренія; есть такіе, которые дѣйствительно въ началѣ «струсили», а потомъ окрѣпли и утвердили свою вѣрность Россіи; есть множество религіозныхъ исповѣдниковъ, гонимыхъ за вѣру. Именно къ нимъ, къ тѣмъ, кто любитъ Россію, обращена статья «Вы наши братья» («Русскій Колоколъ», № 2). Есть героизмъ активный; хвала ему! Но есть героизмъ мученическій и исповѣдническій; позволительно ли христіанину забывать объ этомъ? Мученикъ не долженъ порицать меченосца; это была бы сентиментальная фальшь. Но позволительно ли меченосцу хулить мученика? *Нѣтъ* въ жизни единого и единственнаго пути для служенія и для борьбы. Мечъ не каждому по силамъ; и если бы «тогда» ушли «всеѣ», т. е. и тѣ, кому мечъ не по силамъ, то бѣлыя арміи оказались бы только перегруженными небоеспособнымъ и изнемогающимъ человѣческимъ матеріаломъ. — Но

къ обывателю, какъ таковому, и къ предателю, какъ таковому, эта статья совсѣмъ и не относится.

Н. В. Ш. въ Ниццѣ. К. С. въ Люцинѣ.

Строя организацію, нельзя довѣрять «всѣмъ»; но нельзя и «никому» не довѣрять. Необходима осторожность; но такая, которая не обижала бы и не отталкивала бы людей. Вновь принимаемый долженъ непременно проходить періодъ *неподчеркнутой испытваемости*, напр., *обязательный для всѣхъ* стажъ «члена соребнователя». Вы правы: мы живемъ въ эпоху обостреннаго взаимнаго недовѣрія. Но тѣмъ необходимѣе, тѣмъ драгоцѣннѣе установить *кадръ безусловнаго взаимнаго довѣрія*. Надо учиться распознавать людей. Нашъ журналъ вернется еще къ этому.

В. П. La Ferrière aux étangs.

Мѣра собственности должна быть *творческою*, т. е. она не должна быть ни слишкомъ малою (напр., ничтожный клочъ земли, на которомъ нельзя повести интенсивнаго хозяйства), ни слишкомъ большою (напр., огромное лѣсное хозяйство, непосильное для частнаго владѣнія и потому лежащее втуне). Въ каждой странѣ есть *своя* мѣра собственности, необходимая для хозяйственнаго цвѣтенія. — Рангъ долженъ быть не только *справедливымъ* (т. е. соответствовать способностямъ и заслугамъ), но и *подвижнымъ*, т. е. открытымъ *всякому* достойному (отрицаніе кастовыхъ и сословныхъ загражденій), и открывающимъ ему перспективу *честнаго восхожденія*. — Каждый «иностранецъ» въ Россіи можетъ стать и быть *русскимъ*, нашимъ вѣрнымъ братомъ и соотечественникомъ. Для этого онъ долженъ только поставить свою *русскость* выше своего *расоваго, племенного и провинціальнаго* самочувствія. Эта формула такова: «я — русскій; и притомъ — армянинъ». Но не такова: «я — армянинъ; и свои армянскія дѣла недурно обдѣлываю въ Россіи».

А. Б. Болгарія. Мина Перникъ.

Редакція.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Спасеніе въ качествѣ. Редакторъ	3
2. Казаки, ихъ прошлое, настоящее и возможное будущее. П. Н. Красновъ	8
3. О власти и смерти. И. А. Ильинъ	19
4. Очерки по русскому аграрному вопросу. 1. О русскомъ малоземеліи. В. А. Косинскій	26
5. Къ разумѣнію нашего времени. Г. Г. Бахъ	36
6. О поклоненіи фактамъ. Н. А. Цуриковъ	42
7. Коммунистическій заговоръ тысяча лѣтъ тому назадъ. Странникъ	48
8. Уроки революціи. Старый Политикъ	57
—	
I. Силы міровой революціи. 1. Европейскій пролетаріатъ. Редакція	63
II. Русскій народный учитель. Б. А. Никольскій	67
III. Что дала революція русскому рабочему. В. Ф. Гефдингъ.	70
IV. Тюремное заключеніе. Историческіе матеріалы	76
V. Революція и выходъ изъ нея. Для памяти	80
VI. Отвѣты редакціи	83

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

КНИГА ПЕРВАЯ:

Редакторъ — Русскій Колоколъ. *И. А. Ильинъ* — О священномъ. *И. С. Шмелевъ* — Какъ намъ быть. *И. А. Ильинъ* — Наша государственная задача. *Прибывшій оттуда* — Мы требуемъ пониманія. *Лоллий Львовъ* — Безстрашные люди. *Старый Политикъ* — О политической работѣ.

Отъ редакціи. *С. С. Ольденбургъ* — Россія передъ революціей. *А. Бунге.* *И. Ильинъ* — Русская территорія 1914—1927. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. *Старый Политикъ* — Какъ хранить тайну. *И. А. Ильинъ* — Девизы блага движенія.

КНИГА ВТОРАЯ:

Редакторъ — О русской интеллигенціи. *Г. Г. Бахъ* — Лицомъ къ Россіи. *И. А. Ильинъ* — Кризисъ современнаго искусства. *И. А. Ильинъ* — Вы наши братья. *И. И. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 1. Митрополитъ Макарій. *Православный* — Православіе и государственность. *Н. А. Цуриковъ* — Пафосъ героизма и идеи современности. *В. Ф. Гефдингъ* — Живой опытъ коммунизма.

Редакція — Историческое бремя Россіи. *Б. А. Никольскій* — Русская эмиграція въ цифрахъ. *И. А. Ильинъ* — О признаніи совѣтской власти. *Для памяти* — О сопротивленіи злу силой.

КНИГА ТРЕТЬЯ:

Редакторъ — Побѣдитъ правое дѣло. *П. Н. Красновъ* — Армія. *И. А. Ильинъ* — Будущее русскаго крестьянства. *Н. Н. Ильина* — Аріонъ Пушкина. *Н. С. Арсеньевъ* — Борьба за душу русскаго народа. *И. И. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 2. Московскіе князья собиратели. *В. П. Рябушинскій* — Судьба русскаго хозяина. *И. А. Ильинъ* — О русскомъ фашизмѣ.

Б. А. Никольскій — Войны Россіи. *В. Ф. Гефдингъ* — Россія въ міровомъ хозяйствѣ прежде и теперь. *И. А. Ильинъ* — Ядъ партійности. *Старый Политикъ* — О политической провокаціи. *Для памяти* — О борьбѣ и смерти.

Изданія Акц.-О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43

„ П Е Р Е З В О Н Ы “

№ 39 посвящ. „Отечественной войнѣ“ (4 цвѣтн. репрод., 65 одноцв.)

№№ 1-8 за 1925 г. — 1,5 долл.

№№ 9-26 за 1926 г. — 4,5 долл.

№№ 27-39 за 1927 г. — 3 долл.

На дняхъ выходитъ № 40

посвящ. И. Я. Билибину

Въ номеръ — г. г. Д. Гребенщиковъ, Бор. Зайцевъ, Н. М. Мишеевъ, Любовь Столица, Леонидъ Тульпе и И. Умовъ.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 6595

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ
Эстоніи—280 мар. эст., заграницей—86,5 амер. центов.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія За Рубежомъ

Парижъ, 10, Bld. Montparnesse (15-e)

Цѣна 3 фр. Третій годъ изданія.

Продажа въ русскихъ книжныхъ магазинахъ. Печатаются статьи
духовнаго содержанія, особенное вниманіе обращено на анти-
религіозную борьбу въ Совѣтск. Россіи и на отношеніе къ вѣрѣ
русской молодежи.

Вышла изъ печати четвертая книга

БѢЛОЕ ДѢЛО

Л ѣ т о п и с ь б ѣ л о й б о р ь б ы

Матеріалы собранные и разработанные Барономъ *П. Н. Вранелемъ*
Герцогомъ *Г. Н. Лейхтенбергскимъ* и Свѣтл. Княземъ *А. П. Ливеномъ*

Подъ редакціей А. А. фонъ - Лампе

Содержаніе: *Е. К. Миллеръ* — Борьба за Россію на Сѣверѣ.
Г. Е. Чаплинъ — Два переворота на Сѣверѣ. *Н. Бѣлогорскій* —
Въ дни Каледина. *Д. Н. Потоцкій* — На Дону. *Е. Ѳ. Емельяновъ* —
Воспоминанія добровольца. *П. Н. Шатиловъ* — Памятная записка
о Крымской эвакуаціи. *Н. А. Андрушкевичъ* — Послѣдняя Россія.
И. С. Коноплинъ-Горный — Крестоносцы. *В. П. Агапѣевъ* — Кор-
пусъ генерала Довборъ-Мусницкаго. *Н. Д. Нелидовъ* — Заговоры
въ Петроградѣ. **Документы:** Объявленія и сообщенія Верхов-
наго Управленія Сѣверной областью. Переходъ Семеновскаго Полка.
Приложеніе: Указатель книгъ и статей по исторіи Бѣлой
Борьбы. Цѣна книги: 1,75 доллара.

Р е д а к ц і я: Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV

Складъ: „Градъ Китежъ“, Berlin W62, Kleiststrasse 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Варшавѣ черезъ книжный магазинъ Д о б р о
Krakowskie przedmieście 53;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

8-

Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion :
Berlin W 50, Augsburger Straße 56^{IV}
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 6

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ!

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы,
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю...

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!... —
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
«Нѣтъ отдыха! Впередъ, впередъ!

«Взгляни на ниву: паши много,
«А дня немного впереди.
«Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
«Господь велитъ: иди, иди!

«Ты купленъ дорогой цѣною,
«Крестомъ и кровью купленъ ты:
«Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
«Борись, борецъ, до поздней тѣмы!...» —

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ..
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судъ Твоемъ!

Иду свершать въ трудъ и потъ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотъ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Х о м я к о в ъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 6

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

О РЫЦАРСКОМЪ ДУХѢ.

Сердце чисто созижди во мнѣ,
Боже, и духъ правъ обнови во
утробѣ моей.

Пс. 50.

Во всей великой смутѣ нашихъ дней, среди крушеній, бѣдъ и утратъ, въ раздорахъ и соблазнахъ — мы должны помнить одно и жить однимъ: поддержаніемъ и насажденіемъ *духа рыцарственнаго служенія*. Прежде всего — въ насъ самихъ; а потомъ — въ нашихъ дѣтяхъ, въ нашихъ друзьяхъ и единомышленникахъ. Мы должны беречь этотъ духъ, какъ святыню; мы должны укрѣплять его въ тѣхъ, кто довѣряетъ намъ, кто совѣтуется съ нами, кто ищетъ нашего руководства; мы должны подсказывать его нашимъ руководителямъ и пастырямъ, настаивая и даже требуя. Ибо этотъ духъ есть какъ бы воздухъ и кислородъ русскаго національнаго спасенія; и тамъ, гдѣ онъ изсякаетъ, немедленно начинается атмосфера гніенія и разложенія, явнаго или скрытаго большевизма.

Десятилѣтія, переживаемыя нами, таковы, что людямъ, привыкшимъ держаться на безразличныхъ и теплопрохладныхъ позиціяхъ, и не могущимъ или не желающимъ окрѣпнуть и совершить выборъ — приговоръ оказывается подписаннымъ заранѣе: они обречены болоту и униженіямъ, а жизненные силы ихъ будутъ использованы міровыми соблазнителями. Всюду, гдѣ *нѣтъ воли* — за видимымъ безволіемъ рано или поздно выступить воля сыновъ погибели; всюду *гдѣ совесть молчитъ*, а жадность раздваиваетъ душу — большевизмъ уже побѣждаетъ; всюду, гдѣ *грубое властолюбіе однихъ раздражаетъ несытое честолюбіе другихъ* — готовится соблазнъ, распадъ и торжество врага. Всюду, гдѣ слабѣетъ или исчезаетъ духъ рыцарственности — бѣда уже ждетъ у двери. Такъ обстоитъ нынѣ; такъ будетъ и впредь.

На какомъ бы посту ни стоялъ человѣкъ, этотъ постъ (если только дѣло его само по себѣ не позорно) имѣетъ свою *идею*, осмысливающую его дѣло, освящающую его, не какъ службу, а какъ *служеніе*, какъ служеніе *единому Божьему Дѣлу на землѣ*. Въ отличіе отъ самого субъекта, имѣющаго свои личные интересы, симпатіи и вожелѣнія, Божіе Дѣло имѣетъ свои *Предметные пути, необходимости и требованія*. И вотъ, личные интересы человѣка и Предметный интересъ его дѣла каждый мигъ могутъ разойтись и поставить человѣка передъ искушеніемъ своекорыстія. Каждый мигъ человѣкъ можетъ оказаться въ положеніи торгаша, не знающаго, на что рѣшиться, или въ положеніи предателя, предпочитающаго свой интересъ — *Предметному*.

Духъ рыцарственности состоитъ въ *стойкой вѣрности Предметному пути*.

Есть люди, совсѣмъ не видящіе Дѣла и не постигающіе Предметныхъ требованій. Они знаютъ только *свое* — личный успѣхъ; а все остальное есть для нихъ *лишь средство*. Вся ихъ дѣятельность оказывается *прислуживаніемъ и предательствомъ*; и отъ дѣятельности этихъ карьеристовъ, льстецовъ, взяточниковъ и временщиковъ всегда гибли и *будутъ гибнуть* всѣ человѣческія организаціи и учрежденія. *Продажность* есть ихъ девизъ — все равно, за что бы они ни продавали Дѣло, за деньги, за честь или за власть; и все равно, что бы ни скрывалось въ душѣ за ихъ предательствомъ — откровенный нигилизмъ (какъ у большевиковъ), или сентиментальная безхарактерность и оправдывающаяся софистика (какъ у пред-большевицкаго обывателя).

Есть другіе люди, знающіе о требованіяхъ Дѣла и Предмета, но относящіеся къ нимъ съ формальнымъ безразличіемъ, какъ къ тяжелому и непріятному долгу или постылой неизбѣжности — безъ любви, безъ вдохновенія, безъ творчества. Ихъ дѣятельность — есть «*служба*», а ихъ служба есть отбываніе очереднаго «приказа» или «номера»; они работаютъ, какъ наймиты, въ лучшемъ случаѣ только не клянушіе свой трудъ, или же какъ рабы, тяготящіеся каждымъ своимъ усиліемъ. Судьба Дѣла имъ безразлична. Требованія Предмета, какъ бы онъ ни назывался — Церковь, Родина, Правосудіе, Армія, Наука, Искусство — только затрудняютъ ихъ и тяготятъ. Божьему Дѣлу на землѣ они не преданы. И отъ дѣятельности

этихъ безчувственныхъ машинъ, этихъ индифферентовъ и поденщиковъ — всѣ человѣческія организаціи и учрежденія начинаютъ *внутренно пустѣть и замирать*, разочаровывая и раздражая всѣхъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, вызывая нареканія и накапливая атмосферу разрушительнаго протеста.

Нынѣ Россіи, какъ никогда, нужны люди, способные не къ прислуживанію и не къ службѣ, а къ *служенію*. Люди, не только видящіе Дѣло и постигающіе требованія Предмета, но *преданные* Божьему Дѣлу на землѣ; люди, не только не безразличные и не безчувственные, но вдохновляющіеся и вдохновляющіе другихъ; люди, не уступающіе интересовъ Дѣла ни за деньги, ни за честь, ни за власть, ни по просьбамъ, ни за одолженія, — *неподкупные* въ полномъ и высшемъ смыслѣ этого слова.

Это люди, для которыхъ долгъ не каторга и обязанность не постыла; потому что въ ихъ душѣ обязанность покрыта личной преданностью и долгъ потонулъ въ страстной заинтересованности Дѣломъ. Это люди, которыхъ всякій личный успѣхъ, конечно, радуетъ; но для которыхъ личный успѣхъ всегда остается лишь средствомъ, служащимъ побѣдѣ Божьяго Дѣла. Это люди, не боящіеся отвѣтственности именно потому, что они вкладываются въ Дѣло цѣликомъ и совсѣмъ не ищутъ во что бы то ни стало личной удачи и преуспѣянія. Это люди характера и гражданскаго мужества. Люди *волевой идеи*. *Добровольцы русскаго національнаго Дѣла*. Призванные организаторы Россіи.

Духъ рыцарственности и состоитъ прежде всего и больше всего въ *добровольномъ и волеомъ принятіи на себя бремени и опасностей во имя Божьяго Дѣла на землѣ*. И надо признать, что если жизнь ожидаетъ этого отъ насъ всегда, и даже въ самое благополучное время предлагаетъ намъ такія бремена и связанную съ ними отвѣтственность и опасность *на каждомъ шагу*, — то послѣ русскаго военнаго крушенія и революціоннаго разгрома все возрожденіе и восстановленіе Россіи будетъ цѣликомъ зависѣть отъ того, найдется ли въ нашей странѣ кадръ людей, выдержанный въ такомъ духѣ и способный къ такому служенію. Кадръ *неподкупный* — и потому ничего не продающій ни иностранцамъ, ни внутреннимъ врагамъ Россіи; *вѣрный любовью и совѣстью* — и потому способный со-

брать вокругъ себя довѣріе и преданность во всѣхъ сердцахъ, вѣрныхъ родинѣ; *рыцарственный* — и потому призванный къ *служенію* и къ организаціи публичнаго спасенія.

Сущность рыцарства, необходимаго Россіи, состоитъ прежде всего не въ *посягательствѣ*, а въ *самоотреченіи*. Ни одна изъ современныхъ политическихъ партій не рыцарственна, ибо всѣ онѣ посягаютъ на власть и на сопряженные съ нею выгоды *). То, что нужно Россіи — это кадръ людей *съ обновленной и облагороженной политической мотивацией въ душу*. Новый режимъ смогутъ создать только новые люди, «новые» не въ смыслѣ возраста, или имени, или всерастлѣвающего «революціоннаго стажа», — но въ смыслѣ *направленія воли и силы воли*: *Предметнаго* направленія и *несломимой* силы. Тотъ, кто за эти годы крушеній, бѣдъ и утратъ не сумѣлъ найти въ своей душѣ *новыхъ* источниковъ для политическаго разумѣнія и для политической дѣятельности — религіозныхъ, патріотическихъ и рыцарственныхъ; кто попрежнему мыслить Россію (все равно, — справа или слѣва), какъ поле для своей карьеры и для своего частнаго преуспѣянія, — тотъ *врагъ Россіи*, несущій ей въ своемъ сердцѣ ядъ и гибель, какими бы программами и лозунгами онъ при этомъ ни прикрывался. Внѣ рыцарственнаго духа національнаго служенія — все безцѣльно, все тщетно, все вредно; внѣ его — никто ничего не освободитъ и не возродитъ, а создастъ только новый раздоръ, новую смуту и новую гражданскую войну на погибель Россіи и на радость ея исконнымъ и всемірнымъ врагамъ.

Вотъ почему *правы* всѣ тѣ, кто держится въ сторонѣ отъ всякой зарубежной и совѣтской «политики», отъ всѣхъ этихъ беспочвенныхъ (въ зарубежьи) и предательскихъ (въ подъяремьи) «комбинацій» и «компромиссовъ», отъ всей партійной стряпни и грызни. Однако, это удаленіе отнюдь не должно означать отрицанія государственности; оно вовсе не совпадаетъ съ политическимъ безмысліемъ и безволіемъ. Напротивъ: все значеніе его состоитъ въ *накопленіи* политическаго смысла и политической воли, въ *Предметномъ очищеніи души*, въ *сосредоточеніи* ея разумѣнія и ея благороднѣйшихъ силъ. Это воздержаніе отъ легкомысленной и скороспѣлой,

*) Сравни превосходную и точную формулу Е. В. Спекторскаго: «современная политическая партія это не болѣе, какъ частное предпріятіе для захвата власти и всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ выгодъ». «Христіанство и Культура» стр. 256—257.

суетливой и интригующей партійности необходимо именно для того, чтобы положить начало новому *идейному* и *волевому* подходу къ государственности вообще и къ русской государственности въ частности, — *рыцарственному* подходу.

Для этого надо начать съ установленія неоспоримой аксіомы, гласящей: *русское крушеніе было вызвано и обусловлено тѣмъ, что въ русскихъ людяхъ было недостаточно рыцарственности*; а отсюда уже проистекли всѣ эти, погубившія Россію ошибки и преступленія, всѣ эти потоки безволія, малодушія, жадности, трусости, продажности, предательства и свирѣпости. И ошибки эти, и преступленія будутъ повторяться до тѣхъ поръ; и потоки этого криводушія и малодушія будутъ изливаться до тѣхъ поръ, — пока Россія не проложитъ себѣ путь къ духовному и религіозному обновленію; пока не встанутъ и не сомкнутъ свои ряды люди рыцарственного уклада и характера. И когда это совершится, тогда они создадутъ и укрѣпятъ новую государственную традицію, нынѣ развѣянную и утраченную, но зачатую много вѣковъ тому назадъ въ духѣ русскаго Православія и выношенную въ столѣтіяхъ борьбы за русское національное величіе. Это — традиція *религіозно укорененнаго государственнаго добровольчества*, вновь возродившагося на Руси десять лѣтъ тому назадъ.

Это основное. Это самое важное. Не будетъ этого — не будетъ и Россіи, а будетъ раздоръ и хаосъ, позоръ и разложеніе.

Вступить же на этотъ путь, начать это обновленіе мы можемъ и мы должны теперь же, сегодня же, не колеблясь и не откладывая.

Редакторъ.

КЪ РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ.

I.

Славныя русскія дѣвушки! *).

Ваше обращеніе ко мнѣ за добрымъ словомъ напутствія и смутило, и обрадовало меня. Я не смѣю считать себя «духовнымъ вождемъ»: я только русскій писатель, и отвѣчу Вамъ, какъ отвѣтилъ бы друзьямъ-читателямъ, сердечно мнѣ близкимъ, — искренно отвѣчу. Обрадовало же потому, что почувствовалась мнѣ въ Вашемъ письмѣ душевная потребность — вдумчиво относиться къ жизни, какъ бы перекреститься, въ нее вступая. Эта серьезность на зарѣ жизни — слѣдствіе пережитаго, *нашего*, русскаго страданія. Страданіе углубляетъ, умудряетъ. И въ этомъ уже залогъ будущихъ нравственныхъ побѣдъ. Это уже и теперь — побѣда.

Были времена — и были у русской молодежи «мучительные» вопросы и запросы, идеалы, исканія. Русская душа — жаждущая душа, ищущая *отъла*, подвига, душа стремительная и страстная. Русская молодежь всегда была неспокойна духомъ, пытлива, идеалистична, порывиста неудержимо въ исканіяхъ лучшаго — *для всѣхъ*. Выбирала себѣ «вождей» и, увлеченная, шла за ними, порой безоглядно. Это было тогда, когда была сильная Россія, богатѣвшая и матеріально, и духовно, счастливая, что бы тамъ иные ни говорили, *вся* счастливая, имѣвшая налицо всѣ данныя для блага *всего* народа, имѣвшая всѣ возможности, въ путяхъ духовнаго и матеріально - культурнаго роста своего, явиться примѣромъ для всѣхъ народовъ. И она осуществляла эти возможности. Это предрекали ей великіе наши духовидцы. Теперь это прошлое — становится уже очевиднымъ. Но наряду съ *вѣрными* водителями вліяли и водители ложные, смотрѣвшіе куда-то за

*) Отвѣтъ на письмо воспитанницъ выпускнаго класса Маріинскаго Донскаго Института (въ Бѣлой Церкви, Югославія).

Россію, поверхъ Россіи, задававшіеся цѣлями надъ-національ-ными, увлекавшіе «великими» горизонтами и прельстившіе мно-гихъ, проглядѣвшихъ негромкое, но великое дѣло «дня сего», не манившее блескомъ молній далекихъ горизонтовъ, — дѣло укрѣпленія и созданія *націи*, своей націи, себя еще не сознав-шей и потому совершенно неготовой на «міровое дѣло». И вотъ, чудеснѣйшія, идеальнѣйшія свойства парящей русской души, кипѣвшія въ русской даже мало-мальски культурной молодежи, совершенно не постигавшей огромнаго цѣлаго — на-рода, великаго неокультуреннаго ядра, — способствовали не-вольно великому разгрому, разоренью, разложенію, растлѣнію Россіи, временному омертвѣнію ея, утратѣ ея для многихъ, ея даже и не узнавшихъ.

И вотъ, *новая русская молодежь*... и снова *ищетъ*! Какъ же не радоваться, что Вы, юныя, новая поросль русская, послѣ такихъ испытаній, такихъ блужданій по чужимъ міровымъ дорогамъ, послѣ столькихъ утратъ, послѣ *такихъ* ударовъ по Вашимъ юнымъ, по Вашимъ нѣжнымъ и неокрѣпшимъ ду-шамъ, какіе не выпадали на долю никакого изъ другихъ наро-довъ нашей исторіи, — Вы живы духомъ, Вы всматриваетесь пытливо въ жизнь, не отвергаете ее, такъ незаслуженно - не-повинно Васъ побивавшую; что хотите вступить въ нее такъ благоговѣйно, хотите понять отвѣтственность и назначеніе свое въ ней, *вѣрите* въ нее, уповаете, что она приметъ Васъ и на-значитъ *дѣло*, которое Вы выполните свято. Это скрыто въ Вашемъ письмѣ ко мнѣ, но выговорено это въ одномъ Вашемъ простомъ, но чудесномъ словѣ — *напутствіе*!

Въ добрый путь, милыя русскія дѣвушки... въ добрый и свѣтлый путь! Я знаю, знаю, что копите Вы въ себѣ смѣлую волю къ жизни. Я вѣрю, что первую Вашей думой о жизни, Вамъ открывающейся, самой глубокой и затаенной думой, думой-цѣлью, — является Вамъ *родное*, русское, мысль о не-знаемой родинѣ, — о незнаемой чувствами внѣшними, но чуемой - знаемой душою, — о возвратимой Россіи, *нашей*, истинной, заложенной въ насъ отъ предковъ, святой и чистой, омывшейся отъ грѣховъ Россіи! И потому-то Вы, на порогѣ ли высшей школы или жизни самостоятельной, трудной отъ без-пріютія, наученныя страданьями, ищите добраго напутствія и совѣта. Идите, благословясь. Я слышу въ Вашихъ простыхъ словахъ — голосъ исканій. Не угасъ русскій святой огонь,

русскій духовный пылъ, стремленіе къ истинному и доброму. Нерусскія дѣвушки не спрашиваютъ объ *этомъ*. Имъ не нужно «благословенія» и «слова»: накатанныя у нихъ дорожки, привычныя. А Вы... Вы, русскія бездорожницы, вышли искать Россію, Градъ-Китежъ, потонувшій! Идите смѣло — и найдете. Я тоже ищу ее, и вѣрю въ нее, и вѣрю, что найду ее. Я ищу ее въ образахъ и думахъ. Быть можетъ, *такой* и найду ее, безплотной..., но Вы найдете и осязаемую! Вы, юныя, найдете. Вы только пустились въ путь. Я чувствую Ваши *живыя* души. Въ Вашихъ глазахъ надежда: Россія *будетъ*, мы жить будемъ, по-нашему жить будемъ, у *себя* жить будемъ, въ Россіи жить и творить будемъ! Въ Васъ силы молодая, пытливая, но кругомъ — столько путей неясныхъ, предразсвѣтныхъ! И Вы правы, Вы чутко-правы, прося напутствія. Вы — религіозны, Вы — кровь отцовъ: *молились* они *передъ походомъ*. И Вы — въ походѣ. И я хочу Вамъ сказать: идите и помните, что *мы сильны!* Помните непрестанно, что мы велики, что *мы отъ великаго народа*, что мы чудесны и нашей исторіей, удѣлившей намъ миссію охранять культуру, что мы велики *великимъ страданіемъ нашимъ* и великой *побѣдой нашей* — всѣмъ тѣмъ чудеснымъ, что *русскій геній* давалъ, даетъ и будетъ давать міру! Только теперь начинаемъ мы познавать себя. Только теперь начинаетъ чувствовать это міръ, начинаетъ пріоткрывать чудеснѣйшій Ликъ Россіи. Лишенные родины, мы всюду несемъ *ее*. Бога — во имя *ея* несемъ. Наше искусство, проявленіе божескаго въ человѣкѣ, въ славѣ идетъ по свѣту. Наши идеи, наше богопознаніе и богоисканіе, наше «святое безпокойство» за міръ и человѣка — волнуютъ чуткихъ во всѣхъ народахъ. Мы же — философы міровые, мы — бродило. Наша наука, лишенная даже почвы родины, можетъ гордиться родными именами. Наши муки служатъ *великой сдержкой человѣческому безумію*, примѣромъ небывалымъ. Мы пали, но мы возстанемъ! Мы мучаемся, но мы — творимъ. Мы, невольные постояльцы міра, — учимъ! Въ разсѣяніи, мы готовимъ смѣну — Васъ, чудесная наша молодежь, сильныхъ въ лишеніяхъ, знающихъ всѣ дороги-бездорожья, но чувствующихъ *единое*, національно чувствующихъ, жаждущихъ создавать новую Россію, — мы уже видимъ ее въ мечтахъ.

Эти мечты и воля претворить ихъ въ *живое* — въ Васъ есть. Ждете напутствія? Все, что могу Вамъ сказать, — въ Васъ

есть! *Вы любите Россію*, русскія дѣвушки, Вы ее носите въ себѣ. Вы, столько перетерпѣвшія, муками освященныя, Вы — чистыя, Вы — святыя! И святое несете въ сердцѣ. Многія изъ Васъ потеряли и растеряли отцовъ, матерей, братьевъ... мученицы изъ Васъ многія-многія, и всѣ — сироты, безъ Родины. Но Вы вѣрите, что Россія *есть*, что она будетъ *Ваша*. Ваше сиротство кончится. *Такое*, что выпало намъ на долю, не можетъ пройти безслѣдно. *Такое* будетъ возмѣрено *такой* же безмѣрной мѣрой, — таинственный законъ жизни, — *грядущей радостью*. И это будетъ. И Вы это увидите. Пусть эта вѣра напутствуетъ Васъ всегда. Готовьте себя — Россіи. Какъ готовить? Вы это знаете, должны знать.

Великое выпадаетъ на долю Вамъ. Россія осквернена до сердца. Вы, русскія дѣвушки, станете русскими женщинами. Вамъ предстоитъ великое: создавать новую, *чистую*, русскую семью, обновлять, очищать отъ скверны родной народъ. Вы понесете народу Бога, понесете въ жизнь *правду*, — все то цѣннѣйшее, чѣмъ возвеличена русская женщина: выполненіе долга, самоотверженность, милосердіе, чистоту, духовность, кротость, готовность къ подвигу, вѣрность и глубину любви... *Теперь*, когда Россія осквернена до сердца, когда все обезпечено, растлѣно, Ваша великая миссія — *нести чистоту, утверждать нравственность, дать здоровое поколѣніе, воспитать его, научить жизни въ Богѣ*. Отъ Васъ, чистыхъ, охраненныхъ отъ скверны, чѣмъ тамъ заражены милліоны подобныхъ Вамъ русскихъ дѣвушекъ, плѣненныхъ, духовно ослѣпленныхъ, — *отъ Васъ зависитъ величайшее дѣло духовнаго возрожденія новаго поколѣнія Россіи*. Съ Богомъ въ душѣ, съ Церковью, съ вѣрой, съ памятью о загубленномъ, чудесномъ чистомъ, Вы будете стойки, Вы будете свято-горды: Вамъ, русскія зарубежныя дѣвушки, а съ Вами вмѣстѣ и тѣмъ, кто сохранилъ себя тамъ, — великое Вамъ назначено. Какъ и что дѣлать — подскажетъ Вамъ умъ и сердце. Чтобы лѣчить — надо знать. Думайте о Россіи, знайте о ней. Познавайте ее, бывшую, незапятнанную. Познавайте и смрадную, нагноившуюся. Набирайтесь знаній, готовьте себя здѣсь къ работѣ *тамъ*: школьной, ученой, воспитательной, духовной, просвѣтительской, проповѣднической, лѣчебной, всякой, какая кому по склонностямъ, по силамъ. Но прежде всего: живую, человѣческую душу въ себѣ храните, чтобы творить съ любовью. Вашему

поколѣнію выпадаетъ великая работа — освящать, очищать Россію. Мужчинѣ — *строить*; Вамъ — *освящать*. Не отдыхъ, а непрестанный трудъ. ИскуПЛеніе будетъ продолжаться: слишкомъ грѣхи велики. Слишкомъ много утрачено цѣннѣйшаго, слишкомъ много осквернено. И вѣрьте: Ваши усилія, — если хотимъ Россіи, — могутъ произвести величайшій духовный взрывъ — творящей энергіи народа. И Россія, показавшая міру великую бездну паденія, покажетъ чудо великаго возрожденія, величайшихъ высотъ духовныхъ. Россія это можетъ! Это чудо будетъ наградой Вамъ. Вѣрьте — и это будетъ. Вѣрьте и дѣлайте. И Вы увидите это чудо. Это будетъ, это можетъ быть счастьемъ и цѣлью Вашего поколѣнія. Это чудо будетъ и оправданіемъ Россіи. И да благословитъ Васъ Богъ!

Ив. Шмелевъ.

Севръ, $\frac{20. \text{ мая}}{2. \text{ іюня}}$ 1928 г.

О ПРЯТІИ МІРА.

Его Высокопреосвященству
Архієпископу Анастасію Іерусалимскому.

Міромъ хотять завладѣть безбожные и свирѣпые люди. Движимые завистью и жадностью, попирая всѣ божескіе и человѣческіе законы, они пытаются *переродить человѣческій родъ соблазномъ и страхомъ*, погасить его духовность, растлить его душу, ослѣпить его сердце, извратить его природный инстинктъ и создать невиданную еще міровую организацію пошлости — царство кощунственно наслаждающихся злодѣевъ и трутней.

И вотъ, пришелъ часъ, когда каждый христіанинъ долженъ поставить передъ собою основной вопросъ: борется онъ съ этими людьми или *отдаетъ имъ міръ* на потокъ и разграбленіе, на растлѣніе и позоръ? И если борется, то за что именно и во имя чего? А если *не* борется, то чѣмъ онъ оправдываетъ это непротивленіе передъ Богомъ и передъ своею совѣстью?

Съ самаго начала отведемъ всѣ попытки уклониться отъ этого вопроса, всѣ двоедушныя и лукавыя (а въ сущности трусливыя и лживыя) старанія избѣжать отвѣта и потомъ все-таки сдѣлать видъ, будто отвѣтъ данъ. Въ дѣйствительности всѣ, кто двоится и лицемѣритъ, всѣ фактически *даютъ* отвѣтъ; но не тотъ, который они произносятъ, а тотъ, который заключенъ въ ихъ криводушіи и лицемѣріи: они *уже сломлены и порабощены*, какъ бы они сами ни называли свою порабощенность — «аполитичностью», «лояльностью», «нейтралитетомъ» или «непротивленіемъ»...

Посяганіе коммунистовъ заставляетъ каждого христіанина рѣшить, уступаетъ онъ имъ власть надъ міромъ, или отстаиваетъ міръ и обороняетъ? И понятно, что это выдвигаетъ въ его сознаніи болѣе глубокой и коренной вопросъ: *пріемлетъ онъ міръ* или *отвергаетъ* его? Имѣетъ ли христіанство миссію въ «этомъ», земномъ мірѣ, или оно не *отъ* міра сего и не *для* міра сего, и судьбы *человѣческой земли и земного человечества* ему

безразличны? Ибо христіанину, отвергающему міръ, дѣйстви-тельно не за что бороться и нечего отстаивать; а христіанинъ, приѣмлющій міръ, долженъ признать, что нынѣ для него при-шелъ часъ величайшей и отвѣтственной боръбы.

Мы знаемъ, что въ христіанствѣ имѣется древняя «міро-отречная» традиція; и признаемъ, что тотъ, кто слѣдуетъ этой традиціи, имѣетъ основаніе не вмѣшиваться въ судьбы земли и земного человѣчества. Онъ имѣетъ «право» предоставить историческому процессу идти своимъ ходомъ и вести людей къ погибели, къ разрушенію и растлѣнію, во власть «змія», «обольщающаго народы» (Апок. 20); но это «право» онъ имѣ-етъ только тогда, если онъ принимаетъ и «обязанности», выте-кающія изъ міроотреченія, т. е. если онъ дѣйствительно *уга-шаетъ* въ себѣ самомъ земной человѣческой составъ и дожи-ваетъ свой удѣлъ, какъ бы *не присутствуя* на землѣ и томясь о скорой смерти, какъ почти безтѣлесный духъ...

Да, въ христіанствѣ имѣлась древняя традиція, отвергаю-щая *весь этотъ міръ*, какимъ онъ созданъ и живетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самый способъ земного человѣческаго существова-нія. Традиція эта, порожденная *эсхатологическими* мѣстами Евангелія и Апокалипсиса (не указывающими, впрочемъ, ни-какихъ опредѣленныхъ сроковъ грядущаго конца); окрѣпшая подъ вліяніемъ *греческой* философіи (стоики и неоплатоники); и дошедшая до крайнихъ выводовъ подъ вліяніемъ формаль-наго, внѣшняго законничества, присущаго *иудаизму* — *ни-когда не выражала послѣдняго и глубочайшаго отношенія христіанства къ Божьему* (именно къ Божьему) *міру*. Было бы чрезвычайно поучительно прослѣдить черезъ всю литера-туру христіанской аскетики, какъ платонически-стоическое (и чуть ли не буддійское) отвращеніе отъ міра и осужденіе его — уживается въ ней, (не примиряясь), съ христіанскимъ (иногда почти пантеистическимъ) ученіемъ о благодатной устроенно-сти міра, о его божественной ведомости и о вездѣприсутствіи Божіемъ. Два совершенно различныхъ міросозерцанія какъ бы стоятъ рядомъ, не вытѣсняя другъ друга, а подсказывая человѣку два совершенно различные жизненные пути: *міроот-верженіе* и *міропріятіе*.

Первый путь былъ послѣдовательно продуманъ и прочув-ствованъ до конца. Царствіе Божіе не только не *отъ* міра сего,

но и не *для* міра сего. Міръ внѣшній и вещественный есть лишь временный и томительный плѣнь для христіанской души. Міръ и Богъ противоположны. Законы міра и законы духа непримиримы. Двумъ господамъ служить нельзя, а господинъ міра есть діаволь. «Этотъ» вѣкъ и «будущій» — два врага. И смыслъ христіанства состоитъ въ бѣгствѣ *отъ* міра и *изъ* міра, т. е. въ мучительномъ угашеніи своего земного чело-вѣческаго естества. Надо возненавидѣть все мірское и отда-лить его отъ себя, иначе оно само отдалитъ насъ отъ Бога. Всѣ мірскія блага, «все сотворенное» надо почитать чужимъ и не желать ихъ. Христіанинъ не долженъ вступать въ бракъ, не смѣетъ пріобрѣтать собственность, не долженъ служить. Мало того: ему подобаешь молиться «да преидетъ міръ сей» и да со-кратятся его дни. Самъ же онъ долженъ обречь свою плоть увяданію или «умерщвленію» — подъ страхомъ «лишиться по-слѣдняго благословенія». Ему подобаешь стыдиться того, что у него есть тѣло и тѣлесныя потребности. Онъ долженъ прі-учиться видѣть врага въ своей плоти и гнушаться ею: здоровое тѣло должно быть ему нежелательно; оно должно стать на землѣ, какъ изваяніе или «истуканъ», и самъ онъ долженъ жить такъ, какъ если бы его совсѣмъ «не было въ мірѣ семъ».

Таковы послѣдовательные выводы изъ міроотречности.

Что остается дѣлать въ мірѣ такому христіанину? За что ему бороться? Что отстаивать? И развѣ нападающіе зло-дѣи не являются его прямыми благодѣтелями, напоминающими ему о его забытомъ призваніи и о его неисполненныхъ обязанно-стяхъ? И если Христосъ пришелъ въ міръ, и училъ, и стра-далъ для того, чтобы *увести своихъ учениковъ изъ міра* и на-учить ихъ презрѣнію и ненависти ко всякому мірскому есте-ству, то какъ же можетъ христіанинъ бороться съ тѣми, кто отнимаетъ у него все это запретное и зловерное? Родину ли будетъ онъ отстаивать? Но родина у христіанина одна — *въ небесахъ*. Собственность и правопорядокъ? Но христіанинъ отрекается отъ собственности — и внѣшне, и, главное, внут-ренно. Какая можетъ быть у отшельника забота о правопо-рядкѣ? Какая печаль столпнику отъ того, что гибнетъ хозяй-ство, что исчезаетъ наука, что горятъ или распродаютъ музеи? И можетъ ли христіанинъ отвергать или ниспровергать комму-низмъ, если вѣрно, что «общее владѣніе вещами есть дѣло сладчайшее? . . . ».

Если это есть христіанство; если *таковы* завѣты Сына Божія и заповѣди Евангелія, — то мы, христіане, должны отдать коммунистамъ все земное на потокъ и разграбленіе, и вмѣстѣ съ Аѳинагоромъ и Тертулліаномъ «презирать міръ и помышлять о смерти...» Но не будемъ тогда *лицемѣрить* и кривить душою: отвергнемъ міръ не на словахъ, а *въ реальной жизни*; отвергнемъ не только *борьбу* изъ за мірскихъ благъ, но и *самыя эти мірскія блага*; не будемъ, какъ трусливые шакалы, наслаждаться земною падалью, пока не придетъ сильнѣйшій звѣрь, и отбѣгать отъ нея при его приближеніи, поджавъ хвостъ и взывая къ «принципіальной міроотречности...» Отвергающій что нибудь изъ религіозныхъ побужденій, отвергаетъ не тогда, когда у него отнимаютъ, и не потому, что у него уже отняли, — но отказывается самъ, по собственному почину, *заранѣе и навсегда...* Какъ жалки, какъ лживы эти «христіане», воспоминающіе о «христіанской міроотречности» только тогда, когда приходитъ часъ бороться за родину и духовную культуру...

Но для насъ дѣло совсѣмъ не сводится къ обличенію этой сентиментальной фальши. Мы должны признать и установить, что міроотречное христіанство не имѣетъ другого исхода, какъ идейно и религіозно *сложить свое оружіе* передъ насѣдающей ратью коммунистовъ и предоставить діаволу свободно распоряжаться «діавольскимъ достояніемъ». Исходя изъ идеи міроотреченія, съ коммунистами бороться нельзя и побѣдить ихъ невозможно. Но и этого мало. Если христіанство отвергаетъ «міръ» — матерію, природу, тѣло, хозяйство, собственность, государство, науку, искусство и всю земную человѣческую культуру — то оно не можетъ ни вести человѣка въ этотъ міръ, ни учить и вдохновлять человѣка *въ этомъ мірѣ*: оно можетъ только *уводить* его изъ этого міра; *благословить его на земную жизнь* и *вдохновить его къ этой жизни* оно не *въ состояніи*. Это значило бы, что земная жизнь дана человѣку не для того, чтобы онъ въ ней *жилъ и творилъ*, *славя Бога своею жизнью и своимъ творчествомъ*, а для того, чтобы онъ не принималъ ея и учился *медленному самоумерщвленію*. Это значило бы также, что идея «христіанской культуры» *содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе*, и что истинный христіанинъ не имѣетъ на землѣ ни призванія, ни цѣли.

И когда окидываешь взглядомъ исторію культурнаго чело-вѣчества за послѣдніе вѣка и видишь этотъ огромный, роковой процессъ отхода массъ отъ церкви и христіанства, то иногда невольно спрашиваешь себя, не объясняется ли этотъ процессъ между прочимъ и тѣмъ, что христіанство доселѣ не побороло въ себѣ этого міроотречнаго уклона, который учитъ радостно уходить отъ міра и изъ міра, но не учитъ радостно входить въ міръ и радостно творить въ немъ? . . .

Однако надо признать, что вся живая и глубокая традиція христіанства не остановилась на этомъ уклонѣ и не приняла его, какъ основной и опредѣляющей. Она отвела аскезу значеніе *драгоцѣннаго средства*, но лишила его значенія *единственнаго и послѣдняго пути*. Она приняла міръ, благословила чело-вѣка въ мірѣ и стала учить его не только умиранію, но и жизни, и творческому труду.

Какъ же не принять міра, когда «Богомъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое» (Колос. I. 16)? когда «не нуждающійся ни въ какихъ благахъ Богъ для чело-вѣка устроилъ небо, землю и стихіи, доставляя ему черезъ нихъ всякое наслажденіе благами» (Антоній Великій); когда въ мірѣ «нѣтъ ни одного мѣста, котораго не касалось бы Промышленіе» Божіе, «гдѣ бы не было Бога», и желающій «зрѣть Его» долженъ только смотрѣть «на благоустройство всего и Промышленіе о всемъ» (онъ же); когда міръ и созданъ то для того, «дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ» (Ефес. I. 10), а нынѣ «Богъ во Христѣ примирилъ съ собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ и далъ намъ слово примиренія» (Второе Коринѣ. V. 19)? . . . Вся «эта сотворенная природа» есть не что иное, какъ великая «книга», въ которой чело-вѣкъ «когда хочетъ», можетъ читать «словеса Божіи» (Евагрій), постигая и убѣждаясь, что и твари пред-стоитъ однажды освободиться «отъ рабства тлѣнію» (Римл. VIII. 21) . . .

Христосъ принялъ міръ и воплотился не для того, чтобы научить насъ отвергать міръ, кощунственно понося и презирая созданіе Божіе; но для того, чтобы дать намъ *возможность* и указать намъ *путь* вѣрнаго, *христіанскаго міропріятія*; чтобы научить насъ вѣрно принимать и творчески нести бремя вещественности (плоти) и бремя душевнаго разъединенія (индивидуальности); чтобы научить насъ *жить на землѣ въ лу-*

чахъ Царствія Божія. Мы не выше Христа, а Христосъ принялъ земную жизнь и вернулъ ее въ благодатномъ сіяніи. И тотъ, кто принимаетъ міръ, тотъ включаетъ въ свой жизненный путь *творческое дѣланіе* въ этомъ мірѣ, т. е. совершенствованіе въ духѣ — *и себя самого, и ближнихъ, и вещей.*

Человѣку «отъ природы», слѣдовательно отъ Бога, данъ нѣкій способъ земного бытія: трехмѣрная тѣлесность; душа съ ея различными функціями и силами; индивидуальная форма жизни и инстинкта; сила любви и размноженія; голодъ и болѣзни; сопричисленность къ вещамъ и животнымъ, на положеніи ихъ разумнаго и благого господина; раздѣльность и множественность людей; климатъ, раса и языкъ и т. д. Изъ этого, даннаго намъ способа земной жизни вытекаетъ множество неизбѣжныхъ для насъ жизненныхъ положеній, заданій и обязанностей, которыя мы и должны принять, освѣтить и освятить Божиимъ лучомъ и изжить практически, въ трудахъ, опасностяхъ и страданіяхъ, приближаясь къ Божественному и одолевая противобожественное. Своимъ воплощеніемъ и воскресеніемъ Христосъ не отвергъ этотъ способъ бытія, а *принялъ его и побѣдилъ его.* И намъ надлежитъ идти Его путемъ и творить Его дѣло, какъ волю Отца, — но не по «буквѣ», а «отъ сердца», и не «по закону», а въ «свободѣ» и въ «обновленіи духа» (Римл. VI—VII).

Это значитъ, что намъ надлежитъ пріять — и полевая лилія, и птицъ небесныхъ; и плотничество, и осла; и золото, съ ладаномъ и смирною; и хлѣбъ, и рыбу, и вино, и радость брака; и подать — церковную и государственную; и власть Пилата, данную ему свыше; и вервие для торгующихъ въ храмѣ; и трепеть вѣщаго и грознаго слова; и пѣніе ангельское, несущее смертнымъ вѣсть о Богѣ. Намъ надлежитъ принять все это, какъ даръ и урокъ; какъ христіанское средство ведущее къ христіанской цѣли; какъ жизненное творчество. И принять все это мы должны «какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи» (Первое Петра II. 16).

Въ первые вѣка нерѣдко думали, что надо *принять Христа и отвергнуть міръ.* «Цивилизованное» человѣчество въ наши дни — *принимаетъ міръ и отвергаетъ Христа.* А въ средніе вѣка западъ выдвинулъ еще иной соблазнъ: сохранить имя Христа и приспособить искаженный іудаизмомъ духъ Его уче-

ніа къ лукаво-изворотливому и властолюбивому пріятію не преображаемаго міра.

Вѣрный же исходъ въ томъ, чтобы *пріять міръ вслѣдствіе пріятія Христа*; чтобы исходя изъ духа Христова — благословить, осмыслить и творчески подчинить міръ; *не* осудить его *внѣшній* строй и не обезсилить его *душевную* мощь, но одолѣть и тотъ и другой любовью, волею и мыслью, трудомъ, творчествомъ и вдохновеніемъ.

Это и есть идея *православнаго христіанства*.

Основное исканіе Православія—освятить каждый мигъ земного труда и страданія — отъ крещенія и молитвы роженіцѣ, до отходной молитвы, отпѣванія и сорокоуста; и въ молитвѣхъ передъ началомъ ученія; и въ «даждь дождь землѣ алчущей, Спасе»; и въ освященіи пшеницы, вина и елея; и во всѣхъ таинствахъ; и въ чинѣ священнаго коронованія, и въ присягѣ государю; и въ чинѣ освященія знаменъ и благословенія воинскихъ оружій... Православіе было искони міропріемлюще: и въ отшельникѣ, примиряющемъ князей, и въ епископѣ, наставляющемъ своего государя; и въ хозяйствующемъ монастырѣ, и въ монастырскомъ осадномъ сидѣніи; и въ православныхъ Патріархахъ, и въ православныхъ старцахъ, и въ православныхъ юродивыхъ, и въ исповѣдничествѣ православнаго духовенства, замучиваемаго въ Россіи въ наши дни; и въ этой дивной молитвѣ сѣятеля: «Боже, устрой, и умножь, и возрасти на долю всякаго человѣка трудящагося и гладнаго, мимидушаго и посягающаго...»; и въ нашемъ искусствѣ — отъ Діонисія до Нестерова, и отъ сладкогласія кіевскихъ распѣвовъ до Жизни за Царя Глинка, и до благоуханнѣйшей всенощной Рахманинова. И когда митрополитъ Филаретъ вступаетъ въ поэтическую переписку съ Пушкинымъ; и когда поколѣніе за поколѣніемъ читаетъ на старѣйшемъ русскомъ университетѣ, какъ призывъ и обѣтованіе: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»; и когда православный старецъ посылаетъ своего послушника Борисова на Новую Землю писать «чудеса природы Божіей» и его «свѣтскіе» полярные ландшафты потрясаютъ сердца европейцевъ своею значительностью и величіемъ; и когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что дали русскому просвѣщенію и русской интеллигенціи Троицкая Лавра и Оптиная Пустынь, — то православное міропріятіе предстаетъ передъ нами во всей своей вѣрности и глубинѣ.

Русское Православіе не мыслить міра внѣхристіанскимъ или «свѣтскимъ»; напротивъ — христіанское просвѣщеніе и просвѣтленіе міра является его прямымъ заданіемъ. Ему «есть дѣло до всего, чѣмъ живутъ или не живутъ люди на землѣ» *), и притомъ потому, что оно имѣетъ въ этомъ мірѣ великую и священную миссію.

Царствіе Божіе не отъ міра сего. Но о немъ возвѣщено міру и человѣчеству; и поэтому его идея высказана для міра сего, какъ призваніе и обѣтованіе. Невѣрно думать, что Царствіе Божіе *существуетъ для міра сего*; но «міръ сей» существуетъ, какъ величайшее поле для посѣва и взращиванія Царствія Божія. Евангеліе Христово (т. е. благая вѣсть) состоитъ не въ томъ, что земля и небо противоположны и несоединимы, ибо земля обречена грѣху и люди суть дѣти грѣха; но въ томъ, что *Небо уже сошло на землю* въ лицѣ Богочеловѣка, что «приблизилось Царство Небесное» (Матѣ. IV. 17), что возможность и реальность *негрѣховнаго міропріятія* и *міропросвѣщенія* даны и удостовѣрены. Евангеліе несетъ міру не проклятіе, а обѣтованіе; и человѣку не умираніе, а спасеніе и радость. Оно учитъ не бѣгству изъ міра, а *христіанизации* его. Поэтому міроотверженіе есть или условно-временная, очистительная установка монаха, который ищетъ религіознаго уединенія и сосредоточенія; и тогда онъ отвергаетъ не *Божій міръ*, а *свои страсти* и истрастныя содержанія своего опыта; или же міроотверженіе есть слѣпота и гордыня, посяганіе на хулу и ересь, непринятіе Евангелія и путь отъ духовнаго скопчества къ тѣлесному.

И вотъ, хозяйство, государство, наука и искусство суть какъ бы тѣ духовныя руки, которыми человѣчество *беретъ міръ*; и задача христіанства не въ томъ, чтобы слѣпо и грубо отсѣчь эти руки, а въ томъ, чтобы пронизать ихъ трудъ изнутри живымъ духомъ, явленнымъ во Христѣ. Христіанство имѣетъ въ мірѣ свое великое *волевое* заданіе, котораго не постигаютъ люди безвольные и сентиментальные; не постигая его, они сѣютъ соблазнъ, и идутъ, и ведутъ по ложнымъ, то трусливымъ, то лукавымъ путямъ. Нынѣ же, когда вредный фантомъ безбожной науки **); когда страшная сила религіозно-безсмыс-

*) См. статью Православнаго: «Православіе и Государственность» въ № 2 «Русскаго Колокола».

**) См. статью «Идея обновленнаго разума» въ № 5 «Русскаго Колокола».

леннаго государства; когда внутренняя обреченность безъидейнаго хозяйничанья; когда растлѣвающая пошлость бездуховнаго искусства — наполняютъ Божію землю расплясавшимися харями; — христіанство не можетъ ни отвернуться отъ этого сатанинскаго дѣйства, провозглашая «нейтралитетъ», ни укрыться за словесное «міроотверженіе» и «непротивленіе».

Оно должно найти въ себѣ *вѣру* и *волю* для христіанскаго міропріятія и для борьбы за свое поле и за свой постѣвъ. Должно найти; и найдетъ. И тогда начнется исцѣленіе.

И. А. Ильинъ.

ПРИЧИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революція есть болѣзнь, которая поражаетъ только нездоровые, ослабленные организмы и не прививается къ здоровымъ и сильнымъ.

Была ли Россія здоровымъ организмомъ? Да, была — двѣсти лѣтъ тому назадъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на ея ростъ въ теченіе восемнадцатаго вѣка и на главные составные элементы ея того времени.

Во главѣ страны стоялъ самодержавный Царь и назначаемое имъ правительство. Правящимъ сословіемъ, изъ котораго пополнялась вся высшая и средняя администрація, а также вся военная іерархія, и которое составляло (совмѣстно съ духовенствомъ) весь культурный слой страны — было помѣстное дворянство; это было сословіе, хозяйственно обеспеченное землей и рабочими руками (крѣпостные крестьяне), сильное своею службою и своими традиціями, и находившееся само въ крѣпостномъ подчиненіи государству (обязательная служба). Третью основу, на которой покоилось государство, составляли крестьяне, изъ коихъ около 54% принадлежало помѣщикамъ, работая на нихъ и тѣмъ обеспечивая имъ возможность службы.

Эти три элемента были связаны въ одно цѣлое крѣпкимъ цементомъ — православной вѣрой, въ то время живой и непоколебимой во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

Мы и не думаемъ идеализировать сословно - крѣпостной укладъ восемнадцатаго вѣка. Исторія справедливо указываетъ и на фаворитизмъ двора, и на взяточничество приказныхъ, на произволъ администраціи, на несправедный судъ, на темноту народныхъ массъ, на тягости и отрицательныя стороны крѣпостного уклада. И тѣмъ не менѣе государство росло; земля его благодаря подушной подати Петра Великаго расширялась, какъ никогда прежде; Россія крѣпла, вела успѣшныя войны и закрѣплялась въ своихъ естественныхъ рубежахъ.

Первый ударъ по русскому духовному организму былъ нанесенъ еще въ началѣ XVIII вѣка — подчиненіемъ православной церкви государству. При Екатеринѣ II были изъяты церковныя имущества (1764 г.), а при Павлѣ I духовнымъ лицамъ стали давать ордена, какъ чиновникамъ. Постепенно духовенство обратилось въ чиновниковъ духовнаго вѣдомства; а церковь утратила свою самостоятельную, духовно - учительную и обличающую власть; но печальные плоды этого обнаружались не сразу, а много лѣтъ спустя.

Отъ Петра III (1762 г., Манифестъ о вольности дворянской) и Екатерины II (1785 г., Жалованная грамота дворянству) началось и разложеніе дворянскаго сословія: оно было освобождено отъ обязательной службы и всякихъ податей, тогда какъ помѣщичьи крестьяне остались въ прежнемъ безправномъ положеніи съ однѣми обязанностями.

Отъ бездѣятельной и сытой жизни дворянство начало разлагаться духовно и морально, но это обнаружилось также не сразу. Если мы прослѣдимъ по русской литературѣ процессъ упадка, то онъ становится яснымъ. Наши прадѣды, люди начала XIX вѣка — еще почти всѣ крѣпкіе и сильные; но наши дѣды тридцатыхъ годовъ уже люди со странностями, хотя между ними и встрѣчаются еще сильные характеры. Возьмите Онѣгина, Печорина, Собакевича, Манилова, Ноздрева, Чацкого и т. д. Наши отцы Обломовъ, Райскій, Кирсановы, Рудинъ, Верховенскій отецъ и др. уже безусловно проявляютъ признаки вырожденія. Про это поколѣніе поэтъ Некрасовъ сказалъ: «Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Что же касается до нашихъ предреволюціонныхъ современниковъ, героевъ Чехова и Арцыбашева, то это уже сплошь неврастенія и безволіе.

Въ прежнее время вся русская интеллигенція выходила изъ дворянства, но и до нашихъ дней дворянство давало тонъ и вождей русской интеллигенціи.

Наконецъ, манифестъ 19 февраля освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не превратилъ ихъ въ гражданъ, такъ какъ не сдѣлалъ ихъ полноправными собственниками, а прикрѣпилъ ихъ къ общинѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ малоземельное дворянство захирѣло экономически и ушло въ города, постепенно выдѣляя изъ себя *интеллигентный пролетаріатъ*; а крестьянство,

ведя по старинѣ экстенсивное хозяйство и страдая вслѣдствіе этого отъ аграрнаго перенаселенія, медленно скупало помѣщичьи земли и, не удовлетворяясь ими, разслаивалось и выдѣляло изъ себя численно возрастающій *рабочій пролетаріатъ*.

Въ то же время Царь и правительство постепенно *обособлялись отъ народа*. Прежде дворянство, тѣсно связанное съ крестьянами, служило посредникомъ между правительствомъ и народомъ; теперь же централизованная бюрократія стѣнной отдѣлила низы отъ верховъ. Еще Императоръ Николай I съ грустью констатировалъ, что Россіей правятъ столоначальники. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ три основы, державшія Россію, и самый связывавшій ихъ цементъ, подверглись разложенію, а *новыя формы не создавались*. А между тѣмъ, жизнь шла впередъ и отжившія формы должны были бы безболѣзненно переходить въ новыя, согласно требованіямъ времени.

Изъ крѣпостныхъ крестьянъ должны были выкристаллизироваться *консервативные земельные собственники хлѣборобы*. Изъ помѣстныхъ дворянъ въ соединеніи съ купечествомъ должна была сорганизоваться крѣпкая, *національная и патріотическая буржуазія*, которая стала бы культурнымъ и почвеннымъ элементомъ въ странѣ. Дворянство, какъ сословное органическое цѣлое, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ значительной степени утратило прежній смыслъ своего государственнаго существованія, хотя оно, конечно, сохраняло свое значеніе, какъ культурный слой съ традиціями чести и государственнаго служенія. Однако, крупные землевладѣльцы, независимо отъ сословія, сохраняли свое хозяйственное и государственное значеніе и притомъ именно постольку, поскольку они вели столь необходимое во всякой странѣ *культурное интенсивное хозяйство*.

Отсюда уже ясно, что при наличности эволюціи государственный организмъ не потерялъ бы силъ и здоровья; и революціи не было бы. Всякая страна выдѣляетъ изъ себя нездоровые соки, но отравить они могутъ только больной организмъ, какъ это и было у насъ. За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ передъ революціей Россія была тяжкимъ хроникомъ, несмотря на кажущееся экономическое благополучіе. Ибо *болѣзнь гнѣздилась въ душѣ народа*.

У насъ революцію сдѣлалъ и захватилъ власть численно ничтожный пролетаріатъ (конечно, при сочувствіи и попуще-

ни крестьянства), но удалось это ему только потому, что онъ былъ хорошо организованъ. Если бы мы имѣли, ко времени революціи, реорганизованнымъ на новыхъ началахъ, хоть одинъ изъ вышеуказанныхъ элементовъ, то революція была бы подавлена въ самомъ началѣ. Крестьяне собственники не дали бы разыгратъ революціи, какъ это было во Франціи въ 1870 году, и въ Венгріи и Финляндіи въ 1918 г. Организованная буржуазія подавила бы революцію, какъ это произошло въ Германіи; и, наконецъ, сильное правительство, органически связанное съ народной толщей, несомнѣнно могло бы подавить петроградское возстаніе, если бы были приняты должныя мѣры.

Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію, что революція произошла оттого, что *Россія своевременно не успѣла преобразоваться изъ государства патріархально-бюрократическаго въ буржуазно-крестьянское*, согласно современнымъ условіямъ жизни.

При такомъ *хозяйственно - соціологическомъ* объясненіи русской революціи (намѣченномъ здѣсь лишь вкратцѣ) было бы наивно и несправедливо возлагать отвѣтственность за происшедшее на какихъ-нибудь отдѣльных лицъ или дѣятелей.

Такъ, винить въ происшедшемъ русскихъ Царей невозможно; ибо, если даже допустить, что они не рождались геніями, провидящими судьбы своей страны на десятки лѣтъ впередъ, то ни они сами, ни монархическій образъ правленія не могутъ быть отвѣтственны за это. Всегда и всюду бываетъ такъ, что если Царь не геній, то онъ и его правительство идутъ по той дорогѣ, по которой ихъ направляетъ *равнодѣйствующая общественнаго мнѣнія*, конечно, при условіи, что указуемый путь не будетъ гибельнымъ или явно абсурднымъ. И этому «закону равнодѣйствующей» самодержавный монархъ подчиняется идейно и психологически нисколько не менѣе конституціоннаго короля.

Винить въ происшедшемъ народныя массы (крестьянъ и рабочихъ) было бы также несправедливо, уже въ силу того, что при нормальномъ положеніи дѣла *они не ведутъ, а всегда бываютъ ведомы*.

Война не была причиной революціи: она была лишь могучимъ *факторомъ, проявившимъ* отсутствіе внутренней спайки и устойчивости въ странѣ.

Другое дѣло — общественное мнѣніе въ Россіи и вдохновлявшая имъ за послѣднія десятилѣтія литература. Идеи «крестьянина собственника» и «патріотической буржуазіи» были имъ совершенно чужды. Наша литература восхваляла идиллію крестьянской общины, а собственниковъ называла кулаками и міроѣдами. Она клеймила буржуазію и восхищалась пролетаріатомъ до босяковъ включительно, а болѣе всего занималась разрушеніемъ вѣры, семьи и морали.

Интеллигенція, вдохновлявшая нашу литературу и должна себя признать главной виновницей въ происшедшихъ печальныхъ событіяхъ, а всѣ остальные подсобники ея и враги національной Россіи (внутренніе и внѣшніе) — только использовали создавшуюся обстановку въ своихъ цѣляхъ.

Правительство не могло идти по той дорогѣ, куда звала его интеллигенція (демократическая республика и социализмъ), такъ какъ это было равносильно *государственному и національному самоубійству*; а потому оно, не зная что дѣлать, топталось на мѣстѣ до самого своего сверженія. Одинъ Столыпинъ, чутьемъ большого государственнаго человѣка и патріота, понялъ вѣрный путь и пошелъ по нему. Но развѣ одинъ въ полѣ воинъ? Революціонная интеллигенція покушалась на Столыпина до тѣхъ поръ, пока не убила его; а замѣстителя ему не нашлось.

И теперь, какъ и при Столыпинѣ, можно утверждать, что Россія не выздоровѣетъ, не успокоится и не начнетъ цвѣсти до тѣхъ поръ, пока въ ней не образуется классъ крѣпкихъ крестьянъ собственниковъ, національная патріотическая буржуазія и твердое правительство, возглавляемое монархомъ и поддерживающее живую связь съ народомъ, черезъ отвѣчающее народному духу представительство. Когда эти формы начнутъ намѣчаться, когда народъ снова вернется къ вѣрѣ своихъ прадедовъ, тогда можно будетъ сказать: *революція окончена и Россія спасена*.

Д. Ненюковъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ.

4. Святой митрополитъ Алексѣй.

Святитель Алексѣй, въ міру Симеонъ-Елевѣерій, родился въ Москвѣ, въ девяностыхъ годахъ XIII столѣтія. Онъ былъ старшимъ сыномъ черниговскаго боярина Феодора Бяконта, переѣхавшаго на службу къ московскому князю Данилѣ Александровичу и занявшаго въ Москвѣ видное положеніе.

Восприемникомъ Елевѣерія при крещеніи былъ сынъ Данилинъ, тогда еще юный Иванъ Калита. Съ самаго ранняго дѣтства будущій святитель жилъ вблизи семьи московскаго князя. Какія же впечатлѣнія дѣтства и ранней юности должны были стать для него особенно яркими? — Кровавая борьба Москвы съ Тверью, когда Юрій Даниловичъ и тверской князь Михаилъ Ярославичъ «сопростася о великомъ княженіи», когда они ходили въ Орду «въ спорѣ и въ брани велицѣ», когда «бысть замѣтна въ Суздальстей землѣ во всѣхъ градахъ». Эта борьба полна жестокости и заискиваній у хана. Убійство Михаила Тверскаго въ 1318 году татарами, убійство Юрія Московскаго въ 1324 году Михайловымъ сыномъ, Дмитріемъ Грозныя Очи. Ужасъ Русской Земли передъ татарами — «въоружаются на люди твоя смиренныя, святителю преблажены Петре, сыны агаряны», пѣлось въ древнемъ канонѣ св. Петру митрополиту.

Итакъ, страшныя опасности для родной Москвы, а за нею для всей Земли Русской — вотъ съ чѣмъ вступалъ въ свою сознательную жизнь старшій сынъ боярина Бяконта. Дальше — правленіе въ Москвѣ его крестнаго отца, Ивана Калиты, который сначала замѣщалъ своего брата Юрія, отвлеченнаго другими заботами, а затѣмъ послѣ его смерти, самъ сдѣлался княземъ Московскимъ, а позднѣе и великимъ княземъ Владимірскимъ; и была «тишина» при немъ отъ татаръ для Московскаго удѣла и были лады съ Ордою. Да развѣ не открывало все это

глаза молодому Бяконтову сыну, москвичу, развитому и мыслящему, любящему свою Родину и стольный градъ ея,—на задачи ея князя и на обязанность помогать ему въ его дѣлѣ всѣми силами, для князя и для «православнаго христіанства», т. е. для народа?

На 20—21 году Елевѣерій постригся въ монахи, съ именемъ Алексѣя, въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ; это совершилось еще при митрополитѣ Петрѣ. Цѣлыхъ 20 лѣтъ проводить Алексѣй въ этомъ городскомъ монастырѣ, въ иноческомъ подвигѣ, въ чтеніи книгъ и самоуглубленіи: «начало премудрости, еже себя разумѣти», учила русская книжность, повторяя глубокую мысль древняго греческаго философа. Но Богоявленскій монастырь не въ «прекрасной пустынѣ». Онъ въ самомъ городѣ Москвѣ. Его иноки постоянно видятъ князя и знаютъ объ его заботахъ; «жителейское море» шумить и плещетъ своими волнами у самыхъ монастырскихъ воротъ. Иноки постоянно видятъ и кормчаго корабля Русской Церкви, ея митрополита. Церковныя и земскія задачи и опасности всегда передъ ихъ глазами. А самъ тогдашній митрополитъ, святитель Петръ, отдавалъ свои силы не только Церкви; онъ совѣтовалъ и князю Москвы, которая, послѣ его кончины, молитвенно къ нему взывала: «избави присный градъ свой Москву и князя побѣдителя сотвори на враги». Образъ св. Петра, подвижника, пастыря, молитвенника за Русь и Москву, совѣтника и «отца» ея князя, *радѣтеля за «державу» его* — долженъ былъ запечатлѣться у инока Алексѣя на всю его жизнь и стать для него образцомъ.

Преемникъ св. Петра на митрополичьей кафедрѣ, Θεогностъ, родомъ грекъ, и князь Иванъ Калита—выдѣляютъ Алексѣя изъ рядовъ иноковъ московскихъ монастырей. Въ 1340 году, сразу послѣ смерти Калиты, при князѣ Семенѣ, онъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ митрополита, съ завѣдываніемъ митрополичьимъ судомъ и имуществами кафедры. Постоянно при митрополитѣ, Алексѣй въ средѣ греческаго окруженія Θεогноста, усвоиваетъ греческій языкъ, читаетъ греческія книги. Въ то же время онъ все больше и больше входитъ и въ земскія задачи митрополичьяго престола той эпохи, подходя къ нимъ не только какъ церковный дѣятель Русской епархіи греческаго патріархата, но и какъ русскій человѣкъ, москвичъ по рожденію. Копится опытъ жизни, опытъ церковнаго и земскаго дѣ-

ланія. Умъ собираетъ наблюденія и знанія, сердце дѣлаетъ свои горестныя и радостныя замѣты. Не даромъ въ русской письменности того времени читалось, что, сотворивши чело-вѣка, Богъ «вложи ему очи видѣти и уши слышати и умъ свѣтовати». Жизнь подготовляла Алексѣя къ тому исключительно высокому положенію, которое онъ занялъ, ибо «на высокомъ мѣстѣ сидѣть — пространныя надобно очи имѣть», какъ говорилось въ русскомъ народѣ.

Въ декабрѣ 1350 года Алексѣй уже епископъ Владиміра Клязьменскаго. Онъ намѣченъ въ преемники митрополита Θεогноста, и московскіе послы отправлены въ Константинополь за согласіемъ на это патріарха. 11 марта 1353 года Θεогностъ скончался. На той же недѣлѣ умерли два сына великаго князя Семена. Прошло еще около шести недѣль, и, «минувшимъ сорочинамъ» митрополита Θεогноста, «преставися» великій князь Семенъ Ивановичъ. Въ Москвѣ, какъ и вообще на Руси, свирѣпствовала чума, черная смерть — «тогда бѣше многъ плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеся своихъ мертвецъ, родители по чадахъ своихъ, а чада по родителехъ своихъ, и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ и сердоболя вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ».

Изъ Царяграда между тѣмъ, съ вернувшимися московскими послами, въ Москву былъ присланъ Алексѣю вызовъ пріѣхать для поставленія на митрополию всея Руси. Алексѣй отправился въ путь, а новый московскій князь, Иванъ Ивановичъ, использовалъ эту его поѣздку, поручивъ ему заѣхать въ Орду и исхлопотать тамъ для него ярлыкъ на великое княженіе.

Почти два года продержали Алексѣя въ Константинополѣ на испытаніи. Дары громадной стоимости были доставлены изъ Москвы въ патріархію за поставленіе русскаго, а не грека, русскимъ митрополитомъ. Ихъ дѣйствіе присоединилось къ личнымъ достоинствамъ Алексѣя, и онъ получилъ отъ патріарха настольную грамоту на митрополию Кіевскую и всея Руси. Но патріархія не легко соглашалась на передачу ея въ руки русскаго чело-вѣка — она была слишкомъ обширна, многлюдна и богата. Поставленіе Алексѣя было объявлено лишь исключеніемъ, которое на будущее время не можетъ считаться

прецедентомъ. Сверхъ того, новому русскому митрополиту было предписано прїѣзжать въ Константинополь каждые два года для полученія непосредственныхъ указаній патріарха, или, по крайней мѣрѣ, присылать за ними своего представителя. Въ Византіи отчетливо понимали опасность для нея новаго пути, по которому можетъ пойти дальнѣйшее развитіе Русской Церкви. «Священная христіанская политія», «христіанское общежитіе», какъ его понимали въ Византіи, требовало, чтобы всѣ епархіи Константинопольскаго патріарха были объединены однимъ высшимъ руководствомъ, а націоналізація Русской Церкви шла въ разрѣзъ съ этимъ требованіемъ. Она должна была вмѣстѣ съ тѣмъ и грозить выходомъ многолюдной и многодоходной Русской митрополіи изъ ряда епархій, на которыя назначались греческіе ставленники, а также уменьшеніемъ доходовъ самой патріархіи. Наконецъ, выросло опасеніе сліянія задачъ и цѣлей Русской Церкви и Русской Земли, или, по крайней мѣрѣ, Московскаго Княжества.

А послѣднее уже совершалось. Святитель Алексѣй становился *политическимъ руководителемъ Москвы*. Князь Семень Ивановичъ въ своей духовной наказывалъ своимъ братьямъ Ивану и Андрею: «слушали бы есте отца нашего, владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, — хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». А великій князь Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ греческіе акты, умирая въ 1359 году, «не только передалъ на попеченіе митрополиту своего сына, но и вручилъ ему завѣдываніе всею властью, не довѣряя никому другому».

Сынъ великаго князя Ивана, Дмитрій, остался послѣ смерти своего отца девятилѣтнимъ ребенкомъ. Вскорѣ умерла и его мать, княгиня Александра. Онъ былъ «единъ въ области великаго княженія». Ему, будущему побѣдителю татаръ на Куликовомъ полѣ, замѣнилъ и отца, и мать — митрополитъ Алексѣй. Охрана жизни князя-ребенка и его воспитаніе, сохраненіе его удѣла и отстаиваніе его правъ — встали передъ митрополитомъ Алексѣемъ, какъ его обязанность. А рядомъ съ этимъ — управленіе Московскимъ княжествомъ среди опасностей, его тогда окружавшихъ. Первою изъ нихъ была возможность утраты великаго княженія. Между тѣмъ мысль о томъ, что великое княженіе есть преемственное, отъ Владимира Святого и Ярослава Мудраго, мысль о значеніи великаго князя для Русской Земли, — жила прочно, несмотря на то, что

фактически ея осуществленіе не удавалось изъ-за того, что враждебные другъ другу княжества-удѣлы вели каждое свою особую политику. И митрополитъ Алексѣй, стоя во главѣ тогдашняго правительства Москвы и объединивъ около себя его боярство, *отстоялъ великое княженіе за малолѣтнимъ своимъ питомцемъ-княземъ*.хлопоты въ Ордѣ объ ярлыкѣ на великое княженіе, вооруженная борьба съ соперникомъ, Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ — все это было сдѣлано и пережито, и въ концѣ концовъ суздальскій князь «отступися великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу» и послѣдній «сидѣ на великомъ княженіи, на столѣ отца и дѣда своего». Послѣ окончанія этой длительной борьбы суздальскій князь Дмитрій даже выдалъ свою дочь Евдокію замужъ за шестнадцатилѣтняго Дмитрія Московскаго.

Итакъ, первая задача была разрѣшена — великое княженіе осталось за московскимъ княземъ. Но за нею выступали другія. Вотчинно-удѣльный укладъ, въ которомъ жили тогдашнія княжества, придавалъ имъ особые интересы, не слившіеся еще въ единый интересъ цѣлой Русской Земли. Они приходили въ столкновеніе и приводили князей къ соперничеству и борьбѣ. А между тѣмъ идея великаго княженія не умирала, какъ не умирало и *чувство единства Русской Земли*, хранимое и питаемое Русскою Церковью. Великое княженіе, силою исторіи, стало уже закрѣпляться за Москвою фактически, хотя только Дмитрій Донской передъ смертію, въ своей духовной, впервые объявилъ его своею «отчиною». Но въ дни св. Алексѣя это сознаніе не вылилось еще въ окончательную формулировку, которая только готовилась. И митрополитъ Алексѣй служилъ ея утвержденію, *и какъ іерархъ*, стоявшій во главѣ единой Русской Церкви, *и какъ политическій дѣятель Москвы*. Въ званіи митрополита онъ выступаетъ посредникомъ въ спорѣ тверскихъ князей, обратившихся къ его авторитету, и даетъ тверскому владыкѣ Василию благословеніе на переговоры съ ними. Въ 1367 году юный московскій князь, по совѣту святителя Алексѣя, заложилъ «городъ Москву камень», т. е. обратилъ московскій Кремль въ первоклассную крѣпость того времени. А въ 1368 году «князь великій Дмитрій Ивановичъ со отцемъ своимъ, преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ», пригласили «на Москву» тверского князя Михаила Александровича и учинили ему судъ «на миру въ

правдѣ», послѣ котораго «изымали» его и «поимали» бояръ, съ нимъ пріѣхавшихъ . . .

Въ Суздальской землѣ, споры Дмитрія и Бориса Константиновичей изъ-за Нижегородскаго княженія, послѣ смерти ихъ брата Андрея, вызвали посредничество Москвы. Послѣ неудачныхъ уговоровъ, митрополитъ Алексѣй примѣнилъ церковное оружіе къ утвердившемуся въ Нижнемъ князю Борису. Онъ присоединилъ Нижній Новгородъ и Городецъ къ своей собственной, митрополичьей епархіи и послалъ преподобнаго Сергія звать Бориса на судъ великаго князя въ Москву. Борисъ отвѣтилъ отказомъ, и игумень Сергій, «по митрополичьему слову Алексѣеву и великаго князя Дмитрія Ивановича», заперъ нижегородскія церкви и воспретилъ въ нихъ богослуженіе. Къ этому церковному воздѣйствію присоединился походъ московской рати на Нижній, и Борисъ долженъ былъ смириться. Внутри самого Московскаго княжества стали ухудшаться отношенія великаго князя и его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича изъ-за «удѣльныхъ» земель, и митрополитъ Алексѣй посредничалъ при заключеніи ими договоровъ. Такъ, въ междукняжескихъ столкновеніяхъ того времени, святитель Алексѣй стоялъ за московскимъ княземъ, *какъ его «отецъ», совѣтникъ и руководитель*, и весь свой громадный авторитетъ пастыря «православнаго христіанства» и главы русскаго епископата влагалъ въ дѣло установленія внутренняго мира на Руси, залогомъ котораго были: признаніе главенства великаго князя и мощь Москвы, становившейся ея центромъ.

Въ то время центръ политической и духовной жизни сѣверо-восточной Руси дѣйствительно переносился въ Москву. За московскимъ княземъ закрѣплялось великокняжеское достоинство. Со всѣхъ концовъ Русской Земли въ Москву давно уже съѣзжалось *боярство*, сливавшееся здѣсь въ правящій классъ и приносившее съ собою не только свой наслѣдственный, вѣковой опытъ службы и свои силы, но и кровныя связи съ боярскими родами другихъ княжествъ. Это боярство постепенно проникалось интересомъ Москвы и ея князя. Не даромъ житіе великаго князя Дмитрія влагаетъ въ уста умиравшаго князя такія слова его къ своимъ боярамъ: «съ вами царствовахъ, Землю Русскую держахъ . . ., великое княженіе свое велми укрѣпихъ, миръ и тишину Земли Русской сотворихъ,

отчину свою съ вами соблюдохъ, еже ми предалъ Богъ и родители мои». Лучшіе и опытнѣйшіе представители государственнаго дѣланія собрались уже въ Москвѣ. Она становилась и создательницею основныхъ *кадровъ военной силы* Русской Земли, а ея Кремль, обнесенный каменными стѣнами, сдѣлался главною русскою *крѣпостью*.

Въ то же время росло и *духовное значеніе Москвы*. Престолъ митрополіи «Кіевской и всея Руси», фактически перенесенный въ 1299 году митрополитомъ Максимомъ во Владиміръ на Клязьмѣ изъ опустошеннаго татарами Кіева, былъ закрѣпленъ тамъ патріаршею грамотою 1354 года, хотя и съ оставленіемъ за Кіевомъ титулярнаго значенія митрополичьяго престола. Но митрополиты, со времени кончины святого Петра, канонизованнаго уже въ 1339 году, имѣли свое постоянное пребываніе въ Москвѣ. Она стала ихъ *резиденціей*, и это было окончательно закрѣплено митрополитомъ Алексѣемъ, занимавшимъ такое исключительное мѣсто въ ея правительствѣ. Число каменныхъ храмовъ и монастырей въ Москвѣ росло и росло. Уже при Иванѣ Калитѣ были построены каменные храмы во имя Спаса Преображенья, Іоанна Лѣствичника («что подъ колоколами»), Михаила Архангела и Успенія Богородицы. При князѣ Семенѣ они были расписаны иконными фресками. До митрополита Алексѣя въ Москвѣ были уже четыре монастыря: Даниловъ, Спасскій, Богоявленскій и Петровскій. Онъ построилъ еще четыре: Чудовъ или Чудовской (по преданію — на мѣстѣ ханской конюшни, подаренномъ ему исцѣленной имъ ханшею Тайдулой), Спасскій, Андрониковъ, Алексѣевскій (первый женскій монастырь въ Москвѣ) и Симоновъ. Продолжая дѣло св. Петра, митрополитъ Алексѣй заботливо обращалъ Москву въ городъ русской святыни, собраніе которой, какъ и собраніе Русской Земли, велось московскими князьями и русскими митрополитами.

Выроставшее значеніе Москвы, какъ общерусскаго центра, конечно, должно было обратить противъ нея всѣ центробѣжныя силы, которыя были тогда такъ велики еще на Руси. Онѣ дѣйствовали и въ отдѣльныхъ княжествахъ. Онѣ были заложены и въ тогдашнемъ собраніи Русской Земли около двухъ центровъ, Москвы и Литвы. Борьба Москвы съ отдѣльными русскими княжествами и съ Литвою была неизбежна. Особенно грозною являлась борьба съ послѣднею, ибо государ-

ственное объединение ею русских земель около себя отзывалось и въ отдѣльных княжествахъ, давая имъ опору въ противоѣдствіи общерусскому дѣлу Москвы. Въ княженіе Дмитрія Ивановича начались вѣковыя столкновенія съ Литвою за русскія земли, отчину Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. На литовско-русскомъ престолѣ сидѣлъ тогда одинъ изъ наиболѣе выдающихся литовскихъ князей, сынъ Гедимина Ольгердъ. Онъ явно ставилъ своею задачею собраніе всей Русской Земли, иными словами — разрушеніе дѣла Москвы и торжество надъ нею. Но походы Ольгерда на Москву, съ осадою ея, сожженіемъ московскихъ посадовъ, съ личною опасностью для митрополита Алексѣя, въ «градѣ затворившагося», — не обратили, однако, Москвы во владѣніе Ольгерда. Она отстояла и себя, и свое дѣло.

Собирание русскихъ земель въ Литовско-Русскомъ государствѣ и борьба его съ Москвою не могли не отражаться и на Русской Церкви. Возможно ли было сохраненіе ея единства при томъ *государственномъ* значеніи, которое она имѣла? Князь Галича и Волыни, Юрій Львовичъ, еще въ началѣ XIV столѣтія добивался въ Царьградѣ учрежденія особой митрополіи для своихъ владѣній. Съ захватомъ Галичины Польшею — вопросъ о выдѣленіи ея изъ состава митрополіи «всей Руси» становился еще болѣе острымъ. Не могла мириться съ подчиненіемъ жившему въ Москвѣ митрополиту и верховная власть Литовско-Русскаго государства, особенно при митрополитѣ Алексѣѣ, руководителѣ московской политики, такъ опредѣленно шедшей по пути созданія на Руси единого великаго княженія. Ольгердъ официально обвинялъ святителя Алексѣя въ томъ, что онъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови» и не заботится о Западной Руси, его государствѣ. Жалуется патріарху и тверской князь Михайль Александровичъ на «посяганье» Москвы на Тверь и на отлученіе его митрополитомъ отъ Церкви. Польскій король Казимиръ грозитъ насильственнымъ обращеніемъ своихъ русскихъ подданныхъ въ латинскую вѣру, если они будутъ оставаться подъ церковною властью митрополита Алексѣя. Патріархъ долженъ былъ напомнить послѣднему, чтобы онъ «назиралъ всю Землю Россійскую и имѣлъ ко всѣмъ князьямъ любовь и отеческое расположение, чтобы любилъ не нѣкоторыхъ только изъ нихъ..., но имѣлъ всѣхъ ихъ сынами своими и всѣхъ одинаково лю-

билъ». Но послѣдовать этому увѣщанію святитель Алексѣй *не могъ*. Онъ не могъ этого сдѣлать не только какъ москвичъ по «возлюбленному ему земному отечеству», но и какъ пастырь «православнаго христіанства», видѣвшій въ объединеніи Руси около Москвы *спасеніе отъ кровавыхъ войнъ между частями одного и того же русскаго народа*, и незыблемую основу для развитія и безопасности *національной Русской Церкви*. Патриархія уступила требованіямъ Ольгерда. Сначала для нѣсколькихъ литовско-русскихъ епархій, а затѣмъ и для всей «Малой Россіи», хотя и безъ Кіева, былъ назначенъ особый митрополитъ въ лицѣ Романа. Послѣ его смерти въ 1361 году, временно, митрополія «всея Руси» опять воссоединилась подъ церковною властью святителя Алексѣя. Но въ 1371 году для Галичины былъ возведенъ въ санъ митрополита епископъ Антоній, а въ 1375 году на Кіевскую и Литовскую митрополію былъ поставленъ Кипріанъ, съ оговоркою, однако, что онъ получитъ всю Русскую митрополію послѣ приближающейся уже смерти митрополита Алексѣя.

Какъ настоятель Русской Церкви, святитель Алексѣй долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ и съ Ордою. Уже со второй половины XIII вѣка ханы выдавали свои ярлыки русскимъ митрополитамъ, утверждая права Русской Церкви. Въ самой Ордѣ жило такъ много христіанъ, что еще въ серединѣ XIII столѣтія въ ней была создана Сарская епархія Русской Церкви. Въ Сараѣ приходилось бывать митрополиту Алексѣю и по церковнымъ дѣламъ, и по дѣламъ Московскаго княженія. Въ 1357 году онъ отправился въ Орду по вызову хана Чанибека, для исцѣленія его ослѣпшей жены Тайдулы. Передъ отъѣздомъ святитель Алексѣй отпѣлъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, и во время богослуженія у раки святого Петра «свѣща сама о себѣ возгорѣся». Эту свѣчу митрополитъ, «раздробивъ», роздалъ «народу на благословеніе», а часть ея «воску» взялъ съ собою въ путь. Ханъ, вмѣстѣ со своими сыновьями, окруженный татарскими князьями и вельможами, встрѣтилъ святителя «съ великою честію», а ханша, уже видѣвшая его во снѣ, ожидала его съ изготовленными для него «ризами святительскими». Совершивъ «архіерейское молебное пѣніе» и возжегши свѣчу изъ взятаго съ собою воска отъ раки святого Петра, митрополитъ окропилъ святою водою ханшу, и слѣпая прозрѣла. Такъ описываютъ это исцѣленіе лѣтописныя и от-

дѣльныя житія святого Алексѣя. Житіе даетъ и объясненіе этой поѣздки святителя. Не только угрозу хана великому князю Ивану «землю» его «плѣнить» въ случаѣ непріѣзда митрополита въ Орду оно упоминаетъ, но говорить, что ханъ и Тайдула имѣли въ святителя Алексѣя «вѣру, яко послушаетъ его Богъ молящася». Оно прибавляетъ и слова самого митрополита: «аще кто съ вѣрою просить, не презрять его Богъ».

Но святой Алексѣй, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и родной Москвѣ, закрѣпляя расположеніе къ ней въ Ордѣ. Это *не значило, конечно, что святитель примирился съ «агарянскою» властью*. Когда онъ умиралъ «въ старости честнѣ и въ старости глубоцѣ», 12 февраля 1378 года, онъ призвалъ къ себѣ великаго князя Дмитрія «и наказаше его словесы духовными», а князь «любезно пріемлетъ въ сердца наказаніе словесъ отца своего и учителя». Что же было первымъ крупнымъ дѣломъ Дмитрія послѣ преставленія святого Алексѣя? — Походъ на «окаянныхъ» татаръ и пораженіе ихъ на Вождѣ 11 августа 1378 года, т. е. тотъ бой, который предварялъ Куликовскую битву 8 сентября 1380 года.

«Видѣвъ себе отъ старости изнемогша и къ концу ужъ приближающаяся», святитель Алексѣй былъ озабоченъ мыслью о своемъ преемникѣ на митрополіи, которому онъ передастъ ее и свое церковное и русское дѣло. Кого же онъ имъ намѣчалъ? — Того, кто былъ самымъ святымъ, самымъ чистымъ человекомъ во всей Русской Землѣ, — преподобнаго Сергія, игумена Троицкаго монастыря. Такъ часто бываетъ, что дѣятели боятся ставить около себя людей, равныхъ имъ или болѣе крупныхъ, чѣмъ они, по своимъ достоинствамъ и дарованіямъ, боятся сравненія себя съ ними. Святитель Алексѣй былъ чуждъ такой зависти, «мятежъ души подающей». Къ содѣйствію преподобнаго Сергія онъ постоянно обращался при своей жизни; его онъ, хотя и тщетно, убѣждалъ, приближаясь къ смерти, принять престолъ митрополита всея Руси. Не свою личность, а свое великое дѣло святителя и русскаго человека онъ всегда имѣлъ въ своихъ завѣтныхъ мысляхъ, и оно было сокровищемъ его жизни.

И. Лаппо.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БѢЛЫХЪ.

Красные: «Смѣло мы въ бой пойдемъ
За власть совѣтовъ!
И какъ одинъ прольемъ
Мы кровь кадетовъ!..»

Бѣлые: «Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь Святую!
И какъ одинъ умремъ
За дорогую!..»
(Изъ пьесъ гражданской войны).

I.

Неудача, постигшая вооруженное выступленіе бѣлыхъ, повела къ укрѣпленію коммунистической власти въ Россіи болѣе чѣмъ на десятилѣтіе. И потому историкъ, изслѣдующій пути и судьбы русской революціи, долженъ будетъ всесторонне изучить тѣ причины, которыя вызвали неудачу бѣлаго оружія.

Вооруженное выступленіе бѣлыхъ не есть самостоятельный и обособленный эпизодъ въ исторіи русской революціи: это есть одна изъ стадій большого патріотическаго движенія — бѣлаго движенія. Этихъ стадій было нѣсколько: зарожденіе, развертываніе (т. е. именно вооруженное выступленіе, — наиболѣе активная стадія движенія), исходъ его изъ Россіи, организація его за рубежомъ и... — какъ сложится дальнѣйшее развитіе бѣлаго движенія, сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что послѣдняя стадія его далеко еще не пройдена.

Я хотѣлъ бы заранѣе оговориться о тѣхъ органическихъ недостаткахъ, которые неизбѣжны въ моемъ очеркѣ. Именно, я долженъ признать, что мое «я» совершенно поглощено бѣлымъ движеніемъ, вошло въ него, осталось въ немъ и будетъ въ немъ находиться до послѣдняго момента моего существованія. Поэтому, абсолютно безпристрастнымъ по отношенію къ бѣлому движенію я быть не могу... Но именно поэтому без-

пристрастное рѣшеніе вопроса о томъ, почему мы, бѣлые, тогда не побѣдили и были вынуждены покинуть предѣлы Россіи, — пріобрѣтаетъ для меня дѣйственное значеніе, становится актомъ единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здѣсь о моральномъ значеніи бѣлаго оружія... Не будь этого вооруженнаго сопротивленія, исторія могла бы считать, что все въ странѣ сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашелъ въ себѣ мужества протестовать противъ того, противъ чего порядочный человѣкъ не протестовать не могъ...

Въ тотъ моментъ, когда такъ называемый «пролетаріатъ» въ 1917 году захватилъ власть въ столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и началъ распространяться по другимъ большимъ городамъ, — окраины страны, хотя и были уже развращены революціей, но не знали еще большевизма. Это давало бѣлымъ возможность уходить на окраины и формировать тамъ свои кадры; но это вело и къ тому, что окраины, «не изжившія еще» (какъ тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, чѣмъ онъ имъ грозитъ и потому не нашли въ себѣ силъ для поддержки бѣлыхъ выступленій до конца.

Бѣлое движеніе, какъ вооруженная борьба, зародилось сначала на *южной* окраинѣ Россіи и лишь потомъ вспыхнуло въ другихъ мѣстахъ. Борьба велась дольше всего тамъ, гдѣ она началась ранѣе всего, на югѣ, гдѣ 15 ноября 1917 г. (по новому стилю) генераль Алексѣевъ поднялъ въ Ростовѣ на Дону знамя протеста. Этотъ фронтъ просуществовалъ почти день въ день три года. На востокѣ, считая съ момента переворота адмирала Колчака до его убійства (съ ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась годъ и три мѣсяца. На сѣверѣ фронтъ генерала Миллера жилъ съ августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. И менѣе года просуществовалъ западный фронтъ генерала Юденича — съ конца 1918 года по октябрь 1919 года.

Мое краткое изслѣдованіе я дѣлю на три части. Первая — это разборъ данныхъ, которыя, съ моей точки зрѣнія неправильно «принято» считать за причины неудачи бѣлыхъ; вторая — изслѣдованіе факторовъ, которые, не составляя непосредственно самихъ причинъ, какъ бы ложатся въ основу послѣднихъ; и третья — изученіе того, что я считаю дѣйствительными причинами неудачи вооруженнаго выступленія.

Начну съ первой и въ частности съ оцѣнки *стратегическаго* положенія сторонъ въ гражданской войнѣ и тѣхъ *промаховъ*, которые были допущены съ обѣихъ сторонъ, какъ въ области широкой — стратегіи, такъ и въ болѣе узкой формѣ — *тактики*.

При одномъ взглядѣ на карту Россіи въ моментъ существованія *всѣхъ* бѣлыхъ фронтовъ, бросается въ глаза ихъ общее положеніе: въ серединѣ сплошное ядро красныхъ силъ, базирующихся на центръ страны и ея богатства; и вокругъ — кольцо бѣлыхъ силъ, имѣющихъ за собою почти во *всѣхъ* случаяхъ только море. А, какъ извѣстно, центральная власть всегда сильнѣе окраинныхъ протестовъ...

Въ стратегіи возможность *сплошнаго окруженія* надо считать, конечно, большимъ преимуществомъ, и потому, съ чисто теоретической точки зрѣнія, можно было бы считать положеніе бѣлыхъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе красныхъ внутри охватывающаго ихъ *кольца*. Однако, преимущество охвата было только кажущееся: для того, чтобы создать дѣйствительное кольцо, у бѣлыхъ не хватало многого. Во-первыхъ, *одновременное* существованіе *всѣхъ* бѣлыхъ фронтовъ длилось *мѣняе года*, т. е. срокъ существованія западнаго фронта, тогда какъ движеніе было разбросано на неизмѣримыхъ пространствахъ; во-вторыхъ, и въ это время «кольцо» не только не замыкалось, но въ немъ были огромные пробѣлы и прорывы наприкладъ, въ видѣ промежутка между правымъ флангомъ Юденича и лѣвымъ флангомъ Деникина, промежутка, занятаго далеко неблагожелательными къ бѣлымъ польскими войсками...; въ-третьихъ, не было единаго управленія *всѣми* бѣлыми силами, и не потому, что этого «не хотѣли» руководители отдѣльных бѣлыхъ фронтовъ, но потому, что не было физической возможности создать единое командованіе. Стоитъ только вспомнить, что генераль Деникинъ для связи съ адмираломъ Колчакомъ (онъ считалъ себя подчиненнымъ ему) долженъ былъ пользоваться изъ Екатеринодара телеграфомъ — или черезъ русскаго посла Демидова въ Аѣинахъ, или черезъ Парижъ. *Всѣ* попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчакомъ ротмистръ Толстой-Милославскій пропутешествовалъ ранѣе, чѣмъ добраться до юга, едва ли не четыре мѣсяца; поѣхавшій съ юга къ адмиралу Колчаку генераль Гришинъ-Алмазовъ такъ и не достигъ своей цѣли, — онъ погибъ въ Каспійскомъ морѣ отъ руки больше-

виковъ. Такъ было и въ сношеніяхъ между другими фронтами... Только лѣтомъ 1919 года на короткій промежутокъ времени въ Царицынѣ была установлена прямая связь фронта Колчака съ фронтомъ Деникина въ лицѣ уральскаго разѣзда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновенье; и къ тому же въ этотъ періодъ восточный фронтъ переживалъ уже періодъ неудачъ...

Этимъ стратегическое преимущество передается краснымъ: оно давало имъ возможность, подобно Германіи въ Европейскую войну, вести борьбу по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска съ одного фронта на другой для того, чтобы наносить тотъ или иной заранее намѣченный ударъ. А размѣры бѣлыхъ силъ были таковы, что имъ *сжимать* было труднѣе, чѣмъ краснымъ *рвать*.... У бѣлыхъ не было превосходства силъ для окруженія ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ масштабѣ (напр., окруженіе большевиковъ въ Ставрополѣ слабыми добровольческими частями и прорывъ красныхъ въ степь на востокъ осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что бѣлые не проявили рѣшительнаго стремленія исправить недостатки своего стратегическаго положенія. Вспомнимъ споры на югѣ Россіи изъ-за такъ называемой «правой» стратегіи (выдвиженіе направо, на востокъ, къ Волгѣ) и «лѣвой» стратегіи (выдвиженіе налѣво, на западъ, на Украину). Я лично всегда былъ сторонникомъ «правой» стратегіи, такъ какъ она вела къ объединенію фронтовъ восточнаго и южнаго, а слѣдовательно создавала если не кольцо, то хотя бы охватъ красныхъ.

Несомнѣнно, что «ошибки» дѣлались, какъ всегда, съ обѣихъ сторонъ; что онѣ были и у бѣлыхъ. Но считать ихъ непосредственными причинами неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ нельзя: ибо во всякой войнѣ бываютъ и стратегическія, и тактическія ошибки, но однѣ онѣ къ пораженію ведутъ очень рѣдко...

И враги, и друзья бѣлаго движенія, и болѣе лѣвые, и болѣе правые, — указывали не разъ, какъ на причину неудачи, на такъ называемое *отсутствіе положительной идеологіи* на бѣлой сторонѣ.

Справа бѣлыхъ обычно упрекаютъ въ томъ, что они не провозгласили чисто монархическаго лозунга. Я долженъ ска-

зять, что я открыто исповѣдую монархическія убѣжденія, и не только теперь, но исповѣдывалъ ихъ и на южномъ фронтѣ бѣлой борьбы, и притомъ въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя монархической газеты («Россія» и «Великая Россія» въ 1918—1919 г.г.). Но именно поэтому я представляю себѣ, что провозглашеніе монархическаго лозунга было возможно только въ единственномъ случаѣ и только на фронтѣ адмирала Колчака: именно, если бы удалось искуснымъ военнымъ выдвиженіемъ предотвратить преступленіе 17 іюля 1918 года, вслѣдствіе чего на восточномъ фронтѣ оказался бы Императоръ Николай II и его Семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *всякое провозглашеніе монархическаго лозунга привело бы не къ объединенію, а къ разъединенію бойцовъ*, сражавшихся въ боевой линіи и объединенныхъ *родиной, честью и врагомъ*. Именно пребываніе въ арміи научило меня (ибо первое время я самъ въ донесеніяхъ генералу Алексѣеву, изъ Харькова, и лично, настаивалъ на провозглашеніи монархическаго лозунга) тому, что этотъ вопросъ рѣшающаго значенія для *дѣйствительныхъ* борцовъ не имѣлъ; беречь его — значило бы вносить страстность въ среду тѣхъ, кого надо было всѣми силами отъ этого оберегать.

Самый опытъ жизни бѣлыхъ фронтовъ показалъ, какъ мало значило провозглашеніе этого лозунга для успѣха или неуспѣха арміи. Вѣдь были опыты формированія бѣлыхъ армій подъ чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи нѣмцевъ Астраханская армія, оперировавшая и въ большей своей части погибшая подъ Царицыномъ, и Южная армія, подъ главенствомъ генерала Иванова оперировавшая въ Воронежской губерніи — носили на себѣ цвѣта дома Романовыхъ, но не поглотили собою другихъ формированій, а сами растворились въ нихъ. Не спасла бѣлаго дѣла и Земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархическій лозунгъ въ борьбѣ съ красными на Дальнемъ Востока!..

Упрекъ въ отсутствіи «опредѣленной идеологіи» дѣлался бѣлымъ и слѣва. На этомъ упрекъ долго останавливаться не стоитъ. Самый составъ арміи совершенно исключалъ возможность навязыванія ей «демократическихъ» лозунговъ: эти лозунги на протяженіи русской революціи достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое въ большинствѣ и составляло ряды бѣлыхъ формированій. Однако, и здѣсь исторія

дала живое доказательство безсилія соотвѣтствующихъ лозунговъ: демократическая армія Учредительнаго Собранія на Волгѣ развалилась не столько отъ натиска противника, сколько отъ своей собственной «демократичности», т. е. отъ комитетовъ, «сознательной» дисциплины и прочихъ прелестей революціонной эпохи.

При обсужденіи этихъ упрековъ необходимо помнить о томъ, какъ родились бѣлые фронты. На окраины стихійно кинулись всѣ тѣ, кто въ душѣ своей затаилъ протестъ противъ совершившагося насилія надъ страной, кто стремился донести этотъ протестъ до бѣлыхъ рядовъ и жилъ имъ въ періодъ вооруженной борьбы на фронтѣ... Для всѣхъ бѣлыхъ исповѣдуемая ими идеологія *освобожденія* Россіи всегда была въ достаточной степени *положительной*, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски какъ слѣва, такъ и справа... Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соотвѣтствовало настроенію главной части бѣлыхъ, русскаго офицерства! Вѣдь въ бѣлые ряды шли не потому, что искали собственного спасенія; нѣтъ, туда шли именно тѣ, кто хотѣлъ *бороться*...

Только часть такихъ сильныхъ людей въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ оставалась въ самой гущѣ красныхъ для борьбы съ ними на мѣстѣ, изнутри. Всѣ остальные или сразу попадали въ бѣлые ряды, или же присоединялись къ нимъ по мѣрѣ продвиженія бѣлыхъ фронтовъ къ центру страны. Тѣ же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовалъ въ себѣ силы для борьбы, имѣли возможность уйти за границу хотя бы черезъ Финляндію; не мало офицеровъ и солдатъ, не стремившихся къ борьбѣ за Родину, было вывезено также нѣмцами изъ Кіева...

Нѣтъ, упреки въ отсутствіи идеологіи, въ непріятіи правыхъ или лѣвыхъ лозунговъ, не указываютъ причины нашихъ неудачъ. Это только демагогическій пріемъ въ демагогическихъ выступленіяхъ, не больше!

Необходимо остановиться также и на тѣхъ *элементахъ*, изъ которыхъ состояли бѣлая армія: таковы ея *начальники* и *армія* въ своей массѣ.

Въ отношеніи военной подготовки, боевого опыта и техническихъ знаній у руководителей арміи — всѣ преимущества были, конечно, на сторонѣ бѣлыхъ. Въ этомъ отношеніи возж-

дей можно было бы раздѣлить на три группы: старые начальники Русской Арміи; начальники, выдвинувшіеся изъ рядового офицерства; и, наконецъ, начальники, выдвинутые волной революціи и революціонной борьбы.

Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ *первой* группѣ, бѣлыя арміи имѣли въ своихъ рядахъ почти всѣхъ выдающихся русскихъ вождей европейской войны. Мы видимъ въ рядахъ бѣлыхъ двухъ Верховныхъ Главнокомандующихъ Алексѣева и Корнилова; мы видимъ главнокомандующихъ арміями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видимъ въ рядахъ бѣлаго генералитета почти исключительно лицъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ, или съ теоретическимъ цензомъ, въ лицѣ генераловъ Врангеля и Краснова, или кромѣ того и со служебнымъ — Калединъ, Марковъ, Дроздовскій, Богаевскій, Лукомскій, Казановичъ, Май-Маевскій, Юденичъ, Флугъ, Миллеръ, Эрдели, Марушевскій, Мурузи, Сахаровъ, Дидерихсъ, Каппель и др.

Что касается второй и третьей группы, то въ этомъ отношеніи я не вижу никакого различія между красными и бѣлыми рядами: если у красныхъ были Гиттисъ и Тухачевскій, офицеры по службѣ и образованію, то у бѣлыхъ были Покровскій и Шкуро; если у красныхъ командовали порожденные революціей матросъ Дыбенко и вахмистръ Буденный, то въ бѣлыхъ рядахъ командовали Пепеляевъ, фельдшеръ Гайда, вышедшіе изъ казачьихъ низовъ генералы Топорковъ и Павличенко...

Итакъ, обѣ послѣднія группы были представлены на *обѣихъ* сторонахъ. Но преимущество образованія и старыхъ навыковъ было, конечно, у бѣлыхъ, хотя бы уже потому, что въ красные ряды только съ теченіемъ времени вошли Селивачевъ, Балтійскій, Парскій, Сытинъ и Гуторъ... Тутъ время работало противъ бѣлыхъ!..

Но и тутъ, какъ въ вопросѣ о настроеніяхъ окраинъ, въ преимуществахъ бѣлыхъ вождей таились и ихъ недостатки: всѣ они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство изъ нихъ обнаруживало *отсутствіе* *необходимой творческой гибкости и рѣшительности* въ совершенно исключительной обстановкѣ. Исключеній было мало; ихъ имена говорятъ сами за себя...

Что же касается главной массы бѣлыхъ армій, то здѣсь, въ особенности съ начала вооруженнаго выступленія бѣлыхъ, всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ. Нѣтъ лучше состава для арміи, какъ тотъ, который *идетъ на борьбу въ силу одухотворяющей его идеи*; а такимъ и былъ составъ бѣлыхъ съ самаго начала борьбы. Вотъ почему въ періодъ первыхъ выступленій ничтожныхъ силъ въ Сибири, въ началѣ движенія на югъ фронта генерала Миллера, въ первыхъ шагахъ отряда генерала Родзянко на западѣ и въ операціяхъ Добровольческой арміи на Сѣверномъ Кавказѣ, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая ихъ у красныхъ, конечно, съ боя, — мы всюду видимъ успѣхи; и потому же съ выходомъ всѣхъ фронтовъ на русскую равнину мы видимъ, что всѣ они, постепенно захлебываясь въ пространствѣ и во времени, приходятъ къ отступленію...

Въ тотъ періодъ у красныхъ были только насильно мобилизованные, такъ какъ партійныхъ коммунистовъ, добровольно пополнявшихъ ряды, было мало...; а мобилизованные, конечно, представляли собою матеріалъ, съ боевой точки зрѣнія, отрицательный. Но съ теченіемъ времени, которое, какъ я уже говорилъ, благопріятствовало краснымъ, обстановка мѣнялась: надо было пополнять убыль въ таявшихъ рядахъ и бѣлымъ пришлось также прибѣгнуть къ мобилизаціи, т. е. къ принудительному привлеченію населенія въ свои ряды... Другихъ способовъ не было. Конечно, это развращало бѣлые ряды, такъ же какъ и та масса выжидавшихъ, которая вливалась въ ряды побѣдителей, какими и были сначала бѣлые, и, превращая полки ихъ въ дивизіи, а дивизіи въ корпуса, на самомъ дѣлѣ не давала никакой реальной силы, потому что при первыхъ же неуспѣхахъ покидала боевые ряды...

Для характеристики, какъ трудно давалось пополненіе рядовъ, я приведу одну попытку, свидѣтелемъ которой я былъ самъ. Я имѣю въ виду прибытіе въ Екатеринодаръ изъ Франціи такъ называемаго «Легіона Чести». Украшенные трехцвѣтными знаменами, французскими военными крестами и медалями, ослѣненные репутаціей людей, которые единственные изъ всѣхъ русскихъ находившихся во Франціи не измѣнили принятой присягѣ, — они пришли и дополнили собою ряды южнаго бѣлаго фронта и... въ первомъ же бою перешли на сторону красныхъ, оставивъ у бѣлыхъ только своихъ офице-

ровъ... Правда, перешли не всѣ: офицерская пулеметная рота сосѣдняго по фронту съ «легіономъ чести» полка въ-время замѣтила «маневръ» легіонеровъ и уменьшила число перебѣжчиковъ... Легіонеры стремились домой и почему-то думали, что ихъ не задержать для пополненія красныхъ рядовъ, какъ задерживали въ бѣлыхъ линіяхъ...

И опять, дѣлая выводъ, я долженъ придти къ заключенію, что первоначальное преимущество бѣлыхъ съ теченіемъ времени переходило на сторону красныхъ, которымъ мобилизованный матеріалъ давалъ лучшіе результаты. О причинахъ этого — въ дальнѣйшемъ.

Итакъ, во всемъ доселѣ разсмотрѣнномъ можно, конечно, найти извѣстныя данныя для того или иного объясненія бѣлыхъ неудачъ, но все это, конечно, не могло быть рѣшающимъ.

Несравненно большій вѣсъ имѣли иные факторы, которые возможно считать основаніемъ причинъ неудачи бѣлыхъ. Къ нимъ я теперь и перейду.

Я начну съ характеристики тѣхъ, кого бѣлые называли тогда «союзниками» и надежду на которыхъ принято, быть можетъ и не безъ основанія, ставить въ упрекъ бѣлымъ...

Генераль Деникинъ въ своемъ трудѣ называетъ политику державъ Антанты *своекорыстной*. Мнѣ кажется, что это и есть самое правильное опредѣленіе этой политики. «Союзниковъ» нельзя, конечно, считать *предателями*, ибо въ концѣ концовъ они, послѣ мира въ Брестѣ, ничего реальнаго Россіи, какъ таковой, не обѣщали; а наши русскіе національные интересы были имъ совершенно чужды и они расцѣпывали ихъ не высоко. Они были дѣйствительно своекорыстны, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далѣе этого не шли.

Всѣмъ хорошо памятна роль «союзниковъ» въ Сибири: вся «помощь», вся поддержка бѣлымъ длилась только до тѣхъ поръ, пока державамъ Согласія угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать хотя бы только угрозу возстановленія русско-германскаго фронта. На этомъ-то фронтѣ и оказались — и чехо-словаки, сыгравшіе въ послѣдствіи такую плачевную роль въ ликвидаціи фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы съ ихъ генераломъ, санкціонировавшимъ въ послѣдствіи предательство по отношенію къ русскому вождю...

И на сѣверномъ фронтѣ, какъ и на Волгѣ за чехо-словаками, формировались русскія силы за англичанами и французами; и тамъ такъ же, какъ и въ Сибири, «союзники» оставались лишь до тѣхъ поръ, пока событія на поляхъ Франціи не сдѣлали русскій фронтъ просто излишнимъ... Тогда англичане ушли; правда, они предложили русскимъ уйти вмѣстѣ съ ними, но, когда тѣ, стремясь къ освобожденію Родины, естественно отказались, то англичане передъ уходомъ, вмѣсто того, чтобы передать запасы и снаряженіе русскимъ, *утопили все въ морѣ*... И послѣ ихъ ухода снабженіе сѣвернаго фронта велось со дна моря... Легко себѣ представить, въ какомъ видѣ море возвращало все то, что оно получило отъ «союзниковъ».

Нельзя не вспомнить также роль англійскаго флота при наступленіи бѣлыхъ на Петроградъ, — когда русскія силы при атакѣ Красной Горки были оставлены ими безъ всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крымъ», внезапно оставленные «союзниками» въ нелѣпый и ничѣмъ не вызываемый 48-мичасовой срокъ! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками подъ Березовкой у Одессы отъ французовъ, бѣжавшихъ передъ красными потому, что по ихъ свѣдѣніямъ въ рядахъ большевиковъ оказались нѣмецкіе инструктора, т. е. тѣ самые враги, побѣду надъ которыми «союзники» какъ разъ въ это время праздновали на западномъ фронтѣ!...

Достаточно вспомнить тѣ обѣщанія, которыя давали отъ лица своего правительства французскій консулъ Энно въ Одессѣ и французскій офицеръ Эрлишъ въ Екатеринодарѣ... Теперь многое тайное стало уже явнымъ. Въ «Архивѣ русской революціи» *) напечатана секретная сводка сношеній главнаго командованія на югѣ съ командованіемъ французскимъ: гдѣ же тѣ «дивизіи», которыя были обѣщаны французами на смѣну уходившихъ съ Украины нѣмцевъ? Вся «помощь» ограничилась только снабженіемъ, даннымъ англичанами, которые, однако, въ то же время не преминули поддержать враждебныя Деникину кавказскія новообразованія...

Политика «союзниковъ» была именно своекорыстной: имъ была нужна противогерманская Россія; а потомъ?... есть

*) Томъ XVI.

основанія предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь въ силу того, что *россійская неразбериха была просто выгодна для нихъ*...

Вспомнимъ и Крымъ послѣдняго періода, періода командованія генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содѣйствіе» уже въ Новороссійскѣ. А французы... Если считать «помощью» словесное «признаніе» и присылку комиссара Мартеля, то, конечно, они помогли. Но если въ помощи видѣть что-либо болѣе реальное, то она безспорно была миражемъ.

Выводъ ясенъ: «союзники» работали *на себя* и «помощь» ихъ бѣлымъ была далеко не такъ реальна, какъ это принято изображать.

Однако, говоря такъ о «союзникахъ», я считаю себя обязаннымъ вспомнить тѣхъ англичанъ, которые были съ нами въ самомъ пеклѣ боевыхъ линій. Такъ, въ Кіевѣ, въ концѣ 1919 года, я помню англичанъ, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили въ атаку съ русскими ротами, оставшимися безъ офицера. Они *поняли*, что такое большевики; но убѣдить въ этомъ своихъ соотечественниковъ, оставшихся на родинѣ, они не могли. Нельзя не вспомнить и тѣхъ французовъ, которые, будучи на мѣстѣ дѣйствія, не смогли отказать въ помощи бѣлымъ при эвакуаціи Крыма... Быть можетъ ихъ измѣнило то, что они *увидѣли* въ Россіи? Но вопросы помощи рѣшались не на мѣстахъ боя, а въ Лондонѣ и Парижѣ, въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ.

Остановливаясь на взаимоотношеніяхъ съ иностранцами, я долженъ сказать, что въ политикѣ бѣлыхъ тоже не все было благополучно и удачно; и въ такой борьбѣ, когда надо было пользоваться всѣмъ, быть можетъ даже пренебрегая извѣстными послѣдствіями, мы не умѣли привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную, и окраинную...

Такъ, нельзя не пожалѣть, что наши старые дипломатическіе представители, сохранившіе на мѣстахъ свое положеніе и располагавшіе прежними средствами, порою признавали русскіе бѣлые фронты и силы лишь съ оговорками, «постольку — поскольку», неудачно примѣняя эту формулу проклятія, порожденную революціей!

Но и въ сношеніяхъ съ лимитрофами было много промаховъ. Такъ, непризнаніе, адмираломъ Колчакомъ или же про-

сто генераломъ Юденичемъ — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндіи и Эстоніи, быть можетъ было основной причиной неудачи бѣлыхъ на западномъ фронтѣ; непризнание же поляковъ генераломъ Деникинымъ сдѣлало ихъ постоянными противниками бѣлыхъ. Возможно, что нѣсколько иначе слѣдовало разговаривать и съ «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюрѣ, ибо мало кто возьмется опредѣлить, гдѣ кончалось «украинство» Симона Петлюры и гдѣ начинался большевизмъ Льва Троцкаго. Но «украинцевъ» гетмана было цѣлесообразно признать...

И опять, переходя къ очередному заключенію, я долженъ повторить, что взаимоотношенія съ «союзниками», при наличности ихъ своекорыстія и нашихъ упущеній, все-таки нельзя разсматривать, какъ основную причину неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ...

Въ чемъ же она?

А. фонъ-Лампе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

III.

Мы возвращались домой. Высокія и суровыя горы вполне гармонировали съ тѣми высокими мыслями, которыя развивалъ Петръ Ивановичъ. Все и въ природѣ, и въ разговорѣ было красиво и интересно.

— Что же, — сказалъ я, — по вашему нужно дѣлать? Что главное въ жизни?

— Вотъ, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, — мы съ вами и дошли до самаго существеннаго. Человѣкъ въ началѣ жизни живетъ, не задумываясь надъ ея сущностью. Затѣмъ неясныя и случайныя мысли объ этомъ все чаще и чаще приходятъ ему въ голову. И, наконецъ, наступаетъ возрастъ (у разныхъ людей онъ приходитъ въ разное время), когда человѣкъ ставитъ себѣ окончательный вопросъ: что же главное въ моей жизни? что мнѣ прежде всего остального нужно дѣлать?

Видите ли, — человѣкъ не созданъ для того, чтобы жить скотомъ. На то имѣются настоящіе скоты.

Но что же у насъ есть кромѣ тѣла? Разумъ. Это великій даръ, и имъ люди могутъ многого достигъ. Онъ можетъ, при правильномъ направленіи, привести въ порядокъ нашу внѣшнюю жизнь, — и онъ же, взявши неправильный курсъ, можетъ ее совершенно разрушить. Онъ можетъ побудить насъ дѣлать добрые или злые поступки. Онъ можетъ разработать и увеличить наши земныя знанія. Онъ же можетъ и заглушить и упрочить въ нашей жизни божественныя впечатлѣнія, не рожденные имъ, но полученныя имъ откуда-то. Но откуда?

Вамъ никогда не случалось, — продолжалъ онъ, — разумомъ обдумывать положеніе, или скорѣе предстоящее вамъ дѣйствіе? Разсужденія ума были правильны. Заключение — послѣдовательны. Вы взвѣсили все «за» и «противъ». И ясно вышло, что вамъ надо пойти налѣво. Вы уже готовы идти туда. Но какой-то внутренній голосъ настойчиво требуетъ, чтобы вы

шли прямо. И замѣтите, — этотъ внутренній голосъ обыкновенно бываетъ правъ. Паскаль сказалъ: «*Le coeur a des raisons, que la raison ne connait pas*» *). Что это за сердце, о которомъ говоритъ Паскаль? А что такое совѣсть, о которой онъ же писалъ, что она есть «законъ законовъ»? Что въ насъ способно любить, хранить вѣрность, или толкать на благородное самопожертвованіе для спасенія слабыхъ? Все это — одно. Это *духовная часть* человѣка, которая выше тѣхъ двухъ частей, умственной и тѣлесной.

Въ книгѣ «Бытія» очень образно описано, какъ Господь вдунулъ въ человѣка «дыханіе жизни». Этотъ нашъ *духъ жизни* можетъ почувствовать Бога такъ, какъ никогда нашъ умъ не будетъ въ состояніи Его понять. Что есть сильное тѣло безъ благородства души? Что есть сильный умъ безъ любви? Будетъ ли это насъ утѣшать въ минуту смерти? Или же, безъ этого духа жизни, мы, на порогѣ смерти, окажемся, какъ корабли безъ руля. И этотъ чудный даръ, это наше высшее «я» мы унижаемъ, то таская его по скотскимъ развлеченіямъ, то погружая его въ умственные поклоненія призракамъ и предразсудкамъ.

Вотъ гдѣ главное: *нужно въ себѣ возвысить этотъ драгоценный духъ жизни*. Но какъ? .. Отвѣчу вамъ словами Бурже: «Воспитывайте въ себѣ двѣ великія добродѣтели, двѣ силы, внѣ которыхъ — все гниль и агонія: *любовь и энергію воли*». Это можно дѣлать во всякихъ обстоятельствахъ.

— Но позвольте, — возразилъ я, — любовь, я понимаю. Она возвышаетъ духъ. Но приче́мъ же тутъ энергія воли? Не противно ли это христіанскому ученію? вѣдь христіанинъ долженъ обладать смиреніемъ и помнить, что безъ Бога онъ ничего не можетъ сдѣлать.

— Мнѣ кажется, — возмущенно сказалъ старикъ, — что у васъ самое превратное понятіе о христіанскомъ ученіи. Возвышеніе духа есть главная цѣль христіанина. Но это очень нелегко и требуетъ борьбы съ низшей природой. И вы, конечно, правы, что безъ помощи Божіей мы бы и не достигли побѣды. Поэтому мы ея и просимъ, по Евангелію: «Просите и дастся вамъ». Но для чего просимъ. *Для борьбы* — сначала съ собой, а по достиженіи силы — со зломъ. Въ Писаніи прямо при-

*) Сердце имѣетъ разумныя основанія, которыхъ разумъ не знаетъ.

казано: «Противостаньте діаволу, и убѣжить отъ васъ» (Іак., 4. 7), т. е. если не будете бороться и не противостанете, то онъ при васъ и останется. Въ другомъ мѣстѣ Евангелія вы читаете: «Съ сего времени Царствіе Божіе благовѣствуется, и всякій усиліемъ входитъ въ него» (Лук., 16. 16). Если вы не будете усиливаться побороть свои низменные инстинкты, то никто за васъ этого не сдѣлаетъ. Всякому изъ насъ Богъ даетъ въ нашей земной жизни свою жизненную задачу, которую мы и обязаны исполнить. Это нашъ долгъ. Тому, кто Бога ищетъ и старается понять Его волю, Онъ постепенно и откроетъ, въ чемъ этотъ долгъ заключается. А между тѣмъ всякій изъ насъ не зря попадаетъ въ ту или иную обстановку, и долгъ его—терпѣливо и мужественно пробиться черезъ такую жизнь.

Всякій, искренно просящій у Бога духа и силы — ихъ получить. «Блаженны нищіе духомъ», (т. е. просящіе духа, какъ нищіе), «ибо таковыхъ есть Царство Небесное». Но не надо ограничиваться одной просьбой. Горе тѣмъ, которые, получивши силу, не употребляютъ ее на совершенствованіе, на помощь людямъ и борьбу со зломъ. Сила, не находя выхода, постепенно разрушаетъ держателя; много отсюда физическихъ и душевныхъ недуговъ.

Представьте, что вы — учитель. Въ вашемъ классѣ есть слабый ученикъ, который старается рѣшить данныя ему математическія задачи, но не можетъ. Вы ему помогли разъ, и два, и три. Если онъ воспользуется вашей помощью, вы ему будете помогать и дальше. Но, если онъ перестанетъ работать, возложивъ всѣ надежды на васъ, врядъ ли вы станете рѣшать всѣ его задачи. Какой толкъ? Я полагаю, что Богъ готовъ помогать каждому изъ насъ, готовъ дать намъ духа и силы. Но Онъ не будетъ рѣшать за насъ нашу жизненную задачу. Его воля въ томъ, *чтобы мы сами ее рѣшали.*

Поэтому смѣло говорю: Просите у Бога помощи, развивайте въ себѣ любовь, *развивайте въ себѣ энергію воли.* Безъ этого вы размякнете и пропадете.

Есть писатель Винэ, который утверждаетъ, что всѣ добрыя намѣренія міра не стоятъ одного волевого рѣшенія сдѣлать добро. Другой писатель, Эрбэ, пишетъ, что энергія воли увеличивается черезъ упражненіе. И какъ онъ правъ! Мы должны развивать въ себѣ энергію воли. Мы должны бороться со зломъ, и въ себѣ, и въ мірѣ.

— А какъ же, — возразилъ я, — сказано въ Евангеліи: «Не противься злему»?

— Это вы все насчетъ непротивленія? — удивился Петръ Иванычъ. — Вы знаете, что по-славянски значить «не противься»? — это значить: не противъ себя. Т. е. если Богу было угодно испытать своего раба терпѣніемъ, — вы должны, ради Бога, перенести всѣ, нанесенныя *вамъ лично*, обиды, простить и не мстить. Но какъ можете вы прощать *чужія* обиды? Если вы — сильный мужчина, идя по лѣсу, увидите, какъ разбойники мучаютъ и убиваютъ женщину, и пройдете мимо, сказавъ разбойникамъ: «Я вамъ прощаю», — то на Страшномъ Судѣ, на жалобу убитой женщины, Господь врядъ ли вамъ скажетъ: «Хорошо, добрый и вѣрный рабъ!» Разбойники грабятъ нашу Родину, развращаютъ молодежь, мучаютъ и убиваютъ стариковъ и дѣтей, насилуютъ женщинъ, уничтожаютъ самое имя Россіи, разоряютъ церкви. И я долженъ по вашему имъ простить и не мѣшать? Простить можетъ только Богъ. *Простить свои обиды я долженъ. Но помѣшать злу я обязанъ.* Это мой долгъ спасти Родину и защищать тѣхъ, которые сами защищаться не могутъ. Если на вашу мать нападутъ разбойники, неужели вы ее не станете защищать? Родина — ваша мать. Нѣтъ силъ бороться? Откройте окно и кричите о помощи.

Когда мучили Христа, Онъ все терпѣлъ и молчалъ. Но разъ, увидѣвши оскверненіе храма, Онъ взялъ веревку и изгналъ изъ него торгующихъ. Христосъ во всю Свою земную жизнь боролся со зломъ, обличалъ лицемеровъ, изгонялъ бѣсовъ и, наконецъ, окончательно побѣдилъ адъ и смерть крестными страданіями и великимъ воскресеніемъ.

Если въ ваше отсутствіе вашъ слуга простить долгъ принесшему вамъ обратно деньги должнику, врядъ ли вы его похвалите. И Богъ не похвалитъ васъ за произвольное прощеніе чужихъ грѣховъ. Нѣтъ, бороться со зломъ — необходимо.

— Но какъ? — спросилъ я.

— Нужно бороться со всѣмъ, — сказалъ Петръ Иванычъ, — что противится нравственному закону, будь то своя или чужая злая воля, свои или чужіе злыя слова или поступки. Свою злую волю нужно пресѣкать внутри себя — въ своихъ чувствахъ; не разрѣшать имъ принимать дурное направленіе и развивать противоположныя чувства. Свои злыя слова или

дѣйствія — уничтожать обратнымъ словомъ или дѣйствиємъ, какъ бы это ни было непріятно. Въ борьбѣ же со зломъ въ мірѣ, помните, что осуждать нужно *не злобныхъ*, а *зло*. Судить злобныхъ будетъ Богъ. А вы часто и не знаете, почему человѣкъ впалъ въ такое состояніе. Сами можемъ упасть. Но мѣшать злему дѣлу надо всюду, гдѣ только представится возможность. И мѣшать можно двояко: во-первыхъ, прешятствовать злобнымъ людямъ дѣйствиємъ, словомъ, кто чѣмъ можетъ; во-вторыхъ, стараться распространять вокругъ себя какъ можно больше добра всѣмъ несчастнымъ и требующимъ помощи, не упуская ни одного случая. Отличать же зло отъ добра слѣдуетъ не съ личной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія нравственнаго закона и совѣсти. Горе тому, кто станетъ пресѣкать зло, *руководствуясь завистью, расчетомъ, партійностью или чѣмъ-либо подобнымъ*. Онъ рано или поздно понесетъ отвѣтственность за свой поступокъ. Это неизбѣжный нравственный законъ...

На этомъ разговоръ оборвался. Мы подходили къ дому. Наскоро закусивъ, я спѣшилъ на станцію; мнѣ нужно было не меньше часа, чтобы спуститься съ горъ до желѣзной дороги. Съ грустью прощался я со старикомъ. Онъ не рѣшился разстаться со мною у порога и пошелъ проводить меня до перекрестка дорогъ. Тамъ, около придорожнаго распятія, осѣненнаго елями, мы простились.

— Пишите мнѣ, — сказалъ старикъ, — и пріѣзжайте снова. Позвольте на прощанье сказать вамъ слѣдующее: любите, вѣруйте, надѣйтесь и будьте сильны. Какъ сильный человѣкъ, будьте терпимы къ чужому мнѣнію, — *только слабость нетерпима*. И помните, что *никого, ничего и никогда не заставишь полюбить насильно*.

Храни васъ Богъ, — закончилъ Петръ Ивановичъ. И мы разстались. Когда я дошелъ до послѣдняго поворота, за которымъ уже скрывалось плоскогорье, я еще разъ оглянулся. Старикъ все еще стоялъ у распятія и махалъ шляпой. Такъ онъ и запечатлѣлся въ моей памяти: на фонѣ Русскаго еловаго лѣса и у подножія Креста. Родина и Сила.

Графъ Г. А. Шереметевъ.

ПЛЯСКА ОПУСТОШЕННЫХЪ ДУШЪ.

Во всѣхъ концахъ земного шара подъ завывающіе и трескучіе звуки джэзъ-банда, утромъ, днемъ и вечеромъ, въ бальныхъ залахъ, въ кафэ и на улицахъ — пляшутъ люди до изнеможенія, выплясывая изъ себя, изъ своей души негритянскую судорогу. Молодые дѣвушки въ бальныхъ платьяхъ и юноши въ строгихъ, черныхъ костюмахъ, съ благословенія и одобренія родителей производятъ въ теченіе многихъ часовъ подъ рядъ совершенно неприличныя движенія; и это *однообразіе* механичность и, главное *хладнокровная неутомимость* этихъ непристойныхъ движеній—производитъ странное, даже жуткое впечатлѣніе. «И непонятно, и стыдно стороннему глазу: будто разсыпалась крѣпкая стѣна и выпало, обнаружилось, разлилось по равнодушно холоднымъ улицамъ сокровенное, тайное, о чемъ молчать» *). Будто стыдъ отжилъ и безстыдство справляетъ свой праздникъ.

Нѣтъ такой вещи, къ которой не могъ бы привыкнуть человѣкъ. И къ зрѣлищу непристойныхъ движеній, размѣренныхъ судорожнымъ ритмомъ, современное человѣчество постепенно привыкаетъ. И какъ быстро заразила эта болѣзнь весь міръ! Съ какой неутомимостью отдается молодежь (да развѣ одна молодежь?) этому увлеченію! Какова бы ни была художественная программа вечера, если послѣ нея ожидаются «танцы», молодежь смотритъ и слушаетъ все съ холоднымъ невниманіемъ, а иногда даже со скукой и враждебностью — скорѣй бы кончилось и начались бы «танцы»... Искусство не утѣшаетъ и не радуется современную — больную и опустошенную душу. Но именно поэтому ея *танецъ перестаетъ быть искусствомъ* и становится чѣмъ то среднимъ между болѣзнью и развратомъ.

На самомъ дѣлѣ танецъ совсѣмъ не есть незначительное дѣло или пустое занятіе. По существу своему онъ есть *искус-*

*) Слова писателя Днѣпрова, записавшаго свое впечатлѣніе отъ новыхъ танцевъ.

ство; а по своимъ историческимъ и духовнымъ истокамъ — онъ есть *священный обрядъ*. По слову греческаго писателя Лукіана — «пляска доставляетъ не только наслажденіе; она воспитываетъ, обучаетъ и обнаруживаетъ общую красоту души и тѣла». «Пляска вмѣстѣ съ музыкой и поэзіей образуетъ хороводъ живого искусства», пишетъ Вагнеръ. И развѣ они оба не правы?

Танецъ продѣлалъ сложный историческій путь. Его древнѣйшая форма — пляска первобытныхъ язычниковъ вокругъ деревяннаго идола ради отогнанія и умилоствленія демоновъ. У многихъ народовъ мы видимъ круговращательные танцы вокругъ жертвеннаго костра (символика солнца). Культъ древесныхъ духовъ и символика древа міра находили свое проявленіе въ пляскѣ вокругъ дерева. На той же символикѣ круговращенія основаны и русскій хороводъ, и спартанскій хормость, и славянское коло и нѣмецкій обычай танцовать вокругъ положеннаго на холмѣ колеса. Такъ, древній танецъ знаменовалъ собою священное единеніе съ міромъ и съ Божествомъ.

И въ суровыя времена средневѣковья танцы были принадлежностью церковнаго ритуала. Танцы исполняются иногда и теперь въ Севильскомъ соборѣ, въ Испаніи. Ритуальный танецъ практикуется и въ нѣкоторыхъ сектантскихъ ученіяхъ, напр. въ хлыстовщинѣ; и, думая объ этомъ, невольно вспоминаешь и дервишей, и буддійскихъ монаховъ, и священную пляску шамановъ. Всего не перечестъ.

Самыя сильныя и глубокія чувства свои, самыя страстныя желанія, мечты, страхи и вожделѣнія, для которыхъ *нѣтъ словъ и звуки недостаточны* — человѣкъ всегда выражалъ въ танцѣ; ибо танецъ, минуя сознаніе, изливается прямо изъ безсознательнаго, знаменуя то молитву, то подземное кипѣніе страстей. Вотъ почему мы встрѣчаемся съ танцемъ въ мрачную эпоху «черной смерти», когда во время и послѣ свирѣпствовавшей чумы народъ пытался танцемъ отвратить бѣдствіе, изжить свой страхъ и забыться во что бы то ни стало; отсюда съ одной стороны связь тогдашняго танца съ религіозно-покаянными бичеваніями, съ другой стороны — его неистовая, судорожная форма, превратившая его постепенно въ сущую эпидемію (такъ называемая «Пляска святого Витта»). Предшествуемая музыкантами, изъ села въ село, изъ города въ городъ, шли толпы людей, неся съ собою заразу танцующей судороги;

неистовая музыка, неистовый ритмъ и дергающіеся, кружащіеся, скачущіе люди, съ затынутыми поясами *), съ остановившимися, вытаращенными глазами, съ пѣною у рта, — до, истощенія, до обморока. А потомъ отправлялись дальше.

Ясно, что танцы бываютъ здоровые и больные; *оздоравлиющіе* душу въ своемъ естественномъ, пластическомъ выраженіи радости, печали и молитвы; и *разлагающіе*, развинчивающіе человѣческую душу. Я часто наблюдала, какъ у дѣтей подъ вліяніемъ какого нибудь бурнаго настроенія появляется импровизированная пляска, ими самими тутъ же составляемая для выраженія внезапно нахлынувшихъ чувствъ. И у дѣтей, и у взрослыхъ тѣло, въ своей мощной мимикѣ, воплощаетъ и радость, и смерть, и молитву, и отчаяніе — и само становится въ танцѣ то живымъ іероглифомъ духа, то *орудіемъ саморазнужданія*.

Народные и характерные танцы создаются въ долгой, исторической, географической и этнографической эволюціи — духомъ цѣлаго народа. Такъ новозеландцы и индѣйцы прибѣгаютъ къ танцамъ для воинственнаго возбужденія толпы: танцы исполняются съ оружіемъ въ рукахъ, съ дикими криками и страшными гримасами. Испанская пляска изобилуетъ рѣзкими, угловатыми движеніями, изломанными линіями; стиль этой пляски — жгучій, лихорадочный, полный душевнаго зноя, родившагося подъ южнымъ, горячимъ солнцемъ...

А въ нашей родной русской пляскѣ — все богатство нашей души и нашего легкаго, свободнаго, искренняго темперамента: начиная отъ элегическаго лиризма и пѣвучей плавности, и кончая самой лихой, отчаянной удалью. Однако нѣтъ въ нашей національной пляскѣ — *безстыдства* **); а потому нѣтъ и *безформенности*. Нашъ танецъ всегда скромнень, цѣломудренъ и оформленъ — даже въ бурномъ веселіи и въ задыхающемся ритмѣ; и его побѣдное шествіе по Европѣ въ художественной обработкѣ Даргомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго и другихъ — создаетъ волну сущаго оздоровленія. О немъ писалъ Марсель Прево: «онъ снова является къ намъ съ сѣвера, блестящій,

*) Для того, чтобы сдвинуть внутренности.

**) Вопреки мнѣнію монсиньора д'Эрбиньи («*L'âme religieuse des russes*»), слывущаго въ католическомъ мірѣ «знатокомъ» Россіи, на самомъ же дѣлѣ сочетающаго наивную неосвѣдомленность въ русской культурѣ съ презрительною враждою ко всему русскому. Отсюда между прочимъ и его сужденіе о «неприличіи» русскаго національнаго танца. *Примѣчаніе редакціи.*

сверкающій, какъ даргоцѣнный камень, брызжущій свѣтомъ и гармоніей». А Камилль Моклэръ отмѣчалъ: «кажущійся примитивизмъ этого танца затмѣваетъ модернизмъ, точный до близорукости». Но лучше всего почувствовалъ и передалъ красоту нашей пляски Красновъ (въ романѣ «Съ нами Богъ»): «Это было свое, родное, Русское... Полетѣла, поплыла, понеслась непостижимая, зовущая, цѣломудренная, страстная, стыдливая и здоровая, безъ вина пьянящая Русская пляска...» Именно — стыдливая и цѣломудренная, и въ движеніяхъ, и въ ритмахъ, и въ одеждѣ; въ противоположность современнымъ «танцамъ» и «танцорамъ», окончательно забывшимъ о томъ, что есть нѣчто, что *цѣнное разоблаченнаго реализма жизни: это мечта и стремленіе къ красотѣ*. И настоящій танецъ выражаетъ *мечту о любви*, которая всегда прекраснѣе любви; такъ, какъ стремленіе всегда лучше достиженія. А въ современномъ танцѣ нѣтъ мечты и не найдешь красоты.

Современные танцы — не искусство. Они не созданы тѣми народами бѣлой расы, которые ими нынѣ столь болѣзненно увлекаются. Они чужды имъ, ихъ духу и ихъ культурѣ. Жестъ и ритмъ этихъ танцевъ проникъ къ намъ, въ наши души отъ негровъ или отъ австралійскихъ дикарей и охватилъ всѣ страны на подобіе эпидеміи. Въ частности чарльстонъ есть нѣсколько видоизмѣненный танецъ австралійскихъ туземцевъ, такъ называемый «корробори»: мужское «корробори» имѣетъ воинственный характеръ, а женское — сладострастный; оно исполняется передъ линіей танцоровъ-мужчинъ для возбужденія ихъ страсти. Заимствовавъ эти танцы, бѣлая раса эстетически и духовно *подчинилась черной*. И напрасно думать, что это увлеченіе — невинное и пройдетъ безъ послѣдствій. Танцующій эти «танцы» — не только выплясываетъ *изъ* себя, изъ своей души овладѣвшій ею негритянскій миѳъ и негритянскую сладострастную судорогу, но онъ въ то же время и *наплясываетъ ихъ себѣ въ душу*. Это не только *разрядъ* національно и духовно опустошенной души, но и *зарядъ* ея новымъ и чуждымъ ей укладомъ. И тамъ, гдѣ танцы бѣлой расы выражали живущія въ ней здоровыя и культурныя состоянія души (почтительность, скромность, галантность, радость, рѣшительность и лихость, напр. въ мазуркѣ), — современные «джимми», «танго», «чарльстонъ» и т. д. ничего не выражаютъ, кромѣ сладострастнаго обезьянства. И танцующіе эти «танцы»

различаются только въ томъ, что одни изъ нихъ (пустые) только еще *наплясываютъ это обезьянство себѣ въ душу*, воспроизводя до одурѣнія эти неприличные жесты, а другіе (уже заряженные имъ) безстыдно *выплясываютъ его изъ себя*...

Въ эволюціи европейскихъ танцевъ отразилась эволюція общаго европейскаго міровоззрѣнія. И можетъ быть въ модныхъ танцахъ ярче, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, проявился характерный для всей нашей современности и особенно для современнаго искусства уклонъ къ первобытному разнузданію страстей, къ звѣроподобному состоянію, къ разложенію духа и воли, къ какому то утонченному смакованію грубаго безстыдства. Словомъ — къ *духовному большевизму*.

Я знаю, что большевики «запретили» современные танцы. Неслыханные лицомѣры, уничтожившіе въ Россіи милліоны людей, они протестуютъ противъ единичныхъ случаевъ смертной казни; и замѣнивъ таинство брака животнымъ дѣйствомъ, насаждая развратъ и воспитывая въ немъ молодежь, они запрещаютъ современные «танцы», чтобы прослыть республиканскими пуританами... Но главный мотивъ ихъ запрета, конечно, не въ этомъ. Имъ *не нужны* современные «танцы»: то разложеніе и безстыдство, которымъ эти танцы насыщены, они *уже осуществили и продолжаютъ дѣлать въ серьезъ*. Систематически пробуждая и насаждая звѣриное въ людяхъ, убивая божественное начало въ человѣкѣ, они *берегутъ накопленную обезьянью энергію для революціонной «политики» и потому запрещаютъ ея растрату*. И если современные танцы являются пляской звѣроподобныхъ людей, то въ совѣтской странѣ происходитъ въ настоящее время такой же танецъ, но только со свирѣпой серьезностью и доктринерскимъ ожесточеніемъ. Разнузданный и хулиганскій, онъ сотрясаетъ весь міръ и напоминаетъ собою и шабашъ вѣдьмъ и пляску смерти. И естественно, что эта пляска находитъ себѣ отраженіе и въ большевицкомъ искусствѣ, особенно въ поэзіи.

Микробъ большевизма, развѣваемый по всему міру, дѣлаетъ свою разрушительную работу, опустошая, растлѣвая и убивая души. И изъ опустошенныхъ душъ вмѣсто прекраснаго искусства танца рождается звѣроподобное кривлянье.

Екатерина Гаугъ.

I. БЕЗПРИЗОРНЫЯ ДѢТИ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Безпризорныя дѣти несомнѣнно самое тревожное, самое тяжелое послѣдствіе большевицкаго владычества. Безпримѣрное и невиданное въ Европѣ, со временъ, вѣроятно, 30-лѣтней войны, явленіе безпризорныхъ дѣтей, какъ *особаго соціального класса*, какъ неизбѣжной принадлежности повседнежнаго большевицкаго быта, является, быть можетъ, самымъ суровымъ осужденіемъ большевицкой власти, самымъ жестокимъ изобличеніемъ ея.

Вначалѣ большевики объясняли дѣтскую безпризорность какъ наслѣдіе «царизма» и капиталистическаго строя; цинично называли безпризорныхъ дѣтей «издержками соціальной революціи», «тѣми щепками, которыя летятъ, когда лѣсъ рубятъ». Но размѣры бѣдствія постепенно стали устрашать даже этихъ несмущающихся людей, и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ столбцы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ были покрыты множествомъ статей, самыми заголовками свидѣтельствующихъ о непрекращающейся остротѣ вопроса. «На помощь дѣтямъ», «Семь милліоновъ безпризорныхъ дѣтей погибаетъ», «Армія безпризорныхъ растетъ», «Пятно нашей жизни», «Дѣтская безпризорность — угроза общественной жизни» и т. д. и т. д. Число безпризорныхъ дѣтей по единодушному свидѣтельству всѣхъ занимавшихся этимъ вопросомъ, громадно. Надежда Крупская вдова Ленина, пишетъ въ «Московской Правдѣ» отъ 21 ноября 1924 года: «У насъ *семь милліоновъ* безпризорныхъ дѣтей зарегистрировано. Въ дѣтскихъ же домахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ ихъ въ лучшемъ случаѣ 800 тысячъ. Гдѣ же остальные? Мы мало думаемъ объ этомъ ужасномъ явленіи и еще меньше дѣлаемъ для ликвидаціи его. Неужели мы дѣйствительно такъ тупы, что не можемъ найти иного средства, кромѣ звучащихъ насмѣшкой словъ: «маршъ къ родителямъ или въ дѣтскіе дома!» Вѣдь у этихъ дѣтей нѣтъ ни того, ни другого». У другихъ изслѣдователей этого вопроса мы встрѣчаемъ другія цифры. Такъ, д-ръ Василевскій въ своемъ сочиненіи «Голгофа ребенка» говоритъ о *двухъ милліонахъ сиротъ и четырехъ милліонахъ полусиротъ*. Встрѣчаемъ также цифры въ пять, четыре и три милліона. Числа постоянно расходятся, что объясняется какъ общей

неточностью, свойственной всѣмъ большевицкимъ даннымъ, такъ и тѣмъ, что правительственные органы и частные авторы исходятъ изъ различнаго понятія безпризорности. Газета «Трудъ» даетъ слѣдующія данныя о социальномъ составѣ безпризорныхъ дѣтей. Согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ № 116 этой газеты, *почти 75 % безпризорныхъ дѣтей* всего СССР — этой «крестьянско-рабочей республики» — были *дѣтьми рабочихъ и крестьянъ*, и процентъ этотъ въ 1926 году *повысился* сравнительно съ 1925 годомъ. Безпризорныхъ дѣтей рабочихъ въ 1925 г. было 29,3 % всего числа, въ 1926 же году — этотъ процентъ достигъ уже 37,4 %. Круглыхъ сиротъ въ общемъ числѣ безпризорныхъ было 67 %, полусиротъ 27,5 % и имѣющихъ обоихъ родителей 3,5 %. По возрасту безпризорныя дѣти распредѣлялись такъ. Отъ 3 до 7 лѣтъ — 15 %, отъ 8 до 13 лѣтъ — 57,1 %, отъ 14 до 16 — 20,9 % и старше этого возраста — отъ 6 до 7 %.

Въ совѣтскихъ органахъ находимъ слѣдующія описанія жизни безпризорныхъ дѣтей. «Голодные, оборванные, дрожа отъ холода, бродятъ по нашимъ городамъ безпризорныя дѣти. Они спятъ въ погребкахъ, въ общественныхъ уборныхъ, въ выгребныхъ ямахъ, подвалахъ, на чердакахъ, подъ вагонами. Ихъ гонять отовсюду, толкаютъ, бьютъ. Ихъ лица разѣдены цынгой, люпусомъ, тѣла покрыты ранами и нарывами. Многие изъ нихъ такъ обезсилены, что не могутъ даже просить милостыню». («Харьковскій Коммунистъ», 18. 5. 1926). «Безпризорныя дѣти — настоящая опасность на улицахъ нашихъ городовъ. Когда голодъ становится невыносимымъ, а милостыни имъ не подаютъ, они начинаютъ красть, обманывать, грабить... Для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей безпризорные объединяются въ шайки и постепенно становятся настоящими преступниками». («Правда», 21. 5. 1927). Преступность среди безпризорныхъ очень велика, и ростъ ея очень увеличивается. «Бандитизмъ принялъ у безпризорныхъ колоссальные размѣры». (Циркуляръ Нар. Ком. Юстиціи, № 36). Журналъ «Психіатрія и Неврологія» сообщаетъ, что преступность среди дѣтей въ Петербургѣ увеличилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ въ 10 разъ. Состояніе здоровья ихъ крайне плохо. «Большинство изъ нихъ, — говоритъ тотъ же журналъ, — болѣетъ заразными болѣзнями, какъ-то: туберкулезомъ, чесоткой и половыми болѣзнями». Московская «Правда» пишетъ въ № 46: «Достаточно взглянуть на отчеты комиссіи по дѣтскому вопросу, чтобы убѣдиться, что сифилисъ, гоноррея, кокаинизмъ, алкоголизмъ и противоестественные пороки со всѣми ихъ послѣдствіями невѣроятно распространены среди безпризорныхъ». Докторъ Соломоновичъ опредѣляетъ число кокаинистовъ среди безпризорныхъ въ 40—60 %.

До сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія совѣтской власти, не удалось «очистить» улицъ большихъ городовъ или хотя бы

только Москвы отъ безпризорныхъ. «Сколько разъ уже, — жалуются въ «Правдѣ» отъ 20. 5. 1927 Калинина, жена председателя СССР, — очищали улицы Москвы отъ безпризорныхъ, но они все тамъ. На каждомъ углу — это настоящій кошмаръ. И число бандъ все увеличивается. «Безпризорныя дѣти — одна изъ характернѣйшихъ чертъ городовъ совѣтской Россіи. Это настоящая бродячая Русь». («Трудъ», 22. 4. 1927).

Вначалѣ совѣтская власть старалась бороться съ безпризорностью и была преисполнена самыхъ розовыхъ надеждъ. «Въ совѣтской Россіи нѣтъ мѣста безпризорности, не должно быть дѣтей улицы» — писалъ журналъ «Соціалистическое Строительство», №№ 8 и 9 за 1919 г. «Въ совѣтской Россіи каждый ребенокъ имѣетъ право развиваться въ условіяхъ живого творчества и свободнаго труда». Осуществленіе этихъ задачъ было возложено на «Отдѣлъ соціально-правовой охраны несовершеннолѣтнихъ». По истеченіи 7 лѣтъ со времени организациі этого учрежденія Надежда Крупская пишетъ въ «Правдѣ», № 55, 1926, объ охранѣ безпризорныхъ, какъ о задачѣ, которую *еще предстоитъ* разрѣшить: «Необходимо, чтобы кто-то озаботился о томъ, чтобы ребята деревенской и городской бѣдности не гибли отъ недостаточнаго питанія, не дрогли и не простужались. Нужна защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, спаиванія и эксплуатаціи. Мы должны заботливо растить молодое поколѣніе, а у насъ это дѣло въ забросѣ». Согласно даннымъ, опубликованнымъ въ 1925 году (время наиболѣе широкаго развитія дѣятельности отдѣла Соціально - Правовой Охраны), въ вѣдѣніи его состояло 5 411 учреждений — дѣтскихъ домовъ, колоній, городковъ, изоляторовъ и т. д., въ которыхъ содержалось свыше 600 000 человѣкъ. Основнымъ орудіемъ борьбы съ безпризорностью большевики считали «дѣтскіе дома». На эти учрежденія возлагались особыя надежды. Они должны были доказать, что общественный уходъ за дѣтьми даетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ частный индивидуальный, ненаучный и нераціональный уходъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ любящихъ, но невѣжественныхъ родителей, не обладающихъ тѣми силами, средствами, способами и приспособленіями, какими обладаетъ организованное общество (Гойхбаргъ, «Брачное и семейное право въ совѣтской республикѣ»). Однако, Надежда Крупская такъ характеризуетъ дѣтскіе дома: «Въ дѣтскихъ домахъ воспитываются бандиты какіе-то, живутъ тамъ мало неженатые бездѣльники, лодырничаютъ, безобразничаютъ». («Правда», № 275, 1925 г.). Луначарскій въ отчетѣ своемъ пишетъ: «Дѣло въ нашихъ дѣтдомахъ обстоитъ очень плохо. Преподаваніе, поскольку оно вообще существуетъ, совершенно неудовлетворительно; практическая подготовка еще хуже. Хотя на содержаніе дѣтскихъ домовъ затрачиваются ежегодно громадныя суммы, большинство изъ нихъ находится въ крайне печальномъ состояніи.

Почти повсюду неудовлетворительное питаніе, недостаточная одежда, одна пара сапогъ приходится на 20 дѣтей, одно пальто на 10 дѣтей, одна кровать на двухъ-трехъ. Въ результатѣ этого переполненія и антисанитарныхъ условій являются массовыя заболѣванія дѣтей различными заразными болѣзнями». (Отчетъ народнаго комиссара просвѣщенія за 1925 годъ, стр. 25—27). Въ рѣчи своей, произнесенной 14 апрѣля 1927 года на всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ, Луначарскій заявилъ: «Намъ нуженъ цѣлый рядъ лѣтъ борьбы для избавленія отъ бѣдствій безпризорности. Въ дѣтскихъ домахъ дѣти достигли 17—18-тилѣтняго возраста и мы не знали, что дѣлать съ ними. Они остались у насъ на рукахъ и можно было опасаться, что станутъ заключаться браки, а затѣмъ появится на свѣтъ новое молодое поколѣніе, — нѣкое *коренное населеніе дѣтскихъ домовъ*». «Какихъ людей готовятъ намъ дѣтскіе дома? — способныхъ къ труду или лѣнтяевъ? — рабочихъ или паразитовъ? — спрашиваетъ комсомольская «Правда», отъ 22 января 1928 года.

Неудача съ дѣтскими домами побудила большевиковъ начать *сокращеніе ихъ дѣятельности*. На 1 января 1928 года докторъ Эпштейнъ опредѣляетъ число дѣтскихъ домовъ уже только въ 1852, и въ нихъ всего 160 250 дѣтей. Но жизнь въ этихъ учрежденіяхъ, описанная въ статьяхъ д-ра Эпштейна въ «Комсомольской Правдѣ», 22 и 24 января 1928 года, нисколько не улучшилась.

На смѣну дѣтскимъ домамъ явилась новая радикальная мѣра: раздача безпризорныхъ дѣтей въ обученіе отдѣльнымъ ремесленникамъ и кустарямъ. Такимъ образомъ, *было официально признано крушеніе теоріи о преимуществахъ коммунистическаго воспитанія и объ образованіи новаго человека*. Однако, и эта мѣра не дала желательныхъ результатовъ. И та же Надежда Крупская писала по этому поводу: «Не успѣли еще эту мѣру провести, отправить ребятъ по этапу для распредѣленія по волостямъ, а уже въ газетахъ стали появляться описанія судебныхъ дѣлъ объ истязаніи дѣтей, взятыхъ на воспитаніе. Не организовавъ контроля, не отобравъ дѣтей ни по здоровью, ни по склонности, мы стремились къ одному: «разгружать дѣтскіе дома». («Правда», № 275).

Такимъ образомъ борьба съ безпризорностью не дала *никакихъ результатовъ*. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя признанія занятыхъ борьбой съ безпризорностью лицъ. Такъ, Богуславскій пишетъ: «Характернымъ для современнаго положенія безпризорности является «стабильность» его (устойчивость), «вслѣдствіе этого грозитъ образованіе *постояннаго состава безпризорныхъ*». «Извѣстія» отъ 25 января 1928 года пишутъ: «Мѣстныя организаціи удалили съ улицъ множество безпризорныхъ дѣтей, и тѣмъ сильно уменьшили число этихъ бродячихъ существъ; несмотря на это, безпризор-

ность продолжаетъ быть массовымъ явленіемъ, бросающимся въ глаза каждому и требующимъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ».

Нѣмецкій писатель, недавно посѣтившій Россію, приходитъ къ заключенію, что только *ссылка, пулеметъ или отравы* являются рѣшительными средствами для ликвидаціи безпризорности. Такъ, по крайней мѣрѣ, по его заявленію, говорили ему *многіе представители совѣтской власти*.

А. Бунге.

II. РУССКІЙ КОНЬ ПОДЪ ВЛАСТЮ СОВѢТОВЪ.

Судьба русскаго коневодства, процвѣтавшаго до революціи *), показательна для всей русской культуры за послѣдніе десять лѣтъ.

Къ сожалѣнію, приходится пользоваться статистическими данными почти исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, всегда имѣющихъ тенденцію прикрасить совѣтскую дѣйствительность.

«Въ составѣ статистическихъ органовъ совѣтской власти имѣются значительные кадры очень опытныхъ и научно высоко-квалифицированныхъ статистическихъ силъ. Несчастье однако, заключается въ томъ, что вся совѣтская статистика превращена въ служанку автократіи, что она работаетъ подъ гнетомъ чисто политическихъ заданий». (Талинъ: «Господинъ Урожай», «Совр. Зап.», XXVI). Это же авторитетно подтверждаетъ самъ товарищ Каменевъ: «Въ С. С. С. Р. даже цифры втянуты въ политическую борьбу».

По мнѣнію совѣтскаго экономиста Огановскаго въ 1925 г. въ Европейской и Азіатской Россіи, по сравненію съ 1916 годомъ (т. е. въ разгаръ войны послѣ, цѣлаго ряда поставокъ лошадей по военно-конской повинности)— не хватало 26,3 % лошадей; въ концѣ же 1927 года Огановскій и народный комиссаръ земледѣлія Смирновъ пытаются доказать, что «контингентъ рабочихъ лошадей недовозстановленъ на 17,3 %». Дѣйствительность же несомнѣнно гораздо безотраднѣе. Оффиціальныи обзоръ сельскаго хозяйства 1925 г. («Эк. Жизнь», 224—225) опредѣляетъ количество безлошадныхъ по всей Россіи въ 60%. По даннымъ «Бѣдноты» (27. XI. 1927 г.) въ одной лишь Р. С. Ф. С. Р. имѣлось въ 1926 г. 30,4% или 4,6 милліоновъ безлошадныхъ хозяйствъ. Въ Воронежской губ. 53% не имѣютъ вовсе рабочаго скота. По мнѣнію спецовъ необходимо

*) См. мою статью «Россійское коннозаводство до революціи». «Русскій Колоколъ» № 5.

въ одну Черноземную область ввозить ежегодно 100 000 лошадей!! На Украинѣ переписи 1922 и 1925 г.г. дали слѣдующія удручающія цифры:

	Безлош.	1 лош.	2 лош.
Въ 1922 г.	39,9	34,6	25,5
„ 1925 г.	57,6	31,2	11,2

Замѣтимъ при этомъ, что въ прежнихъ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской лошадь мелка, малосильна и можетъ быть использована лишь въ парной упряжкѣ.

Итакъ, на Украинѣ 57% хозяйствъ не имѣютъ вовсе лошадей, коневодческіе дворы, т. е. имѣющіе 3 и болѣе лошадей исчезли и *положеніе идетъ къ худшему, а не улучшается*. Еще хуже обстоитъ на Дону, гдѣ въ 1920 году совѣтская власть получила въ наслѣдіе 1 милліонъ 200 тысячъ головъ лошадей, а въ 1925 году ихъ числилось всего 110 тысячъ. За восьми-лѣтнее хозяйничаніе коммунистическихъ совѣтовъ народилось небывалое еще явленіе — наличіе *безлошадныхъ казачьихъ хозяйствъ*, достигшихъ по совѣтскимъ даннымъ 42%, а по свидѣтельству самого казачьяго населенія 70%. Между тѣмъ за 10 лѣтъ съ 1907—1917 г., несмотря на войну, количество лошадей увеличилось на 680 400 головъ. На Сѣверномъ Кавказѣ, по даннымъ краевого исполкома, въ 1925 году имѣлось 50% лошадей довоеннаго времени. У киргизовъ Уральской губерніи, по свидѣтельству коммуниста, совѣтскаго чиновника Шаги-Ахметова, убыло за послѣдніе 10 лѣтъ 66% лошадей и 58% верблюдовъ. Въ Челябинскомъ уѣздѣ, сравнительно съ 1916 годомъ, по сообщенію члена комиссіи Наркомзема, коммуниста Савченко, осталось въ 1924 году 64% лошадей, вслѣдствіе чего площадь посѣва сократилась на 50%. Одной изъ многихъ причинъ недосѣва 1927/28 г. г. во многихъ губерніяхъ, является недостатокъ лошадей, благодаря которому не могъ быть использованъ огроменный запасъ рядовыхъ сѣялокъ, имѣвшихся на организованныхъ прокатныхъ пунктахъ.

Естественно возникаетъ вопросъ, какъ это удалось довести русское коневодство до такого уровня?

«Черный передѣлъ» земель, давно задуманный социалистами-революціонерами и осуществленный, по ихъ рецепту, большевиками въ 1917/19 г. г., имѣлъ ближайшимъ результатомъ не только гибель культурнаго помѣстнаго землевладѣнія и связаннаго съ нимъ коннозаводства, но и разореніе отъ 4 до 5 милліоновъ крѣпкихъ крестьянскихъ и казачьихъ хозяйствъ. «Въ порядкѣ внутрикрестьянскаго перераспредѣленія у этихъ болѣе обеспеченныхъ группъ было изъято около 50 милліоновъ гектаровъ», утверждаетъ бывший народный комиссаръ земледѣлія, А. П. Смирновъ. Съ весны 1918 года начались своеобразные коммунистическіе опыты въ крестьянскихъ хозяйствахъ: всемогущіе «комитеты бѣдности» забрали у имѣвшихъ нѣсколь-ко лошадей крестьянъ избыточное противъ минимальной по-

требности количество и передали начинающим собственное хозяйство, беспосѣвнымъ и малосѣющимъ. Нерѣдко такія «перегруппировки» лошадей происходили сразу въ масштабѣ цѣлаго ряда уѣздовъ, напр. въ Тверской губерніи. Можно себѣ представить какъ гибли несчастныя лошади попавшіе отъ хозяйственныхъ крестьянъ нерѣдко въ руки всевозможныхъ хулигановъ, крестьянъ лишь по паспорту, выгнанныхъ изъ столицъ безработицей и голодомъ! Затѣмъ голодъ 1920/21 г. г. и безкормица чрезвычайно неблагоприятно отразились на конскомъ составѣ губерній Тульской, Рязанской, Тамбовской, Нижегородской. По свидѣтельству иностраннаго наблюдателя (Leites, „Recent Economic Developments in Russia“ 1922) лошади продавались за 1½ фунта соли и 3 коробки спичекъ, а потребление конины было въ большемъ ходу не только въ городахъ, но и въ селахъ. Даже въ государственномъ Починковскомъ заводѣ Нижегородской губерніи много цѣнныхъ лошадей иностранныхъ тяжеловозныхъ породъ пало отъ истощенія. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько оскудѣла Россія количественно и качественно, служатъ ежегодныя покупки ремонтныхъ кавалерійскихъ лошадей въ Восточной Пруссіи и Венгріи. За артиллерійскими лошадьми пришлось два раза посылать комиссіи въ Канаду!

Основные причины современнаго плачевнаго состоянія коневодства въ Россіи можно было бы формулировать такъ.

1. Чрезвычайный недостатокъ породистыхъ случныхъ жеребцовъ, какъ результатъ сокращенія государственныхъ и разгромъ частныхъ конскихъ заводовъ.

2. Уничтоженіе большинства крестьянскихъ коневодческихъ хозяйствъ.

3. Развалъ земской ветеринаріи и отсутствіе планомѣрной борьбы съ эпизоотіями (сапъ, сибирская язва). Въ Псковской губерніи, прежде очень благополучной въ ветеринарномъ отношеніи, за 9 мѣсяцевъ 1926 г. пало 18 660 головъ домашнихъ животныхъ.

4. Убыль молодняка, отъ расплодившихся въ огромномъ количествѣ волковъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они давно перестали появляться. Обезоруженное населеніе совершенно беззащитно.

5. Чрезвычайное развитіе конокрадства, нерѣдко сопровождаемаго убійствами. Бороться съ этимъ зломъ крестьянамъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ милиція подозрѣвается въ соучастіи съ злоумышленниками.

6. Невозможность въ трудовомъ, «карликовомъ», зерновомъ хозяйствѣ, являющемся теперь преобладающимъ во многихъ губерніяхъ, содержать лошадей при отсутствіи посторонняго заработка.

Въ Западной Европѣ, мелкія хозяйства, неимѣющія возможности содержать лошадь, замѣняютъ ее коровой. Въ Россіи пре-

пятствуютъ этому глубокой снѣгъ, весенняя и осенняя распутицы, длинноземелье, большія разстоянія. Лошадь нужна не только для сельскохозяйственныхъ работъ, но и для поѣздокъ въ городъ, волость, на ярмарку. Въ западно-европейской деревнѣ для этихъ цѣлей лошадь въ значительной степени замѣняется велосипедомъ, но и это при русскихъ условіяхъ невозможно. Съ уничтоженіемъ частновладѣльческихъ хозяйствъ крестьяне наиболѣе густонаселенныхъ земледѣльческихъ губерній, отъ западной границы до Волги, лишились обычнаго заработка. Въ бывшее время ихъ лошади большую часть года работали внѣ своего хозяйства. Даже въ наиболѣе обеспеченныхъ инвентаремъ имѣніяхъ доставка сельскохозяйственныхъ продуктовъ на станціи и пристани, свеклы и картофеля на заводы, также часто нѣкоторыя полевые работы (возка сноповъ, вывозка навоза), производились крестьянскими подводами. Теперь же, получивъ ничтожную прибавку земли, крестьянство лишилось привычныхъ заработковъ и не приобрѣло новыхъ. Газета «Правда» въ № 76, 1924 г., писала: «до революціи крестьянство главнымъ образомъ производящей полосы, получало отъ заработковъ у крупныхъ землевладѣльцевъ *одинъ миллиардъ рублей*. Въ настоящее время, съ ликвидаціей крупнаго землевладѣнія этихъ заработковъ нѣтъ». Добавимъ съ своей стороны, что не менѣе 60% этой суммы падало на оплату гужевыхъ перевозокъ.

Бывшій комиссаръ земледѣлія Клименко, характеризуетъ положеніе крестьянства какъ «тяжелое», т. к. основа интенсификаціи сельскаго хозяйства, сельскохозяйственная промышленность, (главнымъ образомъ свеклосахарная и винокуренная) на 50% разрушена («Коммунистъ», 12 дек. 1924 г.). Между тѣмъ именно свеклосахарная промышленность предъявляла наибольшія требованія къ гужевому транспорту. Осенью къ перевозкѣ свеклы привлекались не только всѣ мѣстные подводы, но также цѣлые таборы изъ другихъ губерній, нерѣдко за 150—200 верстъ (напр., изъ Обоянскаго уѣзда Курской на югъ Полтавской). Для заводовъ, расположенныхъ вдали отъ желѣзной дороги, а такихъ не мало, крестьянскія лошади въ теченіе круглаго года перевозили на станцію и обратно сотни тысячъ пудовъ сахара, патоки, мѣла, каменнаго угля; цѣлые волости жили извозомъ. Теперь же производство сахара сократилось въ видахъ экономіи (главнымъ образомъ, за счетъ бездѣйствующихъ заводовъ, отдаленныхъ отъ желѣзной дороги), результатомъ чего явилось обращеніе многолошадныхъ дворовъ въ безлошадные. Для черноземнаго крестьянина получается заколдованный кругъ: содержаніе даже одной лошади на 2—4 десятинахъ не оправдывается, а чтобы вспахать ихъ, какъ слѣдуетъ, плугомъ, нужна четверка! Одной изъ главныхъ причинъ общеизвѣстной большой урожайности экономиче-

скихъ посѣвовъ была, сравнительно съ крестьянскими, болѣе глубокая вспашка.

Объяснить печальное состояніе коневодства въ Россіи «наслѣдіемъ проклятаго царизма» и послѣдствіями войнъ великой и гражданской, какъ это склонны дѣлать большевики,—совершенно нелѣпо. Читателямъ «Русскаго Колокола» извѣстно, какъ богата была лошадьми Россійская Имперія; коневодство же другихъ государствъ, тоже пострадавшихъ отъ войны и ея послѣдствій, но избѣгшихъ коммунизма, съ изумительной быстротой возстановило свой конскій составъ. Такъ въ Италіи, Бельгіи и Польшѣ уже въ 1925 году было столько-же лошадей какъ въ 1913 году. Франція, потерявшая съ 1913 по 1918 годъ свыше 1 милліона головъ, быстро залѣчиваетъ свои раны и въ настоящее время вѣроятно уже достигла довоеннаго уровня. Въ Германіи, несмотря на выдачу въ 1920—23 годахъ 400 тысячъ лошадей союзнымъ государствамъ, согласно условіямъ Версальскаго мира, все же въ 1925 году ихъ насчитывалось на 100 тысячъ больше, чѣмъ въ 1913 году. Тоже самое наблюдается въ Швейцаріи, Канадѣ, Аргентинѣ. Широко распространенное послѣ войны мнѣніе, что лошадь архаична и не можетъ соперничать съ механическими двигателями, оказалось столь же невѣрно, какъ аналогичныя предсказанія, сдѣланныя въ первой половинѣ прошлаго вѣка, въ связи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ. Въ городахъ лошадь успѣшно борется съ грузовиками. Опытъ показалъ, что для перевозокъ на короткія разстоянія, съ частыми остановками, «овсяной двигатель» выгоднѣе бензиннаго (уголь, пиво, молоко, хлѣбъ). Въ Лондонѣ и Мюнхенѣ пивоваренные заводы возвращаются къ лошадямъ. Въ Бостонѣ одна угольная фирма въ 1926 г. замѣнила грузовики 5 656 лошадьми; въ Нью-Йоркѣ, самомъ большомъ 9-тимилліонномъ городѣ міра, 73% перевозокъ производится лошадьми; въ Берлинѣ ихъ числится 45 тысячъ; городское управленіе Филадельфіи содержитъ 1 737 лошадей.

Главной же причиной увеличенія количества лошадей является требованіе на нихъ со стороны сельскаго хозяйства. Вслѣдствіе повсемѣстнаго вздорожанія рабочихъ рукъ, значительно возросло примѣненіе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (пропашники, конныя грабли, жнеи и т. п.), болѣе приспособленныхъ для конной, чѣмъ для воловьей тяги. Къ этому присоединилось разочарованіе въ моторной пахотѣ, оказавшейся не всегда выгодной для крупнаго землевладѣнія и совершенно непримѣнимой для мелкаго. Такъ въ Германіи въ хозяйствахъ менѣе 50 гектаровъ, составляющихъ 73% сельскохозяйственной площади, они не имѣютъ никакого значенія. Совѣтская «тракторизація сельскаго хозяйства» потерпѣла полную неудачу. Въ засѣданіи В. Ц. И. К. XIII созыва председатель Автономной Сов. Соц. Республики нѣмцевъ Поволжья,

Курцъ, сообщилъ, что наличность 625 тракторовъ, вопреки расчетамъ, не восполнила потерю 54% лошадей и 47% рабочего скота, вслѣдствіе чего получилось 240 тысячъ десятинъ недосѣва. Потерпѣлъ неудачу съ тракторами и самъ д-ръ Нансенъ, не побрезговавшій взять концессию на большія имѣнія въ Саратовской губерніи и Поволжьи. Въ журналѣ «Паксъ» онъ разсказалъ, какъ вмѣсто ожидаемыхъ доходовъ, онъ потерялъ 120 тысячъ шведскихъ кронъ (Нобелевская премія) и 107 тысячъ англійскихъ фунтовъ...

Таково, въ общихъ чертахъ, состояніе русскаго коневодства подъ властью совѣтовъ.

Князь Н. Щербатовъ.

III. КАКЪ РАСПОЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ.

(Совѣты организаторамъ).

1. Организовывать людей значитъ распредѣлять между ними *полномочія и обязанности*, устанавливать для нихъ *единое и строго определенное подчиненіе* и, главное, ставить *вѣрныхъ людей на подходящія для нихъ мѣста*. Отсюда уже ясно, что организаторъ долженъ очень хорошо разбираться въ людяхъ,—кто чего стоитъ и кому что можно поручить; онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ томъ, что каждый изъ членовъ его организаціи а) искренно *хочетъ* сдѣлать свое дѣло; б) имѣетъ для этого необходимыя *силы и способности* (душевные и тѣлесныя, здоровье); в) умѣетъ *подчиняться и требовать*; г) *понялъ данную ему задачу*. Для всего этого необходимо прежде всего *научиться распознавать людей*; неумѣющій этого — будетъ дѣлать однѣ ошибки и губить дѣло.

2. Это особенно необходимо для нашей будущей дѣятельности въ Россіи, гдѣ мы найдемъ цѣлый кадръ людей закаленныхъ въ злобѣ, лжи и предательствѣ; множество людей съ раздавленнымъ самочувствіемъ и сломленною волею; множество людей съ невоспитаннымъ и неукрѣпленнымъ характеромъ; и сравнительно незначительное меньшинство людей крѣпкихъ и вѣрныхъ. Ихъ надо будетъ безошибочно распознать, соединиться съ ними, создать единую организацію и крѣпко повести дѣло спасенія Россіи.

3. Чужая душа есть тайна. Нѣтъ никакихъ матеріальныхъ или разсудочныхъ мѣрилъ для ея механическаго измѣренія и опредѣленія. Но живая и проницательная интуиція можетъ получить въ видѣ подспорья рядъ цѣнныхъ указаній или правилъ; всѣ они даютъ только руководящую нить для душевно-моральнаго діагноза; ни одно изъ нихъ не самодовлѣюще, и

только всѣ вмѣстѣ они могутъ помочь вѣрному освѣщенію чужихъ «потемокъ». Но главное: *только доброкачественный человекъ можетъ опознать и установить чужую доброкачественность, ибо только у него имѣется живое мѣрило личной совѣсти*. Для злодѣя всѣ наши указанія безсильны и безплодны.

4. Каждый человекъ произвольно, отъ природы какъ бы «зашифрованъ» въ своемъ *тѣлѣ* и въ своихъ *поступкахъ*; и притомъ такъ, что въ нихъ прикровенно дана *вся* его душа. Надо научиться дешифровать ее.

Отсюда первое правило: для распознаванія человека *дѣло и тѣло значатъ больше, чѣмъ слово*.

а) Важнѣе всего *реальные поступки человека*, а въ поступкѣ важнѣе всего — его *намѣреніе* (*чего* именно хотѣлъ) и *мотивъ* (*почему* хотѣлъ именно этого). Слова ясно освѣщаются и осмысливаются только лучами, идущими отъ поступковъ. Какъ бы «ярки» и «убѣдительны» ни были слова человека, не суди по нимъ окончательно, не зная его дѣлъ. Дѣла же человека узнаешь, только съѣвъ съ нимъ вмѣстѣ пудъ соли. Отсюда: во всякой организаціи неизбѣжна и необходима извѣстная *постепенность довѣрія*, какъ бы лѣстница пріобщенности. Мало-знаемому человеку поручай только ясное, маленькое и безвредное дѣло; и всегда съ провѣркою. Въ лишнее же не посвящай никогда никого.

б) Въ тѣлѣ человеческая душа *вся* скрыта и *вся* проявлена: въ строеніи головы, руки и ноги; въ выраженіи лица, въ глазахъ и смѣхѣ; въ пожатіи руки, въ почеркѣ и походкѣ. Нынѣ кое-что изъ этого уже изслѣдовано научно и установленныя обобщенія могутъ быть использованы. Но продумать ихъ, усвоить и затѣмъ примѣнять долженъ каждый самъ. Здѣсь можно дать лишь нѣкоторые намеки.

У cadaго лица есть свое преобладающее, устойчивое выраженіе. Какое? Какъ измѣняется оно (становится ли глупымъ, грубымъ, безвольнымъ, трусливымъ, жаднымъ, пошлымъ — или наоборотъ?) въ минуту гнѣва, испуга, неудачи, растерянности, наслажденія, торжества, смѣха. Достоевскій указываетъ на то, что черта, вносимая въ это выраженіе смѣхомъ, особенно существенна для души смѣющагося. — Научись различать глаза откровеннаго человека и скрытнаго, прямого и хитраго, призваннаго повелѣвать и сломленнаго, вѣрнаго и предателя, добродушнаго и злого; глаза лживые, хищные, безжалостные, чувственные. — Научись замѣчать, что дѣлаетъ человекъ съ твоей рукой въ рукопожатіи: *беретъ* твою или скорѣе *даетъ* свою? коротко и опредѣлительно, или вяло, долго и нерѣшительно? даетъ ли одни свои пальцы или беретъ одни твои пальцы? жметъ или предоставляетъ жать? какъ бы желая что-то выразить или какъ бы желая что-то скрыть и ускользнуть? — и ты скоро начнешь увѣренно отличать безвольнаго,

цѣпкаго, жаднаго, эгоиста, скрытнаго, лживаго, льстиваго, цѣломудреннаго и развратнаго. — Многое дасть тебѣ изслѣдованіе почерковъ. Здѣсь *все* имѣетъ свое значеніе — стояніе и паденіе буквъ, ихъ размѣръ, ихъ дописанность и недописанность, слабый и сильный нажимъ, перерывы между буквами, разстояніе между строчками, закрытость буквъ, завитки, обрывы, подчеркиванія и росчерки. Нужно только не фантазировать, а изучать, копить опытъ, вчувствоваться и провѣрять. Начинать же надо съ почерковъ хорошо извѣстныхъ тебѣ людей. — Научись замѣчать походку людей: легкомысленно-подпрыгивающую, безвольно-шмыгающую, категорически-ударяющую, мелко-сѣменящую, растерянно-оступающуюся, дѣловито-уравновѣшенную и т. д. Научись расцѣпывать манеры людей — то развязно-самоувѣренныя (иногда отъ большой застѣнчивости), то ковано-сдержанныя, то хвастливо-рисующіяся, то льстиво-вкрадчивыя. Рядъ цѣннѣйшихъ указаній дасть тебѣ хирологія, т. е. научное изученіе руки (*не* хиромантія, т. е. гаданіе по рукѣ). И такъ далѣе. — Въ первомъ разговорѣ всегда сажай человѣка лицомъ къ свѣту и старайся больше узнать о немъ, чѣмъ сообщить о себѣ.

5. Прежде всего старайся установить *вѣрность* человѣка, т. е. его *искреннюю убѣжденность* и *стойкость въ убѣжденіи*.

Есть множество людей, вообще не способныхъ къ убѣжденію; имъ нѣтъ мѣста ни въ какой организаціи; они всегда побѣгутъ за силою или за выгодною, доказывая ея «правоту» и «общепользность». Такихъ людей нетрудно узнать: они ко всему теплопрохладны; для нихъ все «условно» и «относительно»; они ни въ чемъ не цѣльны и не окончательны; зло ихъ не возмущаетъ; добру они сочувствуютъ только тогда, когда оно побѣждаетъ; они отличаются странною «терпимостью», которую сами охотно выдаютъ за «справедливость» и «многосторонность»; они любятъ «примирять» противоположности и охотно «разговариваютъ» съ людьми враждебныхъ лагерей: убѣжденные люди раздражаютъ и обижаютъ ихъ своею убѣжденностью; ихъ умъ лишенъ воли; ихъ чувство безпринципно; они не вѣрятъ ни во что и спѣшатъ «застраховаться» — и у Бога, и у дьявола.

Въ частности: не вѣрь аффектированнымъ людямъ, которые склонны проявлять больше чувства, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ (лгутъ и себѣ, и другимъ); избѣгай гомосексуальныхъ: ихъ духовный фарватеръ можетъ всегда измѣниться неожиданно для нихъ самихъ; всегда провѣрай, склоненъ ли человѣкъ иронически отнестись къ своей собственной святинѣ; полезно бываетъ мягко, но неожиданно поставить человѣку въ лобъ роковой вопросъ, пристально глядя ему въ глаза; полезно бываетъ дать почувствовать, что ты ему не очень вѣришь, и спокойно, не обижая, но и не помогая, слѣдить, *какъ* онъ выкарабкивается; полезно бываетъ спросить,

«что ты сдѣлаешь, если въ порядкѣ организаціи тебѣ прикажутъ совершить полезную гнусность?»

Помни: фальшивый тонъ можетъ обезсилить всякія клятвы и увѣренія; человѣкъ виденъ не въ душевномъ равновѣсіи, а въ страсти и въ волненіи; слушай человѣка своею *совѣстью* и вѣрь больше всего тѣмъ *осадкамъ*, которые всплывутъ въ твоей душѣ *по окончаніи* разговора.

6. Старайся установить *волевою силу* человѣка. Воля не вспышка и не порывъ; воля не цѣпкій и инертный инстинктъ. Воля есть способность — *убѣжденно, стойко и долго ломиться въ одну сторону, борясь съ препятствіями* *). Волевою человѣкъ всегда склоненъ къ наступленію; онъ всегда какъ будто заряженъ и прицѣливается; онъ обычно смотритъ въ будущее; если онъ пессимистъ, то пессимизмъ его не робокъ и не растерянъ; если онъ оптимистъ, то оптимизмъ его скрываетъ за собою планъ дѣйствій; онъ скучаетъ съ безвольными людьми и слегка презираетъ ихъ.

Признаки безвольнаго человѣка: онъ не подчиняетъ себѣ обстоятельствъ, а приспособляется къ нимъ, принимая ихъ за «событія» и всегда готовясь изогнуться и шмыгнуть подъ нихъ; онъ всегда склоненъ отложить непріятное дѣло и не берется за него съ самаго начала; онъ боится ответственности и предпочитаетъ не брать ее на себя; онъ колеблется долго и безплодно; въ сомнѣніи и въ трудную минуту онъ ищетъ *авторитета*. Такіе люди нерѣдко чинятъ карандашъ не *отъ* себя, а *на* себя; не проталкиваютъ нитку въ иголку, а надѣваютъ иголку на нитку.

7. Старайся оцѣнить *умъ* человѣка и его *интуицію*.

Умъ есть начало *творческое*; поэтому у умнаго человѣка всегда *много своихъ мыслей*. Умъ есть способность къ *расплетанію* (анализъ!); поэтому умъ вноситъ во все ясность, точность и опредѣлительность. Умъ есть *сила сужденія* (синтезъ!); поэтому онъ всегда ищетъ и находитъ вѣрныя объясненія и жизненные комбинаціи.

Однако умъ не самодовлѣющъ; безъ *интуиціи* онъ пустъ, слѣпъ и заносчивъ: вредный выдумщикъ и логическій фразеръ. Именно опытомъ и интуиціею человѣкъ *беретъ* предметы и реальную жизнь, предвидитъ и спасаетъ. Полу-интеллигентъ не понимаетъ этого и именно потому онъ впадаетъ въ разсудочность и въ теоретическій догматизмъ; онъ вѣритъ въ полу-науку и не вѣруетъ въ Бога.

Также точно — умъ безъ совѣсти циниченъ; умъ безъ вѣры пошлъ и растлѣвающъ; умъ безъ чувства сухъ, мертвъ и свирѣпъ; умъ безъ воли безплоденъ и всеразлагающъ. Лишенный всего этого умъ оказывается *ограниченнымъ* и тупымъ, неспособнымъ по настоящему ни къ творчеству, ни къ расплетанію, ни къ сужденію.

*) См. мою статью «О политической работѣ» въ № 1 «Русскаго Колокола».

Признаки глупаго человѣка: онъ быстро удовлетворяется своимъ собственнымъ сужденіемъ; онъ не подозрѣваетъ предѣловъ своего ума и легко впадаетъ въ самодовольство; онъ переоцѣниваетъ свою интуицію и часто говоритъ общеизвѣстности; онъ не видитъ сложности и все упрощаетъ; ему все «очень просто», — онъ недалъновиденъ, легкомысленъ и лишенъ чувства познавательной отвѣтственности; онъ не изобрѣтателенъ и слѣпо довѣрчивъ; въ сомнѣніи и въ трудную минуту онъ растеривается и ищетъ трафарета. Глупые бываютъ часто хитры. Хитрость не умъ, а суррогатъ ума; она есть инстинктивная изворотливость; отсюда ея неблагородство, ея безпринципность и интриганство. Настоящій умъ не интригуетъ: онъ слишкомъ ясенъ и благороденъ для интриги и слишкомъ уважаетъ себя. Поэтому интриганъ лишенъ настоящаго ума; онъ мелокъ, низокъ и ограниченъ.

Замѣтъ: человѣкъ съ оригинальнымъ и сильнымъ умомъ всегда создаетъ «свои» слова и формулы; человѣкъ съ хорошей интуиціей всегда отличаетъ *главное* отъ *неглавнаго* и потому говоритъ по существу, съ вѣрными и осмысленными интонаціями; человѣкъ много хвастающій и всѣ разговоры сводящій къ себѣ, имѣетъ слабую способность сужденія; резонеръ всегда ограниченъ; настоящая интеллигентность опредѣляется не памятью, не учеными словами, не апломбомъ, не велерѣчіемъ и не изворотливостью въ спорѣ, но способностью къ самостоятельному, зоркому наблюденію и анализу событій.

8. Человѣческую душу нельзя ни опредѣлить, ни исчерпать; но именно поэтому настоящій организаторъ долженъ непрерывно наблюдать за ея проявленіями, вникать, думать и обобщать.

Въ частности, выбирая энергичныхъ и дѣйственныхъ людей полезно имѣть въ виду слѣдующее:

сентиментальные люди часто бываютъ злобны и обыкновенно безвольны;

люди, таящіе свои чувства въ глубинѣ (аффективные), обычно бываютъ молчаливѣе, устойчивѣе и выдержаннѣе тѣхъ, которые бурно проявляютъ свои чувства (эмоціональные);

зарядъ активности бываетъ обыкновенно сильнѣе въ тѣхъ, кто *не изживаетъ* своего темперамента въ страстныхъ похожденіяхъ;

люди, художественно одаренные (особенно къ поэзіи, къ музыкѣ и къ живописи) менѣе приспособлены къ рѣшительному и безоглядному дѣйствию;

люди, мнительно относящіеся къ своему здоровью, не суть люди дѣйствія;

люди забывчивые и неаккуратные — болѣе страстны, менѣе уравновѣшены и потому менѣе пригодны къ долгой волевой борьбѣ;

лжець *на словахъ* — обманеть и предасть и *на дѣль*;
къ власти призваны не честолюбивые, а властолюбивые, но
и изъ нихъ не всѣ;

проталкивающийся впередъ всегда подозрителенъ, но это
не значить, что держащійся въ заднихъ рядахъ тѣмъ
самымъ заслуживаетъ довѣрія;

люди, затаивающіе обиды и накапливающіе «подпольныя»
чувства, не заслуживаютъ довѣрія и всегда чреватые
сюрпризами;

большая обидчивость и мстительность очень часто скрыва-
ють за собою ограниченность и даже глупость;

всегда спрашивай о человѣкѣ: «отъ чего онъ приходитъ въ
состояніе волненія или аффекта?» — и въ этомъ на-
правленіи ищи его главную движущую страсть. Страст-
ный игрокъ и пьяница всегда подлежатъ отводу.

Не суди о человѣкѣ окончательно, пока не узнаешь и не
оцѣнишь характера его жены (или возлюбленной).

9. И еще одно: не вѣрь въ окончательность и безошибоч-
ность твоихъ сужденій о людяхъ; всегда утончай и углубляй
свои наблюденія; всегда провѣряй свои сужденія чужими; будь
всегда готовъ признать свою ошибку; не позволяй подкупать
себя похвалою, лестью, вкрадчивостью или женскимъ кокет-
ствомъ; блюди нужную мѣру недовѣрчивости, не позволяй
своей подозрительности стать чрезмѣрною и увести тебя въ ма-
нію преслѣдованія.

Старый Политикъ.

IV. О СИЛѢ ХАРАКТЕРА.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

Если древо не будетъ колеблемо, то оно крѣпкихъ корней
не пуститъ: въ затишѣ деревья слабокоренны.

Льсковъ.

Кто хочетъ создавать въ мірѣ, тотъ пусть начинаетъ съ себя
самого; пусть онъ въ себѣ выработаетъ тѣ чистыя силы, изъ
которыхъ потомъ смогутъ расцвѣсти новый міръ и новая эпоха.

Прельвицъ.

Характеръ есть совершенно оформленная воля.

Новалисъ.

Превысокое владѣтельство — собою владѣть.

Русская пословица.

Нѣтъ положенія, котораго нельзя было бы облагородить творчествомъ и терпѣніемъ.

Гёте.

Будь господиномъ своей воли и слугою своей совѣсти.

Эбнеръ-Эшенбахъ.

Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости, долженъ быть готовымъ остаться въ одиночествѣ.

Берсье.

Сохранить чистоту и пріобрѣсти зрѣлость — вотъ труднѣйшее и высшее жизненное искусство.

Флексъ.

Нѣтъ ничего такого въ моральномъ мірѣ, что не удалось бы тебѣ, если только ты вложишь въ дѣло вѣрную и сильную волю.

Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Послѣдній предѣлъ — естественность добродѣланія, когда законъ уже не лежитъ бременемъ.

Геофанъ Затворникъ.

Пусть человѣкъ дѣлаетъ свое дѣло; результатъ же составляетъ предметъ заботы Иного Дѣятеля.

Карлейль.

Слушай свое сердце и что въ немъ простонетъ, про то и говори; а съ сорной земли сигающихъ на тебя блохъ—отрясай.

Льсковъ.

Хорошій человѣкъ, если только онъ послѣдователенъ и рѣшителенъ, сильнѣе, чѣмъ сто дурныхъ людей.

Фихте.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. О рыцарскомъ духѣ. Редакторъ.	3
2. Къ родной молодежи. І. И. С. Шмелевъ.	8
3. О пріятіи міра. И. А. Ильинъ.	13
4. Причина русской революціи. Д. В. Ненюковъ.	22
5. Великіе строители Россіи. 4. Митрополитъ Алексѣй. И. И. Лаппо.	27
6. Причины неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. І. А. А. фонъ-Лампе.	37
7. Старческіе завѣты. II. Графъ Г. А. Шереметевъ	49
8. Пляска опустошенныхъ душъ. Е. М. Гаугъ.	54
<hr/>	
I. Безпризорныя дѣти. А. И. Бунге.	59
II. Русскій конь подъ властью совѣтовъ. Князь Н. Б. Щербатовъ.	63
III. Какъ распознавать людей. Старый Политикъ.	68
IV. О силѣ характера.	73

Отъ Комитета по сбору средствъ на перевезеніе тѣла генерала Врангеля въ Бѣлградъ и на увѣковѣченіе его памяти.

Безвременная кончина генерала Врангеля вызвала глубокий и скорбный отзвукъ въ русской средѣ.

На насъ ложится долгъ — запечатлѣть, его духовный образъ, во всей его цѣльности, наша обязанность по отношенію къ грядущимъ русскимъ поколѣніямъ — изобразить со всею полнотою дѣятельность генерала Врангеля, какъ одного изъ самыхъ яркихъ вдохновителей и руководителей освободительнаго національнаго движенія въ страдную пору русской исторіи.

Проникнутый этою мыслью, Комитетъ задался цѣлью собрать воедино данныя и матеріалы, освѣщающіе жизнь и дѣятельность генерала Врангеля. Матеріалы и данныя должны стать предметомъ бережнаго храненія; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ предполагено, по мѣрѣ возможности, опубликовывать отдѣльными, доступными широкой публикѣ, выпусками. Комитетъ, по соглашенію съ образованнымъ въ Бѣлградѣ Комитетомъ по увѣковѣченію памяти ген. Врангеля, обращается съ призывомъ помочь въ осуществленіи этого начинанія и проситъ лицъ и учрежденія, которыя располагаютъ соотвѣтствующими данными, (печатный матеріалъ, рукописи, записки, автографы, фотографіи, личныя воспоминанія и т. п.), предоставить ихъ въ распоряженіе Комитета.

Ближайшее завѣдываніе собираніемъ и опубликованіемъ матеріаловъ касающихся жизни и дѣятельности ген. Врангеля, передано члену Комитета генералу А. А. фонъ Лампе, которому и надлежитъ направлять матеріалы по адресу:

A. v. LAMPE, BERLIN W 15
Lietzenburger Strasse 43 IV, bei Waldau

Предсѣдатель Комитета: Ген.-Лейтен. Миллеръ

Парижъ, 2 іюня 1928 г.

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

**Издательство Акц. Общ. Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Художественный журналъ**

„ПЕРЕЗВОНЫ“

**На дняхъ выходить
богато иллюстрированный № 41 журнала, посвященный Казачеству.
Красочныя и одноцвѣтныя репродукціи со старинныхъ гравюръ.
Въ номерѣ: П. Н. КРАСНОВЪ, ИВ. ЛУКАШЪ, К. Д. БАЛЬМОНТЪ,
Н. Г. БЕРЕЖАНСКИЙ, Н. И. МИШЕЕВЪ, Н. ТУРОВАРОВЪ,
АРСЕНІЙ ФОРМАКОВЪ. Цѣна 25 ам. центовъ.**

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается безплатно. Въ виду отсутствія во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ вниманіе гг. читателей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября с. г. на нихъ цѣна повышается вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

**Органъ Правленія Краевого Союза
Двухмѣсячный журналъ**

Редакція обращается къ братьямъ, сестрамъ, и ко всѣмъ русскимъ патріотамъ съ горячей просьбой содѣйствовать журналу своими трудами, распространеніемъ его и посильной матеріальной помощью.

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

Текущій счетъ въ „Поштанской Штедионици“ № 53156. При сдачѣ денегъ на текущій счетъ надлежитъ указывать — на какую цѣль.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.
За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

Издание Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Березанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 латъ, въ
Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центовъ.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ

Парижъ, 10, Bld. Montparnasse (15-е)

Цѣна 3 фр. / Годовая плата 35 фр. / Третій годъ изданія.

Продажа въ русскихъ книжныхъ магазинахъ. Печатаются статьи
духовнаго содержанія, особенное вниманіе обращено на анти-
религіозную борьбу въ Совѣтской Россіи и на отношеніе къ вѣрѣ
русской молодежи.

Выписывайте бесплатно пробные номера.

Вышла изъ печати пятая книга

Б Ъ Л О Е Д Ъ Л О

Лѣтопись Бѣлой Борьбы

Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе.

Вся книга посвящена

ЗАПИСКАМЪ ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ.

(Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.). ♦ Часть первая.

Вторая и послѣдняя часть будетъ помѣщена въ книгѣ шестой, которая выйдетъ
изъ печати въ августъ 1928 года. Обѣ книги выходятъ въ значительно увеличен-
номъ объемѣ, снабженныя многочисленными схемами и фотографіями, почему стои-
мость по **два доллара двадцать пять центовъ** каждая.

Согласно волѣ генерала Врангеля, частямъ Русской Арміи, воинскимъ союзамъ
и чинамъ ихъ (по удостовѣренію правленій) на 5 и 6-ую книги дѣляется скидка
въ 40 процентовъ.

Книги I, II, III и IV по цѣнѣ 1 долларъ 75 центовъ. Выписывающимъ непо-
средственно изъ главнаго склада всѣ четыре первыхъ книги, установлена
скидка въ 25 процентовъ.

Всю корреспонденцію просятъ адресовать на имя редактора
„Бѣлаго Дѣла“, Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV
Главный складъ: „Grad Kitesch“, Berlin W62, Kleiststr. 21
Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43^{IV}.
A. BUNGE.

БЕРЛИНЪ W 15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43^{IV}
А. БУНГЕ.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Варшавѣ черезъ книжный магазинъ Д о б р о
Krakowskie przedmiescie 53;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

5-

<p>Цѣна книжки въ розничной продажѣ 36 ам. центовъ.</p>
--

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV

Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 7

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжело его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянные нравственные силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

К л ю ч е в с к і й.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 7

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

1 9 2 9

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
1. Россія зоветъ. Редакторъ	3
2. Къ родной молодежи. И. С. Шмелевъ	7
3. Музыка Метнера. И. А. Ильинъ	11
4. «Одинъ въ полѣ не воинъ». Б. В. Адамовичъ	23
5. Идея Папы въ католической церкви. Н. С. Арсеньевъ	29
6. Причины неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. А. А. фонъ-Лампе	38
<hr/>	
I. Желѣзныя дороги въ Россіи. А. И. Бунге	49
II. Квартирный вопросъ въ городахъ совѣтской Россіи. В. Ф. Гефдингъ	53
III. Эволюционируютъ ли коммунисты? Старый Политикъ.	61
IV. Пророческія слова Карлейля	63

РОССІЯ ЗОВЕТЪ.

Свиду распавшаяся, поработенная и униженная, а на самомъ дѣлѣ попрежнему великая и глубокая, священная и щедрая, — изъ прошлыхъ вѣковъ въ будущіе вѣка, — безглагольно, но властно зоветъ насъ къ новымъ усиліямъ и подвигамъ наша родина, Россія.

Намъ ли не услышать ея зова? Намъ ли усомниться въ ней?

Во всей міровой исторіи не было еще *такой* національно-государственной задачи, столь сложной, столь напряженной, столь громоздкой. Этотъ суровый климатъ; эта равнина, открытая со всѣхъ концовъ; эти навязывающіяся отовсюду территоріальныя глыбы; эти сотни чужихъ народовъ и дикихъ народцевъ; эта оторванность отъ моря и плаванія; это отсутствіе культурнаго наслѣдія (что далъ намъ древній Римъ? гдѣ наши средніе вѣка?); эти все сметающіе, трехсотлѣтніе погромы татаръ; эти безконечныя оборонительныя войны...¹⁾ — — и изъ этихъ безпримѣрныхъ трудностей, одолевая ихъ и подчасъ изнемогая отъ нихъ, выросла младшая изъ великихъ міровыхъ державъ, величайшая по своему земному объему и самобытнѣйшая по своей духовной культурѣ. Ни одно государство въ мірѣ не создало въ столь короткій срокъ — столь великой державы и столь замѣчательнаго духовнаго цвѣтенія. Но именно этимъ и объясняется наша судьба: съ одной стороны — *пробѣлы, упущенія и первобытность въ культурѣ нашихъ массъ* (гдѣ у нихъ религіозно отстоявшійся характеръ? гдѣ проработанность души долгомъ? гдѣ закрѣпленный и уравнившій инстинктъ собственности? гдѣ правосознаніе? гдѣ національное самочувствіе?); съ другой стороны — *завистливое и опасливое отношеніе къ намъ всѣхъ западно-европейскихъ державъ*. Нашъ ростъ, наша жизненная сила, наше распространеніе — тревожили ихъ и не давали имъ покоя. *Всѣ онѣ хотѣли нашей слабости*: однѣ для обезвреженія «соперника»; другія для обезсиленія его «не прогрессивнаго» духа; третьи для его торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго покоренія. Всѣ хотѣли разыграть насъ въ свою пользу и ослабить насъ; и всѣ онѣ вливали въ наши раны, пробѣлы и упущенія — всѣ скопившіеся въ нихъ самихъ яды: ядъ без-

¹⁾ «Русскій Колоколь», № 1, «Русская Территорія» и «Населеніе Россіи»; № 2, «Историческое бремя Россіи»; № 3, «Московскіе князья собиратели» и «Войны Россіи»; № 5, «Русская колонизація».

божнаго міровоззрѣнія; ядъ разсудочности и матеріализма; ядъ демократическаго республиканства; ядъ социализма и коммунизма. И закончилось все это безпримѣрной въ исторіи попыткой привить русскому человѣку въ часъ его переутомленности и недомоганія — сыворотку духовнаго бѣснованія, умонастроеніе западно-европейскаго босняка, хулигана, «апаша», «лumpенпролетарія»... Отъ этого вливанія и отъ этой прививки Россія дѣйствительно заболѣла коммунистическимъ буйствомъ; и ослабѣла. И нынѣ никто изъ нихъ не желаетъ нашего возрожденія и нашего расцвѣта — въ силу тѣхъ же самыхъ побужденій; и попрежнему онѣ боятся сильной Россіи и предпочитаютъ Россію слабую и урѣзанную, поработченную и распадающуюся.

Но развѣ ими, развѣ при ихъ помощи строилась и создавалась Россія? Не мы ли наоборотъ избавили ихъ отъ татарскаго нашествія и отъ наполеоновскаго завоеванія? Не отъ ихъ ли вторженій оборонялась Россія съ запада на протяженіи всей своей исторіи? На нихъ ли намъ нынѣ возлагать наши надежды?

На протяженіи всей своей исторіи Россія строилась *сама* — часто заимствуя, но никогда не завися; учась, но не покоряясь; не принимая шведской помощи даже тогда, когда поляки сидѣли въ Кремлѣ; черпая силы въ собственныхъ нѣдрахъ — въ глубинѣ своей *вѣры* и своего *инстинкта самосохраненія*. Такъ будетъ и нынѣ. Намъ не поможетъ никто. Избавленіе придетъ отъ насъ самихъ.

Избавленіе Россіи будетъ дѣломъ *русскихъ*; и того, чего мы сами не сдѣлаемъ (въ подъяремьи и въ зарубежьи), того не сдѣлаетъ за насъ *никто*. Въ этомъ мы должны быть твердо и окончательно увѣрены; и эта увѣренность должна наполнить наши сердца не чувствомъ унынія, безсилія и беспомощности, а чувствомъ *національной гордости* и *религіозно-государственной отвѣтственности*. Отъ этого бремени мы не можемъ отказаться. Окажемся мы достойными его, или нѣтъ, — оно все равно останется лежать на насъ.

Но для того, чтобы понести его и справиться съ нимъ, мы должны *оживить въ своей душѣ тотъ древній и неизсякаемый инстинктъ національнаго самосохраненія*, который велъ и строилъ Россію на протяженіи столѣтій и спасалъ ее въ самые страшные часы. Мы должны почувствовать себя *сынами* того самаго народа, который поднялъ *такое* бремя и создалъ *такую* державу и культуру въ столь короткое время; того народа, который на зарѣ своей жизни *перемололъ татарву* и который въ расцвѣтѣ своей жизни *безслѣдно перемелетъ коммунистовъ*. Мы должны почувствовать, что въ каждомъ изъ насъ реально живетъ неизсякаемая, безконечно крѣпкая сила русскаго инстинкта, русской чести и русской даровитости. Мы должны

вспомнить, чему насъ научила вся наша исторія: въ *страданіи* трезвѣть и молиться; *духовно богатѣть*, живя въ *крайней вѣншней скудости*; *побѣждать*, *отступая*; *братъ врага изводомъ и изморомъ*; *возрождаться изъ пепла и на костяхъ*; и *быстро доводить возрожденную жизнь до расцвѣта*. И эти основы мы должны закрѣпить непоколебимою *вѣрою въ величіе и силу русскаго духа*, явленнаго въ нашихъ *пророкахъ и геніяхъ*. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ мы должны увидѣть и убѣдиться по нашей исторіи, что «Россію самъ Господь блюдетъ»; и вмѣстѣ съ Достоевскимъ мы должны исповѣдать, что «Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ»; но спасетъ именно нашимъ духомъ, нашею вѣрою, нашими руками и, можетъ быть, нашею кровью. И, вѣря въ это и предвидя это, мы должны теперь же вмѣстѣ съ Суворовымъ сказать: «горжусь, что я — Русскій».

Правда, нынѣ Россія въ униженіи. Намъ ли не чувствовать всю остроту этого униженія — и въ нашей собственной выброшенности, бездомовности и безправности; и въ поруганіи Кремлевскихъ святынь; и въ соловецкомъ томленіи нашихъ братьевъ и героев; и въ порабощеніи русской науки; и въ извращеніи русской арміи и русскаго суда; и въ поруганіи русскаго семейнаго очага; и въ каждомъ русскомъ безпризорномъ ребенкѣ. Но Россія *была иною и будетъ иною*. И тотъ, кто хочетъ чувствовать себя русскимъ и вести борьбу за свою родину, тотъ долженъ *жить величіемъ прошлаго* и крѣпко *строить величіе будущаго*, преулавливая его черты и готовя къ нему себя и своихъ дѣтей. Въ насъ должно ожить, нами должно зажить бывшее величіе Россіи; не для того, чтобы нами овладѣла *манія самовозвеличенія*, но для того, чтобы пробудились въ каждомъ изъ насъ тѣ силы, которыя Россію создавали и создали.

Болѣе всего намъ необходимо нынѣ *чувство собственнаго національнаго достоинства*.

Суровыя испытанія, посланныя намъ, могутъ дѣйствительно казаться подчасъ безмѣрными и непосильными. Но русскому ли народу жаловаться на «непосильность» историческихъ испытаній? Въ этихъ испытаніяхъ *Россія первая изживаетъ и первая изживетъ міровую заразу*. Ею болѣютъ, ею развѣдаются *всѣ европейскіе народы*, каждый по своему; и каждый изъ нихъ будетъ переживать кризисъ болѣзни и начнетъ буйствовать въ свой срокъ. Но первая справится съ нею Россія. Коммунистическій опытъ будетъ имѣть огромныя послѣдствія: *всѣ поруганныя и отвергнутыя имъ начала — христіанской вѣры, патріотизма, національности, чести, вѣрности, семьи, частной собственности, монархіи — предстанутъ въ новомъ свѣтѣ, откроются въ новомъ блескѣ, оправданныя, обоснованныя и всенародно принятыя за совѣсть*, по свобод-

ному убѣжденію. Въ Россіи идетъ великій процессъ *отрицательнаго опыта* и *глубиннаго оздоровленія*. И сколько бы лѣтъ ни тянулся еще этотъ процессъ — его исходъ заранѣе предначертанъ и обезпеченъ: *Россія возстанетъ*; и не чужою помощію, не руками тѣхъ, кто ее донинѣ топить или расхищать, а собственною своею силою, молитвенно накопленною въ дремучихъ лѣсахъ.

Вѣрить въ это возрожденіе, неустанно готовить себя къ нему и неустанно работать надъ нимъ — *зоветь насъ Россія*. Она вѣдь не «гдѣ то тамъ»; она съ нами и въ насъ. Мы не только изъ нея произошли и отъ нея пошли; мы *изъ нея состоимъ* и *ее собою составляемъ*, а *она живетъ нами, въ видѣ насъ*, живущихъ для нея и ради нея. Но именно поэтому мы носимъ ее въ себѣ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище: *все ея прошлое и все ея будущее*. И жестокой опытъ настоящаго не можетъ лишить насъ этого сокровища.

Трудная и черная обстановка, въ которой мы нынѣ живемъ, какъ бы формулируетъ поставленную намъ духовную задачу: утвердить и осмыслить нашу *русскость*, нашъ *патріотизмъ*, нашу *самобытность*, нашу *вѣрность*—*въ тягчайшихъ условіяхъ жизни*. Пережить эпоху гоненій — и не только не поколебаться, но закалиться, утвердиться и окрѣпнуть. Принять и низину, и суму, и тюрьму — и соблюсти нашъ огонь и нашу любовь до конца. Увидѣть другія мѣста и другіе народы — и научить ихъ самою нашею національною гордостью *уважать* нашу родину, *читать Россію*, а не презирать ее, какъ «историческій навозъ», и не бояться ея, какъ чуждую и опасную силу. Пусть научатся чтить ее въ нашемъ лицѣ, пока не поймутъ, что *здоровая Россія необходима имъ самимъ для ихъ собственнаго устроенія и равновѣсія*; что только Россія, снѣдаемая изнутри коммунизмомъ — опасна міру, а исцѣленная — она будетъ попрежнему оплотомъ мірового равновѣсія.

Вотъ почему, разсѣянные и нищіе, мы должны чувствовать себя такъ, какъ чувствуетъ себя странникъ, котораго могутъ и не пріютить, котораго могутъ и не замѣтить, но который таитъ и несетъ въ своей одеждѣ безцѣнное сокровище, коему только не наступилъ еще часъ обнаружиться. Но знаетъ онъ, что этотъ часъ придетъ; и только и мыслить о томъ, какъ ускорить его наступленіе и какъ достойно приготовиться къ нему...

Это сокровище — наша Россія. Никто не замѣнитъ ей насъ; и зовъ ея — изъ прошлыхъ вѣковъ въ будущіе вѣка — звучитъ только для насъ.

Редакторъ.

КЪ РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ.

II.

Милые юные друзья!¹⁾

Кончая свое обученіе въ славянскомъ городкѣ, свой Крымскій Кадетскій Корпусъ, русскій Корпусъ, вы просите добраго напутствія... Что скаазть вамъ? Жизнь многому научила васъ, жизнь безъ родины, тоска и боль по родинѣ, все тяжкое, страшное, что выпало вамъ на долю, что вы перенесли и несете съ честью и мужествомъ. Вотъ, выходите вы на новыя дороги — въ высшія ли школы, или — въ практическую жизнь, въ работу... Первое скажу: готовьтесь быть *вѣрными гражданами-сынами Россіи, дѣятельными и честными, крѣпкими въ творчествѣ будущаго строительства*. Россія разорена, опозорена, ославлена, ослаблена, осквернена, растлѣна. Вы знаете, должны знать, что *тамъ*: и потому вы уже знаете, что ей нужно. Вы знаете наше прошлое. Вы знаете, на чемъ стоитъ и строится добрая, *человѣческая* жизнь. Знаете и другое: какъ убивается эта жизнь. Вы должны знать, что лишь силами *всего* народа, ведомаго достойнѣйшими и сильными, строится и благоденствуетъ, и хранить честь свою всякое христіанское государство. Такъ было и съ Россіей. И еще вы знаете, видѣли своими глазами и выстрадали сердцемъ: народъ, ведомый разрушителями, осквернителями божескихъ и человѣческихъ законовъ, падаетъ и духовно умираетъ, а добытое вѣками, чудесное, — обращается въ пыль и грязь.

Вамъ выпадаетъ на долю заново строить, возсоздавать и охранять Россію, истинную, *свою*, Великую Россію. Снова, какъ-будто, приходится *начинать русскую исторію*. Значить, прежде всего, надо быть сильными, надо быть государственными, *россійско-государственными, національными*, имѣть вѣрную цѣль, имѣть идеалы совершенства, хранить въ душѣ и въ умѣ тотъ Ликъ, ту свѣтлую Россію, какою хотите ее видѣть, какою носили ее въ сердцахъ лучшіе изъ ея сыновъ — гении ея, о которыхъ вамъ говорить священная наша лѣтопись. Ваша школа, конечно, вложила въ ваши юныя души, показала вамъ этотъ былой, чудесный, нынѣ столь искаженный Ликъ. Вы должны оживить его, возсоздать: раскрывать, обновлять, охранять. Вы — мужчины, вы — русскіе, съ великою кровью пред-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо воспитанниковъ выпускного класса Крымскаго Кадетскаго Корпуса (Югославія). См. «Русскій Колоколъ», кн. VI.

ковъ, великихъ предковъ, создавшихъ Великую Россію изъ пустыря, раскинутого на четверть міра. И вотъ, выпадаетъ вамъ — быть воинами - строителями, какъ встарь. Отъ всего сердца желаю вамъ крѣпости духа и тѣла, *выработки характера*, непреклоннаго, дѣятельнаго, увѣреннаго, настойчиваго, несокрушимаго. Прежняя русская интеллигенція — это мы знаемъ и по твореніямъ лучшихъ нашихъ писателей, и по исторіи общественности русской, и по разгрому Россіи, — была часто безвольна, мечтательна, жила миражами и полетами легкой мысли, смотрѣла часто *поверхъ* Россіи, знала Россію мало, искала вождей *въ чужомъ*, — и довела Россію, помогла довести Россію до провала, не сумѣла себя использовать для Россіи, при всѣхъ дарованіяхъ своихъ, при всѣхъ чудесно-благопріятныхъ средствахъ великаго народа. Выковывайте себя въ російскихъ гражданъ, въ *стальныхъ мужей*. Передъ глазами у васъ много примѣровъ достойнѣшихъ, много такихъ испытанныхъ, кого возьмете въ примѣръ, — Бѣлая Армія Россіи съ ея вождями, погибшіе доблестно герои, великіе духомъ мужи, какъ, на примѣръ, — мученикъ, великій гражданинъ Россіи — князь Павелъ Долгоруковъ! И еще, второе, важнѣйшее, помните: узнавайте и научайтесь любить душу народа нашего, узнавайте, ищите ее и въ его исторіи, и въ изображеніяхъ ея, — подлинной, русской души народной — въ твореніяхъ нашихъ писателей — великихъ! Узнавайте народъ, его достоинства и его слабости: съ нимъ вамъ придется работать, воссоздавать Россію.

Между русской общественностью и очень часто между русской Властью и народомъ — не было духовной связи, не было національной спайки, и потому героическое дѣло лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ сыновъ Россіи, въ минуту смертельной опасности, дѣло спасенія, дѣло героевъ, жертвовавшихъ собою безоглядно, не дало видимаго плода, не отвоевало Россіи отъ ложныхъ вождей, отъ исчадій ада. Обманутый, увлеченный посулами, сбитый съ толку народъ, не познавшій *общаго*, своего, національнаго, не помогъ истиннымъ сынамъ Россіи, лучшимъ изъ своихъ братьевъ, и понесъ — и не по своей винѣ! — страшнѣйшую изъ страшнѣйшихъ кару: вы знаете, въ какихъ тискахъ, въ какомъ разореніи и угнетеніи, въ какой грязи и въ какомъ безчестіи теперь нашъ народъ, ненавидящій самозванныхъ правителей — насильниковъ изъ невѣдомаго ему, таинственнаго Третьяго Интернаціонала! И потому, говорю вамъ отъ сердца, — учитесь быть близкими народу, учитесь съ народомъ быть и дѣлать, когда наступитъ пора; полюбите его — вы изъ него же вышли! — поймите его темноту, его тоску и стыдъ — да, онъ въ тоскѣ и стыдѣ, только не говоритъ объ этомъ! — не вмѣняйте ему страданій вашихъ, страданій за

Россію: онъ неповиненъ, русскій народъ, трудовой народъ, въ безчестіи Россіи. Онъ безотвѣтственъ. И еще помните: онъ — великая сила, онъ — страшная сила, которая *все* можетъ! Если коммунисты, большею частью чужіе ему по крови, посулами и ложью и разжиганіемъ ненависти такъ долго его водили и держали въ ярмѣ, и онъ волей-неволей помогалъ имъ, то *что* же будетъ, если вы, кровные его, будущіе его водители — а вы получите это право, вы, молодое поколѣніе, ибо явитесь передъ нимъ *своими*, образованными, культурными, братьями, — что же будетъ, если, понявъ свой народъ и сумѣвъ раскрыть въ немъ чувства познанія своей родины, *своей* Россіи, — а оно уже рвется изъ него тоскою и стыдомъ! — *что* будетъ, какой *взрывъ энергіи* *творящей*, *величайшихъ* *подспудныхъ* *духовныхъ* *силъ* *объявится* *въ* *народъ* *нашемъ*!

Вспомнимъ нашу исторію, тѣ черныя годы, когда получая и находя вождей достойныхъ, народъ нашъ *оплалъ* свою исторію, сбивалъ пришельцевъ - насильниковъ, заполнялъ и живилъ пространства, подымалъ испепеленную Россію изъ праха въ блескъ! Вамъ предстоитъ великая, чудеснѣйшая работа: поднять, сотворить Россію! Нашъ народъ — *великій* народъ! Это — въ его исторіи. Въ народѣ нашемъ силы несокрушимыя. Глядите: *жива* Россія! Народъ, безъ вождей, въ ярмѣ, — и онъ отстоялъ *свое*, инстинктомъ своимъ, духомъ своимъ отстоялъ самое главное, безъ чего онъ не смогъ бы жить: Бога! *Народъ отстоялъ Церковь*. Народъ отстаиваетъ и свое другое: *землю*! Живъ русскій крестьянинъ, какъ ни изводили его, какъ ни обижаютъ его, какъ ни губили голодомъ, какъ ни старались ввести въ ярмо и обратить въ скотину. Народъ-земледѣлецъ — на землѣ, со своимъ укладомъ, со своимъ бытомъ, со своимъ *правомъ*, неписаннымъ, со своимъ рускимъ духомъ, со своими святынями, со своими небесными Вождами, съ Сергіемъ и Николой, съ Царицею Небесной, съ Ильей-Пророкомъ, со *своей* совѣстью, со *своимъ* *покаяніемъ*, со *своей* *чистотой въ грязи*, со *своей* *вѣрой въ* Россію, въ безсмертную, вѣчную Россію, — *живъ*! Онъ, крестьянинъ, мужикъ, онъ одинъ — весь, какъ одинъ, — *сохранилъ* *внутренній*, скрытый отъ злыхъ, *нетлѣнный*, *священный* *Ликъ*, не зная даже о немъ, но *чуя* его, *нося* его *въ* *себѣ*! Глядите: *подспудно*, *жива* *Россія*! Развѣдающій коммунизмъ—его лишь оцарапалъ, великана. Народъ заживитъ царапины. Для него, ибо онъ *смотритъ въ* *вѣка* и время считаетъ по-своему, по *вѣчной* землѣ своей, для него *все* это — только царапины. Онъ *не знаетъ* *былого*, онъ слишкомъ богатъ внутри и потому намъ видимое, нами оплакиваемое, для него, считающаго на крупныя, — *это все страшное* — лишь царапины. По немъ равняться приходится, его психологію брать за мѣрку и не падать духомъ! Съ нимъ строить, съ нимъ вѣрить надо! Начинать,

не страшась, артелью, всенародно, съ Богомъ! И онъ — покажетъ себя, онъ горы сдвинетъ, онъ тотъ же, двухсотмилліонный будетъ, онъ *все* воздвигнетъ, и воскресить, и подарить, воротить Россіи геніевъ! Вы сами это увидите, вѣрю я. Вы увидите: *сброситъ ярмо народъ и быстро залечитъ язвы*. И вотъ, вамъ-то тогда придется стать первой культурной смѣной, бокъ-о-бокъ съ талантливѣйшими, съ сильнѣйшими изъ него, изъ цѣлаго народа, съ *достойнѣйшими* изъ его сыновъ, съ вашими братьями по крови, быть можетъ даже, съ *былыми грѣшниками*, — придется быть признанными его водителями. Народъ бросится къ тѣмъ, пойдетъ крѣпко за тѣми, которые покажутъ ему чудеснѣйшее — *познаніе своей, свѣтлой, живой Россіи, чуждый Ликъ Ея*. Съ тѣми пойдетъ онъ, кто возьметъ въ полонъ его душу, разбудить въ немъ народную его *гордость*, сознаніе своей, русской, *національной* *мощи*, кто великую потребность его утолить — оправдаться же, наконецъ. передъ цѣлымъ свѣтомъ, показать себя! Нашъ народъ гордъ, онъ *можетъ* быть свято гордымъ достойно гордымъ! Нашему народу *все* доступно, до самыхъ тончайшихъ чувствъ, лишь бы его *раскрыть*! Такимъ знаютъ народъ, чуютъ народъ, такимъ показали намъ величайшіе наши писатели. *Россія догонитъ міръ! Съ такимъ народомъ* — догонить и обгонить. И вамъ придется участвовать въ этомъ славномъ, въ этомъ чудесномъ *бѣгѣ* — на силу, на ловкость, на *правду*, на *геройство*, на высокое, русское, на гражданство, на *достойнѣйшее*, оправданное исторіей, мѣсто въ мірѣ, *великодержавное*!

Вы идете учиться дальше? Идите радостно и вольно, идите съ вѣрой: великое дѣло ждетъ васъ: Россію ставить, Россію вести, Россію охранять съ боемъ! А съ такимъ народомъ, какъ нашъ, — вы это знаете отъ боевыхъ отцовъ вашихъ, вы это знаете изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи, — *съ такимъ народомъ можно творить чудеса*. И *будутъ* чудеса. И вы будете участвовать въ чудесахъ этихъ. И будете сами творить чудеса эти — со всѣмъ народомъ, въ братствѣ-отцовствѣ съ нимъ. Вы своими познаніями, опытомъ страданій, чуткостью душевной, добытой муками, вы сумѣете отворить подпочвенныя силы и дать имъ ходъ. И будетъ прекрасная, сильная, крѣпкая, чистая, *бѣлая* Россія!

Разсѣянная по чужимъ народамъ, — смотрите! — наша нищая молодежь и сейчасъ творить чудеса! Тысячи кончили университеты, техникумы, военные школы, работаютъ руками и мозгомъ, выковываютъ волю, познаютъ всякіе народы и могутъ посравнить и сдѣлать выводы. Приобрѣтаютъ важные навыки. Новому поколѣнію нашему, вамъ, друзья мои, суждено быть *бывалымъ*, *необычайнымъ*, по міровому опыту, поколѣніемъ Россіи. Ни одинъ народъ, имѣющій государственность, не имѣ-

еть такого опыта, такой судьбы. Съ такимъ поколѣніемъ, которое живымъ выйдетъ изъ гноя и тлѣна коммунизма, которое прошло всѣ страны и народы и не погнулось, не потеряло *человѣческаго лика и русскаго духа*, которое крѣпко волей, которое — стальное, — — съ такимъ поколѣніемъ Россія явится именно, той «птицей-тройкой», которая умчится, и не въ неизвѣстное куда-то, а *по вѣрно проложенной дорогѣ*. И будутъ «въ священномъ трепетѣ» взирать на нее народы, — по слову провидца Гоголя. «Русь, куда мчишься?» *Знаетъ Она*, — куда. Будетъ знать. Къ — Солнцу! Къ Солнцу Правды, всечеловѣческой, ибо уже познаетъ она *свое*, отстоитъ, впитаетъ; — и не страшнымъ, а благодатнымъ для Нея станетъ — *всечеловѣческое!*

Привѣтствую васъ, юные, крѣпкіе, сироты безъ Родины, — сироты пока, до срока, до близкаго срока... — не склонившихся подъ напоромъ бѣдъ, а твердо идущихъ — *дальше!* Идите съ Богомъ, *Россія будетъ!* Вы для Нея живете для Нея страдали, и Ее вы получите въ награду и въ работу, возсоздадите, укрѣпите, — и сумѣете защитить, вы добрая, сильная, славная наша молодежь!

Ив. Шмелевъ.

21 мая (3 іюня) 1928 г.

Севръ.

МУЗЫКА МЕТНЕРА.

«Музыкальная мысль это мысль, высказанная умомъ, проникающимъ въ самую суть вещей, вскрывающимъ самую затаенную тайну ихъ, именно — мелодію, которая лежитъ сокрытая въ нихъ».

Карлейль.

Человѣкъ слушаетъ музыку не однимъ внѣшнимъ слухомъ, но гораздо болѣе слухомъ своей души и своего духа. Недостаточно «слышать» внѣшніе звуки; надо, чтобы они вошли въ душу, овладѣли ею, — чтобы душа ихъ заплѣла. Но и этого мало: надо, чтобы отъ этого плѣнія вострепетала духовная глубина человѣка, та, которая молится, прозрѣваетъ и творитъ; и, вострепетавъ, начала молиться, прозрѣвать и творчески внимать звукамъ. Тогда только музыка дѣйствительно осуществляется въ жизни, какъ *художественное и магическое событіе*; тогда человѣкъ можетъ сказать, что онъ *слушалъ* и *слышалъ* эту музыку.

И, Боже мой, сколько радости, умудрѣнія и цѣленія предстоитъ тому, кто *услышитъ* музыку Метнера, этого самобыт-

наго и глубочайшаго русскаго художника¹⁾. Какое богатство духовнаго содержанія откроется ему; какіе потоки пѣнія омоютъ его душу; какіе ритмическіе образы и событія захватятъ его; какими молитвами прозрѣнія и благодарности обогатится его духъ!..

Быть можетъ, все это откроется ему не сразу; особенно, если онъ привыкъ слушать музыку ради чувственнаго опьяненія звуками, или аналитически разлагать ее, не предаваясь ей, или еще — если сложное и богатое голосоведеніе не раскрывается ему сразу, а отъ концерта онъ ждетъ только празднаго отдыха и легкой забавы. Но, если онъ слушаетъ музыку *поющей* душой и ищущимъ *духомъ*; если онъ понимаетъ, что настоящее искусство не снижается и не льститъ, что оно вправѣ требовать извѣстныхъ усилій и углубленія; если онъ знаетъ, что Пушкина и Шекспира надо перечитывать по многу разъ, а Баха и Бетховена слушать безъ конца, для того, чтобы дѣйствительно началось цѣленіе и умудреніе, — то онъ можетъ быть увѣренъ, что величайшее довѣріе къ музыкѣ Метнера и неутомимое вслушиваніе въ нее обезпечить ему неоцѣнимую награду. Каждое слѣдующее слушаніе или самостоятельное проигрываніе дома (хотя бы при слабой technikѣ) дастъ ему новую красоту и глубину. Эта музыка подобна книгѣ, которую никогда не дочитаешь, и которую любишь тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще ее читаешь; — книгѣ, которая, радуя, учитъ; уча, облагораживаетъ душу; и облагораживаетъ душу именно тѣмъ, что говоритъ всегда о *самомъ главномъ* и говоритъ *необходимое и главное*.

Въ первый разъ музыку Метнера лучше всего слушать въ его собственномъ исполненіи. Оно до такой степени выразительно и одухотворено, и, въ то же время, властно и законченно, что овладѣваетъ душой даже при большой развлеченности и утомленности. Оно не «излагаетъ» и не «разсказываетъ», а скорѣе «показываетъ»; но показываетъ не картинно, а скульптурно или архитектурно, какъ живое пластическое событіе. Однако, скульптура и архитектура даютъ всего одинъ мигъ, неподвижно закрѣпленный навсегда; а музыка даетъ жизнь и дѣйствіе. И вотъ, — слушавшіе Метнера знаютъ это состояніе, — музыка его, исполняемая имъ самимъ, заставляетъ пережить присутствіе особой, *объективной и живой реальности*, ко-

¹⁾ Н. К. Метнеръ родился въ Москвѣ въ 1880 году. Окончилъ Московскую Консерваторію по классу В. И. Сафонова въ 1900 году. Первое сочиненіе его появилось въ 1902 году. Въ 1907—1908 г. и въ 1915—1921 г.г. былъ профессоромъ Московской Консерваторіи. Съ 1921 г. живетъ за границей, нынѣ подъ Парижемъ. Печатался у Юргенсона, Бѣляева и въ Россійскомъ Музыкальномъ Издательствѣ; нынѣ печатается у Циммермана (Лейпцигъ). Доселѣ напечатанъ 51opusъ. Кромѣ Россіи концертировалъ въ Польшѣ, Германіи, Франціи, Англіи и Америкѣ.

торая живетъ не въ немъ (хотя, конечно, — прежде всего въ немъ), но и не въ насъ (хотя, несомнѣнно — вотъ, и въ насъ)... Какъ будто выступаетъ и развертывается нѣчто третье, главное, наряду съ чѣмъ все остальное меркнетъ и забывается, — *нѣкая властно и законченно выговаривающая себя сила, диктующая вамъ въ душу свою волю, свой ритмъ, законъ и судьбу своего бытія*. Вы прикованы и потрясены; вы еще «спрашиваете» и уже покорились; эта сила уже проникла въ васъ и вытѣпляетъ изъ васъ новый способъ жизни; затаивъ дыханіе, вы начинаете ждать ея развитія и ея завершенія, какъ *своей* судьбы... Но вотъ финальное разрѣшеніе — и вы стоите передъ событіемъ, вторгшимся въ вашу жизнь, стрясшимся въ ней, передъ выжженнымъ въ вашей душѣ властнымъ и мудрымъ музыкальнымъ реченіемъ: «такъ есть», «такова необходимость», «такъ виждь, страдай и ликуй...» И можетъ быть, слушая въ первый разъ, вы невольно спросите себя: «что это было? развѣ это бываетъ? развѣ такъ... можно?» — съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же и разъ навсегда понять, что это-то и есть настоящее искусство: *духовная одержимость, нашедшая себѣ точный и прекрасный языкъ и художественное исполненіе*.

Слушая Метнера, вы поймете и повѣрите, что настоящее искусство владѣетъ *магическою* силою, властною и грозною, способною разверзнуть души и «отверзнуть зѣнницы» (Пушкинъ)²). Вы поймете, какъ велика *отвѣтственность* художника и какая сила *цѣломудренного трезвенія* необходима ему для того, чтобы говорить на языкѣ «озаренія и боговъ». Вы повѣрите разъ навсегда, что музыка есть не забава, а *служеніе* и *молитва*, въ которой «Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными» (Римл. VIII. 26). И тутъ, можетъ быть впервые, откроется вамъ все ничтожество и безсиліе современнаго («модернистическаго») искусства, сладострастнаго и безформеннаго, но крикливаго и притязательнаго³).

Да, музыка Метнера поетъ о *главномъ* и говорить о немъ *необходимое* и *священное*⁴). Она поетъ о самомъ страшномъ и послѣднемъ; но то, что она поетъ о немъ — *благодатно* и *полюбно*.

²) Срв. особенно исполненіе имъ Сонаты F-mol opus 5; Трагическихъ Отрывковъ A-mol и G-mol opus 7; двухъ Сказокъ C-mol opus 8; Сонаты C-dur opus 11; двухъ Сказокъ B-mol и H-mol opus 20; Сонаты E-mol opus 25; Сонаты-Баллады Fis-dur opus 27; Сказки Gis-mol opus 31; Концерта C-mol opus 33; Сказокъ C-dur и Cis-mol opus 35; Трагической Сонаты C-mol opus 39 и др.

³) См. статью «Кризисъ современнаго искусства» въ № 2 «Русскаго Колокола». О сущности и атмосферѣ модернизма въ музыкѣ въ русской литературѣ имѣется замѣчательная книга Вольфинга: «Модернизмъ и Музыка». Москва, 1912 г.

⁴) Это не значитъ, что сочиненія его «программны» въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. что авторъ пытается «помочь» немзыкальному слушателю, «подсказывая» ему зрительные образы или драма-

Пушкинъ, Гоголь, Тютчевъ и Достоевскій знали путь русской души и понимали ея заданіе. Ей, отъ природы отзывчивой и страстной, судьба искони дала испытать — и вседозволяющій просторъ, и лѣсную дебрь и чудь, и зимніе сны, и весеннее половодье, и хаосъ мятели, и безуміе вѣтра. Она испытала это все, она приняла все это въ себя; и стихіи мірового естества стали сродни ей. Въ ней самой вострепетала и раскрылась *бездна*; и *мятежъ* сталъ ея вѣчнымъ соблазномъ. Отсюда ея безпредѣльный размахъ, предначертывающий ей заданіе *запретельнаго взлета*: ибо *бездну цѣлитъ только Господь*.

Но не тѣмъ цѣлитъ Онъ ее, что «запрещаетъ» ей, какъ Христосъ иногда, жалѣя людей, запрещалъ бѣсамъ; и не тѣмъ, что подавляетъ или убиваетъ ее, какъ св. Георгій дракона: запретъ и подавленіе могутъ лишь временно облегчить муку, но не могутъ *исцѣлить язву міра*. Онъ цѣлитъ ее тѣмъ, что, таинственно нисходя въ нее («во Адъ»), — *вызываетъ въ ней самой исконную жажду осанны*.

Русской душѣ отъ природы дана эта разверстая бездна, эти зовы «древняго» и «родимаго» хаоса (Тютчевъ), эта «безглагольная рѣчь» стихій (Баратынскій). Слабымъ — соблазнъ и гибель; сильнымъ — заданіе и обѣтъ. И сильная русская душа всегда исходила отъ *самаго страшнаго* и искала *самаго высокаго* и *послѣдняго*, въ глубокой безсознательной увѣренности, что осанна *не* изъ бездны — *неокончательна, нецѣльна и неисцѣляюща*. Русскій творческій геній ищетъ не солнца *надъ* бездной, не рая *послѣ* ада и въ *противоположность* аду (Данте); изъ этого онъ исходитъ, съ этого онъ *начинаетъ*... Онъ ищетъ солнца *въ* безднѣ и *изъ* бездны; и — то обрѣтая его (Пушкинъ, Тютчевъ), то не обрѣтая его (Гоголь, Достоевскій, Лермонтовъ, Врубель), не успокаивается ни на чемъ иномъ...

тическіе сюжеты (напр., «буря на морѣ», или «Франческа и Паоло» и т. д.). Однако, въ извѣстномъ, *углубленномъ* и *уточенномъ* смыслѣ, *всякая* музыка, — отъ элементарной народной пѣсни до отвлеченной и «безпрограммной» симфоніи, — *имѣетъ программу*, т. е. нѣкое пропѣтое *душевно-духовное содержаніе, определенное*, при всей его словесной невыразимости, *законченное*, при всей его таинственности и безобразности, какъ бы *сказуемое духовное тѣло*. И никакія ссылки на «ирраціональность» и «отвлеченность» музыки (теорія Ханслика и другія) не могутъ ничего измѣнить въ этомъ, ибо содержаніе, недоступное для мысли, остается *содержаніемъ* и притомъ *определеннымъ* содержаніемъ (но «опредѣляется» оно не мыслью и не словомъ, а чувствомъ и духомъ); и самая «отвлеченная» музыка — отвлечена отъ мыслей и чувственныхъ образовъ, *а не отъ своего собственнаго, ея самую сказуемаго содержанія*. Музыка глубока, но *точна* и *опредѣлительна*; ея опредѣленія — не логическія и не словесныя, но они *зрѣлы* и *законченны*. Безсодержательная музыка — есть нелѣпость: все равно, что «узоръ безъ рисунка», что «скульптура безъ плоскости»; — футуристическій наборъ звуковъ вмѣсто стихотворенія; пляска св. Витта вмѣсто танца.

И какъ могъ бы онъ не принять духовный опытъ своего народа, какъ могъ бы онъ не поднять и не понести его бремя? Какъ могъ бы онъ успокоиться на наивной лучезарности греческаго Олимпа? На дѣтской святости Фра Беато Анжелико? На благоуханныхъ идилліяхъ Моцарта? На наивномъ благородствѣ Шиллера или на мудрой наивности Бетховена? Какъ могъ бы онъ успокоиться въ мірѣ, гдѣ предки задыхаются отъ черныхъ грѣховъ своего потомка и гдѣ въ адской пропасти «мертвецы грызутъ мертвеца»? .. (Гоголь). Но можетъ ли онъ восхотѣть *меньшей* лучезарности, *меньшей* святости, *меньшаго* благородства и *меньшей* мудрости: вѣдь онъ ищетъ *солнца изъ бездны, формы въ хаосъ, закона для вседозволенности, власти надъ дебрью, пророчества въ безуміи* ...

Русскій творческій геній ищетъ *цѣленія міру*. Его творчество есть молитва о дарованіи *благодати мраку*. Можетъ ли онъ отойти отъ этого заданія, если оно силою судебъ вросло въ его *національное* естество? .. Но можно ли вообще поднять это бремя? Посильно ли оно человѣку безъ Божьяго озаренія и окрыленія? И мудрено ли, что духовно слабые, пытаясь поднять это бремя, срываются въ бездну (Скрябинъ и весь русскій музыкальный и поэтический модернизмъ)? И не естественно ли, что подлинныя русскія достиженія учительны и водительны для *всего* человѣчества? ..

Въ этихъ великихъ и страшныхъ традиціяхъ русскаго духа и русскаго искусства живетъ и дышетъ музыка Метнера. И живетъ — *побѣждая*. И сама чувствуетъ свою силу и побѣдоносность; и радостнѣе всего поетъ о *благодати* ⁵⁾ и *побѣдѣ*.

Метнеръ — ясновидецъ дебри, хаоса и бездны ⁶⁾. Они открыты ему, а его душа доступна имъ. Но никакими соблазнами они его не заражаютъ: ни соблазну *идеализаціи*, ни соблазну *подмъны*, ни соблазну *смъшенія* не подвержена его

⁵⁾ Срв. «Ангель» Лермонтова, романсъ, opus 1, № 1; третью часть Сонаты F-mol opus 5 — Largo divoto; Сонатную Тріаду opus 11; «Одиночество» Гёте, романсъ, opus 18, № 3; «Я потрясенъ...» Фета, романсъ, opus 24, № 5; Соната-Баллада opus 27; «Муза» Пушкина, романсъ, opus 29, № 1; «Воспоминаніе», романсъ, opus 32, № 2; Сказка D-mol opus 34, № 4; Сказка C-dur opus 35, № 1; «Ангель» Пушкина, романсъ, opus 36, № 1 и др.

⁶⁾ Срв. opus 1, № 5, Andante; opus 2, № 3, Scherzo infernale; opus 5, вторая часть Сонаты Allegro, C-mol; opus 6, № 3, «Elfenliedchen» Гёте, романсъ; opus 15, № 7, «Meeresstille» Гёте, романсъ; opus 20, № 2, Сказка H-mol, Minaccioso; opus 22, Соната G-mol; opus 24, № 1 и № 4 «День и Ночь» и «Сумерки» Тютчева, романсы; opus 25, № 2, Соната E-mol (съ эпиграфомъ изъ Тютчева: «О чемъ ты воешь вѣтръ ночной...»); opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы» Пушкина, романсъ; opus 34, № 1, Сказка H-mol и № 3, Сказка A-mol, Allegretto tenebroso; opus 35, № 4, Сказка Cis-mol; opus 37, № 1, № 4, № 5, «Безсонница» Тютчева, романсъ; «Вальсъ» Фета, романсъ; «О чемъ ты воешь...» Тютчева, романсъ; opus 38, № 7, Danza Silvestra; и др.

душа. Энергія его духа выносить и вынесла все то, отъ чего уже погубло и еще погубнетъ столько слабыхъ душъ. Хаосъ не разложилъ его и бездна не поглотила его. Напротивъ, онъ *заклялъ ихъ и овладѣлъ ими*. И вотъ, дебрь покорилаь его ритму; и хаосъ запѣлъ дивныя, молитвенныя мелодіи; и бездна озарилась и гармонизовалась.

Я знаю, что этому трудно повѣрить; это надо испытать и пережить. Надо самому услышать душою и духомъ это *орфическое закліаніе темныхъ силъ и ихъ преображеніе*: эти первозданныя гармоніи неподвижной морской бездны⁷⁾; этотъ таинецъ воздушной нѣжити, легкомысленно проснувшейся и томящейся въ глубокомыслии мірового сна⁸⁾; эти вои, вздохи и стоны вѣтра, молитвенно пропѣтые въ сонатной формѣ⁹⁾; этотъ «темный языкъ» «зовущей и пророчащей» ночи¹⁰⁾; эти неописуемые, миѳическіе ритмы, въ которыхъ сказочная нечисть пытается излить свою душу, пытается любить, плясать и участвовать въ солнечномъ праздникѣ Орфея¹¹⁾; эти взрывы мрачнаго ропота, почти кощунства, преображающагося въ серафическіе хоралы¹²⁾; это магическое и благодатное сліяніе съ безпредѣльностью сумеречнаго міра¹³⁾; это тютчевское откровеніе о «пылающей безднѣ» и «звѣздной славѣ»...¹⁴⁾ Здѣсь ночныя стихіи міра и души находятъ свой музыкальный языкъ: онѣ *поютъ*, онѣ слагаютъ *гармоніи*, онѣ несомы могучими и законченными *ритмами*. Музыкальное просвѣтлѣніе хаоса дается и осуществляется — *имъ самимъ*. Бездна раскрывается со всѣми ея «страхами и мглами» и сама поетъ — свои вихри, угрозы и томленія¹⁵⁾. Это потрясающе — слышать хоралы стихій, гармонію безднъ и ритмы хаоса; потрясающе и благодатно: ибо нѣтъ строя и закона болѣе строгаго, чѣмъ музыкальный, а *музыка есть даръ Божій, есть живой голосъ осанны, данный человеку свыше*. И внять *осанну хаоса* — есть для человека высшая радость и глубочайшее утѣшеніе...

Музыка Метнера какъ бы говорить, утверждая и удостовѣряя: «слушайте! *и самая бездна* томится по благодати — по солнцу, по закону, по гармоніи! *и самой безднѣ* — благодать дана таинственно и творчески!...» Стонетъ и томится тварь; томятся и стонутъ «преисподняя земли»... Но кто вѣрно,

7) Opus 15, № 7, «Meeresstille», Гёте, романсъ.

8) Opus 6, № 3, «Elfenliedchen», Гёте, романсъ.

9) Opus 25, № 2, Соната E-mol.

10) Opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», Пушкина, романсъ.

11) Срв., напр., Сказки: opus 34, № 1, H-mol и № 3, A-mol; opus 38, № 7, Danza silvestra.

12) Соната opus 5, Allegro и Largo divoto.

13) Opus 24, № 4, «Сумерки» Тютчева, романсъ.

14) Opus 45, № 3, «Какъ океанъ объемлетъ...» Тютчева, романсъ.

15) Opus 24, № 1, «День и ночь» Тютчева, романсъ.

предметно вслушивается въ этотъ стонъ и въ это томленіе, тотъ услышитъ въ нихъ первозданное пѣніе, гармонію и ритмъ...

Именно — *первозданное*. Музыка Метнера изумляетъ и радуетъ не только богатствомъ своихъ мелодій, ихъ разливомъ, ихъ долгимъ, какъ бы неисчерпывающимся дыханіемъ¹⁶⁾; но и ихъ неизъяснимою *первоначальностью*. Здѣсь возможны даже прямая иллюзіи и ошибки: такъ, иногда можетъ казаться, что вы слышали эту мелодію... Но гдѣ? когда? отъ кого?... Въ дѣтствѣ?... Во снѣ?... Въ бреду?... Вы напрасно будете ломать себѣ голову и напрягать свою память! Вы ея *не* слышали, *нигдѣ* и *никогда*: въ человѣческихъ ушахъ она появилась впервые... Но вы, какъ будто, «долго ждали» ее; и «ждали» вы ее потому, что вы «знали» ее *не въ звукъ, а въ духъ*. Ибо *духовное содержаніе* этой мелодіи — общечеловѣчно, исконно, первозданно; и безъ конца томилось о томъ, чтобы въ пѣніи разрѣшить свою связанность. И вотъ, — оно разрѣшилось въ широкую, поддонную, изъ *древней глубины* льющуюся и бесконечно простую мелодію... Какъ будто запѣло въ насъ *вѣковое* томленіе нашихъ предковъ... Или, какъ будто *предвѣчные* напѣвы и хоралы, слышанные нами до рожденія и сохранившіеся въ насъ въ видѣ «чудныхъ желаній»¹⁷⁾, нашлись и наконецъ пропѣлись въявь¹⁸⁾. И пропѣлись въ величайшей простотѣ и цѣломудріи...¹⁹⁾

Да, эта музыка *цѣломудренна*: она не дразнить, не зазываетъ на сладость, не гонится за эффектомъ; она ничему не потакаетъ; она абсолютно не демагогична. Напротивъ, она въ лучшемъ и духовномъ смыслѣ глубоко *аристократична*. Она

¹⁶⁾ Творческую силу мелодіи правильнѣе всего измѣрять льющеюся долгою ея дыханіемъ, и ея способностью къ самораскрытію и видоизмѣненію. Таково мелодическое богатство Баха и Бетховена; таково многое у Шопена (см. хотя бы его Фантазію) и у Рахманинова (напр., *Moment musical* opus 16, № 3, H-mol; первыя темы второго и третьяго Концертовъ и др.). Срв. у Метнера: opus 1, № 1; вторая тема сонаты opus 5; Сказка B-mol, opus 20, № 1; Сонату G-mol opus 22; opus 24, № 4 и № 6; Сонату opus 25, № 1, C-mol, темы первой и особенно второй части; Сказку opus 26, № 3, F-mol, *Narrante*; Сонату-Балладу opus 27, F-is-dur; Импровизацію opus 31, № 1, B-mol; Первый Концертъ opus 33; C-mol; Сказку opus 34, № 2, E-mol; Романсъ «Ночь» Пушкина, opus 36, № 5; *Sonata reminiscenza*, opus 38, № 1: и другое.

¹⁷⁾ «Ангель» Лермонтова, романсъ, opus 1, № 1.

¹⁸⁾ Срв., напр., «На озерѣ» Гёте, романсъ, opus 3, № 3; opus 8, № 2, Сказка C-mol, вторая тема; opus 9, № 2 и № 3, Сказки C-dur и G-dur; Соната D-mol, opus 11, № 2; «Einsamkeit» Гёте, романсъ, opus 18, № 3; основную тему «Сумерекъ» Тютчева, opus 24, № 4; основную тему «Только встрѣчу улыбку твою...» Фета, opus 24, № 6; opus 25, № 1, Соната C-mol, тема второй части; opus 30, Соната A-mol, вторая тема; Сказка C-dur, opus 35, № 1; opus 36, № 3, «Лишь розы увядаютъ...» Пушкина, тема романса; и другое.

¹⁹⁾ Срв., напр., особенно: вторую тему Сонаты C-dur, opus 11; или вторую тему Сонаты G-mol, opus 22; или Сказку G-dur, opus 9, № 3, *Allegretto vivo, odoroso*.

всегда сдержана строгой, внутренней необходимостью; мало того, она часто дышетъ прямою *отрѣшенностью*: какъ бы молитва міра, идущая къ Богу *мимо* человѣка и мимо поднимаемой имъ душевно-личной и общественной пыли...

Музыка Метнера сочетаетъ въ себѣ *подлинную стихійность* (хочется сказать — *неистовость*) съ кованой, *завершонной необходимостью*.

Но и этому не слѣдуетъ вѣрить на слово; въ этомъ надо удостовѣриться самому. И духовно-музыкальный анализъ темъ, тональностей, гармоніи, ритмовъ и контрапунктовъ — вплоть до этихъ *паузъ*, насыщенныхъ зарядами задыхающагося отчаянія или требованія²⁰⁾, вплоть до малѣйшихъ форшлаговъ или съ виду «случайнаго» бекара, таинственно превращающаго миноръ покаянія и отчаянія въ мажоръ прощенія и утѣшенія²¹⁾ — обнаружить и подтвердить глубокомысленную художественность его музыкальной ткани. Въ ней *все* необходимо. Да и можетъ ли быть иначе, если беззаконная бездна *дана*, а ея благодатное преображеніе *задано*?

Однако, это преображеніе отнюдь не формально — ни въ смыслѣ духовномъ, ни въ смыслѣ чисто музыкальномъ. Музыкальная форма модернизма, какъ извѣстно, не выдержала безбожнаго заигрыванія съ хаосомъ и сладострастнаго кокетства съ инстинктомъ: она треснула и разложилась. Но музыкальная форма Метнера выдержала напоръ стихій; и сумасшедшіе смерчи и мятежи безсознательнаго не только не разложили ея, но творчески *покорились ей*. Это объясняется (помимо его исключительнаго духовно-музыкальнаго дарованія) тѣмъ, что музыка его, по истокамъ своимъ, *цѣломудренна* (даже въ самой страсти) и до конца *религіозна* (даже въ самомъ мятежѣ): она молится — и вопрошая, и сомнѣваясь, и бунтуя, и отчаиваясь. И самое отчаяніе ея скрываетъ за собою столь огненное чаяніе, что только *пустыя* небеса не отвѣтили бы на него дарованіемъ утѣшенія; подобно тому, какъ сомнѣнія блаженнаго Августина и Декарта самою огненностью своею были уже *дѣйствіемъ религіозной вѣры и философскаго вѣдѣнія*...

Побѣдность музыки Метнера отнюдь не сводится къ ея «формально-музыкальной» выдержанности и законченности

²⁰⁾ Срв., напр., въ Сонатѣ opus 5, часть вторую и третью; или въ романсѣ «Мечтателю» Пушкина, opus 32, № 6 — паузы передъ «Постигло страшное безуміе любви» и передъ «Но мрачная любовь».

²¹⁾ Срв., напр., финалъ романса «Воспоминаніе» Пушкина, opus 32, № 2: аккомпаниментъ, заключительно контрапунктируя основную тему покаянія, снизу вверхъ, изъ октавы въ октаву, даетъ сначала *la beka* и модулируетъ тѣмъ въ мажоръ, а затѣмъ восстанавливаетъ *la bemol* и возвращается къ рыдающему минору; — оплаканныя строки жизни прощены и смыты въ таинственной глубинѣ (объективно!) именно потому, что для кающейся души (субъективно!) онѣ еще не смыты (въ этомъ и состоитъ сущность покаяннаго очищенія)...

(классическая сонатная форма, прозрачное голосоведение, пренебрежение гармоническою разнузданностью и т. д.). Правда, хаосъ побѣжденъ уже однимъ тѣмъ, что *принялъ* во всей своей неистовости законъ прекраснаго благозвучія. Но побѣда эта есть, прежде всего и по существу своему, побѣда *духовно-содержательная и мелодическая*.

Метнеръ написалъ доселѣ четырнадцать сонатъ ²²⁾. Каждая изъ нихъ, развертываясь, какъ всегда, въ двухъ основныхъ (противостоящихъ и, въ то же время, сопринадлежащихъ) темахъ, являетъ живую *драму* (иногда — трагедію) *борьбы за свѣтлый исходъ*, за цѣльную и радостную осанну. Обычно вся соната, со всѣми ея частями, излагаетъ *единую* драму и бываетъ несомнѣнно *единымъ* духомъ. Страдая и утверждаясь, то внемля второй темѣ и поддаваясь ей, то не внемля ей и преломляя ея ходъ, основная тема, содержащая обычно духовную проблему всей сонаты, ищетъ себѣ то видоизмѣненіе (мелодическое, ритмическое, модуляціонное, гармоническое), которое должно дать ей *самоутвержденіе, радость и расцвѣтъ*. Она совершаетъ свое восхожденіе въ борьбѣ и усиліяхъ; она идетъ къ *апогею* — или черезъ духовную ассимиляцію со второй темой или же черезъ посредство третьей, содержащей иногда основное откровеніе ²³⁾. Видоизмѣняемость этихъ восходящихъ темъ совершенно исключительна; и ясно, что именно эта способность ихъ къ контрапунктическому, модуляціонному и ритмическому обновленію обезпечиваетъ имъ преображеніе и торжество.

Метнеръ — пѣвецъ *духовной победы и преображенія*; и вся такъ называемая «музыкальная форма» есть въ его рукахъ лишь *путь* естественнаго движенія темы къ ея апогею, лишь *средство* для духовнаго преображенія этой проблематической (мятущейся и страдающей) темы. Мастеръ мажора (и въ частности до мажора ²⁴⁾), этой завершенной и царственно утверждающей тональности, столь отвѣтственной и иногда

²²⁾ Opus 5, Соната F-mol; opus 11, № 1, Соната As-dur; opus 11, № 2, Соната D-mol; opus 11, № 3, Соната C-dur; opus 21, Соната H-mol, для скрипки и рояля; opus 22, Соната G-mol; opus 25, № 1, Соната-Сказка C-mol; opus 25, № 2, Соната E-mol; opus 27, Соната-Баллада Fis-dur; opus 30, Соната A-mol; opus 38, № 1, Соната Воспоминаній A-mol; opus 39, № 5, Трагическая соната C-mol; opus 41, Соната-Вокализъ C-dur; opus 44, вторая Соната для скрипки и рояля G-dur. Считая еще два концерта въ сонатной формѣ и сказку C-mol, opus 8, № 2 — семнадцать.

²³⁾ Срв., напр., въ Сонатѣ-Балладѣ opus 27, Fis-dur; срв. также Сонату opus 11, № 3, C-dur.

²⁴⁾ Срв., на примѣръ, дивный по красотѣ и простотѣ домажорный финалъ трагической Сказки, opus 9, № 2, Allegro alla serenata; срв. также особенно міропріемлющую Сонату C-dur, opus 11, № 3; Эпитафію opus 13, № 2; «Заклинаніе» Пушкина, романсъ, opus 29, № 7; также особенно Сказку opus 35, № 1, C-dur, Andante maestoso; «Аріонъ» Пушкина, романсъ, opus 36, № 6; и другое.

страшной) — Метнеръ знаетъ всѣ пути борьбы и страданія, ведущіе къ этому ладу; ибо, поистинѣ, мажоръ, невыстраданный въ минорѣ, есть лишь пустая тѣнь мажора. Метнеръ *пріемлетъ міръ*; пріемлетъ его со всѣми его стихіями, мглами и страхами, какъ даруемый Творцомъ. Его мажоръ рождается изъ глубины минора; но именно поэтому онъ подчасъ такъ до конца потрясаетъ и освобождаетъ душу слушателя²⁵). Ибо радость вообще измѣряется мѣрою предшествующаго страданія и полнота ликованія добывается именно преодоленіемъ отчаянія.

Вотъ откуда у Метнера эти торжествующіе, побѣдные, ликующіе финалы: эти *колокольные трезвоны*²⁶), эти радостныя, *самозабвенныя пляски*. Такъ празднуетъ только прощенная и до дна преображенная стихія; и слушая ее, чувствуешь и вѣришь, что осуществились величайшія обѣтованія; что ликуетъ, какъ бы, вся тварь, освободившаяся «отъ рабства тлѣнію» (Римл. VIII. 21); слышишь, какъ славословить тотъ самый голосъ мрака, который тайлъ въ себѣ мятежъ и бурю... И, слыша это, самъ произносишь, съ самаго дна своей души, — хвалу и благодареніе...

Но, вотъ, преодоленный и преображенный мракъ отпадаетъ и исчезетъ. Начинается *чистая радость солнцу* и неописуемая въ словахъ *прозрѣнія въ потустороннее*.

Нескончаемыя гирлянды плясокъ, одна одухотвореннѣе, одна упоительнѣе другой; такъ, какъ если бы пали или раскрылись нѣкія, отъ вѣка проклятыя и заваленныя ворота, и изъ нихъ, на солнце, къ голубому небу, къ цвѣтамъ и облакамъ — хлынули хороводы прощенныхъ и вдохновенно празднующихъ душъ. Танецъ «граціозный», танецъ «празднующій», «симфоническій», «цвѣточный», «ликующій», «благодарный», «диэирамбическій»²⁷)... О, если бы ихъ услышалъ Фра Беато Анжелико, умѣвшій лишь чинно «выступать» со своими праведниками въ райскихъ селеніяхъ!... Если бы ихъ услышали грустныя граціи Боттичелли²⁸), или дѣвственныя жрицы

²⁵) Срв., напр., мажорный финалъ въ катастрофическомъ стихотвореніи Тютчева «Безсонница», opus 37, № 1, Es-mol.

²⁶) Срв., напр., финалъ Сонаты opus 5, F-mol; финалъ Сонаты opus 11, № 3, C-dur; финалъ Сонаты opus 27, Fis-dur; финалъ «Музы» Пушкина, opus 29, № 1; и другое.

²⁷) Срв. opus 38, № 2, Danza graziosa, A-dur.; № 3 Danza festiva, D-dur; opus 40, № 1, Danza col canto D-mol; № 2, Danza sinfonica G-mol; № 3, Danza fiorata D-dur; № 4, Danza giubilosa G-dur; № 5, Danza ondulata E-mol; № 6, Danza dytirambica D-dur; и др.

²⁸) Я имѣю въ виду лѣвую группу танцующихъ дѣвъ въ картинѣ Primavera (Флоренція, Uffizi № 8360 по каталогу 1922 года). За то представленіе о танцахъ Метнера можетъ дать хороводъ ангеловъ въ верхней части картины Боттичелли, именуемой «Madonna col bambino, quattro Angeli e i Santi Barnaba, Michele, Battista, Agostino, Caterina e Ignazio» (Флоренція, Uffizi № 8361 по каталогу 1922 года).

Греціи!... Если бы они слышали эти *радостно и невинно танцуемые молитвы*...

Но если настоящая радость родится изъ преодолѣннаго страданія, то истинное *прозрѣніе* дается именно черезъ легкое и радостное *одухотвореніе*. Глубокія и тонкія стихотворенія Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Фета, Гете и Эйхендорфа раскрываются въ «романсахъ» Метнера именно, какъ *прозрѣнія*. Какъ будто рѣдѣетъ густая завѣса, отдѣляющая здѣшній міръ отъ нездѣшняго: и въ воспоминаніи о дожитой пѣснѣ ангела ²⁹⁾; и въ растворенномъ сліяніи съ тихой и благоуханной безпредѣльностью ³⁰⁾; и въ воспріятіи «неизрѣченныхъ глаголовъ» откровенія ³¹⁾; и въ экстазѣ любви, одолюющей грань загробнаго міра ³²⁾; и въ очевидности безсмертія души ³³⁾; и въ предчувствіи «нетлѣнной славы и красоты» иной жизни ³⁴⁾... Невыразимое въ словахъ, неопредѣлимое мыслью, неуловимое даже для воображенія — начинается испытываться, какъ подлинное, реальное, какъ данное въ живомъ и осязательномъ откровеніи. То, передъ чѣмъ безсиленъ языкъ, — передается, на примѣръ, непрерывной лѣстницей модуляцій: уходъ мелодіи въ другую тональность, иногда въ постепенномъ хроматическомъ повышеніи, даетъ реальное ощущеніе того, что привычный планъ бытія истаиваетъ, какъ туманъ, и что душа вступаетъ въ новые, высшіе планы, гдѣ «чистый пламень пожираетъ несовершенство бытія» ³⁵⁾ и гдѣ во истину цвѣтетъ несказанное ³⁶⁾... О, если бы каждому изъ насъ суждена была такая смерть!...

Но пусть каждый самъ слушаетъ эту музыку. Выразить ея содержанію словами — нельзя.

И вотъ, у того, кто услышитъ музыку Метнера и увидитъ раскрытыя въ ней духовныя обстоянія, — постепенно сложится увѣренность, что за этой музыкой живетъ особое *пониманіе искусства*, особый *способъ творить* и особое *метафизическое воспріятіе міра*. Это не «философія» въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. не теоретическое «ученіе», не «система», ни, тѣмъ болѣе, отвлеченная выдумка. Но это, несомнѣнно, тотъ подлинный и предметный *духовный опытъ*, который необходимъ

²⁹⁾ «Ангелъ» Лермонтова, романсъ, opus 1, № 1.

³⁰⁾ «Сумерки» Тютчева, opus 24, № 4.

³¹⁾ «Я потрясенъ...» Фета, романсъ, opus 24, № 5; срв. «Муза» Пушкина, романсъ, opus 29, № 1.

³²⁾ «Заклинаніе» Пушкина, романсъ, opus 29, № 7.

³³⁾ «Цвѣтокъ» Пушкина и «Лишь розы увядаютъ...» его же, романсы, opus 36, № 2 и 3.

³⁴⁾ Элегія Пушкина («Люблю вашъ сумракъ - неизвѣстный...»), романсъ, opus 45, № 1.

³⁵⁾ Элегія Пушкина, opus 45, № 1.

³⁶⁾ «Лишь розы увядаютъ...» Пушкина, opus 36, № 3.

философу для его философіи и внѣ котораго онъ становится отвлеченнымъ выдумщикомъ. Этотъ опытъ необходимъ не только философу: *поэтъ* изливаетъ его въ образахъ и словахъ, *художникъ* въ чувственныхъ образахъ и краскахъ, *герой* въ волевыхъ дѣяніяхъ, *отшельникъ* въ молитвахъ и созерцаніяхъ. *Музыканту этотъ опытъ звучитъ и поетъ*; и эти звуки и пѣсни композиторъ записываетъ, какъ пѣсни и звуки самого открывшагося ему и испытаннаго имъ Предмета. Настоящее искусство, какъ и настоящая философія, — не выдумываются и не зависятъ отъ произвола и усмотрѣнія автора. Они рождаются въ духовномъ воспріятіи и переживаніи Предмета, — отрѣшенномъ, самозабвенномъ, требующемъ *всей души* и нерѣдко выпивающемъ ея силы до конца. *Духъ человека имѣетъ свое музыкальное воспріятіе, свой таинственный духовный слухъ, коимъ онъ слышитъ и вѣяніе Творца, и вздохи его міра.* Задача его въ томъ, чтобы *вѣрно нѣтъ изъ глубины этого воспріятія.* И, если онъ это осуществляетъ, — онъ самъ становится тою «семиствольною цѣвницею», тѣмъ дивнымъ «тростникомъ» (Пушкинъ), который «оживляется» «божественнымъ дыханіемъ» міровой музыки...

Сто лѣтъ тому назадъ Шопенгауэръ уловилъ и описалъ эти объективные источники музыки. Въ срединѣ XIX вѣка графъ А. К. Толстой утверждалъ тѣ же истоки въ поэзіи³⁷⁾. И врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что творческій опытъ, подобный этому, вынашиваетъ и слагаетъ музыку Метнера. Вотъ откуда у слушателя это ощущеніе «объективнаго присутствія» въ его музыкѣ: она даетъ самое реальное и насыщаетъ Предметомъ все наличное поле художественнаго воспріятія.

За тѣ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ я слушаю и изучаю музыку Метнера, мнѣ не разъ приходилось слышать и читать, какъ разсудочники и теоретическіе разлагатели музыки изумлялись зрѣлой *формѣ* его произведеній: слушая внѣшнимъ ухомъ и анализирующею мыслью, они останавливались передъ «стройностью» и музыкальной «закономѣрностью» его сочиненій, не понимая, что художественно совершенная «форма» можетъ быть осуществлена только цѣльнымъ, живымъ и *творчески могучимъ содержаніемъ.* Ибо въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ — никакой отдѣльной и самостоятельной музыкальной «формы» *нѣтъ*, а есть лишь *тема* и органически-естественное развитіе того *духовнаго заряда*, который въ ней живетъ. Такъ обстоитъ въ *музыкѣ*; но такъ же обстоитъ и въ *поэзіи*, и во *всякомъ искусствѣ.* Надо, чтобы было *что* сказать; и чтобы это «что» — было *отъ Бога.* И не потому ли на свѣтѣ такъ много выдумывающихъ и завистливыхъ «Сальери»

³⁷⁾ Срв. его стихотвореніе «Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель...»; въ письмахъ его къ женѣ эта идея развита прозаически.

и такъ не много вдохновенно творящихъ «Моцартовъ», что большинству авторовъ *духовно нечего сказать?*

За творчествомъ Метнера живетъ и дышетъ не только душа большого русскаго національнаго художника; за нимъ живетъ еще особый способъ музыкальнаго и художественнаго созерцанія и творчества, который можетъ и долженъ создать школу. И эта школа, это теченіе будутъ, поистинѣ, призваны къ тому, чтобы очистить и оздоровить атмосферу музыкальнаго модернизма.

И. А. Ильинъ.

1928. X. 4—16.

Menaggio.

„ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ НЕ ВОИНЪ“.

(Пословица).

«Одинъ въ полѣ и тотъ — воинъ».

Девизъ Виленскаго Военнаго Училища.

I.

Мысль давно уже не новая, но все еще звучащая для многихъ кощунствомъ: русскія пословицы отразили въ себѣ не только мудрость, но и лукавство, не только достоинства, но и пороки нашего народа.

Но, вправду, сдѣлайте нравственную оцѣнку такихъ пословицъ, какъ: «съ волками жить — по волчьи выть», «рыба ищетъ, гдѣ глубже, — человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше», «нужда — стыда не знаетъ», «пропадай моя и честь, какъ нечего будетъ ѣсть», «грѣхъ воровать, да нельзя миновать», «не пойманъ — не воръ», «не обманешь — не продашь», «своя рубаха ближе къ тѣлу», «дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ», «кончилъ дѣло — гуляй смѣло», и т. д. Не ясны ли въ нихъ лукавыя, скверныя мысли, не являются ли онѣ оправданіями зла и не слышны ли въ нихъ подчасъ идеи безволія, непротивленства, понураго и безнадежнаго отказа отъ самосовершенствованія, — вмѣсто волевыхъ идей, которыя должна бы внушать народная мудрость? . .

И не вѣрнѣе ли этихъ пословицъ, часто созвучныя имъ, но противорѣчащія имъ, истины, которыя въ отвѣтъ на дурныя совѣты, сами собою напрашиваются: «среди волковъ будь человекомъ», «къ высокому и свѣтлому знай вѣрный путь», «идеаль недостижимъ, но есть къ нему дорога», «коли нечего ѣсть — береги свою честь», «дѣло, что медвѣдь — такъ къ лѣсу и тянетъ», «кончилъ дѣло — за новое смѣло» и такъ дальше и такъ дальше? . .

Но есть среди такихъ лукавыхъ пословицъ одна, которая опаснѣе многихъ другихъ, какъ оправдывающая самое страшное зло — безволіе, какъ открывающая дорогу ужасному и безнадежному «съ волками жить — по волчьи выть», какъ *соблазняющая* своею ложью и смиренностью къ отказу отъ подвига и воли — во всемъ: и въ испытаніяхъ личнаго геройства, и въ проявленіяхъ гражданскаго мужества, и въ дѣяніяхъ государственнаго и общечеловѣческаго значенія. Та пословица: «одинъ въ полѣ — не воинъ».

Развѣ не соблазнительно оправдать при случаѣ этой пословицей свой отказъ отъ жертвы душой «за други своя», или свой позорный «вой по волчьи»? И развѣ не соблазнительно, завистливо или враждебно, развѣнчивать всякое геройство и подкрѣплять «народной мудростью» доказательства безсилія, безправія и даже неестественности одинокихъ воиновъ въ полѣ — вождей, противуполагая имъ силу, право и естественность «самодвижущихся» обществъ, незнающихъ иныхъ воиновъ, кромѣ ими самими выдвигаемыхъ для выполненія «созрѣвшихъ» въ обществѣ идей?

И развѣ, наконецъ, не соблазнительно даже и для самого, и самаго настоящаго, одинокаго воина въ полѣ, — въ минуту прославленія за совершенное дѣло отвѣтить, во имя скромности: «одинъ въ полѣ — не воинъ» и тѣмъ напомнить о своихъ соотрудникахъ, хотя бы и о тѣхъ, которые завѣдомо вставляли палки въ колеса во время работы или которыхъ надо было гнать палками въ дѣло?

Въ отвѣтъ на всѣ эти соблазны оправдывающей зло пословицы безволія — должна звучать непреклонной волевой идеей созвучная и противорѣчащая ей, достойная прописей истина: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ».

Не будемъ безпощадны къ памятнику «народной мудрости» и не будемъ глухи къ оправданіямъ. — Пусть будетъ сказано, что эта пословица дана для указанія линіи поведенія лишь самымъ зауряднымъ труженикамъ, а не какъ пропись для народныхъ вождей, и что для вождей припасены другія слова. — Пусть она даже хороша, когда звучитъ призывомъ къ общей работѣ и къ помощи вождямъ, или становится основой товарищества. — Она даже относительно вѣрна, красива, но и безконечно скорбна и печальна, если слышна иногда какъ крикъ отчаянія въ лебединой пѣснѣ недостигшаго цѣли героя. Но все же она есть полномѣрно злая ложь, когда ею прикрывается отказъ отъ простѣйшаго и страшнѣйшаго личнаго подвига, требующаго готовности «положить душу за други своя...»

На глазахъ охваченной состраданіемъ и скованной страхомъ передъ необходимымъ подвигомъ толпы, человѣкъ брошается съ моста въ ледоходъ и либо спасаетъ несущагося на льдинѣ ребенка, либо съ нимъ погибаетъ.

Кто изъ бывшихъ только что въ оковахъ идеи безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), не сознаетъ ея лживости; кто рѣшится громко произнести пословицу независимо отъ достиженія цѣли свершившимся подвигомъ? Кто бросить вслѣдъ утопающему или навстрѣчу выплывающему: «одинъ въ полѣ — не воинъ»!

Да цѣна подвига и не зависитъ — ни отъ гибели или случайнаго спасенія души героя, ни отъ достиженія или недостиженія имъ жертвенной цѣли: одинокій въ полѣ воинъ и *погибая остается воиномъ*, какъ перестаетъ быть воиномъ — раньше своего спасенія или даже случайной гибели тотъ, кто поддается идеѣ безволія. И даже самая безнадежность достиженія успѣха или побѣды одинокимъ подвигомъ не можетъ остановить «одинокаго воина въ полѣ», его одинокаго шествія путями побѣды къ красотѣ, добродѣтели и правдѣ. Иначе, — мы не знали бы иныхъ героевъ личнаго подвига, кромѣ случайно сохранившихся въ «кѣмъ-то» воодушевленной и двинутой на подвигъ толпѣ. Не знали бы мы такихъ «одинокихъ воиновъ въ полѣ», какъ Георгій Побѣдоносецъ, вышедшій на бой съ дракономъ; или какъ Тезей, отправившійся уничтожить Минотавра; или такихъ, какъ нашъ Архипъ *Осиповъ* (1840 года) или сербъ Стеванъ *Синджеличъ* (1809 г.), принесшихъ себя въ жертву при взрывѣ пороховыхъ погребовъ для общей гибели во славу своего оружія; или какъ поднятый на штыки маіоръ *Горталовъ*, давшій Скобелеву слово не уйти изъ редута. Не знали бы и ни одного изъ тѣхъ безчисленныхъ личныхъ подвиговъ, которые свершаются повсюду на войнѣ во исполненіе долга присяги, вездѣ и всюду требующей отъ воина «претерпѣнія до конца», — и тамъ, гдѣ всѣ пали духомъ, и тамъ, гдѣ всѣ покорились идеѣ безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), и тамъ, гдѣ всѣ погибли, — обѣщая только за эту степень геройства — «спасеніе».

И еще большая ложь и зловредность сокрыта, быть можетъ, въ безвольной пословицѣ «одинъ въ полѣ — не воинъ», когда она оправдываетъ участіе въ *гражданскихъ* грѣхахъ, прикрываемыхъ пословицей «съ волками жить — по волчьи быть»: участіе въ нечестности, во взяточничествѣ, покровительствѣ близкимъ не по ихъ заслугамъ, въ мотовствѣ, развратѣ, клеветничествѣ, — во всѣхъ порокахъ общественной жизни...

«Онъ вѣчный обличитель лжи, запятанной въ пословицу: «одинъ въ полѣ — не воинъ», — говоритъ Гончаровъ о Чацкомъ въ своемъ очеркѣ «Милліонъ терзаній», и видитъ въ Чацкомъ не представителя «лишнихъ людей», а «искренняго и горячаго дѣятеля» — одинокаго передового воина въ полѣ, «застрѣльщика» и неизбежную жертву. По Гончарову, «Чацкій неизбеженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ» и «начинаетъ новый вѣкъ». Увы, Гончаровъ близокъ къ истинѣ.

если намекаетъ этими словами на появленіе такихъ одинокихъ воиновъ чуть ли не «разъ въ столѣтіе»; и онъ только не до-сказываетъ, что носителями «лжи» являются *Фамусовы* и *Молчалины*, наполняющіе общественность въ теченіе столѣтій.

Чацкій ничего не сдѣлалъ и бѣжалъ отъ «волковъ», унося съ собою лишь «милліонъ терзаній»; но онъ остался одино-кимъ «пылкимъ и отважнымъ» бойцомъ, отвергнувшимъ со-блазнительное покровительство пословицы безвольныхъ; онъ не измѣнилъ передъ «волками» своей волевой идеѣ.

Чацкій — частный случай, его миссія была лишь выйти одинокимъ воиномъ въ борьбѣ съ царившими въ Москвѣ поро-ками Екатерининскаго вѣка. Но кто бы, въ какіе вѣка, ни вы-ступилъ съ какою бы то ни было общественной миссіей, — онъ не можетъ быть миссіонеромъ и идти съ девизомъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ». Девизъ всякаго миссіонерства: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», при полномъ сознаніи, что за служе-ніе этому девизу неизбѣжна расплата тѣмъ или инымъ «мил-ліономъ терзаній». —

Тема еще не исчерпана, она шире, чѣмъ это можетъ ка-заться.

Противопоставленіе пословицы и девиза неизбѣжно вызы-ваетъ — и въ раздумьи, и тѣмъ болѣе въ спорѣ, между сторон-никами той или другой изъ двухъ идей, — противопоставленіе значенія общества, значенію личности, и приближаетъ къ темѣ одного изъ основныхъ современныхъ споровъ, въ кото-рыхъ люди ищутъ опоры въ освѣщеніи историческихъ фактовъ для указанія вѣрныхъ путей государственности.

Личность ведетъ Общество или Общество создаетъ Лич-ность, выполняющую его волю?

Личность или Народъ направляетъ и творитъ исторію?

Имѣетъ ли Личность значеніе въ исторіи и въ жизни Обще-ства или нѣтъ? Какова роль и значеніе отдѣльной Личности въ жизни человѣчества? Можетъ ли Личность быть Одино-кимъ Борцомъ въ жизни?

Можетъ ли Одинокій быть Воиномъ въ полѣ?

Или правда, что Одинъ въ полѣ не воинъ?

А дальше, — указаніе тѣхъ или иныхъ «вѣрныхъ» путей: кому же править и кто можетъ править?

Сторонники идеи *пословицы* разрѣшаютъ всѣ эти вопросы однимъ отвѣтомъ: *Великій человекъ только выражаетъ идеи зарождающагося Общества*. Отсюда все. Отсюда Геній — «на-зрѣвшая» производная даннаго Общества и эпохи; отсюда — Великіе становились Великими лишь тогда, когда народы бы-вали «готовы» къ ихъ воспріятію; отсюда — объясненія *подви-говъ* и *дѣяній* подготовленностью событій, самодвиженіемъ массъ, увлекающихъ Личность, а если угодно, то и случайно-

стями и счастьемъ или несчастьемъ; отсюда же — обратное: Личность — ничто, одинъ въ Полѣ не воинъ!

Но есть и возраженія.

Нѣтъ, Геній не есть производная ни своего Общества, ни своей эпохи; Геній *опережаетъ* вѣкъ и *даруетъ* современникамъ и потомкамъ новыя идеи и потому онъ такъ часто и погибаетъ подъ ударами современниковъ, и прославляется не ими, а потомками и иноплемениками въ юбилейные сроки поминокъ его рожденія или смерти.— Въ чемъ же онъ былъ бы Геніемъ-Создателемъ новой эпохи въ той или иной сферѣ жизни, — если-бъ онъ лишь выявлялъ «назрѣвшія» идеи, а не поворачивалъ жизнь вопреки и наперекоръ идеямъ Общества и времени?

Нѣтъ, Геній не прикованъ къ эпохѣ, и Человѣкъ-Геній каждаго вѣка былъ бы Геніемъ и въ минувшихъ и въ грядущихъ вѣкахъ; но только въ иныхъ достиженіяхъ!

Если бы Великіе свершали свои подвиги и дѣянія только тогда, когда Народы «были готовы» къ ихъ воспринятію, — ихъ пути были бы всегда усыпаны розами. Или, можетъ быть, виноваты сами Геніи, сожженные на кострахъ и на Крестахъ распятые, въ томъ, что они преждевременно произвели на свѣтѣ идеи, которыя еще не дозрѣли въ Обществѣ? Но не абсурдны ли такія предпосылки? Такъ можно договориться до того, что каждый, кто погибъ за идею, — за то и погибъ, что шелъ противъ основной «здравой» мысли общественности: «одинъ въ въ полѣ — не воинъ».

Нѣтъ, и не инстинкты, и не разумъ массъ, и не случайности, и не счастье или несчастье рѣшали судьбы народовъ, а тѣ немногіе, — то избранники, то самозванцы, — которые водятъ массы за собой. — «Сегодня счастье, завтра счастье... надо же когда-нибудь и умѣніе», — говорилъ геніальный Суворовъ. Неужели же и тѣ Личности, передъ непостижимостью, величіемъ и превосходствомъ коихъ человѣчество падало ницъ, находя одно объясненіе ихъ Существа въ ихъ божественности, — неужели и тѣ Личности были порожденіемъ «Общества» и не были одинокими Воинами въ Полѣ?!

Нѣтъ, жизнь творятъ не коллективы, а Творцы, — тѣ, кто восходятъ и надъ толпами, мятущимися или прозябающими съ воплемъ «одинъ въ полѣ — не воинъ», и надъ безталантными или боящимися силы и свѣта соблазнителями «Общества» скверными идеями.

Великій Петръ былъ «подготовленъ»?!. Его реформы «назрѣли»? Онъ выявилъ лишь «скрытыя» идеи «общества»?.. А Стрѣльцы, а сторонники двора Евдокіи, а сынъ? — Да гдѣ же тогда «розы» на его путяхъ? И кто тогда, да и зачѣмъ же «Россію вздернулъ на дыбы» и «бросилъ ей вызовъ», на который она «отвѣтила Пушкинымъ?»

Ибо, если все было приуготовано къ эпохѣ Петра, — то Великимъ сталъ бы и братъ его Іоаннъ, если бы ему было суждено остаться на Престолѣ? И сынъ его Алексѣй ничего бы измѣнилъ, если бы не его, а отца «извели» въ 1718 году?

Кутузовъ въ двѣнадцатомъ году, какъ и Наполеонъ, лишь «воображалъ», что водить арміи, перемѣщаясь съ ними не то по волѣ «рока», не то по собственнымъ интуиціямъ народныхъ массъ?...

Но не былъ ли онъ парадоксально Одинокимъ Воиномъ на Бородинскомъ полѣ, зная еще тамъ, что нельзя не почитать «Старушку» боемъ и зная, что всерьезъ, на жизнь и на смерть драться нельзя и что Москву, наперекоръ «Обществу» надо оставить для гибели Наполеона!?

Галилей, Колумбъ, Янъ Гусъ, Жанна д'Аркъ... Это они-то не одинокіе Воины въ Полѣ?

Кѣмъ былъ Христосъ въ пустынь? Гдѣ розы на Его путяхъ?

И не думалъ ли про себя тотъ, кто насмѣшливо диктовалъ или тотъ, кто послушно выписывалъ четыре буквы надъ Распятымъ, что «одинъ въ полѣ — не воинъ»?...

Спустимся къ обыденному. Для насъ вопросъ, вытекающій изъ сопоставленія *пословицы* и *девиза*, сводится къ вопросу личной совѣсти: идти ли за толпой, вопреки голосу совѣсти и правды, или, хотя бы и одиноко, и не розами, а терніями, идти туда, куда зоветъ голосъ совѣсти и правды?

«Одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ» — *девизъ* совершенствованія, смѣлости, самодѣтельности, воли, вѣры, прямоты и правды!

«Одинъ въ полѣ — не воинъ» — *пословица* оправданія общаго грѣха, общей бездѣтельности, стадности, боязни жизни, пословица укрывательства отъ страшной правды и убаюкиванія совѣсти.

Безвольные или страшащіеся чужой воли — противъ *девиза*. Онъ страшенъ и тѣмъ, которые хотятъ сами безотвѣтственно и тайно править Обществомъ, опасаясь воли и силы Личности. Напрасно! — *Истинная Личность выступитъ въ свое время и сдѣлаетъ то, что ей дано: поведетъ за собою «Общество»*.

Каждое волевое и дѣйственное объединеніе должно быть составляемо изъ людей, исповѣдующихъ девизъ «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», хотя бы даже и само объединеніе ставило своею основой Товарищескій призывъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ», ибо только такимъ подборомъ обезпечивается «дѣйствіе до конца, до гибели послѣдняго борца; а значить и до дѣйствительной и полной потери надежды на успѣхъ. — До израсходованія послѣдней силы ни одинъ борецъ, даже и остав-

пійся одинокимъ, не имѣетъ права на выходъ изъ строя, ибо торжество врага надъ преклонившимся знаменщикомъ полнѣе, нежели, надъ павшимъ. Знамя, не оскверненное сдачей, можетъ еще вѣять надъ новыми бойцами и воодушевить ихъ на возобновленіе борьбы; сдача же знамени, хотя бы и послѣднимъ воиномъ, губить идею.

Каждая «бѣлая» Армія — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Каждая эмиграція, по природѣ своей, — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Наше зарубежное горе въ томъ, что среди насъ имѣется примѣсъ доли вѣчныхъ «бѣженцевъ», безсознательно исповѣдующихъ идею «одинъ въ полѣ — не воинъ»; и еще примѣсъ людей *сознательно* отравляющихъ этой идеей наши ряды.

Будемъ отстаивать волевою идеею девиза: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ»!

Б. Адамовичъ.

15 (28) октября 1928 г.

С. Товарникъ.

ИДЕЯ ПАПЫ ВЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Отрывокъ изъ лекцій о католичествѣ).

Какъ далеки мы еще, къ сожалѣнію, отъ объединенія съ католиками во многомъ важномъ и существенномъ въ строѣ жизни церковной... Наряду съ проявленіями горѣнія духовнаго въ святыхъ, наряду со многими проявленіями высоко-церковнаго, истинно - вселенскаго благочестія и въ массѣ вѣрующихъ, — какой однако въ католичествѣ нерѣдко материалистически-внѣшній подходъ къ глубинамъ, къ самому существу жизни церковной! И это не только на практикѣ; на практикѣ всѣ мы грѣшимъ; но — *въ принципахъ*, въ самыхъ *основахъ* римско - католической оффиціальной доктрины. Ибо многія изъ этихъ основъ католической оффиціальной доктрины носятъ на себѣ печать *законническаго* воспріятія благодати и самой сущности церкви.

Съ особой силой раскрывается это въ католическомъ ученіи о *папской власти*, этомъ основоположномъ камнѣ всего зданія римско-католическаго богословствованія, этомъ *центральному догмату Рима*, который отчетливо и опредѣленно отдѣляетъ Римъ отъ Православнаго вѣроученія.

Особое удареніе, особый паѳосъ вкладывается римскими богословами въ это ученіе о папской власти. Ибо, повторяю, это — *фундаментъ* всей римской системы, какъ таковой; это —

ученіе о *видимомъ главѣ церкви*, о «замѣстителѣ» или «намѣстникѣ» Христа (*Vicarius Christi*), практически нерѣдко заслоняющемъ Невидимаго Главу — Христа; ученіе, противорѣчащее самымъ основамъ апостольскаго ученія о жизни церковной и о церковномъ познаніи...

Согласно Апостолу Павлу, познаніе истины дается *братьямъ*, «укорененнымъ въ любви» «вмѣстѣ со всѣми святыми» («дабы вы, укорененные и утвержденные въ любви, вмѣстѣ со всѣми святыми, могли постигнуть...» Ефес. III, 18—19). Согласно ватиканскому догмату познаніе истины дается *Папѣ самостоятельно*, внѣ связи съ Церковью, «изъ самого себя, но не изъ согласія Церкви» («*ex sese et non autem ex consensu Ecclesiae*»). Монархизмъ юридическій, земной монархизмъ Рима замѣнилъ ученіе о Церкви, какъ о благодатномъ Тѣлѣ Христовѣ подъ единымъ невидимымъ Главою Христомъ. Психологическая причина этого вскрыта со всею опредѣленностью Хомяковымъ; причина эта: раціоналистическое маловѣріе (или малодушіе), стремящееся невидимаго Главу Христа замѣнить видимымъ его намѣстникомъ. Бремя свободы Христовой, участіе въ соборной жизни Церкви всею полнотою личности нашей — оказалось не подъ силу римскому католицизму и онъ возложилъ все бремя ответственности на одного Папу. Папа замѣнилъ все тѣло церковное въ конечномъ познаніи истины; критеріемъ истины сталъ не Духъ Святой, живущій въ Церкви, а голосъ епископа, возсѣдающаго на римской кафедрѣ. Тѣмъ самымъ *познаніе истины содѣлалось актомъ внѣшнимъ для вѣрующихъ*: они должны принимать то, что за нихъ рѣшаетъ официальный возглавитель Церкви въ Римѣ, — незыблемый, непогрѣшимый, не связанный въ своей непогрѣшимости съ Церковью (*ex sese!*), а потому и внѣшній авторитетъ.

Вся Церковь, такимъ образомъ, резюмируется, концентрируется въ Папѣ; поэтому для римскаго католика онъ — единственный источникъ всей епископской власти на землѣ, онъ — «*episcopus universalis*». По католическому воззрѣнію, онъ — не первый среди равныхъ ему по благодати братьевъ-епископовъ, нѣтъ: онъ — источникъ епископскаго служенія; епископы — лишь делегаты, лишь уполномоченные, лишь представители Папы. А разъ такъ, то папская теорія лишаетъ принципиальнаго обоснованія и внутренняго содержанія и епископатъ, и самую Церковь, превращая Церковь изъ *живого, Духомъ Божиимъ руководимаго, братскаго организма* — въ *собраніе безгласныхъ подданныхъ*, въ юридически, а не мистически-жизненно обоснованное цѣлое, въ *деспотически управляемое церковное государство*.

Церковь становится церковнымъ государствомъ — вотъ подходящая адекватная формула, раскрывающая внутренній

смысль римскаго ученія¹⁾. Недаромъ изъ устъ одного просвѣщеннаго германскаго католика мнѣ пришлось слышать слѣдующія слова по поводу изложеннаго ему мною православнаго ученія о Церкви: «у васъ ученіе о Церкви — мистическое, а у насъ», тутъ онъ приостановился на одно мгновеніе — «юридическое»...

Но соотвѣтственны ли, адекватны ли грубо законническія, человѣческія представленія *тайнамъ Божиимъ*, совершающимся въ Церкви? Это юридическое представленіе с Церкви не соотвѣтствуетъ ни опыту жизни церковной, ни ученію апостольскому, ни преданію Отцовъ. Совсѣмъ другіе тона звучатъ намъ, напр., изъ посланія Апостола Павла къ Ефесянамъ и изъ толкованія къ нему Златоуста. Тѣло Церкви «созидаетъ само себя въ любви» «при дѣйствіи въ свою мѣру cadaго члена» (срв. Ефес. IV, 16). И далѣе говоритъ Апостолъ: Богъ «все покорилъ подъ ноги Его» (Христа) «и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, Которая есть Тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ» (Ефес. I, 22—23). Церковь есть *Полнота* Его, Наполняющаго все, т. е. полнота Главы своего, Христа. Другими словами: въ безмѣрномъ снисхожденіи Своей любви Онъ сдѣлалъ такъ, что мы, члены Тѣла Его, — Ему, самодовлѣющему, Ему, Владыкѣ и Господу, не имѣющему ни въ чемъ нужды или потребности, но все наполняющему Собою, *становимся нужны* для полноты Тѣла Его, которое есть Церковь. «Такимъ образомъ», заключаетъ Златоустъ, «только тогда достигаетъ Глава совершенной полноты, только тогда получится совершенное въ полнотѣ Тѣло, когда мы всѣ будемъ объединены и тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ» (Слово Третье, на Посланіе къ Ефесянамъ). Итакъ, всѣ мы, члены Тѣла Христова, призваны къ живому, *органическому* участию въ жизни Церкви, дабы, держась единаго Главы — Христа, «все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо», росло «возрастомъ Божиимъ» (Колосс. II, 19).

Вотъ это — церковное ученіе! Впрочемъ, ученіе о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, какъ о мистическомъ Тѣлѣ Христовомъ, не умерло всецѣло, — какъ ни противорѣчитъ оно монополизациі со стороны Папы жизненныхъ функцій Церкви, — и въ католицизмѣ. Фактически и для римскаго католика жизнь Церкви есть все-таки въ значительной степени жизнь

¹⁾ Поэтому римскіе богословы и говорятъ о „монархіи Петра“ (напр. Белларминъ: „*probatur Petri monarchia ex loco Evangelii Mt. 16*“) и склонны разсматривать жизнь Церкви съ точки зрѣнія земного государства и въ категоріяхъ земного государства, напр. тотъ же Белларминъ, этотъ столь авторитетный въ католициствѣ и столь показательный для римской точки зрѣнія ученый богословъ и теоретикъ церкви. См. *ergo „Disputationes de controversiis christianae fidei“ 1586—1593 Tomus II Controversia I lib. III. De ecclesia militante. c. 2.*

органическая, несмотря на всѣ притязанія куріи, на весь внѣшній юридизмъ. Ибо участіе въ таинствахъ и въ жизни молитвеннаго общенія не есть ли тѣмъ самымъ участіе въ великой органической жизни? Но въ сознаніи это было затемнено. Впрочемъ теперь, въ послѣднее время, идея Церкви — великаго организма съ особой силой пробуждается въ католическихъ душахъ, преимущественно въ Германіи, особенно въ кругахъ близкихъ къ бенедиктинскому ордену, а также въ руководимой ими вѣрующей молодежи. «Церковь, какъ зачатокъ обоженія міра»²⁾, — такъ озаглавливаетъ Хансъ Андрэ свою замѣчательную книжку о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, растущемъ и имѣющемъ объять всю тварь, весь космосъ. Романо Гвардини, католическій философъ, профессоръ берлинскаго университета³⁾ и руководитель католическаго юношескаго движенія⁴⁾ пишетъ горящую и зажигающую духовнымъ огнемъ книжку «О смыслѣ Церкви»⁵⁾. Въ ней мы читаемъ такіе слова: «я постольку являюсь христіанскою личностью, поскольку я — членъ Церкви, и поскольку Церковь жива во мнѣ»⁶⁾. Когда я обращаюсь къ ней, то я въ нѣкомъ, особенно глубокомъ смыслѣ говорю не «ты», но «я». Если я понялъ это, то Церковь для меня уже не духовная полиція, а кровь отъ крови моей, полнота, изъ которой я живу» (стр. 33). Невольно вспоминаются слова Хомякова о томъ, что Церковь не авторитетъ, «какъ не авторитетъ Богъ», не авторитетъ Христосъ, ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ *внѣшнее*. Не авторитетъ, говорю я, а *истина*, и въ то же время — *жизнь христіанина*, внутренняя жизнь его; ибо Богъ, Христосъ, Церковь — живутъ въ немъ жизнью болѣе дѣйствительною, чѣмъ сердце, бьющееся въ груди его, или кровь, текущая въ его жилахъ⁷⁾.

Первая глава у Гвардини называется: «Пробужденіе Церкви въ душахъ». Мистическая сущность Церкви, какъ живого великаго Тѣла Христова, противопоставляется чисто внѣшнему, юридическому о ней представленію, которое, по признанію Гвардини, возобладало было въ теченіе послѣднихъ столѣтій подъ вліяніемъ «духа раціонализма». «Церковь представля-

²⁾ Hans Andre. „Die Kirche als Keimzelle der Weltvergöttlichung“. 1921.

³⁾ Временно приглашенный — „Gastprofessor für katholische Weltanschauung“.

⁴⁾ „Katholische Jugendbewegung“.

⁵⁾ Romano Guardini. „Vom Sinn der Kirche“. 1922.

⁶⁾ Курсивъ мой: Н. А.

⁷⁾ Впрочемъ признаніе того, что Церковь есть все таки авторитетъ (папская власть!), и слѣд. нѣкоторый внѣшній, юридическій подходъ къ Церкви — сохраняется и у Гвардини. Надо отмѣтить также, что еще сто лѣтъ тому назадъ знаменитый католическій богословъ Мёлеръ (Möhler) писалъ въ своей книгѣ о «Единствѣ Церкви» вдохновенныя слова о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, живущемъ жизнью Духа Божія. Это было въ 1825 году; но тогда, до Ватиканскаго Собора, это было легче.

лась прежде всего религиозно-утилитарнымъ и правовымъ учрежденіемъ. Ея мистическая сущность, все то, что стоитъ въ глубинѣ, за осязаемыми цѣлями и установленіями, что выражается въ понятіи Царства Божія, мистическаго Тѣла Христова, не ощущалось непосредственно»⁸⁾. А въ другой книжкѣ своей «*Liturgische Bildung*» (1923) тотъ же Гвардини пишетъ: со временъ Тридентскаго собора, вмѣсто болѣе древняго представленія о Церкви, какъ о мистическомъ организмѣ («*corpus mysticum*») — «все болѣе стало выступать на первый планъ церковно-юридическое представленіе объ организованномъ обществѣ...»

«Конечно, и въ немъ есть правда, но онъ затрагиваетъ лишь самую *внѣшность* церковной полноты бытія. Къ тому же оно обладаетъ меньшей религиозной плодотворностью... Оно не даетъ пробиться какъ слѣдуетъ глубочайшимъ источникамъ религиозной жизни. Покуда это внѣшнее представленіе о Церкви преобладаетъ, до тѣхъ поръ въ сознаніи церковномъ отсутствуетъ то жизненное начало, которое вѣетъ въ духѣ литургіи. Но есть признаки, что эти временно оттѣсненные на второй планъ элементы церковнаго сознанія пробуждаются⁹⁾, и что вмѣстѣ съ ними пробуждается органическое чувство жизни, присущее имъ. На это указываетъ все направленіе нашего времени, устремленное къ живому и органическому. И великое предвозвѣщаютъ такія книги, какъ книга Андрэ... Самъ Гвардини и сподвижники его по религиозному обновленію германскаго католицизма изъ глубинъ церковной традиціи, а особенно изъ богатствъ церковной литургіи («литургическое движеніе»!), — аббатъ бенедиктинскаго монастыря Марія Лаахъ д-ръ Ильдефонсъ Хервегенъ, а также весь кругъ лицъ, связанныхъ съ Марія Лаахъ: патеръ Томасъ Михельсъ, патеръ Атаназіусъ Винтерзигъ, проф. Херманъ Плацъ, д-ръ Гетцени, монахи Бейронскіе (также бенедиктинцы) и многіе другіе¹⁰⁾ — свидѣтельствуютъ о томъ, что католическая Церковь есть *организмъ* и что она стремится въ ихъ лицѣ осознать себя прежде всего, какъ таковой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сами они свидѣлствуютъ и подчеркиваютъ, что *надо раскрывать католикамъ*

⁸⁾ Стр. 5.

⁹⁾ Срв. напр. замѣчательныя мѣста въ книгѣ католическаго богослова Роберта Гроше (Robert Grosche, Universitätsprediger in Köln. „Der Kolosser brief in Homilien erklärt“. 1926): „Въ теченіи долгаго времени у насъ было утрачено видѣніе внутреннѣйшей церковной сущности. У насъ отсутствовала предпосылка для такого мышленія. Языкъ Св. Павла замеръ и превратился въ почти мертвыя формулы; подъ ними мало что подразумѣвали. У насъ вообще почти уже отмеръ „органъ для общественности“ (по смыслу: соборности)... „И вотъ начало общенія снова открылось намъ. Мы увидѣли Церковь“... „Нынѣ мы снова видимъ Церковь, какъ зримое Тѣло Христово“... „Христосъ есть Глава, а мы Его члены“. Стр. 20.—21.

¹⁰⁾ Idelfons Herwegen; Pater Thomas Michels; Pater Athanasius Wintersig; Prof. Hermann Platz; Doktor Getzeny.

глаза на то, что Церковь есть организм; что сухое юридическое представление о Церкви затемнило въ умахъ воспріятіе ея, какъ живого мистическаго цѣлаго.

И болѣе того: сами они непослѣдовательны въ своей точкѣ вѣрнія и сохраняютъ идею *папскаго рѣшающаго авторитета*, несомѣстимую съ воспріятіемъ Церкви, какъ организма. Такъ напр., книга профессора Адама «Сущность католицизма»¹¹⁾, весьма замѣчательная, говоритъ съ высокимъ подъемомъ и благочестіемъ о Церкви, какъ о живомъ организмѣ; и тутъ же (какъ впрочемъ и Гвардини) отстаиваетъ непогрѣшимый авторитетъ Папы: ему Адамъ приписываетъ, въ согласіи съ римскимъ ученіемъ, центральное значеніе въ Церкви, т. е. авторитетъ, который «относится» къ этой органической жизни, вырастаетъ изъ нея. Допустимъ на мигъ, что это такъ; но какимъ же образомъ онъ можетъ рѣшать тогда «изъ самого себя, но не изъ согласія Церкви», согласно ватиканской формулѣ? Это — типичная католическая ошибка, зиждущаяся на внутреннемъ противорѣчій и вытекающая изъ стремленія примирить непримиримое: *органическое ученіе о Церкви и власть Папы, не зависящую отъ согласія Церкви*¹²⁾.

Въ богословскихъ бесѣдахъ съ католиками мы можемъ и должны апеллировать къ этому затемненному у нихъ, но не отрицаемому ими выполнѣ, ученію о Церкви, какъ о мистическомъ Тѣлѣ Христовѣ. На эту, общую съ католиками почву слѣдуетъ намъ становиться, чтобы показать имъ, что ихъ ученіе о непогрѣшимости папской власти и папскихъ функцій въ Церкви — противорѣчить *общецерковному, апостольскому*, а потому, какъ мы видѣли, фактически нерѣдко и *ихъ собственному ученію* о Церкви. Ученіе Ап. Павла о Церкви. — казалось бы, общая для насъ съ католиками предпосылка; болѣе того, оно въ самомъ дѣлѣ есть для нѣкоторыхъ католиковъ глубоко ощущаемая и горячо исповѣдуемая истина, какъ и для нашей Церкви. Но въ своей дальнѣйшей системѣ римскій католицизмъ не остается вѣренъ этому, своему собственному и общему съ нами, обоснованію жизни церковной.

Отклоненіе отъ этого русла древне-церковнаго воспріятія Церкви, какъ единого живого организма, гдѣ истина раскрывается Духомъ Божіимъ, братьямъ, укорененнымъ въ жизни любви и въ жизни Духа, подъ единымъ невидимымъ Главою, Христомъ, отклоненіе отъ этого исконнаго и непреложнаго *мистическаго* ученія Церкви о собственной своей сущности —

¹¹⁾ Prof. Adam. „Das Wesen des Katholizismus“. 1925.

¹²⁾ Срв. напр. еще разсужденія въ старой книжкѣ вюрцбургскаго профессора Хеттингера „Die kirchliche Vollgewalt des apostolischen Stuhles“. 1887. И здѣсь попытка говорить о непогрѣшимости Тѣла Церкви ведетъ къ подмѣнѣ этой непогрѣшимости — „непогрѣшимостью единовластнаго и полновластнаго Главы — Папы“. См. стр. 125.

облегчается для римскаго католицизма тѣмъ, что *самъ Папа*, сама папская власть воспринимается имъ (въ ущербъ истинному, основному воспріятію ея) — *мистически*. То, что принадлежитъ Церкви — берется у нея и этимъ украшается Папа: «*ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*». Болѣе того: *то, что принадлежитъ Христу, переносится на Попа*. Этимъ и объясняются тѣ восторженные, возвышенныя характеристики папской власти, которыя мы встрѣчаемъ у римскихъ католиковъ.

Такъ, одинъ изъ видныхъ французскихъ католическихъ прелатовъ-богослововъ, Монсиньоръ Прюнель, пишетъ про Папу въ своемъ курсѣ о религіи: «Папа, единственное въ мірѣ существо, которому воздаютъ почти божескія почести»; и еще нѣсколько дальше: «блистаніе его сверхчеловѣческаго величія...»¹³⁾ «Съ каждымъ папою Христосъ пребываетъ въполнѣ и совершенно въ таинствѣ и въ авторитетѣ», учитъ уже Тома Аквинскій. Въ Папѣ продолжается Боговоплощеніе или соединеніе Божества съ человѣчествомъ, занимающее середину между соединеніемъ въпостаснымъ и нравственнымъ, — такъ учитъ напр. Дирингеръ, католическій богословъ послѣ-ватиканскаго періода¹⁴⁾. Самъ Христосъ поставилъ его за Себя; поэтому къ нему надо относиться такъ, какъ относились бы къ Самому Христу, если бы Онъ оставался на землѣ, — провозглашаетъ католическая римская газета Чивильта (*Civiltà*)¹⁵⁾. Полна восторженныхъ восхваленій религіозно-мистическаго величія папской власти, напр., книжка извѣстнаго французскаго католическаго писателя Каррера¹⁶⁾. Но особенно типично папское посланіе, обращенное, послѣ избранія Папы Пія XI (1922), къ духовенству своей епархіи однимъ изъ самыхъ святыхъ и замѣчательныхъ представителей современнаго католичества, недавно скончавшимся примасомъ Бельгіи кардиналомъ Мерсье. Кардиналъ Мерсье былъ великій праведникъ и великій свѣточъ христіанскаго міра, соединявшій высокую просвѣтленность и мудрость духовную съ горячей любовью христіанской, изливавшейся и на ближнихъ, и на дальнихъ, высокій молитвенникъ и истинный, всѣмъ подвигомъ жизни своей, ученикъ Христовъ. Поэтому особенно показательны въ устахъ такого святого человѣка слѣдующія слова его папскаго посланія, въ которыхъ онъ описываетъ чувства трехсотъ милліоновъ католиковъ по поводу избранія новаго Папы:

«Въ глубинахъ своей совѣсти и въ полнотѣ личной своей свободы они принесли ему въ полный даръ вѣру свою и подчиненіе своего интеллекта и своей воли, и сыновнюю любовь.

¹³⁾ Monseigneur Prunel. Cours supérieur de religion.

¹⁴⁾ Послѣднія двѣ цитаты заимствую у А. Лебедева. О главенствѣ Папы. СПб. 1887. Стр. 47—48.

¹⁵⁾ См. Janus. „Der Papst und das Concil“. Стр. 43.

¹⁶⁾ Carrère. Le Pape. 1925. Книга написана, впрочемъ, не безъ реторизма.

готовые скорѣе, если надо будетъ, претерпѣть смерть, чѣмъ нарушить — я не говорю одно изъ его приказаній, но даже малѣйшее изъ желаній его». И далѣе онъ говорить о римско-католическомъ духовенствѣ: «Епископы и священники всѣ вѣрятъ и склоняютъ головы свои, и повинуются, не ожидая приказанія со стороны, заранѣе подписываясь подъ программой, содержаніе которой они даже не хотятъ знать: такъ велико ихъ убѣжденіе, что новый глава будетъ вѣрнымъ послѣдователемъ своихъ царственныхъ предшественниковъ, что въ вопросахъ вѣры и христіанской нравственности онъ не только не будетъ ошибаться, но и не можетъ ошибаться» ¹⁷⁾.

Это обращеніе кардинала Мерсье къ подвѣдомственному ему духовенству только вѣрно передаетъ мистическое ощущеніе благоговѣйной вѣры и благоговѣйнаго подчиненія, возбуждаемое въ римскомъ католикѣ Римскимъ Папой. Римскій Пала, и его власть, и его «непогрѣшимый авторитетъ» — составляютъ предметъ *мистической вѣры* со стороны католиковъ. Церковь воспринимается ими не только въ неразрывной связи съ Папой, но и *черезъ Папу*.

Итакъ, это не «только» честолюбіе и славолубіе со стороны палъ и ихъ присныхъ, или духъ раболѣпства со стороны вѣрующихъ: то есть нѣкое *мистическое* приписываніе Палѣ свойствъ всей Церкви; это есть глубоко-искреннее, глубоко-благоговѣйное отношеніе къ палской власти, исполненное у вѣрующихъ католиковъ самыхъ трогательныхъ и горячихъ тоновъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть со стороны палской власти (хотя бы и не сознательная для участвующихъ въ ней) *религіозная и мистическая узурпація*. Папа нерѣдко получаетъ отъ вѣрующихъ, и принимаетъ, и — мало того — приписываетъ себѣ то, что не принадлежало бы ему даже, какъ и намѣстнику Христа, если бы даже и былъ таковой, но что принадлежитъ лишь самому Богу и Господу. Но нуженъ ли «намѣстникъ» Христу, сказавшему: «вотъ Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка»?

«Какъ Христу по воскресеніи дана власть на небеси и на земли, такъ и Палѣ безусловно принадлежитъ власть свѣтская и духовная», пишетъ папа Иннокетій III въ буллѣ «Novit». Знаменитый католическій богословъ XVI вѣка, кардиналъ Белларминъ, пишетъ про Папу: «Папа въ прямомъ и абсолютномъ смыслѣ слова выше вселенской Церкви» ¹⁸⁾. И изъ этого принципа выводится слѣдующее нечестивое сужденіе, оскорбитель-

¹⁷⁾ Цитирую по англійскому переводу, приведенному въ статьѣ Д-ра Белла (Dr. Bell, Dean of Canterbury). „The Maliles conversations“ въ журналѣ „The Church Quarterly Review“. April. 1928.

¹⁸⁾ См. „Disputationes de controversiis christianae fidei“ 1586—1593. II tomus, Controversia I, liber II, caput. 17: „Summus pontifex simpliciter et absolute est Supra ecclesiam universam“.

ное для нравственнаго чувства и несовмѣстимое съ достоинствомъ и свободой христіанина: «Если бы даже Папа впалъ въ заблужденіе, предписывая пороки и запрещая добродѣтели, то церковь все же была бы обязана вѣрить, что пороки — добро, а что добродѣтели — зло, если бы она не захотѣла погрѣшить противъ своей совѣсти. Ибо церковь обязана въ сомнительныхъ вещахъ соглашаться съ судомъ высшаго іерарха (папы), и дѣлать то, что онъ предписываетъ, и не дѣлать того, что онъ запрещаетъ. И чтобы случайно не поступить противъ совѣсти, она обязана считать за добро то, что онъ приказываетъ, и за зло то, что онъ запрещаетъ»¹⁹⁾.

Это есть отказъ отъ христіанской свободы, отказъ отъ личной отвѣтственности передъ лицомъ Бога. Но Господь охраняетъ нашу нравственную свободу и высоко дорожитъ ею. Здѣсь римская доктрина (Белларминъ всегда былъ и до сихъ поръ является особенно авторитетнымъ и компетентнымъ излагателемъ римской доктрины) требуетъ отъ вѣрующаго того, что идетъ въ разрѣзъ съ духомъ Евангелія. «Вы куплены дорогою цѣною», писалъ Ап. Павелъ христіанамъ, «не дѣлайтесь рабами человѣковъ». А здѣсь какъ разъ — христіане, Церковь дѣлаются рабами. Это — *духъ рабства*. Недаромъ кардиналъ Каэтанъ осмѣлился произнести кощунственное слово, въ которомъ однако, какъ въ увеличительномъ стеклѣ, ярко выступили нѣкоторыя несомнѣнныя тенденціи римскаго католицизма: «Церковь есть рабыня Папы»...

Отсюда, при постоянныхъ ссылкахъ на церковную традицію, — *фактическое презрѣніе* къ ней, произвольная односторонняя выборка изъ нея того, что удобно, того, что годится для защиты папскихъ притязаній. Ибо Папа — выше Церкви, выше традиціи, выше Отцовъ! Епископъ Корнелій Муссо хорошо выразилъ это міросозерцаніе въ проповѣди, произнесенной имъ въ Римѣ въ концѣ XVI в.²⁰⁾: «что говоритъ Папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ бы одному Папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Іеронимовъ, Григоріевъ...».

Всѣмъ сердцемъ нужно намъ желать, чтобы это искаженіе ученія о Церкви было преодолено истинно вселенскимъ, истинно католическимъ сознаниемъ, дремлющимъ, но все же не умершимъ въ католичество... Трудно сейчасъ еще надѣяться на это, но невозможное человѣкамъ возможно Богу.

Н. С. Арсеньевъ.

¹⁹⁾ Тамъ же. Tomus I. Controversia III: De summo pontifice. Liber IV, Caput 5.

²⁰⁾ Приведено у Döllinger: „Das Papsthum“ (bearbeitet von Friedrich) 1892, стр. 212.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БѢЛЫХЪ.

(Окончаніе).

II.

Гораздо ближе можно подойти къ этимъ основнымъ причинамъ, остановившись на изученіи *тыла* бѣлыхъ, къ чему я и перейду.

Достаточно только одного бѣглаго взгляда, чтобы бросилось въ глаза то, неблагоприятное для бѣлыхъ, обстоятельство, что если, у красныхъ тыломъ, райономъ снабженія, неисчерпаемымъ источникомъ людского резерва, столь необходимаго на войнѣ, была *вся Россія*,—то тылъ бѣлыхъ почти неизбежно свѣшивался въ море, только временами, во время успѣховъ бѣлыхъ, отходя отъ него. Такимъ образомъ бѣлымъ до самаго конца приходилось добывать свои пополненія, какъ когда то первымъ добровольцамъ свои первые патроны и снаряды, — отбивая ихъ у противника.

Слѣдовало бы подробно остановиться на устройствѣ тыла бѣлыхъ, такъ какъ, быть можетъ это привело бы ближе къ цѣли моего изслѣдованія. По мѣрѣ возможности я и постараюсь это сдѣлать.

Если красные, для урегулированія своего тыла, прибѣгали къ очень простому, но дѣйствительному средству, то есть къ террору, къ пулемету, которые всегда и на всякій тылъ дѣйствовали отрезвляюще, то бѣлые должны были примѣнять инныя мѣры, болѣе подходящія къ той законмѣрности, которую они неизбежно несли съ собою. У бѣлыхъ были губернаторы; между ними были и плохіе и хорошіе; но не было стражниковъ, то есть верхи тыловой администраціи просто лишены были исполнителей, ибо все то небольшое, что было въ распоряженіи бѣлыхъ вождей по части людского матеріала, конечно въ первую голову поглощалось боевой линіей... И, какъ слѣдствіе, получалось — что при полномъ произволѣ въ тылу красныхъ, тамъ царилъ относительный порядокъ, а при полной законности въ тылу бѣлыхъ — тылъ ихъ былъ безусловно далекъ отъ порядка...

Я не могу останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи всего того, что дѣлалось въ бѣломъ тылу — я не могу перечислять всѣ мѣры по аграрному вопросу, финансовому и инымъ законодательствамъ; — каждый изъ участниковъ вооруженной борьбы бѣлыхъ можетъ по своей спеціальности дать не мало матеріала для разработки этихъ вопросовъ; я лично хочу остановиться только на обстоятельствахъ непосредственно вліявшихъ на положеніе бѣлага тыла, и на томъ, почему это

было такъ, а не иначе. Послѣднее вытекаетъ уже изъ моихъ указаній на методы сторонъ въ этой напряженной борьбѣ.

Были *возстанія*, но въ этомъ отношеніи оба тыла, обѣ стороны были въ одинаковомъ положеніи — возстанія были и тутъ и тамъ; и въ этомъ отношеніи образцомъ можетъ служить разбойникъ Махно, который, несмотря на все свое моральное тяготѣніе къ краснымъ, съ одинаковымъ увлеченіемъ дрался и противъ нихъ, и противъ бѣлыхъ.

Былъ бичъ тыла *тифъ* — но былъ онъ и тутъ и тамъ. И бѣлые, и красные, занимая раіоны расположенія противника, натыкались на безконечное количество труповъ, на мертвые поѣзда, не имѣвшіе въ своемъ составѣ ни одного живого человека...

Бичемъ бѣлаго тыла была красная пропаганда. Въ этомъ вопросѣ красные преобладали, такъ какъ она была поставлена у нихъ лучше, чѣмъ у бѣлыхъ, да и надо признаться, что лозунги, проводившіеся ими въ жизнь были всегда безконечно болѣе заманчивыми для массы, чѣмъ то, что могли предложить ей пропагандисты бѣлаго фронта... Дальше чѣмъ «грабь на грабленное», «все дозволено» и настоятельнаго обѣщанія рая на землѣ, все равно идти было невозможно!

Пропаганда была могучимъ факторомъ, разрушавшимъ бѣлый тылъ; воспріимчивость къ ней толпы, имѣвшей свой рупоръ въ городскихъ базарахъ, была поразительна; но на толпу эту — и не только на толпу, но и на такъ называемые общественные круги въ бѣломъ тылу — не меньше красной пропаганды дѣйствовала и другая работа — работа русской интеллигенціи отчасти и несоціалистическаго толка, но, конечно главнымъ образомъ работа самихъ соціалистовъ...

Если первые, то есть радикальные интеллигенты дѣйствовали порой просто безсознательно, повторяя старые зады и на-свистанныя годами теоріи, то вторые дѣйствовали конечно совершенно сознательно.

Въ своемъ дневникѣ, въ записи относящейся къ 10-му іюня 1919 года И. А. Бунинъ рассказываетъ, какъ вся Одесса съ замираніемъ въ сердцѣ прислушивалась къ тому, что дѣлается на фронтѣ и нервно гадала, удастся ли добровольцамъ сломить сопротивленіе красныхъ и занять городъ, или же Одессѣ суждено оставаться подъ краснымъ игомъ: «Вечеромъ я у Р... и опять: я ему объ успѣхахъ добровольцевъ, а онъ о томъ, что они въ занятыхъ областяхъ «насилуютъ свободу слова» — кусаться можно кинуться». Да, надо согласиться: разговаривать съ этими людьми было невозможно!

Обращаясь къ дѣятельности соціалистовъ въ бѣломъ тылу, надо разъ на всегда установить слѣдующее: лозунгъ Керенскаго и комп. «Ни Ленинъ, ни Колчакъ», при настойчивой работѣ соціалистовъ противъ всякаго личнаго и собирательнаго «Колчака», всегда говорилъ о работѣ за Ленина!

И въ дѣйствительности, работая противъ Колчака, можно было помогать только его противнику; не сознавать этого не могли даже и социалисты!

Для наглядности обратимся къ фактамъ. Въ Сибири почетная работа социалистовъ, о которой съ гордостью достойной лучшей участи прямо и открыто говорить въ своей брошюрѣ членъ учредительнаго собранія Солодовниковъ¹⁾, велась по строго продуманной программѣ и, пройдя черезъ открытое возстаніе, устроенное социалистами во Владивостокѣ, дошла до прямого предательства и выдачи адмирала Колчака и его министра Попеляева въ руки большевиковъ, конечно на смерть и на издѣвательство...

Что мы видимъ на Сѣверѣ? Конечно, постоянную борьбу за власть и всяческія попытки насажденія столь несвойственныхъ здоровой арміи и массѣ офицерства и добровольцевъ социалистическихъ лозунговъ. Нельзя винить престарѣлаго и лично порядочнаго Чайковскаго за то, что ему, несмотря на нахожденіе его во главѣ правительства, вмѣстѣ, съ его «министрами» типа Бориса Соколова и общественными дѣятелями образца Скоморохова, это насажденіе не удалось... они сдѣлали съ своей стороны рѣшительно все для разложенія бѣлаго тыла и фронта и... для торжества краснаго противника.

То же самое происходило на Западѣ, съ «работавшими» тамъ Кирдецовымъ, впослѣдствіи смѣновѣховцемъ, имѣвшимъ тогда несомнѣнное вліяніе на бѣлую прессу, съ «министромъ» Ивановымъ и т. д.

И менѣе всего на Югѣ! Менѣе всего потому, что въ этомъ случаѣ на Югѣ опредѣленнѣе всего высказались вожди. Я не могу до сего времени установить болѣе или менѣе точно, дѣйствительно ли правильны свѣдѣнія о томъ, что въ 1917 году въ Ростовъ пріѣзжалъ и дѣлалъ попытки проникнуть къ генералу Алексѣеву пресловутый главковерхъ Керенскій; быть можетъ это и такъ; однако и онъ понялъ, что среди преданныхъ имъ же на растерзаніе черни офицеровъ, — ему дѣлать нечего. Но достовѣрно, что Савинковъ тамъ былъ, и несомнѣнно, что онъ дѣлалъ шаги для того, чтобы быть принятымъ верхами бѣлыхъ въ свой кругъ для «совмѣстной работы»; вопросъ былъ рѣшенъ категорическимъ отказомъ генерала Деникина, тогда еще не главнокомандующаго, не соглашавшагося даже присутствовать на одномъ засѣданіи съ Савинковымъ.

Была и еще одна попытка, которая, какъ мнѣ кажется, могла дать для социалистовъ положительные результаты въ смыслѣ возможности наложить руку на дѣятельность бѣлаго командованія. Я имѣю въ виду попытку группы членовъ учредительнаго собранія, выпустившей въ Екатеринодарѣ газету

¹⁾ „Сибирскія авантюры и генераль Гайда“.

«Родная Земля». Во главѣ группы былъ Григорій Шрейдеръ, который имѣлъ развязность начать говорить добровольцамъ о генералѣ Корниловѣ, о томъ, что слѣдуя его завѣтамъ, добровольцы должны идти влѣво и т. д. Съ этой провокаціей пришлось бороться рѣшительно: въ одинъ прекрасный день, когда Шрейдеръ разразился диерамбами по адресу генерала Корнилова, — въ редактируемой мною съ В. В. Шульгинымъ газетѣ «Россія» было просто перепечатано безъ всякихъ комментаріевъ, августовское воззваніе городского головы Петербурга Григорія Шрейдера, призывавшаго петроградскій пролетаріатъ подняться на выступившаго противъ Временнаго правительства измѣнника Корнилова... Результатъ этого выступления былъ неожиданный и для насъ — Шрейдеръ былъ высланъ изъ предѣловъ занятыхъ Добровольческой арміей, его газета закрылась и его группа потеряла всякое вліяніе.

Однако я слишкомъ долго останавливаюсь на этомъ вопросѣ — вѣроятно слишкомъ онъ наболѣлъ у каждаго изъ насъ, чтобы пройти мимо него...

Выродъ одинъ — социалисты были всегда *естественными врагами бѣлыхъ* и тѣмъ самымъ несомнѣнно *помогали краснымъ*, для которыхъ они были во многихъ отношеніяхъ «своими...». —

Подходя къ заключенію въ вопросѣ о добровольческомъ тылѣ, я останавлиюсь еще на двухъ ходячихъ упрекахъ, которые иногда выдвигаются противъ бѣлыхъ со стороны нѣкоторыхъ круговъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Во первыхъ вопросъ о *грабежахъ*. Я останавлиюсь на немъ только потому, что о немъ *говорятъ*... Да, грабежи въ тылу бѣлой арміи были, отрицать это нельзя и никто отрицать это и не предполагаетъ! Надо только къ этому вопросу подойти съ нѣсколькимъ иного конца, чѣмъ это дѣлалось до сего времени.

Я лично принималъ участіе въ японской войнѣ, имѣвшей безукоризненно налаженный тылъ (хотя бы потому, что войска все время на него отходили); я принималъ участіе въ великой войнѣ, на европейскомъ фронтѣ ея — и долженъ установить слѣдующее. Всегда и всюду, при самой дисциплинированной арміи, при самомъ налаженномъ тылѣ, даже при психикѣ, нравственно непоколебленной неудачами или революціей, — грабежи, были, есть и будутъ... Да и что въ этомъ удивительнаго? Природа войны настолько ужасна, обыденность ея настолько жестока, что человѣческая натура, въ основу которой, какъ мы къ сожалѣнію хорошо убѣдились, заложено столько гнуснаго, не можетъ не отозваться на соблазнъ «безнаказаннаго» преступленія... Несомнѣнно, что солдатъ вошедшій въ домъ мѣстнаго жителя съ винтовкой въ рукахъ, чувствуетъ себя полновластнымъ господиномъ и ведетъ себя именно такъ, какъ съ его точки зрѣнія подобаетъ вести себя въ этомъ званіи.

Если все это въ полной мѣрѣ примѣнимо ко всякой войнѣ, что лично для меня несомнѣнно, то въ какой же мѣрѣ это подтверждается въ войнѣ *гражданской*, особенно жестокой, хотя бы уже потому, что въ ней каждый *самъ* себѣ выбираетъ *свой* фронтъ борьбы и естественно усматриваетъ въ каждомъ, кого онъ видитъ по ту сторону боевой линіи, въ томъ числѣ и въ обывателѣ никакого участія въ этой борьбѣ не принимающемъ — врага, котораго онъ «имѣетъ право» использовать для своего, хотя бы и минутнаго, благополучія...

Я конечно ни въ коемъ случаѣ не хочу сказать, что съ этимъ фактомъ не слѣдуетъ бороться; — конечно слѣдуетъ и эта борьба на югѣ Россіи велась, — отъ приказовъ генерала Деникина до разстрѣловъ генерала Врангеля включительно. Борьба необходима, но не надо закрывать глаза и на то, что результатомъ этой борьбы будетъ всегда не уничтоженіе, а только *уменьшеніе* размѣровъ зла!

Я не могу не вспомнить, что даже въ голой Манджуріи, при строгой дисциплинѣ тогдашней арміи, солдаты умудрялись грабить, хотя объектовъ, кромѣ никому ненужныхъ мелочей китайскаго обихода и объекта «натуральнаго» грабежа у грязныхъ и чуждыхъ китайнокъ — не было!

Характерно и несомнѣнно то обстоятельство, что при успѣхѣ арміи, при ея поступательномъ на противника движеніи, грабежей всегда меньше, — они всегда увеличиваются при отходѣ и довольно понятно, *почему*. Особенно это замѣтно въ отходахъ гражданской войны, когда передъ каждымъ, потерявшимъ мѣру дозволеннаго и не дозволеннаго, бойцомъ, уже открывается перспектива «чернаго дня», который грозитъ ему не на время, а на всю жизнь... И всетаки добровольцы генерала Врангеля покинувшіе Крымъ пришли въ лагеря Галлиполи, Лемноса и Кабаджи, *голыми нищими*... Такими же голыми нищими были и участники бѣлой борьбы на всѣхъ ея фронтахъ.

Я не буду останавливаться на томъ, что и у красныхъ грабежи конечно были, какъ они бываютъ по моему убѣжденію, всюду; — это конечно не оправданіе для бѣлыхъ.

И дѣлая сводку всему мною сказанному о грабежахъ — я повторяю: они были, но конечно не они были причиною неуспѣха.

Если я не прошелъ мимо обвиненій въ грабежахъ, то я не могу игнорировать и того, что принято распространять о *погромахъ*.

Въ этомъ отношеніи я буду болѣе, чѣмъ кратокъ: я совершенно опредѣленно утверждаю, что въ раіонахъ дѣйствія бѣлыхъ армій *еврейскихъ погромовъ* т. е. организованнаго уничтоженія и ограбленія евреевъ, ибо только ихъ имѣютъ въ виду, — *не было*... Утверждаю это и постараюсь доказать, считая, что и генералъ Деникинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (т. V стр. 146), впадаетъ въ ошибку.

Скажу прежде всего, что всѣ свѣдѣнія о погромахъ, якобы имѣвшихъ мѣсто на югѣ Россіи, т. е. въ районахъ «черты осѣдлости» евреевъ (остальные фронты проходили по мѣстамъ, гдѣ почти отсутствовало еврейское разселеніе), — *тенденціозно преувеличены*. — Всѣмъ конечно памятно, что по газетнымъ свѣдѣніямъ о случаяхъ, такъ называемой «армянской рѣзни» значительное количество разъ писалось, и взывалось къ цивилизованному міру, и всегда въ одинаковыхъ выраженіяхъ, гласившихъ о томъ, что каждый разъ армянъ вырѣзали *всѣхъ поголовно*... Нѣчто подобное происходитъ и съ еврейскими погромами на югѣ Россіи. Такъ въ Берлинѣ мнѣ пришлось слышать отъ одного докладчика, что петлюровцами въ Проскуровѣ было уничтожено... 60 000 евреевъ! Не надо доказывать насколько это правдоподобно для города тысячъ въ 15 жителей!

Я не противорѣчу себѣ, сначала говоря о томъ, что погромовъ въ бѣлой арміи *не было*, а потомъ о томъ, что *свѣдѣнія преувеличены*... Я только считаю, что моей задачей не можетъ являться разборъ вопроса о томъ, учинялись ли погромы отрядами Петлюры, Григорьева и другихъ украинцевъ, или отрядами ихъ противника-единомышленника Буденнаго!

Но если согласиться со мною что въ бѣлой арміи *еврейскихъ погромовъ* не было, то откуда же идетъ дымъ, отъ какого огня?

Очень просто — я утверждаю, что не было *еврейскихъ* погромовъ. То что стараются выдать за *еврейскіе* погромы, есть не что иное, какъ проявленіе тѣхъ инстинктовъ, о которыхъ я говорилъ въ отдѣлѣ моего изслѣдованія о грабежахъ... Были нарушенія дисциплины, были покушенія на имущество, а иногда и на жизнь мѣстныхъ жителей, были грабежи и даже убійства; это было. Я лично знаю о случаяхъ въ районѣ Кіева, Фастова, Бѣлой Церкви, которые потомъ были специальной прессой раздуты въ *еврейскіе* погромы... Это были удары по населенію; за это были расформированы 2-ая кубанская пластунская бригада и Осетинскій конный полкъ; долженъ былъ быть расформированъ Волчанскій отрядъ есаула Яковлева... Однако отъ этихъ проявленій отрицательнаго типа *страдало какъ еврейское, такъ и христіанское населеніе захваченнаго безпорядками района*... Но о несчастныхъ христіанахъ конечно никто не кричалъ въ міровой прессѣ. Можетъ быть случайно еврейское населеніе иногда страдало больше; но вѣдь въ этихъ мѣстечкахъ *евреевъ* просто *численно* было больше и они были богаче — естественно что они страдали отъ этихъ безчинствъ (противъ которыхъ все время рѣзко выступало бѣлое командование) больше, чѣмъ христіанская часть населенія...

Выводъ одинъ — свѣдѣнія объ *еврейскихъ* погромахъ учиненныхъ у бѣлыхъ, это только ничѣмъ неприкрытая демагогія и выигрышный способъ борьбы съ бѣлыми, который широко практикуется и по сей день и красными, и ихъ социалистическими единомышленниками... не больше!

Заканчивая часть моего доклада, посвященную вопросу тыла (котораго, между прочимъ, совершенно не было у бѣлыхъ въ періодъ командованія арміей генераломъ *Врангелемъ*, ибо тогда весь Крымъ былъ, въ сущности говоря, военнымъ райономъ), я скажу только, что тылъ, какъ и всегда на войнѣ, былъ конечно тяжелъ для обѣихъ сторонъ. Для приведенія его въ порядокъ надо было проявлять *во много разъ больше принужденія*, и, быть можетъ, *жестокости*, чѣмъ это могли проявить бѣлые; конечно, красные не стѣснялись примѣнять и гораздо большую мѣру жестокости. Напомню, что добровольцы генерала Алексѣева 23-го февраля 1917 года уходили изъ богатаго Гостова безъ гроша денегъ и полуголые. Я знаю случай, когда одинъ изъ горчичныхъ «королей» Царицына далъ на добровольцевъ . . . двѣ сорокарублевые керенки . . . возможно ли было что либо подобное въ районахъ занятыхъ красными!? —

Такимъ образомъ, я подошелъ постепенно къ главной части моего изслѣдованія, къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ, которыя я считаю непосредственными причинами неуспѣха вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. Мнѣ кажется, что изъ всего того, что я сказалъ до сихъ поръ, онѣ уже настолько ясны, что мнѣ остается досказать и уточнить совсѣмъ немного.

Что же именно я считаю непосредственными, истинными причинами неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ? Что именно было тѣмъ роковымъ обстоятельствомъ, которое отдалило отъ нашей Родины ея освобожденіе и въ конечномъ результатѣ привело бѣлое освободительное движеніе къ его современной, если можно такъ назвать, заграничной стадіи?

Первой и основной причиной я считаю настроеніе населенія тѣхъ областей, по которымъ шло наступленіе бѣлыхъ.

Въ самомъ началѣ моего изслѣдованія я уже отчасти остановился на характеристикѣ этого явленія. Окраины, естественно привлекшія къ себѣ взгляды тѣхъ русскихъ людей, которые не захотѣли подчиниться установленной въ центрѣ диктатурѣ, *не знали большевизма*, то есть, вѣрнѣе не знали результатовъ практическаго его примѣненія къ шкурѣ обывателя. Они не испытали прелестей совѣтскаго рая и не смогли дать полнаго напряженія, чтобы предотвратить надвигавшіяся на нихъ испытанія и мученія.

Населеніе этихъ областей конечно знало войну, которая утомила всю Россію; населеніе знало и революцію, которая дала, такъ называемыя, «свободы» принесенныя ею! Населеніе съ легкой руки солдатъ, знавшихъ на фронтѣ только декларацию *правъ*, но не *обязанностей* солдата, знало только о своихъ правахъ и совершенно не представляло себѣ, что права эти все еще связаны съ какими то обязанностями.

На территоріи этого населенія шла настоящая война, гражданская война съ ея выстрѣлами, которые не всегда попадаютъ

только въ тѣхъ, кто борется на линіи огня; съ ея репрессіями не только по отношенію къ людямъ и ихъ имуществу, но и къ самимъ селеніямъ, которыя иногда, въ процессъ боя, безпощадно и неизбежно сравниваются съ землей... Населеніе должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армія бѣлыхъ не была той снабженной и организованной арміей, которую мы привыкли представлять себѣ, произнося это слово; немедленно по соприкосновеніи съ населеніемъ она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и накопецъ и самихъ людей!

Война на данной территоріи всегда несетъ съ собою много лишеній и страданій. Война, а въ особенности гражданская, *сама себя кормитъ и пополняетъ!* И конечно населеніе не могло привѣтствовать этого; оно, какъ я уже сказалъ, думало не объ обязанностяхъ, а только о правахъ, и отъ бѣлыхъ ожидало только немедленнаго возстановленія порядка и нормальныхъ условій жизни, съ своей стороны совершенно не думая оказывать этому хотя какое либо содѣйствіе.

Вся сумма этихъ *непріятностей*, приводимыхъ затянувшейся войной, очень остро переживалась населеніемъ; въ то же время его усиленно развращала красная и социалистическая пропаганда обѣщаніями избавленія отъ всѣхъ этихъ напастей, обѣщаніями полного благополучія и полного господства, какъ извѣстно, соблазнившими не одну только Россію, но смущающими и доселѣ не малую часть населенія всего міра...

Все это сводилось къ тому, что неудобства, приносимыя бѣлыми *возстановливали населеніе противъ нихъ.*

Отсюда постоянное оппозиціонное настроеніе, начиная отъ интеллигентскихъ благоглупостей, о которыхъ говорить приведенная мною выдержка изъ дневника И. А. Бунина, и кончая социалистическимъ портиводѣйствіемъ, а также распространеніемъ среди населенія нелѣпыхъ теорій о готовности бѣлыхъ «насадить старый режимъ» (чего конечно не было), и о «возвращеніи земли помѣщикамъ» (что прорывалось только въ чаяніяхъ и вождѣленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, дорвавшихся до своихъ владѣній и не понявшихъ, что между прошлымъ и настоящимъ прошла революція). Вотъ почему такъ легко вѣрили красной пропагандѣ, изображавшей полуголоое и голодное (и въ прошломъ, и въ настоящемъ) русское офицерство, составлявшее кадры бѣлыхъ армій, какъ «помѣщиковъ», «банкировъ» и т. д.

Недостатки о которыхъ я говорилъ — въ сферѣ административнаго управленія, финансовыхъ мѣръ и аграрныхъ распоряженій—принимались за *злонамыренность*; и въ результатъ населеніе, не только въ лицѣ крестьянской массы, но порой и городской интеллигенціи, какъ это ни странно сейчасъ слы-

шать, сначала не шло дальше пожеланія приходившимъ бѣлымъ — «Помоги вамъ Пресвятая Богородица», и совершенно не хотѣло принять на себя хоть часть этой «помощи», а потомъ начинало мечтать объ избавленіи, которое конечно должно было придти съ красной стороны, ибо иного ничего не было!

Въ конечномъ результатѣ получалось совершенно нелѣпое, но одинаково типичное для всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ положеніе:

Когда уходили красные — населеніе съ удовлетвореніемъ подсчитывало, что у него осталось...

Когда уходили бѣлые — населеніе со злобой высчитывало, что у него взяли...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — населеніе было обмануто и... удовлетворено. Бѣлые обѣщали законность, брали немного — и населеніе было озлоблено...

Бѣлые несли законность и потому имъ ставилось всякое лыко въ строку...

Такимъ путемъ изъ главной, основной причины неуспѣха вооруженнаго выступленія бѣлыхъ я прихожу къ той, которая вытекаетъ изъ первой: отсутствіе у бѣлыхъ методовъ дѣйствій, которые требовались жестокой обстановкой гражданской войны и небывалой разрухи.

Если красные «работали» дубиной по обывательскимъ головамъ, несли революціонный режимъ, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все безъ исключенія, за всякій намекъ на сопротивленіе, то бѣлые, быть можетъ въ силу своего наименованія, (даннаго имъ, какъ и ихъ противникамъ самою жизнью) «работали» въ бѣлыхъ перчаткахъ, насаждали законы, призывали къ ихъ исполненію и тѣмъ самымъ сами же связывали себѣ руки и не получали сочувствія уже распущеннаго и развращеннаго демагогіей населенія.

Красные обѣщали все, бѣлые только то, что полагалось по закону...

Красные въ видѣ аргумента и мѣры убѣжденія имѣли терроръ и пулеметы; бѣлые угрожали... закономъ.

Красные отрицали рѣшительно все и возвели въ законъ произволъ; бѣлые, отрицая красныхъ, конечно не могли не отрицать и примѣняемые красными методы произвола и насилія... Бѣлые не съумѣли или не смогли быть фашистами, которые съ перваго момента своего бытія стали бороться методами своего противника! И быть можетъ именно неудачный опытъ бѣлыхъ и научилъ впослѣдствіи фашистовъ?..

Населеніе ничего не требовало отъ красныхъ, такъ какъ единственно, что оно могло, попавши въ ихъ руки желать — покой, оно требовать конечно не рѣшалось! Отъ бѣлыхъ же

населеніе требовало... чуда, требовало для того, чтобы дать имъ свою поддержку, въ которой не отказывало съ самаго начала бѣлаго движенія; оно требовало чтобы бѣлые, единымъ маніемъ бѣлой руки, смыли съ Россіи всю кровь... Это конечно было неосуществимо: бѣлые не только не были чудотворцами, они не были и фокусниками, хотя бы въ небольшой части того, насколько это было присуще краснымъ!

На этомъ, въ сущности говоря, я могъ бы закончить мое изслѣдованіе, такъ какъ считаю мою задачу, въ мѣрѣ мнѣ доступной, выполненной! Въ заключеніе только суммирую все мною сказанное и сдѣлаю самые краткіе выводы.

Условія стратегіи и тактики, ошибки и промахи, сдѣланные бѣлыми въ этой области, вопросы идеологіи бѣлыхъ, качества ихъ вождей и армейской массы — все это, при всемъ томъ, что я упоминалъ на протяженіи моей работы — ни въ коемъ случаѣ не было причиной неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. Въ этомъ отношеніи нѣсколько выдѣляется только то, что мною было приведено въ доказательство отсутствія необходимой гибкости въ характерѣ бѣлыхъ вождей!

Политика «союзниковъ» въ русскомъ вопросѣ, ихъ, всегда въ корнѣ своекорыстное поведеніе, неумѣнье или нежеланіе бѣлыхъ использовать «новорожденныхъ иностранцевъ», въ лицѣ лимитрофныхъ государствъ и даже украинцевъ и, наконецъ, *тылъ* всегда и всюду, въ той или иной мѣрѣ разложенный — все это скорѣе приближается къ тому, что послужило причиной неуспѣха бѣлыхъ, быть можетъ и потому, что все то, что портило бѣлый тылъ, вытекало въ свою очередь изъ тѣхъ причинъ, которыя я считаю главными причинами неуспѣха — *неизжитость населеніемъ большевизма и индифферентизмъ охватывавшій населеніе*, когда оно убѣждалось, что порядокъ не возстанавливается бѣлыми по мановенію волшебнаго жезла. Устранить эту послѣднюю причину, исправить ея злоносныя послѣдствія мѣшали основныя качества бѣлыхъ, которые не смогли *принудить* населеніе относиться къ себѣ иначе! Я говорю именно о принужденіи, такъ какъ изъ всего того, что я уже высказалъ, явствуется, что инныя мѣры, такъ охотно примѣнявшіеся бѣлыми, мѣры законныя — успѣха не имѣли!

Мнѣ кажется, что если бы исторіи угодно было поставить насъ передъ повтореніемъ возможности восстановленія бѣлыхъ фронтовъ въ Россіи — послѣднія двѣ причины, непосредственно приведшія къ проигрышу кампаніи — не могли бы имѣть мѣста! Съ одной стороны населеніе узнало, что такое большевизмъ на горькой практикѣ минувшихъ годовъ, съ другой стороны — бѣлые, перенеся горечь пораженія, несомнѣнно стали бы дѣйствовать иначе! Это несомнѣнно уменьшило бы разстояніе между ними и населеніемъ, раздѣлявшее обѣ стороны во время существованія бѣлыхъ фронтовъ!

Нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство. При всемъ разнообразіи бѣлыхъ фронтовъ или вѣрнѣе областей въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, при разнообразіи условій времени, лицъ и обстановки, всѣ бѣлые фронты, безъ исключенія пережили одинаковыя стадіи бытія; и это, мнѣ кажется подтверждаетъ тѣ обобщенія и выводы, которыя я попробовалъ установить для всѣхъ нихъ.

На самомъ дѣлѣ, не показательна ли *одинаковость* въ ихъ судьбѣ! Всѣ они проходили буквально черезъ одно и тоже...

Сборъ со всѣхъ сторонъ. Энтузіазмъ первыхъ кадровъ... Приведу по фронтамъ — переворотъ адмирала Колчака на востокѣ, выступленіе капитана II ранга Чаплина на Сѣверѣ, успѣхи ничтожныхъ силъ генерала Родзянко на западѣ и движеніе въ сплошной массѣ противника арміи генерала Корнилова на югѣ...

Наступленіе, успѣхъ... Выдвиженіе къ Казани и Волгѣ на востокѣ, выдвиженіе передовыхъ отрядовъ къ Вологдѣ на сѣверѣ, подходъ къ Петрограду на западѣ и линія Саратовъ — Воронежъ — Курскъ — Кіевъ — Могилевъ Подольскій — на югѣ...

Неурядицы тыла... возстаніе во Владивостокѣ — въ Сибири, правительственныя осложненія на сѣверѣ, тоже самое на западѣ, и Махно на югѣ...

Союзники... противоудѣйствіе чехословаковъ на востокѣ, уходъ англичанъ на сѣверѣ, англійскій флотъ подъ Петроградомъ на западѣ, первая Одесса и первый Крымъ на югѣ...

Отходъ... разложеніе...

Предэвакуаціонный развалъ, январь—февраль 1920 года... Выдача адмирала Колчака на востокѣ, возстанія въ Архангельскѣ и Мурманѣ — на сѣверѣ, попытки арестовать генерала Юденича на западѣ и офицерскія выступленія въ Новороссійскѣ и Севастополѣ — на югѣ!

Только Крымъ генерала Брангеля, со всѣми своими особенностями, которыя не входятъ въ рамки моего изслѣдованія, и съ его безпримѣрной эвакуаціей, избѣжалъ общаго шаблона!

Мнѣ кажется что изъ всего сказаннаго можно сдѣлать одинъ и не малый выводъ: *бѣлые* могли бы побѣдить красныхъ, если бы они сами, въ своихъ методахъ, въ своей дѣятельности... стали тоже красными. Но, несомнѣнно и то, что они могли быть только бѣлыми! За ними осталось ихъ незапятнанное прошлое, ихъ безпредѣльная любовь къ родинѣ, ихъ горькій опытъ былыхъ неудачъ... И я хочу вѣрить, что они добьются столь необходимыхъ имъ матеріальныхъ и политическихъ возможностей и, оставаясь сами собой, *побѣдятъ какъ бѣлые!*

А. фонъ-Лампе.

I. ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

Желѣзнодорожное строительство въ Россіи началось въ 1832 г. Какъ и во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы, начиналось оно робко, нерѣшительно. Къ желѣзнымъ дорогамъ относились съ недоувѣріемъ, видѣли въ нихъ еще неиспытанное, быть можетъ опасное новшество. Крымская война 1853—54 года, во время которой недостатокъ желѣзныхъ дорогъ и путей сообщенія вообще чувствовался очень остро и быть одной изъ главнѣйшихъ причинъ нашихъ неудачъ, дала рѣшительный толчекъ желѣзнодорожному строительству. Къ участию въ этомъ строительствѣ былъ привлеченъ частный капиталъ и въ теченіе приблизительно 15 лѣтъ (1861—1876) было открыто для общаго пользованія 19 813 верстъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежавшихъ 43 частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Казнѣ принадлежало только 62 версты. Желѣзнодорожная сѣть была раздѣлена между различными обществами, преслѣдовавшими свои частныя цѣли; тарифы находились въ хаотическомъ состояніи; казнѣ приходилось постоянно выдавать субсидіи и гарантировать извѣстный минимальный доходъ... — Все это вызвало въ концѣ 1880-хъ годовъ рѣзкое измѣненіе нашей желѣзнодорожной политики. Въ желѣзнодорожномъ строительствѣ настала новая эпоха, неразрывно связанная съ именемъ С. Ю. Витте. Было приступлено къ сооруженію большой *казенной* желѣзнодорожной *сѣти* и въ то же время къ *выкупу* частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожное строительство достигло наивысшаго подъема къ пятилѣтію 1894—99 года, когда было выстроено 14 887 верстъ, т. е. по 2977 верстъ ежегодно, цифра, небывалая ни до, ни послѣ этого періода. Наряду съ постройкой новыхъ казенныхъ дорогъ, производился и выкупъ частныхъ: въ собственности государства за время 1887—1901 г. перешло 20 497 верстъ частныхъ жел. дорогъ. Все же часть ихъ продолжала находиться въ рукахъ частныхъ обществъ, состоявшихъ подъ контролемъ государства. На 1 января 1914 года (послѣдній довоенный годъ) изъ общаго числа жел. дорогъ общаго пользованія (кромѣ Финляндскихъ и Восточно-Китайскихъ ж. д.) — 69 %, т. е. 64 457 верстъ принадлежало казнѣ, а 31 % частнымъ обществамъ.

Необходимо установить и признать, что русская желѣзнодорожная сѣть никогда не находилась въ настоящемъ соотвѣтствіи съ населеніемъ имперіи и особенно съ размѣрами ея территоріи; оборудованіе ея также никогда не соотвѣтствовало потребностямъ транспорта. По числу верстъ рельсовыхъ путей на 10 000 жителей Россіи занимала 16-ое мѣсто среди 20 Европейскихъ государствъ, а по числу верстъ желѣзнодорожнаго пути на 100 кв. верстъ площади (1 верста рельсового пути на 100 кв. верстъ

площади) — последнее. По сравнению съ другими государствами густота русской жел. дорожной сѣти была въ 5 разъ меньше, чѣмъ густота германской и французской и въ 7 разъ меньше ж. д. сѣти Сѣв. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Среднее ежегодное количество желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ въ періодъ съ 1864 до 1913 года равнялось всего 1300 верстамъ. Были періоды, когда строилось гораздо больше, какъ уже указанный выше періодъ 1894—99 г., но въ послѣдующіе годы *ростъ жел. дорожной сѣти рѣшительно отставалъ отъ экономическаго развитія страны* и въ последнее предвоенное пятилѣтіе 1910—1914 г., при исключительномъ экономическомъ подъемѣ въ странѣ цифра постройки новыхъ дорогъ равнялась всего 3 466 вестамъ, т. е. по 693 версты въ годъ въ среднемъ; т. е. она не превышала цифру ежегодныхъ построекъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. «Нашъ общій грузооборотъ по меньшей мѣрѣ въ 2-3 раза обгонялъ пропорціональное увеличеніе сѣти» — пишетъ проф. Н. И. Фоминъ.

Густота нашего жел. дорожнаго движенія по расчетамъ инженера Фомина, росла съ головокружительной быстротой. Въ періодъ 1908—1914 г. грузовое движеніе возросло въ среднемъ на $6\frac{1}{2}\%$ ежегодно, въ то время какъ соотвѣтственный ростъ этого движенія въ Германіи, Франціи и въ Соед. Штатахъ равнялся всего 2,5—3%. Недостатокъ желѣзнодорожной сѣти вызывалъ *острую потребность въ новомъ строительстве*. «Желѣзнодорожное строительство должно было стать, по словамъ профессора Гриневецкаго — осью всей экономической политики Россіи на долгіе годы». Размѣры этого необходимаго строительства исчислялись авторитетными лицами въ различныхъ цифрахъ—отъ 4 000 верстъ ежегодно (генераль Петровъ) до 8 000 (проф. Гриневецкій). Комиссія инженера Борисова составила въ 1915 году планъ желѣзнодорожнаго строительства на 5 лѣтъ, намѣтивъ постройку 30 000 верстъ жел. дорогъ, т. е. по 6 000 верстъ ежегодно. Помимо недостаточности желѣзнодорожной сѣти, какъ на недостатки русскаго жел. дорожнаго хозяйства указывалось на устарѣлость паровознаго парка, недостатокъ товарныхъ вагоновъ, отсутствіе новѣйшихъ техническихъ приборовъ и т. д.

Несмотря на всѣ эти недочеты, организація русскаго транспорта была *во многихъ отношеніяхъ очень хороша*. Русскіе желѣзнодорожные тарифы, организованные по дифференціальной системѣ, съ учетомъ громадныхъ русскихъ разстояній, были *самыми дешевыми въ мірѣ*. Русскіе пассажирскіе вагоны были *самыми удобными*; желѣзнодорожное хозяйство имѣло *прекрасно организованную отчетность и статистику*, отчасти сохранившіяся, несмотря на всю разрушительную работу большевиковъ.

Міровая война явилась строгимъ экзаменомъ для русскихъ жел. дорогъ, и нельзя не признать, что испытаніе это

было ими *выдержано прекрасно*. Небывалая по размѣрамъ мобилизація прошла блестяще, безъ особаго нарушенія обычнаго желѣзнодорожнаго движенія. Мобилизація совпала съ громаднымъ урожаемъ 1914 года въ Сибири, который несмотря на войну, по мѣрѣ надобности, былъ перевезенъ въ Европейскую Россію. Общій размѣръ перевозокъ въ 1916 году былъ гораздо выше довоеннаго. Въ 1914 году общее количество перевезенныхъ грузовыхъ вагоновъ равнялось 369 милліоновъ; въ 1915 г. 470 милл., въ 1916 г. — 590 милл. вагоновъ. Захватъ непріателемъ нашихъ западныхъ окраинъ, отрѣзанность Россіи отъ ея портовъ, — заставили приступить къ постройкѣ новыхъ дорогъ. Началась постройка Мурманской и Амурской жел. дорогъ, которыя несмотря на свое небольшое хозяйственное значеніе, въ техническомъ отношеніи представляли громадныя достиженія. Въ теченіе войны строилось свыше 16 000 верстъ жел. дорогъ, и на 4100 верстахъ было открыто временное движеніе. «Въ общемъ — пишетъ нѣмецкій изслѣдователь Серафимъ, — нужно признать, что весь организмъ русскихъ жел. дорогъ безъ ущерба выдержалъ всѣ тяготы войны, что несомнѣнно свидѣтельствуешь о его прочности и здоровьѣ».

Еще больше удостовѣрила *прочность и основательность постройки русскихъ жел. дорогъ* и ихъ подвижнаго состава — демобилизація 14-милліонной арміи, когда стремившіеся домой солдаты возвращались на крышахъ вагоновъ, буферахъ, подножкахъ, уничтожали росписаніе поѣздовъ и т. д. И все это вынесли русскія желѣзныя дороги. *Не вынесли онѣ только коммунистическаго хозяйства большевиковъ*. Уже въ концѣ 1918 года, черезъ годъ послѣ начала большевицкаго хозяйничанья, инженеръ Тюменевъ заявилъ: «Агонія желѣзныхъ дорогъ началась еще въ ноябрѣ 1917 года. Желѣзнодорожное хозяйство не существуетъ болѣе, какъ планомѣрно функционирующій организмъ». Не говоря уже о первой порѣ большевицкаго господства, о временахъ такъ наз. «военнаго коммунизма», которыя достаточно охарактеризованы вышеприведенными словами Тюменева, — данныя на 1 января 1927 года, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ социалистическаго строительства, свидѣлствуютъ о сильномъ развалѣ желѣзнодорожнаго хозяйства, несмотря на то, что во главѣ комиссаріата путей сообщенія большевиками ставились для упорядоченія дѣла ихъ наиболѣе видные и энергичные дѣятели, какъ Троцкій, Дзержинскій. Довоенный подвижной составъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ состоялъ изъ 20 320 паровозовъ, 580 000 товарныхъ и 22 000 пассажирскихъ вагоновъ. Составъ этотъ былъ недостаточенъ, что видно изъ сравненія его съ подвижнымъ составомъ Германіи, въ которомъ числилось 20 920 локомотивовъ и 751 700 вагоновъ, хотя жел. доржная сѣть Германіи (61 150 километровъ) была почти на 15% меньше русской. Составъ этотъ понизился на 1 января 1927 года до 11 200 паровозовъ, 390 000 товарныхъ вагоновъ и

16 400 пассажирскихъ. Процентъ негодныхъ къ службѣ паровозовъ доходилъ порой до 55 %, вмѣсто тѣхъ 15 %, которые считались нормальными въ прежнее время. Въ еще болѣе печальномъ положеніи находилось *верхнее строеніе пути*. Довоенная смѣна шпаль, когда процентъ перележавшихъ шпаль былъ незначителенъ, равнялась приблизительно 19 милліонамъ шпаль въ годъ. За послѣдніе же два года, несмотря на то, что число перележавшихъ шпаль исчислялось специалистами въ 46 %, мѣнялось ежегодно по 15 милліоновъ шпаль; въ предыдущіе же годы цифра эта была еще меньше. Довоенной нормой смѣны рельсъ считалось 3 % всего протяженія пути ежегодно, что составляло бы для нынѣшней желѣзно-дорожной сѣти (уменьшившейся на 9 548 верстъ, отошедшихъ къ Польшѣ и рандштатамъ) 1600 верстъ ежегодно. При коммунистахъ же 1921—22 г. было замѣнено 675 верстъ, въ 1922—23 г. 699 верстъ, въ 1923—24 г. — 864 в., въ 1924—25 г. — 1300 в. А. Халатовъ, специалистъ по транспорту, такими словами характеризуетъ современное желѣзнодорожное хозяйство: «Запущенность путевого хозяйства достигла такой степени, что требуетъ къ себѣ огромнаго вниманія подъ угрозой оказаться несостоятельной въ отношеніи безопасности движенія въ связи съ увеличивающимися размѣрами движенія». Количество перевезенныхъ грузовъ въ 1926 году равнялось 7 140 милліоновъ пудовъ, что составляетъ нѣсколько менѣе перевозокъ 1913 г. Количество пудовъ въ 1926 г. нѣсколько превысило количество 1913 года (около 4 %), что объясняется увеличенной средней дальностью пробѣга. Усиленная работа дорогъ, плохое состояніе жел. дорожнаго пути, малое пополненіе подвижнаго состава новымъ, паденіе дисциплины и трудовой морали ж. д. служащихъ вызвали *громадный ростъ несчастныхъ случаевъ*. Число несчастій въ 1923—24 г. равнялось 6,06 на 100 000 поѣздо-верстъ, противъ 1,53 въ 1913 году, т. е. увеличилось ровно въ 4 раза, при чемъ въ этихъ данныхъ еще не учтено уменьшеніе скорости курьерскихъ и скорыхъ поѣздовъ. Согласно приведеннымъ инженеромъ Чеховскимъ даннымъ, число несчастныхъ случаевъ на тѣ же 100 000 верстъ равно въ Англіи 0,10, во Франціи — 0,37, и въ Германіи 0,77, при чемъ и это число считается неестественно выросшимъ послѣ войны. *Новое желѣзнодорожное строительство фактически почти приостановилось*. Совѣтское правительство все еще не можетъ закончить достройку линій, начатыхъ во время войны. По смѣтѣ на 1927 годъ на новое жел. дорожное строительство ассигновано 30 милліоновъ рублей (въ 1913 г. на эту цѣль было израсходовано около 400 милліоновъ). Тотъ же самый инженеръ Борисовъ, исчислявшій въ 1915 году потребность новаго желѣзнодорожнаго строительства въ 30 000 верстъ въ теченіе 5 лѣтъ, сталъ теперь несравненно скромнѣе, и предлагаетъ въ теченіе будущаго пятилѣтія построить безъ малаго 3 700

версть, т. е. всего около 700 версть ежегодно. Финансовое положение желѣзныхъ дорогъ также очень печально. 1926-й годъ, несмотря на большой подъемъ грузооборота, закончился для желѣзныхъ дорогъ *недоборомъ въ 135 милліоновъ*. Коэффициентъ эксплуатаціи, т. е. отношеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ къ валовой выручкѣ равнялся въ 1925 году 80%; въ 1926 году онъ былъ еще выше, тогда какъ въ 1913 г. коэффициентъ этотъ былъ ниже 60%.

Судьба желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ большевиковъ *очень показательна*. Желѣзныя дороги, какъ мы знаемъ, составляютъ ту отрасль государственнаго хозяйства, руководство которой всегда дѣлалось по опредѣленному общему плану, и какъ показали опытъ другихъ странъ, особенно Германіи, *эта отрасль государственнаго хозяйства, можетъ вестись государствомъ удачно*. Большевицкое хозяйничанье разстроило прекрасный механизмъ русской желѣзной дороги, что доказываетъ, что *присущіе коммунизму органическіе дефекты разрушительны даже въ этой, наиболее подходящей сферѣ*. Серафимъ заканчиваетъ свою книжку «*Das Eisenbahnwesen in Sowjet-Russland*» словами: «Такъ же мало можетъ быть рѣчь объ окончаніи въ ближайшемъ будущемъ желѣзнодорожнаго кризиса въ совѣтской Россіи, какъ и объ улучшеніи ея финансового положенія».

Первымъ условіемъ кореннаго улучшенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, какъ и всякаго улучшенія ея политической и хозяйственной жизни, является ломка всего коммунистическаго режима. Послѣ освобожденія отъ путъ коммунизма русскія желѣзныя дороги воскреснутъ очень скоро. На здоровомъ жизнеспособномъ организмѣ быстро затянутся раны и русская жел. дорожная система, созданная почти вѣковой работой, воскреснетъ къ новой жизни.

А. Бунге.

II. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГОРОДАХЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наслѣдій, которыя оставитъ Россіи послѣ своего крушенія большевизмъ, несомнѣнно явится жилищный кризисъ въ городахъ. Тяжесть его будетъ заключаться не только въ томъ, что для ликвидаціи его потребуются долгіе годы и громадныя средства, но и въ томъ, что тѣ кошмарныя жилищныя условія, которыя создались въ результатъ расхищенія и «проѣданія» доставшагося большевицкому режиму въ наслѣдство жилищнаго фонда и вслѣдствіе совершенно недостаточнаго его возстановленія, — являются и на долго еще явятся однимъ изъ основныхъ факторовъ пониженія *моральнаго уровня и духовной культуры народа*.

Если *семья* является въ жизни народа основной культурной ячейкой, то однимъ изъ условій ея нормальнаго существованія является *самостоятельное, по возможности изолированное отъ постоянного соприкосновенія съ вѣншнимъ міромъ, съ чужими людьми жилище*. «Мой домъ — мой замокъ» говорятъ англичане и отнюдь не случайно то обстоятельство, что Англія съ ея высокимъ уровнемъ личной и семейной морали является страной *домиковъ-особняковъ*, гдѣ подавляющее большинство населенія, включая и рабочую массу, живетъ въ отдѣльныхъ домахъ, хотя бы въ 2—3 комнаты.

Конечно не одни жилищныя условія разложили семью въ совѣтской Россіи, но достаточно представить себѣ конкретно жизнь въ современной московской квартирѣ, какъ она часто описывалась въ совѣтской литературѣ и газетахъ и изображалась въ карриатурахъ, чтобы понять, что въ этой кошмарной обстановкѣ, гдѣ самыя интимныя стороны семейной жизни протекаютъ чуть не на глазахъ у людей совершенно постороннихъ, гдѣ отдѣльныя семьи отдѣлены другъ отъ друга часто даже не тонкой стѣнной-перегородкой, а кисейной занавѣской, не можетъ быть рѣчи о нормальной семейной жизни. Не трудно представить себѣ также, что означаетъ эта обстановка для *умственныхъ работниковъ*, совершенно исключая всякую возможность какого бы то ни было *удиненія и сосредоточенія*.

Что же сдѣлали большевики съ городскими домами, которыми они не замедлили овладѣть послѣ переворота?

То, что съ первыхъ дней революціи было осуществлено въ порядкѣ анархическомъ мѣстными совѣтами, революціонными комитетами и т. п. въ видѣ фактическаго устраненія домовладѣльцевъ отъ завѣдыванія домами, выселенія такъ называемыхъ буржуазныхъ семей и вселенія на ихъ мѣсто рабочихъ, а иногда просто подонковъ городского населенія, — было затѣмъ оформлено декретомъ ВЦИК'а отъ 20 августа 1918 г. «объ отмѣнѣ частной собственности на недвижимости въ городахъ».

Первоначальнымъ «завоеваніемъ революціи» явилось не только революціонное перераспредѣленіе жилой площади, но и фактическая, а затѣмъ и на «законномъ основаніи» произведенная — *отмѣна квартирной (арендной) платы*. Фактическая отмѣна произошла вслѣдствіе того, что при прогрессирующемъ обезцѣненіи бумажнаго рубля номинальная квартирная плата оставалась неизмѣнной, въ результатѣ чего «къ ноябрю 1919 г. комната, стоившая тогда въ мѣсяцъ 20 рублей, была въ 10 разъ дешевле фунта хлѣба, на вольномъ рынкѣ стоившаго тогда 200 рублей, или стоила столько же, сколько стоили тогда 20 спичекъ или 3 папиросы» ¹⁾.

Поэтому, когда декреты 1920 и 1921 г. (Собр. Узак. за 1920 г. № 85, ст. 422 и за 1921 г. № 6, ст. 47) совершенно отмѣнили

¹⁾ И. Кобленцъ, «Жилищное право», 2-ое изд. (Институтъ Совѣтскаго права). Москва, 1924 г., стр. 40.

квартирную плату, то совѣтскій законъ только плелся въ хвостѣ всеобщаго развала и «революціоннаго правотворчества» массъ.

Создалось положеніе, которое цитированный выше комментаторъ совѣтскаго жилищнаго права наивно, но правильно характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: *«не было въ сущности лицъ, кровно заинтересованныхъ въ долговременномъ сохраненіи въ цѣлости домовъ»*²⁾. Отмѣна права собственности начала, какъ всегда и всюду, за себя мстить: *пострадавшими являлись въ конечномъ счетѣ не только «экспроприированные» — бывшіе домовладельцы, — но и «экспроприаторы»* или вѣрнѣе тѣ, на пользу которымъ (теоретически) должна была пойти эта экспроприація. При этомъ въ высшей степени характерно то, — и здѣсь какъ въ малой каплѣ воды отражается великая ложь социализма, — что тѣ, кого уничтоженіе собственности на дома должно было въ первую очередь облагодѣтельствовать, отнюдь не чувствовали себя «заинтересованными въ долговременномъ сохраненіи домовъ» — пользуясь выраженіемъ комментатора совѣтскаго закона, при чемъ это въ одинаковой мѣрѣ относилось какъ къ «буржуазнымъ», такъ и къ «пролетарскимъ» обитателямъ домовъ, перешедшихъ въ «собственность народа». Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ совѣтскій авторъ: «Не только не хватало личной заинтересованности, но наоборотъ въ буржуазныхъ слояхъ населенія широко было распространено убѣжденіе, что если значительно улучшить данное жилище, то его скорѣе отниметъ какое нибудь учрежденіе или лицо. Прежніе жильцы изъ буржуазнаго класса изъ этихъ соображеній боялись дѣлать ремонтъ³⁾; вселенные новые жильцы изъ рабочаго класса или совработники не дѣлали ремонта, не считая данную квартиру окончательно закрѣпленную за ними; даже иногда замѣчалось несознательное отношеніе къ квартирѣ въ смыслѣ хищническаго отношенія къ ней, расхищеніе ея оборудованія и т. п.».

Результаты этого положенія не замедлили сказаться въ видѣ: 1) небывалаго «проѣданія», т. е. *разрушенія жилищнаго фонда* и 2) созданія такого *жилищнаго кризиса*, особенно въ большихъ городахъ, которому не было и нѣтъ прецедента въ новѣйшей исторіи. Совѣтская статистика и совѣтская экономическая и общая литература не скупятся на данныя, рисующія создавшіяся отношенія.

Что касается перваго, т. е. *процесса разрушенія наличныхъ жилищъ*, то «Экономическая Жизнь» приводила объ этомъ въ началѣ 1928 г. слѣдующія данныя: «Жилища изнашиваются и разрушаются ненормально быстро. По даннымъ ГУКХ (Главнаго Управленія Коммунальнаго Хозяйства) къ началу 1927 г. износъ муниципализированнаго жилищнаго фонда опредѣ-

²⁾ Там же, стр. 42.

³⁾ Курсивъ мой. В. Г.

лялся въ среднемъ въ 35 проц., а по нѣкоторымъ отдѣльнымъ городамъ даже значительно выше. Такъ по Ленинграду, гдѣ ориентировочная оцѣнка произведена была съ большою тщательностью, износъ муниципализированныхъ домовладѣній опредѣляется въ 39,4 % въ Костромской губ. — въ 39,8 %, въ Новгородской въ 40,3 % и т. д.»⁴⁾.

Жилищную нужду населенія обострило еще то обстоятельство, что изъ націонализированной и муниципализированной площади очень значительная часть отошла подъ безмѣрно разбухшія *коммунистическія учрежденія и концеляріи*. «Къ моменту переписи 1923 г. положеніе въ этомъ отношеніи представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ среднемъ по всему Союзу учрежденіями было занято 33,8 % жилого фонда; по отдѣльнымъ же категоріямъ городскихъ поселеній процентъ занятыхъ учрежденіями домовладѣній колеблется такъ: въ Москвѣ — 17,7 % (по площади 30 %), въ Петроградѣ — 18,5 %, въ губернскихъ городахъ 25,4 %»⁵⁾. Есть однако города, гдѣ совѣтскія учрежденія захватили львиную долю жилой площади, значительно превышающую среднюю норму (25 %) для губернскихъ городовъ. Такъ въ Воронежѣ подъ учрежденіями было занято 48,7 % націонализированныхъ строеній, въ Орлѣ — 52,4 %, въ Вяткѣ — 56,8 %, въ Петрозаводскѣ — 76,3 %. Сокращеніе совѣтскихъ учреждений и числа служащихъ, произведенное въ 1923—1926 гг., отразилось на нѣкоторомъ уменьшеніи площади, занятой учрежденіями. «Хотя эти данныя (1925 и 1926 г.) трудно сравнимы съ данными переписи 1923 г., но они во всякомъ случаѣ показываютъ, что даже и послѣ нѣкотораго сокращенія происшедшаго въ 1926 г., *учрежденіями все еще занято больше трети націонализированнаго жилищнаго фонда*».⁶⁾.

Наконецъ, вслѣдствіе остраго аграрнаго кризиса и отлива крестьянства изъ деревни образовалась необычайная *скупенность населенія въ большихъ городахъ* и въ промышленныхъ центрахъ внѣ городовъ. Обширный и интересный матеріалъ для характеристики жилищнаго кризиса даетъ произведенная въ связи съ общей переписью населенія СССР 17 декабря 1926 г. перепись жилищъ, результаты которой были недавно опубликованы⁷⁾.

⁴⁾ Н. Козеренко. «Какъ бороться съ жилищнымъ хищничествомъ», «Экономическая Жизнь», 1928, № 6.

⁵⁾ Н. Козеренко, «Что можетъ дать сокращеніе аппарата управленія», «Экономическая Жизнь», 22 января 1928 г.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Въ дальнѣйшемъ мы пользуемся главнымъ образомъ результатами этой переписи въ томъ видѣ, какъ они опубликованы въ слѣдующихъ статьяхъ: А. Гибшманъ, «Жилищный фондъ и жилищныя условія нашихъ городовъ», «Статистическое Обзорѣніе», Іюль 1928, стр. 76—84, и Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обзорѣніе», Сентябрь 1928, стр. 134—147.

Когда изучаешь данныя о распредѣленіи жилищной площади въ Совѣтской Россіи, то невольно обращаетъ на себя вниманіе единица счета, здѣсь примѣняемая. Въ другихъ странахъ при жилищныхъ переписяхъ основной счетной единицей являются обыкновенно комната или квартира, причемъ высчитывается сколько человѣкъ приходится въ среднемъ или по отдѣльнымъ категоріямъ на каждую изъ этихъ единицъ. Счетъ на квадратныя единицы площади имѣетъ лишь второстепенное, подсобное значеніе. Наоборотъ, въ Совѣтской Россіи основной счетъ ведется на квадратные метры или аршины, приходящіеся на каждого жителя. Это само по себѣ очень показательно. Счетъ на квартиры и комнаты, какъ мы еще покажемъ ниже, является въ условіяхъ коммунистическаго строя какъ бы недостижимой роскошью, *совѣтскій житель обреченъ на существованіе не въ квартирѣ или комнатѣ, а на такомъ то числѣ квадратныхъ метровъ.*

Совѣтское законодательство и экономическая литература исходятъ изъ того, что необходимой средней «санитарной» нормой жилой площади является 8 квадратныхъ метровъ (= 16 кв. аршинъ) на человѣка (четыре аршина въ длину и четыре аршина въ ширину).

Данныя переписи 1926 г. показываютъ, что большевики не только не достигли этой идеальной нормы, но за послѣдніе годы продолжаютъ отъ нея *удаляться*, ибо *жилищное строительство въ городахъ не поспѣваетъ за износомъ старыхъ домовъ, не говоря уже о новомъ приростѣ населенія.*

Средняя жилая площадь на одного человѣка (для населенія проживающаго въ квартирахъ) составляла по всей Россіи 5,9 кв. метровъ. Это — средняя для *всей* Россіи. Выше ея жилищная площадь оказывается въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ въ результатѣ большевицкой революціи *жизнь по тѣмъ или инымъ причинамъ замерла и населеніе сократилось.* Таковы Петербургъ (8,7 кв. м.), Кіевъ (7,1 кв. м.), Одесса (7,4 кв. м.). Остальные крупные города имѣютъ площадь на человѣка *ниже средней* при чемъ она колеблется въ предѣлахъ 5,9—4,1 кв. м. Кромѣ крупнѣйшихъ городовъ (Москва и Харьковъ), гдѣ населеніе особенно сильно возросло вслѣдствіе сосредоточенія здѣсь безчисленныхъ совѣтскихъ учреждений съ ихъ громадными штатами, особенно неблагополучны провинціальныя промышленныя центры, какъ напримѣръ Иваново-Вознесенскъ (4,3 кв. м.). Сормово (4,6 кв. м.) и т. д. Совѣтская печать (см. особенно органъ профессиональных союзовъ «Трудъ») пестритъ сообщеніями о кошмарныхъ жилищныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ промышленные рабочіе. Изъ огромнаго числа такихъ сообщеній приведемъ слѣдующее, относящееся къ Уральскому горнопромышленному району: «На Уралѣ отмѣчаются случаи, когда на площади двухъ саженой

ухитряются жить до 17—18 рабочихъ. Этотъ секретъ объясняется системой «трехъ смѣнъ». Сдача помѣщеній «подъ ночлегъ» (въ теченіе круглыхъ сутокъ) стала весьма выгоднымъ дѣломъ»⁸⁾. Недаромъ въ рабочей средѣ, какъ свидѣтельствуешь совѣтская печать, для характеристики аналогичныхъ жилищныхъ условій въ Донецкомъ бассейнѣ вошло въ обиходъ крылатое словечко: «гробовая норма».

Сравненіе данныхъ переписи 1926 г. съ данными аналогичной переписи, произведенной въ 1923 г., показываетъ, что за это время произошло не увеличеніе, а наоборотъ *сокращеніе жилой площади*, приходящейся въ среднемъ на одного жителя. Она сократилась за это время съ 6,3 кв. метровъ до 5,9 кв. м. на человѣка, т. е. на 6,4%. «Это — самый важный и самый печальный выводъ изъ сопоставленія результатовъ двухъ послѣднихъ жилищныхъ переписей, такъ какъ указанная средняя является наиболѣе точнымъ показателемъ жилищныхъ условій»⁹⁾.

Что же дѣлала совѣтская власть для того, чтобы остановить дальнѣйшее разрушеніе и «проѣданіе» жилищнаго фонда и для того чтобы устранить созданный уничтоженіемъ права собственности и другими коммунистическими мѣрами жилищный кризисъ? Она, во-первыхъ, вновь ввела и стала неуклонно *повышать квартирную плату*, и, во-вторыхъ, *строила новые дома*¹⁰⁾, преимущественно для рабочихъ.

Упомянутый въ началѣ декретъ 1920 г. о полной отмѣнѣ квартирной платы недолго оставался въ силѣ. Нужно было какъ нибудь содержать дома, убирать нечистоты, чинить крышу, когда она начинала протекать, или водопроводъ, когда онъ портился. Но вновь введенная декретами 1921 и послѣдующихъ годовъ квартирная плата была построена по классовому и подоходному принципамъ. Она разнилась, во-первыхъ, въ зависимости отъ соціального состоянія нанимателя, оставаясь на очень низкомъ уровнѣ для «привилегированнаго сословія» — рабочихъ, и достигая максимума для «паріевъ» — торговцевъ, промышленниковъ и т. п. Служащіе и лица свободныхъ профессій занимали среднее положеніе между этими двумя категориями. Въ вторыхъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ категорій она увеличивалась съ ростомъ дохода даннаго лица. Что касается формы эксплуатаціи домовъ, то большая часть ихъ теперь сдается на опредѣленныхъ условіяхъ въ аренду жилищ-

⁸⁾ «Жилищный вопросъ и текучесть рабочей силы», «Трудъ», 19 января 1928 г.

⁹⁾ Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обозрѣніе», сентябрь 1928 г., стр. 139.

¹⁰⁾ Вопросъ о совѣтскомъ домостроительствѣ я разсмотрю въ особой статьѣ. Авторъ.

нымъ товариществамъ, образуемымъ изъ числа обитателей даннаго дома ¹¹⁾).

Первые годы квартирная плата была завѣдомо недостаточна для производства даже текущаго ремонта, не говоря уже о капитальномъ, и процессъ разрушенія домовъ продолжался по прежнему. Таково было положеніе впрочемъ еще въ 1928 году. «Квартирная плата, какъ извѣстно, въ общей своей суммѣ недостаточна для покрытія всѣхъ расходовъ по эксплуатаціи жилыхъ помѣщеній. По подсчетамъ ГУКХ, даже и послѣ повышенія ея въ 1926 г., она даетъ приблизительно только половину необходимой для этого суммы». Авторъ цитированной статьи приходитъ поэтому къ выводу, что считать вопросъ о «проѣданіи» жилищнаго фонда ликвидированнымъ врядъ ли есть основанія ¹²⁾. Въ виду этого въ началѣ 1928 г. состоялось постановленіе президіума ЦИК СССР о необходимости ввести съ 1 апрѣля 1928 г. новыя нормы квартирной платы въ интересахъ *приближенія ея къ себѣстоимости эксплуатаціи жилищъ*.

Что касается «классоваго принципа», положеннаго въ основу квартирной платы, то съ того момента, какъ жилищнымъ товариществамъ или домоуправленіямъ волей-неволей пришлось въ собственныхъ интересахъ заботиться о самоокупаемости домовъ, *эта мѣра ударила по тѣмъ самымъ рабочимъ, которыхъ она должна была облагодѣтельствовать*. При томъ условіи, что квартирная плата сообразовалась съ социальнымъ положеніемъ жильцовъ, создавалась большая неравномѣрность въ доходности отдѣльныхъ домовъ. Чѣмъ больше въ данномъ домѣ проживало пролетаріевъ, тѣмъ безнадежно убыточнѣе была его эксплуатація вслѣдствіе недостаточности квартирной платы. Напротивъ, чѣмъ больше въ домѣ проживало лицъ иныхъ категорій, платящихъ высокія ставки, тѣмъ больше былъ доходъ, тѣмъ легче было сводить концы съ концами. Поэтому многія домоуправленія и товарищества стали относиться враждебно къ вселенію къ нимъ слишкомъ большого числа плохо платящихъ пролетаріевъ и старались регулировать социальный составъ жильцовъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить достаточную для «рентабельности» дома пропорцію высокоплатящихъ жильцовъ.

Во всемъ этомъ замѣчательно не только то, что жизнь мстила за поруганіе здраваго смысла и законовъ экономики коммунистическими экспериментаторами, но и то обстоятельство, что съ рѣзкой критикой «классовой» системы квартирной платы и съ требованіемъ введенія равной для всѣхъ пла-

¹¹⁾ См. Р. Сифманъ, «Аренда городскихъ домовладѣній», «Статистическое Обозрѣніе», Сентябрь 1928 г., стр. 101—104.

¹²⁾ Н. Козеренко, «Очередныя нужды жилищнаго строительства», «Экономическая Жизнь», 18 января 1928 г.

ты выступилъ не кто иной какъ ВЦСПС (Всесоюзный Централь-
ный Совѣтъ Профессіональных Союзовъ), который въ дан-
номъ своемъ выступленіи, столь рѣзко противорѣчащемъ ком-
мунистическимъ канонамъ, несомнѣнно *отражалъ настроенія
и требованія рабочей массы*. Существующая система, гово-
рить ВЦСПС въ своемъ заключеніи по этому вопросу ¹³⁾, при-
водитъ къ неравномѣрной доходности домовладѣній и къ худ-
шему содержанію жилищъ съ меньшей доходностью, т. е. какъ
разъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ рабочіе съ низкими зара-
ботками. «Кромѣ того эта система очень слабо защищаетъ ра-
бочихъ отъ вытѣсненія ихъ въ худшія жилища, такъ какъ
*домоуправленія и частные домовладѣльцы всячески стараются
избавиться отъ невыгодныхъ жильцовъ. Нужно систему квар-
тирной платы построить такъ, чтобы всѣ категоріи жильцовъ
оплачивали квартиру по дѣйствительной себѣстоимости
эксплоатаціи и амортизаціи жилищъ*».

Получается такимъ образомъ положеніе, при которомъ
облагодѣтельствованные соціалистическими классовыми при-
вилегіями рабочіе просятъ *избавить ихъ отъ этихъ привил-
легій* и настаиваютъ на введеніи того, что является настоящимъ
капиталистическимъ принципомъ.

Возможны ли болѣе наглядныя доказательства разру-
шительности и нежизненности соціализма?

В. Ф. Гефдингъ.

III. ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТЪ ЛИ КОММУНИСТЫ?

Люди, утомленные борьбою и лишеніями; люди, плохо ура-
зумѣвшіе міровой смыслъ нашей русской катастрофы; люди
страдающіе честолюбіемъ, соблазненные и соблазняющіе — не-
рѣдко указываютъ нынѣ на то, что «коммунисты эволюціони-
руютъ» и что *поэтому должно «эволюционировать» и наше от-
ношеніе къ нимъ*: они де — «уже не прежніе коммунисты»;
они «многое» «поняли» и «во многомъ» «измѣнились»; одни изъ
нихъ умерли (Ленинъ, Красинъ, Іоффе, Воровскій, Фрунзе,
Склянский, Войковъ); другіе «силою вещей» вынуждены были
«прекратить» имущественный передѣлъ и начать «хозяйствен-
ное строительство» въ Россіи; та же «сила вещей» заставила
ихъ «признать» частную инициативу (Нэпъ), покончить съ про-
довольственной разверсткой, разрѣшить крестьянамъ наемъ
рабочихъ, ввести строгую дисциплину въ красной арміи, «при-
мириться съ церковью» (Митрополитъ Сергій), повести «нор-
мальную торговлю» съ западно-европейскими державами. Вы-

¹³⁾ «ВЦСПС о квартирной платѣ», «Трудъ», 23 марта 1928 г.

ступили новыя фігуры; появились новыя приемы; сложились новыя задачи и цѣли. Простая справедливость заставляетъ де насъ признать, что «тамъ» совсѣмъ не все такъ ужъ безусловно «гадко, гнусно, ужасно»; тамъ есть «иное», «новое» и его надо оцѣнить по «иному», по «новому». Не пора ли «принять создавшееся положеніе»? Не пора ли влиться въ строительство «новой Россіи»? Вѣдь коммунисты несомнѣнно «эволюціонируютъ»...

Одни говорятъ такъ потому, что пытаются обмануть *самихъ себя*; другіе потому, что пытаются обмануть *другихъ*. И тѣ, и другіе кривятъ душою и сползаютъ въ пропасть. И вотъ почему.

1. Всѣ мы живемъ *во времени*; во времени, чувствуемъ и поступаемъ; подвергаемся разнымъ вліяніямъ, заражаемся, болѣемъ и умираемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ *все* «эволюціонируетъ»; и, наряду съ бактеріями, ядовитыми насѣкомыми и хищными звѣрями, «эволюціонируютъ» и коммунисты. Утверждать такую «эволюцію» значитъ выговаривать общее мѣсто, ничего не говорящій трюизмъ, замѣчаніе избитое и поверхностное, изъ котораго нельзя сдѣлать *никакихъ практическихъ выводовъ*. Да, бактеріи «эволюціонируютъ»; значитъ ли это, что я долженъ содѣйствовать имъ? Ядовитыя насѣкомыя — тоже «эволюціонируютъ»; вытекаетъ ли изъ этого ихъ безвредность и полезность? «Эволюціонируютъ» и хищные звѣри; что же мы не торопимся подражать ихъ хищности? Итакъ: дѣло не въ «эволюціи вообще», а въ особой, *качественной* эволюціи, въ *качественномъ перерожденіи коммунистовъ* — ихъ *цѣлей*, ихъ *намѣреній*, ихъ *приемовъ*, ихъ *міросозерцанія* и *Бого-созерцанія*, т. е. всего ихъ духовнаго уклада и нравственнаго естества. Но утверждать *такую* эволюцію — значитъ говорить явную ложь.

2. На самомъ дѣлѣ коммунисты *качественно не* эволюціонируютъ и ожидать отъ нихъ такой эволюціи было бы *наивно* и *глупо*. Свойственный имъ укладъ души вырабатывался *десятильтіями*, еще въ эпоху императорской Россіи; онъ передавался отъ родителей къ дѣтямъ, закрѣплялся въ революціонномъ подпольѣ и, постепенно накаляясь, доходилъ до *одержимости*, до состоянія слѣпоты и глухоты ко всему иному, до состоянія ненависти и презрѣнія къ противоположному воспріятію міра. Коммунистическое теченіе медленно слагалось въ *изувѣрскую политическую секту*, въ организацію заговорщиковъ-фанатиковъ; они создавали то, что въ наукѣ называется «*коллективнымъ психозомъ*» и сами становились его жертвами и орудіями. Ими владѣетъ судьба всякаго демагога, который сначала разжигаетъ чернь, а потомъ самъ становится ея орудіемъ; который сначала создаетъ какъ бы тотъ резервуаръ страстей, изъ котораго онъ самъ въ даль-

нѣйшемъ черпаетъ свою собственную ожесточенность. Но коммунисты позаботились еще и о томъ, чтобы *закрѣпить* этотъ коллективный психозъ, создать подъ именемъ «партіи» кадры ожесточенныхъ душъ и скрѣпить его: а) совмѣстнымъ преступленіемъ (раздѣлъ чужого имущества, гражданская война, терроръ, убіеніе Царской семьи); в) страхомъ передъ грядущей неминуемой карой; с) жаждой міровой добычи и мірового господства; д) взаимнымъ шпіонажемъ. Вслѣдствіе всего этого коммунистическій укладъ въ основѣ своей пересталъ быть явленіемъ *органическимъ*, способнымъ къ перерожденію, и сталъ явленіемъ *механической слѣпоты*. Изъ катастрофы рожденные, катастрофѣ служащіе, они могутъ найти свой конецъ *только въ катастрофѣ*. Такія явленія, не эволюціонирующія, а катастрофическія—знаетъ и внѣшняя природа (напр. распадѣніе звѣздъ, ураганы, изверженіе вулкановъ).

3. Коммунисты и нынѣ вѣрны свой цѣли: *растлить міръ духовно для того, чтобы поработить его политически; въ имущественномъ передѣлѣ и въ гражданской войнѣ выдвинуть повсюду новую безбожную «элигу», которая закрѣпитъ за собою міровую власть системой подкупа, террора и шпіонажа*. Этой цѣли они будутъ вѣрны до конца. Россія есть ихъ плацдармъ, ихъ трамплинъ, ихъ орудіе; какъ бы ихъ «питательный бульонъ». Если они строятъ *въ Россіи*, то строятъ этимъ *не Россію*, а *міровую революцію*. Если они организуютъ армію, то не Русскую Армію, а *армію міровой революціи*; и сами всегда открыто выговариваютъ это. Если они торгуютъ съ западомъ, то для того, чтобы продержатъ свой плацдармъ. Интересъ Россіи *не* есть ихъ интересъ; и *ихъ* интересъ *противоположенъ интересамъ русскаго народа*. Если въ Россіи замѣтно кое въ чемъ медленное улучшеніе, то *не благодаря коммунистамъ, а вопреки* имъ и *несмотря* на ихъ дѣятельность. И въ подъяремной Православной Церкви они видятъ только своего врага, изъ котораго они пытаются сдѣлать свое орудіе (соглашеніе съ Митрополитомъ Сергіемъ). Ихъ власть есть не Русская Власть, а *власть надъ Россіей*, власть ея врага и ея погубителя.

4. Въ Россіи эволюціонируетъ качественно не коммунизмъ, а *русскій народъ*. А коммунисты, всячески задерживая эту качественную эволюцію русскаго народа, видятъ себя вынужденными *приспособлять* свои мѣры къ совершающимся въ народной толпѣ перемѣнамъ, т. е. по новому изловчатся, по новому растлѣвать, по новому обманывать, по новому натравливать другъ на друга («бѣдноту» на «кулаковъ»), по новому налаживать аппаратъ сыска и доноса. Это есть, конечно, тоже «эволюція»; но не эволюція къ лучшему качеству, а *эволюція къ новымъ видамъ сатанизма*; эволюція не сущности, а внѣшнихъ проявленій; эволюція не цѣлей и намѣреній, а внѣшнихъ пріемовъ и средствъ.

Но русскій народъ, живя и страдая подъ коммунистами, несомнѣнно эволюционируетъ къ лучшему. Страданія его выросли изъ самыхъ заблужденій, страстей и дѣяній имъ совершонныхъ; и въ страданіяхъ своихъ онъ выстрадываетъ *кривые пути своего прошлаго*: религіозно очищается и углубляется его душа; здоровѣетъ его инстинктъ національнаго самосохраненія и инстинктъ собственности; медленно, но вѣрно спадаетъ съ его души гипнозъ страха и соблазна. Проходитъ соблазнъ, исчезаетъ разбойничья установка души; онъ медленно научается *уважать себя и презирать своего совратителя*; и медленно собирается съ силою для надлежащаго отпора коммунистамъ. *Русскій народъ понемногу переходитъ въ наступленіе на не эволюционирующихъ, но изворачивающихся коммунистовъ.*

И только близорукость или безсовѣстность способны принимать и выдавать этотъ процессъ *національнаго возрожденія за качественное перерожденіе коммунистовъ.*

Старый Политикъ.

IV. ПРОРОЧЕСКІЯ СЛОВА.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

Существуетъ Богъ въ мірѣ; и божественная санкція должна таиться въ нѣдрахъ всякаго управленія и повиновенія, должна лежать въ основѣ всѣхъ моральныхъ дѣлъ людскихъ.

Скептическій міръ — неискренній міръ; скептицизмъ — безбожная неправда міра! Изъ него зародилось цѣлое племя соціальныхъ язвъ, — французская революція, чартизмъ, и все, что угодно; онъ составлялъ главную основу ихъ неизбѣжнаго существованія.

Въ основѣ всякаго требованія, обращеннаго человѣкомъ къ человѣку лежитъ божественное право или же діавольское безправіе.

Я предсказываю, что міръ еще разъ станетъ *искреннимъ*, вѣрующимъ міромъ, что въ немъ будетъ много героевъ, что онъ будетъ героическимъ міромъ! Тогда онъ станетъ побѣдоноснымъ міромъ; только тогда и только при такихъ условіяхъ.

Человѣкъ не можетъ вообще *знать*, если онъ не *поклоняется* чему либо въ той или иной формѣ. Иначе его знаніе — пустое педантство, сухой чертополохъ.

Всемирная исторія есть исторія великихъ людей. Исторія этихъ послѣднихъ составляетъ по истинѣ душу всей міровой исторіи.

Беликій человѣкъ является всегда точно молнія съ неба; остальные люди ожидаютъ его, подобно горючему веществу, и затѣмъ сами воспламеняются пламенемъ.

Увы, это такъ: только тотъ можетъ узнать героя, кто до извѣстной степени самъ герой.

Беликія души всегда лойяльно-покорны, почтительны къ стоящимъ выше ихъ; только ничтожныя, низкія души поступаютъ иначе.

Умъ человѣка заключается не въ томъ, чтобы умѣть «говорить» и «дѣлать логическіе выводы», а въ томъ, чтобы *видѣть* и *убѣждаться*.

Развѣ мысль, истинный трудъ, самая высочайшая добродѣтель — не порожденіе *страданія*? Истинная мысль возникаетъ какъ бы изъ чернаго вихря. Дѣйствительное усиліе, усиліе плѣнника, борющагося за свое освобожденіе — вотъ что такое мысль. Намъ повсюду приходится достигать совершенства путемъ страданія.

Все достоинство оригинальности — не въ новизнѣ, а въ искренности. Вѣрующій человѣкъ — оригинальный человѣкъ; во что бы онъ ни вѣрилъ, онъ вѣритъ въ силу *собственного* разумѣнія, а не въ силу разумѣнія другого человѣка.

Ничто не обладаетъ такой долговѣчностью, какъ правдиво сказанное слово.

Молчаніе, быть можетъ, самое полезное изъ всего, что каждому изъ насъ остается дѣлать въ эти черезъ чуръ звонкія времена.

Ибо, дѣйствительно, міръ изобилуетъ олухами, а вы добились *всеобщаго* голосованія!

Первая обязанность человѣка все еще и до сихъ поръ заключается въ *подавленіи страха*. Мы должны освободиться отъ страха; мы не можемъ вовсе дѣйствовать, пока не достигнемъ этого. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не повергнетъ страха подъ пята ногъ своихъ, поступки его будутъ носить раблѣпствующій характеръ, они будутъ не правдивы, а лишь правдоподобны; самыя мысли его будутъ ложны; онъ будетъ думать совершенно какъ рабъ и трусь.

Карлейль.

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

Издательство Акц. Общ. Печатного Дѣла „САЛАМАНДРА“

Художественный журналъ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

На дняхъ выходитъ богато иллюстрированный № 42 журнала,
посвященный художнику БОР. ГРИГОРЬЕВУ.

Цѣна 25 американскихъ центовъ.

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается безплатно. Въ виду отсутствія во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ вниманіе гг. читателей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября 1928 г. на нихъ цѣна повышена вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

Органъ Правленія Краевого Союза
Двухмѣсячный журналъ

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 53-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца

въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освобод. борьбы и славянской взаимности.

Редакторъ К. І. ЗАЙЦЕВЪ

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи П. Б. СТРУВЕ

PARIS (V) 12, RUE ROYER-COLLARD

„La Russie et le Monde Slave“

Издание Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, BrunīnieknieĶa 35 Латвія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подѣ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—2 лата, въ
Эстоніи—73 эст. цент., заграницей—20 амер. центовъ.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія)

Освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи; хроника антирелигіозной пропаганды. Отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи. Восемь разъ въ году „Вѣстникъ“ выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Религіозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теоріи и практики современной религіозно-педагогической работы,

Цѣна журнала 30 франковъ въ годъ, отдел. номеръ 3 франка

Требуйте бесплатно пробные номера.

Адресъ редакціи: 10, Boulevard Montparnasse. Paris-XVe

Б Ъ Л О Е Д Ъ Л О

Лѣтопись Бѣлой Борьбы

Подѣ редакціей А. А. фонъ-Лампе.

Книги I, II, III и IV по цѣнѣ 1 долларъ 75 центовъ. Выписывающимъ непосредственно изъ главнаго склада всѣ четыре первыхъ книги, установлена скидка въ 25 процентовъ.

Книги V и VI „Записки Генерала П. Н. Врангеля“

Цѣна за книгу 2 дол. 25 цент.

Согласно волѣ генерала Врангеля, частямъ Русской Арміи, воинскимъ союзамъ и чинамъ ихъ (по удостовѣренію правленій) на 5 и 6-ую книги дѣляется скидка въ 40 процентовъ.

Всю корреспонденцію просятъ адресовать на имя редактора

„Бѣлаго Дѣла“, Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV

Главный складъ: „Grad Kitesch“, Berlin W62, Kleiststr. 21

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43 IV.
A. BUNGE.

БЕРЛИНЪ W15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43 IV
А. БУНГЕ.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Польшѣ представителемъ является
книжный магазинъ „Д о б р о“
Krakowskie przedmiescie 53;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV

Verlag „**RUSSISCHE GLOCKE**“
Inhaber: I. Iljin.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 8

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

Никогда не должно выходить на брань безъ главной побѣждающей мысли; это какъ бы побѣдоносное знамя. . . Она имѣетъ силу воодушевлять и возносить челоуѣка надъ собою; и потому надобно какъ можно чаще приводить ее въ сознаніе и доводить до чувства.

Феофанъ Затворникъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 8

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Единеніе и раздоръ. Редакторъ	3
2. Начальныя основы строительства будущей русской арміи. А. К. Баіовъ	6
3. О частной собственности. И. А. Ильинъ	14
4. Великіе строители Россіи. 5. Св. Стефанъ Пермскій. И. И. Ланпо	22
5. Исполненіе повседнежнаго долга. Странникъ	30
6. Мелкое землевладѣніе въ Россіи. 1. Два освобожденія. Князь Н. Б. Щербатовъ	35
—	
I. Русская армія въ великую войну. Н. Н. Головинъ	43
II. Что дала революція русскому крестьянину? Редакція .	45
III. Домостроительство русской революціи. В. Ф. Гефдингъ.	51
IV. О непредрѣшеніи. Старый Политикъ	54
V. Отцы и дѣти въ политикѣ. И. А. Ильинъ	58
VI. Живыя слова Фридриха Великаго. Наставленіе Государямъ.	61

ЕДИНЕНИЕ И РАЗДОРЪ.

Россія пала *отъ раздора* и можетъ возстать и возродиться только черезъ *единеніе*. Намъ, русскимъ нѣтъ иного пути къ спасенію; и чѣмъ скорѣе мы уразумѣемъ это, чѣмъ скорѣе мы сумѣемъ обуздать свои страсти и сосредоточить свою волю на *единой и общей* цѣли, тѣмъ скорѣе возстанетъ и возродится Россія.

Нелегко намъ этого достигнуть, теперь, когда къ основнымъ источникамъ нашей національной раздорливости присоединилось еще особое душевное заболѣваніе — *психозъ гражданской войны*, овладѣвшій русскими душами и отнюдь не изжитый ими; теперь, когда равнинная центробѣжность нашихъ душъ и ихъ славянская страстность, потрясены и возбуждены тѣмъ потокомъ злобы, ненависти, преступленій, разрушеній, обидъ и утратъ, который именуется *коммунистической революціей*. И тѣмъ не менѣе единеніе необходимо; и рано или поздно оно будетъ достигнуто.

Русскому человѣку всегда трудно давалось единеніе. Сама природа отъ вѣка какъ бы благопріятствовала раздорамъ на Руси: равнина широка и просторна, и кажется, нѣтъ ей конца; безмѣрны русскія степи; безконечны дебри русскихъ лѣсовъ. Съ древности водилось у насъ такъ, что двое, неужившись, легко разлучались и разбредались: вѣдь «Божій свѣтъ на волю данъ»; и чего ради насиловать себя, добиваться примиренія? «Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше»; а далекія дали такъ и зовутъ своимъ просторомъ. И вотъ, каждый бросаетъ другого и легко уходитъ, «куда глаза глядятъ»; и разошедшіеся навѣрное не встрѣтятся больше никогда. Въ основѣ нашей вѣковой расплзающейся колонизаціи — много этой *неуживчивости*; этого, то активнаго, то пассивнаго *своеволия*; этой русской бродяжливой *неусидчивости* (новгородская вольница, казачество, старообрядческія выселенія и т. д.)

Русская природа всегда благопріятствовала обособленію и разброду людей, той первобытной *индивидуализаціи*, которая сама по себѣ еще не даетъ человѣку ни духовности, ни характера, но лишь приучаетъ его ставить выше всего свой «нравъ» и произволеніе, приучаетъ его подчиняться только внѣшней, налагаемой на него и наказующей его силѣ. Русскіе люди всѣ «индивидуальны» въ этомъ смыслѣ; каждый живетъ со своимъ «вкусомъ», «укладомъ» и «образцомъ», съ самобытнымъ «характеромъ», который слишкомъ часто оказывается упрямой безхарактерностью. Каждый считаетъ свои личныя воззрѣнія

единственно вѣрными; и не дай Богъ — несогласиться и спорить. . .

Природная русско-славянская *страстность* довершаетъ это дѣло и затрудняетъ намъ соглашеніе и согласіе. Мало кому изъ насъ присущъ *даръ терпимости*; и кто съ нами не согласенъ — тотъ уже кажется «или подлецомъ, или дуракомъ». Русский человѣкъ отъ природы *сектантъ*, т. е. (буквально) «страстный приверженецъ» какого нибудь «мнѣнія»; а если къ тому же ему данъ темпераментъ, а сила сужденія его невелика, — то какъ же не стать ему изувѣромъ или фанатикомъ? Недаромъ одинъ наблюдательный иностранецъ, изучавшій русскую исторію, говорилъ, что въ каждомъ русскомъ — или спитъ, или буйствуетъ маленькій «никита пустосвятъ».

Тысячу лѣтъ тому назадъ одинъ византійскій императоръ отмѣтилъ въ своихъ записяхъ, что русскіе производятъ впечатлѣніе «предателей», потому что въ страстной ненависти другъ къ другу они *легко передаютъ общее дѣло*; но, замѣчаетъ онъ, если присмотрѣться внимательнѣе, то видишь, что это не предательство, а *страстное и слѣпое* преслѣдованіе своего *личнаго мнѣнія*: разойдясь во взглядахъ, русскіе не умѣютъ уступать и соглашаться, они начинаютъ ненавидѣть и презирать другъ друга и готовы изъ за этой ненависти забыть общаго и настоящаго врага.

Измѣнилось ли что-нибудь съ тѣхъ поръ? Развѣ не княжескіе раздоры предали Русь монголамъ и развѣ не трещали кости князей подъ досками пировавшей татарвы? Не побоищемъ ли «кончанскимъ» и «уличанскимъ» рѣшалъ Великій Новгородъ свои дѣла въ послѣдней инстанціи? Не доносили ли князья другъ на друга въ Золотую Орду? Не раздирали ли московское княжество — Шуйскіе и Глинскіе? Не бояре ли пустили на Русь самозванца? Не страдала ли Россія въ смутѣ въ низовыхъ бунтахъ и въ дворянскихъ переворотахъ восемнадцатаго вѣка? И кто можетъ перечислить всѣ историческія явленія русской раздорливости. . .

Но все это было лишь полъ-бѣды: *недугъ*, а не доктрина; *слабость*, а не преднамѣренность; вспышки страстей, а не планомѣрная система. Послѣдніе же 50 лѣтъ нашей исторіи принесли намъ съ запада настоящую *доктрину раздора. теорію гражданской войны, систему* классовой зависти, ненависти и травли на смерть. Революція превратила наше гибельное предрасположеніе — въ *догматъ*; она развязала всѣ центробѣжныя страсти въ русской душѣ; она сознательно подготовила *невиданный въ человѣческой исторіи раздоръ*, который и привелъ Россію къ коммунистическому поработенію и обнищанію.

Но она сдѣлала еще одно. Тотъ потокъ злобы, ненависти, преступленій, разрушеній, обидъ и утратъ, который излился отъ нея на Россію — заразилъ русскія души *психозомъ гражданской войны*. Этотъ психозъ выражается не въ томъ, что

русскіе люди сознательно проповѣдуютъ гражданскую войну противъ коммунистовъ или планомѣрно ее готовятъ; это можно было бы дѣлать и безъ психоза. А въ томъ, что *русскія души полны неизжитой обиды и ненависти*, какой то обостренной уязвленности и честолюбивой притязательности, которая только и ждетъ повода или объекта, для того, чтобы сорваться со всѣхъ цѣпей и разгорѣться въ новое ненавидящее сектантство, все равно — партійно-политическое, церковное или чисто личное. Надо признать, что пробужденная, но не утоленная ненависть, несмотря на всю ея неспособность къ жизненному творчеству, могла бы все же оказаться условно-цѣлесообразной въ борьбѣ за освобожденіе Россіи и за сверженіе коммунистовъ. Но для этого она должна была бы стать осмысленной, обузданной, направленной на вѣрный предметъ и подчиненной волевому плану. Ненависть нельзя проповѣдывать; но разъ она исторически дана, ее можно и должно преобразить въ священное негодование и въ самоотверженную борьбу со злодѣями. Однако объ этомъ мало кто думаетъ. Одни проповѣдуютъ сентиментальное непротивленчество; другіе изживаютъ запасъ своей ненависти во всевозможныхъ частныхъ раздорахъ, не только не осмысленныхъ единою и главною борьбою съ національнымъ врагомъ Россіи, но обычно выгодныхъ именно этому врагу и только ему. Люди раскалываются по всякому поводу на партіи или группы и быстро накаляются во взаимной ненависти до черноты въ глазахъ; и, накалившись, рады вѣрить всякой инсинуаціи, клеветѣ и сплетнѣ другъ про друга. И сами проповѣдники аполитизма и непротивленчества не только не воздерживаются отъ этихъ раздоровъ, но нерѣдко являются сущими носителями и распространителями этой черной и губительной заразы.

Кажется, будто самъ діаволь распускаетъ по вѣтру сѣмена раздора и ненависти; кажется, будто люди только и ждутъ того, чтобы отдаться чувствамъ взаимнаго подозрѣнія и презрѣнія, чтобы растерзать и до конца дотерзать національное тѣло Россіи. И замѣчательно, что этотъ психозъ ненависти и раздора развѣдаетъ души тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше главный врагъ, чѣмъ больше людямъ дано свободы и безопасности, чѣмъ легче, казалось бы, имъ опомниться, побороть свои страсти и установить единеніе для общей борьбы съ общимъ врагомъ.

Россія можетъ возстать и возродиться *только черезъ единеніе*; и пока русскіе люди не поймутъ этого и не обуздаютъ свою тягу къ несогласіямъ и распрямъ, до тѣхъ поръ они, отдаваясь *духу междуусобія*, будутъ губить и предавать національное дѣло Россіи. Напротивъ, какъ только ихъ сердца почувствуютъ, какъ только ихъ мысль постигнетъ, что *во всѣхъ дѣлахъ* — и большихъ, и малыхъ, и мѣстныхъ, и общерусскихъ, и личныхъ, и общественныхъ, и для нынѣшняго дня, и на вѣка впередъ, —

**существенно общее, національно-русское,
а разъединяющее — несущественно,**

такъ начнется оздоровленіе и возсозданіе Россіи, какъ въ зарубежьи, такъ и подъ ярмомъ. Русскіе люди, гдѣ бы они ни находились и что бы они ни строили, обязаны постояннымъ и зоркимъ усиліемъ воли *извлекать свои страсти изъ того, что ихъ разъединяетъ* передъ лицомъ единого и общаго врага; они *не смѣютъ* отдавать свои силы на междуусобную распрю; они должны помнить, что *ихъ страсть и ихъ воля принадлежатъ не имъ, а Россіи*, и что они *не имѣютъ права* растрачивать ихъ на всеразлагающую взаимную свару и травлю.

Россія пала отъ русской раздорливости и революціонной травли. И тотъ, кто пребываетъ въ этомъ духѣ, служить ему и не можетъ преодолѣть его въ своемъ сердцѣ, — тотъ *продолжаетъ дѣло революціи и сыновъ погибели*. Горе нашему поколѣнію, если оно сойдетъ въ могилу, прослуживъ этому духу до конца! Не добромъ помянетъ его возрожденная Россія.

Редакторъ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМІИ.

I.

«Пребывая въ мирѣ, нельзя забывать о дѣлахъ воинскихъ, чтобы не случилось съ нами того, что съ монархіей греческой». Такъ сказалъ свыше 200 лѣтъ тому назадъ нашъ Великій Царь Петръ I, отвѣчая на радостныя поздравленія его птенцовъ съ заключеніемъ Ништадскаго мира, закончившаго долголѣтнюю войну со Швеціей и утвердившаго Россію на берегахъ Балтійскаго моря.

Эти мудрыя слова Великаго Петра не слѣдуетъ забывать намъ и теперь, ибо, несомнѣнно, что несмотря на существованіе Лиги Націй, различныхъ оффиціальныхъ, полуоффиціальныхъ и частныхъ всякаго рода организацій и отдѣльныхъ лицъ, борящихся за вѣчный миръ и проповѣдывающихъ его; несмотря на различные договоры о ненападеніи; несмотря, наконецъ, на недавнія международныя постановленія считать войну вѣнъ закона, защита существеннѣйшихъ интересовъ народовъ и государствъ, рѣшеніе ими ихъ основныхъ историческихъ задачъ, обезпеченіе національнаго ихъ роста и всесторонняго развитія — могутъ быть достигнуты, по выраженію создателя Германской Имперіи Бисмарка, лишь «*кровью и желѣзомъ*».

Для достиженія указанныхъ цѣлей война есть *единственное* и при томъ *нравственно-законное средство*. И это потому, что хотя она для даннаго и быть можетъ ближайшаго одного —

двухъ поколѣній несетъ ужасъ личнаго горя, несчастія и печали, экономическое разстройство, ослабленіе матеріальныхъ силъ, пониженіе морали и огрубѣніе нравовъ, но въ то же время она благопріятствуетъ развитію и выявленію лучшихъ сторонъ человѣческой души, пробуждаетъ героизмъ, жажду нравственнаго подвига, готовность жертвовать собою для другихъ и ради высшихъ національныхъ цѣлей, она научаетъ многому полезному, она заставляетъ народы болѣе напряженно работать въ производительномъ трудѣ и, давая возможность отдѣльнымъ государствамъ и народамъ достигъ ихъ національныхъ стремленій и задачъ, способствуетъ въ концѣ концовъ развитію *матеріальнаго и моральнаго прогресса* человѣчества вообще.

Вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ. Все живое стремится съ одной стороны сохранить себя, а съ другой стороны обезпечить существованіе и полученіе наивысшихъ во всѣхъ отношеніяхъ благъ для себя и для своего потомства, и за нихъ *готово бороться* всѣми силами.

И никакія Лиги Мира и тому подобныя организаціи, никакіе договоры, признающіе войну преступленіемъ, не заставятъ народы отказаться отъ *права на эту борьбу, отъ права на войну*, когда дѣлю дойдетъ до ихъ жизненныхъ и высшихъ національныхъ интересовъ.

Недаромъ нынѣ, когда больше, чѣмъ когда-нибудь, идутъ разговоры о вѣчномъ мирѣ, проповѣдуются ученія, организуются разные союзы и заключаются всевозможные договоры противъ войны, всѣ государства напрягаютъ свои силы къ тому, чтобы быть готовыми къ войнѣ, быть лучше другихъ подготовленными къ ней, — одни для сохраненія и обезпеченія своего настоящаго положенія, другіе для достиженія своихъ національныхъ стремленій и потребностей, третьи для полученія первенствующаго и даже мірового значенія въ соотвѣтствіи съ матеріальной и духовной мощью народовъ, ихъ составляющихъ.

Разъ это такъ, то вопросъ о *подготовкѣ къ войнѣ* во всѣхъ отношеніяхъ, объ *организаціи побѣды* надъ тѣми, кто сможетъ и захочетъ помѣшати осуществленію тѣхъ или иныхъ изъ указанныхъ выше задачъ, *приобрѣтаетъ дѣйственное* и при томъ *весьма важное значеніе*.

Особенное значеніе этотъ вопросъ *приобрѣтаетъ для насъ русскихъ*.

Историческая жизнь Россіи на путяхъ осуществленія ея матеріальныхъ и духовныхъ національныхъ интересовъ *одиннадцать лѣтъ* тому назадъ была остановлена и даже повернута на много лѣтъ назадъ. Россія потеряла даже свое болѣе, чѣмъ тысячелѣтнее имя.

Национальный духъ народа, его русская стихія, сознаніе своего историческаго предназначенія и своего значенія среди

другихъ народовъ, ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, вѣрная оцѣнка своей духовной организаціи, отличной отъ таковой другихъ народовъ, не сегодня-завтра заставятъ русскій народъ, сбросивъ всякаго рода путы, его нынѣ связывающіе, *вернуться на прежній историческій путь*, къ рѣшенію національно-органическихъ своихъ задачъ, и прежде всего для того, чтобы возвратить Россіи ея славное и дорогое для насъ имя, занять среди другихъ государствъ подобающее ей мѣсто, развернуть во всю ширь ея матеріальныя возможности, дать выявиться въ полной мѣрѣ ея духовнымъ богатствамъ и, въ концѣ концовъ, выполняя миссію, возложенную на нее свыше, и руководясь истинами Православія, вести человѣчество къ духовному совершенствованію.

Безъ борьбы внутренней и внѣшней, т. е. безъ войнъ гражданской и международныхъ добиться этихъ цѣлей не представляется возможнымъ.

Такимъ образомъ, Россіи уже въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ войны и при томъ многочисленныя и очень тяжелыя.

Чтобы побѣдить въ этихъ войнахъ, Россіи нужна *организація соотвѣтствующихъ общихъ и специальныхъ средствъ* и нужно *умѣнье использовать эти средства* въ опредѣленномъ направленіи.

То и другое составляетъ задачу военного искусства.

Военное искусство, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своей цѣли представляется искусствомъ чрезвычайно *сложнымъ и труднымъ*; и, несомнѣнно, поэтому, какъ организація средствъ войны, такъ и использование ихъ для веденія ея — не могутъ производиться *безъ опредѣленной системы, безъ какого-либо плана, случайно, безъ направляющей идеи*.

Такая система, такія руководящія идеи въ военномъ искусствѣ, какъ, впрочемъ, и во всякомъ другомъ, могутъ быть установлены лишь при наличіи *основныхъ положеній, принциповъ или законовъ*, основанныхъ на природѣ вещей и на естественномъ взаимоотношеніи явленій, вытекающихъ изъ этой природы.

Наличіе такихъ принциповъ (законовъ) признается *всѣми великими практиками* военного искусства — *великими полководцами*, а также *всѣми первоклассными теоретиками* военного дѣла — *выдающимися военными учеными*.

Великіе полководцы силою своего генія *интуитивно постигали* эти принципы, сознательно на практикѣ *устанавливали ихъ наличіе* и давали блестящіе образцы ихъ *использованія*.

Выдающіеся военные ученые, изучая дѣянія великихъ полководцевъ, а также другихъ военачальниковъ, изслѣдуя возможно большее число войнъ, въ свою очередь *убѣждались въ существованіи законовъ* военного искусства, *вскрывали ихъ*

сущность, точно формулировали ихъ, дѣлали познаніе ихъ доступнымъ для всѣхъ и наглядно доказывали, во-1-хъ, что принципы военнаго искусства постоянны и неизмѣнны и что только примѣненіе ихъ различно, въ зависимости отъ сложившейся обстановки и во-2-хъ, что только слѣдовеніе принципамъ военнаго искусства и умѣлое примѣненіе ихъ соотвѣтственно обстановкѣ—приводило къ боевой удачѣ, а нарушеніе принциповъ, забвеніе ихъ приводило неминуемо къ неуспѣху.

И эти положенія справедливы при всякаго рода войнахъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ вооруженной борьбы, при боевыхъ дѣйствіяхъ различнаго характера — будутъ ли это войны международныя или гражданскія, ведется ли вооруженная борьба въ мѣстности обыкновенной, въ горахъ, степяхъ, въ мѣстности лѣсистой или болотистой, происходятъ ли боевыя дѣйствія въ полѣ, подъ крѣпостями, на разнаго рода укрѣпленныхъ позиціяхъ, большими или малыми силами, наступленіемъ или обороной, регулярнымъ способомъ или партизанскимъ.

Къ сожалѣнію, какъ показываетъ опытъ многочисленныхъ войнъ, люди далеко не всегда относятся съ надлежащимъ уваженіемъ къ опредѣленно установленнымъ и практикой и теоріей военнаго дѣла принципамъ военнаго искусства. Одни—по крайнему невѣжеству; другіе, — полагая, что принципы пригодны только въ извѣстныхъ случаяхъ, при боевыхъ дѣйствіяхъ опредѣленнаго характера; третьи — считая, что въ военномъ искусствѣ вообще не можетъ быть никакихъ принциповъ, и что для искуснаго веденія военныхъ дѣйствій нуженъ только навыкъ и нѣкоторая талантливость.

Такое отрицательное, въ томъ или иномъ видѣ, отношеніе къ принципамъ, приводитъ при военныхъ дѣйствіяхъ, прежде всего, къ крайнему напряженію усилій дѣйствующихъ войскъ, требуетъ необычайнаго героизма съ ихъ стороны и вызываетъ массу кровавыхъ жертвъ, и если иногда даетъ частныя успѣхи, то въ конечномъ результатѣ завершается *полной неудачей.*

Примѣры такого отношенія къ принципамъ военнаго искусства особенно часто и при томъ до самаго послѣдняго времени, какъ показываетъ безпристрастная исторія, можно подмѣтить *въ русской арміи.*

Вотъ почему наши войны при встрѣчѣ съ болѣе или менѣе серьезнымъ и «строгимъ» противникомъ всегда были *излишне кровопролитны*; вотъ почему боевыя дѣйствія у насъ сплошь и рядомъ велись *безъ системы, безъ руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь съ потерями, руководствуясь убѣжденіемъ, что мы «шапками закидаемъ»*; вотъ почему наши *успѣхи* обычно были случайными, а наши *неудачи* — естественными и потому частыми; вотъ почему нашимъ военнo-начальникамъ приходилось *учиться уже на войнѣ и войною*, платя за свои уроки *рѣками безрезультатно пролитой крови.*

Готовясь нынѣ къ войнѣ, мы должны прежде всего проникнуться мыслью о несомнѣнномъ существованіи принциповъ военнаго искусства, о громадномъ значеніи ихъ, о необходимости ихъ изучить и научиться примѣнять ихъ при всякой обстановкѣ. Мы должны разъ навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современныхъ условіяхъ, вести войну и отдѣльныя боевыя дѣйствія безъ слѣдованія принципамъ военнаго искусства. Мы должны твердо усвоить себѣ, что только при уваженіи къ принципамъ военнаго искусства можно воевать и добиваться побѣды по слову Петра Великаго «съ легкимъ трудомъ и малою кровью».

Намъ тѣмъ легче исполнить все это, что наша отечественная исторія даетъ богатый матеріалъ для изученія военнаго искусства съ этой точки зрѣнія.

Изучайте походы и сраженія Святослава Кіевскаго, Дмитрія Донскаго, Великаго Князя Московскаго Іоанна III, Царя Іоанна IV, Петра Великаго, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Скобелева, Гурко—и вы узнаете въ чемъ состоятъ принципы военнаго искусства, каково ихъ значеніе, какъ ихъ примѣнять при различной обстановкѣ и что даетъ въ результатѣ искусное слѣдованіе имъ.

Изучайте наши первыя войны съ Наполеономъ, войны царствованія Императора Николая I, Японскую войну 1904—05 г.г. и Великую Міровую войну и вы узнаете къ чему ведетъ сознательное или безсознательное пренебреженіе принципами военнаго искусства, сколько лишней крови было пролито при этихъ условіяхъ за достиженіе частныхъ успѣховъ, почему въ этихъ войнахъ постигла насъ конечная неудача, однако, также оплаченная многочисленными напрасными жертвами. — —

Во всякой борьбѣ одерживаетъ верхъ, побѣждаетъ *сильнѣйшій*.

Это законъ природы.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и въ зависимости отъ сущности другихъ факторовъ вооруженной борьбы, главнѣйшимъ принципомъ военнаго искусства является такъ называемый *«принципъ частной побѣды»*.

Принципъ этотъ требуетъ *быть сильнѣйшимъ на рѣшительномъ (важнѣйшемъ) пунктѣ въ рѣшительную минуту*.

Ударъ произведенный при такихъ условіяхъ на этомъ пунктѣ въ моментъ, наиболѣе благопріятный для насъ и наименѣе благопріятный для противника (рѣшительный), приводитъ къ успѣху на этомъ пунктѣ. Вслѣдствіе же причинъ матеріальныхъ спеціальнаго характера, а также нравственныхъ и психологическихъ, — этотъ частный успѣхъ влечетъ за собою физическую и духовную невозможность сопротивленія на другихъ пунктахъ поля борьбы и, въ конечномъ результатѣ, приводитъ къ общему успѣху, *общей побѣдѣ* въ данномъ сраженіи.

Быть сильнѣйшимъ — это значить имѣть *численное превосходство* и обладать болѣе высокими *качествами*.

Но изъ двухъ свойствъ, которыя даютъ возможность быть сильнѣйшимъ, наибольшее значеніе имѣетъ *качество*, а не *количество*, ибо именно оно даетъ: наибольшее искусство дѣйствій и владѣнія средствами борьбы, напряженіе усилій, порывъ, стремительность, настойчивость, упорство, энергію, стремленіе къ наибольшей согласованности дѣйствій, способность проявить жертвенный героизмъ вплоть до отреченія отъ себя въ пользу общаго дѣла и до готовности положить душу свою за други своя; иными словами — качество даетъ все то, что дѣлаетъ человѣка сильнѣе.

Съ другой стороны количество всегда въ ущербъ качеству, въ особенности въ случаяхъ, гдѣ стихійно должна проявиться дѣятельность человѣческаго духа.

Поэтому для осуществленія столь необходимаго для общаго боевого успѣха принципа частной побѣды нѣтъ нужды непременно быть превосходнѣйшимъ въ числѣ (преобладать количествомъ). А потому, стремясь быть сильнѣйшимъ и принимая во вниманіе, что дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ легче менѣе многочисленными, а значить и менѣе громоздкими, болѣе подвижными и удобнѣе управляемыми массами, нужно стараться обладать преимущественно *превосходнѣйшимъ качествомъ*.

Изъ этого можно и должно сдѣлать заключеніе, что для того, чтобы быть сильнѣйшимъ на рѣшительномъ пунктѣ въ рѣшительную минуту *нѣтъ* необходимости имѣть численное превосходство *и на всемъ полѣ сраженія*, хотя бы оно простиралось на многіе десятки верстъ, ибо и здѣсь должно отдать преимущество качеству надъ количествомъ.

А отсюда прямой логическій выводъ, что и *на всемъ театрѣ войны* можно съ успѣхомъ бороться съ противникомъ, не имѣя численнаго надъ нимъ превосходства, но обладая войсками, превосходящими его войска качественно.

Наряду съ этимъ нужно признать, что въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, въ силу причинъ соціальныхъ, экономическихъ и духовныхъ, и вслѣдствіе развитія идей съ одной стороны антигосударственныхъ, а съ другой стороны націоналистическихъ — содержать вооруженныя силы, численно громадныя, для всякаго государства гораздо труднѣе, тяжелѣе и менѣе матеріально выгодно, чѣмъ относительно незначительную армію, но за то хорошо подготовленную.

Такимъ образомъ, все говоритъ за то, что не только нѣтъ надобности, но и гораздо полезнѣе въ цѣляхъ достиженія конечной военной цѣли войны — одержанія полной побѣды надъ врагомъ — и гораздо выгоднѣе, съ точки зрѣнія матеріальной и моральной тяжести для государства и народа, имѣть въ качествѣ средства для вооруженной борьбы не «вооруженный

народъ» и не *«полчища»*, а относительно *небольшую армию*, каковую только и можно отлично подготовить, т. е. придать ей во всѣхъ отношеніяхъ *высокое качество*, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнѣйшимъ на всѣхъ и на отдѣльныхъ театрахъ войны, на каждомъ полѣ сраженія и въ рѣшительномъ пунктѣ его въ рѣшительную минуту.

Относительность при опредѣленіи *«незначительной»* арміи зависитъ отъ многихъ причинъ и предѣлы ея различны для разныхъ государствъ.

Она зависитъ: отъ величины самого государства; отъ численности народа, его составляющаго; отъ географическаго положенія государства; отъ протяженія и характера его границъ; отъ естественныхъ его богатствъ; отъ промышленнаго и экономическаго его развитія, его государственнаго смысла, силы и качества патріотизма, осознанія имъ своей провиденціальной миссіи; отъ его духовнаго развитія, въ частности отъ его религіозности и просвѣщенности вообще.

Всѣ эти данныя, обуславливая максимальную численность *«небольшой»* арміи, въ то же время должны опредѣлить и ту *военную систему*, которая можетъ обезпечить формированіе, организацію, пополненіе, снабженіе всѣмъ необходимымъ и боевую подготовку арміи, дающую ей наивысшее качество. —

Качество арміи, въ соотвѣтствіи съ природой человѣка, складывается изъ элементовъ *матеріальныхъ* и *духовныхъ*.

Къ *первымъ* относятся: физическое здоровье, сила и крѣпость каждаго воина; все необходимое для жизни арміи во всѣ періоды ея существованія и дѣятельности (обмундированіе, снаряженіе и т. д.); всякаго рода оружіе для веденія дѣйствій вообще и боя въ частности; обученность отдѣльнаго бойца и цѣлыхъ частей различной величины; владѣніе оружіемъ, какъ въ одиночку, такъ и въ совокупности; искусство выполнять раздѣльно и согласованно различнаго рода дѣйствія, вызываемыя боевою обстановкою; навыки, способствующіе, при наименьшей затратѣ физической силы и энергіи, выполненію всего того, что можетъ быть потребовано на войнѣ силою вещей, волею руководителей всякихъ степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацію войсковыхъ частей, ибо она способствуетъ искусному пользованію оружіемъ и выполненію необходимыхъ боевыхъ дѣйствій.

Къ *духовнымъ* элементамъ качества относятся: способность преодолевать чувство самосохраненія, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергія, настойчивость, увѣренность въ себѣ, душевный подъемъ, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознанія, хладнокровіе, душевное равновѣсіе, терпѣливость, воодушевленіе, бодрость, готовность жертвовать собою для другихъ и для общаго дѣла.

Какъ бы ни были совершенны *физическія* свойства человѣка, онъ не въ состояніи будетъ использовать ихъ на войнѣ

и особенно въ бою, если онъ потеряетъ способность преодолевать *чувство самосохраненія*; какъ бы богато ни были *снабжены* каждый воинъ въ отдѣльности и вся армія въ общемъ различнаго рода предметами снабженія, хотя бы и наивысшаго качества, они не принесутъ имъ пользы, если воинъ въ то же время утратитъ *волю, духовную энергію и твердость*; какъ бы совершенно ни было въ арміи *оружіе*, оно будетъ для нея совершенно излишне, если наряду съ этимъ воины въ бою потеряютъ *ясность сознанія и увѣренность въ себя*; никакое *умѣніе владѣть оружіемъ*, никакое *искусство производить различныя боевыя дѣйствія* и никакіе *полезныя навыки* не приведутъ къ успѣху, если армія сверхъ этого не будетъ обладать *храбростью, мужествомъ, душевнымъ равновѣсіемъ, хладнокровіемъ, спокойствіемъ*; никакая самая лучшая *организація*, даже вполне отвѣчающая принципамъ военного искусства, не выполнитъ своего назначенія, если въ арміи не будетъ подлинной *воинской дисциплины*.

Къ этому нужно прибавить, что армія не въ состояніи будетъ преодолѣть всѣхъ тѣхъ *физическихъ тяготъ, неудобствъ и непріятностей* и тѣхъ *моральныхъ испытаній*, которыя сопровождаютъ войну постоянно и непрерывно, если солдаты ея не будутъ обладать *силою воли, настойчивостью, упорствомъ, терпѣливостью* . . .

Наконецъ, только обладая *высокимъ душевнымъ подъемомъ, захватывающимъ воодушевленіемъ, сильною стремительностью, горячимъ порывомъ, неизсякаемой энергіей и бодростью, жаждой побѣды* во что бы то ни стало, *готовностью жертвовать собою за другихъ и для побѣды*, армія можетъ выказать *наивысшее напряженіе всѣхъ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ* для преодоленія наисильнѣйшаго сопротивленія врага, опирающагося на всѣ свои матеріальныя средства и воодушевленнаго желаніемъ не уступать до конца.

Такимъ образомъ, всѣ матеріальныя элементы находятся въ *зависимости* отъ духовныхъ и первые теряютъ всякое значеніе при отсутствіи или даже недостаточности вторыхъ.

Поэтому, несомнѣнно, *духовная, нравственная сторона* имѣетъ преимущество надъ *матеріальной*.

Духъ преобладаетъ надъ матеріей.

А. К. Баювъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ревель.

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Какія бы еще социалистическія или коммунистическія потрясенія ни были суждены человѣчеству, — нынѣ можно уже съ увѣренностью сказать, что они поведутъ не къ отверженію, *а къ новому осмысленію и обоснованію частной собственности.* Внимательно наблюдающему глазу ясно, что наивысшій подъемъ социалистическихъ надеждъ и иллюзій уже *отошелъ въ прошлое*: переваль остался за плечами; и хотя новыя «побѣды и «завоеванія» социализма совсѣмъ еще не исключены, однако, коммунистическій экспериментъ въ Россіи нанесъ всему движенію тяжелый и непоправимый ударъ. Лучшее всего это чувствуютъ и сознаютъ социалисты; это выражается не только въ той жалкой рестерянности и обезкураженности, въ которой пребываютъ *русскіе* социалисты не-большевики, но и въ той злобѣ, съ которой пишутъ и говорятъ *иностранные* социалисты о коммунистахъ въ Россіи; и, что еще замѣчательнѣе, это тѣ признанія, которыя нынѣ можно слышать отъ иностранныхъ социалистовъ, — конечно въ «совершенно довѣрительномъ» порядкѣ: они начали догадываться о *хозяйственной неосуществимости* социалистическаго строя, о *нежизненности* и *химеричности* всей ихъ программы; и иногда они выговариваютъ это съ большою отчетливостью. Публично они этого конечно не произносятъ; напротивъ — они считаютъ необходимымъ продолжать прежнюю пропаганду и усиливать давленіе на имущіе классы, ссылаясь на «инерцію массоваго психоза» и на невозможность «уступить массы коммунистамъ»... Но это означаетъ только, что демагоги становятся плѣнниками и заложниками толпы, тогда какъ въ душѣ ихъ нѣтъ уже ни паюса, ни вѣры.

Еще недавно, передъ революціей, русское «общественное мнѣніе», отчасти совращенное, отчасти подавленное и запуганное социалистами, склонялось передъ ними, какъ передъ носителями «новой справедливости»: сочувствовать социализму считалось чуть ли не признакомъ политической порядочности; отстаивать частную собственность считалось проявленіемъ классовой жадности, негуманности и реакціонности. Казалось, что защищать частную собственность *идейно* и *принципіально* вообще нельзя: конечно можно быть «капиталистомъ» и бороться за *свое* имущество или богатство, — чтобы его не отняли; но по существу... *что же можно сказать въ защиту принципа частной собственности по существу?* Развѣ этотъ принципъ не означаетъ — торжество «эгоизма и своекорыстія»? самое вопіющее «неравенство и несправедливость»? роскошь и нищету? эксплуатацію и угнетеніе? и потомъ —

«безобразную конкуренцію», перепроизводство, кризисы, безработицу, вырожденіе рабочаго класса, «капитализмъ» и «милитаризмъ»?! Только «продажные идеологи буржуазіи» могутъ защищать *принципъ частной собственности* и вытекающій изъ него *хозяйственный и правовой строй*; всѣ же идейные и безкорыстные люди «мыслятъ социалистически»...

Съ тѣхъ поръ русское общественное мнѣніе получило необычайный по суровости и по разрушительной силѣ урокъ, и время социалистической запуганности прошло для него безвозвратно. И если за одиннадцать лѣтъ революціи вопросъ объ обоснованіи частной собственности не сдвинулся съ мѣста, то это объясняется отнюдь не прежнимъ гипнозомъ социализма, а скорѣе идейнымъ бесплодіемъ русскаго зарубежья.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, какъ повидимому думали и Руссо, и Прудонъ. Напротивъ, она вложена въ чело-вѣка и подсказана ему *самою природою*, подобно тому, какъ отъ природы чело-вѣку даны индивидуальное *тѣло* и индивиду-альный *инстинктъ*. Чело-вѣкъ отъ Бога и отъ природы созданъ такъ, что онъ (тѣломъ своимъ) есть вещь среди другихъ вещей и непрерывно нуждается въ этихъ другихъ вещахъ (ходить, лежать, дышать, согрѣвается, питается, лѣчится и т. д.). Для того, чтобы жить, чело-вѣкъ долженъ *заниматься этими вещами, приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ, посвящать имъ свое время, отдавать имъ свой трудъ* (тѣлесный и душев-ный), *совершенствовать ихъ, вкладывать въ нихъ себя и свои цѣнности*, — словомъ *превращать ихъ въ объективное выра-женіе и продолженіе собственной личности*.

Эту связь свою съ вещами, это вкладываніе себя въ нихъ — чело-вѣкъ можетъ свести къ самому скудному минимуму; одни дѣлаютъ это отъ лѣни и безпечности (напр. итальянскіе лацарони), другіе ради высшаго духовнаго сосредоточенія (индійскіе йоги, христіанскіе аскеты). Но совсѣмъ обойтись безъ этого, — чело-вѣку не дано. У чело-вѣка же создающаго *хозяй-ственную культуру* — это общеніе съ вещами становится основной формой дѣятельности.

Хозяйствуя, чело-вѣкъ не можетъ не *сживатьъся съ вещью*, вживаясь въ нее и вводя ее въ свою жизнь. Хозяинъ отдаетъ своему участку, своему лѣсу, своей постройкѣ, своей библио-текѣ — не просто время и не только трудъ; онъ не только «по-ливаетъ потомъ» свою землю и дорабатывается до утомленія, до боли и ранъ на тѣлѣ; онъ *творчески заботится* о своемъ дѣлѣ вчувствуется въ него воображеніемъ, изобрѣтаетъ, напрягается волею, радуется и огорчается, *болѣетъ сердцемъ*. Онъ не только творитъ и опредѣляетъ судьбу своихъ вещей, но онъ и самъ связываетъ съ ними *свою судьбу*, ввѣряя имъ и свое настоящее, и свое будущее (свое, своей жены, дѣтей, потомства, рода).

Всѣ страсти человѣческія вовлекаются въ этотъ хозяйственный процессъ — и благородныя, и дурныя, — отъ религіозно-художественныхъ побужденій, до честолюбія, тщеславія и скупости; *всѣ интересы человѣческіе* связываются съ успѣхомъ и неуспѣхомъ дѣла — отъ инстинкта самосохраненія, до удовлетворенія самыхъ высшихъ и духовныхъ потребностей. Человѣкъ связывается съ вещами — не только *матеріальнымъ интересомъ*, но и *волею къ совершенству, и творчествомъ, и любовью*.

Все это не пустыя слова и не отвлеченныя выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь дѣйствительно *любитъ* ее; садовникъ не просто «копается въ саду», но *творчески чувствуетъ* жизнь своихъ цвѣтовъ и деревьевъ; строя себѣ домъ, человѣкъ создаетъ свой *интимный уголъ*, свой *священный очагъ*, какъ бы свое новое «я»; всѣ истинные коневоды были *художественно влюблены* въ свое дѣло; и погромщикъ страшенъ не убытками, а завистью и ненавистью къ чужому достиженію и *совершенству, презрѣніемъ къ чужому творчеству*. Человѣку дано — *художественно индивидуализировать* не только свое отношеніе къ людямъ, но и свое отношеніе къ внѣшнимъ вещамъ, къ природѣ, къ зданіямъ, къ быту, къ клочку земли. Человѣку дано — *художественно отождествляться* не только съ друзьями и съ образами любимыхъ поэтовъ, но и съ розами въ саду, и съ насажденнымъ его руками лѣсомъ, съ колосящеюся нивою и съ построенною имъ фабрикою. Только люди религіозно мертвые и художественно опустошенные, люди механическаго вѣка, люди разсудочные и бумажно-кабинетные — могутъ думать, что хозяйственный процессъ слагается изъ *эгоистическаго корыстолюбія и физическаго труда*, и что онъ состоитъ въ томъ, что «корыстолюбцы» «высасываютъ кровь» изъ «чернорабочихъ»; трудно сказать, чего больше въ этомъ воззрѣніи — отвлеченной выдумки, моральнаго ханжества или лукавой демагогіи; но несомнѣнно, что живая и глубокая сущность хозяйственно-творческаго процесса просмотрѣна и упущена въ ней совершенно. Расцвѣтъ и обиліе создаются не «голодомъ» и не «жадностью»; и не просто *здоровымъ инстинктомъ и интересомъ*; но *всею душою и всѣмъ духомъ* — призваніемъ и вдохновеніемъ, «любовью, честью, гордостью, смѣлкой, волей»...¹⁾ тѣмъ «творчествомъ, которое привязываетъ къ мѣсту» и въ которомъ «наклонности и обязанности» сливаются во едино²⁾. У каждаго человѣка сочетаніе этихъ побужденій и силъ выражено по своему; но каждый участвуетъ въ творческомъ общеніи съ ве-

1) Какъ это прекрасно выражено у И. С. Шмелева. См. его разсказъ «Въ ударномъ порядкѣ», въ Сборникѣ «Про одну старуху», стр. 128.

2) См. чудесныя формулы у князя С. М. Волконскаго. Родина. Особенно въ главѣ «Павловка», стр. 33, 36 и др.

щами — *всѣмъ своимъ существомъ*; и успѣхъ его творчества обусловливается не только усиліями его *инстинкта*, но и напряженіемъ его *духа*.

Итакъ, хозяйственный процессъ есть *творческій* процессъ; отдаваясь ему, человѣкъ *вкладываетъ свою личность въ жизнь и въ совершенствованіе вещей*. Вотъ почему хозяйственный трудъ имѣетъ *духовную* природу: религіозную — ибо въ основѣ его лежитъ религіозное *пріятіе міра*³⁾; нравственную — ибо онъ есть проявленіе *любви* и осуществленіе *долга*; художественную — ибо онъ заставляетъ человѣка *вчувствоваться въ жизнь вещей, отождествляться съ ними и совершенствовать ихъ способъ бытія*⁴⁾; и, наконецъ, познавательную — ибо онъ ведетъ человѣка къ *изученію тѣхъ законовъ*, которые правятъ вещами и ихъ судьбою. Эта *лично-инстинктивная и лично-душевная* связь человѣка съ вещами — имѣетъ одновременно и *хозяйственно-производственное* и *духовно-творческое* значеніе; и потому оно непременно должно быть признано, закрѣплено и ограждено *правомъ*, осмыслено, какъ необходимое, справедливое и ненарушимое *полномочіе*. Человѣку *необходимо* вкладывать свою жизнь въ жизнь вещей: это неизбежно отъ природы и это драгоцѣнно въ духовномъ отношеніи. Поэтому это есть *естественное право* человѣка, которое и ограждается законами, правопорядкомъ и государственною властью. Это и есть *право частной собственности*.

Право частной собственности *властно и исключительно*, хотя, конечно, *не безгранично*. Безграничнаго права вообще нѣтъ: всякое полномочіе гдѣ нибудь кончается, именно тамъ, гдѣ начинается *чужое* полномочіе и, соотвѣтственно, — *моя* обязанность и *моя* запретность. Въ разныхъ государствахъ эти праницы частной собственности (и по объекту права, и по содержанію) могутъ быть вычерчены въ законахъ различно. И тѣмъ не менѣе въ своихъ, установленныхъ предѣлахъ право частной собственности *властно*⁵⁾ — ибо только одинъ собственникъ въ правѣ рѣшать, насколько, когда и какъ онъ вложить свою личность въ жизнь и судьбу своей вещи; и въ то же время это право *исключительно* — ибо въ предѣлахъ своихъ полномочій собственникъ въ правѣ исключить, отвести всякое

³⁾ См. мою статью «О пріятіи міра», въ № 6 «Русскаго Колокола».

⁴⁾ Эту священную, одновременно естественную и художественно-благодатную природу хозяйственного труда особенно глубоко чувствовалъ графъ Л. Н. Толстой. Къ сожалѣнію, онъ усматривалъ ее (то преимущественно, то исключительно) въ *физическомъ* трудѣ, являясь, въ этомъ отношеніи, послѣдователемъ нигилистовъ и предшественникомъ большевизма. См. особенно его революціонно-нигилистическую сказку «Объ Иванѣ-Дуракѣ».

⁵⁾ Конечно, не въ публично-правовомъ смыслѣ, потому что это есть власть не надъ другимъ человѣкомъ, а надъ собою и надъ вещью.

третье лицо от распоряженія данною вещью (простымъ непозволеніемъ или запретомъ⁶⁾).

Этотъ кругъ *исключительной власти надъ вещами* необходимъ *каждому* человѣку, чтобы онъ *хотѣлъ* и *могъ увѣренно* и *цѣльно* вкладываться въ эти «свои вещи», то расширяя ихъ кругъ трудомъ и законнымъ пріобрѣтеніемъ, то суживая этотъ кругъ распродажей, дареніемъ и уничтоженіемъ. Когда хотятъ наказать каторжника, то этотъ кругъ сводятъ нарочно къ минимуму или угашаютъ почти совсѣмъ. Когда вводятъ и поддерживаютъ сельско-хозяйственную общину съ ея періодическими передѣлами, то этимъ превращаютъ собственника въ *условнаго* и *временнаго пользователя* участкомъ и подрываютъ въ немъ и трудовой интересъ, и душевную волю къ увѣренному и цѣлостному самовложенію въ землю (т. е. волю и способность къ качественному, интенсивному хозяйству). Когда надъ какой нибудь группой собственниковъ или надъ цѣлой страной повисаетъ угроза *принудительнаго* отчужденія или тѣмъ болѣе *безвозмезднаго* отчужденія — то это пресѣкаетъ и убиваетъ *творческое* довѣріе собственника къ вещамъ и къ людямъ, и разрушаетъ весь хозяйственный процессъ. Соціализмъ и коммунизмъ отвергаютъ естественное право людей имѣть частную собственность и тѣмъ практически равняютъ ихъ съ *каторжниками*, или ставятъ ихъ душевно и духовно въ положеніе *хозяйственныхъ кастратовъ*. Безспорно, у человѣка всегда остается возможность устраивать общественную жизнь нелѣпо, противоестественно и пагубно; но нелѣпое и пагубное неизбѣжно приносить злые и гибельные плоды; оно оказывается *нежизнеспособнымъ* и ведетъ только къ *растратѣ силъ* и *разрушенію культуры*, что и доказалъ соціалистическій опытъ въ Россіи.

Все это означаетъ, что принципъ частной собственности *не* есть дѣло человѣческой выдумки, и что поддержаніе его *не* предоставлено на усмотрѣніе человѣческаго произвола. Огражде-

⁶⁾ Эти аксіомы нисколько не поколеблены аргументами извѣстнаго нѣмецкаго юриста Отто Гирке, которыми онъ, приближаясь къ соціалистамъ, пытается обосновать «соціальное право» собственности («Die soziale Aufgabe des Privatrechtes»). Въ построеніяхъ Гирке напоръ «общества» на частнаго собственника, какъ бы въѣдается въ право собственности и выѣдаетъ изъ него не только рядъ содержательныхъ полномочій, но и самую существенную природу собственности. Именно въ этомъ порядкѣ Гирке сочувствуетъ коммунистическимъ воззрѣніямъ массы на землю, какъ на «Gemeingut» и превращаетъ земельную собственность въ «ограниченное право пользованія» (стр. 21, 22); это, пожалуй, уже больше, чѣмъ «одна капля соціалистическаго масла», которою онъ хотѣлъ «пропитать» свои воззрѣнія на гражданское право (стр. 13). Я думаю, что подобное соціалистическое разложеніе и вывѣтриваніе права частной собственности предстоить въ наши дни всякому эмпирическому юристу, не установившему различія между «соціальнымъ» и «соціалистическимъ» и не положившему въ основу своего изслѣдованія естественно-правовую идею частной собственности.

ніе частной собственности, ограниченіе ея, пользованіе ею — зависеть отъ человѣка; но самое существованіе частной собственности, ея принципъ, ея институтъ — зависятъ не отъ человѣческаго усмотрѣнія, а отъ того *способа земного бытія*, который данъ человѣку отъ Бога и отъ природы ⁷⁾).

Нынѣ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что только тотъ способъ владѣнія и распоряженія вещами имѣетъ будущее, который *поощряетъ человѣческій инстинктъ — творчески предаваться хозяйственному самовложенію въ вещи; изживаться въ этомъ самодѣятельно и интенсивно; увѣренно и безъ опасливыхъ оглядокъ создавать свое лучшее*. Таковъ строй частной собственности. Напротивъ, тѣ способы владѣнія и распоряженія вещами, которые подавляютъ человѣческій инстинктъ, застрашиваютъ его, обезсиливаютъ и кастрируютъ — осуждены съ самаго начала и лишены будущаго. Таковы социализмъ и коммунизмъ. Понятно, что все это имѣетъ особенное значеніе именно для *частной собственности на средства производства*. Частная собственность является тою формою человѣческаго труда, которая наиболѣе благопріятствуетъ творческимъ силамъ человѣческаго инстинкта и человѣческаго духа, освобождаетъ ихъ, развязывая, вызывая къ жизни и побуждая ихъ къ труду. И въ этомъ отношеніи частная собственность не можетъ быть замѣнена *ничѣмъ*: ни приказомъ и принужденіемъ (коммунизмъ), ни добродѣтелью и нравственностью («христіанскій социализмъ»). Въ теченіе нѣкотораго времени возможно принуждать человѣка *вопреки* его инстинкту; возможно также стать «добродѣтельнымъ» *вопреки* своему инстинкту; но противоестественное принужденіе и противоестественная добродѣтель обречены съ самаго начала на крушеніе. Человѣскій инстинктъ *необходимо принять въ томъ видѣ*, въ которомъ онъ данъ намъ отъ Бога и отъ природы: въ его индивидуальномъ способѣ жизни и въ его инициативной самодѣятельности. Инстинктъ можно и должно обуздывать, воспитывать, облагораживать. Но никакой земной произволъ и никакое разсудочное умничанье, не можетъ передѣлать, переплавить, перековать тотъ лично-творческій способъ жизни, который присущъ человѣку. Пусть социалистъ упускаетъ это изъ вида; пусть

⁷⁾ Эта идея о естественности и природной необходимости частной собственности развита, между прочимъ, и въ католической литературѣ въ замѣчательной энцикликѣ Папы Льва XIII «*Recurvum*» отъ 15 мая 1891 года, направленной противъ социализма. Левъ XIII слѣдуетъ въ основномъ за Томомъ Аквинскимъ, который, въ свою очередь, слѣдуетъ въ основномъ за Аристотелемъ. Интересно отмѣтить, что въ современной католической литературѣ и практикѣ можно найти не мало двусмысленныхъ и полусоциалистическихъ сужденій и голосованій по вопросу о частной собственности; поэтому, профессоръ Песль, въ сущности, совершенно правъ, указывая на то, что энциклика Папы Льва XIII выражаетъ отнюдь не воззрѣніе католической церкви, а только личное мнѣніе гениальнаго человѣка, занимавшаго папскій престолъ. См.: Prof. Dr. L. Pesl. Kirche und Bodenreform. S.S. 51 и др.

коммунисты отвергают и «отмѣняютъ» это въ своихъ декретахъ. Но именно потому имъ и обезпеченъ самый жалкій провалъ.

Если воспретить человѣку творить *по собственному почину* и побужденію — то онъ вообще перестанетъ творить; ибо творчество или свободно и самопочинно, или оно пресѣкается вообще. Любить, созерцать и молиться можно только *свободно*, исходя изъ своей *собственной потребности*. Этотъ законъ дѣйствуетъ не только въ религіи и въ искусствѣ, но и въ жизни семьи и въ хозяйствѣ. Ибо и семья и хозяйство вырастаютъ изъ *любви* и всегда остаются *живымъ творчествомъ*. Изъ безразличія родится не творчество, а мертвое, механическое отправление, индифферентное и формальное отбываніе «очередного номера». Даже тогда, когда безразличный человѣкъ исполняетъ свою обязанность, онъ работаетъ безъ всякаго одушевленія; вдохновеніе незнакомо ему; творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездѣйственно молчитъ. *Бракъ безъ любви* не создаетъ ни здоровой семьи, ни здороваго поколѣнія: онъ духовно и общественно *вреденъ*. И точно такъ же — *хозяйство безъ свободнаго, внутренняго побужденія*, безъ личной инициативы и частной собственности бюрократически ведѣмое безразличными чиновниками, не создаетъ ни благосостоянія, ни даже достаточнаго и доброкачественнаго продукта: оно общественно и государственно *вредно*.

Идея социализма есть по истинѣ одна изъ самыхъ несчастныхъ и безнадежныхъ идей въ человѣческой исторіи: исключить изъ хозяйственнаго процесса начало инстинктивной самодѣятельности, начало личнаго интереса, начало духовной свободы и начало довѣрчиваго самовложенія въ вещи. Все это рушится съ отмѣной частной собственности; и то, что остается есть лишь безразличная нерадивость, пустая притязательность, продажный бюрократизмъ и самая жалкая безхозяйственность. Вотъ почему коммунисты, упразднивъ частную собственность въ Россіи, не только не подорвали и не скомпрометировали ее, какъ принципъ, но *реабилитировали* и *обосновали* ее. И если гдѣ нибудь иллюзіи социализма изжиты, и если гдѣ нибудь социализмъ на долгія времена лишенъ всякихъ перспективъ, то это именно въ Россіи, гдѣ вотъ уже одиннадцать лѣтъ коммунизмъ воспитываетъ умы и сердца къ частной собственности.

Если бы теперь, послѣ революціи, кто нибудъ началъ исповѣдовать и проповѣдовать вредность собственности и спасительность социализма, то съ нимъ или совсѣмъ не стали бы спорить, или отвѣтили бы ему краткимъ, но исчерпывающимъ обоснованіемъ частной собственности. И онъ услышалъ бы слѣдующее:

1. Частная собственность вызываетъ въ человѣкѣ инстинктивные побужденія и духовные мотивы для напряженнаго труда, для того, чтобы нещадить своихъ силъ и творить лучшее.

Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; и тѣмъ воспитываетъ характеръ.

2. Она даетъ собственнику чувство увѣренности, довѣріе къ людямъ, къ вещамъ и къ землѣ, желаніе вложить въ хозяйственный процессъ свой трудъ и свои цѣнности.

3. Частная собственность научаетъ человѣка творчески любить трудъ и землю, свой очагъ и родину; она закрѣпляетъ его осѣдлость, безъ которой невозможна культура; она питаетъ и напрягаетъ его государственный инстинктъ; она раскрываетъ ему художественную глубину хозяйственного процесса и научаетъ его религіозному пріятію міра.

4. Частная собственность пробуждаетъ и воспитываетъ въ человѣкѣ правосознаніе, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его къ правовой взаимности и къ уваженію чужихъ полномочій, возвращая въ немъ вѣрное чувство гражданского порядка и гражданской свободы.

5. Наконецъ, частная собственность воспитываетъ человѣка къ *хозяйственной солидарности*, ненарушающей *хозяйственную свободу*: ибо каждый собственникъ, богатѣя, обогащаетъ — и свое окруженіе, и самое народное хозяйство; и конкуренція собственниковъ ведетъ не только къ борьбѣ, но и къ творческому напряженію, необходимому для народнаго хозяйства. Самый путь къ организаціи мірового хозяйства идетъ не черезъ соціалистическое рабство, а черезъ культивированіе той солидарности, которая вырастаетъ изъ частной собственности.

Все это отнюдь не значитъ, что общественный и правовой строй, основанный на частной собственности, не имѣетъ своихъ великихъ трудностей, проблемъ и опасностей. Но проблемы эти коренятся не въ частной собственности, а глубже: онѣ вырастаютъ, какъ указалъ еще греческій философъ Анаксимандръ, изъ самаго способа бытія, присущаго человѣку отъ природы. Безсмысленно вводить соціалистическій строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелѣпо вообразать, что естество человѣка можно переплавить въ соціалистическомъ духѣ: ибо если даже можно совратить человѣка и превратить его въ безбожника, въ труса и предателя, — то *инстинктъ* его все же останется *личнымъ* и *самодѣтельнымъ*.

Частная собственность необходима человѣку — и хозяйственно, и духовно; и онъ вернется къ ней изъ всѣхъ своихъ соціалистическихъ блужданій и послѣ всѣхъ своихъ коммунистическихъ злодѣйствъ. Вернется и будетъ искать выхода на христіанскихъ путяхъ: *труда, изобилія, щедрости, неуравнивающей справедливости и свободной солидаризаціи*.

И. А. Ильинъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ.

5. Святитель Стефанъ Пермскій.

Миссіонеромъ старой Руси былъ почти исключительно инокъ русскаго монастыря. Онъ умиралъ для міра съ его мірскими стремленіями, стяжаніемъ, честолюбіемъ, плотскою любовью и ненавистью, съ его семейнымъ счастьемъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ за чего люди такъ много борются и страдаютъ въ земной жизни. «Аще зерно пшеничное упадетъ въ землю, не умретъ, то едино пребываетъ; аще ли умретъ, то многъ плодъ сотворить», — это твердо усвоилъ русскій инокъ. Но онъ разумѣлъ тутъ смерть, какъ она понимается міромъ. Не смерть съ погребеніемъ тѣла, а лишь конецъ его господства надъ чело-вѣкомъ, когда плоть остается существовать только какъ оболочка духа, воспріявшаго въ себя Христа и цѣликомъ отдавагося служенію Ему, не вѣдая иного господина кромѣ Него; — вотъ та смерть «зерна пшеничнаго», къ которой стремился инокъ. «Умертви бо ся всему міру, оживе же Христу, и многъ плодъ принесе, его же пороуди духомъ и упасе преподобіемъ и правдою», говорятъ житія.

Подвигу распространенія христіанской вѣры отдала себя значительная часть русскихъ иноковъ. Изъ ихъ общей массы мы знаемъ лишь небольшое число именъ. Остальные, сдѣлавъ свое святое дѣло, остались неизвѣстными. И длинный рядъ племенъ, славянскихъ и инородческихъ, получилъ Святое Благовѣстіе изъ устъ миссіонера Святой Руси. А идеальный образъ его даетъ намъ личность св. Стефана Пермскаго.

Родился св. Стефанъ (мірское имя его неизвѣстно) въ Устюгѣ, около 1345 года, и былъ сыномъ «нѣкоего христіанца мужа вѣрна христіанина, именемъ Симеона», бывшаго однимъ изъ «клириковъ» соборнаго храма. «Еще дѣтищемъ сый», онъ былъ отданъ отцомъ учиться грамотѣ, которою быстро овладѣлъ, сталъ конанархомъ и чтецомъ въ соборной церкви. Въ кругу своихъ сверстниковъ онъ выдѣлялся блестящими дарованіями. Съ увлеченіемъ онъ читаетъ книги. А ихъ тогда въ Устюгѣ было довольно много и при соборѣ, и въ монастыряхъ Архангельскомъ и Гledenскомъ Троицкомъ. Эти книжныя собранія дали возможность св. Стефану еще въ Устюгѣ научиться «все грамотичней хитрости (т. е. искусству) и книжной силѣ».

Послѣ 10—12 лѣтъ дьячества и изученія книгъ въ Устюгѣ св. Стефанъ рѣшается принять монашество — «пострижеся въ черныцы въ градѣ Ростовѣ, у Святого Григорія Богослова въ

монастыри, нарицаемѣмъ въ Затворѣ, близъ епископы, яко книги многы бяху ту доволны суща ему на потребу, почитанія ради, при епископѣ Ростовстѣмъ Парѣеніи». Иноческій подвигъ, такимъ образомъ, для св. Стефана, съ самыхъ первыхъ шаговъ его въ немъ, соединился съ дальнѣйшимъ углубленіемъ въ сокровищницу церковной письменности. Самый этотъ подвигъ слился съ изученіемъ ея и вылился въ подготовку къ дальнѣйшему подвигу, подвигу Святого Благовѣстія. Что же читаетъ св. Стефанъ? — «Всяку повѣсть божественную восхотѣ слышати; словесъ же и рѣчій и паученій, и повѣстей старческихъ не отступаше; житія же святыхъ отецъ подража всегда почиташе, яко отъ того болшему разуму навикаше.» Какъ онъ читаетъ? Конечно не такъ, какъ въ наше время читаетъ большая часть интеллигенціи и полунинтеллигенціи, т. е. поверхностно просматривая книгу, спѣшно пробѣгая ее, пропуская строки и цѣлыя страницы. Въ старину «почитатель» (т. е. читатель) книги относился къ ней иначе. Онъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ, а въ чтеніи ея видѣлъ серьезное и большое дѣло разработки и увеличенія «таланта», ему «отъ Бога дарованнаго». Такъ читалъ книги и св. Стефанъ — «прилѣжно же имяше обычай почитати почитаніе книжное, и не бѣдно ученія ради умедливаа въ ученіи, но да дондеже до конца по истинѣ разумѣть о коемъ-ждо стисѣ словеса, о чемъ глаголетъ.»

Св. Стефанъ былъ и искуснымъ переписчикомъ книгъ — «святія книги писаше хытрѣ и гораздѣ и борзо.» Находясь постоянно въ общеніи съ ними, читая и переписывая ихъ, онъ, естественно, проникся тою духовною атмосферою, которую онѣ въ себѣ хранили. Заветы Христа, живые въ Св. Писаніи, претворялись въ жизненные образы ихъ осуществленія, которые онъ находилъ въ житіяхъ святыхъ, или получали толкованіе и разъясненіе въ святоотеческихъ твореніяхъ. Изученіе греческаго языка открыло св. Стефану греческую письменность и вмѣстѣ съ тѣмъ развило его филологическія способности и приучило его къ сравненію славянскихъ переводовъ съ ихъ греческими оригиналами, а стало быть и къ работѣ переводчика вообще. Среди этихъ занятій совершилось поставленіе св. Стефана во іеродіакона, а затѣмъ и іеромонаха, а одновременно съ тѣмъ созрѣло и окончательно опредѣлилось его рѣшеніе отдать себя всецѣло дѣлу Святого Благовѣстія, распространенію вѣры Христовой среди незнающихъ ея.

Еще въ дѣтствѣ и юности онъ зналъ язычниковъ-зырянъ, которыхъ поселенія примыкали къ самому Устюгу. Зыряне — вѣтвь финскаго народа пермяковъ, который дѣлился на вычегодскихъ пермяковъ или зырянъ, и на пермяковъ камскихъ. Зыряне жили въ восточной половинѣ нынѣшней Вологодской губерніи, по р. Вычегдѣ и ея притокамъ, вдаваясь и въ пре-

дѣлы нынѣшней губерніи Архангельской, по р. Печорѣ съ ея притоками. Въ XIV столѣтіи зырянскія поселенія начинались уже подъ Устюгомъ. Главнымъ ихъ городомъ было теперешнее село Усть-Вымъ, при впаденіи р. Выма въ р. Вычегду. Но этотъ народъ говорилъ своимъ, зырянскимъ языкомъ. Письма онъ не зналъ, еще не выработавъ его въ своей примитивной жизни. Такимъ образомъ, проповѣдникъ вѣры Христовой среди зырянъ долженъ былъ овладѣть ихъ языкомъ, чтобы они понимали его, и кромѣ того создать для нихъ искусство письма, чтобы дать имъ въ руки Евангеліе и обезпечить православное богослуженіе на понятномъ, родномъ языкѣ.

Св. Стефанъ былъ готовъ къ апостольскому подвигу, какъ вѣрный рабъ своего Господина, готовъ въ своей отданности всѣмъ своимъ существомъ возложенному на себя подвигу, въ своемъ служеніи «единому Богу точію» со всепоглощающею безпредѣльною любовью къ Нему; былъ готовъ и богато накопивъ сокровища знанія Св. Писанія, ученія Церкви Православной, ея организациі, богослужебныхъ обрядовъ и церковныхъ службъ. Но для служенія апостольскому дѣлу среди зырянъ онъ долженъ былъ вооружиться всѣмъ необходимымъ для осуществленія своей святой задачи именно въ ихъ средѣ, долженъ былъ развить свое старое знакомство съ ихъ языкомъ настолько, чтобы вполне овладѣть имъ. Этого мало. Необходимо было перевести на зырянскій языкъ Св. Писаніе и богослужебныя книги, а для этого нужно было предварительно создать зырянское письмо, т. е. составить зырянскій алфавитъ и выработать его начертанія, буквы. И все это сдѣлалъ св. Стефанъ. Онъ овладѣлъ зырянскимъ языкомъ какъ роднымъ. Онъ составилъ и зырянскую азбуку (ея буквы напоминаютъ еврейскія и глаголическія), самъ же выполнилъ и работу переводчика книгъ, необходимыхъ для успѣха проповѣди и его закрѣпленія. Такъ онъ окончательно приготовилъ себя къ своему апостольскому подвигу.

Но церковная дисциплина требовала, чтобы приступилъ онъ къ своему дѣлу не самовольно, а съ вѣдома и благословенія соотвѣтствующей канонической, епископской власти. Зырянская земля, раньше бывшая въ подчиненіи Великому Новгороду, въ дни св. Стефана входила въ составъ территоріи Московскаго княжества, а стало быть и въ составъ Московской митрополичьей епархіи, въ предѣлахъ которой дѣйствовала епископская власть митрополита, жившаго въ Москвѣ. Къ нему за благословеніемъ на проповѣдь и обратился св. Стефанъ. Это было въ 1378 году, когда послѣ кончины св. Алексѣя (13 февраля 1378 года) митрополіей завѣдывалъ, до поставленія новаго митрополита, архимандритъ придворнаго Спасо-Преображенскаго монастыря (Спасъ на Бору) Михаилъ, предназначенный на митрополичій престолъ, но затѣмъ скончавшійся на кораблѣ въ Босфорѣ, не доѣхавъ до Царяграда за

посвященіемъ къ патріарху. И архимандритъ Михаилъ, и великій князь Димитрій Ивановичъ (Донской), своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ вполнѣ понимавшій значеніе начинаемаго св. Стефаномъ дѣла, отнеслись къ нему чрезвычайно сочувственно. Св. Стефанъ получилъ и благословеніе на проповѣдь среди зырянъ, и щедрую помощь всѣмъ необходимымъ для ея начала. И вотъ онъ вступаетъ въ предѣлы Зырянской земли — «вниде въ ня, яко овца посреди волкъ и начать учить я о Бозѣ.»

Послѣ молитвы св. Стефанъ начинаетъ свою проповѣдь: — «по молитвѣ дерзновенія наполнися.» Его ученіе поначалу привлекаетъ немногихъ. Естественная и обычная картина начала проповѣди, такъ прекрасно закрѣпленная Евангельскою притчею: «се изыде сѣяй да сѣетъ. И сѣящу ему, ова падоша при пути, и придоша птицы и позобоша я. Другая же падоша на каменныхъ, идѣже не имѣяху земли многи, и абіе прозябоша, зане не имѣяху глубины земли. Солнцу же возсіявшу присвянуша и, зане не имѣяху коренія, изсхоша. Другая же падоша въ терніе, и взыде терніе и подави ихъ. Другая же падоша на земли добрѣй, и даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять. Имѣяй уши слышати, да слышать.» Тѣ, кто увѣровали слушая его проповѣдь, приходятъ затѣмъ къ нему для бесѣды постоянно. Остальные относятся со враждою. Они даже выходятъ на него съ оружіемъ и дреколѣемъ, угрожая ему смертію. Но св. Стефанъ въ такіе часы близости смерти молитвенно возглашалъ: «десница Господня сотвори силу; не умру, но живѣ буду; исповѣмъ дѣла Господня.» Онъ встрѣчалъ разъяренныхъ язычниковъ съ неизмѣнными спокойствіемъ и кротостію, и они отходили отъ него, поражаемые ими.

Съ началомъ своей проповѣди св. Стефанъ выстроилъ въ Усть-Вымѣ прекрасный деревянный храмъ во имя Благовѣщенія. «Днесъ спасенію нашему початокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе», такъ читался тогда благовѣщенскій тропарь, и построеніемъ этого храма св. Стефанъ ознаменовывалъ начало спасенія зырянъ. Привезенные изъ Москвы иконы, облаченія, сосуды и церковная утварь доставили возможность обставить богослуженія въ храмѣ со всею высокою красотою и торжественностью, которыя издавна были такъ развиты нашею родною Церковью и въ которыхъ всегда было такъ много обаянія и духовной прелести. Эти богослуженія и самый храмъ получили значеніе могучей силы, привлекавшей къ св. Стефану все новые и новые ряды зырянъ, приходившихъ къ нему, какъ къ своему просвѣтителю, и принимавшихъ отъ него крещеніе.

Что же особенно дѣйствовало на зырянъ-пермяковъ въ дѣятельности св. Стефана, въ доступной ихъ развитію и пониманію области, и, производя на нихъ глубокое, неотразимое впе-

чатлѣніе, заставляло ихъ искать отъ него крещенія и вступать въ ряды его паствы?

Это прежде всего его *личность*. Онъ горѣлъ святыми вѣрою и подвигомъ. Онъ весь былъ кротость, любовь и самопожертвованіе, но въ то же время онъ былъ и всегда готовъ умереть за свое святое дѣло, являя собою высокій образецъ несокрушимой твердости въ служеніи ему. Разрушая кумирни и уничтожая идоловъ, онъ сожигалъ ихъ сокровища и ничего изъ нихъ не бралъ себѣ, и это безкорыстіе крайне удивляло и поражало язычниковъ, даже не представлявшихъ себѣ раньше его возможности. Съ языческими жрецами св. Стефанъ постоянно вступалъ въ пренія. Онъ ихъ искалъ старательно, притомъ особенно въ присутствіи народа, получавшаго возможность во-очію убѣждаться въ преимуществахъ новаго ученія и въ духовной силѣ его проповѣдника. Такихъ преній было много. Особенно сильное впечатлѣніе на народъ произвело преніе св. Стефана съ пользовавшимся громаднымъ вліяніемъ въ Пермской землѣ Памомъ, котораго «волшвеніемъ управленъ быти Пермьстѣй земли» и котораго современникъ св. Стефана. Епифаній Премудрый называетъ въ ней «волхвомъ начальникомъ». Памъ убѣждалъ народъ, по словамъ Епифанія: «отеческихъ боговъ не оставляйте, а жертвъ и требъ ихъ не забывайте, а старыи пошлыны не покидывайте, давныи вѣры не пометайте, иже твориша отцы наши, тако творите, мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшаго отъ Москвы; отъ Москвы бо можетъ ли что добро быти намъ?» Народъ потребовалъ пренія Пама со св. Стефаномъ. Рѣшено передъ народомъ «пріати искушеніе (т. е. испытаніе) вѣры»: вмѣстѣ обоимъ пройти черезъ огонь (зажгли отдѣльно стоявшій въ городѣ домъ) и вмѣстѣ же пройти черезъ двѣ проруби въ Вычегдѣ. Помолившись, св. Стефанъ обратился къ собравшимся толпамъ народа съ рѣчью, а затѣмъ взялъ Пама рукою за одежду и трижды пригласилъ его идти вмѣстѣ въ огонь. Памъ отказался. То же произошло и передъ прорубью. Разъяренный народъ бросается на Пама и хочетъ его убить, но св. Стефанъ его спасаетъ — «не посла бо меня Христосъ бити, но благовѣстити, и не повелѣ ми мучити, но учити съ кротостію и увѣщати съ тихостію, по рекшему: покажетъ мя праведникъ милостію своею и обличитъ мя».

Учительство св. Стефана было постояннымъ и непрестаннымъ. Въ немъ онъ не позволялъ себѣ чувствовать утомленія. Но оно было и чрезвычайно плодотворнымъ, ибо «добраго ради исповѣданія и чуднаго ради наказанія его, изряднаго ради ученія его, дасться ему даръ благодатный и слово разума и мудрости». Онъ училъ, «отъ Ветхаго и Новаго Завѣта износя словеса, научая, вразумляя, наказая, обращая пекуйся о людяхъ заблуждшихъ, хотя ихъ отрѣшити отъ союзы діавольскія и отъ прелести идольскія». Конечно, много

пришлось пережить и вражды, оскорблений и лишений, но онъ среди нихъ неустанно и непреклонно продолжалъ свое апостольское дѣланіе, «аки твердый камень, утвержденный вѣрою» и «въ толицехъ подвизехъ и искушеніихъ и бѣдахъ моляся Богу молитвою и постомъ алча и жажа: жадаая спасенія Пермскаго, многи досады отъ нихъ пріимая и за то не гнѣваясь на ня о всѣхъ сихъ приключившихся ему, ни оскорби, ни пропта, не круподушенъ сый, не злопомнивъ, но паче приложися къ любви спасенія ихъ и желая обращенія ихъ, всѣхъ уча и наказуя, моля и кротя старцевъ ихъ яко отца, средовѣчныя же яко и братію, уныя и младыя дѣти яко чада присная».

Послѣ утвержденія христіанства въ центрѣ Пермской земли народъ съ разныхъ мѣстъ самъ стекается въ Усть-Вымѣ. ища тамъ новой «московской» вѣры, слухи о которой уже широко разошлись. Кромѣ Благовѣщенской церкви въ Усть-Вымѣ были выстроены двѣ другихъ, во имя Николы Чудотворца и Архангела Михаила. Но св. Стефанъ совершаетъ свой подвигъ, не живя постоянно въ Усть-Вымѣ. Онъ обходитъ зырянскія селенія, проповѣдуетъ тамъ, креститъ народъ и строить церкви. Число христіанъ въ Пермской землѣ растетъ, все больше становится и приходскихъ храмовъ — св. Стефанъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ проповѣдуетъ Христову вѣру среди зырянъ. Создается настоятельная необходимость для слишкомъ отдаленной отъ Москвы Пермской земли въ особомъ епископѣ и епархіальномъ управленіи. И св. Стефанъ отправляется въ Москву просить о назначеніи епископа для Зырянской земли. Эта просьба была встрѣчена сочувственно и митрополитомъ Пименомъ, и великимъ княземъ Димитріемъ. Былъ выдвинутъ рядъ кандидатовъ на новую епископскую кафедру. Въ концѣ концовъ, однако, было рѣшено, что на нее долженъ быть возведенъ самъ св. Стефанъ, и въ началѣ 1383 года въ Москвѣ было совершено поставленіе его во епископа для земли Пермской. Четырнадцать еще лѣтъ (1383 — 1396), въ санѣ епископа, продолжалъ св. Стефанъ начатое имъ дѣло обращенія язычниковъ - зырянъ, теперь уже не только лично, но и путемъ руководства другими миссіонерами, организуя въ то же время Зырянскую землю въ епархію Русской Церкви. Не разъ, конечно, приходилось ему по дѣламъ ея предпринимать и тяжелыя, въ обстановкѣ того времени. путешествія въ Москву. Во время одного изъ нихъ онъ въ Москвѣ и скончался 26 апрѣля 1396 года, успѣвъ за свою жизнь крестить половину Пермскаго народа, зырянъ. Распространеніе христіанства среди другой половины пермяковъ (въ нынѣшней Пермской губерніи) продолжали его преемники по Пермской епископской каѳедрѣ, и окончательно вся Пермь была крещена въ 1462 году четвертымъ преемникомъ св. Стефана, епископомъ Іоною. Въ Москвѣ св. Стефанъ былъ и по-

гребень, въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ, и его мощи до послѣдняго времени почивали, и послѣ упраздненія этого монастыря, въ его храмѣ, извѣстномъ подъ именемъ Спаса на Бору, въ Московскомъ Кремлѣ.

Св. Стефанъ, просвѣщая зырянъ свѣтомъ Христова Ученія давалъ имъ и письменность, и книжное просвѣщеніе — «научи ихъ грамотѣ ихъ Пермстѣй, юже бѣ дотолѣ новосложилъ но и всѣмъ ихъ новокрещенымъ мужемъ и юношамъ и отрокамъ младымъ и малымъ дѣтищемъ заповѣда учить грамоту, часословець явѣ и осмогласникъ и пѣсница Давида, но и вся прочая книги». Достаточно усвоившихъ грамоту и «четъепѣтье церковное», какъ выражались у насъ въ старину, онъ поставлялъ во священники и діаконы, назначалъ къ церквямъ чтецами и пѣвцами, «пѣтіе имъ перепѣвая и перелагая, и писати научая ихъ Пермскія книги, и самъ спомогая имъ, переводяше съ Русскихъ книгъ на Пермскія книги, и сія предасть имъ, и тако оттолѣ другъ друга учяху грамотѣ, и отъ книгъ книгу сами переписующе, умножаху исполняюще». Плоды его трудовъ и благословенный успѣхъ его дѣланія не могли не радовать святителя Стефана — «и сія видя, преподобный радовашеся душою и благодарственно не престаеши ношъ и день, моля за спасеніе и за обращеніе людій, всегда уча люди, да стадо Христово растеть и умножается по вся дни, а невѣрныхъ стадо умаливается и убываетъ и оскудѣваетъ». Онъ радовался «о Бозѣ», какъ «вѣрный рабъ Господина своего».

Дѣятельность св. Стефана получила полное признаніе и высокую оцѣнку его современниковъ и ближайшаго ихъ потомства. Нельзя сказать, чтобы въ новѣйшее время о ней достаточно знали сколько-нибудь широкіе круги общества. Но старая Русь всегда хранила о св. Стефанѣ благоговѣйную память. Русская Церковь, въ дни приснопамятнаго митрополита Макарія, на Московскомъ соборѣ 1549 года причислила его къ лику святыхъ. Сохранилось воспоминаніе и о томъ, какъ высоко его цѣнилъ великій своею святостью современникъ «подвижникъ, дотолѣ невиданный» на Руси, преп. Сергій Радонежскій, чья личность воплотила въ себѣ всю дивную духовную красоту подвига вѣры и любви старой, Святой Руси. На Поклонной горѣ, въ десяти верстахъ отъ Троицкой Сергіевской обители, въ XVII столѣтіи была построена каменная часовня, въ которой водруженъ большой крестъ. Эта крестовская часовня, часовня «у креста» была цѣла до послѣдняго времени. Житіе преп. Сергія, написанное его современникомъ, такъ рассказываетъ о событіи, въ память котораго была поставлена позднѣе часовня. Св. Стефанъ шелъ въ Москву по дѣламъ своей новообращенной паствы, и у него не было времени зайти къ своему другу и сомолитвеннику въ его Троицкій монастырь. На этомъ мѣстѣ онъ остановился, «сотвори Достойно есть и обычную молитву, и поклонися святому Сергію на ону

страну, идѣже житіе имѣяше, рекъ сице: миръ тебѣ, духовный брате!» Преподобный Сергій тогда находился въ трапезѣ съ братіей. Какъ разъ въ это время «на трапезѣ святыи воставъ, мало же постоявъ, и молитву сотвори и поклонився рекъ: радуйся и ты, пастуше Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобой!»

Чистая, горящая вѣрою и блистающая святостью личность, полное безкорыстіе, постоянное учительство словомъ и примѣромъ и любовь къ людямъ, начинаніе дѣла съ проповѣди и только уже послѣ достаточно широкаго ея успѣха созданіе епархіи и епископской власти, просвѣщеніе и переводъ на языкъ новообращенныхъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ — вотъ основныя черты и методы дѣятельности св. Стефана. Онъ давалъ новообращаемымъ вѣру Христову и просвѣщенный Святымъ Благовѣстіемъ разумъ. И дѣлалъ все это въ «кротости», «смиреніи», «безгнѣви», «любовь равну имѣя ко всѣмъ человѣкомъ», «работающе Господеви со страхомъ и радующеся Ему съ трепетомъ».

Но что же давала русская православная миссія дѣлу строительства Россіи? — Она создавала *единство вѣры ея населенія*, ея племень и народовъ. Какъ миссіонерская дѣятельность св. Бонифація готовила имперію Карла Великаго въ западной половинѣ Европы, такъ самоотверженный трудъ св. Стефана и другихъ русскихъ миссіонеровъ *готовилъ рожденіе Московскаго Царства*, духовно объединяя населеніе восточной Европы, выковывая въ немъ *крѣпкую сталь единого міросозерцанія*, создавая прочный народный фундаментъ для «Россійскаго Царствія». Не только вѣра и церковное управленіе мощно влагались въ выработку русской, «россійской» національной стихіи, сливая въ ней различныя инородческія племена и русское населеніе земель и княжествъ. Церковь и обрядъ входили въ повседневной *бытъ*, дѣлали его *общимъ* въ его православномъ церковномъ освященіи, съ его праздничными богослуженіями, обрядами, крестными ходами, иконами, духовнымъ стихомъ, церковною книгою. Старый духовный стихъ пѣлъ: «Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати — по ней строятся церкви апостольскія, они молятся Богу распятому, самому Христу Царю Небесному». Вѣра «русская» начинается именоваться и «вѣрою московскою». А «Свята Русь земля» превращалась въ Православное Царство, въ «государства Россійскаго Царствія».

И. Лаппо.

ИСПОЛНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНАГО ДОЛГА.

Русскій человѣкъ всегда мечтаетъ о необыкновенномъ, и большинство, если и исполняетъ свой повседневный долгъ, дѣлаетъ это вяло и неохотно. Исключеніе составляютъ лишь люди высокой духовности: они знаютъ, что путь къ необыкновенному не только начинается, но и до самаго конца сопровождается тщательнымъ исполненіемъ простыхъ, какъ будто, скучныхъ и сѣрыхъ вещей. На самомъ дѣлѣ, онѣ совсѣмъ не скучныя и не простыя, но заурядные люди этого не замѣчаютъ и непремѣнно хотятъ перешагнуть черезъ нижнія и промежуточныя ступени, сразу выскочить вверхъ, не подняться на гору, а безъ труда взлетѣть на нее. Вотъ почему эти люди ставятъ себѣ и другимъ максимальныя, непосильныя задачи, а затѣмъ, либо срываются и ушибаются при безплодныхъ попыткахъ прыгнуть выше лба, либо, что бываетъ чаще, проводятъ жизнь въ бесполезныхъ мечтахъ (маниловщина), постепенно падаютъ духомъ, опускаются и зарываютъ въ землю даже тотъ малый талантъ, который былъ имъ данъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, почему эмиграція меньше дѣлаетъ для освобожденія Россіи, чѣмъ можно было бы отъ нея ожидать и требовать.

Но не столько вины въ заурядныхъ людяхъ, сколько въ тѣхъ, которые отмѣчены печатью большого таланта, если они пользуются имъ только для себя и не отдаютъ его на служеніе матери-родинѣ. Осуждаютъ и справедливо осуждаютъ тѣхъ русскихъ богачей, которые ничего не дѣлаютъ для Россіи, но развѣ талантъ, будь то музыкальный, художественный, артистическій, будь то талантъ изобразителя или ученаго, развѣ онъ дается человѣку за заслуги?

Такъ же, какъ и дѣловыя способности и удачи, какъ и случайность рожденія отъ богатыхъ родителей, такъ же падаетъ съ Неба и дарованіе пѣвца, писателя, композитора, изслѣдователя. Всѣ люди, достигшіе жизненныхъ успѣховъ, равны; никакая геніальность не ставитъ человѣка выше нравственного закона и родины. Никто не имѣетъ права сказать: «я великій служитель науки или искусства, и поэтому—я внѣ чловѣческихъ подраздѣленій, я не бѣлый и не большевикъ».

Вѣдь это все равно, что объявить добро и зло для себя безразличнымъ, почитая разницу между ними ниже себя. Къ сожалѣнію, такіе случаи бываютъ, а заграничное русское общественное мнѣніе своей постыдной снисходительностью потворствуетъ нашимъ избранникамъ судьбы, находящимся въ забытіи ума.

Вотъ это подсознательное сомнѣніе въ обязательности для геніевъ и талантовъ повседневныхъ правилъ житейской морали — приводитъ иногда и хорошихъ дюдей къ страннымъ уклонамъ мысли.

Мнѣ пришлось разъ услышать такую фразу: «Можно быть святымъ, не будучи честнымъ съ буржуазной точки зрѣнія. Щепетильность въ денежныхъ дѣлахъ — мелочь; на нее можно не обращать вниманія и не нужно останавливаться на ней, идя къ великой цѣли».

Человѣкъ, сказавшій это, самъ былъ безсребренникомъ и педантично честнымъ — тѣмъ болѣе ужасно было то, что онъ сказалъ. Такое стремленіе не идти по тяжелому и узкому пути совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ мелочамъ жизни, а пытаться сократить дорогу, идя цѣликомъ, заводить многихъ въ дебри, а иногда и въ бездну.

Какъ въ первые вѣка христіанства вокругъ яснаго, свѣтлаго, глубокаго и въ то же время трезваго ученія церкви возникали смутныя гностическія секты, такъ и сейчасъ въ эмиграціи около прямого пути, какъ ядовитые грибы, вырастаютъ полуполитическія, полумистическія ученія, — чѣмъ пранѣй и неправдоподобнѣе, тѣмъ заманчивѣй, — и привлекаютъ къ себѣ молодежь.

Въ подъяремной Руси большевики завели обученіе «полит-грамотѣ»: черезъ нее въ подрастающее поколѣніе систематически внѣдряется духовная и жизненная ложь. Очевидно, намъ нужно завести *школы жизненной правды*, особенно ея азбуки — *исполненія повсѣдневнаго долга*. Раньше лучшей его школой была *армія*; и если чувство долга, несмотря на нашъ характеръ, все-таки держится въ эмиграціи, то это потому, что вліятельнѣйшая часть ея живетъ военными традиціями. Но подрастаетъ новое поколѣніе, не прошедшее черезъ армію и ему трудно будетъ обороняться отъ всякихъ нашептываній. Необходимо отцамъ и старшимъ братьямъ осознать опасность, придти на помощь слѣдующему поколѣнію и всѣми мѣрами препятствовать превращенію его въ такую же *толпу политикановъ и фантазеровъ*, какой было большинство русскаго дореволюціоннаго общества, не понимавшее высокаго значенія и смысла будничныхъ обязанностей дня, этихъ первыхъ испытаній вѣрности великой идеѣ долга.

Въ настоящее время сама жизнь съ особой очевидностью, властно, въ неразрывной связи, ставитъ передъ нами двѣ стороны будничнаго долга. Первая сторона обращена къ семьѣ, къ своимъ дѣтямъ. Здѣсь цѣль — устройство и не только устройство, но и упроченіе своего экономическаго положенія.

Вторая, важнѣйшая сторона — *родина*; цѣль — *освобожденіе Россіи отъ большевическаго ига*. Успѣшное разрѣшеніе первой задачи, поможетъ разрѣшенію второй.

Опытъ другихъ эмиграцій показалъ важность для всякихъ освободительныхъ дѣйствій наличности *состоятельныхъ эмигрантскихъ группъ*. Извѣстна, напримѣръ, роль богатаго зарубужнаго греческаго купечества въ дѣлѣ освобожденія Греціи отъ турокъ въ началѣ XIX столѣтія. И намъ, чтобы шире

развернуть борьбу съ коммунистами, *изъ голытьбы нужно превратиться въ домовитыхъ людей*. Такой процесс образованія новой буржуазіи изъ среды пролетаризированнаго русскаго бѣженства уже начался и протекаетъ въ общемъ слѣдующимъ образомъ.

Первыми стали достигать жизненнаго успѣха члены артистической среды: музыканты, пѣвцы, киноартисты. За ними послѣдовали художники, изобрѣтатели, ученые и, наконецъ, въ самое послѣднее время, новые купцы и промышленники изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній.

Представители старой русской торговопромышленной буржуазіи лишь въ единичныхъ случаяхъ оказались заграницей обладателями сколько-нибудь значительныхъ капиталовъ и, несмотря на жертвенность и патріотизмъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ совокупная экономическая мощь слишкомъ незначительна, чтобы ее можно было класть въ основаніе финансоваго плана борьбы за освобожденіе Россіи.

Безъ притока свѣжихъ людей и средствъ не обойтись.

Возникновеніе заграничной вѣтви новой русской буржуазіи важно еще и потому, что она невольно усвоить нѣкоторыя черты западной буржуазіи, а послѣдняя является средой, гдѣ *культъ повседневнаго долга* достигаетъ высшаго своего развитія. Пойдя въ этомъ отношеніи на выучку къ Западу, мы позаимствуемъ у него недостающую намъ часто *послѣдовательность, выдержку, упорство и трезвость мысли*.

Все это — очень много, но для русскаго характера недостаточно: намъ нужно еще нѣчто высшее — *религіозное освященіе долга*, даже низшаго — простыхъ будничныхъ заботъ; иначе полезные западные навыки лишь механически пристанутъ къ намъ и соскочатъ, какъ только мы попадемъ назадъ въ родную стихію.

Въ этомъ пунктѣ рельефно выступаетъ разница между русской и западной, напримѣръ, нѣмецкой, психологіей. Нѣмецъ говорить: «Verdammte Pflicht und Schuldigkeit», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «проклятый долгъ и повинность», но по настоящему слово «verdammte» здѣсь не переводимо. Въ немъ выражается какое-то внутреннее возмущеніе насиліемъ, которое долгъ производитъ надъ личностью человѣка и одновременно чувствуется *преклоненіе* передъ авторитетомъ долга, сознаніе *бесполезности сопротивленія* его непреодолимому могуществу.

Эта «verdammte Schuldigkeit», въ сущности говоря, переложеніе на языкъ нѣмецкаго фельдфебеля и монтера, того «категорическаго императива», который былъ положенъ Кантомъ и Фридрихомъ Великимъ въ основу воспитанія германскаго національнаго характера.

Другое встрѣчаемъ у насъ.

Если въ тяжелую минуту нѣмецкому солдату нужно кричать: «Pflicht», то русскому солдату нужно кричать «присяга».

Такое религіозное трактованіе долга, и только такое, дѣлаетъ чудеса съ русскимъ человѣкомъ, переворачиваетъ его анархическую природу.

Не любить онъ стѣсняться въ мелочахъ и въ формахъ; а какъ только вносится въ нихъ высшій религіозный смыслъ, такъ культъ чинности, порядка, соблюденія правилъ вдругъ становится любезнымъ, роднымъ и понятнымъ. Внѣшняя и внутренняя муштра *русскаго старообрядческаго обихода* въ своемъ планѣ была нисколько не слабѣе муштры прусскаго гвардейскаго полка въ его планѣ. И все-таки старообрядцы не менѣе другихъ слоевъ русскаго населенія поддались соблазну большевизма.

Почему это произошло?

Отъ забвенія, или, вѣрнѣе, непониманія широкими массами русскаго народа, однимъ изъ слоевъ котораго являются старообрядцы, *идеи долга во всей ея полнотѣ*.

Природа долга не проста, а трояка.

Долгъ передъ собою (семья).

Долгъ передъ родиною.

Долгъ передъ Богомъ.

Третье — неизмѣримо главнѣйшее и единственно самодовлѣющее, а первое и второе — лишь ступени для третьяго; но установлены и онѣ Богомъ, и человѣку равно заповѣдано какъ не творить изъ нихъ себѣ кумира, такъ и *не отбрасывать ихъ совсѣмъ*.

Нужно любить Бога больше родины, родину больше семьи, но этого нельзя достигнуть, если совсѣмъ разлюбить родину и семью. Большее, чѣмъ ноль, можетъ быть очень малымъ и абсолютная цѣнность его тогда ничтожна. Такъ обыкновенно и случается: отсутствіе любви къ близкимъ и къ родинѣ засушиваетъ любовь къ Богу.

Разные народы по разному относятся къ долгу: западные европейцы часто останавливаются на второй ступени, дальше не идутъ, изъ родины дѣлаютъ себѣ кумирь. Русскіе этого грѣха не совершали: — наоборотъ. — они почти устраняли родину изъ своего сознанія, какъ объектъ долга. Россія всѣмъ казалась такой могучей и необозримой, поэтому туманной и далекой, а одновременно столь властной и давящей, что *забота о ней пропадала*.

Подъ конецъ многіе сдѣлались только патріотами своей деревни, а все кругомъ стало чужимъ. На практикѣ выпаденіе чувства долга къ Россіи и подмѣна его преувеличеннымъ чувствомъ значенія общины, «міра» («противъ міра самъ Царь не волѣнъ») привели къ тому, что насиліе всѣмъ міромъ надъ слабымъ сосѣдомъ, будь то одиночный помѣщикъ, хуторянинъ

или даже цѣлая деревня, принималось какъ законный актъ войны съ внѣшнимъ врагомъ и за грѣхъ не почиталось.

Въ результатѣ даже у вѣрующихъ людей искажалось правильное пониманіе религіознаго долга, ибо *нельзя соблюдать большихъ Божьихъ установленій, не соблюдая меньшихъ*: разрушили низшую ступень, любовь къ родинѣ, — не устояли на высотѣ и въ любви къ Богу.

Если русскіе низы пренебрегали долгомъ къ родинѣ, то русскіе верхи пренебрегали долгомъ къ самому себѣ. Это не означаетъ, что никто изъ нихъ не заботился о своемъ интересѣ, напротивъ того, очень заботились, иногда даже больше, чѣмъ нужно, но *занятіе производительнымъ трудомъ не уважалось въ принципѣ*.

Честно ли кто наживалъ, или безчестно — почиталось почти за одно, да, въ сущности, *мало кто и върилъ, что можно честно наживать*. Поэтому, ни свою, ни чужую старательную, трудовую жизнь, направленную на достиженіе хозяйственнаго успѣха, никто за исполненіе долга не считалъ, если даже эта жизнь велась съ большимъ соблюденіемъ совѣсти.

Такимъ отношеніемъ былъ вынутъ духъ изъ труда.

Сталъ трудъ безсмысленнымъ и завладѣлъ имъ коммунизмъ.

Дикій и разрушительный самъ по себѣ, онъ явился бичемъ Божиимъ, невольнымъ орудіемъ наказанія и вразумленія.

Сейчасъ большинство эмигрантовъ поставлено на мелкую, будничную работу и дурманъ красочной видимости старой блестящей жизни отнять. За это время многіе изъ насъ на своемъ опытѣ узнали слѣдующее: когда дѣлаешь самыя скучныя вещи — моешь посуду, бьешь камни на дорогѣ, бѣгаешь по городу комиссіонеромъ, когда дѣлаешь все это, относясь къ своимъ обязанностямъ, какъ къ Божьему порученію, какъ къ службѣ на постахъ, куда насъ развели Божьи разводящіе, то въ работу вносишь тщаніе, сугубую честность, внимательность; и тогда надоѣдливый трудъ освящается и одухотворяется въ нашихъ глазахъ: не просто работаешь, а *Божье повелѣніе дѣлаешь*. Подумаешь объ этомъ и сѣрая горькая жизнь сразу сверкнетъ радугой. Слабъ нашъ духъ, пропадаетъ радуга, опять горечь и усталость, но ненадолго: знаешь — по дорогѣ стоятъ маяки. Удивительна сила Божьей идеи: она привязываетъ крылья къ гилямъ жизни, даетъ смыслъ и значеніе тому, что безъ нея кажется тяжелымъ, ненужнымъ и безпросвѣтнымъ, пустыню покрываетъ цвѣтами.

Великъ и глубокъ сейчасъ опытъ жизни у насъ; только въ Библии найдешь еще высшій опытъ.

Такое одухотвореніе нудныхъ по видимости дѣлъ, приносить не только пользу душѣ, но помогаетъ и въ земной дѣятельности: давно уже подмѣчено, что *группы населенія съ интенсивной религіозной жизнью быстро поднимаются материально*. Это влечетъ за собой опасность излишняго обмірще-

нія, но эмигрантскій жизненный строй до извѣстной степени насъ спасаетъ.

Мы живемъ, если не въ состояніи войны, то и не въ обычныхъ условіяхъ нормальной европейской жизни, гдѣ область повседневнаго долга какъ-то обособляется отъ области долга передъ родиной и передъ Богомъ.

Нашъ обиходъ постоянно напоминаетъ о единствѣ долга; и то же самое, навѣрное, даже еще въ бо́льшей степени, происходитъ и въ Россіи.

Если внимательно вникнуть въ смыслъ судьбы русскаго мужика подъ властью коммунистовъ и судьбы русскаго интеллигента въ изгнаніи, то *нельзя не удивиться цѣлесообразности наложеннаго на каждого изъ нихъ наказанія*. Мужикъ какъ будто въ Россіи, а меньше въ ней, чѣмъ мы зарубежомъ: русскій дѣхъ въ Россіи подъ запретомъ и право дышать имъ приходится ежеминутно отвоевывать. Исполненіе долга къ родинѣ продвинуто внизъ на одну ступень, поставлено наряду съ повседневнымъ домашнимъ долгомъ.

Намъ назначено другое. Лѣзли мы раньше на какую-то новую, косую, умственную Вавилонскую башню; а теперь, когда она повалилась, лежимъ на землѣ и въ мелочахъ жизни Бога находимъ.

Властной рукой Справедливости, русскіе верхи и низы изъ разныхъ темныхъ угловъ мудрствованія, куда они разошлись, возвращены къ началу пути долга и поставлены рядомъ *духовно*; хотя *пространственно* они пока и въ раздѣленіи.

Въ этомъ установленіи одинаковаго пониманія долга, какъ у мужика, такъ и у интеллигента, лежитъ залогъ освобожденія и спасенія Россіи.

Нужно желать и стараться, чтобы и послѣ освобожденія пути пониманія никогда больше не расходились.

Странникъ.

МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

1. Два освобожденія.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи не было вопроса, о которомъ больше говорили бы и писали и который меньше знали бы, чѣмъ русскій «аграрный вопросъ». И доселѣ въ немъ совершенно не разбираются не только иностранцы, но и большинство русскихъ, сущихъ въ разсѣяніи. А между тѣмъ, каждому русскому слѣдовало бы относиться къ вопросамъ, связаннымъ съ землею и съ сельскимъ хозяйствомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и разумѣніемъ, съ которымъ всякій англичанинъ относится къ вопросамъ мореплаванія. Ибо благополучіе Россіи такъ же зависитъ отъ состоянія ея сельскаго хозяйства, какъ существованіе Англіи — отъ ея господства на моряхъ.

Нынѣ въ Россіи царить полный развалъ сельскаго хозяйства, земельный хаосъ и общее разореніе¹⁾. Послѣ революціи русская національная власть, какъ бы она ни сложилась, должна будетъ строить все заново. Ей понадобятся работники и строители освѣдомленные, понимающіе ошибки прошлаго и задачи будущаго. И вотъ всѣ находящіеся въ эмиграціи должны привезти съ собою на родину полезныя знанія и наблюденія изъ разныхъ странъ, чтобы судить о Россіи и русскихъ дѣлахъ, исходя изъ болѣе обширнаго кругозора. Но они должны также вѣрно знать о томъ, *что было въ Россіи и что стало послѣ*. Будущимъ строителямъ русскаго государства и русскаго земледѣлія и посвящаются эти строки.

Русскіе крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года со сравнительнымъ «опозданіемъ» по ходу русской исторической жизни на 99 лѣтъ. 18 февраля 1762 года манифестомъ о вольности дворянства дворяне были освобождены отъ обязанности служить государству и тѣмъ самымъ отпадала видимая необходимость прикрѣпленія крестьянъ. По мысли Петра Великаго крѣпостное состояніе было формой служенія государству: закрѣпощались *всѣ* сословія,—но только различно. Крѣпостной крестьянинъ работалъ на своего помѣщика съ тѣмъ, чтобы дать ему самому возможность отправлять свою службу, которая въ принципѣ длилась всю жизнь. Логическимъ послѣдствіемъ манифеста 1862 года долженъ былъ бы явиться рядъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Начало этимъ мѣрамъ положилъ Павелъ I (1797 г.). Однако, въ общемъ и цѣломъ крѣпостное право не только не ослабѣло въ рукахъ освобожденнаго дворянства, но закрѣпилось и нерѣдко принимало даже уродливыя формы. Естественно, что сознаніе необходимости покончить съ безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ, стало достояніемъ лучшей части русскаго общества. Русская литература еще съ конца 18-го вѣка неустанно выставляла на видъ моральный вредъ крѣпостнаго права (Радищевъ, Пушкинъ, Гоголь, графъ Соллогубъ, Н. И. и И. С. Тургеневы, Григоровичъ и др.). Поучительно однако отмѣтить, что по сравненію съ западомъ отмѣна крѣпостнаго права въ Россіи (со всѣми, вытекающими изъ этого состоянія послѣдствіями) запоздала не такъ сильно. Такъ, напр., крѣпостное право было уничтожено въ Даніи въ 1788 году, но барщина существовала до 1850 года; въ Пруссіи и Баваріи оно было отмѣнено въ 1807—1811 году, въ Мекленбургѣ въ 1824 году; полицейская же и судебная власть помѣщиковъ (съ правомъ тѣлесныхъ наказаній) существовала почти во всей Германіи до 1848 года; въ этомъ году крѣпостное право

¹⁾ См. во второмъ отдѣлѣ замѣтку Редакціи: «Что дала революція русскому крестьянину?»

было отмѣнено и въ Австро-Венгріи (особенно сурово оно было въ Галиціи) ¹⁾.

Въ Россіи крестьяне были освобождены позже, но сразу и надѣлены землей въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ на Западѣ. Въ общемъ при освобожденіи въ Россіи имѣлось около 22¹/₄ милліоновъ крестьянъ мужескаго пола, изъ коихъ было около 11 милліоновъ крѣпостныхъ, около 10¹/₂ милліоновъ казенныхъ, менѣе одного милліона удѣльныхъ и 137 тысячъ дворовыхъ и депутатскихъ. Только послѣдняя категорія (менѣе одного процента общаго числа) была освобождена безъ земли. Крѣпостные получили 3,2 десятины на душу, казенные 6,4 десятины, удѣльные 5,3 десятины. Въ общемъ у помѣщиковъ было изъято по выкупу около 35 милліоновъ десятинъ, что составляло ¹/₂ *всѣхъ* ихъ владѣній и болѣе половины имѣвшихся у нихъ земель *сельско-хозяйственнаго* назначенія.

¹⁾ Изслѣдователь, который захотѣлъ бы установить причины сравнительно поздней отмѣны крѣпостного права въ Россіи, долженъ былъ бы поставить передъ собою цѣлый рядъ историческихъ вопросовъ: имѣлась ли въ Россіи въ то время достаточно сильная, независимая и сверхсословная власть, необходимая для такой реформы, или тронъ былъ ослабленъ переворотами 1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825 года? былъ ли преодолѣнъ законодательный хаосъ и былъ ли организованъ законодательный аппаратъ, необходимый для такой реформы? были ли сколько-нибудь на высотѣ финансы Россіи? закончился ли періодъ консолидаціонныхъ войнъ, вызвавшихъ къ жизни самое крѣпостное право? возможна ли была такая реформа при отсутствіи въ странѣ интеллигенціи и правосознанія, реформа *безъ* интеллигенціи или *противъ* тогдашней интеллигенціи? не нуждалась ли Россія для проведенія такой реформы въ образованіи, въ университетахъ, въ Сперанскомъ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ, какъ судьяхъ стараго и воспитателяхъ новаго правосознанія? Государство организуется всегда и всюду образованнымъ классомъ; были ли тогда силы образованнаго класса достаточны хотя бы уже въ количественномъ отношеніи для того, чтобы организовать новый строй? И еще: обнаружилась ли въ то время и когда именно чисто хозяйственная несостоятельность крѣпостного права и смогло ли бы помѣщицье хозяйство при тогдашнихъ условіяхъ зернового рынка управиться безъ дарового труда, наемными силами, когда даже вся Западная Европа пробавлялась барщиной? Изслѣдователь этихъ вопросовъ отмѣтитъ, что декабристы, напр., хотѣли освободить крестьянъ *безъ земли* и увѣнчать *пролетаризованную* такимъ образомъ Россію республикой дворянъ-заговорщиковъ; можно представить себѣ, въ какія бѣдствія была бы повергнута этимъ Россія, не забывшая еще Пугачева. Недаромъ Пушкинъ и Гоголь указывали на то, что только полновластный Государь могъ бы дать крестьянамъ настоящую свободу, что впоследствии и совершилось. Это означаетъ, что необходима была предварительная эмансипація русской императорской власти отъ дворянскаго террора, отъ давленія заговорщическаго и притязательнаго дворянства; и въ то же время необходимо было культурное и государственное созрѣваніе самого дворянства. Замѣчательно, что Императоръ Николай I понималъ морально-государственную необходимость реформы и подготавливалъ ее въ теченіе своего царствованія (комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848, 1849 годовъ); онъ прямо называлъ крѣпостное право «началомъ зла» и жаловался на свое государственно-политическое одиночество. **Примѣчаніе Редакціи.**

Крестьяне же получили всего около 106 миллионъ десятинъ; въ среднемъ около 14 десятинъ на дворъ.

Подготовительныя къ освобожденію крестьянъ работы совпали съ моментомъ схватки двухъ теченій русской общественной мысли: *славянофиловъ* и *западниковъ*. Къ несчастью Россіи чуть ли единственный вопросъ, по которому у нихъ не было разномыслія — былъ вопросъ о крестьянской общинѣ, за сохраненіе которой горячо ратовали оба лагеря. Славянофилы считали русскій народъ — народомъ избраннымъ, совершенно самобытнымъ; его исконное занятіе — земледѣліе, якобы неразрывно связанное съ общиной; она есть наслѣдіе старины и должна служить и впредь лучшей соціально-экономической базой, залогомъ самобытнаго развитія Россіи. Западникамъ же сельская община представлялась преддверіемъ къ социализму, зародышемъ будущаго социалистическаго государства. Герценъ слѣпо вѣрилъ въ общину и невѣроятно идеализировалъ ее. Вліяніе же его на русское общественное мнѣніе и даже на правительство въ 50-хъ годахъ и въ началѣ 60-хъ годовъ было огромно. «Только на общинныхъ началахъ и только на нихъ можетъ развиваться будущее Россіи», — утверждалъ Герценъ. — «Умрите за сохраненіе равнаго права cadaго крестьянина на землю!» — восклицалъ Чернышевскій.

Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ теченіе за сохраненіе общины взяло верхъ и Положеніемъ 1861 года она была узаконена; а послѣдующее законодательство и административная практика укрѣпили ее еще сильнѣе. Подъ вліяніемъ славянофильскихъ и социалистическихъ теченій существенно измѣнился и самый характеръ общины. Земледѣльческая община до первой половины XIX вѣка была тягловая (тягло состояло изъ мужа, жены и коня) и цѣль ея заключалась вовсе не въ *обезпеченіи* всѣхъ земель, а въ *хозяйственной эксплуатаціи* земли; и лишь въ послѣдствіи она была превращена въ социалистическую, душевую, съ понятіемъ *душевого надѣла*, въ которомъ и заключалась мысль о *правѣ на землю всякой «души»*, какъ таковой. Въ подворное владѣніе земля была дана лишь въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской и Полтавской), въ трехъ юго-западныхъ, въ Бессарабіи и частью въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ въ официальныхъ сферахъ крестьянское дѣло совершенно неосновательно считалось вполнѣ законченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго вмѣшательства государства. Таково же было отношеніе и къ сельскому хозяйству вообще. Созданныя въ 1864 году земскія учрежденія, обладавшія тогда весьма скудными средствами, по сравненію съ возложенными на нихъ задачами, занимались почти исключительно народнымъ образованіемъ, медициной и мѣстными путями сообщенія. На экономическую сторону жизни земства стали обращать вниманіе лишь съ конца 80-хъ годовъ, въ большинствѣ же губерній лишь съ начала двадцатаго столѣтія.

Отсутствіе агрономическаго руководства и организованнаго кредита; развитіе сельскаго ростовщичества; полнѣйшая зависимость крестьянина по самымъ жизненнымъ вопросамъ (передѣлъ земли, раскладка повинностей) отъ рѣшенія міра, представляемаго сходомъ всѣхъ домохозяевъ; неправосудіе подкупныхъ волостныхъ судовъ, рѣшеніе которыхъ было окончательнымъ—все это создало для крестьянина общинника невозможныя условія въ развитіи его благосостоянія. Всеобъемлющая власть помѣщика была въ предѣлахъ крестьянскаго быта замѣнена другой почти столь же всеобъемлющей. По поводу этой замѣны московскіе профессора В. И. Герье и Б. Н. Чичеринъ писали въ 1873 году: «помѣщикъ нерѣдко представлялъ собою угнетеніе, но онъ же представлялъ и попеченіе, міръ же никогда не представляетъ попеченіе, а весьма часто составляетъ искушеніе... Въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ всѣ болѣе или менѣе подводятся подъ одинъ уровень. и уровень, вообще весьма низкій. Никто не умираетъ съ голода, но всѣ находятся въ положеніи близкомъ къ нищетѣ и если рядъ болѣе или менѣе урожайныхъ годовъ поднимаетъ иногда общее благосостояніе, то одного неурожая достаточно, чтобы его снова расшатать; а поправляется крестьянинъ не легко».

Итакъ, принципъ «самостоятельнаго свободнаго труда земледѣльца на собственной землѣ», провозглашенный Положеніемъ 19 февраля въ качествѣ основы будущаго соціально - экономического строя Россіи. *не былъ проведенъ въ жизнь.*

Въ связи съ этимъ производительность крестьянскихъ земель послѣ 1861 года не улучшилась, а чрезмѣрные налоги падавшіе на нихъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), значительно превышали чистый доходъ съ земли, что и было установлено правительственной комиссіей 1872 года. Недостатокъ собственной земли, изъ которой не менѣе одной трети находилось подъ паромъ; плохое удобреніе; сокращеніе, вслѣдствіе распашки, луговъ и пастбищъ, — все это заставляло арендовать землю, часто на невыгодныхъ условіяхъ, при системѣ отработки; а эта система мѣшала надлежащимъ образомъ воздѣлывать *свою землю* и затрудняла улучшеніе какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Нерѣдко землевладелецъ бывалъ вынужденъ во избѣжаніе обостренія отношеній, соглашаться на подобныя обоюдно невыгодныя сдѣлки, такъ какъ другого выхода не было: населеніе увеличивалось, хозяйства дробились, а фабрично-заводская промышленность до 80-хъ годовъ развивалась слабо и не предъявляла значительнаго спроса на рабочія руки; переселеніе же въ Азіатскую Россію до 1889 г. было запрещено.

Съ начала царствованія Императора Александра III правительство вынуждено было обратить вниманіе на общій упадокъ крестьянскаго хозяйства, особенно въ восточныхъ губерніяхъ;

послѣдствіемъ этого упадка явилось огромное накопленіе недоимокъ. Результатомъ цѣлаго ряда сенаторскихъ ревизій на мѣстахъ, было пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати и соляного налога; но всѣ понимали, что кромѣ этихъ палліативовъ требовались энергичныя мѣры для поднятія уровня крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, ни правительство, ни русская общественность не отдавали себѣ отчета въ томъ, что основное зло заключается въ *отсутствіи у крестьянина граждански упроченнаго права личной собственности на землю*. Само собою напрашивалось исправленіе ошибокъ 1861 года: уничтоженіе, вмѣстѣ съ общиной, кастоваго обособленія крестьянства; учрежденіе всесословной волости; разрѣшеніе крестьянамъ (хотя бы на первое время съ нѣкоторыми ограниченіями) продавать землю; борьба законодательнымъ путемъ съ черезполосицей; способствованіе хуторскому расселенію. Къ несчастью, правительство, съ одной стороны подвліяніемъ соціалистическихъ ученій, вкоренившихся въ умахъ русской интеллигенціи, съ другой стороны — недальновидныхъ псевдоконсервативныхъ соображеній, — пошло совершенно инымъ путемъ. *Увеличеніе крестьянскаго землепользованія, удовлетвореніе «земельнаго голода»* было признано самой главной, неотложной задачей. Въ 1882 году былъ учрежденъ Государственный Крестьянскій Поземельный Банкъ, выдававшій покупателямъ крестьянамъ 90% покупной стоимости земли. Логическимъ послѣдствіемъ этого былъ законъ 1893 г. о неотчуждаемости надѣльной земли, согласно которому всѣ сословія, за исключеніемъ крестьянъ, были лишены права пріобрѣтать какую-либо часть огромной категоріи надѣльной земли, категоріи тѣмъ болѣе значительной, что въ послѣдствіи законъ этотъ былъ распространенъ и на нѣкоторыя земли, пріобрѣтенныя въ собственность при содѣйствіи Крестьянскаго Банка.

Послѣдствія этого закона были двоякіе. Съ одной стороны, онъ *задерживалъ образованіе всесословнаго класса мелкихъ земельных собственниковъ, обладающихъ нѣкоторымъ капиталомъ, безъ котораго немислимо культурное хозяйство*. Съ другой стороны, онъ *насилъно прикрѣплялъ крестьянъ къ землѣ*, лишая ихъ возможности, продать землю и посвятить свои силы другимъ отраслямъ промышленности. Общинникъ вообще не могъ продать состоявшую въ его пользованіи землю, а подворный крестьянинъ могъ продать ее только крестьянину же, что значительно ее обезцѣнивало. А между тѣмъ, вслѣдствіе развитія съ 80-хъ годовъ фабрично-заводской и южной горнозаводской промышленности, а также вслѣдствіе большого роста городовъ, среди крестьянъ сильнѣе прежняго обнаружилось влеченіе къ другимъ отраслямъ труда; и по указаннымъ причинамъ оно не могло получить нормальнаго удовлетворенія. Послѣдствіемъ этого явилось образованіе многотысячной

рабочей массы, кочующей между городомъ и деревней; это тормозило — какъ образованіе класса *дѣйствительныхъ землевладельцевъ*, такъ и образованіе класса *квалифицированныхъ рабочихъ*, столь необходимыхъ нашей промышленности.

Сильно страдали отъ этого и *деревенскіе нравы*. Не *культура* города, а *разнузданность* фабричнаго предмѣстья и шахтъ Донецкаго бассейна проникли въ сельскія мѣстности, лишенная къ тому же всякой полицейской силы для обузданія хулигановъ. Кошмарную, но вѣрную картину деревенскихъ нравовъ сѣверныхъ губерній, на порогѣ XX вѣка, даетъ И. А. Родіоновъ въ своей пророческой и въ свое время недостаточно оцѣненной книгѣ «Наше Преступленіе».

Съ 1889 г. правительство измѣнило свое отношеніе къ переселенію: оно не только было разрѣшено, но и всемѣрно облегчено. Переселенческая волна, усиливаясь изъ года въ годъ, достигла своего максимума въ 1907 году, когда черезъ Уральскіе перевалы перешло 600 тысячъ душъ. Явленіе это, полезное для развитія окраинъ, не уменьшило, однако, все увеличивавшуюся безработицу среди крестьянъ Европейской Россіи: крестьянство попрежнему не могло использовать всю свою рабочую силу, такъ какъ хозяйство оставалось экстенсивнымъ, а населеніе страны увеличивалось на 2½ милл. въ годъ¹⁾. Всѣ вышеупомянутыя мѣропріятія не могли существенно измѣнить къ лучшему положеніе крестьянъ; крестьяне видѣли спасеніе въ безконечномъ расширеніи площади своего землевладѣнія и, «количественно» понимая аграрный вопросъ, мечтали о поглощеніи и раствореніи помѣщичьяго землевладѣнія. Недовольствомъ ихъ искусно воспользовалась революціонная пропаганда. Въ концѣ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ губерній произошли крупныя крестьянскія беспорядки, выразившіеся въ захватѣ частновладѣльческихъ земель, въ разгромѣ усадебъ, хозяйственныхъ построекъ и винокуренныхъ заводовъ, въ массовыхъ поджогахъ, въ бессмысленно жестокомъ уничтоженіи животныхъ: Для возстановленія порядка правительству приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Не удивительно, что темная крестьянская масса, подъ вліяніемъ агитаціи, не видѣла другого исхода; но прискорбно, что Государственная Дума, пресса, оппозиціонная общественность, даже большинство профессуры оказались нисколько не дальновиднѣе крестьянъ. Партія народной свободы («кадеты»), гвардія русской интеллигенціи, считала необходимымъ и требовала немедленнаго «принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ» большей части пахотныхъ частновладѣльческихъ земель. Даже такой выдающійся экономистъ, какъ профессоръ А. И. Чупровъ, поддался общему гипнозу и въ 1907 году скорбѣлъ о неудачѣ кадетскаго проекта²⁾.

¹⁾ Замѣчательный экономическій анализъ этого явленія читатель найдетъ въ № 4 «Русскаго Колокола», въ статьѣ профессора В. А. Косинскаго.

²⁾ См. А. И. Чупровъ: «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».

Нельзя не согласиться съ извѣстнымъ кооператоромъ С. Н. Прокоповичемъ, что для «передовой части русскаго общества» характерна была «симпатія къ... экономическому равенству при недостаточномъ знакомствѣ съ условіями крестьянскаго хозяйства» («Крестьянское хозяйство». Берлинъ, 1924 года). И невольно вспоминаются слова Правительственнаго Сообщенія отъ 21 іюня 1906, въ которомъ тогда еще указывалось и предсказывалось, что отчужденіе всѣхъ частныхъ земель «не увеличитъ крестьянскаго достатка, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ». Но кто тогда понималъ это и вѣрилъ этому?

Революціонное движеніе 1905 года побудило правительство всесторонне обсудить вопросы сельскаго хозяйства. По инициативѣ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, невзирая на энергичныя возраженія части прессы, было признано, что *корень зла въ общинѣ* и что увеличивать благосостояніе крестьянъ слѣдуетъ не путемъ уничтоженія культурныхъ имѣній, необходимыхъ государству, а распространеніемъ началъ частной собственности и культуры на надѣльныя земли. Понятно было, что для увеличенія урожайности земля не можетъ передѣляться, а должна быть собственностью земледѣльца. Согласно Высочайшему Указу отъ 9-го ноября 1906 года, превращенному послѣ его одобренія и дополненія законодательными учрежденіями, въ законъ 14 іюня 1910 года, каждый крестьянинъ пріобрѣталъ право не только *выйти изъ общины*, но и требовать *выдѣла* ему къ одному мѣсту участка земли, равнаго по цѣнности отдѣльнымъ участкамъ, которыми онъ доселѣ пользовался. Этотъ законъ былъ равносильнъ *новому освобожденію* крестьянъ, но съ тою разницею, что онъ освобождалъ крестьянина не отъ власти помѣщика, а отъ оковъ *соціалистической общины* и притомъ самое освобожденіе ставилъ въ зависимость отъ его собственной воли. Это было право на самоосвобожденіе. Это была ставка на *личную инициативу*, на энергію, на характеръ. Это была ставка на сильнаго и хозяйственно предприимчиваго крестьянина, которому было тѣсно въ общинѣ; который хотѣлъ частной собственности на землю и *нуждался* въ ней.

Крестьянство отозвалось на этотъ призывъ. Возникло стихійное народное движеніе, но уже не разрушительное, а созидательное. Къ 1-му января 1911 года въ Европейской Россіи свыше 3 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ вышло изъ общины; эти крестьяне сдѣлались собственниками 27 милліоновъ десятинъ. Недостатокъ землемѣровъ не давалъ возможности удовлетворять всѣхъ, желавшихъ выйти изъ общины.

Аграрная Россія встала, наконецъ, на вѣрный путь; и жестоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что революція потасила это движеніе. Она его только отсрочила.

Князь Н. Б. Щербатовъ.

І. РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ.

(Нѣсколько цифръ).

Съ самаго начала міровой войны Русской Арміи пришлось играть «жертвенную» роль. Каждый разъ, когда нашимъ бывшимъ союзникамъ приходилось плохо, они просили помощи у нашей родины. Россія же могла противопоставить высокой военной техники нашихъ бывшихъ враговъ *только свое многолюдіе*. Изъ этого единственного источника своей военной силы она черпала щедрою рукой и во имя достиженія общей побѣды лила потоки крови своихъ сыновъ.

Какова же цѣна русской крови, которой оплачена побѣда нашихъ бывшихъ союзниковъ?

Установить точныя цифры боевыхъ потерь Русской Арміи въ минувшую войну не представляется возможнымъ. Большевизмъ погубилъ громадную часть документовъ важнѣйшаго историческаго значенія. Въ подобныхъ условіяхъ можно искать только приблизительныя величины.

Наши кровавыя боевыя потери (не считая плѣнныхъ), съ начала войны до 1-го октября 1917 года по даннымъ нашей Ставки достигали 4 750 000. Эта цифра была мною записана въ первыхъ числахъ октября, когда я готовился къ поѣздкѣ въ качествѣ главнаго представителя Россіи на конференцію Верховнаго Союзнаго Командованія, назначенную на ноябрь мѣсяць 1917 года въ Версалѣ.

Но это число оказалось не полнымъ итогомъ, такъ какъ нѣкоторое число раненыхъ, вернувшихся въ строй непосредственно изъ войсковыхъ санитарныхъ учрежденій не могло быть точно учтено. Послѣ многихъ дополнительныхъ изысканій, я пришелъ къ заключенію, что общій итогъ кровавыхъ потерь, понесенныхъ Русской Арміей въ войну 1914—1917 г.г. достигаетъ не менѣе *пяти съ половиной* милліоновъ.

Статистическія изслѣдованія кровавыхъ потерь въ міровую войну, сдѣланныя западно-европейскою наукой, позволяютъ установить для этой войны слѣдующее распредѣленіе потерь:

Убитые — 23% общаго числа потерь; умершіе отъ ранъ — 6%; раненые, потерявшіе трудоспособность полностью или частично — 11%; раненые выздоровѣвшіе — 60%.

Придерживаясь этого распредѣленія, мы получимъ для Русской Арміи слѣдующія данныя въ круглыхъ цифрахъ:

Убитыхъ — 1 300 000; умершихъ отъ ранъ — 350 000; инвалидовъ — 600 000; раненыхъ — 3 850 000 (изъ нихъ инвалидовъ 600 000).

Въ большинствѣ издаваемыхъ нынѣ совѣтскихъ трудовъ число нашихъ убитыхъ воиновъ исчисляется всего въ 775 000. Но въ этихъ трудахъ всѣ такъ называемые «безъ вѣсти про-

павшіе» совершенно произвольно отнесены къ категоріи военно-плѣнныхъ. Большевики всѣми способами стараются дискредитировать старую Русскую Армію и этимъ показать, что они не повинны въ развалѣ. Этого они и достигаютъ, доводя цифру русскихъ военно-плѣнныхъ до 3 300 000, а въ нѣкоторыхъ трудахъ до 3 900 000. Насколько такая цифра противорѣчитъ истинѣ, показываютъ нижеслѣдующія данныя.

По нашей просьбѣ въ Германскихъ и Вѣнскихъ военныхъ архивахъ былъ произведенъ тщательный подсчетъ количества взятыхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ результатѣ этихъ подсчетовъ оказалось, что общее число захваченныхъ Германскими и Австро-Венгерскими войсками въ войну 1914—1917 г.г. русскихъ плѣнныхъ должно исчисляться въ 2 420 000. Если къ этой цифрѣ прибавить попавшихъ въ Болгарскій и Турецкій плѣнъ 20 000 человекъ, то мы получимъ общій итогъ въ 2 440 000.

Не безынтересно здѣсь указать, что Русская Армія, потерявъ такое огромное число плѣнныхъ, сама взяла въ плѣнъ въ теченіи этой же войны 2 000 000 враговъ.

Большая часть нашихъ воиновъ, попавшихъ въ категорію «безъ вѣсти пропавшихъ» должна быть отнесена къ числу убитыхъ. Во Франціи такъ и поступили: къ числу 674 000 «зарегистрированныхъ» убитыхъ, французы прибавили 225 300 «безъ вѣсти пропавшихъ».

Работая надъ установленіемъ общей цифры плѣнныхъ, мнѣ пришлось натолкнуться на данную совершенно неожиданную. Я увѣренъ, что такой же неожиданной она окажется и для многихъ.

Изъ 1 400 000 русскихъ, бывшихъ въ Германскомъ плѣну, пыталось бѣжать (по даннымъ Германскихъ архивовъ) около 260 000. Изъ нихъ 60 000 удалось бѣжать, а 200 000 было поймано.

Большое количество пойманныхъ понятно. Нашему полуграмотному солдату прохожденіе непріятельской страны было несравненно труднѣе, нежели совершающему побѣгъ французу, англичанину или нѣмцу.

Дабы дать хотя небольшое представленіе какими примѣтами приходилось руководствоваться нашимъ убѣжавшимъ плѣннымъ при своихъ странствованіяхъ, могу повторить здѣсь рассказъ одного изъ нашихъ финансовыхъ агентовъ, г-на М., бывшаго во время войны въ Швейцаріи. Находясь въ одномъ изъ ея пограничныхъ городовъ, онъ былъ ночью разбуженъ хозяиномъ гостиницы. Этотъ хозяинъ просилъ г-на М. поговорить съ двумя странными субъектами, которые не понимаютъ ни по-нѣмецки, ни по-французски. Оказалось, что это были убѣжавшіе изъ плѣна русскіе солдаты. Самымъ интереснымъ въ ихъ рассказѣ было то, что уже перейдя границу, они въ теченіе нѣсколькихъ дней скрывались въ лѣсахъ, ибо не знали,

ушли ли они изъ вражеской страны или нѣтъ. Однако, въ концѣ концовъ они рѣшили, что границу перешли. «Но почему же вы это рѣшили?», — спросилъ г-нъ М. — «Мы замѣтили, что на коровахъ колокольчики, у нѣмцевъ же эти колокольчики отобраны», — отвѣтили они.

Итакъ, 260 000 русскихъ пытались убѣжать изъ германскаго плѣна. По отношенію къ общему числу нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ Германіей (1 400 тысячъ), это составить: 18,5 %.

Такого процента попытокъ не дала ни одна нація.

Громадное число попытокъ бѣжать изъ германскаго плѣна опровергаетъ довольно распространенное мнѣніе о мало развитомъ чувствѣ любви къ Родинѣ въ русскихъ народныхъ массахъ. Правда, этотъ патріотизмъ, если можно такъ выразиться, «сырой», мало сознательный, но сила его несомнѣнна.

Н. Н. Головинъ.

II. ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦІЯ РУССКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ?

Судьба русскаго крестьянина въ революціи глубоко поучительна и въ государственномъ, и въ хозяйственномъ отношеніи. Свидѣло дѣло обстоитъ такъ, что его вѣковыя вожделѣнія осуществились: *вся* (или почти *вся*) земля *безвозмездно* перешла къ крестьянамъ; и «высшихъ сословій», вызывавшихъ въ массѣ и зависть, и нареканія — *не стало*. И въ то же время русское крестьянство никогда еще не переживало такой нищеты, никогда еще не имѣло впереди такихъ темныхъ и трудныхъ перспективъ, какъ нынѣ. Если когда то, послѣ отмѣны крѣпостного права, «порвавшаяся великая цѣпь» «ударилась однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику»; то коммунистическая революція, какъ обрушившійся обвалъ, раздавила и разорила — и помѣщика, и крестьянина. Недаромъ одинъ мудрый русскій ученый еще въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка твердилъ русскимъ народникамъ-радикаламъ: «землю отберете, но крестьянина и Россію разорите.»

Подведемъ сначала итоги этому разоренію и потомъ установимъ государственный и хозяйственный смыслъ свершившагося.

Что получило русское крестьянство отъ революціи?

1. *Безвозмездную земельную прирѣзку.*

Эта земельная прирѣзка составила къ 1920 году въ среднемъ по 29 губерніямъ европейской Россіи менѣе *двухъ пятихъ десятины* на крестьянскую душу (или, что тоже, менѣе 20% уже имѣвшейся земли). Въ малорусскихъ губерніяхъ эта прирѣзка была больше. Установлено, что размѣръ этой прирѣзки

глубоко разочаровалъ крестьянъ, наивно переоцѣнивавшихъ размѣры помѣщичьяго землевладѣнія¹⁾.

2. *Погашеніе всей дореволюціонной земельной задолженности* — недоимокъ, долговъ по купчимъ крѣпостямъ, банковскихъ платежей, частныхъ закладныхъ и т. д. Понятно, что вмѣстѣ съ этими платежами погасли и всѣ прежнія юридическія основанія («титуты») собственности, исчезла и всякая окончательность, прочность и безспорность владѣнія. *Объемъ* владѣнія нѣсколько увеличился; возмездность уступила мѣсто *даровщинѣ*; но *крѣпость* владѣнія была въ корнѣ подорвана.

3. *Значительную часть оборудования бывшихъ помѣщичьихъ хозяйствъ.*

Эта часть живого и мертваго инвентаря, доставшаяся крестьянамъ, была значительно уменьшена *во первыхъ*, погромами перваго революціоннаго года; *во вторыхъ*, устройствомъ совѣтскихъ государственныхъ хозяйствъ («совхозовъ»), удерживавшихъ постройки и инвентарь для себя²⁾; *въ третьихъ*, усиленнымъ насажденіемъ аграрныхъ коммунъ («колхозовъ»), снабжавшихся инвентаремъ преимущественно³⁾.

Этимъ революціонныя пріобрѣтенія крестьянства исчерпываются. Говорить о «политическихъ» и «гражданскихъ» правахъ, якобы пріобрѣтенныхъ крестьянствомъ отъ революціи — могутъ только неосвѣдомленные или безсовѣстные люди. Въ совѣтской Россіи крестьянинъ не имѣетъ права ни купить, ни продать, ни подарить землю, ни заложить ее.

Что же потеряло русское крестьянство отъ революціи?

1. *Огромный клинъ пріобрѣтенной земли.*

Если у крупныхъ землевладѣльцевъ (считая свыше 50 десятинъ) было изъято не болѣе 40 милліоновъ десятинъ, то у крестьянъ было изъято и передѣлено не менѣе 45—50 милліоновъ десятинъ⁴⁾. При передѣлѣ нерѣдко урѣзывались, какъ «кулацкія», всѣ хозяйства свыше 10 десятинъ. Вслѣдствіе этого уже къ 1919 году крестьянскія хозяйства съ посѣвомъ свыше 10 десятинъ стали большою рѣдкостью (по 25 губерніямъ 1,51%; до революціи ихъ было свыше 11%);

1) О дѣйствительныхъ размѣрахъ его см. въ статьѣ проф. В. А. Косинскаго: «Очерки по русскому аграрному вопросу», «Русскій Колоколь», № 4. Приведенныя нами данныя о земельной прирѣзкѣ можно найти у совѣтскаго писателя Книповича. Очеркъ дѣятельности народнаго комиссаріата земледѣлія за три года. Москва, 1920.

2) По даннымъ Книповича по 32 великорусскимъ губерніямъ совѣтскія хозяйства занимали въ 1920 году около 12% всей сельскохозяйственной площади.

3) По совѣтскимъ даннымъ къ 1927 году подъ аграрными коммунами числилось около трехъ милліоновъ десятинъ сельско-хозяйственного назначенія.

4) См. подсчеты бывшаго комиссара земледѣлія Смирнова. «Извѣстія», отъ 3 ноября 1927 г.

къ 1924 году хозяйствъ съ посѣвомъ свыше 6 десятинъ оставалось не свыше 8 % ⁵⁾).

Это означаетъ, что «черный» передѣлъ поразилъ и обообралъ всю *зажиточную* часть деревни (коммунистическое насаждение бѣдности, сознательное пролетаризированіе массъ, именуемое «раскулачиваніемъ» и «поравненіемъ»).

2. Крестьянство потеряло за революціонную инфляцію *всѣ свои сбереженія* по сберегательнымъ кассамъ. На 1 янв. 1914 года эти крестьянскія сбереженія составляли 427 милліоновъ *золотыхъ* рублей; на 1 янв. 1926 года крестьянскіе вклады составляли 2 съ небольшимъ милліона *совѣтскихъ* рублей ⁶⁾ (покупательная способность червоннаго рубля — не свыше 40 копѣекъ довоенныхъ ⁷⁾).

3. Съ уничтоженіемъ крупныхъ хозяйствъ у крестьянъ естественно *отпали всѣ заработки* въ нихъ. Годовой размѣръ этихъ заработковъ только по средней и южной Россіи (производящая полоса) исчисляется коммунистами въ *одинъ милліардъ рублей* въ годъ ⁸⁾. — Культурное, хозяйственно-техническое и національно-экономическое значеніе крупныхъ хозяйствъ (нынѣ общепризнанное) мы оставляемъ въ сторонѣ.

4. Революція принесла деревнѣ *жестокую смертность*. Гражданская война, эпидеміи, провіантская война противъ коммунистовъ (напр. избіеніе Тамбовской губерніи), голодъ, (обусловленный не просто неурожаемъ, но коммунистической «конфискаціей» запасовъ), разстрѣлы чекистовъ — все это вызвало неисчислимое множество жертвъ. По утверженію совѣтскаго экономиста Огановскаго (извѣстнаго своимъ революціоннымъ оптимизмомъ), деревня потеряла на 1920 годъ свыше 10 милліоновъ мужчинъ ⁹⁾ и около 4 милліоновъ женщинъ, «въ общемъ — ... рабочихъ мужчинъ около 30 %» ¹⁰⁾. Къ этому присоединяются жертвы голоднаго 1921 года — по совѣтскимъ исчисленіямъ не менѣе 5,2 милліоновъ людей. Итого не менѣе 17 милліоновъ людей.

5. Революція принесла крестьянству значительное *сокращеніе посѣвной площади*. Передъ революціей въ 1916 году изъ 100 % посѣвной площади крестьяне обрабатывали круглымъ счетомъ около 89 % ¹¹⁾. По даннымъ комиссаріата земле-

⁵⁾ «Экономическая Жизнь», 1924, № 187.

⁶⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 30 октября 1926 г. Подсчеты, опубликованные Рыковымъ.

⁷⁾ По розничнымъ индексамъ Московскаго конъюнктурнаго института на 1 января 1927 г.

⁸⁾ «Правда», 1924, № 76.

⁹⁾ На потери великой войны (убитыми, умершими и инвалидами) нельзя отнести болѣе 2¼ милліоновъ. См. авторитетное сужденіе Н. Н. Головина въ предшествующей замѣткѣ.

¹⁰⁾ «Экономическое Обозрѣніе», 1927, октябрь. Статья Огановскаго.

¹¹⁾ Срв. у А. А. Салтыкова, стр. LXI и сл. въ его замѣчательномъ предисловіи къ книгѣ Менделѣева: «Къ познанію Россіи». Изд. Милавида. Мюнхенъ.

дѣлія посѣвная площадь составляла въ 1922 году 67 % довоенной, въ 1924 году 76 %, въ 1926 году 88 % довоенной ¹²⁾, въ 1927 году 96 % ¹³⁾.

Это означаетъ, что крестьяне не только не смогли запахать прирѣзанную имъ въ революціи землю, но вынуждены были забросить и значительную часть своего бывшего клина; имъ понадобилось 10 лѣтъ для того, чтобы довести свою запашку до прежняго уровня.

6. Въ связи съ этимъ стоитъ всеобщее *революціонное обѣднѣніе* крестьянства. О немъ свидѣлствуютъ слѣдующія краткія цифры.

Валовой доходъ сельскаго хозяйства составлялъ на крестьянскую душу въ 1913 году — 113 рублей; въ 1926 году — 83 рубля, — т. е. всего 73 % довоеннаго ¹⁴⁾.

Участіе сельскаго населенія въ національномъ доходѣ составляло въ 1913 году 58 %, а въ 1926 году всего 26 %; такъ исчисляютъ сами коммунисты.

Урожайность съ десятины упала въ среднемъ на 36 % ¹⁵⁾.

Хлѣбные запасы крестьянства не превышаютъ $\frac{2}{3}$ довоеннаго количества ¹⁶⁾.

Въ Россіи, особенно въ производящемъ районѣ, появилось множество безлошадныхъ хозяйствъ ¹⁷⁾; уже къ 1924 году оно составляло въ среднемъ 40 %, а по отдѣльнымъ губерніямъ доходило до 51 % (Тамбовская), 60 % (Донецкая), 61 % (Воронежская), 70 % (Донская Область) и даже 89 % (Самарская). Къ 1926 году по одной РСФСР насчитывалось 4,6 милліоновъ безлошадныхъ хозяйствъ ¹⁸⁾.

Отсюда увеличеніе числа малопосѣвныхъ и безпосѣвныхъ хозяйствъ. Уже въ 1925 году коммунисты исчисляли крестьянское населеніе безъ посѣва или съ полуголоднымъ посѣвомъ (менѣе 2 десятинъ) въ 37 милліоновъ душъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ всего крестьянскаго населенія ¹⁹⁾.

Къ этому присоединяется длительный инвентарный кризисъ. Мертвый инвентаръ не возстановливался съ 1915 года ²⁰⁾. Сельск.-хоз. орудія, поставляемые коммунистами, отличаются плохимъ качествомъ и высокой цѣной (плуги на 50 % дороже

¹²⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 12 октября 1926 г.; «Извѣстія», отъ 2 ноября 1926 г. Повидимому, въ этотъ счетъ входитъ и запашка совхозовъ.

¹³⁾ «Извѣстія», отъ 4 ноября 1927 г.

¹⁴⁾ По исчисленіямъ комиссаріата земледѣлія.

¹⁵⁾ Срв. «Экон. Жизнь», отъ 14 марта и 3 ноября 1926 г.

¹⁶⁾ «Правда», отъ 28 ноября 1926 г.

¹⁷⁾ Сравни замѣтки князя Н. Б. Щербатова въ № 5 и № 6 «Русскаго Колокола».

¹⁸⁾ Срв. Бюллетень ЦСУ, № 89, стр. 26. «Бѣднота», отъ 27 ноября 1927 г. и друг.

¹⁹⁾ См. «Экономическое Обозрѣніе», 1925 годъ, № 1.

²⁰⁾ «Экономическое Обозрѣніе», 1925 г., № 7.

довоеннаго, молотилки на 70 %, соломорѣзки на 100 % ²¹⁾. Отсюда качественное паденіе обработки; отсюда дальнѣйшее паденіе урожайности. Крестьяне, лишённые скота и инвентаря, сдаютъ землю въ кабальную аренду ²²⁾, идутъ въ батраки за половину довоенной платы ²³⁾ или бросаютъ землю и выселяются въ города.

7. *Высокіе налоги, низкія цѣны на хлѣбъ и непомерно высокія цѣны на плохіе продукты* совѣтской промышленности доканываютъ крестьянъ. Покупательная способность хлѣба стоитъ разъ въ пять ниже довоенной ²⁴⁾. За коммунистическіе продукты крестьянство переплачиваетъ ежегодно не менѣе 1 милліарда рублей ²⁵⁾. И при всемъ томъ потребленіе крестьянства сильно падаетъ: такъ оно потребляетъ нынѣ всего 63 % довоеннаго количества мануфактуры, 54 % — кожи, 82 % — сахара, 57 % — стекла и т. д. ²⁶⁾.

8. Революція не избавила крестьянство отъ *малоземелія*, напротивъ обострила его. Высокій приростъ населенія (не менѣе 2½ милліоновъ въ годъ), поравнительный передѣлъ и общая тяга крестьянства къ раздѣламъ и дробленію — привели къ тому, что число хозяйствъ увеличилось за 10 лѣтъ революціи на 50 % (съ 16 милліоновъ до 24 милліоновъ). Соответственно этому, по исчисленіямъ совѣтской статистики, крестьянское хозяйство было уже въ 1924 году хуже обеспечено землей чѣмъ въ 1905 году (*тогда* въ среднемъ имѣлось 8,5 десятинъ на хозяйство, теперь всего 7,4 десятинъ).

Все это означаетъ, что нынѣ крестьянское сельское хозяйство *не въ состояніи кормить всю висящую на немъ массу людей* («аграрная перенаселенность»). По признанію совѣтскихъ статистиковъ 16 % беспосѣвныхъ крестьянъ выбрасывается ежегодно изъ деревни — совсѣмъ или временно. Они тянутся въ городъ и увеличиваютъ и безъ того острую безработицу ²⁷⁾: «ни городъ, ни промысла, ни промышленность пока (?) не въ состояніи поглощать всю освободившуюся (?) въ деревнѣ рабочую силу» ²⁸⁾. —

Таковъ трагическій балансъ русскаго революціоннаго крестьянства. Онъ имѣетъ свой хозяйственный и государственный смыслъ, который можетъ быть намѣченъ здѣсь лишь коротко.

Въ *хозяйственномъ* отношеніи коммунистическая революція *разорила* и *разслоила* крестьянство. Чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, она отдала имъ почти весь запасъ

²¹⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 6 мая 1926 г.

²²⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 13 августа 1926 г. «Бѣднота», отъ 26 сентября 1926 г.

²³⁾ «На аграрномъ фронтѣ», № 4—5, стр. 11.

²⁴⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 3 сентября 1926 г.

²⁵⁾ Докладъ коммуниста Яковлева.

²⁶⁾ Докладъ замѣстителя комиссара земледѣлія Свидерскаго.

²⁷⁾ «Экономическая Жизнь», 1926, № 264.

²⁸⁾ «Правда», отъ 4 ноября 1924 г.

сельско-хозяйственной земли. Этимъ она снизила сельско-хозяйственную культуру во всей странѣ, въ корнѣ подорвала имѣвшееся уже интенсивное земледѣліе и надолго сократила и затруднила вывозъ полноцѣннаго зерна за границу. Крестьянство въ Россіи будетъ отнынѣ бѣдствовать до тѣхъ поръ, пока не закончатся всякіе социалистическіе опыты; пока не сложится собственническое крупноземельное крестьянство; пока не наладится массовое интенсивное земледѣліе. Съ этимъ связана и судьба не только зернового, но и всего сельско-хозяйственного вывоза. Однако и тогда останется пролетаризованная масса, которая или найдетъ себѣ работу въ возродившейся частно - собственнической промышленности, или же явится вѣчнымъ источникомъ смуты, бунтовъ, революцій и гражданскихъ войнъ. Во всякомъ случаѣ коммунистическая революція окажется *школой частной собственности и концомъ количественной аграрной иллюзіи* ²⁹⁾: «аграрный вопросъ» впредь будетъ разрѣшаться *качественно*, въ сторону интенсивности, а не *количественно*, въ сторону «чернаго передѣла». Съ этимъ связана и государственная будущность Россіи.

Въ *государственномъ* отношеніи русская революція является великимъ предметнымъ урокомъ для всѣхъ народовъ и временъ. Классъ не выше государства и классовый интересъ не долженъ ставиться выше государственнаго. Классъ, подминающій подъ себя другіе классы и самую родину — губить всѣхъ и себя.

Тотъ, кто выдвигаетъ радикальныя требованія и добивается переворота, тотъ долженъ идти за радикальной, *ни съ чѣмъ не считающейся партией* и добиваться для нея власти. Онъ будетъ наивенъ, если вообразить, что эта партія будетъ считаться именно съ *его* требованіями. На безвозмездное отчужденіе имущества и на «черные передѣлы» идутъ только такіе люди, которые не понимаютъ хозяйственнаго, государственнаго и духовнаго значенія собственности, которые теоретически и практически *не* уважаютъ ея; напрасно думать, что они сумѣютъ чтить и ограждать собственность именно тѣхъ, кто добивался и получилъ отъ нихъ имущественную подачку. Масса, жаждущая имущественнаго передѣла въ свою пользу, естественно возлагаетъ свои надежды на коммунистовъ; но именно они то и готовятъ ей обманъ и разочарованіе.

Нельзя быть богатымъ въ разоренной странѣ, а имущественный передѣлъ есть всегда начало гражданской войны и разоренія. Безвозмездное отчужденіе есть актъ не строящій государство, а разрушающій: онъ какъ бы спускаетъ съ цѣпи всѣ худшія страсти; онъ колеблетъ и разлагаетъ уваженіе къ труду и собственности; онъ разлагаетъ правосознаніе, научая его тре-

²⁹⁾ См. въ № 4 «Русскаго Колокола» статью профессора В. А. Косинскаго.

бовать подачекъ и помогать демагогамъ; онъ какъ бы начинать распродажу государственной власти съ молотка.

Наказаніе всегда укрывается въ самыхъ послѣдствіяхъ ошибки или проступка. Но *не крестьяне* несутъ отвѣтственность за случившееся — они остаются во всемъ своемъ невѣдѣніи политическими дѣтьми. Отвѣтственность за совершившееся лежитъ всецѣло на русскихъ радикалахъ, революціонерахъ и социалистахъ. И Россія вправѣ требовать отъ нихъ духовнаго хара-кири.

Редакція.

III. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Уже ко времени введенія такъ называемой «новой экономической политики» жилищный кризисъ въ городахъ совѣтской Россіи достигъ такой остроты, что совѣтская власть должна была подумать о приступѣ къ новому жилищному строительству. Слабое начало этому было положено лишь въ 1923 году. Съ тѣхъ поръ были затрачены значительныя средства, какъ изъ государственнаго бюджета, такъ и изъ бюджета промышленности на постройку новыхъ домовъ. Эти средства исчисляются сотнями милліоновъ рублей. Однако полезный результатъ этого строительства оказался недостаточнымъ для того, чтобы остановить паденіе жилой площади, приходящейся на одного жителя и обезпечить жилищемъ ежегодный приростъ городского населенія. Этотъ приростъ городского населенія опредѣляется совѣтскими статистиками за 1923—1926 года въ 4.263.000 чело-вѣкъ, т. е. *въ 22,5%* (почти $1\frac{1}{4}$ милліона въ годъ); жилищную же площадь удалось увеличить за то же время лишь на *13,6%.¹⁾*

Больными мѣстами жилищнаго строительства, какъ и вообще совѣтскаго строительства является — 1. необычайная его *дороговизна* и 2. *неудовлетворительное качество стройки* и употребляемыхъ въ дѣло строительныхъ матеріаловъ.

Дороговизна строительства характеризуется тѣмъ, что индексъ его по сравненію съ довоеннымъ по официальнымъ даннымъ равняется 2,65. Какъ поясняетъ авторъ уже цитированной статьи въ «Экономической Жизни», конкретно это означаетъ слѣдующее: «Затрачивая, скажемъ, 300 милл. р. на новое строительство, мы увеличиваемъ существующій жилфондъ только на 100 милліоновъ». ²⁾

¹⁾ См. Л. Выгодскій: Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи. «Экон. Обзорѣніе», 1928. Сентябрь. Стр. 138.

²⁾ Н. Козыренко: Очередныя нужды строительства. «Экономическая Жизнь», 18 января 1928 г.

Объ абсолютной неудовлетворительности совѣтскаго строительства въ качественномъ отношеніи, о разваливающихся на второй-третій годъ постройкикахъ можно было бы привести изъ совѣтской печати сотни свидѣтельствъ и фактовъ. Съ точки зрѣнія осмысливанія совѣтской жилищной политики, какъ части огромнаго по своему размаху социалистическаго эксперимента, интересно остановиться на слѣдующемъ фактѣ.

Оказывается, что совѣтская власть строить рабочія квартиры слишкомъ роскошно для нищаго совѣтскаго рабочаго. Вѣроятно такіе дома съ трехкомнатными рабочими квартирами приводили въ восхищеніе тѣ иностранныя делегаціи, которымъ ихъ показывали. Но что происходитъ съ такими домами въ дѣйствительности, объ этомъ повѣдалъ ленинградскій делегатъ Вейнбергъ на прошлогоднемъ мартовскомъ пленумѣ ВЦСПС:

«У насъ очень развито строительство 2-хъ и 3-хъ комнатныхъ квартиръ, *между тѣмъ какъ рабочему большей частью требуется всего лишь одна комната.* Въ результатъ очень часто рабочіе чуть ли не цѣликомъ отдають предоставленныя имъ квартиры въ наемъ, сами ютятся на кухнѣ или въ одной комнатукѣ. Это конечно далеко не способствуетъ сохраненію жилого фонда. Въ Ленинградѣ напимѣръ *лишь недавно построенные дома для рабочихъ находятся въ крайне запущенномъ состояніи.*»³⁾

Насколько плачевно настоящее совѣтскаго строительства, настолько же безотраднo его будущее. Несмотря на обычный оптимизмъ совѣтскихъ пятилѣтнихъ и иныхъ плановъ, большевики не предаются никакимъ иллюзіямъ относительно возможности преодоленія жилищнаго кризиса въ ближайшіе годы.⁴⁾

Одинъ совѣтскій авторъ въ статьѣ, помѣщенной въ спеціальномъ изданіи, исходя изъ нормы ежегоднаго прироста городского населенія въ 700.000 человекъ (т. е. изъ нормы, значительно меньшей фактическаго прироста въ 1923—1926 г.г.) и изъ необходимости строить ежегодно 4 милліона кубическихъ сажень жилыхъ построекъ приходитъ вслѣдъ за другими совѣтскими писателями къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ:

«Принявъ во вниманіе, что ежегодный размѣръ всего жилищнаго строительства въ современныхъ границахъ СССР до войны былъ около 3,5 милл. куб. саж. и что наша промышленность строительныхъ матеріаловъ далеко еще не достигла довоенныхъ размѣровъ, мы можемъ съ полной опредѣленностью признать, что средняя ежегодная цифра въ 4 милл. куб. саж. представляется неосуществимой на ближайшіе 3—5 лѣтъ. Что касается увеличенія средней жилой площади на человека, то

³⁾ Жилищный вопросъ на пленумѣ ВЦСПС», «Трудъ», 1 марта 1928 г.

⁴⁾ См., напр., мою замѣтку: «Что дала революція русскому рабочему?», въ № 4 «Русскаго Колокола», отдѣлъ «Жилищныя условія», стр. 73 и 74.

изъ вышеизложеннаго видна *практическая невозможность доведенія ея въ скоромъ времени до 16-аршинной нормы*.⁵⁾

Такимъ образомъ надежды на то, что совѣтская власть сможетъ возстановить въ значительной степени ея же стараніями и мѣрами разрушенный жилищный фондъ, на ближайшее время нѣтъ. Населеніе сдѣлало изъ этого уже надлежащіе практическіе выводы и . . . принялось строить само.

За послѣдніе четыре года (1924—1927) частными лицами было построено домовъ съ жилой площадью въ 7,82 милл. кв. метровъ, въ то время какъ все государственное, коммунальное и кооперативное строительство дало за то же время приростъ всего въ 6,38 милл. кв. метровъ. Такимъ образомъ *частное строительство дало больше половины всего прироста*, и что всего замѣчательнѣе, *съ затратой всего лишь четверти общей суммы, затраченной на строительство*.

Главную массу частнаго строительства составляетъ такъ наз. «индивидуальное рабочее строительство». Въ виду кошмарныхъ жилищныхъ условій на совѣтскихъ фабрикахъ и въблизи ихъ рабочіе стали строить свои домики, нерѣдко лачуги-мазанки, сами добывая себѣ то, что не можетъ дать имъ социалистическое государство. Въблизи городовъ и фабрикъ возникаютъ цѣлые поселки, часто въ «самовольномъ» порядкѣ. Какъ сообщаетъ «Трудъ», подь Екатеринбургомъ выросъ цѣлый такой поселокъ подь названіемъ «Нахаловка». «Это свое названіе поселокъ получилъ потому, что онъ возникъ стихійно, безъ разрѣшенія коммунхоза».⁶⁾

Такъ пытается населеніе въ порядкѣ «стихійномъ» и «самовольномъ» въ формахъ частнаго хозяйства и частнаго права разрѣшить для себя жилищный вопросъ.

Что коммунистическая власть сама признала свое полное банкротство въ этомъ дѣлѣ, показываетъ изданный 28 августа 1928 г. декретъ, предоставляющій совершенно исключительныя, съ точки зрѣнія совѣтскаго строя, права и преимущества частному капиталу — какъ иностранному, такъ и русскому — въ дѣлѣ постройки новыхъ жилыхъ домовъ. Предпринимателямъ предоставляются на льготныхъ условіяхъ участки для постройки домовъ (не менѣе опредѣленной площади), при чемъ эти дома остаются частной собственностью застройщиковъ и послѣдніе имѣютъ право сдавать въ нихъ квартиры внѣ всякихъ ограниченій, установленныхъ совѣтскимъ законодательствомъ въ отношеніи квартирной платы и распредѣленія жилой площади.

Со времени изданія этого декрета, который въ свое время былъ встрѣченъ ликованіемъ всѣхъ иностранцевъ, страстно желающихъ «увѣровать» въ «эволюцію» большевиковъ, прошло

⁵⁾ Запорожецъ: Рабочее жилстроительство СССР. Сборникъ руководящихъ статей по раб. жил. строительству. Москва, 1927. Стр. 22.

⁶⁾ «Трудъ», 19 января 1928 г.

полгода, а между тѣмъ за это время не стало извѣстно ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что нашлись капиталисты, русскіе или иностранные, желающіе воспользоваться его необычайными льготами. Очевидно опытъ съ совѣтскими концессіями въ достаточной мѣрѣ убѣдилъ всѣхъ серьезныхъ иностранцевъ въ невозможности созданія «капиталистическихъ оазисовъ» въ обстановкѣ хозяйственной разрухи и произвола, исключаящихъ нормальное функционированіе частныхъ предпріятій и охрану ихъ правъ.

Такимъ образомъ задача устраненія настоящаго небывалаго въ исторіи жилищнаго кризиса и созданія для будущихъ поколѣній русскихъ людей достойнаго жилища, этой необходимой основы не только матеріальной, но и духовной культуры, всей своей тяжестью ляжетъ на плечи строителей будущей возрожденной Россіи. Для русскихъ архитекторовъ и инженеровъ, въ особенности для находящихся въ эмиграціи, открывается отвѣтственная, но благодарная задача — изучить и использовать необыкновенно богатый европейскій опытъ послѣдняго десятилѣтія въ этой области для того, чтобы указать и разработать тѣ пути и техническія средства, которые должны лечь въ основу излѣченія одной изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ, оставленныхъ на тѣлѣ народнаго хозяйства Россіи годами большевистскаго лихолѣтія.

В. Гефдингъ.

IV. О НЕПРЕДРѢШЕНІИ.

Тому, кто любитъ свою родину; кто признаетъ, что ей *необходима государственная форма*; и кто участвуетъ въ жизни своего государства *волею* — естественно имѣть *политическую волевою идею*, вѣрить въ ея спасительность и желать ея осуществленія. Такъ, авторъ этихъ строкъ — *монархистъ* по глубокому, жизненному убѣжденію, вѣрою, любовію и разумніемъ: онъ убѣжденъ въ томъ, что настоящая, здоровая монархія выше, благотворнѣе, жизненнѣе, — чѣмъ самая удачная, «благоустроенная» республика; и еще онъ убѣжденъ въ томъ, что пока Россія будетъ республикой, она будетъ пребывать во внутренней смутѣ и международной слабости, независимо отъ того, будетъ ли это «соціалистическая» или «буржуазная» республика.

И тѣмъ не менѣе онъ отстаиваетъ принципъ *непредрѣшенія*, т. е. онъ считаетъ, что русскіе, находящіеся за рубежомъ, *не имѣютъ права и не должны предпринимать послѣ-коммунистическую форму русскаго государственнаго строя*, не должны организовываться за рубежомъ въ *партіи* для того, чтобы *навязать* эту форму внутренней Россіи. И вотъ въ силу какихъ основаній.

1. Только политическіе младенцы могут думать, что политическая идея осуществима *при всякихъ условіяхъ* и *въ любое время*. Монархія есть *высшая* форма государственнаго единенія; но именно поэтому далеко не всякій народъ и далеко не во всякомъ душевномъ состояніи способенъ осуществить ее. Есть уровень моральнаго и политическаго разложенія, на которомъ «монархія» возможна только какъ мимолетная, жалкая и пошлая каррикатура, ничего не спасающая и всѣхъ разочаровывающая.

2. Какъ бы внимательно ни слѣдили мы за событіями внутри Россіи, мы до самаго конца не будемъ въ состояніи опредѣлить того душевнаго процесса, который совершается въ массѣ русскаго народа, — процесса его *религіозно-нравственнаго очищенія* и *политическаго созрѣванія*. Самъ по себѣ процессъ этотъ крайне сложенъ, медлителенъ, безформенъ и лишенъ органовъ проявленія; а коммунисты еще задерживаютъ его, искажаютъ и подавляютъ. Всѣ «провидѣнія» и политическія истолкованія этого безпримѣрнаго процесса, — да еще издали и послѣ долгаго отсутствія, — неосновательны и легкомысленны: говорить, что «теперь весь народъ хочетъ демократической республики», или, что вся страна «мечтаетъ о царѣ» — значить заниматься завѣдомо недобросовѣстной партійной спекуляціей. Наши свѣдѣнія и наша сила сужденія здѣсь просто *недостаточны*. При такихъ условіяхъ «предрѣшающій» — совершаетъ поступокъ политически безотвѣтственный.

3. Монархія имѣетъ природу *органическую* и *религіозную*; она означаетъ *конецъ* смуты и *революціи*. Поэтому возрожденіе ея требуетъ несравненно большаго оздоровленія, очищенія и зрѣлости, чѣмъ продолженіе революціи въ формѣ некоммунистическаго республиканства. Послѣ паденія коммунистовъ въ странѣ можетъ не оказаться ни духовныхъ, ни общественныхъ силъ для возстановленія монархіи и подготовка этихъ силъ потребуетъ немало времени и борьбы. Наивно думать, что монархія возрождается посредствомъ партійныхъ резолюцій или провозглашеній. Необходимо *укорененный въ странѣ образованный кадръ, способный и готовый идейно служить и честно строить монархію*; имѣется ли онъ? Необходимо *массовое довѣріе и сочувствіе, еще не извѣдавшее республиканской демагогіи или уже разочаровавшееся въ ней*; имѣется ли оно? Необходимо *монархически настроенная армія*; имѣется ли она? Пытаться же возродить монархію при отсутствіи всѣхъ этихъ условій значило бы — *предавать царя на растерзаніе и посмѣище, и компрометировать монархическое начало*. Революція разрушила Россію *безпримѣрно*; всякія ссылки на русскую Смуту или на иноземныя революціи — просто несостоятельны: аналогій *нѣтъ*; и «предрѣшаю-

щій» — просто не знаетъ и не понимаетъ самъ, что онъ дѣлаетъ.

4. Мы не знаемъ и до конца не будемъ знать, что установится въ Россіи послѣ паденія коммунизма. Быть можетъ — слабая республика; тогда оздоровленіе затянется. Быть можетъ — диктатура (сильная республика непременно сведется къ диктатурѣ); тогда оздоровленіе ускорится. Попытка же установить въ періодъ оздоровленія *монархію* — была бы вредна не только для Россіи, но и для монархическаго начала, ибо дезинфекція или чистка выгребныхъ ямъ не есть дѣло царя; это дѣло поставило бы его съ самаго начала въ фальшивое положеніе и отвлекло бы отъ него сердца. Монархія есть начало примиренія, а не расправы; начало достоинства, а не демагогической угодливости.

5. Мы должны помнить, что послѣ паденія коммунизма Россіи предстоитъ періодъ *хозяйственной разрухи, государственнаго безсилія и международныхъ униженій*. Это бремя будетъ посылно только *геніальному* человѣку; негеніальный монархъ — падетъ подъ этимъ бременемъ самъ и *скомпрометируетъ монархическое начало*. Мы должны помнить, что настоящая монархія, монархія *силы и достоинства*, можетъ оказаться невозможною и что монархія международной зависимости, внутренняго заискиванія и демагогическихъ посуловъ унизитъ и уронитъ монархическій принципъ; мы должны помнить, что *плохая республика подготовитъ хорошую монархію, а преждевременная и слабая монархія подготовитъ длительную республику*.

При такихъ условіяхъ преждевременно навязанная странѣ монархія можетъ оказаться полезной только республиканцамъ, коммунистамъ и врагамъ Россіи. И предрѣшеніе ея нынѣ могло бы быть понятно только въ устахъ истиннаго «провидца», которому «открылось свѣтлое будущее».

6. Среди русскихъ, пребывающихъ нынѣ за рубежомъ, всякое предрѣшеніе (и монархическое, и республиканское) звучитъ по меньшей мѣрѣ *претенціозно*. Люди, выдвигающіе такія формулы: «съ монархіей въ Россіи покончено навсегда»; или: «республика въ Россіи не будетъ допущена» — доказываютъ этимъ только то, что сила ихъ политическаго сужденія крайне незначительна. Кто они сами, эти «кончающіе» и «недопускающіе»? Какія явныя или тайныя силы уполномочили ихъ предрѣшать за всю Россію? За кѣмъ изъ нихъ стоитъ все зарубежье? Но если бы за кѣмъ нибудь изъ нихъ и стояло «все зарубежье» — то это былъ бы всего одинъ миллионъ изъ ста пятидесяти миллионѣвъ, составляющихъ Россію. Сколь бы ни были цѣнны культурныя силы зарубежной Россіи — онѣ остаются и численно, и морально, и политически *недостаточными* для предрѣшенія. Всякое предрѣшеніе, идущее изъ за рубежа, вызываетъ во внутренней патріотической Россіи спра-

ведливый и гнѣвный отпоръ. Сколько разъ намъ приходилось слышать тамъ въ Россіи формулы этого отпора: «Иго несемъ *мы*; бремя опасности и борьбы *на насъ*; а предрѣшаете и распоряжаетесь изъ за рубежа *вы*? Кто *вы*, не отстоявшіе Россію отъ большевиковъ, удалившіеся за предѣлы досягаемости и нынѣ дѣлящіе наслѣдство несвергнутаго врага?! Помните, что свергнувъ коммунистовъ здѣсь, мы можемъ и совсѣмъ не пустить на родину васъ, зарубежныхъ предрѣшателей...»

7. Предрѣшающій въ зарубежьи — или произносить пустяка, необязывающія его ни къ чему слова, или же *обязуется повести революціонную борьбу и гражданскую войну противъ всякаго строя, имъ заранее осужденнаго*. Такъ, предрѣшившіе республиканцы обязуются свергнуть всякаго диктатора и монарха, который поведетъ дѣло спасенія Россіи: въ качествѣ *новыхъ революціонеровъ слѣва*, они останутся за рубежомъ, поведутъ террористическую работу и будутъ добывать деньги для того, чтобы поднять въ Россіи новую гражданскую войну за республику. Соотвѣтственно этому, предрѣшившіе монархисты, выдвигающіе кандидата на престолъ, обязуются свергнуть всякаго другого кандидата («бонапарта»), всякаго не подчиняющагося имъ диктатора и всякую республиканскую власть, которая будетъ пытаться оборонить Россію отъ новыхъ коммунистическихъ покушеній: въ качествѣ *новыхъ революціонеровъ справа*, они останутся за рубежомъ, поведутъ явную и тайную агитацію и будутъ пытаться поднять новую гражданскую войну за своего претендента.

Если они *не* намѣрены это дѣлать, то какой политическій смыслъ имѣютъ ихъ грозныя предрѣшенія? А если ихъ намѣренія именно таковы и они готовятъ Россіи новыя революціи и гражданскія войны — то замыслы ихъ по отношенію къ Россіи *безумны и преступны* и русская исторія не почетомъ отмѣтитъ ихъ имена.

8. Мы должны отпираться отъ того, что *Родина выше политической формы* и что Россія потеряла уже *слишкомъ много* для того, чтобы терзать ее новыми кровавыми переворотами. Мы должны помнить, что патріотъ-республиканецъ и патріотъ-монархистъ — *сыны одной Россіи* и что нынѣ смертная борьба между ними была бы предательствомъ по отношенію къ Родинѣ.

9. *Всякій* несоціалистическій строй въ Россіи будетъ *лучше* совѣтскаго-коммунистическаго; при *всякомъ* такомъ строѣ мы должны добиваться возвращенія и права жить и работать на своей родинѣ. И нынѣ ни одна противосовѣтская организація не должна мѣшать другой въ ея борьбѣ съ коммунистами, но всѣ онѣ должны договариваться между собой по принципу: *вмѣстѣ бить*.

Остальное выяснится и рѣшится въ самой Россіи.

Старый Политикъ.

V. ОТЦЫ И ДѢТИ ВЪ ПОЛИТИКѢ.

Несогласія между отцами и дѣтьми въ практическихъ вопросахъ жизни и особенно въ вопросахъ политики — есть явленіе *вѣчное*: оно обусловлено возрастомъ и опытомъ жизни; оно неизбежно; и тѣмъ не менѣе каждое поколѣніе переживаетъ это расхожденіе, какъ что то «новое» и «особенное» и можетъ быть даже «тревожно-зловѣщее» (срв. «Отцы и дѣти» Тургенева). И всегда бываетъ такъ, что чѣмъ забывчивѣе, безотвѣтственнѣе и самодовольнѣе отцы, и чѣмъ наивнѣе, самоувѣреннѣе и темпераментнѣе дѣти, тѣмъ легче это расхожденіе принимаетъ оттѣнки «драматическій» и даже «трагическій». А между тѣмъ вѣрное разрѣшеніе этого вопроса возможно только на основѣ *взаимнаго пониманія* и *взаимнаго восполненія*.

Мало того, вѣрно разрѣшить этотъ вопросъ значить вообще отодвинуть его на задній планъ, какъ бы *вовсе снять его*: ибо для *предметнаго и творческаго служенія* существенъ совсѣмъ не возрастъ, а *вѣрность взгляда, преданность и сила воли*. По этимъ тремъ признакамъ отцы должны объединяться и съ отцами, и съ дѣтьми; а дѣти должны объединяться и съ дѣтьми, и съ отцами. Передъ *служеніемъ родинѣ*, передъ *духовнымъ единомысліемъ*, передъ *стойкой энергіей поступка* — возрастъ несущественъ; выдвигать вопросъ возраста здѣсь не только неумѣстно и странно, но просто *непозволительно*: при вѣрномъ подходѣ къ дѣлу — онъ и самъ не выдвинется. А если онъ выдвигается, то это означаетъ, что люди духовно *не доросли, не дострадались до предметнаго и творческаго служенія*, но застряли въ вопросахъ непредметнаго «само-чувствія», неудовлетвореннаго тщеславія, честолюбія и всѣхъ тѣхъ неумѣній и мелочныхъ претензій, которыя размножаютъ и составляютъ ненужный *соръ жизни*.

По сколько отцамъ и дѣтямъ не удастся установить между собою взаимнаго пониманія и взаимнаго восполненія, постольку силы народа начинаютъ растрачиваться даромъ: ибо *жизненный опытъ* старшаго поколѣнія проходитъ *мимо* младшаго поколѣнія, не научая его, не ограждая его отъ промаховъ, заставляя его начинать все съ самаго начала, отыскивать *уже найденные* пути, впадать въ *изжитыя* заблужденія и повторять былыя ошибки. Понятно, что если бы такое положеніе дѣла водворилось *во всемъ*, то *вся культура* остановилась бы и оказалась бы невозможной: въ религіи отпало бы благовѣстіе, писаніе, преданіе и преемство благодати; въ наукѣ все оказалось бы «неизслѣдованнымъ» и «недоказаннымъ»; всѣ художественныя созданія искусства стали бы казаться людямъ

«выдохшимся» и «мертвымъ» «хламомъ»; нравственное и государственное воспитаніе людей стало бы совсѣмъ невозможнымъ; а въ техникѣ и въ хозяйствѣ люди остались бы навѣки первобытными дикарями.

Вопросъ о соотношеніи отцовъ и дѣтей есть вопросъ *духовной традиціи*. Если бы духовная традиція отпала, то все стало бы *безпочвеннымъ, безсильнымъ, эфемернымъ*. Горе тому поколѣнію, которое не умѣетъ ни воспринять, ни передать духовную традицію! Оно обречено на беспомощную и притязательную суетню; оно будетъ унесено смертью *до того*, какъ успѣетъ создать что нибудь; и неизбѣжно станетъ посмѣшищемъ грядущихъ, болѣе здоровыхъ поколѣній.

Именно такова затѣя *всякой революціи* и особенно *большевицкой революціи*: порвать національную — государственную и культурную — традицію, отдаться самоупоенному произволу, все перевернуть, поставить на голову, начать все «сызнава», по «новому», по неслыханному, оказаться «умнѣе всѣхъ» и «смѣлѣе всѣхъ», и, потрясши міръ «дерзаніемъ», «повести за собою» все человѣчество. Источникомъ всего этого является: *духовное невѣжество, необузданное самомнѣніе и совершенно больное тщеславіе*. Ничтожество и убожество всѣхъ подобныхъ затѣй предвидѣно и обличено въ «Бѣсахъ» Достоевскаго.

И вотъ, всѣ, неподдавшіеся духовной заразѣ большевизма, должны всегда помнить о томъ, что эта бѣсовская зараза *прокрадывается въ сердца незамѣтно*, укрывается въ оттѣнкахъ и обнаруживается тамъ, тогда и у тѣхъ, кто, гдѣ и когда меньше всего этого ожидаетъ. «Прираженія» этого духа многообразны и неожиданны; и одолѣваются только *бдѣніемъ, трезвеніемъ и нещадной самокритикой*. Какъ проникающій повсюду трупный запахъ, такъ нынѣ незримо разливается въ душахъ большевицкая отравка, особенно опасная для молодыхъ поколѣній зарубезья, не перегорѣвшихъ въ дьявольской плавильнѣ коммунистовъ, не видѣвшихъ непосредственно величія Россіи и не смотрѣвшихъ въ зракъ сатаны; но именно поэтому у нихъ нѣтъ того *духовнаго иммунитета*, который нынѣ пріобрѣтаетъ *несоблазнившаяся* молодежь подъяремной Россіи.

Для вѣрнаго разрѣшенія основной задачи *духовной традиціи*, необходимо, чтобы отцы *могли и умѣли передать*, а дѣти *желали воспринять*.

Духовная традиція (буквально — «передача») не состоитъ всюду, гдѣ отцы *растеряли* воспринятое ими самими, а своего *не пострадали*; гдѣ имъ *нечего* передать; или гдѣ они *забыли* свой долгъ передачи; или гдѣ они *не умѣютъ найти доступъ къ сердцу и къ довѣрію* младшаго поколѣнія.

Справедливость требуетъ признать, что современные русскіе политическіе отцы (за исключеніемъ немногихъ людей, окостенѣвшихъ въ своемъ дореволюціонномъ самолюбованіи и въ своей политической безсовѣстности) — перестрадали и пере-

думали такъ много, что имъ по истинѣ *есть*, что передать слѣдующему поколѣнію. У нихъ есть не только опытъ заблужденій и непротивленчества, но и опытъ *преодоленія ошибокъ* и опытъ (хотя еще и не побѣдоносной, но искренней и напряженной) *борьбы*. Они видѣли и величіе прошлаго, хотя надломленнаго уже и больного; — и процессъ подкопа и крушенія; — и позоръ, и несчастіе дна. И если даже многіе изъ нихъ нынѣ не берутся сказать, что дѣлать дальше, то за то многіе изъ нихъ знаютъ досконально, сколь *сложно и отвѣтственно всякое дѣланіе* и *чего именно безусловно не слѣдуетъ дѣлать*. Среди нихъ есть и такіе, которые способны передать древнюю и священную традицію; есть и такіе, которые сами настрадали цѣлое богатство опыта и разумнія. И если имъ чего нибудь не хватаетъ, то именно *творческой воли къ передачѣ* и той способности *учить учась*, безъ которой между поколѣніями трудно возникаетъ взаимное довѣріе и живое сотрудничество.

Духовная традиція не составляетъ и тамъ, гдѣ въ душахъ дѣтей не укоренено или поколеблено *чувство священнаго* или пробуждено *голодное самочувствіе*.

Тамъ, гдѣ нѣтъ чувства *священнаго*, тамъ нѣтъ и чувства *тайны*, нѣтъ *благоговѣнія*, почтенія и уважительности (противъ всего этого и направлена всякая революціонная и большевистская пропаганда); тамъ слабѣетъ *религіозное чувство*, тамъ колеблются всѣ *авторитеты* и всѣ здоровыя *консервативныя* начала жизни. Въ душахъ расцвѣтаетъ упрости́тельство («все просто!»), самозна́йство («я и самъ безъ васъ все знаю!»), безотвѣ́тственность (слѣпота и безразличіе къ послѣдствіямъ поступка) и ни́гилизмъ («нѣтъ ничего святого»). При этомъ всегда бываетъ такъ, что здоровые и почвенные авторитеты низвергаются только для того, чтобы на ихъ мѣсто пробрались контрабандой авторитеты нездоровые и безпочвенные. Фанатики «новаго» никогда не бываютъ творцами; и *истинно-новое* никогда не создается на этомъ пути; но разрушительные психозы овладѣваютъ душами именно въ этомъ порядкѣ — въ порядкѣ «декадентства» (отъ *decadere* — отпадать, выпадать) и «революціи» (отъ *revolvere* — перевертывать), въ порядкѣ «схожденія съ рельсъ» и крушенія...

Тамъ, гдѣ пробуждено *голодное самочувствіе*, тамъ душа переоцѣниваетъ свои *силы* и недооцѣниваетъ *сложность міра* и *трудность* своихъ заданій. Ея драгоцѣнное «я» — требовательно, притязательно и *заслоняетъ* собою или отодвигаетъ *Дѣло*. Отсюда — тщеславіе, заносчивость, самомнѣніе, честолюбіе и самая комичная жажда «поскорѣе начать фигурировать». Скромности мало или совсѣмъ нѣтъ. *Собственная сила сужденія* не подвергается никакому сомнѣнію. Появляется рядъ людей умственно скоробогатыхъ и нравственно скороготовыхъ; способныхъ шумѣть, претендовать и смер-

тельно обижаться, но мало способныхъ строить и дѣлать дѣло и совсѣмъ неспособныхъ отличить добро отъ зла и генія отъ злодѣя; — типъ вреднаго скороцвѣта и пустоцвѣта.

Справедливость требуетъ признать, что современныя русскія политическія «дѣти» за рубежомъ въ большинствѣ своемъ не предаются ни *тягъ къ нигилизму*, ни *голодному самочувствію*. Однако послѣдній соблазнъ грозитъ имъ большею опасностью, какъ впрочемъ и всѣмъ революціоннымъ поколѣніямъ: ибо честолюбіе не только колеблетъ и подрываетъ троны, но расцвѣтаетъ съ особою, прямо болѣзненною силою *послѣ* ихъ низверженія.

Такимъ образомъ нынѣ за рубежомъ ни со стороны старшаго поколѣнія, ни со стороны младшаго поколѣнія нѣтъ признаковъ, заставляющихъ опасаться за русскую духовную традицію; и отдѣльныя болѣзненныя проявленія, исходяція отъ «дѣтей» и почти всегда вызванныя подстрекательствомъ кого либо изъ непреуспѣвшихъ «отцовъ», — не должны быть обобщаемы.

Гораздо сложнѣе, болѣзненнѣе и опаснѣе обстоитъ дѣло въ подъаремной Россіи.

И. А. Ильинъ.

VI. ЖИВЫЯ СЛОВА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Наставленія Государямъ.

Сила государствъ покоится на великихъ людяхъ, которые рождаются для нихъ въ нужный часъ. Великій человѣкъ не нуждается въ предкахъ.

Нѣтъ способа правленія, который не имѣлъ бы своихъ недостатковъ. Но если во главѣ государства стоитъ рѣшительный государь, то въ монархіи оказывается меньше партійнаго духа, чѣмъ въ республикахъ, которыя нерѣдко растерзываются интригами гражданъ, пытающихся вытѣснить другъ друга. Хорошо управляемая монархія должна быть какъ единая семья.

Люди срастаются внутренно только съ тѣмъ, что имъ принадлежитъ. Государство не принадлежитъ министрамъ; поэтому ихъ сердце не прилѣпляется воистину къ его благополучію.

Государь есть лишь первый слуга государства, онъ обязанъ дѣйствовать по правдѣ, съ величайшей проницательностью и совершеннымъ безкорыстіемъ, такъ, какъ если бы ему приходилось ежеминутно давать своимъ согражданамъ отчетъ въ своемъ управленіи.

Случай, господствующій надъ человѣческими судьбами, рѣшаетъ вопросъ о первородствѣ. Но въ силу того, что человѣкъ является королемъ, онъ еще не становится лучше другихъ.

Если монархическое правленіе должно доказать свое превосходство надъ республиканскимъ, то государю уже дана линія поведенія: онъ долженъ быть дѣятеленъ и чистъ характеромъ, и собрать всѣ свои силы для того, чтобы разрѣшить предуказанную ему задачу.

Будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ! Взовѣсьте сначала «за» и «противъ»; но если Вы однажды объявили свою волю, то ужъ ни за что на свѣтѣ не мѣняйте въ ней ничего!

Необходимо быть молчаливымъ, наблюдать за собою, господствовать надъ своими чувствами, прятать свои намѣренія, скрывать свой характеръ и не показывать ничего, кромѣ подobaющей рѣшительности, смягченной чувствомъ права.

Исторія есть школа государей.

Счастье нерѣдко бываетъ опаснѣе для государей, чѣмъ несчастье. Первое ослѣпляетъ и ослѣпляетъ ихъ; второе учитъ ихъ осторожности и скромности.

Умѣніе править составляетъ особую науку; тотъ, кто хочетъ компетентно говорить о семъ вопросѣ, долженъ пройти черезъ долгое изученіе.

Для лѣниваго лавры не растутъ. Богиня славы вѣнчаетъ только того, кто борется и имѣетъ мужество.

Прежде всего необходимо уловить духъ народовъ, которыми хочешь править, — чтобы знать, кротко или сурово надо ими управлять, мятежны ли они, склонны ли они къ безпорядку, къ интригамъ и глумленію, въ чемъ ихъ дарованія и къ какимъ должностямъ они наиболѣе пригодны.

Мудрый государь долженъ приложить все свое усердіе къ воспитанію полезныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ.

Государь долженъ обладать такимъ знаніемъ людей, чтобы поставить честныхъ людей по крайней мѣрѣ во главѣ провинцій.

Лишь немногіе люди рождаются совсѣмъ безъ таланта. Поставить каждаго на вѣрное мѣсто значитъ извлечь изъ всѣхъ двойную пользу.

Для поддержанія добрыхъ нравовъ необходимо прежде всего, чтобы отличіе давалось единственно и исключительно за заслуги.

Лучшее обхожденіе съ принцами крови состоитъ въ томъ, чтобы осыпать ихъ внѣшними почестями, но держать ихъ вдали отъ государственныхъ дѣлъ и довѣрять имъ военное командованіе только при достаточной надежности, т. е. если у нихъ есть талантъ и если можно положиться на ихъ характеръ. Принцессы не должны вмѣшиваться въ правленіе — никогда, ни подъ какимъ предлогомъ.

Чтобы избѣгать вредныхъ мѣропріятій, государь долженъ ставить себя въ положеніе крестьянина или фабричнаго рабочаго и спрашивать себя — чего же бы я хотѣлъ въ этомъ слу-

чаѣ отъ Государя? То, что ему тогда подскажетъ его здравый человѣческій разсудокъ, онъ и обязанъ осуществлять.

Я рѣшился никогда не вмѣшиваться въ теченіе судебныхъ дѣлъ; ибо въ судахъ слово должно принадлежать законамъ, а государь долженъ молчать.

Доходы государства не принадлежать государю.

Я разсматривалъ доходы государства, какъ существенное достояніе народа, въ которомъ я повиненъ ему отчетомъ. Я никогда не посягалъ для моихъ личныхъ надобностей ни на малѣйшую ихъ часть. И вотъ, я умираю бѣднымъ, но удовлетвореннымъ, въ сознаніи, что я исполнилъ мой долгъ правителя.

Посоветуйтесь съ Макиавелли и онъ Вамъ скажетъ, что всѣ средства хороши и правомѣрны, если только они служатъ пользѣ и честолюбію государя. Это мораль преступниковъ. Для всѣхъ людей есть только одна добродѣтель, одна справедливость. Только добродѣтельные поступки дѣлаютъ человека бессмертнымъ. Я буду лучше мечтать, какъ человекъ чести, чѣмъ совершать преступныя дѣянія.

Разсчитывайте только на самихъ себя! Тогда Вы никогда не обманетесь. И смотрите на своихъ союзниковъ и на свои договоры только какъ на суррогатъ! Многіе договоры приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Наша должностъ состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благополучіи народовъ. Если мы видимъ, что въ какомъ нибудь союзѣ скрывается опасность для нихъ или необеспеченность, то мы должны порвать его, чтобы ихъ оградить; здѣсь государь приноситъ себя въ жертву для спасенія своихъ подданныхъ.

Случаи, въ которыхъ договоры могутъ нарушаться, таковы: 1. если союзникъ не исполняетъ своихъ обязательствъ; 2. если онъ хочетъ насъ обмануть и намъ не остается никакого исхода, кромѣ того, чтобы предупредить его въ этомъ; 3. если какая нибудь высшая сила подавляетъ насъ и принуждаетъ насъ къ нарушенію союза, и наконецъ 4. если исчерпаны средства для продолженія войны.

То, что у частнаго человека является ошибкой, то для государя становится порокомъ.

Если государь совершаетъ ошибку отъ незнанія, то онъ несетъ такую же вину, какъ если бы онъ совершилъ ее въ силу дурного намѣренія. Если короли думаютъ о будущемъ лишь поверхностно и принимаютъ мѣры необдуманно, то отъ этого бываютъ вынуждены страдать милліоны людей.

Если бы справедливость была изгнана изо всего міра, то ее все таки можно было бы найти у великихъ царей.

А я, предъ угрозой крушенія, полный къ бурѣ презрѣнія, долженъ мыслить, жить и умереть королемъ!

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

Издательство Акц. Общ. Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“

Художественный журналъ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

На дняхъ выходитъ богато иллюстрированный № 42 журнала,
посвященный художнику БОР. ГРИГОРЬЕВУ.

Цѣна 25 американскихъ центовъ.

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается безплатно. Въ виду отсутствія во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ вниманіе гг. читателей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября 1928 г. на нихъ цѣна повышена вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

Органъ Правленія Краевого Союза

Двухмѣсячный журналъ

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 53 - й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца

въ Главной Конторѣ газеты:

БѢЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освобод. борьбы и славянской взаимности.

Редакторъ К. І. ЗАЙЦЕВЪ

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи П. Б. СТРУВЕ

PARIS (V) 12, RUE ROYER-COLLARD

„La Russie et le Monde Slave“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43 IV

БЕРЛИНЪ W15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43 IV

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Всѣ денежные и заказные пакеты

для редакціи журнала просятъ направлять въ адресъ редакціи, но обязательно на имя **А. И. Бунге** (A. Bunge), такъ какъ при адресованіи на „Русскій Колоколъ“, почта не выдаетъ этихъ отправленій и возвращаетъ ихъ обратно.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство **Н. А. Павловскаго**
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Польшѣ представителемъ является
книжный магазинъ „Д о б р о“
Krakowskie przedmiescie 53;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

5 -

Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
. . Inhaber: I. Iljin.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 9

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Повѣрьте, что Богъ не саромъ поселить каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ.

Гоголь.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 9

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 3 0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Непобѣдившій герой. И. А. Ильинъ	3
2. Отживающая идея. Б. А. Штейфонъ	7
3. Идея національной науки. И. А. Ильинъ	12
4. Начальныя основы строительства будущей русской арміи. П. А. К. Баіовъ	21
5. Замѣтки о русскомъ судѣ. В. П. Носовичъ	29
6. Домовой. Н. Н. Ильина	39
7. Волевые русскіе люди. М. В. Шахматовъ	44
8. Русскій просторъ. Б. А. Никольскій	48
<hr/>	
I. Кто править въ Россіи. Редакторъ	55
II. Пражскіе русскіе курсы для дѣтей. И. И. Лаппо	60
III. О божественномъ Провидѣніи. Отрывокъ изъ Сенеки	63

НЕПОБѢДИВШІЙ ГЕРОЙ*).

Неся свое историческое бремя, въ борьбѣ за свою свободу и за свой духовный расцвѣтъ, каждый народъ нуждается въ герояхъ, въ людяхъ *силы, прозрѣнія и ответственности*; въ людяхъ, которые, разрѣшивъ въ самихъ себѣ всѣ противорѣчія и затрудненія національнаго характера и преодолѣвъ въ самихъ себѣ его слабости и соблазны, могли бы тѣмъ самымъ возглавить свой народъ и повести его за собою въ его національной борьбѣ. Имъ нужна *прозорливость* для того, чтобы увидѣть пути и судьбы своего народа; имъ нужна *сила*, чтобы волею своею принять на себя и поднять историческое и государственное бремя своего народа; имъ нужно величайшее чувство ответственности для того, чтобы идти самому и вести свой народъ къ вѣрной цѣли, рѣшать за себя и за него и одолѣвать слабости и соблазны *его* души такъ, какъ они побѣдили ихъ въ *своей* душѣ...

И, если это вѣрно примѣнительно къ каждому народу, то это относится въ особенности къ *нашему* народу и нашей странѣ. И если всѣ народы нуждаются въ герояхъ и вождяхъ, то Россія не можетъ безъ нихъ ни быть, ни строиться, ни цвѣсти. Ибо въ силу множества расовыхъ, историческихъ и географическихъ условій русскому человѣку не часто удается выковать, воспитать и укрѣпить свой характеръ, довести его, по слову Пушкина, до того *само-стоянія*, до той *уравновѣшенной творческой свободы*, которая необходима намъ для того, чтобы нести и творить Россію; до той властности и спокойной зрѣлости духа, которой Россія въ правѣ требовать отъ каждаго изъ насъ, требовать не только ради насъ самихъ, но и ради нея самой...

Русскому народу свойственно особое своеобразное распределение запасовъ личной воли и характера: большинство на уровнѣ ниже средняго, даровитое и благодушное человѣческое множество, сильное своею цѣпкостью, приспособляемостью и терпѣніемъ, но рыхлое въ рѣшеніяхъ и удобособлазняемое въ чувствахъ; и, наряду съ этимъ, отдѣльные, могучіе, кованные люди, въ которыхъ это множество нуждается, которымъ лучшіе изъ этого множества рады преданно служить и черезъ которыхъ каждый изъ этого множества — и чѣмъ преданнѣе онъ вождю, тѣмъ это сильнѣе и больше, — крѣпнеть и какъ бы, мужаясь, закаляется, не выходя изъ своихъ предѣловъ.

1) Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ 1930 года на торжественномъ собраніи памяти адмирала Александра Васильевича Колчака.

Иногда кажется, что это по истинѣ про насъ сказано: «поражу пастыря и разсѣются овцы...»

Чѣмъ больше и исторически безпримѣрнѣе бремя Россіи, какъ великаго государственнаго и духовнаго единства; и чѣмъ менѣе мы разрѣшили проблему воспитанія русскаго національнаго характера, — слѣдовательно: чѣмъ больше здѣсь несоотвѣтствіе и чѣмъ труднѣе задание, — тѣмъ необходимѣе намъ вожди и герои, тѣмъ естественнѣе у насъ культъ героевъ, тѣмъ большій вѣсъ они сами имѣли и будутъ имѣть въ исторіи и въ судьбахъ нашей страны.

Не спрашивайте, *откуда* наше историческое крушеніе, какъ могло оно возникнуть: оно всецѣло опредѣляется несоотвѣтствіемъ между нашимъ національно-историческимъ *бременемъ* и *незрѣлостью*, незакрѣпленностью нашего національно-историческаго *характера* и *правосознанія*... И враги Россіи знали, знаютъ и нынѣ, куда они загоняли погибельный клинъ, когда увлекали насъ на пути, безмѣрно увеличивающіе это бремя и въ то же время распатывающіе нашъ характеръ и наше правосознаніе...

Въ этомъ объясненіи, въ этой формулѣ собраны и объединены, предусмотрѣны и включены *всѣ* факторы, *всѣ* объясненія, *всѣ* причины русской революціи. И понятно, что когда историческія обстоятельства сложились въ Россіи въ началѣ двадцатаго вѣка именно такъ, какъ это было: когда на неокрѣпшій еще, послѣ натурально-крѣпостническаго хозяйства и права, организмъ страны обрушились *всѣ* блага и *всѣ* *соблазны* частно-хозяйственнаго и капиталистическаго уклада и мірового рынка; когда русскій крестьянинъ еще не научился быть ни собственникомъ, ни полноправнымъ гражданиномъ, а война потребовала отъ него величайшихъ хозяйственныхъ напряженій и гражданственныхъ жертвъ; когда, слѣдовательно, при слабомъ организмѣ бремя испытаній непосильно удвоилось и утроилось, а соблазны зависти, жадности, воинскаго и гражданскаго безчестія — удесятились; когда государственно-историческія опоры религіознаго правосознанія вдругъ сорвались со своихъ цѣпей и рухнули въ пропасть, — — тогда правосознаніе и характеръ народныхъ массъ не выдержали и соблазнъ революціоннаго безчестія сдѣлался неодолимымъ.

Тогда пробилъ историческій часъ: и навстрѣчу шабашу революціонной нечисти, навстрѣчу малодушію, соблазну и крушенію, — какъ бы на вызовъ національной совѣсти и чести, какъ бы на зовъ національнаго инстинкта самосохраненія — встали наши герои и вожди.

Однимъ изъ первыхъ и обаятельныхъ былъ адмиралъ Колчакъ...

Человѣкъ, какъ бы выкованный изъ благородства и потому безмѣрно страдавшій отъ чужой низости, настоящую низменность которой онъ даже не могъ ни измѣрить, ни вообразить.

Русскій патріотъ, мечтавшій объ одномъ — возвеличить Россію своимъ подвигомъ, и обреченный на то, чтобы пережить годы величайшаго всероссійскаго униженія и позора. Воинъ, созданный для борьбы, упоенно отдававшійся ей, прозрѣвавшій вмѣстѣ съ Гераклитомъ Эфесскимъ ея таинственную судьбоносность, умѣвшій, какъ рѣдко кто, вырывать у судьбы военное счастье, — и носившій въ своемъ сердцѣ исчезающее предчувствіе своей трагической обреченности. Герой, не искавшій власти, но приведенный къ ней въ порядкѣ самоотверженнаго служенія. Морякъ по призванію, которому судьба навязала задачу: организовать океанъ сибирскаго материка и возглавить небывалую по протяженности сухопутную кампанію. Солдатъ, таившій въ себѣ ученаго и мыслителя, и не предвидѣвшій, что Россія потребуеть отъ него опыта государственнаго вождя и искусства политическаго демагога. Рыцарь, окруженный стихіею черни и преданный вѣроломными иностранцами на растерзаніе этой черни... Образъ величайшаго трагическаго обаянія: непобѣдившій и непобѣжденный герой; образъ, который будетъ возвеличенъ грядущими поколѣніями и въ памятникахъ, и въ созданіяхъ словеснаго художества...

Непобѣдившій... Но непобѣдившій только свиду.

Ибо *герой побѣждаетъ всегда*: и тогда, когда расхолодившіяся стаи черни терзаютъ его трупъ, какъ было съ Корниловымъ; и тогда, когда таинственный недугъ внезапно угашаетъ неопалимую купину его духа, какъ было съ Врангелемъ; и тогда, когда революціонныя банды предательски овладѣваютъ имъ и разстрѣливаютъ его, какъ «врага народа»... Герой побѣждаетъ и тогда, когда исторія ставитъ его подвигъ въ рамки внѣшней неудачи: ибо и тогда его жизнь и его смерть остаются живымъ національно-пророческимъ голосомъ, зовущимъ черезъ вѣка къ чести и вѣрности, къ мужеству и жертвѣ. Такой герой какъ бы *начинаетъ* дѣло національнаго возрожденія и побѣды надъ соблазномъ. Знаемъ: не онъ закончитъ его. Но тотъ, кто закончитъ его, — довершитъ свое дѣло только благодаря тому, что *онъ* его началъ. Ибо есть герои основоположники, вожди начала; и есть герои довершители, вожди конца. Горе странѣ, которая не найдетъ въ себѣ героевъ основоположниковъ, вождей начала! Она останется въ бурю безъ компаса и руля; въ степи, въ ночномъ буранѣ безъ звѣздъ; и бѣсъ заводитъ ее и закружитъ до конца. Болѣзнь овладѣвающая ею настолько остра и глубока, что духъ ея не откликается подвигомъ на самое послѣднее униженіе, на предѣльное безчестіе.

Нынѣ, созерцая исторически пройденный путь борьбы, мы видимъ и знаемъ, что нашимъ «героямъ начала» невозможно было побѣдить расплескавшуюся стихію *всемирнаго безчестія, русской безхарактерности и революціоннаго соблазна*. Видимъ и разумѣемъ это; и видя, и разумѣя это, утверждаемъ, что наши основоположники, если бы они сейчасъ увидѣли всѣ двѣнадц-

цать прошедшихъ лѣтъ, и если бы дана была имъ возможность вернуться къ началу борьбы и заново сложить свой путь, — опять выбрали бы свой прежній путь и поступили бы во всемъ духовно-идейномъ такъ же, какъ поступили въ первый разъ. Ибо герой выбираетъ свой путь и идетъ — не по путямъ внѣшняго только успѣха (этотъ успѣхъ зависитъ вѣдь не только отъ него; вѣдь далеко не все историческое въ его власти...); онъ идетъ по путямъ внутренней, духовной необходимости и внѣшняго успѣха онъ ищетъ именно на этихъ путяхъ: онъ не купилъ бы «внѣшняго успѣха» — ни цѣною слабости и безхарактерности, ни цѣною униженія и безчестія. Это путь — *не* героевъ и *не* вождей; на этомъ пути люди не вступаютъ въ пантеонъ національныхъ героевъ, уже потому, что спасительная волевая идея не остываетъ безчестное сердце и соблазненную главу.

Побѣда героя не измѣряется ни его внѣшней неудачей, ни его внѣшней удачей — вопреки мнѣнію толпы. Есть другія, *неосязаемыя мѣрила правоты*; есть другіе, *сокровенныя критеріи реальности*. И этими мѣрилами живетъ герой; и въ этомъ планѣ онъ творитъ свою правоту и побѣду.. И грядущія, исцѣленные отъ бѣснованія, русскія поколѣнія будутъ цѣнить и мѣрить — и нашихъ вождей, и всѣхъ насъ — этими мѣрами правоты и реальности.

Да, когда нибудь впослѣдствіи, когда наше крушеніе будетъ изжито и преодолено до конца, и насъ уже не будетъ, и исторія русской революціи перестанетъ быть русскою мѣкою, а станетъ созерцаніемъ русскихъ страданій, отошедшихъ въ прошлое, — будутъ сказаны справедливыя и мудрыя слова о нашей борьбѣ и о нашихъ вождяхъ. Они будутъ сказаны не нами, несущими эту мѣку и ведущими эту борьбу, а тѣми, кто, умудрившись нашей мѣкой и наслаждаясь тѣмъ справедливымъ исходомъ, которымъ увѣнчается наша борьба, увидитъ изъ нѣкотораго историческаго удаленія *національно-духовную плодотворность этой мѣки и государственно-національную необходимость* этой закончившейся борьбы...

Ибо, — вѣрьте, друзья мои, вѣрьте всею силою вашей очевидности и вашей воли, — мѣка наша будетъ плодотворна для нашей родины и борьба наша необходима для бытія и самостоянія нашей чудесной Россіи! И страдаемъ мы не бессмысленно; и боремся мы за то, за что и мы, и все человѣчество — *должны бороться и призваны бороться*...

И тогда, когда въ разлагающемся вокругъ насъ историческомъ болотѣ, въ которомъ мы стоимъ, погруженные по шею, набѣгаетъ на насъ мутная и ядовитая волна какой то полои наводи, когда самая трясина, кажется, колеблется подъ нашими ногами и заливаєтъ насъ минутами до самаго рта, — тогда мы знаемъ и вѣримъ съ особенною силою и ясностью, что мы призваны стоять до конца въ вѣрѣ и вѣрности и что этимъ

— молитвенно-заклинающимъ и до конца несоблазненнымъ, — все преодолюющимъ стояніемъ нашимъ мы уже побѣждаемъ и вынашиваемъ, и готовимъ грядущую внѣшнюю побѣду.

Такъ, именно такъ до конца стоялъ, и тѣмъ самымъ побѣдилъ, и насъ научилъ побѣдѣ нашъ, свиду непобѣдившій русскій національный герой Александръ Васильевичъ Колчакъ.

И. А. Ильинъ.

ОТЖИВАЮЩАЯ ИДЕЯ.

Въ числѣ другихъ идей, полученныхъ въ наслѣдство отъ XIX вѣка, идей, абсолютная и практическая цѣнность которыхъ считалась неоспоримой, была и идея всеобщей воинской повинности.

Система всеобщей воинской повинности возникла болѣе столѣтъ назадъ, какъ слѣдствіе политическаго и военнаго разгрома Пруссіи.

По Тильзитскому миру, Пруссія могла содержать армію лишь въ 42 000 чел., должна была уничтожить рядъ своихъ крѣпостей и выполнить длинный перечень условій, фактически низводившихъ наслѣдниковъ Фридриха Великаго на положеніе послушныхъ вассаловъ Наполеона. Переживанія національнаго несчастья пробудили въ германскомъ народѣ стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію. Страна покрылась сѣтью патріотическихъ обществъ «Союза Добродѣтели». «Ночные всадники» Люцова вели жестокую партизанскую борьбу въ тылахъ французскихъ армій. Разрозненная, уничтоженная Германія вынашивала идею единого германскаго народа.

Лучшіе нѣмецкіе поэты призывали къ освобожденію отъ французской гегемоніи и къ объединенію націи. Короче говоря, Германія вообще, а Пруссія въ особенности переживали въ тѣ годы величайшій патріотическій подъемъ. Творцы всеобщей воинской повинности — Шарнгорстъ и Штейнъ, создавая совершенно новую тогда военную систему, имѣли дѣло при практическомъ ея осуществленіи съ такимъ первокласснымъ, въ смыслѣ патріотизма, матеріаломъ, какимъ были нѣмцы въ началѣ XIX вѣка. Вновь созданная военная система базировалась на основномъ принципѣ — на священномъ правѣ каждаго гражданина защищать свое отечество.

Ни Шарнгорсту, ни Штейну, ни Гёте, ни милліонамъ другихъ нѣмцевъ не могла, конечно, придти въ голову мысль, что нѣмецъ можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своей Родины. Примѣры Испаніи и Португаліи и ихъ успѣшная борьба съ Массеной, однимъ изъ лучшихъ наполеоновскихъ маршаловъ,

подтверждали, какія чудеса могло творить *осознанное національное чувство*.

Вновь возрожденная прусская армія, въ кампаніяхъ 1813 и 1815 г.г. вполне оправдала надежды своего народа. Система всеобщей воинской повинности, давшая нѣмцамъ столь блестящіе результаты въ ихъ борьбѣ съ Наполеономъ, постепенно была усвоена всей Европой. «Священное право» защищать свое отечество стало неоспоримымъ для всѣхъ народовъ.

Дюпелъскіе и альзенскіе успѣхи нѣмцевъ въ Датской войнѣ 1863 г. и громкая побѣда надъ австрійцами при Садовой въ 1866 г. еще болѣе укрѣпили вѣру въ превосходство прусской военной системы, основанной на принципѣ всеобщей воинской повинности. Франко-прусская война 1870—71 г.г. вознесла эту вѣру уже на высоту догмата.

Зарожденіе и развитіе этого принципа совпало, какъ разъ съ періодомъ развитія въ Европѣ милитаризма, какъ слѣдствія Наполеоновскихъ войнъ. Прельщенные *идеей количества*, народы въ теченіе XIX вѣка не учитывали, повидимому, того обстоятельства, что новая система жизненна лишь при наличіи *мудраго равновѣсія между качествомъ и количествомъ*. Какъ это часто бываетъ, *форма стала преобладать надъ идеей*. Вѣдь войска Блюхера и Мольтке были сильны, конечно, не только своимъ числомъ, но главное — духомъ. Поэтому, въ прусской арміи, сила и духъ, т. е. количество и качество развивались въ нормальномъ соотношеніи.

Иное мы видимъ при отсутствіи подобнаго равновѣсія. Австрія, тоже воспринявшая новую военную систему, являетъ на протяженіи всего XIX столѣтія примѣры, обратные прусскимъ. Усвоивъ только форму и не обладая тѣмъ однороднымъ, въ своей массѣ, одинаково чувствовавшимъ населеніемъ, какъ въ Пруссіи, двуединая монархія не обладала и сильной духомъ арміей. Поэтому, за исключеніемъ побѣды надъ итальянцами (Кустоцца, 1866 г.), Австрія не могла похвалиться ни однимъ крупнымъ военнымъ достиженіемъ. Не уравнивленное качествомъ, австрійское количество, въ силу неизбѣжныхъ законовъ военнаго дѣла бывало обречено на пораженіе.

Разгромъ австрійцевъ при Садовой (1866 г.), когда половина потерь маршала Бенедика припала на долю плѣнныхъ и дезертировъ, живо напоминаетъ картину военнаго оскудѣнія итальянцевъ при Каппорето въ минувшую войну (убитыхъ и раненыхъ—40 тысячъ, плѣнныхъ—350 тысячъ и дезертировъ—до 400 тысячъ!).

Мецъ, Седанъ и рядъ полевыхъ боевъ во время франко-прусской войны; Портъ-Артуръ и Маньчжурская кампанія въ Русско-Японскую войну; примѣры Россіи, Германіи, Австріи, Италіи въ міровую войну, все это доказываетъ наглядно и убѣдительно, что *численно сильныя арміи, духъ коихъ не равно-*

цѣненъ ихъ формамъ, не являются арміями, способными надежно охранить интересы своихъ государствъ.

Первопричина подобнаго явленія неоспорима: въ теченіе минувшаго столѣтія, европейскія арміи стремительно слѣдовали по путямъ, указаннымъ Шарпгорстомъ; однако, за это время въ жизни народовъ выявились новыя духовныя теченія, идеалы коихъ нисколько не напоминаютъ націоналистическое движеніе начала XIX вѣка.

Въ жизнь народовъ вошли и закрѣпились такіе факторы, какъ *соціализмъ* и *коммунизмъ*, съ ихъ отрицаніемъ религіи, націонализма и патріотизма, съ ихъ проповѣдью классовой борьбы, идей интернаціонала и т. д.

Если раньше существовали только русскіе, французы, нѣмцы, англичане и т. д., то теперь многіе милліоны людей расцѣпниваютъ себя совсѣмъ по инымъ признакамъ. Въ каждомъ государствѣ существуютъ нынѣ обширные слои гражданъ, открыто заявляющихъ, что національные интересы ихъ родины не только имъ непонятны, но и враждебны. Эти слои, исчисляющіеся нерѣдко милліонами, по свѣому «честно» предупреждаютъ свое государство, что они являются активными и непримиримыми врагами — какъ существующей идеи государственности, такъ и «священной обязанности» защищать свое отечество.

Естественно, что возникаетъ вопросъ: умѣстно ли поручать защиту государства тѣмъ, кто явно, не скрывая, объявляетъ себя врагомъ этого государства? Умѣстно ли въ періодъ самаго страшнаго для народа испытанія, т. е. въ періодъ войны, вооружать своихъ непримиримыхъ враговъ?

Если комендантъ осажденной крѣпости, желая увеличить силы гарнизона, пригласить своего противника войти въ крѣпость и защищать ее, то подобнаго коменданта сочли бы, конечно, или измѣнникомъ, или ненормальнымъ. Между тѣмъ, государства призываютъ для своей защиты *своихъ явныхъ враговъ*, въ лицѣ тѣхъ, кои отрицаютъ и всемѣрно колеблютъ главныя основы бытія всякой націи: религію, націонализмъ, государственность и семью. И совершается это во имя отвлеченныхъ и нынѣ безспорно устарѣвшихъ принциповъ всеобщей воинской повинности.

Коммунизмъ и соціализмъ, съ ихъ проповѣдью интернаціонала, *пробили обширную брешь въ системъ Шарпгорста*, логическое совершенство которой основывалось исключительно на любви къ отечеству и народной гордости. *Люди, не признающіе отечества, не будутъ его и защищать.* Въ періодъ войны, они *будутъ искренно привѣтствовать любыя неудачи своей Родины* и направлять всѣ свои усилія къ вящему разгрому ненавистой имъ государственности.

И здоровый инстинктъ самосохраненія обязываетъ націю *охранять себя отъ своихъ внутреннихъ враговъ* и не давать имъ возможности службою подъ знаменемъ, съ оружіемъ въ рукахъ

вредить своей Родинѣ. Этотъ инстинктъ властно диктуетъ **необходимость коренного пересмотра нынѣ господствующей военной системы.**

Кромѣ элементовъ, открыто объявляющихъ себя врагами государства, имѣется не мало людей, принадлежащихъ къ категоріи «миролюбивыхъ мѣщанъ», кои по свойствамъ своей въцѣтшей души, *не пригодны быть солдатами.* Ихъ психика, пониженная господствующимъ нынѣ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, лишаетъ ихъ способности, хотя бы временно, хотя бы частично руководиться въ жизни возвышенными идеалами. Громадный процентъ плѣнныхъ въ минувшую войну въ арміяхъ всѣхъ государствъ, наглядно убѣждаетъ, что *число подобныхъ «мѣщанъ духа» зловѣще увеличилось.*

Если многими, въ ихъ стремленіи избавиться отъ войны, руководила злая воля или безпринципность, то надо признать, что было не мало людей, для которыхъ боевая обстановка являлась *органически непереносимой.*

Лебонъ убѣдительно свидѣтельствуется, что нервная система современнаго человѣчества, съ трудомъ выдерживаетъ напряженіе современнаго боя. Не считается съ этимъ невозможно. Нормально устроенное государство обладаетъ, конечно, многими возможностями *принудить* преступныхъ или малодушныхъ людей выполнять свой долгъ, однако, подобное принужденіе приводитъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь къ *формальному* выполненію «священной обязанности» защищать свое отечество, т. е. къ Каппорето...

Болѣе цѣлесообразнымъ и удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса явится та военная система, которая позволитъ использовать своихъ военно-обязанныхъ такъ, чтобы каждый получилъ возможность вывить свои знанія и способности въ дѣлѣ защиты Родины, внѣ зависимости отъ политическихъ исповѣданій и моральнаго уровня.

Современная война требуетъ соотвѣтствующей подготовки не только арміи, но и рѣшительно всѣхъ сторонъ жизни націи: психологической, финансовой, промышленной, сельско-хозяйственной и т. д. и т. д.

Если въ XIX столѣтіи разработка мобилизаціонныхъ плановъ являлась монополіей генеральныхъ штабовъ, то теперь, къ мобилизаціоннымъ вопросамъ привлекаются люди самыхъ мирныхъ профессій: ученые, финансисты, врачи, журналисты, инженеры и иныя, подобныя имъ, категоріи лицъ. Уже этотъ краткій перечень показываетъ, какъ усложнилось понятіе о войнѣ и веденіе ея. Въ XX вѣкѣ, армія является, хотя и первенствующимъ, но все же лишь *однимъ изъ элементовъ борьбы...*

Для будущей національной Россіи, вопросы ея военнаго строительства явятся вопросами ея бытія. Вопросъ о «качествахъ» и «количествахъ» нынѣ не является уже темой только ка-

бинетной. Уже теперь можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что экономическое положеніе возрожденной Россіи не позволить ей содержать прежнюю многомилліонную армію. Такимъ образомъ, назрѣетъ необходимость съ «малыми» силами надежно разрѣшать всѣ вопросы государственной обороны. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ основу созданія вооруженныхъ силъ будетъ положенъ принципъ «качества».

Современная военная система поддерживается ложной, давно уже жизненно поколебленной увѣренностью въ высокихъ, якобы, духовныхъ качествахъ «солдата-гражданина». Вредное заблужденіе, усвоенное еще со временъ великой французской революціи...

Современный бытъ, обусловливающий воспитаніе современныхъ гражданъ, создаетъ не воиновъ, а солдатъ Канпорето. Помнить это, — значитъ *предвидѣть*. Предвидѣніе же даръ, цѣнность котораго постигается лишь со временемъ. «Недостаточно зарегистрировать прошлый опытъ. Нужна еще творческая фантазія, чтобы *предугадать*, что ожидаетъ насъ въ будущемъ и что намъ нужно дѣлать, чтобы не отстать отъ современности». Такое воображеніе, какъ творческое начало, совершенно необходимо «прежде всего въ дѣлѣ войны, гдѣ неподготовленность карается морями даромъ пролитой крови», — писалъ въ своей замѣчательной книгѣ «Полчища» генералъ А. Геруа. Авторъ «Полчищъ» особо серьезное вниманіе удѣляетъ борьбѣ классовыхъ исповѣданій въ арміяхъ вооруженныхъ народовъ и патологической природѣ большевизма и коммунизма. Съ рѣдкой убѣдительностью осмысливаетъ онъ горькій опытъ русскаго лихолѣтія и мудро предупреждаетъ о грозящей опасности.

Если міровое зло не можетъ быть быстро изжито, то надо находить возможности, дабы ослабить его поступательное торжество. *Современная военная система, основанная на всеобщей воинской повинности, лишь вводитъ въ армію это всеобщее зло.*

Минувшая великая война явила всѣ доказательства сильнѣйшаго упадка военнаго искусства. Всѣ воевавшіе народы стремились восполнять недостатки духа и качества — количествомъ и техникой. Въ послѣвоенный періодъ это увлеченіе приняло формы неудержимаго стремленія поставить матерію выше духа и современная военная мысль представляетъ армію какой-то гигантской фабрикѣ, гдѣ главная роль принадлежитъ машинамъ, а люди лишь обслуживаютъ эти машины. Въ сознаніе современныхъ «миролюбивыхъ мѣщанъ» настойчиво внѣдряютъ мысль, что они могутъ воевать только машинами, а сами они ничто. «Человѣкъ» упразднили; но «человѣкъ» еще вернется и жестоко накажетъ тѣхъ, кто о немъ позабылъ. Было бы, конечно, не только легкомысліемъ, но и преступленіемъ отрицать могущество современной техники. Нынѣ шапками не закидаешь! И все же, *человѣкъ былъ, есть и будетъ главнымъ факторомъ побѣды.*

Въ настоящее время наблюдается во всѣхъ арміяхъ міра опредѣленная тенденція къ сокращенію срока службы подъ знаменами. Принимая во вниманіе усиливающуюся сложность военнаго дѣла и малоцѣнные духовныя качества современныхъ «миролюбивыхъ мѣщанъ», проникнутыхъ духомъ самаго грубаго и примитивнаго матеріализма, надо признать, что въ теченіе 1—1½ года *невозможно создать солдата*. Можно лишь «натаскать» новобранца. Солдатомъ будетъ только тотъ, кого не только научили обращенію съ оружіемъ, но и *соотвѣтственно воспитали*. Для воспитанія же необходимы время и соотвѣтствующія условія военной жизни. Поэтому, первымъ и необходимымъ условіемъ новой военной системы является *увеличеніе срока службы подъ знаменами*.

Располагая обширными кадрами лицъ призывного возраста, Россія сможетъ получить, путемъ *тщательнаго отбора*, перво-классный людской матеріаль. Столь совершенные, по своимъ духовнымъ и физическимъ качествамъ контингенты, пропущенные въ теченіе 4—5 лѣтъ черезъ поле и казарму, обратятся въ подлинныхъ солдатъ, способныхъ по завѣту Петра Великаго «съ малою кровію» рѣшать самыя сложные заданія. Къ тому же, только такую «малую» армію сможетъ возроденная, но разоренная страна снабдить должной техникой, находящейся на уровнѣ современныхъ требованій.

Освобожденіе отъ воинской повинности должно восполняться соотвѣтствующимъ военнымъ налогомъ, причемъ налоговая система должна предусматривать не только денежные взносы, но главное — трудовую повинность по своей основной, мирной спеціальности. Это послѣднее условіе явится лучшей подготовкой населенія къ тяготамъ военнаго времени, когда вся страна обращается въ грандіозный тылъ, обслуживающій нужды арміи и населенія.

Б. Штейфонъ.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ*).

*Свѣтлой памяти профессоровъ Московскаго Университета
Сергія Михайловича Соловьева,
Бориса Николаевича Чичерина,
Владимира Ивановича Герье.*

Вдали отъ родины, въ чужой странѣ, въ состояніи изгнанничества, справляемъ мы сегодня нашъ русскій исконный академическій праздникъ, юбилейный праздникъ Московскаго Университета... И слышится въ сердцѣ нѣкій голосъ, напо-

*) Рѣчь, произнесенная 12 января 1930 года въ Берлинѣ, на собраніи въ честь 175-лѣтней годовщины со дня основанія Московскаго Университета.

минающей о томъ, что юбилей, празднуемый нами сегодня, есть юбилей не радостный, а скорбный; и что мы обязаны сказать себѣ самимъ скорбную и горькую правду: *не оградилъ мы Россію отъ бѣды и разгрома; не уберегли мы русскую Академію отъ порабощенія и поруганія*; свирѣпый врагъ владѣть нашей родиной: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ овладѣлъ ею и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ русскіе ученые, вѣрные своему званію, стали или *мучениками*, или *изгнанниками*...

И когда выговариваешь про себя эту горькую правду, въ которой звучить, какъ нѣкій отдаленный раскатъ грома, *судъ исторіи* надъ тѣмъ, что было, и надъ тѣмъ, что совершается нынѣ, — сразу: и вопросъ, и отвѣтъ, и укоръ, и приговоръ, и поученіе, и призывъ; когда выговариваешь эту формулу скорби, страданія и стыда, въ коей сосредоточилось такъ много свида безплоднаго, но героическаго (и потому никогда не безплоднаго) сопротивленія, — то неизмѣнно спрашиваешь себя: а развѣ могло быть иначе, развѣ могло быть такъ, что судьба исторической Россіи, создавшей русскую Академію, *не* станетъ судьбой русскихъ университетовъ и русской науки? что будетъ растлѣна и поругана, вослѣдъ за русской государственностью, вся русская національная культура, за исключеніемъ академій? что волна русскаго варварства и интернаціональнаго злодѣйства, поднявшись и затопивъ все, пощадитъ именно научную кафедру въ Россіи?

Этого не могло быть; и этого не случилось. Этого не могло быть уже потому, что *наука неотрывна отъ породившей ее національной культуры*: наука есть органическая сила народной жизни и исторіи, живое дыханіе народнаго духа; и, въ то же время, наука есть величайшая національно-воспитательная сила, которая именно для того излучилась изъ народной души и сосредоточилась въ особый очагъ, — очагъ мысли и знанія, — чтобы вернуть народу свою сосредоточенную и очищенную, а потому воспитывающую и облагораживающую силу. Академія, университетъ, высшая школа, и вмѣстѣ съ тѣмъ наука, научная мысль и научное преподаваніе — вырастаютъ отнюдь не внѣ времени и пространства, отнюдь не въ какой-то безвоздушной пустотѣ, ничѣмъ не обусловленной, кромѣ «природы вещей» и «логическихъ основаній». Такой академіи, такой науки исторія не знала. И правы мы, что празднуемъ сегодня не отвлеченную науку вообще, а *русскую науку, русскую академію, русскій Московскій Университетъ*, чувствуя учителей и учениковъ *русской науки*.

Не могло быть иначе, и не произошло иначе: кто порабощаетъ Россію, — тотъ порабощаетъ и русскую науку; и обратно: растлѣвающий и унижающій русскую науку, — растлѣваетъ и унижаетъ самое духовное тѣло національной Россіи. Онѣ неразрывны — Россія и русская Академія; неразрывны и въ расцвѣтѣ, и въ разгромѣ, и въ славѣ, и въ униженіи. И

не случайно, не условно, а вѣрно и подлинно это словосочетаніе: «русская наука» и «русская академія».

Знаю, что *научная истина*, если она истина, *одна* для всѣхъ, для всѣхъ временъ, народовъ и классовъ; и знаю также, что ученому подобаетъ желать и свойственно добиваться знанія именно этой *сверхнаціональной* и *общеобязательной* истины. Нелѣпа и противоестественно идея «классовой» или «національной» истины. Противоестественно и нелѣпо навязывать ученому въ видѣ заданія и цѣли что-нибудь иное, кромѣ истины единой и общеобязательной. Ученый, не воспитавшій въ себѣ такую волю — не ученый, а безотвѣтственный публицистъ и сѣятель соблазна. Ученый, торгующій своей волей и призваніемъ — есть іуда, рабъ и льстецъ. Знаю это все; знаю и исповѣдую.

И тѣмъ не менѣе, не отступаясь отъ этого знанія и исповѣданія, изъ полной души, умомъ и сердцемъ, произношу слова «*русская наука*»; съ гордостью думаю о *русской академіи*; съ любовью думаю о *русскихъ ученыхъ*. Ибо каждая великая національная культура имѣла и будетъ имѣть свою *національную* науку и Академію; она созидаетъ ее, бережно блюдя ея духовную свободу; она выращиваетъ ее вѣками, принося для нея жертвы; она нуждается въ ней для своего расцвѣта, нуждается и матеріально (технически, хозяйственно, врачебно, стратегически) и духовно (на *всѣхъ* путяхъ своего духовнаго творчества, самочувствія и самоопредѣленія). Нація, не имѣющая *своей* науки — первобытна и недоумѣнна въ своемъ бытіи: ея самочувствіе темно и растеряно; ея самосознаніе безпомощно молчить; ея духовность хаотична и проблематична; ея Слово томится, не рожденное во мракѣ страстей, въ подвалахъ ея инстинкта. И потому — въ смыслѣ духовнаго свѣта и прозрѣнія, въ утвержденіи власти духа надъ страстями и надъ матеріей, въ организациі духовнаго космоса націи — *рожденіе науки и рожденіе Академіи* есть подлинный праздникъ національнаго самоутвержденія, самонахожденія и самоосвобожденія...

Нѣтъ, не въ конечныхъ отвлеченныхъ *выводахъ* національна наука; въ нихъ она общечеловѣчна. И не въ конечной *цѣли* своихъ усилій націоналенъ ученый; въ нихъ онъ — общечеловѣчскій герой, завоеватель и вождь. И потому правы мы, когда научаемъ нашихъ дѣтей чтить Аристотеля и Галилея, Ньютона и Канта, какъ такихъ подвижниковъ и героевъ, которые, хотя и не нами выстраданы, но намъ даны и нами приняты, какъ даръ, какъ призывъ и обязательство. Но и не во внѣшней природѣ испытываемыхъ *вещей* національна наука; ибо эта матеріальная природа открыта каждому и дана всѣмъ, — возьмемъ ли паденіе тѣла въ пространствѣ, или химическій составъ вещи, природу Тибета или новооткрываемую бактерію...

Но въ *живомъ источникѣ*, творящемъ познаніе и добывающемъ истину — наука національна; и въ осуществляемомъ *способѣ познанія*, въ укладѣ познающей души и въ строеніи познавательнаго акта — наука остается національною; и въ обращеніи къ тому народу, который породилъ ее, къ *его матери* и къ *его духу* (этнографія даннаго народа, его исторія, экономика, соціологія, культура, правовѣдѣніе, этика, эстетика и вся философія его) — наука всегда была и всегда будетъ національною по преимуществу.

Такъ, во-первыхъ, наука національна по своему живому, *творческому источнику*. Геній cadaго народа вложилъ и вкладываетъ *свое* въ богатство общечеловѣческой научной добычи. Избитое выраженіе «національный вкладъ въ міровую науку» — полно глубокаго смысла: ибо каждый народъ, живя по своему, — на всѣхъ своихъ историческихъ путяхъ и во всѣхъ своихъ судьбахъ, — создаетъ свою единую *національную научную лабораторію*, возникающую изъ всей его національно-душевной сущности, въ связи съ его національною государственностью и его національнымъ хозяйствомъ. Пусть то, что уже открыто и познано — принадлежитъ всѣмъ, и въ дѣйствительности, рано или поздно, становится достояніемъ сверхнаціональнымъ. Но самое *открываніе* — испытываніе, изслѣдованіе, созерцаніе и познаваніе, — выстрадывается отдельными народами, созрѣваетъ въ ихъ національныхъ лабораторіяхъ. Такъ, мы отчетливо и твердо знаемъ, что именно внесли греки въ географію, исторію, политику, этику, логику и метафизику; вкладъ римлянъ въ юриспруденцію и исторіографію глубоко націоналенъ; глубоко націоналенъ вкладъ англичанъ въ индуктивную логику, въ естествознаніе и государствовѣдѣніе; кто вздумаетъ отрицать французскую историческую школу, французскую математику и химію, французскую невропатологію? кому не ясно глубокое своеобразие германскаго генія въ философіи или юриспруденціи?

Каждый народъ выстрадываетъ и вынашиваетъ *свою* національную Академію и науку: рожденная изъ *его* души, въ *его* судьбахъ, она есть *его* національное достояніе — прежде всего, и до того, какъ она становится достояніемъ *общечеловѣческимъ*. Каждый народъ имѣетъ *свою* науку; онъ *правъ*, когда бережетъ ее и гордится ею, ибо она есть прежде всего — живое національное дыханіе его души и усиліе его разума.

Эта національность науки, быть можетъ, ни въ чемъ такъ не обнаруживается, во-вторыхъ, какъ именно въ самомъ *укладѣ познающей души*, въ вынашиваемомъ ею *способѣ познанія* (методъ!), въ строеніи познавательнаго *акта*.

Каждый народъ, — независимо отъ того, понялъ онъ это или не понялъ, дорожить онъ этимъ, или не дорожить, — имѣетъ свой особый укладъ души и духа, исторически и ирраціонально сложившійся у него, въ качествѣ живого итога

всѣхъ его судебъ: тутъ и климатъ, и почва, и расовое скрещеніе, и войны, и религія, и учрежденія, и вліяніе другихъ народовъ, словомъ и небо, и земля — внесли свое и дали ему свое. И вслѣдствіе этого каждый народъ по своему говоритъ и работаетъ, по своему молится и плачетъ, по своему подчиняется и бунтуется, по своему пляшетъ и поетъ, по своему мыслить, судится, сражается, строить, созерцаетъ и наслаждается. Смыслъ человѣческой жизни и исторіи — въ одухотвореніи человѣческаго инстинкта, въ творческомъ освященіи природной намъ животности. И вотъ, способы этого одухотворенія и освященія, и (еще проще, элементарнѣе) самые способы жизни и изживанія — *національно различны* у людей; настолько, что пути однихъ народовъ обычно чужды и *безплодны*, а иногда томительны и даже обременительны для другихъ народовъ.

Таковъ законъ исторіи, что *духовное созрѣваніе и плодоношеніе души національно*; и въ этой національности — *своеобразно*. Этому закону подлежитъ и наука: актъ мысли и познанія.

Каждая нація вкладываетъ въ свою науку свою душу во всемъ ея своеобразіи: подвижность или неподвижность своихъ чувствъ; ясность и зоркость, или наоборотъ, тяжеловѣсность и туманность своей мысли; яркость или блеклость своего воображенія; утонченность или элементарность своей интуиціи; упорство или неустойчивость своего характера; свое національно воспитанное или невоспитанное чувство отвѣтственности — будь оно доведено до педантической осторожности или до легкомысленной беспочвенности; ширину или узость своего кругозора; свой національный юморъ, остроуміе, вкусъ, стиль, темпераментъ, способъ доказательства, приспособляемость, наблюдательность, изобрѣтательность. И вотъ, возникаетъ *научный методъ* и *научный актъ* особаго строенія, національной структуры; иногда очень различно представленный у ученыхъ одной и той же націи; и тѣмъ не менѣе родственно-похожий у ученыхъ одного народа; легче подмѣчаемый нами у иностранныхъ ученыхъ и нерѣдко неосознаваемый нами въ насъ самихъ. Достаточно указать въ видѣ примѣра — на уравновѣшенный и трезвый прозаизмъ англійской науки; на чеканную ясность, блескъ и чувство мѣры у галльскаго разума; на глубину и всеисчерпывающую добросовѣстность германской мысли; на вселенскій кругозоръ и непосредственную свободу, на гибкость, пластичность и темпераментность русскаго ума...

Итакъ, наука національна не только по своему *творческому источнику*, но и по своему *методу* и *акту*.

Но она національна, въ третьихъ, и тогда, когда порождающій ее народъ дѣлаетъ *предметомъ* своего изученія *себя самого* — свою природу, свою исторію, свою культуру и созданія, свой душевно-духовный опытъ и его предметныя содержанія

(вѣра, очевидность, совѣсть, вкусъ, правосознаніе). И, можетъ быть, изъ европейскихъ народовъ ни одинъ не испыталъ и не испытываетъ это съ такой силой, какъ мы, русскіе. Кѣмъ изслѣдованъ нашъ языкъ, наша грамматика, наша стилистика, исторія нашей литературы? Кто изучалъ нашъ фольклоръ, нашу этнографію, нашу исторію, наше право? Кто создалъ нашу географію, орнитологію, ботанику, науку о нашемъ хозяйствѣ? Кто могъ и хотѣлъ постигнуть нашу вѣру, наше вѣдѣніе добра и зла, наше чувство права, наше художественное горѣніе и творчество? Кто совершилъ это и кто призванъ это совершить — если не мы сами, русскіе? Ученые какого народа нашли въ себѣ достаточно духовной ширины и свободы, достаточно чуткости и пластической силы для того, чтобы почуять, уловить, изслѣдовать и познать своеобразие того научнаго предмета, который именуется «русскимъ народомъ», «русской исторіей», «русской духовной культурой»?

Съ тѣхъ поръ, какъ родилось русское самосознаніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ родилась русская наука и русская Академія, — мы, русскіе, живемъ съ душой, открытой для всего міра, для всѣхъ народовъ, одолевая трудности ихъ языковъ, вчувствуясь въ своеобразие ихъ душъ и ихъ культуръ, изучая ихъ пути, сострадая ихъ судьбамъ, радуясь ихъ геніямъ, преклоняясь передъ ихъ вождями, микроскопически изучая ихъ бытъ, ихъ право, хозяйство, культуру и искусство. Мы изучаемъ ихъ. Мы понимаемъ и знаемъ ихъ. А они насъ?

Мы для нихъ — какъ книга за семью печатями. Они не разумѣютъ нашего языка. Они не чуютъ нашей души и нашего духа. Они не понимаютъ нашего уклада и нашей государственности. Они не разумѣютъ нашей судьбы и не помнятъ, чѣмъ они намъ обязаны. Они не видятъ нашей трагедіи и нашего предназначенія. И, если они когда нибудь начинаютъ изучать что нибудь русское, — то только для цѣлей своей *торговли* или своей *стратегіи*: не интересомъ человѣка и ученаго, а интересомъ коммивояжера и завоевателя. Вотъ почему, когда мы, нынѣ временно изгнанные и разсѣянные, слышимъ ихъ сужденія о насъ (въ любой странѣ, гдѣ бы мы ни жили) — мы всегда чувствуемъ себя — то какъ взрослый передъ вкривъ и вкосъ судящимъ недорослемъ, самодовольнымъ и пренебрежительно-развязнымъ, то какъ временно беззащитная жертва передъ мѣтко нацѣвливающейся хищной птицей.

И такъ будетъ, можетъ быть, еще долго, — пока они не привыкнутъ изучать русскій языкъ; пока они не перестанутъ мечтать объ ослабленіи, раздѣлѣ и колонизаціи нашей страны; пока мы не научимъ ихъ тому, что Россія есть великій національный субъектъ, а не соблазнительный объектъ для военнаго и торговаго нашествія; пока величіе русскаго духа и русской культуры, пока сила русскаго характера не внушитъ имъ настоящаго, неподдѣльнаго уваженія къ нашей Россіи!..

А до тѣхъ поръ русская наука будетъ, какъ никакая другая, — *національной* и по своему предмету.

Но и тогда, когда это время наступитъ, оно не измѣнитъ существа дѣла. А существо дѣла состоитъ въ томъ, что русская наука, какъ была, такъ и останется — *органомъ русскаго духовнаго самосознанія и русскаго матеріальнаго самоизученія*. Культурно немощенъ и духовно безпомощенъ тотъ народъ, который не сумѣлъ изучить данную ему отъ Бога *природу*, для того, чтобы творчески овладѣть ею, подчинить ее себѣ и превратить ее въ свой благоустроенный домъ и въ безопасную колыбель для своего потомства; который не создалъ самъ *историческую науку о самомъ себѣ*; который не сумѣлъ изучить свое прошлое, увидѣть единственный въ своемъ родѣ (идіографическій) законъ своего бытія, ритмъ своей исторіи, не сумѣлъ *постигнуть свою судьбу, чтобы овладѣть ею*. Такой народъ не достигъ еще духовной зрѣлости...

И вотъ, сто семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ былъ заложенъ фундаментъ, было положено начало нашего созрѣванія, когда геній Ломоносова замыслилъ и создалъ Московскій Университетъ; и сто лѣтъ тому назадъ аттестатъ нашей зрѣлости вручили намъ Карамзинъ и Пушкинъ. —

Но мало сказать, что наука и Академія національны — по источнику, по методу и акту и по предмету національнаго самопознанія: рожденные націей, онѣ становятся ея *духовнымъ органомъ*, необходимымъ и священнымъ; онѣ образуютъ *очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума*.

Признаемъ это и, прежде всего, утвердимъ и исповѣдуемъ въ день нашего русскаго академическаго юбилея — *свободу, силу и благодатность человѣческаго разума!*

Я говорю о разумѣ, а не о разсудкѣ *); не о богопскинутомъ и деморализованномъ разсудкѣ, который нынѣ справляетъ свое буйное дѣйство и торжище въ храмахъ и академіяхъ порабощенной Россіи; не о разсудкѣ, для котораго все просто, плоско и пошло; который не видитъ Бога, не чтитъ духа, отрицаетъ тайну и традицію, отрекается отъ семьи и родины, и насилуетъ чувство отвѣтственности. Я не о немъ говорю, ибо онъ не свободенъ, не силенъ и не благодатенъ, — ни тогда, когда онъ пассивно-наивенъ; ни тогда, когда онъ осозналъ себя и перешелъ въ нападеніе. То, что онъ насаждаетъ — не живое познаніе, а механическая схема, мертвый штампъ; и присущъ онъ не свободному человѣку, а тому духовному рабу, о коемъ Аристотель сказалъ, что онъ чужое «понимаетъ», а своего «не имѣетъ...» Этотъ разсудокъ прежде всего глупъ, ибо онъ не знаетъ своихъ жалкихъ предѣловъ и не видитъ своего без-

*) См. статью «Идея обновленнаго разума», въ № 5 «Русскаго Колокола».

силія; и насажденіе его дѣлаетъ людей самодовольными въ ихъ глупости и слѣпыми на путяхъ гибели.

Я говорю о *разумѣ*, способномъ непредвзято и открытою душою *испытывать предметъ*; способномъ *видѣть* и потому видящемъ и свои предѣлы и начало тайны въ предметѣ; о разумѣ, несущемъ въ себѣ чувство *благоговѣнія и ответственности*, и благодаря этому свободномъ и сильномъ... Ибо, по истинѣ, *только ответственность даетъ свободу и только свобода даетъ силу!*

Я говорю о разумѣ, какъ божественномъ началѣ въ человѣкѣ... Ибо прошли и никогда не вернутся тѣ времена, когда люди считали разумъ началомъ дьявольскимъ. Эти времена не вернутся никогда, сколько бы безотвѣтственное пустословіе ни предсказывало наступленіе «новаго средневѣковья» и сколько бы фанатическое мракобѣсіе ни тянуло къ нему. Я говорю о разумѣ, проникающемъ къ мудрости сердца, питающемся духовною очевидностью и несомомъ недвоящеюся волею. И потому вослѣдъ Пушкину я вѣрую, что разумъ въ человѣкѣ есть дѣйствительно «солнце святое» и «безсмертное»; и знаю, что на фронтонѣ нашей Московской Академіи будетъ однажды возстановлена мудрая и благая надпись «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ...»

Такъ, Университетъ и Академія есть очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума — школа *національной интеллигентности*. Истинная интеллигентность опредѣляется не начитанностью, не свѣдѣніями и не умѣніями. Она опредѣляется творческой силой души въ *испытаніи*, въ *наблюденіи* и *созерцаніи*, въ *выдѣленіи существеннаго* и въ *постиженіи той индивидуальной закономерности*, которая *владеетъ каждымъ предметомъ*. Университетъ вообще призванъ не къ тому, чтобы давать свѣдѣнія или провѣрять память людей; но къ тому, чтобы учить самостоятельно и непредвзято познавать. Мы чтимъ Академію и ея преподаваніе, не какъ школу памяти и мертвыхъ схемъ, а какъ школу *живого метода*. И ученый преподаватель стоитъ на высотѣ только тогда, когда онъ научаетъ своего ученика *становиться самому лицомъ къ лицу съ предметомъ и самостоятельно уходитъ въ его испытаніе, увидѣніе и описаніе*. Академія обращается не къ памяти, а къ разуму; не къ слѣпому довѣрію, а къ самодѣятельности. Она учитъ не воспроизведенію формулъ, а самостоятельному добыванію; не дедукціи, коей увлекаются всѣ полуобразованные, а индукціи, обрѣтенію, діагнозу. Ей нужна не слабость сужденія, а сила сужденія. Она призвана къ тому, чтобы воспитывать разумъ, т. е. *силу личнаго характера въ предметномъ мышленіи*.

Вотъ почему Академія есть одинъ изъ центровъ *національнаго воспитанія*, ибо она учитъ разумъ человѣка самостоятельности и самодѣятельности, и дѣлаетъ это въ традиціяхъ національно выношеннаго научнаго метода.

И все это — въ духѣ *отвѣтственности и свободы*. *Не можетъ быть науки безъ свободы*: ибо рабъ, лишенный свободы, понимаетъ только чужія мысли, а своихъ воззрѣній и убѣжденій не имѣетъ. Мы не теперь познали это впервые: это традиція древняя и священная. Но, какъ никогда ранѣе, мы исповѣдуемъ эту традицію нынѣ, въ эпоху, когда люди съ рабскими душами возстали для того, чтобы надѣть рабское ярмо на русскую науку. Горе тѣмъ, кто изъ другихъ странъ не видитъ этого и не хочетъ понять, что та же судьба ждетъ и ихъ: они сами скоро почувствуютъ на своей шеѣ позоръ и бремя этого налагаемаго рабами рабскаго ярма!..

Но не эту только традицію — традицію академической свободы, утверждаемъ мы нынѣ, а еще другую, не менѣе священную, но болѣе глубокую и столь часто забываемую традицію: *не можетъ быть науки безъ отвѣтственности*. Свобода подobaетъ только тому и причитается только тому, кто чувствуетъ и сознаетъ отвѣтственность жизни, науки и академическаго преподаванія. Ученый, лишенный этого чувства; преподаватель, не воспитавшій въ себѣ отвѣтственности передъ Богомъ, передъ своею совѣстью, передъ родиной и передъ людьми — есть явленіе извращенное и отвратительное. Онъ не учитель и не воспитатель, а растлитель воли и соблазнитель мысли; свобода преподаванія имъ не заслужена и не оправдана; и писана не для него.

Хочетъ ученый этого или не хочетъ, знаетъ онъ это или не знаетъ, — онъ есть воспитатель своего народа, его разума, его силы сужденія, его характера, а потому отвѣтственный строитель *всей* его культуры; *всей*, — ибо духъ безъ разума скуденъ, темень и подверженъ всѣмъ соблазнамъ. И религія безъ разума (безъ Логоса!) — есть лишь темная страсть и одержимость, неистовое пустосвятство или хлыстовскій оргіазмъ. А искусство безъ разума (безъ Предмета и Формы!) — есть лишь возстаніе хаоса, пошлое самоуслажденіе и совращающая демагогія. Нельзя національной духовной культурѣ быть безъ разума, ибо разумъ есть начало *очистительное и свѣтоносное*.

Вѣруя такъ и исповѣдуя такъ, я праздную сегодняшній день, какъ праздникъ *русскаго разума*, русскаго *отвѣтственного и свободнаго разума*, воспитывающія традиціи котораго мы восприняли отъ нашихъ славныхъ, любимыхъ и чтимыхъ учителей, для того, чтобы передать ихъ новымъ поколѣніямъ Россіи. Но вѣрить въ русскій отвѣтственный и свободный разумъ — значитъ вѣрить въ его *силу* и въ его жизненную побѣду! И эта побѣда придетъ — по *вѣрѣ* нашей и по *волѣ* нашей.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

И. А. Ильинъ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМІИ.

II.

Духъ преобладаетъ надъ матеріей. —

Это, конечно, не значить, что матеріальная сторона не имѣетъ никакого значенія и можетъ быть оставлена въ пренебреженіи.

Представляя собою факторъ, усиливающій качество арміи; давая средства, облегчающія борьбу съ противникомъ; уравнивая до нѣкоторой степени шансы съ нимъ; увеличивая возможности сломить его сопротивленіе, *матеріальная сторона* тоже имѣетъ *громадное значеніе*.

Вслѣдствіе этого необходимо стремиться къ тому, что бы всѣ элементы *матеріальной* стороны были бы наиболѣе *совершенными* и вполнѣ отвѣчали бы требованіямъ *современныхъ условій войны*.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что превосходство въ этомъ отношеніи противника *угнетающе* дѣйствуетъ на психику и на духъ арміи и потому сильно *понижаетъ* духовную сторону, нравственный элементъ.

Напротивъ того, сознаніе нашего превосходства надъ противникомъ во всѣхъ частностяхъ матеріальной стороны дѣйствуетъ на психику и духъ арміи *возбуждающе* и потому чрезвычайно *повышаетъ* нравственный элементъ.

Все это необходимо имѣть въ виду при установленіи *основъ воспитанія и образованія* отдѣльнаго бойца и цѣлыхъ войсковыхъ частей, *программы плана, системы и методовъ ихъ*, принимая во вниманіе первенствующее значеніе *воспитанія*, взаимную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, послѣдовательность того и другого и *практическія цѣли*, преслѣдуемая обоими.

Высшимъ выразителемъ *матеріальной* стороны является *оружіе*, которое въ послѣднее время въ большинствѣ случаевъ имѣетъ характеръ *машины*, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладаетъ страшной разрушительной силой, даетъ возможность въ короткій промежутокъ времени вывести изъ строя навсегда или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ громадное количество людей. Въ общемъ современное оружіе весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требуетъ продолжительной и серьезной спеціальной подготовки для продуктивнаго пользованія имъ.

Источникомъ, сосредоточіемъ и проявителемъ *нравственной* стороны является *человѣкъ* со всѣми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Разъ это такъ, то исходя изъ того, что духовная сторона, нравственный элементъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ элементъ матеріальный, необходимо признать, что *человѣкъ* на войнѣ *главенствуетъ* надъ какимъ бы то ни было оружіемъ, ему принадлежитъ важнѣйшее значеніе, онъ *первенствуетъ* надъ *машиной*.

Однако, свойства современнаго оружія — машинъ на столько могущественны, что сопротивляться обладающему ими, казалось бы совершенно невозможно ни при какомъ характерѣ боевыхъ дѣйствій, ни при какой обстановкѣ.

Несомнѣнно, что всякое оружіе, и чѣмъ совершеннѣе тѣмъ больше, благодаря своимъ свойствамъ, въ рукахъ борющихся людей можетъ въ значительной степени *облегчить нападеніе и усилить сопротивленіе* и при томъ на столько, что въ обоихъ случаяхъ, вслѣдствіе именно его наличія, будетъ сломлено противодѣйствіе врага. Но во 1-хъ, по своей природѣ оружіе можетъ только усиливать и облегчать дѣйствія *человѣка*, само же оно, какъ бы совершенно и автоматически ни было, *дѣйствовать не можетъ*, а во 2-хъ, оно въ состояніи проявлять эти свои свойства въ полной мѣрѣ только тогда, когда въ боевыхъ дѣйствіяхъ, угрожающихъ смертью и угнетающе вліяющихъ на умъ и волю, воины *не теряютъ способность подавить въ себѣ чувство самосохраненія и сохраняютъ сильный духъ и ясность сознанія*.

Если же этого не будетъ, то никакая машина имъ *не поможетъ* и прежде всего потому, что они не въ состояніи будутъ ею управлять, ее использовать, и она будетъ *бездѣйствовать*.

Такимъ образомъ, оружіе (машины) *приобрѣтаютъ значеніе* только въ войскахъ, обладающихъ *высокими нравственными качествами*. Напротивъ, того, въ войскахъ, у которыхъ *духъ слабъ*, оружіе - машины не только не дадутъ положительныхъ результатовъ, но могутъ послужить лишь *легкими трофеями* для противника и привести даже къ *катастрофѣ*. Это потому именно, что нравственно слабыя войска болѣе возлагаютъ надеждъ на машины, *а не на себя*; и когда, вслѣдствіе слабости ихъ духа, машины перестаютъ производить ожидаемый отъ нихъ эффектъ, то они обычно *бросаютъ ихъ и поддаются паникѣ*.

Такое положительное и отрицательное вліяніе оружія-машинъ, а значитъ и ихъ значеніе можетъ сказаться или въ различныхъ частяхъ арміи, въ зависимости отъ разной высоты ихъ духовнаго элемента, или въ одной и той же части, когда онъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ *измѣняетъ* свое нравственное состояніе.

Исторія даетъ этому массу примѣровъ.

Поэтому съ одной стороны нельзя смотрѣть на оружіе-машину, какъ на нѣкую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ *обезпечить* всегда *боевой успѣхъ*, а съ другой стороны обязательно должно принимать всѣ мѣры къ тому, что бы непремѣнный участникъ боевыхъ дѣйствій, которая безъ него не могутъ быть осуществлены, — *человѣкъ* былъ бы всегда на высотѣ съ точки зрѣнія *силы его духа*, въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова.

Въ общемъ, въ боевыхъ дѣйствіяхъ первенствующее значеніе принадлежитъ *человѣку*, а не *машинѣ (оружію)*, какъ бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитаго военнаго ученаго генерала Генриха Антоновича Леера, который говорилъ, что *главнѣйшимъ орудіемъ на войнѣ является человѣкъ*.

Эти выводы и необходимо не упускать изъ виду при *организации арміи*, при *снаряженіи и вооруженіи*, какъ отдѣльнаго воина такъ и цѣлыхъ войсковыхъ частей. Ихъ также нужно имѣть въ виду при установленіи *способовъ боевыхъ дѣйствій при всякихъ случаяхъ* и при разной обстановкѣ.

Среди *личнаго состава* Арміи, составляющаго ея важнѣйшую часть, имѣющаго первенствующее значеніе и являющагося главнымъ орудіемъ войны, нужно выдѣлить тѣхъ лицъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ являются *руководителями войскъ*, начиная отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ войсковыхъ соединеній. Лица эти — *начальники всѣхъ степеней*.

Значеніе начальствующихъ лицъ громадно, такъ какъ они обучаютъ и воспитываютъ войска, направляютъ и слѣдятъ за ихъ боевой подготовкой въ широкомъ смыслѣ слова, а во время боевыхъ дѣйствій составляютъ ихъ планы и приводятъ ихъ въ исполненіе, пользуясь для этого подчиненными войсками, какъ средствомъ, какъ орудіемъ достиженія тѣхъ или иныхъ боевыхъ задачъ.

Чѣмъ многочисленнѣе войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тѣмъ и значеніе его *больше*, ибо тѣмъ боевыя задачи, возлагаемыя на него *значительнѣе*, тѣмъ ихъ достиженіе или невыполненіе *сильнѣе* отражается на общемъ ходѣ войны и вліяетъ на конечный ея результатъ.

Съ другой стороны, чѣмъ *крупнѣе* съ этой точки зрѣнія начальникъ, чѣмъ по своему положенію онъ выше, тѣмъ выполнение его спеціальныхъ обязанностей *труднѣе*. Эта трудность преодолевается только соотвѣтствующей всесторонней *подготовкой*.

Такими крупными начальниками должны почитаться всѣ, начиная съ тѣхъ, которые по основной организаціи еще мирнаго времени находятся во главѣ первыхъ войсковыхъ соединеній, имѣющихъ въ своемъ составѣ *нѣсколько родовъ войскъ*. Эти

войсковыя соединенія обычно обладают *значительной численностью и всѣми средствами* для рѣшенія самостоятельныхъ боевыхъ задачъ на полѣ сраженія, то или иное выполненіе которыхъ отражается на ходѣ и результатѣ всего сраженія.

Такихъ начальниковъ логично и справедливо называть *генералами*.

Въ зависимости отъ той роли, которая выпадаетъ на долю генерала, какъ въ мирное время, такъ и особенно во время войны, его специальная подготовка должна обнимать и *умственную и волевую* стороны.

Онъ долженъ обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными *знаніями военного дѣла*; онъ долженъ отлично *понимать военное искусство*, какъ въ его идейной, принципиальной части, такъ и технической; онъ долженъ *обладать широкимъ взглядомъ* (большимъ кругозоромъ) въ своей специальности и вообще быть въ полной мѣрѣ *просвѣщеннымъ* въ ней.

Все это даетъ ему *прочный базисъ для работы и увѣренность въ себя*. А еще Суворовъ говорилъ, что «на себя надежда — основаніе храбрости».

Генераль долженъ имѣть *твердую волю и сильный характеръ*, и какъ производныя отъ этихъ данныхъ: *спокойствіе, хладнокровіе, присутствіе духа, способность не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ, не суетиться и не суетить другихъ*.

Ему необходимо обладать *рѣшимостью* принять рѣшеніе и *рѣшительностью* его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная въ предѣлахъ его компетенціи, *активная и пассивная инициатива*, т. е. онъ долженъ *умѣть проявлять инициативу самъ и въ тоже время* — что, пожалуй, труднѣе — *давать право и возможность проявлять ее своимъ подчиненнымъ*.

Генераль долженъ имѣть *гражданское мужество и не бояться ни юридической, ни нравственной ответственности*.

Возможность *большихъ потерь* не должна *останавливать* генерала въ *принятіи рѣшенія* важнаго для общаго дѣла и въ *приведеніи* этого рѣшенія въ *исполненіе* съ возможно *большей энергіей*, ибо онъ долженъ помнить, что его колебанія въ *принятіи рѣшенія* и его вялость въ *исполненіи* въ концѣ концовъ *потребуютъ* гораздо больше *усилій и приведутъ* къ гораздо *большимъ жертвамъ и потерямъ*.

Однако, во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ генераль *долженъ стремиться* къ тому, что бы *достигать успѣха «съ легкимъ трудомъ и малою кровью»*.

Генераль долженъ *умѣть въ минуту тяжелыхъ физическихъ и моральныхъ испытаній* подчиненныхъ ему войскъ *горячимъ словомъ, сильною рѣчью, наконецъ, личнымъ примѣромъ* поднять ихъ духъ и возбудить въ нихъ энергію.

Наконецъ, генераль *обязанъ* *выказывать наибольшую заботу* о подчиненныхъ ему войскахъ во всѣхъ отношеніяхъ, однако, при полномъ отсутствіи *сентиментальности*.

Таковы требованія отъ генерала.

Онъ сможетъ выполнить ихъ, если на свою службу, на свои обязанности онъ будетъ *смотрѣть*, какъ на *великое служеніе Родины*, если онъ будетъ *всецѣло преданъ своему долгу*, если онъ будетъ относиться къ нему *съ любовью*.

Ему эти требованія выполнить будетъ *легче*, если онъ будетъ *воиномъ по призванію*, если онъ будетъ *даровитъ*, обладать *талантливостью*, если въ немъ будетъ заложена *способность къ творчеству*.

Какъ бы однако ни благопріятствовали выполненію этихъ требованій врожденные качества человѣка, но все же достигнуть наибольшаго совершенства въ этомъ отношеніи можно лишь при *надлежащей постановкѣ соответствующаго образованія и воспитанія* лицъ, готовящихся быть начальниками, начиная со школьной скамьи и затѣмъ въ продолженіе всей дальнѣйшей службы.

Для такой же постановки воспитанія и образованія необходима *благопріятная* для этого *военная система*, обеспечивающая *справедливое и постепенное*, въ зависимости отъ опыта, знанія и таланта, *возвышеніе* начальствующихъ лицъ, и создающая атмосферу, способствующую развитію въ каждомъ начальникѣ требуемыхъ отъ него качествъ.

Но и этого всего будетъ мало, если каждый начальникъ и генералы въ особенности, помня постоянное развитіе военнаго дѣла, не будутъ стремиться *путемъ самообразованія и самовоспитанія* къ возможно большому совершенствованію въ себѣ необходимыхъ имъ *качествъ*, что бы стоять всегда на *высотѣ* своего назначенія.

Начальники всѣхъ степеней, до самыхъ высшихъ включительно, должны всегда помнить, что *учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно*.

Каковы бы ни были основы формированія арміи, будетъ ли она комплектоваться по принципу общеобязательной воинской повинности или состояться изъ профессионаловъ, служащихъ по найму, она во всякомъ случаѣ будетъ состоять въ подавляющемъ числѣ изъ лицъ *господствующей національности* даннаго государства. Это одинаково относится, какъ къ солдатской массѣ, такъ и къ начальникамъ всѣхъ степеней. И съ этой точки зрѣнія армія въ наше время не можетъ быть *ненаціональной*. А такъ какъ армія есть важнѣйшее средство военнаго искусства, то, такимъ образомъ, *національный элементъ*, несомнѣнно, долженъ играть въ немъ опредѣленную роль, хотя бы чисто внѣшнюю, разумѣя подъ этимъ бытовую сторону и нѣкоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но вліяніе національної стихіи на военное искусство не ограничивается только этимъ. Оно болѣе *существенно и глубоко*.

Военное искусство, какъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, обнимающемъ собственно боевыя дѣйствія, такъ и въ болѣе широкомъ, включающемъ всѣ вопросы, связанные съ военнымъ дѣломъ, подобно всякому другому искусству, есть *результатъ дѣятельности духовныхъ силъ человека*.

Характеръ этихъ силъ зависитъ въ значительной степени отъ *національных особенностей* даннаго народа, сложившихся подъ вліяніемъ условій: *географическихъ, этнографическихъ, біологическихъ и историческихъ*, при которыхъ данный народъ образовывался, развивался и долгое время существовалъ, а также отъ той *обстановки*, въ которой онъ живетъ въ настоящее время, и которая зависитъ: *отъ степени и характера культуры, силы и направленія просвѣщенія, политическаго устройства и т. д.*, обстановки, *отличной* отъ той, въ которой живутъ другіе народы и потому тоже долженствующей быть названной *національной*.

Такимъ образомъ, нужно признать, что военное искусство, какъ, впрочемъ, и всѣ другія, *національно*.

Каждое искусство достигаетъ *наивысшаго своего совершенства*, когда его источникъ — духовныя силы человека — проявляетъ себя *наиболѣе напряженно*. Такого наивысшаго напряженія духовныхъ силъ можно достигнуть тогда, когда они дѣйствуютъ *совершенно свободно, въ полномъ согласіи съ интеллектуальной и психической организаціей* человека и вообще въ условіяхъ *наиболѣе для этого благоприятныхъ*.

То и другое можетъ быть лишь тогда, когда проявленіе духовныхъ силъ происходитъ подъ вліяніемъ *національной стихіи*.

Если это относится вообще ко всѣмъ искусствамъ, то тѣмъ болѣе должно признать это въ отношеніи *военнаго искусства*. Это потому, что работа въ области военнаго искусства происходитъ при обстановкѣ, требующей *наибольшаго напряженія ума и воли* и прочихъ духовныхъ силъ человека.

Такимъ образомъ, что бы въ военномъ искусствѣ достигнуть *наибольшихъ результатовъ*, поставить его на *наибольшую высоту*, сдѣлать его *наиболѣе совершеннымъ*, необходимо творить въ немъ, *не отрываясь отъ національной основы*, необходимо сохранять его *національный характеръ*.

Исторія вообще и наша отечественная въ частности наглядно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

У насъ военное искусство достигало наивысшаго состоянія въ эпоху Петра Великаго и въ вѣкъ Екатерины II, когда оба эти Государя во всемъ проводили *національную точку зрѣнія*, когда военное искусство было *вполнѣ національнымъ* и когда

у насъ появились великіе, проникнутые *національнымъ духомъ* полководцы — Петръ Великій, Румянцевъ и Суворовъ.

Утвержденіе, что военное искусство *національно*, и что развитіе его должно идти въ *національномъ духѣ*, сохраняя его *національный характеръ*, не можетъ быть поколеблено тѣми двумя истинами, въ силу которыхъ военное искусство, гдѣ бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается *на одни и тѣ же принципы*, вытекающіе изъ его природы и что одно изъ главнѣйшихъ средствъ военного искусства — *оружіе*, вслѣдствіе идейнаго и техническаго общенія между собою всѣхъ народовъ и государствъ, нынѣ въ различныхъ арміяхъ *почти одно и то же*.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всѣхъ національностей. Но вслѣдствіе различнаго характера мышленія у разныхъ національностей и различнаго по силѣ и характеру проявленія однихъ и тѣхъ же *эмоцій*, эти *одинаковые принципы* воспринимаются *не совсѣмъ одинаково*, взаимно расцѣпниваются *иначе* и примѣняются *различно*. Одна національность примѣняетъ принципы слишкомъ *прямолинейно и узко*, другая обращается съ ними болѣе *гибко* и смотритъ на нихъ шире.

Точно также и *оружіе* въ своей сущности въ современныхъ арміяхъ *одно и то же*, но во 1-хъ, *достиженія* въ его совершенствѣ у разныхъ государствъ *различны*, во 2-хъ, въ виду различія въ *національной обстановкѣ* оно должно быть *приспособлено* къ ней и въ 3-хъ *приемы и способы использованія* даже совершенно такого же оружія въ зависимости отъ свойствъ ума и психики владѣющихъ оружіемъ, а также условій, въ которыхъ имъ пользуются, могутъ быть *различны* въ той или иной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, лишь не пренебрегая *національными особенностями* въ военномъ искусствѣ можно достигнуть наилучшаго использованія и *одинаковыхъ принциповъ* и *одинакового* по существу оружія.

Сохраненіе *національныхъ особенностей* въ военномъ искусствѣ также не можетъ повредить ему и въ томъ случаѣ, если бы у другихъ появились въ этой области и *новыя идеи* и *новыя техническія достиженія*.

Ибо *новыя идеи* въ настоящее время могутъ относиться только къ *иному пониманію и толкованію* принциповъ и къ новому поэтому ихъ *примѣненію*, а также къ *созданію* новыхъ или къ *усовершенствованію* старыхъ техническихъ средствъ. Что касается новыхъ *техническихъ достиженій*, то результатомъ ихъ можетъ быть или оружіе совершенно *новаго типа* или усовершенствованіе въ оружіи *старого типа*, а также новые *способы* его *использованія* и *примѣненія*.

Естественно, что проходить мимо того и другого не представляется возможнымъ.

Во 1-хъ, мы должны хорошо знать своихъ *вѣроятныхъ противниковъ*, дабы создать соотвѣтствующія средства и способы борьбы съ ними, а также своихъ *возможныхъ союзниковъ* для того, чтобы быть освѣдомленными, на что мы можемъ у нихъ рассчитывать, а во 2-хъ то и другое въ той или иной мѣрѣ можетъ быть *использовано и нами*.

Однако, ни въ идеяхъ, ни въ техническихъ достиженіяхъ не будетъ полезно *заимствовать все безоговорочно и цѣликомъ*, потому что какъ бы они ни были совершенны и даже, такъ сказать, интернаціональны, все же при переносѣ ихъ на почву *другой національности* они не въ состояніи будутъ *дать того эффекта*, который они производятъ на родной почвѣ, на той почвѣ, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо изъ области военного искусства, какъ въ его идейной, такъ и технической частяхъ, необходимо заимствованное *приспособить къ національной обстановкѣ, переработать въ національномъ духѣ, придать ему національный характеръ, пронизать его національными особенностями, согласовать съ національными условіями*. Только при такихъ условіяхъ заимствованное дастъ при его использованіи желаемый результатъ. Въ противномъ случаѣ оно *не привѣется, не войдетъ въ плоть и кровь, останется чуждымъ* и, даже при наибольшихъ усиліяхъ извлечь изъ него хотя какую-нибудь пользу, *не дастъ желаемыхъ результатовъ*.

При всемъ томъ должно помнить, что дарованія *нашего народа*, сила его умственныхъ способностей, его большія творческія возможности, его всесторонняя талантливость его высокія качества, вообще вся его высокая духовная организація, его историческій опытъ, его обширная многовѣковая и многообразная практика въ военномъ дѣлѣ не должна допускать мысли, что мы русскіе въ самостоятельномъ развитіи военного искусства во всѣхъ его областяхъ можемъ *оказаться позади* другихъ національностей, можемъ *проявить меньше творчества*, чѣмъ они, и, такимъ образомъ, можемъ быть поставлены въ необходимость только *заимствовать у другихъ, слѣпо подражать* этимъ другимъ и тѣмъ самымъ *отказываться отъ своей самобытности*.

Дѣйствія Петра Великаго въ этомъ отношеніи могутъ служить намъ поучительнымъ примѣромъ.

Поставленный въ необходимость весьма много заимствовать въ области военного искусства у иностранцевъ, Петръ все заимствованное переработалъ въ горнилѣ націонализма, и потому въ результатъ проявилъ такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое національнымъ духомъ и соотвѣтствующее національнымъ особенностямъ русскаго народа, что въ военномъ искусствѣ опередилъ свое время болѣе, чѣмъ на столѣтъ, давъ возмознось появиться у насъ такимъ великимъ полководцамъ, какъ Румянцевъ и Суворовъ.

Итакъ: 1) *знаніе и уваженіе въ смыслѣ слѣдованія, примѣненія принциповъ*, 2) *преимущественное значеніе качества передъ количествомъ*, 3) *важность духовной стороны по сравненію съ матеріальной*, 4) *первенствующее значеніе человека, а не машинъ*, 5) *превосходная всесторонняя подготовка начальниковъ* и 6) *необходимость слѣдованія національнымъ путемъ* — таковы тѣ *первичныя основныя положенія*, при наличіи которыхъ только и можетъ естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А разъ это такъ, то эти же положенія, какъ *первично-основныя*, должны быть приняты, какъ *безусловно обязательныя* при строителствѣ будущей русской арміи, дабы она была во всеоружіи для той борьбы, которую ей *придется несомнѣнно вести* за существованіе, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной Россіи.

А. Баювъ.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ СУДѢ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Творцы судебныхъ уставовъ насадили у насъ иностранныя судебныя порядки, въ которые внесли, однако, отдѣльныя, вызванныя особенностями нашихъ условій, измѣненія. Русский судъ — наиболѣе чужеземное по своимъ формамъ изъ нашихъ государственныхъ учреждений. А между тѣмъ, именно въ русскомъ судѣ русский духъ нашелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе.

Объясненіе этого парадокса — въ самой природѣ правосудія. Судъ — не только техническій аппаратъ, приспособленный къ разрѣшенію споровъ опредѣленной категоріи между сторонами. На всемъ протяженіи человѣческой исторіи онъ былъ и остается по сей день *главной цитаделью права*. Больше того. Населеніе еще не отвыкло искать у него того высшаго блага, которое онъ именуетъ «правдой». Разсудить дѣло «по справедливости», по-божески — въ этомъ, съ точки зрѣнія народнаго міросозерцанія, основное заданіе суда. Выкованная римскимъ гениемъ формула: «*res judicata pro veritate habetur*»¹⁾ еще не сдана въ архивъ исторіи. Судъ по сей день еще несетъ сверхчеловѣческую функцію провозглашенія истины. Отсюда — мистическій характеръ правосудія, его связь съ религіей. Связь эту безсильно было окончательно порвать и отдѣленіе государства отъ церкви. И въ обмѣренныхъ государствахъ судебныя дѣйствія продолжаютъ сопровождаться особымъ тор-

1) «Рѣшеніе суда считается истиной».

жественнымъ обѣщаніемъ — этимъ лицемѣрнымъ суррогатомъ обращенной къ небу присяги.

Судъ не можетъ творить своего дѣла безъ непосредственнаго участія широкихъ круговъ населенія. Онъ нуждается не только въ техническомъ персоналѣ коронныхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ, не только въ привлеченіи къ исполненію судейскихъ обязанностей выборныхъ представителей населенія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, шеффеновъ, но и въ сотрудничествѣ сторонъ, свидѣтелей, свѣдующихъ лицъ. Наряду съ этимъ, безъ печати, безъ публики въ засѣданіи, онъ лишается нужной ему гласности, хирѣетъ отъ недостатка свѣта и воздуха.

При этихъ условіяхъ отправленіе правосудія неизбежно пріобрѣтаетъ національный характеръ.

Долговременное принудительное пребываніе на чужбинѣ научило насъ цѣнить наше прошлое, не ослабило, а укрѣпило нашу духовную связь съ родиной. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Особенно ярко свѣтитъ въ этомъ прошломъ ореолъ, окружающій русскій судъ по уставамъ Императора Александра II. Часто приходится слышать, что правосудіе поставлено было у насъ выше, чѣмъ на западѣ. Судить о сравнительныхъ достоинствахъ иностранныхъ судебныхъ системъ намъ не дано. Русскій судъ имѣетъ для насъ и только для насъ неоспоримое, присущее ему одному, достоинство: онъ былъ русскимъ, въ немъ жилъ русскій духъ.

Въ чемъ проявились свойственныя ему особенности? Какое именно содержаніе вложилъ русскій народъ въ заимствованныя на Западѣ формы?

Вотъ главный, пожалуй, единственно нужный вопросъ, который мы теперь на чужбинѣ должны себѣ ставить, подходя къ оцѣнкѣ русскаго суда въ прошломъ.

Пишущій эти строки не претендуетъ его разрѣшить. Его задача дать матеріалъ для размышленій надъ нимъ. Настоящія замѣтки — личные впечатлѣнія, воспоминанія, не изслѣдованіе.

Въ области этихъ личныхъ переживаній въ прошломъ, личныхъ впечатлѣній въ настоящемъ — есть одно основное. Въ Россіи было живо *мистическое начало правосудія*. Оно было живо какъ въ народной массѣ, такъ и въ средѣ профессиональных судебныхъ работниковъ, въ лицѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ, судебной молодежи. Вѣра въ святость дѣла правосудія у насъ не была изжита. Она горѣла, подчасъ подъ пепломъ скептицизма, матеріальныхъ интересовъ, но священный огонь еще не погасъ. Судъ въ Россіи былъ храмомъ правосудія, храмомъ, а не присутственнымъ мѣстомъ. Служители его священнодѣйствовали, а не отбывали будничную повинность. Судебная работа въ Россіи еще была призваніемъ, еще не превратилась въ ремесло. Живой духъ, который творцы

судебныхъ уставовъ вдохнули въ свое созданіе, не умеръ до конца.

И это всюду, на всемъ безконечномъ протяженіи нашей родной дали. Судить о русскомъ судѣ можетъ только тотъ, кто наблюдалъ его, работалъ въ немъ не въ столицахъ, не въ большихъ центрахъ, а въ глуши, не при электрическихъ люстрахъ судебныхъ залъ, а въ деревянныхъ домикахъ уѣздныхъ сѣздовъ, среди зипуновъ и овчинъ, при свѣтѣ тускло мерцающихъ керосиновыхъ лампъ. Только тому, для кого пламя торжественнаго служенія святому дѣлу горѣло и въ этой обстановкѣ, раскрыто все значеніе правосудія въ Россіи.

Все это можетъ казаться старческой переоцѣнкой невозвратнаго прошлаго. Однако, вотъ массовое, знаменательное въ своей обыденности явленіе, извѣстное всякому участнику, всякому посѣтителю судебныхъ засѣданій «бывшей» Россіи. Это образцовый порядокъ и тишина, господствовавшія въ засѣданіяхъ нашихъ судовъ, несмотря на отсутствіе въ населеніи привычки къ общественной дисциплинѣ. Церковь и храмъ правосудія — два мѣста, гдѣ предоставленная сама себѣ масса не допускала ни безпорядка, ни шума, при отсутствіи какого-либо принужденія. Тишина всегда полная.

Въ моментъ провозглашенія резолюцій отъ имени Монарха, приведенія къ присягѣ, она пріобрѣтала особо торжественный характеръ. Возгласъ судебного пристава передъ выходомъ суда: «судъ идетъ, приглашаютъ встать», неизмѣнно производилъ дѣйствіе военной команды. Вспоминаются невольно судебныя засѣданія Правительственнаго Сената по дѣлу бывшего военнаго министра генерала Сухомлинова. Это было въ августѣ 1917 года, за два-три мѣсяца до большевицкаго переворота. Дѣло слушалось въ Петроградѣ, въ концертномъ залѣ военнаго собранія, стѣны котораго не впитали въ себя судебныхъ традицій. Хоры были переполнены хозяйничавшей въ столицѣ чернью въ солдатскихъ шинеляхъ. И въ этой обстановкѣ все замерло и поднялось, услышавъ привычный возгласъ престарѣлаго судебного пристава Петроградскаго Окружнаго Суда Солуяна.

Отзвукъ тѣхъ же общенародныхъ настроеній—въ сохранившейся у насъ любви къ торжественнымъ формамъ судебной процедуры.

На Западѣ червь обыденщины давно уже проточилъ и великолѣпія дворцовъ правосудія и театральные костюмы магистратуры и адвокатуры.

У насъ любители и мастера судебного ритуала сохранились до послѣдняго времени. Все происходило съ точнымъ, неукоснительнымъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ, но безъ всякаго напряженія, при благожелательномъ и внимательномъ отношеніи къ подсудимымъ, сторонамъ, публикѣ. Въ залѣ засѣданія устанавливался духъ свободной само-

дисциплины. Люди не чувствовали никакого стѣсненія, но ходили безшумно, говорили шопотомъ. Въ такой атмосферѣ сцены, такъ нерѣдко разыгрывающіяся въ роскошныхъ дворцахъ правосудія на Западѣ, были просто невозможны.

То-же впечатлѣніе и отъ непосредственнаго соприкосновенія съ отношеніемъ населенія къ правосудію при сотрудничествѣ съ нашими присяжными засѣдателями, крестьянскихъ составовъ въ особенности. Вотъ гдѣ подчасъ звучалъ подлинный голосъ народной совѣсти, чувствовался искренній порывъ разсудить дѣло справедливо, по Божески! Сколько волнующихъ сердце разсказовъ пришлось выслушать отъ лицъ культурной среды послѣ отбытія сессіи въ качествѣ присяжныхъ въ средѣ такихъ полуграмотныхъ, «темныхъ» людей! Какъ много упрековъ въ произвольныхъ оправданіяхъ, что такъ охотно бросалось «суду улицы», отпало бы, если бы хулители сами переживали судимыя дѣла. Помню разсказъ одного изъ такихъ обличителей суда присяжныхъ о томъ, какъ онъ самъ, да еще въ качествѣ старшины состава, участвовалъ въ единогласномъ вердиктѣ, которымъ былъ оправданъ воръ-рецидивистъ, сознавшійся и изобличенный въ кражѣ. Дѣло разсматривалось въ Нижнемъ Новгородѣ, при «сѣромъ» составѣ присяжныхъ. Главными свидѣтелями со стороны обвиненія выступали супруги-закладчики. На судѣ съ полной очевидностью выяснилось, что подсудимый давно «работалъ» на своихъ обвинителей, сбывая имъ за ничтожную плату краденныя вещи. На этотъ разъ они его выдали, чтобы самимъ выйти сухими изъ воды, что имъ и удалось. Когда присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія, старшина, онъ-же разказчикъ, считая дѣло яснымъ, сразу обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, господа, писать «виновенъ»?» Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: «Знамо дѣло, виновны, такъ и пишите и про вора, и про закладчика, и про его жену.» Старшина возразилъ, что закладчики — свидѣтели, судить ихъ присяжные не уполномочены, да и вопросъ объ ихъ виновности судомъ не поставленъ. Кое-кто изъ состава судей совѣсти сталъ высказывать сомнѣніе въ возможности такого положенія: «Не можетъ того стать, чтобы мы не могли при этомъ случаѣ своего слова сказать, когда при насъ все это наружу выпло.» Старшина предложилъ сомнѣвающимся потребовать дополнительныхъ разъясненій предсѣдателя. Вышли въ залъ засѣданія. Предсѣдатель, выслушавъ заявленіе присяжныхъ, предложилъ сторонамъ высказаться. Все окончилось бы ко всеобщему удовлетворенію, если бы представитель прокуратуры заявилъ ходатайство передъ судомъ о возвращеніи дѣла слѣдователю для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ закладчиковъ-укрывателей или общалъ возбудить о нихъ особое дѣло. На грѣхъ молодой товарищъ прокурора, не понявъ, что дѣло тутъ не въ фомальномъ правѣ судить свидѣтелей, а въ необходимости

успокоить судейскую тревогу присяжныхъ, произнесъ общую фразу о неприкосновенности свидѣтелей. Вернулись судьи совѣсти въ совѣщательную комнату. На этотъ разъ на вопросъ старшины: «ну, что-же, господа?», наступило продолжительное, суровое молчаніе. Нарушилъ его одинъ изъ старѣйшихъ по возрасту судей, мѣстный купецъ изъ «простыхъ». «А коли такъ», твердымъ, почти приказательнымъ голосомъ обратился онъ къ старшинѣ: «пиши, что не виновенъ.» Воръ оправданъ былъ единогласно. Не протестовалъ и старшина. Всякій русскій судебный дѣятель знаетъ, что непривлеченіе въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу лица, по убѣжденію присяжныхъ, участвовавшаго въ преступленіи обычно влекло за собой оправданіе виновниковъ преступленія, преданныхъ суду. Несправедливость неизмѣнно вызывала рѣзкій протестъ суда совѣсти.

Ввѣренная присяжнымъ засѣдателямъ судебная власть была безконтрольна. Законъ освобождалъ ихъ отъ обязанности мотивировать свои вердикты. Надъ судомъ совѣсти не существовало высшей инстанціи, уполномоченной къ провѣркѣ постановляемыхъ имъ рѣшеній по существу. При неподготовленности населенія къ несенію судейской обязанности, создавалась несомнѣнная опасность худшаго изъ произволовъ, произвола судебного. Теперь уже не приходится оспаривать общепризнаннаго успѣха судебной реформы 1864 года. Могущая казаться беспочвенной вѣра творцовъ судебныхъ уставовъ въ русскій народъ, подавляющая масса котораго еще недавно освобождена была отъ крѣпостной зависимости, блестяще оправдала себя въ дѣйствительности. Только притупленное классовымъ міросозерцаніемъ нравственное чувство, только придавленный марксизмомъ умъ могутъ русскій судъ вообще, русскій судъ присяжныхъ засѣдателей въ частности, признавать классовымъ, то естъ органически пристрастнымъ. Только недомысліе или предвзятость могутъ отвергать нравственный авторитетъ приговоровъ и рѣшеній русскихъ судовъ, вѣру населенія въ безпристрастіе русскихъ судей. А моральная побѣда эта далась не легко. Нужны долгіе годы работы въ нашемъ судѣ, съ русскимъ судомъ присяжныхъ въ частности, чтобы знать, какъ много соблазновъ пристрастія преодолено на этомъ пути. Вотъ одинъ изъ случаевъ такого преодоленнаго соблазна.

Въ гор. Старицѣ Тверской губерніи разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ, дѣло цыгана, обокравшаго мѣстнаго крестьянина. Полиція успѣла задержать вора со всѣмъ, безъ исключенія, похищеннымъ добромъ, которое до послѣдняго гвоздя было возвращено потерпѣвшему. Все прошло бы безъ осложнений, но на грѣхъ обокраденный мужикъ «по слухамъ» прозналъ, что у цыгана при задержаніи было найдено 500 рублей денегъ. Подумалъ потерпѣвшій, да и отправился къ слѣ-

дователю съ дополнительнымъ заявленіемъ: «Запамятоваль я вамъ, ваше благородіе, прошлый разъ сказать, что у меня, кромѣ вещей, еще 500 рублей денегъ пропало.» Слухи о деньгахъ оказались соотвѣтствующими дѣйствительности. Заарестованная при цыганѣ сумма въ 500 рублей была отъ него отобрана и сдана на храненіе въ мѣстное казначейство. Слѣдователь составилъ протоколъ дополнительнаго заявленія потерпѣвшаго и такъ какъ по характеру произведеннаго воровъ взлома стоимость похищеннаго уже не могла имѣть значенія увеличивающаго вину обстоятельства, направилъ дѣло въ прокуратуру, не провѣривъ новой версіи. Въ результатѣ по обвинительному акту цыгану было предъявлено обвиненіе въ кражѣ не только вещей, но и 500 рублей денегъ. На судѣ вся исторія выяснилась. Было совершенно очевидно, что никакихъ денегъ у мужика украдено не было, да и суммы въ 500 рублей онъ имѣть не могъ. Когда присяжные удалились для совѣщанія, ихъ старшина, мѣстный помѣщикъ, широко образованный человѣкъ, отъ котораго вся эта исторія и сдѣлалась извѣстной пишущему эти строки, обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, братцы, такъ и писать: да, виновенъ, но 500 рублей денегъ не похищаль?» Къ удивленію старшины, присяжные — всѣ мѣстные крестьяне — на его вопросъ отвѣтили общимъ молчаніемъ. Онъ сталъ настаивать, повторяя, что дѣло ясное. Съ нимъ не спорили, но отвѣта на его вопросъ все не было. Тянулось молчаніе довольно долго, пока наконецъ одинъ изъ присяжныхъ сказалъ: «Такъ-то оно такъ, баринъ. Только вотъ что. Сдѣлай ты милость, поверни ты эти деньги мужику. Цыганъ, оно конечно, ихъ у кого другого укралъ, а все-же: мужичекъ, самъ видишь, обстоятельный, онъ бы на эти деньги совсѣмъ поправился.» Всѣ присяжные присоединились къ этому рѣшенію, настойчиво прося своего старшину «повернуть деньги.» Въ теченіе часа старшина убѣждалъ судей совѣсти въ томъ, что они не имѣютъ права обогащать потерпѣвшаго чужимъ краденымъ добромъ, что задержанныя деньги цыгану возвращены не будутъ, а подлежатъ передачѣ полиціи для розысканія собственника. Въ заключеніе большинство состава сдалось на увѣщанія. Опасность неправосуднаго рѣшенія была устранена. Чтобы понять всю силу преодолѣннаго въ этомъ случаѣ соблазна, нужно знать глубину вражды русскаго крестьянина къ цыгану-вору.

Въ чемъ главная, отличительная особенность русскаго суда по уставамъ Императора Александра II отъ западныхъ? Авторъ замѣтокъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ безъ колебаній: русскій судъ былъ доступнѣе, ближе къ населенію — не географически, а духовно, *былъ человѣчнѣе* судебныхъ учреждений Европы. Казалось бы, что пресловутая пропасть, отдѣлявшая у насъ, въ области культуры, привилегированные слои населенія отъ нисшихъ представляла непреодолимую преграду для

такой близости. А между тѣмъ, погружаясь мысленно въ прошлое, въ окружавшую нашъ судъ и его дѣятелей атмосферу, тщетно ищешь, даже теперь послѣ ужасовъ пережитого, хотя бы тѣни не только враждебности, но даже отчужденности населенія въ его отношеніи къ «господамъ», и «вашимъ благородіямъ», занимавшимъ разныя судебныя должности отъ высшихъ до низшихъ. Эти укоренившіяся въ нашей жизни формы обращенія, какъ и столь обычное у насъ «тыканіе» не устраняли человѣчности взаимныхъ отношеній. Авторъ съ невольной улыбкой вспоминаетъ, какъ въ началѣ своей судебной работы онъ принужденъ былъ отказаться отъ рѣшенія не допускать «ты» при сношеніяхъ съ меньшей братіей и только потому, что первымъ неизмѣнно переходилъ «на ты» меньшій братъ. Впрочемъ, и въ этой области неограниченныя возможности нашей родной дѣйствительности преподносили иногда сюрпризы, повергавшіе въ изумленіе даже знавшихъ мѣстную жизнь судебныхъ работниковъ. Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ такого сюрприза въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ г. Ярославлѣ. Въ мѣстномъ судѣ слушалось дѣло о преступленіи, совершенномъ въ одной изъ деревень Ярославскаго уѣзда. Въ числѣ свидѣтелей былъ вызванъ крестьянинъ, лѣтъ тридцати пяти, показаніе котораго въ дѣлѣ особаго вниманія на себя не обращали. Незамѣченнымъ онъ прошелъ и при краткомъ опросѣ его передъ приведеніемъ къ присягѣ. Когда наступила очередь его допроса, предсѣдатель суда Н. А. Манасеинъ пригласилъ его показать все извѣстное ему по дѣлу, причемъ въ началѣ же его разсказа нѣсколько разъ прерывалъ его вопросами, неизмѣнно обращаясь къ нему на «ты». Свидѣтель, по внѣшнему виду типичный ярославскій крестьянинъ, послѣ одного изъ такихъ «ты», пріостановился, сверкнувъ въ сторону предсѣдателя добродушно-ироническимъ взглядомъ, спокойнымъ тономъ произнесъ слѣдующія буквально слова: «Господинъ предсѣдатель, я бы просилъ васъ обращаться ко мнѣ въ общепринятой вѣжливой формѣ». Предсѣдатель вспыхнулъ, опустилъ глаза, пробормоталъ: «продолжайте, свидѣтель», но затѣмъ не выдержалъ и некстати прерывая показанія свидѣтеля, спросилъ: «Вы получили образованіе свидѣтель?» О.: «Да, господинъ предсѣдатель». В.: «Гдѣ вы учились?» О.: «Я окончилъ курсъ Императорскаго Московскаго Университета». Въ оправданіе предсѣдателя и всѣхъ насъ, сразу не разобравшихъ, что мы имѣемъ дѣло съ образованнымъ человѣкомъ, слѣдуетъ замѣтить, что ярославскіе крестьяне, часто обладающіе недюжинными ораторскими способностями, легко усваиваютъ общекультурный языкъ при занятіяхъ своихъ самыми разнообразными видами отхожихъ промысловъ.

Насколько отношенія судебныхъ дѣятелей къ населенію были лишены начальственнаго тона, можно судить по слѣдую-

щему эпизоду, происшедшему равнымъ образомъ въ присутствіи пишущаго эти строки.

Въ уѣздной сессіи ярославскаго окружнаго суда въ г. Пошехонѣ, разсматривалось дѣло о деревенскомъ поджогѣ изъ мести. Дѣло это, какъ и большинство ему подобныхъ, было довольно сложно. Главной свидѣтельницей по дѣлу выступала крестьянка, лѣтъ сорока, сосѣдка потерпѣвшаго, которая устанавливала послѣдовательность ряда мелкихъ событій, имѣвшихъ въ своей совокупности рѣшающее значеніе по дѣлу. Когда наступила очередь ея показанія, она начала свой рассказъ въ спокойно-повѣствовательномъ тонѣ, нѣсколько на распѣвъ, словами: «Было это въ Успеневъ день. Пили мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи членъ суда В. А. Волковъ, престарѣлый, опытный судебный дѣятель изъ помѣщиковъ Ярославскаго уѣзда, нетерпѣливо прервалъ свидѣтельницу: «Намъ не интересно слушать, какъ вы пили чай, свидѣтельница, переходите къ дѣлу». Приостановившись, свидѣтельница вскинула умными глазами на предсѣдателя и, не проявляя ни малѣйшаго признака ни смущенія, ни недовольства, тѣмъ же ровнымъ, пѣвучимъ голосомъ продолжала: «Такъ, говорю я. Пили это мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Раздраженный предсѣдательствующій вновь остановилъ свидѣтельницу. На этотъ разъ она, смотря предсѣдательствующему въ глаза, внушительнымъ тономъ, но не повышая голоса, произнесла: «Ты, батюшка, не серчай. Дай слово сказать. Я и до дѣла дойду». Внушительность тона, вѣра въ свою правоту этой простой женщины были таковы, что смущенный баринъ-предсѣдатель не рѣшился уже ея прерывать. Въ результатѣ она по выпитымъ чашкамъ возстановила всю картину событія съ такой доходящей до картинности ясностью, что и судъ, и присяжные сразу усвоили всѣ перепетія дѣла. Прошло болѣе тридцати лѣтъ, а и теперь показаніе этой крестьянки Пошехонскаго уѣзда — одно изъ незабываемыхъ воспоминаній о силѣ нашей народной рѣчи.

Теперь, послѣ знакомства съ западными порядками, невольно себя спрашиваешь: въ какомъ иностранномъ европейскомъ судѣ возможно такое подчиненіе начальника-судьи свидѣтельница - крестьянкѣ и притомъ въ совершенно мирныхъ тонахъ, какъ естественное проявленіе свойственныхъ нашему быту отношеній къ населенію? На Западѣ, несмотря на равные для всѣхъ «господинъ», «госпожа», предсѣдатель въ судебномъ засѣданіи для свидѣтеля только начальство, свидѣтель для предсѣдателя только подчиненный ему органъ освѣдомленія. У насъ — умная, сознающая свою правоту женщина, не вызывая ни съ чьей стороны ни протеста, ни изумленія, добродушно ставить на мѣсто невпору разгорячившагося старичка. На Западѣ — свобода, равенство и братство, безсильныя противъ окаменѣвшихъ вѣковыхъ перегородокъ между людьми разныхъ

положеній, разныхъ классовъ; у насъ — человѣчность, проникающая черезъ всѣ щели непрочныхъ деревянныхъ переборокъ, наставленныхъ во множествѣ на нашей деревенской Руси и закономъ, и обычаемъ...

Когда вспоминаешь о русскомъ дореволюціонномъ судѣ, невольно наталкиваешься на вопросъ о судейской независимости. Западъ привыкъ къ тому, что политическія теченія даннаго момента отражаются и на судебныхъ рѣшеніяхъ. У насъ вокругъ этого вопроса много и часто суетились крайніе фланги нашей общественности и справа, и слѣва. И тѣ, и другіе подходили къ нему главнымъ образомъ, если не исключительно, подъ политическимъ угломъ зрѣнія и отождествляли судейскую независимость съ несмѣняемостью суда. Для однихъ судейская несмѣняемость представлялась несовмѣстимой съ нашимъ политическимъ строемъ, для другихъ она была дорога, какъ одна изъ принадлежностей столь заманчиваго для нихъ западно-европейскаго демократически-парламентарнаго строя. Лѣвые радикалы часто заподозрѣвали императорское правительство въ попыткахъ вліять на судейскую совѣсть, охотно распускали слухи о предстоящей отмѣнѣ судейской несмѣняемости, которая благодаря шумихѣ приобрѣла у насъ преувеличенное значеніе. У насъ забывали, что всякое правительство имѣетъ возможность, буде оно къ тому склонно, воздѣйствовать на поддающуюся такому воздѣйствію судейскую совѣсть — соблазнами выгодъ и наградъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ угрозами смѣщенія или перемѣщенія. Крайне характерно, что за все время существованія русскаго суда по уставамъ Императора Александра II единственная серьезная попытка отмѣны судейской несмѣняемости была предпринята нашей лѣвой общественностью, оказавшейся у правительственнаго кормила, въ обликѣ Временнаго Правительства. Проектъ этой безумной мѣры былъ внесенъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ высшихъ судебныхъ чиновъ министромъ юстиціи и генералъ-прокуроромъ А. Ф. Керенскимъ. Если бы этотъ проектъ удалось осуществить, его практическія послѣдствія ограничились бы увольненіемъ нѣсколькихъ судей и замѣной ихъ политическими сторонниками г. Керенскаго. Сломить судейскую независимость подобнымъ путемъ не удалось бы, такъ какъ она не отъ тѣла, а отъ духа, не отъ организаціи, а отъ опредѣленнаго, созданнаго жизнью настроенія. Судейская несмѣняемость поддерживаетъ существующій духъ судейской независимости, но она такъ же бессильна его создать, какъ ея отмѣна — его сломать.

Въ Россіи духъ независимости въ судебной средѣ былъ живъ. Онъ упрочился въ нравахъ судебныхъ работниковъ. Подчиненности тамъ не было не только во взаимоотношеніяхъ судей разныхъ ступеней, но и въ прокуратурѣ, гдѣ по закону она существовала. Введенный судебными уставами законный

терминъ «товарищъ прокурора», замѣнявшій юридически болѣе точное выраженіе: «помощникъ прокурора», жизнью превращенъ былъ въ лозунгъ, въ принципъ взаимоотношеній. И въ прокуратурѣ не приказывали, а убѣждали, просили. На свободу убѣжденія въ пониманіи не только существа дѣла, но и юридическихъ проблемъ, никакое начальство не только никогда не посягало, но и посягнуть бы не могло, настолько подобная попытка противорѣчила установившимся привычкамъ. Тридцатипятилѣтнее служеніе дѣлу правосудія въ рядахъ русской магистратуры и прокуратуры даетъ автору этихъ замѣтокъ нравственное право утверждать, что *ни одного случая* давленія сверху на совѣсть не только судей, но и чиновъ прокуратуры ему неизвѣстно, хотя лично ему пришлось принимать участіе и въ качествѣ судьи, и какъ представителю государственнаго обвиненія въ цѣломъ рядѣ процессовъ, затрагивавшихъ интересы центральной власти.

Въ области правовой одинъ изъ бичей населенія — медленность судебной процедуры. Судъ долженъ быть не только правымъ и равнымъ для всѣхъ, но и «скорымъ». Запоздалое возстановленіе нарушеннаго права утрачиваетъ часто свое практическое значеніе. Медленность суда подчасъ равносильна отказу въ правосудіи.

Казалось бы, что быстрота судебной процедуры зависитъ главнымъ образомъ отъ надлежащей технической организаціи судебныхъ органовъ. Въ дѣйствительности и здѣсь — больше отъ духа, чѣмъ отъ техники. Человѣческій трудъ эластиченъ. Количество работы, выпадающей на долю судебныхъ дѣятелей разныхъ странъ, не одинаково. По числу дѣлъ, приходившемуся на отдѣльныхъ членовъ магистратуры и прокуратуры, русскій судъ былъ самымъ обремененнымъ въ Европѣ. Несмотря на это, медленность производства не доходила до европейскихъ образцовъ. Съ неизмѣнно увеличивающейся работой справлялись цѣною удлиненія рабочаго дня. Засѣданія, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, очень часто заканчивались даже не вечеромъ, а ночью. Всѣ дѣла, назначенныя на опредѣленное засѣданіе, разрѣшались хотя бы цѣною продолженія засѣданія на слѣдующій день. Отложенія самимъ судомъ, помимо просьбы сторонъ, гражданскихъ дѣлъ, подчасъ на мѣсяцы, какъ это практикуется въ Европѣ, — у насъ не допускалось. Священнаго момента наступленія обѣденнаго часа, когда механически прерываются занятія во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, не исключая судовъ, Императорская Россія не знала.

Инерціи одухотворяющаго судебные уставы идеализма хватило до конца.

В. Носовичъ.

ДОМОВОЙ.

Истинный поэтъ не выдумываетъ пѣсенъ: онъ знаетъ, что пѣсня спитъ въ каждой вещи, а онъ лишь будить ее чародѣйнымъ словомъ ¹⁾; это не онъ поетъ о предметѣ, а предметъ самъ поетъ себя въ пѣснѣ своего пѣвца. Поэтъ знаетъ, что пѣсня есть подлинная природа вещи, душа ея души; пѣсню создаетъ то, что существенно въ мѣрѣ, что вѣрно и священо; *поютъ* первозданныя сущности вещей, вѣчно живыя, — тогда какъ поверхностные вихри жизни, ея суетливые обманы способны только *шумѣть*. Конечно, и этотъ шумъ можно выдать, а случается и принять за пѣсню, но — не надолго: онъ обреченъ на то, чтобы потонуть въ другихъ шумахъ земли.

Тема пѣсни можетъ быть дана и самыми простыми вещами... Но развѣ въ простомъ, житейскомъ не живетъ подлинная священная глубина? И если великій поэтъ поетъ о близкой каждому, знакомой, привычной обыденности, не значить ли это, что онъ огнемъ души своей сжегъ выросшую на ней шелуху зыбкихъ бессмысленныхъ явленій, и что непреходящая, глубинная *мысль* ея, освобожденная, всколыхнулась пѣсней?

Однако, подлинная природа вещей скрыта глубоко; существенное — сокровенно и таинственно; поэтому и пѣсня всегда звучить, какъ *тайна*, всего не выговариваетъ, не открываетъ всего до конца. Но, полная невѣдомымъ, она опредѣляетъ имъ все до еле уловимыхъ тѣней въ творимыхъ ею образахъ, до едва слышныхъ тоновъ своей музыки и — предоставляетъ искать пути въ исторгнувшую ее неизреченную глубину.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!

1)

Въ каждой вещи пѣсня дремлетъ:
Міръ, исполненъ тайныхъ сновъ,
Твоимъ зовамъ вѣщимъ внемлетъ
И запѣтъ всегда готовъ.

Эйхендорфъ.

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моею бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и клёновъ шумный кровъ —
Они знакомы вдохновенью ²⁾.

Одно слово въ пѣснѣ «Домовому» указываетъ на тотъ духовный опытъ, который заставилъ ее прозвучать. Это слово — *вдохновенье*, огненное слово, послѣднее по мѣсту своему въ пѣснѣ и первое по своему значенію въ ней.

«И, признакъ Бога, вдохновенье», — говоритъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній ³⁾. Это значить, что вдохновенье есть знакъ присутствія въ душѣ пѣвца божественной силы. Поющая душа предстоить Божеству, въ ней являющемуся и призывающему ее къ жертвенному служенію ⁴⁾.

Такая жертва требуетъ полного, захватывающаго всю душу вниманія къ нездѣшнымъ звукамъ и полной отрѣшенности отъ грубаго и навязчиваго гомона земныхъ голосовъ. Земной міръ, т. е. «людское стадо» ⁵⁾, увлеченное своими мелкими заботами, испытывается поэтомъ, какъ *помѣха* вдохновенью. Окружая человѣка вереницами то пугающихъ, то дразнящихъ, то привлекающихъ впечатлѣній, суетливая жизнь развлекаетъ душу и отвлекаетъ ее отъ ея глубины, чуткой къ шопоту таинственнаго. Душа пѣвца утрачиваетъ свою опору въ вѣчномъ, умолкаетъ и никнетъ въ холодномъ снѣ.

«Служенье музъ не терпитъ суеты...» ⁶⁾ Пѣвцу нужна тишина и покой, онъ ищетъ уединенья; онъ находитъ его у *огня домашнихъ боговъ*.

Въ недоконченномъ гимнѣ во славу пенатовъ Пушкинъ обращается къ богамъ домашняго очага, какъ къ великой первоначальной силѣ жизни, которая учить человѣка быть и общаться съ самимъ собою, познавать себя, находить и взращивать въ себѣ таинственное. Часы одиночества приносятъ поэту радость новыхъ познаній.

²⁾ Пушкинъ. «Домовому».

³⁾ «И, признакъ Бога, вдохновенье,
Для нихъ и чуждо и смѣшно...»
Пушкинъ. «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ».

⁴⁾ «Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ...»
Пушкинъ. «Поэтъ».

⁵⁾ «... съ какимъ святымъ (волненьемъ)
Оставилъ я людское стадо наше...»
Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

⁶⁾ Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво...
Пушкинъ. «19 октября 1825».

«Часы неизъяснимыхъ (наслажденій!)
Они даютъ намъ знать сердечну глубь
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ,
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ
Чтить самого себя» 7).

Въ этихъ немногихъ словахъ, зажженныхъ надъ затаенными переживаніями души, поэтъ касается одного изъ истоковъ вдохновенія. Отрѣшенная отъ пестрой смѣны явленій, душа погружается въ самое себя, смотритъ внутреннимъ окомъ, познаетъ и судитъ: находитъ недоброе — немощи душевныя и отметаеъ ихъ; и утверждаетъ на могуществѣ духа, объятаго тѣнями рѣчныхъ тайнъ. Пенаты, раскрывая безсмертное въ одинокомъ сердцѣ человѣка, указываютъ въ немъ на то, что заслуживаетъ почитанія, что является основой его достоинства и его силы.

Въ свѣтѣ «уединеннаго огня» домашнихъ боговъ *рождается новый человекъ*, умудренный самопознаніемъ и Богопознаніемъ и подготовленный къ духовному служенію. Такой человекъ сознаетъ свое величіе и мощь, но онъ почерпаетъ ихъ въ Божіемъ величіи, которому приобщается его сердце и которому служить его воля.

Какъ слуга Божій, поэтъ, почитая священный домашній очагъ, ждетъ любви и защиты отъ его священнаго стража.

Какъ слуга Божій, поэтъ вѣритъ въ то, что неземная сила охранить его земной пріютъ — тихое убѣжище его вдохновеній.

Такъ возникаетъ таинственный союзъ человѣка съ его земной обителью и съ той незримой силой, которая ее оберегаетъ... На этомъ союзѣ и утверждается молитва поэта къ домовому.

Дремлютъ тихія воды у подножья холмовъ. На лѣсномъ берегу — усадьба: домикъ, запущенный садъ, огородъ укромный. Мирный пріютъ отцовъ и дѣдовъ; въ немъ все овѣяно любовью, и эта любовь, заботливая и благодарная, творитъ молитву объ его процвѣтаніи. Домового призываетъ эта молитва: и вотъ, во всѣхъ концахъ усадьбы уже чудится его смутный образъ, отстраняющій отъ нея и злосчастья, и козни вражьихъ силъ.

Покой, ничѣмъ не возмущаемый, и крѣпкая довѣріемъ любовь звучатъ на всемъ протяженіи пѣсни; они наполняютъ каждое ея слово и опредѣляютъ ея музыкальный строй, простой, свободный и ласковый. Въ ней все благоухаетъ нѣжностью... — рожденной въ суровомъ одиночествѣ души и расцвѣтшей въ тѣхъ ея нѣдрахъ, гдѣ кончается преходящее.

«Заботливымъ дозоромъ» ходитъ домовый вокругъ помѣстья и бережетъ его и отъ злыхъ силъ природы и отъ злой страсти людей.

7) Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

Природа полна непостижимой жизни, ускользающей отъ слабаго ума человѣческаго, и нерѣдко душа земледѣльца теряется передъ величіемъ неизвѣстнаго и трепещетъ, чуя кругомъ себя ежечасную опасность и вражду. Противъ тайнаго зла не помогутъ ни знанія, ни умѣнье, и человѣкъ — тамъ, гдѣ онъ сознаетъ свое безсиліе, — укрѣпляетъ свою бодрость довѣріемъ къ покровителю его земли — своему домашнему богу. Властный надъ силами природы, домовый уберезетъ засѣянное поле отъ холодныхъ бурь и дождей и согрѣетъ его рано выпавшимъ снѣгомъ.

Еще страшнѣе дому злыя вожделѣнія людей. Для того, чтобы сохранить его цѣлость, надо овладѣть тѣми недобрыми страстями, которыя гонять людей на расхищеніе и разрушеніе чужого. Для защиты мало однѣхъ внѣшнихъ мѣръ огражденія. Ловкость вора преодолѣетъ опасливую изобрѣтательность хозяина, а дерзостная смѣлость его не остановится передъ словомъ запрета. Но и ветхой калитки и обрушеннаго забора довольно для охраны усадьбы, если таинственная сила домашнего божества постигнетъ робостью злоумышляющую душу и отвратитъ завистливый взоръ.

Домовой пробуждаетъ въ душѣ человѣка чувство священности чужого достоянія. Это знали и люди старыхъ временъ. Уже первобытные поселенцы поручали занятую ими землю заботамъ своихъ домашнихъ боговъ и ставили ихъ изображенія на границахъ своихъ владѣній. Такъ утверждалъ человѣкъ свое «самостоянье» на своемъ «родномъ пепелищѣ»⁸⁾, не вѣдая еще, что довѣріе къ домашнему богу укрѣпляетъ его связь съ землей отцовъ и готовитъ расцвѣтъ національной культуры.

Огражденное заботами божества отъ враждебныхъ силъ міра скромное помѣстье становится для человѣка неизсякаемымъ источникомъ любви. Оно не только поддерживаетъ его существованье, — оно само полно жизни древней и умудряющей. Гостепріименъ можетъ быть и чужой домъ, прекрасна и чужая природа, щедра и чужая земля. Но лишь въ «своемъ» человѣкъ узнаетъ родное: въ своей природѣ и неживой предметъ становится для него живымъ символомъ, а цвѣты и деревья открываютъ ему жизнь своей души. Преданія наслѣдственной сѣни и ласковыя тѣни ея прежнихъ обитателей пробуждаютъ это чувство родства уже въ сердцѣ ребенка. Когда дитя открываетъ старую калитку со ржавымъ затворомъ и бѣ-

⁸⁾ «Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу,
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его».

жить по дорожкѣ, исхоженной его дѣдами, душа его слышитъ ихъ шаги, и деревья сада невятно шепчутъ ей про былую жизнь и ласкаютъ ее дѣдовской лаской. И вотъ маленькій потомокъ ушедшихъ владѣльцевъ уже чувствуетъ тайную связь души своей съ древней природой, свидѣтельницей далекихъ, но родныхъ ему минувшихъ дней. Онъ слушаетъ ее доверчиво и учится понимать ея неясныя рѣчи; онъ ждетъ отъ нея откликовъ... и тоскѣ его вторять шумы лѣсные, и радостямъ его радуются звоны зазеленѣвшихъ полей. Родная природа, это — родная жизнь; и мнится, что кто-то далекій, но близкій, могучій, но добрый скрывается въ ней, ее лелѣетъ и черезъ нее свѣтитъ душѣ своею любовью.

Свой домъ, своя природа, есть крѣпость любви, которая нужна человѣку для его духовнаго цвѣтенія: душа питается не только собственной любовью, помогающей ей расширить границы міра, сдѣлать далекое близкимъ, — но и сознаниемъ любви, которое умножаетъ ея силы, укрѣпляетъ ея вѣру въ свою мощь. Въ одинокой опражденности отъ внѣшняго «недружескаго» вмѣшательства, въ увѣренности, что кто-то тайный блюдетъ ея миръ, душа человѣка всей полнотой своей отдается чарамъ незримой жизни, и онѣ пробуждаютъ въ ней и думу древнюю и древнюю пѣснь.

Свой уголокъ земли, — свой домъ, свой садъ, свои липы и клѣны, — есть лоно духовнаго дѣланія, есть алтарь, у котораго душа въ тишинѣ уединенія общается съ Вѣчнымъ.

Такъ мистерія, состоявшаяся въ душѣ пѣвца передъ лицомъ домашнихъ боговъ, раскрываетъ подлинный *смыслъ земного жилища* и освящаетъ отношеніе человѣка къ *своему владѣнію*. И даже тогда, когда люди идутъ кривыми путями, когда ихъ заблужденія искажаютъ подлинную сущность домашняго очага, — онъ въ основѣ своей не перестаетъ быть ступенью къ высшимъ, духовнымъ формамъ жизни, средствомъ для осуществленія въ ней «вдохновеннаго досуга и вдохновеннаго труда»⁹⁾.

Образъ домашняго бога до сихъ поръ еще сохранилъ свою свѣжесть въ народныхъ повѣрьяхъ. Домовой все еще живетъ у огня, гдѣ-то за печью. Въ сумеркахъ вечера онъ бродитъ по дому, гремитъ посудой и пугаетъ маленькихъ непослушныхъ дѣтей. Онъ любитъ «свою» усадьбу, блюдетъ въ ней порядокъ и тяжело наказываетъ того, кто его нарушаетъ... Но добраго «дѣда» считаютъ теперь нечистой силой и заклинаютъ порой словами молитвъ.

Въ поэзіи Пушкина домовой вновь получаетъ священное значеніе. Его неуловимый, неясный образъ воспринимаетъ въ

⁹⁾ «Риѣма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда».

себя и древнюю мудрость человѣческаго сердца, и новое знаніе, обрѣтенное вдохновеннымъ видѣніемъ пѣвца. Какъ и встарь, домашній «духъ» любовно сторожитъ земную обитель человѣка. Но онъ любитъ ее за тѣ пѣснопѣнія, которыя звучать въ ея сѣни и строить въ ней незримый храмъ Единому Богу.

Наталія Ильина.

ВОЛЕВЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ.

(Подвиги русскихъ святыхъ во утверждение Православія).

Въ русской исторіи въ ряду великихъ и малыхъ событій, дѣяній мира и войны, положительныхъ и отрицательныхъ явленій, дѣлъ внутренняго и внѣшняго строительства, съ особенной отрадой привлекаетъ наше вниманіе одно несомнѣнно свѣтлое, благородное явленіе: крѣпкая, неустанная *борьба* лучшихъ русскихъ людей *за убѣжденія*, за свои идеалы, за правду, за свое міровоззрѣніе; борьба, доходившая нерѣдко до самоотверженности, до подвига-положничества. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ проявленій такой, вызываемой возвышенными побужденіями дѣятельности были великіе труды по *распространенію и оборонѣ на Руси* православнаго христіанства.

Великая борьба съ древнимъ язычествомъ за утвержденіе у насъ новаго вѣроисповѣданія, требовавшая горѣнія духа и напряженныхъ усилій, началась у насъ въ мѣстѣ зарожденія нашего христіанства, въ матери городовъ русскихъ, въ старомъ Кіевѣ. Можно думать, что проявленіями ея были трагическая гибель Аскольда и Дира, споры о вѣрѣ между Ольгой и сыномъ ея Святославомъ, страдальческая кончина варяговъ первомучениковъ, усобица Святославичей — Ярополка и Владимира, и прочее.

Еще упорнѣе и опредѣленнѣе по своимъ идейнымъ побужденіямъ была борьба, происходившая уже на глазахъ исторіи — въ Сѣверной Россіи. Тамъ распространеніе и укрѣпленіе христіанства потребовало волевыхъ усилій многихъ подвижниковъ.

Въ Новгородѣ, уже послѣ крещенія, былъ случай, когда волхвъ соблазнилъ весь городъ. Видя смятеніе въ людяхъ, епископъ предложилъ на вѣчевомъ народномъ собраніи, чтобы стали за нимъ вѣровавшие во Христа, а сторонники язычества шли къ волхву. Тогда весь городъ сталъ за волхвомъ, и лишь князь съ дружиною — за епископомъ. Потребовалось необычайное присутствіе духа, преданность вѣрѣ и находчивость князя, чтобы найти мирный способъ выйти изъ положенія.

Въ Ростовской землѣ христіанство укрѣплялось очень туго. Когда въ ней началъ проповѣдывать преп. Авраамій, тамъ бы-

ло еще очень много язычниковъ, поклонявшихся идолу Велеса. Послѣ многихъ проповѣдническихъ трудовъ ему удалось сокрушить обоготворяемый истуканъ, а на мѣстѣ его прежняго стоянія возградить церковь и при ней общежительный монастырь. Но значительная часть язычниковъ не обратилась въ христіанство и послѣ сокрушенія Велеса. Окрестные иновѣрцы неоднократно приходили на Аврааміеву обитель и пытались разорить ее и предать пламени. Но Авраамій не останавливался передъ опасностью и мужественно продолжалъ свое апостольское дѣло.

Въ просвѣщеніи христіанствомъ Ростовской земли принимали участіе и епископы Ѳеодоръ и Илларіонъ; но они должны были удалиться изъ Ростова вслѣдствіе гоненія язычниковъ. На ихъ мѣсто прибылъ епископъ св. Леонтій, котораго жители города также изгнали отъ себя. Тогда онъ поселился въ окрестностяхъ Ростова у потока, именовавшагося «Брутовщица» и построилъ здѣсь церковь. Отчаявшись обратить въ христіанство взрослыхъ, онъ рѣшилъ посвятить свои силы просвѣщенію дѣтей, которыхъ сталъ привлекать къ себѣ ласковымъ обращеніемъ, а заодно обучалъ ихъ православной вѣрѣ. Родители еще больше ожесточились за это на епископа и подвергали его мученіямъ и побоямъ. Однажды, они даже пришли къ церкви съ оружіемъ и дреколіемъ, собираясь убить его. Тогда Леонтій въ полномъ облаченіи, совмѣстно со всѣмъ священнымъ соборомъ, вышелъ къ народу съ крестомъ въ рукахъ. Смѣлость святителя и блескъ церковныхъ ризъ такъ поразили язычниковъ, что они увѣровали во Христа.

Такой же смѣлый поступокъ содѣйствовалъ успѣху проповѣдническаго подвига князя Муромскаго Константина - Ярослава Святославича. Его переговоры со старѣйшинами города о крещеніи муромцевъ долго оставались безплодными, вызывая только ихъ озлобленіе. Оно однажды дошло до того, что они съ оружіемъ окружили княжій дворъ, съ намѣреніемъ изгнать или убить князя. Ярославъ вышелъ къ нимъ съ иконою Пресв. Богородицы въ рукахъ, и одинъ предсталъ предъ многонароднымъ безчисленнымъ множествомъ мятежниковъ. Это такъ подѣйствовало на нихъ, что они стали просить крещенія, и были вскорѣ крещены въ рѣкѣ Окѣ.

Совсѣмъ иначе кончилась проповѣдь преп. Кукши — просвѣтителя вятичей: онъ, послѣ многихъ мученій, былъ убитъ ими вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Никономъ.

Много и иныхъ благочестивыхъ, боголюбивыхъ, христоименныхъ мужей смѣло шли довершать дѣло этихъ апостоловъ русскаго народа.

И мы видимъ, что распространеніе христіанства среди русскихъ племенъ было слѣдствіемъ долгой борьбы за убѣжденія и вѣру, слѣдствіемъ многихъ, вызванныхъ высокими побужде-

ніями, *волевыхъ усилій и подвиговъ* самоотверженныхъ русскихъ людей и жившихъ у насъ греческихъ святителей.

Въ трудные и тяжкіе годы жизни народной великихъ волевыхъ усилій потребовало и *сохраненіе* христіанства и вѣрность его заповѣдямъ. Порою русскіе люди, взятые въ плѣнъ половцами, понуждаемы были къ отреченію отъ Христа голодомъ и иными мученіями. Такъ случилось, напр., съ преподобнымъ Евстратіемъ и его сотоварищами по плѣну. Послѣ монгольскаго нашествія многіе князья и иные русскіе люди были замучены въ Ордѣ за вѣру. Прославились страданія стойкихъ поборниковъ православія — князей Михаила Черниговскаго, Василя Ростовскаго, Михаила Тверскаго и др. Особенно были ужасны мученія князя Романа Олеговича Рязанскаго: ему за нежеланіе отречься отъ христіанской вѣры, татары отрѣзали языкъ, заткнули уста и медленно изрѣзали по суставамъ всѣ члены его тѣла... Немало твердости необходимо было русскимъ людямъ также въ отстаиваніи православія противъ западныхъ враговъ: католиковъ и уніатовъ. Славную память оставила по себѣ въ Западной и Юго-Западной Руси борьба святоименныхъ братствъ и доблестныхъ малоросійскихъ казаковъ.

И противъ какихъ бы враговъ ни приходилось бороться, несмотря на всѣ трудности, русскіе люди стояли въ православіи, по древнему выраженію, «крѣпко и неподвижно», «стоятельно и непреложно».

Христіанское одушевленіе и религіозное рвеніе русскихъ подвижниковъ и благочестивыхъ людей было въ тѣ вѣка такъ велико, что не могло ограничиться только распространеніемъ вѣры въ своемъ народѣ и ея обороной. Со временемъ, когда православіе укрѣпилось на Руси и вмѣстѣ стала расти государственная мощь Московской державы, ея сыны стали думать о просвѣщеніи христіанствомъ иныхъ нерусскихъ народовъ... Въ дремучіе лѣса и непроходимыя дебри, въ топучія болота и высокія горы, гдѣ встрѣчались еще идолопоклонники, мужественно отправлялись монахи и пустынники уговаривать язычниковъ, чтобы они кумирамъ не служили, «болванамъ» не молились по древнему обычаю и тризнъ не творили идоламъ, а преклонили бы свой слухъ къ истинному православному ученію.

Самымъ знаменитымъ среди такихъ подвижниковъ былъ св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ и изобрѣтатель ихъ азбуки. Онъ совмѣщалъ въ себѣ великую ученость съ большой самоотверженностью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ уничтожилъ обоготворявшуюся березу, ему грозила опасность смерти. Въ другомъ мѣстѣ, его хотѣли сжечь: уже наложили дровяной костеръ, самого исповѣдника окутали смолой, оставалось только запалить все зажженною лучиной. Однако, видя его смиреніе и безстрашіе, зыряне не рѣшились на этотъ

послѣдній шагъ. Они даже заколебались въ своей враждѣ къ нему и нѣкоторые изъ нихъ начали просить его проповѣдать имъ о Христѣ.

Послѣ того, какъ св. Стефанъ обратилъ «старую» Пермь, обращеніе остальной Перми («великой») продолжалось его преемниками.

Епископъ Пермскій Питиримъ сумѣлъ обратить въ православіе племя Вогуличей, кочевавшихъ по притокамъ Печеры. Этого не могъ простить ему князь Вогуличей — Асыкъ. Онъ искалъ случая учинить мщеніе. Однажды, когда епископъ Питиримъ, совместно съ обитателями города Усть-Выми, совершалъ крестный ходъ, Асыкъ внезапно напалъ на безоружную толпу; богомольцы въ страхъ разбѣжались, а святитель былъ замученъ и убитъ язычниками.

На далекій сѣверъ, къ берегамъ Студенаго, Ледовитаго океана свѣтъ Христова ученія занесли дикимъ лопарямъ преподобные Θεодоритъ и Трифонъ. Θεодоритъ изъ Соловецкаго монастыря отправился на Мурманское побережье, и рѣкою Колою взошелъ въглубь страны. Онъ поднялся на высокія горы и устроилъ свое мѣстожителство въ дебряхъ пустынныхъ лѣсовъ. Тамъ прожилъ онъ долго съ другимъ пустынникомъ Митрофаномъ, питаясь суровыми плодами скупой сѣверной природы. Послѣ временнаго удаленія изъ страны онъ опять въ нее возвращался. Обѣзжая по трудно проходимымъ пустынямъ лопарскія избы-тупы, вѣжи, шалаши и походныя куваксы, Θεодоритъ не устанно старался просвѣтитъ «лопъ» евангельскою проповѣдью.

Еще болѣе удивительна дѣятельность другого просвѣтителя лопарей — преп. Трифона. Онъ первое время своей проповѣди встрѣчалъ съ ихъ стороны сильное сопротивленіе. Ихъ жрецы-Кебуны вступили съ нимъ въ пренія. Чтобы понудить его удалиться отъ нихъ, лопари много разъ избивали его и съ угрозами обѣщались убить его; неоднократно даже приходили съ намѣреніемъ исполнить свое обѣщаніе. Скрываясь отъ преслѣдованія, онъ удалялся въ горы и ущелья, но потомъ опять возвращался, чтобы снова проповѣдывать.

Множество и другихъ исповѣдниковъ и поборниковъ православія сѣяло сѣмена среди сосѣднихъ съ Русью народовъ.

Иногда апостольское дѣло творили цѣлые монастыри, преодолевая многія препятствія. Этимъ особенно замѣчателенъ напр., Соловецкій монастырь, занимавшійся обращеніемъ къ христіанству разныхъ финскихъ племенъ. Сосѣдніе корелы первоначально отнеслись непріязненно къ черноризцамъ и хотѣли ихъ вытѣснить съ Соловецкаго острова, и лишь постепенно иноки завоевали ихъ сердца...

Такъ *сильная воля*, выдержка, самоотверженная и неуклонная *вѣра въ правоту своихъ убѣжденій*, содѣйствовали постепенному распространенію Православія, а вмѣстѣ съ нимъ

и русской культуры, среди многих народов Восточной Европы и Сибири. Если первоначально на ихъ пространствахъ, среди моря иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, христіане составляли ничтожную кучку, то постепенно, усиленіями многихъ подвижниковъ они оказались здѣсь въ большинствѣ, подавляющемъ своей численностью.

И эта свѣтлая побѣда Православія надъ язычествомъ ясно свидѣтельствуетъ, что русскій народъ въ теченіе вѣковъ умѣлъ выдѣлять изъ себя великановъ воли и духа, до смерти преданныхъ нагорному міру; умѣлъ побуждать многіе народы не только силою оружія, но и твердостью *убѣжденій и превосходствомъ своего духа и своей культуры*, растворяя ихъ въ своихъ мощныхъ нѣдрахъ, какъ неудержимая, всеильная стихія.

М. В. Шахматовъ.

РУССКІЙ ПРОСТОРЪ.

При всей условности противоположенія Россіи и Европы, какъ двухъ различныхъ міровъ, въ одномъ отношеніи противоположеніе это совершенно основательно. Между «русскимъ просторомъ» и «балканизированной Европой» подлинно лежитъ мировая грань.

Въ Европѣ, обогащенной послѣдними мирными договорами, — 11 000 километровъ новыхъ границъ, 24 суверенныхъ государства, независимо другъ отъ друга творящихъ свою волю (островная Англія — не въ счетъ), 24 таможенныхъ стѣны, порою очень высокихъ, 24 политическихъ и экономическихъ партикуляризма на пространствахъ около 4 милліоновъ квадр. километровъ. Соотвѣтственно жизнь и творчество европейскихъ народовъ замкнуты въ болѣе или менѣе тѣсныя клѣтки, тщательнѣйшимъ образомъ отдѣленные другъ отъ друга паспортами, визами, таможенными тарифами и запретами, контингентами и свидѣтельствами о происхожденіи, — въ свою очередь добросовѣстнѣйшимъ образомъ провѣряемыми цѣлой арміей различно одѣтыхъ полицейскихъ и таможенныхъ чиновниковъ. И хотя обмѣнъ людьми за послѣдніе годы снова значительно облегченъ, все же для свободнаго хозяйствованія безконечное число пограничныхъ рогатокъ все еще служить весьма серьезной помѣхой, лежащей въ видѣ накладныхъ расходовъ, тяжелымъ бременемъ и на потребителя, и на производителя.

Напротивъ, русскій просторъ трудно уложить въ какія-либо клѣточки. Всею своею многовѣковою исторіей Россія показала свое отвращеніе къ государственной черезполосицѣ и всенародную подсознательную тягу къ расширенію рамокъ для государственнаго творчества. И этотъ просторъ, по которому тоскуютъ,

которымъ болѣютъ не только оторванные отъ родины русскіе, но даже долго жившіе въ Россіи иностранцы, — является великою реальною цѣнностью.

Русскій просторъ есть прежде всего явленіе географическое, поскольку безбрежная равнина оказалась пространствомъ, отведеннымъ въ удѣлъ восточнымъ славянамъ. Но если правильно, что географія предопредѣлила русскую исторію, какъ ни у одной другой страны, то съ еще большимъ пожалуй правомъ можно сказать наоборотъ: русская исторія создала русскую географію. Ибо мы уже знаемъ, какихъ безчисленныхъ трудовъ потребовало освоеніе часто негостепріимныхъ пространствъ; какихъ потоковъ крови стоило русскому народу закрѣпленіе государственныхъ рубежей тамъ, гдѣ это было наиболѣе необходимо для хозяйственной безопасности и политической независимости *). Отсюда двойственное значеніе «русскаго простора»: какъ географически данной возможности, и какъ историческаго достиженія, закрѣпившаго эту возможность. Отсюда же и двоякая его расцѣпка: въ прошломъ и въ настоящемъ.

По началу этотъ безпредѣльный просторъ казался не вожделѣннымъ и благодатнымъ, а вынужденнымъ, навязаннымъ, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже роковымъ для русскаго народа. И лишь тогда, когда безлюдье и бездушье пустырей понемногу наполнилось жизнью и культурой, — пространственная огромность Россійской Имперіи стала сама по себѣ положительнымъ факторомъ.

Россійское разселеніе по великой европейско-азиатской низменности часто сравниваютъ съ разлитіемъ жидкости, катящейся во всѣ стороны, пока на пути ея не встрѣтятся непреодолимые препятствія. Говорятъ также о русскомъ морѣ, разлившемся по безбрежной сухопутной равнинѣ. И то и другое сравненіе однако далеко не охватываетъ всей сложности многообразныхъ процессовъ, вызванныхъ основнымъ явленіемъ русской исторіи: *самоопредѣленіемъ въ пространствахъ или внутренней колонизаціей*.

Разливаясь на подобіе жидкости, русская колонизаціонная волна встрѣчала на своемъ пути множество другихъ народностей и входила съ ними въ весьма разнообразныя взаимоотношенія. Но наряду съ этимъ основнымъ стремленіемъ на востокъ, на сѣверъ или на югъ, несоотвѣтствіе между охваченнымъ пространствомъ и численностью колонизирующаго ядра создавало въ предѣлахъ уже заселенной площади постоянныя передвиженія отдѣльныхъ группъ и лицъ съ мѣста на мѣсто. Долгое время, пока плотность населенія не достигла извѣстной высоты, пока не были прочно прибраны къ рукамъ всѣ болѣе или менѣе привлекательныя по своимъ свойствамъ и по своей безопасности

*) См. мои статьи: «Войны Россіи», «Русскій Колоколъ», № 3 и «Русская колонизація», «Русскій Колоколъ», № 5.

мѣста, русское населеніе, даже уже ставшее земледѣльческимъ, оставалось все же полу-осѣдлымъ. Кочевали долгое время князья, передвигаясь изъ удѣла въ удѣлъ. За ними слѣдомъ кочевали ихъ дружины и служилые люди. Кочеваль и земледѣлецъ, долго не привязывавшійся къ разъ занятому участку земли и легко переходившій на другіе. Отсюда уже упоминавшіяся мѣры по закрѣпленію, закрѣпощенію крестьянъ, отсюда русская «крѣпостная зависимость», которая, однако, была не въ силахъ совершенно пріостановить, а только ввела въ извѣстныя рамки процессъ безконечнаго и непрерывнаго самораспредѣленія-передвиженія, происходившаго по русской поговоркѣ: — «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше». Искатели лучшей доли стали бѣжать отъ надвигавшагося крѣпостнаго закрѣпленія еще дальше: на сѣверъ — въ *лѣса*, на востокъ — въ *Сибирь* и на югъ — въ *степь*.

Вся русская исторія есть многовѣковое, непрерывное движеніе на огромномъ пространствѣ. А такъ какъ оно не только шло по поверхности, но и создавало подпочвенныя волны взаимныхъ отталкиваній, притяженій, сліяній и разрывовъ среди тѣхъ массъ, группъ и отдѣльныхъ лицъ, какія оказывались въ него вовлечены, то движеніе это являлось въ то же время многосложнымъ внутреннимъ процессомъ. Одинъ вдумчивый иностранецъ, познакомившись съ Россіей, сказалъ по этому поводу: — «Россія есть процессъ. Россія представляетъ собой одинъ огромный процессъ эволюціи».

Да, Россія есть движеніе. Историческое движеніе милліоновъ, ищущихъ «гдѣ лучше» на протяженіи десятка вѣковъ. Въ этомъ движеніи житель сѣвера нерѣдко попадалъ на югъ, а обитатель западной Россіи на далекій востокъ, причемъ каждый переносилъ съ собой на новую почву и въ новыя условія прежніе навыки и привычки. Въ этомъ движеніи восточный славянинъ сталкивался и сливался съ финномъ, татаринѣмъ, латышемъ, полякомъ, литовцемъ, грузиномъ, башкиромъ и пр. И отъ столкновенія ихъ происходилъ каждый разъ какой-то неуловимый въ отдѣльности, но несомнѣнно существенный, внутренний сдвигъ. Такимъ образомъ, не только на поверхности, но и въ глубинѣ образовывались волны различныхъ почвенныхъ, климатическихъ, племенныхъ и хозяйственныхъ воздѣйствій. И если это происходило у каждаго народа *впредь до осѣданія на занятой территоріи*, то у совокупности народностей, образовавшихъ Россійскую Имперію и еще окончательно не осѣвшихъ, эти процессы растяннулись на много вѣковъ и *до сихъ поръ еще не закончились*. Россія все еще — движеніе.

Движеніе это напоминаетъ какой-то сложный химическій процессъ въ огромной ретортѣ, въ которую постепенно то подкладываютъ новыя вещества, то повышаютъ температуру. Въ нормальныхъ условіяхъ трудно уловить въ немъ передвиженіе

отдѣльныхъ частицъ. Но, благодаря потрясеніямъ, внесеннымъ революціей, мы въ состояніи замѣтить ихъ даже невооруженнымъ глазомъ современника. Принято, напримѣръ, говорить о совершившемся во время революціи «соціальномъ землетрясеніи» въ Россіи. Съ такимъ же основаніемъ можно говорить о стихійныхъ національныхъ сдвигахъ и даже о чисто механическихъ стихійныхъ передвиженіяхъ изъ губерніи въ губернію, какъ было подъ вліяніемъ голода въ 1921 г., когда населеніе отхлынуло отъ голодающаго Поволжья.

Въ обычное время, когда сложный русскій процессъ проходилъ какъ бы невидимымъ, онъ медленно, но неуклонно создавалъ какія-то органическія сцѣпленія, и только теперь, попавъ въ полосу кипѣнія и взрывовъ, онъ влечетъ за собой явленія бурнаго разложенія, изъ которыхъ со временемъ, несомнѣнно произойдутъ новыя соединенія. Отсюда первое и главное свойство русскаго простора, російской пространственности: она способствовала въ прошломъ созданію множества порою невидимыхъ (какъ химическія соединенія, образующія воздухъ) органическихъ сцѣпленій и связей: связей племенныхъ, духовныхъ и хозяйственныхъ.

Другое свойство, порождающее какъ бы «отраву» русскимъ просторомъ (отмѣчаемую нынѣ у многихъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи), заключается въ томъ, что само пространство, какъ возможность, какъ точка приложенія для творческихъ силъ населенія, породило благодаря необъятности своей знаменитыя русскія «неограниченныя возможности». «Балканизація» создаетъ опредѣленныя, иногда довольно тѣсныя грани для приложенія предприимчивости. За этими гранями — барьерами — начинаются другія условія, другой бытъ, особыя мѣры по охранѣ отъ иностранной конкуренціи, особые законы и формальности. При балканизаціи всѣ возможности становятся ограниченными, заранѣе точно взвѣшенными и для хозяйственнаго соревнованія остается сравнительно незначительное поле. Наоборотъ, въ Россіи, при ничѣмъ не разграниченной огромности площади, создаются въ полномъ смыслѣ слова неограниченныя возможности для приложенія силъ. Дальше мы увидимъ, какъ это сказывается въ области хозяйственной географіи. Здѣсь же необходимо лишь отмѣтить въ общей формѣ *матеріальную выгоду* и *духовную привлекательность* такой свободы выбора для приложенія самыхъ разнообразныхъ силъ и способностей, создающихъ представленіе о манящемъ русскомъ привольѣ. Всякій предприимчивый и толковый иностранецъ, прилагая въ Россіи такое же усиліе, какъ у себя на родинѣ, получалъ во много разъ большую выгоду и нравственное удовлетвореніе. Неограниченныя возможности приносили въ случаѣ ихъ маломальски умѣлаго использованія далеко выходящую за обычныя европейскія рамки пользу. Такъ пространство, русскій просторъ, становился *факторомъ благополучія*.

Правда, наступило это далеко не сразу: пока пространство оставалось незаполненнымъ и неосвоеннымъ, оно являлось *угрозой, источникомъ слабости и беззащитности* — отъ лихого человека и хищнаго звѣря, отъ неожиданнаго и невѣдомаго набѣга или одиночнаго нападенія. И до сихъ поръ еще житель безконечныхъ равнинъ оказывается незащищеннымъ отъ природы и въ частности отъ вѣтровъ, которые, дуя почти безъ помѣхъ отъ Архангельска до Крыма и отъ Самарканда почти до Карпатъ, нерѣдко разбиваютъ всѣ его хозяйственные расчеты. Такъ знойная, засушливая мга, проникающая изъ средне-азиатскихъ пустынь до Поволжья, является постоянной угрозой русскому земледѣлю. Въ этомъ отношеніи естественныя горныя преграды, задерживая зной и ледяные вѣтры, куда болѣе благоприятствуютъ производительному труду въ Средней Европѣ.

Но эта же пространственная ширь, будучи такъ или иначе преодолѣна и освоена русскимъ человекомъ, будучи связана путями сообщенія, привела съ теченіемъ времени къ тому, что Россія заполнившая свою равнину, оказалась чисто географически «единой и недѣлимой». Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ, сколько нибудь рѣзко очерченнымъ гранямъ, можно было бы намѣтить естественныя «территоріальныя линіи раздѣла» Россіи? — По бассейнамъ рѣкъ, водораздѣламъ? Но при равнинности и слабомъ паденіи рѣкъ текущихъ нерѣдко въ расходящихся направленіяхъ, признакъ этотъ для Россіи недостаточно отчетливъ. По растительности (лѣсъ-степь) дѣленіе было бы еще условнѣе. Такая естественная *природная недѣлимость*, вытекающая изъ равнинности Россіи, и является главной основой *органическаго сцѣпленія* ея отдѣльныхъ частей. Ибо, при тѣсной взаимозависимости между этнографіей и географіей, народы и народцы, вошедшіе въ составъ Россійской Имперіи, ничѣмъ другъ отъ друга не отдѣленные, должны были войти между собой въ *болѣе тѣсное общеніе*, чѣмъ раздѣленные морями и горами жители Европы.

Однимъ изъ основныхъ законовъ біологіи является измѣненіе животныхъ видовъ въ силу приспособленія къ различной обстановкѣ и средѣ. И вотъ, трудно найти болѣе непрерывную площадь распространенія, чѣмъ Россійскія равнины и особенно южныя степи. Естественно, что если на нихъ водится множество подвидовъ *животныхъ*, то еще болѣе велико, — въ силу большей чувствительности къ средѣ, — количество этническихъ подвидовъ и у обитающихъ тамъ *двуногихъ людей*. Другими словами, при болѣе или менѣе сплошномъ заселеніи и при постоянномъ общеніи населенія дѣйствіе русскаго просторавнинности должно было постепенно и неизмѣнно сказаться въ *сглаженіи племенныхъ обособленностей и устраненіи рѣзкихъ отличій*. И если трудно раздѣлить Россію на рѣзко обособленные *географическіе* районы, — то еще пожалуй труднѣе распредѣлить по какимъ либо кучкамъ, рѣзко отличнымъ

и обособленнымъ, разнообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ сливающееся *населеніе* Россійскихъ равнинъ. Напротивъ, въ гористой Швейцаріи, — всякій внимательный путешественникъ навѣрное обращалъ на это вниманіе, — сплошь и рядомъ у входа въ туннель приходится видѣть одинъ людскій типъ, слышать одинъ говоръ, а у выхода, на разстояніи немногихъ верстъ, совершенно чуждый первому.

Если непогожіе вѣтры-вредители всюду проникаютъ безъ помѣхъ, то и для *духовныхъ теченій* Россійскій просторъ служилъ проводникомъ, облегчавшимъ органическіе процессы племенныхъ сближеній. Русскій колонизаціонный потокъ разливался по равнинамъ точно потокъ какой то жизненной лавы, которую ничто не могло остановить до тѣхъ поръ, пока она не докатилась до Тихаго океана и горныхъ хребтовъ по Китайской границѣ. Естественно, что встрѣченныя имъ на своемъ пути народности, находившіяся къ тому же на низшей ступени развитія, не могли противостоятъ этому длительно-упорному натиску и отстоять свою племенную независимость. Въ большей или меньшей степени онѣ оказались или *поглощенными* русской стихіей или ею *пропитанными*, оставивъ въ то же время свой слѣдъ въ образованіи сложнаго «русскаго типа»^{*)}). Поскольку, слѣдовательно, рѣчь идетъ о народахъ, встрѣченныхъ русской колонизаціей на своемъ пути, можно сказать, что географическая цѣльность Россіи способствовала и параллельному установленію *органической племенной связанности*. Въ самомъ дѣлѣ, кто сможетъ сейчасъ провести рѣзкія племенные грани между широководной рѣкой русской народности и тѣми различными племенными притоками, изъ которыхъ она образовалась? Кто дастъ точный племенной анализъ «русскаго типа», впитавшаго въ себя множество инородныхъ элементовъ отъ скандинавовъ-германцевъ до монголовъ-татаръ? А если такъ, то можно ли сомнѣваться въ *органичности* процессовъ, вызванныхъ къ жизни великимъ Россійскимъ расселеніемъ — основнымъ фактомъ нашей исторіи?

Итакъ русскій просторъ, — равнинность, — чисто біологически способствовала *племенной спайкѣ* различныхъ народностей, волею судебъ вовлеченныхъ въ русскій водоворотъ. Стойкость же русскаго національнаго самосознанія, обнаруживаясь еще на зарѣ нашей исторіи (лучшій примѣръ: привязанность къ русскости отдѣленной отъ основнаго ядра около десяти столѣтій Угорской Руси), — способствовала установленію, наряду со стихійными, подсознательными сцѣпленіями,

^{*)} Каждое финское или монгольское племя, поглощаясь русскою народностью, какъ бы распускалось, таяло въ ней и такое претвореніе азіатскаго элемента и составляло цѣнное приобрѣтеніе для великой семьи европейскихъ народовъ». (Проф. Шмурло, «Введеніе въ русскую исторію», стр. 138).

также *волевымъ, сознательнымъ* объединеній оторванныхъ было другъ отъ друга вѣтвей единого русскаго народа.

Такъ понемногу заполнялись Россійскія пространства живой творящей силой и, заполняясь ею, постепенно оживали. Процессъ этотъ происходилъ медленно, ибо запасы русской живой силы совершенно не соотвѣтствовали огромности тѣхъ площадей, какія они были призваны заполнить. Россія и понынѣ остается страной очень рѣдкаго населенія*). Понынѣ остается еще множество незаполненныхъ пространствъ, ждущихъ своихъ колонистовъ; множество возможностей, еще неиспользованныхъ за отсутствіемъ живой силы. Но все же давно изжито время, когда пустынность безпредѣльнаго русскаго простора являлась угрозой, опасностью, источникомъ слабости. Съ оживленіемъ пустырей русская огромность сама по себѣ, даже независимо отъ природныхъ богатствъ въ ней сокрытыхъ, стала силой, о которую разбились враги Россіи.

Соотвѣтственно манящій и чарующій русскій просторъ, исторически сыгравшій столь важную роль при формированіи національнаго ядра, — сталъ источникомъ и основой *безопасности* для государства Россійскаго.

Б. А. Никольскій.

Ж е н е в а.

*) Плотность населенія въ Россійской Имперіи наканунѣ революціи (1916 г.) составляла въ среднемъ на 1 кв. версту 9,5 человѣкъ. (Европейская Россія—31,0; Сибирь—0,9; Средняя Азія—3,6). Ниже Россіи стояла только Норвегія съ 8,1 чел. на квадр. килом., въ то время какъ въ Германіи насчитывалось 127,7; въ Англіи—157,9 и Бельгіи—273,1 чел. на квадр. километръ.

I. КТО ПРАВИТЬ ВЪ РОССИИ?

Въ Россіи правятъ коммунисты. Что это за люди? Каковъ ихъ умственный и нравственный уровень? Понимаютъ ли они, что они творятъ? Имѣется ли у нихъ хотя бы элементарное чувство отвѣтственности? И, если нѣтъ, то чего же можно ждать отъ нихъ? — Будетъ справедливѣе всего, если мы представимъ *самимъ коммунистамъ* отвѣтить на эти вопросы, не упуская, конечно, изъ вида, что тѣ нравственные и умственные мѣрила, которыя они прилагаютъ къ себѣ и къ своимъ сторонникамъ очень невысоки и соотвѣтствуютъ природѣ ихъ души и ихъ дѣла. Это есть судъ *своихъ* надъ *своими*. Дѣйствительность можетъ быть только *хуже* отзывовъ.

Вотъ отзывы Ленина за послѣдніе годы его вмѣняемости (1921—1923) *).

Коммунисты захватили власть въ Россіи, совершенно не подготовленные ни къ государственному управленію, ни къ веденію хозяйства. Это были подпольные «интеллигенты», «старые нелегалыщики», «коммунистическіе литераторы» и «профессиональные журналисты» (Ленинъ. Сочиненія, томъ XVIII, часть I, стр. 56, 82), привыкшіе разговаривать, писать партійныя статьи и сидѣть по тюрьмамъ. «Насъ въ тюрьмахъ торговать не учили! А воевать насъ въ тюрьмахъ учили? А государствомъ управлять въ тюрьмахъ учили? А примирять различные наркоматы и согласовать ихъ дѣятельность?.. Нигдѣ насъ этому не учили» (томъ XVIII, ч. I, стр. 4). Отсюда всеобщее, повальное неумѣніе вести дѣла. «Отвѣтственные коммунисты въ 99 случаяхъ изъ 100 не на то приставлены, къ чему они сейчасъ пригодны, *не умѣютъ вести свое дѣло* и должны сейчасъ учиться» (XVIII, ч. II, стр. 53). Необходимо «воспитаніе насъ самихъ» къ «изученію практическаго опыта», къ «дѣловой провѣркѣ» и «дѣловитому исправленію» (XVIII, ч. I, стр. 56). «Буржуазные дѣятели знаютъ дѣло *лучше, чѣмъ наши лучшіе коммунисты*, имѣющіе всю власть, всѣ возможности и *ни одного шага не умѣющіе дѣлать со своими правами и со своей властью*» (XVIII, ч. II, стр. 40). Именно поэтому буржуазные спецы могутъ дурачить коммунистовъ: «если сколько-нибудь опытный саботажникъ встанетъ около того или иного коммуниста или у обоихъ по очереди и поддержитъ ихъ — тогда конецъ. Дѣло погибло навсегда» (XVIII, ч. II, стр. 45). Поэтому, «*построить коммунистическое общество руками коммунистовъ — это ребячья, совершенно ребячья идея*»; «управлять хозяйствомъ мы сможемъ тогда, если коммунисты сумѣ-

*) Отзывы приводятся дословно; совѣтское «правописаніе» исправлено; курсивы внесены нами. Редакція.

ють построить это хозяйство *чужими руками*, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому хотят» (там же, стр. 41). Способность коммунистов путать, мучать, развращать и убивать людей общеизвестна; но управлять и хозяйствовать они не умеют. «Что такое наши заседания и комиссии? Это очень часто игра» (там же, стр. 15); «у нас направо и налево махають приказами и декретами и выходить совсѣмъ не то, чего хотят» (там же, стр. 40); надо «поменьше играть въ администрирование» (XVIII, ч. I, стр. 87) и «научиться бороться съ волокитой» (ч. II, стр. 15); ибо «волоки́та и взятки» это «такая болячка, которую никакими военными побѣдами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылѣчить» (XVIII, ч. I, стр. 383). Также обстоит дѣло и въ веденіи хозяйства: «мы доказали съ полною ясностью, что хозяйничать мы не умѣемъ»; «отвѣтственные и лучшіе коммунисты — хуже рядового капиталистическаго приказчика» (часть II, стр. 28—29); «у всѣхъ работниковъ партіи и профсоюзовъ достаточнаго производственнаго воспитанія нѣтъ» (там же, стр. 56); «на хозяйственной работѣ нужно... известное скопидомство; а вотъ скопидомничать-то мы еще не научились» (там же, стр. 94); коммунисты «не заботятся о томъ, чтобы сберечь копѣйку, которая имъ дана..., а составляютъ планы на милліарды и даже трилліоны совѣтскіе» (ч. II, стр. 16); «у насъ живую работу замѣняютъ интеллигентскимъ и бюрократическимъ прожектерствомъ» (ч. I, стр. 86); «до какой степени мы (въ торговлѣ) дьявольски неповоротливы, мѣшковаты!» (ч. II, стр. 36); «а купцы надъ коммунистами смѣются — раньше были главноуговаривающіе, а теперь главноразговаривающіе» (там же, стр. 37).

Въ основѣ всего этого, по мнѣнію Ленина, лежитъ личная непорядочность и массовая некультурность коммунистовъ. «Чтобы вылѣзти изъ отчаянной нужды и нищеты, для этого надо быть обдуманнѣмъ, культурнѣмъ, порядочнѣмъ», а этого коммунисты «не умѣютъ» (ч. II, стр. 45). «Въ чемъ наша сила и чего намъ не хватаетъ?.. Не хватаетъ культурности тому слою коммунистовъ, который управляетъ» (там же, стр. 39, 44, 17); «если взять Москву — 4 700 отвѣтственныхъ коммунистовъ — не оказались ли (они) подчиненными чужой культурѣ, какъ побѣжденный свою культуру навязываетъ завоевателю?»*) Правда, «культура у побѣжденныхъ мизерная, ничтожная, но все же она больше, чѣмъ у насъ, какъ она ни жалка, ни мизерна, но она больше, чѣмъ у нашихъ отвѣтственныхъ работниковъ-коммунистовъ» (ч. II, стр. 39—40). «Образование въ нашей странѣ минимальное», восклицаетъ Ленинъ

*) Подъ «чужой культурой» «культурой побѣжденныхъ» Ленинъ разумѣетъ русскую, національную, дореволюционную культуру; «побѣдители» и «завоеватели» суть коммунисты.

(ч. II, стр. 90), «намъ необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное» (тамъ же, стр. 93). «Мы люди вродѣ того, какъ бы полудикіе» (ч. I, стр. 382). И затѣмъ, приведя, тономъ неслыханнаго открытія, общеизвѣстную статистику низкой грамотности въ Россіи, Ленинъ заключаетъ: «а мы болтали о пролетарской культурѣ»... (тамъ же, стр. 105).

При этомъ низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ коммунисты отличаются крайне повышеннымъ самочувствіемъ: Ленинъ не разъ отмѣчаетъ, «невѣжественное самомнѣніе» коммунистическихъ «сановниковъ», «интеллигентское самомнѣніе коммунистическихъ литераторовъ», ихъ пристрастіе къ «мишурѣ, торжественному коммунистическому облаченію», ихъ «коммунистическое чванство» (XVIII, ч. I, стр. 82, 384, ч. II, стр. 37). При всемъ томъ Ленинъ подчеркиваетъ, что хотя среди коммунистовъ и имѣется множество «мазуриковъ, обюрократившихся, нечестныхъ, нетвердыхъ», такихъ, «которые внушаютъ отвращеніе человѣку, въ потѣ лица снискивающему себѣ хлѣбъ» (ч. I, стр. 360—361) и хотя число таковыхъ измѣняется сотнями тысячъ (ч. I, стр. 383), все же въ общемъ, это «лучшіе представители пролетаріата теперь управляютъ Россіей» (тамъ же, стр. 356); такимъ образомъ, все, что приведено выше, характеризуетъ именно *лучшихъ*.

Понятно, что основная затѣя коммунистовъ: передать всю политическую, хозяйственную, культурную и общественную жизнь страны въ вѣдѣніе диктаторски настроенныхъ чиновниковъ — затѣя противоестественная и нелѣпая сама по себѣ — получаетъ особенно нелѣпый и гибельный характеръ вслѣдствіе такого *качества* партійно-человѣческаго матеріала. Въ своихъ трехъ предсмертныхъ рѣчахъ *) Дзержинскій особенно ярко охарактеризовалъ вырастающій изъ всего этого бюрократизмъ, безхозяйственность и мертвящую механичность коммунистическаго управленія.

Протоколы коммунистическихъ съѣздовъ, газеты и журналы, мемуары и письма самихъ коммунистовъ всецѣло подтверждаютъ оцѣнку, данную Ленинымъ и Дзержинскимъ.

Коммунисты необразованы, малограмотны, некультурны. «Общій теоретическій уровень этой основной массы членовъ нашей партіи чрезвычайно низокъ» (Зеленскій. Стенограмма XI съѣзда Ком. Партіи, стр. 361, 397; Рязановъ, XIV, 691 **);

*) Въ іюль 1926 года. Ихъ можно получить въ отдѣльномъ изданіи за 20 совѣтскихъ копѣекъ.

**) Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ фамилія обозначаетъ цитируемаго оратора; римская цифра обозначаетъ съѣзды коммунистической партіи; арабская цифра — страницу стенографическаго отчета. Время созыва этихъ съѣздовъ: XI — мартъ, апрѣль 1922 г.; XII — апрѣль 1923 г.; XIII — май 1924 г.; XIV — декабрь 1925 г.; XV — декабрь 1927 г.; XVI — долженъ былъ быть созванъ въ 1929 г., но былъ отложенъ.

таковъ же «уровень *политической* подготовки» (Резолюція XI съѣзда, стр. 525). «Товарищи не знаютъ азбуки коммунизма» (Зиновьевъ, XI, 363); но это еще полъ бѣды: среди нихъ множество просто безграмотныхъ, что Троцкій приравниваетъ «духовной вшивости» (XI, 262). Количество *политически* неграмотныхъ коммунистовъ исчисляется въ 50—70% всего партійнаго состава (Ногинъ, XII, 69; Сталинъ XIII, 125, 132; Гнунтенко XIII, 194); у комсомольцевъ до 67% (Бухаринъ, XIII, 549). Количество *совсѣмъ безграмотныхъ* достигаетъ въ деревенскомъ комсомолѣ 80—90% (Бухаринъ, XIV, 823; срв. Зиновьевъ XI, 448); однако, и грамотный комсомоль не учится и «поголовно совершенно ничего не читаетъ» (Бухаринъ, XIII, 549).

Плохо обстоитъ дѣло и на верхахъ партіи. На партійныхъ съѣздахъ, гдѣ присутствуетъ обычно весь партійный верхъ (1000—1500 человѣкъ), преобладаетъ масса съ низшимъ образованіемъ: напр., на XIII съѣздѣ было 66,8% делегатовъ съ низшимъ образованіемъ; 17,9% со среднимъ; 6,5% съ высшимъ (Кагановичъ, XIII, 558). При этомъ делегаты, конечно, были склонны преувеличивать, а не преуменьшать свой стажъ. Отсюда понятны эти вѣчныя жалобы на «катастрофическій недостатокъ квалифицированныхъ силъ» (Резолюція XIII, 715; срв. Курскій, XIV, 92 и др.); ибо «для того, чтобы руководить той или другой губерніей, величиной почти въ цѣлую европейскую страну, тутъ нужны крупныя силы, крупныя руководители» (Зиновьевъ, XIV, 461), а гдѣ ихъ взять?.. когда даже въ рабочемъ профессиональномъ движеніи коммунистическіе организаторы «смыслятъ меньше, чѣмъ нѣкоторое животное въ тѣхъ апельсинахъ, которыхъ такъ мало въ совѣтской Россіи» (Рязановъ, XI, 234). Поистинѣ, «нужна высокая квалифікація для того, чтобы руководить милліонами» (Бухаринъ, XIV, 821), а у коммунистовъ, съ самаго начала лишенныхъ «культурныхъ и техническихъ силъ» (Орджоникидзе, XV, 396), уровень все падаетъ и падаетъ, ибо старшее поколѣніе, чему-то съ грѣхомъ пополамъ учившееся въ дореволюціонной Россіи, сходитъ со сцены, а комсомольская «смѣна» растетъ невѣжественная и карьеристически настроенная: «скорѣе получить мѣсто», «быть забронированной», получить «цѣлый рядъ добавочныхъ развлеченій», — вотъ ихъ желанія (Бухаринъ, XIII, 549). И Крупская-Ленина несомнѣнно права, утверждая, что «отъ вступленія въ комсомоль паренъ не дѣлается всевѣдущимъ» (XIII, 486). Вотъ почему «укрѣплять теоретическій уровень» въ партіи некому (Зеленскій, XI, 398); вотъ почему «коммунисты, работающіе въ нашихъ учрежденіяхъ» «никоимъ образомъ» «не могутъ пользоваться авторитетомъ среди рабочихъ», «они не могутъ быть руководителями и поднимать обще-культурный уровень нашихъ ячеекъ» (Зеленскій, XI, 399); вотъ откуда эти безграмотные приказы, идущіе

щіе изъ сталинскаго секретаріата центральнаго комитета партіи (Ногинъ, XI, 60); отсюда же и безграмотность въ совѣтской прессѣ (Яковлевъ, XI, 376). Таковы же и самые видные коммунисты, за исключеніемъ нѣсколькихъ людей. «Невѣжественные вы люди!» кричитъ Рязановъ Томскому, не вынеся его развязно преподносимыхъ грубыхъ ошибокъ (XIV, 798). Вотъ правая рука Сталина, Орджоникидзе, не умѣющій отличить гражданскаго права отъ уголовнаго (Крыленко XV, 546); вотъ предсѣдатель московскаго совѣта Углановъ ѣдетъ революционизировать Германію, но читать по-нѣмецки не умѣетъ (Углановъ, XV, 722)... Всѣ эти вожди подписываютъ доклады спецовъ и хозяйственниковъ, не читая: «мы не знаемъ, что дѣлаемъ, а знаютъ это другіе и бумаги въ нашихъ портфеляхъ» (Дзержинскій. Рѣчь 9 іюля 1926 г., стр. 34); «наши отвѣтственные работники, въ томъ числѣ и наркомы — слишкомъ много подписываютъ чужого и очень мало вносятъ своего» (Рыковъ, XV, 1044); они говорятъ на съѣздахъ по шпаргалкамъ, которыя наканунѣ выпрашиваютъ у спецовъ, «чтобы нѣсколько ориентироваться» (Кржижановскій, XIII, 417), и, руководя хозяйственными организаціями, они «въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ техническаго образованія», чѣмъ и «вносятъ въ дѣло полную безотвѣтственность» (Рыковъ, XV, 1043).

Моральный уровень коммунистовъ значительно ниже умственнаго. Можетъ ли быть иначе, если при партійныхъ чисткахъ и провѣркахъ за «чуждымъ» «хотя бы и честнымъ» элементомъ «охотятся» «больше, чѣмъ за жуликомъ»? (Шкирятовъ, XI, 334). Это означаетъ, что честныхъ людей терпятъ въ коммунистической партіи лишь постольку, поскольку ихъ душевный уровень позволяетъ имъ быть фанатическими коммунистами. Въ коммунисты соотвѣтственно идутъ или люди духовно и хозяйственно слѣпые, или же безъ совѣсти. «Мы съ вами, товарищи, ребята стрѣляные» (Ларинъ, XII, 101; срв. XIV, 508); «шкуры у насъ дубленныя» (Каменевъ, XIV, 245). Эти люди отличаются «неумѣніемъ работать, чванствомъ, грубостью, хамствомъ, некультурностью» (Вардинъ, XI, 401); обычно это «командиры, диктаторы, стремящіеся создать себѣ карьеру, накопить политическій капиталъ» (Сахатъ-Мурадовъ, XIV, 606); «мы всѣ себя чувствуемъ руководителями, обязательно руководителями, на мелкую работу идти коммунисты не хотятъ» (Афанасьевъ, XV, 442); они изо всѣхъ силъ держатся за свои, взятые съ боя, мѣста (Бѣленькій, XII, 108); и когда передъ XIV съѣздомъ Зиновьевъ имѣлъ неосторожность сказать, что «народная масса въ наши дни мечтаетъ о равенствѣ» (Углановъ, XIV, 194), то коммунисты прежде всего испугались за свои оклады (Калининъ, XIV, 319), квартиры и автомобили (Зиновьевъ, XIV, 443). «Хищенія, злоупотребленія и безхозяйственность» этихъ людей въ «госаппаратѣ» Куйбышевъ не взялся описывать: «вышло бы слишкомъ много» (XIII, 303):

одни обогащаютъ своихъ родственниковъ (Куйбышевъ, XIII, 305), другіе поддерживаютъ связи съ шайками бандитовъ и налетчиковъ (Молотовъ, XV, 1084); бываютъ такіе случаи, что въ центральномъ органѣ, завѣдующемъ внѣшней торговлей «вычищаются» за злоупотребленія *всѣ* коммунисты (Сталинъ, XIII, 121). Они проповѣдуютъ «насчетъ изъятія» церковныхъ цѣнностей, а сами «напяливаютъ на себя», и «цѣпочки» у нихъ «блестятъ» (Кутузовъ, XI, 407). Словомъ, это люди, которые по выраженію Іоффе (записка, написанная передъ самоубійствомъ) — «на все способны» (Ярославскій, XV, 356)...

Вся эта оцѣнка отчетливѣе всего выражена у Красина, ихъ исконнаго сотрудника, кассира и посла. «Болтунами они были и болтунами остались, а когда дѣло шло не о томъ, чтобы произносить рѣчи и промѣять статьями, а что-то создать, эти строгіе вожди мірового пролетаріата только и пригодились на то, чтобы совершенно безъ надобности, бессмысленно и жестоко проливать кровь (своихъ согражданъ)» (письмо отъ 11 іюля 1917 г.). «Такъ велико невѣжество на верхахъ, такъ плохо ведутся дѣла, что теряю всякую надежду» (письмо отъ 21 сентября 1922 г.). «Небольшая группа лошаковъ и идіотовъ уничтожила все, что я сдѣлалъ, точно мальчикъ, смахнувшій всю ткань паука (письмо отъ 8 октября 1922 года). «До октябрьской революціи никто изъ нихъ не былъ извѣстенъ ни какъ выдающійся писатель, ни какъ экономистъ или ученый или что-либо другое въ умственномъ и художественномъ мірѣ» (письмо безъ числа). «Всѣ переживаемыя нами трудности истекаютъ изъ того факта, что компартія состоитъ на 10% изъ убѣжденныхъ идеалистовъ, готовыхъ умереть за ея идеалы, но не способныхъ жить для нихъ, и на 90% изъ подхалимовъ, вступившихъ въ партію только съ цѣлью устроиться» (заявленіе въ центр. комитетъ коммунистической партіи).

Справедливость требуетъ прибавить, что если есть среди коммунистовъ «убѣжденные идеалисты», то убѣжденія ихъ несутъ униженіе и гибель всему человѣчеству, а «идеализмъ» ихъ свирѣпъ и амораленъ. Но бороться за міровую власть они умѣютъ не только на словахъ.

Редакція.

II. ПРАЖСКІЕ РУССКІЕ КУРСЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Русскіе курсы для дѣтей, существующіе въ Прагѣ при Русской Академической Группѣ, возникли въ декабрѣ 1925 года. Ихъ начало не было связано съ какими либо заботами русскихъ организацій, вѣдающихъ образованіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Они были призваны къ жизни сознаніемъ нѣсколькихъ русскихъ женщинъ, сознаніемъ того, что ихъ дѣти *должны быть сохранены для Россіи*, несмотря на все вліяніе — какъ ино-

странной школы, въ которой они учатся, такъ и впечатлѣній отъ жизни другого народа, среди котораго они живутъ. Эти дѣти учились во французской школѣ Праги. Для того, чтобы они остались русскими и по своему родному *языку*, и по своему *сознанію*, по тѣмъ сознательнымъ и бессознательнымъ чувствамъ и мыслямъ, которыя создаютъ національное самоопредѣленіе человѣка, необходимо было дать дѣтямъ знаніе *языка, исторіи и родного быта* Россіи. Нужно было не только дать имъ это знаніе, но и *устроить соответствующую среду*, вліяніе которой сохраняло бы ихъ для родины. Было начато преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, русской исторіи и пѣнія русскихъ пѣсенъ. Велось оно первоначально на частныхъ квартирахъ. Преподаватели несли свой трудъ безвозмездно. Но для бесплатной работы необходимо было, чтобы лица, привлекаемые къ преподаванію, имѣли хотя бы какія нибудь средства существованія, ибо отдавать трудъ бесплатно, могли, конечно, лишь люди, имѣвшіе что ѣсть и во что одѣться. И преподаваніе русскаго языка оказалось невозможнымъ безъ его оплаты. Для нея и для мелкихъ расходовъ родители учащихся обложили себя ежемѣсячными сборами по пяти чешскихъ коронъ*). Учебныя занятія были организованы по типу групповыхъ частныхъ уроковъ. Но число учащихся росло. Въ январѣ ихъ было уже 14. Въ виду этого родители, собравшись 14 февраля 1926 г., рѣшили, что необходимо создать маленькую школу, и возложили завѣдываніе ею на пишущаго настоящія строки. Такимъ образомъ частныя групповыя уроки превратились въ зародышъ маленькаго своеобразнаго учебнаго заведенія, созданнаго родителями. Въ помощь завѣдующему были избраны три матери — для надзора за дѣтьми во время ихъ пребыванія въ школѣ, при чемъ одна изъ нихъ должна была также вести и ея нелегкое, по отсутствію средствъ, хозяйство. Учебныя занятія были перенесены въ комнату для собраній, предоставленную школѣ домомъ, въ которомъ жило большинство семей, посылавшихъ своихъ дѣтей въ школу. Но отопленіе и уборка этой комнаты поглотили всѣ денежныя средства, собираемыя путемъ взносовъ родителей. Преподаваніе русскаго языка оплачивать стало уже нечѣмъ. Положеніе оказалось крайне труднымъ. Помощь, однако, вскорѣ явилась. Министерство Иностранныхъ дѣлъ приняло на себя оплату преподаванія русскаго языка въ школѣ. О другихъ же расходахъ по оплатѣ труда думать было не нужно, ибо всѣ остальные работники школы отдавали ей свой трудъ безвозмездно. Школа уже жила. Интересъ дѣтей къ занятіямъ былъ очень великъ; дѣти во время ихъ *жили душою*, а не отбывали часы уроковъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ во время школьныхъ часовъ. Весною 1926 года организованъ школою ея первый дѣтскій

*) Приблизительно $\frac{1}{7}$ доллара.

праздникъ. Дѣти читали разученныя ими, доступныя имъ стихотворенія и пѣли хоромъ русскія пѣсни. Восторгъ дѣтей былъ большой. Родители были растроганы. У нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ на глазахъ были слезы. Почувствовалось ясно, что начато хорошее русское дѣло, что оно дѣлается по инициативѣ и при участіи самихъ матерей и отцовъ дѣтей, во имя любви къ Родинѣ и къ дѣтямъ, рѣшительно безъ всякой матеріальной заинтересованности.

Но сохранится ли дальше *идеализмъ*, которымъ дѣло было рождено? Безъ него оно жить не могло бы; это было совершенно ясно. Сохранить его во что бы то ни стало — должно было быть теперь основною задачею тѣхъ, кто велъ школу. А между тѣмъ у части работниковъ школы начала появляться усталость. Дѣлаясь привычнымъ, ея дѣло уже не такъ стало привлекать къ себѣ интересъ и родителей. Но это такъ обычно во всѣхъ почти человѣческихъ начинаніяхъ. Очередною задачею людей, ведущихъ школу, становилось теперь — сохранить дѣло передъ лицомъ поднимавшихъ голову его враговъ, т. е. усталости и паденія интереса къ дѣлу, становившемуся привычнымъ. Этотъ трудный періодъ школѣ удалось пережить въ концѣ концовъ благополучно. Онъ былъ не легокъ; однако она роста продолжала. Несмотря на отсутствіе какой либо рекламы свѣдѣнія о ней стали распространяться. Съ просьбами принять дѣтей въ составъ учениковъ начали обращаться къ завѣдующему не только русскіе родители, но и чехи, женатые на русскихъ. Въ то же время стали притекать и небольшія пожертвованія, денежные и учебными пособіями, которыхъ сама школа не имѣла возможности покупать. Число учащихся возрастало. Съ декабря 1927 года были начаты для учащихся чтенія со свѣтовыми картинами; которыя имѣютъ своею задачею знакомить съ Россіей не только устнымъ словомъ и книгой, но и путемъ *зрительныхъ образовъ*, даваемыхъ свѣтовыми картинами. Для перваго такого чтенія волшебный фонарь былъ добытъ бесплатно. Слѣдующія чтенія были устроены уже съ собственнымъ волшебнымъ фонаремъ, на пріобрѣтеніе котораго средства были пожертвованы Надеждою Николаевною Крамаржъ. Программа этихъ чтеній была выработана такая: въ первую очередь познакомить дѣтей съ главными городами и мѣстностями Россіи (при полномъ незнакомствѣ съ Россіей значительной части дѣтей, нѣкоторыя представляютъ ее себѣ только городомъ), а затѣмъ перейти къ ознакомленію съ русскимъ бытомъ. Въ исполненіе этой программы были организованы чтенія: «Москва», «Старинные русскіе храмы», «Петроградъ», «Изъ окрестностей Петрограда черезъ Москву на Волгу», «Кіевъ и Одесса», «Кавказъ и Крымъ», «Русская деревня», «Школа въ Россіи». Намѣчены въ ближайшее время чтенія: «Русская армія», «Русскій монастырь», «Русская фабрика». Предположено также, по мѣрѣ средствъ,

устроить рядъ чтеній-концертовъ, посвященныхъ исторіи *русской музыки*, въ связи съ русскимъ бытомъ. Намѣчены и вечера-чтенія *классическихъ произведеній русской литературы*. Учебная обстановка занятій, конечно, не имѣетъ строго класснаго, обычнаго характера. Она возможно болѣе приближается къ обстановкѣ *домашней*. Являясь школой дополнительной, на посѣщеніе которой дѣти отдають свой послѣбобѣденный досугъ отъ ученія въ основной для нихъ школѣ, при томъ почти не обладая средствами принужденія, курсы для дѣтей должны крайне беречь силы учащихся и обезпечивать успѣшность преподаванія почти исключительно *интересомъ* и *качествомъ* постановки его въ классѣ. Задаваніе уроковъ на домъ возможно только въ исключительныхъ случаяхъ. Это дѣлается главнымъ образомъ по русскому языку. Русская исторія выучивается со словъ преподавателя. Учебники даются лишь для справокъ и чтенія. По Закону Божию уроки задаются крайне рѣдко. Для домашняго чтенія дѣтямъ выдаются книги изъ постепенно растущей библіотеки курсовъ, и учащіеся пользуются ею достаточно широко (до 35-ти книгъ на одного учащагося въ полугодіе). Возрастъ учащихся въ истекшемъ учебномъ году былъ — отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. Мальчики и дѣвочки обучались совмѣстно. Дѣлились они на три группы: старшую, младшую и начинающихъ, изъ которыхъ часть *еще не владѣетъ русскою рѣчью*. Воспитательный надзоръ находится въ рукахъ классныхъ надзирательницъ. Дѣтскіе праздники — елки въ послѣдніе два года устраивались на средства, жертвовавшіяся Н. Н. Крамаржъ. Изъ этихъ средствъ выдавались рождественскіе подарки не только учащимся (ихъ было 34 человекъ), но и другимъ приходившимъ на праздникъ дѣтямъ (всего 53-мъ), а болѣе нуждающимся пріобрѣталась одежда или обувь. Съ января 1928 года, по ходатайству родителей, школа принята въ вѣдѣніе *мѣстной Академической группы*, подъ именемъ Русскихъ Курсовъ для дѣтей. Эти курсы, кромѣ получавшагося школою пособія отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, получили пособіе и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что позволило оплачивать всѣхъ сотрудниковъ, кромѣ завѣдующаго, должность котораго, согласно уставу, не соединена съ матеріальнымъ вознагражденіемъ.

И. И. Лаппо.

III. О БОЖЕСТВЕННОМЪ ПРОВИДѢНІИ.

Ты ставишь мнѣ вопросъ, милый Луцилій, почему, если Провидѣніе править міромъ, хорошіе люди претерпѣвають такъ много зла? Никогда ничего злого не можетъ случиться съ хорошимъ человекомъ. Божество относится къ нему по отечески

и крѣпко любить его; но, говорить Оно, надо при помощи труда, страданій и лишеній сохранить этихъ людей сильными, чтобы они получили истинную мощь. Божество не изнѣживаетъ ихъ, оно испытываетъ ихъ, закаляетъ и готовитъ ихъ для Себя.

И если ты видишь, что хорошіе и драгоцѣнные для Бога люди идутъ въ трудъ и потъ по крутымъ тропамъ жизни, то знай, что Божество поступаетъ съ ними такъ, какъ учитель со своими учениками, когда требуетъ больше всего усилій отъ тѣхъ, на которыхъ онъ всего сильнѣе надѣется. Добродѣтель, лишенная противника, становится разслабленной. Счастье, дающееся безъ борьбы, не можетъ выдержать ни одного удара. Но тамъ, гдѣ человѣкъ ведетъ непрерывную борьбу съ препятствіями, — онъ закаляется для ударовъ и не поддается никакой бѣдѣ; и если онъ палъ, то онъ борется еще и на колѣняхъ.

Добродѣтель жаждетъ опасности и помышляетъ о своей цѣли, а не о своихъ страданіяхъ. Что она терпитъ, и то, что она переноситъ — составляетъ часть ея славы. Воины хвалятся своими ранами; радостно говорятъ они о той крови, которую они имѣли счастье пролить. Неудача есть лишь поводъ развить свою внутреннюю силу. Только то дерево сильно и крѣпко, которое часто колеблеть вѣтеръ. Итакъ: это служить на пользу добродѣтельнымъ людямъ, дѣлаетъ ихъ неустранимыми, если имъ приходится долго оставаться среди устрашающихъ обстоятельствъ и спокойно переносить то, что кажется зломъ чело-вѣку, не способному принять и вынести опасность.

Никакой ударъ враждебной судьбы не можетъ поколебать душу сильнаго чело-вѣка. Онъ остается боеспособнымъ и, что бы ни случилось, онъ умѣетъ использовать случившееся для своей цѣли, ибо онъ сильнѣе всего того, что идетъ извнѣ; я не говорю, что онъ этого не чувствуетъ, но онъ преодо-лѣваетъ это и смотритъ на всѣ непріятности и препятствія, какъ на упражненія. Почему я знаю, какую бодрость ты сможешь противопоставить бѣдности, если ты всю жизнь утопаешь въ богатствѣ? Какъ я узнаю твою твердость въ борьбѣ съ позоромъ, клеветою и народною ненавистью, если ты достигъ старости среди рукоплесканій? Не трепещи же передъ тѣмъ, что Божество посылаетъ тебѣ въ видѣ духовнаго зова и поощренія.

Добродѣтельные люди быются и трудятся, приносятъ жертвы и сами становятся жертвами и притомъ не противъ ихъ собственной воли; судьба не влечетъ ихъ, они идутъ за нею сами и идутъ съ нею въ ногу. Я не испытываю принужденія, я не терплю ничего противъ моей воли; моя преданность даже не есть служеніе, но согласіе съ Богомъ во всемъ.

И такъ Божество закаляетъ, испытуетъ и научаетъ тѣхъ, кого любить.

Сенека.

Къ русскимъ гражданамъ.

Посильное участіе въ дѣлѣ подготовки русскаго юношества за-
границей къ предстоящему ему отвѣтственному служенію Россіи
— гражданскій долгъ всѣхъ за рубежомъ. Вы всѣ знаете без-
отрадное положеніе и высшей, и средней, и низшей школъ въ
СССР, используемыхъ, главн. образомъ, въ качествѣ одного изъ
орудій коммунистической партіи. Однимъ изъ ужасныхъ послѣд-
ствій этой системы является отсутствіе опытныхъ молодыхъ ра-
ботниковъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства въ Россіи,
вынуждающее совѣтскую власть приглашать иностранныхъ тех-
никовъ, давать иностранцамъ концессіи и все болѣе закабалять
Россію и матеріально, и морально. Мы обязаны всячески парали-
зовать это страшно опасное для нашей родины положеніе вещей
и готовить здѣсь, во время нашего вынужденнаго пока пребыванія
заграницей, кадры работниковъ для будущей Россіи. Дѣло это и
поставлено, какъ Вы знаете, въ довольно широкомъ масштабѣ:
свыше 5 000 русскихъ студентовъ уже окончили курсъ ученія въ
высшей школѣ и примѣняютъ свои знанія пока заграницей, прак-
тически совершенствуясь, около 4 000 еще учатся. Въ этотъ счетъ
не входятъ еще тѣ 6—7 тысячъ юношей, которые проходили и
проходятъ школу заочнаго обученія, работая одновременно въ
какой-либо отрасли народнаго хозяйства заграницей.

Израсходовано на это дѣло свыше двухсотъ милліоновъ фран-
ковъ. Но намъ устаютъ помогать и правительства, и обществен-
ныя организаціи, и частные жертвователи, а дѣло необходимо до-
вести до конца.

Настоящій годъ, въ этомъ отношеніи, особенно тяжелъ. Цен-
тральному Комитету необходима срочная поддержка и я считаю
своею обязанностью обратиться ко всѣмъ русскимъ заграницей,
напомнить имъ объ ихъ гражданскомъ долгѣ и просить каждого
изъ нихъ внести въ Центральный Комитетъ по обезпеченію выс-
шаго образованія русскому юношеству заграницей (79, Boulev.
St.-Michel, Paris 5^e) свою лепту, въ предѣльной возможности каж-
даго, не стѣсняясь ея размѣромъ, адресуя свое пожертвованіе по
указанному выше адресу на мое имя, и привлекая къ пожертво-
ваніямъ и иностранцевъ.

Сейчасъ идутъ недѣли сбора на дѣтей, на инвалидовъ и проч.
Прекрасные сборы, нельзя забыть и объ этихъ святыхъ цѣляхъ,
но въ то же время нельзя забывать и объ одной изъ самыхъ глав-
ныхъ—о помощи русской учащейся молодежи, о подготовкѣ участ-
никовъ будущаго строительства въ имѣющей вскорѣ возродиться
Россіи.

Не обращаясь къ этимъ способамъ сбора и не желая конкури-
ровать съ ними, я рѣшилъ просто обратиться путемъ печати къ
уму и сердцу русскихъ гражданъ, любящихъ свою родину и вѣ-
рящихъ въ ея скорое возрожденіе. Помогите дѣлу подготовки рус-
скаго опытнаго и знающаго людскаго матеріала, необходимаго для
обезпеченія матеріальной и духовной независимости будущей
Россіи.

Михаиль Федоровъ.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освободительной борьбы и славянской взаимности.

Редакціонный комитетъ: К. І. Зайцевъ, Лоллій Львовъ,
С. С. Ольденбургъ, Глѣбъ Струве, Н. А. Цуриковъ.

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи П. Б. СТРУВЕ.

Paris (V). 9. rue Le Goff. „La Russie et le Monde Slave“

„ЗА РОССІЮ“

Журналъ Національнаго Союза Русской Молодежи за рубежомъ

Подписка принимается у А. А. Браунеръ

Бѣлгарія. Русе. Духовно-Възрожденіе № 38

Цѣна за 1 книжку за границей 10 амер. центовъ

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ВѢСТНИКЪ“

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія)

Освѣщеніе церковной жизни въ совѣтской Россіи; хроника анти-религіозной пропаганды. Отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи. Восемь разъ въ году „Вѣстникъ“ выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Религіозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теоріи и практики современной религіозно-педагогической работы.

Цѣна журнала 30 франковъ въ годъ, отдѣльный номеръ 3 франка.

Требуите бесплатно пробные номера.

Адресъ редакціи: 10, Boulevard Montparnasse. Paris-XVe.

3-ій годъ изданія **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 3-ій годъ изданія
на 1930-ый годъ на иллюстрированный историческій журналъ

„РОДНАЯ СТАРИНА“

издающійся Старовѣрческимъ Кружкомъ ревнителей старины подъ редакціей И. Н. Заволоко

Цѣна на 1 годъ — 1,50 ам. доллара
на 1/2 года — 0,80 ам. долл.

Журналъ выходитъ самостоятельными
выпусками каждыя три мѣсяца.

Адресъ редакціи: Latvija. Riga. Drabužu iela 10a. I. Zavoloko

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 15, PARISER STR. 12 Gts. II
Herrn A. von Bunge.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть книжекъ 1,60 ам. долл. съ пересылкой.

Всѣ денежные и заказные пакеты
для редакціи журнала просятъ направлять
въ адресъ редакціи,
но исключительно на имя А. И. Бунге
A. von BUNGE.

При всякомъ иномъ адресованіи, почта
не выдаетъ отправленій и возвращаетъ
ихъ обратно.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ **ЮГО-СЛАВІИ** журналъ можно выписывать
черезъ Представительство **Н. А. Павловскаго**
Новый Садъ, ул. Змая Іовановича 25;

въ **ПОЛЬШѢ** представителемъ является
книжный магазинъ „Добро“
Krakowskie przedmiescie 53;

въ **ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ**
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

98

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin

Neue Redaktionsadresse:

Berlin W 15, Pariser Straße 12 Gts. II

VERLAG „RUSSISCHE GLOCKE“

Inhaber: I. Iljin.